

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ LV

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ LV

1894

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1894

СОДЕРЖАНІЕ.

ЯНВАРЬ, 1894 г.

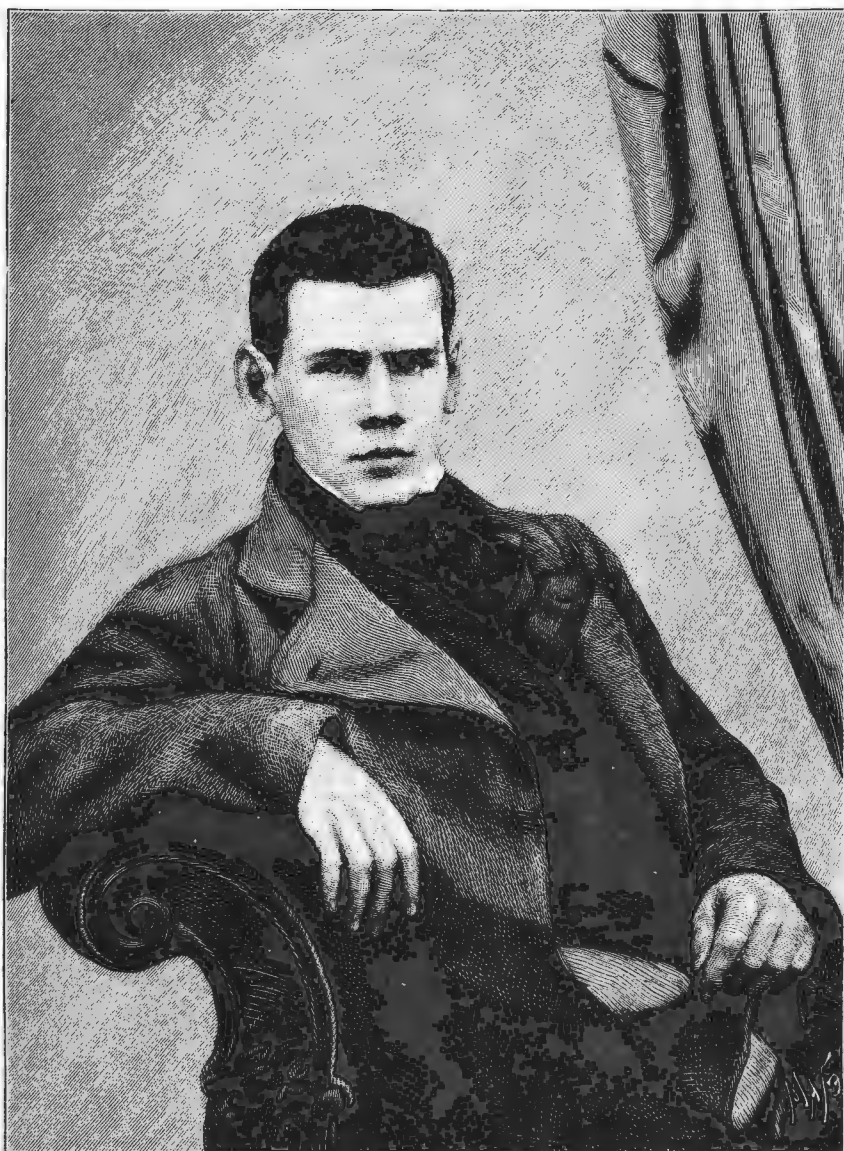
	стр.
I. Via facti. Историческій романъ (1771—1773 гг.). I—IV. Графа Е. А. Салиаса	5
II. Воспоминанія М. О. Каменской. I—II.	32
Иллюстрація: Горельефъ, изображающій графа О. П. Толстаго, его жену и дочь.	
III. Погровоженныя тѣни. Емельяновскія узницы. С. Н. Терпигорева.	59
IV. Графъ Л. Н. Толстой и его студенческіе годы. (Посвящается графу Льву Николаевичу). Н. П. Загоскина	78
V. Воспоминанія артиста А. А. Нильскаго. I—III.	125
VI. По ступенямъ «Божьяго трона». (Изъ дневника). Г. Е. Грумъ-Гржимайло	147
Иллюстрація: 1) Моренное озеро у подошвы Богдо-ола.—2) Старая кумирня на берегу озера.	
VII. Люди стараго времени. (I. В. И. Любичъ-Романовичъ. II. Художникъ Яценко. III. Поэтъ Бахтуринъ). К. Н. Макарова	164
VIII. Вырожденіе или невѣжество? Р. И. Сементковскаго	177
IX. Французская королева Анна Ярославна. В. А. Тимирязева	198
Иллюстрація: Факсимиле подписи королевы Анны Ярославны.	
X. Сонъ Рылѣвой. В. Савицкой	210
XI. Николай Саввичъ Тихонравовъ. (Некрологъ). В. Б.	215
Иллюстрація: Николай Саввичъ Тихонравовъ.	
XII. Зола дома	222
Иллюстрація: Зола въ своемъ кабинетѣ.	
XIII. Критика и библіографія	232
1) Д. О. Бѣляевъ. Ежедневные и воскресные приемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи въ IX—X вв. Спб. 1893. Н. Лихачева.—2) Николай — онъ. Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства. Спб. 1893. С.—3) Главныя теченія литературы девятнадцатаго столѣтія. Лекція, читанная въ Копенгагенскомъ университетѣ г. Брандесомъ. Переводъ В. Невѣдомскаго (съ нѣмецкаго изд. Ад. Штротдмана). Англійская литература. Москва. 1893. А. К—ва.—4) Иллюстрированная жизнь животныхъ по Бремю и многимъ другимъ источникамъ въ популярномъ изложеніи Эльпе. Домашняя кошка. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1893. А.—5) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томы 84, 85, 86, 87. Спб. 1893. А. Л.—6) В. Миткевичъ. Казачья лава. Спб. 1893. П. Ш.—7) Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ. Изслѣдованіе Василья Васильева. Москва. 1893. В. Б.—8) А. Д. Твердохлѣбовъ. Столѣтіе Ахтырскаго уѣзднаго училища (1790—1890). Изданіе Харьковскаго губернскаго статистическаго комитета. Харьков. 1893. Н. О.—9) Русская историческая библіографія. Указатель книгъ и статей по всеобщей и русской исторіи и вспомогательнымъ наукамъ за 1800—1854 г. включительно. Томъ III. Составилъ В. И. Межовъ. Спб. 1893. С. А—ва.	

См. слѣд. стран.

XIV. Историческія мелочи	СТР. 247
1) Корреспонденція египетскихъ фараоновъ.— 2) Апостоль свободы совѣсти въ XVI столѣтіи.— 3) Первый гражданинъ Швейцарской республики.— 4) Два историка.— 5) Разсказъ Гизо объ участіи Россіи въ сооруженіи гробницы Наполеона.— 6) Наполеонъ на сценѣ.— 7) Зала засѣданій Парижской палаты депутатовъ.— 8) Смерть Тиндала.	
XV. Заграничныя историческія новости	263
XVI. Смѣсь	275
1) Сорокалѣтняя годовщина Синопской битвы.— 2) Дубинка Петра Великаго.— 3) 125-ти-лѣтіе оспопрививанія въ Россіи.— 4) Шестидесятилѣтіе государственной дѣятельности графа Д. А. Милютина.— 5) Новый докторъ русской словесности.— 6) Историческое общество.— 7) Могила Ермолова.— 8) Музей Лихачева.— 9) Премія Чихачева.	

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ графа Л. Н. Толстого.— 2) Подъ тѣнью меча. (The Shadow of the Sword). Романъ изъ эпохи Наполеона I. Роберта Бука-нана. Переводъ съ англійскаго. I—VI.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой въ 1848 году.

дозв. ценз. слѣд., 15 декабря 1893 г.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1894 году
(ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается въ 1894 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія четырнадцать лѣтъ (1880—1893).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ.

СЪ 52 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ЦѢНА 3 РУБЛЯ.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 г.—Вѣнценосный хирургъ.—Петръ Великій въ Дептфордѣ.—Императорскій титуль.—Первые балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карликовъ.—Московскій маскарадъ въ 1722 году.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ.—Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны.—Березовскіе ссыльные.—Дочь Бирона.—Убійство Синклера.—Холмогорская старина.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.—Русскій чудакъ XVIII столѣтія.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Кирияново, дача княгини Дашковой.—Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 г.—Пѣвица Габриелли.—Подпоручикъ Федосѣевъ.—Семейное преданіе.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Мнимое завѣщаніе Петра Великаго.—Кладбищенская литература.

Лица, выписывающія эту книгу чрезъ контору «Историческаго Вѣстника» (Спб., Невскій просп., 38), за пересылку ничего не платятъ.

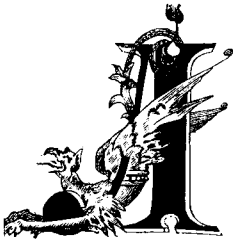

VIA FACTI.

Историческій романъ.

(1771—1773 гг.).

I.

УНА СТОИТЬ высоко въ небѣ. Стужа и сырость осенней ночи будто уже подсказываютъ, что скоро начнетъ плакать небо отъ зари до зари по умирающей природѣ, собираясь одѣвать ее въ бѣлоснѣжный саванъ.

Сквозь легкій туманъ, низко ползущій по дремлющей окружности, глухимъ проселкомъ тихо движется всадникъ. Измученный конь идетъ, тяжело ступая и опустивъ голову, и только отъ сильныхъ ударовъ нагайки подбирается и пускается рысцей. У всадника на боку болтается карabela—кривая сабля—и за поясъ заткнута пистолеть. Стало быть, онъ шляхтичъ.

Дорога пустынна. Всюду тишь... Но вотъ невдалекѣ показалось что-то... На двухъ волахъ тащится длинная фура, и на передкѣ дремлетъ старикъ хлопъ.

— Гэй! Ты! Быдло!—окликнулъ его всадникъ.

Крестьянинъ очнулся, выпрямился и осмотрѣлся.

— Далекко-ль еще тутъ до города, до Люблина?

— Мили двѣ, а то и полторы мили, пане,—слѣшнить отозваться крестьянинъ и соскакиваетъ съ фуры.

Всадникъ распросилъ, какъ проѣхать, не сбиться, гдѣ какіе повороты, какія урочища...

— Все прямо, пане. Только у трехъ крестовъ возьметъ панъ лѣвѣе и завидитъ огни городскіе..

— А ну-ка, подойди. Ближе, ближе! Ну!

Крестьянинъ сталъ у самаго стремени, шляхтичъ протянулъ руку, снялъ съ него шапку и сталъ разсматривать ее.

— Совсѣмъ никакъ новая?

— Такъ точно, пане. Продалъ въ городѣ возъ соломы, да вотъ купилъ сапоги да шапку, торговалъ тоже хомутъ, да только не...

— Что даль?

— Двѣнадцать золотыхъ.

— Не дорого. Ей-ей, не дорого.

Шляхтичъ бросилъ поводья, снялъ свою шапку лѣвой рукой, а правой надвинулъ себѣ на голову новую.

— Какъ разъ. И теплая,—смѣясь вымолвилъ онъ.

И, поправивъ набекрень, онъ прихлопнулъ ее ладонью и прибавилъ:

— На зиму—дѣло доброе!

Затѣмъ шлепнулъ хлопу на голову свою шапку и воскликнулъ дружески:

— На, вотъ, дѣдъ. Эта тридцать золотыхъ мнѣ стоила. Девять лѣтъ ей скоро. Донашивай и памятуй обо мнѣ...

— Какъ же, пане... Побойся Бога!—взмолился старикъ.—Постой! Какъ же? Что ты?

— А этого гостинца хочешь! — крикнулъ шляхтичъ и, шутя хватаясь за саблю, двинулъ лошадь.

— Грѣхъ, пане... Отдай! Отдай, пане!—побѣждалъ хлопу за всадникомъ, крича дряблымъ, слезливымъ голосомъ.

— А, ну, кто кого перегонитъ!—разсмѣялся шляхтичъ и, поднявъ коня нагайкой въ галопъ, скоро исчезъ въ туманѣ.

Старикъ остался среди дороги и разглядывалъ шапку. Она была старая, заношенная и съ дырой. Онъ швырнулъ ее объ землю, затѣмъ, постоявъ, поднялъ, потомъ поохалъ и надѣлъ на голову...

— И за то спасибо—про сапоги забылъ!

Яркая луна все стоитъ высоко надъ землей, но будто мчится по сѣрому небу, скользя и ныряя въ плотно-круглыя желтоватыя облака, клубами и причудливыми фигурами усѣявшія небо.

Бѣлесоватымъ мерцающимъ свѣтомъ обливаешь она маленькую деревушку. Она же, бросая сюда блѣдные лучи, будто скупится освѣщать глушь и убогость, или разоренныя хижины, валящіяся на бокъ, съ дырявыми крышами, печально принимаютъ на себя серебрястыя лучи? Но весь поселокъ смотритъ тускло и уныло, и мертвая тишь царитъ повсюду.

Но вот въ полѣ раздаются голоса, громкіе и буйные. Съ полдюжины вооруженныхъ верховыхъ вѣзжаютъ въ улицу. Мальчуганъ, только-что случайно выбѣжавшій на крылечко избы, повнѣе и побольше остальныхъ, увидалъ ночныхъ гостей и шаркнулъ обратно въ горницу.

— Мама! Тата!—кричитъ онъ.— Жолнеры! Жолнеры!

Все сразу поднялось на ноги, и восемь душъ, мужчины и женщины, одна восьмидесятилѣтняя старуха, молодой парень и двое дѣтей, всѣ съ просонья, но будто уже по навыку и обычаю, сразу бросились во дворъ, потомъ на задворокъ. Все разсыпалось и попряталось.

Всадники спѣшили, ворвались въ избу, не нашли никого, зря пошарили и двинулись въ другую, затѣмъ въ третью. Всюду хлопотали они, собирая въ мѣшки, что попадалось пригодное подъ руку. Обыватели, застигнутые во снѣ, тупо глядѣли и покорно отдавали, что и спрятано было.

— Мы патріоты. За васъ бьемся съ москалями и съ измѣнниками отечества. Жизнь отдаемъ. А вы, подлые, жалѣете коркой хлѣба подѣлиться,—кричалъ одинъ изъ шайки.

Обшаривъ нѣсколько избъ, гдѣ половина хлопотъ молча и трусливо повиновалась, а другая—попряталась, ночные гости потребовали указать, которая изба старой Халявы. Она оказалась первой, гдѣ всѣхъ предупредилъ мальчуганъ. Вернувшись туда, шайка не нашла попрежнему никого и стала усердно шарить повсюду. Они искали чего-то, не бѣлье, не рухлядь...

Старая Халява—богачка! Сказываютъ, что у нея сотни двѣ дукатовъ скоплены, лежать. Проболтался въ этомъ одинъ изъ ея родственниковъ, поступившій къ нимъ конфедератомъ.

Обшаривъ задворки, молодцы нашли старуху и парня лѣтъ двадцати.

— Гдѣ деньги? Подавай деньги, старая собака!

Старуха, полуживая отъ страха, отвѣчать не могла. Молодцы подступили къ парню. Онъ взвылъ и клялся, что ничего не знаетъ.

— Тащи его!

И парня поволокли за околицу вѣшать на большомъ деревѣ.

— Приноси деньги живѣй, старая! Не успѣешь—повѣсимъ внученка.

И черезъ нѣсколько минутъ на дорогѣ, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ крайней избы, молодцы уже распорядились, пристроили петлю на сукѣ и накиннули на шею парню. Онъ отчаянно вопилъ на всю окрестность, метался и рвался... Все селеніе поднялось на ноги и бѣжало, но не на помощь, а въ разныя стороны, прятаясь гдѣ попало. Вскорѣ парень былъ вздернутъ и въ судорогахъ вертѣлся на веревкѣ, а палачи собирались вернуться за старухой...

На деревнѣ раздался топотъ. Скакаль отрядъ уланъ, дюжина солдатъ со взводнымъ унтеръ-офицеромъ. Молодцы, расправившіеся съ хлопомъ, завидѣли, ахнули. Спасаться нельзя, лошади остались на дворѣ дальней избы. Всѣ бросились отъ дерева вразсыпную, но уланы уже увидѣли и сообразили недоброе ночное дѣло: одинъ повѣшенъ, другіе бѣгутъ по полю.

— Лови!—раздалась команда.

И въ нѣсколько минутъ три молодца были пойманы и приведены.

— Что вы тутъ творите, разбойники?

— Судъ чинимъ! Посланы изъ города воеводой.

— Врете, псы! Вы конфедераты! Видите, что мы изъ королевскаго войска, такъ, понятно, не сказываетесь. Сказывай, конфедераты вы, или нѣтъ?

— Нѣтъ, пане!—быль общій отвѣтъ.—Вотъ тебѣ Богъ!..

— Руби старшаго!—скомандоваль взводный.—Снимай тѣло, и второго въ ту же петлю приладь. А третьяго отпустимъ, чтобы оповѣщаль, какъ королевскіе слуги наказываютъ грабителей конфедератовъ, мучителей подданныхъ его величества, короля.

Три улана спѣшились и распорядились.

По командѣ одинъ изъ конфедератовъ упалъ изрубленный саблями, другой, прилаженный въ ту же петлю, изъ которой вынули парня, барахтался въ тѣхъ же судорогахъ, третьяго пустили бѣжать по полю, и взводный, ради потѣхи, выпалилъ по немъ вслѣдъ. Остальные уланы, не спѣшиваясь, окружили повѣшеннаго и глазѣли.

— Въ дорогу!—крикнулъ унтеръ-офицеръ.—Стройся. Живо.

Но по деревнѣ, стуча колесами, уже мчалась бричка и въ ней двое военныхъ. Выѣхавъ и поровнявшись съ уланами, бричка круто остановилась.

— Что тутъ такое?—воскликнулъ одинъ изъ военныхъ, поднимаясь и стоя въ бричкѣ.

Взводный хотѣлъ было отвѣтить бранью или шуткой, но присмотрѣлся и разглядѣлъ русскіе мундиры. Онъ пришпорилъ лошадь, подѣхалъ къ бричкѣ и выговорилъ:

— Грабителей конфедератовъ разсудили мы. Они тутъ грабили на деревнѣ и повѣсили крестьянина.

Военные вышли изъ брички и подошли къ дереву. Два трупа лежали на землѣ, изъ которыхъ одинъ въ лужѣ крови, третій висѣлъ и все еще медленно крутился на развивавшейся веревкѣ.

— Что же это такое?—воскликнулъ на ломаномъ польскомъ языкѣ молодой челоувѣкъ въ гвардейскомъ мундирѣ.—Вѣдь это неслыханное самоуправство. То и дѣло наталкиваешься на такое. Какъ твое имя и котораго полка?

Взводный унтеръ вѣжливо назвалъ и назвалъ свой полкъ.

— Ну, команду отправь до мѣста одну, а самъ ступай за нами

до города! Я тебя сдамъ начальству. Нельзя эдакое злодѣйство оставлять безнаказанно.

— Нѣтъ, я не поѣду! Вотъ что! дерзко, хотя и смущенно, отозвался унтеръ.

— Нѣтъ, ты поѣдешь!—повелительно крикнулъ другой офицеръ, дотолѣ молчавшій.—Выбирай самъ. Поѣдешь за нами—я тебя сдамъ подѣ арестъ на мѣсяць или два. Не поѣдешь—я самъ завтра же буду просить командира королевскихъ войскъ, пана Браницкаго, тебя разстрѣлять. Я же капитанъ русской гвардіи, служу по особымъ порученіямъ при резидентѣ російской императрицы. Понялъ, съ кѣмъ дѣло имѣешь? Выбирай.

Офицеры отошли, снова сѣли въ бричку и двинулись. Королевскій уланъ поглядѣлъ имъ вслѣдъ, подумалъ и ругнулся. Затѣмъ, приказавъ отряду ѣхать домой, онъ пришпорилъ коня и поскакалъ за бричкой.

— Москаль—не свой братъ!

Та же луна, будто играя съ клубящимися по небу облаками, любовно сверкающимъ блескомъ озаряетъ стѣны королевскаго замка. Не смотря на поздній часъ ночи, ярко сіяютъ окна замка, но зато все уже темно въ домахъ, выходящихъ на площадь. Улицы столицы пустыньны, изрѣдка только проѣзжаютъ экипажи] запоздавшихъ въ гостяхъ магнатовъ и пановъ.

Въ большой комнатѣ, раздѣленной бѣлыми мраморными колоннами, пышно, богато, пестро и затѣйливо перемѣшались бархатъ, атласъ и бронза, золото и серебро, и стоитъ на возвышеніи большая кровать подѣ великолѣпнымъ лазоревымъ балдахиномъ.

Въ углу, близъ окна, освѣщенная канделябромъ, стоящимъ на мраморной колоннѣ, лежитъ на кушеткѣ черноокая красавица. Передъ ней на креслѣ сидитъ безъ кафтана, въ одномъ голубомъ атласномъ камзолѣ, изящный и элегантный красавецъ, на видъ лѣтъ тридцати, съ женоподобнымъ лицомъ, съ большими свѣтлыми глазами, мягко свѣтящимися изъ-подъ бровей напудренного парика; снятый кафтанъ брошенъ рядомъ на стулѣ.

Снѣжно-бѣлыя и нѣжныя руки его держатъ мандолину. Онъ граціозно щиплетъ струны тонкими пальцами, на которыхъ блестятъ крупные брилліанты, и звучно, страстнымъ голосомъ, поетъ итальянскую баркароллу своего сочиненія.

Юная красавица внимательно прислушивается. На лицѣ ея написаны восторгъ и наслажденіе, но въ глазахъ умныхъ и лукавыхъ будто свѣтится тайная усмѣшка, которой пѣвецъ не видитъ и не замѣчаетъ.

— Vieni! Vieni, mio bel'idol! — поетъ онъ, любовно прислушиваясь къ своему голосу и самъ уиваясь звуками его.

Кончивъ баркароллу, онъ снова ударяетъ по струнамъ, хочетъ начать другое, но красавица останавливаетъ его.

— Assez, mon ami! Уже поздно! Мнѣ пора домой. Да и вашему величеству спать пора.

— Пустое, mon ange...

— Мужъ вернется въ полночь непременно, и мнѣ надо быть дома. Иначе ты знаешь...

— Все пустяки! Подожди! — настаивалъ король. Но вдругъ, кладя въ сторону мандолину, онъ улыбается такъ же лукаво, какъ сейчасъ улыбалась красавица, и прибавляетъ:

— Да, правда. Пора, пани...

Онъ вспомнилъ, что въ половинѣ перваго у него назначено свиданіе съ другой такой же красавицей. Но эта тайкомъ отъ мужа приѣзжаетъ сюда уже третій мѣсяцъ, а къ той онъ долженъ самъ слѣзть на чудное свиданіе—первое...

А «первое» свиданіе для Станислава-Августа — это предвкусеніе рая. За инсе можно частицу своего королевства отдать! А сегодняшнее, назначенное въ полночь, онъ уже двѣ недѣли нетерпѣливо ждетъ. «Она» лишь недавно, годъ назадъ, вышла замужъ за молодого магната, по любви. А теперь уже побѣждена поэтомъ-монархомъ.

Въ карманѣ его кафтана, брошеннаго теперь на стулъ, уже готовъ сочиненный имъ мадригалъ съ звучными дивными римами, въ которомъ онъ воспѣваетъ богиню любви и новую возлюбленную... Новую, по которую? Трехсотую? Тысячную? Онъ самъ не знаетъ и не помнитъ.

Станиславъ поднялся и всталъ въ нерѣшительности. Ему страстно хочется прочесть свое стихотвореніе, которое такъ чудно вылилось изъ его души. Но вѣдь оно написано той, къ которой слѣзть онъ на первое свиданіе. Не все ли равно? Можно сказать, что оно написано этой чернобровой красавицѣ... А если она вдругъ, и это непременно случится, попроситъ мадригалъ себѣ на память?...

Раздумье короля было рѣзко прервано. На улицѣ раздались крики, лязгъ оружія, потомъ выстрѣлъ. Онъ подошелъ къ окну и глянулъ на площадь.

Налѣво на углу трое человѣкъ гнались за четвертымъ. Бѣгущій, не видя спасенія, взбѣжалъ на крыльцо дома и, прислонясь спиной къ дверямъ, сталъ лихо, твердой рукой, отбиваться саблей отъ трехъ сабель. Враги налѣзали. Оружіе бряцало, визжало и блистало въ лунномъ свѣтѣ. Но вдругъ подбѣжалъ еще одинъ, и сверкнувъ грохнули два выстрѣла, глухо огласивъ спящія улицы. Отбивавшійся, сраженный на смерть, свалился и грузно покатился по ступенямъ крыльца. Убійцы, всунувъ сабли въ ножны, спокойно оглядѣли трупъ и затѣмъ, громко разговаривая, не слѣша двинулись къ углу Краковского предмѣстья.

Станиславъ обернулся къ гостѣ и выговорилъ досадливо:

— Почти подь моими окнами... Какая дерзость!

— Убили?—холодно отозвалась красавица.—Странно это? Уже почти съ годъ какъ это началось. Ты бы, право, предпринялъ что нибудь, приказалъ бы... Я съ рожденья не запомню подобнаго въ столицѣ.

— Я? Что же я могу, когда даже Сальдернъ не можетъ справиться ни съ чѣмъ и ни съ кѣмъ!

— Вѣдь по улицамъ Варшавы по вечерамъ опасно пѣшкомъ ходить.

— Да. И даже очень опасно!—оживился Станиславъ.—Я даже самъ, mon ange... Самъ, когда выѣзжаю безъ конвоя, то опасуюсь... О! я увѣренъ. Я предчувствую. Я вижу!...—какъ-то восторженно, будто хвастаясь, прибавилъ онъ.—Предчувствіе говоритъ мнѣ, что я буду непремѣнно вскорѣ убить моими врагами. Я пролью мою неповинную кровь, паду жертвой моей любви къ отечеству. Однако, mia cara, тебѣ пора!—прибавилъ онъ, глядя на стѣнные часы.—Скоро полночь.

Красавица поднялась съ кушетки, подошла, обвила возлюбленнаго руками, поцѣловала и стала нѣжно спрашивать: вѣренъ ли онъ ей? все также ли любить? или уже измѣнилъ?..

Онъ божился, страстно клялся и думалъ, косясь на часы:

— «Les femmes sont toutes — les mêmes». Однако, въ половинѣ перваго я общалъ уже быть тамъ... А надо еще перемѣнить парикъ и весь костюмъ».

— Скажи, mon adoré, если мужъ наконецъ догадается...

— Ну... Это обычный финаль...

— Что тогда, однако?..

— Ничего. Станетъ моимъ заклятымъ врагомъ. А ихъ, cara mia, такое множество, что однимъ больше, однимъ меньше... Право... Это одна песчинка, принесенная вихремъ и упавшая среди Сахары. Ба! C'est joli... Я на эту тему напишу нынче ночью сонетъ, а завтра же поднесу его тебѣ, mio bel' idol! Однако... Addio. Do vedzenia.

Въ тѣни, будто повернувшись сердито спиною къ яркой лунѣ, стоитъ угрюмый дворецъ съ большими темными окнами. Все тихо въ немъ и давно спитъ, только въ угольной маленькой комнатѣ виденъ тусклый свѣтъ въ окнѣ, но мерцаетъ не на улицу, а во дворъ. Въ комнатѣ, за большимъ столомъ, заваленнымъ бумагами, при двухъ восковыхъ свѣчахъ, сидитъ пожилой, плотный, суровый на видъ человѣкъ, гладко выстриженный и съ легкой просѣдью. Густыя мохнатые брови съ рыжеватымъ отблескомъ, маленькіе быстрые и злые глаза, жирныя отвислыя щеки, большой мясистый носъ, тонкія жесткія губы, и даже, наконецъ, его пухлыя крас-

ныя руки съ короткими и толстыми пальцами, которыми онъ перевертываетъ толстую тетрадь — все въ немъ грубо, вульгарно и отталкивающе... Предъ нимъ, вытянувшись, стоитъ офицеръ въ мундирѣ литовскихъ войскъ, посланецъ напольнаго генерала Огинскаго.

— Я тутъ ничего не пойму!—уже третій разъ повторяетъ сидящій за столомъ.—Дураки, даже писать не умѣютъ. Вы, поляки, скоро разучитесь говорить на своемъ дурацкомъ нарѣчїи.

Уже не первый разъ восклицаетъ это важный сановникъ.

— Форма реляціи требовала, чтобы...—началъ почтительно офицеръ, но сановникъ выпрямился вдругъ, какъ отъ удара, и глаза его гнѣвно блеснули на офицера.

— Гдѣ вы? Отвѣчайте. Гдѣ вы теперь?... Ну-съ!...

Офицеръ растерялся, не понимая вопроса.

— У кого вы? Предъ кѣмъ стоите?

— Предъ вашимъ превосходительствомъ.

— Кто я?—воскликнулъ сановникъ.

— Резидентъ ея императорскаго величества...

— А вы, поручикъ литовскаго войска, двусмысленно и коварно ведущаго себя. Вы! Спица дрянной колесницы... Насѣкомое... Тля... Вы даете Сальдерну совѣты! Послу русской императрицы — указанія?!...

— Простите, ваше превос...

— Молчать!

Офицеръ склонился, какъ-то трусливо мигая глазами.

И сановникъ, перелистывая снова тетрадь, ударилъ кулакомъ по столу.

— Дьяволы! Безмозглые ляхи! Ну, да это все равно,—и онъ отбросилъ тетрадь въ сторону.—Вы свезете ему это письмо гетмана и покажете. Пусть прочтеть! Отъ меня! Это моя месть. Пусть онъ полобуется. Вы скажите ему, что дальше терпѣть невозможно. Поведеніе гетмана двусмысленно. Да, наконецъ, чортъ возьми, мнѣ просто все это надоѣло. Я Огинскому шутить съ собой не позволю, и если онъ самъ не измѣнитъ своего поведенія или здѣсь не вступятся тотчасъ же, то я самъ распоряжусь посвоему. Итакъ, ровно въ полдень ступайте къ нему и передайте письмо гетмана. Въ часъ будьте здѣсь.

— Извините, ваше превосходительство, — заговорилъ офицеръ почтительнымъ шепотомъ,—въ двѣнадцать часовъ... я, право... не знаю... Мнѣ говорили... Никто не рѣшится пойти будить...

— Желалъ бы я поглядѣть, какъ они тамъ посмѣютъ не идти будить, если явится посланецъ отъ моего имени.

— Я доложу-съ, но если придется подождать, то я къ часу не поспѣю къ вашему превос...

— Вздоръ, я вамъ говорю! Что вы оглохли или заражены всеобщей безмозглостью. Вы явитесь не отъ Огинскаго, а отъ Саль-

дерна, и, стало быть, онъ долженъ васъ принять немедленно, тѣмъ паче, что это дѣло спѣшное и государственной важности. Я не позволю никому, хотя бы и не польскому, а литовскому гетману, хитрить и обманывать. Да, наконецъ, важность какая, что одинъ разъ разбудятъ его въ двѣнадцать часовъ! Онъ до четырехъ ночи пропадаетъ гдѣ нибудь на свиданіи съ какой нибудь кривлякой-бабой или дѣвчонкой! Такъ ништо. Ступайте.

Офицеръ почтительно наклонился и двинулся къ дверямъ, но Сальдернъ остановилъ его.

— По дорогѣ на Вильно всѣ ли висѣлицы готовы?

— Кругомъ Варшавы, сказывали мнѣ, по всѣмъ дорогамъ, ваше превосходительство...

— Отвѣчайте на вопросъ, вамъ задаваемый!

Офицеръ молчалъ и снова робко замигалъ глазами, не понимая, что отъ него требуютъ.

— Что я спросилъ... Охъ, тупоуміе. Ну, я повторю. По дорогѣ на Вильно всѣ ли висѣлицы разставлены?

— Точно такъ-съ.

— Ну, вотъ такъ и отвѣчайте. Я безъ васъ знаю, что на другихъ трактахъ онѣ давно готовы. Не слыхали вы, — вдругъ улыбаясь, произнесъ Сальдернъ, — какъ понравилось это господамъ конфедератамъ, которыхъ вашъ гетманъ гладитъ по головкѣ за нашей спиной?

— Не могу знать-съ. Я думаю, что это ихъ устрашить.

— Покуда ни васъ, ни ихъ. А вотъ, когда на этихъ висѣлицахъ появится гарнитура и будетъ танцевать въ воздухѣ, то я думаю, что всѣ негодяи измѣнники опомнятся. Ну, ступайте. Да только помните: не юлить въ замкѣ, не нѣжничать. Помните, что вы отъ моего имени. Ровно къ полдню будьте въ замкѣ и заявите: посоль ея императорскаго величества приказалъ разбудить короля немедленно. А затѣмъ докладывайте и берите у этого болв... ну, у него... записку въ два слова и сейчасъ ко мнѣ... Въ часъ, чтобы вы были здѣсь.

— Ваше превосходительство, а если же.

— Молчать! Въ часъ будьте здѣсь.

Офицеръ вышелъ, тихонько притворивъ за собой дверь, и двинулся темной амфиладой большихъ парадныхъ комнатъ.

Сальдернъ остался за своимъ рабочимъ столомъ, положилъ на него толстую, какъ полѣно, руку, оперся на локоть и произнесъ желчно и раздражительно.

— Негодяи!... Пустоголовые!... Какая дрянь! Какая сволочь! Ни единого порядочнаго, честнаго, смѣлаго... Все подлецы и трусы. Лъстецы и лгуны! Всѣ «падомъ до ногъ»! Тамъ есть! Между тѣми есть люди. Да и какіе же честные и умные люди, истинные патриоты, останутся здѣсь и будутъ терпѣть все это, будутъ якшаться

съ этими пьяными магнатами, съ продажными панами и съ этимъ слабоумнымъ развратникомъ, а особливо со мной—цѣпной собакой русской Семирамиды.

Темъ на землѣ; ни луны, ни звѣздъ, только плотной чередой клубятся облака... Но вдругъ луна, будто рванувшись изъ постылыхъ объятій, смаху выскользнула изъ-за большого желто-сѣраго облака въ видѣ страшнаго дракона, съ лапами, однимъ крыломъ и длиннымъ до горизонта упавшимъ хвостомъ.

И снова яснымъ, жемчужнымъ ликомъ ласково глянула луна на доли и лѣса... и ярко освѣтила улицы небольшого мѣстечка, переполненнаго народомъ и войсками.

Это мѣстечко—Ченстохово, защищенное кругомъ, какъ крѣпость

На главной улицѣ, въ залѣ большого дома, стоитъ длинный столъ, а за нимъ угрюмо засѣдаетъ человекъ десять въ разнообразныхъ, пестрыхъ, фантастическихъ мундирахъ. Всѣ уже давно слушаютъ горячую рѣчь молодого военнаго и смущены этой рѣчью, но говорить онъ на своемъ, а не на ихъ нарѣчьи. Здѣсь собрались главные начальники конфедератовъ: Пулавскій, Заремба, Валевскій, Мазовецкій и другіе; говоритъ французъ, офицеръ Дюмурье. Онъ съ жаромъ, подчасъ грустно, подчасъ съ негодованьемъ и озлобленьемъ въ голосѣ, объясняетъ, что затѣмъ собственно просилъ господъ начальниковъ отдѣльныхъ отрядовъ конфедерации съѣхаться въ Ченстохово, чтобы объявить имъ свое безповоротно принятое рѣшеніе отказаться отъ всего, отъ борьбы съ русскими, отъ руководительства ею и вернуться на родину.

— Я долго наивно надѣялся,—говоритъ онъ,—что вы, господа, переродитесь, отбросите и забудете распри, соперничество и рознь, сомкнетесь и дружнымъ отпоромъ врага спасете ваше отечество... Нѣтъ!.. Все губящее ваше святое дѣло и васъ самихъ есть далеко не случайное, не временное, не наносное, *et n'est pas spontané*. Все это пагубное вамъ присуще, оно унаслѣдованное, національное... Вамъ суждено подъ смертными ударами врага драться между собою. Вы подобны тѣмъ братьямъ въ сказкѣ, которые спорили о правахъ на наслѣдство отца, покуда у нихъ на глазахъ воры уносили его. Я вижу, что Франція напрасно стремится помочь и спасти васъ... Вы обречены на гибель разумнымъ рокомъ... Одно время фортуна была на вашей сторонѣ и отвернулась, покинула васъ... Всякій успѣхъ не воодушевлялъ васъ и не устремлялъ на новые успѣхи, напротивъ онъ усыплялъ васъ. Вы не воспользовались ни одной съ трудомъ одержанной побѣдой... ни однимъ счастливымъ сраженіемъ, ни малѣйшей удачной битвой. А внѣ отечества, въ Европѣ, вы только сумѣли оттолкнуть старыхъ друзей и приобрѣсти новыхъ враговъ. Покуда раненый на полѣ битвы шевелится, хоть молится громко, вороны только

летаютъ и вьются кругомъ, но когда онъ распростертъ и недвижимъ, хищныя птицы спускаются и садятся кругомъ, готовыя заживо расклевать его. Было время, что русскія войска совѣстились громить васъ, считая себя нравственно не въ правѣ дѣлать это, теперь они якобы защищаютъ отъ васъ не одного короля, но и народъ. Было время, и этотъ король готовъ былъ искать съ вами примиренія и передавшись сталъ бы самъ во главѣ побѣдоносныхъ конфедератовъ, спасителей его отъ москалей. Теперь онъ только молить Россію еще горячѣе спасти его родину отъ междоусобицы и защитить населеніе отъ грабителей и мародеровъ... Когда вы были побѣдителями, вы завидовали другъ другу и спорили о первенствѣ... Никто не хотѣлъ повиноваться никому. Вы не внимали даже моимъ дружескимъ совѣтамъ и указаніямъ. Теперь вы говорите, что у русскихъ явился новый талантливый генераль... Пустое! Суворовъ ничѣмъ не извѣстенъ и такой же генераль, какъ и Веймарнъ и Древичъ. Всѣ они равны своими военными способностями. Но сила Суворова въ дѣятельности, неутомимости, рвеніи и простой быстротѣ. Онъ первый русскій генераль изъ тѣхъ, что я знаю, не лѣнивый, не сибаритъ. А вы? Лишь одинъ изъ васъ мечтаетъ о спасеніи родины, а не объ мипурной минутной славѣ среди своихъ согражданъ. Это вотъ господинъ Пулавскій. За то же у него есть и наглядный итогъ его подвиговъ. Мы вотъ сидимъ и совѣщаемся у него въ Ченстоховѣ. Подъ самой Варшавой, онъ у себя, въ укрѣпленіи, и кругомъ его владѣнія... А гдѣ ваши владѣнія, ваши завоеванія?.. Вамъ принадлежить всякое мѣстечко или село, всякое поле и всякій лѣсъ, куда не перемѣстились... И вотъ теперь послѣ ряда поражений, нанесенныхъ вамъ генераломъ Суворовымъ, вы возлагаете все ваше упованіе на деньги умирающаго старика Браницкаго и на войско Огинскаго. Польша надѣется на Литву. Скоро она будетъ надѣяться на Курляндію, которая дастъ сотню чело-вѣкъ волонтеровъ... Очень грустно бросать дѣло, которому посвятилъ всѣ свои мечты и силы впродолженіе двухъ лѣтъ... Но я бросаю все и ухожу... Моя родина нуждается въ людяхъ и скоро, можетъ быть, будетъ въ нихъ нуждаться еще болѣе... Я возвращаюсь въ мое отечество, оставляя г. Пулавскому тѣ деньги Франціи, которыя у меня на рукахъ... На мое мѣсто скоро явится Шуази... Отъ души желаю ему успѣха среди васъ и съ вами... Но сомнѣваюсь. Польша сражена и распростерта, какъ трупъ, и вѣроны уже рѣютъ въ воздухъ, собираясь опускаться на ея грудь.

Наступило молчаніе. На эту рѣчь Дюмурье отвѣчать было нечего. Это была суцая правда. Со дня основанія Барской конфедераціи, за три года, партизанская война съ русскими и съ королевскими войсками не привела ни къ чему... У конфедератовъ не было цѣли, не было плана. Главный импульсъ состоялъ лишь въ

томъ, чтобы сдѣлаться независимыми начальниками и прославить свое имя борца за родину. Вотъ что только было...

Послѣ всеобщаго угрюмага молчанія, заговорилъ Казиміръ Пулавскій.

— Вы правы, — сказалъ онъ. — Правы отчасти... Намъ горсть... У насъ менѣе трехъ тысячъ войска, плохо вооруженнаго. Русскихъ войскъ двадцать тысячъ... Къ нимъ прибавьте Каина, который подымаетъ руку на брата, Ксаверія Браницкаго... Но я вѣрю еще въ успѣхъ... Огинскій скоро станетъ открыто противъ Станислава и русскихъ, а Коссаковскій уже началъ бить ихъ повсюду, гдѣ встрѣчаетъ. Я же ни въ чемъ себя упрекнуть не могу. Я взялъ Ченстохово, Тырнякъ, Калишъ, Ланскрону, и весь лѣвый берегъ Вислы въ моемъ распоряженіи. И я клянусь, что живой не сдамъ Ченстохова ни уланамъ Браницкаго, ни казакамъ Суворова. Мои глаза не увидятъ здѣсь москалей, ибо прежде этой минуты я буду тамъ, гдѣ теперь нашъ незабвенный Савва и мой братъ...

Давно играя съ облаками въ небѣ, будто дразня ихъ и заставляя себя ловить, веселая луна будто сама попалась, утонула и исчезла за огромнымъ облакомъ, захватившимъ полъ-неба. И густая тѣнь легла на окрестность, все почернѣло...

Зато въ одной усадьбѣ, въ ста верстахъ отъ столицы, стало будто еще свѣтлѣе. Всѣ освѣщенныя окна во всѣхъ комнатахъ еще ярче загорѣлись во тьмѣ ночи.

Усадьба молодого пана, который круглый сирота, но уже градскій подстаростій, четвертую ночь сіяетъ и блеститъ въ огняхъ. А гостей ни души... А челядь и даже крестьяне на деревнѣ всѣ на ногахъ. Самъ помѣщикъ, молодой человѣкъ двадцати-пяти лѣтъ, освѣтивъ весь домъ, сидитъ одинъ у себя въ спальнѣ и читаетъ письмо, полученное дня четыре назадъ. Онъ читаетъ его ужъ въ который разъ, въ десятый, и всетаки сердится, а то усмѣхается презрительно.

Пишетъ ему сосѣдъ его, панъ подкоморій, и его бывшій — за малолѣтство — опекунъ, что такъ какъ бывшій питомецъ молоко-сосъ, не согласенъ на его, пана, выгодныя предложенія и пренебрегаетъ его отеческими увѣщаньями, то не нынче-завтра совершить онъ, подкоморій, «наѣздъ» и все имѣніе подстаростія захватить и приобрѣтетъ себѣ. Молодой человѣкъ не испугался, получивъ письмо, ибо панъ подкоморій не магнатъ какой и не Богъ вѣсть какая птица. Рабовъ и челяди у пана не многимъ больше, чѣмъ у него самого.

— Еще потягаемся. Увидимъ, кто кого побѣдитъ! — рѣшилъ молодой помѣщикъ и, вооруживъ своихъ крѣпостныхъ, раздѣливъ на двѣ банды, одну съ ружьями, другую съ простыми «шибнями», также и дубьемъ, сталъ ждать врага и день и ночь.

И вотъ все освѣщено и всѣ на ногахъ и въ усадьбѣ и на деревнѣ. А по границѣ вотчины на дорогахъ поставлены вѣстовщики.

И три дня уже караулить панъ своего врага, и, разумѣется, въ эту ночь надо непремѣнно ждать нападенія и боя.

Около двухъ часовъ ночи въ усадьбу прискакалъ хлопъ и возвратилъ:

— Идетъ цѣлая туча, будто войско. Видно, не одинъ панъ подкоморій идетъ, а съ друзьями, сосѣдними помѣщиками.

И правда, сосѣдъ пригласилъ съ собою еще двухъ сосѣдей, и всѣ трое съ своими крѣпостными двинулись въ «наѣздъ».

Черезъ часъ тихая ночь и уснувшая окрестность огласилась боемъ двухъ враговъ. Лязгъ оружія, пальба, бравые крики и отчаянные стоны—все смѣшалось въ одинъ дикій гулъ.

Но не устоялъ съ своими хлопами молодой панъ подъ натискомъ втрое сильнѣйшаго врага. Лихо и люто бился онъ во главѣ своихъ лихихъ и вѣрныхъ рабовъ... Можетъ быть, и одолѣлъ бы, заставилъ отступить... Но въ самый разгаръ боя... какой-то гайдукъ вражескаго войска наскочилъ на него и два раза выпалилъ въ упоръ... Гайдука сбили съ коня и зарубили... Но молодой помѣщикъ тоже свалился съ сѣдла на руки своихъ, убитый наповалъ двумя пулями.

Черезъ часъ непріятель... три друга помѣщика, уже расхаживали по освѣщенной усадьбѣ и ждали нетерпѣливо заказанный ужинъ. Панъ подкоморій былъ доволенъ. Наконецъ-то дѣло разрѣшилось... Давно хотѣлъ онъ вымѣнить задешево это имѣніе, на другое ему не нужное, но молокососъ упирался, не боясь угрозъ.

— А будетъ все же возня съ трибуналомъ,—говорилъ пріятель пана подкоморія.

— Убили! Вотъ что не хорошо!—говорилъ другой.

— Да. Хлопоты будутъ. Поди, годъ цѣлый придется возиться. А все же таки въ концѣ концовъ все устроится, и имѣнье будетъ наше. Мнѣ кусъ и вамъ двумъ по кусочку.

— Присудятъ насъ въ тюрьму на годъ.

— Пожалуй. Но вѣдь сидѣть-то не придется. Отвертимся. А имѣнье молокососа всетаки—по праву за нами, и легитимациа будетъ совершена по обычаю.

— Какъ бишь эта легитимациа именуется на языкѣ нашихъ меценатовъ и адвокатовъ.

— Называютъ они... Via facti.

II.

Сентябрьское солнце поднималось на горизонтѣ. Утренняя свѣжесть и яркость обѣщали чудный день. Солнце, выступивъ и поднимаясь въ небѣ, разбросало золотые лучи по всей окрестности,

покрыло пурпуромъ лѣсистые холмы, рѣку въ крутыхъ берегахъ, изгибающуюся вокругъ высокаго холма, а на немъ зажегло пунцовымъ пламенемъ стѣны, остроконечныя крыши и шпицы женскаго монастыря сестеръ сакраментокъ.

Мѣсто это было пустынное, голое вокругъ стѣнъ монастырскихъ, но далѣе кругомъ начинались сплошныя лѣса. Въ одну сторону верстъ на сто шла глушь и дичь, за то въ другую—верстахъ въ тридцати становилось все люднѣе вплоть до многолюднаго города Люблина.

Въ монастырѣ было тихо; утренняа служба еще не начиналась; монахини еще не просыпались, за исключеніемъ самыхъ старыхъ и богомольныхъ. Молодыя еще сладко спали и наканунѣ еще обѣщались себѣ проспять елико возможно долѣе, чтобы воспользоваться тишиной праздничнаго дня. За послѣднее время въ обитатели были невыносимый шумъ, но не любопытный шумъ. Это была стукотня, начинавшаяся съ восходомъ солнца, прекращавшаяся около полудня, а затѣмъ длившаяся снова вплоть до сумерекъ. Въ монастырѣ валили старую и уже ветхую деревянную ограду и строили новую, болѣе высокую и надежную.

Отъ этой стройки, продолжавшейся уже недѣли три, не только старыя монахини, но и молодыя совсѣмъ измучились. Плотники простучали имъ головы. Нѣкоторыя старушки, еще въ юности поступившія въ монастырь, уже лѣтъ сорокъ не слышали никакого шума, а тутъ весь день денской, волей неволей, подставляя ухо подъ стукъ и визгъ топоровъ, пилъ и молотковъ.

Самая дряхлая восьмидесятилѣтняя сакраментка—мать Фелицитата, слегла совсѣмъ и собралась умирать, говоря, что у нея внутри, и въ головѣ, и въ груди, стучать какіе-то молоточки. А между тѣмъ работа должна была продолжиться еще по крайней мѣрѣ съ мѣсяцъ и болѣе, такъ какъ монастырская земля, гдѣ были всѣ зданія, дворъ и садъ, вокругъ которыхъ обходила ограда, была довольно обширна. Денегъ тоже не мало надо было истратить на эту новую ограду, а средства монастыря были не особенно велики.

Только прошлой весной помогла дѣлу вновь поступившая молоденькая монашенка, сдѣлавъ сравнительно огромный вкладъ въ монастырь, такъ какъ сама она, сирота, была одна изъ первыхъ богачекъ Рѣчи Посполитой. И вотъ на частицу ея вклада и возвышалась теперь новая высокая и красивая ограда. Жаль было этихъ денегъ игуменьѣ, но дѣлать было нечего.

Времена лихія требовали этой ограды, какъ защиты отъ всего, что творилось въ эти дни въ королевствѣ. Повсюду только и говорилось, что о битвахъ, раненыхъ и убитыхъ; повсюду раздавалось бряцаніе оружія, выстрѣлы ружейные и пушечные, однимъ словомъ наступили тяжелые дни. Магнаты, паны и шляхта, отбивались отъ москалей, но не вполне успѣшно, потому что враждовали

между собой вмѣстѣ дружнаго противодѣйствія и единодушнаго отпора врагу.

Въ такіе дни женскій монастырь въ сравнительно глухомъ мѣстѣ не могъ оставаться съ полусгнившей оградой, въ которой небольшимъ толчкомъ можно было свалить самый большой столбъ.

Около полудня, послѣ утренней службы и обѣдни, во время которой звучно гремѣлъ и гудѣлъ органъ, наполняя своими звуками всю окрестность, доли, холмы, поля и лѣса, сестры-сакраментки скромно и тихо гуляли гурьбой по саду. Такъ какъ старая ограда въ одномъ мѣстѣ была повалена на разстояніи трехъ сажень, а новая еще лежала на травѣ въ видѣ столбовъ, бревенъ и досокъ, то монахини, все больше молоденькія, не спросившись у матери-игуменни, соблазнилились и перешли границу своей обители. Съ трепетомъ и наслажденіемъ озирались онѣ кругомъ на пустынную окрестность. Для нихъ сравнительно и тутъ казалось веселѣе, отраднѣе, вольнѣе.

Въ этой кучкѣ юницъ-сакраментокъ, гдѣ самой старшей было не болѣе двадцати пяти лѣтъ, была одна, къ которой другія обращались ласковѣе, иногда даже почтительно. Высокая, стройная, бѣлокурая, съ большими синими глазами, съ прелестнымъ румянцемъ на нѣжно-бѣлыхъ щекахъ, она была красивѣе всѣхъ. Не смотря на скромное одѣяніе и на уродливый бѣлый чепецъ, красота ея бросалась въ глаза, а, быть можетъ, именно этотъ безобразный головной уборъ еще болѣе оттѣнялъ миниатюрное личико съ совершенно правильными и нѣжными чертами лица.

Монашенка эта лишь недавно, послѣдняя, поступила въ этотъ монастырь и, будучи самой младшей, всетаки пользовалась особымъ снисхожденіемъ старыхъ, почетомъ и лаской молодыхъ. Но не одна миловидность, кротость и веселый полудѣтскій нравъ заслужили это. Главная причина ея исключительнаго положенія заключалась въ томъ, что у нея было огромное состояніе. Кому, казалось бы, какъ не ей, оставаться въ міру, наслаждаться всѣми благами земной жизни, выбрать себѣ любаго изъ самыхъ статныхъ и блестящихъ жениховъ, хотя бы изъ молодыхъ магнатовъ.

Любой Потоцкій, Чарторыйскій, Сапѣга, не только предложили бы ей руку, но отдали бы охотно и сердце, потому что если у нея было много золота, то и сердце ея было тоже золотое.

Главные сокровища ея были не въ кладовыхъ и сундукахъ великолѣпнаго замка на Волыни,—главныя сокровища, которыми она обладала, были на глубинѣ души ея. Такимъ высокопарнымъ, но вѣрнымъ и мѣткимъ образомъ опредѣлила молодую монашенку настоятельница монастыря.

Имя красавицы и богачки изъ древняго шляхетскаго рода было Магдалина Напольская.

Какимъ образомъ семнадцатилѣтняя, красивая, веселая, по ха-

рактору даже шаловливая Магдалина, болѣе, чѣмъ какая либо иная изъ ея сверстницъ, жаждавшая жить, попала въ одинъ изъ самыхъ захолустныхъ и строгихъ монастырей,—было отчасти загадкой. Старыя монахини объясняли поступленіе тѣмъ, что она, будучи круглой сиротой, одинокой на свѣтѣ, безъ отца, матери и какихъ либо близкихъ родственниковъ, пожелала посвятить себя Богу и въ религіи найти утѣшеніе въ своемъ сиротствѣ.

Молодыя монашенки объясняли все совершенно наоборотъ, толкуя и перешептываясь о томъ, что, не будь Магда Напольская круглой сиротой, имѣй защитникомъ хотя одного дальняго родственника, то никогда чужіе люди, разные опекуны, не упрятали бы ее противъ воли въ монастырь, чтобы воспользоваться огромнымъ богатствомъ.

Кто былъ правъ—было неизвѣстно. Что думала объ этомъ Магда, узнать было нельзя. На всѣ вопросы своихъ новыхъ товарищъ и пріятельницъ она не отвѣчала ни слова, не объясняла ничего и только улыбалась, иногда просто и кротко, иногда лукаво, будто съ мыслью, затаенной и лишь нечаянно прорывающейся въ синихъ глазахъ.

Кучка монашенокъ погуляла вдоволь, обошла весь монастырь кругомъ старой и новой ограды. Нѣкоторыя, посмѣлѣе, бѣгали шаговъ за триста къ крутому берегу поглядѣть на синее и блестящее зеркало тихо катившейся рѣки, и затѣмъ всѣ снова черезъ то же отверстіе вернулись въ монастырскій садъ.

Тайная, недозволенная прогулка оживила и развеселила всѣхъ. Вдобавокъ, послѣ давнишней не прекращавшейся стукотни рабочихъ, день этотъ казался еще яснѣе, еще ослѣпительнѣе, небеса были радостнѣе, воздухъ пахучѣе... а завтра, и на всю недѣлю начнется опять нескончаемый грохотъ и стукъ.

Сакраментки разошлись по своимъ кельямъ, и снова всюду стало пустынно, безлюдно и мертво. Скоро солнце, снова золотя окрестности и монастырскія стѣны, опустилось за холмомъ, и сумерки стали надвигаться.

Ночная пелена быстро опустилась и легла на землю, и скоро стало черно, непроглядно, таинственно и страшно. Пасмурная, безлунная ночь съ кой-гдѣ мерцавшими звѣздочками укрыла все, и ужь, конечно, не въ такую пору какая либо изъ сестеръ сакраментокъ рѣшилась бы выйти тайкомъ погулять за предѣлы поваленной монастырской стѣны. Съ тѣхъ поръ, что рабочіе валили и возводили ограду по частямъ, оставляя по неволѣ на ночь открытое пространство, многія изъ молодыхъ монахинь боялись даже дворомъ проходить вечеромъ.

И не мудрено бояться! Въ лѣсахъ окрестныхъ, въ этой глуши водятся звѣри, волки, даже вепри, за которыми охотятся богатые сосѣдніе помѣщики. Кромѣ того, водятся, конечно, и лѣсовики,

пугающіе людей только по ночамъ. На ближайшей рѣкѣ, столь блестящей, тихой и красивой днемъ въ лучахъ солнца, ночью водятся и водяные, водятся и русалки. Не даромъ слышались иногда среди ночной тиши странные звуки, странные крики: не то смѣются тамъ, не то плачутъ.

Но, видно, не всѣ сестры сакраментки одинаково трусливы и малодушны. И межъ ними находятся отважныя или по нраву, или поневолѣ. Въ самую темь, часовъ уже въ десять вечера, когда все въ монастырѣ затихло, замерло и заснуло, около той же груды бревенъ и досокъ, гдѣ была повалена ограда, мелькнула тѣнь. Это была монашенка. Но она такъ робко жалась, такъ озиралась, такъ трепетала и содрогалась душой, что, видно, была отважна въ эту ночь—поневолѣ.

Выйдя за ограду монастырскую, она сѣла на траву, около кучи сложенныхъ новыхъ столбовъ и уюстилась такъ искусно, что въ трехъ шагахъ ея было не видно.

Кругомъ стояла мертвая тишь. Только изрѣдка загадочный плескъ слышался на рѣкѣ, и кто-то жалобно вскрикивалъ. Быть можетъ, пицалъ и взвизгивалъ простой куликъ, подремывая на песчаномъ берегу, и не звалъ, бѣдный, что представлялся иной сакраменткѣ въ видѣ лютаго страшилища и врага человѣческаго.

Монашенка въ тревогѣ и волненіи прислушивалась, напрягала слухъ и зрѣніе на столько, что черезъ нѣсколько минутъ уже услышала что-то и встрепелась. Никто бы, помимо ея, не услышалъ ничего, но она была права.

Прошло нѣсколько мгновеній, и среди окрестной тьмы и тиши явственно раздался конскій топотъ. И такъ какъ мимо монастыря не шло никакой дороги, не было даже проселка, не только столбоваго тракта, а была лишь одна дорога въ монастырь, то этотъ ночной топотъ былъ загадоченъ, необыченъ. Онъ могъ быть услышанъ кѣмъ либо изъ старыхъ монахинь, и, прислушавшись, старая служительница Бога могла бы встревожиться и встревожить другихъ.

Но топотъ конскій вдругъ снова стихъ, а сердце смѣлой монашенки сжалось радостно. Она замерла на своемъ мѣстѣ и стала еще болѣе прислушиваться и приглядываться... И вотъ среди тьмы въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается скатъ кругаго берега къ рѣкѣ, появилась фигура и тихо двигалась прямо къ мѣсту поваленной ограды. Затѣмъ фигура остановилась, пошарила въ карманахъ, и вдругъ изъ рукъ ея около пояса посыпались красныя и синія искры. Появившійся сѣкъ огнивомъ по кремню.

Это былъ условный знакъ. Сакраментка, увидя искры, смѣло поднялась и бѣгомъ бросилась навстрѣчу. Незнакомецъ крѣпко обнялъ ее и, не вымолвивъ ни слова, страстно цѣловалъ. Она закинула руки ему на плечи и отдавала поцѣлуи.

— Янъ, милый, дорогой, я измучилась... Четвертый день...— прошептала она.

— Что дѣлать, милая Магда, нельзя было. Я самъ измучился,— отвѣтилъ онъ.— Все расскажу тебѣ. За то теперь все слава Богу, все налажено, и завтра въ эту же пору мы будемъ здѣсь за рѣвкой. Со мной цѣлый десятокъ друзей, готовыхъ украсть тебя не только изъ монастыря, но хотя бы изъ турецкаго лагеря.

Говоря, они отдалились отъ ограды къ рѣкѣ, спустились немного по скату и, укрытые не только отъ монастыря, но и отъ всей окрестности, сѣли въ густую траву и радуясь, не боясь, заговорили громче.

Молодой человѣкъ, статный, съ звучнымъ голосомъ, съ рѣшимостью и страстью во всякомъ словѣ, во всякомъ движеніи сталъ рассказывать милой, почему запоздалъ онъ, и не явился на условленное свиданіе четырьмя днями раньше. Онъ все устраивалъ и готовилъ. Главной помѣхой были средства, а не робость или лѣнь.

Янъ Илиничъ былъ шляхтичъ безъ всякаго состоянія и даже не имѣлъ ни одного родственника, который бы могъ ему въ важномъ жизненномъ дѣлѣ помочь хотя немного. У него была только старуха мать, лѣтъ шестидесяти, дряхлая, надломленная потерей изъ года въ годъ большой семьи, начиная съ мужа, дочери и кончая пятью сыновьями. Теперь оставался у нея одинъ лишь Янъ, котораго прежде мало любила она, а теперь обожала. Помочь своему сокровищу Яну старушка, конечно, ничѣмъ не могла, да молодой человѣкъ даже не сказалъ ничего матери, боясь напрасно волновать и пугать старушку своей затѣей.

А затѣя его была такова, что могла бы напугать и болѣе молодую, болѣе отважную женщину. Янъ Илиничъ задумалъ жениться на одной изъ первыхъ богачекъ королевства, круглой сиротѣ, но окруженной людьми, которымъ хотѣлось воспользоваться богатствомъ этой сироты и которые, конечно, не станутъ стѣсняться съ кѣмъ бы то ни было, кто явится помѣхой ихъ коварнымъ и злымъ замысламъ. Тѣмъ паче легко имъ потягаться съ полунищимъ «загоннымъ» шляхтичемъ и безродной робкой дѣвушкой. Такихъ въ эти дни, переживаемые Рѣчью Посполитой, можно было стереть съ лица земли, какъ насѣкомыхъ. И враги Магдалины Напольской и Яна Илинича не дремали.

Едва только явилось подозрѣніе, что ничтожный шляхтичъ, изъ числа тѣхъ, что богатые паны загоняютъ на сеймики ради умноженія голосовъ при выборахъ, полунищій смѣльчакъ, не побоялся полюбить знаменитую и богатую дѣвушку и сумѣлъ ей понравиться, опекуны Магдалины тотчасъ отдали ее въ монастырь, выбравъ самый бѣдный въ глуши, а не въ городѣ. Постригаться ее не заставляли покуда, но, разлучивъ съ возлюбленнымъ, надѣялись втихомолку со временемъ насильно заставить ее принять ярасу и дать обѣтъ.

Лихія времена позволяли все... Въ королевствѣ творилось невообразимое. Безурядица, безправіе, борьба съ врагами и междоусобіе, моровая язва—все снѣдало страну, явившись, какъ кара Господня, какъ казнь египетская.

Но эти же лихія времена были на руку и смѣльчакамъ, удалымъ головамъ. Если вчерашній магнатъ сегодня становился ничимъ, терялъ все состояніе, конфискованное чужеземной властью, и бѣжалъ за границу или шелъ въ ссылку... то вчерашній хлопъ, загоновъый шляхтичъ, сегодня въ рядахъ конфедератовъ становился капитаномъ и полковникомъ, могъ стать и богачемъ: кто предательствомъ и продажностью, а кто смѣлостью, энергіей, геройствомъ. И Янъ Илиничъ шелъ на... «панъ или пропаль!» какъ стали говорить въ эти лихіе дни.

III.

Въ старинномъ обширномъ замкѣ пана Владислава Закржевскаго былъ пиръ горой. Уже трое сутокъ, какъ пировали съѣхавшіеся къ нему паны, пріятели, старые и новые, сосѣди и гости изъ дальнихъ провинцій. Ѣхавшіе въ гости паны сами не знали, по какому поводу сзываетъ ихъ Закржевскій, но пускались съ охотой, зная, что попируютъ вволю и вдобавокъ узнаютъ какую-то новую перемѣну въ обстоятельствахъ и дѣлахъ пана, прежде страшно богатаго, а теперь уже сильно разстроившаго свое состояніе.

Съѣхавшись, друзья и пріятели узнали новость. Закржевскій, державшій сторону конфедератовъ, мечтавшій основать новую конфедерацию и дать ей имя своего замка, на свой собственный счетъ сформировать банду челоуѣкъ въ пятьсотъ, созвалъ пріятелей, чтобы отпраздновать совершенно иное, поразившее всѣхъ. Изъ десятковъ съѣхавшихся, около десятка немедленно повернули оглобли и выѣхали изъ замка и изъ помѣстья, не простившись съ хозяиномъ, какъ бы отрясая прахъ отъ своихъ ногъ и обѣщаясь никогда не переступать его порога.

Закржевскій объяснилъ друзьямъ, что, видя бесполезность и вздорность всѣхъ усилій конфедератовъ, онъ рѣшился стать на сторону короля, поступилъ въ уланы съ чиномъ полковника и уже находится подъ командой главнаго начальника королевскаго войска Ксаверія Браницкаго. Причины, побудившія его рѣшиться на такой поступокъ, были неизвѣстны. Оставшіеся гости не полюбопытствовали узнать ихъ, а уѣхавшіе и этимъ порвавшіе дружескія сношенія съ паномъ объясняли новость по-своему: Закржевскій былъ наканунѣ полнаго разоренія и, по всей вѣроятности, продался королю за какую нибудь подачку.

Гости, переполнивъ обширный замокъ Закржевскаго, пировали уже третій день. День проходилъ въ охотѣ, а вечера за картами

и виномъ. Все помѣстье Закржевскаго обветшало и валилось, отъ стѣнъ замка, ограды и службъ, до послѣдней крыши послѣдняго хлопа въ деревнѣ. Но погреба пана были за то въ блестящемъ состояніи: полны верхомъ и могли похвастать сотнями бутылокъ столѣтняго венгерскаго и токайскаго, и всякими иными заморскими винами.

Семья пана Закржевскаго была не велика: жена подъ пятьдесятъ лѣтъ — панна Марія, два сына лѣтъ за двадцать и красивая семнадцатилѣтняя дочь.

Старый, но довольно еще бодрый панъ, видя, что приближается къ полному крушенію, такъ какъ Люблинскіе жида-ростовщики уже перестаютъ доставлять ему деньги, не смотря ни на какія выгодныя условія, помышлялъ только объ одномъ, какъ бы поправить свои денежныя обстоятельства. Но уже года полтора мечталъ панъ объ этомъ безъ всякой пользы. Какая-то незадача была во всѣхъ его предпріятіяхъ.

Самый простой способъ, которымъ Закржевскій думалъ спастись отъ разоренія, оставался лишь одинъ: женить сыновей на богатыхъ дѣвушкахъ и выдать красавицу дочь тоже за какого либо богача. Съ годъ назадъ счастье, казалось, улыбнулось ему. По сосѣдству уже давнымъ давно жила въ маленькомъ помѣстьѣ семья шляхтичей, по фамиліи Дзялынскіе. Это были люди съ весьма скромными средствами — мужъ и жена и тридцатилѣтняя дочь, очень некрасивая и вдобавокъ слегка горбатая.

Закржевскій изрѣдка слыхалъ объ этомъ бѣдномъ сосѣдѣ, но, конечно, нисколько не интересовался имъ. Съ годъ назадъ до него, однако, дошелъ слухъ, что въ усадьбѣ Дзялынскаго появилась красавица дѣвушка, при которой онъ оказался опекуномъ. Это было тоже не любопытно. Но затѣмъ вскорѣ сталъ ходить очень любопытный слухъ, что опекаемая сосѣдомъ дѣвушка — сирота и наследница огромнаго состоянія, богатыхъ помѣстій на Волыни.

Сначала слухъ этотъ показался Закржевскому выдумкой, сочиненіемъ разныхъ болтуновъ, но онъ, всетаки, сталъ собирать свѣдѣнія и, нанявъ съ этой цѣлью въ Люблинѣ ловкаго адвоката, узналъ, что все рассказываемое — суцая правда. Сирота дѣвушка — красавица собой, а состояніе у нея миллионное. Какимъ образомъ появилась она вдругъ въ семьѣ мелкаго и небогатаго шляхтича, объяснялось тѣмъ, что сирота была до сей поры подъ опекой на Волыни, а такъ какъ ея опекунь умеръ, то его замѣстилъ Дзялынскій въ качествѣ якобы родственника и перевезъ юную богачку къ себѣ въ свою убогую усадьбу.

Закржевскій ожилъ. Познакомиться ему, считавшему себя чуть не магнатомъ, съ мелкимъ шляхтичемъ, приласкать его и постараться женить одного изъ двухъ сыновей на богатой сиротѣ — представлялось дѣломъ весьма легкимъ. Будь у Дзялынскаго сынъ,

могъ бы, конечно, оказаться соперникъ, но, по счастью, у опекуна не было такового, и въ этомъ смыслѣ будущность и судьба его питомицы была ему безразлична.

Семьи Закржевскаго и Дзялынскаго стали сразу добрыми друзьями, стали водить хлѣбъ-соль и видались постоянно благодаря сосѣдству. Старшій сынъ, Владиславъ, тотчасъ же сталъ ухаживать за приданницей, и скоро искренно и серьезно влюбился въ красавицу панну Напольскую. Будучи не очень красивъ собой и немножко простоватъ, Владиславъ не могъ очаровать юную Магдалину, однако дѣвушка относилась къ нему довольно милостиво.

Однажды друзья, Закржевскій и Дзялынскій, объяснились откровенно: одинъ сваталъ сына питомицъ другого. Опекунъ отнесся къ дѣлу нерѣшительно, не согласился, но и не отказалъ, ссылаясь на то, что нужно бы обождать совершеннолѣтія Магды, что его права ограничиваются лишь управленіемъ ея огромныхъ помѣстій, разбросанныхъ и въ Великой, и въ Малой Польшахъ.

Дѣло потянулось и затянулось и кончилось тѣмъ, что маленький, худощавый, скромный и тихій, съ маленькими сѣренькими глазками и огромными усами панъ Дзялынскій перехитрилъ високаго, могучаго въ плечахъ, добродушно-буйнаго и легкомысленно откровеннаго пана Закржевскаго.

Въ тѣ дни, когда панъ ожидалъ, что дѣло кончится бракомъ сына Владислава, красавица дѣвушка объяснила своимъ опекунамъ, а опекуны объяснили сватамъ, что она хочетъ отказаться отъ міра и идти въ монастырь. Противъ такого желанія никто не имѣлъ права идти. Если сирота не была вольна распорядиться своимъ состояніемъ и своей рукой до совершеннолѣтія, то была вольна до этого дня запереться въ стѣнахъ монастыря.

Разумѣется, Закржевскій вскорѣ же узналъ стороной, что все было нагло подлажено и хитро разыграно хитрымъ опекуномъ. Онъ просто собрался ограбить свою питомицу и для большаго успѣха задуманнаго дѣла прежде всего запрятать ее въ монастырь. Молодая, красивая, боязливая Магда не могла, конечно, сопротивляться опекуну, не имѣя вдобавокъ никого, кто бы защитилъ ее.

Такимъ образомъ, Закржевскій, уже мечтавшій на средства невѣстки снова начать жить весело и широко, былъ вдругъ пораженъ ловкимъ ударомъ хитраго противника. вмѣсто якоря спасенія въ рукахъ его оказалась соломинка, которая и оборвалась. Но упрямый панъ не отказался отъ борьбы. Онъ рѣшилъ, что въ такомъ дѣлѣ надо заручиться покровительствомъ не тѣхъ, къ кому онъ себя причислялъ, ради одного гонора, не тѣхъ, которые воевали за избавленіе отечества, а тѣхъ, кто въ это время правилъ этимъ отечествомъ, тѣхъ, въ чьихъ рукахъ была фактическая власть, если не политическая, государственная, то просто административная и полицейская.

И въ одинъ прекрасный день Закржевскій порвалъ всякую связь съ конфедератами, отправился къ главнокомандующему королевскими войсками Браницкому и заявилъ о своемъ желаніи стать въ ряду защитниковъ короля отъ враговъ и внѣшнихъ, и внутреннихъ. Разумѣется, партія короля была рада всякому новому приверженцу, и Закржевскій сразу получилъ чинъ полковника.

Передавшись на сторону короля, Закржевскій, конечно, долго скрывалъ это отъ всѣхъ друзей, но тотчасъ же сталъ при покровительствѣ Браницкаго хлопотать о томъ, чтобы власть вмѣшалась въ дѣло опеки надъ Магдалиной Напольской. Но всѣ попытки и хлопоты не привели ни къ чему, такъ какъ молодая дѣвушка упорно отвѣчала, что поступленіе въ монастырь — ея искреннее собственное желаніе. Она не только отказывалась отъ чести стать панной Закржевскою, но заявляла, что вообще замужество ей не улыбается.

Смѣло и твердо объяснила это юная Магда посламъ Закржевскаго и посламъ изъ Варшавы. То же выслушали посланцы отъ Браницкаго, и то же выслушалъ болѣе важный посланецъ отъ самого короля.

Однако, все это говорилось по строжайшему приказанію и благодаря застрачиваніямъ опекуна, который въ свою очередь въ бесѣдахъ съ Закржевскимъ горько сожалѣлъ, что его питомица не согласна сочетаться узами брака съ его сыномъ Владиславомъ.

Кончилось, однако, тѣмъ, что панъ Закржевскій однажды изругалъ пана Дзялынскаго и выгналъ вонъ...

Послѣ этого оставалось обманутому пану лишь одно и послѣднее средство: насильно выкрасть дѣвучку-сакраментку изъ монастыря и насильно повѣнчать ее съ сыномъ. Объявивъ себя открыто партизаномъ короля всѣмъ гостямъ, онъ послалъ узнать на этотъ счетъ мнѣніе сильныхъ міра, чтобы объяснить въ домѣ тотчасъ свою затѣю и просить помочь.

Черезъ два дня панъ получилъ отвѣтъ изъ Варшавы и къ своему горю узналъ, что такой поступокъ будетъ строго наказанъ.

И вотъ, покуда созванные имъ напрасно друзья и гости пировали въ замкѣ, Закржевскій былъ въ отчаянномъ расположеніи духа, убѣдившись, что измѣна патріотамъ отечества ни къ чему не послужила.

IV.

Въ замкѣ попрежнему шелъ пиръ горой, когда однажды вечеромъ, въ сумерки, гайдукъ доложилъ пану, удалившемуся отъ пированія гостей и угрюмо сидѣвшему въ спальнѣ, что пріѣхалъ и желаетъ видѣть пана его прежній благопріятель панъ Дзялынскій.

Извѣстіе это, разумѣется, поразило хозяина и взбѣсило его, какъ дерзость, потомъ заставило призадуматься. Сильно удивился панъ,

но пришелъ къ убѣжденію, что въ дѣлѣ, которое казалось совершенно рухнувшимъ, есть что-то новое и неожиданное. Но такъ какъ хуже ничего быть уже не могло, то, стало быть, новое хорошо. Во всякомъ случаѣ врагъ самъ являлся къ нему первый.

Черезъ минуту Закржевскій уже шелъ любезно навстрѣчу къ пріѣхавшему гостю, а черезъ нѣсколько минутъ ввелъ его въ комнату, гдѣ принимались близкіе пріятели вдали отъ шума гостей, сновавшихъ по всѣмъ аппаратамъ. Маленькій и худенькій Дзялынскій ласково улыбался, но Закржевскій уже зналъ по себѣ, что у этого человѣка два лица, или ложное лицо, со многими масками. И много этихъ масокъ перевидалъ онъ, но его настоящаго лица, кажется, никогда не видалъ. Теперь послѣ первой маски, ласково улыбающейся, Дзялынскій надѣлъ другую — смущенную и какъ бы тревожно-просительскую, а затѣмъ смѣнилъ ее на тревожно-виноватую.

Закржевскій, конечно, прежде всего пересилилъ себя и любезно, на сколько могъ, спросилъ:

— Чѣмъ обязанъ чести принимать прежняго друга, съ которымъ важной, открытой ссоры собственно не было?

— Приступимъ, пане, прямо къ дѣлу!—сказалъ Дзялынскій.— Вы когда-то желали, чтобы сынъ вашъ женился на моей питомицѣ. Дѣло не устроилось, благодаря ея строптивости и упрямству...

— То-есть, дѣло не устроилось по другимъ причинамъ!—вспыхнулъ Закржевскій, не умѣвшій сдерживаться и совершенно неспособный на комедию.—Дѣло въ томъ, что вы, не имѣя сына, котораго бы могли женить на паннѣ Напольской, придумали другимъ способомъ...

Дзялынскій перебилъ хозяина и сталъ доказывать, что на него много существуетъ клеветъ. Горячій споръ съ рѣзкими выраженіями уже начинался.

— Но, позвольте, — воскликнулъ Дзялынскій, — оставимъ все, что было въ прошломъ, въ сторонѣ. Угодно ли вамъ теперь, чтобы сынъ вашъ сталъ мужемъ Магды Напольской?

— Понятное дѣло!—оторопѣлъ озадаченный нечаянностью и въ то же время обрадовавшійся Закржевскій.

— Такъ выслушайте! Вы должны мнѣ дать обязательство въ уплатѣ двухсотъ тысячъ дукатовъ послѣ брака вашего сына съ моей питомицей. Мы поѣдемъ въ Люблинъ и тамъ формально совершимъ эту сдѣлку, а затѣмъ я скажу вамъ, какъ дѣйствовать, чтобы Магда стала вашей невѣсткой. Вы ничего не теряете, такъ какъ заплачиваете мнѣ по этому обязательству, поймите, только послѣ ея брака. Согласны ли вы?

— Совершенно согласенъ!—отозвался Закржевскій.— Но какъ это произойдетъ? Вы предложите мнѣ напасть на монастырь, похитить оттуда Магду и насильно вѣнчать ее съ сыномъ? На это,

я васъ предупреждаю, я не пойду, считая этотъ поступокъ неблаговиднымъ.

— Да и потому еще, пане,—продолжалъ, хитро мигая глазками, Дзялынскій, — что на это у васъ есть прямое запрещеніе изъ Варшавы.

— Можетъ быть! — вспыхнулъ Закржевскій.

— Вѣрно говорю вамъ! Выкрасть Магду изъ монастыря и вѣнчать ее противъ воли съ Владиславомъ вамъ строго запрещено. Хотя и много теперь въ наши дни творится беззаконій и безобразій во всемъ королевствѣ, но подобнаго дѣла королевское правительство не допуститъ. Поэтому я предлагаю вамъ устроить все такъ, что Магда будетъ похищена изъ монастыря и обвинена съ вашимъ сыномъ не вами, а неизвѣстными вамъ людьми, такъ сказать, невидимой рукой, которая, совершивъ бракосочетаніе, исчезнетъ, какъ привидѣніе. Въ отвѣтъ никто не будетъ, а всѣхъ менѣе вы и Владиславъ. Его обвиняютъ тоже насильно.

— Согласенъ!—отвѣчалъ Закржевскій, подумавъ.—Но какъ же писать на себя бумагу въ такой большой суммѣ, не зная сути дѣла.

— Прекрасно! Въ такомъ случаѣ извольте прочесть вотъ это и подписать.

Дзялынскій досталъ изъ кармана официальную бумагу, написанную вполнѣ по формѣ, въ которой Закржевскій обязывался уплатить крупную сумму денегъ изъ средствъ своей невѣстки Магдалины Закржевской пану Дзялынскому, ея бывшему опекуну, въ награду за его попеченія и хлопоты во время опеки. Бумага, написанная со всякими судейскими крючками, была совершенно законна. Въѣсть съ тѣмъ она не имѣла никакого смысла въ данную минуту и могла имѣть полное значеніе только послѣ того, когда Магда сдѣлается панной Закржевской.

— Подпишите эту бумагу покуда, а завтра въ Люблинѣ мы напишемъ еще другую, а послѣ завтра вы можете начать дѣйствовать такъ, какъ я объясню вамъ сейчасъ же.

Закржевскій взялъ перо и не колеблясь подмахнулъ свое имя.

— Ну, вотъ и отлично!—вымолвилъ Дзялынскій, кладя ее въ карманъ.—Теперь выслушайте, въ чемъ дѣло. Въ нѣсколькихъ словахъ вы узнаете все. Магду я помѣстилъ въ монастырѣ противъ ея воли, желая воспользоваться ея состояніемъ. Тутъ свидѣтелей нѣтъ, и я могу говорить откровенно. Но дѣвчонка перехитрила меня. Черезъ три-четыре дня она должна бѣжать изъ монастыря съ молодымъ человѣкомъ, въ котораго давно влюблена, а я, какъ дуракъ, проморгалъ и прозѣвалъ это, понятія объ этомъ не имѣлъ. Онъ долженъ похитить ее и увезти Богъ вѣсть куда. Я же не могу этому воспрепятствовать, не могу ничего сдѣлать по причинамъ, которыя вы узнаете послѣ, да онъ вовсе не любопытенъ.

Есть, конечно, средства разстроить и похищеніе и бракъ моей питомицы, но это средство крайнее—убійство этого загоноваго шляхтича, ея возлюбленнаго... На это я не пойду... Ну-съ, такъ вотъ... Если вамъ запретили похитить сакраментку «in spe» и обвинчать съ сыномъ, то вамъ вѣдь не запретили мѣшать другимъ ее похищать, не запретили отбить ее изъ рукъ похитителей и... и закрыть глаза на все... А покуда ваши глаза будутъ закрыты, Магду невидимая рука повѣнчаетъ съ Владиславомъ.

— Ничего не понимаю!—воскликнулъ Закржевскій.

— И не нужно пану понимать. Я не обманываю. И все произойдетъ, какъ я говорю.

— Вѣрю,—сказалъ панъ Закржевскій и подумалъ: «Хорошо, кабы можно было вѣрить тебѣ, лисицѣ и Іудѣ».

Наступило молчанье.

Гость глядѣлъ на хозяина, будто спокойно и увѣренно, ожидая его полного согласія, а хозяинъ взглядывалъ, косясь на гостя, колеблясь, теряясь въ догадкахъ и желая разглядѣть истинное лице его, за маской предательскаго дружелюбія.

— Этотъ проходимецъ похититъ панну Напольскую, увезетъ, а Владиславъ долженъ ее отбить и съ ней вѣнчаться?—спросилъ онъ наконецъ.

— Нѣтъ. Панъ Владиславъ отбивать никого не будетъ... Невидимая рука все сдѣлаетъ... Она захватитъ пана Владислава свяжетъ по рукамъ и ногамъ и насильно... Слышите панъ?—наильно повѣнчаетъ его съ Магдой. Въ отвѣтъ будетъ она одна... Ее и лови, чтобы наказать.

— Кто она? Магда?

— Нѣтъ. Она, невидимая рука. Поди, ее ищи потомъ.

— Тѣфу, панъ! — плюнулъ Закржевскій. — Этакъ говорить нельзя... Объясните хоть что нибудь.

— Ничего я болѣе объяснять не стану.

— Какая вамъ лично выгода, что Владиславъ, а не другой кто, женится на паннѣ Напольской?

— А это... — показала Дзялынскій на карманъ кунтуша, гдѣ была подписанная Закржевскимъ бумага.

— Правда. Но вѣдь и этотъ проходимецъ пошелъ бы на такой уговоръ, женясь на богачкѣ, заплатитъ вамъ двѣсти тысячъ дукатовъ.

— Правда, панъ. Но его я не знаю. Онъ можетъ отпереться потомъ, заводи съ нимъ процессъ, чтобы получить сумму, которая якобы назначается мнѣ Магдою въ благодарность и добровольно... Да, кромѣ того, панъ забылъ, что завтра въ Люблинѣ подпишетъ другую бумажку, которую возлюбленный Магды дать мнѣ не можетъ, а если бы и сталъ давать, то я не приму, почитая шуткой.

— Какая же это будетъ бумажка?

— Обязательство доставить мнѣ нѣчто, что можетъ дать только панъ Закржевскій, хлопотавъ у пана Ксаверія Браницкаго, который походатайствуетъ предъ королемъ.

— Званіе какое нибудь?

— Можетъ быть.

— А если они не дадутъ?

— Дадутъ. Я изъ денегъ полученныхъ отъ панны Магдалины Закржевской, обещаю дать пану военачальнику двадцать пять тысячъ дукатовъ на обмундированіе королевскихъ уланъ... Если же онъ ошибкой истратитъ эти деньги на что либо другое, то я спорить не стану.

— Ну, а если онъ и на деньги не соблазнится? Я въ отвѣтъ, подписавъ обязательство и не доставивъ титула.

— Нѣтъ. Тогда мы иначе подѣйствуемъ на пана военачальника. Вѣдомо вамъ, какъ фамилія пана Ксаверія?

— Что? Не пойму...

— Какъ фамилія пана Франциска-Ксаверія?

— Браницкій же.

— Смѣется панъ. Неужели вы не знаете, что это все ложь, обманъ, фальшь?

— Что?

— Панъ Ксаверій не полякъ, а сынъ казака съ Украйны, пролѣзшій въ люди и въ любимцы короля чрезъ москалей и измѣнничество. Онъ совсѣмъ не Браницкій, а Бранецкій... Многіе знаютъ это, но молчатъ, чтобы не дѣлать огласки. Ну, вотъ пусть заупрямится онъ, и я, старый ходатай по дѣламъ и адвокатъ, возьмусь ходатайствовать отъ имени всей фамиліи Браницкихъ и отъ имени самаго старика, бывшаго гетмана, чтобы панъ Бранецкій ихъ герба не трогаль, букву «и» оставилъ въ ихъ владѣніи, а пользовался бы своею буквою «е», никому не лестной.

— Я, по правдѣ этого не зналъ! — воскликнулъ Закржевскій.

— Многіе не знаютъ того, что часто Дзялынскій знаетъ. Вотъ панъ Закржевскій не знаетъ, что панъ Бранецкій, желающій быть Браницкимъ, находится въ большомъ фаворѣ тамъ... на сѣверѣ, въ новой Ниневіи, у новой Семирамиды. У него свои тайныя цѣли. Онъ продаетъ своего короля и отечество и когда нибудь продастъ. Ну, да это не наше дѣло. Согласенъ ли панъ на то, чтобы чрезъ дня три, четыре, здѣсь въ домѣ жила пана Закржевская, его невѣстка?

— Согласенъ! — воскликнулъ панъ.

— По рукамъ!

— Да, по рукамъ... Завтра свидимся въ Люблинѣ. А затѣмъ, при первой возможности, вы сполна получите свои двѣсти тысячъ дукатовъ и званіе, какое пожелаете. И я буду не причемъ! — прибавилъ панъ Закржевскій, весело смѣясь. — Деньги не мои, а бу-

душей невѣстки, а про почетный титулъ я только попрошу. А уже Браницкій самъ такому всезнайкѣ, какъ панъ Дзялынскій, ни въ чемъ отказать не посмѣеть.

И оба пана простились дружески. Дзялынскій съѣхалъ со двора замка въ своей скромной простой бричкѣ, а Закржевскій вышелъ къ гостямъ, сіяющій счастьемъ. Наконецъ-то онъ вздохнетъ свободнѣе и заживетъ еще веселѣе, заручившись чуть не милліономъ жены простоватаго сына.

Гр. Саліась.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

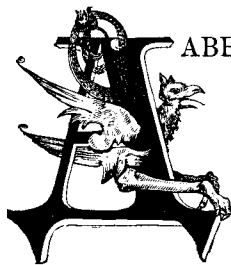

ВОСПОМИНАНІЯ М. Ѳ. КАМЕНСКОЙ.

I.

Дѣдъ мой графъ Петръ Александровичъ Толстой.—Бабушка Елисавета Егоровна.—Мой отецъ.—Обнаруженная имъ съ дѣтства страсть къ художеству.—Нянька Матрена Ефремовна.—Марья Степановна Дудина.—Ѳ. И. Прянишниковъ и Н. С. Кожуховъ.—Оригинальная свадьба моего отца.—Моя мать.—Рожденіе сестры Лизы.

АВНО собиралась я написать мои воспоминанія. И матеріаль для нихъ у меня собранъ и лежитъ наготовѣ, только бы принятыя за работу... А все что-то не писалось!.. Не потому ли, что въ ту пору я жила больше жизнью другихъ, дорогихъ мнѣ существъ, чѣмъ своей. Но теперь милая старина въ памяти и сердцѣ начала сильно всплывать наверхъ... и захотѣлось мнѣ на старости лѣтъ, хоть на бумагѣ, снова пережить мое хорошее прошлое.

Память моя, слава Богу, еще мнѣ не измѣнила и, какъ у всѣхъ старыхъ людей, чѣмъ дальше отъ меня событія, тѣмъ крѣпче они сидятъ въ головѣ моей, тѣмъ яснѣ видятся глазамъ моимъ... О томъ же, что было еще до меня, буду рассказывать со словъ отца моего, матери, дядей, тетокъ и нянюшки отца моего, Матрены Ефремовны, которая приняла отца моего, графа Ѳедора Петровича Толстого¹⁾, на руки въ день появленія его на свѣтъ Божій и разсталась съ нимъ, когда, 90 лѣтъ отъ роду, умерла, и онъ самъ съ почестью проводилъ ее на Смоленское кладбище.

¹⁾ Бывшаго потомъ вице-президентомъ академіи художествъ.

Не надо думать, что со словъ простой няньки я могла напутать и наговорить небывальщину,—нѣтъ! Эту Матрену Ефремовну съ наслажденіемъ слушали литераторы моего времени и, выйдя изъ ея комнаты, говаривали: «это не старуха, а живая книга». А ужъ семью-то своихъ господъ знала она, какъ свои пять пальцевъ, и потому для записокъ моихъ будетъ великое подспорье.

Не хочется мнѣ начинать мои воспоминанія съ себя, съ моего дѣтства и юности. Я не знаменитость, и мнѣ это совѣмъ не по чину. Да и для ясности моей будущей болтовни лучше будетъ, если я поговорю прежде о тѣхъ, кто жилъ до меня, кому я обязана жизнью. Начну съ человѣка, который первый врѣзался въ мою дѣтскую память, съ обожаемаго мною дѣда моего, графа Петра Андреевича Толстого.

Отецъ моего отца, графъ Петръ Андреевичъ Толстой, родился въ 1746 году и былъ правнукомъ сотрудника великихъ дѣлъ Петровыхъ, тайнаго совѣтника Петра Андреевича Толстого, которому Петръ I, передъ смертью своею, пожаловалъ графское достоинство.

Дѣдъ служилъ при Екатеринѣ II генераль-кригсъ-коммиссаромъ и за усердную службу свою и необыкновенную честность былъ взысканъ милостями государыни. Онъ былъ человѣкъ не богатый: судьба, какъ видно, очень мало положила ему подъ подушку. Теперь даже трудно повѣрить, чтобы родной правнукъ Петровскаго любимца Толстого, у котораго было нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ, могъ быть не богатымъ человѣкомъ... Такъ помнится этотъ прадѣдъ дипломатомъ, царедворцемъ и богачемъ, что забывается превратность его судьбы; забывается, что за сопротивленіе свадьбѣ Петра II съ дочерью Меншикова онъ былъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія и сосланъ въ Соловецкій монастырь, что имѣнія были у него отобраны въ казну, и наслѣдникамъ его, уже при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, были возвращены только 2.000 душъ, которыя и раздробились впоследствии на весь плодovitый родъ его. Вспомнишь все это и поймешь, отчего дѣдушка мой былъ не богатый человѣкъ. Да и старики наши Толстые часто говаривали: «изъ нашего рода богатыхъ нѣтъ никого; только тѣ и богаты, которые поженились на богачихахъ... А дѣдъ и женатъ-то былъ на бѣдной, стало быть, и достатка ему не откуда было взять, а пользоваться ради наживы случаями въ жизни онъ не хотѣлъ». Въ примѣръ тому вотъ одинъ случай, въ которомъ дѣдъ мой оплошалъ по понятіямъ человѣческимъ. Во время службы его кригсъ-коммиссаромъ, въ коммиссаріатѣ загорѣлась комната, въ которой была касса. Графъ бросился туда, съ опасностью жизни спасъ казну и всю въ цѣлости представилъ начальнику, фамиліи котораго я не знаю, а слыхала только, что онъ былъ другомъ моего дѣда. Пораженный поступкомъ графа, начальникъ выслалъ всѣхъ изъ кабинета, притворилъ дверь и сказалъ:

— Дуракъ ты, графъ Петръ Андреевичъ, чистый дуракъ!..

— За что ты ругаешься? — спросилъ удивленный графъ. — Вѣдь тутъ все цѣло!..

— Знаю, знаю, батюшка, что у тебя все цѣло... Да вотъ оттого-то, что все цѣло, ты и дуракъ! набитый дуракъ! Огня-то, братецъ ты мой, мы считать бы не стали, что нибудь, наконецъ, да могло бы сгорѣть... Жаль мнѣ тебя, братецъ, жаль! Будешь ты бѣденъ всю свою жизнь.

Въ 1796 году, скончалась императрица Екатерина Алексѣевна, а съ нею закатилась и счастливая служебная звѣзда графа Петра Андреевича. Въ первые же дни воцаренія императора Павла I дѣдъ былъ отставленъ отъ службы. Причина этой немилости, предполагають, была слѣдующая.

Павель Петровичъ, будучи еще наслѣдникомъ (нуждаясь, вѣроятно, въ деньгахъ), прислалъ однажды къ дѣду моему нарочнаго съ просьбою одолжить его высочеству займообразно изъ кассы комиссаріата извѣстную сумму денегъ, на что графъ, хотя и почувствовалъ свою будущую участь, но, по строгому въ то время запрету императрицы Екатерины, принужденъ былъ отказать. Получивъ отрицательный отвѣтъ, великій князь очень разгнѣвался и сейчасъ же послалъ своего нарочнаго обратно къ графу съ такимъ приказаніемъ:

— Поѣзжай и скажи ему, чтобъ онъ это помнилъ!..

Дѣдъ мой въ молодые годы женился на бѣдной дѣвушкѣ Елизаветѣ Егоровнѣ Барботъ. Бабушка моя была нѣмка родомъ, умная женщина, прекрасная мать и большая рукодѣльница. И если бабушка не умѣла рисовать кистью, то она производила иглой и шелкомъ по полотну «à petits points» такіе пейзажи и цвѣты, что имъ дивиться надо. Это и я могу подтвердить, потому что работы ея сохранились у меня до сихъ поръ. Сверхъ этого, бабушка, любя безъ памяти маленькихъ дѣтей своихъ, за неимѣніемъ средствъ покупать имъ часто игрушки, дѣлала ихъ сама; особенно хорошо выходили у нея кареты Екатерининскаго времени: такъ хороши были эти кареты, что ихъ даже пріѣзжали смотрѣть, какъ рѣдкость. Знаменитый каретникъ того времени попросилъ тоже позволенія видѣть работу графини. Когда ему показали, онъ пришелъ въ неописанный восторгъ и сказалъ:

— Графиня лучше меня дѣлаетъ экипажи.

Кажется, не было работы, которой бы не умѣла дѣлать бабушка; она даже плела изъ соломы шляпы на манеръ итальянскихъ. Всѣ эти искусства она передала дочерямъ своимъ. Бабушка была художница въ душѣ, и ея только вліянію надо приписать то диво, что въ тѣ времена въ графской семьѣ могъ развиться такой художникъ, какъ мой отецъ.

У бабушки и дѣла моего было семь человѣкъ дѣтей: пять сы-

новой—Александръ, Владиміръ, Константинъ, Ѳедоръ (отецъ мой) и меньшей Петръ, и двѣ дочери—Вѣра и Надежда. О нихъ я поговорю послѣ, а теперь мнѣ хочется поскорѣе перейти къ моему отцу.

Отецъ мой родился въ 1783 году, 10-го февраля, въ С.-Петербурѣ. До сихъ поръ я съ особенною любовью смотрю на два первыя окна отъ дома Юсупова въ бель-этажѣ Коммиссаріата. Это была комната бабушки моей, родина моего дорогого отца! Какъ часто онъ рассказывалъ мнѣ, что Екатерина II, катаясь въ саняхъ, почти всякій день проѣзжала мимо этихъ оконъ, кивала ему головой и рукой посылала поцѣлуи...

По особой ли милости, или по обычаю того времени—не знаю, только отца моего при крещеніи уже записали сержантомъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. Никому въ то время не вдомекъ было, что этотъ младенецъ, съ пеленокъ обреченный быть воиномъ, родился художникомъ въ душѣ... Подростая въ родной семьѣ, отецъ мой составлялъ исключеніе изъ дѣтей и игрушками не игралъ; его игрушками были: бумага, карандашъ, краски, и онъ пачкалъ ими съ утра до вечера... Сколько этихъ первыхъ рисунковъ сохранилось у меня до сихъ поръ! По нимъ тогда же можно было догадаться, что ребенокъ рожденъ художникомъ, и безъ всякихъ мытарствъ слѣдовало бы прямо отдать его въ Академію Художествъ. Но тогда это было невысказано. Отдать графскаго сына въ Академію Художествъ было почти равносильно тому, какъ отдать его въ мальчишки къ сапожнику или въ науку къ портняжкѣ. Матрена Ефремовна, няня маленькаго графа, вся до мозга костей пропитанная знатностью и важностью господъ своихъ, была очень недовольна страстью маленькаго графа къ рисованію.

— Да, мать моя,—говорила она мнѣ про дѣтство отца,—мученіе истинное было съ твоимъ отцомъ. Еще пузырь-пузыремъ былъ, а какъ вопьется въ свое проклятое рисованіе, такъ никакимъ родомъ его не оторвешь. Рисуетъ, рисуетъ до тѣхъ поръ, пока грѣхъ съ нимъ не случится... И вѣдь какая хитрая бестія мальчишка былъ: не успѣешь бывало глазомъ мигнуть, а онъ ужъ изъ дѣтской исчезъ... Смотришь, а онъ переважно идетъ назадъ, а у самага по штанишкамъ салфетка повязана, и какъ дѣльный какой говорить:

— «Няня, я хочу въ повара играть».

Уморительно то, что Матрена Ефремовна, кажется, до конца жизни не забыла и не простила отцу этого преступленія. Ему было уже за 50 лѣтъ, а ей и всѣ 80, и если онъ, какъ нибудь заработавшись, забудетъ зайти къ ней утромъ поздороваться, или вечеромъ проститься, то она уже непременно попрекнетъ его словами:

— Что не зашелъ вчера? Заважничалъ, носъ задралъ... А давно ли въ повара игралъ?!

Да и не она одна, а и вся родня отца, по понятіямъ того времени, косо смотрѣла на страсть маленькаго графа къ художеству. Маленькій графъ-художникъ безапелляционно долженъ былъ быть военнымъ. И, видно, старшіе добились своего, если біографія отца гласитъ, что онъ десяти лѣтъ отъ роду уже гарцовалъ на конѣ рядомъ съ фронтомъ.

Первое научное образованіе свое отецъ мой получилъ въ славившемся тогда Полоцкомъ училищѣ. Въ 1798 году, пятнадцати лѣтъ отъ роду, онъ былъ опредѣленъ въ морской корпусъ. По выходѣ оттуда, въ 1804 году, по высочайшему повелѣнію, отецъ былъ назначенъ адъютантомъ къ министру морскихъ силъ, вице-адмиралу Чичагову. Но тутъ морская служба его и кончается, во-первыхъ потому, что онъ не могъ выносить морской качки, а, во-вторыхъ потому, что непобѣдимая страсть тянула его въ художественный міръ... Выйдя мичманомъ въ отставку, онъ тотчасъ же сталъ посѣщать классы Академіи Художествъ. И съ тѣхъ поръ ни гоненіе судьбы, ни бѣдность, ни нужда, ни косые взгляды аристократической родни, не могли уже его свернуть съ любимаго, избраннаго имъ пути. И кому у насъ на Руси и даже въ Европѣ не извѣстно, до какого совершенства дошелъ нашъ русскій художникъ-самородокъ графъ Ѳедоръ Толстой?! Какъ медальеръ, граверъ, акварелистъ, живописецъ и скульпторъ, онъ во всѣхъ разнообразныхъ родахъ своей художественной дѣятельности составилъ себѣ равносильную славу.

Читая его біографію, недоумѣваешь, какъ одинъ человѣкъ въ одну только жизнь могъ столько наработать, сколько наработалъ мой отецъ. А сколько истиннаго добра онъ сдѣлалъ за свою 90-лѣтнюю жизнь, такъ этого и не перечестъ...

Много написано біографій отца, въ которыхъ говорится подробно объ его служебной и художественной дѣятельности, и потому не буду повторять уже столько разъ написаннаго. Мнѣ хочется поговорить объ отцѣ моемъ, какъ о человѣкѣ, какъ о семьянинѣ, въ домашнемъ быту его; тѣмъ болѣе, что во всѣхъ біографіяхъ его пропущено то время, когда онъ былъ женатъ на матери моей. А это-то и было именно то время, когда отецъ былъ въ полной своей силѣ, и когда въ домъ его стекались литераторы, художники и музыканты, словомъ вся интеллигенція того времени.

Сдѣлавшись художникомъ, отецъ мой сталъ жить отдѣльно отъ дѣдушки.

Нянюшка Матрена Ефремовна не хотѣла разстаться съ своимъ воспитанникомъ и тоже переѣхала отъ стараго графа на вольную квартиру. Посѣщая классы Академіи Художествъ, отецъ сдѣлалъ такіе быстрые успѣхи, что обратилъ на себя вниманіе государя Александръ Павловича и въ 1806 году опредѣленъ былъ въ Эрмитажъ съ жалованьемъ 1.500 рублей ассигнаціями въ годъ. Холо-

стому графу съ нянюшкой Матреной Ефремовной на эти деньги жилось хорошо и даже роскошно. Вырвавшись на свою волюшку, юный отецъ мой нанялъ себѣ хорошенькую квартиру въ угловомъ домѣ у Цѣпнаго моста (близъ Лѣтнаго сада), въ нижнемъ этажѣ, и разукрасилъ уголокъ свой чисто похудожнически... Кажется, его очень тѣшило то, что на его артистическую обстановку ходили заглядывать въ окна разныя дамочки. Вѣрно, не на одну обстановку ходили смотрѣть онѣ, а больше на самого юнаго художника, красавчика, съ свѣтлорусыми кудрями, въ черной бархатной блузѣ. Но отецъ мой, вѣроятно, изъ скромности объ этомъ умалчивалъ.

Матрена Ефремовна царствовала въ домѣ воспитанника своего деспотически: жалованье его отбирала до копейки и распоряжалась всѣмъ по своему усмотрѣнію. Кормила графа сладко и одѣвала, хотя по его вкусу, но побарски. И надо отдать ей справедливость, что все это она дѣлала дешево и сердито. Но бѣдную старуху ожидалъ ударъ: ея возлюбленный графчикъ сталъ запропадать отъ Цѣпнаго моста... Къ великому ея горю и злости, графъ познакомился съ будущей моей бабушкой, вдовою коммерціи совѣтника Дудиной.

Марья Степановна Дудина была милая, добрая женщина. Рано овдовѣвъ, она доживала послѣднія крохи, оставшіяся послѣ смерти мужа, покоя послѣдніе дни 80-тилѣтней матери своей, Евиміи Ермиловны Макшеевой, и растя и воспитывая семь человекъ сиротъ: трехъ сыновей и четырехъ дочерей. Старшія дѣти, Екатерина и Александръ, росли еще при жизни отца, когда было больше средствъ, и потому получили хорошее образованіе, а всѣмъ меньшимъ пришлось учиться на мѣдные гроши. Видно, трудны были въ то время обстоятельства бабушки моей, если она принуждена была совсѣмъ взять изъ пансіона вторую дочь свою, Анну, когда ей было только 14 лѣтъ. Но умная, дѣльная дѣвочка отъ этого ничего не потеряла: она продолжала съ помощью старшей сестры заниматься дома, а когда сестру ея выдали замужъ, пристрастилась къ чтенію и сама окончила свое образованіе. Марія Степановна тогда сама существовала только тѣмъ, что, живя въ оставшемся ей послѣ мужа собственномъ домѣ, отдавала маленькія квартирки со столомъ, работала и продавала свою работу. Въ числѣ ея жильцовъ-нахлѣбниковъ были два молодые, еще неперивпіеся, почтамтскіе чиновники: Федоръ Ивановичъ Прянишниковъ, впоследствии главный начальникъ почтъ, меценатъ и страстный любитель изящныхъ искусствъ, послѣ котораго осталась замѣчательная коллекція картинъ, и другой — Николай Степановичъ Кожуховъ, впоследствии московскій почтъ-директоръ. Этотъ даже породнился съ бабушкой, женись на ея родной племянницѣ Александрѣ Ивановнѣ Яковлевой. Кстати, чтобы не забыть, расскажу, что мнѣ передавала бабушка о своихъ жильцахъ.

«Оба милые, прекрасные молодые люди были, я ихъ очень любила. Только пугали же они меня и дѣтей, злодѣи!... Прянишниковъ смолоду лунатикъ былъ: какъ ночь, и пойдетъ катавасія, начнетъ ходить, пѣть, цѣлыя обѣдни вѣдь служилъ... А Кожуховъ трусишка былъ страшный! Какъ только услышитъ, что Ѳедоръ Ивановичъ въ своей комнатѣ заколобродилъ, сейчасъ вскочить, схватить со стѣны ружье и давай бѣгать съ нимъ по всему дому, какъ опалѣлый, и кричать: «воры, воры, караулъ, помогите!». И вѣдь зналъ, перезналъ, кажется, что это въ припадкѣ лунатизма, другъ его возлюбленный поетъ. Анъ, нѣтъ! какъ одинъ запѣлъ, другой—за ружье! Такіе странные были! Душа въ пятки уходила. Все думалось: ну, какъ выстрѣлить... Да нѣтъ, куда! онъ самъ, кажется, своего ружья боялся».

Прянишниковъ и Кожуховъ оставались всю жизнь свою неразрывными друзьями. Я упомянула теперь про этихъ лицъ потому, что они тоже часто будутъ попадаться въ моихъ разсказахъ.

Въ то время, когда мой отецъ познакомился съ семействомъ Дудиныхъ, Марія Степановна еще жила на Васильевскомъ островѣ, въ 9 линіи, въ своемъ домѣ, изъ воротъ въ ворота съ церквью Благовѣщенія. При домѣ ея былъ громаднй садъ съ столѣтними деревьями и большимъ прудомъ. Отецъ, часто вспоминая о счастливыхъ годахъ того времени, вспоминалъ домъ и садъ бабушкинъ и разсказывалъ мнѣ, что садъ былъ такъ великъ, что проходилъ насквозь все пространство отъ 9 до 10 линіи и тамъ заканчивался глухимъ заборомъ. Представьте себѣ, этотъ домъ, весь выстроенный изъ дуба, живехонекъ до сихъ поръ. Но, увы! отъ сада не осталось ни деревца. Переходя отъ покупателя къ покупателю, чуднй садъ застроился цѣлымъ кварталомъ домовъ... А прочно, видно, тогда строили: сколько съ тѣхъ поръ провалилось новыхъ каменныхъ домовъ, а онъ, старенькій молодецъ, все стоитъ невредимъ!

Въ 1809 году, семейство Маріи Степановны Дудиной состояло: изъ матери ея, слѣпой Евѳиміи Ермиловны, 17-тилѣтней дочери Анны¹⁾, дочери Маріи, дѣвочки лѣтъ 15-ти, и младшей дочери еще ребенка Сашеньки (старшая Екатерина Ѳедоровна въ это время уже была выдана замужъ за харьковскаго прокурора Петра Яковлевича Любоникова), сына Александра Ѳедоровича, прелестнаго молодого челоувѣка, который тогда былъ уже на службѣ, средняго юноши Ѳедора и меньшаго мальчика Алеши. Всѣ дѣти Маріи Степановны были очень красивы собой, но лучше всѣхъ, граціознѣе, умнѣе и добрѣе была вторая дочь Анна Ѳедоровна. Вотъ она-то и была причиной частыхъ исчезновеній юнаго художника изъ квартиры его у Цѣннаго моста. Отецъ увидѣлъ прелестную Анну, или

¹⁾ Впослѣдствіи моей матери.

Annette, какъ звали ее въ семьѣ, сердце художника растаяло, онъ влюбился въ нее безъ памяти, она въ него тоже, и въ томъ же году они обвѣнчались.

Можно себѣ вообразить, въ какую несказанную ярость пришла няня Матрена Ефремовна, когда отецъ мой сказалъ ей, что онъ посватался за дочь коммерціи совѣтника Анну Ѳедоровну Дудину. Все лицо старухи отъ злости покрылось пятнами, и съ пѣной на губахъ она едва могла выговорить:

— Кто ты? скажи мнѣ, кто ты? графъ, али нѣтъ? Коммерціи совѣтница!... Купчиха, значить? Купчиха Дудина... Хуже-то, видно, не нашель? Что свѣтъ-то для тебя клиномъ сошелся, что ли? Ни одной ни княжны, ни графини не осталось? Коммерціи совѣтницу поддѣпиль! Важную птицу, нечего сказать!... Такъ знай же ты, что я твоей купчихѣ не слуга!... И тебѣ не слуга!... Уйду, уйду и видѣть ее не хочу!

Отецъ тоже вспылить, перебранились тутъ два сердечные друга не на шутку, и Ефремовна точно, не дождавшись свадьбы отца, ушла жить къ брату его, графу Владиміру Петровичу. Но, видно, послѣ положила гнѣвъ на милость, потому что я помню ее, какъ только начала сознавать себя, всегда непремѣннымъ членомъ нашей семьи. Но, кажется, на неравность брака графа съ дочерью коммерціи совѣтника она не переставала негодовать до самой смерти своей. И хотя графиня была необыкновенно добра къ нянѣ своего мужа, Ефремовна, всетаки, за барыню ее не почитала и относилась къ ней всегда холодно и важно. Должно быть, доброта и ласковость Анны Ѳедоровны именно и не нравилась старухѣ; по ея мнѣнію, графиня такой быть не подобало. На вкусъ, видно, товарища нѣтъ: совсѣмъ иначе смотрѣлъ на доброту маменьки старикъ-разносчикъ, который, на моей уже памяти, носилъ ей на дачу разный товаръ: торгуется она бывало съ нимъ, а онъ ей шуточки-прибауточки отпускаетъ. Разъ болталъ, болталъ, да вдругъ серьезно и сказалъ: «Матушка ты моя, бѣлая барыня! Какая ты важная и какая ты добрая!... А у другой, у шельмы, полторы души съ надставкой, а поди-ко какъ рыло воротить»...

Моя мать была статна, прелестна собою, по тому времени прекрасно образована, великая рукодѣльница и даже немножко художница: она рисовала перомъ съ гравюръ такъ хорошо, что ея рисунки и теперь даже многіе принимаютъ за самую тонкую гравюру. Да это все ничего; она помогала мужу въ его трудахъ; напримеръ, дѣлать алебастровые снимки съ медалей 1812 года было очень трудно, потому что фонъ долженъ былъ быть голубой, а фигуры бѣлыя. Хорошо, безъ пятенъ на фонѣ, умѣлъ отливать ихъ только самъ отецъ мой. Но чтобы избавить художника отъ чисто механическаго труда, маменька научилась этой премудрости и всегда отливала ихъ сама. А когда отецъ хотѣлъ послать экзем-

плярь своихъ медалей въ даръ кому нибудь изъ высокопоставленныхъ лицъ за границу, мать моя оклеивала ихъ изящнѣе всякаго переплетчика... Даже нужныя бумаги и письма за отца на французскомъ и русскомъ языкахъ сочиняла и писала она же. А главное своею пластическою, античною красотою она вліяла на вкусъ отца. Я даже могу доказать это: возьмите поэму «Душенька» Богдановича, иллюстрированную гравюрами графа Ѳедора Петровича Толстого, разверните ту страницу, гдѣ Душенькѣ въ подольчикѣ яблочки валятся сами... Это моя мать съ ея граціей, съ ея прелестнымъ выгибомъ шеи! Мнѣ-то ужъ какъ не узнать ея! Да, вліаніе маменьки моей во всѣхъ женскихъ фигурахъ, исполненныхъ отцемъ въ ея время, неоспоримо. Отчего же послѣ, подъ старость отца, когда испарился изъ памяти образъ когда-то любимой женщины, всѣ женскія фигуры у него стали выходить далеко не такъ античны, какъ прежде! Вотъ хотя бы «нимфа, льющая изъ кувшина воду», что стоитъ въ Петергофѣ на прудѣ: талія у нея непомѣрно длинна и тонка. Да и въ альбомѣ отца всѣ женщины, нарисованныя за послѣднее время, отличаются тѣмъ же недостаткомъ, отъ того, что то, что постоянно передъ глазами художника, невольно запечатлѣвается въ его мозгу, а мозгъ водить его кистью и рѣзцомъ...

Вотъ еще этому примѣру—знаменитый рисовальщикъ профессоръ Егоровъ: у него тоже всѣ Богородицы выходили—жена его Вѣра Ивановна, а всѣ ангелы—старшая дочь его Наденька. Видно, что отъ этихъ впечатлѣній даже знаменитымъ художникамъ отбиться трудно!.. Мать мою во всѣхъ біографіяхъ графа пропустили, точно она и не существовала; хоть бы вспомнили, что она вдохновляла мужа своего въ то время, когда юный талантъ его быстрыми шагами подвигался впередъ, въ то время, которое Пушкинъ обезсмертилъ стихомъ:

«Толстого кистью чудотворной»...

Однако, я забѣжала далеко впередъ, а мнѣ еще надо описать оригинальное брачное торжество моихъ родителей. Вотъ какъ оно совершилось: въ одинъ прекрасный день, изъ воротъ дома Маріи Степановны Дудиной, молодой, сіяющей счастьемъ, мичманъ въ отставку вывелъ за руку свою невѣсту, свою обожаемую Аннету... На немъ былъ его неизмѣнный морской мундирчикъ, на непокрытой головѣ развѣвались кудри... На ней было простое, бѣлое, коленкоровое платье, да изъ своего сада вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ на головѣ. Держась рука съ рукой, они пѣшкомъ перешли черезъ улицу и вступили въ храмъ Благовѣщенія, гдѣ Богъ судилъ имъ соединиться на вѣки... за ними слѣдовали шафера, братья и сестры невѣсты, да нѣсколько человѣкъ закадычныхъ друзей отца моего и бабушки. Изъ церкви молодые и провожатые ихъ вернулись въ домъ бабушки опять таки по образу пѣшаго

хожденія... Ни параднаго обѣда, ни бала, въ этотъ день не было. Пообѣдали запросто, чѣмъ Богъ послалъ, и молодежь разбрелась по саду, поливала цвѣты, чистила дорожки, каталась въ лодкѣ по пруду и подь вечеръ бѣгала въ горѣлки на большомъ кругломъ лугу противъ дома... Какъ просто! а сколько тутъ было настоящей чистой, святой любви!..

А какъ хороши были въ то время эти молодые счастливицы! Такъ, говорятъ, хороши, что когда они подь ручку гуляли по мосткамъ Большаго проспекта, во всѣхъ боковыхъ садикахъ раздавались крики: «бѣгите, бѣгите смотрѣть, красавцы Толстые идутъ»... И отъ этихъ двухъ прелестей суждено было родиться мнѣ... Но я опять забѣгаю, а надо еще пропустить впередъ старшую сестру мою, Лизаньку, которая появилась на свѣтѣ за шесть лѣтъ до меня.

Въ 1811 году, 10-го августа, у молодой четы родился первый ребенокъ, дочь Елизавета. Прелестное дитя, которое черезъ годъ отецъ увѣковѣчилъ на семейной картинѣ, или, вѣрнѣе сказать, горельефѣ въ греческомъ стилѣ, вытѣпленномъ по грифельной доскѣ розовымъ воскомъ. Себя и жену онъ изобразилъ на немъ въ античныхъ костюмахъ, а малютку Лизу совсѣмъ голенькую, еле прикрытую наброшеннымъ на нее вуалемъ, сквозь который ясно проглядываетъ все дѣтское тѣлице. Тонкость и красота лѣпки въ этомъ горельефѣ удивительныя ¹⁾! Вѣроятно, сестра Лиза, подростая, стала забавнымъ и прелестнымъ ребенкомъ, если обѣ семьи, и Толстые, и Дудины, какъ говорится, въ ней души не чаяли: собой, говорятъ, она была очень хороша, настоящей амурчикъ! да и умница, скороспѣлочка маленькая! Нѣсколько забавныхъ анекдотовъ про нее до сихъ поръ сохранилось въ моей памяти. Начать съ того, что первыя слова, которыя она выговорила, были не «папа» и не «мама», а «ура, побѣда!». Всѣхъ окружающихъ ее это очень удивило. Вѣроятно, въ ту минуту, какъ дѣтенышъ это выговорилъ, у всѣхъ вышло изъ памяти, что шель 1812 годъ, и что въ то время слова «ура, побѣда» не сходили съ языка русскаго человѣка. Такъ ничего не было мудренаго, что ребенокъ первыми ихъ запомнилъ и первыми выговорилъ. Всѣ, кромѣ бабушки Маріи Степановны, это сообразили; но старушка этой простой логикѣ никакъ не поддавалась, видѣла въ этомъ диво и, сердясь, спорила со всѣми.

— Ну, что вы такое говорите, что это не диво! Конечно, диво! Вѣдь она, моя голубушка, побѣду тогда напророчила, побѣда-то вѣдь была!..

И переувѣрить старушку было невозможно. Потомъ до глубокой старости любимый разговоръ бабушки былъ про необыкновенный

¹⁾ Копію съ этого горельефа, исполненную граверомъ В. В. Матѣ, мы прилагаемъ къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

умъ внучки Лизаньки. Какъ часто она мнѣ говаривала: «ты не повѣришь, матушка, что это за умъ былъ: все знать хотѣла, все ей вынь да положь! Трехъ лѣтъ проказница грамматикой вздумала заниматься!.. Уморила она тогда меня со смѣху! Жила у меня въ то время кухарка, чухонка, говорила порусски такъ, что и не поймешь: всѣхъ мужчинъ называла «она», а всѣхъ женщинъ «онъ». Вотъ и наша Лизочка за ней отца стала звать «она», а мать «онъ». Разумѣется, мы всѣ ее останавливали. Вотъ разъ пошла я съ ней гулять по мосткамъ, веду ее за ручку, а намъ навстрѣчу козель, а за нимъ свинья. Тогда вѣдь всякая животина безъ церемоніи по мосткамъ разгуливала. Ну, вотъ увидала Лизанька козла, да и спрашиваетъ меня:

— «Бабушка, козель вѣдь «онъ?».

— «Онъ», душенька!—отвѣчаю я. — Онъ мужчина, ну, и значить «онъ».

— «И дѣдушка мой «онъ?».

— «Разумѣется, «онъ!».

«Прошелъ мимо насъ козель, а за нимъ выступаетъ свинья. А Лиза опять за разпросы:

— «А свинья, бабушка, «она?»

— «Она, милая, она. Вѣдь она женщина, ну, стало быть, «она».

— «Значить, и ты, бабушка, «она?».

«Я такъ и покатила со смѣху... Вишь какая наплась грамотейка, свинью къ бабушкѣ прировняла».

На этомъ разказѣ бабушки Марьи Степановны о грамматическихъ способностяхъ сестры Лизы прерывается у меня нить воспоминаній о первыхъ годахъ ея жизни. Покину ее до тѣхъ поръ, когда можно будетъ говорить о ней съ моей собственной памяти.

II.

Появленіе мое на свѣтъ.—Тогдашняя Петербургская сторона.—Житье-бытье моего дѣда.—Дядя графъ Александръ Петровичъ Толстой.—Его выходки и проказы.—Женитьба дяди.—Его теща генеральша Рытова.—Оригинальное воспитаніе ея внучки.—Кончина дяди.

Я родилась въ 1817 году, 3-го октября, на Большомъ проспектѣ Петербургской стороны, въ домѣ Слатвинскаго. Но, увы, въ хроникахъ Петербургской стороны за 1817 годъ не упомянуто даже ни одного слова о появленіи Машеньки Толстой на свѣтъ Божій. Моя память начала развиваться очень рано: я стала запоминать людей и обстановку, ихъ окружающую, съ двухлѣтняго возраста! Разумѣется, никто изъ большихъ въ эту раннюю память мою не увѣровалъ; всѣ думали, что я болтала тогда не съ своей памяти, а только со словъ старшихъ. Но сколько разъ, будучи уже взрослою

дѣвучкою, какою нибудь самою ничтожною вещицей, которая могла привлечь вниманіе только маленькаго ребенка, мнѣ удавалось доказать моимъ невѣрующимъ дядямъ и теткамъ, что я точно запомнила сама, а не со словъ старшихъ. Странное дѣло, что прежде всего врѣзались въ мою дѣтскую память не отецъ мой, не мать, не домъ, гдѣ мы тогда жили, а зеленый берегъ Невы и дѣдушка мой графъ Петръ Андреевичъ. Вѣроятно, потому, что весь міръ мой тогда заключался въ берегъ Невы и кусочкѣ 13-й линіи, гдѣ въ сѣренкомъ домикѣ въ три окна жилъ мой возлюбленный дѣдъ. Господи! какъ мнѣ весело было тогда гулять съ няней по этому берегу, какая большая трава росла на немъ, сколько желтаго цикорія, одуванчиковъ, на ней цвѣло! Иду, бывало, и рву безъ конца. А няня ворчить: «не рви, матушка, эту гадость, ручки почернѣютъ, послѣ не отмоемъ!». Какъ теперь, вижу я этотъ тогдашній берегъ: мощень* онъ былъ крупнымъ булыжникомъ только на половину, около домовъ, а другая половина и весь откосъ до самой воды были зеленые. Сколько судовъ стояло около самаго берега, видимо-невидимо!.. И съ cadaго судна на берегъ были перекинуты доски. По берегу, нѣтъ-нѣтъ, да дрова, какъ въ печкѣ, положены и горять. А около огней хорошенькія женщины съ золотыми лбами, въ бѣлыхъ кофточкахъ и юбочкахъ стряпаютъ, кофе варятъ... И тутъ же около нихъ какіе-то черные, запачканные люди на травѣ валяются: кто спитъ, кто коротенькую трубку курить... Очень, помню, удивлялась я тому, что у этихъ женщинъ лбы золотые! А няня ходитъ за мною и поучаетъ меня: «это, матушка, у нихъ не лбы золотые, а бляхи такія ко лбу привязаны; это голландки, у нихъ мода такая; а пачканные въ дегтѣ черные черти—это ихъ мужья, голландцы. А вонъ тамъ, посмотри, стоятъ верзилица въ широченныхъ юбкахъ, да въ красныхъ колпакахъ, это греки. Всѣ они изъ-за моря къ намъ на корабляхъ понаѣхали». Интересовало меня тоже очень, какъ лошадей съ берега купали: совсѣмъ голые кучера верхомъ на лошадахъ съѣзжали въ воду и кружились и плавали на нихъ по Невѣ. А то, помню еще, какъ страшно мнѣ было, когда водовозы съ бочками далеко въ воду заѣзжали; заѣдутъ глубоко, глубоко и начнутъ кричать: затынуло, затынуло, спасите!.. Поднимется шумъ, гвалтъ, народъ съ берега кинется ихъ спасать, и еле-еле вытащатъ лошадь съ бочкою на берегъ. Насмотримся мы бывало съ няней на всѣ эти чудеса, и поведетъ она меня за ручку дальше по берегу къ Морскому корпусу, гдѣ тогда на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь памятникъ Крузенштерна стоитъ, тоня была и большими сѣтями страсть сколько лососины вытаскивали. Взойдемъ мы бывало на плотъ съ навѣсомъ, а тамъ непременно дѣдушка Петръ Андреевичъ сидитъ на лавочкѣ и рядышкомъ съ нимъ всегда одинъ и тотъ же толстый купецъ съ краснымъ зонтикомъ, а въ ногахъ у нихъ большія лососки лежатъ. Видно, оба они большіе любители до рыбной ловли были!

А то помню дѣдушку еще у него на дому, въ его хорошенькой гостинной. Даже стулья помню, которые тамъ стояли: темнаго краснаго дерева, спинки въ видѣ лиры, съ лебедиными согнутыми крючкомъ головками. У двухъ оконъ въ уголкахъ два вольтеровскія кресла стояли, на одномъ дѣдушка сидѣлъ, въ коричневомъ бархатномъ скюртукѣ, рубашка съ большими брыжжами и на головѣ у него бѣлый, какъ свѣгъ, колпакъ. Въ рукѣ трубка съ мягкимъ волосянымъ чубукомъ, а сама трубочка узенькая, бѣлая, фарфоровая, и на ней черною краскою домикъ и деревцо нарисованы. На окнѣ около дѣда большая фарфоровая чашка съ кофе, вся золотая съ портретомъ. Самъ дѣдушка прелестный, полный, румяный, высокаго роста старикъ; на головѣ у него не было ни единого волоска; въ гости онъ ходилъ въ сѣдомъ парикѣ, а дома прикрывалъ свою голову бѣлымъ вязанымъ колпакомъ. Покойница маменька рассказывала мнѣ, что я малюткой прѣсто влюблена была въ своего дѣда! Когда она, бывало, приведетъ меня къ нему и подниметъ на руки, чтобъ я могла поцѣловать его, я вся затрясусь отъ радости, мгновенно сорву съ него колпакъ и жадно вопьюсь губами въ его лысину... Помню тоже, въ другомъ углу противъ дѣдушки, на такомъ же вольтеровскомъ креслѣ, какую-то блѣдную тѣнь человѣка въ бѣломъ халатѣ, съ страшно исхудалымъ лицомъ, который все кашлялъ и плевалъ въ хорошенькій тазикъ красной мѣди на львиныхъ ножкахъ. Этого несчастнаго больнаго я боялась и глядѣла на него только издали...

Это былъ старшій сынъ дѣдушки, графъ Александръ Петровичъ Толстой, извѣстный весельчакъ, острякъ и забавникъ Павловскаго и Александровскаго времени, который послѣ бойкой придворной и свѣтской жизни угасалъ отъ злѣйшей чахотки въ домѣ отца своего... Онъ скончался 22-го августа 1819 года, а я родилась 3-го октября 1817 года; стало быть, мнѣ было два года, когда онъ умеръ, а я его помнила! и его тазикъ красной мѣди на львиныхъ ножкахъ, позабытый всѣми, помогъ мнѣ доказать мою правоту, что я помнила точно сама, а не со словъ старшихъ. Разъ какъ-то, когда мнѣ было уже лѣтъ 15, отецъ разговорился о своемъ покойномъ батюшкѣ; я прислушалась, прервала его и спросила:

— Папенька, а куда же дѣвался тотъ другой дѣдушка, который всегда сидѣлъ противъ моего дѣдушки?

— Про кого это она говорить?—спросилъ отецъ мой, взглянувъ на маменьку.—Неужели про брата Александра?

— Не можетъ быть! Это невозможно! Вѣдь ей было всего два года, когда братъ Александръ умеръ!—въ одинъ голосъ сказали мать моя и тетки.

Тутъ ужъ я заспорила не на шутку.

— Нѣтъ, я помню, помню его!.. Еще у него въ ногахъ стояла такая хорошенькая плевательница на львиныхъ ножкахъ... Вотъ

Горельефъ, изображающій графа Ѳ. П. Толстаго, его жену и дочь.

дозв. ценз. спб., 15 декабря 1893 г.

вы сами все забыли, а я помню!.. Пойдемте въ кладовую, я вамъ покажу, гдѣ спрятанъ этотъ тазикъ.

Кто-то изъ тетокъ пошелъ со мною, и я сейчасъ же открыла въ разномъ хламѣ этотъ тазикъ и торжественно снесла его на показъ всѣмъ въ гостинную.

— Она права,—оглядѣвъ плевательницу, сказалъ папенька,—точно, это тазикъ брата Александра Петровича. Какая хорошенькая античная вещица! Какъ это я совсѣмъ забылъ про него... Поставь, Маша, его гдѣнибудь на виду!..

И съ тѣхъ поръ мое вещественное доказательство почетно стало на видномъ мѣстѣ и положило конецъ невѣрію въ мою раннюю память.

Теперь же, не разставаясь съ дядюшкой Александромъ Петровичемъ, котораго я видѣла и запомнила только умирающимъ, разскажу все, что я слышала о немъ и о его проказахъ отъ отца моего и тетушки моей графини Надежды Петровны Толстой.

Графъ Александръ Петровичъ родился въ Петербургѣ въ 1777 году, 2-го августа. Раннее дѣтство свое онъ провелъ въ домѣ родителей, затѣмъ воспитывался приватно у гувернера 1-го кадетскаго корпуса, Папинѣ. Потомъ былъ зачисленъ офицеромъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, участвовалъ въ кампаніи 1812-го года, получилъ контузію, былъ награжденъ орденами: св. Владимира съ бантомъ, прусскимъ «*roug le merite*» и Анненскою шпагою. Впослѣдствіи, состоялъ въ свитѣ императора Александра I. Въ 1816 году, въ чинѣ полковника, по разстроенному здоровью, вышелъ изъ военной службы въ отставку и служилъ до самой смерти въ Государственномъ Банкѣ. Какъ храбрый офицеръ и усердный служака, графъ Александръ Петровичъ былъ любимъ начальствомъ, обожаемъ товарищами и подчиненными. Сердце онъ имѣлъ добрейшее, былъ умница, острякъ и, какъ говорится, душа компаніи. Особенностью его характера была всегдашняя, неудержимая веселость. При этомъ онъ обладалъ еще врожденнымъ даромъ смѣшить людей до упаду. Графъ Александръ Петровичъ былъ средняго роста, прекрасно сложенъ, очень силенъ и удивительно ловокъ во всякомъ своемъ движеніи. Лицомъ особенно красивъ онъ не былъ, но имѣлъ самую подвижную фізіономію и прекрасные говорящіе глаза. Съ послушнымъ лицомъ своимъ онъ могъ, говорить, дѣлать все, что ему хотѣлось; даже волосы свои передвигалъ съ мѣста на мѣсто, отчего дѣлался совсѣмъ не узнаваемъ. Чтожъ мудренаго, что съ такими данными и необузданною веселостью, онъ на своемъ вѣку сумѣлъ понадѣлать столько проказъ, сдѣлаться всеобщимъ любимцемъ и прослыть первымъ шалуномъ и забавникомъ своего времени. Наши старики Толстые говорили мнѣ также, что Александръ Петровичъ творилъ всѣ свои шалости не думая, съ налету: едва мелькнетъ какаянибудь мысль въ головѣ

(часто самая шальная) и бац! сдѣлано, готово!.. А тамъ: «суди меня Богъ и великій Новгородъ!». Графъ такъ былъ всеми любимъ, что изъ самыхъ непростительныхъ своихъ продѣлокъ выходилъ сухъ, какъ гусь изъ воды... Какая жалость, что почти всѣ анекдоты про него далеко не цензурны, и мнѣ придется рассказать только тѣ, которые хоть кое-какъ сойдутъ у меня съ рукъ.

Начну съ самаго невиннаго. Разъ, за большимъ очень параднымъ обѣдомъ, у одной, всеми уважаемой, пожилой барыни сдѣлалась невыносимая зубная боль. Хозяева и гости повскакивали со своихъ мѣстъ, окружили больную, и каждый своимъ средствомъ старался прекратить зубной ражъ. Протискался къ барынѣ и Толстой и въ самой подобострастной позѣ просилъ себя выслушать.

— Ваше высокопревосходительство! Ваше высокопревосходительство! осмѣлюсь вамъ предложить... я обладаю симпатическимъ средствомъ.

— Говори, батюшка, говори скорѣй!—зажавъ щеку рукой и качаясь на стулѣ отъ страшной боли, проговорила генеральша.

— Вотъ извольте видѣть, ваше высокопревосходительство, это средство симпатическое и можетъ показаться вамъ смѣшнымъ... но смѣю завѣрить ваше высокопревосходительство въ томъ, что...

— Что ты тянешь душу, говори скорѣй!

— Слушаюсь, ваше высокопревосходительство! Извольте взять дегтю, только самаго наичистѣйшаго дегтю...

— Да слышу, слышу!—дергаясь отъ нетерпѣнія, нервно крикнула дама.

— Да-съ, самаго наичистѣйшаго дегтю, и извольте помазать имъ самый кончикъ носа, только самый кончикъ носа...

Свидѣтели этой сцены едва удерживались отъ давившаго ихъ смѣха. Сама же страдающая, съ вѣрою въ новое средство, начала просить, чтобы ей скорѣй принесли дегтю. Толстой, растагивая каждое слово, съ глубочайшимъ почтеніемъ заговорилъ опять.

— Смѣю завѣрить ваше высокопревосходительство, что эта симпатія самая невинная, что вреда вамъ она не принесетъ никакого, то-есть, ровно никакого, хотя позволите предупредить ваше высокопревосходительство въ томъ, что и пользы отъ этой симпатіи вамъ тоже не будетъ никакой, то-есть, ровно никакой!..

Общій взрывъ хохота присутствующихъ въ столовой покрылъ слова повѣсы. Расхохоталась чуть не до истерики и сама больная. Когда ее отпоили водой, она добродушно поманила къ себѣ Александра Петровича и весело сказала ему:

— Поди сюда, милый докторъ, поди, поцѣлуй меня! Вѣдь зубъ-то примолкъ, не болитъ, ты меня вылечилъ...—и, притянувъ къ себѣ графа, она расцѣловала его.

— Простите, ваше высокопревосходительство, какъ сумѣлъ-съ,—низко кланяясь, отвѣтилъ повѣса.

— Шутъ гороховый!—слегка ударивъ его по щекѣ, прибавила барыня.—Вѣдь будь у меня деготь подъ рукой, я бы помазала носъ... Хороша бы я была! Дуракъ, право, дуракъ!

Но не всегда шутки дяди Александра Петровича были такъ невинны и веселы, какъ излеченіе больной барыни. Иной разъ онѣ солоно приходились тому, надъ кѣмъ онѣ ихъ продѣлывалъ.

Разъ, какъ-то, въ лагерное время, полковой командиръ Семеновскаго полка, человѣкъ очень добрый, но страшно вспыльчивый, разсердясь на Толстого за какую-то ошибку во время ученія, такъ вспылилъ и забылся, что передъ всѣмъ фронтомъ наговорилъ графу кучу самыхъ невозможныхъ, непозволительныхъ словъ...

Александръ Петровичъ вспыхнулъ, какъ зарево, порывисто отвернулся отъ генерала и быстро пошелъ въ свою палатку. Сгоряча, на ходу мимо фронта, у него даже вырвались слова:

— Хамъ, скоть! избью тебя, какъ собаку, дубиной...

Всѣ офицеры, находившіеся на ученьи, были свидѣтелями этой неприятой сцены, а нѣкоторые даже поймали на лету угрозу графа. Они сильно огорчились и встревожились за него. Какъ только кончилось ученье, ватага офицеровъ хлынула въ палатку графа. Когда первый изъ нихъ приподнялъ полотно, чтобы войти, Александръ Петровичъ спокойно лежалъ на своей койкѣ, и даже (какъ офицера припоминали послѣ) по лицу его бѣгала, ему одному присущая задорная улыбочка, точно у него въ головѣ бродило что-то очень веселенькое... Но въ одно мгновеніе лицо его измѣнилось и сдѣлалось какимъ-то глупо-безмысленнымъ.

Подойдя къ графу, всѣ офицеры заговорили разомъ, сожалѣли, утѣшали, умоляли не дѣлать изъ-за этой обиды никакой исторіи, и всѣ, одинъ передъ другимъ, старались выставить ему на видъ ужасныя послѣдствія, которыя постигнуть его, если онѣ исполнить свою угрозу приколотить генерала.

Графъ все лежалъ, не шевелясь, и, казалось, не слышалъ и половины того, что ему говорили. Потомъ вдругъ, какъ бы проснувшись отъ глубокаго сна, спросилъ:

— Кого я бью? Кто меня можетъ разжаловать?

— Да что ты не слышишь, что ли? Мы говоримъ про неприятность твою съ полковымъ командиромъ. Вѣдь ты хочешь избить его, какъ собаку, дубиной!—опять вмѣстѣ заговорило нѣсколько голосовъ.

— Ахъ, это вы вотъ о чемъ... вспомнилъ, вспомнилъ! Успокойтесь! мы съ вашимъ генераломъ друзья, такіе друзья, что если бы я точно исколотилъ его, какъ собаку, дубиной, онѣ не разсердится, а будетъ меня за это на вашихъ глазахъ обнимать, дѣловать... Не вѣрите? Держу пари на ящикъ шампанскаго!

— Держимъ, что не будетъ, что ты улетишь ко всѣмъ чертямъ!—крикнули товарищи.

— Идетъ?

— Идетъ!

— А теперь убирайтесь сами вы ко всѣмъ чертямъ! Развѣ вы не видите, что я самъ не свой? Голова у меня трещить отъ боли... Уйдите, голубчики, дайте заснуть, завтра опять буду молодцомъ!

При послѣднихъ словахъ у графа сдѣлалось такое страшно болѣзненное лицо, что всѣ товарищи удивленно переглянулись между собой и одинъ за другимъ выбрались изъ палатки.

Всѣмъ имъ Толстой показался страннымъ и какъ будто не въ своей памяти.

На другой день, къ общему горю, Александръ Петровичъ далеко не сдѣлался молодцемъ, а расхворался не на шутку: началъ впадать въ безпамятство, забывалъ даже, какъ называются вещи, и когда хотѣлъ попросить что нибудь, чмокалъ только губами, щелкалъ пальцами и говорилъ:

— Того, того... какъ ее?

Товарищи хотѣли привести къ нему полковаго доктора, но Александръ Петровичъ такъ разсердился на нихъ, такъ началъ бушевать, что они побоялись его тревожить. Въ слѣдующую же ночь спавшій мертвымъ сномъ лагерь былъ разбуженъ страшными криками и шумомъ: кто-то сворачивалъ съ мѣста палатки и колотилъ по нимъ палкой... Когда перепуганные со сна люди повыскакивали изъ палатокъ, то имъ представилась слѣдующая картина: палатка полковаго командира лежала совсѣмъ на боку, изъ-подъ нея раздавался болѣзненный стонъ... Графъ Толстой въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, шляпа на боку, парадировалъ по плацу верхомъ на огромной дубинѣ и кричалъ во все горло:

— Здорово, ребята! Спасибо, ребята!

Испугъ и удивленіе въ первую минуту приковали офицеровъ и солдатъ на мѣстѣ; но отчаянный крикъ изъ-подъ полотна палатки командира заставилъ офицеровъ опомниться и кинуться къ нему на помощь. Въ одинъ мигъ генераль былъ высвобожденъ и поставленъ на ноги.

— Что это? что такое?—съ одурѣлымъ отъ испуга и боли лицомъ спросилъ онъ.

— Не знаемъ-съ...—отвѣчали ему.—Кажется, графъ Толстой съ ума сошелъ. Извольте посмотрѣть: вотъ онъ скачетъ на дубинѣ верхомъ въ одной рубашкѣ...

— Боже мой, какое несчастье! такой отличный офицеръ!..—съ болѣзненною гримасою, потирая помятые бока, жалостливо проговорилъ генераль. — Что-жъ вы стоите, господа? надо скорѣй поймать его, связать и отнести въ лазаретъ.

Приказаніе было живо исполнено. Полковой эскулапъ началъ усердствовать: на графа надѣли сумасшедшую рубашку, пустили

кровь, обливали голову холодной водой и насильно пичкали въ него разныя мерзости латинской кухни.

Докторъ сіялъ: его наука быстро брала верхъ надъ душевною болѣзнью Толстого. Графъ сейчасъ же присмирѣлъ, началъ приходить въ память и постепенно благополучнѣйшимъ образомъ сталъ выздоравливать.

Во время болѣзни товарищи не покидали Александра Петровича, а когда ему стало совсѣмъ хорошо, самъ полковой командиръ пришелъ поздравить его съ выздоровленіемъ, при всѣхъ офицерахъ обнялъ, расцѣловалъ его и, совсѣмъ расчувствовавшись, сказалъ ему:

— Ну, слава Богу, что вы поправились! Знаете ли, меня все мучила мысль, что своею непростительною запальчивостью я былъ причиною вашей болѣзни... Если это такъ, простите меня великодушно!—и они опять обнялись и расцѣловались.

Какъ только успокоенный генералъ ушелъ къ себѣ, графъ весело вскочилъ съ кресель и сказалъ:

— Выигралъ! Гдѣ мое шампанское? Видѣли?—цѣловалъ, миловалъ, каялся... Понялъ, значитъ!.. А мнѣ того и надо... Что хорошо?

Удивленію товарищей не было конца. Разумѣется, шампанское мигомъ явилось и было распито съ восторгомъ. А дороже всего было то, что никогда ни одинъ семеновецъ сора изъ избы не вынесъ: всѣ въ Петербургѣ остались въ томъ убѣжденіи, что бѣдный графъ Толстой сходилъ съ ума, но, слава Богу, его скоро вылечили. Да еще очень хорошо было и то, что послѣ болѣзни графа Толстого полковой командиръ на ученьяхъ сталъ сильно прикусывать свой хлесткій язычекъ...

Просто невѣроятно, какъ такая невозможная штука могла пройти дядѣ моему безнаказанно!.. Да то ли еще онъ творилъ; видно, «бабушка ему ворожила», что все ему сходило съ рукъ благополучно. Кто не знаетъ, какъ императоръ Павелъ Петровичъ былъ строгъ къ военному человѣку? А даже онъ на всѣ провинности своего любимца Толстого всегда самъ прискивалъ смягчающія вину причины, которыя стоили не наказанья, а похвалы. Вотъ тому примѣръ.

Разъ, во время дежурства Александра Петровича въ какой-то тюрьмѣ, у него изъ-подъ караула убѣжалъ преступникъ. Разумѣется, объ этомъ доложили государю.

— А кто былъ дежурный?—строго спросилъ императоръ.

Но, узнавъ имя виновнаго, тотчасъ смягчился и сказалъ:

— Толстой? Толстой прекрасный офицеръ! Это несчастье... А несчастье можетъ случиться со всякимъ.

И не только строгаго наказанія не послѣдовало, но графа не посадили даже на гауптвахту. Офицеры-товарищи диву дались, узнавъ объ этомъ милостивомъ рѣшеніи дѣла.

— Ну, легко отдѣлался, счастливецъ! Случись такое несчастье съ кѣмъ нибудь изъ насъ, не простили бы!.. Улетѣлъ бы голубчикъ туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ!..

— А вамъ жаль, кажется, что я не улетѣлъ?—смѣясь сказалъ графъ.

— Ничуть! Только разница-то ужъ слишкомъ большая... Любимчикъ—и больше ничего!

— Завидно?.. Ну, хорошо, я эту разницу сравняю...

— Какъ сравниешь?—спросили офицеры.

— Очень просто: разгнѣваю государя и полечу, куда Макаръ телятъ не гонялъ.

И точно, дѣло за словомъ у графа не стало. На первомъ же смотрѣ онъ усердно сталъ перепутывать всѣ команды, дѣлать всѣ артикулы постарому, а не поновому. Государь долго терпѣлъ, но, наконецъ, разгнѣвался и грозно крикнулъ:

— Толстой, отдайте вашу шпагу!

Графъ въ одну секунду скорчилъ убитое, огорченное лицо, засуетился, заторопился, руки у него раздрожали: долго и неловко отстегивалъ онъ шпагу и, вмѣсто того, чтобы подать ее адъютанту, подалъ самому государю. Потомъ также медленно и неловко началъ снимать съ себя значекъ и шарфъ (что было совсѣмъ и не нужно), и все это положилъ на руки государя.

Офицеры послѣ, смѣясь, говорили дядѣ:

— Мы, братецъ, начали бояться, чтобъ ты не раздѣлся догола.

Окончивъ свое разоблаченіе, Александръ Петровичъ сдѣлалъ поворотъ направо или налево—не знаю, но такой уморительный, что государь улыбнулся, а всѣ офицеры еле удержались, чтобъ не захохотать. Графъ ушелъ, а императоръ, все еще держа на рукахъ вещи, которыми навьючилъ его Толстой, обратился съ рѣчью къ офицерамъ:

— Господа офицеры! Берите примѣръ съ Толстого: онъ огорчилъ меня и такъ сильно почувствовалъ свою вину, такъ этимъ огорчился самъ, что потерялъ голову и подалъ свою шпагу мнѣ, вмѣсто того, чтобы подать ее адъютанту. Прекрасный офицеръ Толстой, прекрасный! Я его прощаю!..

Такъ дядѣ моему и не удалось улетѣть туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ.

По восшествіи на престолъ императора Александра I, дядя мой все еще не увялся, а проказничалъ, очертя голову, еще больше прежняго. Вотъ еще одна очень забавная изъ его продѣлокъ, и съ кѣмъ же?—съ ангеломъ доброты, съ самимъ императоромъ Александромъ...

Покойный государь, лѣтомъ, во время лагеря, почти всегда присутствовалъ на ученіяхъ; а такъ какъ эти ученія продолжались довольно долго и часто переходили за адмиральскій часъ, въ

который его величество привыкъ заморить червячка, то на такой случай въ палаткѣ его ставился холодный завтракъ, и государь, какъ только начиналъ чувствовать голодь, входилъ въ палатку одинъ, наскоро закусывалъ чѣмъ нибудь и опять проворно уходилъ смотрѣть на ученье. Свитѣ его величества въ лагерѣ завтрака отъ казны не полагалось; Толстой вызвался помочь этому горю.

— Хотите, я сдѣлаю такъ, что намъ будутъ давать казенный завтракъ?

— Это какимъ образомъ?—спросили его товарищи.

— Это ужъ мое дѣло. Держу пари на дюжину шампанскаго, что намъ будетъ отъ казны полагаться завтракъ! Идетъ?

Разумѣется, ему отвѣчали: «идеть!».

На другой же день, какъ только завтракъ государя былъ поставленъ на мѣсто, Толстой, скорчивъ изъ себя очень озабоченнаго чѣмъ-то человѣка, проворно вошелъ въ царскую палатку. Никто и не подумалъ его останавливать, потому что графъ всегда имѣлъ туда доступъ. Черезъ нѣсколько минутъ Александръ Петровичъ съ такимъ же серьезнымъ видомъ прошелъ обратно на плацъ... Немного погодя, видно проголодавшись, государь тоже отправился въ свою палатку. Вошелъ, взглянулъ и изумился: вся сервировка его стола была разорена, а завтракъ весь съѣденъ дотла!.. Не понимая, что это могло значить, государь вышелъ изъ палатки и спросилъ:

— Кто тутъ былъ?

— Свитскій офицеръ графъ Толстой, ваше императорское величество!—было отвѣтомъ ему.

— Не пускать Толстого въ мою палатку,—улыбнувшись, сказалъ государь.—Скрестить ружья и не впускать! Поняли?

Отдавъ это приказаніе, его величество въ очень веселомъ расположеніи духа уѣхалъ изъ лагеря.

На другой день государь, не входя еще въ свою палатку, спросилъ:

— Толстой приходилъ?

— Приходилъ, ваше императорское величество,—отвѣчали ему.

— И не пустили?

— Не пустили, ваше императорское величество.

Очень довольный этимъ отвѣтомъ, государь, весело разсмѣявшись, вошелъ въ палатку. Но, увы, та же исторія: повчерашнему завтраку его величества былъ съѣденъ до крохи.

— Позвать ко мнѣ Толстого!—крикнулъ императоръ.

Толстой мигомъ явился.

— Ты съѣлъ вчера и сегодня мой завтракъ?—едва сдерживая улыбку, спросилъ Александръ Павловичъ.

— Я, ваше императорское величество!

— Скажи мнѣ на милость, что у тебя за фантазія оставлять меня безъ завтрака?

— Это не фантазія, ваше величество, а свитѣ вашей въ лагерѣ завтрака не полагается...

— Вотъ что! А тебѣ очень хочется, чтобы онъ полагался?— расхотавшись, сказалъ государь.

— Намъ вѣдь тоже ѣсть хочется, ваше императорское величество!..

— Шутъ ты гороховый! Ступай, прикажи отъ моего имени, чтобъ съ завтрашняго дня вамъ давали завтракъ.

Толстой было рванулся исполнять приказаніе его величества, но государь остановилъ его:

— Постой, прежде расскажи мнѣ, какимъ манеромъ ты сегодня могъ съѣсть мой завтракъ? Вѣдь тебя въ палатку не впустили!? Это любопытно!

— Очень просто, ваше величество! Когда меня не пустили, я обошелъ палатку кругомъ, выдернулъ колышки, подлѣзъ подъ полотно, съѣлъ вашъ завтракъ, вылѣзъ обратно и опять воткнулъ колышки на мѣсто. Вотъ и все-съ!

— Точно, очень просто!—расхотавшись отъ души, сказалъ государь.

Пишу все это съ подробныхъ рассказовъ отца, дяди моего графа Константина Петровича Толстого и тетушки моей графини Надежды Петровны Толстой. Пишу и право не знаю, чему больше дивиться: ангельской ли добротѣ императора Александра Павловича, или невозможнымъ продѣлкамъ возлюбленнаго моего дядюшки графа Александра Петровича Толстого? Ахъ, чуть было не пропустила двухъ самыхъ глупѣйшихъ его шалостей.

Не помню, въ какомъ именно году, въ Зимній дворецъ привезли (кажется, изъ Сибири) и установили въ одной изъ залъ огромную яшмовую вазу. Я ее видѣла, она была точно громадныхъ размѣровъ, не очень глубокая, въ видѣ бассейна. Теперь ея давно уже нѣтъ; говорятъ, въ 1837 году, во время пожара въ Зимнемъ дворцѣ, она была разбита провалившимся на нее толкомъ.

Такъ вотъ, нѣсколько дней спустя послѣ водворенія этой обновки въ Зимнемъ дворцѣ, по какому-то случаю былъ назначенъ выходъ. Въ залѣ, гдѣ была поставлена новая ваза, столпилось много народа: всѣмъ любопытно было посмотреть на эту новинку. Дамы особенно ахали и дивились на громадную ея величину. Одна молоденькая фрейлина даже вскрикнула:

— Боже, какая большая! Вѣдь въ ней купаться можно..

— А вотъ я попробую!—вызвался Толстой и, какъ былъ, во всемъ парадѣ и регаліяхъ, вскарабкался въ вазу и началъ въ ней представлять, какъ купаются воробы, какъ ныряютъ гуси и утки...

Въ залѣ отъ общаго хохота стонъ стоялъ... Вдругъ дали знать, что государь идетъ... Въ то же мгновеніе Толстой исчезъ. Ему это легко было сдѣлать: прилегъ на дно вазы, и конецъ! Но не такъ легко было всѣмъ видѣвшимъ его уморительныя кривлянья унять свой расхолодившійся хохоть. Государь, проходя между двумя раздвинувшимися рядами дамъ и кавалеровъ, замѣтилъ, что всѣ они, съ раскраснѣвшимися лицами, еле-еле удерживаются, чтобы не прыснуть со смѣху...

— Вѣрно, Толстой!— съ улыбкой спросилъ государь и послѣдовалъ дальше въ другую залу. Не успѣлъ онъ скрыться изъ виду, какъ Толстой вскочилъ на ноги, проворно вылѣзъ изъ вазы и очень важно и чинно присоединился къ свитѣ его величества.

За всѣ эти шалости фрейлины просто обожали Александра Петровича: завладѣли имъ, какъ своею собственностью, давали ему разныя комиссіи, порученія, которыя графъ исполнялъ имъ съ превеликимъ удовольствіемъ.

Вотъ разъ, какъ-то, передъ обѣдомъ, этимъ шалуньямъ вздумалось послать Александра Петровича на придворную кухню узнать, какое сегодня будетъ пирожное. Онъ мигомъ слеталъ и принесъ пріятный отвѣтъ:

— Ликуйте, mesdames, сегодня ваше любимое пирожное: «шпанскій вѣтеръ!» (такъ тогда повара называли *vent d'Espagne*).

Дѣвицы возрадовались...

— Не радуйтесь заранѣе!— скорчивъ печальное лицо, сказала графъ.— Шпанскій вѣтеръ хоть и будетъ, но горе въ томъ, что вы ѣсть его не будете!

— Какой вздоръ, разумѣется, будемъ!..— заспорили фрейлины.

— А я говорю, что нѣтъ!.. И не только вы, никто его въ ротъ не возьметъ!.. Я одинъ буду ѣсть... Хотите пари?

— Да почему мы не будемъ ѣсть?.. почему?..

— Почему?.. ну, ужъ это мой секретъ!..— таинственно отвѣтилъ Толстой.

Пока они спорили и перекорялись, доложили, что кушать подано. Всѣ поспѣшили къ столу. Графъ усѣлся между двумя фрейлинами. Всѣ барышни, заинтригованныя загадочными словами его, съ нетерпѣніемъ ожидали пирожнаго... Наконецъ, шпанскій вѣтеръ появился. Торжественно внесли его официанты и начали разносить по кувертамъ... Всѣ глаза съ любопытствомъ обратились на Толстого; онъ же въ это время пресерьезно повязывалъ себѣ вокругъ шеи салфетку. Молоденькая сосѣдка графа, трепеща отъ нетерпѣнія, сидѣла съ ложкою въ рукѣ, совсѣмъ наготовѣ, чтобы прежде него положить себѣ на тарелку пирожнаго. Но, увы!.. въ то самое время, когда официантъ просунулъ блюдо между нею и имъ, Александръ Петровичъ, съ проворствомъ обезьяны, опередилъ

ея руку, всею своею пятерней захватилъ горсть сливочной пѣны и, какъ мыломъ, намазаль ею себѣ подбородокъ.

Всѣ сидящіе за столомъ остолбенѣли отъ удивленія. А графъ, между тѣмъ, не обращая ни на кого вниманія, преспокойно началъ столовымъ ножомъ брить себѣ бороду. И когда на ножѣ набиралась сливочная пѣна, отираль ее объ свой языкъ и жадно проглатываль.

Нечего и говорить, что гробовое молчаніе въ столовой смѣнилось хохотомъ...

Опять Толстой выигралъ пари: до шпанскаго вѣтра никто не дотронулся, и фрейлины окончили свой обѣдъ не такъ вкусно, какъ предполагали, но зато весело. И опять онъ, какъ гусь, «вышелъ сухъ изъ воды».

Всѣ остальные, самые интересные анекдоты про графа, какъ я сказала выше, нецензурны, а потому разскажу лучше о томъ, какъ онъ разъ задумаль остепениться.

На 29-мъ году своей жизни Александру Петровичу вдругъ пришла фантазія жениться и остепениться. Какъ всегда у него, сказано—сдѣлано. Онъ мигомъ нашель себѣ невѣсту, столбовую дворяночку, дочку вдовы генеральши Рытовой, бывшей камеръ-фрау императрицы Елизаветы Петровны. Посватался и женился. Но эта фантазія не очень-то ему удалась; съ женою своею онъ не прожилъ и года: молодая графиня скончалась при первыхъ родахъ, оставивъ ему послѣ себя дочку, Лизаньку. Не успѣла бѣдная женщина закрыть глаза, какъ матушка ея, генеральша Рытова, потребовала у зятя внучку къ себѣ на воспитаніе. Александру Петровичу очень не хотѣлось разставаться съ ребенкомъ, но онъ подумаль, что малюткѣ у бабушки будетъ лучше, чѣмъ у него, и согласился на требованіе тещи. Генеральша завладѣла внучкой и сейчасъ же увезла ее къ себѣ. Оставшись одинъ, графъ мало-по-малу опять втянулся въ свѣтскую жизнь, а потомъ не выдержаль и началъ опять бѣдокурить.

А милая бабушка-самодурка, лютая крѣпостница и ханжа, принялась воспитывать бѣдную Лизаньку по-своему. И мудрое же это было воспитаніе!

Первымъ дѣломъ, какъ только генеральша привезла къ себѣ внучку, было собрать всю свою крѣпостную челядь и строго-на-строго приказать ей беречь маленькую графинюшку, какъ зѣницу ока, никогда ей ни въ чемъ не перечить, все, что она ни пожелаетъ, сейчасъ же ей подавать, не умничать съ графинюшкой и плакать ей отнюдь не давать. Ко всему этому генеральша, строго грозя пальцемъ, прибавила: «слышали? ну, чтобы такъ, какъ я сказала, у меня и было! А не то... вы меня знаете?!».

Такъ хорошо зналъ этотъ крѣпостной людъ свою барыню, что никому и въ голову не могло бы прийти ее ослушаться.

Съ этой минуты подь крылышкомъ бабушки Лизанькѣ ни въ чемъ не было запрета: на что ни взглянетъ, къ чему ни потянется, все сейчасъ же совали ей въ ротъ и въ руки. А если, Боже сохрани, она ни съ того, ни съ сего зареветь, генеральша, какъ бомба, влетала въ дѣтскую, и тутъ же, при ребенкѣ, начиналась расправа. А какъ только малютка начала стоять на ножкахъ, бабушка и ее самое начала учить драться. Поставить, бывало, дѣвочку на столъ, подведетъ къ ней старую няню и скажетъ: «обидѣла тебя эта хамка, обидѣла? а ты, матушка, сними съ ножки башмачекъ и дуй ее по мордѣ... бей, бей крѣпче!». И генеральша сама показывала внучкѣ, какъ надо бить. И ребенокъ, не понимая, что дѣлаетъ, что было силенки колотилъ свою няню башмакомъ по лицу. Старуха тихо плакала, а генеральша умирала со смѣху.

Александръ Петровичъ ничего не зналъ про эти безобразія; видѣлъ только, что его Лизанька здорова, бѣла, толста, и былъ совершенно спокоенъ. Подошелъ 1812 годъ, графъ всполошился идти на войну, препоручилъ братьямъ своимъ приглядывать за Лизанькой, не оставлять ее добрыми совѣтами и ушелъ воевать съ французами.

Знаю по рассказамъ, что дядя Александръ Петровичъ и воевалъ съ такимъ же увлеченіемъ и смѣлостью, какъ до этого творилъ въ Зимнемъ дворцѣ свои невозможныя проказы. Счастье и на войнѣ везло ему. Быстро отличился онъ своею храбростью, нахваталъ ордена (помянутые мною выше) и, вѣрно, въ военной карьерѣ своей пошелъ бы выше и выше, если бы злодѣйская контузія разомъ не остановила его геройскаго полета. Къ этому сильному потрясенію всего организма дяди прибавились еще болѣзненные остатки прежней невоздержной жизни, и здоровье его вдругъ разстроилось совершенно. Волею-неволею пришлось выйти въ отставку и перейти на болѣе спокойную службу въ банкъ. Когда онъ водворился опять въ Петербургъ, братья и сестры открыли ему глаза насчетъ ужаснаго воспитанія, какое давала бабушка его дочери. Графъ, чтобы разомъ прекратить это зло, отдалъ девятилѣтнюю Лизаньку въ Екатерининскій институтъ. Но и это разъединеніе ни къ чему путному не повело: Рытова и въ институтѣ сумѣла пустить корни, ѣздила туда чуть не всякій день, закармливала дѣвочку сладостями, на каждомъ приѣмѣ, какъ пришитая, сидѣла около нея. И если только отецъ, дядя или тетка заикались, чтобы дать Лизанькѣ добрый совѣтъ, генеральша, какъ тигрица, накидывалась на нихъ и всенародно кричала: «Никто вашихъ совѣтовъ не просить... Мою Лизаньку воспитуетъ сама матушка императрица!.. такъ нечего вамъ тутъ свои носы совать!»...

Изгнать генеральшу Рытову изъ института, безъ особеннаго скандала и не повредивъ дѣвочкѣ, было невозможно; а потому вся родня Александра Петровича, стараясь избѣгать стычекъ съ злою,

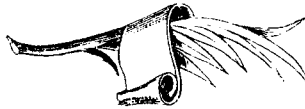
необузданною старухою, разумѣется, всякія наставленія Лизанькѣ отложила въ сторону. У самого же дяди Александра прежней энергіи уже не было; страшная, беспощадная чахотка взяла верхъ надъ его скоропостижнымъ характеромъ: онъ началъ таять, какъ свѣча, и понемногу охладѣвалъ ко всему. Стало быть, и онъ не могъ оградить бѣдную дочь свою отъ пагубнаго вліянія бабушки. О послѣдствіяхъ этого вліянія я расскажу послѣ.

Вотъ въ это-то самое время одинокій, безпомощный Александръ Петровичъ переѣхалъ на жительство къ дѣдушкѣ Петру Андреевичу въ сѣренькій домикъ, гдѣ я, будучи малюткой, видѣла несчастнаго страдальца и запомнила его. Передъ смертью онъ какъ будто немного оживился; поручилъ свою Лизаньку и ея интересы отцу и братьямъ, всѣхъ крѣпостныхъ людей своихъ отпустилъ на волю, а камердинеру своему Ивану Кудрявому, родному племяннику нянюшки Матрены Ефремовны, далъ даже большое денежное награжденіе. Поминаю объ этомъ обстоятельствѣ потому, что этотъ прекраснѣйшій Иванъ Кудрявый, вмѣстѣ съ дочкою барина своего, Елизаветою Александровною, явится еще не разъ въ моихъ воспоминаніяхъ.

Повторю еще, что графъ Александръ Петровичъ умеръ въ 1819 г., и перейду къ остальнымъ дѣтямъ дѣда моего, о которыхъ мнѣ тоже хочется рассказать все, что знаю.

М. Каменская.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОТРЕВОЖЕННЫЯ ТѢНИ.

Емельяновскія узницы.

I.

МОЙ ОТЕЦЪ былъ тогда уѣзднымъ предводителемъ дворянства, и мы жили безвыѣздно и зиму и лѣто въ деревнѣ. Жизнь у насъ вообще была тихая. Гости, сосѣди-помѣщики, пріѣзжали, и мы къ нимъ ѣздили, но того, что называлось «съѣздами», у насъ не бывало. Только разъ въ году, одиннадцатаго августа, въ день рожденія отца, собиралось къ обѣду человекъ пятьдесятъ гостей; вечеромъ, послѣ чая, они всѣ разѣзжались по домамъ.

Отецъ былъ изъ числа трехъ-четырехъ помѣщиковъ въ уѣздѣ, которые выписывали газеты, журналы, книги. Въ кабинетѣ у него стояли вдоль стѣнъ высокіе, до потолка, шкафы, наполненные книгами, а передъ окнами, выходившими въ садъ,—большой письменный столъ, обставленный портретами тогдашнихъ литераторовъ въ рамкахъ подъ стекломъ. Въ этомъ кабинетѣ, на коврѣ, которымъ былъ устланъ весь полъ, я просиживалъ цѣлые дни при немъ и безъ него, разсматривая картинки въ книгахъ; потомъ я сталъ читать безъ всякаго разбора и эти книги. Мнѣ не было десяти лѣтъ, когда я прочиталъ «Исторію консульства и имперіи» Тьера, «Исторію Наполеона», соч. Полеваго, и множество другихъ оригинальныхъ и переводныхъ статей и сочиненій о Наполеонѣ.

Эта моя любовь къ книгамъ, я помню, очень радовала отца, и онъ всегда совершенно серьезно отвѣчалъ мнѣ на вопросы и бесѣдовалъ со мною о Наполеонѣ, о его маршалахъ, не показывая и виду, что это ему можетъ быть скучно.

Онъ съ совершенно серьезнымъ лицомъ призывалъ меня иногда въ кабинетъ и поручалъ привести въ порядокъ письменный столъ, то-есть, все—портреты, книги, бумаги—снять со стола, стереть пыль и потомъ опять все разставить и разложить по мѣстамъ. Онъ никому не довѣрялъ этого, кромѣ меня. При постороннихъ, при гостяхъ, полушутя, полусерьезно, онъ называлъ меня своимъ библио-текаремъ.

Все это вмѣстѣ возвышало меня въ моихъ глазахъ, развивая самоуваженіе, впечатлительность, нервность. Это очень драгоценныя качества, которыя мнѣ пригодились впоследствии, и я имъ много обязанъ, но тогда они изъ меня сдѣлали до болѣзненности чуткаго ко всему мальчика, который все хотѣлъ видѣть, знать, понимать.

Отъ этого многіе случаи тогдашней жизни, не составлявшіе по тому времени ничего особеннаго, мимо которыхъ проходили всѣ, не задумываясь надъ ними, на меня производили сильное впечатлѣніе, доводя меня чуть не до нервныхъ припадковъ. Да и бывали припадки...

Очень многіе изъ этихъ случаевъ, благодаря произведенному ими на меня сильному впечатлѣнію, до такой степени живо представляются мнѣ во всѣхъ подробностяхъ до сихъ поръ, что, мнѣ кажется, умѣй я рисовать, я бы нарисовалъ даже лица, выраженіе глазъ людей, бывшихъ при этомъ, не только всю обстановку, костюмы, гдѣ кто стоялъ, сидѣлъ, и проч.

Впоследствии, много лѣтъ спустя, желая провѣрить свою память, самого себя, не ошибаюсь ли я, много разъ спрашивалъ я свидѣтелей или дѣйствующихъ лицъ, которые въ то время были взрослыми и, слѣдовательно, лучше меня должны были помнить все, всѣ подробности, и они съ удивленіемъ подтверждали все, что я рассказывалъ имъ, рѣшительно не понимая, какъ я это могъ запомнить. Было нѣсколько разъ даже такъ: я рассказывалъ, и мнѣ возражали, говорили—это было не такъ; но когда продолжали вспоминать дальнѣйшія подробности и обстоятельства случая, выходило, напротивъ, что это было именно такъ, какъ я рассказывалъ, по-моему, и что иначе этого даже не могло и быть.

Но какъ бы драгоценны эти качества ни были, и какъ бы ни годилось мнѣ это все теперь, было бы гораздо, всетаки, лучше, если бы память моя была свободна отъ всего этого. Характеръ всѣхъ этихъ воспоминаній, обусловленный тогдашнимъ временемъ и тогдашними нравами, очень ужъ тяжелъ, и носить всю жизнь въ себѣ эту отраву нельзя безнаказанно...

Я хочу здѣсь разсказать одинъ такой случай. Я сдѣлался совершенно случайно свидѣтелемъ его, то-есть, правильнѣе, никто не предполагалъ, что онъ, случай этотъ, во-первыхъ, выйдетъ по обстоятельствамъ такимъ, а, во-вторыхъ, что онъ произведетъ на меня такое страшно тягостное и глубокое впечатлѣніе. Казалось, по-настоящему, онъ долженъ бы былъ произвести и оставить въ памяти, напротивъ, впечатлѣніе свѣтлое, отрадное... Но такъ несчастливо вышло все это...

II.

То, что я буду разсказывать здѣсь, происходило въ сорокъ девятомъ году. Читатель долженъ припомнить, какое это было тревожное время, и какъ боялись тогда у насъ какого бы то ни было движенія, всячески устраниая малѣйшіе къ нему поводы.

Губернаторомъ тогда въ нашей губерніи былъ П. А. Б—въ. Это былъ очень умный и энергичный человѣкъ, но дворянство его почему-то у насъ не любило. Во главѣ недовольныхъ имъ стоялъ извѣстный Ю. Н. Г—нъ, который былъ тогда у насъ губернскимъ предводителемъ. Партіи ли тогда такъ раздѣлялись, личная ли ссора была тому причиной, или другіе какіе были мотивы и причины къ тому, но только отецъ считался въ числѣ противниковъ Г—на, человѣка, отличавшагося вообще страшной жестокостью, взбалмошнаго, не рѣдко прямо таки истязавшаго людей. Съ Б—въ же, напротивъ, отецъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Обѣзжая каждый годъ лѣтомъ губернію для ревизіи, Б—въ всякій разъ, какъ попадалъ въ нашъ уѣздъ, непременно заѣзжалъ въ нашу деревню и проживалъ день, два, у насъ, устраиваясь на это время въ кабинетъ у отца.

Я помню, какъ съ его пріѣздомъ набиралось къ намъ много разныхъ чиновниковъ, и они дожидались все въ залѣ, пока одного по одному ихъ вызывали къ губернатору въ кабинетъ. Они все ужасно боялись губернатора, «потому что они все воры», какъ мнѣ объяснялъ это однажды самъ Б—въ, и ходили на ципочкахъ блѣдныя, растерянные, умоляя отца, чтобы онъ заступился за нихъ. И онъ очень часто за нихъ заступался, просилъ Б—ва простить или смягчить наложенное имъ наказаніе.

Однажды, я попалъ на крайне тяжелую сцену. Матушка послала меня за чѣмъ-то къ отцу, который былъ въ кабинетѣ вмѣстѣ съ Б—мъ, ревизовавшимъ тамъ какія-то дѣла, вытребованные имъ сюда изъ города, и толковавшимъ съ чиновниками. Когда я вошелъ, Б—въ сидѣлъ, погруженный въ бумаги; кругомъ него, затаивъ дыханіе, ни живы, ни мертвы, стояло нѣсколько человѣкъ этихъ несчастныхъ, и между ними я узналъ нѣкоторыхъ, которыхъ я видѣлъ раньше, когда они за чѣмъ-то пріѣзжали къ

отцу. Особенно памятенъ мнѣ былъ, и я сразу узналъ его, стряпчій, очень толстый человѣкъ, съ огромнымъ животомъ, лысый, безъ одинаго знака волосъ, съ какимъ-то бѣлымъ пушкомъ на затылкѣ и на вискахъ. Онъ былъ красенъ. Всѣ чиновники были блѣдны отъ страха, а онъ былъ съ багровымъ почти лицомъ, ротъ полуоткрытъ, и нижняя челюсть у него тряслась. Я говорилъ съ отцомъ, а самъ все не сводилъ глазъ съ стряпчаго. Вдругъ Б—въ, молча читавшій и разбиравшій бумаги, вскочилъ, провелъ рукой по лицу — нервный жестъ его — оглянулся и остановилъ взглядъ на стряпчемъ...

— Каналья!—вдругъ услыхалъ я:—разбойникъ! Креста на тебѣ нѣтъ! Съ живаго шкуру дерешь!.. Сгною тебя, каналью!.. Въ чортову баню его!—быстро поворачиваясь къ привезенному имъ съ собою чиновнику, добавилъ Б—въ. Стряпчій, между тѣмъ, становился все меньше и меньше въ своемъ ростѣ, точно онъ уходилъ въ землю, и вдругъ упалъ на колѣни, глухо стукнувъ на коврѣ.

Сцена была невыносимо тяжелой.

— Простите его,—сказалъ отецъ:—въ послѣдній разъ его простите...

Стряпчій лежалъ молча.

Б—въ, презрительно, брезгливо смотрѣвшій на стряпчаго, распростертаго у его ногъ, проговорилъ какъ бы самъ съ собою:

— И этотъ человѣкъ называется царскимъ окомъ! Это царское бѣльмо... Вставай!..—и онъ топнулъ на него ногой.

Стряпчій, тучный человѣкъ, съ багровымъ лицомъ, одинъ не могъ уже подняться съ полу, и ему помогали подняться другіе бывшіе тутъ и ожидавшіе своей очереди чиновники. Когда его, наконецъ, подняли, онъ что-то бормоталъ: «вѣкъ не буду... жена... дѣти», что-то въ этомъ родѣ.

— Не меня! — закричалъ Б—въ. — Вотъ предводителя благодарилъ: я для него тебя простилъ. Но попадись ты, каналья, мнѣ еще разъ, сгною тебя въ чортовой банѣ (въ уголовной палатѣ, подъ судомъ).

Эта сцена, вотъ, передъ глазами у меня, какъ будто вчера это было. И вытянутое, зеленое, искаженное злобой лицо губернатора, и опускающійся, точно уходившій въ землю, лысый стряпчій, подъ этими неподвижными злобно-холодными взглядами губернатора. Умѣй я рисовать, я нарисовалъ бы все это въ мельчайшихъ подробностяхъ...

Въ этотъ день, за обѣдомъ, когда чиновниковъ никого уже не было, Булгаковъ самъ вспомнилъ, или кто спросилъ его объ этой сценѣ съ стряпчимъ, но только онъ горячо началъ говорить о томъ, что это все за народъ:

— Вѣдь они знаютъ ничего не хотятъ! Они дразнятъ только

народъ. Они вѣдь не знаютъ, что тамъ въ Петербургѣ папки у всѣхъ дрожать...

Я помню, меня заинтересовало, почему это «въ Петербургѣ папки у всѣхъ дрожать», и я тихо спросилъ объ этомъ у отца, рядомъ съ которымъ я сидѣлъ.

— Время такое... отвѣтилъ онъ.

— Да, ужъ время! — подтвердилъ Б—въ. — А они въ это-то время что затѣяли! Я только и дѣлаю, что улаживаю то тамъ, то тутъ, а они затѣяли чуть не цѣлыми десятками въ Сибирь въ ссылку приговаривать. Вѣдь этакъ они возстаніе вызовутъ, стрѣлять придется еще потомъ...

— Это все по Емельяновскому дѣлу? — спросила его матушка.

— Да-съ, по Емельяновскому: вѣдь у него и тутъ, и въ нашемъ уѣздѣ, есть имѣнія, — отвѣчала ей Б—въ.

Что это за дѣло было такое, я не помню. Но Емельянова, сѣдого совѣмъ старика, я видалъ, зналъ; онъ нѣсколько разъ приѣзжалъ къ намъ, и этотъ разговоръ о немъ я запомнилъ по другому случаю, о которомъ я собственно и буду рассказывать, и который разыгрался, самое большее, недѣли черезъ двѣ послѣ того, какъ у насъ былъ Б—въ.

III.

Стояла жаркая погода, какая бываетъ у насъ обыкновенно въ концѣ іюля и въ началѣ августа, въ самую уборку хлѣба. Отецъ былъ въ полѣ, вернулся, и мы только что сѣли обѣдать въ столовой, половина оконъ которой — тѣ, что выходили на солнечную сторону — были наглухо закрыты ставнями, а другія, выходившія на тѣнистую сторону, были настежь отворены, отчего въ комнатѣ было полутемно, но зато прохладно.

Вдругъ послышался колокольчикъ, бубенчики, и вслѣдъ за тѣмъ кто-то на тройкѣ, въ телѣгѣ, промелькнулъ передъ окнами, и колокольчикъ сразу точно оборвался: очевидно, подѣхали и остановились у крыльца. Намъ всѣмъ показалось, что на тройкѣ, въ телѣгѣ, сидѣлъ кто-то въ военной фуражкѣ. Матушка съ отцомъ въ недоумѣніи переглянулись: кто бы это могъ быть?

Вошелъ лакей, подававшій намъ обѣдать, и таинственно какъ-то проговорилъ:

— Жандармъ съ пакетомъ отъ губернатора...

Это извѣстіе было уже совѣмъ неожиданное. и при томъ видимо смутившее отца. Онъ сейчасъ же всталъ и вышелъ въ переднюю, а матушка проводила его глазами, потомъ посмотрѣла на насъ и какъ-то странно замолчала и задумалась.

Я запомнилъ, что, хотя не понималъ тогдашняго духа времени, не понималъ, что такое жандармъ, на меня это смущеніе отца и ма-

тушки, вообще вся эта сцена, произвели неприятное, тягостное впечатлѣніе.

Отецъ скоро вернулся съ пакетомъ съ красной печатью въ одной рукѣ—пакетъ былъ толстый—и съ запиской въ другой... Эту записку онъ молча передалъ матушкѣ и принялся ѣсть свой простывшій супъ. Но уже по лицу его, вообще по спокойному его виду, я могъ понять, что тревожнаго ничего не было.

Матушка прочитала письмо и, возвращая его отцу, спросила:

— Когда же ты поѣдешь?

— Сейчасъ. Вотъ пообѣдаю и поѣду. Я ужъ лошадей велѣлъ запрягать.

— Куда?—спросилъ я.

— Въ другой уѣздъ, верстъ за сорокъ, къ Емельянову,—отвѣтилъ отецъ.

— Когда же думаешь назадъ?—спросила его матушка.

— Сегодня же, ночью, вѣроятно...

— Возьми меня съ собою,—сталъ просить я.

— Тебя? Что-жъ тебѣ тамъ дѣлать?

— Возьми меня.

Матушка не возражала, сдѣлавъ замѣчаніе только: «а если придется ночевать?». Отецъ тоже не возражалъ; я повторилъ опять просьбу взять меня съ собою, и онъ какъ-то неожиданно въ разсѣянности и въ задумчивости проговорилъ:

— Ну, хорошо...

Мы скоро пообѣдали, и я побѣжалъ собираться.

Страннымъ поѣздомъ двинулись мы въ путь. Когда я вышелъ на крыльцо, я увидалъ слѣдующее. У самага крыльца стоялъ нашъ открытый тарантасъ, запряженный тройкой, но почему-то безъ колокольчика. На козлы, чтобы сѣсть рядомъ съ кучеромъ, карабкался какой-то неизвѣстный мнѣ мужикъ съ лицомъ солдата, въ простомъ сѣромъ армякѣ, который у него при этомъ распахнулся, и оттуда былъ виденъ синій мундиръ. На головѣ у этого загадочнаго мужика была надѣта мужицкая шапка гречневикомъ. Позади тарантаса были еще три тройки, въ телѣгахъ, и въ каждой по четыре мужика, но уже дѣйствительныхъ, настоящихъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я даже зналъ въ лицо.

— Понятые, вы поѣзжайте впередъ,—сказалъ отецъ:—и не доѣзжая до Ильинки такъ верстъ двухъ, дождитесь меня. Я тутъ не далеко заѣду еще и догоню васъ потомъ.

Тройки одна за другой тронулись и поѣхали полной рысью, а мы съ отцомъ начали усаживаться въ тарантасъ. Матушка, сестра, гувернантка, провожали насъ.

— Да, конечно... Тамъ нечего дѣлать. Я ихъ отправлю и сейчасъ же домой,—отвѣчая матушкѣ на ея вопросъ, сказалъ отецъ ужъ изъ тарантаса и велѣлъ кучеру ѣхать въ Семеновку, сельцо

верстахъ въ трехъ отъ насъ. Надо взять тамъ Василю Николаевича,—добавилъ онъ.

Василій Николаевичъ былъ письмоводитель отца и, когда не было никакого дѣла, жилъ въ Семеновкѣ у своего тестя, мелкопомѣстнаго помѣщика.

У отца—его «собственная»—была отличная рысистая тройка, молодецъ кучеръ тоже «собственный», т. е. съ которымъ только онъ ѣздилъ (у матушки, каретный, былъ другой), и мы, какъ птицы, полетѣли.

Но куда, то-есть собственно зачѣмъ мы ѣхали, что намъ тамъ предстояло дѣлать, что мы тамъ увидимъ, ничего я этого не зналъ. Отецъ былъ и серьезенъ и въ то же время веселъ. Шутя спрашивалъ жандарма, удобно ли ему въ мужицкомъ армякѣ и шапкѣ, и проч. Меня томила неизвѣстность, подмывало любопытство, хотѣлось спросить, узнать, зачѣмъ мы ѣдемъ, что тамъ будетъ такое, но я не спрашивалъ, удерживался и, кажется, изъ опасенія, что какъ бы отецъ не раздумалъ и не оставилъ бы меня дома.

Въ Семеновкѣ мы очень скоро управились. Василій Николаевичъ былъ дома, сейчасъ собрался, сѣлъ съ нами въ тарантасъ, захвативъ и свой вѣчный, громадный, зеленый, толстый портфель, наполненный бумагой, баночками съ чернилами, транспарантами, карандашами, и проч.

Когда онъ сѣлъ, и мы опять поѣхали, отецъ вынулъ изъ бокового кармана пакетъ съ большой красной печатью, полученный имъ отъ губернатора, вынулъ оттуда бумагу и далъ ему прочитать ее. Отецъ потомъ подаль ему письмо, которое онъ давалъ за обѣдомъ прочитать матушкѣ. Василій Николаевичъ и его прочиталъ.

— Надо это все сдѣлать аккуратно... безъ шума,—сказалъ отецъ и кивнулъ головой на жандарма, сидѣвшаго на козлахъ.

— Ахъ, это онъ и есть?—улыбаясь, проговорилъ Василій Николаевичъ и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на него.

— Я нарочно велѣлъ ему переодѣться, чтобъ не было замѣтно. А то увидятъ, смекнутъ, уберутъ ихъ, и мы ничего и никого не увидимъ... Понятыхъ, двѣнадцать человекъ, я ужъ отправилъ впередъ. Они насъ будутъ дожидать, версты двѣ не доѣзжая до Ильинки.

— Какъ бы они не разболтали тамъ?

— Они ничего не знаютъ: куда, какъ, зачѣмъ, — отвѣтилъ отецъ.

Я не выдержалъ и спросилъ:

— А мы къ самому Емельянову въ домъ?

— Нѣтъ, его тамъ нѣтъ,—сказалъ отецъ...

— Такъ къ кому же?

— Къ нему въ садъ,—усмѣхаясь отвѣтилъ мнѣ отецъ, и вдругъ посмотрѣлъ на меня и сдѣлался серьезенъ, не то задумчивъ.

— А вотъ я взялъ тебя,—началъ онъ, помолчавъ немного:— да, кажется, напрасно это сдѣлалъ...

У меня душа ушла въ пятки. Ну, какъ онъ раздумаетъ, не возьметъ меня? Мы вернемся въ Семеновку, и онъ меня тамъ оставить у тестя Василя Николаевича... а потомъ, на возвратномъ пути, заѣдетъ за мною... а то попросить доставить меня обратно домой...

Все это вдругъ мелькнуло и перемѣшалось у меня въ головѣ. Но лошади летѣли, и я молчалъ. Не хотѣлъ ли отецъ возвращаться въ Семеновку, чтобъ не терять времени, не опоздать, или передумалъ, нашелъ, что ничего, что онъ взялъ меня съ собою, но только онъ очень скоро началъ опять говорить съ письмоводителемъ...

IV.

— Я думаю такъ сдѣлать,—говорилъ онъ:—мы подъѣдемъ къ саду, знаете, тамъ ворота есть у дороги, войдемъ въ нихъ и пойдемъ по саду, какъ будто ѣхали мимо, устали, жарко, и захотѣли пройтись, отдохнуть, яблоковъ купить... «Онѣ», Б—овъ пищеть, всѣ у «него» въ саду содержатся, работаютъ тамъ въ этомъ уборѣ...

— Можно навести разговоръ, спросить такъ стороной объ нихъ. Гдѣ онѣ, дескать, мы слышали...—посовѣтовалъ Василій Николаевичъ.

— Да навѣрное и безъ этого увидимъ, встрѣтимъ. Чего приказчику-то опасаться? ихъ уѣздный предводитель—пріятель Емельянова, да и нѣтъ его вовсе теперь здѣсь, онъ въ Москвѣ живетъ. Исправникъ, становой и т. д. всѣ куплены, свои люди... Ахъ, ужасъ!—заклучилъ отецъ.

— А потомъ какъ же?—спросилъ письмоводитель.

— А потомъ—въ Т—овъ. Сейчасъ же ихъ, «въ этомъ же уборѣ» самомъ, какъ выражается Б—овъ. Вонъ, съ нимъ,—отецъ кивнулъ на жандарма:—на тройки ихъ, и маршъ!..

Мы проѣхали ужъ верстъ двадцать, больше половины дороги.

— Ты развѣ бывалъ прежде у Емельянова?—спросилъ я отца

— Бывалъ. Разъ или два какъ-то былъ.

— Хорошій у него садъ?

— Хорошій.

— Мы погуляемъ тамъ и домой?

— Погуляемъ и домой.

Василій Николаевичъ (очень хорошій, милый человѣкъ) слушалъ этотъ разговоръ нашъ и улыбался.

— Да, погуляемъ,—повторилъ отецъ какъ-то загадочно.

— Вотъ только бы намъ найти, увидѣть, встрѣтить ихъ,—говорилъ все письмоводитель.

— А мы кого тамъ должны встрѣтить?—опять спросилъ я и

опять понялъ, что сдѣлалъ безтактность, мнѣ не слѣдовало бы спрашивать.

Отецъ опять съ досадою кивнулъ головой, дескать: «зачѣмъ я его бралъ съ собой...».

Я понялъ этотъ жестъ, догадался и присмирѣлъ.

Отецъ снова заговорилъ съ писемоводителемъ все о томъ же, какъ имъ подѣхать къ усадьбѣ Емельянова, чтобы не вызвать подозрѣнія къ цѣли ихъ пріѣзда, какъ войти въ садъ, подъ какимъ предлогомъ гулять тамъ, какъ разузнать, если они не встрѣтятся и не увидятъ «ихъ», гдѣ «онѣ», какъ «ихъ» взять оттуда и отправить и проч., и проч. Въ общемъ я началъ догадываться и даже понялъ, что мы ѣдемъ къ Емельянову взять тамъ у него какихъ-то бабъ, которыхъ онъ держитъ скованными, или что-то въ этомъ родѣ, у себя въ саду, подъ надзоромъ управляющаго, такого же истязателя, какъ и самъ онъ; понялъ, что бумага отъ губернатора и этотъ переодѣтый жандармъ, что сидитъ у насъ на козлахъ, присланы по этому дѣлу, и что это дѣло Б—овымъ поручено исполнить отцу, такъ какъ тамошній, ит—скій, предводитель пріятель Емельянова, все позволяетъ ему, ни на что не обращаетъ вниманія, а исправникъ и другіе все позволяютъ ему за взятки, а между тѣмъ это ужасное дѣло, которое Б—ову необходимо покончить, и вотъ онъ, употребивъ всѣ средства и, всетаки, не добившись ничего, обратился теперь къ отцу, какъ къ сосѣднему предводителю и къ своему хорошему знакомому, и проч., и проч.

— Вы понимаете, мы это должны устроить: «въ личное мнѣ одолженіе, не въ службу, а въ дружбу», пишетъ Б—въ, — нѣсколько разъ повторялъ отецъ Василю Николаевичу.

И снова, какъ тогда за обѣдомъ, говорилъ Б—овъ: «Въ этакое время, когда у всѣхъ и въ Петербургѣ-то шапки на головахъ трясутся, а тутъ эдакое возмутительное звѣрство совершается среди бѣлаго дня, на глазахъ у всѣхъ! Вѣдь этакъ и до бунта довести можно... А тамъ стрѣлять...» и т. д., и т. д.

Поѣздка наша представлялась мнѣ все серьезнѣе и серьезнѣе. Воображеніе разыгрывалось, мысли напрягались. Мнѣ хотѣлось все видѣть, знать, и я боялся только одного, какъ бы меня отецъ не оставилъ гдѣ, какъ бы не взялъ меня съ собою, когда пойдетъ въ садъ, и я ничего, никого «ихъ» не увижу...

Со мной уже былъ случай—я видѣлъ, какъ дядя травилъ дьякона въ конопляникѣ, и у меня сдѣлался нервный припадокъ. Отецъ и малушка тогда напугались и съ тѣхъ поръ за мною внимательно слѣдили, осмотрительно обдумывали, куда меня можно, то-есть собственно къ кому, взять съ собою, гдѣ я «не налечу» на подобнаго рода сцены, къ кому нельзя, гдѣ есть въ этомъ отношеніи рискъ.

Теперь, какъ я понялъ, что намъ предстояло увидѣть, я даже удивился, какъ это отецъ взялъ меня съ собою, отправляясь по такому дѣлу, и матушка ему не возражала. Я имѣлъ полное основаніе опасаться, что онъ попытается, по крайней мѣрѣ, устроить такъ, чтобы я не все это видѣлъ. Я сидѣлъ поэтому и вель себя какъ можно бодрѣе, чтобы не возбудить въ отцѣ никакихъ мыслей объ опасности для меня слезъ, припадка и т. под. А у самого, я уже чувствовалъ это, было такое настроеніе, такое состояніе, что, кажется, чуть что, и я вотъ-вотъ готовъ буду сейчасъ—горло сдавить, подступая слезы, и въ глазахъ пойдутъ темные и золотые круги.

V.

Между тѣмъ, мы подъѣхали—вдругъ и какъ-то неожиданно—къ тому мѣсту, гдѣ насъ должны были дожидаться тройки съ понятыми мужиками, и они дѣйствительно дожидались насъ.

— «Ужъ такъ близко,—подумалъ я, чувствуя нервный холодъ:—вотъ немного еще, и мы тамъ... у этого Емельянова будемъ»...

Мы подъѣхали къ мужикамъ, понятымъ. Понятые стояли всѣ въ кучѣ, безъ шапокъ; тройки ихъ стояли нѣсколько въ сторонѣ.

— Вотъ что,—сказалъ имъ отецъ:—вы поѣзжайте, такъ немного погодя, шагомъ и остановитесь, вы увидите тамъ, гдѣ будутъ мои лошади стоять, знаете, у воротъ, что справа въ поле ведутъ изъ сада. Кто бывалъ у Емельянова, въ Ильинкѣ?

Нѣсколько мужиковъ откликнулось.

— Ну, такъ вотъ, станьте же тамъ. Будетъ кто спрашивать откуда, что за народъ,—говорите: въ городъ судится ѣздили, теперь остановились, хотимъ яблоковъ въ саду купить. И ничего больше. Понимаете? А тамъ я вамъ скажу, въ чемъ дѣло. Сами увидите. Ну, только... Съ Богомъ, трогай!—обратился онъ къ кучеру.

Мы опять полетѣли.

Дорога шла подъ изволокъ, а вдали ужъ синѣла деревня, садъ и постройки Емельяновской усадьбы.

— «Сейчасъ, сейчасъ пріѣдемъ»,—думалъ я, глядя на эту приближающуюся и все болѣе и болѣе ясно видимую усадьбу.

Вотъ уже и садъ обозначился—должно быть, старый, большой. Въ серединѣ его, и какъ бы углубившись въ него, большой сѣрый господскій домъ съ бѣлыми колоннами и мезониномъ, конюшни, флигеля, дворовыя постройки...

— Держи влѣво, мимо усадьбы, по дорогѣ. Тамъ у садовыхъ воротъ, что въ поле выходятъ, остановишься,—сказалъ кучеру отецъ:—и поѣзжай тише.

Оказалось, что намъ нужно было проѣхать мимо дома и всей усадьбы и потомъ тамъ, у воротъ, остановиться. Я почему-то думалъ, наоборотъ, что мы оттуда подъѣдемъ.

На большомъ господскомъ дворѣ было тихо, ни души. Окна въ домѣ всѣ затворены, вообще какой-то не жилой, скучной, казалась вся мѣстность. Когда мы проѣзжали мимо усадьбы, съ пруда шли двѣ бабы и несли на плечахъ мокрое, только что выстиранное бѣлье. Онѣ намъ поклонились.

— «Не эти?» — мелькнуло у меня въ головѣ.

Мы обогнули усадьбу и легкой рысью ѣхали по дорогѣ, съ одной стороны которой тянулся садъ, а съ другой — конопляники. Садъ былъ огромный, особенно туда въ глубь. Наконецъ, конопляники кончились, и пошли жнивья ржанья.

— Направо, у воротъ, стой, — услыхалъ я вдругъ голосъ отца.

Кучеръ остановился у плохенькихъ, полуизломанныхъ, какія бывали всегда у садовъ, воротъ.

— А ты сиди тутъ, жди тутъ насъ, — сказалъ отецъ обернувшись къ намъ лицомъ жандарму.

— Если будутъ спрашивать: чьи, — какъ отвѣчать прикажете? — спросилъ смѣтливый, а, можетъ, и догадавшійся о таинственности нашей поѣздки, кучеръ.

— Такъ и говори, какъ есть на самомъ дѣлѣ, — отвѣчалъ ему отецъ.

Мы всѣ трое вышли изъ тарантаса, отецъ отворилъ незапертыя ворота, и вошли въ садъ.

Направо и налево, очевидно вдаль и вокругъ всего сада, шла аллея изъ старыхъ, развѣсистыхъ, обросшихъ мохомъ у корней, березъ. Въ какую сторону повернуть, куда пойти по ней — направо или налево? Мы постояли и пошли направо. Въ саду ни души, тишина мертвая. Жара уже спала, солнце склонялось къ заходу, и косые лучи его прорѣзывали и золотили густую листву. Мы шли, въ лицо намъ вѣяло прохладой, запахомъ глухой крапивы, медовика, кашки, сорныхъ травъ, обильно и густо заполнявшихъ куртины запущеннаго сада.

Мы шли все дальше. Этой длинной березовой аллеѣ, казалось, конца не будетъ, и все ни души, даже признаковъ человѣка, что онъ былъ здѣсь; грабель, лопать, скрибковъ — ничего не было видно. Дорожки совсѣмъ заросли травой, ихъ, очевидно, и не чистили даже съ самой весны.

— Неужели никого нѣтъ? Ну, какъ это все вздоръ?.. Ему ложно донесли, или это Богъ знаетъ еще когда было? — проговорилъ отецъ и добавилъ:

— А! Василій Николаевичъ?

Тотъ вскинулъ плечами и проговорилъ:

— Пойдемте дальше. Это, можетъ, дальній самый конецъ сада и запущенъ онъ у нихъ. Тамъ, дальше, что будетъ...

Вслѣдъ затѣмъ мы увидали: далеко впереди какихъ-то два рабочихъ съ граблями на плечахъ перешли поперегъ дорожку, по которой мы шли.

— А? Вонъ люди!—вырвалось радостно у отца.

Мы прошли еще немного и увидѣли большую, широкую поляну, не то куртину, уставленную копнами скошеннаго сѣна. По этой полянѣ росли рѣдкія, старыя, наполовину засохшія и разодранныя бурей яблони. По серединѣ поляны стояла телѣга, запряженная лошадыю, и на эту телѣгу челоуѣкъ пять мужиковъ накладывали совѣмъ ужъ сухое сѣно. Мужики сняли шапки, поклонились намъ и, все еще не покрываясь, съ удивленіемъ смотрѣли на насъ: откуда мы взялись и кто мы такіе?

— Богъ помочь!—крикнулъ имъ отецъ и свернулъ въ куртину къ мужикамъ. Мы съ Василюемъ Николаевичемъ—за нимъ.

— Здравствуйте, ребята. Что, сѣно накладываете?—продолжалъ отецъ.—Ужъ высохло? Хорошо?

— Точно такъ, сѣно,—отозвались мужики.

— Вы, что-жъ, одни тутъ въ саду? А управляющій тутъ, или въ полѣ?

— Онъ тамъ вотъ, съ бабами...

Мужики кивнули впередъ, вдаль.

Тамъ дѣйствительно виднѣлись люди.

Отецъ не то поклонился, не то поправилъ фуражку, и мы пошли туда куртиной, прямокомъ.

Вдали мы скоро увидѣли нѣсколькихъ мужиковъ, бабъ и кого-то съ ними въ синемъ—въ поддевкѣ или въ сюртукѣ, какіе носили въ то время мѣщане, городскіе купцы,—очевидно, управляющаго. Тамъ, оттуда насъ тоже увидѣли и смотрѣли на насъ: откуда это мы, кто это, что за люди?

Отецъ шелъ крупнымъ шагомъ по скошенной травѣ, по рядамъ не собраннаго, но ужъ сухого сѣна. Я торопился поспѣвать за нимъ.

VI.

Вотъ мы подошли ужъ близко. Среднихъ лѣтъ челоуѣкъ въ синемъ, внимательно все время смотрѣвшій на насъ, должно быть, узналъ отца, снялъ картузъ и распустилъ подобострастную улыбку на лицѣ.

— А мы у васъ тутъ въ саду заблудились, ѣхали изъ города, да захотѣлось пройтись, устали и заблудились. Здравствуй,—сказалъ отецъ, раскланиваясь съ нимъ.

Челоуѣкъ въ синей поддевкѣ сдѣлалъ еще болѣе подобострастное, ласковое лицо и отвѣчалъ ему что-то въ родѣ того, что садъ дѣйствительно большой, обширный, и, не зная его хорошо, легко можно заблудиться...

— Ты управляющій?

— Точно такъ-съ.

— А Назаръ Павловичъ (Емельяновъ) дома, у себя?

— Никакъ нѣтъ-съ. Въ другомъ имѣніи, въ Малиновкѣ, верстъ десять отсюда будетъ.

Пять-шесть бабъ и столько же мужиковъ сгребали сѣно. Видимо, это были не тѣ, которыхъ намъ нужно.

— Что это вы запоздали какъ съ покосомъ?—заговорилъ отецъ.

— Да такъ-съ, все некогда было. Въ полѣ работы много было.

— Пить хочется. Нельзя ли у васъ тутъ яблоковъ что ли купить? У васъ садъ сданъ?—спросилъ отецъ.

Управляющій точно и не вѣсть какую услыхалъ радость, засуетился весь и хотѣлъ куда-то поспѣшно идти, но отецъ остановилъ его, замѣтивъ, что мы сами пойдёмъ, лишь бы онъ насъ только проводилъ, гдѣ шалашъ арендаторовъ сада.

— Устали, ѣхали долго, ноги хочется размять.

Управляющій, показывая путь, пошелъ сбоку, нѣсколько держась позади отца, а мы съ Василиемъ Николаевичемъ еще шага на три, на четыре позади ихъ. Мы вышли изъ куртинъ на внутреннюю, шедшую, очевидно, посреди сада широкую липовую аллею и сейчасъ же увидали на ней четырехъ женщинъ или дѣвушекъ въ какомъ-то странномъ уборѣ, въ какихъ-то хомутахъ, съ цѣпами на шеѣ, чистившихъ скребками дорожку.

— Это что такое?—дѣлая удивленное лицо и всматриваясь въ нихъ, воскликнулъ отецъ.

— Ослушницы-съ. Противницы. Господской волѣ не покоряются,—со вздохомъ и скороговоркой отвѣтилъ управляющій.

Что дальше говорилъ ему отецъ, что тотъ отвѣчалъ отцу, я ужъ не слушалъ. Я уставился на этихъ несчастныхъ и оторваться не могъ отъ нихъ. Женщины эти, или дѣвушки, были прикованы на цѣпи къ громаднымъ чурбанамъ, дубовымъ обрубкамъ, и волочили ихъ за собою, ухватившись обѣими руками у хомута за цѣпь, на которой онѣ какъ бы сидѣли верхомъ, такъ какъ она проходила у нихъ между ногъ.

— Пойдемте же, не отставайте, они ужъ ушли,—позвалъ меня Василий Николаевичъ. Тутъ только я очнулся и увидѣлъ, что отецъ и управляющій уже отошли отъ насъ шаговъ на тридцать.

— А какъ же... А ихъ-то?—спросилъ я.

— Послѣ это. Не говорите, — тихо отвѣтилъ мнѣ письмоводитель и все торопилъ, чтобъ мы догнали отца.

Когда мы догнали его, они разговаривали.

— Все такъ это жестоко,—услыхалъ я, говорилъ отецъ.

— Ужъ такова господская воля...

— И давно это онѣ у васъ въ такомъ видѣ?

— Да съ мѣсяцъ ужъ, пожалуй, будетъ. Двѣ сдались, покорились...

— Вѣдь Назару Павловичу-то ужъ, пожалуй, стыдно, вѣдь онъ старикъ...

— Объ этомъ ужъ мы не смѣемъ разсуждать... Ихъ приказаніе должны исполнять...—съ подобострастіемъ отвѣчалъ управляющій.

Не вдалекѣ завидѣлся шалашъ, запахло лежавшими въ ворахахъ яблоками. Мы все подошли и начали пробовать и выбирать себѣ яблоки. Арендаторъ, мѣщанинъ, стоялъ безъ шапки. Отецъ хотѣлъ заплатить за яблоки, но управляющій энергично воспротивился этому, говоря, что это будетъ оскорбленіемъ господину Емельянову, и что онъ будетъ сердиться на него, управляющаго, если узнаетъ, что мы покупали яблоки...

— Ну, хорошо, пускай это будетъ взятка съ тебя, — сказалъ отецъ.

Управляющій, довольный своей любезностью, весело смѣялся.

— А теперь ты насъ проводи, — сказалъ отецъ, — а то мы опять у васъ тутъ заблудимся.

Управляющій спросилъ, у какого выхода стоятъ наши лошади, отецъ сказалъ ему, и онъ насъ повелъ новой дорогой туда.

— Ну, а на ночь вы ихъ куда же дѣваете? — спросилъ отецъ.

— Это кого? Ослушницъ? — переспросилъ управляющій.

— Ну, да.

— Да теперь, потому что какъ лѣто, тепло-съ, въ сарай на ночь запираемъ.

— Расковываете ихъ на ночь?

— Нѣтъ-съ, не приказано.

— Это дворовыя дѣвушки все?

— Точно такъ-съ. Кузнеца Филиппа одна, другая садовника, а еще двѣ, сестры, Ивана доѣзжачаго дочери.

— Жестоко, жестоко, — повторилъ отецъ.

Мы подходили къ садовымъ воротамъ, гдѣ стоялъ нашъ экипажъ, оставалось ужъ недалеко и было видно у воротъ много народу, мужиковъ. Это, очевидно, уже подѣхали понятые и ждали насъ.

Я чувствовалъ, что приближается рѣшительный моментъ, и поглядывалъ то на отца, то на шедшаго слѣва, почти рядомъ съ нами, управляющаго. Удивленіе, недоумѣніе было на его лицѣ при видѣ этой толпы мужиковъ, обступившихъ пустой нашъ тарантасъ и болтавшихъ съ кучеромъ, съ жандармомъ. Когда мы подошли ужъ совсѣмъ къ воротамъ, и увидавшіе насъ мужики-понятые отступили отъ тарантаса и снимали шапки, управляющій послѣшно отворилъ ворота и остановился, не выходя изъ сада, чтобы пропустить насъ. Но отецъ взялъ его лѣвой рукой за руку, повыше кисти, и увлекъ его за собой изъ сада.

— Снимай армякъ... возьми его, — въ волненіи сказалъ отецъ жандарму.

Тотъ мгновенно преобразился, и я уже увидѣлъ его въ форменной фуражкѣ, въ мундирѣ, держащимъ управляющаго сзади за обѣ

руки почти у самыхъ плечъ. Управляющій блѣдный, съ свалившейся на землю фуражкой, съ раскрытымъ ртомъ, съ выпученными глазами, стоялъ и молча трясся, какъ въ лихорадкѣ.

— Ну, что же теперь,—стараясь не смотрѣть на него, заговорилъ отецъ.—Ты его свяжи,—обратился онъ къ жандарму,—и отдай мужикамъ, чтобы они его караулили, а мы за тѣми пойдёмъ. Или нѣтъ, пойдите всѣ, и его ведите...

И мы опять, но ужъ теперь всей толпой, съ мужиками, окружавшими жандарма съ управляющимъ, вошли въ садъ и по той же дорожкѣ пошли туда, гдѣ мы видѣли этихъ несчастныхъ...

VII.

Теперь мы ужъ почему-то шли скоро, увѣренно. Отецъ, шедшій впереди съ Василюмъ Николаевичемъ, о чемъ-то разговаривалъ съ нимъ, что-то толковалъ ему. Василий Николаевичъ шелъ теперь съ своимъ портфелемъ-чемоданомъ, котораго онъ прежде не бралъ съ собою, но теперь взялъ изъ тарантаса.

Когда мы проходили мимо шалаша, гдѣ только сейчасъ ѣли и выбирали себѣ на дорогу яблоки, мѣщане-арендаторы, съемщики, въ ситцевыхъ розовыхъ рубашкахъ, безъ шапокъ, съ удивленіемъ и недоумѣвающими лицами смотрѣли на наше шествіе, какъ мы ордой цѣлой проходили мимо нихъ.

Мы миновали шалашъ, прошли еще сколько-то и вдали на липовой аллеѣ опять увидѣли этихъ четырехъ несчастныхъ, скрябками чистившихъ дорожку и волочившихъ за собою свою страшную ношу.

Но и онѣ, увидѣвъ должно быть, нашу толпу, остановились, перестали работать и въ недоумѣніи: что это такое?—смотрѣли на насъ. Мы приблизились къ нимъ...

— Вотъ что... Слушайте, — началъ отецъ, обращаясь къ нимъ ко всѣмъ:—васъ хочетъ видѣть въ этомъ вашемъ уборѣ губернаторъ и проситъ меня прислать васъ къ нему...

Дѣвушки странно смотрѣли на него, внимательно, съ широко раскрытыми глазами и съ выраженіемъ полного недоумѣнія на лицахъ.

Всѣ онѣ стояли въ одной и той же позѣ, ухватившись одной рукой за желѣзную цѣпь у шеи, а въ другой держа скрябку или метлу, что у какой было.

Затѣмъ, обращаясь къ Василю Николаевичу, отецъ продолжалъ:

— Перепишите ихъ по именамъ и составьте протоколъ, въ какомъ видѣ мы ихъ нашли. Понятыя! между вами грамотные есть?

— Есть,—отозвался одинъ.

Вдругъ среди женщинъ послышался плачь, и вскорѣ онъ перешелъ въ отчаянные крики и вопли съ причитаніями, съ обраще-

ніями къ «батюшкѣ и матушкѣ родимымъ», къ «сестрицамъ и братцамъ милымъ» и проч.

— Что вы, что вы!—говорилъ имъ отецъ.

Но онѣ не слушали его и продолжали вопить, рыдать и выть.

— Онъ освободить васъ. Губернаторъ хочетъ васъ видѣть для того, чтобы убѣдиться, какъ васъ истязаютъ. Вашего управляющаго, вотъ видите, я велѣлъ связать, и онъ поѣдетъ вмѣстѣ съ вами. Губернаторъ накажетъ его. И помѣщику вашему достанется за это,—говорилъ отецъ, но онѣ не обращали на его слова ни малѣйшаго вниманія.

Вдругъ одна дѣвушка, высокая, съ черной косою, отбросила отъ себя въ сторону скряжку, ухватила обѣими руками у самой шеи за цѣпь, истерически, какъ-то не почеловѣчески, не челоуѣческимъ голосомъ взвизгнула и съ крикомъ: «не достанусь я тебѣ! не владѣть мною тебѣ, злодѣю!»,—шарахнулась ò земь и начала биться, какъ въ припадкѣ. Она рвала на себѣ одежду, царапала руками грудь себѣ, лицо.

Другія, видя это, подняли крикъ еще больше. Отецъ, понятые, Василій Николаевичъ, переставшій въ это время писать, подошли къ нимъ, уговаривали, растолковывали имъ,—ничто не помогало.

Дѣвушку, бившуюся на землѣ, двое мужиковъ держали за руки и едва могли ее удерживать. Они только что не позволяли ей дольше царапать себя и рвать на себѣ одежду.

— Дуры! Что вы разорались! Вамъ спасеніе пришло, а вы орете!—уговаривали ихъ мужики понятые.

— Боже мой, что же я съ ними подѣлаю!—повторялъ отецъ, и опять принимался имъ объяснять и растолковывать.

Вдругъ раздался снова нечеловѣчскій крикъ, и я увидѣлъ, какъ вся окровавленная, съ лицомъ, по которому ручьями текла кровь, съ разорванной на груди рубашкой и съ грудью, по которой также струилась полосками кровь, вскочила дѣвушка, бившаяся на землѣ, и оттолкнула отъ себя удерживавшихъ ее мужиковъ понятыхъ.

— Баринъ! предай меня смерти!.. Или отпусти меня, я сама пойду, удавлюсь, сама наложу на себя руки!—вскричала она къ отцу.

Я видѣлъ, какъ онъ въ ужасѣ смотрѣлъ на нее, ничего ей не говоря. Потомъ и онъ, и она, и люди, и деревья какъ-то тронулись и поплыли у меня передъ глазами влѣво, все влѣво, а я качнулся и, падая, все хотѣлъ за что нибудь ухватиться и не упасть...

Я очнулся, когда все было уже кончено, и что было, долго ли эта сцена продолжалась, я ничего не зналъ, не понималъ. Возлѣ меня, на травѣ, на колѣняхъ стоялъ отецъ. У самой моей головы стояло ведро съ водой. Самъ я весь былъ мокрый, и трава кругомъ была

вся мокрая. Василій Николаевичъ, нагнувшись надо мною, держалъ въ рукахъ ковшъ съ водою и говорилъ, чтобы я отпилъ немного воды.

— Глотокъ одинъ... Немного...

Помню, вставая, я былъ ужасно слабъ и едва держался на ногахъ, которыя тряслись у меня, но общее состояніе и настроеніе было необыкновенно радостное, ясное и пріятное.

Я оглянулся кругомъ и не видѣлъ никого изъ бывшихъ сейчасъ тутъ: ни этихъ мужиковъ понятыхъ со связаннымъ управляющимъ, ни этихъ несчастныхъ дѣвушекъ.

— Гдѣ же они... всѣ?..—проговорилъ я.

— Уѣхали... — отвѣчалъ смущенно отецъ.

Потомъ онъ обратился къ Василію Николаевичу и началъ ему что-то говорить отрывками, не связно.

Тотъ отвѣчалъ, что побудетъ со мною, что теперь мнѣ ничего.

Отецъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, приложивъ для чего-то руку ко лбу, потомъ подержалъ мою руку въ своей и со словами: «ну, такъ, пожалуйста же... я сейчасъ... только отправлю ихъ», — пошелъ отъ насъ по дорожкѣ въ ту сторону, гдѣ были ворота изъ сада.

— Ну, что? Теперь ничего?—обратился ко мнѣ Василій Николаевичъ.

— Ничего. Это такъ,—отвѣчалъ я.

— Ну, ужъ это «такъ» мы знаемъ! И напугали же вы всѣхъ.

— А онѣ еще не уѣхали... Ихъ еще не увезли?—обратился я къ нему съ вопросами.

— Сейчасъ уѣдутъ.

— Пойдемте.. Я ничего теперь...

Но онъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ.

— Ну, увѣряю васъ, ничего.

— Нѣтъ, нѣтъ!

Въ концѣ концовъ онъ, однако, согласился, вѣроятно, предполагая, что теперь ихъ уже увезли и нечего опасаться.

Мы пошли съ нимъ. Онъ всячески старался задерживать меня, останавливался, смотрѣлъ на меня, бралъ за руку, прикладывалъ свою руку мнѣ ко лбу и проч., а я, напротивъ, торопился, надѣясь еще ихъ застать.

Мы дѣйствительно застали еще ихъ. Но они всѣ сидѣли уже на телѣгахъ — дѣвушки съ колодками на ногахъ и съ чурбанами, прикованными къ цѣпямъ, которыя шли отъ колодокъ. Онѣ сидѣли по двѣ на телѣгѣ и съ ними сидѣли по два мужика. На третьей телѣгѣ сидѣлъ, съ завязанными назадъ руками, управляющій и съ нимъ тоже два конвойныхъ мужика и жандармъ, но ужъ теперь въ мундирѣ, въ форменной фуражкѣ и съ саблей, на рукоятку которой онъ положилъ руку.

Мы поспѣли къ самому концу. Мы услышали только, какъ отецъ сказалъ:

— Ну, съ Богомъ! Трогай...

И телѣги поѣхали, выровнявшись, одна за другой.

Оставшіеся безъ телѣгъ понятые собрались въ кучу и стояли вмѣстѣ съ отцемъ, провожая глазами отъѣзжающихъ.

Обернувшись, вѣроятно, чтобы идти къ намъ, отецъ очень удивился, увидавъ меня и Василия Николаевича.

— Не могъ удержать, — вскидывая плечами и указывая на меня головой, проговорилъ Василій Николаевичъ.

Отецъ ничего ему не отвѣтилъ, только посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и спросилъ:

— Ну, что? Ничего?

— Ничего, — отвѣтилъ я.

Онъ помолчалъ и, обращаясь къ Василю Николаевичу, проговорилъ:

— Экій ужасъ!

Тотъ только покачалъ головой.

— Ну, чтожь? Ъхать надо домой теперь. Все кончено, — проговорилъ отецъ и крикулъ кучеру, чтобы онъ подавалъ тарантасъ.

Мужики понятые спрашивали отца, какъ же имъ быть теперь: подводы ихъ пошли въ губернію «съ барышнями», — я какъ сейчасъ помню это ихъ выраженіе, — смѣясь, говорили они.

— Да какъ быть? Ну, нате, наймите себѣ подводу или двѣ. На одной вѣдь всѣ не умѣститесь?..

Онъ далъ имъ денегъ. Они весело, со смѣхомъ, продолжали шутить надъ испугавшимися дѣвушками и надъ управляющимъ, неожиданно такъ очутившимся связаннымъ.

— Совсѣмъ, какъ помѣшался словно. Глядитъ, какъ птица. Поймаешь когда птицу въ полѣ, такъ смотритъ: глядитъ и ничего не понимаетъ, — говорили мужики.

Мы сѣли въ тарантасъ и поѣхали, а они всей кучкой пошли по дорогѣ къ деревнѣ, чтобы нанять себѣ тамъ лошадей ѣхать тоже домой.

Емельянова судили какимъ-то особеннымъ дворянскомъ судомъ въ депутатскомъ собраніи. Потомъ еще гдѣ-то судили и присудили вывести его изъ имѣнія, то-есть воспретить ему не только жить въ имѣніяхъ своихъ, но и на время пріѣзжать въ нихъ...

Емельянова этого я видѣлъ много лѣтъ спустя, и притомъ при характерныхъ обстоятельствахъ. Это было лѣтомъ 1861 года. Я зачѣмъ-то былъ въ нашемъ уѣздномъ городѣ и остановился въ гостинницѣ. Въ номерѣ, рядомъ со мною, все кашлялъ и бранился съ своимъ слугой какой-то старикъ. Я спросилъ, кто это. Слуга при гостинницѣ сказалъ мнѣ, что это господинъ Емельяновъ,

и добавилъ: «ѣдутъ изъ Москвы къ себѣ въ имѣнія. Имъ прежде запрещено было вѣзжать, ну, а теперь, какъ волю объявили, люди свободнѣе стали, и имъ вышло позволеніе»...

Я увидалъ его въ корридорѣ: онъ куда-то шелъ, поддерживаемый своими лакеями, молодыми малыми съ глупой, улыбающейся фizioноміей. Это былъ старикъ ужъ лѣтъ семидесятипяти, по крайней мѣрѣ, небольшого роста, съ краснымъ лицомъ, съ маленькими, узенькими темными глазками, съ крючковатымъ носомъ и совершенно бѣлыми, какими-то пушистыми волосами, которые напоминали наклеенные волосы на куклахъ.

Поровнявшись со мною, онъ почему-то сдѣлалъ мнѣ на ходу привѣтственный жестъ рукою при низкомъ поклонѣ.

Я тоже, разумѣется, раскланялся.

Онъ жилъ потомъ еще долго и умеръ ужъ въ концѣ восьмидесятихъ годовъ завидной смертью безупречнаго человѣка: заснулъ въ креслахъ на балконѣ, подъ парусинными навѣсами, въ полдень прелестнаго майскаго дня, и ужъ больше не проснулся...

Въ это время съ нимъ жила въ качествѣ сидѣлки и ухаживала за нимъ его племянница, единственная его наслѣдница, старая дѣва, которой все онъ и оставилъ.

Я не знаю, кому теперь принадлежать его имѣнія.

С. Терпигоревъ.

ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ И ЕГО СТУДЕНЧЕСКІЕ ГОДЫ.

(Посвящается графу Льву Николаевичу).

ВЪ МИНУВШЕМЪ году, занимаясь нѣкоторыми изысканіями въ богатомъ архивѣ Казанскаго университета, я случайно попалъ здѣсь на слѣдъ документовъ, проливающихъ свѣтъ на казанскій, именно студенческій, періодъ жизни нашего маститаго литератора, педагога и мыслителя, графа Льва Николаевича Толстаго, а равно и его старшихъ трехъ братьевъ—Николая, Сергѣя и Дмитрія.

Читатель легко можетъ представить себѣ, на сколько долженъ я былъ заинтересоваться своею находкою, которая приподнимала завѣсу съ знаменательной поры жизни одного изъ выдающихся людей земли Русской, той поры, когда слагается въ душѣ человѣка многое такое, чему суждено бываетъ отмѣтить собою въ будущемъ черты его духовной жизни; когда совершается процессъ формациі его характера, убѣжденій, міровоззрѣнія; той поры, которая кладетъ глубокій слѣдъ на послѣдующую жизнь человѣка, нерѣдко давая ключъ къ уразумѣнію многихъ явленій этой послѣдней, не всегда легко поддающихся объективному, стороннему, анализу.

Студенческіе годы графа Л. Н. Толстаго представляютъ собою крупный пробѣлъ въ имѣющихся на лицо попыткахъ біографіи почтеннаго ветерана русской литературы и русской мысли и должны будутъ представить немалыя затрудненія для его будущаго біографа, неизбѣжно требуя архивныхъ изысканій на мѣстѣ. Извѣстное сочиненіе графа Л. Н. Толстаго: «Дѣтство, отрочество и юность», справедливо принимаемое за замаскированную семей-

ную хронику автора, рельефно восстанавливает лишь психологическія черты ранней юности героя, оставаясь, какъ читатель будетъ имѣть случай убѣдиться въ этомъ, въ большинствѣ случаевъ весьма неточнымъ съ фактической стороны. На сколько мало знакомы студенческіе годы жизни графа даже людямъ, къ нему близкимъ, наглядною иллюстраціею тому служитъ біографическій очеркъ Льва Николаевича, составленный его шуриномъ С. А. Берсомъ, и напечатанный въ журналѣ «Царь Колоколъ» за 1892 годъ. Авторъ повѣствуетъ здѣсь, напримѣръ, будто бы графъ Л. Н. Толстой изъ Казанскаго университета «ушелъ съ третьяго курса факультета восточныхъ языковъ, побывавъ предварительно на математическомъ, медицинскомъ и юридическомъ». Все это оказывается чистѣйшею выдумкою. Читатели увидятъ, что графъ Л. Н. поступилъ (въ 1844 г.) на восточный факультетъ, а затѣмъ, не будучи допущенъ, за малоуспѣшность, къ переводнымъ испытаніямъ, перешелъ на юридическій факультетъ, со втораго курса котораго въ 1846 г. и уволился по прошенію, никогда не подвизаясь ни по математическому, ни по медицинскому факультетамъ. Утверждаю это самымъ категорическимъ образомъ, такъ какъ 2 года и 7 мѣсяцевъ пребыванія графа въ Казанскомъ университетѣ тщательно и изъ семестра въ семестръ прослѣжены мною по архивнымъ документамъ.

Дополнивъ матеріалы, почерпнутые мною изъ университетскаго архива, личными воспоминаніями казанскихъ старожиловъ, еще помнящихъ графа Л. Н. Толстаго въ его университетскіе годы, а также генеалогическими и другими данными ¹⁾, я задался мыслью набросать очеркъ казанской жизни маститаго писателя, который въ настоящее время и предлагаю вниманію читающей публики, такъ жадно ловящей каждую печатную строчку о Левѣ Николаевичѣ Толстомъ. Таково происхожденіе настоящей статьи, которая дополняетъ, а отчасти и исправляетъ, свѣдѣнія о студенческихъ годахъ графа Л. Н. Толстаго, имѣющіяся въ очеркахъ В. Н. Назарьева: «Жизнь и люди былаго времени», въ свое время печатавшихся въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (за 1890 г., кн. XI и XII), и въ новѣйшей нѣмецкой критико-біографіи Р. Лёвенфельда (R. Löwenfeld: «L. N. Tolstoj. Sein Leben, seine Werke, seine Weltanschauung», ч. I, Берлинъ, 1892 г.).

Я далекъ отъ претензіи выступить біографомъ хотя бы только юношескихъ лѣтъ графа Л. Н. Толстаго. Моя статья преслѣдуетъ весьма скромную задачу: восполнить по мѣрѣ силъ и возможности,

¹⁾ Считаю приятнымъ нравственнымъ долгомъ принести здѣсь мою искреннюю признательность почтенному знатоку казанской старины, Николаю Яковлевичу Агаонову, Константину Никитичу Буличу и др. лицамъ, содѣйствовавшимъ мнѣ своими указаніями и воспоминаніями.

болѣе нежели скудныя данныя относительно студенческихъ годовъ знаменитаго писателя. Если мои наброски будутъ способны дать хотя нѣсколько пригодныхъ камней для будущаго обширнаго зданія біографіи графа Льва Николаевича Толстаго, я буду почитать трудъ и время мои потраченными не напрасно.

Еще два слова: Левъ Николаевичъ явился въ области своего высшаго университетскаго образованія, какъ принято выражаться, «неудачникомъ», въ противоположность тремъ братьямъ своимъ, благополучно завершившимъ кругъ университетскаго ученія,—всѣ трое по математическому, или, какъ называли въ то время, второму отдѣленію философскаго факультета. Невольно возникаетъ вопросъ: не является ли въ виду этого щекотливымъ обнародовать еще при жизни Льва Николаевича данныя относительно его студенческой жизни? Я не могу согласиться съ такимъ предположеніемъ. Имя нашего маститаго писателя должно стоять выше соображеній такого узко-мелочнаго характера, тѣмъ болѣе, что его университетскія неудачи, оставшіяся не безъ воздѣйствія и со стороны условій общественнаго характера, въ которыхъ находился въ ту пору Л. Н., волею-неволею погруженный въ круговоротъ пустой, суетной, провинціальной барской жизни, еще рѣзче отъѣняютъ крупныя черты его мощной, и въ интеллектуальномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ, натуры. Какъ это ни прискорбно, но приходится сознаться, что далеко не всегда является университетскій дипломъ рѣшительнымъ мѣриломъ духовныхъ силъ человѣка; вспомнимъ хотя бы нашего безсмертнаго критика В. Г. Бѣлинскаго, который былъ уволенъ изъ Московскаго университета за неуспѣшность и тупоуміе. Значитъ академическая фѣрула и присущая нѣкоторымъ избранникамъ «искра Божія» не всегда идутъ рука объ руку... Нагляднымъ примѣромъ тому служатъ и юношескіе годы Льва Николаевича Толстаго.

I.

Происхожденіе и родство графа Л. Н. Толстаго.

Родъ графовъ Толстыхъ.—Ближайшая родня Льва Николаевича.—Казанскія отношенія графовъ Толстыхъ.—Графъ Илья Андреевичъ, казанскій губернаторъ.—Отецъ Льва Николаевича.—«Война и Миръ» и семейная хроника графовъ Толстыхъ.—Казанская родня Льва Николаевича.—Юшковы.

Родъ дворянъ и графовъ Толстыхъ ведетъ свое начало отъ нѣкогого «выходца изъ нѣмецъ», Индриса, въ православіи Леонтія, который, по свидѣтельству черниговской лѣтописи, прибылъ въ 1353 г. въ Черниговъ, съ двумя сыновьями и трехтысячною дружиною. Младшій сынъ Леонтія, Феодоръ, умеръ бездѣтнымъ, а отъ

старшаго его сына, Константина Леонтьевича, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ родовъ (Федцовыхъ, Дурновыхъ, Даниловыхъ, Васильчиковыхъ и Молчановыхъ) повелъ свое начало и родъ Толстыхъ, въ графской отрасли котораго графъ Левъ Николаевичъ числится отъ родоначальника Индриса въ 20-мъ колѣнѣ.

Первымъ графомъ Толстымъ былъ графъ Петръ Андреевичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, извѣстный дипломатъ и російскій посолъ въ Константинополѣ, а затѣмъ президентъ коммерцъ-коллегии, сенаторъ и членъ верховнаго тайнаго совѣта, возведенный въ графское достоинство императоромъ Петромъ I, 9-го мая 1724 года. Судьба этого сановника была полна превратностей. Въ маѣ 1727 года, при восшествіи на престолъ Петра II, графъ Петръ Андреевичъ, сдѣлавшійся жертвою придворныхъ интригъ, былъ лишенъ графскаго достоинства и чиновъ и сосланъ въ Соловецкій монастырь, въ которомъ и окончилъ свои дни. Только 26-го мая 1760 года, уже при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, потомству Петра Андреевича было возвращено графское достоинство, въ лицѣ внука его, Андрея Ивановича, прадѣда Льва Николаевича Толстаго.

Нижеслѣдующая генеалогическая табличка, изъ которой я исключаю боковыхъ, по отношенію къ восходящимъ родичамъ графа Льва Николаевича, членовъ этой фамиліи, дастъ читателю наглядное представленіе о ближайшихъ предкахъ и родствѣ нашего маститаго писателя:

ГРАФЫ ТОЛСТЫЕ:

Счетъ поколѣній
отъ Индриса:

15.	Петръ Андреевичъ, первый графъ Толстой. († 1729 г.)			
16.	Иванъ Петровичъ († 1728 г.) . . .			
17.	Андрей Ивановичъ († 1803 г.) . . .			
18.	Илья Андреевичъ († 1820 г.), казанскій губернаторъ . .			
19.	Александра, въ супружествѣ съ графомъ Остенъ-Сякень.	Николай Ильичъ († 1837 г.)	Пелагея, въ супружествѣ съ В. И. Юшко- вымъ.	Илья Ильичъ, † бездѣтный.
20.	Николай, род. 1823 г.	Сергій, род. 1826 г.	Димитрій, род. 1827 г.	Левъ, род. 1828 г.
				Марія, род. 1830 г.

Когда и какъ завязались отношенія къ Казани графовъ Толстыхъ, сдѣлавшійся вполнѣ въ причиную юношескаго пребыванія въ этомъ городѣ Льва Николаевича и его братьевъ, на этотъ вопросъ я прямого отвѣта дать не берусь. Несомнѣннымъ представляется, тѣмъ не менѣе, что въ 70-хъ годахъ XVIII столѣтія графы Толстые уже имѣли въ Казани осѣдность. 10-го апрѣля и 24-го

ноября 1771 года, въ первомъ случаѣ въ день рожденія императрицы Екатерины II, а во второмъ случаѣ въ годовщину ея коронаванія, графъ Петръ Андреевичъ Толстой (родной братъ дѣда Льва Николаевича, графа Ильи Андреевича, будущаго казанскаго губернатора ¹⁾), принимаетъ участіе, вмѣстѣ съ другими мѣстными дворянами, въ благородныхъ спектакляхъ, устроенныхъ казанскимъ губернаторомъ фонъ-Брандтомъ, исполняя роли: Аскольда, въ трагедіи «Семира», и Трувора, въ трагедіи «Синавъ и Труворъ» ²⁾).

Ближайшія казанскія отношенія графа Льва Николаевича Толстого и братьевъ его—стоятъ въ связи съ судьбою роднаго дѣда нашего писателя, графа Ильи Андреевича, брата только что упомянутаго нами участника казанскихъ благородныхъ спектаклей второй половины XVIII столѣтія. Личность графа Ильи Андреевича, этого типа прожившагося московскаго аристократа «добраго стараго времени» начала нынѣшняго вѣка, должны быть въ общихъ чертахъ знакома русскимъ читателямъ: подъ этимъ именемъ и даже отчествомъ фигурируетъ онъ въ романѣ своего внука «Война и Миръ», который, какъ хорошо извѣстно, въ существеннѣйшихъ частяхъ своихъ возстановляетъ фамиліныя отношенія ближайшей родни Л. Н. Толстого, не выключая и его отца, графа Николая Ильича («Николай Ростовъ»—романа).

Для того, чтобы уяснить себѣ тѣ причины, благодаря которымъ Левъ Николаевичъ и братъ его, уроженцы центральной, коренной Россіи, были въ юные годы перенесены отсюда въ далекую татарскую Казань, мы должны остановиться на ближайшей роднѣ ихъ. Начнемъ съ только что упомянутаго нами графа Ильи Андреевича.

Графъ Илья Андреевичъ Толстой (родился въ 1757 году) едва ли не провелъ молодость свою въ Казани, если судить по тому, что въ 70-хъ годахъ мы видимъ въ этомъ городѣ старшаго брата его, Петра, участвующаго здѣсь въ парадныхъ благородныхъ спектакляхъ. Посвятить молодость и зрѣлые годы свои военной службѣ, графъ Илья Андреевичъ вскорѣ послѣ окончанія Отечественной войны, именно 15-го мая 1815 года, былъ назначенъ губернаторомъ въ Казань, съ переименованіемъ изъ бригадировъ въ статскіе совѣтники. Пятилѣтнее губернаторство дѣда нашего писателя окончилось весьма плачевнымъ образомъ. Человѣкъ, по преданіямъ, ума не особенно обширнаго, а характера слабаго и неустойчиваго, графъ Илья Андреевичъ въ нѣсколько лѣтъ совершенно распустилъ казанскую администрацію, и безъ того-то не отличавшуюся въ ту пору особенно высокимъ уровнемъ своимъ.

¹⁾ № 82-й (колѣно 18-е) по родословной росписи въ «Россійской родословной книгѣ» князя П. Долгорукова.

²⁾ В. Владиміровъ, «Историческая записка о 1-й казанской гимназіи», часть первая (XVIII в.), Казань, 1867 г., стр. 114 и 118.

Ввѣренная графу губернія сдѣлалась очагомъ почти невѣроятныхъ злоупотребленій и упущеній власти, о которыхъ краснорѣчиво повѣствуютъ современные архивные документы и которыми, какъ это усматривается изъ этихъ послѣднихъ, далеко не безпричастенъ былъ и самъ губернаторъ ¹⁾. Дошли извѣстія о казанскихъ неурядицахъ, благодаря доносу губернскаго предводителя дворянства Киселева, до Петербурга, и въ Казань назначена была сенаторская ревизія, въ лицѣ сенаторовъ С. С. Кушникова и П. Л. Санти. Результатомъ этой ревизіи, раскрывшей факты самаго возмутительнаго характера, было учрежденіе въ Казани временной коммисіи, а вслѣдъ затѣмъ, 25-го февраля 1820 года, пришло высочайшее повелѣніе объ увольненіи графа И. А. Толстаго отъ должности, но съ обязательствомъ оставаться въ Казани до тѣхъ поръ, пока ревизующіе сенаторы найдутъ присутствіе его здѣсь необходимымъ въ интересахъ своей миссіи. Илья Андреевичъ не пережилъ постигшей его катастрофы: онъ скончался въ томъ же году, вскорѣ по полученіи указа объ увольненіи; существуютъ основанія полагать, что смерть его врядъ ли была естественною... ²⁾.

Графъ Илья Андреевичъ Толстой былъ женатъ на княжнѣ Пелагеѣ Николаевнѣ Горчаковой (род. 1762, † 1838 г.). Отъ этого брака было у него два сына, Николай и Илья (умеръ бездѣтнымъ), и двѣ дочери—Александра (замужемъ за графомъ Остенъ-Сакенъ) и Пелагея (замужемъ за казанскимъ помѣщикомъ В. И. Юшковымъ). Остановимся на первомъ изъ этихъ лицъ, какъ отцѣ нашего маститаго романиста и героѣ его лучшаго произведенія—«Война и Миръ».

Графъ Николай Ильичъ Толстой, отецъ Льва Николаевича, онъ же и графъ Николай Ростовъ только что упомянутаго романа,—родился въ 1797 году. Въ хранящемся въ архивѣ Казанскаго университета, дѣлѣ о принятіи въ студенты графа Льва Толстаго, я нашелъ весьма любопытный документъ: аттестать о службѣ его отца, графа Николая Ильича ³⁾. Этотъ документъ представляетъ собою значительный интересъ съ историко-литературной точки зрѣнія, наглядно показывая намъ, какъ именно пользовался Левъ Николаевичъ своими семейными воспоминаніями, концептируя сложную фэбулу своего романа. Въ виду этого я

¹⁾ Архивъ Казанскаго окружнаго суда. Собраніе указовъ гражданской палаты за 1822 г., № 876. Подробности всего этого дѣла были предметомъ особой статьи моей: «Казанскій разгромъ 1819—1820 годовъ», помѣщенной въ №№ 157 и 160 газеты «Волжскій Вѣстникъ» за 1892 годъ.

²⁾ Могила графа И. А. Толстаго находится на кладбищѣ казанскаго Кизическаго монастыря. Памятникъ надъ могилою его очень попорченъ и требуетъ исправленія. Обращаемъ на это обстоятельство вниманіе членовъ его рода.

³⁾ Архивъ Казанскаго университета: «Дѣло о принятіи въ университетъ студента Льва Николаева графа Толстаго. Начато 22-го сентября 1844 г., кончено 14-го апрѣля 1847 г. На 10-ти листахъ» (№ 109-й).

считаю умѣстнымъ возстановить здѣсь часть подлиннаго текста этого акта, датированнаго 29-го января 1825 года. Вотъ этотъ текстъ:

«Предъявитель сего, подполковникъ, графъ Николай Ильичъ сынъ Толстой 3-й, который, какъ значится изъ формулярнаго его списка, 28-ми лѣтъ, имѣеть орденъ св. Владимира 4-й степени, изъ дворянъ, крестьянъ не имѣеть, въ службу его императорскаго величества вступилъ, изъ губернскихъ секретарей, корнетомъ, 1812 года июня 11-го, въ 3-й Иркутскій козацій легулярный (sic) полкъ ¹⁾, изъ коего переведенъ въ Иркутскій гусарскій полкъ 1812 года августа 18-го; произведенъ за отличіе въ поручики 1813 года апрѣля 27-го; въ томъ же полку штабъ-ротмистромъ 1813 года октября 7-го. Переведенъ, за отличіе, въ кавалергардскій полкъ тѣмъ же чиномъ 1814 года августа 8-го; изъ онаго въ гусарскій прицпа Оранскаго полкъ, маіоромъ, 1817 года декабря 11-го. Уволенъ по болѣзни въ отставку съ награжденіемъ подполковника (sic) 1819 года марта 14-го, (опредѣленъ) въ Московское военно-сиротское отдѣленіе смотрительскимъ помощникомъ 1821 года декабря 15-го. Во время которой службы былъ въ разныхъ походахъ 1813 года апрѣля со 2-го и въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ неоднократно находился, былъ въ полону до взятія Парижа ²⁾ и за отличіе въ тѣхъ сраженіяхъ награжденъ чиномъ вышеписаннымъ: поручикомъ, штабъ-ротмистромъ и орденомъ св. Владимира 4-й степени съ бантомъ».

Изъ того же документа узнаемъ, что графъ Н. И. Толстой оставилъ службу въ военно-сиротскомъ отдѣленіи и вышелъ въ окончательную отставку, «по домашнимъ обстоятельствамъ», 8-го января 1824 года.

Графъ Николай Ильичъ былъ женатъ на княжнѣ Марьѣ Николаевнѣ Волконской, матери нашего романиста, которую онъ, конечно, не можетъ помнить, такъ какъ графиня, скончалась въ 1830 году, когда Льву Николаевичу истекалъ всего лишь второй годъ отъ рожденія. Кто изъ русскихъ читателей не узнаетъ въ княжнѣ М. Н. Волконской—княжны Маріи Волконской, одной изъ героинь романа «Война и Миръ?». Этотъ романъ-хроника рисуетъ намъ въ высшей степени разстроенное положеніе матеріальныхъ средствъ графа Николая Ильича Ростова, поправленное лишь женитьбою его на княжнѣ Маріи Волконской. Все это съ буквальною

¹⁾ Фактъ такого ранняго поступленія графа Н. И. Толстого въ военную службу (15-ти лѣтъ) и, притомъ въ самомъ разгарѣ политическихъ событій 1812 года совершенно соотвѣтствуетъ фабулѣ романа «Война и Миръ».

²⁾ Въ романѣ Л. Н. Толстого допущено отступленіе отъ дѣйствительности: по фабулѣ романа, въ французскомъ плѣну оказывается не графъ Николай Ростовъ, но Пьеръ Безухій. Очевидно, что плѣнъ отца романиста далъ ему канву для этого интереснаго эпизода.

точностью заимствовано изъ семейной хроники автора романа: все весьма значительное впоследствии состояніе графа Н. И. Толстаго, не выключая и знаменитой Ясной Поляны,—резиденціи нашего маститаго писателя,—получено имъ въ приданое за княжною Марією Волконскою. Уже послужной списокъ графа Николая Ильича свидѣтельствовалъ намъ о томъ, что за нимъ не числилось даже «крестьянъ», этой необходимой принадлежности барскаго благосостоянія старой крѣпостной Россіи. А вотъ что скажетъ намъ о томъ же копія съ акта о дворянствѣ графа Николая Ильича (отъ 15-го марта 1832 г.), выданная изъ Тульскаго дворянскаго депутатскаго дворянства и приложенная къ дѣлу о принятіи въ студенты Льва Николаевича:

«Графъ Толстой, 35 лѣтъ, вдовъ, дѣтей имѣеть: сыновою Николая 8-ми, Сергія 6-ти, Димитрія 4-хъ, Льва 3-хъ лѣтъ и дочь Марію 1¹/₂ года. За нимъ имѣнія родоваго и благопріобрѣтеннаго состоитъ за покойною женою его, графинею Марією Николаевною Толстою: Крапивенской округи, въ сельцѣ Ясной Полянѣ съ деревнями 219 душъ; Богородской округи въ деревнѣ Малой Воротынкѣ 18; Чернскаго уѣзда въ селѣ Никольскомъ, Вяземское тожъ, и деревнѣ Платициной 223; Орловской губерніи Дмитровскаго уѣзда въ селахъ Харламовѣ, Долбенкинѣ, въ деревняхъ Халкѣевѣ и Трубочинѣ 333,—и того 793 мужска и 800 женска половъ душъ. Жительствуетъ въ Крапивенскомъ уѣздѣ» и т. д.

Изъ ближайшей родни графа Льва Николаевича мы должны еще остановиться на двухъ родныхъ теткахъ его, по отцѣ—Александрѣ и Пелагее (Полинѣ) Ильинишнахъ, которымъ, въ особенности второй, довелось имѣть ближайшее соотношеніе къ раннимъ годамъ жизни графа и братьевъ его.

Александра Ильинишна, рожденная графиня Толстая, была замужемъ за графомъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ. Послѣ смерти брата своего, графа Николая Ильича, послѣдовавшей въ 1837 г., она осталась опекуншею малолѣтнихъ дѣтей его вплоть до переезда ихъ въ Казань, обусловленнаго ея кончиною. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о личности А. И. Остенъ-Сакенъ мнѣ собрать не удалось. Слѣдуетъ полагать, что она къ Казани никакихъ отношеній не имѣла и, какъ старшая и уже замужняя дочь, въ этомъ городѣ, во время губернаторства здѣсь ея отца, не находилась. Ея имя остается, такимъ образомъ, связаннымъ лишь съ дѣтскими годами графа Льва Николаевича.

Пелагея (Полина) Ильинишна всецѣло принадлежитъ, напротивъ того, исторіи казанской общественности, въ которой она играла, въ теченіе 1840 и 1850-хъ годовъ, весьма видную роль. Она была выдана своимъ отцомъ, казанскимъ губернаторомъ Ильею Андреевичемъ, за казанскаго же помѣщика Владиміра Ивановича

Юшкова († въ 1869 г., въ Казани) ¹⁾. Отставной гусарскій полковникъ В. И. Юшковъ оставилъ по себѣ въ Казани память образованнаго, остроумнаго и добродушнаго человѣка, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, большой руки шутника и балагура, какимъ онъ и оставался до самой своей смерти. Рассказываютъ, будто однажды, рекомендуясь лицу, назначенному въ Казань на одну изъ видныхъ должностей, онъ аттестовалъ себя ему въ слѣдующей, довольно-таки своеобразной, формѣ:

Графъ Толстой,
Человѣкъ пустой,
Выдалъ дочь Полину
За Юшкова скотину.

— «Это я самый, Юшковъ, и есть,—честь имѣю рекомендоваться!»—добавилъ казанскій помѣщикъ-риемоплетъ.

Вынужденный своимъ положеніемъ вращаться въ казанскомъ великосвѣтскомъ обществѣ, В. И. Юшковъ никогда не былъ его адептомъ. Напротивъ, онъ не прочь былъ подшутить подчасъ надъ кодексомъ его условныхъ приличій, надъ фальшью и противорѣчіями его жизни, и частенько допускалъ выходки, такъ или иначе шокировавшія мѣстныхъ большой свѣтъ.

Совершенный контрастъ мужу представляла Полина Ильинишна Юшкова—«добрая тетушка, чистѣйшее существо», какъ, едва ли не пронизируя, характеризуетъ ее Левъ Николаевичъ Толстой въ своей «Исповѣди». Воспитанная въ домѣ отца,—разорившагося, но пропитаннаго традиціями русскаго барства второй половины XVIII столѣтія губернатора,—Полина Ильинишна оставила по себѣ въ Казани память крайне доброй, хотя и не большого ума, женщины, до мозга костей пропитанной свѣтскостью и ультра-аристократическими принципами,—почва, на которой зарождались между супругами довольно частыя и крупныя недоразумѣнія. Другою отличительною чертою П. И. Юшковой было глубокое развитіе въ ней религіознаго чувства, доходившее до ханжества. Послѣ кончины, въ 1869 году, мужа, Полина Ильинишна удалилась въ Кіевъ, гдѣ, уже въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, и окончила свои дни въ монастырской кельѣ. Мы еще будемъ имѣть случай вернуться къ личности Полины Ильинишны Юшковой, въ казанскомъ домѣ которой нашъ маститый писатель, Левъ Николаевичъ Толстой, жилъ въ тѣ юношескіе годы, о которыхъ пишетъ онъ въ своей «Исповѣди», что не можетъ вспомнить о нихъ «безъ ужаса, омерзѣнія и боли сердечной»...

¹⁾ Родъ Юшковыхъ—одинъ изъ старинныхъ русскихъ дворянскихъ родовъ. Отецъ Владиміра Ивановича, Иванъ Осиповичъ († 1811 г.), былъ въ 1795 г. предѣдателемъ Казанскаго верхняго земскаго суда. В. И. Юшковъ потомства не оставилъ, но родъ Юшковыхъ продолжается въ Казанской и Вятской губерніяхъ отъ двухъ братьевъ его—Александра и Осипа Ивановичей.

Да простятъ меня читатели, если я утомилъ ихъ вниманіе этимъ рядомъ генеалогическихъ и біографическихъ данныхъ. Эти данныя являются существенными для сужденія о тѣхъ условіяхъ, которыя должны были воздѣйствовать на Льва Николаевича Толстаго въ ту пору его жизни, когда сердце человѣка является особенно воспріимчивымъ къ окружающимъ его впечатлѣніямъ, особенно чуткимъ и отзывчивымъ на все доброе и дурное. А что молодое сердце и свѣтлый разумъ Льва Николаевича уже въ ту пору протестовали противъ окружавшей его дѣйствительности,—болѣе или менѣе, конечно, сознательно,—на это ясно указываютъ намъ черты его юношеской жизни.

II.

Въ преддверіи университета.

Дѣтскіе годы графа Л. Н. Толстаго. — Кончина родителей. — Переѣздъ въ Казань. — Братъ Льва Николаевича. — Выборъ факультета. — Казанскій восточный факультетъ сороковыхъ годовъ. — Приготовленія къ вступительнымъ экзаменамъ. — Услужливый профессоръ словесности. — Грозное попечительское предположеніе. — Въ испытательномъ комитетѣ. — Неудача. — Переэкзаменовка. — Левъ Николаевичъ — студентъ.

Выйдя въ началѣ 1824 года въ отставку, графъ Николай Ильичъ Толстой поселился въ сельцѣ Ясной Полянѣ, Крапивенскаго уѣзда, родовомъ имѣніи своей жены. Въ ту пору у графской четы имѣлся лишь одинъ ребенокъ, годовой сынъ Николай, родившійся въ 1823 году. Въ деревнѣ приращеніе семьи графа Н. И. Толстаго пошло весьма быстро. Въ 1826 году (17-го февраля) родился у него сынъ Сергѣй, въ 1827 году (23-го апрѣля) — Димитрій, а 28-го августа 1828 года впервые увидѣлъ въ Ясной Полянѣ свѣтъ сынъ Левъ — будущій знаменитый романистъ и мыслитель.

«1828 года, августа двадцать восьмого дня, — читаемъ мы въ хранящемся въ архивѣ Казанскаго университета метрическомъ свидѣтельствѣ студента Льва Николаевича Толстаго, — сельца Ясной Поляны у графа Николая Ильича Толстаго родился сынъ Левъ, крещенъ двадцать девятого числа священникомъ Василіемъ Можайскимъ съ діакономъ Архипомъ Ивановымъ, дьячкомъ Александромъ Ѳедоровымъ и пономаремъ Ѳедоромъ Григорьевымъ. При крещеніи воспріемниками были: Бѣлевскаго уѣзда помѣщикъ Семень Ивановъ Языковъ и графиня Пелагея Толстова (sic)». Это свидѣтельство выдано 23-го января 1841 года, изъ метрическихъ книгъ Крапивенскаго уѣзда, села Кочолковъ — «на предметъ поступленія» Л. Н. Толстаго «въ казенное учебное заведеніе». Кто такая эта «графиня Пелагея Толстова», явившаяся воспріемницею новорожденнаго отъ купели? Мы врядъ ли ошибемся, предполо-

живъ въ ней бабушку Льва Николаевича, графиню Пелагею Николаевну (рожденную княжну Горчакову), вдову злополучнаго казанскаго губернатора.

Непродолжительна была мирная и тихая сельская жизнь Н. И. и М. Н. Толстыхъ съ ихъ юнымъ потомствомъ. Въ 1830 году, произведя на свѣтъ дочь Марію (родилась 7-го марта), графиня Толстая скончалась, оставивъ мужа съ четырьмя ребятами. Графъ Николай Ильичъ только на семь лѣтъ пережилъ постигшую его семейную катастрофу: онъ скончался въ 1837 году, оставивъ круглыми сиротами дѣтей своихъ, изъ которыхъ старшему, Николаю, было 14 лѣтъ, а младшей, Маріи, всего 7 лѣтъ; графу Льву Николаевичу было въ ту пору 11 лѣтъ отъ роду. Опекуншей дѣтей сдѣлалась ихъ тетка по отцу, графиня Александра Ильинишна Остенъ-Сакенъ. По свѣдѣніямъ новѣйшаго біографа Льва Николаевича, Рафаэля Левенфельда, полученнымъ нѣмецкимъ писателемъ отъ самого графа, вся семья Николая Ильича, тотчасъ же послѣ его смерти, переѣхала на жительство въ Москву, гдѣ старшій братъ Николай долженъ былъ приготовляться къ поступленію въ университетъ; здѣсь, кромѣ нѣмца Ѳедора Ивановича Росселя, въ достаточной степени охарактеризованнаго Львомъ Николаевичемъ Толстымъ въ его «Дѣтствѣ и Отрочествѣ» и прибывшаго съ ними въ столицу изъ деревни,—для руководства молодымъ графскимъ поколѣніемъ былъ еще приглашенъ французъ Saint-Thomas. Толстые не долго прожили въ Москвѣ: они вскорѣ снова возвратились въ деревню, въ сопровожденіи графини-опекуниши, между тѣмъ какъ старшій братъ, Николай, остался въ первопрестольной столицѣ, гдѣ, въ августѣ 1839 года, и былъ зачисленъ въ студенты университета по второму отдѣленію философскаго факультета (нынѣшній математическій факультетъ).

Между тѣмъ, стали подростать и остальные сыновья покойнаго графа Николая Ильича. Начали помышлять о подготовленіи и ихъ къ вступленію въ учебныя заведенія. Въ видахъ этого, опекунша молодыхъ графовъ обращается въ тульское дворянское депутатское собраніе съ ходатайствомъ о выдачѣ имъ «копій съ протокола, по коему они въ 1832 году внесены, при отцѣ ихъ, въ родословную книгу на случай опредѣленія ихъ въ какія либо казенныя учебныя заведенія»; ходатайство это было удовлетворено журнальнымъ постановленіемъ депутатскаго собранія отъ 30-го января 1841 года¹⁾.

Вопросъ о мѣстѣ высшаго образованія Сергѣя, Димитрія и Льва Толстыхъ былъ рѣшенъ въ пользу Казани. Только что цитированный нами біографъ Л. Н. Толстого объясняетъ это рѣшеніе фак-

¹⁾ Архивное дѣло о принятіи въ студенты Казанскаго университета графа Л. Н. Толстого.

томъ кончины опекунши ихъ, графини А. И. Остенъ-Сакенъ. Оставляя это объясненіе, за неимѣніемъ у насъ подъ руками непосредственныхъ данныхъ, открытымъ, замѣтимъ лишь, что кончина графини Александры Ильинишны не могла воспослѣдовать иначе, какъ въ первую половину 1841 года. И, дѣйствительно: еще въ январѣ этого года графиня Остенъ-Сакенъ получаетъ изъ тульского депутатскаго собранія документъ о дворянствѣ своихъ племянниковъ, а осенью того же года молодые графы находятся уже въ Казани, гдѣ къ нимъ тогда же присоединяется и старшій братъ Николай, перешедшій изъ Московскаго университета въ Казанскій послѣ неудачнаго переходнаго экзамена въ третій курсъ.

Какъ бы то ни было, существовали весьма серьезныя причины къ отправленію молодыхъ графовъ Толстыхъ, для полученія высшаго университетскаго образованія, именно въ Казань: здѣсь жила и играла видную роль въ мѣстномъ обществѣ ихъ другая тетка, Полина Ильинишна Юшкова, отчасти уже знакомая нашимъ читателямъ. Начались приготовленія младшихъ графовъ къ поступленію въ Казанскій университетъ, въ которомъ старшаго брата Николая, мы въ учебный 1841—1842 годъ находимъ уже на второмъ курсѣ 2-го отдѣленія философскаго факультета; по этому факультету онъ благополучно, хотя и съ средними успѣхами, и окончилъ въ 1844 году курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Двое слѣдующихъ братьевъ, Сергѣй и Дмитрій, пошли по стопамъ Николая Николаевича, избравъ тотъ же факультетъ и то же его отдѣленіе, соответствующее современному намъ математическому факультету. Оба брата были приняты въ студенты въ 1843 году. Чтобы не возвращаться уже болѣе къ ихъ университетскому ученію, которое у Дмитрія шло нѣсколько успѣшнѣе, скажемъ, что оба брата, регулярно переходя изъ курса въ курсъ, весной 1847 года одновременно окончили дѣйствительными студентами, послѣ чего немедленно и покинули Казань¹⁾.

Графъ Левъ Николаевичъ не послѣдовалъ математическимъ наклонностямъ своихъ братьевъ: онъ избираетъ факультетъ восточныхъ языковъ, къ поступленію на который усиленно и готовился въ теченіе 1842—1844 г.г., а дѣло это было не совсѣмъ легкое, такъ какъ для вступительнаго экзамена нужно было имѣть подготовку въ арабскомъ и турецко-татарскомъ языкахъ, преподававшихся въ ту пору въ первой казанской гимназіи. Приглашены

¹⁾ Читателямъ, быть можетъ, покажутся не безъинтересными данныя объ успѣхахъ графовъ Толстыхъ. Вотъ средніе экзаменаціонные выводы ихъ при переходѣ изъ курса въ курсъ. Николай: со 2-го курса на 3-й—успѣхи 4, поведение 4, съ 3-го на 4-й—успѣхи 4; Сергѣй: съ 1-го на 2-й—не показаны, со 2-го на 3-й—успѣхи, поведение 4, съ 3-го на 4-й—успѣхи 4, поведение 5; Дмитрій: со 2-го на 3-й—успѣхи 4, поведение 5, съ 3-го на 4-й—успѣхи 4, поведение 5 (см. въ университетскомъ архивѣ экзаменаціонныя вѣдомости 1842—1847 г.г.).

были учителя, начались занятія, причемъ ближайшее менторство надъ графомъ Львомъ было ввѣрено гувернеру Saint-Thomas, прибывшему въ Казань съ своими молодыми питомцами и остававшемуся при нихъ до самаго поступленія Льва Николаевича въ университетъ.

Но что же могло побудить юнаго аспиранта остановиться на восточномъ факультетѣ, на которомъ ему предстояла нелегкая необходимость втянуться въ серьезныя полиглотическія занятія? Мы, конечно, не ошибемся, если выскажемъ предположеніе, что графа Льва Николаевича подкупало на сторону этого факультета то блестящее состояніе, въ какомъ находился онъ тогда въ Казанскомъ университетѣ, пользуясь лестною извѣстностью во всемъ ученомъ мірѣ. Факультетъ этотъ составлялъ гордость и славу далекаго университета, служилъ истиннымъ свѣточемъ для русскаго азіатскаго востока и давалъ казанской *almae matris* престижъ въ глазахъ людей западно-европейской науки. Почва для основанія въ Казани факультета восточныхъ языковъ подготовлялась здѣсь еще со второй половины XVIII столѣтія, когда въ казанской гимназіи введено было преподаваніе татарскаго языка, а затѣмъ, въ 1802 году, заведена была при ней и мусульманская типографія. Въ самомъ университетѣ преподаваніе восточныхъ языковъ производилось еще въ 10-хъ и 20-хъ годахъ текущаго столѣтія, имѣя достойныхъ представителей въ лицѣ знаменитаго ориенталиста Френа и профессора Эрдмана. Въ теченіе пятилѣтія 1837—1842 г.г. послѣдовательно открываются кафедры китайскаго, персидскаго, армянскаго языковъ и санскрита¹⁾, и такимъ постепеннымъ путемъ сформировался восточный факультетъ, это истинное украшеніе Казанскаго университета 40-хъ и начала 50-хъ годовъ, всецѣло обязанный своимъ начальнымъ существованіемъ тогдашнему попечителю округа М. Н. Мусину-Пушкину, горячему поклоннику ориенталистики. Этотъ факультетъ закрылся въ Казанскомъ университетѣ въ 1854 году, будучи переведенъ вмѣстѣ съ восточнымъ отдѣломъ бібліотеки, богатымъ собраніемъ рукописей и обширнымъ мицъ-кабинетомъ, въ С.-Петербургскій университетъ; этому всецѣло способствовалъ тотъ же Мусинъ-Пушкинъ, за 9 лѣтъ передъ тѣмъ и самъ перемѣщенный на постъ попечителя Петербургскаго учебнаго округа. Казанскій факультетъ восточныхъ языковъ въ половинѣ 40-хъ годовъ вызвалъ восторженный отзывъ извѣстнаго Кастрена: «Едва ли въ цѣломъ мірѣ есть хотя одинъ такой университетъ, гдѣ бы такъ ревностно изучали восточную литературу, какъ въ Казани. Здѣсь много кафедръ, посвященныхъ языковѣднiю востока, какъ-то: арабскому языку, армянскому, персидскому, санскритскому,

¹⁾ «Полное Собраніе Законовъ» (второе), №№ 10125, 11929, 12160, 15999 и 28659.

монгольскому, тюркскому, манджурскому... Изученіе восточныхъ языковъ особенно преуспѣваетъ здѣсь, благодаря тому, — продолжаетъ Кастрень, — что время отъ времени отсюда посылаются молодые люди въ азіатскія страны; въ настоящее время (1845 г.) отправились путешествовать въ Аравію два магистра здѣшняго университета, а третій посланъ на 10 лѣтъ въ Китай для изученія монгольскаго, китайскаго и манджурскаго языковъ¹⁾... Казанскій университетъ считаетъ въ числѣ своихъ ориенталистовъ мужей европейской извѣстности, и я вполне убѣжденъ, — заключаетъ авторъ нашъ, — что въ близкомъ будущемъ именно здѣсь найдутъ свое разрѣшеніе важнѣйшія научныя проблемы, касающіяся Востока»²⁾. Слова Кастрена не оказались пророческими: восточный факультетъ былъ отнятъ у Казанскаго университета черезъ 9 лѣтъ спустя послѣ года, къ которому приурочиваются эти слова нѣмецкаго ученаго, былъ отнятъ у него на вершинѣ своей славы и процвѣтанія, будучи пересаженъ на чуждую для него почву финскаго побережья...

Посмотримъ теперь, каковъ былъ личный составъ тѣхъ научныхъ силъ, подъ ученую ферулу которыхъ готовился поступить Левъ Николаевичъ. За исключеніемъ молодыхъ ориенталистовъ, находившихся въ командировкѣ на Востокъ, каѳедры восточнаго факультета были въ 1844—1845 учебномъ году, первомъ году студенчества Льва Николаевича, распределены слѣдующимъ образомъ: Ѳедоръ Эрдманъ, докторъ философіи, заслуженный профессоръ, читалъ языки арабскій и персидскій; Хаджа-Миръ-Абуталибъ-Миръ-Моминовъ, лекторъ — персидскій языкъ; Иванъ Жуковъ, кандидатъ — арабско-персидскую и турецко-татарскую словесность; Мирза А. К. Казембекъ, ординарный профессоръ — турецкій языкъ; Мирза Абдъ-Уссатаръ-Казембекъ, старшій учитель первой гимназіи — турецкій языкъ; Мухамедъ-Али Махмудовъ — преподавалъ восточную каллиграфію; О. М. Ковалевскій, ординарный профессоръ, читалъ монгольскую словесность; Александръ Поповъ, экстраординарный профессоръ — тоже; О. П. Войцеховскій, исправляющій должность ординарнаго профессора — китайскую словесность и языкъ; С. И. Назаріанцъ, адъюнктъ — армянскую словесность; Павелъ Петровъ, исправляющій должность адъюнкта — санскритъ³⁾. Въ данномъ случаѣ читатель имѣетъ передъ собою весьма сильный составъ факультета, среди котораго блещутъ имена, пользующіяся громкою

¹⁾ В. Ф. Диттель, И. Н. Березинъ и понынѣ здравствующій нашъ извѣстный синологъ В. П. Васильевъ.

²⁾ См. статью К. В. Лаврскаго и П. А. Пономарева: «К. Ф. Фуксъ и его время», въ «Казанскомъ Литературномъ Сборникѣ» 1878 г., стр. 451—452.

³⁾ Обзоръ препоаваній и экзаменаціонныя вѣдомости 1844—1845 годовъ (архивъ университета).

извѣстностью въ ориенталистикѣ; нѣкоторыя кафедры имѣють здѣсь даже по нѣсколько представителей.

Итакъ, выборъ факультета былъ рѣшенъ. Левъ Николаевичъ сталъ готовиться вступить въ ряды студентовъ-ориенталистовъ. Регулярно ходили къ нему подготовлявшіе его къ университету учителя¹⁾, съ учителемъ арабскаго и турецко-татарскаго языковъ включительно.

Приближалась весна 1844 года, время вступительныхъ университетскихъ испытаній. Въ это «доброе старое» время для юношей изъ богатыхъ аристократическихъ семей практиковалось облегченное средство для вступленія подъ сѣнь университетскихъ аудиторій: среди профессоровъ всегда находились покровители родовитыхъ и состоятельныхъ аспирантовъ на студентство, которые или поселялись у этихъ будущихъ экзаменаторовъ въ качествѣ учениковъ-пансіонеровъ, или же брали у нихъ по ихъ спеціальностямъ частныя уроки. «Справедливость требуетъ сказать,— вспоминаетъ В. Н. Назарьевъ, бывшій казанскій студентъ той эпохи,— что такими услужливыми профессорами какъ нельзя болѣе изобиловалъ Казанскій университетъ; одни изъ нихъ исключительно занимались пропускомъ богатыхъ людей, другіе предлагали имъ квартиры съ полнымъ содержаніемъ и, такимъ образомъ, провожали дальше и дальше, изъ одного курса въ другой, до полученія аттестата». Услугами въ этомъ направленіи одного изъ профессоровъ Казанскаго университета пользовался и авторъ только что приведенныхъ словъ, В. Н. Назарьевъ. Это былъ, по свидѣтельству г. Назарьева, «профессоръ-эстетикъ и секретарь испытательнаго комитета, добрый толстякъ въ синемъ фракѣ съ учеными пуговицами, обладавшій рѣдкимъ искусствомъ проводить околными путями, домашнимъ образомъ и кое-какъ подготовленныхъ баричей, горѣвшихъ желаніемъ надѣть синій воротничекъ; такіе господа обязательно должны были или помѣститься у профессора-эстетика, или же брать у него уроки и, такимъ образомъ, заручиться его покровительствомъ». В. Н. Назарьевъ не называетъ фамиліи этого покладистаго «профессора-эстетика», котораго онъ не вполне вѣрно опредѣляетъ по его спеціальности. Всякій, знакомый съ прошлымъ Казанскаго университета, легко узнаетъ въ этомъ «добрѣйшемъ толстякѣ», весьма склонномъ къ уединенному собесѣдованію съ четвертною бутылкою и изъ вечера въ вечеръ, вдохновившись этою послѣднею, занимающемся какою-то нескончаемою ученою работою, не безызвѣстнаго изслѣдователя казанскихъ инородцевъ, магистра и адъюкта русской словесности Василя Афанасьевича Сбоева, бывшаго воспитанника казанской семинаріи и петербургской духовной академіи, и начавшаго первоначальную службу свою по

¹⁾ См. Л. Н. Толстаго: «Дѣтство, отрочество и юность».

духовно-учебному вѣдомству. Въ мезонинѣ деревяннаго домика этого профессора, бокъ-о-бокъ съ его неряшливымъ кабинетомъ, и помѣстился В. Н. Назарьевъ, готовясь къ вступительному университетскому экзамену.

В. А. Сбоевъ былъ въ ту пору человѣкомъ какъ нельзя болѣе подходящимъ для того, чтобы съ пользою заручиться его благо-склонностью юношамъ, готовившимся къ университетской скамьѣ. Дѣло въ томъ, что въ то время, за отпускомъ молодаго магистра гражданскаго права и преподавателя энциклопедіи законовѣдѣнія, А. Г. Станиславскаго, почтеннаго профессора, лекціи котораго пишущему эти строки довелось слушать въ Казанскомъ университетѣ еще въ началѣ 70-хъ годовъ, возложенныя на него обязанности секретаря испытательнаго комитета для пріема въ университетъ молодыхъ людей, временно исправлялъ адъюнктъ Сбоевъ¹⁾. Онъ былъ слѣдовательно персоною весьма важною для университетскихъ аспирантовъ. Всякій, кто только имѣлъ къ тому возможность, спѣшилъ заручиться благорасположеніемъ «добрѣйшаго толстяка», какъ сдѣлалъ это и В. Н. Назарьевъ. Не избѣгъ этой подневольной необходимости и нашъ молодой герой, шестнадцатилѣтній графъ Левъ Николаевичъ. И ему довелось прибѣгнуть къ покровительству властнаго адъюнкта словесности. «Однажды, въ обѣденное время,— рассказываетъ пансіонеръ Сбоева, В. Н. Назарьевъ,— на крошечный дворикъ профессора бойко вкатилъ гнѣдой рысакъ, а затѣмъ въ прихожей показался молодой человѣкъ въ шинели военнаго покроя съ бобровымъ воротникомъ». Побесѣдовавъ съ гостемъ въ своемъ кабинетѣ и распрощавшись съ нимъ, Сбоевъ сошелъ внизъ и объявилъ, что къ нему «пріѣзжалъ графъ Левъ Николаевичъ Толстой, желающій поступить въ Казанскій университетъ, съ просьбою подготовить его изъ русской словесности». Слѣдомъ затѣмъ начались занятія графа съ будущимъ секретаремъ испытательнаго комитета, благодаря которымъ В. Н. Назарьеву приходилось частенько встрѣчаться съ Л. Н. Толстымъ. По словамъ г. Назарьева, юный графъ съ перваго же раза оттолкнулъ его отъ себя «напускною холодно-стью, щетинистыми волосами и презрительнымъ выраженіемъ прищуренныхъ глазъ; въ первый разъ въ жизни,— продолжаетъ нашъ авторъ,— встрѣтился мнѣ юноша, преисполненный такой странной и непонятной для меня важности и преувеличеннаго до-вольства собою». Сильно не влюбилъ В. Н. Назарьевъ въ первое время молодаго графчика: «чопорный графъ» съ «надменною, ка-менною фигуурою», «едва отвѣчающій на поклоны» малородовитыхъ товарищей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ «чудакъ и философъ», «неуклюжій

¹⁾ Дѣло архива Казанскаго университета (по совѣгу), за № 42-мъ, отъ 24-го апрѣля 1844 года.

и застѣнчивый»,—таковы тѣ характеристики, которыми щедро надѣляетъ г. Назарьевъ своего сверстника по университету¹⁾.

Наступило время экзаменовъ. Былъ на исходѣ май мѣсяць 1844 года. 29-го числа, въ самый день открытія вступительныхъ испытаній, которыя Левъ Николаевичъ долженъ былъ держать совместно съ желавшими поступить въ университетъ воспитанниками первой и второй казанскихъ гимназій, на имя ректора университета получено было отъ тогдашней грозы педагогическаго міра, попечителя учебнаго округа, М. Н. Мусина-Пушкина, внушительное предложеніе отъ 29-го мая за № 1873, которое должно было настроить членовъ испытательнаго комитета далеко не въ пользу особой снисходительности предстоявшихъ экзаменовъ. Попечитель заявляетъ въ этомъ предложеніи, что послѣдніе публичные (т. е. переходные) экзамены обнаружили «чрезвычайно слабыя» знанія студентовъ: «Признавая совершенно необходимымъ, какъ для пользы образованія, такъ и для чести самаго университета, чтобы молодые люди, въ оный поступающіе, безостановочно переходя изъ курса въ курсъ, оставляли заведеніе, гдѣ образовывались, съ твердыми и основательными познаніями, которыя могли бы они потомъ употреблять на полезное служеніе отечеству, я поручаю вашему превосходительству предложить обоимъ испытательнымъ комитетамъ производить испытанія желающимъ поступить въ студенты безъ малѣйшаго послабленія, съ благоразумною строгостью и осмотрительностью. Я признаю не только бесполезнымъ, но даже вреднымъ,—пишетъ попечитель,—наполнять университетъ малосвѣдущими слушателями, которые, пробывъ здѣсь короткое время, или сами оставляютъ его, не будучи въ силахъ слѣдить за ходомъ преподаванія, или, по необходимости, исключаются начальствомъ за малоуспѣшность»²⁾.

Но теперь разсуждать на тему о большей или меньшей строгости предстоящихъ пріемныхъ испытаній было уже поздно. Въ тотъ самый день, которымъ помѣчено было только что приведенное предложеніе попечителя, и въ который Льву Николаевичу предстояло подвергнуться первому экзамену по Закону Божию, имъ было представлено на имя ректора университета прошеніе слѣдующаго содержанія:

«Его превосходительству господину ректору императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику и кавалеру Николаю Ивановичу Лобачевскому.

¹⁾ В. Н. Назарьевъ: «Люди былаго времени» (Историческій Вѣстникъ» за 1890 г., кн. XI, стр. 435—438).

²⁾ Дѣло архива Казанскаго университета о пріемныхъ испытаніяхъ 1844 года.

«Прошеніе.

«Желая поступить въ число студентовъ по восточному отдѣленію философскаго факультета (въ разрядъ турецко-арабскій)¹⁾ императорскаго Казанскаго университета, прошу ваше превосходительство допустить меня къ испытанію. Акты мои: свидѣтельство о рожденіи изъ тульской духовной консисторіи, подъ № 252, и свидѣтельство о моемъ дворянскомъ происхожденіи изъ тульскаго дворянскаго депутатскаго собранія, подъ № 267, при семъ честь имѣю представить.

«Графъ Левъ Толстой».

Довольно загадочнымъ и любопытнымъ представляется то обстоятельство, что все это прошеніе, не выключая и подписи, написано рукою не графа Льва Николаевича²⁾. Если принять въ соображеніе и фактъ подачи этого прошенія въ самый день перваго пріемнаго экзамена, можно прійти къ заключенію, что дѣло о допущеніи графа Льва Николаевича къ экзаменамъ явилось почему-то запоздавшимъ и было обставлено какою-то особенною поспѣшностью.

На поляхъ прошенія значится отмѣтка: «№ 51. Нѣтъ лекарскаго свидѣтельства о здоровьи, впрочемъ акты достаточны», а подъ этою отмѣткою надписана резолюція: «Льва Толстаго допустить къ испытанію во 2-мъ комитетѣ, объявивъ просителю, чтобъ доставилъ свидѣтельство о здоровьи. 29-го мая 1844. Ректоръ Лобачевскій». Тутъ же имѣется заявленіе: «Свидѣтельство о здоровьи въ скоромъ времени доставлю. 1844 мая 30-го. Левъ Толстой»³⁾.

Насталъ день 29-го мая 1844 г., въ который Левъ Николаевичъ долженъ былъ впервые выступить передъ судомъ суроваго, да еще къ тому же и смущеннаго только что полученнымъ попочительскимъ предложеніемъ, университетскаго ареопага. Въ виду категоричности этого предложенія, врядъ ли что могъ подѣлать въ интересахъ своихъ юныхъ протее и самъ «добрѣйшій толстякъ» Сбоевъ. Составъ испытательнаго комитета, передъ которымъ предстояло выступить молодому графу, былъ слѣдующій: предсѣдатель— профессоръ Эрдманъ, онъ же проректоръ университета; экзаменаторы: Закона Божія—архимандритъ Гавріилъ; латинскаго и греческаго языковъ— профессоръ Фатеръ; нѣмецкаго, французскаго и восточныхъ языковъ—проф. Эрдманъ (онъ же и представитель комитета); исторіи, статистики, географіи и монгольскаго языка—проф. Ковалевскій; математики и физики—проф. Котельниковъ;

¹⁾ Судя по имѣющимся въ архивныхъ дѣлахъ автографамъ Л. Н. Толстаго.

²⁾ Дѣла о принятіи студентовъ въ Казанскій университетъ въ 1844 г. (Архивъ университета, № 62).

³⁾ Поставленныя въ скобкахъ и курсивомъ слова приписаны съ боку другою рукою.

логики и русскаго языка—адъюнктъ Сбоевъ (онъ же и. д. секретаря комитета) ¹⁾.

На экзамень Левъ Николаевичъ явился во фракъ, въ сопровожденіи своего monsieur Saint-Thomas'a, приѣхавъ въ университетъ въ щегольскомъ экипажѣ. Впечатлѣнія молодого графа довольно отчетливо переданы въ «Дѣтствѣ, отрочествѣ и юности». «Я былъ во фракъ въ первый разъ въ жизни,—вспоминаетъ Левъ Николаевичъ устами своего героя Иртеньева, и все платье, даже бѣлье было на мнѣ самое новое и лучшее. Когда швейцаръ снялъ съ меня шинель, мнѣ даже стало нѣсколько совѣстно за то, что я такъ ослѣпительнѣнъ. Однако, когда я вступилъ въ свѣтлую паркетную залу ²⁾, наполненную народомъ, и увидалъ сотни молодыхъ людей, изъ которыхъ нѣкоторые равнодушно взглянули на меня, а въ дальнемъ концѣ важныхъ профессоровъ, свободно ходившихъ около столовъ и сидѣвшихъ въ большихъ креслахъ, какъ я въ ту же минуту разочаровался въ надеждѣ обратить на себя общее вниманіе, и выраженіе моего лица, означавшее дома и еще въ сѣняхъ какъ бы сожалѣніе въ томъ, что я противъ воли имѣю видъ такой благородный и значительный, замѣнилось выраженіемъ сильнѣйшей робости и нѣкотораго унынія» ³⁾.

Въ первый день экзаменовъ (29 мая) испытаніе производилось только изъ Закона Божія. Съ благодушнѣйшимъ архимандритомъ о. Гаврииломъ дѣло имѣть было не опасно, и въ экзаменаціонной вѣдомости этого дня, противъ имени: «Толстой Левъ», красуется отмѣтка — «4».

На слѣдующій день, 30-го мая, предстояли испытанія по русской и всеобщей исторіи, статистикѣ и географіи (экзаменаторъ проф. О. М. Ковалевскій). Этотъ день былъ для Л. Н. Толстаго роковымъ. Печальный результатъ экзамена у проф. Ковалевскаго нагляднѣе и рельефнѣе всего усматривается изъ слѣдующей таблицы, представляющей собою точную выписку изъ подлинной экзаменаціонной вѣдомости:

Толстой Левъ:

Исторія общая и русская . . .	}	Древняя	1	
		Средняя	1	
		Новая	1	
		Русская	1	
			Общій выводъ	1

¹⁾ Архивъ Казанскаго университета: совѣтскія дѣла за 1844 г., № 42.

²⁾ Въ Казанскомъ университетѣ до сравнительно еще недавняго времени всѣ экзамены производились въ большомъ актовомъ залѣ.

³⁾ Сочиненія графа Л. Н. Толстаго, изд. 6-е, ч. I, стр. 269—270.

Статистика и географія	{	Географія общая	1
		» русская	1
		Статистика общая	1
		» русская	1
		Общій выводъ	1

31-го мая, въ третій день испытаній, Льву Николаевичу надлежало выказать свои познанія по математикѣ и физикѣ передъ профессоромъ П. И. Котельниковымъ. Вѣдомость этого экзамена гласить о слѣдующихъ успѣхахъ его въ этой отрасли знанія:

Математика	{	Ариметика	4
		Алгебра	4
		Геометрія	отмѣтки нѣтъ
		Тригонометрія	тоже
		Общій выводъ	4

Физика отмѣтки нѣтъ.

День 1-го іюня былъ уже не такъ страшенъ; экзаменовалъ по русской словесности и логикѣ уже извѣстный намъ адъюнктъ В. А. Сбоевъ. Въ графѣ «Толстой Левъ» значатся слѣдующіе баллы:

Русская словесность	{	Словесность	4
		Сочиненіе	4
		Общій выводъ	4
Логика			4

Приводимъ теперь въ общей сводной таблицѣ результатъ остальныхъ испытаній, которымъ подвергался графъ Левъ Николаевичъ втеченіе дней 2—5-го іюня, съ обозначеніемъ въ скобкахъ и самыхъ чиселъ экзаменовъ:

Латинскій языкъ (2-го іюня)	2	(переправлена изъ поставленной раньше тройки).
Французскій языкъ (3-го іюня)	5+	
Нѣмецкій языкъ (5-го іюня)	5	

Новые языки, какъ видитъ читатель, обстояли у Льва Николаевича превосходно, доказывая, что его юношескіе менторы, *Ө. И. Россель* и *m-r S.-Thomas*, стояли на высотѣ своего педагогическаго положенія.

Отлично сошли экзамены и по восточнымъ языкамъ, предполагаемой будущей специальности молодого графа:

Арабскій языкъ (5-го іюня)	5
Турецко-татарскій языкъ (5-го іюня)	5
Персидскій языкъ (5-го іюня)	не обучался ¹⁾

¹⁾ Въ виду поступленія на турецко-арабское отдѣленіе факультета.

«Истор. вѣстн.», январь, 1894 г., т. LV.

Послѣдніе предметы испытаній:

Греческій языкъ (5-го іюня) не обучался.
 Англійскій языкъ 4

Исторія, статистика да географія — испортили Льву Николаевичу все дѣло; подпортила ему и латынь. Въ экзаменаціонной вѣдомости, въ графѣ «Толстой Левъ», значится роковое слово: «отказать» (т. е. въ приемѣ), а въ дѣлѣ о приемѣ нашего юнаго героя въ студенты сдѣлана заключительная резолюція, въ видѣ журнальнаго постановленія о томъ, что графъ Левъ Толстой «экзаменованъ по отдѣленію восточной словесности, но принятія въ университетъ не удостоенъ». Тутъ же приписано и опредѣленіе: «Акты возвратить» ¹⁾.

Такъ окончилась довольно-таки печальнымъ образомъ первая попытка Льва Николаевича поступить въ Казанскій университетъ. Мы не знаемъ, какъ отозвалась на 16-тилѣтнемъ юношѣ эта неудача, но Л. Н. Толстой и его близкіе рѣшаютъ сдѣлать новую попытку въ томъ же направленіи, исходатайствовавъ осеннюю перекзаменовку по тѣмъ предметамъ, въ которыхъ молодой графъ какъ говорится, «провалился» такъ торжественно.

И вотъ, въ началѣ августа того же 1844 года, снова поступаетъ на имя ректора университета слѣдующее прошеніе, на этотъ разъ уже отъ начала до конца писанное графомъ Львомъ Николаевичемъ собственноручно:

«Его Превосходительству господину ректору Императорскаго Казанскаго университета, заслуженному профессору, дѣйствительному статскому совѣтнику Николаю Ивановичу Лобачевскому

«отъ Льва Николаева графа Толстаго
 «Прошеніе.

«Въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года я вмѣстѣ съ учениками первой и второй Казанской гимназіи (sic) подвергался испытанію, съ цѣлью поступить въ число студентовъ Казанскаго университета разряда арабско-турецкой словесности. Но какъ на этомъ испытаніи не оказалъ надлежащихъ свѣдѣній въ исторіи, статистикѣ, то и прошу покорнѣйше ваше превосходительство дозволить мнѣ нынѣ снова экзаменоваться въ этихъ предметахъ. При семъ имѣю честь представить слѣдующіе документы: 1) метрическое свидѣтельство изъ Тульской консисторіи, 2) копии съ постановленія Тульскаго дворянскаго депутатскаго собранія. Августа 3-го дня 1844 г. Къ

¹⁾ Архивъ Казанскаго университета. Дѣла: 1) «Объ экзаменахъ, дѣлаемыхъ въ испытательномъ комитетѣ на поступленіе въ университетъ» (№ 48 за 1844 г., на 142 листахъ) и 2) «О принятіи ученика графа Льва Толстаго въ число слушателей Казанскаго университета» (въ дѣлахъ о приемѣ студентовъ за 1844 г., № 62).

сему прошенію означенной выше проситель графъ Левъ Николаевъ Толстой руку приложилъ».

На прошеніи отмѣтка: «Под. 4 авг. 1844. Допустить къ дополнительному испытанію. 4 августа 1844. Ректоръ Лобачевскій».

Когда именно и съ какимъ успѣхомъ держалъ графъ Л. Н. Толстой этотъ дополнительный экзаменъ, свѣдѣній объ этомъ мнѣ найти не удалось. Во всякомъ случаѣ, на этотъ разъ дѣло обошлось благополучно, такъ какъ внизу прошенія Льва Николаевича подписано опредѣленіе:

«Толстаго принять въ университетъ студентомъ своекоштнаго содержанія, по разряду «арабско-турецкой словесности», въ 1-й курсъ, увѣдомить отдѣленіе наукъ и инспектора студентовъ. Подлинный за подписомъ гг. присутствовавшихъ и скрѣпою секретаря. Вѣрно: за секретаря Андрашовъ. Исполнено 20 сентября въ 1-е отдѣленіе № 1189, инспектору № 1188».

Вскорѣ представлено было Львомъ Николаевичемъ и недостававшее въ его бумагахъ медицинское свидѣтельство, которымъ адъюнктъ И. Дмитріевскій удостовѣрялъ, что «студентъ Левъ Толстой дѣйствительно корь и оспу имѣлъ натуральную, болѣзней заразительныхъ и прилипчивыхъ не имѣлъ и не имѣетъ»¹⁾.

Такимъ путемъ завершенъ былъ Л. Н. Толстымъ тернистый путь поступленія въ университетъ, и осенью 1844 года шестнадцатилѣтній графъ могъ уже красоваться въ казанскомъ обществѣ въ синемъ воротникѣ и съ вождельною студенческою шпагою у лѣваго бедра...

Открываются вмѣстѣ съ тѣмъ и годы студенческой жизни нынѣшняго маститаго писателя нашего.

III.

На восточномъ факультетѣ.

Казанская общественность сороковыхъ годовъ. — Виѣшняя обстановка жизни графа Л. Н. Толстаго. — Его характеристика по воспоминаніямъ современниковъ. — Тетушка Полина Ильинишна и ея сентенціи. — Студенчество временъ Льва Николаевича. — Веселое житье Казанскаго большого свѣта. — Университетскія неудачи. — Фіаско графа Толстаго на восточномъ факультетѣ.

Получивъ студенческую шпагу, а вмѣстѣ съ нею и право, обусловленное еще болѣе того его родовитостью, матеріальнымъ положеніемъ и мѣстными связями, на званіе «молодого челоуѣка хорошаго общества», графъ Левъ Николаевичъ Толстой неминуемо дол-

¹⁾ Дѣла архива Казанскаго университета о приѣмѣ въ 1844 году студентовъ. № 109: «О принятіи въ университетъ студента Льва Николаева графа Толстаго» (на 10-ти листахъ).

женъ былъ съ головою погрузиться въ пучину веселой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пустой и безсодержательной казанской великосвѣтской жизни сороковыхъ годовъ. Это былъ фатумъ, это былъ почти неодолимый импульсъ той среды, въ которой вращался онъ въ годы своей ранней юности.

Весело, очень весело жили въ Казани въ ту дореформенную пору, конечно, въ высшихъ сферахъ общества, дававшихъ главный колоритъ мѣстной общественности. Широкий размахъ казанской великосвѣтской жизни сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ носилъ характеръ послѣдней агоніи крѣпостнаго строя старой Россіи и давалъ себя особенно сильно чувствовать по зимамъ. Въ ту пору не только отдаленное Заволжье, но и болѣе центральныя части нашего отечества еще не были связаны съ столицами рельсовыми путями, не существовало еще и правильнаго пароходства, а потому Казань служила дѣйствительно центромъ, къ которому тяготѣло все среднее Поволжье и Прикамье, являясь по отношенію къ нимъ маленькою столицей. Сюда съѣзжались на зиму богатыя помѣщичьи семьи не только изъ уѣздовъ, но и изъ окрестныхъ губерній, съ тѣмъ, чтобы повеселиться здѣсь послѣ лѣтней деревенской жизни, поразвлечься, сдѣлать заказы, обшиться и пріодѣться, отдать въ ученіе подростовающихъ ребятъ, а при случаѣ подыскать «приличную партію» и дочкамъ своимъ. Въ ту пору татарская Казань распространяла на далекій востокъ не только свѣтъ науки и знанія, но служила для этого востока и посредницею въ дѣлѣ распространенія моды и той совокупности условій, которая характеризуется французскимъ понятіемъ *savoir vivre*, а также и всякаго рода житейскихъ мелочей, которыя, принявъ на себя неизбѣжные штрихи провинціальной окраски, входили въ пресловутое предствленіе о «великосвѣтскомъ тонѣ».

Особенности интеллектуальной жизни Казани, обусловленные главнѣйшимъ образомъ ея университетомъ и весьма рано зародившеюся въ ней литературою, уже въ то время породили въ этомъ центрѣ часть общества, которая жила въ интересахъ мѣстной науки, мысли и слова, охотно посѣщала университетскія публичныя чтенія, ходила на диспуты и засѣданія казанскаго общества любителей отечественной словесности, увлекалась литературными вечерами въ славившемся въ ту пору своею интеллигентностью домѣ профессора К. Ф. Фукса... Но не такова была та общественная среда, въ которую попалъ въ Казани Левъ Нилколаевичъ Толстой. Это была среда, всецѣло проникнутая сословными предрасудками, пропитанная условными понятіями «комилфотности», но, съ другой стороны, не находившая ничего лучшаго, какъ воскуривать еймиамы «ихъ высокопревосходительствамъ Сергѣю Павловичу и Аннѣ Евграфовнѣ» (Шиповымъ—вліятельная губернская чета 40-хъ годовъ) и раздѣлять свое досужное время между картами, танцами,

и сплетнями, присоединяя къ этимъ развлеченіямъ и по истинѣ непримѣрное чревоугодіе. Благодаря этой послѣдней особенноти, въ Казани, по словамъ одного изъ иностранныхъ хроникеровъ мѣстной жизни того времени, холостому человѣку «можно было во-все не имѣть у себя стола, такъ какъ существовало по крайней мѣрѣ 20—30 домовъ, куда ежедневно сходятся обѣдать много лицъ безъ всякаго приглашенія: остается лишь избирать тотъ домъ, гдѣ можно надѣяться на большее удовольствіе». «Вскорѣ, послѣ окончанія обѣда, выпивъ кофе и поболтавъ о всякой всячинѣ,—продолжаетъ тотъ же хроникеръ,—всѣ отправляются по домамъ спать, что составляетъ общее обыкновеніе. Вечеромъ снова отправляются куда нибудь на рауть или балъ, всегда оканчивающійся лукулловскимъ ужиномъ; такія пиршества затягиваются далеко за полночь, и нерѣдко гостямъ приходится возвращаться домой въ 5—6 часовъ утра. На слѣдующій день встаютъ не ранѣе полудня, съ тѣмъ, чтобы начать продѣлывать то же самое... «Для тѣхъ, кто чувствуетъ себя счастливымъ лишь на пирахъ да на празднествахъ,—обобщаетъ тотъ же авторъ,—кто любитъ развѣзжаться по баламъ, дѣлать и принимать визиты, для тѣхъ, наконецъ, кому для счастья нужны шумныя удовольствія, Казань—настоящее Эльдorado; я смѣло могу сказать, что нѣтъ другого города въ мірѣ, гдѣ чаще устраивались бы собранія для веселья, гдѣ обнаруживалось бы больше соревнованія въ устройствѣ пировъ и удовольствій»¹⁾...

Домъ тетки молодыхъ графовъ Толстыхъ, Полины Ильинишны Юшковой, на попеченіе которой они были приняты, являлся однимъ изъ видныхъ аристократическихъ домовъ Казани. Очень естественно, что этотъ домъ совмѣщаль въ себѣ всѣ тѣ условія пустой безсодержательной провинціальной великосвѣтской жизни, о которой только что шла у насъ рѣчь. Впечатлительная, отъ природы даровитая, склонная къ созерцанію и болѣе или менѣе сознательная въ своемъ стремленіи къ добру, натура юнаго графа должна была инстинктивно чувствовать протестъ противъ той обстановки, въ какую былъ онъ поставленъ въ домѣ своей казанской тетки и среди окружавшаго его общества, въ особенности послѣ тихой дѣтской жизни въ уютной, родной Ясной Полянѣ. Юноша хотѣлъ серьезно учиться, что несомнѣнно подтверждается и выборомъ имъ факультета, а его насильно втискивали въ пошлыя рамки провинціальной великосвѣтской жизни, гдѣ простая «комильфотность», понимаемая въ смыслѣ безусловнаго подчиненія себя нерѣдко бессмысленнѣйшимъ правиламъ и условіямъ

¹⁾ Изъ книги Е. П. Турнелли, бывшаго лектора Казанскаго университета: «Kasan et ses habitants» (Spb., 1841). Подробности объ условіяхъ казанской общественности того времени см. въ рядѣ моихъ статей: «Казанская старина. Очерки г. Казани и казанской жизни въ 40-хъ гг.», въ газетѣ «Волжскій Вѣстникъ» за 1891—1892 гг.

пустой свѣтской жизни, ставилась выше всякой науки и учености. Левъ Николаевичъ былъ отъ юныхъ лѣтъ «склоненъ умствовать», заслуживъ себѣ эту чертою со стороны окружающихъ прозваніе «чудака и философа»¹⁾, а его неустанно втягивали въ мишурный кругъ развлеченій и увеселеній большого свѣта, среди которыхъ уже не было мѣста для тѣхъ усиленныхъ занятій, которыя обусловливались избраннымъ имъ факультетомъ. Отсюда та двойственность жизни Льва Николаевича въ Казани, та путаница понятій, вѣдрившаяся въ его молодую голову, въ которыхъ онъ впоследствии самъ сознавался и которыя дѣлали юнаго графа загадкою въ глазахъ товарищей по университету. Какъ тетушка Полина Ильинишна, такъ и окружавшіе ее, систематически портили юношу, ломали его хорошую отъ рожденія натуру, развращали и его умъ, и его душу, и его сердце. И много должно быть въ Левѣ Николаевичѣ врожденнаго добра, если онъ, всетаки, сумѣлъ устоять противъ этихъ деморализующихъ вліяній, смогъ уцѣлѣть отъ засасывающаго омута, въ который былъ брошенъ въ самые опасные годы своей юности! Въ этомъ отношеніи, быть можетъ, приходится даже радоваться университетскимъ неудачамъ Льва Николаевича, которыя, какъ центробѣжный водоворотъ, выбросили его изъ этого гибельнаго омута и спасли его для русской мысли и русскаго дѣла...

Некрасивъ былъ въ молодости графъ Левъ Николаевичъ: широкоплечій, мясистый, неуклюжій, съ короткими щетинистыми волосами, онъ мало подходилъ къ роли легкомысленнаго свѣтскаго дэнди, которую ему навязывали. Такимъ помнятъ Л. Н. Толстаго казанскіе старожилы; такимъ представляетъ намъ его В. Н. Назарьевъ; такими же вѣшними чертами рисуетъ нашъ романистъ своего Иртеньева («Дѣтство, отрочество и юность»), который утѣшаетъ себя словами своего отца, что хотя онъ и некрасивъ, но у него «умная рожа». Отсюда легко объясняется и постоянная погоня Льва Николаевича за «комильфотностью», которой отъ него требовали, и его напускная холодность, и его кажущаяся надменность, черты, страннымъ образомъ соединявшіяся въ немъ съ застѣнчивостью, которую многіе принимали за стремленіе къ недоступности. Всѣмъ этимъ обусловливался, конечно, и тотъ ореолъ загадочности, о которой говорятъ всѣ знавшіе Л. Н. Толстаго въ студенческіе годы. «Бирюкъ, котораго всѣ мы звали не иначе, какъ философомъ и Левушкой, неуклюжій и постоянно стѣсняющійся», вотъ какъ характеризовалъ мнѣ Льва Николаевича одинъ изъ здравствующихъ казанскихъ старожилонъ, сверстникъ его по

¹⁾ Сравни: «Дѣтство, отрочество и юность», гр. Л. Н. Толстаго, стр. 225, 377, 407 (Сочиненія, изд. 6, ч. I), В. Н. Назарьева—цитированная выше статья, стр. 438.

университету. Братья Льва Николаевича представляли съ нимъ совершенный контрастъ. Сергѣй—былъ яркимъ типомъ бонвивана, студента-франта, дамскаго поклонника и ловеласа, который никогда не прочь кутнуть и охотно беретъ отъ жизни все, что она способна дать ему; впоследствии онъ женился на цыганкѣ изъ хора, а въ архивѣ Казанскаго университета до сихъ поръ сохранилось дѣло о задержаніи выдачи ему выпускнаго аттестата, вслѣдствіе надѣланныхъ имъ въ Казани долговъ. Дмитрій былъ, напротивъ, ханжа и мистикъ, избѣгавшій всякихъ удовольствій и развлеченій свѣта, ходилъ по всѣмъ церковнымъ службамъ, постился, велъ абсолютно «чистую» жизнь и заслужилъ отъ своихъ сотоварищей прозваніе «Ноя», какъ рассказываетъ объ этомъ самъ Л. Н. Толстой; даже попечитель округа Мусинъ-Пушкинъ вынужденъ былъ уговаривать Дмитрія Николаевича танцевать на вечерахъ тѣмъ аргументомъ, что «и царь Давидъ плясалъ передъ ковчегомъ»¹⁾. Въ противоположность брату, Левъ Николаевичъ, какъ онъ самъ въ томъ сознавался впоследствии, впалъ во время студенческой жизни своей въ полное безвѣріе, будучи далекъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отъ свѣтской безшабашности Сергѣя Николаевича. Съ такимъ-то рѣзкимъ различіемъ въ характерахъ трехъ братьевъ доводилось считаться Полинѣ Ильинишнѣ Юшковой, принявшей на себя попеченіе о своихъ юныхъ племянникахъ.

Много искусовъ и опасностей грозило Льву Николаевичу въ годы казанской жизни его въ домѣ тетушки Полины Ильинишны, этого «чистѣйшаго существа», раздѣлявшаго свое время между ханжествомъ и культомъ большого свѣта, культомъ, исполненнымъ самыхъ дикихъ понятій и предразсудковъ.

«Безъ ужаса, омерзѣнія и боли сердечной не могу вспомнить объ этихъ годахъ»,—говоритъ Л. Н. Толстой въ своей «Исповѣди», вспоминая свое пребываніе въ домѣ казанской тетки.—«Я всей душой хотѣлъ быть хорошимъ. Но я былъ молодъ, у меня были страсти, а я былъ одинъ, совершенно одинъ, когда искалъ хорошаго. Всякій разъ, когда я пытался высказать то, что составляло самыя задушевные мои желанія, то, что я хочу нравственно быть хорошимъ,—я встрѣчалъ презрѣніе и насмѣшки, а какъ только я предавался ѣдкимъ страстямъ, меня хвалили и поощряли. Честолюбіе, властолюбіе, корыстолюбіе, любостыжаніе, гордость, гнѣвъ, лезть—все это уважалось. Отдаваясь этимъ страстямъ, я становился похожимъ на большого, и я чувствовалъ, что мною довольны».

Своеобразны были и тѣ понятія и *pia desideria* большого свѣта, которыя внушались Льву Николаевичу въ домѣ его тетки. «Добрая тетушка моя,—продолжаетъ онъ,—чистѣйшее существо, съ которою я жилъ, всегда говорила мнѣ, что она ничего не желала бы

¹⁾ «Исповѣдь» графа Л. Толстаго.

такъ для меня, какъ того, чтобы я имѣлъ связь съ замужнею женщиною: Rien ne forme un jeune homme, comme une liaison avec une femme comme il faut ¹⁾,—говорила она. Еще другаго счастья она желала мнѣ: того, чтобы я былъ адъютантомъ, и лучше всего у государя, а самаго большого счастья того, чтобы я женился на богатой дѣвушкѣ, и чтобы у меня было какъ можно больше рабовъ»...

Неудивительно, конечно, что, будучи поставленъ въ разсмотрѣнныя нами условія жизни своей, графъ Л. Н. Толстой долженъ былъ тѣсно примкнуть къ кругу казанской аристократіи, хотя онъ и примкнулъ къ ней въ силу фатальной необходимости, примкнулъ «пассивно»,—какъ выражается В. Н. Назарьевъ,—не раздѣляя въ душѣ ея увлеченій; да и самъ Левъ Николаевичъ выставляетъ своего героя Иртеньева, то-есть своего alter-ego, въ качествѣ юноши, котораго свѣтскія удовольствія разочаровываютъ въ первую же зиму его студенческой жизни.

Но существовала еще одна группа отношеній, которая не можетъ быть игнорирована историкомъ студенческихъ годовъ нашего маститаго писателя: это—его отношенія къ современному ему студенчеству. Чтобы понять эти отношенія, необходимымъ является предпринять маленькую экскурсію въ область вопроса о жизни этого послѣдняго въ сороковыхъ годахъ.

До самаго начала 60-хъ годовъ, когда въ жизнь русскаго общества вторглись освободительныя и гуманитарныя вѣянія, лучшимъ отраженіемъ которыхъ явилась великая реформа 19-го февраля 1861 года, и подъ воздѣйствіемъ которыхъ сгладилась прежняя сословная рознь и сословные предрасудки,—студенчество, какъ и другія сферы стараго общества, рѣзко распадалось на двѣ категоріи: аристократовъ и разночинцевъ. Между обѣими группами студенчества, изъ которыхъ партія «разночинцевъ» представляла собою, конечно, подавляющее большинство, существовали постоянныя рознь и антагонизмъ, которые особенно рѣзко сказывались въ университетскихъ городахъ съ значительнымъ дворянскимъ элементомъ, какою являлась и Казань 40-хъ годовъ. Этотъ антагонизмъ весьма рельефно очерчивается всеми воспоминаніями старыхъ казанскихъ студентовъ и въ особенности во второй части извѣстнаго романа П. Д. Боборыкина: «Въ путь-дорогу», всецѣло относящейся къ Казани.

Бурна была жизнь казанскаго студенчества 40-хъ и 50-хъ годовъ. Хранящіяся въ архивѣ мѣстнаго университета дѣла по инспекціи и канцеляріи попечителя представляютъ собою цѣлыя

¹⁾ То-есть: «Ничто такъ благоприятно не вліяетъ на молодого человѣка, какъ связь съ женщиною изъ порядочнаго круга». Недурная мораль для юноши 16—17 лѣтъ!

томы производствъ по поводу зазорнаго поведенія студентовъ и даютъ длинную хронику скандаловъ и безобразій болѣе или менѣе публичнаго характера, борются съ которыми были безсильны все строгости университетской инспекціи того времени. О гомерическихъ кутежахъ и попойкахъ мы уже и не говоримъ: они носили положительно хроническій характеръ; «весь избытокъ жизни уходилъ на кутежи»,—не безъ основанія замѣчаетъ В. Н. Назарьевъ, характеризуя условія быта казанскаго студенчества того времени. Бывали, конечно, примѣры и студентовъ «аристократовъ», которые не чужды были безобразій довольно-таки колоссальнаго характера, какія учинялъ, на примѣръ, симбирскій уроженецъ, князь Ч—евъ, который развлекался, по словамъ В. Н. Назарьева, тѣмъ, что, «вооружившись духовымъ ружьемъ, съ чердака обстрѣливалъ и держалъ въ постоянномъ осадномъ положеніи всю Поперечно-Красную улицу», не говоря уже о цѣломъ рядѣ другихъ безобразій и скандаловъ, которыми ознаменовалъ себя этотъ княжичъ во время пребыванія своего въ университетѣ. Но, говоря вообще, студенты-аристократы чуждались бурнаго разгула казанскихъ «буршей» стараго времени и образовывали свою особую группу, хотя и впадали въ противоположную крайность—увлеченіе свѣтскою жизнью, наслажденіями болѣе тонкаго и «комильфотнаго» характера и тѣми возделѣніями, которыя съ такою убѣжденностью проповѣдывала своимъ воспитанникамъ тетушка Полина Ильинишна. Балы, вечера, пикники, спектакли, рысаки, женщины—составляли альфу и омегу этихъ самодовольныхъ барчатъ, которые «поступили въ университетъ, сами не зная для чего»; юридическій факультетъ того времени особенно изобиловалъ юношами этой послѣдней категоріи. Существовала, конечно, и въ то время еще третья группа студентовъ, не принадлежавшая ни къ «скандалистамъ», ни къ «аристократамъ». Это была группа юношей, которые шли въ университетскій храмъ науки ради самой науки, которые усердно посѣщали университетскія аудиторіи и терпѣливо корпѣли надъ разными интегралами, монгольскими грамматиками и гистологіями, не увлекаясь ни скандальными похождениями большинства, ни великосвѣтскими тенденціями меньшинства своихъ университетскихъ сотоварищей. Но эта группа представляла собою,—въ этомъ слѣдуетъ сознаться,—совсѣмъ небольшой контингентъ тружениковъ, которые не въ состояніи были дать собою никакого колорита на общемъ фонѣ казанской студенческой жизни сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ.

Все то, что намъ извѣстно теперь относительно условій казанской жизни графа Л. Н. Толстаго, уже а priori приводитъ насъ къ убѣжденію въ томъ, что онъ неминуемо долженъ былъ, благодаря самой силѣ вещей, примкнуть къ «аристократическому» меньшинству студенчества, хотя, по всей вѣроятности, также пас-

сивно, какъ пассивно примкнулъ онъ и къ казанскому великосвѣтскому обществу. И дѣйствительно, въ первый же годъ своей студенческой жизни, Левъ Николаевичъ былъ вовлеченъ въ водоворотъ казанской, пустой и безцѣльной, аристократической жизни. Тутъ стало, само собою разумѣется, уже не до трудныхъ занятій арабско-турецкою филологіею и словесностью, которымъ собирался было посвятить себя молодой студентъ.

Волею-неволею, но графъ Левъ Николаевичъ былъ всецѣло вовлеченъ въ шумный разгаръ казанской великосвѣтской жизни; его «полировали», ему усиленно преподавали кодексъ провинціально-аристократической комильфотности и его успѣхами въ свѣтѣ несравненно болѣе интересовались, нежели его успѣхами въ области какой-то арабщины, которая, само-по-себѣ, не могла дать ему ни «облагораживающей» молодого человѣка связи съ порядочною женщиною, ни богатой невѣсты, ни вождельныхъ шпоръ и адъютантскихъ аксельбантовъ, ни увеличенія числа его «рабовъ». Зимніе сезоны 1843—1844 и 1844—1845 годовъ были въ Казани особенно оживлены. Всего за 2—3 года до того, 24-го августа 1842 г., городъ этотъ постигло страшное бѣдствіе, обратившее на себя вниманіе всей Европы: ужасный пожаръ уничтожилъ лучшія двѣ трети города, истребивъ свыше 1.300 домовъ. Не до веселья было казанскому обществу въ ближайшій сезонъ: «уныло, какъ тѣни, бродили мы посреди развалинъ, съ грустью припоминая минувшую красоту города»,—заявляетъ хроникеръ казанской общественности того времени. Но уже къ слѣдующему зимнему сезону все пришло въ прежнюю колею и, какъ бы въ видѣ реакціи послѣ пережитаго бѣдствія, общественная жизнь закипѣла еще болѣе живымъ ключемъ: «Должностныя лица опять принялись за работу, люди ученые снова предались тишинѣ своихъ кабинетовъ, люди общественныя (sic) снова стали искать разсѣяній и городъ мало-по-малу вновь наполнился,—повѣствуетъ тотъ же хроникеръ.—Открылись балы, собранія, маскарады; молодежь заплясала по-прежнему; пожилые люди попрежнему усѣлись за карточные столы; страсти людскія, отъ мелкихъ до крупныхъ, мало-по-малу принимали прежній разгаръ»¹⁾.

Зимній сезонъ 1844—1845 года, когда Л. Н. Толстой, въ качествѣ «молодого человѣка», сталъ уже выѣзжать въ свѣтъ, былъ еще болѣе шумень. Балы то у губернатора, то у предводителя, то въ женскомъ Родіоновскомъ институтѣ, гдѣ съ особенною любовью культивировала ихъ начальница, Е. Д. Загоскина, частныя танцевальныя вечера, маскарады въ дворянскомъ собраніи, благородныя спектакли, живыя картины, концерты—безпрерывною цѣпью слѣ-

¹⁾ «Казанскія Губернскія Вѣдомости», 1843 г., № 40 (часть неофициальная).

довали одни за другими. Въ качествѣ родовитаго, титулованнаго, молодого человѣка съ хорошими мѣстными связями, внука бывшаго губернатора и выгоднаго жениха въ ближайшемъ будущемъ, Левъ Николаевичъ былъ вездѣ желаннымъ гостемъ. Казанскіе старожилы помнятъ его на всѣхъ балахъ, вечерахъ и великосвѣтскихъ собраніяхъ, всюду приглашаемымъ, всегда танцующимъ, но далеко не свѣтскимъ дамскимъ угодникомъ, какими были другіе его сверстники, студенты-«аристократы»; въ немъ всегда наблюдали какую-то странную угловатость, застѣнчивость: онъ видимо стѣнялся тою ролью, которую его заставляли играть и къ которой *volens-nolens* обязывала его пошлая обстановка его казанской жизни.

При такихъ аномальныхъ для 16-ти-лѣтняго мальчика условіяхъ протекъ первый осенній семестръ студенческой жизни Льва Николаевича. Занятія восточною филологіею были, само собою разумѣется, совсѣмъ заброшены. Между тѣмъ приближался январь мѣсяць, когда, по существовавшимъ въ то время въ Казанскомъ университетѣ правиламъ, съ окончаніемъ рождественскихъ каникулъ, должны были происходить частныя полугодичныя испытанія (репетиціи) студентовъ. На первомъ курсѣ турецко-арабскаго отдѣленія восточнаго факультета, на которомъ числился графъ Л. Н. Толстой, испытанія должны были имѣть мѣсто съ 12 по 22 января, по четыремъ предметамъ: церковно-библейской исторіи (экзаменаторъ архимандритъ Гавріиль), исторіи общей литературы (ординарный профессоръ Фойгтъ), арабскаго языка (кандидатъ Жуковъ) и французскаго языка (лекторъ де-Планы). Но до помысловъ ли о предстоящемъ экзаменѣ было Льву Николаевичу, всецѣло погруженному въ праздничный чадъ увеселеній казанскаго большого свѣта?

Конечно—нѣтъ, что и не преминуло сказаться въ результатѣ испытаній, о которыхъ свидѣлствуютъ намъ нелицепріятныя данныя казанскаго университетскаго архива. А въ экзаменаціонной вѣдомости полугодичныхъ испытаній, произведенныхъ 12—22 января 1845 года по арабско-турецкому отдѣленію разряда восточной словесности, хранящейся въ этомъ архивѣ¹⁾, и въ которой отмѣчены не только успѣхи, но и прилежаніе экзаменовавшихся, мы читаемъ слѣдующее:

Толстой Левъ:	Успѣхи.	Прилежаніе.
Церковно-библейская исторія . . .	3	2
Исторія общей литературы . . .	не явился.	
Арабскій языкъ	2	2
Французскій языкъ	5	3

Результатъ этихъ полугодичныхъ испытаній былъ весьма угрожающимъ предзнаменованіемъ для переходныхъ экзаменовъ, кото-

¹⁾ Дѣла о частныхъ испытаніяхъ 1844—1845 гг., № 31.

рые предстояли Льву Николаевичу въ маѣ мѣсяцѣ того же года. Но свѣтская жизнь уже слишкомъ успѣла засосать собою молодого студента для того, чтобы ему доступенъ былъ хотя бы поздній возвратъ къ ориенталистикѣ, избранной имъ специальності, которая на частныхъ испытаніяхъ января 1845 года оказалась именно его ахиллесовою пятою. Едва успѣло сгладиться, во всякомъ случаѣ неприятное, конечно, для самолюбиваго студента, Толстого, впечатлѣніе этихъ испытаній, какъ мы видимъ его уже участвующимъ въ двухъ благородныхъ спектакляхъ, устроенныхъ на масляницѣ въ пользу дѣтскихъ пріютовъ «всеми любимымъ и уважаемымъ, — какъ выражается фельетонистъ мѣстной губернской газеты, — казанскимъ вице-губернаторомъ М. Д. Завилейскимъ, «похитившимъ, такъ сказать, у себя немногіе часы досуга отъ многоразличныхъ обязанностей, на немъ лежащихъ». Въ этихъ спектакляхъ, которые, по словамъ того же фельетониста, прошли «такъ отчетисто (sic), такъ прелестно, что во многихъ мѣстахъ зрители забывали, что предъ ними искусство сценическое, а не сама природа», и сборъ отъ которыхъ достигъ солидной цифры, 5 тысячъ рублей ассигнаціями, въ числѣ другихъ лицъ высшаго казанскаго общества, участвовали какъ Левъ Николаевичъ Толстой, такъ и братъ его, Сергѣй Николаевичъ¹⁾.

Прошелъ скучный великій постъ, прошла торжественная и веселая пасхальная недѣля 1845 года, приблизился роковой маѣ мѣсяцъ, время годовыхъ («публичныхъ», какъ они тогда назывались) переводныхъ экзаменовъ. Послѣ печальныхъ результатовъ январскихъ репетицій, врядъ ли могла оставаться у Льва Николаевича надежда благополучно перейти на второй курсъ избраннаго имъ факультета. Такъ оно и вышло: онъ вовсе не былъ допущенъ къ переводнымъ испытаніямъ. Вотъ краткое, но краснорѣчивое свидѣтельство о томъ экзаменаціонной вѣдомости:

Толстой Левъ:

Церковно-библейская исторія	не допущенъ.
Общая исторія	» »
Исторія литературы	» »
Арабскій языкъ	» »
Поведеніе	4

Въ соотвѣтствующей графѣ этой вѣдомости резолюція: «Оставить» (то-есть въ томъ же курсѣ)²⁾.

¹⁾ «Казанскія Губернскія Вѣдомости», 1845 г., № 11 (неофициальная часть, фельетонъ).

²⁾ Архивъ Казанскаго университета: экзаменаціонныя вѣдомости по восточному разряду философскаго факультета.

Такой исходъ дѣла не могъ не повліять на впечатлительнаго и самолюбиваго молодого графа. И дѣйствительно, В. Н. Назарьевъ свидѣтельствуеетъ, что университетская неудача привела Льва Николаевича въ состояніе раздраженія, вслѣдствіе чего его внѣшность приняла еще болѣе холодный и надменный отпечатокъ.

Что было дѣлать? Оставаться на второй годъ на томъ же восточномъ факультетѣ казалось безцѣльнымъ въ виду тѣхъ жизненныхъ условій, въ которыя поставленъ былъ въ Казани Левъ Николаевичъ. Конечно, для богатаго и аристократическаго юноши открытъ былъ свободный доступъ въ гвардейскую службу, въ перспективѣ же этой послѣдней могъ улыбаться ему и флигель-адъютантскій мундиръ, о которомъ такъ мечтала его тетушка, и его близкіе, понятно, только одобрили бы такой выходъ. Но графъ Левъ Николаевичъ еще не теряетъ, повидимому, надежды идти по стопамъ своихъ братьевъ, изъ которыхъ старшій, Николай, еще весною 1844 года благополучно окончилъ университетскій курсъ и оставилъ Казань, а двое другихъ, Сергѣй и Дмитрій, хотя и не блистательно, но, всетаки, перешли на третій курсъ второго отдѣленія философскаго факультета.

Самолюбіе графа Л. Н. Толстаго не могло не страдать. Онъ рѣшается сдѣлать новую попытку къ пріобрѣтенію университетскаго образованія, а для этого оставить восточный факультетъ, на которомъ постигли его такія горькія неудачи, и искать убѣжища на юридическомъ факультетѣ. Это былъ тотъ самый факультетъ, который гостеприимно ютилъ въ стѣнахъ своихъ душныхъ аудиторій немалочисленный въ ту пору контингентъ студентовъ «аристократовъ», какъ презрительно называло ихъ остальное студенчество, болѣе думавшихъ о рысакахъ, женщинахъ, балахъ да модныхъ брюкахъ, нежели объ университетскихъ лекціяхъ, которыя, за исключеніемъ двухъ-трехъ серьезныхъ научныхъ силъ, читала имъ кучка убогихъ профессоровъ; это былъ тотъ самый факультетъ, про который попечитель округа М. Н. Мусинъ-Пушкинъ выражался, со свойственной ему рѣзкостью и категоричностью: «что ни юристъ, то дуракъ».

Какъ бы то ни было, но въ началѣ октября 1845 года университетское правленіе уже увѣдомляло юридическій факультетъ о томъ, что, «на основаніи предложенія г. проректора отъ 10 октября 1845 года за № 416, оно перемѣстило студента перваго курса восточной словесности Льва Толстаго въ юридическій факультетъ».

Такимъ-то путемъ изъ ориенталиста графъ Л. Н. Толстой осенью 1845 года преобразовался въ студента-юриста. На пользу ли послужила ему перемѣна факультета, это мы увидимъ изъ дальнѣйшаго повѣствованія.

IV.

На юридическомъ факультетѣ и выходѣ изъ университета.

Казанскій юридическій факультетъ сороковыхъ годовъ.—Профессора-нѣмцы.—Свѣтская жизнь графа Л. Н. Толстаго.—Университетскія дѣла.—Мнимый инцидентъ съ профессоромъ Ивановымъ.—Левъ Николаевичъ переходитъ на второй курсъ.—Отрицательное отношеніе къ университету и его наукѣ.—На частной квартирѣ.—Полугодичныя испытанія и «весьма лѣнивый» студентъ Левъ Толстой.—Послѣдняя казанская весна Льва Николаевича.—Увольненіе изъ университета.—Выѣздъ изъ Казани.—Заключеніе.

Справедливость требуетъ сказать, что юридическій факультетъ Казанскаго университета, избранный графомъ Л. Н. Толстымъ послѣ его неудачъ на факультетѣ восточномъ, представлялъ изъ себя въ первой половинѣ 1840-хъ годовъ нѣчто положительно невообразимое. Онъ олицетворялся въ небольшой кучкѣ профессоровъ, съ преобладающимъ нѣмецкимъ элементомъ, которые служили предметомъ посмѣшища для студентовъ всѣхъ факультетовъ и всѣхъ курсовъ. На лекціи профессоровъ этого факультета студенты другихъ специальностей ходили посмѣяться, позабавиться курьезными выходками представителей казанскаго юридическаго знанія, а студенты юридическаго факультета, для которыхъ всѣ эти ученые чудачества успѣли, какъ говорится, пріѣтаться, посѣщали лекціи своихъ профессоровъ лишь по обязанности, сладко подремывая на нихъ, занимаясь разговорами, ничего общаго съ наукою не имѣющими, или украдкою почитывая постороннія книжки.

И замѣчательные же субъекты имѣлись въ составѣ преподавательскаго персонала юридическаго факультета того времени! Масса курьезныхъ воспоминаній объ нихъ сохранилась и въ мѣстныхъ преданіяхъ, и въ печатныхъ мемуарахъ старыхъ казанскихъ студентовъ (П. Д. Боборыкина, А. С. Гацискаго, В. Н. Назарьева, Э. П. Янишевскаго и др.). Вотъ, на примѣръ, полуюродивый профессоръ римскаго права Камбекъ, нѣмецъ, почти не знающій русскаго языка, который изъ года въ годъ начиналъ свой курсъ крикливымъ диктованіемъ: «Римское право! Р—большое, П—тоже большое, и пунктумъ... Запштыэ это сэбэ на бѣкѣ (то-есть на поляхъ)»; диктованіемъ на ломанномъ русскомъ языкѣ передавалъ этотъ профессоръ и весь свой дальнѣйшій курсъ, въ которомъ встрѣчались, на примѣръ, такого рода перлы: «Рымляне ымѣли своего архіеррея, краго (профессоръ читалъ сокращенно краго, а не котораго: такъ для него были переписаны лекціи) называли вѣрховный жэрэбэцъ» (то-есть жрецъ). Другой профессоръ той же эпохи, криминалистъ Густавъ Фогель, слѣдующимъ образомъ иллюстрировалъ, на примѣръ, самостоятельность вердиктовъ суда присяжныхъ: «Когда-то и гдѣ-то одна молодая дѣвушка билла обвиняема въ ужаснѣйшемъ преступленіи, самымъ сквернѣйшимъ образомъ учиненнаго...

Когда-то и гдѣ-то была найдена какая-то каша чловѣческихъ костей и ммяса... И ссудь приссѣшныхъ опрафталь ее!». Недурень былъ и профессоръ международного права Гельмутъ Винтеръ, совершенно не знавшій почти русскаго языка, а потому читавшій свои лекціи по какой-то ветхой тетраджѣ пофранцузски, который скакалъ въ паеосѣ по аудиторіи, показывая наглядно картину вступленія въ 1813 году союзныхъ государей въ Парижъ, или картинно размахивалъ запачканнымъ табакомъ носовымъ платкомъ, демонстрируя слушателямъ морскіе сигналы, а не то такъ изображалъ ртомъ, немилосердно надувая щеки, салютаціонную канонаду... ¹⁾ Если принять въ соображеніе дарованія и остальныхъ профессоровъ юридическаго факультета того времени, читавшихъ свои лекціи по разнаго рода устарѣвшимъ учебникамъ, то можно представить себѣ ту умственную пищу, какую сулили своимъ юнымъ питомцамъ этотъ пресловутый факультетъ. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ никакого серьезнаго отношенія у студентовъ къ дѣлу быть не могло; что молодыхъ адептовъ своихъ юридическое знаніе заинтересовать также не могло; что все четырехлѣтнее пребываніе въ университетѣ сводилось для студентовъ-юристовъ къ одной формальности, къ тяжелой повинности, которую, во что бы то ни стало, нужно было отбыть для пріобрѣтенія диплома и связанныхъ съ нимъ служебныхъ и иныхъ правъ.

Только съ половины 40-хъ годовъ замѣчается нѣкоторое освѣженіе юридическаго факультета, благодаря нѣсколькимъ молодымъ и талантливымъ силамъ, присланнымъ въ Казанскій университетъ; съ этой поры юридическій факультетъ изъ прежняго совершенно хаотическаго состоянія начинаетъ вступать въ состояніе переходное, которое затянулось для него, впрочемъ, на очень долгое время, чуть ли не до конца 70-хъ годовъ... Впрочемъ, юридическій факультетъ уже съ 1838 года имѣлъ въ своемъ составѣ выдающуюся научную силу, въ лицѣ профессора политической экономіи и статистики Горлова, который въ интересующую насъ пору временно отсутствовалъ, будучи съ начала 1844 года командированъ съ учебною цѣлью за границу. Съ осенняго семестра 1843—1844 учебнаго года открылъ курсъ чтеній по римскому праву и «о правахъ состояній» молодой магистръ А. Г. Станиславскій, впоследствии профессоръ энциклопедіи права, ученикъ извѣстнаго Неволина, преподававшій въ Казанскомъ университетѣ этотъ предметъ, съ перерывомъ въ 15 лѣтъ (1853—1868 гг.), до конца 70-хъ годовъ, сохранивъ и въ преклонные годы полную свѣжесть духовныхъ силъ

¹⁾ П. Д. Боборыкинъ, «Въ путь дорогу», часть 2-я; А. С. Гацискій, «Страничка изъ жизни 50-хъ годовъ» (Казанскій Литературный Сборникъ 1878 г.); В. Н. Назарьевъ, «Люди былаго времени» (Историческій Вѣстникъ, 1890 г., XI—XIII); Э. П. Янишевскій, «Изъ воспоминаній стараго казанскаго студента», (Волжск. Вѣстникъ, 1893 г., № 17) и др.

своихъ. Но особенно освѣжился юридическій факультетъ Казанскаго университета въ 1845 году назначеніемъ въ него двухъ новыхъ профессоровъ Д. И. Мейера, знаменитаго цивилиста, замѣнившаго собою по кафедрѣ гражданского права адъюнкта Ѳ. Г. Юшкова, и Е. Г. Осокина, по кафедрѣ финансоваго права, впоследствии ректора Казанскаго университета († 1880 г.). Оба молодые ученые, воспитанники главнаго педагогическаго института, были назначены въ Казань въ первой половинѣ 1845 года, по возвращеніи изъ заграничныхъ научныхъ командировокъ въ лучшіе университеты Западной Европы. Но само собою разумѣется, что новыя силы, лишь начинавшія свою профессорскую дѣятельность какъ разъ въ то время, когда Л. Н. Толстой перешелъ на юридическій факультетъ, мало могли измѣнить общую неприглядную фізіономію юридическаго факультета Казанскаго университета, съ его Камбеками, Винтерами и имъ подобными «гогами и магогами», лишь рѣзче отъѣняя научное убожество этихъ послѣднихъ.

Въ семестры 1845—1847 гг., то-есть во время пребыванія Льва Николаевича на юридическомъ факультетѣ, личный составъ этого послѣдняго представлялся въ слѣдующемъ видѣ: энциклопедію права, исторію римскаго права и русское государственное право читалъ адъюнктъ Станиславскій; римское право и толкованіе институцій,—профессоръ Камбекъ; гражданское право и исторію русскихъ гражданскихъ законовъ профессоръ Мейеръ; уголовное право—профессоръ Фогель; законы государственнаго благоустройства — адъюнктъ Ратовскій; финансовое право—адъюнктъ Осокинъ; международное право—профессоръ Винтеръ; церковное право и богословіе—архимандритъ Гавріиль; профессоръ политической экономіи и статистики Горловъ находился въ это время въ заграничной командировкѣ. Дополнительные предметы читали (на младшихъ курсахъ): латинскій языкъ—кандидатъ Лукашевскій, русскую и всеобщую исторію—профессоръ Ивановъ, теорію словесности и краснорѣчія—адъюнктъ Сбоевъ, логику и психологію—онъ же, нѣмецкій языкъ — лекторъ Норманъ, французскій языкъ — лекторъ де-Планьи.

Таковъ былъ факультетъ, вторично избранный графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ. Не трудно представить себѣ, могъ ли этотъ факультетъ хотя сколько нибудь удовлетворить научной любознательности и пылливости молодаго человѣка, вступившаго въ его аудиторію хотя бы и съ самымъ искреннимъ желаніемъ работать. Конечно, нѣтъ. Все сводилось къ формальному посѣщенію лекцій, къ холодному, пассивному отношенію и къ наукѣ, и къ ея представителямъ. Поступивъ на юридическій факультетъ, Л. Н. Толстой совсѣмъ бросилъ заниматься и еще болѣе погрузился въ развлеченія и увеселенія казанскаго большаго свѣта, а недостатка въ нихъ и на этотъ разъ не было. Зимній сезонъ 1845—1846 гг. от-

крылся празднествомъ по случаю двухдневнаго (14—16 октября) пребыванія въ Казани герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго, которому устроенъ былъ здѣсь восторженный пріемъ; прощаясь съ вице-губернаторомъ и пожимая ему руку, его высочество сказалъ: «Я вездѣ былъ принятъ хорошо, но восторгъ, съ которымъ я принять въ Казани, чувствую, выразить же словами не умѣю; дайте мнѣ руку, благодарю васъ!». Въ ряду другихъ празднествъ состоялся и балъ, предложенный мѣстнымъ дворянствомъ. Балъ этотъ былъ блестящій: «Не станемъ распространяться о балѣ,—писалъ хроникеръ губернской газеты,—главнымъ его распорядителемъ былъ почтенный, нашъ уважаемый предводитель дворянства В. Ѳ. Желтухинъ, а высокоутонченный вкусъ его могъ ли допустить посредственность». Передъ баломъ составленъ былъ списокъ студентовъ, которые должны были принять въ немъ участіе; нечего и говорить о томъ, что Левъ Николаевичъ оказался здѣсь однимъ изъ первыхъ избранниковъ ¹⁾.

Между тѣмъ, среди развлеченій свѣтской жизни, незамѣтно подкрадывался январь 1846 годъ, роковое время полугодичныхъ испытаній. По юридическому факультету, срокъ ихъ былъ назначенъ съ 14-го по 27-е число. Экзаменоваться первокурсникамъ предстояло все по дополнительнымъ предметамъ, а изъ факультетскихъ наукъ испытаніе должно было быть произведено только изъ энциклопедіи права, которую читалъ адъюнктъ Станиславскій. Въ то время репетиціонныя отмѣтки выставлялись не только за успѣхи, но и за прилежаніе, мѣриломъ котораго служило, главнымъ образомъ, акуратное посѣщеніе студентами лекцій, то-есть именно то, что составляло, по весьма понятнымъ причинамъ, слабую сторону графа Л. Н. Толстаго. Левъ Николаевичъ потерпѣлъ на полугодичныхъ испытаніяхъ января 1846 года полное фіаско, какъ о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующая экзаменаціонная вѣдомость ²⁾.

	Успѣхи.	Прилежаніе.
Исторія римскаго права (экзаменаторъ адъюнктъ Станиславскій)	4	2
Богословіе (архим. Гавриилъ)	не былъ.	
Теорія словесности (адъюнктъ Сбоевъ)	2	4
Нѣмецкій языкъ (лекторъ Норманъ)	5	2
Общая исторія (проф. Ивановъ)	2	1
Русская исторія (онъ же)	не былъ.	

¹⁾ Казанскія Губернскія Вѣдомости, 1845 г., № 43 (неоффиц. часть); В. Н. Назарьевъ, «Люди былаго времени».

²⁾ Дѣла юридическаго факультета, архивъ Казанскаго университета: полугодичныя испытанія, за январь 1846 г.

«Истор. вѣстн.», январь, 1894 г., т. LV.

Здѣсь должны мы допустить небольшое отступленіе, съ тѣмъ чтобы исправить крупную ошибку, допущенную Валеріаномъ Никаноровичемъ Назарьевымъ въ его статьѣ «Люди былого времени». Въ этой статьѣ авторъ возстановляетъ цѣлую картину переводныхъ испытаній на юридическомъ факультетѣ, на которыхъ юристы первыхъ двухъ курсовъ, «обезумѣвъ отъ страха, ожидали экзамена кровожаднаго профессора исторіи», не выносившаго студентовъ-аристократовъ и всячески старавшагося насолить имъ. Описывая этотъ эпизодъ, В. Н. Назарьевъ рассказываетъ, какъ графъ Л. Н. Толстой, вызванный къ экзаменаціонному столу и взявшій два билета, не могъ отвѣтить ни на одинъ изъ нихъ и только молча краснѣлъ. «Профессоръ тоже молчалъ,—продолжаетъ авторъ нашъ,—вперивъ въ студента насмѣшливый, ядовитый взглядъ. Тяжелая сцена кончилась тѣмъ, что графъ положилъ билетъ, повернулся и, не обращая ни на кого вниманія, не торопясь, направился къ выходнымъ дверямъ». По словамъ В. Н. Назарьева, «кровожадный» профессоръ будто бы «закатилъ» Льву Николаевичу нуль, и закатилъ ему его потому, что передъ тѣмъ «какія-то дамы высшаго круга приступили къ профессору исторіи съ просьбой пощадить графа, и тотъ торжественно обѣщавъ не ставить ему единицы». «А вѣдь ловко нашелся,—говорили, по словамъ г. Назарьева, по этому поводу студенты:—поставилъ нуль, и правъ... Ловко извернулся!». В. Н. Назарьевъ высказываетъ увѣренность, что графъ Л. Н. Толстой умышленно отмалчивался на экзаменѣ исторіи. «Я прислушивался къ насмѣшкамъ и остротамъ, сыпавшимся со всѣхъ сторонъ на голову Толстаго, — пишетъ онъ,—но въ глубинѣ души готовъ былъ поклясться, что Толстой зналъ предметъ не хуже другихъ, могъ отвѣчать—и только не хотѣлъ... Почему поступилъ онъ такъ, а не иначе, чѣмъ было вызвано его упорное молчаніе—чрезмѣрной застѣнчивостью или гордостью, этого я уже никакъ не могъ понять и объяснить себѣ» ¹⁾.

Въ приводимомъ В. Н. Назарьевымъ рассказѣ ничто не подлежитъ для насъ ни «пониманію», ни «объясненію» уже по той болѣе нежели простой причинѣ, что въ студенческой жизни графа Л. Н. Толстаго никогда подобнаго рода эпизода не было, что я категорически утверждаю съ подлинными экзаменаціонными вѣдомостями въ рукахъ, притомъ за все время пребыванія Льва Николаевича въ Казанскомъ университетѣ. Будучи на юридическомъ факультетѣ, графъ Л. Н. Толстой держалъ всего только одинъ переводный экзаменъ, съ перваго курса на второй, на которомъ, какъ мы увидимъ это ниже, онъ изъ обоихъ отдѣловъ исторіи получилъ по тройкѣ. Затѣмъ онъ держалъ по исторіи еще два полугодичныхъ экзамена: въ январѣ 1846 г. и въ январѣ 1847 г., изъ ко-

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1890 г., кн. XI, стр. 441—442.

торыхъ, какъ мы это только что видѣли, на первомъ онъ получилъ изъ общей исторіи двойку, а на экзамень русской исторіи вовсе не явился, на второмъ же совсѣмъ не получилъ отмѣтокъ по исторіи, замѣненныхъ примѣчаніемъ: «весьма лѣнливъ». Такимъ образомъ, рассказываемый Валеріаномъ Никаноровичемъ Назарьевымъ фактъ могъ бы быть приуроченъ только къ полугодичному испытанію января 1846 г., на которомъ Левъ Николаевичъ, какъ мы знаемъ, за успѣхи ни единицы, ни нуля не получалъ. Но кто на этомъ испытаніи, дѣйствительно, получилъ въ числѣ четырехъ экзаменовавшихся на экзаменѣ по исторіи — 0 за успѣхи и 1 за прилежаніе, да еще съ припискою: «Валеріанъ Назарьевъ мало занимается и неприлично ведетъ себя въ аудиторіи», такъ это самъ Валеріанъ Никаноровичъ... Другой студентъ Назарьевъ, Викторъ, получилъ тогда же по 1 и за успѣхи, и за прилежаніе ¹⁾. Очевидно, что память измѣнила В. Н. Назарьеву, писавшему о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто 35 лѣтъ тому назадъ, и заставила его перепутать и имена и факты.

Личность «кровожаднаго» профессора, гонителя студентовъ-аристократовъ и графа Л. Н. Толстаго въ числѣ этихъ послѣднихъ, восстанавливается весьма легко: здѣсь рѣчь идетъ объ извѣстномъ профессорѣ исторіи въ Казанскомъ, а потомъ въ Дерптскомъ университетѣ, Николаѣ Алексѣевичѣ Ивановѣ, въ то время всего лишь 34-хъ-лѣтнемъ талантливомъ и многообѣщавшемъ молодомъ ученомъ, котораго современное студенчество сильно-таки не долюбывало за серьезное отношеніе къ дѣлу, особенно сурово сказывавшееся во время экзаменовъ. Явился Н. А. Ивановъ дѣйствительно гонителемъ Льва Николаевича, это было бы фактомъ весьма любопытнымъ и характернымъ, такъ какъ «кровожадный» профессоръ исторіи приходился ему сродни: профессоръ Ивановъ былъ женатъ на графинѣ Александрѣ Сергѣевнѣ Толстой, внучкѣ роднаго брата бывшаго казанскаго губернатора Ильи Андреевича, графа Василія Андреевича; она приходилась, слѣдовательно, Льву Николаевичу боковою родственницею въ 6-й степени ²⁾. Здѣсь-то и

¹⁾ Университетскій архивъ: вѣдомости полугодичныхъ испытаній по юридическому факультету за январь 1846 года.

²⁾ Это родство наглядно представляется слѣдующею генеалогическою таблицей:

Графъ Андрей Ивановичъ	
. . . Василій . . . Сергѣй. Александра (въ замужествѣ съ проф. П. А. Ивановымъ).	. . . Илья (казанскій губернаторъ). Николай. Левъ.

Профессоръ Н. А. Ивановъ вступилъ въ бракъ съ графинею А. С. Толстою въ 1841 году (см. протоколы совѣта Казанскаго университета за 1841 г., стр.

имѣемъ мы, быть можетъ, ключъ къ уразумѣнію той антипатіи профессора Н. А. Иванова къ казанской аристократіи, которою ознаменована была его казанская жизнь и отъ которой порядочно таки доставалось студентамъ-аристократамъ: не смотря на его брачныя связи, мѣстный большой свѣтъ, исполненный предубѣжденій и сословныхъ предразсудковъ, не могъ простить Иванову его буржуазнаго происхожденія и никогда не упустилъ случая дать молодому профессору понять, что въ его глазахъ онъ—«мужъ графини Сашеньки Толстой», и ничего больше...

Какъ бы то ни было, но съ памяти профессора Н. А. Иванова должно быть снято обвиненіе въ гоненіи на графа Л. Н. Толстого, взведенное на него В. Н. Назарьевымъ.

Между тѣмъ, свѣтская жизнь Льва Николаевича шла своимъ чередомъ. Весною 1846 г. мы видимъ его участвующимъ въ вечерѣ съ живыми картинами, устроенномъ 19-го апрѣля, въ актовомъ залѣ университета,—свидѣтель столькихъ экзаменаціонныхъ неудачъ молодого графа,—въ пользу двухъ бѣдныхъ воспитанницъ мѣстнаго Родіоновскаго института. Этотъ вечеръ, въ которомъ принимали участіе всѣ сливки мѣстнаго общества, имѣлъ блестящій успѣхъ: по словамъ газетной хроники, «еще задолго до дня представленія носились разные слухи о постановкѣ картинъ и подстрекали любопытство всѣхъ и cadaго... Стеченіе публики было самое многочисленное, не виданное доселѣ; ни одинъ концертъ, даже волшебный смычекъ Серве, не привлекалъ столько посѣтителей, и обширная университетская зала не могла вмѣстить въ себѣ всѣхъ зрителей». При такой-то торжественной обстановкѣ фигурировала Левъ Николаевичъ въ одной изъ поставленныхъ въ этотъ вечеръ 19-ти живыхъ картинъ, носившей названіе: «Предложеніе жениха». Но предоставимъ казанскому хроникеру 40-хъ годовъ самому рассказать содержаніе этой картины: «Оркестръ играетъ: «Ну, Карлуша, не рбѣй!»... Старикъ рыбакъ поймалъ въ свои сѣти молодца

57 и 187). Свадьба сопровождалась инцидентомъ, про который обязательно сообщалъ мнѣ знатокъ мѣстной старины Н. Я. Агаоновъ, записавшій его со словъ казанскаго студента того времени, нынѣ занимающаго видное мѣсто въ Казанскомъ учебномъ округѣ. Студенчество сильно не долюбляло профессора Иванова. Первоначально свадьба съ графиней Толстою предполагалась въ университетской церкви, но предположеніе это было оставлено изъ опасенія скандала со стороны студентовъ. Рѣшено было совершить вѣнчаніе въ Воздвиженской церкви, чтò при первой гимназій. Не смотря на то, что публика въ церковь не впускалась, и не взирая на жандармскую и полицейскую охрану, свадьба безъ скандала, всетаки, не обошлась: большая толпа студентовъ собралась у церковной ограды и, при выходѣ молодыхъ изъ церкви, проводила ихъ до кареты погребальнымъ пѣніемъ: «Святый Воже...». Съ новобрачною сдѣлалась истерика. Очень естественно, что эта дикая выходка не могла способствовать установленію кордіальныхъ отношеній между Н. А. Ивановымъ и казанскимъ студенчествомъ.

и представляет его своей дочери. Простакъ-дѣтина (графъ Л. Н. Толстой) почтительно вытянулся, закинувъ руки за спину: онъ рисуется... Отець взялъ его за подбородокъ и съ простодушно-хитрою улыбкою поглядываетъ на дочку, которая въ смущеніи потупила свои взоры. Эффе́къ этой картины былъ необычайный,— добавляетъ описаніе.—Раза три требовали ея повторенія, и долго не умолкалъ громъ рукоплесканій. Лучше всѣхъ былъ въ этой картинѣ А. А. де-Плани (лекторъ французскаго языка); чрезвычайно наивенъ былъ также и женихъ—графъ Л. Н. Толстой». 25-го апрѣля состоялось второе представленіе живыхъ картинъ, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ ¹⁾.

Не смотря на «живыя картины» и другія свѣтскія развлеченія, переходные майскіе экзамены 1846 года сданы были графомъ Л. Н. Толстымъ удовлетворительно. Онъ получилъ на этихъ экзаменахъ: одну пятерку—изъ логики и психологіи, три четверки—изъ энциклопедіи права, исторіи римскаго права и латинскаго языка, и четыре тройки—изъ всеобщей и русской исторіи, теоріи краснорѣчія и нѣмецкаго языка, три пятерки за поведение. Средній выводъ получился—3, и Левъ Николаевичъ былъ удостоенъ перевода во второй курсъ ²⁾. Въ виду слабаго результата январскихъ репетицій, этотъ относительный успѣхъ майскихъ испытаній представляется довольно загадочнымъ. Былъ ли этотъ успѣхъ дѣломъ слѣпого случая, или же сами экзаменаторы оказали послабленіе родовитому студенту (хотя отъ А. Г. Станиславскаго, котораго я самъ былъ ученикомъ въ началѣ 70-хъ годовъ, а потомъ и сослуживцемъ, какаго бы то ни было лицепріятія ожидать было нельзя),— на это дать отвѣта я не берусь, но успѣхъ этотъ зависѣлъ, надо полагать, не отъ самого Льва Николаевича, который выражалъ въ то время крайне скептическое отношеніе къ университетской наукѣ вообще. Это весьма рельефно высказывается въ интересномъ эпизодѣ, о которомъ повѣствуетъ В. Н. Назарьевъ въ своихъ «Людахъ былого времени». Какъ-то разъ, графъ Л. Н. Толстой и В. Н. Назарьевъ вмѣстѣ попали въ карцеръ за опозданіе на лекцію профессора Иванова, будучи уличены въ этомъ «преступленіи» зоркимъ аргусомъ—субъ-инспекторомъ А. Х. Зоммеромъ, котораго многіе казанцы живо помнятъ еще, конечно. Войдя въ карцеръ, въ которомъ уже находился г. Назарьевъ, Левъ Николаевичъ выказывалъ признаки сильнаго нервнаго возбужденія, велѣлъ своему кучеру проѣхать нѣсколько разъ мимо оконъ университета, любуясь аллюрами рысака, на которомъ пріѣхалъ отбывать суточный срокъ своего заключенія, и затѣмъ вступилъ съ сотова-

¹⁾ «Казанскія Губернскія Вѣдомости», 1846 г., № 18 (неофф. часть).

²⁾ Архивъ Казанскаго университета: дѣло о переводныхъ испытаніяхъ по юридическому факультету, въ маѣ 1846 г.

рищемъ по аресту въ бесѣду, въ которой жестоко громиль университетскую науку: «Мы съ вами въ правѣ ожидать,—горячился графъ Л. Н. Толстой,—что выйдемъ изъ этого храма полезными, знающими людьми... А что вынесемъ мы изъ университета? Подумайте и отвѣчайте по совѣсти. Что вынесемъ мы изъ этого святилища, возвратившись восвояси, въ деревню? На что будемъ пригодны, кому нужны?!»... ¹⁾). Само собою разумѣется, что, при такомъ скептическомъ отношеніи къ университету,—отношеніи, которое, по извѣстнымъ намъ условіямъ того времени, являлось, пожалуй, и не безосновательнымъ, трудно было ожидать, чтобы графъ Л. Н. Толстой благополучно прошелъ весь четырехлѣтній курсъ оффиціальной университетской науки. Такъ оно, какъ мы ниже увидимъ, и оказалось на дѣлѣ. Дни студенческой жизни Льва Николаевича были уже сочтены...

Начало 1846—1847 учебнаго года внесло измѣненіе въ условія внѣшней жизни братьевъ Сергѣя, Дмитрія и Льва Толстыхъ. Оставивъ домъ своей «добрѣйшей тетушки и чистѣйшаго существа» Полины Ильинишны Юшковой ²⁾, они стали жить на частной квартирѣ, въ домѣ бывшемъ тогда Петонди, а нынѣ принадлежащемъ Ложкинской городской общественной богадѣльнѣ (на Провской улицѣ, на углу противъ зданій первой гимназіи и теперешней губернской земской больницы). Когда именно, и почему, совершилась эта перемѣна, свѣдѣній объ этомъ найти мнѣ не удалось, хотя въ Казани и до сихъ поръ остались еще старожилы, посѣщавшіе молодыхъ графовъ Толстыхъ въ этой новой квартирѣ ихъ. Здѣсь они занимали пять комнатъ въ верхнемъ этажѣ каменнаго флигеля, до сихъ поръ находящагося во дворѣ этого дома и въ настоящее время занимаемаго однимъ изъ отдѣленій богадѣльни.

Не смотря на успѣшный переходъ во второй курсъ, графъ Л. Н. Толстой былъ уже совершенно разочарованъ въ университетѣ. Наука теперь брошена имъ окончательно. Въ молодомъ 19-ти-лѣтнемъ студентѣ все болѣе и болѣе укореняется убѣжденіе въ томъ, что изъ университетскихъ стѣнъ «полезнымъ и знающимъ человѣкомъ» ему не выйти, что изъ Казани ничего не принесетъ онъ «восвояси», развѣ только умъ и душу, уставшіе и измельчавшіе отъ чада провинціальной свѣтской жизни, отъ подневольнаго, хотя бы и пассивнаго, участія въ ея мелкихъ и суетныхъ интересахъ, отъ рысканія по великосвѣтскимъ салонамъ—до

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» за 1890 г., кн. XI, стр. 438—441.

²⁾ П. И. Юшкова жила въ описываемое время въ домѣ мужа своего, на нынѣшней Ново-Коммисариатской улицѣ. Въ настоящее время—это домъ г. Воронова, рядомъ съ новымъ зданіемъ женскаго епархіальнаго духовнаго училища. (Сообщено П. Г. Осокинымъ и К. А. Юшковымъ).

изображенія въ живыхъ картинахъ «дурачка Карлуши» включительно... Это сознаніе должно было тяжелымъ кошмаромъ угнетать душу Льва Николаевича, искренно желавшаго «быть хорошимъ» и, какъ онъ самъ сознается въ своей «Исповѣди», всюду встрѣчавшаго въ этомъ отношеніи одни только препятствія—и со стороны людей, и со стороны условій самой внѣшней жизни своей. Скука и сознаніе пустоты и безцѣльности существованія все болѣе и болѣе овладѣвали душою молодого студента. А эта душа смутно чувствовала потребность живаго дѣла,—дѣла, во всякомъ случаѣ, болѣе живаго, чѣмъ постоянное снованіе въ такъ называемомъ «свѣтѣ» и утомительное выслушиваніе полурусскихъ лекцій разнаго рода Камбековъ да Фогелей... Юношу тянуло на просторъ безыскусственной сельской жизни, тянуло на родныя поля милой сердцу его Ясной Поляны, гдѣ мирно и безмятежно протекли его дѣтство и отрочество и которая теперь, послѣ раздѣла отцовскаго наслѣдства, досталась на его долю. А тутъ предстояла Льву Николаевичу и разлука съ братьями, которые въ этомъ году оканчивали университетскій курсъ... Въ перспективѣ, даже въ случаѣ успѣшнаго перехода изъ курса въ курсъ, стояли долгіе два года совершеннаго одиночества; съ отъѣздомъ братьевъ Левъ Николаевичъ терялъ все то, что еще связывало его съ прежними, до-казанскими, условіями жизни, съ отрадными воспоминаніями быстро пролетѣвшаго дѣтства...

Таковымъ представляется мнѣ болѣе нежели вѣроятное душевное состояніе графа Л. Н. Толстого въ послѣднюю зиму пребыванія его въ Казани. Одинъ изъ біографовъ нашего маститаго мыслителя утверждаетъ, будто въ Казанскомъ университетѣ нашлся одинъ профессоръ, который соотвѣтствовалъ склонностямъ Льва Николаевича и сумѣлъ заставить его заниматься, такъ что молодой студентъ бросилъ всѣ остальные работы и увлекся предметомъ этого профессора. Этимъ профессоромъ будто бы явился Д. И. Мейеръ. Никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что профессоръ Д. И. Мейеръ своимъ живымъ и горячимъ словомъ всегда могъ увлечь юный и пытливый умъ слушателя, но откуда могъ этотъ біографъ почерпнуть свѣдѣніе о такомъ горячемъ увлеченіи Льва Николаевича Мейеромъ, это остается для меня загадкою, въ особенности въ виду плохого результата полугодичнаго испытанія графа Л. Н. Толстого именно у профессора Мейера, во время репетицій 1846—1847 учебнаго года.

Протекли шумные рождественскіе праздники, насталь новый 1847 годъ; снова былъ на дворѣ и фатальный для студенчества январь мѣсяцъ, терминъ полугодичныхъ повѣрочныхъ экзаменовъ. На эти экзамены, которымъ суждено было быть послѣдними въ жизни графа Л. Н. Толстого, онъ явился, какъ на выполненіе пустой формальности, прекрасно сознавая, конечно, что дни студен-

чества его уже сочтены. Какъ и можно было ожидать, результатъ испытаній былъ довольно плачевный. По нѣкоторымъ предметамъ Левъ Николаевичъ не получилъ даже отмѣтокъ, думать надо, что по этимъ предметамъ онъ и не выходилъ экзаменоваться. Вотъ эта послѣдняя экзаменаціонная вѣдомость графа Л. Н. Толстаго:

	Успѣхи.	Прилежаніе.
Русское государственное право (экзаменаторъ ад. Станиславскій)	4	2
Энциклопедія права (онъ же)	4	2
Исторія русскаго гражданскаго права (проф. Мейеръ)	2	2
Теорія уголовного права (проф. Фогель)	2	2
Римское право (проф. Камбекъ)	нѣтъ отмѣтки.	
Толкованіе институцій (онъ же)	нѣтъ отмѣтки.	
Нѣмецкій языкъ (лекторъ Норманъ)	отмѣчено: «Не ходилъ на лекціи».	
Русская исторія (проф. Ивановъ)	отмѣчено: «Весьма лѣнивъ».	
Всеобщая исторія (онъ же)	отмѣчено: «Весьма лѣнивъ» ¹⁾ .	

Этотъ печальный результатъ полугодичныхъ испытаній говорилъ самъ за себя: было ясно, что къ майскимъ переводнымъ экзаменамъ графъ Левъ Николаевичъ не могъ быть допущенъ, какъ это случилось съ нимъ и на первомъ курсѣ восточнаго факультета при условіяхъ, совершенно аналогичныхъ. Понятно, что эта невеселая перспектива должна была еще болѣе укрѣпить нашего юнаго героя въ намѣреніи бросить университетъ, Казань, «добрѣйшую» тетушку Полину Ильинишну, опостылѣвшіе ему великосвѣтскіе салоны и летѣть восвояси, въ родную Ясную Поляну, куда манили его и воспоминанія былого, и надежда на живое, полезное, производительное дѣло... Въ душѣ Льва Николаевича съ еще большею силою пробуждается завѣтное желаніе сдѣлаться «хорошимъ», уже не встрѣчая на пути къ этому ни вѣшнихъ тормазовъ, ни насмѣшекъ, ни тупаго людскаго презрѣнія...²⁾

Пришла весна, лучшая и самая поэтическая пора казанскаго года. Потянуло съ юга благодатнымъ и животворящимъ тепломъ; Волга сбросила свой зимній ледяной покровъ и стала широко разливаться по прибрежнымъ лугамъ и гривкамъ; снова весело замелькали по шири весенняго водополя бѣлые паруса быстро бѣгущихъ бѣлянъ, расшивъ и лодокъ, а массы народа стали по обыкновенію съ утра до вечера переполнять кремлевскій бульваръ, любуясь роскошною картиною Волжскаго разлива и жадно вдыхая,

¹⁾ Архивъ университета, дѣло № 1 юридическаго факультета за 1847 годъ.

²⁾ Ср. «Исповѣдь» графа Л. Н. Толстаго.

послѣ долгой, монотонной зимы, живительныя струи тепла весенняго воздуха. Была весна и въ душѣ Льва Николаевича: онъ твердо рѣшилъ уже сбросить съ себя мертвящія оковы шестилѣтней казанской жизни и, возродившись къ новой жизни, твердо и сознательно идти по пути къ завѣтной мечтѣ своей — сдѣлаться «нравственно-хорошимъ» и «полезнымъ» для общества человѣкомъ...

Въ тотъ годъ Пасха была очень ранняя—23-го марта. Эта пасхальная недѣля и обусловленные ею обычныя требованія этикета были послѣднею связью Льва Николаевича съ казанскимъ большимъ свѣтомъ, который онъ собирался навсегда покинуть. Сожалѣлъ ли онъ объ этомъ? Въ этомъ позволительно весьма сильно усомниться.

Не успѣли еще улечься впечатлѣнія шумныхъ пасхальныхъ празднествъ, какъ на имя ректора Казанскаго университета поступило прошеніе слѣдующаго содержанія:

«Его превосходительству г. ректору императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику и кавалеру Ивану Михайловичу Симонову

«своекоштнаго студента 2-го курса
юридическаго факультета графа
Льва Николаевича Толстаго

«прошеніе.

«По разстроенному здоровью и домашнимъ обстоятельствамъ, не желая болѣе продолжать курса наукъ въ университетѣ, покорнѣйше прошу ваше превосходительство сдѣлать зависящее отъ васъ распоряженіе о исключеніи меня изъ числа студентовъ и о выдачѣ мнѣ всѣхъ моихъ документовъ. Къ сему прошенію руку приложилъ студентъ графъ Левъ Толстой. Апрѣля 12-го дня 1847 года».

На этомъ прошеніи находятся помѣты: «Пол. 12 апрѣля 1847». «Въ правленіе».

Вслѣдъ за этимъ состоялось опредѣленіе правленія: «Толстаго изъ списковъ студентовъ исключить и составить о бытности въ университетѣ свидѣтельство».

Въ дѣлахъ университетскаго архива сохранился и дубликатъ самаго свидѣтельства, выданнаго графу Л. Н. Толстому. Это свидѣтельство любопытно въ томъ отношеніи, что въ немъ тонко обойдены университетскія неудачи Льва Николаевича, и совершенно замолчены причины, вслѣдствіе которыхъ онъ былъ оставленъ на первомъ курсѣ восточнаго отдѣленія. Вотъ что гласитъ это свидѣтельство:

«Объявитель сего, графъ Левъ Николаевъ сынъ Толстой, получивъ первоначально домашнее образованіе и выдержавъ въ предметахъ полнаго гимназическаго курса подлежащій экзаменъ, при-

нать былъ въ студенты Казанскаго университета по разряду арабско-турецкой словесности, въ первый курсъ, но съ какими успѣхами въ ономъ курсѣ обучался—неизвѣстно, потому что на годичныя испытанія не явился¹⁾, почему и оставленъ былъ въ томъ же курсѣ, и на основаніи разрѣшенія г. управляющаго казанскимъ учебнымъ округомъ отъ 13-го сентября 1845 года за № 3.919, изъ разряда арабско-турецкой словесности перемѣщенъ въ первый курсъ юридическаго факультета, въ коемъ обучался съ успѣхами: по логикѣ и психологіи—отличными, энциклопедіи права, исторіи римскаго права и латинскому языку—хорошими, всеобщей и русской исторіи, теоріи краснорѣчія и нѣмецкому языку—достаточными; переведенъ былъ во второй курсъ, но съ какими успѣхами обучался въ ономъ курсѣ—неизвѣстно, потому что годичныхъ испытаній еще не было. Поведенія онъ, Толстой, во время бытности въ университетѣ былъ отлично-хорошаго. Нынѣ же, согласно прошенію, поданному 12-го текущаго апрѣля, по разстроенному здоровью и домашнимъ обстоятельствамъ, изъ университета уволенъ, почему онъ, г. Толстой, какъ не окончившій полного университетскаго курса наукъ, не можетъ пользоваться правами, присвоенными дѣйствительнымъ студентамъ, а на основаніи 590 ст. III тома Свода Законовъ (изд. 1842 г.), при поступленіи въ гражданскую службу, сравнивается въ преимуществахъ по чиновпроизводству съ лицами, получившими образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и принадлежитъ ко второму разряду гражданскихъ чиновниковъ. Въ удостовѣреніе чего и дано ему, графу Льву Толстому, сіе свидѣтельство изъ правленія императорскаго Казанскаго университета за подлежащимъ подписаніемъ и приложеніемъ казенной печати, на основаніи высочайше дарованной Казанскому университету грамоты, на простой бумагѣ».

Это свидѣтельство выдано графу Л. Н. Толстому на основаніи журнальнаго постановленія университетскаго правленія отъ 14-го апрѣля 1847 года. Очевидно, что дѣлу объ исключеніи Льва Николаевича изъ числа студентовъ былъ данъ ускоренный ходъ, въ виду намѣренія его скорѣе покинуть Казань. Тѣмъ же постановленіемъ опредѣлено выдать графу Л. Н. Толстому его документы, взыскавъ съ него предварительно 10 руб. сер. платы за слушаніе лекцій за первую половину 1847 года. Отсюда становится яснымъ, что намѣреніе оставить университетъ созрѣло въ умѣ Льва Николаевича уже въ самомъ началѣ этого года, такъ какъ онъ, фактически покончивъ еще тогда всѣ отношенія къ универ-

¹⁾ Маленькая натяжка: мы знаемъ, что Л. Н. не былъ допущенъ къ переводнымъ испытаніямъ вслѣдствіе малоуспѣшности, обнаруженной въ теченіе года.

ситету, не озаботился вслѣдствіе этого и внесеніемъ слѣдующей съ него платы за лекціи ¹⁾).

Такъ, 14-го апрѣля 1847 года, окончились студенческіе годы графа Толстаго. Левъ Николаевичъ сдѣлался теперь свободнымъ гражданиномъ земли Русской. И пресловутые полурусскіе профессора Камбекъ, Фогель и Винтеръ, и «кровожадный» профессоръ исторіи Ивановъ, и вкрадчивый субъ-инспекторъ Зоммеръ, и бюсты греческихъ философовъ, украшавшіе собою парадныя сѣни университета, и мрачные коридоры-лабиринты казанскаго храма наукъ—все это отошло для Льва Николаевича въ область преданія и воспоминаній о пережитомъ и пережитомъ...

Графъ Л. Н. Толстой спѣшилъ выѣздомъ изъ Казани и не сталъ даже дожидаться окончанія его братьями, Сергѣемъ и Дмитріемъ, выпускныхъ университетскихъ экзаменовъ. Наступилъ день отъѣзда Льва Николаевича въ Москву, черезъ которую онъ долженъ быть ѣхать въ свою Ясную Поляну. Въ квартиру графовъ Толстыхъ, во флигелѣ дома Петонди, собралась небольшая кучка студентовъ, желавшихъ проводить Льва Николаевича въ далекій и трудный, по условіямъ сообщеній того времени, путь; одинъ изъ провожавшихъ, рассказывавшій мнѣ объ этомъ, до сихъ поръ здравствуетъ въ Казани. Какъ водится, за отъѣзжающаго выпили, наказыавъ ему всякаго рода пожеланій. Московскій трактъ шелъ въ 40-хъ годахъ не черезъ с. Верхній Услонъ, какъ нынѣ, но пролегалъ отъ Казани черезъ Игумнову Слободу, подъ которою переходилъ рѣку Казанку и шелъ лѣвымъ берегомъ Волги до с. Васильева, гдѣ былъ перевозъ черезъ рѣку Волгу, на свѣжскую сторону. Товарищи проводили Льва Николаевича до переезда черезъ Казанку, которая находилась въ полномъ разливѣ, и здѣсь въ послѣдній разъ отдали ему прощальное цѣлованіе.

Могли ли товарищи, провожавшіе неуклюжаго, коренастаго и некрасиваго молодаго графа, оставлявшаго по себѣ въ университетѣ лишь память «весьма лѣниваго» студента, хотя бы только подозрѣвать, что пройдетъ четверть вѣка—и имя графа Льва Николаевича Толстаго, этого студента-неудачника, станетъ извѣстнымъ всему образованному міру?!..

Да, Левъ Николаевичъ оставилъ въ 1847 году Казань студентомъ-неудачникомъ. Онъ не добился официальнаго патента на ученость. Онъ не сдѣлался ни кандидатомъ восточной словесности, ни кандидатомъ правъ, ни даже простымъ дѣйствительнымъ студентомъ, какъ его трое старшихъ братьевъ. Но за то Левъ Николаевичъ сумѣлъ сдѣлаться человѣкомъ въ истинномъ и луч-

¹⁾ Архивъ Казанскаго университета: дѣло № 109 (по правленію); начато 22-го сентября 1844 г., окончено 14-го апрѣля 1847 г. (о принятіи въ университетъ студента Льва Николаевича графа Толстаго, на 10 листахъ).

шемъ значеніи этого слова, а это тоже чего нибудь да стоитъ,— стоитъ, во всякомъ случаѣ, факультетскаго диплома съ «надлежащимъ подписомъ» и «приложеніемъ казенной печати», за которыми такъ нерѣдко укрываются ограниченность и духовное убожество.

Мой безыскусственный рассказъ о студенческихъ годахъ графа Льва Николаевича Толстаго конченъ. Не моя вина, если количество фактовъ и полнота изложенія не вполне отвѣчали интересу самой темы. Утѣшаюсь, во всякомъ случаѣ, надеждою на то, что набросанныя мною строки, быть можетъ, способны будутъ внести хотя маленькій вкладъ въ совокупность матеріаловъ для будущей полной біографіи нашего маститаго писателя, мыслителя и общественнаго дѣятеля.

Ник. Загоскинъ.

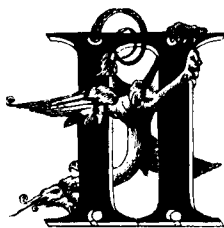

ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТА А. А. НИЛЬСКАГО ¹⁾.

I.

Представленіе А. М. Гедеонову.—Благосклонный приѣмъ.—Отъѣздъ въ Петербургъ.—Визитъ П. С. Ѳедорову.—Его встрѣча.—Толка о Ѳедоровѣ.—Впечатлѣвіе, произведенное имъ на меня.—Наружность Павла Степановича.—Знакомство съ Василько-Петровымъ.—Предложеніе переѣхать къ нему.—Ѳедоровъ, какъ начальникъ и человекъ.—Его популярность и значеніе.—Его водевили и композиціи.—Аранжировка его романа М. И. Глинкою.—Служебная карьера Ѳедорова.—Знакомство его съ актерами.—Женитьба его на актрисѣ.—Авторскій гонораръ.—Поступленіе его на службу въ дирекцію.—Приѣмъ Ѳедорова директоромъ Гедеоновымъ.—Ѳедоровъ приобретаетъ значеніе.—Начальствованіе надъ репертуаромъ.—Его дипломатія.—Анекдотъ про Ѳедорова.—Учрежденіе имъ литературно-театральнаго комитета.—Первый блинъ комомъ.—Тактика Ѳедорова съ авторами.—Карриатура на него за его покровительство драматургу Дьяченко.

НАТНАДЦАТИЛѢТНИМЪ юношей я былъ представленъ директору императорскихъ театровъ, Александру Михайловичу Гедеонову, во время его служебной поѣздки въ Москву, въ 1856 году.

Онъ очень благосклонно отнесся ко мнѣ вообще и приказалъ отправиться въ Петербургъ для поступленія въ театральное училище, которое, по расчетамъ его, я не могъ миновать по молодости лѣтъ.

— Обратнo я еще не скоро поѣду,—сказалъ директоръ въ заключеніе,—а ты поѣзжай теперь же. Отъ моего имени явись къ Павлу Степановичу Ѳедорову и скажи, что ты принять мною экстерномъ-ученикомъ.

¹⁾ Начало воспоминаній А. А. Нильскаго, гдѣ говорилось исключительно лишь о провинціальнѣхъ театрахъ, было напечатано въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1893 г., въ №№ 10, 11 и 12.

Крайне обрадованный удачею (слѣдуетъ замѣтить, что я съ дѣтства чувствовалъ неопределимое влеченіе къ театру), я на другой же день отправился въ Петербургъ и тотчасъ по прїѣздѣ, съ замираніемъ сердца, направился къ зданію дирекціи. Розыскавъ квартиру Ѳедорова и поднявшись слишкомъ сто ступеней вверхъ, я благополучно достигъ его жилища.

Пріемъ былъ вполне официальный.

— Вамъ что угодно?

Я отрекомендовался и передалъ приказаніе директора о зачисленіи меня въ училище.

— Хорошо, — сказалъ Павелъ Степановичъ. — Завтра утромъ будьте здѣсь же, мы покончимъ съ формальностями, безъ которыхъ вашъ пріемъ въ училище не возможенъ.

Ѳедоровъ не произвелъ на меня того дурного впечатлѣнія, какое выносили многіе, имѣвшіе съ нимъ какія либо сношенія. Благодаря ужаснымъ рассказамъ про Павла Степановича, именемъ котораго меня пугали еще въ Москвѣ, я представлялъ его себѣ какимъ-то тираномъ, грубымъ и грознымъ. Я никакъ не могъ ожидать, чтобы этотъ «деспотъ русской сцены», какъ его называли единогласно, могъ быть такимъ не представительнымъ, зауряднымъ человѣкомъ, не только не внушающимъ страха и даже ласковымъ.

Когда я поднимался къ нему по лѣстницѣ, сердце мое учащенно билось, и я имѣлъ поползновеніе возвратиться домой и трусливо выжидать возвращенія Гедеонова, но вдругъ меня охватила рѣшимость, и я смѣло вошелъ въ квартиру моего будущаго начальника, котораго, однако, вопреки слухамъ, нашелъ достаточно симпатичнымъ и ужъ вовсе не такимъ отталкивающимъ, какимъ мнѣ его представляли.

Павелъ Степановичъ былъ чиновникомъ, какъ говорится, до мозга костей и согласно своему высокому положенію придерживался иногда извѣстной важности и чванства. Наружный видъ его былъ таковъ: высокій, довольно тучный, въ синеватыхъ съ черепаховой оправой, очкахъ, съ неимоვნю большими ушами и отвислыми губами, которыми онъ постоянно шамкалъ. Ѳедоровъ производилъ впечатлѣніе вѣчно-жуящаго человѣка, почему и носилъ мѣткую кличку «губошлепа», которая неоднократно проникала даже въ печать. Однако, не смотря на свою не привлекательную наружность, Ѳедоровъ, когда хотѣлъ быть любезнымъ и ласковымъ, могъ просто очаровать своимъ обхожденіемъ, своими манерами и остроуміемъ.

Я это испыталъ на себѣ.

Когда, по его приглашенію, я явился къ нему на другой день, онъ принялъ меня весьма ласково и забросалъ вопросами, на которые я едва успѣвалъ отвѣчать. Павелъ Степановичъ исповѣды-

валь меня обстоятельно. Узнавъ, гдѣ я воспитывался и гдѣ провель дѣтство, онъ спросилъ:

— А вотъ главное, есть ли у васъ въ Петербургѣ родные или знакомые?

— Никого.

— Нехорошо!.. Гдѣ же вы будете жить, не имѣя знакомыхъ? Вы еще мальчикъ, для котораго свобода можетъ быть пагубна. Легко попасть въ дурное общество и испортиться.. Самое лучшее вамъ бы пристроиться къ кому нибудь изъ театральныхъ.

Въ это время вошелъ учитель драматическаго класса В. П. Василько-Петровъ.

— Рекомендую вамъ новаго ученика,—сказалъ ему Ѳедоровъ, пожимая руку.—Директоръ прислалъ изъ Москвы.. Вотъ я съ нимъ сижу и раздумываю, гдѣ онъ будетъ здѣсь проживать. У него въ столицѣ ни родныхъ, ни знакомыхъ.

— Да, это очень важный вопросъ,—согласился пришедшій, принимая грубокомысленный видъ.

— Не возьмете ли вы его къ себѣ?—спросилъ Павелъ Степановичъ и прибавилъ:—для него это было бы благодѣяніемъ.

— Пожалуй,—отвѣтилъ Василько-Петровъ.—У меня есть одна свободная комната. Дѣти теперь на дачѣ въ Павловскѣ, такъ что на время я могу уступить ихъ помѣщеніе. Зайдите для переговоровъ завтра вотъ по этому адресу,—обратился онъ ко мнѣ, вручая свою визитную карточку.

Въ назначенное время я былъ у него. Мы сторговались, я перенесъ съ своимъ небольшимъ багажемъ въ его квартиру и прожилъ у него на хлѣбахъ ровно годъ.

Павелъ Степановичъ Ѳедоровъ, благодаря своему видному служебному положенію и многимъ особенностямъ, рѣзко выдѣлявшимъ его и въ обществѣ и въ театральной сферѣ, нѣсколько десятковъ лѣтъ былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ людей въ Петербургѣ. На какія категоріи дробилась его популярность, это все равно, но его знала буквально вся столица, и этого, кажется, достаточно, чтобы воскресить въ памяти его образъ, достойный вниманія во многихъ отношеніяхъ. Полной характеристики Павла Степановича почему-то не существуетъ, между тѣмъ онъ давно ее заслуживаетъ; въ различныхъ же мимолетныхъ замѣткахъ, имѣющихъ обыкновенно анекдотическую форму, онъ не является тѣмъ приснопамятнымъ «начальникомъ репертуара», какимъ его знали и помнятъ современники. Очень жаль, что его дѣятельность и заслуги до сихъ поръ не нашли своего историка. Разказы о немъ распространялись обыкновенно дурные и непріятные, справедливость же требуетъ требуетъ замѣтить, что при всѣхъ своихъ недостаткахъ онъ, какъ начальникъ и человѣкъ, имѣлъ безспорно много и хорошаго, что благодарными не замѣчалось и обидно

для его памяти игнорировалось и продолжает игнорироваться до нашего времени. Между тѣмъ, это былъ весьма умный и талантливый человѣкъ, хорошій работникъ и усердный чиновникъ, ревностно исполнявшій возложенныя на него обязанности. Онъ былъ прекрасный переводчикъ и передѣлыватель французскихъ пьесъ, въ особенности же водевилей, которые соперничали съ произведеніями такихъ знаменитыхъ водевилистовъ, какъ Д. Т. Ленскій и П. А. Каратыгинъ. Ѳедоровъ оставилъ театру болѣе семидесяти пьесъ, изъ которыхъ многія до сихъ поръ считаются репертуарными и пользуются неувыдаемымъ успѣхомъ.

Павель Степановичъ былъ также авторомъ романсовъ, которыми интересовались профессиональные пѣвцы. Напримѣръ, его романсъ «Прости меня, прости, прелестное созданье», такъ понравился знаменитому автору «Жизни за царя» М. И. Глинкѣ, что онъ аранжировалъ его на два голоса и, собственноручно переписавъ, поднесъ Ѳедорову съ надписью «Твое—тебѣ!!». Этотъ романсъ выдержалъ безчисленное число изданій и до сихъ поръ въ большомъ почетѣ у дилетантовъ-пѣвцовъ.

Ѳедоровъ былъ прекраснымъ піанистомъ и до службы своей въ театрѣ всѣ досуги посвящалъ музыкѣ. Съ поступленіемъ же въ дирекцію совпалъ какъ разъ тотъ возрастъ его единственной дочери, когда она стала брать уроки фортепіанной игры у извѣстнаго музыканта Дрейшока. Павель Степановичъ это событіе вознамѣрился ознаменовать своимъ отреченіемъ отъ рояля и ужъ болѣе никогда не бралъ ни одной ноты.

Его юмористическіе стихи, водевильные куплеты и эпиграммы, были всегда остроумны, мѣтки и удачны, такъ что и съ этой стороны онъ былъ незауряднымъ человѣкомъ. Если же къ этому прибавить, что Ѳедоровъ былъ чрезвычайно веселымъ собесѣдникомъ, каламбуристомъ, острякомъ, а также гостеприимнымъ хозяиномъ и тончайшимъ дипломатомъ, то его портретъ будетъ законченъ. Теперь же кстати слѣдуетъ упомянуть объ его прошломъ, достоверно извѣстномъ мнѣ отъ него самого.

Свою служебную карьеру Павель Степановичъ началъ незначительнымъ почтамтскимъ чиновникомъ. Въ свободное время сочиняя и переводя водевили, которые охотно брались въ драматическій театръ для представленія, онъ завелъ дружбу почти со всѣми артистами Александринскаго театра и за кулисами былъ своимъ человѣкомъ. Еще болѣе сблизила его со сценой женитьба на актрисѣ Прасковѣ Сергѣевнѣ Мироновой, впрочемъ, подвизавшейся на театральныхъ подмосткахъ весьма незначительное время и притомъ на самыхъ маленькихъ роляхъ. Почтамтское жалованье было мизерно, благодаря чему Ѳедоровъ принужденъ былъ усердно работать для театра, что было не маловажной для него матеріальной поддержкой. Въ короткое время онъ сдѣлался присяжнымъ драматур-

гомъ. Актеры заказывали ему водевили для своихъ бенефисовъ и выплачивали автору за каждое произведеніе не дороже двадцати пяти рублей. Въ тѣ времена это считалось весьма приличнымъ вознагражденіемъ, такъ какъ тогда драматурги вообще не рассчитывали на гонораръ, отдавая дирекціи свои сочиненія совершенно даромъ.

На службу въ театральную дирекцію Павелъ Степановичъ поступилъ совершенно неожиданно не только для всѣхъ закулисныхъ знакомыхъ, но даже для самого себя. Случилось это такимъ образомъ. Покойный императоръ Николай Павловичъ, питавшій большую любовь къ театру, въ одинъ памятный день вздумалъ посѣтить театральное училище частнымъ образомъ, безъ предувѣдомленія начальства о своемъ визитѣ. Предъ государемъ предстали во всей своей неприкосновенности такія вопіющіе упущенія и безпорядки, что онъ, страшно разгнѣванный, тотчасъ же отдалъ распоряженіе о преобразованіи школы, при чемъ управляющаго училищемъ *Ө. Н. Обера* немедленно смѣстилъ съ должности, которую вскорѣ и занялъ *П. С. Өедоровъ*, прекрасно отрекомендованный ближайшимъ начальствомъ министру двора, графу *В. Ө. Адлербергу*, бывшему въ то же время и министромъ почтъ.

— Не легко было мнѣ принимать новую должность, — рассказывалъ *Өедоровъ*. — Директоръ *Александръ Михайловичъ Гедеоновъ* былъ противъ моего назначенія, такъ какъ о моей личности съ нимъ предварительно не посоветовались... За то и принялъ же онъ меня: этого пріема никогда не забуду. Являюсь къ нему представляться, а онъ, не подавая руки, сквозь зубы процѣдилъ «очень радъ» и тотчасъ же приказалъ позвать помощника управляющаго школой *Аубеля*, которому сказалъ, указывая на меня: «покажите имъ училище». Вотъ при какихъ обстоятельствахъ вступилъ я въ новую должность, на которую былъ призванъ спеціально для преобразованія школы.

Однако, благодаря врожденной ловкости и уму, *Өедоровъ* вскорѣ сдѣлался самымъ необходимымъ человѣкомъ для дирекціи. Онъ преодолѣлъ всѣ препятствія, встрѣчавшіяся ему на первыхъ порахъ службы, и блестяще оправдалъ возлагаемыя на него надежды. Театральное училище стало неузнаваемо. Реформы *Өедорова* были признаны удачными и вполне цѣлесообразными. Павелъ Степановичъ, первый обратилъ вниманіе на художественныя и учебныя занятія, которыя до него были въ загонѣ...

Хотя первоначально *Гедеоновъ* и выказывалъ полное равнодушіе къ дѣятельности *Өедорова*, но по прошествіи небольшого времени Павелъ Степановичъ сдѣлался незамѣнимымъ для него помощникомъ. Впрочемъ, не только для него, но и для всѣхъ остальныхъ директоровъ, со включеніемъ знаменитаго барона *Кистера*.

Сперва дѣйствительно каждый изъ нихъ относился къ нему скептически, но вскорѣ затѣмъ надѣлялъ его полнымъ довѣріемъ.

Какимъ путемъ пріобрѣлъ Ѳедоровъ неограниченное довѣріе и значеніе въ глазахъ ближайшаго начальства, мнѣ неизвѣстно, но, спустя недолгое время, онъ, не довольствуясь должностью управляющаго школой, получилъ еще и мѣсто начальника репертуара, каковымъ я его и засталъ при своемъ поступленіи въ театръ. Онъ замѣнилъ собою любимѣйшаго чиновника директора — Евгенія Макаровича Семенова, который много лѣтъ усердно и дѣятельно заведывалъ репертуаромъ. При вступленіи во вторую должность, Павелъ Степановичъ быстро подчинилъ своему влиянію всѣ труппы — не только русской драмы, оперы и балета, но даже итальянскую, французскую и нѣмецкую, а также и всѣ оркестры музыкантовъ. Каждую пятницу утромъ въ кабинетѣ Ѳедорова собирались режиссеры всѣхъ театровъ и сообща составляли репертуаръ на недѣлю. Павелъ Степановичъ собственноручно вписывалъ назначенныя къ представленію пьесы въ большой листъ и представлялъ его директору на утвержденіе. Каждый дебютантъ или гастролеръ обязательно долженъ былъ прежде всего явиться къ Павлу Степановичу, который безапелляціонно и рѣшалъ его участь.

Какъ въ сферѣ служебныхъ обязанностей, такъ и въ домашнемъ обиходѣ, Ѳедоровъ былъ чиновникомъ съ головы до ногъ. Будучи чрезвычайно умнымъ и въ то же время искательнымъ человекомъ, онъ умѣлъ угождать всѣмъ, кто ему былъ нуженъ и полезенъ. Его обхожденіе какъ съ высшими, такъ и съ низшими отличалось тонкой дипломатіей, обезоруживавшей всѣхъ имѣвшихъ съ нимъ какое либо дѣловое сношеніе.

При имени министра графа В. Ѳ. Адлерберга, а равно и сына его, бывшаго впоследствии такъ же министромъ, Павелъ Степановичъ просто благоговѣлъ. Такъ же предъ всякимъ мнѣніемъ графа онъ безотчетно преклонялся.

Однажды, въ большомъ обществѣ, въ присутствіи Ѳедорова, зашла рѣчь о послѣдней новинкѣ Александринскаго театра, которая не имѣла никакого успѣха, но съ репертуара, однако, не снималась. Одинъ изъ собесѣдниковъ по этому поводу замѣтилъ начальнику репертуара:

— Павелъ Степановичъ, зачѣмъ ставятся такія пьесы, которыя не даютъ сборовъ? Напримѣръ, та, а которой мы говоримъ, весьма плохая, безынтересная и глупая...

Глаза Ѳедорова злобно блеснули. Онъ саркастически улыбнулся и внушительно, съ подчеркиваніемъ, замѣтилъ:

— Неужели-съ?! А вотъ министру она нравится... Что вы на это скажете?

Въ обращеніи съ подчиненными Павелъ Степановичъ былъ весьма привѣтливъ, вѣжливъ и простъ. Онъ никогда и никому не

любилъ отказывать отъ своего имени, хотя бы этотъ отказъ исходилъ непосредственно отъ него, а всегда ссылался на министра, на директора, а чаще на слово «дирекція».

— Дирекція находитъ это неудобнымъ.

Или:

— Дирекція не въ состояніи удовлетворить вашей, по моему, весьма основательной просьбѣ.

И такъ далѣе—въ этомъ же родѣ.

Не желая быть отвѣтственнымъ лицомъ предъ авторами за отказы въ пріемѣ ихъ пьесъ на сцену, что возбуждало обыкновенно непріятности, Оедоровъ учредилъ постоянный театрално-литературный комитетъ, который, однако, чутко прислушивался къ голосу Павла Степановича и не протестовалъ противъ его сужденій о новыхъ драматическихъ произведеніяхъ. Комитетъ этотъ въ первый разъ былъ созданъ для выбора пьесы, которую предложено было написать на конкурсъ. Пьеса эта предназначалась для представленія въ торжественный юбилейный день столѣтія русскаго театра. Въ составъ комитета, подъ предсѣдательствомъ Жихарева, были приглашены лучшіе литераторы, актеры и даже актрисы, въ общемъ составившіе чрезвычайно большую группу «дѣятелей и судей». Однако, не смотря на все это, выборъ палъ на трилогію графа В. А. Сологуба, какъ потомъ оказалось, самую слабую и неинтересную по содержанію.

По окончаніи же празднованія столѣтія театра, опять-таки по ходатайству Оедорова, комитетъ этотъ остался въ видѣ «драматической цензуры императорскихъ театровъ». Въ комитетѣ, претерпѣвшемъ многія измѣненія и реформы, Павелъ Степановичъ ни за что никогда не хотѣлъ предсѣдательствовать. Никакія просьбы не могли его склонить взяться за руководство собраніями. Онъ былъ только скромнымъ членомъ этого учрежденія. За отказомъ Оедорова, безсмѣнно предсѣдательствовалъ тайный совѣтникъ П. И. Юркевичъ, который на этотъ постъ былъ приглашенъ по просьбѣ и рекомендаціи начальника репертуара.

Къ этому времени относится колкая карриатура на Павла Степановича въ издававшемся тогда юмористическомъ журналѣ «Гудокъ». Былъ изображенъ комитетъ, поющій хоромъ подъ дирижерскую палочку Оедорова, весьма удачно нарисованнаго:

«Въ законъ... въ законъ... въ законъ себѣ поставимъ;
 «Мы пу... мы пу... мы публику плѣнить,
 «Дьяче... Дьяче... Дьяченкѣ предоставимъ», и т. д.

Это былъ намекъ на существовавшее среди театраловъ и журналистовъ убѣжденіе, что всемогущій начальникъ репертуара слишкомъ ужъ явно покровительствуетъ драматургу В. А. Дьяченкѣ, который одно время былъ чуть ли не единственнымъ поставщи-

комъ новинокъ. По нѣсколько пьесъ въ сезонъ ставилъ онъ на Александринской сценѣ и писалъ комедіи необычайно умѣло по заказу бенефициантовъ.

II.

Управление Ѳедорова театральнымъ училищемъ.—Училище до него и при немъ.—Образчики образованія.—Поклонники юныхъ воспитанницъ.—Похищеніе m-lle Кохъ изъ училища.—Стихи Ѳедорова по этому поводу.—Типичные гувернеры и учителя.—Гувернеръ М—ерь.—Его страсть къ спиртнымъ напиткамъ.—Гувернеръ У—ръ.—Его солдатскій взглядъ на сцену и актеровъ.—Л. Ф. Аубель.—Его нравъ и характеръ.—Его нотации.—Училищные плащи.—Объясненіе Стрѣльскаго съ Аубеломъ.—Какъ много пилъ Аубель. Гувернеръ М—нь.—Его деспотизмъ.—Анекдоты про него.—Докторъ Марокетти.—Элапъ.—Примѣненіе скотскаго корма къ человѣческому желудку.—Помада отъ перхоти.—О. Михайлъ В—въ.—Его личность.—Поздній визитъ къ прихожанину.—Торжественная рѣчь воспитанницамъ.—«Не въ деньгахъ счастье».—Наслѣдство.—Исповѣдь Кузьмина.—Слабость В—ва къ наградамъ.—Синій крестъ.—Театральный священникъ.—«Пясуя».

Вступивъ въ отправленіе обязанностей управляющаго театральнымъ училищемъ, П. С. Ѳедоровъ добросовѣстно занялся его кореннымъ преобразованиемъ. Онъ обратилъ строгое вниманіе на улучшеніе быта воспитанниковъ, на измѣненіе состава служащихъ и ввелъ преподаваніе наукъ. Лица, знавшія училище въ до-Ѳедоровскій періодъ, изумлялись его энергіи и совершенно справедливо оцѣнивали его труды. До принятія Ѳедоровымъ должности начальника репертуара, всѣ, интересовавшіеся судьбами русскаго театра, относились къ нему съ почтеніемъ, но съ момента его появленія въ громкомъ званіи «начальника репертуара», отношенія къ нему всего театральнаго міра рѣзко измѣнились. Онъ сразу же далъ почувствовать всѣмъ окружающимъ свой авторитетный голосъ и свои притязанія на главенство. Всѣ разомъ отъ него отшатнулись и основательно заподозрѣвали въ немъ опаснаго чловѣка. Своею неровностью и частою несправедливостью Ѳедоровъ создалъ себѣ много враговъ, которые всячески затирали его достоинство, выставляя на видъ только одни его недостатки, благодаря чему въ короткое время личность Павла Степановича сдѣлалась чуть ли не ненавистной для большинства театраловъ...

До Ѳедорова, по рассказамъ очевидцевъ, въ театральномъ училищѣ творилось что-то невѣроятное, на что не напрасно прогнѣвался государь Николай Павловичъ, повелѣвшій немедленно приняться за реформу. Начиная съ самого управляющаго, учителей, гувернеровъ, воспитанниковъ, воспитанницъ и кончая послѣднимъ сторожемъ, швейцаромъ и прочею челядью, все это дышало такой возмутительной неурядицей, какую трудно себѣ вообразить.

На учебныя занятія смотрѣли, какъ на что-то совершенно лишнее. Изъ училища выходили артисты совершенно безграмотные, едва умѣвшіе подписать свою фамилію. Для примѣра можно указать на двухъ балетныхъ фигурантовъ, автографы которыхъ ходили по рукамъ и возбуждали горькія улыбки. Одинъ изъ нихъ, по фамиліи Полетаевъ, при полученіи какихъ-то денегъ изъ кабинета придворнаго вѣдомства, расписался такъ: «пучи изъ бента тѣнцеръ Полита», вмѣсто фразы: «получилъ изъ кабинета танцоръ Полетаевъ». Другой же фигурантъ, Павелъ Гусевъ, изъ воспитанниковъ московской школы, переведенный въ Петербургъ за отличіе и успѣхи, при полученіи жалованья расчеркнулся: «театральный фиругантъ Павлинъ Гусевъ». Вотъ образчики тогдашняго образованія въ театральномъ училищѣ, которое было также сомнительно и въ нравственномъ отношеніи. Въ силу какихъ-то странныхъ обстоятельствъ, воспитанницы слишкомъ рано получали понятіе объ ухаживателяхъ, которые весьма смѣло набивались на знакомство съ юными представительницами Мельпомены и Терпсихоры. Золотая молодежь того времени устраивала вѣчныя прогулки пѣшкомъ и въ экипажахъ передъ окнами училища, а такъ же постоянно сопровождала кареты съ воспитанницами и на репетицію, и съ репетиціи, и на спектакль, и со спектакля, такъ что приходилось прибѣгать къ помощи жандармовъ, которые не безъ труда отбивали «ученическіе караваны» отъ черезчуръ развязныхъ преслѣдователей. Впрочемъ ухаживатели не смущались препятствіями и для свиданія съ «предметами» переодѣвались въ костюмы полотеровъ, ламповщиковъ и проч., благодаря чему свободно проникали на женскую половину. Юныя головки воспитанницъ слишкомъ рано оказывались вскруженными, что, конечно, неблагоприятно вліяло на ихъ успѣхи. А былъ случай, что одну изъ такихъ воспитанницъ m-lle Кохъ даже похитили чуть ли не на виду всего ареопага надзирательницъ и гувернантокъ. Объ этомъ происшествіи говорилъ весь Петербургъ, а П. С. Оедоровъ, тогда еще не воображавшій попасть въ начальники этой же школы, сочинилъ забавные стихи, начинавшіеся такъ:

«Мнѣ разказывалъ квартальный,
 «Какъ изъ школы театральной
 «Убѣжала Кохъ.
 «Въ это время безъ Кохицы
 «Всѣ за ужиномъ дѣвицы
 «Кушали горюхъ».

Нѣкоторыхъ изъ гувернеровъ и учителей дореформенной эпохи я еще засталъ. Всѣ они отличались странностями, по выраженію Гоголя, «не разлучными съ ученымъ званіемъ». При преобразованіи училища Оедоровъ оставилъ ихъ на службѣ, какъ говорили, исключительно только изъ жалости. Они это хорошо понимали и потому

не особенно кичились своимъ педагогическимъ положеніемъ. Припомните эти типичныя личности умѣстно, такъ какъ ихъ характеристика даетъ понятіе объ учрежденіи, которое ихъ создало и сформировало.

Гувернеръ М—ерь былъ самымъ милымъ и добродушнѣйшимъ человѣкомъ въ училищѣ, но губительная страсть къ спиртнымъ напиткамъ превращала его въ непоправимо неприличнаго наставника. Когда онъ, бывало, возвращался вечеромъ изъ театра съ своими питомцами, то обыкновенно былъ въ такихъ невѣняемыхъ градуссахъ, что при всѣхъ усиліяхъ не могъ подняться безъ посторонней помощи на верхъ, гдѣ находилась мужская спальня. Со-страдательные воспитанники втаскивали его въ третій этажъ на собственныхъ рукахъ, при чемъ, конечно, не упускали случая пошкляричить. Про него остряли, что онъ, какъ пьяница, хотя и невыносимъ, но за то, какъ человѣкъ, переносимъ.

Старѣйшій изъ гувернеровъ У—ръ, вѣкогда бывшій помощникомъ управляющаго, до самой смерти не могъ забыть обиды, нанесенной ему начальствомъ, которое унизило его перемѣщеніемъ въ гувернеры. Это была единственная поэма его разсужденій и безконечной воркотни. Воспитанники называли его «обезьяной», на которую, говоря откровенно, онъ былъ похожъ складомъ лица. У—ръ былъ необыкновенно худъ, голову стригъ всегда подъ гребенку и носилъ большіе очки; въ движеніяхъ замѣтна была военная выправка. Онъ постоянно кашлялъ и говорилъ отрывистымъ, рѣзкимъ голосомъ.

Какъ-то разъ, вспоминая при мнѣ старое, доброе время, онъ повѣдалъ свои убѣжденія и взгляды на искусство, которые въ молодости примѣнялъ даже на дѣлѣ.

— Я вѣдь,—говорилъ У—ръ, кашляя себѣ въ кулакъ и притопывая ногою въ тактъ кашлю,—въ прежніе-то годы завѣдывалъ здѣсь и драматическимъ классомъ. У меня, батюшка, было не то, что нынче у васъ. У меня на сценѣ ни любовникъ, ни комикъ, ни злодѣй—никто не смѣлъ такъ руками размахивать да держать себя вольно, какъ теперь. У меня этой вашей дурацкой жестикуняціи не существовало. У меня все было повоенному. Бывало, хоть десять человѣкъ стоятъ на сценѣ и всѣ, какъ одинъ, руки по швамъ, во фронтъ... За то вотъ и выходили актерики!

Помощникомъ управляющаго при Федоровѣ остался прежній же Леонтій Филипповичъ Аубель, считавшійся оригинальной личностью. Наружнымъ своимъ видомъ онъ олицетворялъ гоголевскаго Петра Петровича Пѣтуха; былъ также необъятно толстъ и также тяжелъ на подъемъ. Однако, обладалъ физиономіей не только пріятной, но просто-таки красивой, въ особенности же хороши были его темно-каріе глаза. Онъ былъ весьма недурнымъ піанистомъ и большимъ любителемъ кутежей. Аубель чуть не бочками пилъ водку, вина и

пиво, и при этомъ никто никогда не видѣлъ его пьянымъ. Воспитанники боялись его, какъ огня, и при встрѣчѣ раболѣпно цѣловали у него руки, которыми онъ частенько награждалъ ихъ такими внушительными пощечинами, что у виновныхъ отъ боли искры изъ глазъ сыпались. Леонтій Филипповичъ былъ немного косноязыченъ, говорилъ неразборчиво и заикаясь. Съ воспитанниками постоянно бранился и всякія чувствительныя экзекуціи надъ нами любилъ производить въ своемъ присутствіи. Что же касается словесныхъ внушеній, то они были неподражаемы и анекдотичны.

При мнѣ однажды вся школа провинилась предъ нимъ тѣмъ, что въ субботу, когда онъ разрѣшилъ питомцамъ уйти къ роднымъ до обѣда, многіе запротестовали и въ урочные два часа по полудни стали требовать обычной трапезы. Аубель, совмѣщавшій съ должностію помощника управляющаго обязанности эконома, возмущился такою дерзостью мальчишекъ, которые не позволяли ему быть вѣрнымъ призванію эконома и, собравъ юныхъ бунтарей въ столовую, прочелъ приличную случаю нотацию.

— По...слу...шайте!... госпо...да... Я долженъ... долженъ... долженъ... Я долженъ сказать!!! Сказать, что... всякій во...спи...танникъ... и не только... всякій..., но и... каждый... обязанъ..., и не... только... каждый..., но и... всѣ...

Долго что-то непонятное говорилъ Леонтій Филипповичъ, вертясь около одного слова, и, наконецъ, внятно воскликнувъ: «свины!» , громко отплюнулся и торжественно удалился къ себѣ въ контору правленія.

Аубель завѣдывалъ всею хозяйственною частью по обмундированію школы. Въ его время воспитанники носили вмѣсто нынѣшнихъ шинелей и пальто такъ называемые плащи, которые не имѣли рукавовъ, но были съ уродливыми коротенькими капишонами. Обыкновенно они дѣлались изъ грубаго толстаго сукна и общимъ покроемъ немного напоминали костюмъ тогдашнихъ факельщиковъ.

Какъ-то узнаетъ Леонтій Филипповичъ, что одинъ изъ взрослыхъ уже воспитанниковъ Стрѣльскій, малый высокаго роста, возвращается въ школу по воскресеньямъ вечеромъ безъ провожатаго, вопреки установленному правилу, а въ особенности Аубеля обезпокоило то, что Стрѣльскій переходитъ Семеновскій плацъ, который въ старое время пользовался плохой репутаціей, благодаря нѣсколькимъ случаямъ грабежа. Призываетъ онъ къ себѣ этого воспитанника и говоритъ ему:

— Г. Стрѣльскій... я за васъ... опасаюсь.

— Что такъ?

— Вы... по вечерамъ... ходите изъ дому... безъ... безъ... провожатаго...

— Ну, такъ что-жь?

— Какъ что-жь?—изумляется помощникъ управляющаго.—Вѣдь я... за... за... за васъ... въ отвѣтъ... Ходите по... по... по Семеновскому плацу... а это не безопасно... Мало ли что... можетъ случиться... Тамъ всякій... сбродъ... Васъ могутъ обидѣть.

— Не извольте беспокоиться, Леонтій Филипповичъ, до сихъ поръ еще никто не обижалъ и не обидитъ. А ужъ если вы вызываете меня на откровенность, то признаюсь вамъ, что и я побаиваюсь...

— Вотъ видите?

— Но только не того...

— А чего-жь?

— Я побаиваюсь, чтобъ самого меня когда нибудь полиція не заподозрѣла въ принадлежности къ шайкѣ грабителей...

— Какъ такъ?... Что за ерунда?

— Честное слово!.. Плащъ у меня такъ кургузъ, что многіе прохожіе пугаются и принимаютъ меня за мошенника...

— Вздоръ!.. Въ такіе плащи... многіе таланты... кутались, и... никто ихъ не пугался!

Мнѣ нѣсколько разъ привелось быть въ компаніи съ Аубелемъ во время кутежей, и до сихъ поръ еще изумляюсь я вмѣстимости его желудка. Онъ выпивалъ безчисленное множество всевозможныхъ питей и всегда былъ трезвѣе сотрапезниковъ. Его могучую натуру не могъ поколебать хмель. Однажды, послѣ торжественнаго обѣда въ ресторанѣ, компанія засидѣлась до слѣдующаго дня, не переставая бражничать. Аубель былъ душою общества. Онъ съ каждымъ въ отдѣльности чокался и выпивалъ, пріятно фантазировалъ на рояли, пѣлъ и дождался, когда нѣкоторые изъ присутствующихъ успѣли выспаться и пробудиться. Онъ со всѣми ними опохмелялся и, покидая ресторанъ въ полдень, серьезно замѣтилъ:

— Да, господа... сегодня было... выпито хорошо... я самъ это чувствую... а продолжать угощаться отказываюсь... Впрочемъ... однуто бутылочку коньяку... на дорожку... выпью!

Говоря о гувернерахъ, нельзя пропустить нѣкоего нѣмца М-сона, прозваннаго воспитанниками «косымъ бѣсомъ». Онъ былъ безконечно золъ, мстителенъ, придирчивъ и деспотиченъ. М-сонъ терпѣть не могъ воспитанниковъ, въ свою очередь воспитанники ненавидѣли его. Онъ безпричинно преслѣдовалъ ихъ и подвергалъ наказаніямъ, а они въ отплату всячески старались ему досадить, что доводило его злость до бѣшенства.

Зная его несговорчивый характеръ, воспитанники усвоили особую манеру вступать съ нимъ въ переговоры, которые, благодаря маленькой хитрости, всегда оканчивались въ пользу просителя. Такъ, напримѣръ, если воспитанникъ, не занятый въ спектаклѣ, хотѣлъ отправиться въ дежурство М-на вмѣстѣ съ товарищами въ театръ, то долженъ былъ подойти къ своему нелѣпо-строному гувернеру и сказать:

— Егоръ Петровичъ, сдѣлайте одолженіе, позвольте мнѣ не ѣхать сегодня въ театръ... что-то нездоровится.

— Это что за вздоръ?.. Что за нездоровится? Притворство, лѣнь! Непремѣнно изволь ѣхать, я никакихъ поблажекъ не дѣлаю... У меня чтобъ никакихъ отговорокъ не существовало! Полу-мертвый и то поѣзжай. Хоть подъ кнутомъ, а поѣзжай...

И то же самое, бывало, наоборотъ. Тотъ, которому необходимо нужно было не ѣхать на спектакль, такъ же подходилъ къ М-ну и говорилъ:

— Нельзя ли мнѣ проѣхать въ театръ? Хочется освѣжиться.

— Что за глупости!—отвѣчаетъ М-нъ, вѣчно одержимый духомъ противорѣчія.—И не думай! Изволь оставаться. Что это за мода—безцѣльно шататься за кулисами? Я этого не терплю! Маршъ въ спальню!..

Если бывало, какой нибудь малолѣтній воспитанникъ вздумаетъ шалить съ монетой, полученной отъ родныхъ на лакомства, М-нъ наскაკиваетъ на него хищнымъ ястребомъ и, вырывая изъ рукъ монету, строго спрашиваетъ:

— Это что такое у тебя?

— Двугривенный.

— Двугривенный?! А знаешь ли что такое двугривенный? Это государственная монета. А государственной монетой играть воспрещено. Вотъ я у тебя ее отберу, такъ ты въ другой разъ и не будешь шалостями заниматься.

При этихъ словахъ М-нъ конфисковалъ двугривенный и съ достоинствомъ удалялся отъ бѣднаго мальчика.

Училищный докторъ былъ въ своемъ родѣ тоже оригинальнымъ человѣкомъ: старый, дряхлый, едва передвигавшій ноги; голова его, какъ на шолнерахъ, постоянно тряслась; онъ тщетно прислушивался къ разговору, но ничего не слышалъ, ничего не понималъ и не отдавалъ себѣ отчета въ своихъ сужденіяхъ. Фамилію носилъ итальянскую—Марокетти, но къ какой національности принадлежалъ онъ въ дѣйствительности, никто изъ насъ не зналъ. О его медицинскихъ познаніяхъ ходили стихи, начинавшіеся такимъ куплетомъ:

Докторъ Марокетти,
Старый и больной,
Всѣ болѣзни въ свѣтъ
Лечить камфарой.

При мнѣ же онъ лечилъ всѣхъ не камфарой, а какимъ-то «элапомъ», который прописывался имъ отъ всевозможныхъ болѣзней. Знавшіе его ранѣе утверждали, что въ свое время это былъ весьма свѣдущій врачъ, но различные ученые опыты и эксперименты надъ самимъ собою распатали его здоровье и разбили его организмъ. Такъ, напримѣръ, рассказывали, что онъ однажды задался

мыслью уподобить человѣческой желудокъ скотскому и съ этою цѣлью въ продолженіе нѣсколькихъ дней кормился только однимъ сѣномъ. Онъ хотѣлъ доказать, что человѣкъ, какъ лошадь, можетъ питаться сухою травой, но этотъ научный опытъ чуть не свелъ его въ могилу. Онъ такъ начинилъ свой желудокъ сѣномъ, что лучшіе доктора столицы едва поставили его на ноги, однако, коллективно рѣшивъ, что ихъ collega-пациентъ страдаетъ тихимъ помѣшательствомъ. Въ другой разъ Марокетти изобрѣлъ какую-то помаду отъ перхоти, благодаря которой онъ лишился остатка своихъ волосъ...

Этими личностями, конечно, не исчерпывается галерея училищныхъ оригиналовъ. Къ ихъ числу принадлежитъ такъ же и законоучитель—протоіерей Михаилъ Б—въ, долгое время бывшій настоятелемъ церкви при театральной школѣ. Въ своихъ сужденіяхъ и разсужденіяхъ это былъ величайшій философъ и резонеръ: такъ по крайней мѣрѣ онъ думалъ самъ о себѣ. Впрочемъ, внѣшній видъ его далеко не гармонировалъ съ этими отвлеченными качествами: онъ былъ весьма тученъ, въ движеніяхъ комично угловатъ, носилъ очки, которые къ его миниатюрному, вздернутому носу вовсе не шли, придавая фizioноміи насмѣшливый видъ. Для полной обрисовки его портрета слѣдуетъ добавить, что о. Михаилъ носилъ большую, рыжую съ просѣдью, бороду, которая во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ играла не маловажную роль. Читая кому либо нотацию, онъ самодовольно поглаживалъ бороду, а при какихъ нибудь неприятныхъ для него объясненіяхъ она подвергалась немилосердой трепкѣ, имѣвшей видъ искренняго самобичеванія. Въ разговорѣ онъ сильно упиралъ на букву о, почему его рѣчь постоянно имѣла грубый характеръ. Въ общемъ же это былъ типичный человѣкъ, оставившій послѣ себя безчисленное количество курьезныхъ воспоминаній.

Онъ былъ весьма внимателенъ къ своимъ прихожанамъ и усердно посѣщалъ со святомъ всѣхъ своихъ сослуживцевъ. Въ большіе праздники у него бывало такое множество духовныхъ визитовъ, что къ нѣкоторымъ бѣднѣйшимъ по состоянію и низшимъ по служебной іерархіи онъ могъ явиться только спустя нѣсколько дней послѣ церковнаго торжества, когда его посѣщенія уже не ожидали.

Всюду онъ любилъ читать наставленія и поучать. Такъ однажды пріѣзжаетъ о. Михаилъ наканунѣ новаго года къ одному небогатому театральному чиновнику и объявляетъ, что явился «славить».

Жена этого чиновника, встрѣчая его на порогѣ квартиры, растерянно сказала:

— Помилуйте, батюшка, да вѣдь праздники-то прошли. Рождество было недѣлю тому назадъ?

— Лучше поздно, чѣмъ никогда. Священникъ съ благодатью всегда долженъ быть желаннымъ и почетнымъ гостемъ.

— Это, конечно, но..., батюшка, мужа нѣтъ дома...

— Такъ что-жь? А образа-то вѣдь дома? Они небось не ушли?.. Отсутствіе мужа, сударыня, не отговорка. Стыдно, стыдно отказываться отъ іерейскаго молитвословія... Такъ передайте и супругу, — недовольнымъ тономъ закончилъ о. Михаилъ, удаляясь изъ квартиры прихожанина.

Отецъ Б—въ очень любилъ актеровъ, такъ же какъ актеры любили его. Со всѣмъ театральнымъ штатомъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ и каждому актеру всегда говорилъ:

— Мы вѣдь съ вами одного вѣдомства. Будьте, пожалуйста, безъ церемоніи.

Выпускнымъ воспитанницамъ балетнаго отдѣленія о. Михаилъ однажды намѣревался сказать поучительную рѣчь. Послѣ молебна онъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

— Вы вступаете на самостоятельную дорогу, становитесь, такъ сказать, на собственныя ноги. Поздравляю васъ!.. Мнѣ особенно пріятно теперь бесѣдовать съ вами потому, что вѣдь и на мою долю выпала пріятная обязанность руководить вами во время пребыванія вашего въ школѣ. Я всегда старался внушить вамъ благія идеи, направить ваши мысли на истинное разумѣніе правды, непорочности и чистоты. Вотъ и теперь, на правахъ бывшаго вашего духовнаго наставника, считаю своимъ святымъ долгомъ напомнить, что только тотъ человѣкъ угоденъ Богу, который блюдетъ душевную чистоту, не поддается соблазну, а сердце свое пріурочиваетъ для искренней любви ближнихъ. Будьте благонравны, терпѣливы, богомольны и ревностны къ службѣ; не ропщите и не озлобляйтесь, а главное не развѣзжайте въ каретахъ.

— Какъ?—удивились корифейки, и одна изъ нихъ, наиболѣе бойкая, сказала: — не тратитесь же на извозчиковъ, когда для насъ существуютъ казенные экипажи. Въ этомъ, кажется, грѣха нѣтъ.

— Я говорю вамъ не о театральныхъ каретахъ—это не карета, а рыдванъ. Я же вамъ намекаю о каретахъ съ офицерами.

Встрѣчается какъ-то въ квартирѣ А. М. Гедеонова въ какой-то торжественный день о. Б—въ съ Иваномъ Егоровичемъ Чернышевымъ, извѣстная комедія котораго «Не въ деньгахъ счастье» только что была поставлена на Александринской сценѣ и имѣла выдающійся успѣхъ.

— Очень, очень пріятно и лестно, что мой бывший ученикъ отличается на поприщѣ драматической литературы, — произнесъ о. Михаилъ, крѣпко пожимая руку Чернышева. — Много слышанъ хорошаго о вашемъ произведеніи и, по правдѣ сказать, весьма сожалѣю, что по сану своему не могу лично удостовѣриться въ ва-

шихъ писательскихъ талантахъ, а очень бы хотѣлось взглянуть на комедію... Забылъ я, какъ называется она?

— «Не въ деньгахъ счастье».

— Хорошее названіе... Одобряю... Да, да, это вѣрно, что не въ деньгахъ счастье. Это правильно. Деньги—вздоръ, пустяки... Въ названіи прекрасная идея выражена, и я душевно радуюсь, что вы проповѣдуете такія прекрасныя истины.

И вдругъ, наклоняясь къ уху Чернышева, таинственно спрашиваетъ:

— А гонорарія-то много ли получили?! Пользуйтесь случаемъ, берите больше...

Выходной актеръ Г. получилъ наслѣдство тысячъ въ двадцать. Тотчасъ же онъ нанялъ себѣ приличную квартиру, завелъ хорошую обстановку и пригласилъ отца Михаила отслужить молебенъ. Тотъ пришелъ, осмотрѣлся и спросилъ:

— Обновились?

— Да.

— На какія же это средства, позвольте узнать? Вы вѣдь изъ театра-то 16 рублей и 16 коп. имѣете только?

— Получилъ наслѣдство.

— А! Это хорошо... А кто умеръ-то?

— Тетка.

— Ну, слава Богу!.. Только вотъ что я долженъ вамъ сказать, какъ духовное лицо: берегите денежки и помните мудрую пословицу: глупому сыну не въ прокъ богатство.

Великимъ постомъ, принимая покаяніе отъ воспитанниковъ, протоіерей Б—въ спросилъ одного изъ самыхъ юныхъ питомцевъ, Кузьмина:

— Не позволяешь ли себѣ насмѣхаться надъ старшими, бранить и дурно какънибудь называть начальниковъ и учителей своихъ?

— Грѣшенъ, батюшка...

— Вотъ какъ!.. Надъ кѣмъ же ты глумился и кого какъ называлъ?

— Не смѣю сказать, батюшка,—робко отвѣтилъ ученикъ.

— Ничего, ничего, покайся... Ты долженъ говорить правду... Ты обязанъ признаться, кого имѣлъ въ виду въ своихъ насмѣшкахъ.

Послѣ долгаго колебанія Кузьминъ сконфуженно шепчетъ:

— Васъ, батюшка.

— Меня?—встрепенулся священникъ.—Прекрасно!.. Какъ же ты меня называлъ? Признавайся!

— Не смѣю, вы разсердитесь.

— Говори, говори, не разсержусь... Знаю я, что это ты по глупости. Богъ тебя проститъ!.. Не взыщу.

— Я называлъ васъ «лимонной бородой»...

— Ахъ, ты, пострѣленокъ! Вотъ погоди, я на тебя начальству пожалуюсь, вспорять за это... Плохой, кажется, изъ тебя актеръ выйдетъ: нѣтъ въ тебѣ къ почтеннымъ лицамъ уваженія.

Слабостью отца Михаила были награды. Онъ постоянно испрашивалъ ихъ у директора, который охотно за него ходатайствовалъ предъ духовнымъ начальствомъ.

Какъ-то случайно увидалъ онъ въ числѣ многихъ дорогихъ вещей, хранившихся для экстренныхъ подарковъ въ придворномъ вѣдомствѣ, синій эмалированный, съ крупными четырьмя бриллиантами, крестъ. Отецъ Михаилъ такъ имъ заинтересовался, что тотчасъ же отправился къ Гедеонову и заявилъ, что желаетъ получить за свою, какъ выразился онъ при мнѣ, отличную службу именно этотъ крестъ.

— Но въ чемъ же заключается ваша отличная служба?—спросилъ директоръ.

— Какъ въ чемъ? Я вѣдь пастырь-то не обыкновеннаго стада, у меня пасутся лицедѣи. А вѣдь ихъ на путь истины направлять не легко...

Гедеоновъ сдѣлалъ представленіе, которое, по обыкновенію, было уважено, но подъ условіемъ: дирекція должна была представить епархіальное разрѣшеніе. Обратились къ митрополиту, но отвѣтъ отъ него получился не утѣшительный. Мотивомъ къ отказу послужило то, что еще никто изъ духовныхъ лицъ не имѣлъ такого цвѣтнаго креста. Затѣмъ послѣдовало устное объясненіе, которое, къ удовольствію Б—ва, было благопріятно. Митрополита убѣдили, что отцу Михаилу, какъ театральному священнику, можетъ быть сдѣлано исключеніе. Аргументъ оказался вѣскимъ, и вскорѣ на груди нашего протоіерея сталъ красоваться этотъ единственный въ своемъ родѣ пастырскій крестъ.

Говоря объ отцѣ Михаилѣ, кстати можно припомнить анекдотъ о нѣкоемъ столичномъ приходскомъ священникѣ, имѣвшемъ весьма туманныя понятія о представителяхъ сцены. Анекдотъ этотъ очерпнуть изъ весьма недавняго прошлаго.

Балетная фигурантка явилась къ этому духовнику на исповѣдь, по окончаніи которой отправилась къ дьячку записать свое имя и званіе въ метрическую книгу.

— Кто вы?—спросилъ дьячекъ.

— Фигурантка императорскихъ театровъ, — отвѣтила говѣльщица.

— Какая фигурантка?—съ удивленіемъ переспросилъ дьячекъ.— Это что же за званіе такое?

— Я служу въ балетѣ...

— Что же вы тамъ изволите дѣлать?

— Танцую.

— Танцуете?! Такъ вы, стало быть, танцорка!..

— Да, но мое настоящее званіе «фигурантка». Такъ и должно занести меня въ книгу.

— Нѣтъ, ужъ вы извините, а я такъ записать не смѣю. Погодите, я у батюшки спрошу, — произнесъ смущенно дьячекъ и отправился за ширмы къ священнику, которому тайно повѣдалъ:—Съ небывалымъ званіемъ одна тутъ пришла. Фигуранткой императорскихъ театровъ себя называетъ, я не знаю, можно ли ее такъ въ метрическую книгу вписать?

— Фигурантка, ты говоришь?

— Да, батюшка, фигурантка.

— Что же это за птица? что она дѣлаеть, ты не спросилъ?

— Какъ не спросить, спрашиваль...

— Ну?

— Говорить, что въ театрѣ пляшетъ.

Священникъ съ недоумѣніемъ развелъ руками.

— Записать ее такъ или отказать?

— Отказать нельзя, но и фигуранткой помѣчать не подобаеть.

— Такъ какъ же быть-то?

— А ты вотъ что сдѣлай,—послѣ небольшой паузы рѣшилъ священникъ,—напиши просто «плясунъ».

III.

В. П. Василько-Петровъ.—Его учительство въ театральномъ училищѣ.—Его заслуги.—Его отношенія къ своимъ обязанностямъ.—Тактика Василько-Петрова въ преподаваніи драматическаго искусства.—Ученики Василько-Петрова.—Пробные школьные спектакли.—Мое участіе въ комедіи «Чиновникъ».—Успѣхъ и вниманіе А. М. Гедеонова.—Зачисленіе въ составъ драматической труппы.—Первый случай службы во время пребыванія въ училищѣ.—Дружба Василько-Петрова съ Аубелемъ.—Страсть къ кутежамъ.—Василько-Петровъ въ компаніи.—Его влюбчивость.—Перечень преподавателей драматическаго искусства.—Н. И. Свѣденцовъ.—Эпиграмма на него.—Училищная прислуга.—Сторожъ Фодотъ.—Его любопытство.—Швейцаръ Никита.—«Кардиналь Ряшелье».—Преслѣдованіе влюбленныхъ воспитанниковъ.—За хитрость—хитрость.

Драматическій классъ, съ преподаваніемъ исторіи театра, Федоровъ поручилъ одному изъ близкихъ своихъ знакомыхъ—фельетонисту «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» Василью Петровичу Василько-Петрову, у котораго, какъ уже упомянуто выше, я прожилъ цѣлый годъ по пріѣздѣ въ Петербургъ.

Это былъ весьма образованный, умный и главное тактичный господинъ, своимъ занятіямъ въ училищѣ не придававшій глубокаго значенія. Онъ былъ друженъ съ большинствомъ артистовъ Александринскаго театра и за свой веселый, добрый, покладистый характеръ пользовался всеобщими симпатіями. Ему я обязанъ сво-

имъ первымъ знакомствомъ съ будущими товарищами, которые часто и охотно посѣщали его гостепріимный домъ. Въ свое время Василько-Петровъ считался хорошимъ переводчикомъ, и нѣкоторыя изъ переведенныхъ имъ мелодрамъ пользовались продолжительнымъ успѣхомъ какъ на столичной, такъ и на провинціальной сценѣ. Ему принадлежатъ пьесы: «Парижскіе нищіе», «Бенвенуто Челини», «Колыбельная пѣсенка» и пр. Конечно, всѣхъ этихъ заслугъ было не достаточно для того, чтобы носить отвѣтственное званіе «преподавателя драматическаго искусства», но Павелъ Степановичъ руководствовался особыми соображеніями, построенными исключительно на протезированіи «хорошему человѣку и доброму знакомому». Такъ это всѣ и знали, почему и отношенія между учениками и учителемъ были соответствующаго характера.

Несомнѣнное достоинство Василя Петровича, какъ руководителя будущихъ актеровъ, было то, что онъ почти никого и ничему не училъ. Благодаря этому, онъ по крайней мѣрѣ не портилъ тѣхъ, кто имѣлъ проблески дарованія. Мнѣ кажется, что это достоинство было не слѣдствіемъ врожденнаго халатнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ, а просто обдуманнѣмъ дѣйствіемъ, то-есть «плодомъ долгихъ размышленій». Многіе были увѣрены, что онъ сознательно не навязывалъ своего авторитета ученикамъ, такимъ образомъ слагая съ себя всякую отвѣтственность за судьбу юныхъ сценическихъ дѣятелей. Василько-Петровъ былъ на столько предусмотрителенъ и тактиченъ, что позволялъ себѣ только совѣтывать, но никогда не настаивалъ на полномъ подчиненіи своимъ мнѣніямъ и взглядамъ. Поэтому-то, вѣроятно, онъ и былъ счастливѣе послѣдующихъ своихъ преемниковъ. У него болѣе, чѣмъ у многихъ другихъ, именующихся умѣлыми и опытными преподавателями, выходили актрисы и актеры на первое амплуа. Вышедшая изъ его класса Ф. А. Снѣткова была украшеніемъ Александринскаго театра, но, увы, къ сожалѣнію, весьма недолгіе годы: выйдя замужъ за С. С. Перфильева, она въ расцвѣтѣ своего таланта покинула сцену. До сихъ поръ здравствующіе артисты: Стрѣльская, Струйская, Сазоновъ, Шемаевъ, я, а такъ же покойные—Малышевъ, Подобѣдова 2-я и многіе другіе, игравшіе первыя роли, считались учениками класса Василько-Петрова. Правда, послѣ первыхъ дебютовъ на большой сценѣ, почти каждый изъ нихъ обращался за помощію къ настоящимъ учителямъ-артистамъ, какъ Сошницкій и Вѣра Васильевна Самойлова, тѣмъ не менѣе никто не отвергалъ, что такъ или иначе, а, всетаки, пользовался уроками Василя Петровича.

Во время великаго поста Василько-Петровъ на школьной сценѣ акуратно два раза въ недѣлю ставилъ такъ называемые «практическіе спектакли», которые не сконфузили бы самаго лучшаго учителя. Воспитанники, наглядѣвшіеся тогдашнихъ корифеевъ,

играли на столько хорошо, что привлекали вниманіе положительно всего начальства и заправскихъ театраловъ, изъ которыхъ многіе имѣли доступъ въ зданіе училища. Въ одномъ изъ такихъ спектаклей я игралъ второстепенную роль въ комедіи графа Сологуба «Чиновникъ». А. М. Геденовъ, слѣдившій за моимъ исполненіемъ, остался мной на столько доволенъ, что тотчасъ же отдалъ приказаніе Ѳедорову о зачисленіи меня «въ драматическую труппу, съ оставленіемъ при школѣ казеннымъ пансіонеромъ для продолженія ученія»¹⁾.

Это была большая честь, которой удостоивались весьма не многіе, и то за бесспорно-выдающіеся успѣхи. Всѣ казенные пансіонеры были на счету: Ф. А. Свѣткова, Стрѣльская, знаменитая танцовщица Муравьева, московская балерина Лебедева, пѣвецъ Васильевъ 2-й, Малышевъ, Шемаевъ, Гердтъ. Изъ вольноприходящихъ же учениковъ на мнѣ былъ первый примѣръ такого милостиваго вниманія со стороны директора. Впрочемъ, вскорѣ то же повторилось и съ Н. Ф. Сазоновымъ. Мы считались уже на службѣ, получали маленькое жалованье и жили въ отдѣльной комнатѣ при училищѣ, пользуясь полнымъ содержаніемъ и безконтрольной свободой. Въ костюмахъ насъ не стѣсняли, мы имѣли право не носить казенной форменной одежды и одѣвались въ обыкновенное платье.

Василько-Петровъ былъ въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Аубелемъ. Связующимъ звеномъ служила обоюдная любовь къ кутежамъ и загуламъ. Онъ такъ же, какъ и Леонтій Филипповичъ, не признавалъ мѣры въ выпивкѣ, но былъ значительно слабѣе его; винные пары быстро туманили его голову и возбуждали въ немъ безпокойный куражъ. Въ свою компанію онъ изрѣдка допускалъ старшихъ учениковъ, которые, однако, не выдерживали искуса подчиненія захмелѣвшему учителю, въ пьяномъ видѣ придиричивому, безъ причины обидчивому и сердитому. Дойдя до извѣстныхъ градусовъ, онъ начиналъ высказываться не въ пользу учениковъ своихъ и заносчиво давалъ понимать, что онъ, всетаки, имъ не ровня, что онъ начальникъ... У Василько-Петрова была еще и другая слабость: онъ любилъ ухаживать, а иногда даже серьезно влюбляться въ своихъ милостивыхъ ученицъ. Въ періодъ увлеченія онъ становился несноснымъ: окружающихъ подозрѣвалъ въ соперничествѣ и вообще преисполнялся такою ревностью, что не было съ нимъ никакого ладу. Хорошо еще, что это восторженное настроеніе никогда не бывало продолжительнымъ: онъ такъ же скоро разочаровывался, какъ скоро влюблялся. Подъ конецъ своей жизни Василій Петровичъ сталъ сильно запивать, что, надо полагать, и было причиной его ранней смерти.

¹⁾ Въ этотъ знаменательный для меня послѣ спектакля вечеръ, П. С. Ѳедоровъ въ первый разъ пригласилъ меня къ себѣ ужинать и пить чай. Съ этого времени и началось наше продолжительное знакомство.

Послѣ Василько-Петрова преподавателями драматическаго искусства, во времена Ѳедорова, состояло много компетентныхъ лицъ, однако никто изъ нихъ подолгу на томъ мѣстѣ не засиживался. Учителемъ покойный режиссеръ Е. И. Вороновъ, Вѣра Васильевна Самойлова, П. А. Каратыгинъ, П. В. Васильевъ, вѣкій г. Эвальдъ и, наконецъ, какой-то учитель математики Н. И. Свѣденцевъ, котораго Ѳедоровъ по одной ему извѣстной причинѣ возвелъ въ сценическіе преподаватели. Страшась, должно быть, забвенія, этотъ Свѣденцевъ написалъ объемистую «Теорію драматическаго искусства», про которую Каратыгинъ сложилъ четверостишіе, пародирующее стихи изъ «Горе отъ ума»¹⁾:

— «Скажи мнѣ, старый театраль,
«Теорію ты Свѣденцова не читалъ?
«Тамъ много глупостей найдешь ты образцовыхъ!
— «Я глупостей не чтець, а пуще Свѣденцовыхъ!».

Пересчитывая училищное начальство и составъ преподавателей, нельзя обойти молчаніемъ училищной прислуги, безъ характеристики которой настоящіе очерки были бы не полны. Для меня памятнѣе всѣхъ остальныхъ сторожъ Ѳедотъ и швейцаръ Никита. Ѳедотъ—это старый, отставной солдатъ, прослужившій при школѣ чуть ли не полстолютія. Воспитанники издѣвались надъ его типичнымъ солдатскимъ видомъ и присвоили ему прозвище «Шлѣма». Въ душѣ онъ былъ добрымъ и снисходительнымъ человѣкомъ, но наружно предпочиталъ сохранять угрюмость, суровость и олимпійскую величественность. Съ учениками обращался строго, безпрестанно читая имъ нравоученія, направленіе которыхъ было неизмѣнно въ пользу откровенности. Онъ не терпѣлъ скрытности и всегда требовалъ отъ учениковъ чистосердечнаго признанія во всемъ, въ особенности же послѣ отпуска. Свое любопытство онъ мотивировалъ своимъ «начальническимъ» положеніемъ, но воспитанники были не умолимы и не посвящали его въ свои тайны. Ѳедоту же это было тѣмъ болѣе обидно, что онъ оказывалъ «учащейся молодежи» большія услуги, выпуская и впуская ее по ночамъ на «прогулку» и съ «прогулки». Онъ имѣлъ обыкновеніе круглый годъ почивать на ларѣ, помѣщавшемся у дверей, которыя выходили на черную лѣстницу; и не было для него ничего возмутительнѣе, когда послѣ сильнаго звонка, раздававшагося надъ самымъ его ухомъ и вызывавшаго его продолжительныя проклятія, въ открытую имъ дверь проскальзывалъ загулявшійся воспитанникъ и быстро скры-

¹⁾ Дѣйствіе 3-е, явленіе 4-е:

Молчалинъ.

Читали вы?

Чацкій.

Я глупостей не чтець, а пуще образцовыхъ!

вался въ спальнѣ. При этомъ, желая быть совершенно незамѣченнымъ Ѳедотомъ, дабы избавиться отъ его разспросовъ на другой день, каждый закутывался съ головой въ плащъ и измѣняли свой голосъ, походку и пр. Это до такой степени раздражало старика, что онъ цѣлые часы изрыгалъ ругательства по адресу пришедшаго и успокоивался только въ дремотѣ.

Швейцаръ же Никита былъ рѣзкою противоположностью Ѳедота. Никакія нѣжныя чувства не были доступны его пониманію; всегда грубый, свирѣпый, онъ наводилъ страхъ на все училище, признававшее въ немъ неумолимаго дисциплинера. Онъ былъ безсмѣннымъ дежурнымъ на парадной лѣстницѣ и почти никогда не спускалъ съ плечъ красной придворной ливреи, благодаря которой имѣлъ неотразимо-величественный видъ и ради которой назывался «кардиналомъ Ришелье». Никита былъ злѣйшимъ врагомъ всякаго ухаживанія и до пѣны у рта преслѣдовалъ всякаго искателя любви у воспитанницъ. По вечерамъ, когда мѣстные Донъ-Жуаны, изъ старшихъ воспитанниковъ, спускались по лѣстницѣ къ дверямъ женскаго отдѣленія и черезъ замочную скважину бесѣдовали съ своими «предметами», швейцаръ, какъ хищный ястребъ, набрасывался на жертвы легкомыслія и доставлялъ ихъ съ жалобою начальству.

На всякаго мудреца довольно простоты! Наученные горькимъ опытомъ влюбленные воспитанники придумали способъ, благодаря которому можно было избѣжать преслѣдованія Никиты. Передъ условнымъ часомъ свиданія они посыпали всю лѣстницу пескомъ, который мѣшалъ подкрадываться къ нимъ швейцару. Его шаги становились слышными издалека. Но, какъ ни были хитры воспитанники, Никита былъ хитрѣе: онъ ползкомъ на животѣ взбирался во второй этажъ и съ остервенѣніемъ ловилъ юныхъ дыхателей. Покойный И. Е. Чернышевъ удачно изобразилъ Никиту въ своихъ талантливыхъ разказахъ «Уголки театральнаго міра».

А. А. Нильскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

ПО СТУПЕНЯМЪ „БОЖЬЯГО ТРОНА“.

(Изъ дневника).

МЫ ВЫСТУПИЛИ изъ Урумчи 29-го іюля. Встали съ разсвѣтомъ, но провозились такъ долго съ укладкой вещей, что когда первый эшелонъ нашихъ выюковъ тронулся наконецъ съ мѣста стоянки, по улицамъ города уже вовсе не стало проѣзда: съ трудомъ миновавъ предмѣстье, мы еле-еле пробились къ восточнымъ воротамъ...

Вотъ послѣдній арыкъ «Чимпанъ», выведенный изъ Урумчинской рѣки, а вотъ и горный уваль, съ котораго весь городъ, какъ на ладони. Впереди, версть, можетъ быть, на пятнадцать потянулось плато, глинисто-песчаное и пустынное, а на горизонтѣ выросли первые складки предгорій гигантской горы...

Всегда безлюдное, плато это оживлено было теперь необычной картиной. Выстроившись въ ряды, стояли здѣсь расцвѣченные фонарями и флагами балаганы, въ которыхъ торжественно возсѣдали кумиры...

Ихъ было молили о дождѣ, когда же никакія просьбы и жертвы не помогли, съ гикомъ и свистомъ выволокли вонъ изъ тѣнистыхъ и прохладныхъ кумиренъ на самое пекло... «Вы зазнались, господа боги!... Въ кумирняхъ вамъ хорошо и свѣжо, такъ побудьте же здѣсь и на себѣ испытайте, каково намъ въ эту жару быть безъ дождя!». Но и это энергическое распоряженіе не помогло: драконъ (Лунь-вань) со всей своей свитой рѣшительно отказался повиноваться китайскимъ властямъ, и дождя попрежнему не было... Тогда съ ними затѣяли двойную игру: обратно въ кумирни ихъ не везли, но выстроили для нихъ балаганы, въ которыхъ тѣ и продолжали уже отбывать свое наказаніе...

Мы приблизились къ этимъ постройкамъ. Изъ нихъ самая большая оказалась театромъ: какъ и всюду въ Китаѣ—открытая сцена безъ всякихъ претензій на украшенія. Но въ эту жару даже и театръ былъ пустъ. У временныхъ кумиренъ тоже не было никого: очевидно, «хосани»¹⁾ отдыхали теперь въ разбитой тутъ же палаткѣ... Они выскочили, когда слышали голоса. Пошептавшись съ сопровождавшимъ насъ аксакаломъ, они взяли свои инструменты: треугольникъ, бубны и «іерихонскія» трубы и, ставъ въ рядъ передъ безобразно размалеванной куклой въ шелковыхъ одѣяніяхъ, заиграли свой дикій гимнъ во славу Лунь-ваня... Странное зрѣлище! Китайскіе жрецы, хотя въ поношенныхъ, но зато національныхъ черныхъ костюмахъ²⁾ и съ распущенными по плечамъ волосами, странные и съ непривычки дикіе звуки не менѣе странныхъ трубъ, разодѣтый въ шелка истуканъ, курящійся передъ нимъ өміамъ и кругомъ пустыня и, кромѣ насъ, никого...

Мы подали ближайшему изъ жрецовъ небольшой кусокъ серебра³⁾ и крупною рысью пошли догонять далеко уже впередъ ушедшіе вьюки.

Зной нестерпимый. По сторонамъ скучный, желтосѣрый ландшафтъ. Изрѣдка кое-гдѣ торчатъ либо полузасохшіе стебли какихъ-то никому неизвѣстныхъ растений, либо обглоданный чій (*Lagrostis splendens*). Единственный звукъ на этомъ плато—стрекоть безчисленныхъ прямокрылыхъ, которые при каждомъ шагѣ, какъ брызги, разлетаются отъ васъ во всѣ стороны... Но горизонтъ здѣсь, всетаки, не широкъ: отовсюду поднимаются горы, которыя уже заслонили гиганта. И до нихъ, повидимому, вовсе недалеко... Но мы цѣлыхъ два часа ужъ въ дорогѣ, и эти два часа успѣли показаться намъ вѣчностью...

И вотъ наконецъ мы пришли... Мы взобрались на пологій уваль и съ него увидали точно иную страну.

Это «Дунсанъ»—подошва «Божьяго трона».

Безконечная панорама горъ и лощинъ, поросшихъ сочной, прекрасной травой, множество рѣчекъ и родниковъ, рощицы осины, ели и тополя, съ подсадой изъ разнообразныхъ кустарниковъ, и надъ всѣмъ этимъ одѣтый снѣгомъ величественный трехглавый Богдо—вотъ что такое «Дунсанъ». Обиліе во всемъ, безконечныя пастбища и воздухъ, напоенный ароматомъ цвѣтовъ... Какой въ самомъ дѣлѣ контрастъ съ только что пройденной пустошью, которая такой груст-

¹⁾ То-есть жрецы, «боисы» европейскихъ писателей.

²⁾ Современный китайскій костюмъ навязанъ имъ ихъ побѣдителями-манчжурами; національный же сохранился только у жрецовъ и на подмосткахъ театра; разрѣшается также его надѣвать и при совершеніи нѣкоторыхъ религиозныхъ обрядовъ.

³⁾ Въ Китаѣ нѣтъ иной, кромѣ мѣдной, монеты; поэтому принято расплавляться слитками серебра по вѣсу.

ной гранью легла между твореніемъ Божьимъ во всемъ его необыкновенномъ величіи и дѣвственной прелести и этимъ жалкимъ и грязнымъ муравейникомъ—твореніемъ рукъ гордаго человѣка!...

Нашъ проводникъ свернулъ вправо, и мы стали подыматься лошиной, по дну которой струился ручей Лоуса-гу; сперва кое-гдѣ виднѣлись еще плантаціи мака, но затѣмъ и эти слѣды культуры исчезли, и мы стали нырять изъ одной пади въ другую. Наконецъ, на одиннадцатой верстѣ, спустившись въ долину другого ручья—Кичанъ-гу, узнали, что пришли на ночлегъ и остановились въ густомъ карагачовомъ (*Ulmus*) лѣсу, за которымъ виднѣлась одинокая фанза¹⁾, окруженная плантаціями мака.

На слѣдующій день мы продолжали идти все такой же изрѣзанной лѣсными долинами мѣстностью. Мы втянулись даже въ какую-то щель, стѣны которой сложены были изъ отшлифованныхъ плитъ метаморфическихъ сланцевъ—совершенно дикое мѣсто! какъ вдругъ при выходѣ на лужайку насъ неожиданно поразилъ отчаянный лай нѣсколькихъ псовъ, понесшихся къ намъ навстрѣчу... Вглядѣлись—дымокъ... Но изъ-за тутъ же росшихъ кустовъ жимолости и крушины ничего пока еще не было видно...

— Что тутъ такое?

— Кошъ²⁾ зайсанскихъ киргизъ... да вотъ и они!

Русскіе киргизы—здѣсь! какими судьбами?!

— Аманъ кельды?!... аманъ таксыръ...

Знакомыя рѣчи и точно знакомыя лица... Были ли они рады насъ видѣть—не знаю, но мы имъ непритворно обрадовались... Едва развьючились, какъ тотчасъ же завязалась самая пріятельская бесѣда. Это были торговцы-гуртовщики, давно уже промышляющіе въ Джунгаріи и то и дѣло кочующіе съ Иртыша на Бэй-лу³⁾ и отсюда обратно. Шибко зашибаютъ деньгу.

— Китайцы—они вѣдь странный народъ: своихъ боятся, а къ русскимъ питаютъ довѣріе. Ни калмыковъ, ни киргизовъ и близко къ Урумчи не пускаютъ, а русскіе—торгуй въ немъ чѣмъ хочешь⁴⁾. Съ гурта тысячу, а не то и больше рублей наживаемъ... А ло-

1) «Фанза»—китайское слово, соответствующее до нѣкоторой степени нашему «хуторъ».

2) «Кошъ», или, какъ киргизы говорятъ, «косъ», собственно—войлочная палатка: три, а иногда и четыре жердины съ натянутымъ на нихъ войлокомъ; въ переносномъ значеніи—партія людей и преимущественно промышленниковъ.

3) Бэй-лу—сѣверная дорога, собственно узкая полоса культурной земли вдоль сѣверныхъ склоновъ Тянь-Шаня.

4) Такъ было еще въ 1889 г., но въ 1890 г. торгоуты (калмыки) получили разрѣшеніе пригонять свой скотъ на базары городовъ Южной Джунгаріи; одновременно былъ изданъ указъ, воспрещавшій русско-подданнымъ откармливать свой скотъ на пастбищахъ «Джусана».

шади—съ тѣхъ-то, пожалуй, и по пяти на голову мало считать... Да теперь впрочемъ что! Раньше развѣ такъ торговали? Были деньги—солдаты стояли ¹⁾. А нынче нороятъ уже больше въ кредитъ... Оскудѣлъ народъ, нѣтъ вовсе серебра въ краѣ, а натурой отсюда что увезешь? Страна неустроенная, все тутъ — привозное, ничего своего...

И въ этихъ немногихъ словахъ сказался ясный взглядъ этихъ полудикарей на бѣдственное положеніе южной Джунгаріи и на ея матеріальную зависимость отъ сосѣдей. Дѣйствительно, единственно чѣмъ можетъ еще въ настоящее время гордиться эта страна,—это производствомъ высшихъ сортовъ опія. Но, увы, она же является и первой потребительницей его ²⁾, такъ что даже ежегодный ввозъ сюда гансуйскаго опія едва ли съ годами можетъ много уменьшиться...

— Ну, а что, много отъ васъ перепадаетъ китайскимъ властямъ?

— Нѣтъ, пока что—Богъ милуетъ. Мы круглый годъ вѣдь въ горахъ, не живемъ у нихъ на глазахъ. Ну, а если ужъ дѣло какое, тогда безъ этого какъ же и быть?!

На этомъ бесѣда оборвалась. Гдѣ-то по близости послышался выстрѣлъ, необыкновенно гулко пронесшійся по ущелью, покатился откуда-то щебень, и минуту спустя изъ-за сосѣдней скалы появилось сияющее лицо Комарова.

— Орлятъ подстрѣлили, ваше благородіе, еще трепехаются.

Оказались—оперившимися птенцами *Nesaeus minutus* Brehm. Занявшись птицами, мы и не замѣтили, какъ киргизы одинъ по одному разбрелись кто куда.

Между тѣмъ, едва псобѣдали, стало темнѣть. До заката, разумѣется, еще далеко, но въ ущельяхъ ужъ сумерки. Тѣни выросли, и на противоположныхъ скалахъ, все выше и выше, стали подыматься золотой поясъ свѣта... Засвѣтились наконецъ одни только шпиль, но и они вскорѣ погасли. Въ нашей ямѣ стало вдругъ и сыро и какъ-то совсѣмъ неуютно. Засвѣтились огни, и вблизи ихъ мракъ точно еще больше сгустился.

— Ташбалга, Григорій, собирайтесь—пора!..

И вотъ, съ фонаремъ и сѣтками, втроемъ, направились мы на обычный ночной ловъ внизъ по ущелью. Холодно, однако, и къ тому же роса: въ густой травѣ сапоги живо намокли...

— Нѣтъ, тутъ ничего не поймаетъ; идемъ къ осыпямъ.

И хоть ничего не было видно, но мы кое-какъ всежъ таки продрались сквозь кусты, по камнямъ перебравшись черезъ ручеекъ

¹⁾ Во время занятія китайцами Джунгаріи и позже, до 1887 года, когда китайское правительство стало сокращать число войскъ, расположенныхъ въ Си-цзянской провинціи.

²⁾ Въ Джунгаріи курятъ опій даже малыя дѣти. Ужасно!

Ганьгу и полѣзли на осыпь. Но и тамъ—ничего. Раза два пролетала надъ головами какая-то бабочка и уже болѣе не попадала въ полосу свѣта. А между тѣмъ совсѣмъ ужъ стемнѣло. У насъ подъ ногами разстилалась теперь уже одна сплошная черная щель, въ глубинѣ которой не было возможности ничего разобрать; даже и та луговина, на которой стояли мы бивуакомъ, слилась теперь въ нѣчто неопредѣленное и безформенное съ окружающимъ ее лѣсомъ и скалами... Огни на ней тоже погасли. Стало быть, поздно... Пора!

Мы стали спускаться. Подошли и къ ручью.

— Да посвѣти же, Ташбалта!

— Сюда, сюда, хозя'нъ!..

Онъ указаль мнѣ, вѣроятно, на камень, но я промахнулся и попалъ въ воду. Ташбалта сдѣлаль какое-то неловкое движеніе, и фонарь погасъ.

— Спичка, хозя'нъ, баръ?

Но спичекъ не оказалось, и мы уже ощупью продолжали свой путь. Когда проходили среди табуна, лошади фыркнули и шарахнулись въ сторону. Но собаки узнали и стали шумно выражать свою радость. Еще нѣсколько шаговъ, и мы чуть не наткнулись на юрты. У насъ еще свѣтился огонь: братъ заканчиваль нанесеніе съемки, а Матвѣй увертываль препарированныхъ птицъ.

— Билетики бы, ваше благородіе, къ птичкамъ.

Я написаль, и Матвѣй удалился.

— Ну, что, какъ твои бабочки?

— Да опять ничего. Были на осыпяхъ...

— Видѣль...

Минуть пять спустя, нашъ бивуакъ уже спалъ, и только дежурный казакъ мурлыкаль про себя какую-то пѣсенку въ ожиданіи скорой смѣны...

Сейчасъ же съ мѣста нашей стоянки дорога пошла густымъ лѣсомъ: ель и осина. Густой подлѣсокъ и буреломъ совершенно загоразивали мѣстами дорогу, и намъ не мало пришлось повозиться, прежде чѣмъ выбратъся опять на луга. Зато, переправившись на правый берегъ Ганьгу, мы вздохнули свободнѣе: мы очутились на разработанной китайцами вьючной тропѣ... Всюду лежалъ здѣсь, сложенный въ клѣтки и стѣнки, сырцовый кирпичъ. Куда везуть и почему онъ здѣсь сложенъ?

— Кумирни богамъ своимъ строятъ, вотъ и везуть... А старыя, которыя и были, всѣ разорили дунгане...

Однако, подъемъ все круче и круче. Роскошнѣйшій лугъ внизу, осыпи сверху и по краю послѣднихъ вьется тропа.

Въ камняхъ слышался клохтъ уларовъ (*Tetraogallus himalayensis* Gray). Вотъ, кабы ихъ подстрѣлить!.. И наши охотники

съ разныхъ сторонъ полѣзли на осыпь, но полчаса спустя уже вернулись и, разумѣется, съ пустыми руками.

— А что же ваши уллары?

— Были бы наши, да улетѣли...

А между тѣмъ мы уже успѣли подняться на переваль и спуститься въ широкую и поэтическую долину рѣки Ши-ма-гу. Подъ могучими столѣтними тополями, среди которыхъ по каменистому ложу разбросалась отдѣльными рукавами рѣка, стоялъ опять кошъ.

— Киргизы?

— Да, кирей.

Здѣсь мы застали только подростка, который поспѣшилъ предложить намъ по чашкѣ айрана ¹⁾. Я, однако, не останавливался: было не до разспросовъ.

Все величественнѣе становились горы, и чѣмъ дальше, тѣмъ живописнѣе мѣстность. Съ каждаго холма рисовалась новая панорама, каждый поворотъ обѣщалъ иное сочетаніе скалъ, луговъ и еловаго лѣса, которые чередовались съ такимъ разнообразіемъ, представляли такія чудныя комбинаціи красокъ и формъ, что положительно я не зналъ, куда смотрѣть, чѣмъ любоваться. И въ то же время меня неудержимо что-то тянуло впередъ, точно сердце предчувствовало, что нѣчто лучшее еще впереди, и что это «подножіе Божьяго трона», дѣйствительно, дивный калейдоскопъ чудныхъ перспективъ и ландшафтовъ.

Мы миновали долину, днище и противоположные скаты которой покрыты были на корню высохшимъ лѣсомъ. Какія причины вызвали образованіе такихъ громаднхъ площадей сухостоя? Неужели пожаръ, и если да, то давно ли? Спросить было не у кого. Вбираемся все выше и выше. И вотъ, наконецъ, переваль...

Внизу, на страшной глубинѣ, озеро, дивнаго бирюзоваго цвѣта. Гигантскія скалы кругомъ. Надъ ними—трехглавый Богдо.

Такъ вотъ оно гдѣ, это священное озеро, воды котораго нѣкогда покрыли останки ста тысячъ святыхъ! Такъ вотъ почему китайцы даютъ такое поэтическое названіе этимъ горамъ ²⁾, а изображеніе всѣхъ окрестныхъ народовъ населило ихъ своими богами!..³⁾

Вся Средняя Азія не имѣетъ уголка болѣе живописнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе таинственнаго и величаваго. Гигантская гора, «подпирающая, по китайскому выраженію, облака и заслоняющая собою луну и солнце ⁴⁾» и видная изъ пяти городовъ, но всего

¹⁾ «Айравъ» — квашенное молоко.

²⁾ Они ихъ называютъ «Линъ-шань» — «чудотворными горами», и «Фу-шеу-шань» — «горами счастья и долголѣтія» (Гакинъ. «Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана», стр. 101).

³⁾ Тюркское названіе Богдо-ола — «Топатаръ аудіэ», то-есть, горы «многихъ святыхъ».

⁴⁾ Гакинъ, *ibid.*, стр. 92.

Моренное озеро у подошвы Богдо-ола.

лучше изъ Центральной Джунгаріи, откуда она, дѣйствительно, кажется «трономъ» или, если хотите, усѣченнымъ конусомъ, совершенно неестественно-высоко приподнявшимся изъ-за громады снѣговыхъ горъ, вся она теперь тутъ, передъ нами, не заслоненная вовсе предгоріями... Подошву ея обмываютъ воды озера бирюзоваго цвѣта, берега котораго—дикія скалы, поросшія лѣсомъ, и выше ихъ съ нашей стороны изумрудныя поляны и еловые рощи, напротивъ—осыпи пестраго камня. И все это, наконецъ, въ узкихъ рамкахъ торчащихъ кругомъ горныхъ вершинъ, которыя только на сѣверѣ разсѣкаются одною дикою и узкою щелью рѣки Хайдаджана. Какое таинственное и дивное мѣсто! И это гдѣ же? Въ сердцѣ Гобійской пустыни, которая двумя широкими рукавами охватила этотъ еще невѣдомый европейцамъ «Парнасъ» тюркскихъ и монгольскихъ народовъ...

Дорожка бѣжитъ высоко надъ западнымъ берегомъ озера. Мы, то и дѣло, то круто взбираемся на откосъ, то спускаемся въ логъ. Чудные луга, залитые моремъ цвѣтовъ (*Ziziphora*, *Geranium* и др.), еловые рощи, скалы, разбросанныя по сторонамъ, то полуразрушенныя, то строящіяся кумирни, караваны муловъ, везущихъ либо кирпичъ, либо лѣсъ, либо, наконецъ, громадные глиняные кувшины съ водой, китайцы-работчіе и монахи—все это, то и дѣло, мелькаетъ и вправо и влѣво отъ насъ. На насъ смотрятъ съ удивленіемъ, мы тоже озираемся по сторонамъ и все боимся чего нибудь не пропустить, чего нибудь не досмотрѣть въ этомъ чудномъ уголкѣ Божьяго міра...

— Вотъ гдѣ постоять бы!

— Да, да, разумѣется... Надо только выбрать получше мѣстечко.

— Да чего выбирать! Здѣсь вездѣ хорошо... вотъ, хоть у озера!

Но озеро все еще далеко отъ насъ, а дорожка юлить по отрогамъ, и то спустится внизъ, то взбѣжитъ снова на верхъ. Наконецъ, вынырнувъ въ послѣдній разъ изъ еловаго перелѣска, дѣлаетъ крутой поворотъ и еще круче спускается книзу... Озеро!

Едва развьючились, къ намъ явилась депутація отъ монаховъ.

— Здѣсь нельзя стоять!

— Почему нельзя?

— Озеро это священное... Богъ Та-мо-фу, что обыкновенно сидитъ въ ледяныхъ чертогахъ своихъ, сходитъ иногда сюда показаться, и тогда все озеро сверкаетъ огнями...

— Любопытно... и вы видѣли эти огни?

— Видѣли ихъ святые люди—подвижники, постники; а изъ насъ ихъ никто не видалъ.

— И мы, вѣроятно, ихъ не увидимъ.

Такой оборотъ рѣчи, очевидно, не нравился почтеннымъ слушателямъ Та-мо-фу. Они начинали сердиться...

— Здѣсь, слышите ли, нельзя пасти скоть, нельзя охотиться, нельзя рубить лѣсъ. Мѣсто это священное; всѣ твари, населяющія его, принадлежатъ Та-мо-фу. Онъ разсердится, если ихъ стануть избивать, ихъ луга топтать, ихъ лѣса рубить. Выстрѣлы изъ ружья и ударъ топора нарушатъ покой, который здѣсь царствуетъ искони. Онѣ призовутъ на васъ божій гнѣвъ, и тогда вы погибли...

— А кому же принадлежатъ мулы, разгуливающіе вонъ тамъ, на лугу?

— Фанъ-тэ'ю ¹⁾).

— Почему же вы ихъ отсюда не гоните? Они вѣдь топчутъ луга.

— Мы не смѣемъ.

— А какъ же вы смѣете рубить здѣсь лѣса?... Мы встрѣчали всюду порубки.

— Это не мы, а солдаты.

— А ихъ отчего вы не гоните?

— А какъ же ихъ гнать?

— А такъ же, какъ теперь вы гоните насъ.

— Но вѣдь они не по своей охотѣ... лѣсъ нуженъ для строящихся кумирень!..

— Вотъ сказали! да развѣ его нельзя привезти изъ-за горъ? Кирпичъ вѣдь везете...

Монахи переглянулись.

— Мы еще разъ повторяемъ свое требованіе: уходите отсюда!

— А если мы не уйдемъ?..

— Мы въ васъ прикажемъ стрѣлять...

— А, если такъ, то вотъ что, монахи! Мы здѣсь останемся, а для того, чтобы обезпечить себя отъ случайностей... Казаки! Комаровъ, Глаголевъ! скрутить этому господину руки за спину, да пусть посидитъ у насъ подольше въ гостяхъ!..

Это подѣйствовало: монахи бѣжали, главарь ихъ смирился и потомъ за все наше двухнедѣльное здѣсь пребываніе былъ даже нашимъ лучшимъ пріателемъ. Его товарищи натащили картофеля, редиски, луку и другихъ овощей, мы одарили ихъ всѣхъ нѣсколькими аршинами синей китайки, и миръ съ ними былъ заключенъ навсегда. Они даже впослѣдствіи пренаивно сознались, что надѣялись сорвать съ насъ приличный кушъ въ пользу кумирни: «вѣдь бѣдняга Та-мо-фу не имѣетъ пока даже приличной одежды!»...

Но если китайцы и отнеслись къ намъ добродушно, то богъ Та-мо-фу къ нарушителямъ его покоя отнесся иначе: онъ не посылалъ намъ удачи ни въ чемъ и вскорѣ достигъ таки своего, выжилъ насъ изъ своей прекрасной обители!

¹⁾ Фанъ-тэ—предсѣдатель казенной палаты. Въ 1889—1890 гг. эту должность занималъ сановникъ Вэй-гуанъ-дао, остававшійся за губернатора (Сюнъ-фу). Съ его вѣдома мы и посѣтили горную группу Богдо-ола.

Начну по порядку.

Монахи, между прочимъ, намъ говорили, что еще въ древности богъ Та-мо-фу, спустившись съ престола, начерталъ на одной изъ скалъ, съ юго-востока окаймляющихъ озеро, такія слова: «Люди! молитесь мнѣ здѣсь, ибо мѣсто это, какъ ближайшее къ небу, избрано мною». Но никто не могъ прочесть этой надписи, пока не выискался, наконецъ, одинъ почтенный старикъ... Существуетъ ли и поднесъ эта надпись, не знаемъ: лодокъ здѣсь вѣтъ, а берегомъ до скалы не добраться...

Но мы попытались. Въ самомъ дѣлѣ это могъ быть любопытный документъ-остатокъ хотя бы того «варварскаго» письма, о которомъ говорятъ китайскія лѣтописи V вѣка ¹⁾. Къ тому же все равно намъ предстояло посѣтить южный берегъ этого озера: я хотѣлъ отыскать болѣе или менѣе ясные слѣды ледниковъ, брату необходимо было ставить вѣху для того, чтобы тригонометрически опредѣлить относительную высоту хотя бы крайняго и изъ трехъ самага невысокаго пика Богдо. Два дня мы употребили на поиски, исходили весь южный берегъ, осмотрѣли всѣ скалы и надписи не нашли!

Это была первая неудача. Затѣмъ дальше. Мы ежедневно охотились, но всегда какъ-то несчастливо... Подстрѣлишь птицу, упадетъ, не отыщешь въ травѣ или кустахъ, а найдешь какъ нарочно такую, которой весь зарядъ угодилъ въ голову или вышибъ много пера... Неоднократно слышали ревъ мараловъ, видѣли нерѣдко косуль (*Capreolus capreolus*), стрѣляли и не убили. Предпринимали специально охоту на улларовъ, и тоже безъ результатовъ. Въ мѣрѣ насѣкомыхъ опять таки ничего новаго и интереснаго, а какъ надѣялись здѣсь что нибудь встрѣтить! Думали наконецъ: вотъ постоимъ, лошадей выправимъ. Но надежды и тутъ не осуществились: запретный кормъ не въ прокъ, видно, пошелъ нашимъ животнымъ! Къ тому же одна изъ нихъ обезножила, напоровшись копытомъ на низко срубленный ргай (*cotoneaster*), у другой спинной хребтъ разыгрался въ серьезную рану. Но самымъ памятнымъ событiемъ было вынужденное бѣгство наше съ подножiя «Божьяго трона». Еще хорошо, что все обошлось совершенно благополучно, и что мы отдѣлались только тѣмъ, что измокли да выпачкались въ грязи... Вотъ какъ происходило все дѣло.

Надо было опредѣлить высоту снѣговой линiи, собрать образчики горныхъ породъ, слагающихъ горную группу и образцы флоры и фауны, снять фотографiи, однимъ словомъ хотя бы въ общихъ чертахъ познакомиться съ альпiйской зоной хребта. День

¹⁾ Иакинвъ, «Собрание свѣдѣнiй о народахъ Средней Азiи». III. (Гаочанъ); В. Григорьевъ, «Восточный или Китайскiй Туркестанъ», 1873 года. стр. 100—101, 345.

Старая кумирня на берегу озера.

былъ прекрасный. Небо безоблачное. Съ одной выючной лошадыю мы всемеромъ живо добрались до перевала въ долину рѣки Шима-гу, но тутъ тропинка оборвалась, и началось карабканье по гребню одного изъ отроговъ хребта.

Надо отдать полную справедливость Та-мо-фу: умѣло выбралъ онъ свое сѣдалище и крѣпко защитилъ снѣговые чертоги свои отъ любопытныхъ взоровъ людей.

— Гассанъ-бай¹⁾, да вѣдь это развѣ дорога? Не понимаешь?.. Шайтанъ, шайтанъ-юль! Чертова лѣстница, а не дорога!..

— Ага, шайтанъ-юль!..—глуповато размѣялся Гассанъ и полѣзъ дальше.

Мы уже давно спѣшились и волокли за собой лошадей, которыя прыжками взбираясь на камни, то и дѣло грозили сбить насъ головой или грудью съ обрыва. Круча невѣроятная. Каменные плиты, скользкія и гладкія, на которыхъ не знаешь какъ и держаться. Или и хуже того—карнизы столь узкіе, что мы не переставали все время трепетать за нашего гнѣдка, завьюченного по верхъ кошемъ мѣшками съ провизіей и кое-какими вещами. Отдыхали только въ тѣхъ мѣстахъ гребня, куда добѣгалъ ельникъ; но и тутъ съ лошадьми была бѣда: вывороченныя каряги, низко растущія вѣтви, каменные глыбы—все это были такія препятствія, которыя не легко обходились.

Озеро, которое виднѣлось однимъ своимъ южнымъ концомъ, казалось намъ на недосыгаемой глубинѣ. Въ самомъ дѣлѣ мы уже поднялись надъ его уровнемъ на высоту 3.500 футъ, цѣлой версты по вертикалу! Въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, въ которыхъ оно было заключено, оно представлялось отсюда лазуревой каплей на днѣ глубочайшаго каменнаго сосуда. Странное, единственное въ своемъ родѣ зрѣлище! Гигантскія прибрежныя скалы казались намъ отсюда ничтожными валунами и частью на столько теряли свои очертанія, что сливались съ болѣе высокимъ ярусомъ горъ; еловые лѣса мелькали на нихъ темными пятнами, отдѣльные же предметы всебѣмъ исчезали въ той полупрозрачной мглѣ, которая сѣрватою дымкой охватывала низы... И поверхъ всего этого громадный голубой куполъ неба, и на всемъ снопы лучей, рѣзкіе контрасты свѣта и тѣни!

Но намъ было некогда останавливаться на этихъ подробностяхъ эффектной картины: мы спѣшили впередъ... Кое-какъ вскарабкавшись на барьеръ, сложенный изъ вертикально торчащихъ сланцевыхъ плитъ, мы очутились по ту сторону гребня и сразу совер-

¹⁾ Бай—значить «богачъ». Мы такъ въ шутку называли оборванца Гассана, новаго слугу нашего, вятаго въ Урумчи. Титуловали его также «ахунгомъ». Онъ сдѣлалъ съ нами всю экспедицію и оказался предостойнѣйшимъ человекомъ.

шенно въ иной обстановкѣ: о пропастяхъ и карнизахъ нѣтъ и помина, впереди только луговья покатоcти, перерѣзанныя глубокими ложбинами, и обычный альпійскій ландшафтъ съ его островками оголенной топкой земли—«плѣщинами», какъ обыкновенно ихъ называютъ, съ его безчисленными тропами, опоясывающими холмы и бугры и уму непостижимо кѣмъ здѣсь проложенными, рѣдкими цвѣтами и все залопонившимъ кипцомъ. Здѣсь мы уже снова сѣли на лошадей и рысью погнали впередъ.

Нѣсколько верстъ такой мѣстности послѣ всего нами видѣннаго показались намъ монотонными, и мы оживились только тогда, когда впереди показались снова утесы, глубокия пади, лѣса и далекая панорама горъ и долинъ, по которымъ тонкими струйками неслись рѣчки—притоки вышеупоминавшейся Ши-ма-гу. Проѣхавъ еще нѣсколько верстъ и то спускаясь въ глубокіе лога, то подымаясь на гребни, мы достигли, наконецъ, какого-то бурнаго ручейка, на берегу котораго, по предложенію Гассана, и разбили свой бивуакъ, вѣрнѣе сказать, разостлали кошму и разложили на ней тѣ не многія вещи, что захватили съ собою. День окончили: братъ за препарировкой птицъ для коллекціи (*Fringilla montifringilla* L., *Motacilla personata* Gould и *Tetraogallus himalayensis* Gray), я за укладкой чепуекрылыхъ, наловленныхъ днемъ, и за ловлей ночницъ.

Ночь провели скверно: мелкій дождь, туманъ и сырость, а надъ нами одинъ только покровъ — хмурое небо! Проснувшись рано и согрѣвшись за чаемъ, мы стали собираться въ дорогу.

Кто былъ въ горахъ, кто поднимался поясомъ осыпей до линіи вѣчнаго снѣга, тотъ, безъ сомнѣнія, уже знаетъ, что за адская дорога намъ предстояла. Всего лучше, разумѣется, было бы намъ подыматься плѣшкомъ. Но подобное предпріятіе въ данномъ случаѣ было не выполнимо уже потому, что по приблизительному расчету въ оба конца не могло быть менѣе двадцати верстъ; къ тому же пришлось бы нагрузить себя всевозможными вещами, начиная съ гипсометра и бусоли и кончая ружьями и фотографіей; да и ходьба на абсолютной высотѣ въ 11.000—12.000 футовъ сама по себѣ уже не легка... И вотъ мы верхомъ и снова въ пути.

Долина шириной сажень въ сто-полтораcта. Крутые скаты по направленію къ серединѣ, гдѣ среди валуновъ пѣнится бурный потокъ. То мокрый лугъ, на которомъ лошадь вязнетъ на каждомъ шагу, то осыпь, подъ которою журчитъ незримый ручей. Бурые осколки метаморфическихъ сланцевъ навалены горами; наступишь на одинъ, и всѣ сосѣди приходятъ въ движеніе, грозя вамъ своимъ зловѣщимъ шуршаніемъ. Лошадь пугается, изощрается однимъ махомъ перескочить черезъ подобный барьеръ, но, сдерживаемая уздой, горячится и безъ толку топчется на одномъ мѣстѣ, рискуя ежеминутно сломать себѣ ногу. Тягостная ѣзда!

Впечатлѣніе, производимое такими барьерами — точно это моренны. Но, нѣтъ, вы можете прослѣдить эти гряды обломковъ до самыхъ гребней; ясно, что атмосферные агенты дѣйствовали здѣсь болѣе энергично, чѣмъ въ другихъ участкахъ тѣхъ же сланцевыхъ скалъ, и образовали эти странныя осыпи. Чѣмъ дальше, однако, тѣмъ осыпей больше, и, наконецъ, онѣ выростають въ такія высокія гряды, что нечего и думать перелѣзать черезъ нихъ съ лошадьми... Но и у ихъ подошвы оставить лошадей совершенно нельзя: здѣсь какая-то топь — глинистая, рыхлая почва, еле прикрытая кое-какими растеніями, отовсюду струящаяся вода... И вотъ мы раздѣлились: съ братомъ и казакомъ Колотовкинымъ мы отправились дальше, а остальныхъ послали на низъ.

Перешагнувъ черезъ каменный валъ, мы очутились въ настоящемъ царствѣ смерти и разрушенія: кое-гдѣ среди камней виднѣлись еще лишай, но, кромѣ нихъ, ничего. Даже улары клохтали гдѣ-то ниже и въ сторонѣ... Представьте же себѣ изумленіе наше, когда вдругъ Колотовкинъ воскликнулъ:

— Капуста!

— Какая капуста? Въ умѣ ли ты, Колотовкинъ?

Смѣется.

— Такъ точно! только вотъ достать не могу...

Что за диво?! И какъ ни трудно было среди громадныхъ каменныхъ глыбъ добираться до Колотовкина, но добрались и въ расщелинѣ между камней дѣйствительно увидали если и не капусту, то нѣчто дѣйствительно странное: громадное растеніе, растущее на подобіе этой послѣдней. Ничего сколько нибудь схожаго съ нимъ мы никогда и нигдѣ не встрѣчали...

— Какъ бы достать?!

— Я и то думалъ, какъ бы достать... да неспособно. Ишь щепень какой—крутизна!

Стали осматриваться и увидали такую же капусту и выше, и ниже въ камняхъ. Добравшись до первой, еще болѣе изумились: на цвѣткѣ, забравшись между громадными наружными желтоватобѣлыми лепестками и крупнымъ колючимъ соцвѣтіемъ, сидѣла ночница, очевидно, нѣчто новое, замѣчательное ¹⁾...

Собравъ съ цвѣтовъ еще нѣсколько экземпляровъ этой ночницы, мы полѣзли впередъ. Подобное лазанье по осыпямъ не представляетъ рѣшительно ничего соблазнительнаго: это тяжелый и рискованный трудъ, на который побудить можетъ только необходимость. Выше насъ крупный щепень и громадныя глыбы въ нѣсколько пудовъ вѣса, по сторонамъ и ниже все то же. И конца, кажется, нѣтъ такому подъему... Къ тому же большинство этихъ глыбъ еле держится и только и ждетъ какого нибудь толчка, чтобы съ гро-

¹⁾ Она, дѣйствительно, является представительницей новаго рода.

хотомъ скатиться на низъ и увлечь васъ за собой. И вотъ вы въ постоянномъ страхѣ, что дадите этотъ толчекъ. Вы шагаете неуверенно и при каждомъ шагѣ прежде, чѣмъ утвердить ногу, стараетесь ощупать подъ собой почву. Но все зыбко, все движется, все точно живетъ у васъ подъ ногами... Неприятно. А тутъ вдобавокъ еще и руки заняты всякой всячиной, и, между прочимъ, также и этой капустой.

Но вотъ, наконецъ, гребень! Дальше некуда лѣзть: площадка и снѣгъ.

Но отыскать слѣды стараго, слоистаго снѣга оказалось вовсе не такъ-то легко. Когда же на немъ мы стали кипятить воду, то оказалось, что мы стоимъ на высотѣ, равной 12.080 футамъ надъ уровнемъ моря.

Еще нѣсколько шаговъ, и предъ нами предсталъ трехглавый Богдо.

Мы были разочарованы: мы увидали передъ собой три занесенные снѣгомъ конуса, не поразившіе нашего воображенія ни своими размѣрами, ни относительной высотой... Величавый образъ горнаго колосса исчезъ, и на его мѣстѣ мы увидали ничѣмъ особенно не выдающуюся горную группу. Странное противорѣчіе съ тѣмъ, что мы видѣли снизу, изъ Южной Джунгаріи...

Размышленія наши внезапно прерваны были возгласомъ Колотовкина:

— Ваши благородія, надо спѣшить... Смотрите, какая туча съ запада лѣзетъ.

Оглянулись и, не теряя минуты, стали спускаться. Внизу насъ уже поджидали казаки, которыхъ тоже не мало беспокоило небо. Но, слава Богу, дождемъ только вспрыснуло, и мы добрались уже до нашей стоянки, когда солнце снова выкатилось изъ-за тучъ на синій просторъ...

Пора спать. Но едва я закутался въ одѣяло, какъ на подушку упала первая капля дождя. Я и на подушку натянулъ одѣяло. Но дождь усиливался, и, наконецъ, разразилась гроза. Я вскочилъ въ одномъ бѣльѣ, живо накинулъ на себя полушубокъ и досталъ запасный войлокъ, изъ котораго и устроилъ родъ шатра надъ собой. Но сравнительно благоденствовалъ очень недолго. Вдругъ вспомнилъ: а бусоль, а фотографическій аппаратъ, а папка съ растеніями? Вѣдь всѣ эти вещи и были накрыты кошмой! Полѣзъ за ними, забралъ къ себѣ все, за исключеніемъ папки, которой какъ ни искалъ, не нашель... А между тѣмъ я уже вымокъ, подъ постель стала также набираться вода. Дождь не переставалъ. Раскаты грома и молніи чуть не ежесекундно... Ахъ, чортъ! Я хотѣлъ было вытянуть ногу, но попалъ въ какую-то лужу: оказалось, что мой шатеръ не покрывалъ постель цѣликомъ, и теперь вся вода съ него

собралась въ складкахъ подстилки и одѣяла. Наконецъ, я надумалъ. Съ грѣхомъ пополамъ надѣлъ на себя чембары¹⁾ и шведскую куртку, натянулъ сапоги, свернулъ свою постель, укутавъ въ нее предварительно инструменты, накрылъ все это войлокомъ, самъ же побрелъ къ казакамъ, которые еще наканунѣ изъ сучьевъ лозы и своихъ шинелей устроили себѣ балаганъ. Но въ немъ было тѣсно. Вдобавокъ не хотѣлось будить людей, и я пристроился кое-какъ на корточкахъ въ уголку.

Но, Боже, какъ долго тянется ночь! Сколько ни выглядывай— темно и темно! И дождь не перестаетъ...

Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ поднялись, едва забрезжилось утро.

— Стоимъ, что ли, здѣсь или ѣхать?

— Разумѣется, ѣхать!

— А какъ насчетъ чая, грѣть что ли прикажете?

Но предложившій вопросъ посмотрѣлъ на всѣхъ насъ, на себя, на нашу лужайку, превратившуюся чуть не въ болото, и на сумрачное небо, не перестававшее поливать насъ дождемъ, и сконфузился.

— А коли такъ, такъ и безъ чая доберемся до озера!

— Да, доберемся! Но какво теперь добираться! Луга, очевидно, обратились чуть не въ трясину, камни стали теперь болѣе скользки, глина размякла...

— Ну, посмотримъ... А тутъ тоже что за радость стоять?

Мы поѣхали. Мы скользили, падали, вымокли до послѣдней нитки, вымарались въ грязи до послѣдней степени, но, наконецъ, все же благополучно добрались до перевала на озеро... А дома, наѣввшись и обсушившись и вспоминая пережитое, много смѣялись надъ различными, теперь уже только забавными, эпизодами какъ этой ночи, такъ и нашего поспѣшнаго бѣгства съ «Чудотворной горы». Объ одномъ искренне сожалѣли: «капуста» пропала²⁾...

Въ заключеніе нѣсколько словъ какъ о самомъ озерѣ, такъ и объ его окрестностяхъ. Озеро лежитъ на абсолютной высотѣ, равной 6.516 футамъ, и принадлежитъ къ типу моренныхъ озеръ. Глубина его, вѣроятно, очень значительна, берега круты. Оно доступно только на югѣ, гдѣ принимаетъ въ себя рѣчку, выбѣгающую изъ-подъ снѣговъ Богдо-ола, и на сѣверѣ, гдѣ ограждающая его древняя моренна незначительно подымается надъ его уровнемъ.

¹⁾ Такъ въ Туркестанѣ называютъ штаны изъ козловой или бараньей дубленки.

²⁾ У насъ сохранилась, однако, прекрасная фотографія этого удивительнаго растенія.

Рыбы въ немъ нѣтъ. Водяная птица тоже не держится. Убили только, вѣроятно, совершенно случайно сюда залетѣвшихъ *Querquedula circia* L. и *Tringoides hipoleucus* L.

Морейна сложена изъ громадныхъ валуновъ и въ настоящее время представляетъ изъ себя громадный каменный валъ, заросшій кустарникомъ и прекрасными травами. Озерная вода, вѣроятно, просачивается гдѣ нибудь между камней, потому что съ полверсты дальше, непосредственно подъ моренной, выбивается нѣсколько значительныхъ ключей, которые, сливаясь, и образуютъ рѣку Хайдаджанъ. Рядомъ съ этимъ озеромъ есть еще два, но эти совершенно ничтожны. Какихъ нибудь иныхъ слѣдовъ существованія здѣсь въ давнопрошедшія времена ледниковъ мы не нашли.

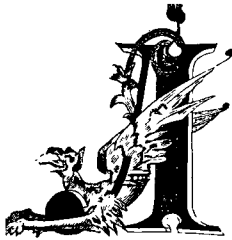
Что же касается до геологическаго строенія горъ, то въ общихъ чертахъ оно таково. Главный массивъ Богдо-ола состоитъ изъ древнихъ метаморфическихъ сланцевъ, изъ коихъ преобладаетъ кремнистый съ выдѣленіемъ роговика и кварцита; у озера выступаютъ глинистые сланцы (метаморфическіе), которые ниже становятся преобладающими; къ нимъ прислоняются красныя глины, образуя боковые уступы поперечныхъ Хайдаджану долинъ; но затѣмъ онѣ пропадають и смѣняются желтымъ глинистымъ песчаникомъ и дальше темными, почти даже черными филлитами, отъ которыхъ очень контрастно отдѣляются своими рѣзкими и яркими (желтыми и кирпично-красными) цвѣтами глинистые сланцы. Здѣсь горы уже замѣтно понижаются. Ель вполне исчезаетъ, появляется чій. Конгломераты и примазки новѣйшихъ образованій совершенно маскируютъ основныя породы, и только недалеко отъ выхода рѣчки въ пустыню вновь попадаются плотные песчаники, въ которыхъ вода въ свое время успѣла выдолбить прекрасно отполированныя гнѣзда и трубы. Затѣмъ ничего, кромѣ аллювіальныхъ наносовъ, мы уже не встрѣчали.

Г. Грумъ-Гржимайло.

ЛЮДИ СТАРАГО ВРЕМЕНИ.

ЛЮДИ, О КОТОРЫХЪ я хочу рассказать, ничѣмъ особеннымъ изъ средняго уровня не выдѣлялись, звѣздъ съ неба не хватали и всю свою жизнь не выходили изъ разряда скромной посредственности; но каждый изъ нихъ носилъ типическія черты своего времени, а потому, мнѣ кажется, рассказъ мой прочтется нѣкоторыми не безъ интереса.

I.

В. И. Любичъ-Романовичъ.

Есть счастливые люди, каждый взглядъ, движеніе, улыбка которыхъ проникнуты такимъ добродушіемъ и мягкостью, что съ перваго раза невольно привлекаютъ сердце собесѣдника. Такимъ счастливымъ человѣкомъ былъ, скончавшійся зимою 1888 года, пріятель Гоголя и Пушкина, плодовитый, но мало извѣстный поэтъ, Василій Игнатьевичъ Любичъ-Романовичъ.

Я собственно мало зналъ его и все, что намѣренъ рассказать, расскажу со словъ моего отца, который познакомился съ Василіемъ Игнатьевичемъ въ 1881 году и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Въ этомъ году, въ Петербургѣ основалось литературное общество, подъ названіемъ «Пушкинское собраніе», имѣвшее своей задачей «поощреніе молодыхъ талантовъ и борьбу противъ возникающаго въ литературѣ псевдо-реалистическаго направленія». Инициаторамъ этого общества, какимъ-то неизвѣстнымъ міру жид-

камъ, наполнявшимъ своими писаніями маленькій, иллюстрированныйъ журнальчикъ «Неву», собственно не было никакого дѣла ни до «начинающихъ талантовъ», ни до «реалистическаго направленія»; вся дѣятельность ихъ, съ начала до конца, велась съ строго-опредѣленной цѣлью: возможно болѣе пожитья насчетъ довѣрчивыхъ людей. Такіе довѣрчивые люди скоро нашлись и между ними попались мой отецъ, выбранный сейчасъ же въ предсѣдателя, и В. И. Любичъ-Романовичъ.

Разумѣется, почти съ перваго же дня въ «Пушкинскомъ собраніи» начались распри и раздоры, потому что стала всплывать наружу вся гнилость и нераціональность самыхъ основъ его; а черезъ годъ общество, на процвѣтаніе котораго пошла не одна тысяча, выхваченная изъ кармановъ наивныхъ людей, и совсѣмъ лопнуло, а инициаторы его ловко скрылись изъ Петербурга.

Когда происходили всѣ эти событія, Василию Игнатьевичу было уже подъ восемьдесятъ лѣтъ; но трудно представить, до чего былъ онъ еще бодрый, живой и отзывчивый старикъ. «Пушкинское собраніе» поглощало всю его жизнь и интересы. Онъ дѣлалъ все, что былъ въ силахъ сдѣлать для новаго общества, и разсмѣялся бы въ лицо тому, кто выразилъ бы при немъ сомнѣніе въ рыцарской честности и благородствѣ инициаторовъ «Собранія». Когда начались раздоры, никто такъ не принималъ близко къ сердцу ихъ, какъ Василій Игнатьевичъ. Каждый новый инцидентъ въ обществѣ ознаменовывался для него цѣлымъ рядомъ нравственныхъ страданій. Онъ хлопоталъ, волновался, подавалъ отдѣльныя мнѣнія, писалъ письма съ цѣлью выяснитъ всѣ недоразумѣнія... Вообще это былъ самый безкорыстный, дѣятельный и наивный членъ «Пушкинскаго собранія», всею душой преданный новому дѣлу и совсѣмъ не видѣвшій дѣйствительности. Онъ только тогда прозрѣлъ, когда разразился ударъ, т. е. закрылось «Собраніе». Это было крайне тяжелымъ событіемъ для Любича, стоившимъ ему очень дорого и нравственно и матеріально.

Такимъ отзывчивымъ Любичъ всегда являлся и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно было кому нибудь помочь, словомъ и дѣломъ. Онъ забывалъ тогда свои собственныя дѣла и весь отдавался во власть нуждающихся въ немъ. Многіе глумились надъ слабостями Василья Игнатьевича (о нихъ я поговорю далѣе), но при надобности первые же обращались къ нему, и онъ никогда никому не отказывалъ ни въ деньгахъ (часто безъ отдачи) ни въ совѣтахъ.

Когда Гоголь ¹⁾ въ послѣдніе годы своей жизни, мучимый суетностью и гордыней, впалъ въ фальшиво-смиранный тонъ и

¹⁾ Любичъ-Романовичъ учился вмѣстѣ съ Гоголемъ въ «лицей князя Безбородко» въ Нѣжинѣ, но былъ классомъ или двумя старше великаго писателя.

К. Н. М.

въ письмахъ сталъ осыпать друзей и знакомыхъ просьбами о присылкѣ ему за границу «хулительныхъ» статей о немъ, будто бы необходимыхъ ему для нравственнаго «самоисправленія», никто такъ усердно не хлопоталъ и не бѣгалъ по его порученіямъ, какъ Любичъ. Въ письмахъ Гоголя безпрестанно читаемъ: «Поручите Романовичу», «узнайте у Романовича», «это сдѣлаетъ Романовичъ»... не подтверждаетъ ли это мои слова о замѣчательной альтруистической чертѣ Любича: на сколько можно услужить и доставить нужное своему ближнему. Положимъ, что эти услуги онъ дѣлалъ для товарища, котораго въ полномъ смыслѣ слова обожалъ. Пишущій эти строки хорошо помнитъ, съ какимъ благоговѣніемъ показывалъ ему Любичъ портретъ Гоголя, съ собственноручной подписью писателя.

Меня познакомилъ съ Василиемъ Игнатьевичемъ отецъ года за два до смерти его, и мнѣ нѣсколько разъ потомъ пришлось побывать на Любичевскихъ «субботахъ».

На этихъ «субботахъ» собирались литераторы, близкіе пріятели Василя Игнатьевича. Обыкновенно, хозяинъ вспоминалъ тутъ о своихъ знакомствахъ съ извѣстными личностями 20-хъ и 30-хъ годовъ, передавалъ любопытныя подробности о журналистахъ и литераторахъ стараго времени; авторы читали свои произведенія, и въ общемъ бесѣда велась живая и непринужденная, оканчиваясь постоянно далеко за полночь, часа въ три, четыре. Обыкновенными гостями здѣсь были покойные: Д. Н. Садовниковъ, П. Н. Петровъ и П. П. Каратыгинъ.

Василій Игнатьевичъ болѣе тридцати лѣтъ жилъ въ домѣ Карновича, на Ивановской улицѣ (псевдонимъ его: «Илисавъ Чибюль, чивонаморъ, старикъ анахоретъ съ Ивановской улицы»).

Когда я переступилъ порогъ его квартиры, то сразу почувствовалъ себя перенесеннымъ въ другую эпоху, по крайней мѣрѣ, лѣтъ за пятьдесятъ до настоящаго времени. Въ передней съ насъ сняла пальто старая, сморщенная старуха, знаменитая Устинья, служившая Василию Игнатьевичу 40 лѣтъ и получившая по завѣщанію все его состояніе. Вся квартира Любича, состоявшая изъ четырехъ небольшихъ комнатъ, и даже передняя, была буквально унизана старинными, гравированными портретами. Я съ любопытствомъ библиографа осматривалъ эту драгоценную коллекцію, среди которой находились весьма рѣдкіе и интересные экземпляры. Портретами были увѣшаны даже двери. Я потомъ узналъ, что Василій Игнатьевичъ долго и прилежно собиралъ изображенія дѣятелей первой половины нашего столѣтія, и что (кромѣ этого) въ задней комнатѣ, гдѣ мнѣ, къ сожалѣнію, не пришлось побывать, находилось много картинъ старинныхъ мастеровъ и между ними какой-то замѣчательный портретъ Шекспира, за который англичане будто бы давали Василию Игнатьевичу большую сумму. Изъ

передней шла дверь прямо въ кабинетъ: это была квадратная комната, въ два окна, съ огромнымъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами, по срединѣ, и книжными полками по стѣнамъ. Книгъ было множество. Все старинныя, рѣдкія изданія, грудями лежавшія на стульяхъ, креслахъ, полу, покрытые пылью на полъвершка, очевидно не тронутые нѣсколько мѣсяцевъ, если только не лѣтъ. Замѣчательно, что во всей квартирѣ Любича не было ни одной книги, ни одного воспоминанія, не только с современной намъ эпохѣ, но даже и объ эпохѣ 60-хъ и 70-хъ годовъ. Какъ будто этого времени для него совсѣмъ не существовало.

Здѣсь насъ встрѣтилъ хозяинъ. Это былъ согбенный, маленькій старичекъ, въ красныхъ туфляхъ, съ румянымъ лицомъ, длинными бѣлыми бакенбардами и замѣчательно ласково и весело смотрѣвшими глазами изъ-подъ нависшихъ бровей. Поздоровавшись (Василій Игнатьевичъ имѣлъ привычку при здорованьи со всѣми хорошо и мало знакомыми ему людьми обниматься и цѣловаться) старичекъ повелъ меня показать свою коллекцію и просилъ обратить особенное вниманіе на два бюста, стоявшіе по угламъ, на мраморныхъ пьедесталахъ, Мицкевича и Пушкина. Первый былъ замѣчателенъ тѣмъ, что его подарилъ Любичу самъ польскій поэтъ; а второй отличался своею странною судьбой. Когда скульпторъ Гальбергъ, страстный поклонникъ великаго поэта, узналъ о его смерти, то разбилъ всѣ сдѣланные имъ бюсты Пушкина. Сохранившійся какимъ-то образомъ у Любича былъ единственный. При этомъ Василій Игнатьевичъ не преминулъ рассказать мнѣ о томъ, какъ тепло и участливо относился къ нему великій поэтъ и какъ совѣтовалъ ему переводить Байрона и Мицкевича. И Любичъ исполнилъ (лучше бы не исполнялъ—скажу, положя руку на сердце) завѣтъ Пушкина и перевелъ много большихъ поэмъ: «Донъ-Жуанъ», «Чайльдъ-Гарольдъ» и др. Когда, сидѣвшій по близости отъ насъ, Петръ Николаевичъ Петровъ услышалъ, что рѣчь идетъ о Пушкинѣ, то (какъ сейчасъ помню) разразился ужаснымъ негодованіемъ, сталъ кричать и громить какого-то художника, который будто бы совершенно исказилъ данный имъ рѣдкій портретъ Пушкина въ гробу, для изданія В. В. Комарова. Добрѣйшій Петръ Николаевичъ всегда (я его нѣсколько разъ встрѣчалъ въ другихъ домахъ) былъ чѣмъ нибудь возмущенъ, кипятился, кричалъ, хлопалъ по колѣнкѣ собесѣдника и сжималъ въ кулакъ свою бороду. Особенно интересно было видѣть его въ спорѣ съ моимъ отцомъ, тоже ужаснымъ крикуномъ и горячкой. Иногда казалось, что у нихъ сейчасъ начнется рукопашная, но это нисколько не мѣшало имъ глубоко уважать и любить другъ друга.

Среди портретовъ мое вниманіе остановила миниатюра на кости, изображающая замѣчательной красоты женщину. Оказалось, что

это первая жена Василя Игнатьевича, владѣтельница грузинская княжна. Послѣ я узналъ, что онъ былъ женатъ два раза, и второй разъ на венгеркѣ.

Вечеръ закончился ужиномъ, состоявшимъ изъ холодныхъ закусокъ, передъ которымъ одинъ неизвѣстный мнѣ, лохматый и необыкновенно мрачнаго вида, господинъ, вѣроятно, «для возбужденія аппетита» вынулъ тетрадку и прочелъ свой рассказъ.

Это была чувствительная исторія о томъ, какъ какой-то несчастный мальчикъ, Петя или Ваня, не припомню, имѣлъ старый серебряный пятакъ, потерялъ его, впалъ отъ этого въ нервическую горячку и въ бреду все тосковалъ о пятакѣ... Подробности не помню, но ручаюсь, что таковъ былъ общій смыслъ этой галиматьи. Часа въ 4 утра мы распростились съ добрѣйшимъ старикомъ, и дорогой я узналъ отъ П. Н. Петрова, съ которымъ идти намъ было по пути, нѣкоторыя подробности о домашней жизни Василя Игнатьевича. Онъ всегда ложился въ пятомъ часу утра и спалъ до двухъ, до трехъ часовъ по полудни. Утромъ Устинья уходила за провизіей и запирала старика на замокъ. По этому случаю у Любича произошелъ даже курьезный инцидентъ съ Петромъ Николаевичемъ. Однажды, этотъ послѣдній пришелъ къ Василю Игнатьевичу за какой-то справкой. Звонить. Черезъ нѣсколько минутъ за дверью раздаются шарканье туфель и голосъ Любича: «Представьте, не могу васъ принять». — «Это почему?» — «Сижу въ осадѣ». Оказывается, Устинья ушла куда-то и запропала. Петръ Николаевичъ, по своему обычаю, пошумѣлъ, помахалъ руками и уѣхалъ, не получивъ справки, которая ему была очень нужна для какой-то его работы.

Еще я узналъ, что старикъ замѣчательно религіозенъ, каждое воскресенье ходилъ въ костель (по вѣроисповѣданію онъ былъ католикъ, а по національности—литвинъ) и въ жизни отличался крайней умѣренностью. Послѣ этого я еще два или три раза былъ у Василя Игнатьевича, и въ послѣднее посѣщеніе онъ подарилъ мнѣ изданное въ 1832 году «Собраніе его стихотвореній». Къ стыду своему, признаюсь, что я въ тотъ же годъ потерялъ эту книгу.

Оканчивая мои воспоминанія о Любичѣ-Романовичѣ, скажу два слова объ одной слабости, которою страдалъ этотъ высоко-нравственный, превосходный человекъ, и которая часто навлекала на него насмѣшки.

Эта слабость заключалась въ маніи писать стихи. Таланта у Василя Игнатьевича не было ни малѣйшаго, и всѣ стихотворенія и переводы, написанные въ молодости и отличавшіеся дубоватостью, прозаичностью и нескладностью, стоили ему не мало пота и крови; подъ старость эта страсть особенно овладѣла Любичемъ, и его произведенія утратили уже всякій смыслъ. Та масса акростиховъ, посланій и посвященій, которые хранятся у меня, представляютъ

величайшій курьезъ, и многое изъ нихъ положительно нельзя читать безъ хохота. Всѣ эти стихотворенія адресованы моему отцу, котораго Василий Игнатьевичъ очень любилъ: поздравленія съ праздникомъ, съ прїѣздомъ, съ отъѣздомъ, съ перемѣной квартиры. Въ одномъ стихотвореніи экспансивный старецъ открываетъ такую истину:

«Правдолюбецъ и поэтъ —
 «Несовмѣстимыя два свойства (?),
 «Ростомъ, силою атлетъ,
 «Съ духомъ истаго геройства:
 «Вотъ, Макаровъ, твой портретъ!
 «Ты ли это, или нѣтъ?»

Въ этомъ духѣ и всѣ остальные. Василий Игнатьевичъ писалъ стихами даже и въ лавки. Эту коллекцію стиховъ я храню, какъ драгоценную память, въ моемъ письменномъ столѣ; такъ же храню и портретъ Василія Игнатьевича, подаренный имъ отцу въ 1882 году.

II.

Художникъ Яненко.

Въ сороковыхъ годахъ, въ Орлѣ, въ домѣ знаменитаго откупщика В. А. Кокорева, мой покойный отецъ познакомился съ художникомъ и веселѣйшимъ малымъ Яковомъ Ѳедосеевичемъ Яненко. Это былъ тотъ самый Яненко, который фигурировалъ еще на пресловутыхъ хаотическихъ сходкахъ «Тройственного союза» Кукольника, Глинки и Брюлова, и про котораго покойный писатель И. И. Панаевъ въ своихъ, хотя и легковѣсныхъ, но, тѣмъ не менѣе, весьма мѣткихъ и типическихъ воспоминаніяхъ писалъ: «Яненко грубый, наглый циникъ, безталантный художникъ, который для того только, чтобы хорошо выпить и поѣсть, готовъ былъ всѣмъ пожертвовать въ угоду кому либо изъ своихъ патроновъ». Вѣроятно, портретъ этотъ если и не исполнѣн, то въ значительной степени вѣренъ съ оригиналомъ, потому что въ эпоху знакомства съ моимъ отцомъ Яненко именно въ такихъ отношеніяхъ стоялъ къ В. А. Кокореву. Для чего собственно проживалъ при послѣднемъ этотъ *si-devant* художникъ, — неизвѣстно. Неизвѣстно также, и какимъ образомъ попалъ онъ въ чертоги откупщика. Съ увѣренностью можно было сказать только то, что жилось ему весьма недурно, такъ какъ напиваться онъ могъ каждый день, ѣсть за троихъ, и за всѣ эти земныя блага долженъ былъ выполнять слѣдующія обязанности.

Прежде всего онъ занималъ мѣсто Кокоревского лектора, то-есть читалъ послѣднему (когда того мучила бессонница) хвалебныя статьи и отзывы о немъ, которые печатались въ газетахъ и жур-

налахъ. Затѣмъ, въ мрачныя минуты жизни откупщика (на Кокорева иногда нападала хандра, во время которой онъ, на подобіе Потемкина, «небритый и нечесанный» лежалъ на диванѣ и грызъ ногти) на Яненка налагалась исключительная обязанность развлекать его. Для этого, первымъ дѣломъ, бралась гитара, и начиналось распѣваніе густымъ «Лаблашевскимъ» басомъ куплетовъ собственной кухни, направленныхъ обыкновенно на то или другое извѣстное въ городѣ лице. Вотъ нѣкоторые для образчика:

На самого себя.

«Яковъ Ѳедосейчъ
«Пьянъ завсегда;
«Пьетъ онъ ерофеичъ,
«Ромъ—иногда!»

На чиновника III—го.

«III—кій совѣтникъ
«Всей службы позоръ,
«Величайшій сплетникъ,
«Величайшій воръ!!».

На губернатора Р—на.

«Р—нъ, фуй! начальникъ
«Смотрить ходуемъ,
«Словно цѣловальникъ.
«Мы его побьемъ!!».

Послѣ пѣнія всегда слѣдовали рассказы о необычайной дружбѣ съ великимъ Брюловымъ (въ рассказѣ величавшимся не иначе, какъ «Карлуша») и успѣхахъ при дворѣ. Нечего и говорить, что и дружба съ Брюловымъ и «успѣхи» были собственной пылкой фантазіей художника и доходили порой до такихъ столповъ, что даже и неприхотливая откупная компанія замѣчала въ нихъ явныя несообразности и останавливала расходившагося художника словами: «Ну, ужъ это ты, Яковъ Ѳедосеевичъ, врешь!» Въ концѣ импровизаций Яненка являлся рассказъ, какъ императоръ Николай Павловичъ на Невскомъ проспектѣ прижалъ его къ груди своей и сказалъ: «Яненко, ты спасешь Россію!».

Въ домѣ Кокорева на Яненка смотрѣли, какъ на генія, что не мѣшало, впрочемъ, относиться къ нему пренебрежительно. Откупщикъ вѣрилъ его художественному вкусу безгранично и давалъ большія деньги для покупки картинъ въ свою галерею. Яненко эти деньги проигрывалъ и проматывалъ, а Кокореву покупалъ никуда негодныя старыя копіи, выдавая ихъ за подлинныя произведенія Ванъ-Дика и Рембрандта.

Когда отецъ познакомился съ Яненкомъ, тому было уже подъ пятьдесятъ лѣтъ (родился въ 1800 году). Съ виду онъ былъ вы-

сокъ, лохматъ, грязенъ, пьянъ, и производилъ впечатлѣніе чело-
вѣка, который, по крайней мѣрѣ, года два не мылся и не чесался.
Яненко едва ли не до самой смерти жилъ на хлѣбахъ у Кокорева.
Я хорошо знаю, что онъ умеръ въ 1852 году и былъ похороненъ
на счетъ откупщика. А послѣ смерти семья художника (послѣ
него осталась вдова и взрослый сынъ) долго получала субсидію,
назначенную ей щедрымъ благотворителемъ. Многимъ покажется
страннымъ, какимъ образомъ Кокоревъ, этотъ колоссальный, хотя
и не развитый умъ, могъ терпѣть и слушать грубую лесть такихъ,
слишкомъ ужъ наивныхъ и прямолинейныхъ господъ, какъ Яненко
и ему подобные. На это можно сказать, что Кокорева на столько
пожирала манія величія, что подъ влияніемъ ея онъ былъ скло-
ненъ совершать самые дѣтскіе поступки. Какъ всѣ люди, вышед-
шіе изъ народа, Кокоревъ спалъ и во снѣ видѣлъ сдѣлаться об-
щественнымъ дѣятелемъ, публицистомъ... Онъ жадно читалъ все,
что выходило на русскомъ языкѣ, и благодаря огромной памяти,
не получивъ правильнаго, систематическаго образованія, приобрѣлъ
массу энциклопедическихъ знаній, умѣлъ ловко пользоваться этимъ
сырымъ матеріаломъ и, при случаѣ, съ успѣхомъ могъ написать
хоть какое журнальное «взглядъ и вѣчто». Съ годами жажда славы
и популярности еще болѣе увеличилась, сдѣлалась *idée fixe* Кокорева.
Онъ сыпалъ деньгами, воображалъ себя поощрителемъ ис-
кусствъ, гостеприимно открывалъ двери своихъ чертоговъ для ка-
ждаго проходимца, носившаго вывѣску «литератора». Господа, въ
родѣ Яненка, опивали и объѣдали его, и онъ забывалъ все, при-
ходилъ въ сладостную истому и готовъ былъ цѣлыми часами слу-
шать самые нелѣпыя, грубые и пошлыя панегирики. Замѣчу въ
заключеніе (для любителей и историковъ русской живописи), что
существовалъ превосходный портретъ моего отца, рисованный ак-
варелью Яненкомъ. Онъ былъ потомъ подаренъ отцомъ одному изъ
своихъ служащихъ.

III.

Поэтъ Бахтуринъ.

Читателямъ «Историческаго Вѣстника», конечно, не безызвѣстно
имя К. А. Бахтурина, этого ех-гусара, пьяницы и весьма талант-
ливаго поэта. О немъ еще недавно были напечатаны любопыт-
ныя свѣдѣнія въ «Воспоминаніяхъ А. И. Головачевой». Въ біографіи
Глинки тоже упомянуто его имя, какъ составителя текста
«Руслана и Людмили» («подъ пьяную руку», по выраженію Глинки)
и какъ близкаго пріятеля композитора. Я тоже хочу поговорить
о немъ, сообщить кое-что новое для его біографіи, такъ какъ вла-

дѣю двумя неизданными его стихотвореніями, и такъ какъ мой отецъ (хорошо знавшій поэта) оставилъ мнѣ нѣсколько необнародованныхъ еще матеріаловъ.

У меня есть одна рукопись отца. Она содержитъ 18 тетрадей и называется: «Журналь моей жизни», а начата 4 февраля 1830 года. Вотъ въ этомъ-то журналѣ, отъ 2-го марта 1881 года, описывается слѣдующее событіе.

«Часовъ въ 7 послѣ обѣда пошелъ я безъ цѣли. Проходя мимо трактира, я увидаль одного изъ братьевъ Озерова, которые пріѣхали къ нему на праздники изъ Петербурга. Онъ позвалъ меня, и когда я вошелъ въ первую комнату, сказалъ мнѣ, что пріѣхалъ Бахтуринъ. Это молодой поэтъ, съ которымъ Озеровъ недавно познакомился очень коротко, такъ что онъ обѣщаль пріѣхать къ нему въ гости, въ Ораніенбаумъ. Озеровъ предупредилъ насъ о немъ и разсказаль нѣсколько презабавныхъ его и о немъ анекдотовъ, такъ что всѣ мы и особенно я нетерпѣливо желали увидать его и съ нимъ познакомиться. Вхожу въ другую комнату: за столомъ, уставленнымъ порожними бутылками, рюмками и стаканами, сидитъ нашъ Озеровъ и молодой человекъ лѣтъ 28-ми, худощавый, невысокаго роста, въ незавидномъ скюртучкѣ и съ необъщающей фizioноміей. Озеровъ отрекомендовалъ меня поэту, а его—мнѣ. Надо сказать, что онъ служилъ лѣтъ 11 въ гусарахъ, и не болѣе года, какъ вышелъ въ отставку съ мундиромъ и пенсіономъ за раны. Какъ поэтъ, онъ очень недавно сталъ извѣстенъ публикѣ, но уже получилъ блистательные успѣхи по случаю представленія на театрѣ драмы въ стихахъ: «Пятнадцать лѣтъ разлуки», которая чрезвычайно понравилась петербургской публикѣ. Разсказаль намъ нѣсколько анекдотовъ (у него самая оригинальная манера разсказывать и необыкновенный даръ смѣшить). Онъ читаль намъ свою сказку: «О Нинѣ царевичѣ и Ивашкѣ бѣлой рубашкѣ». Въ этомъ родѣ я ничего еще не слыхалъ подобнаго: сколько народности, остроумія, ѣдкой сатиры и вмѣстѣ прекрасной поэзіи. Рѣшительно ничего подобнаго въ этомъ родѣ не знаю».

Черезъ нѣсколько страницъ находится восторженное описаніе чтенія Бахтуринымъ его поэмы «Красное Покрывало». «Лицо поэта горѣло, глаза блестѣли необычайнымъ блескомъ. Онъ былъ воплощенная поэзія! О, какое счастье испытываль я, слушая его чувствительный, замогильный голосъ!»—воскликаетъ восхищенный юнкеръ. Далѣе слѣдуетъ, однако, нѣкоторое разочарованіе: поэтъ напился пьянъ и сталъ буйствовать.

«Сей геніальный лирикъ страдаетъ пагубнымъ порокомъ пьянства»,—значится въ дневникѣ.

Уже по этимъ выпискамъ изъ «Журнала» видно, что отецъ мой въ 1836 году былъ восторженнымъ юношей (не смотря на

свои 26 лѣтъ) и каждому встрѣчному кидался на шею. Надо ли говорить, что Бахтурина онъ открылъ всѣ закоулки своего сердца и очень близко сошелся съ нимъ. Бахтуринъ живаль у отца въ Ораніенбаумѣ (здѣсь стоялъ Рижскій драгунскій полкъ, въ который отецъ перешелъ изъ лейбъ-гвардіи Литовскаго) по недѣлямъ, писалъ въ его палаткѣ драмы и стихи, посвящаль ему дружескіе экспромты. Въ своихъ 70-тилѣтнихъ воспоминаніяхъ отецъ, уже дряхлый старикъ, такъ вспоминаетъ объ этомъ другѣ своей молодости:

«Я хорошо знаю этого несчастнаго, курьезнаго поэта. Онъ по нѣскольку дней гащиваль у меня въ палаткѣ, въ лагерѣ, подъ Краснымъ Селомъ. Онъ былъ передъ тѣмъ за что-то разжалованъ въ солдаты. Было у него два замѣчательные таланта: рассказывать анекдоты изъ своей гусарской жизни, отъ которыхъ мы животики надрывали отъ смѣха, а самъ не улыбнется, потомъ импровизировать. Какую тему ему ни задайте, онъ вдругъ, безъ малѣйшаго надумыванья, продекламируетъ, безъ остановки, нѣскольکو десятковъ самыхъ звучныхъ, плавныхъ, гладкихъ стиховъ, усѣянныхъ блестками тонкаго остроумія. Но когда онъ гостилъ у меня, то штофъ простой водки на столъ и нѣскольکو ломтей чернаго хлѣба съ солью были sine qua non его гощенья у меня, или у кого другого изъ моихъ товарищей».

За этимъ штофомъ съ водкой и создавались всѣ произведенія Бахтурина. Такъ, въ палаткѣ отца была написана лучшая драма его «Кузьма Рощинъ». Такъ писалось и множество лирическихъ стихотвореній и посланій къ друзьямъ и знакомымъ. Этихъ посланій насчитывались цѣлыя сотни. Не мало ихъ было посвящено и отцу, но сохранилось только одно и крайне курьезное. «Однажды (рассказываетъ отецъ въ тѣхъ же «Воспоминаніяхъ») поэтъ спросилъ мой альбомъ. Я подаль, а самъ сажусь подлѣ него и зорко слѣжу за писаньемъ. Вотъ что и какъ импровизироваль пьяный поэтъ:

«Макаровъ! въ твой альбомъ гвардейскій
 «Я подмахну стишокъ злодѣйскій,
 «Но отъ ничтожнаго пѣвца
 «Не жди похвалъ, не жди сравненій.
 «Меня давно Парнаса геній
 «Назначилъ въ бракъ, какъ жеребца.
 «Что-жь написать тебѣ, мой милый?
 «Живи сто лѣтъ, люби друзей
 «Да удивляй всею силой»...

«Ничего не дурно для языка не вяжущаго. Но вотъ и послѣдній, десятый стихъ. Я обмеръ, вскочилъ, всплеснулъ руками и завопилъ почти въ отчаяніи:

— «Сумасшедшій, разбойникъ ты этакій! Ты испортилъ мой альбомъ, что это подмахнулъ ты тутъ?»

— «Ну, ну, не сердись: я исправлю, перемѣню.

«Зачеркиваетъ и замѣняетъ этотъ до невѣроятности скабрзный стихъ другимъ:

«Въ объятыхъ миленькихъ цирцей».

«Лыка не вяжущій», онъ написалъ и тѣ два стихотворенія, которыя хранятся у меня. Сочинены они были Бахтуринымъ вотъ при какихъ обстоятельствахъ. У одного гвардейскаго офицера, Головина, въ Петербургѣ, какъ-то вечеромъ собралась небольшая и большею частью товарищеская компанія, среди которой находились и отецъ съ Бахтуринымъ. Хозяйка, весьма красивая дама, очень ухаживала за поэтомъ, успѣвшимъ уже «врѣзать». Бахтуринъ слушалъ, слушалъ ея любезности (женская красота дѣйствовала на него магнетически, стоило ему посидѣть $\frac{1}{2}$ часа съ красивой женщиной, и онъ уже по уши влюблялся въ нее), потомъ всталъ, шатаясь пошелъ въ кабинетъ ея мужа и черезъ пять минутъ вынесъ листокъ бумаги и прочелъ заплетающимся языкомъ:

«Позвольте мнѣ вамъ пожелать
 «(Уже давно въ мою тетрадь
 «Я не вносилъ стихотвореній,
 «Былыхъ лишенный вдохновеній),
 «Чтобъ были вы чрезъ двадцать лѣтъ
 «Все такъ же молоды, красивы,
 «Какъ и сейчасъ, когда поэтъ,
 «Влюбленный въ васъ до полоумья,
 «Повергнуть въ грустное раздумье
 «И молчаливъ, и глупъ, и пьянъ,
 «Мятежной страстью обуянъ».

При этомъ чтеніи присутствовалъ нѣкій Н. И. Бѣляевъ, чловѣкъ необыкновенно тщедушный и мизерный по фигурѣ, зато съ необычайнымъ мнѣніемъ о своей особѣ. Онъ все время довольно пошло прохаживался насчетъ пьянаго поэта, но Бахтуринъ все молчалъ, затаивая обиду въ глубинѣ своего сердца. Наконецъ, когда Бѣляевъ повторилъ съ насмѣшкой два послѣдніе стиха только что прочитаннаго посвященія, восхваляя автора за то, что онъ сознаетъ свои недостатки и публично кается въ нихъ, Бахтуринъ всталъ съ мѣста, смѣрилъ тщедушнаго господина олимпійскимъ взглядомъ и, принявъ трагическую позу и протянувъ правую руку, какъ это дѣлали старинные ходульные актеры, продекламировалъ:

«Такихъ ужасныхъ негодяевъ
 «Еще не видѣла Европа,
 «Какъ Николай Ильичъ Бѣляевъ:
 «Душой—лакей, а рыломъ»...

— Извините, mesdames, — не окончивъ стихотворенія, сказалъ поэтъ, обращаясь къ дамамъ, — я не могу сказать, на что похожа фізіономія этого господина.

И сѣлъ, страшно переконфузивъ и неудавшагося остряка и все общество.

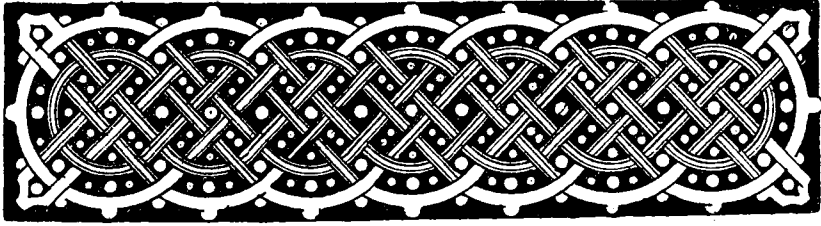
Въ запискахъ актера Григорьева много приведено эпизодовъ изъ жизни Бахтурина. Григорьевъ, между прочимъ, рассказываетъ, что поэтъ не имѣлъ соперниковъ въ сочиненіи самыхъ невѣроятныхъ и фантастическихъ исторій, которыя онъ не смущаясь выдалъ за случаи изъ собственной жизни. Я знаю одну такую исторію и весьма курьезную. Надо замѣтить, что никакихъ ранъ Бахтуринъ не получалъ, если не считать тѣхъ случаевъ, когда онъ сражался въ кабакахъ и трактирахъ, и никакого пенсіона ему не давали. Вышелъ же въ отставку онъ вслѣдствіе происшедшаго съ нимъ скандала (кто-то кому-то далъ оплеуху — подробности неизвѣстны), тѣмъ не менѣ эта боевая, фантастическая дѣятельность обыкновенно и вдохновляла его къ сочиненію небылицъ. Такого характера и тотъ случай, который я знаю. Однажды Бахтуринъ особенно одушевился, рассказывая про стычку съ горцами на Кавказѣ, въ которой принималъ дѣятельнѣйшее участіе. Рассказъ велся съ необыкновенными подробностями. Имъ былъ нарисованъ планъ мѣстности, названы всѣ имена и фамиліи. Слушателей было много и большая часть изъ нихъ хорошо знали импровизаторскія способности Бахтурина. Но были и такіе господа, которые все принимали за чистую монету. Такимъ слушателемъ оказался одинъ сотрудникъ нѣкоторыхъ петербургскихъ газетъ. Вообразите хохотъ товарищей поэта и самого его (на другой день онъ уже, разумѣется, ни слова не помнилъ изъ рассказаннаго), когда вскорѣ, въ фельетонѣ одной газеты, едва ли не «Сѣверной Пчелы», появился «рассказъ кавалерійскаго офицера о стычкѣ съ горцами». Больше всѣхъ веселился самъ Бахтуринъ. Онъ развозилъ этотъ номеръ по знакомымъ, тамъ читалъ его и глумился надъ авторомъ.

О литературной дѣятельности Бахтурина извѣстно, во-первыхъ, что онъ очень близко стоялъ къ В. Г. Бенедиктову и П. П. Ершову, одно время предполагалъ издавать съ ними альманахъ «Мы вамъ». Во-вторыхъ, извѣстно, что онъ написалъ множество драмъ, трагедій и водевилей и ставилъ ихъ въ Александринскомъ театрѣ. Публика очень высоко цѣнила драматическія произведенія Бахтурина, и это, конечно, весьма легко объясняется. Едва ли когда нибудь литература наша представляла такое богатое и обширное поле шарлатанства, какъ въ 1820-хъ и 1830-хъ годахъ, когда Пушкинъ, а затѣмъ Гоголь, внесли въ нее новое, самобытное направленіе. Публика, которой давно уже опротивѣли сухія и ходульныя трагедіи Озерова и Княжнина, съ жадностью накинулась на все, что носило характеръ этого новаго направленія. Критики, конечно, не могло быть еще никакой. Дѣйствительная оригинальность и самобытность не отличались отъ фальши и дешевой поддѣлки, и этимъ-то и обусловливается появленіе великаго множества всякихъ знаменитостей. Тогда, правда, былъ вѣкъ «геніевъ». Являлись какіе-то Ободовскіе, Бернеты, Марковы, съ трескучими поэмами и раздиратель-

ными драмами. Издавались тысячи альманаховъ и литературныхъ сборниковъ. И добродушная публика переваривала все это, упивалась похождениями жестокосердыхъ цыганокъ и чувствительныхъ армянокъ (тогда издавались романы даже изъ китайской жизни), не подозрѣвая, что всѣ эти цыганки и армянки, разочарованные, картонные Минскіе и Линскіе — безпрестанные перифразы Пушкинскихъ и Лермонтовскихъ персонажей. Немудрено поэтому, что и К. А. Бахтуринъ получилъ «блистательные успѣхи», какъ сказано про него въ «Журналѣ» отца. Въ сущности онъ былъ самый талантливый изъ тогдашнихъ бульварныхъ знаменитостей. Въ его поэмахъ и драмахъ сохранилась не одна обстановка сторона новаго направленія. Въ нихъ много оригинальнаго и дѣйствительнаго народнаго, много прочувствованнаго и исходившаго изъ души. А нѣкоторыя лирическія вещи Бахтурина — положительно прелесть. Во всякомъ случаѣ, онъ владѣлъ недюжиннымъ поэтическимъ талантомъ, и если бы ужасныя жизненныя условія не заставили его печь свои произведенія, какъ пироги, то возможно, что имя его упоминалось бы не въ однѣхъ библиографическихъ справкахъ и литературныхъ воспоминаніяхъ, а на ряду съ даровитѣйшими представителями послѣ-Пушкинской эпохи русской литературы: съ Баратынскимъ, Козловымъ и Полежаевымъ.

К. Макаровъ.

ВЫРОЖДЕНИЕ ИЛИ НЕВЪЖЕСТВО ¹⁾?

В ЛЕГКОЙ руки Макса Нордау, написавшаго книгу подъ заглавіемъ «Вырожденіе», всѣ теперь толкуютъ о «вырожденіи». Ломброзо доказываетъ, что сумасшествіе, пьянство, склонность къ употребленію наркотическихъ средствъ, всякаго рода преступность, революціонныя наклонности,— всѣ эти многообразныя явленія имѣютъ основнымъ своимъ источникомъ вырожденіе. Другіе изслѣдователи утверждаютъ, что вообще современная интеллигенція представляетъ несомнѣнные признаки постепеннаго вырожденія. Но, если вырожденіе дѣйствительно такое распространенное явленіе, если большинство интеллигентныхъ людей приходится причислить къ разряду выродившихся субъектовъ, то зачѣмъ же исключать литераторовъ и художниковъ? Такъ ставитъ вопросъ Максъ Нордау и, будучи хорошо знакомъ съ

¹⁾ Статья эта была уже написана и гостепріимно принята «Историческимъ Вѣстникомъ», когда мнѣ, редактору русскаго перевода книги Макса Нордау, былъ сдѣланъ въ печати упрекъ, будто бы я безусловно одобряю его психіатрической методъ. Это—явное недоразумѣніе. Въ предисловіи къ книгѣ Нордау я указываю, что критика его метода должна выяснитъ, «на сколько клиническая картина вырожденія подходитъ къ разнымъ выдающимся писателямъ и художникамъ». Предлагаемая здѣсь статья и посвящена выясненію этого вопроса, причемъ оказывается, что методъ Нордау въ общемъ представляется мнѣ несостоятельнымъ.

Прим. автора.

европейскою литературою, онъ подвергъ современныхъ ея представителей тщательному изслѣдованію съ точки зрѣнія ихъ умственного здоровья. Выводъ получился поразительный: корифеи литературы и искусства — Зола, Ибсенъ, Толстой, Ницше, не говоря уже о разныхъ Верленахъ, Метерликахъ и пр., оказались если не прямо сумасшедшими, то вырожденками, психопатами...

Нордау не первый встрѣчный бумагомаратель, къ сужденіямъ котораго можно относиться совершенно безучастно. Онъ — литераторъ съ большою эрудиціею и дарованіемъ. Книги его раскупаются въ громадномъ числѣ экземпляровъ, переводятся на всевозможные языки. Такъ, напримѣръ, у насъ, въ Россіи, почти всѣ труды Нордау переведены, а его «Вырожденіе» появилось уже одновременно въ двухъ изданіяхъ—сокращенномъ и полномъ. Такимъ образомъ, Нордау вліяетъ на нашу читающую публику, и, благодаря своему страстному и подчасъ остроумному анализу разныхъ современныхъ вопросовъ, настраиваетъ ее на тотъ или другой ладъ. Что касается спеціально до его книги «Вырожденіе», то она написана авторомъ съ особенною любовью и обстоятельностью. Отмѣченный нами общій ея выводъ подкрѣпленъ массою доказательствъ, ссылками на научные и литературные авторитеты, данными изъ жизни и произведеній разбираемыхъ писателей и художниковъ. Нордау обзрѣваетъ почти всю современную европейскую литературу въ самыхъ выдающихся ея представителяхъ, проникаетъ въ самую суть ихъ творчества, раскрываетъ намъ, такъ сказать, ихъ душу и доказываетъ, что она больна. Больны не только французскіе символисты и декаденты, пишущіе на какомъ-то тарбарскомъ языкѣ стихи, до смысла которыхъ по большей части при лучшемъ желаніи трудно добраться; больны не только англійскіе прерафаэлиты, прельщающіеся средневѣковымъ туманнымъ мистицизмомъ; больны не только Зола и его послѣдователи, угощающіе публику вульгарными произведеніями и возводящіе порнографію въ ремесло; боленъ новооткрытый великій драматургъ Метерлинкъ; боленъ Рихардъ Вагнеръ съ его новою музыкальною теоріею, порожденною психическимъ разстройствомъ; боленъ Ибсенъ съ его проповѣдью свободнаго удовлетворенія слѣпыхъ инстинктовъ; боленъ «сумасшедшій» философъ Ницше, боленъ-де, наконецъ, и Левъ Толстой съ его чрезмѣрною впечатлительностью, склонностью къ мистицизму и безконечными сомнѣніями. Но больны не только представители литературы и искусства, больны ихъ читатели и поклонники,—словомъ, вся нынѣшняя литература представляетъ собою громадную больницу, въ которой здоровый человѣкъ попадаетъ какъ бы только по ошибкѣ. Таковъ окончательный выводъ, подкрѣпленный, какъ я уже указывалъ, массою аргументовъ, ссылками на авторитеты и соображеніями.

Этотъ выводъ не могъ, конечно, не произвести впечатлѣнія. Сторонники и почитатели перечисленныхъ свѣтилъ возмущились духомъ и возстали противъ дерзкаго критика—кто съ явнымъ негодованіемъ, кто съ затаеннымъ гнѣвомъ, кто съ глумленіемъ и издѣвательствами. Можетъ быть, проявленіе всѣхъ этихъ чувствъ умѣстно; можетъ быть, оно и неумѣстно,—мы не станемъ разбирать этого вопроса. Максъ Нордау становится на научную почву, онъ подкрѣпляетъ всѣ свои выводы ссылками на научные авторитеты, и поэтому критика его выводовъ должна также быть научною, а въ наукѣ чувства, какъ бы они ни были законны, не могутъ играть роли: тутъ долженъ дѣйствовать только трезвый, непредубѣжденный, холодно взвѣшивающій умъ.

Нѣкоторыя лица старались ослабить значеніе выводовъ Макса Нордау указаніемъ на то, что онъ не литераторъ по своей специальности, а психіатръ. Аргументъ этотъ совершенно несостоятеленъ. Максъ Нордау критикуетъ литературныя произведенія не столько по существу, не съ исторической, эстетической или соціальной точки зрѣнія, а почти исключительно въ видахъ установленія факта: принадлежатъ ли ихъ авторы къ числу выродившихся субъектовъ, или психопатовъ. Для разрѣшенія этого вопроса Нордау обладаетъ вполне достаточнымъ, можно даже сказать, очень обширнымъ знакомствомъ съ современной литературой. Такимъ образомъ, подвергая критикѣ выводы, къ которымъ приходитъ Нордау, мы должны стать на его точку зрѣнія, то-есть, выяснить, на сколько эти выводы правильны въ смыслѣ избраннаго самимъ Максомъ Нордау метода.

Основной вопросъ слѣдовательно заключается въ томъ: дѣйствительно ли тѣ писатели и художники, которыхъ онъ причисляетъ къ выродившимся субъектамъ или психопатамъ, могутъ быть причислены къ этой группѣ душевно-больныхъ? Понятно, что для разрѣшенія этого вопроса прежде всего требуется точное понятіе о вырожденіи или психопатизмѣ, ибо если нельзя установить точнаго понятія о вырожденіи, то трудно или невозможно причислить даннаго писателя или художника къ выродившимся субъектамъ.

При такой постановкѣ вопроса мы сразу наталкиваемся на цѣлый рядъ очень серьезныхъ сомнѣній. Подъ вырожденіемъ разумѣютъ уклоненіе отъ нормальнаго типа, вслѣдствіе причинъ наследственныхъ и другихъ. Когда рѣчь идетъ о физическихъ уклоненіяхъ отъ нормальнаго типа, мы имѣемъ дѣло съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ явленіемъ. То или другое строеніе черепа или уха, заячья губа и т. п. физическія аномальности поддаются измѣренію и вообще точному изслѣдованію. Но уже труднѣе точно установить, находятся ли всѣ эти физическія аномальности въ связи съ душевными способностями и съ психиче-

скою жизнью вообще. Конечно, есть физическія уклоненія отъ нормальнаго типа, которыя всегда сопряжены съ ненормальною психическою жизнью. Вспомнимъ о крестинахъ. Но относительно многихъ менѣе значительныхъ физическихъ аномальностей уже никакъ нельзя утверждать, что онѣ являются вѣрнымъ признакомъ ненормальной психической жизни. Этотъ фактъ общеизвѣстенъ, такъ что на немъ нечего останавливаться. Даже величина и строеніе черепа, этой оболочки главнаго сѣдалища нашей психической жизни, не служатъ сколько нибудь надежными признаками, по которымъ можно судить о послѣдней. Словомъ мы имѣемъ нѣкоторое представленіе о нормальномъ физическомъ типѣ; но составить себѣ хотя бы столь же опредѣленное представленіе о нормальномъ психическомъ типѣ уже значительно труднѣе не только потому, что этотъ типъ не поддается наблюденію при помощи нашихъ чувствъ, но и потому, что признаніе нормальности того или другаго лица въ гораздо большей степени является дѣломъ субъективнымъ, чѣмъ по отношенію къ физическому типу.

На сколько всѣ эти указанія важны при оцѣнкѣ выводовъ, къ которымъ приходитъ Нордау, выясняется тотчасъ же, какъ только мы приступимъ къ анализу выставленныхъ имъ признаковъ психическаго вырожденія. Признаковъ этихъ онъ приводитъ очень много и, не довольствуясь ихъ перечисленіемъ, указываетъ даже на основную причину психическаго вырожденія современной интеллигенціи. Разъясненіе этой причины сразу показываетъ намъ, на какомъ шаткомъ основаніи строить Нордау зданіе столь широкихъ и шумныхъ своихъ обобщеній. Основная причина вырожденія, истеричности и неврастенія заключается, по мнѣнію Нордау, въ утомленіи.

Онъ именно исходитъ изъ той мысли, что современная цивилизація ставитъ слишкомъ высокія требованія нервной системѣ интеллигентныхъ людей, которая не выдерживаетъ чрезмѣрнаго напряженія, утомляется и приходитъ въ разстройство. Это разстройство, смотря по своей силѣ, принимаетъ форму неврастенія, истеричности, или вырожденія. Почему же интеллигенція въ наше время чрезмѣрно утомляется? Нордау прибѣгаетъ къ статистическимъ даннымъ, чтобы выяснитъ свою мысль. Онъ указываетъ намъ на возростаніе потребленія разныхъ наркотиковъ, недостаточное питаніе, отравленіе организма разными ядами, небывалое развитіе большихъ городовъ съ ихъ антигигиеническими условіями, на лихорадочную дѣятельность большинства интеллигентныхъ людей, беспрестанныя путешествія по желѣзнымъ дорогамъ, усиленную корреспонденцію, небывалое развитіе книжнаго и газетнаго дѣла. Антигигиеническія условія жизни въ большихъ городахъ и отравленіе организма разными ядами расслабляютъ его, а чрезмѣрная нервная дѣятельность окончательно разстроиваетъ осла-

бѣвшій организмъ, и такимъ образомъ получается истощеніе, сопровождаемое разстройствомъ психической жизни. Мысль эта, впрочемъ, общезвѣстна, хотя Нордау съ одной стороны неумѣлымъ пользованіемъ статистическими данными чрезмѣрно сгущаетъ краски, съ другой — упускаетъ изъ виду чрезвычайно важные факторы, содѣйствующіе утомленію нынѣшней интеллигенціи. О неумѣломъ пользованіи статистическими данными можно говорить, напри- мѣръ, въ томъ случаѣ, когда Нордау указываетъ на небывалое развитіе книжнаго и газетнаго дѣла и почтовыхъ сношеній, какъ на при- чину чрезмѣрнаго нервнаго напряженія. Вѣдь для всякаго оче- видно, что число читателей книгъ, журналовъ и газетъ, лицъ пи- шущихъ и получающихъ письма, путешествующихъ по желѣз- нымъ дорогамъ, покупающихъ товары, возрастаетъ неимоვნно быстро; поэтому, если движеніе на желѣзныхъ дорогахъ усили- вается, если книгъ, журналовъ и газетъ издается больше, если почтовая корреспонденція увеличивается, то это еще не доказы- ваетъ, что всякое отдѣльное лицо читаетъ, путешествуетъ и пи- шетъ больше, чѣмъ читало, путешествовало и писало прежде, или во всякомъ случаѣ соотвѣтственныя статистическія данныя не даютъ сколько нибудь яснаго представленія о томъ, на сколько всѣми этими родами дѣятельности усиливается нервное напряже- ніе интеллигенціи. Допустимъ, напримѣръ, что въ странѣ издава- лось десять газетъ, имѣвшихъ 40.000 читателей, а теперь издается сто газетъ, имѣющихъ 400.000 читателей; тутъ очевидно объ усиленномъ чтеніи газетъ не можетъ быть и рѣчи, а видно только, что народились новые читатели, которыхъ прежде не было. То же можно сказать о книгахъ, корреспонденціи, путешествіяхъ и даже о потребленіи спиртныхъ напитковъ. Если теперь данный народъ пьетъ больше, чѣмъ онъ пилъ прежде, то это еще вовсе не доказы- ваетъ, что пьянство возросло. Можетъ быть, теперь употребляютъ спиртные напитки почти ежедневно многочисленные классы на- селенія, которые прежде могли позволить себѣ эту роскошь только въ двенадесятые праздники. Такимъ образомъ, можетъ оказаться, что абсолютное количество поглощаемыхъ спиртныхъ напитковъ возросло въ страшной прогрессіи, и что народъ въ общемъ сталъ воздержнѣе. Но если уже говорить объ одной интеллигенціи, ко- торую Нордау, понятно, исключительно имѣетъ въ виду, то при- водимыя имъ цифры ничего не доказываютъ, а знакомятъ съ бытовыми условіями въ историческомъ ихъ развитіи побуждаетъ насъ скорѣе думать, что въ интеллигентныхъ классахъ воз- держность нынѣ болѣе распространена, чѣмъ въ прежнее время, ибо теперь пьянство рѣдко принимаетъ такіе гомерическіе раз- мѣры, какіе оно принимало въ старину.

Къ аналогическому же выводу мы приходимъ, когда рѣчь идетъ о лихорадочной дѣятельности современной интеллигенціи. Подтвер-

дить убѣдительными статистическими данными эту избитую фразу очень трудно, и мнѣ кажется, что тутъ играетъ значительную роль оптической обманъ. Конечно, живя въ большомъ центрѣ, мы постоянно наталкиваемся на картины оживленной, пожалуй, даже лихорадочной дѣятельности. Прохожіе и экипажи быстро снуютъ взадъ и впередъ, свистъ локомотивовъ и локобилей, звонки конокъ, крики газетныхъ разносчиковъ, — все это оглушаетъ или рябитъ въ глазахъ. Но чтобы составить себѣ вѣрное понятіе объ усиленной дѣятельности отдѣльнаго индивида или, точнѣе говоря, о такой его дѣятельности, которая могла бы вредно отразиться на его здоровьѣ, этого, конечно, не достаточно. Собственно когда рѣчь заходитъ о лихорадочной дѣятельности, современной интеллигенціи, мы преимущественно имѣемъ въ виду коммерческой людъ и лицъ, занимающихся либеральными профессіями. Конечно, и та и другая категорія значительно возросли, какъ возросла въ численномъ отношеніи и бюрократія. Равнымъ образомъ возросло и число лицъ, посвящающихъ себя военному дѣлу. Такимъ образомъ, можно говорить о значительномъ увеличеніи интеллигенціи, но трудно утверждать, что большинство военныхъ и чиновниковъ предаются вынѣ болѣе лихорадочной дѣятельности, чѣмъ въ прежнее время. Условія бюрократическаго и военнаго труда существенно не измѣнились, а между тѣмъ чиновники и военные всюду на нашемъ материкѣ составляютъ на ряду съ коммерсантами въ количественномъ отношеніи ядро интеллигенціи. Трудно даже утверждать, что большинство коммерсантовъ, содержателей магазиновъ и вообще торговцевъ переутомляются своею дѣятельностью. То же оправдывается и на большинствѣ врачей, особенно провинціальныхъ. Мы видимъ слѣдовательно, какъ ничтоженъ классъ людей, о которыхъ можно утверждать, что жизнь ставить ихъ нервной системѣ чрезмѣрные требованія. Оживленная жизнь большихъ городовъ вводитъ насъ въ заблужденіе, — заблужденіе вполне понятное, такъ какъ бросается въ глаза сравнительно ничтожная кучка людей особенно предпримчивыхъ и дѣятельныхъ, а масса остальныхъ нами не замѣчается.

Единственная причина нервнаго переутомленія, о которой стоитъ серьезно говорить, упущена Нордау изъ виду. Она коренится въ господствующей нынѣ системѣ образованія, подрывающей физическое и психическое здоровье подросткаго поколѣнія. Но и она не можетъ играть той значительной роли, какую отводитъ Нордау утомленію, какъ причинѣ вырожденія и психопатизма. Далеко не вся интеллигенція проходитъ черезъ искусь классическихъ гимназій. Кромѣ того, даже лица, поступающія въ эти гимназіи, далеко не всѣ кончаютъ въ нихъ курсъ. Наконецъ, мы должны еще принять во вниманіе, что Англія и Соединенные Штаты менѣе всего грѣшатъ переутомленіемъ учащейся молодежи, что напротивъ въ

обѣихъ этихъ странахъ на нормальное физическое развитіе дѣтей давно обращено самое усиленное вниманіе, а между тѣмъ психопатическія явленія процвѣтаютъ, по свидѣтельству самого Нордау, и въ этихъ странахъ. Словомъ, намъ кажется, что эти явленія, существованія которыхъ мы не отрицаемъ, объясняются болѣе сложными причинами, чѣмъ какія предусмотрѣны нашимъ авторомъ, и что то, что онъ называетъ вырожденіемъ, или что у насъ принято называть психопатизмомъ, составляетъ такую болѣзнь, при оцѣнкѣ которой психіатрическая или вообще медицинская точка зрѣнія не представляетъ вѣрнаго мѣрила. Но объ этомъ потомъ; пока мы хотѣли только выяснитъ нѣкоторую односторонность нашего автора въ оцѣнкѣ источника изслѣдуемой имъ болѣзни.

Вдумаемся теперь въ поставленный имъ діагнозъ, т. е. подвергнемъ критикѣ указываемые имъ признаки болѣзни. Признаковъ этихъ, какъ мы уже говорили, не мало. Къ числу ихъ принадлежатъ: легкая возбуждаемость или впечатлительность, неспособность къ сосредоточенному вниманію, нерасположеніе къ дѣятельности, мечтательность, склонность къ сомнѣніямъ, отсутствіе нравственнаго чувства, половая извращенность, мистцизмъ и т. д. Мы перечислили главные признаки, на которыхъ Нордау основываетъ свой діагнозъ. Стоитъ, однако, только вдуматься въ эти признаки, чтобы убѣдиться, какъ всѣ они шатки. Возьмемъ для примѣра хотя бы впечатлительность, половую извращенность или недостатокъ нравственнаго чувства. Самъ Нордау признаетъ, что всѣ эти признаки могутъ встрѣчаться у нормальныхъ людей. что только соединеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ одномъ лицѣ можетъ служить болѣе или менѣе надежнымъ симптомомъ болѣзненнаго состоянія. Дѣйствительно, нравственныя понятія постоянно видоизмѣняются и даже относительно самыхъ элементарныхъ нравственныхъ велѣній наблюдается большое разнообразіе и такая же неустойчивость. Ужъ на что категорична нравственная заповѣдь: не укради, а между тѣмъ если руководствоваться склонностью нарушать эту заповѣдь и притомъ упорно, такъ сказать, хронически, то намъ придется причислить къ психопатамъ цѣлые классы исполнѣ нормальныхъ людей, хотя бы, на примѣръ, прислугу по отношенію къ господамъ, или вообще большинство обывателей по отношенію къ казенному добру. Приблизительно то же можно сказать о другой столь же категорической заповѣди: не прелюбодѣйствуй. Не видимъ ли на каждомъ шагу, что исполнѣ нормальные люди нарушаютъ супружескую вѣрность? Но допустимъ, что отсутствіе нравственнаго чувства можетъ еще до нѣкоторой степени служить признакомъ психическаго разстройства. Однако, ужъ никто не рѣшится серьезно утверждать, что легкая возбуждаемость или впечатлительность служатъ сколько нибудь вѣрнымъ признакомъ болѣзненнаго состоянія. Напротивъ впечатлительность, то-есть способность болѣе

или менѣе полно воспринимать впечатлѣнія, составляетъ одно изъ основныхъ условій успѣшной дѣятельности во многихъ отрасляхъ труда, и во всякомъ случаѣ притупленность нервной системы, неспособность чутко воспринимать впечатлѣнія, дѣлаетъ человѣка совершенно непригоднымъ ко всѣмъ болѣе утонченнымъ родамъ дѣятельности. Мы даже отказываемся понять, какъ можно себѣ представить сколько нибудь выдающагося художника, поэта, композитора, не обладающаго большою впечатлительностью. Надо ли далѣе пояснять, что и половая извращенность, а тѣмъ менѣе половая возбуждаемость не могутъ служить вѣрными признаками душевнаго разстройства? Не видимъ ли мы многочисленныя примѣры половой извращенности со стороны людей вполне здоровыхъ, на примѣръ, у восточныхъ народовъ или у древнихъ грековъ? А что касается до половой возбуждаемости, до сосредоточенія всего вниманія на женщинѣ, которое Нордау признаетъ однимъ изъ самыхъ существенныхъ признаковъ вырожденія, то оно по большей части ровно ничего не доказываетъ. Словомъ, всѣ эти признаки представляются намъ крайне шаткими, и даже соединеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ одномъ лицѣ никакъ не можетъ служить признакомъ ненормальнаго состоянія его умственныхъ способностей. Мы не коснулись еще одного признака, на которомъ особенно настаиваетъ Нордау: это—безпорядочная ассоціація идей, расплывчатое мышленіе, неспособность къ сосредоточенному вниманію. Но и тутъ очевидно мы имѣемъ дѣло съ признакомъ чрезвычайно шаткимъ. Одинъ и тотъ же субъектъ умѣетъ иногда прекрасно сосредоточивать свое вниманіе въ данной отрасли труда или въ данной группѣ понятій, но совершенно неспособенъ на это въ другой отрасли труда или въ другой группѣ понятій. Знаменитые ученые отличались разсѣянностью въ жизни, какою-то паразитическою неспособностью найтись въ ней; но странно было бы, конечно, причислять этихъ ученыхъ къ психопатамъ. Напротивъ тутъ именно способность сосредоточить вниманіе на одномъ предметѣ лишала человѣка способности столь же внимательно относиться къ другимъ предметамъ. Мы указываемъ на этотъ фактъ, потому что онъ представляетъ собою ключъ къ разгадкѣ многихъ странностей въ художественномъ или научномъ творчествѣ. Сосредоточеніе на одномъ чувствѣ, на одной мысли, приводило мыслителей и поэтовъ къ великимъ открытіямъ, замѣчательнымъ художественнымъ произведеніямъ, но въ то же время вызывало въ нихъ такую односторонность, что, казалось, будто бы они неспособны уловить связь между самыми обычными явленіями, а расплывчатое мышленіе или произвольная ассоціація идей давали приблизительно такіе же результаты; человѣкъ съ очень сильнымъ воображеніемъ часто производитъ впечатлѣніе сумасшедшаго, его мысль не подчиняется правиламъ зауряднаго мышленія, и тѣмъ не

менѣе она въ своемъ фантастическомъ полетѣ раскрываетъ иногда истины, которыя при строгомъ соблюденіи обыкновенныхъ законовъ логики долго, можетъ быть, не были бы раскрыты.

Все это такъ очевидно, что на первый взглядъ можетъ даже показаться непонятнымъ, какъ Нордау рѣшился на основаніи такихъ шаткихъ признаковъ включить выдающихся художниковъ и мыслителей въ число психопатовъ. Но виновать въ этомъ не самъ Нордау, а избранный имъ методъ оригинальный, новый, во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно поучительный, но въ другихъ—односторонній. Методъ этотъ заключается въ слѣдующемъ: точное наблюденіе надъ жизнью душевно-больныхъ привело психиатровъ (самъ Нордау, какъ извѣстно, также психіатръ) къ установленію цѣлага ряда признаковъ, свойственныхъ душевно-больнымъ. Нордау, изучая жизнь и произведенія литераторовъ и художниковъ, старается установить, на сколько они подходятъ подъ эти признаки. Такимъ образомъ, психіатры руководствовались въ своихъ наблюденіяхъ индуктивнымъ методомъ, благодаря которому получился цѣлый рядъ обобщеній; а Нордау съ своей стороны пользуется этими обобщеніями для своей классификаціи литераторовъ и художниковъ. Для болѣе нагляднаго разъясненія метода Нордау возьмемъ примѣръ. Допустимъ, что сдѣланы наблюденія надъ нѣсколькими сотнями или тысячами душевно-больныхъ, и всѣ они отличались впечатлительностью, легкою возбуждаемостью вообще и половою возбуждаемостью въ частности. Нордау беретъ даннаго писателя, изучаетъ его жизнь и произведенія, причемъ оказывается, что этотъ писатель также отличается во всѣхъ отношеніяхъ легкою возбуждаемостью. Отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что психическая жизнь его не вполне нормальна, что онъ принадлежитъ къ числу психопатовъ. Или психіатры сдѣлали наблюденіе, что душевно-больные часто страдаютъ религіознымъ помѣшательствомъ, мистицизмомъ. Допустимъ, что данный писатель въ своей жизни и въ своихъ произведеніяхъ проявляетъ особенную склонность къ обсужденію религіозныхъ вопросовъ, и что, кромѣ того, онъ много занимается женщинами; опять таки выходитъ, что психическое его состояніе представляется Нордау подозрительнымъ. Очевидно, тутъ происходитъ смѣшеніе понятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и избранный методъ не можетъ привести къ достовернымъ выводамъ. Допустимъ, что въ больницѣ сдѣланы точныя наблюденія надъ цѣлымъ рядомъ чахоточныхъ: всѣ они оказались блѣдными, раздражительными, всѣхъ ихъ лихорадило. Но, очевидно, отсюда нельзя еще вывести заключенія, что всякій человѣкъ блѣдный, раздражительный и страдающій по временамъ лихорадкою—непремѣнно чахоточный. А между тѣмъ психіатры очень склонны къ подобнымъ обобщеніямъ въ области психической жизни, и объясняется это, конечно, тѣмъ, что нервная наша система и главная ея составная часть—человѣ-

чeskій мозгъ, могутъ быть изучаемы почти исключительно только во внѣшнихъ и часто весьма сбивчивыхъ своихъ проявленіяхъ. Только очень уже ясно выраженная клиническая картина даетъ возможность точно опредѣлить родъ болѣзни. Но на основаніи такихъ признаковъ, какъ мистицизмъ, впечатлительность, отсутствіе нравственнаго чувства и проч., ни одинъ психіатръ не рѣшится признать зауряднаго человѣка помѣшаннымъ, тѣмъ менѣе это позволительно критику по отношенію къ выдающимся дѣятелямъ, уже въ силу своихъ занятій живущимъ особенною психическою жизнью.

Шаткость всѣхъ этихъ признаковъ вырожденія приводитъ Нордау къ невозможности установить сколько нибудь убѣдительную классификацію писателей и художниковъ, признаваемыхъ имъ психопатами. Онъ ихъ причисляетъ къ тремъ категоріямъ: мистикамъ (Росети, Свинбёрнъ, Верленъ, Толстой, Рихардъ Вагнеръ, Метерлинкъ и др.), эготистамъ (декаденты, Бодлэръ, Ибсенъ, Ницше) и реалистамъ (Зола и его послѣдователи). Достаточно назвать эти три категоріи, чтобъ сразу понять, что Нордау тутъ уже самъ отрекается отъ избраннаго имъ метода изслѣдованія. Дѣйствительно, если дѣло идетъ о вырожденіи, объ извѣстномъ ненормальномъ психическомъ состояніи, если задача изслѣдователя заключается въ томъ, чтобы подвести больныхъ писателей подъ тѣ или другія формы констатированныхъ наукою душевныхъ болѣзней, то распредѣленіе писателей и художниковъ по разнымъ категоріямъ должно, понятно, быть произведено на основаніи признаковъ именно этихъ болѣзней. Благодаря успѣхамъ психіатріи, теперь существуетъ очень обстоятельное дѣленіе помѣшанныхъ. Есть помѣшательство мрачное, буйное, паралитическое, горделивое, нравственное, травматическое и т. д. Казалось бы, что если ужъ подводить писателей и художниковъ подъ понятіе о помѣшанныхъ, то слѣдовало бы именно руководствоваться этимъ установленнымъ наукою дѣленіемъ. Но Нордау на это не рѣшается. Правда онъ иногда говоритъ о буйномъ или мрачномъ помѣшательствѣ того или другого писателя, но классифицируетъ ихъ, какъ мы видѣли, по вымышленнымъ имъ самимъ весьма неустойчивымъ и неубѣдительнымъ категоріямъ. Что, на примѣръ, означаетъ мистицизмъ по мнѣнію Нордау? Главный признакъ мистицизма, это—слабость вниманія, неспособность контролировать игру ассоціаціи идей. Мы уже указывали, какъ этотъ признакъ неустойчивъ. Къ тому же самъ Нордау признаетъ, что всякій человѣкъ только въ извѣстной области мышленія руководствуется яснымъ сознаніемъ, а въ другихъ неизбѣжно является мистикомъ. Такъ, на примѣръ, крестьянинъ очень отчетливо сознаетъ все, что касается полевыхъ работъ или своего хозяйства, но въ вопросахъ религіозныхъ, медицинскихъ, политическихъ, является мистикомъ, то-есть, склоненъ руковод-

ствоваться въ нихъ не точнымъ знаніемъ, не сосредоточеннымъ вниманіемъ, а игрою воображенія. Достаточно привести такіе факты, какъ беспорядки во время холеры или толки о какомъ-то всеобщемъ передѣлѣ, чтобы уяснить себѣ, какъ мало крестьянинъ способенъ подвергать ассоціацію идей контролю вниманія. Еще менѣе убѣдительно другая категорія, придуманная Нордау, именно эгоизмъ. Главнымъ признакомъ этой умственной болѣзни является сосредоточеніе вниманія на болѣзненныхъ процессахъ во внутреннихъ органахъ и слѣдовательно равнодушное отношеніе къ внѣшнему міру, вслѣдствіе чего больной не въ состояніи приспособляться къ внѣшнимъ условіямъ и успѣшно вести борьбу за существованіе. Этотъ признакъ представляется намъ уже совершенно несостоятельнымъ. Мы, на примѣръ, видимъ, что при ясно выраженныхъ формахъ душевнаго расстройства, на примѣръ, при мании величія, больной нисколько не обращаетъ вниманія на болѣзненные процессы въ своихъ органахъ, а занятъ исключительно внѣшнимъ міромъ: онъ думаетъ о томъ, какъ бы осчастливить человѣчество въ качествѣ могущественнаго монарха, раскрыть новыя истины въ качествѣ великаго мыслителя, сдѣлать совершенно новое открытіе и т. д., словомъ, онъ внутренними болѣзненными процессами нисколько не занятъ. То же явленіе наблюдается и при другихъ манияхъ—сутяжнической, воровской и проч. Но если даже явно помѣшанные, то-есть субъекты, одержимые сильною формою помѣшательства, часто вовсе не заняты внутренними болѣзненными процессами въ своемъ организмѣ, то понятно, это тѣмъ болѣе возможно по отношенію къ менѣе опаснымъ и даже сомнительнымъ больнымъ. Опытъ насъ убѣждаетъ, что физически больные, страдающіе мнительностью, дѣйствительно производятъ иногда впечатлѣніе людей, помѣшавшихся на своей болѣзни; но тотъ же опытъ насъ убѣждаетъ, что больной тотчасъ же перестаетъ страдать этого рода помѣшательствомъ, какъ только выздоравливаетъ. Во всякомъ случаѣ между душевно-болными, быть можетъ, менѣе всего встрѣчается субъектовъ, одержимыхъ чрезмѣрною мнительностью и сосредоточивающихъ вниманіе на болѣзненныхъ процессахъ въ своемъ организмѣ: между психически здоровыми, но слабосильными, субъектами такого рода помѣшательство гораздо болѣе распространено. Наконецъ, что сказать о третьей категоріи выродившихся субъектовъ, именно о реалистахъ? Нордау даже отказывается привести какіе либо опредѣленные признаки, характеризующіе его больныхъ этого рода. Онъ упоминаетъ только объ извращенности половыхъ инстинктовъ, о склонности къ вульгарнымъ выраженіямъ и порнографіи; но если нѣкоторые душевно-больные дѣйствительно склонны ругаться и говорить сальности, то вѣдь и между здоровыми на каждомъ шагу встрѣчаются субъекты этого рода, и во всякомъ случаѣ можно только съ явной натяжкой руководствоваться этимъ признакомъ и причислить дан-

наго писателя къ психопатамъ только потому, что онъ склоненъ прибѣгать къ вульгарнымъ выраженіямъ или порнографіи.

Таковъ методъ Нордау. Мы видѣли, какъ осторожно надо имъ пользоваться, чтобы не совершить явныхъ ошибокъ, не впасть въ преувеличенія, дискредитирующія весь методъ. Признавать на основаніи одного или нѣсколькихъ признаковъ, указанныхъ Нордау, людей сумасшедшими или психопатами, значитъ причислить почти всю интеллигенцію къ разряду людей душевно-больныхъ. И дѣйствительно, Нордау такъ-таки прямо и говоритъ, что современные литераторы и художники вмѣстѣ съ ихъ читателями и почитателями представляются ему «громадною больницею для душевно-больныхъ». Этотъ выводъ слишкомъ парадоксаленъ, чтобы быть убѣдительнымъ, хотя онъ далеко не такъ нелѣпъ, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Бѣда только въ томъ, что мѣрка, съ которою Нордау подходитъ къ одному изъ крупнѣйшихъ явленій нашей современной жизни, слишкомъ узка. Но прежде чѣмъ приступить къ разъясненію этого вопроса, мы укажемъ еще, въ чемъ заключается заслуга Нордау въ рамкахъ того метода, которымъ онъ руководствуется при оцѣнкѣ занимающаго насъ явленія.

Если мы до сихъ поръ отнеслись отрицательно къ его методу, то единственно съ цѣлью выяснить, какъ произвольны тѣ широкія обобщенія, къ которымъ прибѣгаетъ нашъ авторъ. Но самъ по себѣ его методъ представляетъ собою чрезвычайно полезное и даже очень важное нововведеніе при оцѣнкѣ научнаго и художественнаго творчества. Дѣйствительно, нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ психологія играетъ такую слабую роль въ критикѣ научныхъ и художественныхъ произведеній. Послѣ работъ Тэна, конечно, никто не станетъ утверждать, что психологическая критика совершенно отсутствуетъ, но она пока, всетаки, дѣлаетъ только первые робкіе и неувѣренные шаги. А между тѣмъ сколько свѣта она можетъ пролить на научное и художественное творчество! Поразительный примѣръ этого рода мы находимъ въ одной изъ самыхъ блестящихъ главъ книги Нордау, въ главѣ, посвященной новоявленному философу Фридриху Ницше, который сразу былъ провозглашенъ даже университетскими профессорами звѣздою первой величины на небосклонѣ европейской философіи. Никто не задумался надъ тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что Ницше лихорадочно набрасывалъ свои произведенія, побывавъ въ домѣ для умалишенныхъ и снова понавъ въ него уже въ качествѣ неизлечимаго; никто не останавливался на бросающихся въ глаза противорѣчія въ произведеніяхъ этого философа, на вычурности его стиля, на неспособности излагать свои мысли въ сколько нибудь связномъ видѣ, на явной бессмыслицѣ, испещряющей его произведенія. И вотъ Нордау подвергъ его жизнь и произведенія критикѣ съ точки зрѣнія психіатрической. Послѣ этой критики не остается никакого

сомнѣнія, что и читающая публика, и университетскіе профессора обозначились и приняли буйнаго помѣшаннаго съ явными признаками маніи величія за глубокаго мыслителя, чуть ли не открывающаго новую эру въ философіи. Не менѣе интересные и поучительные выводы даетъ психіатрической методъ по отношенію къ другимъ современнымъ знаменитостямъ, каковы: Бодлэръ, Верлэнъ, Метерлинкъ. Но, увлеченный своимъ успѣхомъ, Нордау сталъ приступать къ оцѣнкѣ почти всѣхъ современныхъ писателей и художниковъ съ психіатрической точки зрѣнія, увлекся и договорился до явныхъ несообразностей. Чтобы подтвердить нашу мысль примѣромъ, возьмемъ одну изъ самыхъ обширныхъ главъ его труда, именно главу, посвященную знаменитому норвежскому драматургу Ибсену. По мнѣнію Нордау, Ибсенъ также выродившійся субъектъ, психопатъ. На чемъ же основано это мнѣніе? Вотъ обвинительные пункты. Въ драмахъ Ибсена преобладаютъ мистическія понятія объ искупленіи, исповѣди, наслѣдственномъ грѣхѣ; дѣйствующія лица произносятъ таинственныя, иногда прямо бессмысленныя фразы; они очень склонны каяться въ совершенныхъ ими грѣхахъ; женщины то и дѣло бѣгутъ отъ своихъ мужей; понятія у дѣйствующихъ лицъ ужасно узки и т. д. Выходить, какъ будто Ибсенъ пользуется своими дѣйствующими лицами для выраженія собственныхъ взглядовъ. Нордау совершенно обходитъ существенный вопросъ, не воспроизводитъ ли Ибсенъ мастерскими штрихами окружающую дѣйствительность, нисколько не признавая себя солидарнымъ съ своими героями. Установивъ разъ навсегда ту точку зрѣнія, что если въ произведеніяхъ даннаго автора сильно выражены религиозный элементъ съ мистическимъ оттѣнкомъ, проявляются недостатокъ нравственнаго чувства и склонность потворствовать дурнымъ инстинктамъ, то авторъ этихъ произведеній неизбѣжно является психопатомъ, онъ и Ибсена причисляетъ къ душевно-разстроеннымъ писателямъ, не замѣчая, что Ибсенъ описываетъ вовсе не свое душевное состояніе, а душевное состояніе среды, которую онъ изучилъ съ рѣдкою наблюдательностью. Вѣдь на томъ же основаніи, на какомъ Нордау признаетъ Ибсена психопатомъ, можно признать и большинство нашихъ беллетристовъ душевно-больными, потому что покаяніе играетъ въ нашей беллетристикѣ громадную роль, а бѣгство женщинъ отъ мужей, изъ родительскаго дома, изъ провинціальной глуши, составляетъ цѣлую полосу нашей общественной жизни. Но тутъ очевидно дѣло не въ душевной болѣзни беллетристовъ, а въ тѣхъ общественныхъ условіяхъ, въ томъ душевномъ настроеніи, которое заставляетъ русскаго человѣка каяться, а русскую женщину бѣжать. Нравственная дряблость и несостоятельность неизбѣжно приводятъ къ раскаянію людей, не испорченныхъ въ конецъ, а узость интересовъ, гнетъ невѣжества, заставляетъ молодежь искать простора, воздуха.

Несомнѣнно, однако (и это обстоятельство заставляетъ смягчить нашъ судъ надъ Нордау по отношенію къ Ибсену), что большинство почитателей таланта Ибсена ищетъ въ его произведеніяхъ вовсе не того, что авторъ намъ даетъ. Онъ даетъ замѣчательно вѣрную картину норвежской жизни, включенную въ рамку рѣдкаго сценическаго мастерства. Почитатели же Ибсена, особенно въ скандинавскихъ государствахъ и въ Германіи, а отчасти и у насъ, думаютъ найти въ норвежскомъ драматургѣ провозвѣстника какого-то новаго слова, и притомъ не въ искусствѣ, а въ области нравственной или социальной. Но ужъ въ этомъ, конечно, виновать не самъ Ибсенъ, а его сторонники. Если Нора бѣжитъ отъ мужа, то это не значитъ, что самъ Ибсенъ относится неодобрительно къ браку и предлагаетъ женамъ бросать мужей, когда имъ вздумается. Ибсенъ указалъ въ своей драмѣ только на невозможность примирить самостоятельность личности, уважающей въ себѣ челоуѣческое достоинство, и тѣ узко-буржуазныя понятія, которыя господствуютъ въ норвежскомъ обществѣ. Но Нордау вполне правъ, когда указываетъ, что Ибсенъ имѣетъ такъ много почитателей и почитательницъ именно потому, что охотники и охотницы до половой разнузданности какъ бы находятъ въ его драмахъ оправданіе, или, по крайней мѣрѣ, извиненіе своимъ дурнымъ инстинктамъ. Какъ во всѣхъ частяхъ своего труда, Нордау и тутъ указываетъ на взаимодѣйствіе между писателемъ и читателемъ. Онъ, однако, разрѣшаетъ вопросъ такъ, что психопатъ-писатель встрѣчаетъ горячее сочувствіе со стороны психопатовъ-читателей, а такъ какъ большинство читателей, по его мнѣнію, психопаты, вслѣдствіе нервнаго утомленія, вызваннаго условіями современной культурной жизни, то душевно-разстроенные писатели могутъ разсчитывать на самый вѣрный успѣхъ. Въ подтвержденіе Нордау, между прочимъ, ссылается и на Толстого, замѣчательныя произведенія котораго: «Война и миръ» и «Анна Каренина», были встрѣчены довольно равнодушно европейскою публикою, а явно-де психопатическая повѣсть «Крейцера соната» вызвала во всемъ мірѣ необычайный шумъ. Онъ даже причисляетъ такого трезваго наблюдателя, какъ Зола, къ психопатамъ на томъ только основаніи, что въ его произведеніяхъ замѣтна сильная склонность къ порнографіи и вульгарности.

Ошибка, совершаемая тутъ Нордау, бросается въ глаза. Онъ вполне признаетъ, если не по отношенію къ самому Зола, то по отношенію къ его послѣдователямъ, что весьма трудно различить, гдѣ въ произведеніяхъ французскихъ реалистовъ кончается половая извращенность, отсутствіе нравственнаго чувства, и гдѣ начинается простая спекуляція на извращенные вкусы читающей публики. Во всякомъ случаѣ мы видимъ, что самъ Зола часто пишетъ произведенія, въ которыхъ порнографіи не отводится ника-

кой роли, и что даже самыя скабрёзныя страницы его романовъ отличаются холодною, не допускающею мысли, что авторъ самъ увлекается своими скабрёзными картинами. Стоитъ только въ этомъ отношеніи сопоставить, на примѣръ, пресловутаго маркиза де-Сада и Поль де-Кока съ главою французскихъ натуралистовъ, чтобы въ этомъ убѣдиться. Съ другой стороны, трудно сомнѣваться, что Зола отводитъ скабрёзности въ своихъ произведеніяхъ гораздо больше мѣста, чѣмъ это необходимо для художественныхъ цѣлей или для вѣрнаго воспроизведенія дѣйствительности. Вспомнимъ хотя бы его романъ «Земля», гдѣ крестьяне то-и-дѣло предаются разнымъ любовнымъ похождениямъ въ ультра-реалистическомъ смыслѣ, такъ что получается впечатлѣніе, будто бы сельскій людъ проводитъ всю свою жизнь въ одномъ только амурничаньѣ. Если со всѣмъ этимъ сопоставить и тотъ фактъ, что наибольшее распространеніе имѣютъ наиболѣе скользкіе романы Зола, то мы неизбѣжно придемъ къ выводу, что дѣло тутъ вовсе не въ половой извращенности Зола, а въ его желаніи постоянно подогрѣвать охоту читающей публики покупать его романы. Далѣе, что съ другой стороны доказываетъ тотъ фактъ, что такія высоко-художественныя произведенія, какъ «Война и миръ» или «Анна Каренина», находятъ гораздо меньше читателей, чѣмъ «Крейцера соната» или проповѣдническіе этюды Толстого? Нордау говоритъ, что для оцѣнки художественныхъ красотъ творчества Толстого требуется развитой эстетическій вкусъ и вообще болѣе значительное образованіе, чѣмъ какимъ располагаетъ большинство интеллигентныхъ людей, а что для чтенія проповѣдническихъ этюдовъ Толстого требуется только извѣстное настроеніе, свойственное психопатамъ съ ихъ склонностью къ мистицизму и вѣчнымъ сомнѣніямъ. Значитъ Толстой своими высоко-художественными произведеніями удовлетворяетъ болѣе тонкихъ цѣнителей художественнаго творчества, а своими проповѣдническими этюдами—широкую читающую публику. Между тѣмъ, по словамъ того же Нордау, выходитъ, что чрезвычайное распространеніе психопатизма является продуктомъ чрезмѣрнаго напряженія нервной системы, чрезмѣрной умственной работы, которой искать, конечно, приходится больше въ средѣ лицъ съ обширнымъ образованіемъ, чѣмъ въ массѣ интеллигентныхъ людей средняго уровня. Это—явное противорѣчіе, вызываемое неправильною постановкою вопроса. Несомнѣнно, публика читаетъ только то, что соответствуетъ ея настроенію, то-есть такія книги, въ которыхъ заключаются отвѣты на предъявляемые ею запросы. Расходятся въ большомъ количествѣ разные учебники, беллетристика, не требующая умственнаго напряженія, популярно-научныя книги и, какъ выяснено опытомъ послѣдняго времени, также и книги нравственно-философскаго содержанія. Само собою далѣе разумѣется, что если на запросы широкой читающей публики бе-

рутся отвѣтить писатели съ громкимъ именемъ, пользующіеся большою популярностью, то соответственно ихъ книги будутъ имѣть громадное распространіе. Предположимъ даже, что эти книги составлены неудовлетворительно, то-есть гораздо слабѣ книгъ менѣе извѣстныхъ или даже вовсе неизвѣстныхъ писателей, тѣмъ не менѣе публика будетъ по понятнымъ причинамъ раскупать ихъ нарасхватъ. Возвращаясь къ Зола, мы видимъ, что его талантъ и его популярность остаются приблизительно одинаковыми, но число экземпляровъ разныхъ его романовъ, раскупаемыхъ публикою, весьма различно, смотря по тому, на сколько тотъ или другой изъ нихъ удовлетворяетъ по своему сюжету запросамъ публики: «Нана» разошлась въ количествѣ 160.000 экземпляровъ, а «Мечта» (Le rêve) только въ количествѣ 33.000 экз. Это фактъ. Но съ другой стороны «Разгромъ» (La débâcle) разошелся въ количествѣ 143.000 экземпляровъ, а такой грязный романъ, какъ «Лицо и изнанка» (Pot-Bouille), всего въ количествѣ 82.000 экземпляровъ. Значитъ, дѣло не въ однихъ дурныхъ инстинктахъ читающей публики. Тутъ играетъ роль другой факторъ, и утверждать, что вслѣдствіе усиливающагося вырожденія интеллигенціи психопатическія книги могутъ рассчитывать на особенный успѣхъ, а психопатическіе писатели на особенную популярность, значитъ отнестись очень поверхностно къ вопросу. Было время, и притомъ сравнительно очень недавно, когда писатель гораздо легче могъ составить себѣ болѣе или менѣе ясное понятіе о вкусахъ читателей. Объясняется это тѣмъ, что читатели составляли болѣе или менѣе однородную группу лицъ съ одинаковою подготовкою, одинаковыми умственными интересами. Теперь это значительно измѣнилось. Народныя школы и разныя городскія училища, столь теперь всюду распространенныя, поработали не даромъ. Выражаясь вульгарно, можно сказать, что улица вторглась въ литературу, и вмѣстѣ съ тѣмъ получилось слѣдующее положеніе: число читателей книгъ, журналовъ, газетъ, вездѣ возросло въ громадной прогрессіи; вмѣстѣ съ тѣмъ возросло и число лицъ, покупающихъ книги, подписывающихся на журналы и газеты. Но умственный, эстетическій, нравственный уровень читателей страшно понизился. Прежде для того, чтобы имѣть успѣхъ, писатель долженъ былъ обладать талантомъ, знаніями, подготовкою; теперь и знанія, и подготовку, и талантъ, можно замѣнить рутинною и умѣньемъ вызывать сенсацію въ толпѣ, умѣньемъ угождать ея вкусамъ, удовлетворять ея потребностямъ. Наибольшее распространеніе получаютъ книги, авторы которыхъ обладаютъ наибольшею виртуозностью въ этомъ отношеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и истинные таланты подвергаются громадному искушенію: имъ открыты двѣ дороги, жить для искусства, для мысли и бѣдствовать; либо жить для удовлетворенія вкусовъ или потребностей толпы и обогащаться. Съ психопатиз-

момъ это явленіе не совпадаетъ, но оно во многихъ отношеніяхъ съ нимъ близко граничитъ. Возьмемъ для иллюстраціи нашей мысли хотя бы пресловутаго германскаго философа, сумасшедшаго Ницше. Имя его стало вдругъ всеѣмъ извѣстно; не смотря на туманность и нерѣдко явную безсмыслицу, сочиненія его раскупались. Чѣмъ это объяснить? Нордау намъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, что Ницше—сумасшедшій, и что поэтому психопаты чувствуютъ къ нему инстинктивное влеченіе. Но вѣдь даже ясно выраженные формы помѣшательства представляютъ большое разнообразіе; напримѣръ, больной, страдающій религіознымъ помѣшательствомъ, понятно, не интересуется математическими сочиненіями; тѣмъ болѣе это оправдывается на психопатахъ, то-есть на больныхъ съ весьма неопредѣленною формою болѣзни. Между тѣмъ, представимъ себѣ громадный контингентъ читателей съ весьма слабою философскою подготовкою, но съ сильною склонностью найти теоретическое оправданіе своимъ эгоистическимъ инстинктамъ; представимъ себѣ далѣе, что въ среду людей съ такимъ настроеніемъ врывается челоуѣкъ, который съ необычайнымъ пыломъ, съ большою начитанностью и подчасъ мѣткими сравненіями и сопоставленіями доказываетъ, что въ эгоизмѣ — все спасеніе, что нравственность — ерунда, что ея велѣнія заслуживаютъ только названія «рабской морали». Нужно ли намъ въ этомъ случаѣ пояснять, почему такой писатель, будь онъ, какъ въ данномъ случаѣ, даже прямо помѣшаннымъ, находитъ себѣ массу сторонниковъ и сбиваетъ даже съ толку профессоровъ философіи, пораженныхъ внезапною популярностью непризваннаго своего собрата по оружію. Если допустить, въ чемъ весьма трудно сомнѣваться, что во всей европейской интеллигенціи замѣчается теперь особенный интересъ къ нравственно-философскимъ вопросамъ о цѣли нашего существованія, о смыслѣ жизни, то можно ли удивляться, что соотвѣтственные писанія такого знаменитаго художника, какъ Толстой, находятъ себѣ болѣе обширный кругъ читателей, чѣмъ его большіе романы, требующіе со стороны читателя и умственнаго напряженія и эстетической подготовки. Наконецъ, не вполне ли понятно, помимо всякаго вырожденія, что толпа покупаетъ тѣ книги Зола, которыя угождаютъ дурнымъ ея инстинктамъ или бьютъ на сенсацію, хотя бы онѣ въ художественномъ отношеніи были написаны слабѣе, чѣмъ другія его книги.

Но какъ бы то ни было, Нордау указаль на взаимодѣйствіе между читающею публикою и писателемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ близко коснулся, быть можетъ, наиболѣе большого мѣста современной литературы. Къ сожалѣнію, онъ только слишкомъ узко взглянулъ на вопросъ по двумъ причинамъ, одной — безсознательной, а другой, какъ мнѣ кажется, сознательной. Безсознательная причина заключается въ томъ, что онъ, въ качествѣ психіатра и вообще врача,

неволью подводитъ всё ненормальныя явленія въ литературѣ подъ тѣ или другія формы умственной болѣзни. Другая же, сознательная причина, заключается въ томъ, что онъ, возмущенный до глубины души этими явленіями, хотѣлъ во что бы то ни стало осмѣять и заклеить ихъ виновниковъ. Мнѣ кажется, что Нордау подчинился въ этомъ отношеніи вліяніямъ, противъ которыхъ онъ самъ такъ рѣшительно и по временамъ краснорѣчиво возстаетъ. Если писателямъ вообще приходится считаться съ недомыслиемъ читающей публики и склонностью ея ко всему сенсационному, то очевидно и Нордау, выступая въ походъ противъ отрицательныхъ явленій въ литературѣ, не довѣрялъ провицательности своихъ читателей, не вѣрилъ въ возможность успѣха своей книги и слѣдовательно въ силу впечатлѣнія, которое она произведетъ, если онъ ограничится простымъ разъясненіемъ занимавшаго его вопроса. Поэтому онъ сгустилъ краски, прибѣгъ къ явному парадоксу, и, надо признать, въ блестящемъ изложеніи, свидѣтельствующемъ о его глубокомъ знакомствѣ съ современной литературою, старался представить доказательства психическаго расстройства тѣхъ писателей, которые, по его понятіямъ, оказываютъ вредное вліяніе на общественное мнѣніе, и въ же время осмѣять ихъ столь многочисленныхъ поклонниковъ. Сатира получилась очень ѣдкая, очень злая, и, быть можетъ, Нордау этимъ приѣмомъ достигнетъ болѣе полныхъ результатовъ, чѣмъ еслибъ онъ ограничился менѣе парадоксальнымъ выясненіемъ существующаго зла. Нордау очень умный человѣкъ и талантливый писатель, книги котораго имѣютъ широкое распространеніе не только въ Германіи, но и въ другихъ европейскихъ странахъ, между прочимъ и у насъ. И вотъ этотъ умный писатель, пользующійся широкимъ вліяніемъ, называетъ многихъ выдающихся дѣятелей литературы и искусства, предъ которыми толпа преклонялась слѣпо и безъ всякой критики, предъ которыми она подбострастничала, сумасшедшими, выродками, психопатами. Это заставитъ толпу опомниться, отрезвиться, продумать то, что она просто принимала на вѣру, хотя съ другой стороны этотъ приѣмъ въ глазахъ серьезной критики можетъ и повредить нашему автору. Переутомленіе нервной системы, ея расстройство, составляетъ лишь одинъ и притомъ въ сущности второстепенный источникъ того печальнаго положенія, которое во многихъ отношеніяхъ занимаетъ современная литература. Главная же причина заключается вовсе не въ вырожденіи, какъ утверждаетъ Нордау, а въ чемъ-то иномъ. Но въ чемъ? Этому вопросу я въ заключеніе и коснусь.

Просвѣщеніе сдѣлало большіе успѣхи, но болѣе въ количественномъ, чѣмъ въ качественномъ отношеніи. Людей, располагающихъ зачатками образованія, теперь неизмѣримо больше, чѣмъ ихъ было прежде, но весь этотъ громаднй контингентъ читателей,

предъявляющихъ свой спросъ на рынкѣ печатнаго слова, къ самостоятельнымъ сужденіямъ въ отвлеченныхъ вопросахъ мысли, въ высшихъ проявленіяхъ искусства, не подготовленъ. Онъ поетъ съ чужого голоса, легко подчиняется внушенію, но вовсе не потому, что нервная система у него разстроена, а просто потому, что у него не хватаетъ ни вкуса, ни образованія, для оцѣнки выдающихся произведеній пера, рѣзца или кисти. Съ другой стороны значительно увеличился и классъ людей съ высшимъ образованіемъ, но по мѣрѣ того, какъ эти люди все болѣе предоставляются собственнымъ силамъ въ борьбѣ за существованіе, и образованность становится все болѣе и болѣе простымъ средствомъ добывать себѣ хлѣбъ и пріобрѣтаетъ характеръ чисто-утилитарный,—люди изучаютъ ревностно только то, что имъ необходимо для проложенія себѣ дороги въ жизни; специальными знаніями всякій образованный человѣкъ располагаетъ теперь больше, чѣмъ прежде, но уровень общаго образованія сильно понизился. Наконецъ мы не должны упускать изъ виду, что богатства сосредоточиваются теперь главнымъ образомъ въ рукахъ такихъ людей, которые ставятъ культуру ума и чувства весьма низко, которые, не желая отставать отъ образованныхъ людей, покупаютъ книги и произведения искусства, но въ сущности нисколько не подготовлены быть ихъ цѣнителями. Борьба за существованіе и промышленный характеръ нашего времени наложили очень рѣзкій отпечатокъ на умственный складъ европейской интеллигенціи.

Все это, вмѣстѣ взятое, значительно понижаетъ уровень требованій, предъявляемыхъ читающей публикою къ произведеніямъ мысли и искусства, и въ то же время порождаетъ массу уродливыхъ явленій, которыя дѣйствительно часто производятъ впечатлѣніе чего-то болѣзненнаго, психопатическаго. Погоня за сенсациею, достигаемою дешевыми и часто даже безнравственными средствами, за кричащими эффектами, ошеломляющими людей съ веревками вмѣсто нервовъ, вычурность въ стилѣ, въ художественныхъ приѣмахъ, беззащѣтное популярничаніе, наигрываніе на дурныхъ страстяхъ, грубая декоративная живопись, шумиха фразъ, громкихъ, хлесткихъ, но безсодержательныхъ, все это стало теперь въ литературѣ явленіемъ общимъ, достигшимъ небывалыхъ размѣровъ. Прежнія формы творчества, удовлетворявшія титановъ мысли и искусства, признаются казенными, устарѣвшими, шаблонными. Вѣдь онѣ знакомы всѣмъ и успѣли уже прискучить той массѣ полуобразованныхъ людей, которая по недостатку развитія, литературнаго и эстетическаго, не въ состояніи дать себѣ отчета въ ихъ эластичности и красотѣ. Придумываются новыя формы, поражающія своею эксцентричностью и своею анти-художественностью и съ успѣхомъ выдаваемые за послѣднее слово творчества, потому что громадное большинство нынѣшней такъ

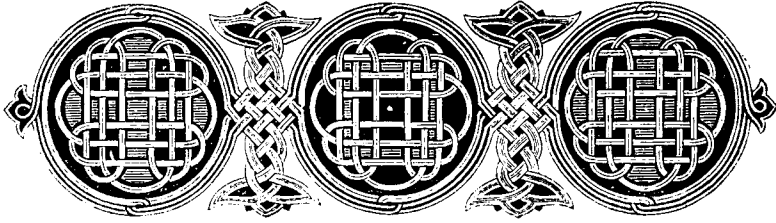
называемой интеллигенціи не въ состояніи уяснить себѣ ихъ уродливости, а падко на всякое новшество. Въ поэзіи придумываются декадентство, символизмъ, импрессионизмъ, инструментализмъ; поэты,—мы говоримъ безъ всякаго преувеличенія,—начинаютъ слышать языкомъ и видѣть носомъ; живописцы рисуютъ фіолетовыхъ женщинъ, не пишутъ, а мажутъ такими яркими красками, что у зрителя рябитъ въ глазахъ. Мыслители пишутъ стихотворенія и романы, беллетристы и поэты — філософскія сочиненія, газетные хроникеры и корреспонденты выдаютъ себя за публицистовъ и обсуждаютъ государственные вопросы, не имѣя понятія о государственныхъ наукахъ. Полуобразованная толпа вѣдь не въ состояніи отнестись критически къ ихъ писаніямъ, которыя сходятъ за вполне компетентное обсужденіе вопроса и даже производятъ впечатлѣніе, если только написаны хлестко, парадоксально, лубочно, въ духѣ толпы, жадной до всего кричащаго, сенсаціоннаго. Не довольствуясь всѣмъ этимъ, поэты и художники стараются обратить на себя вниманіе и другими эксцентричностями. Одинъ разгуливаетъ въ Лондонѣ по многолюднымъ улицамъ въ средневѣковомъ костюмѣ съ подсолнечникомъ въ рукѣ, другой выдаетъ себя за ассирійскаго мага, третій не пишетъ, а вѣщаетъ, пророчествуетъ. Музыканты поражаютъ слушателей безконечною какофоніею, оглушаютъ ихъ дикими звуками. Но не будемъ перечислять всѣхъ этихъ проявленій болѣзненнаго состоянія литературы и искусства. Книга Нордау наполнена ими и въ этомъ отношеніи поучительна.

Казалось бы, что этому горю могла бы помочь критика. Но и она подлежитъ тому же общему явленію, которое Нордау назвалъ вырожденіемъ, а которое мы могли бы назвать невѣжествомъ въ просвѣщеніи. Стоитъ только какому нибудь писателю или художнику начать юродствовать, какъ онъ тотчасъ же находитъ себѣ горячихъ сторонниковъ въ критикѣ. Послѣдняя дѣйствуетъ не только по недомыслию и невѣжеству, но весьма часто вполне сознательно, выдавая гнилой товаръ за самую доброкачественную новинку. Многіе критики столь же сильно жаждутъ дешевой славы; какъ и восхваляемые ими писатели и художники, и поэты столь же мало разборчивы въ средствахъ. Главный вопросъ для нихъ заключается въ томъ, чтобы обратить на себя вниманіе; остальное само приложится. Такимъ образомъ писатели, и художники, и критики, дѣйствуютъ заодно, стараясь снискать расположеніе той полуобразованной толпы, которая можетъ доставить имъ и успѣхъ, и матеріальныя блага. Напрасно было бы разсчитывать въ этомъ дѣлѣ на болѣе чистоплотныхъ въ нравственномъ отношеніи, образованныхъ и знающихъ критиковъ: толпа ихъ не станетъ читать, потому что именно знанія, образованіе и разборчивость въ средствахъ, ставятъ между ними и толпою почти непреодолимую преграду. Чѣмъ начитаннѣе критикъ, чѣмъ скромнѣе его слово, тѣмъ

менѣе его поймутъ и разслышать въ средѣ, гдѣ все кричитъ и бѣснуетъ, чтобы обратить на себя вниманіе. Вотъ эта сторона вопроса, это глубоко прискорбное явленіе въ современной умственной жизни, это систематическое обморочиваніе толпы, вызываемое желаніемъ во что бы то ни стало выдвинуться разными дешевыми средствами, прекрасно разъяснены въ книгѣ Нордау. Мало того: книга эта напоминаетъ современному обществу о предметныхъ задачахъ литературы и искусства, и выясняетъ, сколько лжи и мишуры во всѣхъ этихъ то и дѣло возникающихъ новыхъ модныхъ теченіяхъ: символизмѣ, мистицизмѣ, возвращеніи къ старымъ отжившимъ формамъ недоразвившагося искусства. Она ѣдко осмѣиваетъ выростающихъ теперь, какъ грибы послѣ дождя, шарлатановъ и балаганныхъ петрушекъ въ поэзіи, музыкѣ, живописи, критикѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ расчищаетъ дорогу истиннымъ талантамъ, отрезвляетъ общественную мысль, заставляетъ легко-вѣрныхъ людей призадуматься надъ значеніемъ тѣхъ уродливыхъ кумировъ, которымъ толпа теперь такъ часто поклоняется. Вотъ въ чемъ заслуга Нордау. Резюмируя нашу основную мысль, мы можемъ сказать, что, какъ литературный критикъ, Нордау совершилъ благое дѣло, но, какъ медикъ, онъ вводитъ читателя въ явное заблужденіе: литература и искусство въ своихъ современныхъ представителяхъ страдаютъ весьма рѣдко вырожденіемъ или разными формами душевнаго разстройства; гораздо чаще въ нихъ проявляется нравственная болѣзнь, жажда заручиться успѣхомъ и матеріальными благами при помощи сомнительныхъ средствъ, и эта болѣзнь принимаетъ опасные размѣры эпидеміи, потому что толпа, доставляющая писателямъ и художникамъ успѣхъ и матеріальныя блага, по большей части не подготовлена къ вѣрной оцѣнкѣ литературныхъ и художественныхъ произведеній.

Р. Сементковскій.

ФРАНЦУЗСКАЯ КОРОЛЕВА АННА ЯРОСЛАВНА.

ВЪ ДРЕВНѢЙШЕМЪ русскомъ соборѣ, въ Кіевской св. Софіи, произошла десять лѣтъ тому назадъ любопытная сцена. Знатный иностранецъ, не понимавшій ни слова порусски, благоговѣнно слушалъ панихиду передъ древней византійской гробницей, находящеюся у алтарной стѣны одного изъ придѣловъ сѣвернаго притвора и на мраморной плитѣ которой изображены пальмы и кресты, то отдѣльно другъ отъ друга, то переплетенные вмѣстѣ, или смѣшанные съ листьями дуба и винограда. По окончаніи панихиды, знатный иностранецъ преклонилъ колѣна передъ могилой и, сдѣлавъ распоряженіе, чтобъ тутъ вѣчно теплилась неугасимая лампада, задумчиво удалился. Въ этой гробницѣ почіетъ основатель собора, великій князь Ярославъ, прозванный Мудрымъ, а знатный иностранецъ былъ герцогъ Монпансье, сынъ послѣдняго французскаго короля Луи-Филиппа и родственникъ испанскаго короля, представителемъ котораго онъ находился на коронаціи императора Александра III. На обратномъ пути изъ Москвы посѣтивъ Кіевъ и узнавъ, что тамъ существуетъ гробница великаго князя Ярослава, дочь котораго Анна была женою французскаго короля Генриха I и матерью короля Филиппа I, а слѣдовательно прародительницей Бурбонской и Орлеанской династій, къ которымъ онъ самъ принадлежалъ, герцогъ заявилъ желаніе поклониться праху своего предка, а вмѣстѣ и предка русскаго царскаго дома. Видѣвшіе это странное зрѣлище представителя французскихъ королевъ на могилѣ своего прародителя, одного изъ основателей русской державы, доказывавшее воочію,

что существовала тѣсная связь между древней Россіей и древней Франціей, не подозревали, что союзъ этихъ двухъ странъ, брачными узами между государями начатый за восемь съ половиной вѣковъ передъ тѣмъ, закрѣпится спустя десять лѣтъ народнымъ братаніемъ въ Кронштадтѣ и Тулонѣ.

Но если оказывается, что Франція и Россія тяготѣли другъ къ другу еще въ тѣ отдаленныя времена, когда на берегахъ Днѣпра только возникали первые начатки Русскаго государства, и византійская культура едва стала прививаться къ языческимъ нравамъ славянскихъ племенъ, а Франція, хотя и находилась на гораздо высшей степеніи цивилизаціи, но переживала мрачную эпоху первыхъ Капетинговъ, средневѣковаго феодализма и преобладанія папской власти, то этотъ важный историческій фактъ такъ ступшевался событіями послѣдующихъ вѣковъ, вполне отчуждившихъ другъ отъ друга обѣ страны, что совершенно исчезъ даже слѣдъ о древней дружбѣ между ними. За подобнымъ, длившимся вѣками, отчужденіемъ, лишь изрѣдка прерываемымъ попытками сближенія въ видѣ отправки взаимныхъ посольствъ, поѣздки въ Парижъ Петра Великаго и дипломатическихъ сношеній при наслѣдникахъ Петра, послѣдовало полустолѣтіе перемежающейся борьбы, ознаменованной походомъ Суворова въ Италію, Отечественной войной, взятіемъ Парижа и Крымской кампаніей, и только въ настоящее время на разстояніи восьми сотъ пятидесяти лѣтъ Франція и Россія вернулись къ своему первобытному союзу. Конечно, было бы очень желательно освятить подобное возвращеніе въ этомъ случаѣ къ доброй старинѣ исторической справкой о томъ, какія именно существовали дружескія отношенія между обѣими странами въ XI вѣкѣ, какія причины ихъ возбудили и къ какимъ результатамъ они привели, но эта задача неисполнима, такъ какъ о всемъ этомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній въ русскихъ историческихъ матеріалахъ, и существуютъ очень скудныя данныя въ французскихъ источникахъ. Какъ бы то ни было, современныя событія возбуждаютъ такой интересъ въ обѣихъ странахъ къ французской королевѣ Аннѣ Ярославнѣ, что со времени Тулоно-Парижскихъ празднествъ стали появляться во французской и русской журналистикѣ статьи объ этой любопытной исторической личности, именно напечатаны во второй ноябрьской книжкѣ «Nouvelle Revue» — «Княжна Анна», Генри Бюто, въ «Revue Hebdomadaire», отъ 4-го ноября — «Русская принцесса, французская королева въ XI вѣкѣ», виконта Кэ-де-Сент-Емура, и въ «Новомъ Времени» фельетонъ С. Сыромятникова подъ заглавіемъ «Русская княжна на французскомъ тронѣ». Всѣ эти статьи, однако, не представляютъ ничего новаго и основаны на извѣстныхъ старыхъ французскихъ источникахъ, лучшимъ сборникѣ матеріаловъ по этому предмету князя Лобанова-Ростовскаго: «Recueil de piéces historiques sur la reine Anne ou Agnès,

épouse d'Henri I, roi de France, et fille de Jaroslaff I, grand duc de Russie», и недавно напечатанномъ съ историческими примѣчаніями Т. Кудеркомъ въ иллюстрированномъ изданіи Ларусса «La Russie», вновь открытомъ автографъ Анны Ярославны на славянскомъ языкѣ. Поэтому, не смотря на всю важность этого послѣдняго историческаго документа и умѣлую группировку большей части свѣдѣній изъ французскихъ источниковъ въ очеркъ Сент-Емура, необходимо для характеристики Анны Ярославны обратиться къ старымъ русскимъ и французскимъ матеріаламъ.

Хотя Несторъ вовсе не упоминаетъ о дочеряхъ Ярослава, а Соловьевъ («Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», т. I, глава VII) только говоритъ, «что есть извѣстія, болѣе или менѣе вѣроятныя, о брачныхъ союзахъ Ярослава семейства съ другими владѣльческими домами въ Европѣ» и, между прочимъ, о бракѣ княжны Анны съ французскимъ королемъ Генрихомъ I, но нѣтъ сомнѣнія, что такое событіе дѣйствительно произошло, и Карамзинъ («Исторія Государства Россійскаго», томъ II, глава II и 42 примѣчаніе къ ней) на основаніи старыхъ французскихъ источниковъ: *Acta Sanctorum n Rerum Gallicarum et Francicarum Scriptores*, а также статьи Левека въ «Mémoires de l'Institut National» о древнихъ отношеніяхъ Франціи съ Россіей, рассказываетъ, хотя въ нѣсколькихъ словахъ, что Анна Ярославна поѣхала въ Парижъ съ присланными за ней послами, обвинчалась тамъ съ королемъ Генрихомъ I, а послѣ его смерти вышла вторично замужъ за графа де-Крепи и, принявъ католическую вѣру, умерла во Франціи. То же повторяетъ Хмыровъ («Алфавитно-справочный перечень государей русскихъ и замѣчательнѣйшихъ особъ ихъ крови»), а неизвѣстный авторъ статьи объ Аннѣ Ярославнѣ въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Краевского напротивъ передаетъ, какъ достовѣрный фактъ, на основаніи книги Мезерэ (*Histoire de France depuis Pharamond jusqu'à present, par F. de Mezeray, Paris, 1648*), что Анна Ярославна вернулась въ Россію послѣ смерти своего второго мужа и прожила тамъ еще семь или восемь лѣтъ, въ чемъ сомнѣвался Карамзинъ. Если мы прибавимъ къ этимъ русскимъ матеріаламъ еще небольшую анонимную статью, напечатанную въ «Кіевской Старинѣ» (августъ, 1884 года), съ стариннымъ итальянскимъ ея портретомъ, то, на сколько намъ извѣстно, исчерпаемъ все, что писано на русскомъ языкѣ объ этой любопытной исторической личности. Но, всетаки, главнымъ пособіемъ къ знакомству съ ея жизнью служить трудъ русскаго изслѣдователя, хотя и на французскомъ языкѣ: это небольшая книга, или скорѣе брошюра, изданная только въ ста экземплярахъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ въ Парижѣ въ 1825 году и заглавіе которой мы уже привели. На основаніи долговременныхъ занятій въ французскихъ архивахъ, преимущественно въ Сень-Дени, и сравненія просмотрѣнныхъ имъ болѣе ста доку-

ментовъ, относящихся до королевы Анны Ярославны, съ другими французскими источниками, въ которыхъ упоминается о ней, онъ составилъ очеркъ всего, что достовѣрно извѣстно на счетъ ея жизни во Франціи. Самая драгоцѣнная часть его труда заключается въ напечатанныхъ имъ семнадцать подлинныхъ документахъ съ подписями на латинскомъ языкѣ королевы Анны, Генриха I и Филиппа I, причемъ одинъ изъ нихъ имѣетъ форму fac-simile. Послѣ Лобанова необходимыми пособіями для біографіи Анны Ярославны служатъ уже названные французскіе источники, въ особенности книга Мезерэ, хотя въ ней встрѣчаются неточности, и нѣкоторые другіе матеріалы, которые мы далѣе укажемъ. Конечно, въ виду такихъ скудныхъ данныхъ и за невозможностью добыть другія таинственный образъ русской княжны на французскомъ престолѣ является передъ нами очень туманнымъ, но, всетаки, мы стараемся представить если не портретъ во весь ростъ, то хоть миниатюрный профиль французской королевы русской крови въ XI вѣкѣ, если не полную ея біографію, то, по крайней мѣрѣ, краткій очеркъ главныхъ событій ея жизни, если не всестороннюю картину ея обрученія, свадьбы, брачной жизни и вдовства, второго брака и смерти, то во всякомъ случаѣ абрисъ того, что должна бы заключить въ себѣ подобная картина, еслибъ имѣлись достаточныя данныя для ея воспроизведенія.

Для Россіи XI вѣка не было еще необходимости, какъ впоследствии, прорубать окна въ Европу среди замуравившей ее татарско-московской стѣны, а у нея были открыты тогда на Западъ двое воротъ—Скандинавія и Византія, съ которыми она была связана узами крови и религіи. Поэтому неудивительно, что Ярославъ самъ и черезъ своихъ дѣтей вступилъ въ родственныя связи съ нѣсколькими европейскими дворами. Жена его была дочерью шведскаго короля Олафа I и принесла ему въ приданое городъ Альдейгаборгъ, то-есть Старую Ладогу; ее звали Ингигердой, а, принявъ православную вѣру, она получила имя Ирины; когда же постриглась въ монахини по смерти мужа, то стала называться Анной и причтена православной церковью къ лику святыхъ, ея мощи находятся доселѣ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Она жила съ мужемъ болѣе тридцати лѣтъ и родила семерыхъ сыновей и трехъ дочерей. Старшій ея сынъ, Владиміръ, былъ женатъ неизвѣстно на комъ, хотя норвежскіе лѣтописцы и древній датскій историкъ Саксонъ Грамматикъ увѣряютъ, что его женой была дочь англійскаго короля Гарольда, побѣжденнаго Вильгельмомъ Завоевателемъ, но это извѣстіе опровергается хронологической справкой, доказывающей, что Владиміръ умеръ прежде, чѣмъ дочь Гарольда въ виду смерти отца искала убѣжища при дворѣ датскаго короля, который дѣйствительно выдалъ ее замужъ за русскаго великаго князя, но не сына, а внука Ярослава, Владиміра Мономаха. Изъ другихъ сыновей Яро-

слава, по свидѣтельствѣ русскихъ лѣтописей, Изяславъ былъ женатъ на дочери польскаго короля Казимира, и Всеволодъ на греческой царевнѣ, а нѣмецкія хроники рассказываютъ, что женою Вячеслава была Ода, дочь графа Леопольда Штадтскаго, а женою Игоря—Кунигунда, дочь маркграфа Мейсенскаго, но эти свидѣнія нельзя признать вполне достовѣрными. Напротивъ, нѣтъ сомнѣнія, что сестра Ярослава, Марія, вышла замужъ за польскаго короля Казимира и приняла католическую вѣру. Точно также достовѣрно, на основаніи иностранныхъ лѣтописей, что старшая дочь Ярослава, княжна Елизавета, была женою короля норвежскаго Гаральда, а младшая, Анастасія—венгерскаго короля Андрея I. Относительно послѣдней ничего неизвѣстно, кромѣ того, что она вышла замужъ около 1048 года и называлась въ Венгріи Агмундой, но о первой въ скандинавскихъ лѣтописяхъ говорится не мало, а мужъ ея представляется въ нихъ идеаломъ романтичнаго викинга. Молодымъ человекомъ, онъ посѣтилъ Россію по совѣту своего своднаго брата, короля норвежскаго Олафа II, который былъ влюбленъ въ жену Ярослава до ея замужества, и его приняли очень радушно при дворѣ великаго князя, на службу котораго онъ и поступилъ; вскорѣ онъ влюбился въ княжну Елизавету, отличавшуюся красотой, и по примѣру тогдашнихъ рыцарей отправился искать счастья по бѣлу свѣту, чтобъ сдѣлаться достойнымъ ея руки. Онъ посѣтилъ многія европейскія страны и всюду проявлялъ подвиги храбрости, сражаясь въ войскѣ греческихъ императоровъ, побѣждалъ невѣрныхъ въ Африкѣ и въ Сициліи, поклонился Гробу Господню и среди своихъ безконечныхъ приключеній сохранилъ любовь къ русской царевнѣ, о чемъ свидѣлствуютъ его пѣсни, такъ какъ онъ былъ истымъ викингомъ, героемъ и поэтомъ. Каждая строфа одной изъ его пѣсенъ оканчивается грустнымъ припѣвомъ: «Но русская красавица меня презираетъ». Такъ въ одной изъ нихъ говорится: «Въ чемъ я не искусенъ? Сражаюсь храбро, сижу на конѣ твердо, плаваю легко, мѣтко бросаю копьѣ, катаюсь по льду, умѣю владѣть весломъ, но русская красавица меня презираетъ». Наконецъ, приобрѣвъ и славу и богатства, Гаральдъ снова явился въ Россію; тогда Ярославъ охотно отдалъ за него Елизавету, которая въ сущности никогда не презирала его, а, напротивъ, горячо любила. Выйдя замужъ въ 1045 году, она уѣхала съ мужемъ въ Норвегію, гдѣ онъ вскорѣ сдѣлался королемъ, но черезъ нѣсколько лѣтъ умерла, родивъ двухъ дочерей, изъ которыхъ одна въ послѣдствіи вышла замужъ за шведскаго короля. Что же касается до самого Гаральда, то онъ окончилъ свою жизнь такъ же геройски, какъ провелъ ее, и былъ убитъ въ знаменитомъ сраженіи при Гастингсѣ въ Англіи, защищая послѣдняго англо-саксонскаго короля въ его несчастной борьбѣ съ Вильгельмомъ Завоевателемъ. Такимъ образомъ, въ виду брачныхъ связей Ярославова семейства съ евро-

пейскими дворами, бракъ французскаго короля Генриха I со второй дочерью Ярослава, княжной Анной, не представляетъ въ себѣ ничего страннаго, необычайнаго или невѣроятнаго.

Этотъ слабый, безхарактерный внукъ основателя Капетингской династїи былъ послушнымъ слугой церкви, которая, пользуясь страхомъ свѣтопреставленія, объявшивъ всю Западную Европу при наступленїи XI вѣка, совершенно подчиняла себѣ свѣтскую власть, вмѣшиваясь во всѣ политическія и даже семейныя дѣла сильныхъ міра сего. Между прочимъ, папы особенно преслѣдовали браки между родственниками, доводя запрещеніе жениться до седьмой степени родства и даже свойства, такъ что западные государи и князья, всѣ болѣе или менѣе находившіеся между собою въ какомъ нибудь родствѣ, не знали, на комъ жениться. Отецъ Генриха I, Робертъ II, еще болѣе слабый правитель, чѣмъ его сынъ, претерпѣлъ сильныя гоненія отъ папы Григорія V по поводу его брака съ четверюродной сестрой, вдовою графа Блуа, и отлученный отъ церкви, наконецъ, долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ, причемъ молодая Капетингская монархія потеряла значительную часть своего престижа. Поэтому неудивительно, что, наслѣдовавъ отцовскій престолъ и лично видя, сколько его предшественникъ перенесъ несчастій отъ борьбы съ церковью, Генрихъ рѣшился слѣпо исполнять ея волю, и когда умерла первая его жена, Матильда, дочь императора Конрада, не оставивъ ему сыновей, онъ сталъ заботливо розыскивать себѣ вторую жену, которая не находилась бы съ нимъ ни въ какомъ, хоть бы самомъ отдаленномъ родствѣ. Эта задача была не легкая, и ни во Франціи, ни въ Германіи, не нашлось ему невѣсты, подходившей подъ эти условія. Тогда, по словамъ Мезерэ, «дошла до него слава о прелестяхъ принцессы, достойной обладать сердцемъ великаго монарха, именно Анны, дочери Георгія, короля Россіи, нынѣ Московіи, и онъ былъ очарованъ разсказомъ объ ея совершенствахъ». Въ виду родственныхъ связей Ярослава, дѣйствительно называвшагося въ святомъ крещеніи Георгіемъ, съ нѣкоторыми европейскими государами и въ особенности съ королемъ польскимъ Казимиромъ, который въ дѣтствѣ былъ изгнанъ изъ отечества и много лѣтъ провелъ во Франціи простымъ монахомъ, а по восшествіи на престолъ сохранилъ близкія отношенія съ Франціей, нѣтъ ничего удивительнаго, что при французскомъ дворѣ знали о существованіи дочери такого отдаленнаго государя, какъ кievскій великій князь. Впрочемъ, быть можетъ, была еще причина, почему въ семействѣ Капетинговъ было извѣстно о русскомъ великокняжескомъ домѣ: существуетъ подлинное письмо Гуго Капета къ греческимъ императорамъ Василію и Константину, съ просьбой отдать его единственному сыну, Роберту, руку, какъ буквально сказано, «дочери вашей святой имперіи» на томъ основаніи, что нельзя найти ему

жены, благодаря родственнымъ связямъ съ сосѣдними королями. Очень вѣроятно, что, ведя переговоры объ этомъ неудавшемся бракѣ, дѣдъ и отецъ Генриха узнали о томъ, что на сестрѣ греческихъ императоровъ около того же времени женился кievскій великій князь Владиміръ. Наконецъ, существуетъ легенда, повторяемая Ле-векомъ, что русскіе бывали въ Парижѣ задолго до королевы Анны, а именно въ IX вѣкѣ, когда будто бы греческій императоръ Теофиль просилъ французскаго короля Людовика Благочестиваго пропустить чрезъ Францію русскихъ посланцевъ, которые были посланы въ Константинополь для заключенія трактата и не желали возвращаться въ свою страну прежнимъ путемъ чрезъ земли, обитаемыя варварскими племенами, живущими грабежемъ; но нельзя не замѣтить, что Луи Пари въ примѣчаніяхъ къ своему французскому переводу Несторовой лѣтописи вполне справедливо опровергаетъ это извѣстіе, доказывая, что русскимъ изъ Константинополя никакъ не могъ лежать путь на родину черезъ Францію, и что гораздо вѣроятнѣе тотъ вариантъ этой легенды, по которому чужестранные гости при дворѣ Людовика Благочестиваго были не русскіе, а шведы. Какъ бы то ни было, Генрихъ I узналъ о существованіи княжны Анны Ярославны и отправилъ въ Кіевъ посольство, чтобъ просить ея руки, такъ какъ княжна представлялась ему во всѣхъ отношеніяхъ желательной невѣстой.

Относительно этого посольства существуютъ разнородныя свѣдѣнія: по словамъ «Acta Sanctorum» оно отправлено въ 1048 году и состояло изъ епископа шалонскаго Рожера и другихъ знатныхъ особъ, а по свидѣтельству «Regum Gallicarum» посломъ былъ Готье Савейръ, то-есть мудрый, епископъ города Мо, а годомъ посольства указывается 1044 г., съ чѣмъ согласенъ и Мезерэ. Наконецъ Тусень де-Плесси въ «Histoire de l'église de Meaux» говоритъ, что пословъ было два: епископъ Готье, извѣстный своимъ глубокимъ разумомъ, осторожностью и знаньями, что было необходимо для такого важнаго порученія, и Госеленъ де-Шалиньякъ, владѣтель Шани, храбрый рыцарь съ многочисленной свитой. Эти противорѣчивыя свѣдѣнія стараются помирить въ своей статьѣ Бюто, и по его мнѣнію въ посольствѣ, по всей вѣроятности, состояли всѣ три названныя лица. Но существуетъ еще другое предположеніе, именно анонимнаго автора замѣтки въ «Кіевской Старинѣ», который неизвѣстно однакожь на какомъ основаніи считаетъ, что было такихъ посольствъ два, одно въ 1044 году, когда Аннѣ было только десять лѣтъ, и потому тогда заключена лишь помолвка, а другое въ 1049 году, состоявшее изъ выше означенныхъ двухъ епископовъ и сопровождавшее невѣсту во Францію. Къ этому извѣстію редакция журнала прибавляетъ въ примѣчаніи, что въ тридцатыхъ годахъ существовала въ Кіевѣ у какого-то Кириченки пергаментная рукопись на церковно-славянскомъ языкѣ съ подробнымъ описаніемъ француз-

скаго посольства, приѣзжавшаго въ Кіевъ для сватовства княжны Анны Ярославны. Все это, конечно, требуетъ фактическихъ доказательствъ, а ихъ не имѣется, и потому можно только признать достовѣрнымъ, что Генрихъ I посылалъ въ Кіевъ знатныхъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, чтобъ привезти ему невѣсту. Ярославъ, повидимому, встрѣтилъ этихъ пословъ радушно, тѣмъ болѣе, что, если вѣрить нѣмецкому лѣтописцу Ламберту Ашафенбургскому, Ярославъ предлагалъ нѣмецкому королю Генриху руку своей дочери, по всей вѣроятности, Анны, но отправленные имъ съ этой цѣлью послы вернулись очень недовольные полученнымъ отказомъ. Относительно княжны Анны ни въ русскихъ, ни во французскихъ источникахъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній объ ея дѣтствѣ и молодости; даже нельзя опредѣлить вѣрно времени ея рожденія, отъѣзда изъ Россіи и свадьбы съ французскимъ королемъ въ Реймсѣ. По однимъ свѣдѣніямъ ей было двадцать пять лѣтъ при замужествѣ, и вѣнчаніе происходило 14-го мая 1049 года, а по другимъ она была моложе, и свадьба состоялась въ 1045 году. Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что 12-го іюля 1058 года Анна Ярославна была уже нѣсколько лѣтъ французской королевой и имѣла трехъ сыновей. Но подлежитъ большому сомнѣнію рассказъ Мезерэ о томъ, что у нея восемь лѣтъ не было дѣтей, и что, тщетно испытавъ всѣ человѣческія средства для того, чтобъ сдѣлаться матерью, она прибѣгла къ молитвѣ и къ заступничеству св. Винцента, благодаря чему и родила въ 1053 году сына Филиппа. Кромѣ этого первенца, бывшаго впоследствии королемъ, у нея было еще два сына: Гуго, графъ Вермандуа, прославившійся въ первомъ крестовомъ походѣ, и Робертъ умершій малолѣтнимъ; по свидѣтельству Мезерэ у нея была еще дочь, но она умерла въ дѣтствѣ, и ея имя не извѣстно. Хотя мы не имѣемъ никакихъ данныхъ о семейной жизни русской княжны на французскомъ престолѣ, но нѣкоторые французскіе лѣтописцы, слова которыхъ приводятся въ «Regum Gallicarum», говорятъ о томъ, что она думала болѣе о Богѣ и будущей жизни, чѣмъ о настоящей, а папа Николай II въ любезномъ письмѣ къ ней, въ 1059 году хвалитъ ея набожность и благотворительность, совѣтуя ей вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживать въ королѣ усердіе ко благу государства и церкви, а также воспитывать сыновей въ непорочныхъ нравахъ. Долгое время оставался спорнымъ вопросъ, называлась ли она, кромѣ Анны, еще Агнесой и приняла ли она католичество, но князь Лобановъ фактически доказалъ, что она подписывала свое имя на документахъ, относящихся до царствованія какъ своего мужа, такъ и сына, латинскими буквами Agnae Reginae, и что хотя это отрицаютъ авторы «Gallia Christiana», а за ними Левекъ въ его «Histoire de Russie», но ранѣе ихъ патеръ Ансельмъ въ «Histoire généalogique de la maison de France» и авторы «Historiens de France» и «Art de vérifier les dates» считали, что она

одинаково называлась Анной и Агнесой. Что касается до вопроса о принятии Анной Ярославной католичества, то Лобановъ полагаетъ, что она, вѣроятно, приняла католичество послѣ 1053 года, эпохи расторженія западной и восточной церкви, причѣмъ слѣдовала примѣру своей тетки Маріи, жены польскаго короля Казимира. Дѣйствительно, невозможно предположить, чтобъ въ тѣ времена и при господствѣ папской власти католическая церковь терпѣла на французскомъ престолѣ еретичку, и позволяла ей, какъ увѣряетъ анонимный авторъ въ «Кіевской Старинѣ», имѣть при себѣ православнаго священника, или чтобъ еретикѣ писалъ хвалебныя письма папа. Наконецъ, какъ мы тотчасъ увидимъ, Анна Ярославна построила католическіе церковь и монастырь въ Санлисѣ.

Проживъ съ мужемъ около десяти лѣтъ, русская княжна лишилась его 4-го августа 1060 года. Хотя ея сынъ Филиппъ, объявленный королемъ, былъ несовершеннолѣтнимъ, и еще при жизни Генрихъ хотѣлъ назначить ее регентшей, но она предпочла не вмѣшиваться въ политическія дѣла и сохранила за собой только званіе опекуниши, а регентомъ сдѣлался мужъ сестры покойнаго короля графъ Балдуинъ Фландрскій. Королева-вдова удалилась вмѣстѣ съ своими дѣтьми въ Санлисскій замокъ, который по словамъ одной старинной французской лѣтописи «очень любила по царствующему тамъ благорастворенному воздуху и по прекрасной охотѣ, къ которой она питала большое расположеніе». Близъ замка она построила церковь и женскій монастырь въ честь св. Винцента, который, по словамъ легенды, даровалъ ей первенца. Церковь была замѣчательна тѣмъ, что по свидѣтельству Мезерэ на ея портикѣ находилось ея лѣнное изображеніе во весь ростъ съ маленькимъ храмомъ въ рукахъ, который она подносила Господу, а монастырь существовалъ до революціи, и, занимавшія эту обитель монахини ордена св. Августина, ежегодно въ день ея смерти торжественно служили заупокойную обѣдню въ честь своей благодѣтельницы, а потомъ угощали обѣдомъ въ память доброй королевы тринадцать бѣдныхъ вдовъ въ околоткѣ. Однако, не смотря на свою набожность и любовь къ дѣтямъ, Анна Ярославна черезъ два года послѣ смерти мужа сдѣлалась героиней чисто рыцарскаго романа. Близъ Санлиса жилъ одинъ изъ самыхъ могущественныхъ и гордыхъ феодальныхъ владѣтелей Франціи, Рауль, графъ де-Крепи, графъ де-Валуа, потомокъ Карла Великаго, который не боялся никого, ни короля, ни церкви. Поэтому, влюбившись въ Анну Ярославну и убѣдясь, что она отвѣчаетъ ему взаимностью, онъ женился на ней, а по нѣкоторымъ французскимъ источникамъ, даже увезъ ее, какъ простую смертную въ замокъ Крепи, гдѣ ихъ обвѣнчалъ устрашенный его угрозами мѣстный патерь. Такъ какъ онъ былъ женатъ, и его жена Алинора обратилась съ жалобой къ папѣ Александру II, то церковь и дворъ забили набатъ; папа приказалъ Раулю разве-

стись съ Анной и взять обратно къ себѣ свою жену Алинору, а когда тотъ не захотѣлъ повиноваться, то онъ былъ отлученъ отъ церкви, и его бракъ съ королевой объявленъ недѣйствительнымъ. Однако влюбленная чета спокойно продолжала жить вмѣстѣ и мало-по-малу всѣ такъ привыкли къ этому, что Рауль и его два сына отъ первой жены, такъ какъ Алинора была второй женой, а Анна третьей, сопровождали короля въ его поѣздкахъ по Франціи. Отношенія между матерью и сыномъ остались при этомъ самыя теплыя, и только она перестала подписывать вмѣстѣ съ королемъ государственные акты, какъ она это дѣлала до своего второго замужества. Когда же въ 1074 году умеръ Рауль, то она снова появляется при дворѣ своего сына и попрежнему подписываетъ вмѣстѣ съ нимъ государственные акты, но не какъ королева, а какъ мать короля. Подобная надпись встрѣчается въ послѣдній разъ въ хартии, данной монастырю въ Пантелевуа, 1075 году, а съ тѣхъ поръ уже нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, что случилось съ Анной Ярославной.

По нѣкоторымъ французскимъ источникамъ, въ томъ числѣ, по словамъ Мезера, она вернулась въ Россію и, проживъ на родинѣ нѣсколько лѣтъ, умерла, но это, очевидно, ни на чемъ не основанное и вполнѣ невѣроятное извѣстіе. Во-первыхъ, принявъ католичество, она врядъ ли вернулась бы въ свое православное отечество, а, во-вторыхъ, конечно, русскіе лѣтописцы не пропустили бы столь важнаго событія, еслибъ оно дѣйствительно случилось. Впрочемъ, есть предположеніе, въ пользу котораго высказывается князь Лобановъ-Ростовскій, что найдена могила Анны Ярославны въ церкви Вильерскаго аббатства, близъ Этампа. Эту находку сдѣлалъ въ 1682 году патеръ Менетріе, который подробно описалъ гробницу французской королевы, на которой изображена ея фигура съ маркграфской короной и латинской надписью: «*Nic jacet domina Agna uxor quondam Henrici regis*». Около ста лѣтъ всѣ признавали открытіе патера Менетріе за достовѣрный фактъ, и въ этомъ духѣ говоритъ Ансельмъ и авторъ «*Historiens de France*» и «*L'Art de vérifier les dates*». Только въ 1770 году издатели «*Gallia christiana*» опровергли всѣми признаваемый фактъ на томъ основаніи, что будто бы Менетріе самъ прибавилъ къ надписи, списанной имъ съ гробницы какой-то Анны, вдовы какого-то Генриха, слово *regis*, и что Анна Ярославна умерла въ Россіи. Князь Лобановъ-Ростовскій справедливо находитъ, что послѣднее не вѣрно, а первое не доказано, хотя Карамзинъ, повидимому, вѣритъ обвиненію, предъявленному противъ Менетріе, и, по словамъ Лобанова-Ростовскаго, находка Менетріе, очень добросовѣстнаго ученаго, вполнѣ вѣроятна, а описываемая имъ корона на изображеніи Анны Ярославны на найденной имъ гробницѣ совершенно походить на русскую великокняжескую корону. Во всякомъ случаѣ, можно без-

ошибочно сказать, что не на родинѣ, а во Франціи скончалась русская княжна, превратившаяся въ совершенную французенку, благодаря своимъ французскимъ мужьямъ и дѣтямъ, перемѣнѣ религіи и усвоенію языка своей новой родины, что, впрочемъ, не было диковиной для семьи Ярослава, такъ какъ онъ самъ говорилъ полатыни, а сынъ его Всеволодъ зналъ пять иностранныхъ языковъ.

На сколько намъ извѣстно, существуютъ три портрета королевы Анны Ярославны: самый интересный приложенъ къ ея биографіи въ книгѣ Мезерэ, который снабдилъ почти каждый изъ своихъ очерковъ жизни французскихъ королей и королевъ портретомъ, хотя до Хлодвига вмѣсто портретовъ приложены пустыя рамки съ надписями въ стихахъ, что встрѣчается, впрочемъ, въ нѣсколькихъ случаяхъ и послѣ. Этотъ портретъ русской княжны XI столѣтія, очевидно, по самому рисунку принадлежитъ къ XVII вѣку, и подъ нимъ находятся надпись и стихи; первая гласитъ: «*Avine d'Esclavonnie l'espovse di Roy Henri I. De St. Vincenta Senlis*»¹⁾; а послѣдніе состоятъ изъ слѣдующаго четверостишія:

«*Anne par un succès que le Ciel a chery
Eut le bien d'obtenir des princes à la France
Mais le mal qui luy vint de son second mary
La fit aller mourrir au lieu de sa naissance*»²⁾.

Хотя изъ послѣднихъ словъ надписи какъ будто можно заключить, что портретъ сдѣланъ согласно лѣпному изображенію на портикѣ церкви св. Винцента въ Санлисѣ, но довольно взглянуть на его отдѣлку, чтобъ заключить объ его чисто фантастическомъ характерѣ. Еще фантастичнѣе другой портретъ Анны Ярославны, или вѣрнѣе картинка, изображающая ея вѣнчаніе съ Генрихомъ, совершенное католическимъ епископомъ, въ книгѣ Дюрдана: «*Erôques et faits mémorables de l'histoire de Russie*» (Paris, 1816). Наконецъ, столь же мало достовѣренъ и портретъ, приложенный къ статьѣ «Кіевской Старины», который представляетъ копію съ старинной венеціанской гравюры, принадлежавшей профессору живописи императорской академіи художествъ Бассену и снабженной двумя надписями: русской—«*Анна Ярославна, королева французская, родилась въ Кіевѣ, скончалась близъ Парижа*», и итальянской—«*Piango la sua morta e la mia vita*» (оплакиваю его смерть и мою жизнь). Подъ этими послѣдними словами изображенъ медальонъ съ горлицей, сидящей на землѣ между увидающимъ деревомъ и кустомъ лилій, эмблемой французскихъ королей. Хотя на головѣ

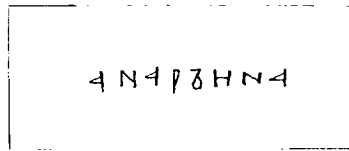
¹⁾ Анна изъ Есклавоіи, жена Генриха I. Изъ св. Винцента въ Санлисѣ.

²⁾ Анна по успѣху, навѣянному небомъ, имѣла счастье даровать Франціи князей, но горести, претерпѣнныя ею благодаря второму мужу, побудили ее уѣхать и умереть на своей родинѣ.

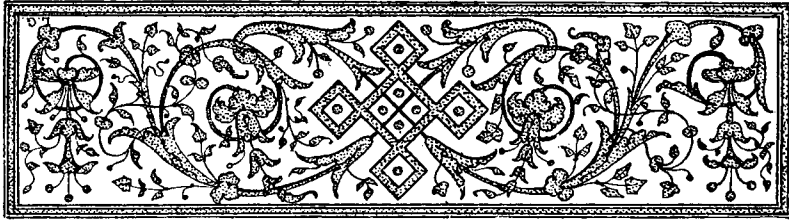
у изображенной на портретъ молодой женщины находится корона XI вѣка, но прическа относится несомнѣнно къ времени Людовика XIII.

Гораздо интереснѣе и важнѣе въ историческомъ отношеніи два имѣющіеся автографа Анны Ярославны. Одинъ изъ нихъ, не подлежащій никакому сомнѣнію относительно его подлинности, приложенъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ къ его книжкѣ: это хранившаяся въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ королевскомъ архивѣ въ Сентъ-Дени хартія Филиппа I аббатству св. Дени отъ 1060 съ двумя подписями какъ его, такъ и его матери латинскими буквами: Agnae Reginae. Еще любопытнѣе документъ, впервые обнародованный Кудеркомъ въ иллюстрированномъ изданіи Ларусса «La Russie», и, по его словамъ, находящійся въ Парижской національной библіотекѣ въ 294 томѣ рукописей подь номеромъ 38. Это—хартія Филиппа I Суасонскому аббатству отъ 1063 года съ двумя подписями, изъ которыхъ одна—его самого въ видѣ креста, а другая его матери Анны, которая состоитъ изъ двухъ словъ славянскими буквами: Ана Рънна, подь стоящимъ надъ ними крестомъ. Мы приводимъ этотъ въ высшей степени замѣчательный автографъ въ копию, но хотя нѣтъ основанія сомнѣваться въ ея подлинности, объясненіе этой надписи, которое, по словамъ Кудерка, появится въ приготавливаемой къ печати книгѣ Пру подь заглавіемъ: «Catalogue des actes de Philippe I», обѣщаетъ быть очень интереснымъ, такъ какъ, повидимому, въ немъ будутъ представлены доказательства насчетъ того времени, къ которому относится этотъ документъ, тѣмъ болѣе важный, что князь Лобановъ-Ростовскій положительно удостовѣряетъ, что отъ 1062 года, когда Анна Ярославна вышла замужъ за графа Крепи, и до его смерти въ 1074 году не существуетъ ни одного акта съ ея подписью.

В. Тимирязевъ.

Факсимиле подписи королевы Анны Ярославны.

СОНЪ РЫЛЪЕВОЙ.

ИХІІ, морозный, декабрьскій вечеръ. Сквозь голыя деревья сада виденъ лишь густой слой снѣга, какъ бы бѣлой пеленой окружающій весь большой господскій домъ усадьбы «Коссово», близъ лежащую къ нему деревню и широкія поля.

Въ угловой, просторной комнатѣ этого уже стараго, но выстроеннаго изъ крѣпкаго лѣса, дома, съ висящими на стѣнахъ ея портретами: прадѣда, дѣда, бабушки и матери семейства Савиныхъ, владѣльцевъ «Коссова», на длинномъ ситцевомъ диванѣ, съ мягкими вальками по бокамъ его, у круглаго чайнаго стола, за шипящимъ самоваромъ, сидитъ высокая, стройная, но уже не первой молодости, дѣвушка. Свѣтло-голубые глаза ея съ соболѣзнованіемъ смотрятъ на сидящую возлѣ нея, видимо преждевременно посѣдѣвшую и состарѣвшуюся женщину. Какое-то безысходное горе провело глубокія морщинки, прорѣзывающія доброе, пріятное лице ея. Много вынесеннаго состраданія читается и во взглядѣ узкихъ, немного припухшихъ отъ частыхъ слезъ, сѣрыхъ глазъ. Бѣлымъ, домотканнымъ, съ красной каемочкой вокругъ, носовымъ платкомъ утираетъ она и теперь невольно набѣгающую слезу. Эта грустная, убитая горемъ женщина — мать безвременно погубившаго себя Рылѣва. Она давно знакома съ семьей Савиныхъ.

Вотъ этотъ, сидящій немного поодаль, полный, широколицый, съ властнымъ выраженіемъ въ глазахъ и во всей фигурѣ, бывшій

офицеръ Семеновскаго полка, а теперь оставившій службу, для управленія послѣ смерти отца, имѣніемъ своимъ «Коссово», Василій Николаевичъ Савинъ былъ другомъ несчастнаго сына ея. Онъ также зналъ и любилъ всѣхъ братьевъ Бестужевыхъ, Волконскаго, Трубецкаго и прочихъ декабристовъ. Всѣ они составляли одинъ задушевный кружокъ, съ тою только разницей, что Василій Николаевичъ, какъ болѣе благоразумный изъ нихъ, во время оставилъ ихъ, во время одумался, понявъ всю преждевременность и бесполезность ихъ мечтаній.

Въ числѣ избѣгнувшихъ наказанія тутъ сидитъ и Брое, до сихъ поръ еще красивый, изящный, съ элегантною изысканностью подающій въ настоящую минуту чашку чая второй сестрѣ Василю Николаевича, красавицѣ Софьѣ Николаевнѣ, предмету страсти Бестужева-Марлинскаго.

Да, всѣ они знали ея Кою, какъ звала она Кондратія въ дѣтствѣ его... И въ воображеніи ея проносятся и дѣтскіе годы, и юность, зрѣлый возрастъ и наконецъ... страшная, ужасная смерть его. Въ ушахъ ея звучать еще слова предсмертнаго письма:

«Богъ и государь рѣшили мою участь»...

А сонъ, ея изумительный сонъ, или скорѣе видѣніе, такъ поразившій ее своимъ полнымъ, буквальнымъ исполненіемъ всей открывшейся тогда передъ ней картины, предстоящей сыну ея, жизни!... О! какъ помнить она всѣ мельчайшія ея подробности!... Да развѣ подобныя видѣнія забываются!... Нѣтъ, никогда! Они глубоко, неизгладимо врѣзаются въ память!... Это—не пылъ фантазіи, выдуманный и преувеличенный... Это—нѣчто особенное, поражающее умъ и сердце, нѣчто вырванное изъ невѣдомой намъ области, той области, въ какую мы такъ жадно хотимъ заглянуть... Да, это былъ не простой сонъ, а сама дѣйствительность!...

И ей вдругъ неудержимо захотѣлось подѣлиться своимъ безграничнымъ удивленіемъ по этому поводу съ семьей, знавшей покойнаго...

— «Я, вамъ никогда не говорила о замѣчательномъ свѣтѣ моемъ,—обращается она ко всѣмъ присутствующимъ.—Хотите, я теперь расскажу его?»...

И тотчасъ, получивъ общее согласіе, она взволнованно начинаетъ свое невымышленное повѣствованіе.

«Конѣ было всего три года, когда онъ, дорогой, любимый мой мальчикъ, опасно, безнадежно занемогъ. Вѣроятно, то былъ крупъ или дефтиритъ, доктора не объясняли мнѣ; они, созванные на консилиумъ, только качали головой, сознавая всю невозможность выздоровленія ребенка. Онъ не проживетъ и до утра, — сказали они нянѣ, плакавшей о Коничкѣ. Мнѣ, видя мое полное отчаяніе, они не рѣшались говорить объ этомъ; но развѣ я не замѣчала сама всей опасности положенія бѣдняжки. Онъ, задыхаясь,

метался по постелькѣ, сжимая тоненькія, исхудавшія, блѣдныя ручки, уже не узнавая меня, свою мать.

— «Радость, счастье, сокровище мое, неужели ты уйдешь от меня?!... уйдешь!... Нѣтъ, это невозможно, невысказано!... Развѣ могу я пережить тебя! — шептала я, обливая слезами эти дорогія мнѣ ручки.—Развѣ нѣтъ спасенія!... Есть оно, есть... Спасеніе — одно лишь милосердіе Божіе... Спаситель, Царица Небесная, возвратятъ мнѣ моего мальчика, возвратятъ, и снова онъ, здоровенькій, весело улыбнется мнѣ!... А если нѣтъ!... О Боже, поддержи меня несчастную!...

«И въ страшномъ отчаяніи своемъ упала я передъ ликами Спасителя и Богородицы, освѣщенными мерцающимъ свѣтомъ лампы, и жарко, горячо молилась о выздоровленіи моего крошки. Молилась такъ, какъ никогда потомъ не могла пламенно сосредоточиться на молитвѣ. Тогда я душу всю свою вложила въ слова незаученнаго обращенія къ Господу...

«Не знаю, сколько времени длился молитвенный экстазъ мой... Помню только, что всѣмъ существомъ моимъ овладѣвала какая-то непонятная, свѣтлая радость, какое-то тихое чувство покоя... Меня точно что убаюкивало, навѣвая сонъ. Вѣки мои отяжелѣли. Я едва поднялась съ колѣнъ и, сѣвъ у кровати больного, облокотясь на нее, тотчасъ же забылась легкимъ сномъ. До сихъ поръ не могу отдать себѣ отчета, былъ ли то сонъ, или я дѣйствительно услышала... О, какъ ясно услышала я чей-то незнакомый, но такой пріятный, сладкозвучный голосъ, говорящій мнѣ:

— «Опомнись, не моли Господа о выздоровленіи... Онъ, Всевѣдущій, знаетъ, зачѣмъ нужна теперь смерть ребенка... Изъ благодати, изъ милосердія Своего хочетъ, Онъ избѣжанія для него и тебя будущихъ страданій... Что если я теперь покажу тебѣ ихъ... неужели и тогда будешь ты, всетаки, молить о выздоровленіи?..

— «Да... да... буду... буду... все... все отдамъ... приму сама какія угодно страданія, лишь бы онъ, счастье жизни моей, остался живъ!...—говорила я, съ мольбой обращаясь въ ту сторону, откуда слышался голосъ, тщетно стараясь разглядѣть, кому онъ можетъ принадлежать.

— «Ну, такъ слѣдуй за мной...

«И я, повинуюсь чудному голосу, шла сама не зная куда. Передъ собой видѣла я только длинный рядъ комнатъ. Первая изъ нихъ по всей обстановкѣ своей была та же самая, гдѣ теперь лежалъ мой умирающій ребенокъ.

«Но онъ уже не умиралъ... Не слышно было болѣе свиста, или какъ бы предсмертнаго хрипа, выходящаго изъ горлышка... Нѣтъ, онъ тихо, сладко спалъ, съ легкимъ румянцемъ на щечкахъ, улыбаясь во снѣ... Крошка мой былъ совсѣмъ здоровъ! Я хотѣла подойти къ кровати его, но голосъ звалъ ужъ меня въ другую комнату.

«Тамъ, крѣпкій, сильный, рѣзвый мальчикъ, онъ начиналъ уже учиться, кругомъ на столѣ лежали книжки, тетради...

«Далѣе, постепенно, видѣла я его юношей, затѣмъ взрослымъ... на службѣ...

«Но вотъ уже предпоследняя комната. Въ ней сидѣло много совсѣмъ мнѣ незнакомыхъ лицъ. Они оживленно совѣщались, спорили, шумѣли. Сынъ мой съ видимымъ возбужденіемъ говорить имъ о чемъ-то. Но тутъ снова слышу я голосъ, и въ звукахъ его какъ бы болѣе грозныя, рѣзкія ноты.

— «Смотри, одумайся, безумная!... Когда ты увидишь то, что скрывается за этимъ занавѣсомъ, отдѣляющимъ послѣднюю комнату отъ другихъ, будетъ уже поздно!... Лучше покорись, не проси жизни ребенку, теперь еще такому ангелу, не знающему житейскаго зла...

«Но я съ крикомъ: «нѣтъ, нѣтъ, хочу, чтобъ жилъ онъ»... задыхаясь, спѣшила къ занавѣсу. Тогда онъ медленно поднялся, и я увидѣла висѣлицу!...

«Я громко вскрикнула и очнулась. Первымъ движеніемъ моимъ было наклониться къ ребенку и, какъ выразить удивленіе мое... онъ спокойно, сладко спалъ; ровное, тихое дыханіе смѣнило болѣзненный свистъ въ горлѣ; щечки порозовѣли, и вскорѣ, просыпаясь, онъ протянулъ ко мнѣ ручки, зовя «маму». Я стояла какъ очарованная и ничего не могла понять и сообразить... Что это такое?.. Все тотъ же ли сонъ, или радостная дѣйствительность?.. Но вѣдь все точно какъ было во снѣ тамъ, въ первой комнатѣ!...

«Все еще, не довѣряя глазамъ своимъ, я кликнула няню и вмѣстѣ съ ней убѣдилась въ чудѣ исцѣленія приговореннаго къ смерти ребенка. Няня передала мнѣ рѣшеніе докторовъ о невозможности его выздоровленія. И надо было видѣть изумленіе одного изъ этихъ эскулаповъ, пріѣхавшаго на другой день освѣδοчиться о часѣ кончины мальчика, когда няня вмѣсто трупа показала ему спокойно сидящаго въ постелькѣ Коню, здороваго и веселаго.

— «Да вѣдь это-жъ чудо, чудо...—твердилъ онъ.

«Время шло, а сонъ мой исполнялся съ буквальною точностью во всѣхъ даже самыхъ мелкихъ деталяхъ... и юность его, и, наконецъ, тѣ тайныя сборища, о которыхъ и вы, Василій Николаевичъ, знали. Когда сынъ знакомилъ меня съ тѣмъ или другимъ своимъ другомъ, или товарищемъ, я сразу узнавала въ нихъ лица, видѣнные мною въ предпоследней комнатѣ.

«Болѣе не могу продолжать!.. Вы поймете... эта смерть... висѣлица... о Боже!»..

Голосъ Рылѣевой дрожитъ отъ волненія, слезы душатъ ее...

— «Клянусь вамъ... клянусь памятью покойнаго сына, что это

не бредъ моего воображенія, а истина, истина!».— докончила она послѣ минутнаго молчанія.

На лицахъ слушающихъ видно крайнее изумленіе. Всѣ они знаютъ Рылѣву, какъ самую правдивую женщину. Да и не можетъ эта оплакивающая покойнаго сына мать сказать, особенно въ минуту такой душевной скорби, какое либо лживое слово.

Софья Николаевна, болѣе другихъ Савиныхъ принимавшая къ сердцу исторію всѣхъ декабристовъ, по причинѣ участія въ ней, влюбленнаго въ нее, Бестужева, говоритъ, обращаясь къ Рылѣвой:

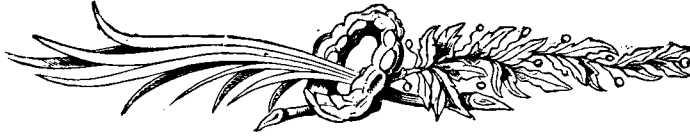
— Позвольте мнѣ записать замѣчательный сонъ вашъ. Пусть разсказъ этотъ сохранится въ семьѣ нашей, какъ память о васъ и о немъ...

Рылѣва молча цѣлуетъ ее и, нѣсколько успокоясь отъ своего волненія, подходитъ къ окну, смотря на темно-синее, усѣянное звѣздами, ночное небо, и ей невольно думается, сколько въ безчисленныхъ мірахъ этихъ кроется чудеснаго и таинственнаго...

Записанный Софьей Николаевной Савиной со словъ Рылѣвой разсказъ о ея снѣ я и сообщаю редакціи «Историческаго Вѣстника» въ точной копіи.

В. Савицкая.

НИКОЛАЙ САВВИЧЪ ТИХОНРАВОВЪ.

(Некрологъ).

НОНЕЦЪ прошлаго года ознаменовался прискорбной потерей для русской исторической науки. 27-го ноября умеръ въ Москвѣ профессоръ Московскаго университета, академикъ Николай Саввичъ Тихонравовъ, всю свою жизнь посвятившій изученію и разработкѣ исторіи русской литературы. Это былъ ученый въ полномъ смыслѣ этого слова, человѣкъ чрезвычайно разносторонній, глубокій изслѣдователь. Издавая памятники старинной русской литературы, онъ въ то же время могъ писать о Ломоносовѣ, Фонвизинѣ, Пушкинѣ, Шекспирѣ, могъ дать образцовое изданіе сочиненій Гоголя. Все, что онъ ни дѣлалъ, дѣлалъ основательно, всѣ его работы основаны на тщательномъ изученіи рукописнаго матеріала, который ему приходилось розыскивать не только въ разнаго рода архивахъ, но и приобретать у частныхъ лицъ ¹⁾. Въ погонѣ за новымъ матеріаломъ, за изученіемъ его, Н. С. Тихонравовъ не имѣлъ времени для окончательной отдѣлки многихъ своихъ ученыхъ изысканій — почти готовые, нерѣдко даже читанныя въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, они такъ и остались въ рукописи. «Курсъ исторіи русской литературы», выработанный втеченіе столькихъ лѣтъ, имѣвшій большое значеніе для его учениковъ, такъ и остался въ бумагахъ профессора и тетраджахъ слушателей...

Родился Николай Саввичъ 3-го октября 1832 года. Первоначальное образованіе получилъ въ 3-й московской гимназіи, по окон-

¹⁾ Въ библіотекѣ Н. С. Тихонравова оказалось болѣе 900 томовъ рукописей, которыя теперь переданы для храненія въ Московскій Румянцевскій музей («Новое Время», 1893 г., отъ 14 декабря).

чани которой съ серебряной медалью поступилъ въ 1849 году сначала въ С.-Петербургскій педагогическій институтъ, а черезъ годъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета, гдѣ въ это время занимали кафедръ Буслаевъ, Грановскій, Соловьевъ, Шевыревъ. Съ этого же года началась и его литературная дѣятельность ¹⁾. Для занятія открывшейся казеннокоштной вакансіи, Н. С. Тихонравовъ представилъ работу: «Нѣсколько словъ по поводу статьи «Современника» Кай Валерій Катулль и его произведенія», напечатанную въ «Москвитянинѣ» (1850 г., т. V, № 19), и, благодаря ходатайству Погодина, былъ принятъ въ университетъ. Статья эта была, такимъ образомъ, первымъ печатнымъ трудомъ Н. С. Тихонравова, обнаружившаго въ ней большую начитанность, знакомство съ древней литературой и ту тонкую критику, которой отличаются всѣ его послѣдующіе труды по исторіи русской литературы. Начавъ свою дѣятельность работой по римской литературѣ, студентъ Тихонравовъ, однако, скоро перешелъ къ занятіямъ литературой русской. На педагогическихъ бесѣдахъ въ университетѣ онъ читалъ рефераты «О рѣдкихъ русскихъ книгахъ», «О Новиковѣ», «О заимствованіяхъ русскихъ писателей», на студенческой же скамьѣ написаны очень обстоятельныя статьи о Смирдинскомъ изданіи сочиненій Ломоносова, Фонвизина ²⁾, замѣтки о Гоголѣ, Пушкинѣ, Дельвигѣ и др.

По окончаніи университета, Н. С. Тихонравовъ занялъ въ 1853 году мѣсто преподавателя русскаго языка и словесности при 1-й московской гимназіи, вложилъ въ это дѣло всю душу, всѣ тѣ познанія и принципы, которые онъ вынесъ изъ аудиторій Грановскаго и Буслаева. Съ чувствомъ живой признательности вспоминаютъ ученики Тихонравова объ этомъ времени. «Когда я былъ въ пятомъ классѣ гимназіи,—пишетъ одинъ изъ нихъ,—въ концѣ 50-хъ годовъ у насъ еще заучивали наизусть реторику по учебнику, снабженному обычными примѣрами. Но вотъ, въ шестомъ классѣ, въ началѣ года къ намъ поступилъ новый преподаватель; это былъ Н. С. Тихонравовъ. Съ приходомъ «новаго учителя» у насъ сразу повѣяло инымъ духомъ, и сразу въ занятіяхъ нашихъ произошло оживленіе: для перваго ознакомленія съ учениками Н. С. задалъ классное сочиненіе на тему по выбору каждаго ученика, и его оцѣнка этихъ сочиненій совершенно перевернула вверхъ дномъ наше міросозерцаніе: оказалось, что лучшимъ сочиненіемъ онъ призналъ не «Кремль при лунномъ свѣтѣ», а разборъ только

¹⁾ Обстоятельный библиографическій очеркъ этой дѣятельности можно найти въ статьѣ Д. Языкова: «Учено-литературная дѣятельность Н. С. Тихонравова» («Русская Мысль», 1890 г., № 10. «Всемирная Иллюстрація», 1890 г., № 1135; 1893 г., № 1299).

²⁾ Въ послѣднее время Н. С. Тихонравовъ готовилъ обстоятельное изслѣдованіе объ этомъ писателѣ.

что вышедшей тогда «Семейной хроники» Аксакова. Учебниковъ у насъ не было, а обыкновенно послѣ изученія образцовъ одного отдѣла поэзіи Н. С. давалъ намъ написанные имъ самимъ листки, содержашіе въ себѣ сжатые обобщенія пройденнаго отдѣла. Его опредѣленія были для насъ совершенно понятны, потому что резюмировали наши классные уроки, увѣичивая ихъ мастерскимъ син-

Николай Саввичъ Тихонравовъ.

тезомъ» ¹⁾. Педагогическая дѣятельность Николая Саввича въ гимназій продолжалась, однако, не долго. Въ 1857 году, онъ занялъ въ Московскомъ университетѣ кафедру педагогій, учрежденную для теоретическаго и практическаго приготовленія студентовъ къ учительскому званію, а черезъ нѣкоторое время ему же поручено было читать и лекціи по исторіи русской литературы. Заслуги Н. С.

¹⁾ «Русскія Вѣдомости», 1893 г., № 330.

Тихонравова въ области преподаванія очень велики. «Талантливо составленные, живые, увлекательные университетскіе курсы, обнимающіе всю исторію нашей литературы, горячее, живое отношеніе къ преподаванію, умѣлая интересная постановка практическихъ работъ, способность возбуждать въ аудитории сильный и сознательный интересъ къ дѣлу—все это вмѣстѣ оказало сильное вліяніе на научное и литературное развитіе многихъ поколѣній молодыхъ людей»¹⁾. Курсы эти, повидимому, были результатомъ всей ученой дѣятельности Н. С. Тихонравова. На ихъ обработку онъ тратилъ все свое время, сюда вносилъ онъ плоды своихъ изысканій, изслѣдованій, только изрѣдка, въ большинствѣ случаевъ по чисто внѣшнимъ побужденіямъ, печатая свои мелкія, но довольно многочисленныя, всетаки, замѣтки и сообщенія²⁾. Нельзя поэтому не пожалѣть, что курсы эти не изданы, остаются въ тетрадкахъ его слушателей, какъ и многое, написанное этимъ почтеннымъ изслѣдователемъ.

На сколько курсъ, читанный Н. С. Тихонравовымъ въ университетѣ, былъ цѣннымъ, помимо восторженныхъ отзыовъ его слушателей, какъ нельзя лучше доказываетъ его рецензія на «Исторію русской литературы» Галахова, помѣщенная въ «Отчетѣ» о 19-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ, въ которой сразу обращаетъ на себя вниманіе глубоко-научная постановка основныхъ вопросовъ русской литературы и метода ихъ разработки, цѣльный и стройный взглядъ на всю исторію нашей литературы. На сколько могъ, Н. С. Тихонравовъ въ этой небольшой, сравнительно (124 страницы), рецензіи высказалъ этотъ взглядъ, объяснилъ многія умственные движенія, выразившіяся въ литературныхъ памятникахъ древней Руси, далъ ту «историческую нить, которая позволяетъ видѣть измѣненіе возрѣній, прогрессъ идей, обнаруживающійся съ теченіемъ времени въ одномъ и томъ же циклѣ сказаній» (стр. 104). Цѣнность изысканій и выводовъ Н. С. Тихонравова въ этой области увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ основу ихъ положено тщательное изученіе рукописной литературы. Ученикъ Буслаева, послѣдователь новой школы ученыхъ, прилагавшихъ историческую мѣрку для оцѣнки литературныхъ произведеній старины, Николай Саввицъ ревностно принялся за изученіе этихъ произведеній въ разнаго рода архивахъ, много времени и средствъ тратилъ на приобрѣтеніе рукописей. Уже въ своей вступительной лекціи молодой ученый сразу заявилъ себя приверженцемъ новой школы, здѣсь уже намѣтилъ программу для своихъ ученыхъ работъ. «По нашему убѣжденію, — говорилъ онъ, — исторія новой русской литературы

¹⁾ А. Н. Пыпинъ. «Исторія русской этнографіи», т. II, 421. «Русскія Вѣдомости», 1893, № 333.

²⁾ «Русская Мысль», 1890 г., № 10, стр. 97—102. Списокъ его трудовъ.

должна начаться обзорѣніемъ второй половины XVII вѣка. Выяснивъ себѣ содержаніе литературы этого времени, она осмыслить все историческое развитіе нашей словесности, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія еще державшейся средне-вѣковыми началами, и, избавившись отъ ложной исключительности, оставить за второй половиной столѣтія тотъ богатый литературный запасъ, который удовлетворялъ потребностямъ низшихъ классовъ народа и вызывалъ дѣятельность писателей, отдавшихъ народной массѣ полное свое сочувствіе. Ставъ живою картиною всего русскаго общества XVIII вѣка, а не высшаго только слоя его, она поставитъ лицомъ къ лицу нашъ древній и новый бытъ, укажетъ его переливы одинъ въ другой и, сдѣлавъ невозможными возгласы о насильственности реформы Петра Великаго и ни на чемъ не основанныя похвалы нашей древней жизни, укрѣпитъ и возвыситъ вѣру въ нравственную силу европейскаго просвѣщенія». Въ той же любопытной рѣчи, замѣтимъ, основанной на рукописномъ матеріалѣ, Н. С. Тихонравовъ нападаетъ уже на тѣхъ историковъ литературы, которые, «обходя труднѣйшіе, наименѣе разработанные и какъ нарочно наиболѣе важные отдѣлы, оставили совершенно въ сторонѣ старую и новую рукописную литературу»¹⁾. Изученію и собиранію этой литературы и посвящена была, главнымъ образомъ, дѣятельность этого ученаго. Такъ, въ концѣ пятидесятихъ годовъ, онъ предпринялъ изданіе извѣстнаго историко-литературнаго сборника «Лѣтописи русской литературы и древности», на страницахъ котораго нашли себѣ мѣсто памятники какъ старой, такъ и новой литературы, имѣющіе значеніе главнымъ образомъ для исторіи нравовъ, общественнаго развитія, образованности, на примѣръ, поученія противъ языческихъ вѣрованій и обрядовъ, матеріалы для исторіи Стоглава, раскола и др. Памятники сопровождались небольшими предисловіями-ислѣдованіями, принадлежавшими Ѳ. И. Буслаеву, Аванасьеву, Соловьеву, Костомарову и др., а также самому издателю.

Въ то же, приблизительно, время изданы были Н. С. Тихонравовымъ его «Памятники отреченной русской литературы» (2 тома), имѣвшіе большое значеніе для опредѣленія общихъ отношеній нашей старой письменности, для характеристики воззрѣній древнерусскаго общества, для объясненія многихъ явленій старой народной поэзіи. Къ сожалѣнію, изслѣдованіе «Отреченныя книги древней Россіи», приложеніемъ къ которому являлись «Памятники», вполне приготовленное къ печати, но не удовлетворявшее требованіямъ цензуры, до сихъ поръ остается въ рукописи: представленный въ университетъ, трудъ этотъ доставилъ автору его ученую степень доктора, но напечатанъ не былъ. Чрезвычайно важнымъ для исторіи нравовъ, а также книжнаго языка, является изданіе

¹⁾ «Московскія Вѣдомости», 1859 г., № 232.

Тихонравова: «Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ» (2 тома) и вводная статья къ нимъ «Репертуаръ русскаго театра въ первыя пятьдесятъ лѣтъ его существованія». Статья эта, а также примѣчанія къ тексту изданныхъ драматическихъ произведеній, по словамъ академика М. И. Сухомлинова, «составляютъ самостоятельныя изслѣдованія, освѣщающія одну изъ любопытныхъ отраслей нашей литературы переходнаго времени»¹⁾. Такимъ же интересомъ отличается изслѣдованіе о стригольникахъ, къ сожалѣнію, извѣстное только въ краткомъ изложеніи, гдѣ авторъ сближаетъ еретиковъ съ нѣмецкими крестовыми братьями²⁾. Капитальнымъ трудомъ послѣдняго времени является изданное Н. С. Тихонравовымъ въ 1889 году десятое изданіе сочиненій Гоголя. Появленіе этого труда было крупнымъ литературнымъ событіемъ. «Результатъ многолѣтней работы надъ текстомъ Гоголя, надъ изученіемъ его рукописей и его изданій, съ одной стороны, надъ внутренней и литературной исторіей каждаго отдѣльнаго произведенія съ другой,—это изданіе, по словамъ г. Якушкина, представляло не только исправленный и дополненный текстъ сочиненій Гоголя, но и давало вмѣстѣ съ тѣмъ, въ примѣчаніяхъ редактора, подробную и тонко разработанную исторію всей литературной дѣятельности Гоголя въ постоянной связи съ внутренней исторіей самого великаго писателя. Если эти обширныя (939 страницъ убористаго шрифта) примѣчанія и не представляли въ цѣльномъ и послѣдовательномъ видѣ полной біографіи Гоголя, то заключали въ себѣ такой богатый матеріалъ для этой біографіи, собранный съ такимъ знаніемъ, освѣщенный такою серьезною и тонкою критикой, такъ искусно сопоставленный, что примѣчанія эти, давая интереснѣйшее чтеніе для всякаго читателя, навсегда вмѣстѣ съ тѣмъ останутся для будущихъ біографовъ Гоголя основнымъ источникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ образцомъ. Это, конечно, не біографія, но до сихъ поръ въ литературѣ о Гоголѣ нѣтъ ничего, что бы такъ полно и цѣльно представляло намъ ходъ литературной дѣятельности въ тѣсной связи съ постепенными измѣненіями во внутреннемъ развитіи и въ направленіи великаго сатирика»³⁾. Всѣ эти ученые труды доставили Н. С. Тихонравову ученые степени—доктора русской словесности, званіе заслуженнаго профессора и, наконецъ, 3-го марта 1890 г. званіе ординарнаго академика.

Николай Саввичъ не былъ, однако, кабинетнымъ ученымъ, интересовавшимся только стариной. Вопросы общественной жизни за-

¹⁾ Сборникъ II отд. Академіи Наукъ, т. LII, стр. 20.

²⁾ Труды 2-го археологическаго съѣзда, вып. II, стр. 35—38.

³⁾ «Русскія Вѣдомости», 1893 г., № 196. «Вѣстникъ Европы», 1893 годъ, № 9.

нимали его не меньше. Онъ, напимѣръ, согласился участвовать въ репертуарномъ совѣтѣ, который задумалъ устроить А. Н. Островскій для Московскихъ театровъ ¹⁾. Особенно дѣятельное участіе принималъ онъ въ дѣлѣ народнаго образованія, организаціи воскресныхъ школъ. «Состоя профессоромъ университета,—говоритъ одинъ изъ его учениковъ,—Николай Саввичъ принялся горячо за организацію этого дѣла: онъ соединилъ вокругъ себя большую группу университетской молодежи и при помощи студентовъ устроилъ воскресныя школы въ Москвѣ, при уѣздныхъ училищахъ. Въ каждой школѣ онъ установилъ свой штатъ учителей съ инспекторомъ во главѣ. Въ опредѣленные дни студенты собирались въ «гербаріи» университета толковать подъ руководствомъ Николая Саввича о методахъ преподаванія, о книгахъ для чтенія, и вообще объ общихъ вопросахъ и приемахъ преподавательской дѣятельности. Воскресныя школы въ Москвѣ были впервые имъ созданы, имъ же впервые подняты и введены въ жизнь методы и задачи народнаго образованія, основанныя на чисто гуманнхъ и педагогическихъ началахъ» ²⁾.

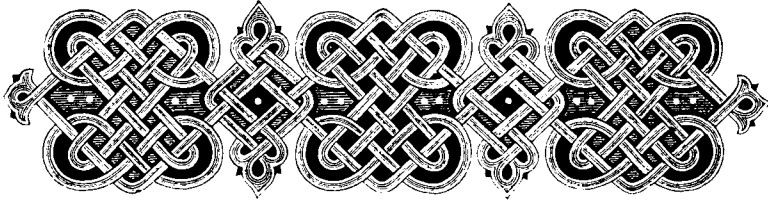
Вся эта разнообразная долгодѣтельная дѣятельность Николая Саввича дала въ результатъ то глубокое уваженіе къ нему, какимъ онъ пользуется въ ученномъ мѣрѣ, и тѣ искреннія, теплыя симпатіи, которыя высказались во время празднованія его юбилея и высказываются теперь по случаю его смерти. Въ день юбилея ученики въ знакъ своего уваженія къ учителю и признательности поднесли посвященную ему «Палею». Лучшимъ вѣнкомъ на могилу Николая Саввича со стороны тѣхъ же учениковъ было бы изданіе всего сдѣланнаго, по не напечатаннаго имъ, а главное его «Исторіи русской литературы».

В. Б.

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1888 г., т. I, 638.

²⁾ «Русскія Вѣдомости», 1893 г., № 330.

ЗОЛА ДОМА.

НАМЕНИТЫЙ французскій романистъ Эмиль Зола прїѣзжаетъ въ Петербургъ въ январѣ мѣсяцѣ и, конечно, встрѣтитъ радушный прїемъ со стороны русской прессы, представители которой недавно пользовались въ Парижѣ дружескимъ гостепрїимствомъ тамошнихъ журналистовъ. Хотя, быть можетъ, никто изъ современныхъ европейскихъ писателей не знакомъ такъ близко русской публикѣ, какъ авторъ «Ругоновъ-Маккаръ», который былъ уже популяренъ въ Россіи, благодаря своему, одно время, постоянному сотрудничеству въ «Вѣстникѣ Европы», когда еще его талантъ не всеми признавался на родинѣ, но это знакомство ограничивается его крупными и мелкими произведеніями, которыя быстро печатаются на русскомъ языкѣ, въ нѣсколькихъ переводахъ, по мѣрѣ ихъ появленія на свѣтъ, а Зола, какъ чловѣкъ, въ его прошедшей жизни и въ настоящей домашней обстановкѣ, представляетъ русскимъ читателямъ мало вѣдомую величину, не смотря на то, что европейскіе репортеры почти не выходятъ изъ его кабинета и чуть не ежедневно сообщаютъ всему свѣту, что онъ дѣлаетъ, пишетъ, говоритъ и думаетъ. Въ виду такого изобилія матеріаловъ, можно рельефно очертить его личность на основаніи его собственныхъ словъ, свѣдѣній, сообщенныхъ имъ о всемъ, что касается его прежней и настоящей жизни, мнѣній, высказанныхъ имъ о всевозможныхъ текущихъ вопросахъ, и точнаго изображенія репортерами всѣхъ мелочей его обыденной, ежедневной жизни. Такая картинка будетъ какъ нельзя болѣе кстати въ настоящую минуту, и источниками для нея преимущественно будутъ служить, кромѣ газетныхъ сообщеній, любопытная статья, не-

давно посѣтившаго Зола, въ его роскошномъ парижскомъ домѣ, англійскаго журналиста В. Муни, подъ заглавіемъ: «Львы въ ихъ берлогахъ: Эмиль Зола» (Idler, 1893, june), и нѣсколько статей о немъ въ «Revue Illustrée», между прочимъ: «Часъ у Эмиля Зола», извѣстнаго французскаго литературнаго репортера Жюля Гюрэ, автора любопытной книги: «Enquête sur l'Evolution Litteraire», въ которой между разговорами съ извѣстными французскими литераторами о современныхъ литературныхъ направленіяхъ помѣщена и бесѣда съ Зола.

Очеркъ того, что видѣлъ и слышалъ англійскій журналистъ при посѣщеніи жилища главы натуралистической школы французскаго романа, начинается съ его собственнаго разсказа о прошедшей его жизни, и въ этомъ заключается главнѣйшій интересъ статьи.

«Вы желаете все знать обо мнѣ,—сказалъ Зола, встрѣчая своего посѣтителя очень привѣтливо и дружески пожимая ему руку:—я постараюсь разсказать вамъ свое прошлое, не повторяясь. Мать моего отца была родомъ съ острова Корфу, онъ самъ былъ венеціанецъ, а моя мать парижанка. Они встрѣтились въ Парижѣ, куда отецъ часто пріѣзжалъ по поводу постройки водопровода въ Э, въ Провансѣ. Вскорѣ послѣ ихъ перваго свиданія они поженились, и ихъ бракъ былъ бракомъ по любви. Я родился въ Парижѣ въ 1840 году, а спустя семь лѣтъ отецъ умеръ, не оставивъ намъ почти ничего, кромѣ судебныхъ процессовъ, которые моя мать и бабушка сумѣли проиграть. До двѣнадцати лѣтъ я мало чему учился, а потомъ поступилъ въ лицей, гдѣ занимался съ умѣреннымъ успѣхомъ, ненавидя классическіе языки и предпочитая всѣмъ предметамъ математику. Въ послѣдній годъ моей школьной жизни я близко сошелся съ двумя юношами, которые въ значительной степени повліяли на то, что я сдѣлался впослѣдствіи романистомъ. Мы всѣ трое отличались общими вкусами, и наше главное удовольствіе заключалось въ чтеніи романовъ, причемъ, прочитавъ какойнибудь романъ, мы приступали къ его оцѣнкѣ, глава за главой, съ точки зрѣнія скорѣе метафизической, чѣмъ литературной. Въ 1848 году, я вышелъ изъ провинціального лицея и отправился въ Парижъ искать работы, чтобъ оказать помощь матери. Впродолженіе послѣдующихъ двѣнадцати лѣтъ я узналъ всю тяжесть существованія бѣднаго молодого человѣка въ Парижѣ, и часто мнѣ приходилось проводить полдня въ постели на своемъ чердакѣ, чтобъ согрѣться; но, право, я иногда теперь, среди окружающей меня роскоши, сожалею о томъ славномъ времени, когда я не имѣлъ часто мѣдной монеты на обѣдъ, но жизнь казалась мнѣ прекрасной, полной самыхъ свѣтлыхъ надеждъ. Наконецъ, въ 1851 году, я нашелъ довольно выгодное мѣсто у книгопродавцевъ-издателей, братьевъ Гашеттъ. Я сначала получалъ по 200 франковъ въ мѣсяцъ, а потомъ такъ сталъ исправно исполнять свою работу, что мнѣ прибавили жало-

ванья. Послѣ нѣкотораго времени мнѣ поручили завѣдываніе отдѣломъ объявленій, и я вступилъ въ сношенія съ литераторами и журналистами, которые помогли мнѣ въ моихъ первыхъ литературныхъ опытахъ. Еще въ лицѣ, то-есть 17-ти лѣтъ, я написалъ «Contes à Ninon», а тогда я исправилъ эти рассказы и рѣшился попробовать съ ними счастья въ литературномъ мірѣ. Какъ обыкновенно бываетъ съ молодыми, неизвѣстными писателями, одинъ издатель за другимъ возвращали мнѣ рукописи; даже мой хозяинъ, Гашеттъ, отказался напечатать ее, хотя въ видѣ поощренія моихъ литературныхъ трудовъ далъ мнѣ болѣе высокое положеніе въ его фирмѣ. Въ концѣ концовъ, я обратился къ Гетцелю, и вы можете представить мою радость, когда онъ издалъ мою книгу. Критика встрѣтила ее очень лестно, но она продавалась туго. Вскорѣ послѣ этого я началъ писать въ «Vie Parisienne» и «Petit Journal». Но, сдѣлавшись журналистомъ, я не могъ довольствоваться одними вечерами для литературной работы, и въ 1857 году отказался отъ своего мѣста у Гашеттъ. Съ тѣхъ поръ я предался исключительно литературѣ, но въпродолженіе нѣкотораго времени это нисколько не улучшило моего положенія, и мнѣ приходилось еще переносить не мало тягостей и лишеній. Но излишне рассказывать шагъ за шагомъ, мою литературную карьеру. Вы знаете, чего я достигъ; значить, въ концѣ концовъ мои усилія увѣнчались успѣхомъ».

Успѣхъ—понятіе относительное, и Зола какъ своему англійскому собесѣднику, такъ и другимъ репортерамъ, откровенно говорилъ, что не считаетъ себя миллионщикомъ, не смотря на выручаемыя имъ отъ своихъ литературныхъ трудовъ значительныя суммы. Всѣ рассказы объ его миллионѣхъ, по его словамъ, пустая легенда, и у него нѣтъ ни гроша, отложеннаго на черный день, такъ какъ получаемыя имъ среднимъ числомъ триста тысячъ франковъ въ годъ не представляютъ большаго состоянія въ Парижѣ, тѣмъ болѣе, что онъ расходуетъ всѣ лишнія деньги на роскошную обстановку своего парижскаго дома. Что касается до вырученныхъ имъ денегъ изъ его главнаго литературнаго труда—серіи романовъ, подъ общимъ титуломъ «Ругоновъ-Маккаръ», то первый изъ нихъ «La Fortune des Rougons» разошелся въ 26.000 экземплярахъ, «La Curé» — въ 36.000, «Le Ventre de Paris» — въ 33.000, «La Conquête de Plasans» — въ 25.000, «La Faute de l'abbé Mouret» — въ 44.000, «Son excellence Eugène Rougon» — въ 26.000, «L'Assomoir» — въ 127.000, «Une page d'amour» — въ 80.000, «Nana» — въ 166.000, «Pot Bouille» — въ 82.000, «Le Bonheur des Dames» — въ 62.000, «La Joie de vivre» — въ 48.000, «Germinal» — въ 88.000, «La Bête Humaine» — въ 83.000 и «La Débâcle» — въ 176.000. О распространеніи послѣдняго романа этой серіи «Docteur Pascal», вышедшаго въ прошедшее лѣто, еще нѣтъ полныхъ свѣдѣній, но можно смѣло сказать, что всѣ эти шестнадцать романовъ разошлись въ числѣ полутора-милліона эк-

Зола въ своемъ кабинетѣ.

землярахъ. Когда еще Зола былъ неизвѣстенъ и едва наживалъ себѣ кусокъ хлѣба своими литературными трудами, то парижскій книгопродавецъ и издатель Шарпантье заключилъ съ нимъ условіе, по которому Зола обязался поставлять въ годъ по два романа за 500 фр. мѣсячнаго содержанія. При этихъ условіяхъ были изданы «*Le Ventre de Paris*», «*La Conquête de Plassans*» и «*La Faute de l'abbé Mouret*»; но когда Зола вошелъ въ славу, то Шарпантье самъ разорвалъ подписанное имъ условіе и, сосчитавъ по сорока сантимовъ за проданный экземпляръ каждой книги, отдалъ ему остатокъ, высчитавъ изъ получившейся суммы выданныя ему уже деньги, а потомъ продолжалъ платить по той же цѣнѣ, которую впослѣдствіи, возвысилъ до 60 сантимовъ съ экземпляра. По этому послѣднему расчету Зола и выводилъ, что онъ получаетъ за расходящіеся въ годъ 80.000 экземпляровъ всѣхъ томовъ «*Ругоновъ-Маккаръ*» и за другія свои литературныя произведенія, а также за переводы и перепечатку въ различныхъ газетахъ и журналахъ, указанную имъ цифру его годоваго дохода 300.000 франковъ. «Если бы я былъ дѣйствительно миллионщикомъ, какъ увѣряютъ, — говорилъ Зола литературному репортеру Гюэ, — то я, конечно, не сталъ бы рѣзать своихъ романовъ на фельетоны, но для равновѣсія моего бюджета мнѣ нужны деньги, и я мирюсь съ этой нелѣпостью. По той же причинѣ я самъ вхожу въ переговоры съ иностранными издателями на счетъ перевода моихъ книгъ, но эта статья не очень доходная: вотъ, напримѣръ, романъ «*La Débâcle*» появился въ одно время на англійскомъ, нѣмецкомъ, испанскомъ, португальскомъ, итальянскомъ, чешскомъ, венгерскомъ, датскомъ и русскомъ языкахъ, а за все это я получилъ только 27.000 фр., изъ которыхъ всего болѣе заплатили Америка и Германія: первая—8.000, а вторая—6.000 фр.». Относительно громаднхъ расходовъ на его великолѣпный парижскій домъ онъ самъ рассказывалъ тому же репортеру, что онъ убилъ на него болѣе 3.000.000 фр., такъ какъ всѣ предметы роскошной обстановки чрезвычайнаго дорожи въ Парижѣ, и какойнибудь художественный столъ стоить не менѣе 10.000 фр. Но при этомъ, украшая свой домъ, онъ заботился только о декоративной красотѣ, и собранные имъ предметы, представляя общее картинное цѣлое, не имѣютъ, сами по себѣ, цѣнности ни по стоимости, ни по рѣдкости ихъ. Для него роскошь, богатство и рѣдкость не имѣютъ цѣны, а его глаза плѣняетъ лишь декоративный блескъ, такъ что, по его собственнымъ словамъ, еслибъ онъ не имѣлъ возможности удовлетворить своему декоративному вкусу у себя дома, то съ удовольствіемъ сдѣлался бы декораторомъ чужихъ домовъ. Этотъ вкусъ онъ заимствовалъ изъ чтенія сочиненій Виктора Гюго еще въ своей юности, и какъ только у него завелись лишнія деньги, онъ сталъ покупать красивыя бездѣлушки и мало-по-малу приобрѣлъ громадную коллекцію

всевозможныхъ эффектныхъ предметовъ, наполняющихъ его жилище, которое мало-по-малу все увеличивалось и, наконецъ, достигло теперешнихъ крупныхъ размѣровъ, въ занимаемомъ имъ домѣ на Брюссельской улицѣ.

Описывать всей массы разнообразныхъ вещей, собранныхъ въ этомъ домѣ, начиная съ лѣстницы и до спальни, нѣтъ никакой возможности и даже самые аккуратные репортеры довольствуются общей картиной декоративныхъ красотъ, расположенныхъ и разставленныхъ самимъ хозяиномъ съ удивительнымъ искусствомъ въ подборѣ свѣто-тѣни, гармоніи колорита и сочетаніи тоновъ. При этомъ, въ виду его южнаго происхожденія, естественно, главную роль играютъ: блескъ, яркость и эффектъ. «Когда вы входите въ сѣни,— говоритъ Гюрэ,— васъ поражаетъ баснословная смѣсь формъ и цвѣтовъ, безконечная масса всякаго рода эффектныхъ предметовъ: налѣво—золотой Будда сидитъ подѣ тѣнью двухъ высокихъ пальмъ, среди окружающихъ его листьевъ лотоса; напротивъ—старинная церковная каеэдра, изъ рѣзнаго почернѣвшаго дуба, рельефно выдается на фонѣ разноцвѣтнаго окна. На лѣвой стѣнѣ лѣстницы красуется барельефъ изъ полудюжины ярко выкрашенныхъ фигуръ въ человѣчскій ростъ, а направо виднѣтся старинная вышивка серебромъ по голубому фону. Съ обѣихъ сторонъ средней площадки возвышаются двѣ громадныя фигуры святыхъ, а нѣсколько подалѣе стоитъ, нимало не конфузясь подобнаго общества, милосская венера, а надъ нею виситъ знаменитый портретъ Зола, работы Манэ; тутъ же, въ разныхъ мѣстахъ, гнѣзятся: древняя Мадонна изъ поблекшаго дерева, различныя произведенія изъ эмали, роскошныя ткани и т. д.». Рабочій кабинетъ автора «Ругоновъ-Маккаръ» отличается не такими яркими переливами краснаго цвѣта, какъ гостиная, но представляетъ гармонію матоваго золота; тутъ виднѣются рядомъ: картины старой итальянской школы XV вѣка, на золотомъ фонѣ, роскошный мягкій диванъ подѣ висящей надъ нимъ черной, бархатною тканью, съ вышитыми на ней золотомъ павлинами, письменный столъ, съ блестящими инкрустаціями и всевозможными изящными бездѣлушками, большое кресло, обитое испанской кожей, и висяція на стѣнѣ, съ обѣихъ сторонъ кресла, широкія полосы античнаго пурпурнаго бархата, распятаго золотыми блестящими.

Въ этомъ-то кабинетѣ, на этомъ-то креслѣ и за этимъ-то столомъ, написаны послѣднія литературныя произведенія Зола. Относительно его манеры писанія онъ самъ говорилъ англичанину Муни: «я никогда не подготавливаю заранѣе завязки и развязки. Это рѣшительно мнѣ не удастся: я иногда цѣлыми часами сижу, закрывъ глаза, и стараюсь создать передъ собою канву всего романа, но тщетно, а потому я довольствуюсь тройной подготовительной работой для каждаго своего произведенія. Первую работу

я называю абрисомъ, и она состоитъ изъ наброска руководящей идеи романа и элементовъ, необходимыхъ для его развитія; къ этому я прибавляю еще отмѣтки о логической связи между одной серіей фактовъ и другой. Вторая работа заключается въ протокольной записи, изслѣдованіи характера каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ, а для главныхъ я иду далѣе и отмѣчаю особенности ихъ родителей, вліяніе послѣднихъ на моихъ героевъ, воспитаніе этихъ героевъ и отраженіе на нихъ окружающей обстановки, до той минуты, какъ они появляются на сцену моего разсказа, при чемъ я беру въ соображеніе все, что касается этихъ личностей: ихъ внѣшность, здоровье и наслѣдственныя черты. Третья работа обнимаетъ изслѣдованіе той среды, въ которую я намѣренъ поставить своихъ дѣйствующихъ лицъ, и тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ они должны дѣйствовать. Я старательно изучаю обычаи, привычки, языкъ и даже акцентъ обитателей этихъ мѣстностей. Я часто набрасываю планы ихъ жилищъ, измѣряю величину комнатъ и отмѣчаю, гдѣ именно находится та или другая мебель. Наконецъ, я ясно отдаю себѣ отчетъ въ томъ, какое впечатлѣніе производитъ означенная мѣстность днемъ и ночью. Когда собранъ весь этотъ матеріалъ, я принимаюсь за писаніе романа и каждый день пишу не болѣе трехъ печатныхъ страницъ. Работа идетъ у меня, однако, не очень медленно, такъ какъ я работаю тихо, но безъ перерывовъ, и почти никогда не дѣлаю поправокъ, а отложенную страницу уже болѣе не перечитываю. На слѣдующее утро я берусь снова за прерванный трудъ, и мой романъ продолжается до его конца въ строгой логической постепенности. Вообще, я работаю, какъ математикъ, и знаю до начала каждаго романа, сколько въ немъ будетъ главъ. Описательной части его отведены заранѣе опредѣленные мѣста, и если не хватаетъ на это одной главы, то я перехожу въ слѣдующую, причемъ стараюсь дать читателю отдохнуть послѣ эпизода, производящаго сильное впечатлѣніе, на какойнибудь интерлюдіи, отвлекающей на время его вниманіе. Но, повторяю еще разъ, я никогда не ограничиваю себя предвзятой завязкой и развязкой, даже въ началѣ главы я не знаю, чѣмъ она кончится, а просто вывожу логически одно положеніе дѣйствующихъ лицъ изъ другаго». Подобной системы литературнаго творчества строго придерживался Зола, работая надъ шестнадцатю томами своихъ «Ругоновъ-Маккаръ», которые выходили, одинъ за другимъ, въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ, и пользовались сначала небольшимъ успѣхомъ, а только со времени «Assomoir» доставили громкую славу ихъ автору.

Въ настоящее время, окончивъ эту громадную серію романовъ, онъ уже принялся за новую, которая будетъ состоять только изъ трехъ томовъ и называться: «Лурдъ—Римъ—Парижъ». Въ первомъ онъ, по его собственнымъ словамъ, проведетъ идею о томъ, что

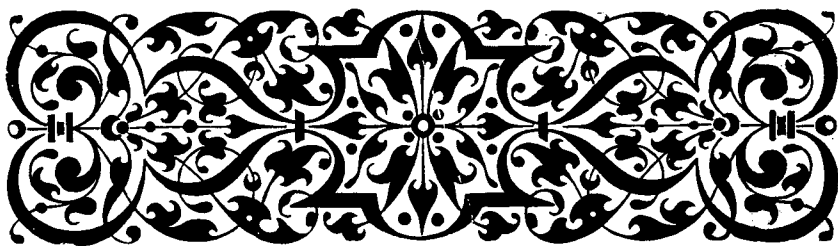
великія, научныя открытія нашего времени не оправдали всѣхъ надеждъ, возложенныхъ на нихъ впечатлительными и неблагоуразумно-требовательными умами, а потому они вернулись къ прежней вѣрѣ въ существованіе чего-то болѣе могущественнаго, чѣмъ наука, чего-то, способнаго излечить ихъ отъ того недуга, которымъ они дѣйствительно или только повидимому страдаютъ. Второй романъ представитъ картину нео-католицизма, съ его стремленіями и борьбой, представляющими рѣзкій контрастъ съ искренними религиозными чувствами лурдскихъ паломниковъ. Наконецъ, въ третьемъ романѣ будетъ изобличенъ весь развратъ и вся разнузданность Парижа, въ которыхъ принимаетъ участіе весь цивилизованный свѣтъ. «Для Лурда,—говорилъ Зола англійскому репортеру, — я уже собралъ всѣ матеріалы. Я лично совершилъ туда паломничество, и католическое духовенство очень любезно открыло мнѣ всѣ имѣвшіеся тамъ документы по данному вопросу; кромѣ того, я получаю постоянно письма о Лурдѣ отъ духовныхъ лицъ и набожныхъ мірянъ, которые надѣются, что я, рано или поздно, сдѣлаюсь ревностнымъ поклонникомъ ихъ святыни. Конечно, прежде чѣмъ отправиться въ Лурдъ, я имѣлъ продолжительныя бесѣды съ учеными специалистами по нервнымъ болѣзнямъ, а тамъ я видѣлъ испѣленія, которыя назвали бы необыкновенными лица, не знающія, что вѣра можетъ творить чудеса въ истерическихъ недугахъ. Но я не видалъ, чтобы Лурдская Мадонна излечивала калѣкъ, и, по правдѣ сказать, ни одинъ патеръ или монахъ не упоминалъ при мнѣ о подобныхъ чудесахъ. Вообще, меня удивило, что мѣстное духовенство не отличается духомъ воинственнаго прозелитства, и что все дѣло тамъ ведется очень тихо, спокойно и съ большимъ достоинствомъ». Впрочемъ, по разсказу того же Зола, передаваемому А. Суворинымъ, въ одномъ изъ его «Маленькихъ писемъ» въ «Новомъ Времени», о содержаніи романа «Лурдъ», героиня его будетъ женщина, у которой нѣчто въ родѣ рака, и которая, бесполезно испытавъ всѣ средства докторовъ и знахарей, излечивается отъ своей тяжелой болѣзни однимъ погруженіемъ въ Лурдскій источникъ. Что бы ни принесъ этотъ «романъ милосердія и вѣры» своему автору, тридцать лѣтъ защищавшему позитивизмъ, новую славу или омраченъе прежней, онъ уже послужилъ косвенной причиной кражи у него бронзы на сто франковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ распространился слухъ, что онъ пишетъ «Лурдъ», клерикальныя газеты стали посылать къ нему своихъ репортеровъ, и одинъ изъ нихъ стащилъ у него нѣсколько бронзовыхъ вещей, пока онъ выходилъ на минуту изъ кабинета. Во всякомъ случаѣ, какъ бы Зола ни отнесся къ мистической вѣрѣ, служащей основой «Лурда», къ попыткамъ примиренія между католической церковью и современными идеями, что будетъ предметомъ «Рима», и къ социалистическому движенію, о которомъ онъ долженъ неизбежно

говорить въ «Парижѣ», онъ останется въ этой новой серіи романовъ вѣренъ своему литературному методу и натуралистической школѣ, главой которой онъ остается до сихъ поръ, не смотря на то, что нѣкоторые изъ его учениковъ упрекаютъ его въ измѣнѣ чистому натурализму, особенно проявившейся съ тѣхъ поръ, какъ онъ упорно добивается кресла во французской академіи, которую онъ прежде поднималъ на смѣхъ.

Хотя въ послѣднее время французская критика считаетъ, что натуралистическій романъ окончилъ свое существованіе, но авторъ «Ругоновъ-Маккаръ», говоря объ этомъ съ Гюрэ, рѣшительно заявилъ, что если натурализмъ и можетъ быть близокъ къ концу, то онъ занималъ такое видное мѣсто въ эволюціи литературныхъ идей XIX столѣтія, что его сторонникамъ нечего бояться будущаго. Реакція противъ всякаго движенія вполне естественна, и потому, по словамъ Зола, въ будущія десять или пятнадцать лѣтъ люди могутъ логично искать другой литературной формулы, но до сихъ поръ еще никакое литературное направленіе не предъявило достаточныхъ правъ, чтобы занять мѣсто натурализма, который никогда не умретъ въ томъ отношеніи, что его основа—изысканіе правды, составляетъ корень человѣческаго прогресса. По его мнѣнію, будущность принадлежитъ, конечно, не декадентамъ, не психологамъ, въ родѣ Бурже, а тѣмъ, которые сумѣютъ подслушать біеніе души современнаго общества, станутъ рисовать правду болѣе широкой, болѣе гуманной кистью, и достигнуть, если можно такъ выразиться, классицизма въ натурализмѣ. Надо надѣяться, что въ новой серіи романовъ талантливый апостолъ натурализма выяснитъ эту туманную формулу, а пока нельзя не сказать, что, разсматривая его, какъ творца удивительной, не смотря на ея недостатки, эпопеи «Ругоновъ-Маккаръ», этотъ наиболѣе блестящій и одаренный изъ современныхъ французскихъ романистовъ, этотъ скромный буржуа, въ ежедневной домашней жизни, представляющей разительный контрастъ съ тѣмъ, что принято называть волизмомъ, этотъ энергичный изслѣдователь современнаго общества, чутко откликающійся на всѣ злобы дня, составляетъ одну изъ самыхъ любопытныхъ и выдающихся фигуръ нашего времени. Поэтому его пріѣздъ въ Петербургъ, конечно, только усилитъ интересъ, который русская публика питаетъ къ Зола, съ еще болѣе давняго времени, чѣмъ его соотечественники. Что касается до цѣли его посѣщенія Россіи, то она двоякая: во-первыхъ, онъ задумалъ написать еще третью серію романовъ, дѣйствіе которыхъ происходило бы въ главныхъ столицахъ Европы, для чего онъ уже посѣтилъ весною Лондонъ, а, во-вторыхъ, онъ тѣшитъ себя надеждой, что подвинетъ впередъ дѣло о заключеніи между Франціей и Россіей трактата о литературной собственности, чего уже давно добивается Парижское Общество литераторовъ, предсѣдателемъ ко-

того теперь состоит Зола. Относительно послѣдняго вопроса онъ надняхъ напечаталъ въ газетѣ Temps статью, подъ заглавіемъ «Открытое письмо къ русской печати», въ которомъ, приписывая русской печати чрезмѣрное вліяніе, старается расположить своихъ русскихъ собратьевъ къ воздѣйствію на официальную сферу съ цѣлью заключенія между обѣими странами трактата для охраненія правъ литературной собственности.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Д. Θ. Бѣляевъ. Ежедневные и воскресные приемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софїи въ ІХ—Х вв. Спб. 1893.

НОВЫЙ ТРУДЪ профессора Бѣляева составляетъ вторую книгу его «Byzantina» (очерки, матеріалы и замѣтки по византійскимъ древностямъ), обширнаго сборника изслѣдованій по византологіи, рассчитаннаго на нѣсколько томовъ. Книга Д. Θ. Бѣляева можетъ служить образцомъ систематическаго изслѣдованія по частнымъ вопросамъ и рядомъ съ прекраснымъ изложеніемъ даетъ такую полноту свѣдѣній, что при наличности указателя предметовъ удовлетворяетъ требованіямъ справочнаго изданія. Имѣя дѣло съ матеріаломъ, совершенно не разработаннымъ, авторъ вынужденъ былъ неоднократно оставаться на почвѣ предположеній и гипотетическихъ выводовъ. Всѣ такія мѣста не только указаны авторомъ, но какъ бы подчеркиваются съ цѣлью вызвать поправки и дополненія. Можно отъ души пожелать, чтобы этотъ методъ изслѣдованія и изложенія утвердился въ русской литературѣ. Д. Θ. Бѣляевъ въ основаніе новаго своего труда положилъ изслѣдованіе византійскаго «Придворнаго устава», или, такъ называемаго, «Царскаго чина» Константина VII Багрянороднаго, памятника, который до прошлаго столѣтія не былъ извѣстенъ ученому міру и былъ изданъ Лейхомъ и Рейске въ 1750—1754 гг. Въ предисловіи къ издаваемому «Придворному уставу» Яковъ Рейске говоритъ о его значеніи для византійской археологіи, что «если въ этомъ вѣкѣ и, можно сказать, вообще когда нибудь издана была книга, важная для изученія римской и византійской исторіи, такъ это именно эта книга.. Нѣтъ такого

предмета ни изъ области церковной, ни изъ области свѣтской, котораго бы эта книга не касалась и не разъясняла... Иного мнѣнія держался знаменитый Нибуръ, который находилъ, «что большая часть первой книги составлена такъ, что въ человѣкѣ порядочно возбуждаетъ тошноту» (*ut ingenio homini nauseam moveat*). Нибуръ признавалъ лишь, что «впрочемъ и въ этихъ пустякахъ (*quisquiliae*) есть кое-что полезное для исторіи». Такой отзывъ повліялъ на ученый міръ и только въ послѣднее время «Придворный уставъ» получилъ надлежащую оцѣнку, и стали появляться частичныя его изслѣдованія. Оказалось, что скромный Рейске былъ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ авторитетный Нибуръ, и это на столько уже ясно, что Д. Θ. Бѣляевъ не находилъ даже нужнымъ опровергать голословное заявленіе Нибура и ограничивается изреченіемъ «*de gustibus non est disputandum*». Такое презрительное отношеніе къ презрительному отзыву знаменитости оправдывается приведенными авторомъ мнѣніями современныхъ авторитетовъ и можетъ служить недурнымъ предостереженіемъ для многихъ изъ нашихъ отечественныхъ Нибуровъ, склонныхъ вообще признавать пустяками все, что ихъ не интересуетъ и въ чемъ они не понимаютъ толку.

Изслѣдованія Д. Θ. Бѣляева по византійскимъ древностямъ въ силу той роли, которую играли въ русской исторіи религія, литература, культура Византіи, имѣютъ прямое отношеніе къ русской исторической наукѣ. Въ новомъ очеркѣ почтеннаго византиста мы находимъ цѣлое изслѣдованіе по поводу византійскаго царскаго орната (наряда), которое естественно затрогиваетъ исторію и нашихъ царскихъ регалій. Въ 1891 году академіей наукъ былъ изданъ трудъ г. Регеля «*Analecta Byzantino-Rossica*» (Petro-rolı), въ которомъ авторъ призналъ «шапку» Мономаха произведеніемъ восточнаго искусства и притомъ памятникомъ довольно поздняго времени, относящимся къ періоду монгольскаго ига. Д. Θ. Бѣляевъ предположилъ, что разсужденіе г. Регеля «вызоветъ, по всей вѣроятности, много вѣскихъ возраженій, особенно со стороны русскихъ археологовъ и нашихъ византологовъ». Предположеніе это не оправдалось. Русскіе археологи не подали своего голоса и не сочли нужнымъ выяснить вопросъ, интересный не только для ученыхъ, но и для каждаго русскаго человѣка. Разборъ Д. Θ. Бѣляева является пока единственнымъ и тѣмъ болѣе важнымъ, что мнѣніе автора его совершенно не сходится съ мнѣніемъ г. Регеля. Д. Θ. Бѣляевъ, отмѣтивъ (стр. 52, 216) нѣсколько промаховъ, найденныхъ имъ въ изслѣдованіи, приложенномъ къ *Analecta*, приходитъ къ слѣдующему выводу. «Упустивши такимъ образомъ,—говоритъ онъ,—изъ виду тѣсно связанная съ «шапкою» Мономаха въ нашихъ извѣстіяхъ бармы или оплечье, которыя обозначаются въ грамотѣ 1561 (года) словомъ *дидѣрма*, каковымъ словомъ онѣ постоянно обозначаются и въ нашихъ памятникахъ, г. Regel доказываетъ, что Мономахова шапка татарскаго происхожденія, что орнаментъ ея тоже татарскій, находитъ подтвержденіе этого въ названіи этой шапки словомъ *аддарила*, которое производится у него безъ всякихъ основаній и доказательствъ, филологическихъ и археологическихъ, отъ *jultra-Kauli beuguk*, сравниваетъ шапку Мономаха съ извѣстною шапкою Казанскаго царства, съ которой шапка Мономаха не имѣетъ ни малѣйшаго сходства, словомъ, дѣлаетъ рядъ невозможныхъ натяжекъ и промаховъ, чтобы только доказать, что знаменитая шапка—не даръ византійскихъ царей, не принадлежность царскаго византійскаго орната, а подарокъ какого нибудь татарскаго хана одному

изъ русскихъ великихъ князей. Всѣ эти смѣлыя положенія обставлены, къ сожалѣнью, такими слабыми аргументами, что безъ предвзятой мысли съ ними согласиться трудно... Надо надѣяться, что знаменитый памятникъ древности, съ которымъ легенда связала происхожденіе царскаго титула, дождется въ болѣе или менѣе скоромъ времени полнаго детальнаго изслѣдованія со стороны кого нибудь изъ авторитетныхъ русскихъ археологовъ.

Пока же самый рисунокъ шапки Мономаха, помѣщенный въ Древностяхъ Россійскаго государства, страдаетъ неточностью и искаженіями. Несомнѣнно, что тѣ золотыя пластинки, которыя составляютъ основаніе шапки, по орнаменту схожи съ окладомъ иконы Владимірской Божіей Матери и окладомъ извѣстнаго Метиславова Евангелія; несомнѣнно, что первоначально онѣ, украшенныя снизу поднизями, отъ которыхъ сохранились лишь отверстія, представляли вѣнецъ совсѣмъ другаго вида, чѣмъ та корона, которую мы имѣемъ въ передѣлѣ XV—XVI вѣка. Никто, думаемъ, въ настоящее время не будетъ настаивать на томъ, что шапка Мономаха и есть именно та корона, которую якобы прислали изъ Византіи для коронованія великаго князя Владиміра, прозваннаго Мономахомъ, но нельзя не замѣтить, что именно татарское происхожденіе вѣнца маловѣроятно. Съ «золотой шапкой» Мономаха соединено понятіе о самостоятельности русскихъ самодержцевъ, о преемствѣ ихъ власти изъ Византіи; болѣе чѣмъ странно, чтобы такое значеніе было придано подарку котораго нибудь изъ Джучидовъ одному изъ своихъ вассаловъ. Никакой самодержецъ, никакой деспотъ не можетъ приказать придавать какому либо предмету то или другое легендарное происхожденіе и смыслъ. Легенды возникаютъ, а не сочиняются. Правда, легенды приурочиваются къ несоотвѣтствующимъ лицамъ и предметамъ, но для того, чтобы понятіе, связанное съ шапкой Мономаха, было приурочено къ татарскому подарку, надо допустить мысль, что была утрачена самая память о его происхожденіи. Это на пространствѣ-то 150—200 лѣтъ и при тогдашней рѣдкости и цѣнности вещей изъ благородныхъ металловъ! Всѣ подобные предметы тщательно перечисляются въ великокняжескихъ завѣщаніяхъ.

Въ древнѣйшихъ изъ дошедшихъ до насъ двухъ духовныхъ Ивана Калиты упоминается уже «шапка золотая», и если въ краткомъ завѣщаніи великаго князя Семена Гордаго вещи не перечисляются, зато въ духовныхъ великаго князя Ивана Ивановича (1356) передъ нами уже всѣ вещи сказанія о регаліяхъ: «шапка золота, бармы... коронка золотомъ кована сердонична». Эти же предметы аккуратно перечисляются и въ духовныхъ великихъ князей Василія Дмитріевича и Василія Васильевича Темнаго. Нельзя не отмѣтить того факта, что «золотая шапка» всегда передается изъ поколѣнія въ поколѣніе тому лицу, которое наследовало великое княженіе. Нѣтъ «золотой шапки» только въ завѣщаніи великаго князя Ивана III, то-есть, какъ разъ въ документѣ того времени, когда легенда о шапкѣ Мономаховой была уже въ обращеніи. Въ объясненіе этого явленія слѣдуетъ припомнить тотъ фактъ, что внукъ Ивана III, Дмитрій, и сынъ Василій оба были объявлены наследниками и вѣнчаны при жизни предшественника.

Возникновеніе легенды о Мономаховыхъ регаліяхъ относится обыкновенно къ эпохѣ Ивана III. Было ли какое либо болѣе раннее сказаніе, изъ котораго эта легенда выросла, мы не знаемъ. Если и было, то не дошло до насъ, не попавъ въ письменные памятники. Данники татарскихъ «воль-

ныхъ» царей могли только помнить и мечтать о томъ, что, по преданію, русскихъ князей когда-то сами византійскіе императоры благословили на собственное «вольное» царство. Во всякомъ случаѣ вещи, которыя были признаны за апокрифическіе дары императора Константина, для объясненія самого факта этого признанія, необходимо считать семейными реликвіями московскихъ князей, переходившими изъ поколѣнія въ поколѣніе; смутныя преданія о забытомъ происхожденіи этихъ реликвій и приурочили ихъ къ легендѣ о Мономахѣ.

«Byzantina» Д. Ф. Бѣляева обратили на себя общее вниманіе специалистовъ; можно только пожелать, чтобы и послѣдующіе выпуски этого сборника не замедлили выходомъ въ свѣтъ, и автору удалось выполнить до конца свое обширное и весьма цѣнное въ научномъ отношеніи предпріятіе.

Н. Лихачевъ.

Николай — онъ. Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства. Спб. 1893.

Въ журналѣ «Слово» за 1880 годъ (№ 10) была помѣщена статья Николая — она «Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства», привлекая въ свое время общее вниманіе оригинальнымъ освѣщеніемъ обширнаго матеріала. Эта статья вошла въ составъ вышедшей теперь книги подъ тѣмъ же заглавіемъ и составила въ ней первый отдѣлъ—«Капитализація земледѣльческихъ доходовъ» (стр. 1—78). Въ ней сдѣланы только нѣкоторыя сокращенія (въ тѣхъ случаяхъ, когда тотъ же самый вопросъ разработанъ болѣе подробно во второмъ отдѣлѣ), нѣкоторыя фактическія данныя замѣнены болѣе точными, опубликованными послѣ 1880 года; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ, напримѣръ, стр. 12, сдѣланы краткія указанія на то, въ какомъ положеніи находится дѣло въ настоящее время. Показывая механизмы капитализаціи земледѣльческихъ доходовъ, авторъ пользовался (въ 1880 г.) фактами нашей общественно-хозяйственной жизни 1870-хъ годовъ. Теперь вполне естественнымъ представляется вопросъ: почему онъ не переработалъ своихъ очерковъ на основаніи новѣйшихъ данныхъ? «Да просто потому,—отвѣчаетъ онъ,—что нигдѣ и никогда не обрисовывалось такъ отчетливо, какъ въ 1870 годахъ, вліяніе на хозяйственный строй населенія трехъ факторовъ обращенія, именно: развитія сѣти желѣзныхъ дорогъ, кредитныхъ учреждений и выпуска кредитныхъ билетовъ. Ни одинъ теоретикъ, изучающій эти факторы, никогда не обойдетъ семидесятихъ годовъ, и непременно остановится на нихъ для наблюденія надъ вліяніемъ, какое они производятъ, такъ сказать, *in statu nascendi*».

Второй, болѣе обширный отдѣлъ книги (стр. 79—353), впервые явившійся въ печати, посвященъ разсмотрѣнію вліянія на народное хозяйство гибели дореформеннаго строя промышленной жизни и замѣны его новымъ, то-есть, капитализаціи промысловъ. Съ обильнымъ цифровымъ матеріаломъ въ рукахъ, всесторонне изучивъ обширную литературу предмета, авторъ анализируетъ явленія нашей хозяйственной жизни, имѣя своею цѣлью указать основныя теченія нашей новой хозяйственной жизни и объединить ихъ, сопоставивъ ихъ съ теоретическими выводами, основанными на фактахъ хозяйственной жизни Западной Европы. При этомъ онъ имѣлъ въ виду «лишній разъ» обратить вниманіе общественной мысли на тѣ тяжелыя

послѣдствія, которыя неизбежны, если наша общественно-хозяйственная жизнь будетъ продолжать развиваться въ томъ же направленіи, въ какомъ она развивалась за послѣднее тридцатилѣтіе».

За недостаткомъ мѣста мы не имѣемъ возможности обстоятельно рассмотреть богатое содержаніе книги г. Николая — она и ограничимся краткимъ указаніемъ главныхъ выводовъ, къ которымъ пришелъ авторъ. Въ дореформенную эпоху производительныя силы общества были крайне ограничены. Въ хозяйственномъ отношеніи все общество было разбито на множество самостоятельныхъ единицъ, потребности которыхъ удовлетворялись продуктами труда непосредственныхъ производителей; лишь незначительная часть ихъ производилась на продажу. Въмѣстѣ съ тѣмъ и средства производства были мелки, разрозненны, рассчитаны на единичныя силы, но зато они принадлежали самимъ производителямъ... Не то въ настоящее время. «Голодь 1891 года показала, что въ хозяйственныхъ условіяхъ существованія всего общества дѣйствительно совершился глубокой переворотъ, и совершился въ продолженіе какихъ нибудь трехъ десятиковъ лѣтъ, подобія которому мы напрасно стали бы искать на протяженіи всего тысячелѣтія, прожитаго нами. Ни удѣльныя безурядицы, ни татарщина, не касались формъ нашей хозяйственной жизни; поэтому по минованіи всякихъ невзгодъ формы эти не только сохранялись, но, благодаря исключительно имъ, благодаря этимъ народнымъ формамъ производства и основываясь на нихъ, колонизовалась и населилась вся южная Россія, колонизовалась Сибирь; благодаря этимъ формамъ, мы видимъ Русское государство такимъ, какое оно есть въ настоящее время. И все это, не смотря на гнетъ крѣпостного права со всѣми его послѣдствіями во всѣхъ областяхъ общественной жизни и только благодаря тому, что основныя формы народного производства оставались незатронутыми, непосредственные производители и средства производства не были разобщены. То, что не могли сдѣлать никакія невзгоды, произвело такое разъединеніе». Это разъединеніе произвелъ быстро развивающійся капитализмъ: какъ въ Западной Европѣ, такъ и у насъ, капитализмъ стремится сосредоточить и расширить разъединенныя, ограниченныя мелкія средства производства и обратить ихъ въ могучіе рычаги современнаго производства, сдѣлать ихъ такими, которые могутъ быть прилагаемы только при совокупной работѣ многихъ, обратить ихъ въ общественныя. При этомъ, однако, самый продуктъ производства не становится общественнымъ, не принадлежитъ производителямъ, а дѣлается собственностью частныхъ лицъ, которымъ принадлежатъ средства производства и которыя выносятъ ихъ на рынокъ.

Результатомъ усиленнаго развитія капитализма было у насъ прекращеніе домашняго производства крестьянъ: «въ области обрабатывающей промышленности произошло полнѣйшее отдѣленіе средствъ производства отъ непосредственныхъ производителей. Крестьянство въ этой области было экспроприровано». У него осталась только земля. Но заниматься земледѣліемъ онъ можетъ только часть года. Продуктъ, полученный отъ этого занятія, онъ можетъ продать на рынокѣ по тому времени, которое имъ затрачено на его полученіе, и даже дешевле (вслѣдствіе конкуренціи рабочихъ другихъ странъ, гдѣ трудъ болѣе производителей). Остальное время онъ остается безъ занятій. Продуктами земледѣлія (которыхъ истощенная земля даетъ все меньше и меньше) онъ долженъ прокормиться, одѣться, заплатить

подати и пр., и пр. Но на деньги, вырученныя за продукты полугодовой работы, онъ не можетъ выполнить свои обязанности по отношенію къ землѣ, обществу, государству. Отсюда недоимки и сокращеніе потребленія и внутренняго рынка. Но «процѣтаетъ ли» при этомъ самая отечественная промышленность, обездолившая крестьянство? Нѣтъ. Она не въ силахъ конкурировать съ промышленностью болѣе культурныхъ странъ, и внутренній рынокъ приходится оберегать возвышенными пошлинами отъ фабрикаторовъ другихъ странъ, то-есть, возлагать новую тяжесть на населеніе. «Пошлину,—говоритъ авторъ,—за нашу отсталость, пошлину за тотъ экономическій переворотъ, который совершился у насъ на глазахъ, пошлину за измѣненіе формы производства, повлекшее полное отдѣленіе средствъ производства отъ непосредственныхъ производителей, пошлину за ломку всего хозяйственнаго строя, повлекшую сначала обѣднѣніе, а затѣмъ и голодъ; эту пошлину долженъ былъ выплачивать все тотъ же крестьянинъ». Обездоленный крестьянинъ—плохой покупатель, внутренній рынокъ уже не удовлетворяетъ фабрикантовъ, они хлопочуть о рынкѣ вѣднѣмъ: забывая, что фабрики и заводы отняли занятіе у миллионовъ народа, что они могутъ употребить въ работу только ничтожное число прежнихъ самостоятельныхъ рабочихъ, они во имя развитія отечественной промышленности и для того, чтобы дать занятіе немногимъ своимъ рабочимъ, «требуютъ теперь поощренія вывоза, во-первыхъ, возвратомъ пошлины, уплаченной за сырой матеріалъ, а, во-вторыхъ, поощрительными преміями. Имъ, такимъ образомъ, уже мало того, что они своимъ появленіемъ, формою, которую приняло производство, сократили внутренній рынокъ, обездолили значительное большинство народа; нѣтъ, имъ теперь надо получить вывозную премію, то-есть, они желаютъ уже не только того, чтобы народъ выплачивалъ имъ за ихъ продукты, которые онъ покупаетъ, но и за тѣ, которые онъ не въ состояніи купить».

С.

Главные теченія литературы девятнадцатаго столѣтія. Лекціи, читанныя въ Копенгагенскомъ университетѣ г. Брандесомъ. Переводъ В. Невѣдомскаго (съ нѣмецкаго изд. Ад. Штротдмана). Англійская литература. Москва. 1893.

Пріятно послѣ долгихъ лѣтъ разлуки встрѣтить своего стараго любимого учителя и вспомнить тѣ хорошія минуты, которыя онъ когда-то далъ намъ, тѣ бодрія, свѣжія мысли, которыя онъ зародилъ въ душѣ нашей. Но часто къ этому удовольствію примѣшивается и частичка грусти, даже и помимо личнаго сознанія о безвозвратно исчезнувшей молодости: учитель остался все тотъ же и мысли его тѣ же честныя мысли убѣжденнаго чело-вѣка; но постоянное повтореніе лишило ихъ прелести новизны, и узнавая на горькомъ опытѣ односторонность ихъ если и не сводитъ нашъ кумиръ съ пьедестала, то во всякомъ случаѣ значительно понижаетъ послѣдній.

Подобное смѣшанное чувство возбуждаютъ въ насъ иныя блестящія, высокоталантливыя книги, съ упоеніемъ прочитанныя нами много лѣтъ назадъ; подобное же чувство возбудило въ референтѣ и появленіе книги Георга Брандеса въ переводѣ В. Невѣдомскаго. Референту ясно помнить, въ какой восторгъ привела въ 1872 г. всю литературную молодежь (включая въ ея число и литераторовъ не молодыхъ годами, но юныхъ сердцемъ и

убѣжденіями) первая серія публичныхъ лекцій датчанина Г. Брандеса, ставшая всѣмъ доступной, благодаря нѣмецкому переводу извѣстнаго біографа Гейне, Штротдмана. Лекціи такъ талантливо составлены, что ими зачитывались люди, до тѣхъ поръ вовсе не интересовавшіеся новой литературой; основные взгляды автора исходятъ изъ глубокой вѣры въ прогрессъ человечества и въ великое значеніе нашего вѣка, характеристики такъ ярки, что всѣ литературные дѣятели, выведенные на сцену, стоятъ какъ живые. Личность лектора и судьба его увеличивали интересъ книги: молодой человекъ, еще не достигшій 30 лѣтъ (онъ родился 4-го февраля 1842 года), съ замѣчательно блестящимъ и въ то же время глубокимъ образованіемъ (еще студентомъ онъ со страстію изучаетъ Спинозу и Гегеля, получаетъ премію за сочиненіе: «О возрѣвнн античной трагедіи на судьбу», 24 лѣтъ печатаетъ монографію «О дуализмѣ новѣйшей философіи», 26 лѣтъ «Эстетическіе этюды», основательно знакомится со всѣми выдающимися современными мыслителями и воитъ дружбу съ Тэнномъ и Дж. Ст. Миллемъ), возвращається послѣ путешествія въ родной университетъ и всходитъ на кафедру съ намѣреніемъ вызвать въ своемъ отсталомъ отечествѣ къ жизни «новую эру и новую литературу». Лекціи его чрезвычайно нравятся публикѣ, которая буквально ломится въ аудиторію. Но въ датской печати, даже въ либеральной ея части, онѣ возбуждаютъ такую страшную бурю, что лекторъ лишился всякой надежды на полученіе профессуры, которая слѣдовала ему по всѣмъ правамъ. На него накинудись рѣшительно всѣ, начиная отъ грошевой лубочной газеты и кончая почтеннымъ епископомъ Монрадъ; его провозгласили вольнодумцемъ, коммунистомъ (хотя онъ никогда не высказывалъ ни малѣйшаго сочувствія социализму), врагомъ брака, а главное врагомъ отечества; ему преградили доступъ во всѣ журналы и газеты и такимъ образомъ лишили его возможности защищаться одинаковымъ оружіемъ; «а защищаться книгами противъ газетныхъ статей — все равно, — говоритъ Брандесъ, — что защищаться пушкой, стрѣляющей разъ въ мѣсяцъ, противъ тысячъ скорострѣльныхъ ружей, хватающихъ на разстояніе въ десять разъ большее». Брандесъ, впрочемъ, не пренебрегъ этимъ послѣднимъ ресурсомъ и въ своей брошюрѣ разбилъ враговъ на голову, выбравъ изъ нихъ, конечно, наиболѣе заслуживающихъ вниманія¹⁾. Но положеніе его дѣль отъ этого не измѣнилось къ лучшему: датское правительство такъ было напугано травлей, которую устроила Брандесу пресса, что когда въ 1875 г., объа-

¹⁾ Вотъ довольно характерный образчикъ его полемики, приведенный въ предисловіи Штротдмана. Епископъ Монрадъ, между прочимъ, напалъ на него за то, что, по его убѣжденію, человекъ долженъ самъ себя выработать нравственные законы независимо отъ вліянія общества. «Въ такомъ случаѣ, — говоритъ Монрадъ, — каждый долженъ сызнова начинать страшную работу всего человеческого рода?» — «Непремѣнно долженъ, — отвѣчаетъ Брандесъ. — Что же иначе значить мыслить, какъ не начинать сызнова страшную работу человечества? Не оглядываясь ни направо, ни налѣво, освободившись отъ вліянія официальныхъ авторитетовъ, человекъ силою собственного мозга долженъ выработать себя убѣжденія. На какой бы высокой ступени развитія ни стояло общество, каждый, родившійся на свѣтѣ, долженъ научиться говорить и ходить. Какой безумецъ пожелаетъ избавить новорожденнаго «отъ страшной работы» хожденія, привязавъ ему пару патентованныхъ костылей подъ мышку?».

вивъ конкурсъ на занятіе каведры исторіи литературы, узнало о намѣреніи Брандеса выступить въ числѣ кандидатовъ, успѣшило отмѣнить свое распоряженіе, и столь важная каведра осталась незанятою. Черезъ два года Брандесъ покинулъ благодарное отечество, переселился въ Берлинъ и сдѣлался нѣмецкимъ литераторомъ. Съ тѣхъ поръ прошло шестнадцать лѣтъ; за это время Брандесъ написалъ много блестящихъ статей и монографій, издалъ 5-й (романтическая школа во Франціи) и 6-й («Молодая Германія», Das junge Deutschland, Leipzig, 1891 г.) томы своихъ «Главныхъ теченій», гдѣ столько же, какъ въ первыхъ томахъ, если не больше, мѣткихъ и рельефныхъ характеристикъ, новыхъ мыслей и остроумныхъ построений; его европейская слава воздѣйствовала на столько сильно на датское общество, что въ 1882 г. частныя лица пригласили его въ Копенгагенъ читать публичныя лекціи за определенное, довольно высокое (4.000 кронъ, то-есть 5.600 франковъ) годичное вознагражденіе, и лекціи его имѣли такой успѣхъ, что ему пришлось повторять каждую по два раза. Онъ заѣзжалъ и къ намъ въ Россію, читалъ публичныя лекціи (пофранцузски) въ Москвѣ и Петербургѣ и, конечно, произвелъ фуроръ (какую европейскую знаменитость встрѣчали мы не съ восторгомъ?). Вообще Брандесъ идетъ впередъ, а не назадъ, и извѣстность его можетъ считаться теперь установленною прочно, незыблемо. А все же къ удовольствію, съ которымъ мы встрѣчаемъ переводъ его книжки, примѣшивается и нѣкоторое чувство грусти: двадцать лѣтъ назадъ мы ожидали отъ него большаго.

Брандесъ несомнѣнно одинъ изъ даровитѣйшихъ критиковъ реалистовъ; онъ не доходитъ до крайностей, но и не думаетъ скрывать своихъ основныхъ положеній; онъ со вниманіемъ останавливается на такихъ произведеніяхъ, которыя въ эстетическомъ отношеніи ниже всякой посредственности, и не разъ заявляетъ, что поэтическое произведеніе въ его глазахъ имѣетъ цѣну только по той пользѣ, которую оно приноситъ, по тѣмъ тенденціямъ, которыя оно проводитъ въ обществѣ. Онъ не ученый, такъ какъ не добываетъ новыхъ фактовъ, а пользуется добытыми прежде него и группируетъ ихъ сообразно своимъ цѣлямъ. Но отсутствіе ученой объективности и ультра-реализмъ не заставляютъ его прибѣгать къ натяжкамъ, не дѣлаютъ его несправедливымъ; солидное философское образованіе даетъ ему широту взгляда и спасаетъ его отъ партийности. Но все же главнымъ его достоинствомъ остается блескъ, живость и остроуміе его изложенія, сильно напоминающіе критическія и политическія статьи Гейне; какъ Гейне, Брандесъ изъ-за «краснаго слова» готовъ иногда пожертвовать, не скажу: истиной,—оба они честные писатели, дорожащіе печатнымъ словомъ,—но отъ истины: какъ Гейне, онъ для яркости картины готовъ сопоставить два явленія, далеко не совсѣмъ однородныя; какъ Гейне, онъ стремится дѣйствовать не въ глубь, а въ ширь, и достигаетъ цѣли своихъ стремленій: онъ остается и надолго останется идоломъ молодежи и популярнѣйшимъ историкомъ новой литературы.

Англійская литература эпохи Байрона, которую мы имѣемъ теперь въ переводѣ г. Невѣдомскаго, безъ сомнѣнія, одна изъ интереснѣйшихъ частей «Главныхъ теченій» Брандеса: онъ и горячо любитъ Байрона, Шелли, Китса и хорошо понимаетъ ихъ радикальныя стремленія; съ другой стороны такіе враги «безнравственности» Байрона, какъ Соути, даютъ ему случай высказать во всемъ блескъ свой полемическій талантъ; наконецъ, въ-третьихъ, глу-

бокій, какъ океанъ», и въ то же время ультрареальный Байронъ нуждался именно въ такомъ толкователѣ, соединяющемъ ультрареалистическія стремленія съ основательнымъ философскимъ образованіемъ. Но все же мы отъ казываемся понять, почему издатель и переводчикъ опустили 3-ю часть «Главныхъ теченій»: французскую литературу въ эпоху реакціи (1-я часть «Литература эмигрантовъ» и 2-я «Романтическая школа въ Германіи» перевелены на русскій языкъ еще въ 1881 г.), и взялись прямо за Англію: во-первыхъ, безъ знакомства съ литературой реакціи читателю не будутъ понятны ни политическій пессимизмъ Байрона, ни консерватизмъ Вальтеръ Скотта; во-вторыхъ, наиболѣе интересная для большой публики часть этого тома, именно главы о самомъ Байронѣ, уже переведена на русскій И. Городецкимъ въ журналѣ «Пантеонъ Литературы» за 1888 г. и, если не ошибаемся, существуетъ въ отдѣльной продажѣ. Было бы чрезвычайно желательно имѣть на русскомъ языкѣ всѣ шесть томовъ «Главныхъ теченій», по возможности безъ выпусковъ.

Если на переводной книгѣ поставлено имя г. Невѣдомскаго, о достоинствахъ перевода распространяться излишне. Къ сожалѣнію, въ корректурномъ отношеніи изданіе не совсѣмъ исправно¹⁾.

А. К—въ.

Иллюстрированная жизнь животныхъ по Брэму и многимъ другимъ источникамъ въ популярномъ изложеніи Эльпе. Домашняя кошка. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1893.

Въ настоящее время издается полный русскій переводъ классическаго труда Брэма «Жизнь животныхъ». При всѣхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ этого труда, въ немъ есть существенный недостатокъ: авторъ почти совсѣмъ не обращаетъ вниманія на работы русскихъ зоологовъ и русскихъ ученыхъ путешественниковъ, вслѣдствіе чего обзоръ фауны нашего обширнаго отечества вообще и нашихъ азіатскихъ владѣній въ частности оказывается въ трудѣ Брэма сравнительно крайне бѣднымъ свѣдѣніями. А между тѣмъ, для русскаго читателя именно этотъ-то отдѣлъ и представляетъ наибольшій интересъ. Такой существенный пробѣлъ въ трудѣ Брэма и побудилъ нашего извѣстнаго популяризатора, г. Эльпе, составить «Иллюстрированную жизнь животныхъ», въ которой русской фаунѣ и русскимъ изслѣдованіямъ о ней было бы отведено надлежащее мѣсто, чего нѣтъ у Брэма. Трудъ г. Эльпе будетъ выходить въ видѣ отдѣльныхъ, вполне законченныхъ очерковъ, причемъ каждый очеркъ будетъ посвященъ одному или нѣсколькимъ близко-сроднымъ видамъ животныхъ. При каждомъ очеркѣ будетъ прилагаться одна хромолитографія и нѣсколько рисунковъ въ текстѣ. Первый очеркъ, вышедшій недавно, посвященъ домашней кошкѣ и распадается на 5 главъ. Въ первой главѣ излагается прошлое домашней кошки, мало кому извѣстное, но представляющее несомнѣнный интересъ. Древніе египтяне считали кошку священнымъ животнымъ, и смерть грозила тому нечестивцу, который осмѣливался убить ее. Наоборотъ, въ средніе вѣка

¹⁾ На счетъ корректуры относимъ мы и такія неловкости, какъ, на примѣръ, «вѣроисповѣданія, не признающія господствующей церкви» (на стр. 140; въ оригиналѣ: von Kirche abweichende Konfessionen).

кошка становится ближайшимъ сподвижникомъ духа тьмы, другомъ вѣдьмъ и колдуній, и при малѣйшемъ «подозрѣніи» несчастное животное подвергалось жесточайшимъ мученіямъ; тысячами жгли ихъ на кострахъ. Въ связи съ такимъ представленіемъ о кошкѣ стоятъ, конечно, и всѣ суевѣрія, которыми и доселѣ окружено это животное. Далѣе г. Эльпе подробно описываетъ нравы, повадки, чувства и умъ домашней кошки, пользу, которую она приноситъ и, породы, на которыя подраздѣляется она. Нечего и говорить, что талантливый популяризаторъ сумѣлъ изложить все это очень интересно. Очеркъ украшенъ 9 рисунками въ текстѣ и прекрасной хромолитографіей, изображающей полуангорскую кошку. А.

**Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества.
Томы 84, 85, 86, 87. Спб. 1893.**

Вышедшіе въ минувшемъ году четыре тома «Сборника» заключаютъ въ себѣ рядъ «продолженій»: Н. О. Дубровинъ продолжаетъ печатать протоколы, журналы и указы верховнаго тайнаго совѣта; подъ наблюденіемъ А. А. Половцева издано продолженіе донесеній и другихъ бумагъ, извлеченныхъ изъ англійскаго архива; Г. О. Штендманъ даетъ новый томъ дипломатической переписки, сообщенной изъ парижскаго архива иностранныхъ дѣлъ, и, наконецъ, О. А. Бюлеръ издалъ пятую часть политической переписки императрицы Екатерины II.

Въ 84 томѣ помѣщены протоколы и другія бумаги верховнаго тайнаго совѣта за вторую половину 1723 года. Нѣкоторые изъ нихъ представляютъ интересъ, какъ матеріалъ для бытовой исторіи того времени, другіе касаются дѣлъ внутренней политики; кое-что, наконецъ, даетъ матеріалъ для біографій и характеристики современныхъ политическихъ дѣятелей. Къ первому отдѣлу можно отнести дѣла, касающіяся вотчинъ, подушныхъ денегъ съ раскольниковъ, придворнаго хозяйства, канцелярскихъ сборовъ и т. п. Событіемъ государственной важности было появленіе «опасной болѣзни» на берегахъ Каспійскаго моря. Эпидемія свирѣпствовала главнымъ образомъ въ Астрахани, и въ Царицынѣ устроена была застава, чтобы не пропускать никого ни въ зараженную мѣстность, ни изъ нея. Однако, уже 28-го августа губернаторъ астраханскій могъ извѣстить совѣтъ о прекращеніи заразы, и октября разрѣшено было астраханцамъ возить для продажи провіантъ и прочіе припасы. Тотъ же годъ ознаменовался подтвержденіемъ особыхъ льготъ для княжества Лифляндскаго и городовъ Риги и Ревеля. Нѣсколько протоколовъ и другихъ бумагъ касаются имущества отправленнаго въ ссылку князя Меншикова; его деньги, хлѣбъ и др. припасы отдавались въ дворцовую канцелярію, служителямъ же по особымъ съ ихъ стороны прошеніямъ было отдано отобранное у нихъ ихъ собственное имущество. Нѣсколько бумагъ касаются взятокъ и наградъ за справедливые доносы.

Томъ 85-й содержитъ донесенія и другія бумаги англійскихъ пословъ, посланниковъ и резидентовъ при русскомъ дворѣ съ 1740 по 3-е марта 1741 года; всѣ эти документы снабжены русскимъ переводомъ. Въ концѣ предшествовавшаго этой перепискѣ года умеръ англійскій резидентъ въ С.-Петербургѣ Рондо, и на его мѣсто былъ назначенъ Финчъ, который въ маѣ 1740 года прибылъ въ русскую столицу, какъ разъ во время разбирательства извѣстнаго дѣла Волинскаго. Донесенія его представляютъ много

интересныхъ данныхъ для характеристики современныхъ дѣятелей: Бирона, Миниха, Остермана и др.

Главное содержаніе 86-го тома составляютъ депеши маркиза Шетарди, большая часть которыхъ уже эксплуатирована П. Пекарскимъ и Vandal'емъ въ ихъ трудахъ, посвященныхъ французскому дипломату. Нѣкоторыя депеши также были уже напечатаны въ *Recueil des instruction...* Рамбо; этими послѣдними отчасти пользовался г. Безобразовъ въ сочиненіи своемъ объ отношеніяхъ Россіи и Франціи, о которомъ нами данъ отзывъ въ свое время («Истор. Вѣстн.», 1892 г., № 8).

Бумаги императрицы Екатерины, напечатанныя въ 87-мъ томѣ, относятся ко времени отъ 2-го января по 17-е декабря 1769 года. Большею частью, это письма графа Панина и собственноручныя записки и резолюціи государыни, касающіяся главнымъ образомъ дѣлъ съ Турціею и Польшею въ указанное время.

Въ виду разрозненности матеріала, помѣщенного въ Сборникѣ, было бы весьма желательно, чтобы общество, которое скоро закончитъ девять десятковъ томовъ своихъ изданій, взяло на себя трудъ составленія общаго указателя ко всѣмъ томамъ Сборника. Такого рода указатель значительно облегчилъ бы пользованіе этимъ громаднымъ собраніемъ драгоценнѣйшаго историческаго матеріала; составиться могъ бы онъ изъ соединенія указателей къ отдѣльнымъ томамъ.

А. Л.

В. Миткевичъ. Казачья лава. Спб. 1893.

Въ этой любопытной брошюрѣ подполковникъ генеральнаго штаба Миткевичъ разбираетъ одинъ изъ самыхъ животрепещущихъ вопросовъ въ области русскаго военнаго искусства, вопросъ о правильной постановкѣ дѣла обученія и боевыхъ требованій въ казачьихъ войскахъ, сообразно ихъ природнымъ боевымъ свойствамъ, какъ естественной конницы.

Извѣстно, что боевая сила казачества почти въ три раза превосходитъ боевую силу нашей кавалеріи. Извѣстно также, какую выдающуюся роль играло казачество въ теченіе многихъ столѣтій во всѣхъ нашихъ завоеваніяхъ какъ на европейскомъ, такъ и на азіатскомъ театрахъ военныхъ дѣйствій. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ оно оказывалось подчасъ почти незамѣнимымъ; что же касается военныхъ дѣйствій исключительно на европейскомъ театрѣ, то опытъ семилѣтней войны и кампанія 1812—1814 годъ нагляднымъ образомъ доказалъ, что казачество, даже при превосходныхъ силахъ, съ успѣхомъ могло бороться на полѣ брани съ лучшей конницей въ мірѣ, каковой являлась въ свое время Фридриховская и наполеоновская кавалерія.

Этимъ неизмѣннымъ боевымъ успѣхомъ наше казачество было обязано исключительно своимъ основнымъ свойствамъ естественной, природной конницы и той особой тактикѣ, которая преемственно была усвоена казачествомъ отъ восточныхъ народовъ и должна быть формулирована однимъ общимъ терминомъ—лава.

Условія военно-исторической жизни казачества выработали изъ казака типъ ловкаго, смѣлаго и неутомимаго одиночнаго всадника-партизана по преимуществу, представляющаго превосходный матеріалъ для дѣйствія на войнѣ отдѣльными самостоятельными группами, кучками, такъ сказать, въ

разбродъ. Въ этой сферѣ военныхъ дѣйствій казаки едва ли найдутъ себѣ на полѣ брани равную силу. Съ другой стороны, казачество оказалось весьма посредственнымъ матеріаломъ для образованія изъ него сплоченныхъ массъ, имѣющихъ специальное назначеніе дѣйствовать въ сомкнутомъ строю и предназначенныхъ для нанесенія того быстрого, сильнаго и сомкнутаго удара, который обуславливаетъ успѣхъ кавалерійскаго шока. Для этого, сравнительно съ регулярной кавалеріей, ему не достаетъ сплоченности и гибкости фронта, быстроты разбѣга, силы удара и, наконецъ, моральной увѣренности въ цѣлесообразности и успѣхѣ этого непривычнаго для него образа дѣйствій.

Исходя изъ этихъ двухъ основныхъ положеній, авторъ брошюры «Казачья лава» находитъ въ высшей степени ошибочнымъ то стремленіе подчинить дѣло обученія казачьихъ частей общей программѣ обученія регулярной кавалеріи, которое красной нитью прошло съвозъ всѣ наши специальные военные законы въ періодъ времени съ 1861 по 1884 годъ.

Нельзя не признать, что этотъ практическій выводъ, къ которому приходитъ авторъ послѣ цѣлаго ряда мѣтко и логично поставленныхъ положеній, въ высшей степени вѣренъ какъ по своей основной идеѣ, такъ и въ отношеніи возможности ея пракческаго выполненія. Выработанный казаками способъ военныхъ дѣйствій возникъ естественнымъ путемъ и, войдя въ плоть и кровь казачества, оставилъ неизгладимый слѣдъ на его характерѣ, способностяхъ и привычкахъ. Было бы крайне опрѣмчиво съ нашей стороны не воспользоваться природными свойствами и природной тактикой казака, какъ одиночнаго бойца и партизана по преимуществу, и стремиться создать изъ него то, чѣмъ онъ никогда не въ состояніи сдѣлаться, то-есть шереножнаго всадника для сомкнутаго строя. Пробѣлъ нѣсколькихъ лѣтъ неправильной постановки дѣла обученія казачьихъ частей, конечно, не могъ изгладить того, что создано цѣлыми вѣками, и остается лишь пожелать, чтобы выдвинутая авторомъ идея возвращенія военно-образовательной стороны казачества на путь его природныхъ свойствъ и историческихъ традицій получила наивозможно скорѣйшее практическое примѣненіе.

П. Ш.

Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ. Изслѣдованіе Василія Васильева. Москва. 1893.

Г. Васильевъ, авторъ настоящаго изслѣдованія, какъ въ предисловіи такъ и въ другихъ мѣстахъ своей книги, говоритъ, что область, въ которую онъ вступаетъ—terra incognita, что вопросъ, поставленный имъ, совершенно не разработанъ, не изслѣдованъ въ русской литературѣ. Такое заявленіе можно понять развѣ только въ томъ смыслѣ, что вопросъ этотъ не вызвалъ отдѣльной монографіи, какую задумалъ дать теперь г. Васильевъ. Что же касается до сущности вопроса, то, какъ намъ кажется, г. Васильевъ напрасно жалуется на нашу литературу. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только проглядѣть труды Е. Голубинскаго, митрополита Макарія, профессора В. О. Ключевскаго, г. Жмакина и мн. др. для того, чтобы убѣдиться въ несправедливости заявленія г. Васильева. Вопросы, которымъ посвящено настоящее изслѣдованіе, когда канонизованъ тотъ или другой святой, по какимъ правиламъ, почему, когда и кѣмъ написано его житіе, — все это вопросы,

рѣшенные въ отдѣльныхъ монографіяхъ. Г. Васильевъ сдѣлалъ только сводъ ихъ, исправивъ нѣкоторыя неточности, сдѣлалъ также нѣсколько несущественныхъ дополненій, привелъ въ систему отдѣльные факты. Вотъ его главнѣйшіе выводы: «въ канонизаціи русской церкви наблюдается два періода, рѣзко отличающіеся другъ отъ друга своими особенностями. Первый періодъ, начавшійся съ XI вѣка и продолжавшійся до половины XVI вѣка, отличается мѣстнымъ характеромъ канонизаціи, при чемъ право совершенія послѣдней принадлежало предстоятелямъ мѣстныхъ церквей — епископамъ. Во второмъ періодѣ, начавшемся знаменитыми Макарьевскими соборами (1547 и 1549 гг.), канонизація принимаетъ уже опредѣленный характеръ, и при томъ болѣе однообразный, при чемъ право канонизаціи переходитъ къ митрополиту съ соборомъ епископовъ, и затѣмъ къ патріарху. Порядокъ и правила канонизаціи святыхъ, установленныя у насъ Макарьевскими соборами, дѣйствовали почти въ продолженіе всего XVII вѣка, вслѣдствіе чего и въ ходѣ совершенія ея мы не замѣчаемъ во все это время никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ и отличій до самаго учрежденія св. синода, когда русская церковь стала строже относиться къ канонизаціи святыхъ». Поэтому можно судить, на сколько новы сдѣланные г. Васильевымъ выводы. Книга, однако, сама по себѣ, какъ систематическій сводъ всего сдѣланнаго по этому вопросу, какъ книга справочная, несомнѣнно имѣетъ значеніе. Жаль только, что авторъ, задавшійся цѣлю «показать, какъ канонизація русскихъ святыхъ, начавшаяся съ первоначально заимствованныхъ изъ греческой церкви формъ, потомъ постепенно измѣнялась, пока не приняла постоянныхъ формъ, существующихъ въ ней и доселѣ,—въ чемъ состояли эти перемѣны и чѣмъ они обуславливались», очень мало обратилъ вниманія на послѣдній вопросъ, т. е. чѣмъ они обуславливались. Такъ, напримѣръ, онъ только вскользь говоритъ о политическихъ причинахъ, вызвавшихъ канонизацію мѣстныхъ святыхъ, созданіе московскаго «пантеона». Говоря о канонизаціи св. Макарія Калязинскаго, совершенной по инициативѣ митрополита Давиила, г. Васильевъ ничего не говоритъ о протестѣ Вассіана Патрикѣева, не хотѣвшаго признать этого «новаго чудотворца» святымъ. Между тѣмъ протестъ этотъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что раскрываетъ отчасти внутреннія причины, вызвавшія канонизацію именно со стороны митрополита Давиила, сторонника взглядовъ и политическихъ убѣжденій Іосифа Волоцкаго. Извѣстно, что Макарій Калязинскій былъ очень симпатиченъ партіи Іосифа, и потому его канонизація была важна, какъ высшая санкція взглядовъ этой партіи. Такими же побужденіями нужно объяснить и тотъ фактъ, который смутилъ г. Васильева своей оригинальностью, что Іосифъ Волоцкій былъ канонизованъ вопреки выработавшимся къ тому времени правиламъ, т. е. безъ мощей и чудесъ, бывшихъ главнѣйшимъ условіемъ для канонизаціи. Фактъ этотъ, однако, очень просто объясняется, если принять во вниманіе ту проповѣдь абсолютизма, которой извѣстенъ былъ Іосифъ Волоцкій, и которая какъ нельзя больше совпадала съ политикой московскаго государя. Канонизація поэтому, какъ санкція этой политики, была на столько важна и желательна, что не обратили даже вниманія на «правила». Неправильно также, какъ намъ кажется, объясняетъ авторъ канонизацію царевича Димитрія «усердіемъ» царя Василія Шуйскаго. Послѣднему тѣло царевича нужно было для доказательства своей правоты, ему нужно было представить возможно болѣе убѣдительныя доказательства того,

что царевичъ дѣйствительно убитъ, что угрожавшій ему Дмитрій — самозванецъ. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ канонизація была дѣломъ политическаго расчета, и во всякомъ случаѣ не «усердія», котораго у Шуйскаго не было. Вслѣдствіе такого же расчета и также, повидимому, вопреки выработавшимся правиламъ, нѣкоторые святые не удостоивались канонизаціи. Примѣромъ можетъ служить блаженная княгиня Анна Кашинская. Не смотря на то, что въ 1650 году были открыты ея мощи, что она причислена была къ лику святыхъ, была прославлена чудесами, извѣстный Епифаній Славинецкій написалъ житіе, на соборѣ 1677 года былъ пересмотрѣнъ вопросъ о ея канонизаціи и результатомъ этого пересмотра было то, что Анна Кашинская исключена изъ числа святыхъ (стр. 239). Въ этомъ фактѣ г. Васильевъ видитъ «новое направленіе въ дѣлѣ канонизаціи», болѣе строгое и серьезное отношеніе къ этому дѣлу. На самомъ же дѣлѣ, кажется, фактъ этотъ объясняется гораздо проще. Дѣло въ томъ, что, при открытіи мощей, нашли руку преподобной благословляющей, но такъ какъ женщина не имѣла права благословлять, то очевидно, что это былъ тотъ самый двуперстный крестъ, которымъ до 1636 г. крестилась почти вся православная Русь, и который послѣ этого признанъ былъ «ересью богоунивающей». Канонизовать такія мощи значило признать двуперстный крестъ, значило дать раскольникамъ еще одинъ очень вѣсскій аргументъ противъ себя же. Такъ какъ «согнуть длани и перстовъ или разогнути» оказалось совершенно невозможнымъ «для того, что взошли накрѣпко, только кости сухія, да къ нимъ присохла кожа», то соборъ 1677 г. поступилъ очень просто. Разсмотрѣлъ «внимательно и осторожно» житіе и службу святой, нашелъ ихъ «живыми» и вычеркнулъ ея имя изъ списковъ святыхъ. Кромѣ того, нельзя не пожалѣть, что г. Васильевъ, подробно останавливавшійся на времени до XVI вѣка вѣлнчательно, о XVII и XVIII вѣкахъ говоритъ сравнительно очень мало, а о нашемъ времени почти ничего. Къ числу недостатковъ книги нужно отнести еще также и то, что указатель, приложенный въ концѣ, далеко не можетъ быть названъ полнымъ и точнымъ.

В. Б.

А. Д. Твердохлѣбовъ. Столѣтіе Ахтырскаго уѣзднаго училища (1790—1890). Изданіе Харьковскаго губернскаго статистическаго комитета. Харьковъ. 1893.

Историческая записка г. Твердохлѣбова объ Ахтырскомъ училищѣ, по случаю столѣтняго его юбилея, заслуживаетъ того, чтобы сказать о ней нѣсколько словъ. Ахтырское уѣздное училище создавалось постепенно, и въ его столѣтнемъ существованіи можно различить три эпохи. Вначалѣ, съ 1790 по 1806 годъ, Ахтырское училище было только такъ называемымъ малымъ народнымъ. Затѣмъ, въ 1806 году училище преобразовалось по новому уставу въ двухклассное уѣздное. Какъ на отступленіе отъ устава, нелишне указать, что въ Ахтырское училище принимались тогда и дѣвочки, хотя аттестата объ окончаніи курса онѣ не получали; пріемъ дѣвочекъ въ училище мотивировался недостаткомъ женскихъ школъ. Въ 1834 году Ахтырское училище снова реформировалось и стало уже трехкласснымъ уѣзднымъ, каковымъ остается до настоящаго времени. Начальниками Ахтырскаго училища во все долгое его существованіе были смотрители; отъ нихъ главнымъ образомъ зависѣло то или другое состояніе этого учебнаго заведенія, и потому исторія

его носила на себѣ отраженіе личныхъ качествъ зрителей. Были такіе зрители, которые, какъ, на примѣръ, городничій Мандрыка, соединяя съ должностію начальника училища и другія обязанности, являлись плохими ревнителями просвѣщенія, но въ длинномъ рядѣ зрителей находились и личности, всецѣло посвящавшія себя одному излюбленному дѣлу просвѣщенія, заботившіяся о возможно лучшемъ состояніи училища и старавшіяся привлекать къ заботѣ о школѣ все мѣстное общество. Въ числѣ такихъ дѣятелей выдавался М. С. Водяницкій. «Онъ былъ, по словамъ автора, талантливый педагогъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ и почетомъ въ учебномъ округѣ и въ средѣ мѣстнаго общества». Надо сказать, что Водяницкій былъ ученикомъ того самаго училища, преподавателемъ и начальникомъ котораго впоследствии онъ сдѣлался. При зрительствѣ Водяницкаго училище не стояло изолированно отъ мѣстнаго общества, тогда же замѣчалось болѣе тѣсное общеніе среди учащаго персонала: зрителя и учителя, на примѣръ, интересовались наукой, они изучали мѣстный бытъ и окружающую природу; темы для такихъ работъ въ большинствѣ случаевъ исходили изъ редакціи «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія». Ахтырское уѣздное училище, будучи единственнымъ въ цѣломъ краѣ, пользовалось большимъ значеніемъ, но съ открытіемъ въ 1819 году въ г. Ахтыркѣ духовнаго училища, и вскорѣ за нимъ прогимназіи, оно уступило послѣднимъ свою роль. Тѣмъ не менѣе столѣтнее существованіе этого учрежденія при всѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, какъ-то: при недостаткѣ матеріальныхъ средствъ и даже самихъ учителей, при неподготовленности ихъ къ педагогическимъ занятіямъ,—можетъ служить достаточнымъ ручательствомъ въ жизнеспособности этого учебнаго заведенія и въ дѣйствительномъ соотвѣтствіи его запросамъ жизни. Скромно цѣлые десятки лѣтъ работало училище на пользу отечественнаго просвѣщенія, и работа эта была въ высшей степени плодотворна. Знаютъ пользу этой работы тѣ сотни людей, которые въ училищѣ запаслись хотя и не обширными свѣдѣніями, зато вполне пригодными и даже необходимыми для жизни. Многие питомцы Ахтырскаго училища, пройдя потомъ гимназію и университетъ, получили извѣстность въ наукѣ и литературѣ. Профессора Бейеръ и Е. С. Гордѣенко получили первоначальное образованіе въ Ахтырскомъ уѣздномъ училищѣ.

Н. О.

Русская историческая библиографія. Указатель книгъ и статей по всеобщей и русской исторіи и вспомоgetельнымъ наукамъ за 1800—1854 г. включительно. Томъ III. Составилъ В. И. Межовъ. Спб. 1893.

Мы уже говорили о важномъ значеніи этого труда В. И. Межова по поводу выхода въ свѣтъ двухъ первыхъ его томовъ. Поэтому теперь мы ограничимся только указаніемъ, что въ третьемъ томѣ «Русской исторической библиографіи» заключаются слѣдующіе отдѣлы: географія, статистика, этнографія и исторія духовной, умственной и матеріальной жизни Россіи. Послѣдній отдѣлъ, занимающій почти $\frac{1}{3}$ настоящаго тома, распадается на два подотдѣла: исторія христіанскихъ исповѣданій и церквей въ Россіи и исторія народнаго просвѣщенія и образованія въ Россіи.

С. А—въ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ египетскихъ фараоновъ. Ученые египтологи переходятъ въ своихъ изысканіяхъ отъ одного сюрприза къ другому, и недавнія раскопки въ Тель-ель-Амарнѣ обнаружили, между прочимъ, въ цѣломъ рядѣ плитокъ, или дощечекъ съ клинообразными надписями, любопытную корреспонденцію Аменофиса III и Аменофиса IV, доказывающую, что правила придворнаго этикета, введенныя Людовикомъ XIV, примѣнялись уже при дворѣ фараоновъ за восемнадцать вѣковъ до Р. Х.

Одинъ изъ французскихъ ученыхъ, занимающихся изученіемъ египетскихъ древностей, А. Делатръ, помѣстилъ въ октябрьской, ноябрьской и декабрьской книжкахъ «Revue des questions historiques» обстоятельную статью объ этомъ предметѣ, въ которой онъ популярно излагаетъ содержаніе древнихъ дипломатическихъ документовъ Египта, оставляющихъ далеко за собой всѣ фантазіи нѣмецкаго романиста Ебберса въ его романахъ изъ эпохи фараоновъ и кажущихся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ копіей переписки европейскихъ монарховъ и государственныхъ людей конца нашего вѣка. Изъ этихъ драгоценныхъ историческихъ находокъ оказывается, напримѣръ, что уже въ тѣ отдаленныя времена высшіе сановники писали своимъ государямъ, придерживаясь самой утонченной придворной фразеологіи: такъ одинъ изъ вождей сирійскихъ племенъ писалъ Аменофису III: «Мой царь и повелитель, мой богъ, мое божественное солнце, твой рабъ Авиру семь разъ и еще семь разъ припадаетъ къ твоимъ стопамъ»; губернаторъ Тира, Абисари, называетъ себя въ письмѣ къ тому же фараону «прахомъ отъ подошвы своего повелителя», а какой-то князь, имя котораго нельзя разобрать, начинаетъ свое посланіе все къ тому же фараону словами: «беру стопы твоего отца, о мой повелитель, для ихъ лобзанія». Между собою государи уже тогда переписывались, называя другъ друга братьями, не смотря на то, что подобными братьями были какойнибудь мелкій азіатскій владѣтель и могущественный

египетскій фараонъ. Одно изъ подобныхъ писемъ чрезвычайно характерично и начинается такъ: «Ниммуарию (Аменофису III), царю Мисси (Египта), моему брату, говоритъ такъ Дуерата, царь Митани, твой братъ. Я здоровъ. А тебя привѣтствую и Гилукипъ (женъ Аменофиса), моей сестрѣ, привѣтъ; твоему дому, твоей женѣ, твоимъ сыновьямъ, твоимъ знатымъ людямъ, твоимъ солдатамъ, твоимъ лошадямъ, твоимъ колесницамъ, твоей странѣ, привѣтъ въ высшей степени». Далѣе этотъ мелкій владѣтель съ ловкостью, которой позавидовали бы Меттернихъ и Бисмаркъ, объясняетъ очень щекотливое дѣло о томъ, какъ онъ стеръ съ лица земли своего брата Артасумару, котораго онъ считалъ разбойникомъ потому, что тотъ возсталъ противъ его законной власти. «Во имя твоей дружбы къ моему отцу,—пишетъ онъ:—я сообщаю тебѣ объ этомъ, чтобъ ты зналъ и радовался. Богъ Раманъ предалъ мнѣ его въ руки, и я его убилъ, а тебѣ я посылаю двухъ лошадей, молодую дѣвушку, пять колесницъ и.. моей сестрѣ посылаю золотыя вещи»... Другой столь же мелкій владѣтель и также боящійся гнѣва фараона за грабежъ египтянъ, посѣтившихъ его страну, съ одинаковой хитростью объясняетъ свой поступокъ, ссылаясь на то, что его брату не такъ доложили о дѣлѣ, какъ въ дѣйствительности оно происходило, и настаиваетъ на томъ, что его братъ во всякомъ случаѣ долженъ обходиться съ нимъ, какъ съ братомъ, посылая ему такіе же сосуды съ драгоценнымъ масломъ, какъ и онъ ему посылалъ. Вообще подарки и соблюдение этикета составляютъ постоянный предметъ, о которомъ пишутъ другъ другу эти древніе государи: такъ, царь вавилонскій Вуравурій въ длинномъ рядѣ писемъ Аменофису IV, на дочери котораго онъ, согласно нѣкоторымъ, однако, оспариваемымъ Делатромъ источникамъ, былъ женатъ, жалуется на то, что онъ посылаетъ ему мало подарковъ, и что не прислалъ особаго посольства для выраженія своего сожалѣнія по поводу его болѣзни. Но замѣчательно, что лишь послѣ долгихъ сѣтованій онъ догадался узнать, далеко ли изъ Египта до Вавилона, и когда его собственный гонецъ удостовѣрилъ, что дѣйствительно этотъ путь очень долгій, то, по его словамъ, «онъ пересталъ сердиться на своего брата». Точно также оказалось, что часть отправленныхъ ему фараономъ подарковъ никогда не выходила изъ Египта, а потому онъ умоляетъ Аменофиса въ одномъ письмѣ не довѣрять посылаемаго ему золота казначеямъ, которые, повидимому, и въ Египтѣ отличались неблагонадежностью.

— Апостоль свободы совѣсти въ XVI столѣтіи. Французскіе историки производятъ ученые открытія не только въ отдаленныхъ странахъ и въ классической древности, но также на своей родинѣ и въ болѣе близкія для насъ эпохи; такъ, академикъ Ф. Перенсъ, на основаніи недавно вышедшаго почтеннаго труда Фердинанда Бюисона о Себастьянѣ Кастельонѣ рисуетъ въ первой ноябрьской книжкѣ «Nouvelle Revue» блестящую характеристику этого невѣдомаго до сихъ поръ бойца за свободу совѣсти въ XVI столѣтіи, въ которомъ, по мнѣнію Литрэ, нельзя было найти ни искры вѣротерпимости. Однако, теперь оказывается, что въ мрачную годину преслѣдованій и католиками и протестантами свѣтлыхъ умовъ, осмѣливавшихся высказывать свое мнѣніе, считавшееся ересью въ той церкви, къ которой они принадлежали, находился хоть одинъ человекъ, который и словомъ и дѣломъ стоялъ за тогда всѣми нарушаемый принципъ свободы совѣсти. До сихъ поръ о существованіи Кастельона знали очень немногіе даже въ его

отечествѣ, хотя Восюэтъ отдавалъ ему справедливость, какъ защитнику религіозной свободы «на основаніи принциповъ, выведенныхъ имъ изъ самыхъ нѣдръ протестантизма»; Локкъ называлъ его «однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ предвозвѣстниковъ раціонализма», а Шарль Нодье видѣлъ въ немъ «протестантскаго Фенелона». Поэтому тѣмъ большій интересъ возбуждаетъ къ себѣ эта симпатичная личность, такъ долго остававшаяся на заднемъ планѣ, тогда какъ первый занимали болѣе блестящія, но менѣе достойныя истиннаго вниманія потомства, историческія фигуры. По справедливому замѣчанію Перенса, «этотъ французъ, еще вчера невѣдомый во Франціи, теперь, благодаря его новому біографу, будетъ пользоваться не только всеобщей извѣстностью, но и уваженіемъ всѣхъ честныхъ людей, какихъ бы то ни было религіозныхъ убѣжденій, потому что они станутъ цѣнить въ немъ лишь апостола свободы совѣсти, одинаково драгоценной для каждаго изъ нихъ». По происхожденію ванденецъ и соотечественникъ адмирала Колиньи, знаменитаго шильонскаго узника Бонивари и многихъ протестантскихъ мучениковъ, Себастьянъ Шатильонъ, впоследствии прозванный Кастельономъ, по тогдашней модѣ подражать всему античному, воспитывался въ Лионѣ въ принципахъ протестантизма, съ юности усвоилъ себѣ его принципы, отрицавшіе поклоненіе святымъ, безбрачье духовенства, посты и т. д., находился нѣсколько времени въ Страсбургѣ у Кальвина и двадцати шести лѣтъ былъ назначенъ ректоромъ протестантской школы въ Женевѣ. Хотя онъ не былъ однимъ изъ вожаковъ реформы, и вообще педагогія не была его конькомъ, но, какъ умный, честный и образованный человѣкъ, онъ ревниво исполнялъ свои обязанности и написалъ замѣчательный учебникъ по священной исторіи на латинскомъ и французскомъ языкахъ, подъ заглавіемъ «Священные діалоги», который мало-по-малу былъ введенъ въ протестантскихъ школахъ Германіи и Швейцаріи. Но по несчастью для самого Кастельона и для вящей его славы, онъ вскорѣ вступилъ въ открытую борьбу съ главой французскаго протестантизма Кальвиномъ и, отстаивая свои раціональные взгляды на библію, а главное, право каждаго человѣка на свободу совѣсти, основу протестантства, навлекъ на себя ненависть и самыя жестокія преслѣдованія этого протестантскаго папы. Гонимый Кальвиномъ именно за то, за что католики гнали протестантовъ, онъ удалился прежде въ Лозанну, а потомъ въ Базель, гдѣ получилъ въ университетѣ катедру греческаго языка, но и тамъ онъ не укрылся отъ преслѣдованій, и жилъ въ большой бѣдности съ женой и семью дѣтьми. Это, однако, не мѣшало ему продолжать упорную борьбу съ Кальвиномъ во имя все той же дорогой для него свободы совѣсти, а когда, на основаніи того же принципа, онъ сталъ защищать гонимыхъ въ Швейцаріи анабаптистовъ, то жизнь въ Базелѣ сдѣлалась ему нестерпимой, и онъ хотѣлъ переехать въ Польшу, но заболѣлъ и умеръ въ 1563 году сорока восьми лѣтъ отъ рода. Историческое значеніе этого смѣлаго апостола свободы совѣсти въ мрачную эпоху общихъ религіозныхъ преслѣдованій основано, главнымъ образомъ, на пламенной борьбѣ, которую онъ велъ во имя этого великаго принципа, и передъ нею ступшевыаются всѣ его споры съ Кальвиномъ о чисто богословскихъ вопросахъ, о толкованіи библіи, которую онъ перевелъ на французскій языкъ, и т. д., а также его научные труды по переводу Гомера и греческихъ историковъ. Всю его славу составляютъ тѣ его книги и полемическія брошюры, въ которыхъ онъ отстаивалъ противъ

Кальвина свободу совѣсти и доказывалъ, что вся суть и вся логика протестантства именно заключалась въ предоставленіи полной свободы всякому думать и вѣрить, какъ онъ хотѣлъ. Въ этомъ отношеніи наибольшую важность имѣли его сочиненія о «Наказаніи еретиковъ» и «Совѣтъ несчастной Франціи», въ которыхъ онъ доказывалъ, что религиозныя гоненія были самымъ страшнымъ нечестіемъ и несправедливостью, такъ какъ не было худшаго дѣла на землѣ, какъ подвергать погибели людей за ихъ религиозныя мнѣнія, и «въ виду общихъ споровъ, доказывающихъ невѣдѣнье всѣми настоящей истины, прямая обязанность всякаго должна заключаться въ томъ, чтобъ терпѣть другъ друга, какъ терпятъ турокъ и евреевъ». «Я,—говоритъ онъ, между прочимъ,—питаю ужасъ къ пролитію крови, и всякій долженъ бы ощущать это чувство. Убивать человѣка значитъ не защищать какую нибудь религиозную теорію, а просто совершать убійство. Сожигая человѣка, нельзя поддержать своей вѣры, а скорѣе можно ее поддержать, отдавая самого себя въ жертву ради нея». Возставая противъ «гнусныхъ религиозныхъ преслѣдованій», съ чьей бы стороны они ни происходили, Кастельонъ, конечно, не находилъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобъ клеймить Кальвина за казнь Сервета, найденнаго виновнымъ въ ереси противъ протестантизма, и доказывалъ, что Франція, придерживаясь правила, что каждый можетъ исповѣдывать какую хочетъ религію, сохранила бы, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ тысячъ своихъ согражданъ, погибшихъ благодаря религиознымъ гоненіямъ. Проповѣдывая такія гуманныя идеи, онъ, конечно, распространялъ ихъ и на другіе предметы; между прочимъ, онъ пламенно осуждалъ пытку съ нравственной и практической точки зрѣнія, находя ее жестокой, несправедливой и бесполезной, если имѣть въ виду только цѣли правосудія и благо человѣчества. И въ этомъ отношеніи онъ опередилъ своихъ современниковъ на одно и на два столѣтія. Поэтому онъ и провелъ свою недолговременную жизнь одинокимъ отверженцемъ и ждалъ поддержки своихъ принциповъ только отъ послѣдующихъ поколѣній. Въ этомъ онъ не ошибся, хотя ему пришлось долго ждать признанія за нимъ великаго титула—апостола не всегда и не вездѣ примѣняемой даже теперь свободы совѣсти.

— Первый гражданинъ Швейцарской республики. Европейская печать прошла почти молчаніемъ недавнюю смерть перваго изъ двухъ выдающихся политическихъ дѣятелей современной Швейцаріи—Рюшона, но изъ статей о немъ американца Самюэла Капера и его товарища Дроза въ ноябрьскихъ номерахъ «Review of Reviews» и «Bibliothèque Universelle» выясняется не только, что онъ былъ, по единогласному свидѣтельству всѣхъ швейцарцевъ, первымъ гражданиномъ своей страны, въ лучшемъ значеніи этого слова, но и самая его кончина представляетъ патетическую, рѣдко встрѣчаемую въ исторіи сцену смерти государственнаго человѣка въ минуту исполненія своихъ общественныхъ обязанностей. Дѣйствительно, то, что произошло въ помѣщеніи федеральнаго совѣта въ Бернѣ 14-го сентября настоящаго года, въ девять часовъ утра, напоминаетъ высоко-драматическій эпизодъ смерти лорда Чатама въ англійской верхней палатѣ послѣ произнесенія имъ рѣчи противъ войны съ Американскими Штатами. Луи Рюшона, членъ федеральнаго совѣта Швейцарской республики и глава департамента юстиціи, то-есть, на обыкновенномъ конституціонномъ языкѣ, министр юстиціи, предсѣдательствовалъ въ этотъ день въ комитетѣ совѣта,

разматривавшемъ въ апелляціонномъ порядкѣ важныя судебныя дѣла и, приступивъ къ обсужденію одного изъ нихъ, онъ только что произнесъ съ своей обычной добродушной улыбкой: «кто заплатитъ за убытки?»— какъ неожиданно пошатнулся и упалъ головой на столъ, у котораго онъ сидѣлъ. Товарищи бросились къ нему, но онъ уже былъ мертвымъ трупомъ; параличъ сердца прекратилъ полезную жизнь этого общественнаго труженика, который еще незадолго передъ тѣмъ говорилъ, страдая отъ переутомленія нервной системы неустанными занятіями: «Всякій плотникъ и даже поденщикъ счастливѣе меня, потому что онъ можетъ, въ случаѣ болѣзни, отдохнуть и побережъ себя, а я не имѣю времени быть больнымъ». Эта трагическая смерть была достойнымъ окончаніемъ всей его жизни, посвященной на честное служеніе своей родинѣ, и Швейцарія, единодушно оплакивая его потерю, устроила ему такія торжественныя національныя похороны, которыя, согласно замѣчанію его американскаго біографа, оставили далеко за собою, по общему сочувствію къ понесенной отечествомъ чистонародной потери, обыкновенныя блестящія officialныя церемоніи по случаю погребенія сильныхъ міра сего. Родившись въ Лозаннѣ въ 1834 г., сынъ учителя фехтованія и англичанки, Луи Рюшонэ воспитывался въ одномъ изъ швейцарскихъ университетовъ и, окончивъ курсъ юридическихъ наукъ, поступилъ въ адвокаты, а потомъ въ члены большого совѣта, или парламента своего кантона, гдѣ вскорѣ достигъ мѣста вице-президента и предсѣдателя. Тридцати двухъ лѣтъ отъ рода онъ былъ выбранъ въ члены національнаго совѣта въ Бернѣ, то-есть, общаго швейцарскаго парламента, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ его предсѣдателемъ, а съ 1881 года по день своей смерти, онъ былъ членомъ федеральнаго совѣта, то-есть, министерства по департаменту юстиціи, и два раза, въ 1869 и въ 1875 гг., президентомъ Швейцарской республики. Такимъ образомъ, онъ не только посвящалъ всю свою жизнь общественной дѣятельности, но и жертвовалъ своимъ адвокатскимъ заработкомъ, доходившимъ до сорока тысячъ франковъ въ годъ, довольствуясь скромнымъ содержаніемъ государственныхъ людей въ Швейцаріи, гдѣ самъ президентъ получаетъ только двѣнадцать тысячъ франковъ. Кромѣ своей административной дѣятельности, Рюшонэ постоянно работалъ надъ тяжелой задачей приведенія къ возможному единству уголовного и гражданскаго законодательства всѣхъ швейцарскихъ кантоновъ и предсѣдательствовалъ на многочисленныхъ, международныхъ конгрессахъ, собиравшихся въ различныхъ городахъ его родины по вопросамъ о литературной собственности, о всеобщемъ мирѣ и т. д. Преданный защитникъ свободы во всѣхъ ея видахъ онъ, ведя упорную борьбу съ ультрамонтанствомъ, сопротивлялся, однако, преслѣдованію католиковъ, также какъ евреевъ и арміи спасенія фанатичными протестантами. «Наша страна,—говорилъ онъ съ пламеннымъ краснорѣчіемъ на федеральномъ праздникѣ стрѣлковъ въ 1890 году,—должна быть страной свободы, но мои дорогіе соотечественники, кичась своими учрежденіями, вы не замѣчаете, что на представляемой ими свѣтлой картинѣ находятся мрачныя пятна. Тысячи нашихъ согражданъ, въ силу старыхъ, отжившихъ законовъ, не пользуются избирательнымъ правомъ, тогда какъ въ странѣ всеобщей подачи голосовъ только преступленіе, а не бѣдность, можетъ ограничивать избирательное право. А религіозная нетерпимость, изгнанная изъ нашихъ законовъ, продолжаетъ гнѣздиться въ нашихъ серд-

цахъ. Довольно смотрѣть на все это сквозь пальцы, и пора практически примѣнять истинную свободу такъ, чтобъ каждый уважалъ убѣжденія другого, подобно тому, какъ онъ желаетъ, чтобъ уважали его убѣжденія». Но Рюшонэ былъ не только первымъ гражданиномъ и первымъ слугой своей родины, а приносилъ также значительныя услуги всему человѣчеству, какъ преданный защитникъ общаго мира и международного третейскаго суда. Два раза онъ самъ, въ качествѣ президента Швейцарской республики, былъ избранъ третейскимъ судьей въ международныхъ распряхъ, и его приговору подчинились враждовавшія стороны, а предсѣдательствуя въ прошедшемъ году на мирномъ конгрессѣ въ Бернѣ, онъ въ нѣсколькихъ словахъ прекрасно охарактеризовалъ благотворную дѣятельность друзей мира. «Философы, статистики и выдающіеся люди всѣхъ странъ,—сказалъ онъ:—поддерживаютъ наши стремленія къ миру и справедливости, а съ тѣмъ вмѣстѣ они возстаютъ противъ войны и требуютъ общаго признанія обязательныхъ требованій цивилизаціи. Ихъ устами говорить все человѣчество и все, что есть человѣчнаго въ этомъ человѣчествѣ. Но что мы видимъ вокругъ насъ? Всѣ европейскія государства постоянно увеличиваютъ свои и то уже громадныя вооруженія, стараются перещегоолять другъ друга въ числѣ и смертоносности орудій войны. Повидимому, люди хлопочутъ только о томъ, чтобъ ускорить общій катаклизмъ, послѣ котораго наступитъ апогеозъ грубой силы. Въ виду подобной опасности наша обязанность ясна, и она должна заключаться въ вербовкѣ какъ можно большаго числа друзей мира. Будемъ всюду образовывать общества мира, и тогда истинное общественное мнѣніе, составляемое нашими общими усиліями, заставитъ подчиниться себѣ всѣ европейскія правительства».

— Два историка. 8-го ноября, скончался въ своемъ помѣстьѣ близъ Бостона послѣдній изъ плеяды первоклассныхъ американскихъ историковъ, Франсисъ Паркманъ; хотя его товарищи по историческимъ трудамъ, Прескотъ и Мотлей, пользовались гораздо большей извѣстностью во всемъ свѣтѣ, и ихъ сочиненія были переведены на большую часть европейскихъ языковъ, а его слава ограничивалась Соединенными Штатами, но онъ не уступалъ имъ въ научныхъ и литературныхъ достоинствахъ, занимая вмѣстѣ съ ними видное мѣсто въ томъ замѣчательномъ культурномъ кружкѣ американскихъ литераторовъ нашего времени, во главѣ которыхъ стояли Готорнъ, Эмерсонъ, Лонгфелло, Брайантъ и Ловель. Всѣ они трое принадлежали къ школѣ историковъ-рассказчиковъ и шли по стопамъ Маколея и Огюстена Тьерри, а если Паркманъ не пользовался такою общей популярностью въ Европѣ, какъ авторы «Исторіи Фердинанда и Изабеллы» и «Исторіи Соединенныхъ Нидерландскихъ Штатовъ», то это объясняется тѣмъ, что Прескотъ и Мотлей избирали предметомъ своихъ трудовъ важныя эпохи изъ европейской исторіи, или событія, хотя и происходившія въ Новомъ Свѣтѣ, какъ покореніе Мексики и Перу, но имѣвшія громадное значеніе и для Стараго, а Паркманъ исключительно посвящалъ свои сочиненія первоначальной исторіи англійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ, до войны за независимость, и одинъ перечень названій его главныхъ семи историческихъ трудовъ, напечатанныхъ въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ: «Французскіе піонеры въ Новомъ Свѣтѣ», «Лезуиты въ Сѣверной Америкѣ», «Великій Западъ», «Старые порядки въ Канадѣ», «Графъ Фронтенакъ и новая Франція», «Монкальмъ и Вольфъ», «Полустолѣтняя борьба»,

доказываетъ, что они имѣютъ преимущественно интересъ для американцевъ, хотя по блестящему изложенію, замѣчательной обработкѣ громаднаго количества собранныхъ имъ новыхъ матеріаловъ и умѣнію поддерживать любопытство читателей, зачитывающихся его книгами, какъ романами, они вполне заслуживаютъ такого же вниманія европейскихъ читателей, какъ популярныя сочиненія Прескота и Мотлея. Конечно, американцы въ особенности цѣнили этотъ исключительно американскій характеръ своего національнаго историка, и его смерть оплакиваютъ, по словамъ «*Napier's Weekly Journal of Civilisation*», во всѣхъ углахъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ тяжелую общественную потерю, хотя онъ умеръ семидесяти лѣтъ, и вполне закончивъ задачу всей своей жизни. Дѣйствительно, происходя отъ почтенной семьи мачусетскихъ комерсантовъ и окончивъ воспитаніе въ Гарвардскомъ университетѣ, онъ началъ свое жизненное поприще съ твердымъ намѣреніемъ сдѣлаться историкомъ борьбы англійскихъ колоній съ французами и индѣйцами, а потомъ всю жизнь посвятилъ изысканію матеріаловъ и кабинетной работѣ для осуществленія своей задачи, которую и успѣшно окончилъ за годъ до смерти. Отдавая справедливость историческимъ трудѣмъ и рѣдкой цѣлесообразности его жизни, американскіе журналы указываютъ на двѣ характеристическія черты Паркмана: съ одной стороны, онъ такъ исключительно былъ занятъ своимъ историческимъ трудомъ, что не принималъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, не путешествовалъ въ Европѣ, какъ Прескотъ, и не занималъ дипломатическихъ постовъ въ Старомъ Свѣтѣ, какъ Мотлей, а съ другой—слабость его здоровья постоянно представляла преграды его умственнымъ занятіямъ, но онъ съ неизмѣрнымъ упорствомъ преодолевалъ ихъ, хотя въ одно время онъ три года не могъ читать, или писать отъ слабости зрѣнія, а въ другую эпоху своей жизни, чтобъ возстановить распатанныя физическія силы, сдѣлался садовникомъ съ такимъ успѣхомъ, что ему завидывали всѣ лучшіе его соотечественники по этому ремеслу въ Америкѣ.

Совершенно иной типъ историка представляетъ извѣстный профессоръ Оксфордскаго университета Фриманъ, живую характеристику котораго, какъ человѣка и литературнаго труженика, представляетъ на страницахъ ноябрьской книжки «*Scribner's Magazine*» американка Делія Партеръ подъ заглавіемъ «Фриманъ дома». Хотя онъ родился въ томъ же самомъ году, какъ Паркманъ, а умеръ только полтора года прежде него и также преданно всецѣло посвятилъ всю свою жизнь изученію исторіи, но между ними было громадное, коренное различіе: американецъ изучалъ и писалъ исторію для исторіи, то-есть видѣлъ въ ней только науку о вѣрномъ изображеніи по источникамъ прошедшаго, а англичанинъ, отдавая должное изученію источниковъ, считалъ исторію не только наукой повѣствовательной, но наукой о человѣкѣ, какъ о существѣ политическомъ, а потому имѣющей цѣлью содѣйствіе прогрессу и гуманности въ настоящее время. Очевидно, что, служа подобной идеѣ, Фриманъ не могъ, подобно Паркману, чуждаться интересовъ настоящаго и жить только въ прошедшемъ, а, напротивъ, принималъ самое живое участіе въ современной общественной жизни, хотя не занимая никакого административнаго, дипломатическаго или общественнаго поста, даже не состоя депутатомъ, въ виду неудачныхъ усилій сдѣлаться членомъ нижней палаты, а путемъ книгъ, брошюръ, журнальныхъ статей, газетной полемики, лекцій и рѣчей на публичныхъ митингахъ. Коренной руководи-

шей мыслью всей его литературной дѣятельности было убѣжденіе, что европейская исторія составляетъ безконечную лѣтопись одной великой борьбы за освобожденіе человѣчества, начало которой можно найти въ первыхъ главахъ Геродота, а продолженіе находится въ ежедневныхъ газетныхъ телеграммахъ; поэтому его историческіе труды представляютъ, съ одной стороны, семь томовъ о завоеваніи Англій норманами и царствованіи Вильгельма Рыжаго, три тома—о Сициліи, пятнадцать—о различныхъ археологическихъ, архитектурныхъ и историческихъ вопросахъ, а съ другой—безконечное число журнальныхъ и газетныхъ статей по всѣмъ политическимъ и общественнымъ злобамъ дня. Какъ широка и разнообразна была его постоянная умственная работа, всего лучше можно понять изъ графическаго описанія его кабинета къ очеркѣ Деліи Партеръ, которая нѣсколько времени занималась историческими трудами подъ его руководствомъ и близко была знакома съ его домашней жизнью. Этотъ кабинетъ находился въ красивомъ двухэтажномъ домѣ его Семерсетскаго помѣстья, Сомерлизъ, близъ города Вельса, гдѣ онъ проводилъ все свободное время отъ своей профессорской дѣятельности въ Оксфордѣ, частыхъ посѣщеній Лондона и многочисленныхъ путешествій по Старому и Новому Свѣту. Всѣ стѣны его кабинета были покрыты полками съ безчисленными книгами и копіями главныхъ историческихъ рукописей Британскаго музея и Бодлеянской библіотеки, такъ какъ онъ рѣдко работалъ внѣ дома, а по срединѣ этой большой комнаты, освѣщенной высокими окнами, стояли три громадные стола, предназначенные для различныхъ цѣлей. Одинъ изъ нихъ былъ посвященъ той главной исторической работѣ, которой онъ занимался въ данное время, а второй журнальнымъ и газетнымъ статьямъ по текущимъ политическимъ вопросамъ, такъ какъ онъ всегда, по словамъ его американской ученицы, отстаивалъ какую нибудь угнетаемую національность въ томъ или другомъ уголкѣ свѣта. «Никто такъ искренно не защищалъ свободы,—говоритъ она,—какъ Фриманъ, и никто съ такимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ не нападалъ на Австрію, лорда Сальсбери, Берлинскій конгрессъ и Турцію, за преслѣдованіе христіанскихъ населеній Востока. При этомъ онъ дѣйствовалъ не только словомъ, но и дѣломъ. Такъ, въ 1881 году, когда Греція вуждалась въ матеріальной помощи для войны съ Турціей, онъ собралъ въ Англій болѣе четверти милліона фунтовъ стерлинговъ и послалъ грекамъ, за что они устроили ему колоссальныя народныя оваціи при его послѣдующемъ посѣщеніи ихъ страны». Къ этому не лишне прибавить, что горячая защита Фриманомъ болгаръ во время турецкихъ ужасовъ стоила ему значительной матеріальной жертвы, такъ какъ онъ, не задумавшись, прекратилъ свое двадцатилѣтнее сотрудничество въ «Saturday Review», которая держалась противоположнаго мнѣнія, и тѣмъ лишилъ себя вѣрнаго ежегоднаго дохода въ 600 фунтовъ стерлинговъ. Третій столъ въ его кабинетѣ былъ посвященъ корреспонденціи, которую Фриманъ велъ чрезвычайно оригинальнымъ образомъ. Постоянно можно было видѣть на этомъ столѣ около полудюжины начатыхъ писемъ, которыя онъ писалъ за разъ, бросалъ на половинѣ слова и снова продолжалъ иногда черезъ нѣсколько дней. Въ ащикахъ этого стола хранилась замѣчательная коллекція писемъ отъ всевозможныхъ замѣчательныхъ современниковъ, изъ числа которыхъ онъ особенно цѣнилъ автографы Гладстона, ирландскую политику котораго онъ всегда энергично поддерживалъ. Въ этомъ кабинетѣ знаменитый историкъ

работалъ безъ усталы, вставая въ 7 часовъ, такъ какъ, по его словамъ, «метода и раннее вставанье главныя условія литературной работы», ложась спать въ 11 часовъ и только прерывая свой трудъ для завтрака, обѣда въ 2 часа, чая и трехъ обязательныхъ прогулокъ. Во время этихъ прогулокъ, въ сопровожденіи своей американской ученицы, когда она гостила въ его домѣ, онъ разговаривалъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ и, судя по приводимымъ Деліей Партеръ отрывкамъ изъ этихъ разговоровъ, они отличались необыкновеннымъ интересомъ, блескомъ, оригинальностью и даже юморомъ, чего, быть можетъ, въ немъ не подозрѣвали читатели его научныхъ трудовъ, хотя профессоръ Брайсъ, въ статьѣ, помѣщенной тотчасъ по смерти Фримана въ «English Historical Review», свидѣтельствуеетъ, что его письма «сверкали остроуміемъ и юморомъ». Не смотря на то, что онъ спеціально занимался исторіей, археологіей и архитектурой, Фриманъ прекрасно зналъ общую литературу и постоянно упоминалъ въ своихъ разговорахъ о выдающихся литературныхъ произведеніяхъ, но не очень долюблялъ романы и, высоко цѣня Джорджа Эллиота за ея реальную живенность, находилъ Дикенса искусственнымъ и вульгарнымъ. Вообще онъ цѣнилъ въ писателѣ главнымъ образомъ ясность и понятность, а потому ставилъ чрезвычайно высоко Гомера, Байрона и Маколея, но рѣзко отзывался объ Эмерсонѣ, Браунингѣ и другихъ авторахъ, «писавшихъ для того, чтобъ никто ихъ не понималъ». Изъ числа современныхъ англійскихъ историковъ онъ не терпѣлъ Фруда, котораго упрекали въ ссылкахъ на сомнительные источники, и питалъ особое уваженіе къ своему ученику Грину, автору образцоваго учебника по исторіи Англій, и Стубсу, извѣстному изслѣдователю конституціонной исторіи своей родины. Относительно этихъ двухъ близкихъ его друзей онъ сообщалъ своей американской собесѣдницѣ много любопытныхъ характеристичныхъ анекдотовъ; такъ, по его словамъ, Гринъ на вопросъ американскаго романиста Джемса, что такое, по его мнѣнію, романъ, отвѣчалъ: «исторія безъ документовъ и безъ доказательствъ», а Стубсъ, нынѣ епископъ Манчестерскій, на замѣчаніе одного литератора, что не понятно, какъ онъ успѣваетъ при своихъ духовныхъ обязанностяхъ писать такія ученые книги, просто сказалъ: «мнѣ надо заработать денегъ для своихъ дѣтей, а если я принимаюсь за какое нибудь дѣло, то я всегда хочу сдѣлать его хорошо». О дѣлѣ, которому была посвящена вся его жизнь, Фриманъ писалъ не задолго до смерти Деліи Партеръ: «Я иногда спрашиваю себя, не слѣдуетъ ли мнѣ дать что нибудь болѣе того, что я дѣлаю для другихъ, но утѣшаю себя мыслью, что я не менѣе приношу пользы, чѣмъ лордъ Сельборнъ и лордъ Гатерли, которые лично учатъ въ воскресныхъ школахъ. Я полагаю, что честно сдѣлалъ кое-что для торжества правды и свободы, а потому мнѣ лучше держаться избраннаго мною пути, а не искать другихъ путей, на которыхъ я могъ бы только напутать, а не принести пользы».

— Разсказъ Гизо объ участіи Россіи въ сооруженіи гробницы Наполеона. Не руководствуясь драгоценнымъ правиломъ Фримана держаться избраннаго пути, другой извѣстный историкъ нашего времени Гизо вздумалъ промѣнять профессорскую кафедру на министерской портфель и въ результатѣ не только его слава, какъ историка, затмилась его несчастной министерской дѣятельностью, но король Луи-Филиппъ заплатилъ за его доктринерно-консервативную политику своимъ престоломъ, а Франція была обязана ей долговременными бѣдствіями, отъ которыхъ она только стала опра-

вляться со времени окончательнаго установленія въ ней республики. Конечно, онъ самъ этого не признавалъ и послѣ своего паденія считалъ всѣ дѣлаемые ему справедливые упреки злыми клеветами, какъ онъ объяснялъ лично анонимному автору любопытныхъ, хотя часто пристрастныхъ «Мемуаровъ англичанина въ Парижѣ», напечатанныхъ въ длинномъ рядѣ номеровъ «Revue Hebdomadaire» за 1893 годъ и долго приписываемыхъ, хотя какъ оказалось несправедливо, сэру Ричарду Воллэсу, постоянно жившему въ Парижѣ, не покидавшему его во время осады вѣмцами и устроившему въ немъ многочисленныя уличные фонтаны. Изъ объясненій Гизо насчетъ введенныхъ противъ него обвиненій, одно касается до отношеній Франціи къ Россіи, и потому его рассказъ, приводимый въ мемуарахъ англичанина, объ участіи Россіи въ сооруженіи гробницы Наполеона въ церкви Инвалидовъ заслуживаетъ полнаго вниманія, хотя, конечно, отвѣтственность за сообщаемыя въ немъ факты лежить на Гизо и на анонимномъ авторѣ мемуаровъ. «Не разъ,—сказалъ Гизо англичанину уже во времена декабрьской имперіи,—мои намѣренія бывали дурно поняты и неправильно комментированы, мало того, меня упрекали часто въ томъ, въ чемъ я былъ неповиненъ, какъ только что родившійся младенецъ. Напримѣръ, въ 1846 году, Монталамберъ однажды заявилъ съ трибуны въ палатѣ пэровъ, что стыдно Франціи просить, какъ милостыни, у Россіи гробницы Наполеона. Дѣло въ томъ, что Франція никогда не просила никакой милостыни у Россіи. Главная часть воздвигаемой тогда гробницы Наполеону въ церкви Инвалидовъ заключалась въ саркофагѣ, и архитекторъ Висконти настаивалъ на томъ, чтобъ онъ былъ сдѣланъ изъ краснаго порфира. Я и Дюшатель раздѣляли его мнѣніе. Но гдѣ было достать красный порфиръ? Въ Египтѣ, откуда его брали римляне, онъ уже болѣе не находился; изысканія, произведенныя въ Пиренеяхъ и Вогезахъ, ни къ чему не привели, и мы уже хотѣли отказаться отъ этой идеи, какъ вдругъ получено было извѣстіе въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, что можно найти порфиръ въ Россіи. Въ то самое время Сальванди посылалъ въ сѣверную Европу съ особымъ порученіемъ Леювона Ле-Дюка, и я поручилъ ему, проѣхавъ до Петербурга, войти въ сношенія съ нашимъ посланникомъ, графомъ Реневалемъ, насчетъ отысканія въ Россіи порфира. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, я получилъ отъ Ле-Дюка образцы камня, найденнаго на берегахъ Онежскаго озера, и который если не былъ вполнѣ порфиромъ, то очень походилъ на него. Висконти одобрилъ этотъ камень, и я сдѣлалъ распоряженіе объ его покупкѣ въ достаточномъ количествѣ и отправкѣ во Францію. Оказалось, что мѣстность, гдѣ находился камень, принадлежала русскому правительству, и что нельзя было его добывать безъ правительственнаго разрѣшенія и уплаты извѣстной пошлины. При этомъ пришлось подвергнуться цѣлому ряду формальностей, которыя были возбуждены чиновниками, поддупленными какими-то спекуляторами, съ цѣлью помѣшать Ле-Дюку и самимъ взять поставку камня. Наконецъ, князь Волконскій доложилъ объ этомъ дѣлѣ императору Николаю, и тотъ немедленно разрѣшилъ просьбу Ле-Дюка въ удовлетворительномъ смыслѣ и приказалъ не взysкивать пошлины, которая по расчету Ле-Дюка должна бы составила шесть тысячъ франковъ. Это происходило въ совѣтѣ министровъ, и на мое несчастіе царь нашелъ нужнымъ произнести маленькую рѣчь: «Какая странная судьба Наполеона даже послѣ его смерти,—сказалъ онъ,—мы нанесли ему первый ударъ сожженіемъ нашей священной столицы, и теперь у насъ Фран-

ція просить гробницу для него. Пусть удовлетворяютъ всё желанія представителя Франціи, и главное не надо взыскивать съ него никакихъ пошлинъ». Этого было достаточно, чтобъ возбудить толки во французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ, которыя смѣшали уплату пошлины съ платой за работу при добываніи порфира, которая представила круглую сумму въ двѣсти тысячъ франковъ. Такимъ образомъ и не смотря на представленныя мною объясненія по поводу запроса Монталамбера, составилаь существующая доселѣ легенда о томъ, что Россія подарила Франціи гробницу Наполеона». Дѣйствительно, всё французы, писавшіе по этому предмету, единогласно считаютъ, что камень, изъ котораго сдѣланъ саркофагъ Наполеона, составляетъ даръ русскаго императора, и самый разсказъ Гизо не опровергаетъ этого факта, а только объясняетъ, что Франціи пришлось дорого заплатить за добытіе изъ земли и перевозку подареннаго камня.

— Наполеонъ на сценѣ. Мода на Наполеона во Франціи естественно перешла изъ литературы, изящныхъ искусствъ и прикладныхъ художествъ на сцену. Въ настоящее время на трехъ парижскихъ театрахъ даются новыя пьесы изъ жизни Наполеона, и поговариваютъ о возобновленіи старинной драмы Александра Дюма-отца «Наполеонъ Бонапартъ», которая составитъ соединяющее звено между новыми наполеоновскими пьесами и старыми, такъ какъ и въ прежнее время мода на Наполеона царилла на французской сценѣ: всего существуетъ 82 различныхъ пьесы, въ которыхъ онъ является героемъ. Еще во времена имперіи, именно въ 1809 году, была поставлена на театрѣ Сентъ-Мартенскихъ воротъ драма, подъ названіемъ «Переходъ черезъ Сентъ-Бернаръ», въ которой актеръ Гоберъ игралъ съ успѣхомъ роль перваго консула. Самъ Наполеонъ присутствовалъ при одномъ представленіи, въ закрытой ложѣ, но неизвѣстно, понравился ли ему его двойникъ. Конечно, во время реставраціи не могло быть и рѣчи о наполеоновскихъ пьесахъ, но въ 1821 году, когда было получено извѣстіе о смерти Наполеона, то великій актеръ Тальма, игравшій тогда въ трагедіи Жуи «Силла», загримировался императоромъ, что ему было очень легко, такъ какъ черты его лица нѣсколько напоминали историческій образъ его друга. Июльская революція воскресила наполеоновскій культъ, и Гарель, директоръ театра Одеонъ, предчувствуя эту реакцію общественнаго мнѣнія, еще во время уличной борьбы 29 іюля, заказалъ Александру Дюма пьесу подъ заглавіемъ «Наполеонъ Бонапартъ». Но, не смотря на это, ловкому директору не пришлось опередить своихъ товарищей и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ были поставлены, съ громаднымъ успѣхомъ: «Сѣрый сюртукъ» на театрѣ Варіете, «Наполеонъ»—на Амбигю, «Переходъ черезъ Сентъ-Бернаръ»—въ Олимпійскомъ циркѣ и «Бонапартъ въ Шерибрюнѣ» — на театрѣ Сентъ-Мартенскихъ воротъ. Въ особенности послѣдняя пьеса сводила съ ума зрителей и наполняла деньгами карманы директора остроумнымъ, эффектнымъ устройствомъ парада гвардейскихъ гренадеръ, причемъ какъ самъ Наполеонъ, такъ и его солдаты изображались, для поддержанія перспективы, на первомъ планѣ актерами, на второмъ—дѣтьми, а на третьемъ—куклами. Гарель выходилъ изъ себя, отъ того, что Дюма все откладывалъ окончаніе своей пьесы, и наконецъ придумалъ оригинальное средство, чтобъ насильно засадить драматурга за работу. Онъ поручилъ это дѣло знаменитой актрисѣ Жоржъ, которая пригласила Дюма къ себѣ обѣдать, а когда тотъ пріѣхалъ и сознался, что онъ еще не начиналъ пьесы, то красивая, обворожительная актриса повела его въ

особую комнату, гдѣ объявила, что не выпуститъ его отсюда до окончанія пьесы. Комната была удобная, роскошно меблированная, съ мягкой постелью, письменнымъ столомъ, книжнымъ шкафомъ, полнымъ многочисленными сочиненіями о наполеоновской эпохѣ; на креслѣ лежалъ богатый халатъ, а подлѣ стояли мягкіе туфли, наконецъ хозяйка была во всѣхъ отношеніяхъ прелестна и объявила, что драматургъ можетъ требовать всего, что ему угодно, относительно пищи, питья и т. д. Дюма остался въ этой комнатѣ восемь дней, и когда г-жа Жоржъ выпустила его на свободу, то «Наполеонъ Бонапартъ» былъ совершенно готовъ; эта пьеса имѣла колоссальный успѣхъ въ особенности благодаря игрѣ знаменитаго актера Фредерика Леметра, хотя онъ и увѣрялъ, что былъ слишкомъ хорошъ собой для олицетворенія настоящаго Наполеона. Наиболѣе похожимъ на Наполеона изъ всѣхъ актеровъ, игравшихъ его на сценѣ, былъ Гоберъ, котораго называли «императоромъ Наполеоновъ», и онъ по всей Франціи представлялъ съ неимовѣрнымъ триумфомъ цѣлый рядъ Наполеоновскихъ пьесъ, изъ которыхъ всего болѣе правилась публикѣ драма Мальяна «Парикмахеръ императора». Подобнымъ же успѣхомъ пользовалась пьеса Вендербука «Бонапартъ въ Вріенѣ», главную роль въ которой играла извѣстная Виржини Дежазе, плѣнявшая сердца парижанъ въ костюмѣ ученика Вріенской школы. Во время республики 1848 года была поставлена только одна пьеса, въ которой выведенъ Наполеонъ, и то ему предоставлена второстепенная роль: эта драма Анисэ Буржуа «Марсо, или сыны республики». Въ ней Бонапартъ является молодымъ офицеромъ до Тулона и произноситъ нѣсколько патриотическихъ республиканскихъ фразъ, а если въ послѣдней картинѣ онъ является уже генераломъ и во всемъ ореолѣ своихъ итальянскихъ побѣдъ, то лишь торжественно принимаетъ отъ имени республики тѣло Марсо у дверей Пантеона. Послѣ декабрьскаго переворота были поставлены двѣ Наполеоновскія пьесы «Застава Клиши», Александра Дюма, въ которой выведенъ императоръ въ печальную эпоху 1814 г., и «Меморіаль св. Елены» Жюль Барбье, который патетически представилъ страданія и смерть великаго узника. Хотя, повидимому, вторая имперія должна была бы прославлять Наполеона и на сценѣ, но въ виду литературной реакціи противъ Наполеоновскаго культа, царившей въ то время, директора парижскихъ театровъ не рѣшались ставить пьесъ, прославляющихъ Наполеона, и можно только указать во всю эту эпоху на драму Денери «Маренго», оперетку Оффенбаха «Вивандьерка Большой Арміи», и нѣсколько военныхъ пьесъ въ циркахъ. Конечно, при третей республикѣ послѣ Седана, бывшаго вторымъ Ватерло для Наполеоновской легенды, долго не выводили на сцену Наполеона за исключеніемъ возобновленія указанной выше пьесы «Марсо», и только теперь при новой модѣ на все Наполеоновское стали появляться одна за другой пьесы, въ которыхъ Наполеонъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Нельзя сказать, однако, чтобъ данныя до сихъ поръ Наполеоновскія пьесы имѣли историческій, литературный или драматическій интересъ. Это не что иное, какъ эксплуатація моды на Наполеона и болѣе или менѣе блестящее воспроизведеніе обстановки, костюмовъ, мебели и тому подобныхъ предметовъ тогдашней эпохи. Первый опытъ въ этомъ родѣ сдѣлалъ извѣстный поставщикъ эффектной сценической стряпни, Сарду, и его новая пьеса «M-me Sans-Gêne», не смотря на ея значительный успѣхъ, собственно говоря, не драма, а тѣмъ болѣе не историческая драма, но какая-то смѣсь мелодрама-

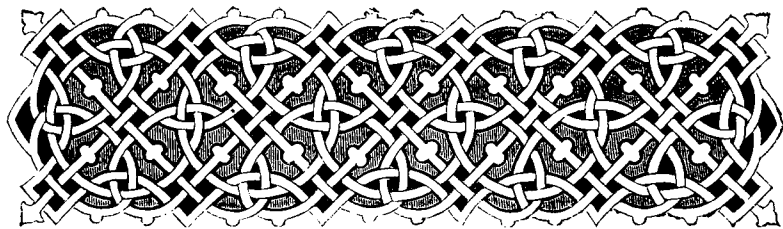
тичныхъ сценъ и балаганныхъ фарсовъ. Главную роль въ этой пьесѣ играетъ не Наполеонъ, а извѣстная жена маршала Лефевра, начавшая жизнь прачкой и доставившая поэтому предлогъ Сарду написать цѣлый рядъ забавныхъ, но далеко не историческихъ сценъ, въ которыхъ бывшая прачка, сдѣлавшись герцогиней, грубо препирается съ сестрами Наполеона и съ нимъ самимъ. Что касается до мелодраматичной стороны пьесы, то она еще нелѣпѣе со всѣхъ точекъ зрѣнія, начиная съ исторической: въ послѣднемъ дѣйствіи неожиданно Наполеонъ накрываетъ австрійскаго дипломата графа Нейперга, отправляющагося на тайное свиданіе съ императрицей Маріей-Луизой, и приказываетъ его разстрѣлять, но маршалша Лефевръ спасаетъ его и доказываетъ невинность императрицы. Извѣстно, что дѣйствительно графъ Нейпергъ ухаживалъ и даже тайно женился на Маріи-Луизѣ, но все это было послѣ паденія Наполеона и не имѣетъ ничего общаго съ придуманными Сарду бессмысленными завязкой и развязкой. Относительно самого Наполеона можно только сказать, что Сарду желалъ показать его не въ ореолѣ легендарной славы и въ домашней жизни, но въ выведенной имъ фигурѣ есть все Наполеоновское и мундиръ, и шляпа, и шпага, и классическая прическа, но нѣтъ только одного — Наполеона. Зато обстановка пьесы роскошна и отличается во всѣхъ мелочахъ исторической правдою. Гораздо болѣе литературныхъ и историческихъ достоинствъ имѣетъ вторая Наполеоновская пьеса: «L'Empereur», драма въ пяти дѣйствіяхъ Гранмужена. Тутъ въ довольно звучныхъ стихахъ рисуется картина послѣднихъ лѣтъ жизни Наполеона, начиная отъ его провозглашенія императоромъ, и въ этой картинѣ нѣтъ никакихъ историческихъ ошибокъ, но съ одной стороны пьеса чрезвычайно скучна, а съ другой она разыграна плохими актерами при скудной обстановкѣ въ маленькомъ «Театрѣ Поэтовъ», а потому потерѣла фіаско. Третья пьеса уже прямо не имѣетъ никакихъ драматическихъ притязаній и представляетъ новый опытъ исторической фееріи; подъ названіемъ «Наполеонъ» Мартенъ-Лайя поставилъ на сцену театра Сень-Мартенскихъ воротъ «Национальную эпопею» въ пятидесяти картинахъ, которая изображаютъ очень точно и вѣрно всѣ главные эпизоды изъ жизни Наполеона, начиная съ сраженія подъ Арколемъ до смерти его на островѣ св. Елены. При этомъ, конечно, все вниманіе обращено на обстановку, дѣйствительно представляющую послѣднее слово декоративнаго, костюмернаго и бутафорскаго искусства, такъ что передъ глазами зрителей происходятъ настоящіе парады и сраженія съ массой войска, но драматическаго дѣйствія вовсе нѣтъ въ пьесѣ, и даже разговоры очень мало, а одна картина быстро слѣдуетъ за другой, даже нѣкоторыя изъ нихъ передаются съ помощью китайскихъ тѣней, но въ этихъ случаяхъ получается блестящая копія съ художественныхъ произведеній знаменитыхъ живописцевъ. Вообще, по свидѣтельству всѣхъ французскихъ театралныхъ критиковъ, это представленіе въ высшей степени эффектное, напоминающее перелистыванье великолѣпной иллюстрированной книги и, конечно, будетъ долго привлекать весь Парижъ. Какъ и слѣдовало ожидать, не успѣлъ Наполеонъ снова утвердиться на сценѣ, какъ уже появилась въ новомъ циркѣ забавная буфонада, въ которой выведенъ рядъ уморительныхъ пародій на выдающіеся эпизоды Наполеоновской легенды. Такимъ образомъ нѣтъ опасности, чтобъ мимолетная мода имѣла серьезныя политическія послѣдствія.

— Зала засѣданій Парижской палаты депутатовъ. Уже давно никакая сцена политической траги-комедіи, разыгрывающейся во всѣхъ европейскихъ странахъ, не производила такого потрясающаго впечатлѣнія не только на очевидцевъ, но даже на читателей газетъ, какъ взрывъ бомбы въ залѣ засѣданій французской палаты депутатовъ и достойное поведеніе въ этомъ случаѣ предсѣдателя палаты Дюпюа, который среди общей паники спокойно произнесъ: «Засѣданіе продолжается», и дѣйствительно настоялъ на томъ, чтобъ пренія по текущему вопросу окончились по обыкновенію баллотировкой въ то время, какъ въ сосѣднихъ помѣщеніяхъ была оказана первая помощь пятидесяти раненымъ. Это историческое засѣданіе и эти историческія слова займутъ видное мѣсто въ лѣтописи Бурбонскаго дворца, гдѣ помѣщается палата депутатовъ, и о которомъ очень кстати помѣщена интересная и обстоятельная статья въ двухъ недавнихъ номерахъ «Revue Illustrée». Не смотря на то, что прошло почти сто лѣтъ со времени занятія этого зданія, стоящаго на набережной Сены противъ моста и площади Согласія, народнымъ представительствомъ, и надъ его греческимъ портикомъ пронеслись четыре революціи, оно сохранило до сихъ поръ свое первоначальное названіе Бурбонскаго дворца, которымъ оно одолжено выстроившей его на мѣстѣ знаменитаго «Pré-aux-Clercs» герцогинѣ Бурбонской. По ироніи судьбы, этотъ дворецъ былъ оконченъ послѣ шестидесятилѣтнихъ работъ только въ 1789 году, и получившій его въ наслѣдство отъ герцогини Бурбонской, принцъ Кондэ, не долго имъ пользовался, такъ какъ онъ былъ конфискованъ въ самомъ началѣ революціи и, какъ національная собственность, названъ Домомъ Революціи. Прежде тамъ помѣщалась коммиссія общественныхъ работъ, потомъ политехническая школа и, наконецъ, съ 1798 года тогдашнее представительное собраніе, носившее названіе Совѣта Пятисотъ. Во времена имперіи тутъ засѣдалъ безмолвный, раболѣпный законодательный корпусъ, но въ знакъ своего уваженія къ тогдашнему псевдонародному представительству Наполеонъ построилъ существующій доселѣ фасадъ, выходящій на Сену, хотя онъ не былъ доволенъ его греческимъ стилемъ и со смѣхомъ говорилъ: «Еслибъ я былъ еще артиллерійскимъ офицеромъ, то съ удовольствіемъ направилъ бы пушку противъ этой нелѣпой ширмы». Но такъ какъ онъ былъ уже не Бонапартъ, а Наполеонъ, то для внутренняго украшенія не правившагося ему по внѣшности зданія онъ пожаловалъ законодательному корпусу знамена, взятые при Маренго, Іенѣ и Аустерлицѣ, которыя до сихъ поръ стоятъ въ залѣ Конференцій. При Реставраціи, Бурбонскій дворецъ былъ возвращенъ принцу Кондэ, но онъ отдалъ его въ наймы палатѣ депутатовъ, которая съ тѣхъ поръ подъ различными названіями и въ различныхъ своихъ видахъ занимаетъ его до сихъ поръ. Вскорѣ старинная зала Пятисотъ оказалась неудобной и ненадежной, а потому Людовикъ-Филиппъ выстроилъ въ 1832 году новую залу, въ которой и понынѣ засѣдаютъ народные представители Франціи. Только во время второй республики эта зала оказалась недостаточной для девятистотъ членовъ національнаго собранія, и засѣданія его перенесены въ временно построенную деревянную залу на парадномъ дворѣ, по послѣ декабрьскаго переворота ее уничтожили, и законодательный корпусъ второй имперіи засѣдалъ въ старой залѣ; однако, Наполеонъ III нашелъ нужнымъ замѣнить прежнюю мраморную трибуну, прославленную краснорѣчьемъ знаменитыхъ ораторовъ реставраціи, іюльской монархіи и республики 1848 года: Бенжамена Констана, Одиллона Барро, Гизо, Тьера,

Ледрю-Ролена, Ламартина, Виктора Гюго и т. д., новой изъ краснаго дерева, на которой провозносились раболѣпныя дифирамбы имперіи, за исключеніемъ пламенныхъ рѣчей немногочисленной оппозиціи съ Жюлемъ Фавромъ во главѣ, въ послѣдніе годы, предшествовавшіе Седану. Какъ вторая республика была провозглашена съ парадной лѣстницы палаты депутатовъ, такъ и третья началась на этой лѣстницѣ, которой овладѣлъ народъ, возставшій 4-го сентября 1870 года при извѣстіи о Седанскомъ погромѣ. Первые законодательныя собранія третьей республики засѣдали въ Бордо и Версалѣ, а только съ 27-го ноября 1879 года народнымъ представителямъ Франціи снова возвращенъ Бурбонскій дворецъ съ его исторической залой засѣданій, гдѣ восстановлена и старая, пережившая столько триумфовъ краснорѣчія, мраморная трибуна. Эта зала, служащая предметомъ еще большаго любопытства со времени недавняго взрыва, имѣетъ 467 квадратныхъ метровъ и украшена двадцатью іоническими колоннами изъ карарскаго мрамора съ золочеными капителями; стѣны изъ краснаго пиринейскаго мрамора, а полъ также мраморный покрытъ ковромъ. Чтобы повнѣ устройство залы, достаточно представить себѣ внутренность обыкновеннаго театра, занавѣсъ котораго былъ бы замѣненъ стѣною, украшенною по срединѣ громаднымъ гобеленомъ, изображающимъ «Аѳинскую школу» съ картины Рафаэля, внизу мраморнымъ барельефомъ, представляющимъ «Францію, покровительствующую наукамъ, искусствамъ, торговлѣ и земледѣлію», а по бокамъ статуями: «Силы», «Справедливости», «Мудрости», «Краснорѣчія», «Свободы» и «Порядка». Передъ этой стѣной находятся три трибуны, изъ которыхъ первая, самая высокая и ближняя къ стѣнѣ, предназначена предсѣдательскому креслу и мѣстамъ для членовъ бюро палаты, вторая, пониже, но украшенная мраморнымъ барельефомъ, изображающимъ «Исторію» и «Славу», принадлежитъ ораторамъ, а третья еще ниже и самого скромнаго вида отведена стенографамъ. За этимъ тройнымъ рядомъ трибунъ простирается полукругомъ небольшое пустое пространство, а послѣ него идутъ амфитеатромъ мѣста для депутатовъ, состоящія изъ скамеекъ, обитыхъ краснымъ сукномъ съ попитрами изъ краснаго дерева. Надъ амфитеатромъ расположены галереи для публики, которая допускается по билетамъ и карточкамъ депутатовъ, а въ одно отдѣленіе, просто по очереди прихода посѣтителей къ дверямъ Бурбонскаго дворца.

— Смерть Тиндала. Вся англійская ежедневная и еженедѣльная печать наполнена статьями о смерти знаменитаго ученаго Тиндала, которая займетъ видное мѣсто въ ряду историческихъ кончинъ замѣчательныхъ людей. Дѣйствительно, онъ умеръ при такихъ драматическихъ обстоятельствахъ, что его смерть возбудила бы общее сочувствіе и вниманіе, еслибъ даже онъ не принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ выдающихся личностей, которыми гордится современная Англія. Семидесяти-трехъ лѣтъ и въ послѣдніе три года страдая отъ разстройства легкихъ, послѣ воспаленія, Тиндаль былъ очень слабъ, и доктора съ трудомъ поддерживали его угасавшія силы, а такъ какъ бессонница его постоянно мучила, то онъ каждую ночь принималъ полторы чайной ложки хлорала. По несчастію, каждое утро онъ также принималъ по двѣ столовыя ложки, т. е. около восьми чайныхъ ложекъ, магnezія, и благодаря этому обстоятельству, его жена, преданная, любящая женщина, дочь лорда Гамильтона, лично ухаживавшая за нимъ, перепутала обѣ стклянки лекарства въ роковое утро 2-го декабря и дала мужу вмѣсто

магнезіи громадную порцію хлорала. Проглотивъ лекарство, онъ сказалъ, что чувствуетъ какой-то странный сладкій вкусъ, и только тогда несчастная женщина увидѣла свою ошибку. «Я дала тебѣ, Джонъ, хлоралу!» воскликнула она съ ужасомъ, а великій ученый спокойно отвѣчалъ: «Бѣдная голубушка, ты убила твоего Джона. Но сдѣлай все, что можно, чтобъ не дать мнѣ заснуть». Однако, всѣ усилія жены, домашнихъ и тотчасъ призваннаго доктора не могли удержать слабаго больнаго старика отъ рокового сна, который и унесъ его въ могилу. По англійскимъ законамъ всякая скоропостижная смерть, возбуждающая сомнѣніе въ томъ, что она случайная или намѣренная, подвергается покойника такъ называемому слѣдствію каронера, особаго чиновника, который руководитъ медицинскимъ вскрытіемъ тѣла, докторской экспертизой, допросомъ свидѣтелей и приговоромъ присяжныхъ, присутствующихъ при этомъ слѣдствіи. Конечно, въ настоящемъ дѣлѣ не могло быть никакого подозрѣнія въ убійствѣ или самоубійствѣ, но, всетаки исполнены были всѣ формальности, допрошены доктора, лечившіе Тиндала, и бѣдная вдова, трогательно рассказывавшая о всемъ случившемся, а въ концѣ концовъ присяжные признали, что смерть произошла отъ случайнаго приѣма хлорала въ излишнемъ количествѣ, и выразили свое горячее сочувствіе къ понесенной бѣдной вдовой и также всей Англіей великой потерѣ. Лондонскія газеты, оплакивая смерть Тиндала, вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ, что, оказавъ при жизни громадныя услуги отечеству своими учеными трудами, онъ и своей смертью окажетъ ему не малую услугу, если побудитъ многихъ отказаться отъ все болѣе и болѣе распространяющагося обычая прибѣгать къ помощи наркотическихъ средствъ, которыя, по словамъ «The British Medical Journal» въ девяносто девяти случаяхъ изъ ста бесполезны и вредны, а между этими средствами хлоралъ наиболѣе вредное и, можно смѣло сказать, унесшее въ могилу не одну тысячу жертвъ. Что касается до долговременной жизни Тиндала, то она была вся посвящена ученымъ трудамъ, среди которыхъ первое мѣсто занимало не столько открытіе новыхъ путей въ наукѣ, какъ блестящая популяризація великихъ открытій нашего времени на каеодрѣ, въ книгахъ и въ журнальныхъ статьяхъ. При этомъ замѣчательно, что по происхожденію ирландецъ, сынъ бѣдныхъ родителей, знаменитый профессоръ получалъ очень скудное первоначальное воспитаніе, занимался межеваніемъ и, только познакомившись съ докторомъ Франкландомъ, отправился въ Магдебургскій университетъ, гдѣ изучилъ химію и физіку подъ руководствомъ Бунзена и Кноблоха. Затѣмъ, вернувшись въ Англію, онъ занялъ каеодру въ лондонскомъ королевскомъ институтѣ и быстро достигъ славы, находясь такимъ образомъ всегда внѣ установленныхъ рутинныхъ университетскихъ рамокъ. Къ величайшему сожалѣнію всѣхъ поклонниковъ этого первокласснаго ученаго, столько содѣйствовавшаго распространенію естественныхъ наукъ среди любознательныхъ людей всего міра, онъ въ послѣдніе годы вздумалъ попытаться счастья въ политикѣ и явился въ длинномъ рядѣ журнальныхъ статей яркимъ противникомъ Гладстона и его системы ирландскаго самоуправленія, что, конечно, объясняется тѣмъ, что самъ онъ былъ протестантомъ-ирландцемъ, а жена его дочь извѣстнаго торійскаго члена палаты общинъ, также изъ ирландскихъ протестантовъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Соперничающія державы въ Центральной Азіи.—Китай и его сосѣди.—Памирскій вопросъ и англійскія претензіи.—Черноморскій флотъ.—Русскіе поэты въ переводѣ Катула Мендеса.—Наполеонъ и женщины: Дезире Клари, Жозефина Богарне, Марія-Луиза, г-жа Фуресь, актриса Жоржъ, Гортензія, графиня Валевская.

АНГЛИЧАНЕ, какъ извѣстно, заключили съ афганскимъ эмиромъ новый договоръ, по которому этотъ плутоватый азіатъ обещалъ своимъ вѣрнымъ друзьямъ быть врагомъ Россіи и удерживать ея покушенія на Индію. За это онъ выговорилъ себѣ удвоенное содержаніе, получаемое ежегодно изъ Англіи, и разныя льготы, въ родѣ захвата мелкихъ ханствъ, пограничныхъ съ Афганистаномъ, доставленія оружія, непроведенія желѣзной дороги въ Кандагаръ и др. Теперь просвѣщенные мореплаватели твердо увѣрены, что сосѣдъ будетъ служить имъ надежнымъ буферомъ противъ вторженія въ Индійскую имперію, ожидаемаго ими со дня на день. Увѣрены въ этомъ и нѣмцы, старающіеся еще болѣе убѣдить друзей въ неизбѣжности такого покушенія. Какой-то Іосифъ Поповскій издалъ объ этомъ въ Лейпцигѣ обширное разсужденіе и, незамѣченное въ Германіи, оно было тотчасъ же переведено на англійскій языкъ подъ названіемъ «Соперничающія силы въ Центральной Азіи» (The rival powers in Central Asia). Авторъ чуть не клянется, что русскіе готовы вступить въ Индостанъ, и Англія не въ состояніи остановить ихъ побѣднаго шествія отъ Оксуса до Инда. «Два главныхъ стремленія русскаго народа,—говоритъ онъ,—и двѣ главные цѣли русскаго правительства: овладѣть Константинополемъ и Индіей». Подумаешь, какъ хорошо наши добрые сосѣди знаютъ наше положеніе и наши желанія. Въ то время, какъ періодическая нѣмецкая печать, бряцающая оружіемъ, утверждаетъ, что съ нашими разстроенными финансами и голодовками мы идемъ къ неминуемому

банкротству, ученая печать сочиняетъ, что мы безъ денегъ и голодные идемъ завоевать Турецкую и Индійскую имперію. Поповскій увѣряетъ, однако, что Афганистанъ не можетъ быть защитой Индіи, и что ея не спасетъ ни дипломатія, ни оборонительная война, а другой войны и не придется вести англичанамъ въ Индіи. Эти утвержденія нѣмца не понравились, впрочемъ, английской критикѣ, возмущенной особенно словами автора, что народъ въ Англіи, встревоженный сначала успѣхами русскихъ въ Азіи, сдѣлался теперь равнодушнымъ къ дальнѣйшему распространенію нашихъ владѣній въ Азіи. Критикъ «Academy» убѣжденъ, что лондонскіе коняи примутъ горячо къ сердцу всякое ослабленіе английской власти въ Индіи. Это также похоже на правду, какъ стратегическія измышленія Попова. Онъ говоритъ, между прочимъ, что русскія войска могутъ свободно двинуться на Гильгитъ черезъ Барогольскій проходъ, но проходъ этотъ ведетъ только въ Читралъ и представляетъ только русло горнаго потока, недоступное втеченіе лѣта. Авторъ подтверждаетъ также слова капитана Леттъ, что симпатіи къ русскимъ господствуютъ въ Хорассанѣ и что русскій консулъ въ Мешхедѣ имѣетъ преобладающее вліяніе. Английская критика опровергаетъ свидѣтельство своего же соотечественника, приводя мнѣніе Курзона, которому г. Власовъ со- знавался, что английское вліяніе въ Мешхедѣ очень сильно. Но если это и было, то давно прошло, и теперь персіяне ненавидятъ рыжыхъ инглесовъ за ихъ попытку ввести въ страну табачную монополію, которую шахъ принужденъ былъ уничтожить, хотя за введеніе ея министры взяли порядочныя взятки, которыя, увы, должны были возвратитъ.

— Опасенія потерять Индію ясно высказываются и въ другой книгѣ, уже чисто английскаго происхожденія «Китай и его сосѣди» (China and her neighbours). Авторъ, Говдри, начинаетъ съ отношеній Франціи къ Индо- Китаю, ея войны съ Сіамомъ, и, конечно оспариваетъ права французовъ на ихъ владѣнія въ Тонкинѣ, Кохинхинѣ, Камбоджѣ. Но главная цѣль книги— заключеніе союза съ Китаемъ противъ Россіи. Авторъ говоритъ прямо, что «китайскіе солдаты, обученные и предводительствуемые английскими офицерами, будутъ сражаться не хуже казаковъ», что китайскій флотъ можетъ произвести удачную диверсію къ восточнымъ берегамъ Сибири, въ то время, когда английскія войска будутъ сражаться въ Кандагарѣ. Но английская критика сознается, что на китайцевъ надежда плоха. Съ иностранцами они не вступаютъ въ союзы, и ихъ дипломатъ и генералъ Ли-Хун-Чангъ говорилъ: «ядъ надо истреблять противоядіемъ», чужестранцевъ надо сосорить между собою, чтобы они истребляли другъ друга. «Также думаютъ и всѣ азіатцы, и только одни англичане могутъ разчитывать на помощь и дружбу какихъ нибудь афганцевъ. Китайцы никогда не подчинятся иностраннымъ начальникамъ. Еще Пржевальскій говорилъ: «Китай никогда не организуеетъ у себя арміи на манеръ европейской, для этого у него недостаетъ ни матеріала, ни духа, оживляющаго нашихъ солдатъ». Но англичане совершенно увѣрены, что какъ только они начнутъ войну съ Россіей, они тотчасъ найдутъ въ Азіи не только помощниковъ, но и цѣлую армію, которой нѣтъ у нихъ самихъ. Они никакъ не хотятъ сознаться, что ихъ ненавидятъ на Востокѣ, въ Африкѣ, въ Океаніи, во всѣхъ странахъ, на которыя они наложили свое тяжелое владычество. Въ настоящее время они стараются возстановитъ противъ насъ Китай, за то будто бы, что мы хотимъ захватитъ принадлежащій ему Памиръ, принадлежавшій Коканскому ханству, которое

мы присоединили къ своимъ владѣніямъ по праву завоевателей. Право это ни въ комъ не возбуждаетъ сомнѣнія, и еще недавно ученый путешественникъ Эдуардъ Бланкъ въ своемъ изслѣдованіи «памирскаго вопроса» рѣшилъ его съ полнымъ безпристрастіемъ и знаніемъ дѣла.

— La question de Pamir начинается описаніемъ тяжелаго пути изъ Ферганы въ Китай черезъ громаднѣйшій горный хребетъ, составляющій остовъ продольной Азіи. Три главныя горныя цѣпи тянутся черезъ нее: Гималай, Гиндукушъ, Паропомизъ древнихъ—и Тянь-Шань съ его продолженіемъ—Алтаемъ и Становымъ хребтомъ, отроги котораго доходятъ до Камчатки. Къ нимъ примыкаетъ менѣе важный кряжъ, составляющій восточную терасу Иранскаго плоскогорья и названный англичанами «научною границею Индіи». Эти четыре кряжа, почти недоступныя, съ невапамятныхъ временъ раздѣлили жителей Азіи на четыре племени: китайское, индійское, иранское и туранское. Изъ этихъ племенъ только Китай сохраняетъ свою древнюю цивилизацію, Тураномъ завладѣла Россія, Индію—Англія, на Иранъ заявляютъ ничѣмъ не поддѣляемая претензіи гораздо менѣе развитый Афганистанъ, но поддерживаемый также англичанами, негодующими, что Персидская монархія склоняется на сторону Россіи. Четыре горныя цѣпи соединяются въ этомъ центральномъ узлѣ, называемомъ Памиромъ—Крышею міра, служившею по преданію колыбелью человѣческаго рода, хотя эта колыбель весьма холодна и непривлекательна даже для такой неприхотливой расы, какою были наши предки—пещерные люди. Наука если не приняла гипотезы происхожденія человѣчества на Памирѣ, то считаетъ его пунктомъ, откуда началось расселеніе племенъ по всѣмъ частямъ свѣта. Эту теорію первый высказалъ Максъ Миллеръ, перенесшій для чего-то колыбель бѣлой расы съ цвѣтушихъ береговъ Евфрата на безплодную, холодныя вершины Памира къ истокамъ Оксуса. Правда, для Европы эта гипотеза замѣнилась въ послѣднее время теоріею происхожденія первыхъ людей въ пещерахъ Галліи и южной Скандинавіи, или предположеніемъ, что арійское племя составилось изъ смѣшенія четырехъ азіатскихъ расъ; но все это системы такія же шаткія, какъ и выводы нѣмецкаго лингвиста, 25 лѣтъ переводившаго *Pur-Bedy*. Но слѣды четырехъ расъ, спустившихся съ вершинъ Памира, къ которому примкнули четыре горныя кряжа, сохранились въ преданіяхъ этихъ расъ: къ югу пошла черная раса, занявшая прежде бѣлой долины Инда и Ганга, на западъ отдѣлилась раса желтая, на сѣверъ—родственная ей турко-монгольская или финская, на востокъ бѣлая, европейская. Китайскія, индійскія, даже семитическія, легенды сходятся въ томъ, что первые люди жили сначала на высокихъ пустынныхъ горахъ и потомъ уже спустились въ долины и пошли по теченію большихъ рѣкъ. Европа, несомнѣнно, населилась вслѣдствіе постепенныхъ эмиграцій изъ Центральной Азіи и Монголіи. Всѣ животныя, одомашненныя человѣкомъ и сопровождавшія его въ переселеніяхъ, встрѣчаются въ дикомъ видѣ въ горахъ Центральной Азіи, не исключая дикихъ лошадей и верблюдовъ, найденныхъ въ 1890 году Грумъ-Гржимайло въ окрестностяхъ озера Лоб-Нора. Памирское плоскогорье, девять мѣсяцевъ находящееся подъ снѣгомъ, занимаетъ 500 километровъ. Въ южной части его, на маломъ Памирѣ, англичане находятъ слѣды библейскаго райа и потому заявляютъ на него свою претензію, не желая, какъ народъ благочестивый, оставлять его въ рукахъ схизматиковъ. Полковникъ Пѣвцовъ и Громчевскій нашли въ этихъ горахъ въ Алтынъ-Тагѣ слѣды золота,

ониксъ, аспидъ, лунный камень, роговикъ, до сихъ поръ имѣющіе каба-лическое значеніе на Востокѣ и о которыхъ упоминаетъ библія, говоря о мѣстѣ рай. Право Россіи на Памиръ неоспоримо: съ 1864 года, завоеывая постепенно Туркестанъ, мы дошли въ 1871 году до Памира. Въ этомъ году натуралистъ Федченко открылъ Трансолайскій хребетъ и двѣ свѣжныя вер-шины въ 6.710 и 6.600 метровъ. Въ 1876 году Скобелевъ покорилъ Коканъ, перешелъ Алай, взялъ въ плѣнъ дахчу, царицу киргизовъ Курбанъ-Джанъ, и номады Памира, признававшіе власть Кокана, признали теперь себя подвластными Россіи. Въ то же время полковникъ Костенко дошелъ въ юж-номъ Памирѣ до озера Кара-Куль и открылъ проходъ Уз-Баль, а нынѣш-ній губернаторъ Закаспійскаго края, перейдя восточную часть Памира, до-шелъ до Ак-Су. Затѣмъ эти мѣстности изслѣдовали: Мушкетовъ, Сѣвер-цовъ, Путята, Ашанинъ, Шаховъ и др., и послѣ экспедицій капитана Гром-чевскаго въ 1889 и 1890 году, подрѣпленныхъ военными и политическими демонстраціями полковника Ионова въ 1891, 1892 и 1893 годахъ, русское вліяніе утвердилось на Памирѣ. Не рѣшаясь дѣйствовать противъ насъ открыто и потерявъ повидимому надежду возстановить китайцевъ, англичане по-могли афганцамъ овладѣть мелкими независимыми ханствами по верхнему теченію Оксуса и его притоковъ: Бадахшаномъ, Шуганомъ, Уаханомъ, Рошаномъ, и теперь они также являются сосѣдями Памира и заявляютъ на него свои претензіи. Сами англичане захватили ханства: Хундрагъ, Каферистанъ, гдѣ управляли два разбойника, Яссинъ, Читраль и землю независимыхъ горцевъ Сватовъ. Такимъ образомъ укрѣпляя сѣверовосточную границу Индіи, Англія сдѣлалась сосѣдкою Россіи по Гиндукушу и Кара-коруму; но она не довольствуется сдѣланными ею захватами и требуетъ всего малаго Памира, долины Ушхана и Аксу и перенесенія русской гра-ницы на правый берегъ Пендже. Такія претензіи французскій авторъ на-зываетъ «милою шуткою», заявляемою, однако, англичанами съ тою невоз-мутимомъ беззащитностію, съ какою они дѣлаютъ всѣ свои захваты. Конечно, обладаніе Памиромъ сдѣлаетъ сѣверо-восточную границу Индіи совершенно недоступною, но будетъ угрожать Туркестану, Закаспійскому краю, Каспію. Вотъ почему англичане такъ стремятся къ Памиру, черезъ который идетъ дорога въ Афганистанъ и Белуджистанъ, и, черезъ эти страны, въ Персидское море и Индійскій океанъ, а къ океану стремится и Россія, которой, по мнѣнію французскаго автора, необходимъ свободный выходъ въ море, такъ какъ ея сѣверные и сибирскіе берега блокируетъ ледъ, а выходъ изъ Балтійскаго и Чернаго моря легко блокировать въ Зундѣ и Дарданеллахъ. Есть, правда, для нея и другой путь въ океанъ — черезъ Персію, но подчи-неніе этой страны своей сосѣдкѣ взволновало бы всю Европу, а въ 1884 году генераль Гродековъ былъ уже недалеко отъ Герата, и генераль Ко-маровъ послѣ побѣды при Кушкѣ могъ свободно двинуться впередъ. Те-перь въ десять лѣтъ Англія укрѣпила Гератъ и свое вліяніе въ Афгани-станѣ, захватила Белуджистанъ, ханство Келатъ «за его интриги съ Россіей» и весь Мекранъ, береговую полосу, идущую отъ Индіи до Персіи. Един-ственное средство остановить всѣ эти захваты состоятъ въ томъ, чтобы предупредить Англію и подчинить своей власти тѣ мѣстности и пункты, на которые она заявляетъ свои претензіи. Она будетъ кричать о нарушеніи правъ человѣчества и цивилизаціи, но никогда не рѣшится объявить войну европейскому государству, чувствуя свою слабость въ военномъ отношеніи,

понимая, что весь свѣтъ считаетъ ея политику своекорыстною и предательскою. Названіе «коварнаго Альбіона» недаромъ присвоено ею исторіею съ давнихъ временъ, и эпитетъ *fides britannica* вполне замѣнилъ—кареагенское вѣроломство, *fides puppica*, приводившее въ негодованіе древнихъ римлянъ.

— Альфредъ Рамбо закончилъ въ «*Revue Bleue*» рядъ своихъ статей о подвигахъ русскаго флота (*Les fastes de la flotte russe*). Въ послѣднемъ номерѣ онъ говоритъ о Синопѣ, защитѣ Севастополя, войнѣ 1877—1878 годовъ и возрожденіи флота при Александрѣ III. Онъ рассказываетъ біографію Нахимова, бывшаго летеинантомъ, и Истомина—мичманомъ, во время Наваринской битвы, подъ командою капитана 2-го ранга Лазарева, на кораблѣ «Азовъ». Оба они и при Синопѣ содѣйствовали истребленію турецкаго флота, взорвавъ и потопивъ десять непріятельскихъ кораблей и захвативъ два въ плѣнъ, изъ которыхъ одинъ, бывшій русскій фрегатъ «Рафаилъ», взятый турками въ войну 1828 года, Николай I приказалъ сжечь, «какъ недостойный носить русскій флагъ». Затѣмъ пришлось уничтожить и корабли—побѣдители, въ бухтѣ Севастополя. Корниловъ предлагалъ, съ 32-мя судами, пойти противъ 400 кораблей союзниковъ и, спѣшившись съ непріятелемъ, взорвать сколько можно судовъ на воздухъ, погибнувъ славною смертію. Но жизнь 20.000 матросовъ нужна была для защиты Севастополя, и семь лучшихъ кораблей были потоплены при входѣ въ бухту. Узнавъ объ этомъ, Сент-Арно писалъ: «это начало Москвы». Это было лучше Москвы, потому что русскіе не оставляли города, а защищали его почти годъ, потерявъ трехъ адмираловъ и тысячи храбрыхъ защитниковъ. Объявивъ черезъ 15-ть лѣтъ послѣ Парижскаго мира, что она не считаетъ себя болѣе связанною его условіями, Россія, однако, втеченіе 20-ти лѣтъ, не строила никакого флота въ Черномъ морѣ, кромѣ нѣсколькихъ неуклюжихъ поповокъ. При началѣ войны 1877 года турецкій флотъ, въ этомъ морѣ и на Дунаѣ былъ сильнѣе нашего, а между тѣмъ наши моряки съ слабыми миноносками взрывали непріятельскіе корабли. Въ нынѣшнее царствованіе, не говоря уже о добровольномъ флотѣ, суда котораго во время войны являются быстрѣйшими крейсерами, черноморскій флотъ съ каждымъ годомъ увеличивается въ силѣ и вооруженіи; въ 1880 году на 4-хъ броненосцахъ и 25-ти корабляхъ было 633 орудія, въ 1892 году на 6 ти броненосцахъ, 7-ми крейсерахъ, 20-ти корабляхъ и 16-ти миноносцахъ 877 орудій. Открытіе военной гавани въ Либавѣ послужитъ къ новому развитію балтійскаго флота. Плаваніе въ дальнія страны и вокругъ свѣта еще больше развиваетъ страсть къ морю, сродную русскимъ людямъ.

— Романистъ и поэтъ Катуль Мендесъ издалъ въ Парижѣ сборникъ «небольшихъ русскихъ стихотвореній», переведенныхъ французскими стихами (*Petits poemes russes mis en vers français*). Небольшой томъ въ 76 страницъ, съ 206-ю переведенными пьесами, не даетъ, конечно, полного понятія о нашей поэзіи, но Мендесъ даетъ, всетаки, если не лучшіе образцы ея, то принадлежащіе лучшимъ представителямъ. Современныхъ жидовскихъ и декадентскихъ воспѣвателей въ сборникѣ, по счастью, нѣтъ, но изъ 11-ти настоящихъ поэтовъ въ живыхъ двое. Изъ Пушкина переведены «Анчаръ» и «Свѣтокъ засохшій, безуханный». Первую пьесу пришлось передать, вмѣсто четырехъстопнаго ямба, строфами, гдѣ первый и третій стихи шестистопные. Вторая пьеса утратила въ переводѣ значительную долю своей безъискусственной простоты. Въ переводѣ четверостишія «Все мое,

сказало злато», передается мысль, но не выраженія Пушкина: «все продается! все можно взять!». У Тютчева взято пять пьесъ, но сжатость и мѣстами неясность его стиховъ не помѣшали ихъ вѣрной передачѣ. Изъ Кольцова выбрана слабая, патриотическая пьеса, можетъ быть, потому, что его народныя пѣсни трудно перевести на французскій языкъ. На нѣмецкій языкъ переводятся онѣ гораздо лучше и совершенно близко къ подлиннику, что доказалъ г. Фидлеръ своими мастерскими переложеніями. У Огарева взята «La nuit dans l'izba». Изъ трехъ стихотвореній Лермонтова лучше переведено «По небу полуночи ангелъ летѣлъ». «Когда волнуется желтѣющая нива» переведено слабо, а пьеса «За все, за все тебя, благодарю я», разрослась въ 16 тяжелыхъ стиховъ и переводчикъ не два, а даже четыре раза благодаритъ Бога. «Феда» Тургенева и «Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ» Фета переданы хорошо; двѣ пьесы Полонскаго удались меньше, также какъ пьесы Плещеева, Некрасова и великаго князя Константина Константиновича. Въ книгѣ нѣтъ ни біографическихъ очерковъ, ни примѣчаній.

— Послѣ книгъ о Россіи, во Франціи больше всего являлись въ послѣднее время сочиненія о Наполеонѣ. Мемуарами его жизни заваленъ книжный рынокъ, на театрахъ ставятъ пьесы изъ его эпохи, его изучаютъ со всѣхъ точекъ зрѣнія, и Фредерикъ Массонъ издалъ любопытный томъ подъ названіемъ «Наполеонъ и женщины» (*Napoleon et les femmes*). Эта книга въ 365 страницъ, но есть еще заголовокъ: I. L'amour,—стало быть, будетъ еще продолженіе. Во всякомъ случаѣ это книга серьезная, и любители скандальныхъ анекдотовъ напрасно стали бы искать въ ней рискованныхъ сценъ. Авторъ говоритъ въ предисловіи, что хотя онъ не пишетъ для институтокъ и сохраняетъ подлинныя, иногда рѣзкія выраженія историческихъ лицъ, но не рисуетъ предосудительныхъ картинъ. Онъ извѣстенъ въ литературѣ изданіемъ дневника посланника Торси и министра поэта Берни, также исторіей папы Климента XIV, уничтожившаго орденъ іезуитовъ, которыхъ такъ усердно приглашаетъ теперь опять къ себѣ протестантская Германія. Массонъ — отчаянный бонапартистъ, которыхъ теперь уже рѣдко встрѣтить, и прямо называетъ своего героя «несравненнымъ гениемъ», которому слѣдуетъ воздвигнуть статую. Даже къ сыну Наполеона III и къ принцу Наполеону онъ относится съ одинаковымъ подобострастіемъ, и послѣдній, въ своемъ завѣщаніи, поручилъ ему написать біографію принца. Массонъ собралъ любопытный музей временъ имперіи и наивно вѣритъ всякой наполеоновской легендѣ. Такъ онъ утверждаетъ, что во время отъѣзда Наполеона въ Египетъ его братья Іосифъ и Луціанъ организовали возрожденіе Франціи; приводитъ, можетъ быть, и патриотическій, но мало остроумный отвѣтъ живописца Давида на безтактное предложеніе Велингтона въ 1816 году написать его портретъ: «я рисую только историческихъ лицъ», какъ будто Ватерлоо не такая же исторія, какъ Аустерлицъ и Йена, или для исторіи интереснѣе имѣть портретъ Марата, написанный Давидомъ. Довѣрчиво повторяетъ авторъ и тавія легенды, какъ похищеніе врагами наполеонидовъ у великой герцогини баденской Стефаніи Богарне ея новорожденнаго сына и замѣна его мертвымъ младенцемъ. Вѣритъ онъ и отравленію ея мужа, а обо всѣхъ говорившихъ правду о Наполеонѣ отзывается съ негодованіемъ, называя г-жу Стааль педанткой, и заподозрѣваетъ г-жу Ремюза въ неправильной отчетности по придворному управленію. Мудрено

ли, что онъ видитъ въ Наполеонѣ «такого же любовника и мужа, какъ полководца и правителя». Но книги, подобныя Массоновской, интересны потому, что въ нихъ правда беретъ верхъ, не смотря на все пристрастіе автора, и сквозь преувеличенныя восхваленія проглядываетъ противъ воли настоящая характеристика дѣйствующихъ лицъ. Такъ не смотря на всѣ увѣренія Массона, что «нравственное чувство Наполеона было чрезвычайно деликатно и нѣжно», мы видимъ, что въ своихъ отношеніяхъ къ женщинамъ онъ былъ всегда грубъ на словахъ и отличался самыми вульгарными чувствами и манерами. Послѣ нѣсколькихъ гарнизонныхъ походовъ генераль Бонапартъ въ началѣ 1795 году въ Марселѣ задумалъ жениться на Дезире Клари, сестрѣ жены брата его Иосифа. Шестнадцатилѣтняя дѣвушка, плѣнившись довольно потертыми галунами генерала, писала къ нему страстныя посланія, черновыя которыхъ нашлись въ Стокгольмѣ. Семья Клари была не противъ этого брака, хотя отецъ дѣвушки, впрочемъ скоро умершій, говорилъ довольно съ насъ и одного Бонапарта. Уѣхавъ въ Парижъ, генераль торопился свадьбой, потомъ вдругъ пересталъ настаивать: онъ уже получилъ выгодное мѣсто и выдвинулся впередъ во время вандемьерскаго возстанія. Онъ познакомился уже съ Жозефиною Богарне, но Дезире все еще продолжала писать ему, что никогда не выйдетъ за другого. И, однако, она вышла потомъ за Бернадота, который сдѣлалъ ее королевой Швеции. Массонъ говоритъ, что возвышеніемъ нелюбимаго имъ маршала Наполеонъ хотѣлъ вознаградить Дезире за потерю любви императора. Но послѣднія историческія изысканія доказали, что избраніе Бернадота было сюрпризомъ для Наполеона и весьма неприятнымъ. Жозефину авторъ представляетъ образомъ граціи и добродѣтели, но въ салонѣ бывшей виконтессы, гдѣ господствовала сомнительная роскошь, являлись еще болѣе сомнительные авантюристы, да и тѣ безъ своихъ женъ. Хозяйка была въ большихъ долгахъ и наружнымъ блескомъ скрывала свои шаткіе ресурсы. У нея было 16 платьевъ, но только шесть юбокъ. Мелкій корсиканскій дворянинъ, хотя и пожалованный генераломъ при усмиреніи парижскихъ секцій, скоро побѣдилъ *сi-devant* аристократку: черезъ двѣ недѣли онъ былъ ея любовникомъ, черезъ пять мѣсяцевъ—мужемъ. Авторъ не говоритъ, что прежде она была близко знакома съ Баррасомъ и называетъ только ея другого покровителя-министра Карво. Извѣстно, что командованіе итальянскою арміею было свадебнымъ подаркомъ директора Барраса Наполеону. Отправленный въ походъ со своими генералами, дезертиромъ изъ трехъ армій — Ожеро, бывшимъ контрабандистомъ и пиратомъ Массеною, главнокомандующій писалъ къ женѣ грубыя, чувственныя письма, но скоро охладѣлъ къ ней и уже по возвращеніи изъ Египта хотѣлъ развестись съ нею, но уступилъ просьбамъ ея дѣтей, Евгенія и Гортензій. Обращеніе его съ женою извѣстно: грубый деспотъ въ семейной жизни, онъ попрекалъ ее даже за то, что она шестью годами старше его, а въ Мальмезонѣ осыпалъ ее однажды площадною бранью за ея безплодіе. Разведясь съ нею, онъ женился на малоразвитой и безсердечной Маріи-Луизѣ и, не проживъ съ нею и четырехъ лѣтъ, успѣлъ выказать въ новомъ бракѣ свой непривлекательный характеръ. Его отношенія къ другимъ женщинамъ были еще грубѣе, чисто солдатскія или мусульманскія. Метернихъ говоритъ про него: никогда не обращался онъ ни къ одной женщинѣ не только съ любезностью, но даже съ вѣжливыми замѣчаніями, всегда стѣснялся въ разговорѣ съ ними, спрашивалъ:

много ли у нихъ дѣтей, сами ли онѣ кормятъ ихъ, отпускаятъ плоскія шуточки объ ихъ нарядахъ Съ тѣми, кто пользовался его благосклонностью, обыкновенно весьма непродолжительной, онъ поступалъ, какъ совершенный циникъ. Въ Египтѣ ему понравилась жена одного полковника Фуреса. Онъ отправилъ мужа въ экспедицію, а жену пригласилъ къ себѣ на обѣдъ. Опрокинувъ стаканъ съ виномъ на ея платье, онъ повелъ ее поправить свой туалетъ въ его комнатѣ. Весь штабъ, обѣдавшій вмѣстѣ съ нимъ, былъ пораженъ неперемонностью генерала. Въ Парижѣ онъ удостоивалъ своимъ вниманіемъ фрейлинь Жозефины, исполнявшихъ обязанности чтицы, и трагическихъ актрисъ. Массонъ увѣряетъ, что его связь съ послѣдними доказываетъ его любовь не къ актрисамъ, а къ драматическому искусству. Дольше всѣхъ была связь съ несравненною Федрою Жоржъ, но и ей онъ сказалъ при первомъ свиданіи, когда она пріѣхала къ нему въ Тюльери: «ты хорошо дѣлаешь, что закрываешь свои ноги, онѣ у тебя некрасивы», а когда она была такъ безтактна, что попросила его портретъ, онъ далъ ей наполеондоръ, прибавивъ: «вотъ возьми: говорятъ, я тутъ похожъ». Авторъ ничѣмъ не объясняетъ этой грубой выходки и не упоминаетъ о другомъ поступкѣ съ нею, о которомъ она сама рассказывала въ Петербургѣ. Во время своей послѣдней кампаніи онъ пріѣхалъ поздно ночью въ Сен-Клу и послалъ за Жоржъ. Ее привезли изъ Парижа, поднявъ съ постели. Но во дворцѣ ей сказали, что императоръ только что получилъ важныя депеши и работаетъ въ своемъ кабинетѣ. Ему обѣщали, однако, доложить и черезъ нѣсколько времени принесли отвѣтъ, что императоръ приказалъ ей ложиться спать, пока онъ не кончитъ работы. Во дворцѣ не ждали его пріѣзда: онъ былъ плохо отопленъ, ночь была холодная, и бѣдная Жоржъ чуть не замерзла подъ шелковыми одѣялами и занавѣсками. Когда же, усталая и иззябшая, она задремала и проснулась подъ утро, ей сказали, что Наполеонъ давно уже уѣхалъ въ Парижъ. Интересуясь женою одного сановника, онъ на парадномъ ужинѣ въ Тюльери, сѣвши подлѣ нея, нѣсколько минутъ говорилъ о томъ, какъ вредно на ночь ѣсть маслины, и какъ хорошо дѣлаетъ ея сосѣдка, что не ѣсть ихъ. Съ обычнымъ цинизмомъ онъ относился и къ своей семьѣ. Въ народѣ говорили, что первый ребенокъ голландской королевы, вскорѣ умершій, былъ отъ него. Это была, конечно, грязная клевета, но Наполеонъ, имѣлъ не деликатность замѣтить ей: «вы бы не увѣрили никого въ Европѣ, что это не мой ребенокъ; впрочемъ пусть бы вѣрили этому». Гортензіа говоритъ объ этомъ въ своихъ мемуарахъ съ негодованіемъ. Массонъ прибавляетъ, что она смотрѣла на это, какъ женщина, а Наполеонъ судилъ, какъ мужчина. Въ 1807 году, близъ Варшавы, въ толпѣ собравшейся привѣтствовать освободителя Польши, была графиня Валевская, 16-ти-лѣтняя жена 70-тилѣтняго старика. Она понравилась побѣдителю, и все польское общество, не исключая ея мужа, стало требовать, чтобы она, какъ новая Эсфирь, спасла свой народъ, вступивъ въ гаремъ новаго Артаксеркса, а самъ Артаксерксъ писалъ ей: «ваше отечество будетъ мнѣ еще дороже, когда вы сжалитесь надъ моимъ бѣднымъ сердцемъ». Положительныхъ обѣщаній Польшѣ онъ не давалъ, однако, никакихъ, и, овладѣвъ Валевскою во время ея обморока, оставилъ ее беременною. Сводниками въ этой постыдной интригѣ были — Полятовскій, претендентъ на корону Польши, утонувшій въ Эльстерѣ, въ лейпцигской битвѣ, и герцогъ Фриульскій, военный маршалъ Дюрюкъ, убитый при Бау-

ценѣ. Эти по крайней мѣрѣ наказаны судьбой, но за что погибли два молодыхъ офицера генеральнаго штаба, ничего не знавшіе о вождѣннн своего императора, и осмѣлившіеся въ его присутствіи протанцовать на балу лишній разъ съ Валевской. По приказанію Наполеона, Бертъе послалъ ихъ въ первую атаку подъ непріятельскій огонь. Но о презрѣннн великаго полководца къ жизни своихъ солдатъ не стоитъ говорить, также, какъ о его презрѣннн къ женщинамъ, и ко всякой морали вообще. Издавъ приказъ, по которому Марія-Луиза не должна ни минуты оставаться съ глазу на глазъ съ кѣмъ бы то ни было изъ мужчинъ, онъ доказалъ, какія у него понятія о женской добродѣтели, и примѣровъ его безнравственности—тысячи. Какъ выскочка, вступившій въ родство со старѣйшимъ императорскимъ домомъ въ Европѣ, онъ писалъ ничтожныя записки къ Францу II, чтобы имѣть удовольствіе называть его, «государь мой братъ и тесть», но черезъ три года говорилъ Метерниху: «я поступилъ необдуманно, женившись на дочери австрійскаго императора». Также необдуманна была и вся политика его царствованія, а какъ человекъ, онъ былъ еще хуже, чѣмъ правитель, и въ этомъ отношеніи его не обѣлгать никакіе Массоны.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Къ исторіи декабристовъ.

ОСЛАННЫЕ въ Сибирь, декабристы терпѣли различныя лишенія, которыя, по возможности, старались имъ облегчить ихъ ближайшіе родственники, при посредствѣ гуманныхъ иркутскихъ губернаторовъ И. В. Цейдлера и А. Н. Евсевьева.

Въ Яготинскомъ архивѣ князя Николая Васильевича Репнина сохранилось «дѣло о пересылкѣ денегъ и вещей въ Иркутскъ, Марьѣ Николаевнѣ Волконской». Оно начинается анонимной французской запиской, помѣченной 11-мъ января 1835 г., которую мы приведемъ въ переводѣ:

«Прилагается при семъ письмо отъ Сергѣя, который проситъ прислать ему нѣкоторую толику денегъ изъ его доходовъ. Передай же завѣдывающему его дѣлами, чтобы онъ ему выслалъ; мнѣ кажется, что этого требуетъ справедливость и совѣсть».

Хотя упоминаемое въ запискѣ письмо не сохранилось, но Сергѣй, о которомъ идетъ рѣчь, не кто иной, какъ декабристъ Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, и записка, по всей вѣроятности, написана къмъ либо изъ его близкихъ родственниковъ на имя его старшаго брата, князя Николая Григорьевича Репнина (Волконскаго), такъ какъ вслѣдъ за этой запиской въ дѣлѣ подшита слѣдующая черновая письма князя Н. Г. Репнина на имя иркутскаго губернатора И. В. Цейдлера:

«Милостивый государь, Иванъ Богдановичъ! Горестная для насъ кончина матушки возлагаетъ на меня обязанность снабжать невѣстку мою Марію

Николаевну нужною суммою для содержанія съ братомъ моимъ Сергѣемъ, почему, препровождая прилагаемыя при семъ ассигнаціями пять тысячъ рублей, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство приказатъ доставить какъ оныя, такъ и особо въ двухъ ящикахъ посылаемые карманные часы съ двумя золотыми цѣпочками, почтовую бумагу и губку къ невѣсткѣ моей Маріи Николаевнѣ Волконской, почтивъ увѣдомленіемъ меня о полученіи денегъ. Съ отличнѣйшимъ почтеніемъ имѣю честь быть, милостивый государь, вашъ покорный слуга, князь Репнинъ. С.-Петербургъ. 26-го апрѣля 1835 г. Его прев-ству И. Б. Цейдлеру».

Упомянутая въ настоящемъ письмѣ кончина княгини Александры Николаевны Волконской, урожденной княжны Репниной (род. 25-го апрѣля 1756 г.), произошла 23-го декабря 1834 года. Очевидно, послѣ смерти матери заботы о несчастномъ братѣ и его семьѣ принялъ на себя князь Николай Григорьевичъ Репнинъ, высылая деньги и нужныя вещи на имя невѣстки, Маріи Николаевны, урожденной Раевской, дочери извѣстнаго героя 1812 г., генерала Н. Н. Раевского. Къ черновой письма приложена и росписка С.-Петербургскаго почтамта въ принятіи отъ служителя Андрея Тарасенка денежнаго пакета на 5.000 р. асс. для отправки въ Иркутскъ Ивану Цейдлеру.

Такъ какъ Цейдлеръ вскорѣ оставилъ губернаторскій постъ, то князь Репнинъ обратился съ подобнымъ же письмомъ къ его преемнику, Александру Николаевичу Евсевьеву, черновая этого письма также сохранилась въ «дѣлѣ»:

«Милостивый государь, Александръ Николаевичъ! По благорасположенію къ семейству нашему предметника вашего превосходительства Ивана Богдановича Цейдлера, покойная матушка моя отправляла иногда на его имя въ Иркутскъ деньги и разныя посылки для доставленія невѣсткѣ моей Марьѣ Николаевнѣ Волконской въ мѣсто пребыванія ея съ своимъ мужемъ.

«Нынѣ, при представившемся подобномъ случаѣ, я, въ надеждѣ на равнолѣжную готовность вашу къ тому же одолженію, коимъ обязывалъ насъ Иванъ Богдановичъ, рѣшаюсь препроводить на ваше имя, милостивый государь, 5 тысячъ рублей ассигнаціями, чрезъ контору гг. Чаплиныхъ и комиссіонера ихъ иркутскаго мѣщанина Балакшина, нѣкоторыя необходимыя невѣсткѣ нашей для домашняго быта вещи, кои отсюда уже отправлены 14-го сего октября.

«Поспѣшая предупредить о томъ ваше превосходительство, я покорнѣйше васъ прошу, по прибытіи въ Иркутскъ комиссіонера Балакшина, приказатъ принять отъ него адресованныя на ваше имя отправленія, какъ-то: подъ № 1-мъ ящикъ три-мадеры, подъ № 2-мъ ведро рейнвейну, подъ № 3-мъ ящикъ съ табакомъ и подъ № 4-мъ ящикъ съ холстомъ, и, въ чувствительное для семьи нашей одолженіе, переслатъ при первомъ случаѣ какъ деньги, такъ и сіи вещи къ Марьѣ Николаевнѣ Волконской, дозволивъ и впредь мнѣ обращаться къ вамъ съ подобными просьбами.

«Въ ожиданіи благосклоннаго вашего на сіе отвѣта, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью вашего превосходительства покорнѣйшій слуга, князь Репнинъ. Спб., 18-го октября 1835 г. Его пр — ву А. Н. Евсевьеву».

Внизу письма сдѣлана слѣдующая надпись:

«Росписку С.-Петербургскаго почтамта за № 2878 на посланныя чрезъ оный 5 т. рубл. асс. 18-го октября въ Иркутскъ на имя Александра Евсевьева,

«истор. вѣсти.», январь, 1894 г., т. LV.

1/218

для доставленія его высокоблагородію Андрею Ивановичу Куцю, получилъ Н. Ремезовъ, 3-го октября 1835 года».

Князь Репнинъ не получилъ отъ Евсевьева просимаго отвѣта на это письмо, но, тѣмъ не менѣе, въ слѣдующемъ 1836-мъ году онъ снова обратился къ нему съ подобной же просьбой:

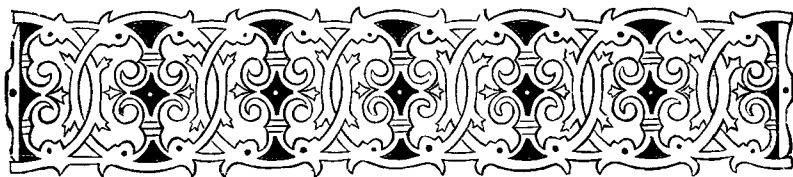
«Милостивый государь, Александръ Николаевичъ! Хотя я и не имѣлъ чести получить отъ вашего превосходительства увѣдомленія о полученіи препровожденныхъ на ваше имя чрезъ почту отъ 18-го октября прошлаго 1835 года 5 т. рубл. асс., а также разныхъ вещей, отправленныхъ чрезъ контору Чаплиныхъ для доставленія невѣсткѣ моей Марьѣ Николаевнѣ Волконской, но въ необходимости нахожусь утруждать васъ, милостивый государь, покорнѣйшею просьбой препровождаемая при семь 5 т. р. асс. доставить оной же невѣсткѣ и почтить меня увѣдомленіемъ о полученіи оныхъ и вышеозначенныхъ 5 т. рубл. асс. и вещей, и могу ли я съ подобными просьбами обращаться къ вамъ и впредь, чѣмъ вы весьма обязать изволите имѣющаго честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью вашего превосходительства покорнымъ слугою, князь Репнинъ. Спб. Его пр-ву А. Н. Евсевьеву, 19-го іюня 1836 г.».

Къ черновой письма опять приложена росписка С.-Петербургскаго почтамта въ полученіи пакета съ 5 тыс. рубл. асс. для отправки Александру Евсевьеву.

Отвѣтъ Евсевьева намъ неизвѣстенъ.

Н. В. Стороженко.

СМѢСЬ.

СРОНАЛѢТНЯЯ годовщина Синопской битвы. Въ концѣ прошлаго года праздновался день, когда русская эскадра подъ начальствомъ адмирала Нахимова одержала блестящую побѣду на Синопскомъ рейдѣ. Описывать эту славную боевую страницу исторіи нашего флота нѣтъ надобности. Ее помнятъ русскіе люди, о ней съ гордостью вспоминаютъ наши моряки. Эта битва сдѣлалась даже легендарною и служила первою ступеню къ подвигамъ на сушѣ, которыми прославили себя севастопольцы и тотъ же легендарный Нахимовъ. Французская печать, вспоминая по поводу смерти Мак-Магона, севастопольскую осаду и отношенія французовъ и русскихъ, справедливо говорила, что это были послѣднія «эпическія битвы», напоминавшія героевъ Иліады. Синопская битва также была едва ли не послѣдней эпической битвой на морѣ. Суда новаго типа, съ ихъ дальнобойными орудіями, отдаляютъ отъ насъ еще больше Синопскую битву въ область преданій. Въ видѣ иллюстраціи, можно только привести для примѣра одну изъ эпическихъ подробностей битвы. Въ продолженіе боя на «Ростиславѣ» случилось несчастіе, стоившее этому кораблю не мало людей, но подавшее случай одному изъ его офицеровъ и части команды отличиться замѣчательнымъ хладнокровіемъ. Непріятельская граната, ударивъ въ одно изъ среднихъ орудій «Ростислава», разорвала его, разбила палубу и зажгла кокорь (пороховой ящикъ), причѣмъ было ранено до сорока человекъ. Не смотря на это, пожаръ былъ немедленно потушенъ, но горящія части упали у входа въ кройт-камеру (пороховой погребъ), «Ростиславу» грозила страшная опасность. Отъ попавшей въ кройт-камеру одной искры могъ взлетѣть на воздухъ нашъ корабль. Мичманъ Колокольцевъ, закрывъ двери и всѣ отверстія, съ такимъ хладнокровіемъ принялся тушить огонь, что скоро устранилась всякая опасность. Не слѣдуетъ забывать, что когда происходила Синопская битва, въ Босфорѣ, у Константинополя, то-есть ближе къ Синопу, чѣмъ Синопъ былъ отъ Севастополя, находился союзный паровой флотъ. Времени поэтому нельзя было терять ни минуты. Быстро починенныя, не мало пострадавшія отъ ядеръ наши суда, двинулись въ путь и, не смотря на продолжавшуюся ненастную погоду, благополучно прибыли въ Севастополь.

Дубинка Петра Великаго. Знаменитая, хранящаяся въ Эрмитажѣ дубинка царя-преобразователя, такъ безцеремовно прогуливавшаяся по спицамъ упорныхъ поклонниковъ стараго порядка и провинившихся царедворцевъ и простыхъ смертныхъ, имѣеть, оказывается, сестру, столь же крѣпкую, какъ и та царская палка, которая была въ свое время такъ популярна въ Петербургѣ. Эта сестра находится въ Эстляндіи, въ одной семьѣ мѣстныхъ помѣщиковъ, хранящихъ ее, какъ святыню. О томъ, при какихъ обстоятельствахъ она туда попала, существуетъ разсказъ, въ высшей степени характерный и рисующій непреклонность и въ то же время великодушіе и безпристрастіе Петра и гордое упрямство балтійскаго нѣмца, побѣжденное, однако, не одной только силой, но и обаяніемъ личности монарха. Лѣтомъ 1710 г. Петръ великій, проѣздомъ изъ Галсала въ Ревель, пожелалъ побѣдять въ лежаншемъ по пути имѣніи помѣщика Рамма и послалъ сказать ему объ этомъ. Владѣлецъ имѣнія, оскорбленный рѣзкой формой, въ которой было передано ему, по торопливости а, можетъ быть, по неумѣлости посланца, желаніе царя, сказавшись больнымъ и категорически заявилъ, что не можетъ и не желаетъ принимать и угощать царственного гостя. Когда объ этомъ было передано Петру, царь разгнѣвался, пріѣхалъ къ Рамму и крѣпко наказалъ своей тяжелой дубинкой дерзкаго ослушника его воли. Послѣ этого онъ, всетаки, остался у него побѣдять, посадивъ возлѣ себя хозяина, только что получившаго строгій урокъ изъ царскихъ рукъ. Во время трапезы, мало-по-малу, у гостя съ хозяиномъ завязался разговоръ. Царю понравились природный умъ, наблюдательность и прямодушіе собесѣдника, а этотъ былъ очарованъ простотой, веселостью и обаяніемъ своего знаменитаго гостя, перемѣнившаго гнѣвъ на милость,—обаяніемъ, подчинявшимъ сердца окружающихъ великаго человѣка. Кончилось тѣмъ, что хозяинъ просилъ царя простить его за необдуманный поступокъ, а царь, выразивъ сожалѣніе о случившемся, спросилъ, что онъ хочетъ получить отъ него, обѣщая тотчасъ же исполнить его просьбу. Каково же было удивленіе Петра, когда тотъ отказался отъ предлагаемыхъ милостей и попросилъ у царя подарить ему его дубинку, на память о встрѣчѣ съ человѣкомъ, котораго сначала онъ не хотѣлъ принять въ свой домъ и съ которымъ расставался со слезами умиленія на глазахъ, какъ вѣрный, преданный слуга и другъ. Петръ обнялъ хозяина и подарилъ ему свою палку, которая и до сихъ поръ цѣла въ семействѣ Раммовъ.

125-ти-лѣтіе оспопрививанія въ Россіи. Въ концѣ прошлаго ноября исполнилось 125 лѣтъ со дня, какъ началось въ Россіи распространяться предохранительное оспопрививаніе. Въ этотъ день сенатскимъ указомъ постановлено въ продолженіе цѣлаго дня производить, послѣ молебна, колокольный звонъ, вечеромъ иллюминовать города и внести этотъ день въ мѣсяцесловъ, какъ день табельный, съ освобожденіемъ присутственныхъ мѣстъ отъ службы, а училищъ отъ занятій, потому что этотъ день былъ днемъ выздоровленія отъ оспы Екатерины II. Оспа была привита императрицѣ, по ея требованію, послѣ двухмѣсячныхъ опытовъ Димсдалемъ. Привітіе оспы государынѣ содержалось въ большомъ секретѣ. 12-го октября 1768 года, въ десятомъ часу вечера, къ подъѣзду Зимняго дворца съ Миліонной (нынѣшній комендантскій) тайно подѣхала карета; въ ней сидѣлъ докторъ Димсдаль и цесаревичъ Павелъ Петровичъ, у котораго на рукахъ былъ закутанный въ шубу оспенный ребенокъ. Прибывшіе «потаеннымъ ходомъ» проведенные были къ императрицѣ, «гдѣ привітіе оспы скоро совершилось безъ малѣйшихъ признаковъ смущенія со стороны Екатерины II». На другой день государыня отправилась въ Царское Село, гдѣ ею съ большою твердостью перенесены всѣ стадія болѣзни, довольно рискованной въ ея лѣта. Испытавъ на себѣ дѣйствіе привітія оспы, Екатерина II побудила и цесаревича обезопасить себя подобнымъ же средствомъ отъ губительной болѣзни. Послѣ этого, оспо-

прививаніе, по словамъ современниковъ, вошло въ моду: въ домахъ, на балахъ и даже на улицахъ знакомые, встрѣчаясь, спрашивали другъ друга: «Прививали ли вы себя или дѣтямъ вашимъ оспу?» Явилось даже нѣсколько лубочныхъ картинъ съ изображеніемъ вреда отъ непривитія оспы. Димсдаль и его сынъ въ первые же мѣсяцы привили ее 140 особамъ. Этотъ англійскій врачъ за привитіе оспы былъ пожалованъ въ лейб-медики, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, пожизненною пенсіей въ 500 фунт-стер. въ годъ, а также произведенъ въ бароны Россійской имперіи. Ему еще были подарены миниатюрные портреты осыпанные брильянтами, и при прощаніи его, въ началѣ 1769 г., съ государыней, на дорогу пожалована муфта изъ самой дорогой чернубурой лисицы. Медаль въ память введенія оспопрививанія въ Россіи вычеканена только 3½ года спустя, въ апрѣлѣ 1772 года.

Шестидесятилѣтіе государственной дѣятельности графа Д. А. Милютина. Въ ноябрѣ же Россія чествовала шестидесятилѣтнюю государственную службу члена государственнаго совѣта, бывшаго военнаго министра, генераль-адъютанта графа Дмитрія Алексѣевича Милютина, пользовавшагося громадною популярностью въ прошлое царствованіе. Графъ Дмитрій Алексѣевичъ родился въ Москвѣ, въ 1816 г. Воспитаніе получилъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, по окончаніи курса поступилъ на службу въ артилерію и затѣмъ въ военную академію. Первый офицерскій чинъ получилъ въ 1833 г., а въ 1839 г. былъ уже штабс-капитаномъ и командированъ на Кавказъ для ознакомленія съ военнымъ дѣломъ. Въ этомъ же году онъ участвовалъ въ дѣлахъ противъ горцевъ: при взятіи укрѣпленія Саясана, при аулѣ Буртунаѣ, гдѣ былъ разбитъ Шамиль, при осадѣ Ахульго, при штурмѣ и взятіи приступомъ Сурхаевской башни и др. Въ 1841 г., въ составѣ чеченскаго отряда онъ былъ раненъ ружейной пулей навывлетъ въ правое плечо, съ поврежденіемъ кости, и принималъ участіе въ дѣлахъ: при разрушеніи моста черезъ рѣку Сулакъ и сожженіи аула Зубута. Въ 1845 г. занялъ кафедру профессора военной географіи въ военной академіи. Въ 1847 г. произведенъ въ полковники; въ 1848 г. назначенъ членомъ ученой комисіи главнаго управленія путей сообщенія; въ томъ же году ему дано порученіе продолжать военно-историческіе труды, оставшіеся неоконченными по смерти Михайловскаго-Данилевскаго. Въ это же время Д. А. началъ печатать свои ученые труды. Имъ изданы: «Первые опыты военной статистики», затѣмъ въ разное время: «Описаніе военныхъ дѣйствій 1839 года въ Сѣверномъ Дагестанѣ», «Карманная справочная книжка для русскихъ офицеровъ» и «Исторія войны Россіи съ Франціею, въ царствованіе императора Павла въ 1799 году». Въ 1854 г. Д. А. произведенъ въ генераль-майоры, въ 1856 г. назначенъ начальникомъ штаба войскъ на Кавказѣ; въ 1858 получилъ званіе генераль-адъютанта и участвовалъ въ дѣлахъ при занятіи аула Тандо, при овладѣніи укрѣпленнымъ ауломъ Гунибомъ и взятіи въ плѣнъ Шамиля. Въ 1860 г. Д. А. назначенъ товарищемъ военнаго министра, а въ 1861 г. военнымъ министромъ. Въ 1863 г. получилъ 6.400 десятинъ земли въ Пятигорскомъ уѣздѣ, Ставропольской губерніи; въ 1866 г. имѣніе въ царствѣ Польскомъ; въ 1872 г. аренду 5.000 р. въ годъ. Въ день взятія Плевны. Милютинъ пожалованъ орденомъ Георгія 2-й степени. Въ 1878 г. Д. А. возведенъ въ графское достоинство. Онъ состоитъ почетнымъ членомъ академій: Михайловской артилерійской, Николаевской инженерной, Николаевской генеральнаго штаба, медико-хирургической; университетовъ: Московскаго и Харьковскаго, Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ, Географическаго общества. Петербургскій университетъ поднесъ графу Дмитрію Алексѣевичу ученое званіе доктора русской исторіи.

Новый докторъ русской словесности. Магистръ русской словесности В. А. Яковлевъ защищалъ въ Петербургскомъ университетѣ диссертацию на степень доктора русской словесности. Диссертантъ извѣстенъ многочислен-

ными учеными трудами по изслѣдованію памятниковъ русской древности и произведеній новѣйшей литературы. Онъ издалъ изслѣдованія: «Домострой», «Сказаніе о Цареградѣ» и др. Его магистерской диссертацией было сочиненіе: «Древле-кіевскія религіозныя сказанія». Изъ послѣднихъ ученыхъ трудовъ его лучший: «О гуманномъ значеніи Пушкина». В. А. Яковлеву 53 года. Для защиты докторской диссертации онъ избралъ опытъ изслѣдованія одного изъ болѣе популярныхъ сборниковъ древней Руси — «Измарагдъ». Этотъ старинный памятникъ составленъ въ XIV вѣкѣ съ цѣлью опровергнуть господствующее въ современномъ составителю обществѣ мнѣніе о возможности спасенія единственно только въ монастырѣ. Для душевнаго спасенія «Измарагдъ» предписываетъ служеніе человѣка всею жизнью, а не соблюденіемъ только внѣшнихъ обрядовъ; для пониманія же христіанскихъ обязанностей доказываетъ необходимость «книжнаго ученія». «Измарагдъ» подвергался нѣсколькимъ переработкамъ, составившимъ особыя редакціи. Всѣхъ редакцій пять. Изъ нихъ первая имѣла въ виду потребности приходскаго духовенства, вторая составлена для мірянъ. Официальными оппонентами диссертанту были профессоры А. И. Соболевскій и А. П. Незеленовъ. А. И. Соболевскій отмѣтилъ незнаніе г. Яковлевымъ источниковъ «Измарагда», каковы «Прологи», «Златоустъ» и другой многочисленный рукописный матеріалъ, и указалъ на то, что новое изслѣдованіе не составляетъ значительнаго вклада въ нашу литературу. Противоположнаго мнѣнія придерживался проф. Незеленовъ, признавшій трудъ диссертанта цѣннымъ вкладомъ. Оценивали также проф. Н. И. Барсовъ и г. Лопаревъ. Когда пренія закончились, предсѣдательствовавшій профессоръ И. В. Поголовскій заявилъ, что историко-филологическій факультетъ единогласно призналъ В. А. Яковлева достойнымъ ученой степени доктора русской словесности.

Историческое общество. Въ послѣднемъ засѣданіи было сообщено о смерти Д. А. Столыпина, память котораго почтена вставаніемъ. Затѣмъ постановлено послать отъ Общества привѣтствіе кіевской комисіи для разбора древнихъ актовъ, по случаю исполнившагося въ ноябрѣ 50-лѣтняго юбилея дѣятельности. Предсѣдательствовавшій въ собраніи проф. Н. И. Карѣевъ сообщилъ, что сборникъ, издаваемый Обществомъ, «Историческое Обзорѣніе», расходуется въ продажѣ чрезвычайно туго; предполагаемый къ выпуску въ настоящее время новый томъ, по недостатку средствъ, придется отложить до 1894 года, уменьшивъ объемъ. Въ собраніи избраны въ члены Общества Н. А. Каррикъ и въ ревизіонную комисію: А. А. Кауфманъ, В. И. Семевскій. Профессоръ Н. И. Карѣевъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: «Новая попытка экономическаго обоснованія исторіи».

Могила Ермолова. Немногимъ извѣстно, что въ г. Орлѣ въ кладбищенскомъ Троицкомъ храмѣ похороненъ герой 1812-го года, генералъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, бранные останки котораго были привезены сюда изъ Москвы, на мѣсто родины. Скромный памятникъ герою стоитъ на полу по правую сторону алтаря: пьедесталь его обтянутъ мѣдными листами, и заканчивается высѣченной изъ мрамора вазой; на вазѣ этой—стеклянный круглый колпакъ, подъ которымъ во время служенія теплится лампада. Какъ пьедесталь, такъ и ваза легко переносятся съ мѣста на мѣсто. Противъ нихъ на стѣнѣ привинчены двѣ бѣлыхъ мраморныхъ доски съ надписью, на лѣвой сторонѣ: «Петръ Алексѣевичъ Ермоловъ, скончался 1832 г., мая 23-го дня, на 85 году отъ рожденія»; на правой—«Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, скончался 1861 г., апрѣля 11-го дня, на 85-мъ году отъ рожденія». Надъ досками этими красуется хорошо исполненное распятіе почти въ естественную величину. Сбоку памятника на церковной стѣнѣ прибита мѣдная доска съ надписью: «1867 г., октября 15-го дня, сей храмъ возобновленъ пристройками, сооруженными на сумму, дарованную государемъ императоромъ въ память великихъ заслугъ и трудовъ, повесенныхъ на

пользу отечества генераломъ-отъ-артиллеріи Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, при участіи въ семь сооружеіи учрежденнаго при этой церкви попечительства подъ предѣдательствомъ начальника губерніи М. Н. Лонгинова и членовъ оного: Іоанна Менцераго, церковнаго старосты П. Е. Бѣловодскаго, Н. Казаринова, А. М. Поволоцкаго, И. А. Бруевича и Ѳ. М. Лазаревскаго». Все это находится теперь въ образцовомъ порядкѣ и содержитя мѣстнымъ духовенствомъ въ завидной чистотѣ и опрятности.

Музей Лихачева. Съ недавняго времени въ Казани существуетъ музей, подаренный ей вице-адмираломъ И. Ѳ. Лихачевымъ. На составленіе его была посвящена вся жизнь покойнаго А. Ѳ. Лихачева, роднаго брата щедраго жертвователя, вслѣдствіе чего, согласно желанію послѣдняго, подаренной коллекціи присвоено городомъ наименованіе: «Музей А. Ѳ. Лихачева». Десятки лѣтъ въ Россіи и за границею съ неутомимымъ самоотверженіемъ и пониманіемъ дѣла А. Ѳ. Лихачевъ составлялъ принесенное нынѣ въ даръ Казани собраніе, которое наглядно убѣждаетъ, что покойный былъ глубокимъ знатокомъ археологіи, нумизматики и искусства. Въ этомъ музеѣ есть не малое число «униковъ», а самыя коллекціи очень разнообразны. Въ музеѣ есть и картинная галлерей, заключающая 780 картинъ масляными красками, въ числѣ которыхъ не мало оригиналовъ, и 425 акварелей, гуашей, акватинтъ, гравюръ и проч.; 24.611 монетъ и 315 медалей и 14.594 номера различныхъ предметовъ, какъ-то серебряныхъ вещей, бронзы, произведеній скульптуры, рѣдкаго оружія, часовъ, камней, эмалей, мозаикъ, китайскаго, японскаго, севрскаго, саксонскаго и друг. фарфоровъ, одеждъ и принадлежностей различныхъ предметовъ и пр., и пр. Даръ Ивана Ѳедоровича Лихачева, являясь общедоступною наглядною школою для народнаго просвѣщенія и развитія, будетъ приносить населенію пользу, и имя жертвователя будетъ не забыто булущимъ поколѣніемъ.

Премія Чихачева. Какъ извѣстно, П. А. Чихачевъ завѣщалъ капиталъ въ 100.000 франковъ Парижской академіи наукъ для выдачи, послѣ своей смерти, ежегодной преміи за полезныя труды по географіи и естествознанію Азіи. Завѣщаніе русскаго ученаго впервые получило практическое примѣненіе въ нынѣшнемъ году: французская академія присудила денежную премію русскому естествоиспытателю Григорію Ефимовичу Грумъ-Гржимайло, извѣстному по результатамъ своихъ путешествій въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ по восточному Туркестану, по Памиру и по Китаю. Послѣднее путешествіе въ особенности богато по своимъ научнымъ результатамъ не только по естествознанію, но и по астрономическимъ опредѣленіямъ географическихъ координатъ главныхъ пунктовъ, послужившихъ основою для топографической маршрутной съемки, исполненной съ большимъ искусствомъ братомъ его, гвардейской артиллеріи штабс-капитаномъ Грумъ-Гржимайло.

Памятникъ поэту Богдановичу. Надняхъ въ Курскъ прибылъ, по словамъ мѣстнаго «Листка», скульпторъ г. Островскій для реставрированія памятника поэта Богдановича. Послѣ перенесенія памятника въ помѣщеніе, вблизи кладбища, при осмотрѣ оказалось, чего раньше никто не подозрѣвалъ, что pedestalъ сдѣланъ изъ дорогаго камня яшмы; памятникъ сооруженъ бывшимъ курскимъ губернаторомъ Демидовымъ. Въ настоящее время приступлено къ постановкѣ памятника во вновь разведенномъ саду присутственныхъ мѣстъ.

† Въ Одессѣ, полковникъ генеральнаго штаба Николай Аванасьевичъ Волошиновъ. Въ 1885 г. онъ былъ посланъ на Командорскіе острова для изученія котиковаго промысла, который въ то время былъ заарендованъ американскимъ обществомъ «Гутчинсонъ, Коолъ и комп.». Имъ подробно составленный отчетъ о котиковомъ промыслѣ вызвалъ возвышеніе арендной платы на полмилліона рублей. Въ 1886 г. Н. А. явился энергичнымъ защитникомъ проекта Сибирской желѣзной дороги. Онъ печаталъ объ ней въ

периодическихъ изданіяхъ статьи, издалъ нѣсколько брошюръ и карту Сибирской дороги, читалъ рефераты въ разныхъ обществахъ, производилъ развѣдки и, назначенный членомъ комисіи по постройкѣ Сибирской дороги, лично произвелъ глазомѣрную съемку будущаго направленія дороги вдоль береговъ Усури и Амура, на разстояніи 4.000 верстъ. Чинъ полковника былъ наградой за дѣятельность покойнаго. Однако, переѣзды изъ Хабаровки въ Петербургъ и обратно губельно отозвались на здоровьѣ Н. А. Волошина. Онъ умеръ 38 лѣтъ.

† Въ Парижѣ, во время представленія въ театрѣ «Водевиль» скоропостижно публицистъ Николай Васильевичъ Щербань. Онъ въ семьдесятыхъ годахъ былъ корреспондентомъ «Голоса», въ которомъ печатались его письма изъ Парижа. Въ 80-хъ годахъ онъ уѣхалъ въ Черногорію, гдѣ состоялъ домашнимъ врачомъ при черногорскомъ князѣ Николаѣ. Изъ Черногоріи онъ написалъ рядъ корреспонденцій въ «Московскія Вѣдомости» и съ тѣхъ поръ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ этой газеты. Одно время онъ редактировалъ газету «Nord», издававшуюся въ Брюсселѣ.

† Иларіонъ Аленѣвичъ Чистовичъ, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія и управляющій контролемъ при синодѣ, одинъ изъ ученыхъ и авторовъ многочисленныхъ историческихъ трудовъ. Его капитальный трудъ «Исторія петербургской духовной академіи» получилъ Демидовскую премию, сочиненіе «Феофанъ Прокоповичъ и его время»—Уваровскую. Большой популярностью пользуется «Курсъ опытной психологіи», какъ обстоятельный учебникъ, введенный почти во всѣ духовныя семинаріи. Съ 1868 г. онъ выдержалъ нѣсколько изданій и доставилъ автору полную премию митрополита Макарія. Покойный интересовался философскими вопросами, особенно неоплатонической философіей и отношеніемъ ея къ христіанству, обязанностию трудиться для блага потомства и пр. По окончаніи курса въ Петербургской духовной академіи, И. А. Чистовичъ съ 1853 г. преподавалъ въ академіи философію и психологію, съ 1866 по 1882 г.— философскія науки въ училищѣ правовѣдѣнія. Какъ преподаватель, онъ былъ знатокомъ своего предмета; какъ человѣкъ, отличался прямою, трудолюбіемъ и доступностью. За ученые труды онъ былъ избранъ въ члены-сотрудники академіи наукъ, въ почетные члены Московской и Казанской духовныхъ академій. Онъ умеръ 65 лѣтъ.

ПОДЪ ТѢНЬЮ МЕЧА

(The Shadow of the Sword)

РОМАНЪ ИЗЪ ЭПОХИ НАПОЛЕОНА I

РОБЕРТА БУКАНАНА

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФИ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1894

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ТОТЪ романъ написанъ съ цѣлью протеста противъ войны, которая болѣе всѣхъ человѣческихъ учрежденій составляетъ позоръ и бичъ современной цивилизаціи. Но что я говорю? Эти слова писаны мною въ Шобурнесѣ, гдѣ наши англійскіе артиллеристы пробуютъ новыя орудія цѣною нашихъ кармановъ и оконъ. Я забываю, сколько именно стерлинговъ стоитъ англійскому народу каждый выстрѣлъ изъ новоизобрѣтенной пушки, или какому денежному взысканію онъ подвергается для производства ежедневной пробной канонады въ Шобурнесѣ и другихъ подобныхъ убѣжищахъ безпокойства. Передъ мною стѣнной календарь, изданный религіозной газетой «Христіанскій Вѣстникъ», и на немъ виднѣются среди портретовъ духовныхъ проповѣдниковъ воинственные черты египетскаго героя, лорда Вольслея. Другіе признаки удостоверяютъ, что во всѣхъ странахъ процвѣтаетъ христіанская цивилизація, которой мы такъ кичимся. Пріятно также думать, что даже либералы были вынуждены примѣнять воинственную программу и поддерживать энтузіазмъ владѣльцевъ египетскихъ фондовъ славными побѣдами надъ безпомощными ближними, живущими на Востокѣ. Библия, мечъ и лазаретный фургонъ вездѣ торжествуютъ, и религія Христа всюду одерживаетъ верхъ. Еще одинъ шагъ, и достигнуть былъ бы золотой вѣкъ; этотъ шагъ, по мнѣнію многихъ набожныхъ христіанъ и членовъ комфортабельныхъ клубовъ, заключался бы въ томъ, чтобъ старыя раны безпокойной Ирландіи были залечены порохомъ и картечью.

Но этотъ предметъ слишкомъ печальный, чтобъ по поводу его изощряться въ сарказмахъ. Я стою лицомъ къ лицу съ страшнымъ фактомъ, что война все еще существуетъ и будетъ существовать, пока ее терпятъ при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ и подъ какимъ бы то ни было названіемъ проповѣдники христіанства, среди которыхъ всего могущественнѣе представители четвертаго сословія. Въ XIX вѣкѣ война должна быть просто невозможной, а если она возможна, то это доказываетъ, какъ не вполне христіанство освободило свѣтъ отъ всѣхъ гнетущихъ его золь.

Мой трудъ можетъ принести нѣкоторую пользу, но ни въ какомъ случаѣ не принесетъ вреда. Многіе признаютъ и громко одобряютъ его, какъ протестъ противъ деспотизма, олицетвореннаго Наполеономъ. Но я надѣюсь, что онъ представляетъ нѣчто больше, именно протестъ противъ войны, какъ наиболѣе ненавистнаго и смертоноснаго символа ретрограднаго движенія современныхъ политическихъ идей.

I.

При солнечномъ свѣтѣ.

— Роанъ! Роанъ! Развѣ ты меня не слышишь? Пора идти. Пойдемъ, пойдемъ! Мнѣ страшно смотрѣть внизъ на тебя. Иди на верхъ, Роанъ!

Произносившій эти слова голосъ терялся въ голубомъ пространствѣ, среди смутнаго шелеста крыльевъ и неяснаго щебета только что родившихся дѣтенышей морскихъ птицъ; а внизу на разстояніи тысячи футъ, на синемъ морѣ, омывавшемъ кроваво-красные, гранитные утесы, раздавался ясно, но не сильно-отвѣтный человѣческій крикъ.

Вдали на горизонтѣ водяной поверхности садилось солнце, и его послѣдніе золотые лучи живо освѣщали изрѣзанные разсѣлинами и расколоте бурями утесы Бретонскаго берега, зажигая огнемъ обнаженный камень на вершинѣ, превращая грубую траву въ блестящіе изумруды, окружая золотистой мглой желтые цвѣты нависшаго надъ пропастью дикаго терна и заливая ослѣпляющимъ сіяніемъ выдающуюся скалу, на концѣ которой была привязана веревка.

На самомъ краю этой скалы, подъ лучами заходящаго солнца, стояла молодая дѣвушка, громко кричавшая тому, кто невидимо висѣлъ въ пространствѣ.

Солнечный свѣтъ прямо падалъ на ея лице, такъ что она невольно жмурилась, а нѣжное дуновеніе моря лобызало вѣки ея ослѣпленныхъ глазъ.

Судя по ея сильно загорѣлому цвѣту лица, ее можно было принять за цыганку, но такія смуглыя лица, какъ у нея, часто встрѣчаются среди женщинъ кельтической расы на Бретонскомъ берегу, а ея большіе глаза были не цыгански-черные, а зѣрно-сѣрые, того таинственнаго цвѣта, который придаетъ имъ небесную мягкость, когда они дышатъ радостью и любовью, а могильный мракъ, когда выражаютъ гнѣвъ и ревность; дѣйствительно, смотря долго на такіе глаза, получаешь впечатлѣніе невѣдомой дотолѣ глубины страсти, гордыни и самообладанія. Молодая дѣвушка была высокаго роста, статная, хотя нѣсколько худошавая, съ маленькими ручками и ножками, такъ что еслибъ ея щеки были не такъ розовы, руки побѣлѣе, а поступь менѣе эластична, то она могла бы быть рожденной аристократкой.

Въ этотъ самый день, восемнадцать лѣтъ тому назадъ ея отецъ, вернувшись на зарѣ въ маленькое рыбацье селеніе съ громаднѣйшимъ въ тотъ сезонъ уловомъ, радостно узналъ, что Пресвятая Дѣва подарила ему послѣ трехъ сыновей давно желанную дѣвочку, которая доселѣ сохранила невинную красоту дѣтства. Она уже кажется женщиной, не переставая быть ребенкомъ, и солнце, играющее въ эту минуту на щекахъ всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ на сто миль вокругъ по Бретонскому берегу, не освѣщаетъ болѣе прелестнаго существа.

Подобно легендарной королевѣ Бертѣ, она держала въ рукахъ прялку, но никакая королевская одежда, какъ бы она ни была роскошна, не могла къ ней болѣе идти, чѣмъ строгій, но живописный костюмъ Бретонской поселанки, состоящій изъ скромнаго бѣлаго чепца, синяго платья съ красной каймой, хорошенькаго передника съ затканными цвѣтами, граціознаго корсажа, украшеннаго четками, и деревянныхъ башмаковъ.

— Роанъ, Роанъ!

Снова раздается ея голосъ, похожій на щебетъ птицы, и снова онъ замираетъ въ голубомъ пространствѣ.

Молодая дѣвушка положила свою прялку подлѣ виднѣвшихся на сосѣднемъ камнѣ деревянныхъ башмаковъ и широкой поярковой шляпы, легла на землю, припавъ лицомъ къ самому краю утеса, и, взявшись рукою за опускающуюся въ бездну веревку, посмотрѣла внизъ.

Висѣвшая въ пространствѣ фигура почувствовала ея прикосновеніе къ веревкѣ, и сіяющее лице посмотрѣло на нее съ улыбкой.

Съ минуту она видѣла подъ собой эту фигуру, окруженную цѣлой стаей морскихъ птицъ, а далѣе внизу бѣлѣлъ берегъ, и сверкала зеркальная поверхность моря. Но потомъ голова у нея закружилась, и, вскрикнувъ, она закрыла глаза. Громкій звучный смѣхъ долетѣлъ до нея и придалъ ей бодрости. Она снова посмотрѣла внизъ.

Какая глубина! Она теперь видитъ все чисто и ясно, но ея глаза останавливаются не на красныхъ рифахъ и гранитныхъ скалахъ, усѣянныхъ узорчатыми водяными папоротниками, не на одинокой Герландской Иглѣ, громадномъ, мѣловомъ монолитѣ, возвышающемся надъ морскими волнами, не на обнаженныхъ утесахъ, усѣянныхъ чайками, отдыхающими отъ долгой дневной рыбной ловли, не на тюленяхъ, лѣниво плавающихъ въ темныхъ заводяхъ у подножія скалъ, не на рыбацкѣй лодкѣ, тихо уходящей въ море съ медленно убывающимъ отливомъ. Всю эту картину она обнимаетъ быстрымъ взглядомъ, но ея черты тотчасъ исчезаютъ, и передъ нею виднѣтся только ловкая фигура юноши, который то съ быстротою козы перепрыгиваетъ съ одной скалы на другую, то какъ бы плаваетъ въ воздухѣ, придерживаясь за веревку. Онъ энергично работаетъ ногами и руками, занятый сборомъ птичьихъ яицъ. Вокругъ него кружатся и вьются безконечные ряды птицъ, наполняя воздухъ такой шумной, безпокойной сумятицей, что менѣе опытный птицеловъ сразу потерялъ бы голову. Онъ не обращаетъ никакого вниманія даже на гнѣвно-бросающихся на него самокъ, неудачно старающихся заклевать его босыя ноги. Вообще онъ какъ бы не сознаетъ грозящихъ ему опасностей и весело смѣется, словно его занятіе тѣмъ забавнѣе, чѣмъ болѣе представляется опаснымъ.

Нельзя смотрѣть безъ волненія на его живыя, быстрыя движенія среди пустаго пространства, надъ которымъ свѣтитъ солнце, и подъ которымъ сверкаетъ море. Голова его обнажена; волосы, золотисто-русые, падаютъ на его плеча и по временамъ опускаются на глаза, причемъ онъ откидываетъ ихъ назадъ поспѣшнымъ движеніемъ своей львиной головы. Все въ немъ напоминаетъ этого царя животныхъ, не только голова и шея, но и глаза, которые, даже сверкая, какъ въ настоящую минуту, поражаютъ страннымъ, устремленнымъ куда-то далеко, мечтательнымъ взглядомъ. Онъ также ловокъ, какъ силенъ, и вся его фигура отличается геркулесовскими размѣрами; не даромъ онъ принадлежитъ къ семьѣ Гвенферновъ, а на памяти людей ни одинъ Гвенфернъ не былъ ниже шести футовъ. Совершенно обнаженный и окаменѣлый, онъ могъ бы служить статуей Геракла, такъ онъ былъ великъ, строенъ и мускулистъ. Но даже въ теперешней его одеждѣ — темно-синей рубашкѣ съ открытымъ воротомъ, пестромъ кушакѣ и синихъ шароварахъ, подвязанныхъ надъ колѣнками красной лентой, онъ кажется достаточнымъ геркулесомъ. Энергично занимаясь своимъ дѣломъ, онъ уже почти наполнилъ темными, землянистаго цвѣта яйцами, прикрѣпленную къ его кушаку сѣтку.

Солнце близится къ закату, и его лучи, ударяя на красноватые утесы, ослѣпляютъ глаза, но птицеловъ смѣло смотритъ на верхъ, на смуглое лицо молодой дѣвушки, которое виднѣтся надъ нимъ среди бѣлоснѣжной стаи птицъ.

— Роанъ, Роанъ!— снова раздается ея крикъ.

Онъ машетъ своей палкой птицелова и съ улыбкой готовится къ возвращенію на утесъ.

— Иду, иду, Марселла!—отвѣчаетъ онъ.

И онъ медленно подымается съ помощью веревки, крючка своей палки и ногъ, которыми онъ ловко хватается за выдающіяся оконечности утеса. По временамъ камни обрываются подъ его тяжестью, и тогда онъ на минуту виситъ на воздухѣ, поддерживаемый лишь веревкой; но если онъ въ эти моменты какъ бы блѣднѣетъ, то не отъ страха, а благодаря напряженнымъ усиліямъ, заставляющимъ его быстрѣе переводить дыханіе. Голова у него не кружится, спокойный взглядъ его синихъ глазъ хладнокровно устремленъ то вверхъ, то внизъ, и онъ знаетъ каждую разсѣлину, каждый выступающій уголъ береговыхъ утесовъ. Онъ движется медленно, но, всетаки, черезъ нѣсколько минутъ кружившіяся вокругъ него, какъ снѣжинки, птицы находятся не надъ нимъ, а подъ нимъ; наконецъ онъ достигаетъ вершины утеса, захватывается колѣнками за его край и выскакиваетъ на зеленую траву подлѣ самой молодой дѣвушки.

Теперь передъ нимъ открывается вся окрестная панорама. На пурпурномъ небѣ рельефно выступаютъ покрытыя зелеными пастбищами горы, только что спаханная поля и купы деревьевъ, сквозь листву которыхъ виднѣются гнѣздящіяся другъ подлѣ друга фермы. Но онъ смотритъ только на одно смуглое лице и на одни блестящія глаза, которые съ любовью устремлены на него.

— Зачѣмъ ты такой смѣльчакъ, Роанъ? — произноситъ она мягкимъ бретонскимъ акцентомъ: — страшно подумать, еслибъ веревка оборвалась, или у тебя закружилась голова; Гильдъ и Хоэль говорятъ, что ты всегда дѣлаешь глупости. Нельзя человѣку лазить по Герландскому утесу.

II.

Роанъ и Марселла.

Пробраться туда, гдѣ никогда не бывалъ человѣкъ, залѣзть на такую высоту, куда рѣдко прокладываютъ себѣ дорогу козы, и знать всѣ тайныя убѣжища въ утесахъ, какъ знаютъ только ястребы, или вороны, вотъ въ чемъ заключалось все самолюбіе Роана. Онъ вполнѣ раздѣлялъ стремленія всего, что летаетъ, плаваетъ и пресмыкается на свѣтѣ. Онъ плавалъ, какъ рыба, ползалъ, какъ червякъ, и его счастье было бы полно, еслибъ онъ могъ летать, какъ птица, но и теперь никакая чайка не кружится надъ

вершинами утесовъ съ такою легкостью, какъ онъ съ помощью одной веревки носится въ пространствѣ, перелетая со скалы на скалу.

Всѣ поселяне и рыбаки въ Кромлѣ славятся умѣніемъ лазить по утесамъ, но никто не превосходитъ его въ смѣлости и хладнокровномъ мужествѣ. Онъ ходитъ, поднявъ голову, тамъ, гдѣ самые опытные птицеловы только пробираются ползкомъ. Конечно, онъ иногда падалъ и наносилъ себѣ тяжелыя поврежденія, но это только придавало ему новыя силы для еще болѣе отважныхъ подвиговъ.

Еще ребенкомъ Роанъ Гвенфернъ пасъ на этихъ утесахъ козъ и овецъ, оглашая уединенныя ущелья звуками своего маленькаго пастушескаго рожка. Мало-по-малу онъ усвоилъ себѣ всѣ тайны роковаго, омываемаго моремъ берега, и когда онъ возмужавъ сталъ ходить въ море вмѣстѣ съ своими товарищами рыбаками то, все-таки, сохранилъ свою раннюю любовь къ скаламъ. Пока другіе гуляли по берегу, сидѣли передъ своими жилищами, лѣнливо по-сматривали на растянутыя сѣти, или пили въ кабацкѣ, Роанъ любовался какимъ нибудь естественнымъ храмомъ, созданнымъ не человѣческими руками, или проникалъ, подобно призраку, съ факеломъ въ рукахъ въ мрачную пещеру, гдѣ тюленья самка кормила своего дѣтеныша, или наконецъ раздѣвшись плылъ по морю до подножья Герландской Иглы, гдѣ бакланы вьютъ свои гнѣзда. Даже въ зимнюю непогоду, когда птицы не покидаютъ отъ страха свои скалистыя убѣжища, когда пѣнистые валы потрясаютъ до основанія могучія скалы, и громадныя камни, отрываясь отъ утесовъ, съ шумомъ низвергаются въ морскую пучину, даже среди самой неистовой бури, Роанъ странствовалъ по берегу, не уступая чайкамъ въ ихъ страсти къ морю.

Эта страсть къ водѣ развивалась въ немъ изъ года въ годъ все болѣе и болѣе, хотя мудрые критики изъ числа городскихъ обитателей считаютъ такую страсть только удѣломъ поэтовъ, преимущественно лорда Байрона, и обвиняютъ въ нелѣпомъ сентиментализмѣ всякаго, кто приписываетъ подобную страсть береговому поселянину въ Бретани, или въ Ирландіи. Однако какъ пахарь любитъ свое поле, матросъ свой корабль и городской оборванецъ свою улицу, такъ горячо любилъ Роанъ море. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что, переселившись на нѣ сколько миль внутрь страны, онъ былъ бы самымъ несчастнымъ человѣкомъ на свѣтѣ. А что онъ любилъ море не съ цѣлью сентиментальничать, или позировать, но естественной, живой и горячей любовью, было вполне понятно. Море было его отцемъ.

Много дикихъ, но патетическихъ суевѣрій сохраняется еще на бретонскомъ берегу; много рассказываютъ еще тамъ нелѣпыхъ легендъ, которыя, однако, дышатъ животворящей вѣрой и художественной красотой. Въ числѣ подобныхъ легендъ, переходящихъ

изъ устъ въ уста, въ Кромлэ находится одна, въ основѣ которой лежитъ не пустая фантастическая мечта, а печальная правда. Въ ней говорится о томъ, какъ однажды въ лѣтнюю ночь рыбаки Рауль Гвенфернъ взялъ съ собою въ море своего маленькаго золотокудраго сына. Неожиданно поднялась страшная буря; флотилія рыбацкихъ лодокъ носилась безпомощно по сѣдымъ валамъ и наконецъ, когда всякая надежда на спасеніе исчезла, рыбаки, преклонивъ колѣна, молили о помощи Пресвятую Дѣву. Молился, подобно другимъ, и маленькій мальчикъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и крѣпко ухватившись за руку отца. Неожиданно невинный ребенокъ, и только онъ одинъ, увидалъ среди окружавшаго мрака и разъяренныхъ морскихъ волнъ ярко свѣтившійся образъ Пресвятой Дѣвы, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она стоитъ въ маленькой часовнѣ на берегу. Вскорѣ послѣ этого буря стихла, и вся флотилія рыбацкихъ лодокъ благополучно вернулась съ моря. Только среди смѣлыхъ моряковъ не доставало одного человѣка. Ребенокъ въ отчаяніи кричалъ «папа», но отецъ не откликался на этотъ зовъ; волна унесла его въ пучину. Обливаясь слезами, ребенокъ рассказалъ о томъ видѣніи, которое представилось его глазамъ. Выйдя изъ лодки, онъ побѣжалъ къ матери и, бросившись къ ней на шею, созналъ всю горечь сиротства; съ того дня у него не было другого отца, какъ море.

Его мать, теперь бѣдная вдова, жила въ каменной хижинѣ на краю селенія. Дарованный небомъ ей подъ старость, по особой милости Пресвятой Дѣвы, внявшей ея молитвамъ, Роанъ съ годами становился все красивѣе, и его лице все болѣе и болѣе отличалось какимъ-то сіяющимъ видомъ, что мать объясняла въ глубинѣ своего сердца небеснымъ видѣніемъ, явившимся ему на морѣ.

Съ теченіемъ времени эта легенда достигла до мѣстнаго патера; онъ пошелъ къ вдовѣ, увидалъ ребенка, осмотрѣлъ его голову, такъ какъ онъ кичился знаніемъ френологіи, и пришелъ въ восторгъ отъ сіяющаго его лица. Для патера было несомнѣнно, что Небо совершило чудо, а чудеса были слишкомъ рѣдки, чтобъ ими не воспользоваться. Поэтому онъ предложилъ вдовѣ воспитать Роана въ религіозномъ духѣ и со временемъ сдѣлать его служителемъ алтаря. Конечно, это предложеніе было принято со слезами радости, и патерь, человѣкъ въ своемъ родѣ замѣчательный и отличавшійся нѣкоторыми знаніями, взялъ мальчика къ себѣ въ домъ. Его положеніе совершенно измѣнилось, и вмѣсто того, чтобъ пасти козъ на утесахъ, онъ сталъ учиться грамотѣ, латинской грамматикѣ и даже первымъ началамъ греческаго языка. Онъ оказался очень послушнымъ ребенкомъ и не жалуясь вставалъ на зарѣ, когда еще было темно, чтобъ сопровождать патера въ церковь. Но, съ другой стороны, онъ обнаруживалъ особую страсть къ праздности и свободѣ. Чѣмъ онъ становился старше, тѣмъ эта страсть въ немъ

болѣе развивалась, и онъ часто уходилъ въ море съ рыбаками или цѣлый день бѣгалъ по берегу, купался и ловилъ креветовъ, при этомъ онъ пропадалъ именно въ то время, когда онъ былъ всего нужнѣе патеру. Однажды, его принесли домой со сломанной ключицей отъ паденія со скалы, гдѣ онъ старался отбить гнѣздо у разъяреннаго ворона, а два или три раза онъ едва не утонулъ.

Патеръ все это терпѣливо переносилъ, надѣясь, что мальчикъ образумится, но мало-по-малу Роанъ сталъ задавать ему такіе вопросы, что патеръ становился втупикъ. Тогда все еще носились въ воздухѣ революціонныя идеи, хотя существовала имперія, и 93 годъ едва коснулся Кромлэ. Роанъ сталъ въ тайнѣ читать свѣтскія книги, глаза его открылись, и маленькій язычекъ сталъ болтать; вскорѣ патеръ съ отвращеніемъ увидаль, что мальчикъ былъ слишкомъ уменъ.

Когда пришло время послать его въ семинарію, онъ взбунтовался и прямо объявилъ, что ни за что не пойдетъ въ служители алтаря. Это былъ тяжелый ударъ для матери, и она возстала противъ своего ребенка, но, къ ея удивленію, патеръ принялъ его сторону.

— Полно, добрая женщина, — сказалъ онъ, — не надо насилловать ребенка. Жизнь патера тяжелая, и можно служить Богу инымъ образомъ.

Слыша это, Роанъ просіялъ, а его мать сказала, качая головой.

— Это невозможно.

— Совершенно возможно — продолжалъ патеръ, — да будетъ во всемъ воля Божія, и лучше быть хорошимъ рыбакомъ, чѣмъ дурнымъ патеромъ.

Дѣло кончилось тѣмъ, что мальчикъ вернулся домой. По правдѣ сказать, патеръ былъ очень радъ, что отдѣлался отъ него. Онъ ясно видѣлъ, что Роанъ не былъ такимъ юношей, изъ котораго легко сдѣлать святаго человѣка, и, что онъ рано или поздно сдѣлается еретикомъ, а, можетъ быть, полюбитъ женщину. Но, все-таки, онъ не безъ сожалѣнія отказался отъ дальнѣйшаго руководства своего ученика, такъ какъ было большой потерей для церкви не обратить въ свою пользу легенду о явившемся ему на морѣ видѣніи. Впрочемъ, онъ скоро нашель болѣе подходящаго себѣ аколита (свѣщеносецъ) и совершенно забылъ о томъ разочарованіи, которое возбудилъ въ немъ маленькій сирота.

Между тѣмъ, Роанъ вернулся къ своей прежней жизни съ восторженной радостью птицы, освобожденной изъ клѣтки. Онъ легко убѣдилъ мать, что все устроилось къ лучшему, такъ какъ, сдѣлавшись патеромъ, онъ долженъ былъ бы ее покинуть, а теперь онъ навсегда останется съ ней, займетъ въ ихъ жилищѣ мѣсто своего отца и будетъ утѣшеніемъ ея старости. Онъ ненавидѣлъ только два рода жизни; и тотъ и другой заставилъ бы его разстаться съ матерью. Онъ ни за что не хотѣлъ быть патеромъ, по-

тому что не любилъ духовной жизни и не могъ бы жениться на своей двоюродной сестрѣ Марселлѣ. Онъ не желалъ и, слава Богу, не могъ быть солдатомъ, такъ какъ былъ единственнымъ сыномъ вдовы.

Но наступилъ 1813 годъ, и великій императоръ, успѣшно уничтоживъ страхъ иноземнаго вторженія, который овладѣлъ всей Франціей послѣ его печальнаго возвращенія изъ Москвы, теперь готовилъ своимъ врагамъ ударъ, отъ котораго они должны были погибнуть навсегда. Ходили самые странные слухи, но ничего неизвѣстно было опредѣленнаго. Въ весеннемъ воздухѣ стояла та роковая тишина, которая предшествуетъ грозѣ и землетрясенію.

Однако въ Кромлѣ, уединенномъ и грустномъ уголкѣ бретонскаго берега, солнце сіяло, и море искрилось подъ его лучами, какъ будто Москвы никогда не существовало, массы французскихъ труповъ не валялись подъ русскимъ снѣгомъ, и мученическая Франція не проклинала въ тайнѣ своего тирана. Эхо войны слабо слышалось тамъ, и Роанъ не обращалъ на него никакого вниманія. Счастье эгоистично, а Роанъ былъ счастливъ. Жизнь казалась ему сладкимъ блаженствомъ, и это блаженство заключалось въ томъ, что онъ дышалъ, существовалъ и былъ свободенъ. Смотрѣть на солнце, любоваться утесами и пещерами, слѣдить за бѣлыми парусами на морѣ и столбами дыма, подымавшимися къ небу изъ трубъ рыбацкихъ хижинъ, слушать назидательныя бесѣды толстаго патера и странные рассказы о битвахъ и походахъ его стараго дяди, наполеоновскаго служаки, внимать игрѣ его двоюродныхъ братьевъ Алена и Яника на волынкѣ, отыскивать птичьи гнѣзда, ловить сельдей въ тихую ясную ночь, а лучше всего гулять по берегу съ Марселлой, смотрѣть ей въ глаза и цѣловать ее въ губы — ничто не могло быть лучше, слаще этой жизни.

А Марселла?

Она была дочь сестры его матери и единственная племянница стараго капрала, у котораго она жила съ четырьмя взрослыми могучими братьями. Съ дѣтства онъ побѣдилъ ея сердце своей безбоязненной смѣлостью, и они постоянно бывали вмѣстѣ, какъ настоящіе птенцы природы. Старшіе братья скучали въ ея обществѣ и проводили все свободное время или въ кабачкѣ, или ухаживая за другими молодыми дѣвушками, а Роанъ искалъ всегда случая остаться съ нею наединѣ и, пользуясь своимъ родствомъ, обращался съ нею очень нѣжно. Онъ любилъ ея темные глаза и черные волоса, ея милое, ласковое обращеніе и наивный культъ его смѣлости. Она была въ дѣтствѣ товарищемъ его игръ, теперь она была его подругой, а вскорѣ должна была перемѣнить это названіе на болѣе серьезное. Но бракъ между такими родственниками не одобрялся въ Бретанѣ, и необходимо было для этого получить особое разрѣшеніе епископа; къ тому же они еще ни однимъ словомъ не обмолвились между собою о своей любви.

Безъ сомнѣнія, они понимали другъ друга; юность и страх умѣютъ выражаться безъ словъ. Юноши и молодыя дѣвушки находятъ въ обществѣ другъ друга такое же счастье, какое они испытываютъ, смотря на лучезарное солнце, вдыхая въ себя свѣжій, благоуханный воздухъ и гуляя подъ безоблачнымъ, лазуревымъ небомъ.

Взобравшись теперь на утесъ, Роанъ стоитъ подлѣ молодой дѣвушки и молча слушаетъ ея упреки, а потомъ вмѣсто отвѣта беретъ ее за голову обѣими руками и цѣлуетъ ее на обѣ щеки.

Она смѣется и краснѣетъ.

Затѣмъ онъ направляется къ гранитной глыбѣ, на которой оставилъ свою шляпу и деревянные бушмаки.

Солнце мало-по-малу исчезаетъ на морскомъ горизонтѣ. Пурпурный закатъ, горѣвшій около часа, все болѣе и болѣе блѣднѣетъ. Фантастическіе образы, созданные имъ, разсѣиваются, и въ воздухѣ становится гораздо свѣжѣе. Красные рифы, мокрый песокъ и сверкающія заводи подъ тѣнью выдающихся утесовъ теряютъ свой яркій колоритъ; морскія птицы возвращаются къ своимъ гнѣздамъ въ расщелинахъ утесовъ; вдали на темнѣющемъ морѣ виднѣется рыбацья лодка, а на вершинѣ утеса, на которомъ стоятъ молодые люди, не вдалекѣ возвышается часовня Мадонны, служащая желаннымъ маякомъ для моряковъ, возвращающихся съ моря. Всю эту картину Роанъ обнялъ однимъ взглядомъ и, держа свою палку птицелова въ одной рукѣ, а веревку въ другой, онъ направился по проторенной тропинкѣ къ часовнѣ. За нимъ послѣдовала Марселла.

Но не успѣли они сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ большая бѣлая коза выскочила изъ-завыдающей скалы и, остановившись, стала пристально на нихъ смотрѣть. Очевидно, она ихъ узнала, потому что начала медленно приближаться къ нимъ, громко выражая свое удовольствіе.

— Посмотри,—воскликнула молодая дѣвушка:—это Янедикъ.

Коза подошла къ ней еще ближе и стала тереться объ ея платье. Потомъ она приблизилась къ Роану и положила свой подбородокъ на его протянутую руку.

— Что ты тутъ дѣлаешь, Янедикъ, такъ далеко отъ дома?—спросилъ съ улыбкой Роанъ:—ты все бродишь и когда нибудь сломаешь себѣ шею. Пора уже спать Янедикъ.

Эта коза принадлежала матери Роана, и она любила не менѣе его самого бѣгать по утесамъ, всѣ тайныя убѣжища которыхъ ей были хорошо извѣстны. Ея большіе каріе глаза не свѣтились сознаниемъ, но она приходила на свистъ, какъ собака, позволяла деревенскимъ дѣтямъ кататься на ея спинѣ и вообще была образованнѣе большинства козъ, которыми изобиловалъ берегъ.

Янедикъ послѣдовала за Роаномъ и Марселлой, останавливаясь по временамъ, чтобъ пощипать траву, но когда они набожно вошли въ часовню, то она повернулась и тихо пошла одна домой.

Маленькая часовня была открыта днемъ и ночью. Ее построили рыбаки и съ немалымъ трудомъ принесли снизу изъ селенія необходимый матеріалъ. Она была очень чистенькая и гнѣздилась на самомъ высокомъ изъ окрестныхъ утесовъ, словно бѣлая птица, остающаяся неподвижной во всякую погоду.

Въ ней не было теперь никого, и послѣдній отблескъ солнечнаго заката игралъ, проникая черезъ разноцвѣтное окно, на грубо написанной картинѣ, изображавшей Пресвятую Дѣву, которая является матросамъ, спасающимся на плоту отъ кораблекрушенія въ открытомъ морѣ. Подъ этой картиной стоитъ престолъ, а за нимъ виднѣлась статуя Мадонны въ атласномъ платьѣ. Вся она увѣшана ожерельями изъ цвѣтныхъ бусъ, вѣнками изъ шелковыхъ цвѣтовъ, мѣдными изображеніями Божіей Матери и деревянными четками.

Марселла крестясь опускается на колѣни.

Роанъ, стоя и держа въ рукѣ шляпу, смотритъ на картину надъ престоломъ.

Въ маленькой часовнѣ все становится темнѣе и темнѣе; ея мрачныя стѣны усиливаютъ мракъ, и солнечный закатъ едва освѣщаетъ наклоненную голову Марселлы.

Здѣсь обитаетъ вѣра и, что еще драгоцѣннѣе, миръ и любовь.

Миръ царитъ въ этотъ вечеръ на землѣ; миромъ и любовью дышатъ сердца всѣхъ людей.

Неужели на слѣдующее утро омрачитъ землю тѣнь меча!

III.

Соборъ Роана.

Не вдалекѣ отъ часовни Мадонны, но внизу подъ утесами, на морскомъ берегу, стоитъ соборъ, великолѣпнѣе всѣхъ храмовъ, сооруженныхъ рукою человѣка; кровомъ ему служитъ лазуревое небо, а стѣнами пурпурные, красные, зеленые и золотые утесы, полъ же состоитъ изъ естественной мозаики. Люди называютъ главный входъ въ этотъ соборъ воротами св. Гильда, но самый соборъ не имѣетъ ни имени, ни прихожанъ.

При низкой водѣ въ ворота св. Гильда можно входить въ обуви, при полуприливѣ туда проникаютъ лишь въ бродъ, по поясъ въ водѣ, а при полномъ приливѣ доступъ въ соборъ открытъ только смѣлому пловцу.

Двѣ гигантскія стѣны изъ краснаго гранита выступаютъ съ двухъ сторонъ изъ фона скалы и соединяются на краю моря высокою аркой, украшенной мокрымъ нависшимъ мхомъ. Изъ этого колоссальнаго входа ясно виднѣется громадная зала съ стѣнами,

фантастически изваянными вѣтромъ и водой, на подобіе мраморныхъ колоннъ, нишъ и т. д.; тутъ нѣтъ, правда, цвѣтныхъ оконъ, но зато сверху простирается безоблачно синее небо, по которому кружатся морскія чайки, кажущіяся издали, при яркомъ солнцѣ, блестящими бабочками. Царящій по угламъ этого природнаго храма религіозный полумракъ рисуется передъ глазами суевѣрныхъ людей статуи Мадонны и святыхъ, а на полу, покрытомъ водорослями и гальками, возвышаются мѣстами большіе камни, кажущіеся гробницами, на которыхъ въ полночный часъ покоятся, словно привидѣнія, морскіе тюлени.

Суевѣріе приписываетъ этой живописной мѣстности легенду, основанную на историческомъ фактѣ.

Дѣйствительно, тутъ въ незапамятныя времена стоялъ большой монастырь, основанный человѣческими руками и окруженный плодородной равниной, но монахи этой обители были великіе грѣшники, оскверняли ее присутствіемъ веселыхъ женщинъ и всячески омрачали славу Божію. Но Богъ въ своемъ милосердіи послалъ къ нимъ св. Гильда, чтобъ предупредить ихъ о грозившей имъ небесной карѣ, если они не покаются и не прекратятъ своей грѣшной жизни. Въ холодную зимнюю ночь святой постучался въ ворота обители; холодный, голодный, мучимый жаждой, онъ едва держался на ногахъ и стучалъ очень слабо полузамерзшей рукой; сначала монахи не слышали его стука и продолжали свой веселый пиръ, а потомъ когда увидѣли его изможденное лицо, нищенскую одежду и босыя ноги, то стали гнать его прочь. Тогда святой началъ просить ихъ пріютить его ради Пресвятой Дѣвы и вмѣстѣ съ тѣмъ громко предупреждалъ ихъ, что ихъ постигнетъ гнѣвъ Божій, если они не покаются, но злые монахи захлопнули ворота ему въ лицо и со смѣхомъ удалились. Св. Гильдъ поднялъ руки къ небу, проклиная недостойную обитель и воззвалъ къ морю, заклиная его покрыть своими волнами убѣжище грѣха. Дѣйствительно, море зашумѣло, набѣжало на монастырь, смыло его кровлю, придало совершенно иную форму его храму и уничтожило всѣхъ его обитателей. До сихъ поръ, по словамъ легенды, существующій соборъ напоминаетъ о томъ, что когда-то было.

Хотя въ этомъ соборѣ и не было прихожанъ, но два человѣческія существа часто его посѣщали.

Роанъ и Марселла сидѣли въ немъ, спустя нѣсколько дней послѣ ихъ вечерней прогулки по утесамъ. Было время отлива, море было спокойно, и на полу собора не видно было ни одной капли воды, но на немъ свѣтилась еще сырость отъ послѣдняго прилива, и водоросли блестѣли красноватымъ оттѣнкомъ подъ солнечными лучами.

Молодые люди помѣщались на выдающейся сухой скалѣ подъ главнымъ утесомъ и смотрѣли на верхъ. На что? На алтарь.

Высоко надъ ихъ головами вся задняя стѣна, имѣвшая до ста квадратныхъ футовъ, была какъ бы покрыта занавѣсью изъ мха, по которому изъ различныхъ скрытныхъ источниковъ струились потоки хрустальной воды, блестящей милліонами брызгъ на подобіе драгоценныхъ камней. А съ верху этого природнаго алтаря, переливавшего всѣми цвѣтами радуги, виднѣлось среди фантастическихъ очертаній утеса большое черное пятно, казавшееся отверстиемъ пещеры.

— Не пора ли намъ идти,—сказала Марселла:—еслибъ море вернувшись застало насъ здѣсь, то что стало бы съ нами? Хоэль Гральонъ погибъ отъ подобной неосторожности.

На лицѣ Роана показалась улыбка самодовольнаго сознанія своихъ физическихъ и умственныхъ силъ.

— Хоэль былъ просто дуракъ,—сказалъ онъ:—и ему слѣдовало сидѣть дома. Ты знаешь, Марселла, изъ моего собора можно выйти двойкою: когда приливъ не большой, и погода тихая, то можно дожидаться отлива здѣсь у алтаря, такъ какъ вода выше не подымается, а въ бурную погоду можно взлѣзть вонъ въ ту пещеру,—прибавилъ онъ, показывая рукой на черное отверстіе надъ алтаремъ,—и даже добраться до вершины утеса.

— Не всякій можетъ ползать, какъ муха, по этой отвѣсной стѣнѣ,—замѣтила молодая дѣвушка, пожимая плечами.

— Во всякомъ случаѣ не трудно взлѣзть до пещеры, такъ какъ въ стѣнѣ есть много разсѣлинъ и выдающихся камней, которые служатъ ступенями.

— Но еслибъ мы туда и добрались, то это не повело бы ни къ чему. Это черное отверстіе кажется входомъ въ адъ, и никто не рѣшится заглянуть туда.

Говоря это, Марселла набожно перекрестилась.

— Внутренность пещеры, если зажечь тамъ огонь, походить на часовню Мадонны. Тамъ совершенно сухо, и можно пріятно жить; это настоящее жилище для русалокъ съ ихъ дѣтенышами.

Роанъ засмѣялся, а Марселла снова перекрестилась.

— О Роанъ, не говори никогда о такихъ ужасахъ.

— Тамъ нѣтъ ничего ужаснаго, Марселла, и я съ удовольствіемъ ночевалъ бы въ этомъ спокойномъ убѣжищѣ. Единственное различіе между постелью и ложемъ изъ мха въ этой пещерѣ заключается во множествѣ тамъ летучихъ мышей.

— Летучія мыши! у меня дрожь пробѣгаетъ по тѣлу при одной мысли о нихъ.

Марселла была смѣлой, мужественной, молодой дѣвушкой, но питала женское отвращеніе къ нечистымъ и ползучимъ тварямъ. Она походила въ этомъ на Шарлоту Кордэ, которая убила Марата, но вздрагивала при видѣ мышенка.

— Что же касается до утеса наверху,—сказалъ съ улыбкой

Роанъ,—то я не разъ видалъ, какъ Янедикъ лазила до самой вершины, и я безбоязненно послѣдовалъ бы ея примѣру. Это гораздо легче, чѣмъ взобраться на Герландскій утесъ. Къ тому же на все воля Божія, и его милосердая десница спасаетъ часто людей отъ еще болѣе опасной.

Они оба замолчали. Марселла смотрѣла на блестящій жемчугами и брилліантами естественный алтарь, а Роанъ опустил глаза на книгу, которая лежала у него на колѣняхъ, старинный, грубо напечатанный томъ, страницы котораго были сшиты навошечеными нитками. Онъ читалъ, или, лучше сказать, казалось, что онъ читалъ, а въ сущности онъ всецѣло предавался радостному сознанію, что Марселла сидѣла подлѣ него, что онъ слышалъ ея дыханіе и ощущалъ теплое прикосновеніе ея платья.

Неожиданно онъ выведенъ былъ изъ своихъ пріятныхъ мечтаній.

— Если мы еще останемся здѣсь,—воскликнула молодая дѣвушка, вскакивая:—то мнѣ придется снять башмаки и чулки. Я лучше побѣгу.

И она быстро направилась къ воротамъ, но Роанъ не послѣдовалъ за ней.

— Еще много времени,—сказалъ онъ, не двигаясь съ мѣста и смотря сквозь ворота на море, которое, повидимому, уже такъ высоко поднялось, что готово было разлиться во всѣ стороны:—вернись и не бойся. У насъ еще остается полчаса, а что касается до башмаковъ и чулковъ, то, конечно, ты не забыла, какъ мы въ старину ходили босикомъ по берегу во время прилива. Приди сюда, Марселла, и посмотри.

Она повиновалась. Взглянувъ сомнительно на возвышавшуюся воду у воротъ, она медленно вернулась и сѣла подлѣ своего двоюроднаго брата. Его сила и мужественная красота плѣняли ее, какъ онъ плѣнили бы любую молодую дѣвушку на бретонскомъ берегу; положивъ свою загорѣлую руку на его колѣно и смотря ему прямо въ глаза, она чувствовала какое-то непонятное таинственное влеченіе къ нему.

— Посмотри,—продолжалъ онъ, указывая на ворота:—не правда ли, зеленая масса воды какъ будто рвется сюда, чтобы затопить насъ, какъ она нѣкогда затопила здѣшнюю обитель.

Марселла устремила свои глаза на ворота.

Для непривычнаго къ этой мѣстности глаза уже теперь выходъ казался невозможнымъ. Море какъ бы напирало на ворота, скрывая воздухъ и небо. На поверхности зеленоватой воды виднѣлся большой тюлень, жадно заглядывавшій во внутренность собора, а цѣлая стая голубей влетѣла въ ворота и, пронесшись надъ головами молодыхъ людей, исчезла въ мрачной пещерѣ надъ алтаремъ.

— Пойдемъ,—промовила Марселла въ полголоса.

— Сиди спокойно,—отвѣчала Роанъ вставая и, закрывъ книгу, дотронулся рукой до ея плеча:—только черезъ полчаса ворота будутъ походить на пасть гигантскаго чудовища. Ты помнишь сказку о морскомъ чудовищѣ, дѣвѣ, прикованной къ скалѣ, и храброе крылатое юношѣ, который спасъ ее и превратилъ чудовище въ камень.

— Помню,—отвѣчала Марселла, улыбаясь и слегка краснѣя.

Не разъ Роанъ, имѣвшій пристрастіе къ мѣологіи и волшебнымъ сказкамъ, рассказывалъ ей прелестный мифъ о Персеѣ и Андромедѣ. Не разъ она воображала себя прикованной къ скалѣ дѣвой, а въ красивомъ юношѣ, прилетавшемъ къ ней на помощь, видѣла Роана. Что же касается до убійства чудовища, то она хорошо знала, что Роанъ былъ способенъ на подобныя подвиги, а въ виду его безбоязненной смѣлости и ловкости, выказываемой имъ, когда онъ лазилъ по утесамъ, словно летая въ пространствѣ, можно было предположить, что у него дѣйствительно крылья.

Между тѣмъ, быстро набѣжавшій приливъ покрывалъ ворота пѣнистыми брызгами, а самыя ворота, мрачно выдававшіяся на зеленой водѣ, казались головой и пастью страшнаго чудовища, подобнаго тѣмъ чудовищамъ, которыя представлялись греческимъ морякамъ и представляются доселѣ бретонскимъ матросамъ на изрѣзанныхъ утесами берегахъ ихъ родины.

— Вотъ и морское чудовище,—сказалъ Роанъ.

— Да, громадный красный утесъ похожъ на чудовищную пасть.

— Дѣйствительно онъ показался бы тебѣ пастью, еслибъ ты могла остаться здѣсь подольше. Вскорѣ утесъ станетъ разрывать напирющія на него волны до тѣхъ поръ, что его красная пасть станетъ бѣлой отъ пѣны и черной отъ различныхъ растений, принесенныхъ водой; а воздухъ наполнится такимъ шумомъ валовъ, словно ревомъ чудовища. Я не разъ здѣсь сиживалъ во время бури, и мнѣ казалось, что старая сказка становилась былью, и чудовище является передо мною.

— Ты наблюдалъ за всѣмъ этимъ изъ пещеры наверху?

— Однажды меня засталъ здѣсь приливъ, и мнѣ пришлось дожидаться до солнечнаго заката; тогда буря стихла, но приливъ продолжался. Волны ударили въ ворота, а до самаго верха и невозможно было проникнуть сюда и мухѣ. Я былъ голоденъ и не зналъ, что дѣлать. Весело было смотрѣть, какъ вода клокотала, пѣнясь и переливаясь всѣми оттѣнками зеленаго цвѣта, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь сидимъ; но нельзя было насытиться такимъ зрѣлищемъ. Я все ждалъ; уже становилось темно, а отливъ не наступалъ. Страшно было оставаться въ пещерѣ, изъ стѣнъ которой какъ бы выступали старые монахи при мерцаніи звѣздъ на небѣ. Я оставилъ шляпу и башмаки у входа пещеры, слѣзъ внизъ по

выдающимся камнямъ и бросился въ воду, которая чернѣла подо мною, какъ могила.

— Ахъ!—воскликнула Марселла со страхомъ и крѣпко схватилась за руку Роана.

— Сначала я думалъ,—продолжалъ юноша:—что попадѣ въ адъ, такъ какъ меня окружила стая черныхъ баклановъ, изъ которыхъ одинъ нырнулъ и сталъ клевать мнѣ ногу, но я стряхнулъ его и поплылъ къ воротамъ. Громадныя волны едва проникали въ отверстие и скрывали за собою свѣтъ, но я замѣтилъ, что когда каждая волна поднявшись падала, то виднѣлся верхъ арки. Поэтому я доплылъ до нея и сталъ ждать удобной минуты, чтобъ нырнуть въ воду, такъ какъ проплыть подъ аркой, всетаки, было невозможно. Наступилъ страшный моментъ. Я затаилъ дыханіе, бросился головой внизъ, сдѣлалъ нѣсколько торопливыхъ движеній подъ водой и, наконецъ, задыхаясь, поднялся на поверхность.

— Ну, и что-жь?

— Я находился на гребнѣ большой волны; передо мной было море, а надо мною звѣздное небо. Я подумалъ, что былъ спасенъ, но въ эту минуту набѣжалъ сѣдой валъ, высокой, какъ гора, и я снова нырнулъ; когда я очутился вторично на поверхности, то громадный валъ бѣшено разбивался о ворота св. Гильда. Мнѣ оставалось только проплыть небольшое пространство до лѣстницы св. Трифина.

Молодая дѣвушка съ восторгомъ посмотрѣла на юнаго атлета и улыбнулась.

— Теперь пойдемъ,—сказала она:—если случится снова то, что ты только что рассказывалъ, то одинъ изъ насъ непремѣнно погибнетъ.

— Пойдемъ.

— Вотъ уже волна проникла въ ворота, намъ таки надо идти въ бродъ.

— Такъ что-жь, вода теплая.

Роанъ стоя снялъ съ себя башмаки и чулки, а Марселлѣ пришлось сѣсть, чтобъ сдѣлать то же самое. Потомъ онъ взялъ ее за руку, и они пошли по водѣ, причемъ молодая дѣвушка нервно содрогалась отъ прикосновенія своихъ маленькихъ бѣленькихъ ножекъ къ холодному камню.

Съ каждымъ шагомъ вода становилась глубже, и Марселла должна была, освободивъ свою руку, приподнимать юбку выше колѣна. Но она не краснѣла отъ этой необходимости обнаруживать свое прекрасное тѣло; она знала, что ноги ея были прелестны, и не стыдилась ихъ показывать. Къ тому же истинная скромность не заключается въ томъ, чтобъ скрывать физическія красоты, которыми природа одарила женщину, и большой вопросъ, почему неприлично показывать красивую ногу, а прилично оголять безобразную руку.

Только въ одномъ отношеніи Марселла понимала физическую стыдливость. По бретонскому обычаю она всегда старательно прятала свои черные, опускавшіеся до плечъ кудри подъ большой бѣлый чепецъ, и даже Роанъ никогда не видалъ ея обнаженной головы. Волоса для нея были чѣмъ-то священнымъ, недоступнымъ для чужихъ глазъ.

Они благополучно достигли до воротъ, но тамъ Марселла остановилась въ отчаяніи. Вода быстро прибывала, и передъ ней открывался необозримый океанъ. Чтобъ достигнуть сухого берега, имъ необходимо было обогнуть выдававшуюся въ море стѣну, а вода тамъ казалась очень глубокой.

— Вотъ видишь, — воскликнула съ отчаяніемъ молодая дѣвушка, — я тебѣ говорила, Роанъ!

— Не бойся, — отвѣчалъ онъ съ улыбкой: — держи передникъ.

Она молча повиновалась, и онъ, бросивъ ей въ передникъ ихъ общую обувь и книгу, взялъ ее на руки, какъ перо.

— Однако, ты стала тяжелѣе, чѣмъ прежде, — сказалъ онъ со смѣхомъ.

Марселла одной рукой поддерживала свой передникъ, а другой крѣпко обхватила шею Роана. Онъ же шелъ тихими, но вѣрными шагами по водѣ, которая мало-по-малу становилась все глубже и въ концѣ стѣны достигала до его бедра.

— А если ты спотыкнешься? — воскликнула Марселла.

— Я не спотыкнусь, — отвѣчалъ спокойно Роанъ.

Марселла не была въ этомъ увѣрена, и все крѣпче прижималась къ нему. Она не боялась, потому что не было настоящей опасности, но она отличалась чисто женственнымъ страхомъ воды. Поставьте ее въ дѣйствительно опасное положеніе, и она пошла бы смѣло на бой хоть съ океаномъ, встрѣтила бы смерть съ хладнокровнымъ мужествомъ, но брызги воды возбуждали въ ней нервное отвращеніе.

Обогнувъ стѣну, Роанъ уже шелъ только по колѣно въ водѣ, но онъ умѣрилъ свои шаги и, очевидно, медлилъ, не желая разстаться съ своей драгоценной ношей. Его сердце безумно билось, а глаза и щеки горѣли отъ восторженного счастья.

— Роанъ, скорѣе! Не медли!

Онъ обернулся и впервые посмотрѣлъ на нее. Дрожь пробѣжала по всему его тѣлу, и голова у него закружилась. Бѣлый чепецъ Марселлы сбился назадъ, и ея черные волоса, освободившись изъ-подъ него, рассыпались волной вокругъ ея щекъ и шеи, которыя горѣли чарующимъ румянцемъ дѣвичьяго стыда, такъ какъ бретонская дѣва хранить свои волоса, какъ святыню, для того, кого полюбить.

Эти священные волоса прикоснулись теперь къ лицу Роана;

онъ ощущалъ ихъ нѣжную мягкость, ихъ одуряющее благоуханіе. Кровь прилила къ его вискамъ, и руки его задрожали.

— Спусти меня, Роанъ! Скорѣе!

Онъ уже стоялъ на сухой землѣ, но все еще держалъ ее въ своихъ мощныхъ рукахъ. Ея волоса прикасались къ его губамъ, и онъ покрывалъ ихъ безумными поцѣлуями.

— Я люблю тебя, Марселла!

IV.

Друидскій камень.

Въ человѣческой любви есть моментъ, когда любящія сердца впервые соединяются въ сознаніи влекущаго ихъ другъ къ другу чувства. Этотъ моментъ составляетъ высшую точку небснаго блаженства, съ которымъ не сравнятся никакіе послѣдующіе восторги безумной страсти. Онъ теперь наступилъ для Роана и Марселлы. Завѣса, скрывавшая ихъ любовь, поднялась, и они поняли обуревавшія ихъ стремленія и желанія.

Часто цѣлыми часами и днями они бродили по берегу. Съ дѣтства они были всегда вмѣстѣ, но родство ихъ было такъ близко, что никто не удивлялся этому, и даже злые языки не шутили надъ ними. Поэтому, хотя Роану было двадцать четыре года, а Марселлѣ восемнадцать, никто не думалъ наблюдать за ними, и они оставались такими же товарищами, какъ въ дѣтствѣ. Молодая дѣвушка гуляла съ своимъ двоюроднымъ братомъ такъ же, какъ она гуляла съ своими родными братьями, рослыми Аленомъ, Хозлемъ и Гильдомъ.

Конечно, соединявшее ихъ нѣжное чувство не было для нихъ совершенно невѣдомо. Любовь чувствуется прежде, чѣмъ ее высказываютъ, возбуждаетъ дрожь прежде, чѣмъ ее можно видѣть, и наполняетъ сердце трепетнымъ изумленіемъ прежде, чѣмъ умъ ее сознаетъ. Молодые люди считали другъ друга лучше и красивѣе всѣхъ существъ на свѣтѣ, хотя для нихъ оставалась тайной причина, почему они такъ думали.

Но неожиданно растрепавшіеся волосы Марселлы открыли имъ тайну, уничтожили препятствіе, возвышавшееся между ними, и обнаружили скрыто пылавшую доселѣ въ ихъ сердцахъ страсть. Въ одно мгновеніе они перешли изъ холодной атмосферы дѣйствительности въ идеальную страну пламенной любви. Они впервые сознали, что значитъ любить и жить. Однако, черезъ мгновеніе они снова вернулись къ обыденной дѣйствительности.

Онъ продолжалъ держать ее на рукахъ и не хотѣлъ спустить на землю. Волосы ея падали ему на лице волшебнымъ дождемъ. Она не могла ни говорить, ни сопротивляться.

— Я люблю тебя, Марселла,—повторилъ онъ:—а ты?

Она устремила на него свои сверкавшіе страстью глаза, потомъ закрыла ихъ и вмѣсто отвѣта молча прильнула своими губами къ его губамъ.

Этотъ отвѣтъ былъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ, нѣжнѣе всякихъ взглядовъ. Ихъ уста встрѣтились въ долгомъ поцѣлуѣ, и сердца ихъ забились въ унисонъ.

Тогда Роанъ опустилъ на землю молодую дѣвушку; она жмурилась и дрожала, словно что-то ослѣпило и сразило ее. Въ то же мгновеніе онъ схватилъ ее снова и покрылъ поцѣлуями ея руки, щеки, губы.

Но теперь она какъ бы очнулась и, нѣжно освобождаясь изъ его объятій, тихо промолвила:

— Довольно, Роанъ, насъ увидятъ съ утесовъ.

Она нагнулась и подняла всѣ выпавшія вещи изъ ея передника, а потомъ сѣла на камень, отвернулась отъ Роана и надѣла чулки. Но еслибъ онъ могъ видѣть ее въ эту минуту, то замѣтилъ бы, что ея лице сіяло странной, счастливой радостью. Наконецъ, она заправила свои волосы подъ чепецъ и встала блѣдная, но спокойная.

Въ подобныхъ обстоятельствахъ женщина скорѣе овладѣваетъ собой, чѣмъ мужчина, и Роанъ, также обувшійся, еще попрежнему дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Марселла, ты меня любишь,—сказалъ онъ:—я не вѣрю своему счастью.

Онъ взялъ ее за обѣ руки, притянулъ и поцѣловалъ, но на этотъ разъ въ лобъ.

— А развѣ ты этого не зналъ?—спросила она.

— Не могу сказать, кажется, зналъ, но я боялся, что ты не рѣшишься меня любить, потому что я твой двоюродный братъ. Мы знаемъ другъ друга съ дѣтства, и, однако, мнѣ это все кажется такъ ново, такъ странно.

— И мнѣ также.

Она тихо пошла по берегу, и Роанъ послѣдовалъ за ней.

— Но ты меня любишь, Марселла?

— Я всегда тебя любила.

— Но не такъ, какъ теперь?

— Не такъ,—отвѣчала она, краснѣя.

— И ты никогда мнѣ не измѣнишь?

— Мужчины измѣняютъ, а не мы женщины.

— А ты-то не измѣнишь мнѣ?

— Нѣтъ, никогда.

— И ты выйдешь за меня замужъ?

— Если Богу угодно.

— Конечно.

- И если разрѣшитъ епископъ.
- О, мы добьемся его благословенія.
- И если согласятся братья и дядя.
- Объ этомъ не безпокойся.

Наступило молчаніе. Роанъ не былъ въ сущности вполнѣ увѣренъ въ согласіи дяди, стараго капрала, который отличался странными идеями, составлявшими контрастъ съ мыслями Роана. Онъ могъ встрѣтить какія нибудь препятствія для ихъ брака и, какъ человекъ рѣшительный, принять мѣры для осуществленія своего взгляда. Но опасеніе, чтобъ старый капралъ помѣшалъ его счастью, только на мгновеніе омрачило лице Роана, и оно тотчасъ снова прояснилось.

День былъ свѣтлый, и подъ блестящими лучами солнца ярко обрисовывались всѣ извилины гористаго берега. Море было спокойно, и надъ его гладкой поверхностью виднѣлась легкая мгла, какъ дыханье на зеркалѣ. Въ воздухѣ кружились два ворона, а надъ ними простиралось синее небо, мѣстами заволакиваемое бѣлыми перистыми облаками.

Молодые люди вскорѣ остановились передъ ступенями, выбитыми въ утесѣ отчасти природой, отчасти рукой человѣка. Это была лѣстница св. Трифина.

Подниматься по ней было тяжело и даже мѣстами опасно, такъ какъ нѣкоторые камни изъ ступеней выпали, а оставшіеся отъ нихъ слѣды были очень скользкій. Роанъ схватилъ рукой талию Марселлы и помогалъ ей взбираться на верхъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, они останавливались, чтобъ перевести дыханье, и потомъ продолжали путь. Наконецъ они достигли поляны, покрытой травой, на верху утесовъ и, опустившись на землю, стали отдыхать, потому что Марселла очень устала.

Они съ охотой остались бы здѣсь навсегда: такъ они были счастливы. Для нихъ было достаточно дышать однимъ воздухомъ, находиться рядомъ и держать другъ друга за руку. Всякое обыкновенное слово на ихъ устахъ казалось имъ чѣмъ-то божественнымъ, и все окружающее неожиданно приняло въ ихъ глазахъ небесный характеръ.

Однако, когда они наконецъ направили свои шаги домой, то ихъ разговоръ перешелъ на практическіе предметы.

— Я не скажу ни слова ни дядѣ, ни братьямъ, даже Гильду, — произнесла Марселла: — надо все это хорошо обдумать и торопиться нечего.

— Конечно, — отвѣчалъ Роанъ: — можетъ быть, они и такъ догадуются.

— Какъ они могутъ догадаться, если мы будемъ вести себя благоразумно? Мы родственники и не будемъ встрѣчаться чаще прежняго.

— Правда.

— И при встрѣчѣ нѣтъ надобности намъ обнаруживать своей сердечной тайны.

— Конечно. И я не скажу ни слова своей матери.

— Не для чего ей и говорить, она все узнаетъ современемъ. Мы ничего не дѣлаемъ дурнаго, и не грѣшно имѣть тайну отъ своей семьи.

— Еще бы.

— А все селеніе стало бы болтать, и твоя мать больше всѣхъ, еслибъ наша тайна открылась. Для добраго имени молодой дѣвушки не хорошо, чтобъ болтали объ ея свадьбѣ, пока дѣло не совершенно рѣшено.

— А развѣ наша свадьба не совершенно рѣшена?

— Да, я думаю, что она рѣшена, но все можетъ случиться.

— А ты, Марселла, вѣдь любишь меня?

— Я люблю тебя, Роанъ.

— Въ такомъ случаѣ одинъ Богъ насъ разлучить, а онъ справедливъ.

Говоря такимъ образомъ, они приблизились къ громадному камню, который, какъ гигантское живое существо, возвышался надъ окружавшей его на нѣсколько миль страной. Это былъ Друидскій камень, или Менхиръ, и такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что, смотря на него, всякій невольно задавалъ себѣ вопросъ, какъ его поставили на тонкій конецъ. Онъ находился на берегу, какъ мрачный маякъ, и только на его вершинѣ виднѣлся желѣзный крестъ, всегда бѣлѣвшійся отъ сидѣвшихъ на немъ бѣлыхъ птицъ.

Этотъ крестъ былъ знаменіемъ того, что старая вѣра была побѣждена новой; но Друидскій камень оставался въ прежнемъ видѣ и спокойно смотрѣлъ на море, какъ нѣчто вѣчное, неизмѣнное. Онъ находился тутъ вѣками, и хотя невозможно опредѣлить время его происхожденія, но несомнѣнно, что онъ воздвигнутъ въ ту легендарную эпоху, когда мрачные дубовые лѣса покрывали эту безлѣсную теперь поляну, когда море было такъ далеко, что шумъ волнъ не нарушалъ лѣсной тишины, и когда друиды освящали этотъ камень человѣческой кровью. Все измѣнилось на морѣ и на землѣ: безконечныя расы людей исчезли одна за другой; горы песку распались, громадныя лѣса низверглись и мало-по-малу сгнили, а море упорно, неизмѣнно подвигалось, все болѣе и болѣе заливая и уничтожая всѣ памятники прошедшихъ вѣковъ. Одинъ только Друидскій камень остался на своемъ мѣстѣ, дожидаясь того отдаленнаго еще часа, когда море подойдетъ къ нему и поглотитъ его. Онъ устоялъ противъ всѣхъ стихій, противъ вѣтра, дождя, снѣга и землетрясенія. Не устоять ему только передъ напоромъ моря.

Когда молодые люди подошли къ этому камню, то съ его желѣзнаго креста улетѣлъ черный ястребъ и, тяжело хлопая крыльями, спустился въ зияющую подъ ними бездну.

— Учитель Арфоль, — произнесъ Роанъ: — рассказывалъ, что этотъ камень кажется древнимъ гигантомъ, который окаменѣлъ за пролитіе человѣческой крови, и мнѣ его слова всегда напоминали исторію жены Лота.

— А кто она была?—спросила молодая дѣвушка:—у насъ въ приходѣ не слыжать такого имени.

Марселла была вполнѣ невѣжественна и даже не вѣдала исторіи своей религіи. Подобно большинству поселянъ, она знала только то, чему ее учили патерьъ и изображенія Богородицы, Христа и святыхъ.

Роанъ не улыбнулся; его знаніе библіи было случайное и отрывочное.

— Она бѣжала изъ города нечестивыхъ людей, — сказалъ онъ, — и Богъ приказалъ ей не смотрѣть назадъ, но женщины любопытны, и она нарушила приказаніе Божье, за что онъ превратилъ ее въ камень такой же, какъ этотъ, только соленый.

— Она была большая грѣшница, но и наказаніе ей положено тяжелое.

— Мнѣ самому кажется, что этотъ камень былъ когда-то живымъ существомъ, посмотри, Марселла. Это просто чудовище съ бѣлой бородой.

— Боже, избави, — промолвила молодая дѣвушка крестясь.

— Развѣ ты не слыхала, какъ моя мать рассказываетъ, что большіе камни на равнинѣ не что иное, какъ окаменѣлые призраки мертвецовъ, и что въ Рождественскую ночь они оживаютъ, купаются въ рѣкѣ и утоляютъ свою жажду.

— Это глупости.

— Да вѣдь также глупости, — сказалъ Роанъ съ улыбкой, — и рассказы патера о томъ, что каменные лица въ церковномъ фасадѣ окаменѣлые дьяволы, которые хотѣли помѣшательствовать сооруженію церкви и превращены за это небесными ангелами въ каменные изваянія.

— Можетъ быть, это и правда, — замѣтила Марселла: — мы много не можемъ понять.

— Ты этому вѣришь? А учитель Арфоль говоритъ, что это глупости.

— Учитель Арфоль странный человѣкъ, — произнесла Марселла послѣ минутнаго молчанія: — говорятъ даже, что онъ не вѣритъ въ Бога.

— Это пустяки. Онъ добрый человѣкъ.

— Я сама слышала отъ него нечестивыя рѣчи, а дядя прямо назвалъ бы ихъ святотатствомъ. Онъ выражалъ постыдную надежду, чтобъ императоръ потерпѣлъ пораженіе и былъ убитъ.

Лице молодой дѣвушки пылало негодованіемъ, а ея голосъ дрожалъ отъ злобы.

— Онъ такъ прямо и сказалъ?—спросилъ Роанъ глухо.

— Да, трудно повѣрить, чтобъ ктонибудь смѣлъ говорить такъ о великомъ, добромъ императорѣ. Еслибъ дядя слышалъ эти слова, то онъ убилъ бы его на мѣстѣ.

Роанъ зналъ, что это былъ вопросъ щекотливый, и не тотчасъ отвѣчалъ.

— Марселла,—сказалъ онъ наконецъ, опуская глава на землю:—многіе раздѣляютъ мнѣніе учителя Арфюля.

Марселла посмотрѣла ему прямо въ лице и замѣтила, что онъ поблѣднѣлъ.

— О чемъ?

— О томъ, что императоръ зашелъ слишкомъ далеко, и что Франціи было бы лучше, еслибъ онъ умеръ, или даже вовсе не родился.

Лице молодой дѣвушки выразило гнѣвъ и страданія. Страшно слышать святотатственныя рѣчи противъ культа, которому поклоняешься душой и тѣломъ. Она вздрогнула и конвульсивно сжала руки.

— И ты этому вѣришь?—произнесла она шепотомъ и едва не отскочила отъ него.

Роанъ понялъ угрожающую ему опасность и, стараясь вывернуться, отвѣтилъ:

— Ты слишкомъ торопишься, Марселла: я не сказалъ, что учитель Арфюль правъ.

— Онъ дьяволъ!—воскликнула молодая дѣвушка съ яростью, обнаруживавшею въ ней принадлежность къ солдатской семьѣ:—подобные ему трусы разбиваютъ сердце добраго императора. Они не любятъ Франціи, и Богъ накажетъ ихъ на томъ свѣтѣ.

— Быть можетъ, они уже наказаны и на этомъ свѣтѣ,—замѣтилъ Роанъ съ сарказмомъ, на который не обратила вниманія разгнѣванная Марселла.

— Великій добрый императоръ,—продолжала она,—любитъ свой народъ, словно родныхъ дѣтей; онъ нисколько не гордъ и пожалъ руку дядѣ, называя его товарищемъ; онъ готовъ умереть за Францію и прославилъ ея имя во всемъ свѣтѣ. Его обожаютъ всѣ, кромѣ злыхъ, нечестивыхъ людей. Онъ, послѣ Бога, Пресвятой Дѣвы и Предвѣчнаго Младенца, достоинъ всяческаго обожанія. Это гений, это святой. Я каждую ночь молюсь Богу за него, прежде за него, а потомъ за дядю. Еслибъ я была мужчиной, то сражалась бы за него. Дядя отдалъ ему свою бѣдную ногу, а я отдала бы ему свое сердце, свою душу.

Всѣ черты ея лица дышали какимъ-то религіознымъ энтузіазмомъ, и она сложила руки, какъ бы на молитвѣ.

Роанъ молчалъ.

Неожиданно она обернулась къ нему и съ сверкающими глазами, въ которыхъ гнѣвъ затмевалъ любовь, воскликнула:

— Говори же, Роанъ, и ты противъ него? Ты его ненавидишь?

Роанъ вздрогнулъ и проклялъ ту минуту, когда затронулъ этотъ несчастный вопросъ.

— Боже, избави,—отвѣтилъ онъ:— я ни къ кому не питаю ненависти. Но зачѣмъ ты объ этомъ спрашиваешь?

— Потому что,—произнесла Марселла, поблѣднѣвъ какъ смерть,— я тогда ненавидѣла бы тебя, какъ я ненавижу всѣхъ враговъ Бога и великаго императора.

V.

Учитель Арфоль.

Не успѣла она произнести этихъ словъ, какъ Роанъ спокойно положилъ одну руку ей на плечо, а другой указалъ на фигуру, стоявшую на краю утеса, не вдалекѣ отъ Дриудскаго камня, къ которому они теперь подошли.

Чернѣвшаяся на голубомъ фонѣ неба, фигура казалась сверхестественныхъ размѣровъ и походила на тѣ каменные призраки, о которыхъ говорилъ Роанъ. Это былъ долгоязыый, сухощавый, словно скелетъ, человѣкъ съ сѣдыми волосами, падавшими ему на спину, и руками, висѣвшими, какъ плети. Онъ стоялъ неподвижно, словно камень.

Его одежда заключалась въ широкой шляпѣ, курткѣ безъ талии и шароварахъ, носимыхъ бретонскими поселянами. Его черные чулки были заштопаны во многихъ мѣстахъ, а старомодные кожаные башмаки едва держались ни ногахъ. Съ перваго взгляда весь его костюмъ, старый, изношенный, въ заплаткахъ, свидѣтельствовалъ объ его крайней бѣдности.

— Посмотри,—сказалъ Роанъ шепотомъ:—это учитель Арфоль.

Молодая дѣвушка отшатнулась все еще подъ впечатлѣніемъ овладѣвшаго ею гнѣва, но Роанъ взялъ ее за руку и пошелъ съ нею, нашептывая ей нѣжныя слова любви. Она слѣдовала за нимъ, но лице ее попрежнему выражало какое-то суевѣрное отвращеніе.

Приближающіеся шаги заставили неподвижно стоявшаго человѣка медленно обернуться.

Если его фигура казалась похожей на призракъ, то его лице имѣло еще болѣе призрачный видъ. Оно было длинное, морщинистое, съ горбатымъ носомъ, тонкими губами и блѣдными безъ кровинки щеками. Большіе черные глаза отличались сосредоточеннымъ, туманнымъ выраженіемъ и какъ-то странно дико сверкали. Вообще это было лице словно мертвеца, и оно невольно возбуждало ужасъ.

Но, увидавъ Роана, онъ улыбнулся, и все лицо его такъ проясло, что казалось прекраснымъ. Но это продолжалось только одну минуту; улыбка исчезла и снова замѣнилась прежней изможденной блѣдностью.

— Роанъ,—воскликнулъ онъ яснымъ, мелодичнымъ голосомъ:— и моя маленькая Марселла!

Роанъ почтительно снялъ шляпу, а Марселла, не измѣняя своего выраженія лица, покраснѣла и поклонилась.

Въ этомъ человѣкѣ было что-то возбуждавшее въ ней страхъ. Она могла его не любить, когда онъ былъ въ отсутствіи, но при немъ она сознавала, что находится подъ его вліяніемъ. Хотя онъ былъ бѣденъ, и многія изъ его мнѣній дѣлали его непопулярнымъ, но онъ обладалъ той демонической и чарующей силой, которую Гете видѣлъ въ Бонапартѣ и признавалъ характеристичной особенностью мощнаго характера.

Читатели ближе познакомятся съ личностью учителя Арфолья, по мѣрѣ того какъ будутъ проходить передъ ними странныя событія, послужившія основой этого разсказа, а теперь достаточно сказать, что онъ былъ странствующій учитель, переходившій съ фермы на ферму, съ поля на поле. Сидя съ нимъ на зеленомъ пастбищѣ, въ уединенной пещерѣ или на высокихъ утесахъ, Роанъ научился у него многому, между прочимъ—мечтать.

Набожные люди говорили, что лице учителя было такъ блѣдно потому, что онъ видѣлъ роковыя событія, когда на Парижъ были спущены всѣ адскія силы, упоминаемыя въ откровеніи. Онъ никогда не входилъ въ церковь, но молился на открытомъ воздухѣ и хотя предпочиталъ свободу въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, но читалъ библію дѣтямъ; онъ былъ другомъ многихъ патеровъ и многихъ воиновъ, но одинаково не терпѣлъ церковныя церемоніи и битвы. Однимъ словомъ онъ былъ отверженецъ, и его кровомъ было небо, а постелью земля, но святая печать природы лежала на немъ, и, переходя съ мѣста на мѣсто, онъ всюду являлся съ ореоломъ этой святости на своемъ челѣ.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ онъ не бывалъ въ окрестностяхъ Кромлэ, и его появленіе было теперь совершенной неожиданностью.

— Вы давно у насъ не бывали, учитель Арфоль,—сказалъ Роанъ, пожимая ему руку.

— Я на этотъ разъ уходилъ очень далеко, до самаго Бреста,—отвѣчалъ онъ,— но мои странствія были печальны: въ каждомъ селеніи я видѣлъ Рахиль, плачущую о своихъ дѣтяхъ. Много произошло перемѣнъ, сынъ мой, и еще болѣе готовится. Я вернулся, какъ вы видите, и нахожу великій камень неизмѣненнымъ, неподвижнымъ. Одна смерть вѣчна.

Говоря это, онъ указалъ рукой на Друидскій камень.

— А есть дурныя вѣсти?—спросилъ съ безпокойствомъ Роанъ.

— Откуда вѣзаться добрымъ? Но вы—дѣти и ничего не понимаете. Скажите мнѣ, почему этотъ холодный, бездушный камень сохраняется неизмѣннымъ, а люди и города, горы и лѣса, боги и короли уничтожаются и безслѣдно исчезаютъ? Тысячу лѣтъ тому назадъ этотъ камень былъ обогрѣнъ кровью; тогда людей приносили въ жертву и теперь дѣлаютъ то же.

Онъ говорилъ тихо, словно разсуждая самъ съ собою. Въ рукѣ онъ держалъ библию на бретонскомъ нарѣчїи, которую онъ постоянно читалъ дѣтямъ.

Наступило молчанье, и онъ медленно пошелъ съ молодыми людьми по зеленой полянѣ, а когда они достигли ея края, то передъ ними показался Кромлэ, лежащій на самомъ берегу моря и залитый блестящими лучами солнца.

Этотъ ослѣпительный свѣтъ игралъ на шпицахъ домовъ, на чисто выбѣленныхъ стѣнахъ и на деревянныхъ, черепичныхъ или соломенныхъ крышахъ. Хижины гнѣздились на самомъ краю моря, а между ними виднѣлись шалашы, устроенные изъ опрокинутыхъ лодокъ, и хотя большинство ихъ служило сараями для сѣтей, вѣсель и т. д., но въ нѣкоторыхъ жили бѣднѣйшіе изъ жителей, что доказывалось синимъ дымомъ, выходящимъ изъ желѣзныхъ трубъ. Подлѣ самыхъ домовъ и шалашей колыхался на водѣ, такъ какъ теперь былъ приливъ, цѣлый флотъ рыбацкихъ лодокъ, походившихъ своими острыми черными носами на баклановъ.

Море не только простиралось передъ Кромлэ, но и окружало его со всѣхъ сторонъ, и даже его воды протекали подъ нимъ. Дѣйствительно могучій океанъ просачивался невидимо подъ поверхностью земли и, образуя на разстояніи нѣсколькихъ миль невидимыя заводи, наконецъ выходилъ наружу и составлялъ цѣлую систему зеленоватыхъ, мрачныхъ озеръ Керъ-Леона. Находясь на недалекомъ разстояніи отъ другихъ человѣческихъ жилищъ, это селеніе, убаюкиваемое морскими бурями, жило среди постоянныхъ опасеній смерти отъ наводненія и жадно устремляло свои взоры на мелькавшіе вдали бѣлые паруса.

Съ обѣихъ его сторонъ возвышается гигантская каменная стѣна, омываемая океаномъ, который вмѣстѣ съ вѣтромъ и бурями придаетъ ей фантастическія архитектурныя формы; хотя эту стѣну вѣчно точатъ, колеблютъ и рвутъ на части разъяренныя стихїи, но она продолжаетъ стоять крѣпко, неподвижно, господствуя съ своими выдающимися утесами, мрачными пещерами и колоссальными монолитами надъ вѣчно волнующимся моремъ. Миля за милю тянется она въ своемъ дикомъ величїи и, только въ одномъ мѣстѣ какъ бы разорванная землетрясеніемъ, она представляетъ глубокую впадину, въ которомъ и гнѣздятся Кромлэ, а за нимъ зеленая долина, орошаемая мрачной рѣкой.

Вѣчно угрожаемое и вѣчно спасаемое природой, маленькое се-

леніе возвышается надъ подземной водой, такъ какъ рѣка, проходя чрезъ Керъ-Леонскія озера, исчезаетъ въ землѣ и тайно прокладываетъ себѣ дорогу къ морю подъ самыми хижинами Кромлэ, которыя дрожатъ на своихъ ненадежныхъ основахъ при каждой бурѣ, при каждомъ сильномъ приливѣ.

Однако въ тотъ день, когда учитель Арфоль смотрѣлъ на него съ высоты утесовъ, все было тихо и мирно въ селеніи. Дѣти играли на берегу вокругъ лодокъ, а рыбаки чинили сѣти или лѣнливо лежали на пескѣ, покуривая трубки. Синеватый дымъ изъ трубъ хижинъ прямо поднимался къ безоблачному небу. Селенье безмолвствовало и какъ бы переводило дыханье послѣ тяжелаго труда.

На нѣкоторомъ разстояніи за послѣдними хижинами, на зеленомъ пространствѣ возвышалась среди маленькаго кладбища небольшая красная гранитная церковь съ черепичной крышей и высокой колокольной. Солнечные лучи прямо падали на нее, и съ вершины утесовъ были видны громадныя каменное распятіе у дверей церкви и стѣны костника, украшенныя нѣсколькими черепами въ видѣ *memento mori*.

— Еслибъ камни могли говорить, — сказалъ учитель Арфоль, смотря на Кромлэ, — то они рассказали бы намъ страшную быль. Нѣкогда вся окрестная страна была покрыта лѣсами, а внизу протекала большая рѣка, и на ея берегахъ стоялъ громадный городъ, населенный людьми, которые поклонялись чуждымъ богамъ.

— Я слышалъ объ этомъ не разъ отъ матери, — замѣтилъ Роанъ: — и говорятъ, что въ былыя времена въ Рождественскую ночь слышался колокольный звонъ, и мертвецы, возставъ изъ могилъ, ходили по селенію. Старуха Бриё, умершая въ прошедшее Рождество, увѣряла, что она слышала и видѣла все это передъ смертью.

— Бабы сказки, — произнесъ съ печальной улыбкой учитель Арфоль: — суевѣрныя бредни! Мертвые спятъ непробуднымъ сномъ.

— Вы ничему не вѣрите, учитель Арфоль, — сказала Марселла, считая необходимымъ заступиться за мѣстныя традиціи: — но старуха Бриё была добрая женщина и не стала бы лгать.

— Все это суевѣріе, а всякое суевѣріе зло, — произнесъ спокойно учитель: — въ религіи, въ политикѣ, въ жизни, дитя мое, суевѣріе приноситъ людямъ проклятье. Оно побуждаетъ ихъ бояться мертвецовъ, призраковъ и темноты, оно заставляетъ ихъ терпѣливо выносить злыхъ правителей, потому что они представляются имъ олицетвореніемъ судьбы. Суевѣріе заливаетъ землю кровью и наполняетъ горечью сердца тѣхъ, которые любятъ своихъ ближнихъ. Благодаря суевѣрью, люди превращаютъ злаго человѣка въ божество, заставляютъ всѣхъ поклоняться ему и умираютъ за него, словно онъ дѣйствительно Богъ.

— Это правда, — замѣтилъ Роанъ, смотря съ безпокойствомъ на Марселлу, и, чтобъ переменить разговоръ, прибавилъ: — нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь нѣкогда находился большой городъ.

— Не надо глубоко копать землю, чтобъ найти его слѣды,— отвѣчалъ учитель:— да, здѣсь былъ большой городъ съ мраморными домами и золотыми храмами, съ общественными купальнями и театрами, со статуями боговъ и прекрасной рѣкой, на берегу которой красовались роскошныя виллы, среди садовъ, усѣянныхъ цвѣтами. Друидскій камень все это видѣлъ и пережилъ. Большой городъ былъ созданъ, подобно многимъ другимъ, человѣческой кровью, и его граждане принадлежали къ числу палачей человѣчества; каждый изъ нихъ имѣлъ мечъ въ рукахъ, и у каждаго руки были обогреты кровью. Они заслужили гнѣвъ Божій, и ихъ собственные боги не могли ихъ спасти. Эти древніе римляне были расой волковъ, сынами Каина. Что же сдѣлалъ съ ними Господь? Онъ стеръ ихъ съ лица земли. Онъ поднималъ свою десницу,— продолжалъ учитель такимъ торжественнымъ тономъ, словно онъ пророчествовалъ, а не рассказывалъ о событіяхъ прошедшаго,—и море, возставъ, поглотило городъ. Всѣ мужчины, женщины и дѣти были погребены въ одной водяной могилѣ, и тамъ они доселѣ спятъ.

— И будутъ спать до страшнаго суда,—прибавила Марселла.

— Нѣтъ, они уже осуждены и покоятся вѣчнымъ сномъ,— произнесъ учитель,—только суевѣрье этого не признаетъ.

Марселла хотѣла отвѣчать, но громкое слово «суевѣрье» заставило ее замолчать. Она очень смутно понимала его значеніе, но оно звучало очень убѣдительно. Это было любимое слово учителя Арфоля, и подъ нимъ онъ разумѣлъ цѣлый рядъ различныхъ идей.

Роанъ не произнесъ ни слова; онъ былъ удивленъ странному волненію, которое, очевидно, обнаруживалось въ учителѣ, и, зная его обычное веселое добродушіе, онъ не могъ понять, почему имъ овладѣло такое грустное настроеніе. Для него было ясно, что случилось нѣчто необыкновенное, и что учитель не хотѣлъ высказать всего, что зналъ, при Марселлѣ.

Между тѣмъ они начали спускаться къ селенію, и учитель, замѣтивъ въ рукахъ Роана книгу, спросилъ:

— Что вы читаете?

Роанъ подаль ему книгу: это былъ грубо напечатанный переводъ Тацита на французскій языкъ вмѣстѣ съ латинскимъ текстомъ.

— О чемъ тутъ говорится? — воскликнулъ онъ, забывая, что самъ научилъ юношу читать подобныя книги:— все о кровавыхъ дѣлахъ, о битвахъ и столахъ народа подъ игомъ тирановъ. Боже мой, это слишкомъ ужасно. Даже въ Божіей книгѣ,—прибавилъ онъ, указывая на Библию:—все та же исторія мученичества человѣческаго рода. И Божья книга и Божья земля дышатъ кровью.

Марселла вздрогнула, она не могла слышать подобнаго богохульства и начала:

— Учитель Арфоль...

Но онъ продолжалъ, не обращая никакого вниманія на нее:

— Всегда и во всякое время, съ начала міра, были люди, чувствовавшіе жажду убивать своихъ ближнихъ и безумно стремившіеся къ войнѣ, къ славѣ. Быть можетъ, этотъ Друидскій камень представляетъ окаменѣлаго римскаго императора, который, всетаки, въ своемъ окаменѣломъ видѣ сознавалъ, что дѣлалось вокругъ него, какъ тираны проливали кровь народа, и какъ погибали цѣлыя королевства. Подобную мысль можно также назвать суевѣрной, но я съ удовольствіемъ превратилъ бы въ камень каждаго тирана. Тогда не было бы больше войны, потому что не нашлось бы Каина, проливающего кровь и доводящаго народъ до безумія.

Марселла не вполнѣ поняла смыслъ этихъ словъ, но они рѣзали ей ухо, и она, не обращаясь къ учителю, а устремляя на Рона гнѣвно сверкающіе глаза, воскликнула:

— Только трусы боятся войны. Дядя Евенъ былъ храбрый солдатъ и проливалъ свою кровь за Францію, за чтó получилъ прекрасную медаль съ портретомъ императора. Наша родина великая страна, и войны съ нечестивыми сдѣлали ее великой. Одни дурные люди возстаютъ противъ добраго императора, отъ этого происходятъ войны, и императоръ въ этомъ не виноватъ.

Учитель грустно улыбнулся. Онъ зналъ культъ молодой дѣвушки къ императору и, не нападая на ея идола, сказалъ добродушнымъ мягкимъ тономъ:

— Такъ говоритъ дядя Евенъ? Ну, чтожъ, онъ храбрый человекъ. А вы, моя маленькая Марселла, хотите знать, чтó такое война? Посмотрите.

Онъ указалъ рукой во внутрь страны, и молодая дѣвушка взглянула по направленію его руки.

Вдали надъ извиающимися по долинѣ зелеными изгородами возвышалось другое каменное распятіе, но столь пострадавшее отъ времени и людей, что лишь привычный взглядъ могъ опредѣлить, что это такое. Отъ него только сохранились одна рука и часть туловища, но голова и все остальное исчезло, а то, что осталось, почернѣло отъ дождя и было полускрыто растущимъ вокругъ терновникомъ.

— Вотъ война,—продолжалъ торжественнымъ тономъ учитель Арфоль:—всѣ наши дороги усѣяны такими разрушенными мраморными изображеніями. Евангеліе любви исчезло съ лица земли. Весь свѣтъ—громадное поле битвы, а Франція—колоссальный костникъ. Да, вы правы, дитя мое, императоръ божество.

Марселла ничего не отвѣчала. Сердце ея было переполнено гнѣвомъ, но она не чувствовала себя въ состояніи опровергать его. «Онъ измѣнщикъ, — думала она, — и еслибъ императоръ его услышалъ, то приказалъ бы его казнить». Но тутъ она взглянула на его изможденное испитое лицо, на его большіе печальные глаза, и ея гнѣвъ тотчасъ перешелъ въ сожалѣніе. «Бѣдный, — сказала

она сама себѣ:—онъ не виновать, отъ горя онъ поглубѣль, и одинокая жизнь довела его до безумія».

Въ это время они достигли селенія и медленно двигались по узенькой извиистой тропинкѣ, которая проходила у самыхъ стѣнъ старой церкви. Неожиданно Марселла пожала руку Роану и, бросивъ послѣдшій взглядъ на учителя, быстро исчезла.

— Марселла теперь ушла, — сказалъ, спустя нѣсколько минутъ, Роанъ:—разскажите, что случилось? Что нибудь страшное?

Учитель поднялъ голову и тихо произнесъ:

— Не торопитесь узнать дурныя вѣсти, онѣ всегда доходятъ слишкомъ скоро. Готовится гроза, вотъ и все.

— Гроза?

— Да. Снѣга Россіи—недостаточная для насъ могила, намъ готовить другую—воды Рейна. Мы наканунѣ новаго набора рекрутъ.

Роанъ вздрогнулъ. Онъ понималъ, что это значило.

— И на этотъ разъ исключены будутъ только отцы семействъ, а единственные сыновья станутъ вынимать жребій вмѣстѣ со всѣми другими. Готовьтесь, Роанъ.

Сердце молодого человѣка тревожно забилося, и холодъ пробѣжалъ по его спинѣ. Новый, безыменный страхъ овладѣлъ имъ.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но церковная дверь открылась, и изъ нея вышелъ патеръ, съ четками на одной рукѣ и коротенькой трубкой въ зубахъ.

VI.

Рахиль плачетъ о своихъ дѣтяхъ.

Патеръ Роланъ шелъ, переваливаясь со стороны на сторону, грудью и животомъ впередъ; ноги у него были короткія и толстыя, а руки длинныя, мускулистыя. Хотя все его объемистое тѣло было покрыто значительнымъ слоємъ жира, но онъ далеко не былъ сибаритомъ и могъ бѣгать, прыгать и драться на кулачкахъ не хуже любого молодца въ Кромлѣ. Лице его до того загорѣло отъ солнца и вѣтра, что приняло цвѣтъ краснаго дерева, а черные глаза блестяли, какъ угли; ротъ же отличался вмѣстѣ твердымъ и веселымъ выраженіемъ. На ходу онъ казался въ своей поношенной рясѣ, широко обхватывавшей его дородную фигуру на коротенькихъ ногахъ, въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ, какимъ-то чудовищнымъ воробьемъ.

Дѣйствительно онъ обладалъ двумя свойствами воробья: чрезвычайнымъ терпѣніемъ и добродушной сварливостью. Его жизнь была тяжелая и подвергала его немалымъ опасностямъ. Онъ вставалъ съ утренней зарей, хотя, по правдѣ сказать, часто ложился

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ДЕКАБРЬ 1893 Г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 4-й.

Альбицкій, В. Коническія зубчатая колеса, ихъ теорія, расчетъ и вычерчиваніе. Изд. 2-е перед. и дополн. М. 1893 г. Ц. 50 к.

Альбрехтъ, Г., д-ръ. Кормленіе дѣтей въ первый годъ жизни. Руководство для матерей. Перев. подъ ред., съ примѣч. и дополн. д-ра Л. Финкельштейна. (Попул. Библ. мед. знаній, т. III). Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Альманахъ «русскаго охотника» на 1894 годъ. М. 1893 г. Ц. 50 к.

Андерсенъ. Собраніе сочиненій въ 4-хъ томахъ. Переводъ съ датскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Изданіе будетъ выходить въ свѣтъ выпусками (по 7—8 листовъ). Всего 16 вып. Цѣна изд. по подпискѣ безъ перес. 6 р., съ перес. 8 р. Вышелъ вып. 1-й. (Отдѣльныхъ вып. и томовъ въ продажѣ не будетъ).

— Иллюстрированныя сказки. Полное собраніе, въ 6-ти томахъ. Съ 530 рис. въ текстѣ и биографіей автора. Ц. каждаго тома 60 к., въ папкѣ 75 к., въ перепл. по 3 тома 2 р. 50 к.

— Сказки. Перев. В. Андреевской. Спб. 1893 г. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

— Повѣсти и сказки (Иллюстр. Библ. «Крестнаго календаря»). Выходитъ выпусками по 25 коп. каждый. Вышли выпуски 4-й и 5-й.

Андреевская, В. Счастливая доля. Рассказъ для дѣтей. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Арефа, Н. Положеніе о трактирномъ промыслѣ по оффиц. изданію 1893 г., съ дополнит. къ нему узаконеніями и съ приложеніемъ извлеченныхъ изъ Устава объ акц. сборахъ Правилъ о торговлѣ крѣпкими напитками, съ сенатск. и минист. разъясненіями. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Аристовъ, М. Справочная настольная таблица подсудности дѣлъ и сроковъ обжалованія для волостн. судовъ, земск. на-

чальниковъ, городскихъ судей и член. окр. суда. 2-е изд. Казань. 1893 г. Ц. 20 к.

Багалъй, Д. Замѣтки и матеріалы по исторіи Слободской Украины. Харьковъ. 1893 г. Ц. 1 р.

Баранцевичъ, В. Весеннія сказки. М. 1894 г. Ц. 35 к.

Барфусъ, Е. Въ странѣ алмазовъ. Рассказъ для юношества. Съ 4 раскрашенн. картинками. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

Баталинъ, Ф. А. Календарь и записная книжка русскаго хозяина на 1894 г. Ц. 1 р.

Батеньковъ, М. Счетоводство пароходнаго дѣла, буксирнаго и легко-пассажирскаго, съ оригинальными формами книгъ, отчетовъ и оправдательныхъ документовъ, схемой и примѣрами книговеденія. Нижн.-Новгородъ. 1894 г. Ц. 2 р.

Безладновъ, В. Указанія для исполненія тактическихъ задачъ на планахъ. Москва. 1893 г. Ц. 40 к.

Беранне. Полное собраніе пѣсень въ переводѣ русскихъ писателей, подъ ред. И. Тхоржевскаго. Выходитъ выпусками по 20 к. каждый. Вышли выпуски 30-й и 31-й.

Бехтеревъ, В., проф. Значеніе подвѣшываній при нѣкоторыхъ спинномозговыхъ пораженіяхъ. — Воротынский, Б., д-ръ. Подвѣшываніе, какъ методъ леченія нервныхъ болѣзней. Казань. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бобровскій, С. Рассказы моимъ дѣтямъ. Съ политипажами въ текстѣ. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Богородицкій, І. Бесѣды о важнѣйшихъ истинахъ христ. православной церкви. Противъ сектантовъ-штундистовъ. Изд. 2-е испр. и дополн. Кіевъ. 1894 г. Ц. 75 к.

Борзенно, А. Рѣчь, читанная въ засѣданіи англо-русскаго литературн. общества въ Лондонѣ 5-го октября 1893 г. Спб. Ц. 40 к.

- Борисовъ, А.** По фабрикамъ и заводамъ. Популярное объясненіе различныхъ производствъ. Вып. 1-й. Писчая бумага, стекло, глина, фарфоръ, мыло, свѣчи и кожа. Пинскъ. 1893 г. Ц. 20 к.
- Бочаговъ, А.** Книжная палата Академіи Наукъ. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.
- Браненгеймеръ, П.** Тургеневъ. Одесса. 1893 г. Ц. 35 к.
- 'Αλεξίου Κορυνοῦ Ποίημα Παρασκευαστικόν въ сравненіи съ русскимъ Домостроемъ. Одесса. 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Булгановскій, Д.,** свящ. Изъ загробнаго міра. Явленія умершихъ. Отъ глубокой древности до нашихъ дней. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.
- Введенскій, А.** Западная дѣйствительность и русскіе идеалы. (Письма изъ за границы). Съ прилож. характеристики: «Папа Левъ XIII, по отзывамъ современниковъ». Серг. Посадъ. 1894 г. Ц. 1 р.
- Вегетарианская кухня.** Наставленіе къ приготовленію болѣе 800 блюдъ, хлѣбовъ и напитковъ для безубойнаго питанія. М. 1894 г. Ц. 70 к.
- * **Величко, В. Л.** Восточные мотивы. Стихотворенія. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Второй сборникъ стихотвореній. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Стихотворенія для дѣтей. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- * **Вернь, Жюль.** Плавающий городъ. Съ 26-ю рис. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Цѣна въ изящной папкѣ 1 р. 25 к., въ коленк. тисн. зол. переплетѣ 1 р. 60 к.
- Верховецъ, Я.** Жизнь, страданія и чуда св. великомученика побѣдоносна Георгія. 2-е значит. измѣн. и дополн. изданіе. Съ рисунками. Спб. 1893 г. Ц. въ перепл. 45 к.
- Веселовскій, Ал.** Боккачіо, его среда и сверстники. Т. I. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Вигель, Ф.** Записки съ подлинной рукописи. Т. VI—VII. М. 1893 г. Ц. 1 р.
- Винтерницъ, В.,** проф. Вѣнск. унив. Гидротералія, основанная на физиологическихъ и клиническихъ началахъ. Лекція для практич. врачей и студентовъ. Т. I. Съ 40 рис. въ текстѣ. Спб. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Виелесемъ** и его окрестности. 12 видовъ, снятыхъ на мѣстѣ. Спб. 1893 г. Ц. 3 р.
- Владиміровъ.** Польза. Школа для систематическаго изученія русскихъ буквъ и цифръ. Спб. 1894 г. Ц. 20 к.
- Военный еженедельникъ** на 1894 годъ, сост. подъ ред. К. Добржинскаго. Ц. 1 р.
- Воротынский, Б.,** д-ръ. Подвѣшиваніе, какъ методъ леченія нервныхъ болѣзней.— Проф. В. Бехтеревъ. Значеніе подвѣшиваній при некоторыхъ спинномозговыхъ пораженіяхъ. Казань. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вроченскій, М.** Севастопольскій разгромъ. Воспоминанія участника славной обороны Севастополя. Киевъ. 1893 г. Ц. 1 р.
- Въ лѣсахъ Флориды.** Приключенія трехъ мальчиковъ и одной дѣвочки. Составлено по Бэрингъ Гульдъ и Броннэ. М. Гранстремъ. Ц. въ пер. 2 р.
- Вышеславцевъ, Г.** О семейной жизни по ученію Филарета, митрополита московскаго. Спб. 1894 г. Ц. 25 к.
- Гартнеръ, Г.** Въ странѣ золота. Приключенія маленькаго мальчика въ Калифорніи. Спб. 1893 г. Ц. въ папкѣ 80 к.
- Гаршинъ, В.** Третья книжка рассказовъ. Изд. 3-е. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Гейки Коннинггамъ.** Жизнь и ученіе Христа. Вып. 2-й. М. 1893 г. Ц. 1 р.
- Гейне, Г.** Записки Шнебельновскаго (Моя Библ. № 77). Спб. 1893 г. Ц. 20 к.
- Георгиевскій Балаклавскій монастырь** въ Крыму. Художественн. альбомъ. 1893 г. Ц. 4 р., въ крас. перепл. 5 р. 50 к.
- Тоже. Маденское изданіе. Ц. 2 р., въ перепл. 2 р. 50 к.
- Говстевъ, А.,** д-ръ. Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. Харьковъ. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Голенищевъ-Нутузовъ, А.,** гр. Сочиненія. Томы I и II. Спб. 1894 г. Ц. за 2 тома 3 р.
- * **Гольдсмитъ.** Вакфальдскій священникъ. Пер. съ англ. («Деш. Библ.» А. С. Суворина, № 248). Ц. 25 к.
- * — Тоже. Изящное изданіе на веленовой бумагѣ (напечатано для любителей 300 экз.). Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Гордь, Б.** Дидона. Поэма-импровизація. Спб. 1894 г. Ц. 25 к.
- Гофманъ, Ф.** Бѣдный мальчикъ. Съ рис. Шрейбера. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Гранстремъ, Э.** Столѣтіе открытій, въ біографіяхъ замѣчательн. мореплавателей и завоевателей XV—XVI вв. Съ 71 рис. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.
- Два героя. Изъ исторіи открытій Америки. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.
- Громена, М.** О Л. Н. Толстомъ. Критич. этюдъ по поводу романа «Анна Каренина». Изд. 5-е, дополн. 2-мя заключительными главами, впервые появляющимися въ печати. М. 1894 г. Ц. 80 к.
- Гюго, В.** Ганъ Исландецъ. Историч. романъ. Спб. 1893 г. Ц. 80 к.
- Два героя.** I. Въ Новомъ свѣтѣ.—II. Завоеваніе Мексики. (Изъ исторіи открытій Америки). Сост. по Фалькенорсту Э. Гранстремъ. Ц. въ пер. 2 р.
- Дестунисъ, С.** Превращенія. Рассказъ для дѣтей младшаго возраста. Съ 8-ю карт. Спб. 1894 г. Ц. 30 к.

Динкенсъ, И. Сочиненія. Т. VI. Ц. 1 р. 50 коп.

Динкенсъ, Ч. Жизнь и приключенія М. Чезьлвита, его родныхъ, друзей и враговъ. Иллюстрир. романъ. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Добротворскій, М., д-ръ. Статическія машины и примѣненіе франклинизации въ медицинѣ. Съ 24 рис. Спб. 1893 г. Ц. 80 коп.

Доляго, Б. Межевой сборникъ. Сводъ законовъ межевыхъ, т. X, ч. 3. М. 1893 г. Ц. 7 р.

Дрожинъ, С. Д. Стихотворенія (1866—1888 гг.). Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Елецъ, Ю. Русская эскадра во Франціи. Варшава. 1893 г. Ц. 60 к.

Елистеѣвъ, А. В. По блѣдъ-свѣту. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ Старога Свѣта. Съ иллюстрац. худ. Казанцева, Каразина, Кившенко, Піотровича, Самокишъ-Судковской, Самокишъ. Спб. 1894 г. Ц. 3 р., въ перепл. 4 р.

Женевева, А. Разказъ для юношества Христофора Шмидтъ. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Биографич. библиограф. Ф. Павленкова. Оливеръ Кромвель, его жизнь и общественн. дѣятельность.—Протопопъ Аввакумъ, его жизнь, дѣятельность.—Адамъ Смитъ, его жизнь и научная дѣятельность. Съ портретами. Спб. 1893 г. Ц. кажд. кн. 25 к.

Житковъ, С. Проектъ правилъ о выдачѣ ссудъ изъ вспомогательной кассы инженеровъ путей сообщенія. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Жорнъ Сандъ. Бабушкины сказки. 3-е исправл. и значит. дополн. изданіе. Съ рис. Клодта и др. и съ портретомъ автора. Ц. въ папкѣ 2 р. 75 к.

Ивановъ, К. Исторія среднихъ вѣковъ. (Курсъ систематическій). Изд. 2-е, исправленное. Спб. 1893 г. Ц. 80 к.

— Средне-вѣковой замокъ и его обитатели. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

Исторія трехъ ношечей. Разказъ для дѣтей отъ 4—6 лѣтъ, напечатанный крупнымъ шрифтомъ, со множ. картинокъ. Изданіе дѣтскаго журнала «Игрушечка». Ц. въ папкѣ 40 к.

Иегеръ, Оскаръ, проф. Всеобщая исторія. Переводъ подъ ред. П. Н. Полевого. Вып. I. Съ 90 иллюстр. въ текстѣ и 11 отд. прилож. Ц. 1 р.

Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ. Моя жизнь во Христѣ. Вып. 1-й. Ц. 10 к. Вып. 2-й. Ц. 10 к. Вып. 4-й. Ц. 15 к. Вып. 5-й. Ц. 30 к.

Календарь для анушеронъ на 1894 годъ. Записная и справочная книжка, съ рисунками рецептовъ. Ред. и изд. д-ра Б. Окса. Ц. въ пер. 1 р.

Капуанъ, Л. Жили были... Сказки. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Карабчевскій, Н. Господинъ Арсковъ. Повѣсть. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

* **Квитно-Основьяненко.** Панна Сотниковна. Истинное происшествіе (Дешов. библиограф. А. С. Суворина, № 251). Ц. въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

— Малороссійскія повѣсти. Киевъ. 1893 г. Ц. 75 к.

Кѣлеръ. Медвѣжья лапа. Фантастич. разказъ. Спб. 1893 г. Ц. въ папкѣ 89 к.

Киприановичъ, Г. Жизнь Іосифа Съмашко, митрон. литовскаго и виленскаго, и воссоединеніе западно-русскихъ униатовъ съ православною церковью въ 1839 г. Съ 3-мя портретами. Вильна. 1893 г. Ц. 3 р.

Киселева, М. Двѣ королевы. Съ рисунк. В. П. Шрейбера. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Кондръ, Гр. Новая любовь. Психологическій анализъ трагической поэмы М. Лермонтова «Демонъ». Съ прил. самой поэмы въ испр. видѣ. Нѣжинъ. 1893 г. Ц. 40 к.

Коменскій, А. Законы благоустроенной школы. Перев. съ лат., съ предисловіемъ и примѣчаніями П. Каптерева. Спб. 1893 г. Ц. 25 к.

Корелинъ, М. С., проф. Иллюстрированное чтеніе по культурной исторіи. Вып. I. Египетскіе боги, ихъ храмы и изображенія. М. 1894 г. Ц. 50 к.

Correspondance de G. Samarine avec la baronne de Rahden (1861—1876) publiée par D. Samarine. 2-me édition. М. 1894 г. Ц. 1 р.

* **Корнель П., Гораций.** Трагедія въ 5-ти дѣйств. Перев. М. Чайковскій (Деш. библиограф. А. С. Суворина, № 149). Ц. 12 к.

Кратъ, В. Маркшейдерская практика. Собраніе статей изъ маркшейдерской практики автора въ Алтайскомъ горномъ округѣ. Спб. 1893 г. Вып. второй (части X—XI). Съ 10-ю табл. чертежей продаются вѣстѣтъ за 6 р.

Критическій указатель дѣтской и педагогической литературы 1893 г. Вып. 2-й. Изданіе ред. журн. «Дѣтское Чтеніе». Спб. 1893 г. Ц. 10 к.

Куперъ Фениморъ. Кожанный чулокъ и др. разказы. Съ 48 рис. Бергена. Ц. въ папкѣ 2 р.

Лабугинъ, И. К. Неприятный подарокъ. Разказъ для дѣтей. Рисунки барона Клодта. Спб. 1894 г. Ц. 30 к.

Лаврентьева, С. Новый Степка Растрепка. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

Лазаревскій, Ал. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, земледѣнія и управленія. Томъ II

- Полкъ Пѣжинскій. Кіевъ. 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Ланглау, Ш.** Исторія среднихъ вѣковъ (395—1270). Пер. съ фран. Съ 81 рис. въ текстѣ. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Лаббокъ, Джонъ.** Красоты природы и ея чудеса. Перев. съ англ. Спб. 1894 г. Ц. 65 к.
- Ледебуръ, А.** Чугунъ, какъ литейный матеріалъ. Съ 2-мя таблиц. рисунковъ. Харьковъ. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лейкинъ, Н.** Странствующая группа. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Линицій, П.** Изящная литература и философія. Харьковъ. 1893 г. Ц. 2 р.
- Любимовъ, Н.** Крушеніе монархіи во Франціи. Очерки и эпизоды первой эпохи французской революціи (1787—1790). М. 1893 г. Ц. 3 р.
- Лунашевичъ, Н.** Птичица Агаевъ. Рассказъ для дѣтей младш. возр. Удост. преміи. Спб. Фребелевскаго Общ. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.
- «Побѣдила». Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ для дѣтей. Изданіе журн. «Игрушечка». Спб. 1893 г. Ц. 50 к.
- Львова, М.** Путешествіе мышенка. Сказка для дѣтей отъ 4—6 лѣтъ. Съ рис. бар. Клохта. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.
- Лѣсковъ, Н. С.** Стальная блоха. Сказъ о Тульскомъ лѣвшѣ и стальной блохѣ. Съ рисунками Каразина. Ц. 75 к.
- Мантегацца, П.** Искусство жениться. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Маттель, А.** Судебно-межевое разбирательство по уставу гражд. судопроизводства. М. 1893 г. Ц. 1 р.
- Мальцовъ, П.** Практическая механика, заключ. правила и формулы для расчета машинъ. Электрическое освѣщеніе.—Механич. обработка металловъ и дерева.—Водопроводы.—Жел. дороги.—Металлургія.—Правила о водопроводахъ, электрич. освѣщеніи и паровыхъ котлахъ.—Желѣзныя сооруженія. Со мног. рисунками. М. 1894 г. Ц. 8 р.
- Рисунки новѣйшихъ паровыхъ машинъ, паровиковъ и ихъ принадлежностей, насосовъ, дократовъ, прессовъ и воздуходувокъ. Таблицы для проектированія паровыхъ машинъ. М. 1894 г. Ц. 5 р. 40 к.
- Мицулинъ, А.** Очерки изъ исторіи примѣненія закона 3-го іюня 1886 г. о наймѣ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ Владимирской губ. Владимиръ. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Михеевъ, В.** Золотыя росыпи. Романъ въ 2-хъ частяхъ. М. 1894 г. Ц. 2 р.
- Мищенко, Я.** Краткій очеркъ греческой литературы отъ начала ея до половины XV вѣка по Р. Х. Кіевъ. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Моргулисъ, М.** О давности владѣнія недвижимостью по талмудскому праву. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Московский всеобщій календарь** на 1894 годъ. Ц. 1 р.
- Мѣсяцесловъ** на 1894 годъ. Изд. Мин. Вн. Дѣлъ. Ц. 50 к.
- Наединъ.** Сборникъ переводн. повѣстей, рассказовъ и стихотвореній. М. 1894 г. Ц. 70 к.
- На каждый день.** Избранныя изреченія изъ Священнаго Писанія. Сост. О. А. Ц. Третье изд. Спб. 1893 г. Ц. 20 к.
- Нейштубе, С.** Ящуръ домашнихъ животныхъ и его леченіе. М. 1894 г. Ц. 15 к.
- Некрасовъ, Н.** Послѣ азбуки. Первая книга для класснаго чтенія и письменныхъ упражненій. Изд. 3-е. Спб. 1894 г. Ц. 15 к.
- Никитинъ, И.** Сочиненія, съ его портретомъ, facsimile и биографіей подъ ред. С. Миропольскаго. Школьное, 3-е изданіе. М. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Нисселовичъ, Л.** Общественныя очерки по русскому торговому праву. Очеркъ I. О торговыхъ книгахъ. Спб. 1893 г. Ц. 80 коп.
- Ольнотъ, Л.** Юность розы. (Продолженіе Семь братьевъ и сестра). Перев. съ англ. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- О пошлинахъ съ имущества,** переходящихъ безмездными способами, крѣпостныхъ, канцелярскихъ, актовыхъ и судебныхъ. Сост. податной инст. П. Сералинъ. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.
- Основокъ, П.** Жигули и известнякъ, кот. мостятъ улицы гор. Самары. 1893 г. Ц. 90 к.
- Папковъ, М.** Положеніе о сборѣ за право торговли и промысловъ и др. узаконенія о производствѣ торговли и промышленности съ разъясненіями по оффиц. свѣдѣніямъ. Составлено съ разрѣшенія департ. торговли и мануфактуръ. Изд. 3-е. Спб. 1893 г. Ц. 3 р.
- Плаховъ, Н. О.** Волшебница весна. Рассказъ для дѣтей младшаго возраста. Удост. преміи Фребел. Общества. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.
- * **Плутархъ.** Сравнительныя жизнеописанія. Т. VII, вып. 2-й. Агидъ и Клеомель («Деш. Библ.» А. С. Суворина, № 176. Ц. 15 к. То же наведен. бум. Ц. 30 к.
- Его же. Сравнительныя жизнеописанія. Т. VII, вып. 3-й. Тиберій и Гай Гракхи («Деш. Библ.» А. С. Суворина, № 177). Ц. 15 к., на веден. бумагѣ 30 к.
- П. Н. Смѣшныя, забавныя, странныя и очень оригинальныя признанія въ любви.** Орель. 1893 г. Ц. 50 к.

Поваренное руководство. Вып. XVII. Роспись завтраковъ. Вып. XVIII. Заготовление тѣста. Вып. XIX. Болѣе 100 способовъ употреблять остатки. М. 1893 г. Ц. кажд. выпуску 10 к.

Погосній, А. Неспособный человекъ. Изданіе для юношества. Быль. Съ рис. Н. Каразина. Спб. 1893 г. Ц. 80 к.

— Его же. Сибиретка, полковая собака. Съ рис. Н. Каразина. Спб. 1893 г. Ц. 80 к.

— Штудерникъ Ничипоръ Зачины-вороты. Съ рис. Н. Каразина. Спб. 1893 г. Ц. 80 к.

Подарокъ. Календарь для хозяекъ на 1894 годъ. Съ прил. 500 рецептовъ по домохозяйству и медицинѣ. Ц. 1 р.

Попялковскій, М. Къ вопросу о вліяніи гальваническаго постоянного тока на кровеносные сосуды и гемостатическомъ дѣйствіи полюсовъ. Экспериментальное изслѣдованіе. М. 1893 г. Ц. 60 к.

Послѣдній изъ моголианъ. Разсказъ для юношества по Куперу. Съ роскошн. аква-релями. Спб. 1893 г. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

Путешествіе Г. Н. Потанина. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголія. Два тома, съ 3 картами, съ 42 табл. фототипии и 1 фототип. Спб. 1893 г. Ц. за два тома 12 р. (1-й т. 10 р., 2-й 2 р.).

Ремезова, М. К. Розы и терніи жизни. Повѣсти, разсказы и очерки. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Ремзень, Ира, проф. Введеніе въ изученіи химіи. Перев. съ нѣмецк. изд., переработаннаго К. Зейбертомъ, прив.-доц. Н. Н. Колодкевича. Киевъ. 1893 г. Ц. 2 р.

Ренанъ. Историческіе и религіозные этюды. Изд. 3-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Реформатскій, С., проф. Начальный курсъ органической химіи. Киевъ 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ribot, prof. Различныя формы характера. Перев. съ франц. Харьковъ. 1893 г. Ц. 35 к.

Ричардсонъ, Ч. Какъ читать книги, чтобы онѣ приносили вамъ пользу? (Моя библ., № 62 и 63). Ц. 40 к.

Рождественскій, В. А. Инж.-техн. Регулированіе дымовой тяги паровозовъ посредствомъ переменнаго отверстія. Киевъ. 1893 г. Ц. 50 к.

Русскіе богатыри. Избранныя былины въ пересказѣ для дѣтей, О. Роговой. Съ 11 хромолитогр. Н. Н. Каразина. Изд. 2-е. Спб. 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

— Тоже. Младшіе богатыри. Избранныя былины въ пересказѣ для дѣтей, О. И. Роговой. Съ двумя хромолитограф. Н. Н. Каразина. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.

Русскій календарь на 1894 г. А. С. Суворина. Съ картою жел. дорогъ. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.

Сабининъ. Курсъ варіаціоннаго исчисленія. М. 1893 г. Ц. 3 р.

Сазоновъ, Г. П. Быть или не быть об-щину. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.

Сальмоновичъ, П. О. Руководство къ составленію смѣтъ и технической отчетности. Справочная книга для строителей. 2-е изд. Спб. 1893 г. Ц. 4 р.

Семеновъ, Н. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе имп. Александра II. Выводы и заключеніе. Спб. 1894 г. Ц. 80 к.

* **Сенена, Люцій-Анной.** Избранныя письма къ Люцілю. Перев. съ лат. Изящное изданіе на велен. бумагѣ. (Напечатано для любителей 300 экз.). Ц. 60 к.

Симоненко, П. Пиротехнія или спец. нов. руководство какъ приготавливать фейерверкъ, въ пяти частяхъ. Съ 156 рис. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Сказки бабушки Ирины. Собраніе новѣйшихъ и лучшихъ сказокъ для дѣтей младш. возраста. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Сказки братьевъ Гриммовъ. Иллюстрированы Гротъ-Юганномъ и Р. Лейнвеберомъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей П. Н. Полевого. Ц. 12 р., въ роскошномъ переплетѣ 14 р.

Скворцовъ, А. Экономическіе этюды. I Экономическія причины голодовокъ въ Россіи и мѣры къ ихъ устраненію. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Славянскія сказки, собранныя А. И. Соколовымъ. 2-е дополн. изд. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.

Случескій, К. Историческія картинки (стр. 1—211). Разныя разсказы (стр. 1—400). Изд. 2-е, значит. дополненное. Спб. 1894 г. Ц. 3 р.

Соловьевъ, С. М. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Полное сочиненіе безъ всякихъ сокращеній и измѣненій. въ 29 томахъ, съ прил. указателя и портрета автора. Всѣ 29 томовъ будутъ помѣщены въ 6-ти книгахъ и стоятъ по подпискѣ 15 р., съ перес. 18 р. Вышла книга первая, томы I—V.

Способъ упрощеннаго умноженія и таблица произведеній на простые множители всѣхъ, произвольной величины, чиселъ отъ нуля до безконечности. Спб. 1893 г. Ц. 80 к.

Стани, капитанъ. Сказочное сокровище Романъ изъ быта бретонскихъ моряковъ. Съ рис. М. 1893 г. Ц. 1 р.

Степановъ, П., инж. Хромолитографир. проект-модель круглой печи въ футлярѣ (12 рис. въ описаніи). Ц. 1 р.

* **Суворинъ, А. А.** Палестина. Иллюстрированное изданіе съ рисунк. А. Кив-

шенко и В. Навозова. Вых. выпусками. Вышелъ вып. X и XI. Ц. 1 р. 50 к.

* **Суворинъ, А. С.** Патриархъ Никоиъ. Рассказъ. Изд. 4-е, съ портретомъ патр. Никона («Деш. Библ.» А. С. Суворина, № 255). Ц. 10 к.

Серебровскій, С., архит. Хромолитогр. проектъ сельскаго зернохранилища-элеватора. Ц. 50 к.

Табель на 1894 г. Ц. 10 коп., въ пакѣтъ 30 коп.

Теофрастъ. (Библ. греч. и римск. классиковъ въ русскомъ переводѣ). V. Характеристики. Изд. 2-е, исправл. Спб. 1893 г. Ц. 30 к.

Терлецкій, Г. И. Руководство къ производству гончарныхъ и другихъ глиняныхъ издѣлій. Екатеринославъ. 1892 г. Ц. 2 р.

— Производство издѣлій изъ искусственнаго мрамора. Екатеринославъ 1893 г. Ц. 40 к.

Тихомировъ, Н. Справочная книжка и руководство по свеклосахарному производству. 174 рис. Кіевъ. 1893 г. Ц. 3 р.

Толстой, Л. Н. Графъ. Сочиненія («Власть тьмы». — Плоды просвѣщенія. — Холстомеръ. — Декабристы). Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Ульяновъ, А. Н. Вакса и скрипка. Рассказъ. Съ рис. В. М. Максимова. 1893 г. Ц. 50 к.

Успенскій, Ѡ. Синодикъ въ недѣлю православія. Сводный текстъ съ приложениями. Одесса. 1893 г. Ц. 1 р.

Фирсовъ, В. Фокусница. Романъ. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.

Флетчеръ, Р. Г. Двѣ дѣвочки и одинъ мальчикъ. Картины изъ жизни дѣтей въ Америкѣ. Перев. съ англ. Съ 19 рис. въ текстѣ. Спб. 1894 г. Ц. 2 р. 25 к.

Хариевичъ, В. Березина. Военно-историческое изслѣдованіе. Съ картами и планами. Спб. 1893 г. Два тома. Ц. 4 р.

Хитровъ, М. Христіанскій трудъ. Противъ статьи гр. Л. Толстого «Недѣланіе». М. 1894 г. Ц. 15 к.

Царевскій, А. Значеніе русской словесности въ національномъ русскомъ образованіи. Казань. 1893 г. Ц. 70 к.

Царь-нолоколь. Иллюстрированный календарь-альманахъ на 1894 г. Ц. съ 2-мя приложениями 60 к.

Черновъ, К. Хромолитогр. проектъ ма-слобойнаго завода (8 рис. въ описаніи). Ц. 1 р.

Четырнадцать сказокъ и разсказовъ. Съ иллюстраціями. Переводъ съ французскаго, итальянскаго, португальскаго, венгерскаго и сербскаго. Спб. 1894 г. Ц. въ изящной пакѣтъ 2 р. 25 к., въ красивомъ тисненномъ золотомъ переплетѣ 2 р. 60 к.

Чеховъ, А. П. Дестрые разсказы. Изд. 5-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

— Палата № 6. Изд. 3-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

— Дуэль. Повѣсть. Изд. 4-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

— Разсказы. Изданіе 8-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

— Хмурые люди. Разсказы. Изд. 4-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

— Въ сумеркахъ. Очерки и разсказы. Изд. 7-е. 1894 г. Ц. 1 р.

Чичеринъ, Б. Основанія логики и метафизики. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Шенбахъ, А. Государственный строй Сѣверо-Американскихъ Штатовъ (Междун. Библ., № 5). Одесса. 1893 г. Ц. 15к.

Шериданъ, Р. Школа рисованія. Комедія въ 5-ти дѣйств. Съ биографіей автора. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Шиллеръ. Полное собраніе сочиненій въ переводѣ русскихъ писателей. 7-е изд. Спб. 1893 г. Ц. за 3 т. 8 р., въ пер. 10 р.

Шольцъ, Фр. Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. Руководство къ воспитанію въ школахъ и дома. Перев. съ нѣм. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шмидтъ, Х. Красное яичко и голубокъ. Спб. 1894 г. Ц. 80 к.

Шпильгагенъ, Ф. Счастливицкъ. Романъ. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Шренникъ, Е. Ѡ. Гуттенбергъ и Шефферъ. Историч. романъ. Спб. 1894 г. Ц. 25 к.

Щербановъ, А., проф. Курсъ физиологической химіи. Часть I. Органическія составныя части животнаго организма. Вып. I. Соединеніе жирнаго ряда. Казань. 1893 г. Ц. 2 р. 25 к.

Эллада и Римъ. Культурная исторія классической древности Якова Фальке, съ 274 рисунк. въ текстѣ и 50 карт., помѣщ. въѣ текста. Спб. Ц. 15 р.

Юридическій календарь М. Острогорскаго на 1894 годъ, въ 2-хъ частяхъ. Ц. 1 р.

Яновскій, Н. М. Н. Паруновъ, его служебная и общественная дѣятельность. М. 1891 г. Ц. 1 р.

*) Изданія А. С. Суворина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1894 г. на дѣтскій иллюстрированный журналъ

XV ГОДЪ. **„ИГРУШЕЧКА“** XVI ГОДЪ.
ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

Журналъ «ИГРУШЕЧКА» одобренъ Учебнымъ Комитетомъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцелярїи по учрежденіямъ Императрицы Марїи.

Журналъ «ИГРУШЕЧКА», вступая въ пятнадцатый годъ изданія, будетъ выходить по той же программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ и художниковъ.

Въ журналѣ помѣщаются также разсказы на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

При журналѣ «ИГРУШЕЧКА» существуетъ **ОСОБЫЙ ОТДѢЛЪ**

ГОДЪ VI — Д Л Я М А Л Ю Т О К Ъ — VI ГОДѢ

Статьи этого отдѣла печатаются крупнымъ шрифтомъ со многими картинкам.

Съ 1894 года будетъ выходить

при журналѣ „ИГРУШЕЧКА“,

а также и по отдѣльной подпискѣ, особое педагогическое изданіе

„НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ“.

Цѣль изданія — содѣйствовать правильной постановкѣ воспитанія и обученія дѣтей до школьнаго возраста.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ: Разсмотрѣніе вопросовъ, относящихся къ воспитанію и образованію дѣтей. Практическія указанія и совѣты по уходу, воспитанію и элементарному обученію дѣтей. Обзоръ игръ, физическихъ упражненій, образовательныхъ прогулокъ и проч. Обзоръ выдающихся книгъ по первоначальному воспитанію. Отчеты о дѣятельности родительскихъ кружковъ, яслей, дѣтскихъ садовъ и проч. Рисунки. Чертежи. Объявленія.

Посвятивъ себя интересамъ воспитанія, редакція намѣрена сдѣлать свой органъ истиннымъ другомъ семьи, потребности и нужды которой всегда найдутъ откликъ въ журналѣ.

Въ трудахъ редакціи примутъ участіе: д-ръ С. П. Веркундовъ, д-ръ А. С. Вирениусъ, В. П. Воленскъ, д-ръ Гориневскій, д-ръ П. Д. Енько, С. С. Иванова (женщина-врачъ), О. Ю. Каминская (женщина-врачъ), д-ръ А. Г. Лаврентьевъ, проф. П. Ф. Лесгафтъ, М. М. Манасеина, д-ръ И. В. Маляревскій, Е. Х. Маляревская (женщина-врачъ), А. Х. Образцова, Викторъ Острогорскій, А. Н. Павлова (женщина-врачъ), Г. И. Паульсонъ, Д. Д. Семеновъ, М. М. Соколова, проф. И. Р. Тархановъ, проф. В. Ф. Янубовичъ и другіе.

Изданіе „НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ“ будетъ выходить 9 разъ въ годъ (кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ) книжками отъ 2-хъ до 3-хъ печатныхъ листовъ каждая).

ГODOBAYя ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкой и пересылкой:	Въ	За
	Россіи.	границу.
«ИГРУШЕЧКА» съ одною бесплатною премією	3 руб.	5 руб.
«ИГРУШЕЧКА» съ отдѣл. «ДЛЯ МАЛЮТОКЪ» и двумя бесплатными преміями	5 „	7 „
«ИГРУШЕЧКА» съ педагогическимъ изданіемъ «НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ»	5 „	7 „
«ИГРУШЕЧКА» съ отдѣл. «ДЛЯ МАЛЮТОКЪ», двумя бесплатными преміями и съ изданіемъ «НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ»	7 „	9 „
Педагогическое изданіе «НА ПОМОЩЬ МАТЕ- РЯМЪ»	3 „	5 „

Отдѣльно подписки на отдѣлъ „ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“ нѣтъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фурштатская ул., д. 44, куда гг. подписчиковъ и книгопродавцевъ просятъ исключительно обращаться съ своими требованіями.

Редакторъ-издательница **А. Пышкова-Толмачева.**

Редакторъ **В. П. Воленскъ.**

Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ отрываетъ третій конкурсъ на соисканіе Высочайше утвержденной преміи имени Геннадія Федоровича Карпова. Срокъ представленія сочиненій истекаетъ 1-го ноября 1894 года. О результатѣ конкурса объявлено будетъ 24-го апрѣля 1895 года.

Правила о порядкѣ присужденія преміи, утвержденныя г. министромъ народнаго просвѣщенія, слѣдующія.

§ 1. Къ соисканію преміи имени Геннадія Федоровича Карпова допускаются въ самостоятельныя изслѣдованія по русской исторіи, основанныя на первоисточникахъ.

§ 2. Въ случаѣ представленія нѣсколькихъ сочиненій одинаковаго достоинства предпочтеніе отдается тому изъ нихъ, которое относится къ изученію Малороссіи.

§ 3. Въ соисканіи преміи имѣютъ право участвовать и члены Общества.

§ 4. Срокомъ доставленія сочиненій на соисканіе преміи полагается 1-е ноября предшествующаго конкурсному году.

§ 5. Сочиненія доставляются на имя Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ или же на имя его секретаря.

§ 6. На конкурсѣ допускаются какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ языкѣ. Авторамъ ихъ предоставляется на волю выставлять на нихъ свое имя, или же скрывать его подъ девизомъ, помѣщеннымъ въ особомъ, приложенномъ въ рукописи, конвертѣ, равно какъ и на самой рукописи.

§ 7. Въ случаѣ присужденія преміи за сочиненіе, представленное въ рукописи, премія выдается автору не прежде, какъ по напечатаніи его сочиненія.

§ 8. Сочиненія, уже удостоенныя преміи какимъ либо другимъ ученымъ учрежденіемъ, на соисканіе преміи имени Геннадія Федоровича Карпова не допускаются.

§ 9. Премія выдается въ количествѣ 500 рублей и ни въ какомъ случаѣ не дробится.

§ 10. Право на полученіе ея принадлежитъ только авторамъ и ихъ наследникамъ, но стнудъ не издателямъ награжденныхъ сочиненій.

§ 11. Въ началѣ ноября мѣсяца года, предшествующаго конкурсному, Общество избираетъ изъ среды себя особую комиссію, въ составѣ 5 членовъ, по присужденію оной преміи.

§ 12. Члены оной комиссіи не могутъ участвовать въ конкурсѣ.

§ 13. Комиссія для каждаго сочиненія избираетъ особаго рецензента или изъ своей среды, или изъ членовъ Общества; а въ случаѣ надобности приглашаетъ къ разсмотрѣнію сочиненій и постороннихъ ученыхъ.

§ 14. Рецензентамъ, не входящимъ въ составъ комиссіи, послѣдняя можетъ присуждать золотыя медали.

§ 15. Письменныя рецензіи на конкурсныя сочиненія должны быть доставлены не позже 1-го апрѣля конкурснаго года.

§ 16. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ комиссія имѣетъ сужденіе о присужденіи преміи. Постановленіе ея объявляется въ чрезвычайномъ засѣданіи Общества, въ день кончины Геннадія Федоровича Карпова.

§ 17. Въ случаѣ неприсужденія въ какомъ либо году преміи, она присоединяется къ основному капиталу, изъ процентовъ съ котораго она составляется.

§ 18. Проценты, получаемые съ капитала, сверхъ 500 рублей, употребляются на вознагражденіе рецензентовъ.

§ 19. О результатахъ каждаго присужденія Общество печатаетъ подробный отчетъ, съ приложеніемъ рецензіи увѣнчаннаго премією сочиненія.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 33 Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЗВѢЗДЕТЬ ПЕР., Д. 13

СОДЕРЖАНИЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1894 г.

	СТР.
I. Via facti. Историческій романъ (1771—1773 гг.). V—VII. (Продолженіе). Графа Е. А. Салиаса	281
II. Передъ операцией. Незданное стихотвореніе А. Н. Алухтина. . .	299
III. Воспоминанія М. Ф. Каменской. III—IV. (Продолженіе).	302
IV. Типы современной деревни. (Продолженіе). VII. На господскую погу. А. В. Бруглова	323
V. Воспоминанія артиста А. А. Нильскаго. IV—VIII. (Продолженіе). Иллюстрація: Портретъ Александра Михайловича Геденова.	350
VI. На Сахалинѣ. Изъ воспоминаній путешественника по востоку Азии. I. По Пороваю. А. Н. Краснова	353
Иллюстраціи: 1) Гилыки-надзиратели за смышлю-касторжыми Александровскаго округа на Сахалинѣ.—2) Дорога черезъ тайгу на хребтѣ Пилинга.—3) Горблая тайга на берегу Сахалинской рѣки.—4) Лиственничный лѣсъ на Сахалинѣ.—5) Орочныи съ Сахалина, изъ деревни Тарайка, въ устьяхъ Поровая.	
VII. Черты изъ жизни И. С. Тургенева. (Посвящается Владиміру Михайловичу Козлову). И. Ф. Рынды	411
VIII. Бѣдственная экспедиція. Н. В. Любарскаго	411
IX. Философія и жизнь. Р. И. Сементковскаго	453
X. Композиторъ Ц. А. Кюи. (Отрывокъ изъ воспоминаній). В. А. Крылова	472
XI. Воспоминанія о профессорѣ Н. С. Тимирязевѣ. С. М.	482
XII. Семидесятипятнадцатіе Петербургскаго университета. В. Б. Галицкаго	489
XIII. На С.-Готардѣ. (Изъ путевыхъ набросковъ). И. Я. Монарженко	517
XIV. Памяти П. А. Гайдебурова. М. Ф.	524
XV. Утопіи на практикѣ. В. Т.	528
XVI. Критика и библиографія	542
1) П. Соколовъ, Церковная реформа императора Юсіфа II. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія изъ исторіи западныхъ исповѣданій. Саратовъ, 1893. С. — 2) Рѣка Западная Двина. Историко-географическій обзоръ. Съ картами, планами и рисунками. Составилъ и издалъ А. Салуновъ. Витебскъ, 1893. В. Б. — 3) М. Л. Песковскій. Въ глуши. Новѣсть въ трехъ частяхъ. Спб. 1893. Вл. З.— 4) Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова. Изданіе шестое, исправленное и дополненное авторомъ. Въ трехъ томахъ. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1893. В. К.—аго.—5) Историческое Обзорніе. Сборникъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей Н. И. Карѣева. Тома V и VI. Спб. 1893. С. А.—ва.—6) Систематическій указатель статей историческаго журнала «Древняя и Новая Россія» 1875—1881 гг. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1893. Н. Ш.	

См. слѣд. стран.

	СТР.
VII. Историческія мелочи	552
<p>1) Американская школа классических занятій въ Афинахъ.—2) Открытіе въ Нью-Йоркѣ статуи Натану Гелю.—3) Наполеонъ и Людовикъ XVIII.—4) Настоящій д'Артаньянъ.—5) Кто писалъ Шекспира?—6) Принцъ-режиссеръ.—7) Славный подземный мальчуганъ.—8) Одинъ изъ послѣднихъ могикиановъ французской революціи 1848 года.—9) Юбилей Гока.</p>	
VIII. Заграничныя историческія новости	568
XIX. Смѣсь	577
<p>1) Празднованіе 700-лѣтія св. князя Всеволода-Гавриила.—2) Торжественное засѣданіе академіи наукъ.—3) Торжественное собраніе Славянскаго общества.—4) Юбилей В. В. Стасова.—5) Юбилей Я. Г. Есиповича.—6) Некрологи: П. А. Гайдубуровъ; А. Ѳ. Ивановъ; К. Е. Павлова; А. М. Унковскій; Д. А. Столыпинъ; Е. А. Сысоева.</p>	
XX. Замятки и поправки	586
<p>1) Могила П. М. Садовскаго. С. Романова.—2) Къ «Очеркамъ Москвы». Н. Волнова.—3) По поводу «Сна Рылѣевой». Мих. Мазаева.</p>	
XXI. Касса взаимопомощи при обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Извлеченіе изъ отчета за 1892 (второй) годъ	589
<p>ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ П. С. Федорова.—2) Подъ тѣнью меча. (The Shadow of the Sword). Романъ изъ эпохи Наполеона I. Роберта Букакана. Переводъ съ англійскаго. VII—XIII. (Продолженіе).—3) Объявленіе книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.</p>	

VIA FACTI¹⁾.

Историческій романъ.

(1771—1773 гг.).

V.

ВЪ БОЛЬШОМЪ домѣ на главной улицѣ города Люблина, гдѣ помѣщалась самая лучшая гостинница «Золотого Вепря», было много народу, прїѣзжихъ и посѣтителей. Время было не «контрактное», не ярмарочное, а сѣздъ въ городѣ былъ довольно великъ. Однимъ казалось, что это случайность, другіе заподозрѣвали, что «кто-то что-то» затѣваетъ. Такія предположенія и въ такой смутной формѣ теперь постоянно тревожили мирныхъ жителей городовъ и мѣстечекъ по всему постранству Рѣчи Посполитой.

Около половины всѣхъ горницъ въ гостинницѣ занялъ извѣстный богатый панъ Закржевскій и пригласилъ къ себѣ другого, прїѣхавшаго въ городъ пана, мало извѣстнаго прежде, но про котораго теперь стали поговаривать.

Панъ не богатъ, а торгуетъ и покупаетъ большущее имѣніе около Люблина?... Но это бы ничего. А онъ скрываетъ покупку и

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LV, стр. 7.

«Истор. вѣстн.», февраль, 1894 г., т. LV.

отрицаетъ это!.. А кто же когда такъ странно поступалъ? Что же онъ? Ограбилъ что ли кого и на этиакія деньги покупаетъ имѣніе? И теперь этотъ панъ съ громкимъ польскимъ именемъ Дзялынскаго, но не родня знаменитыхъ пановъ Дзялынскихъ, все ѣздитъ вмѣстѣ съ Закржевскимъ въ трибуналъ.

Дѣйствительно, оба пана обдѣлывали свое общее дѣло. Закржевскій только повиновался, а Дзялынскій дѣйствовалъ. Днемъ они были вмѣстѣ, а вечеромъ одинъ пьянствовалъ въ знакомыхъ домахъ и игралъ въ карты, и къ крайнему своему удивленію—счастливо. Обыкновенно онъ всегда проигрывалъ.

— Вотъ пойдетъ судьба улыбаться человѣку,—думалъ онъ и говорилъ:—такъ ужъ во всемъ. Все ладится у меня теперь. Даже ноги перестали болѣть. Подагра, и та испугалась чего-то.

Дзялынскій по вечерамъ постоянно отсутствовалъ изъ гостиницы и гдѣ-то пропадалъ... Онъ никому, конечно, не обмолвился, даже Закржевскому, что проводитъ время на грязномъ постояломъ дворѣ, съ дюжиной какихъ-то загадочныхъ молодцевъ. И только одинъ разъ, одинъ изъ нихъ, старшій изъ всѣхъ, усатый и толстый, не то шляхтичъ, не то козакъ, пришелъ въ гостиницу спрашивать Дзялынскаго и назвалъ Григорьемъ Хвалибогомъ.

Дзялынскаго не было дома, а, вернувшись и узнавъ, что Хвалибогъ приходилъ, спрашивалъ его и назвалъ, панъ плюнулъ, но ни слова не сказалъ, а лишь подумалъ:

— Тьфу! Чортово отродье!.. Лѣзеть, да еще сказывается... Попадеть какъ нибудь въ тюрьму, и здѣсь вся прислуга будетъ говорить, что я его знаю и видалъ.

Въ то же время въ гостиницѣ стоялъ любопытный проѣзжій, французъ, едва мараковавшій нѣсколько словъ попольски и одѣтый въ диковинный мундиръ, какого не видали еще въ Люблинѣ. Это былъ лейтенантъ французской службы Генрихъ Сэльянъ. Онъ жилъ уже съ недѣлю и, пославъ гонца въ Ченстохово, ждалъ отвѣта по какому-то дѣлу. И онъ не скрывалъ этого ни отъ кого.

А Ченстохово, захваченное и укрѣпленное знаменитымъ конфедератомъ Казиміромъ Пулавскимъ, открытымъ врагомъ короля и русскихъ, было теперь мѣстомъ поклоненія всѣхъ патріотовъ не ради одной Богоматери, но за то и бѣльмомъ на глазу приверженцевъ Станислава-Августа. Но французскій лейтенантъ не считалъ нужнымъ стѣсняться.

Жилъ онъ одинъ, скучалъ страшно и кой-какъ отводилъ душу разговорами съ главнымъ лакеемъ гостиницы... Впрочемъ, этотъ лакей Козьма, умѣвшій мараковать пофранцузски, была личность особенная и почти загадочная, которую сразу оцѣнилъ Сэльянъ.

Вскорѣ, однако, у француза нашлось развлеченіе. Въ гостиницѣ появились проѣздомъ въ Варшаву два шляхтича и съ ними молодая женщина, чрезвычайно красивая, къ тому же бойкая и

смѣлая до дерзости. По всему, это была не жена и не сестра кого либо изъ двухъ пріѣхавшихъ пановъ.

Въ первый же вечеръ по пріѣздѣ, молодая женщина, въ отсутствіе своихъ спутниковъ, стала прохаживаться по корридору, бойко заглядывая въ глаза незнакомыхъ ей постояльцевъ. Станный и щегольской мундиръ Сэльяна привлекъ ея вниманіе... А онъ замѣтилъ ея развязность, розовыя губки и угольные глазки.

На другой день утромъ, когда лейтенантъ вышелъ прогуляться по городу, то прямо натолкнулся на гуляющую красавицу. Она была одна и смотрѣла на него улыбаясь.

Сэльянъ прошелъ мимо, потомъ досталъ изъ кармана щегольской шелковой носовой платокъ, вернулся и, догнавъ красавицу, спросилъ: «Не пани ли потеряла свой платокъ?».

Черезъ двѣ-три минуты молодые люди уже весело болтали пофранцузски, такъ какъ панна оказалась личностью образованной и заявила, что знаетъ три языка, помимо родного, французскій, нѣмецкій и итальянскій. Но она не сказала, однако, что знаетъ и поеврейски.

Она назвалась панной Агатой Францъ и начала бесѣдовать непринужденно и откровенно, какъ если бы годъ знала Сэльяна. Погулявъ вмѣстѣ, лейтенантъ и разбитная панна Францъ разошлись друзьями, тѣмъ паче, что, понравившись другъ другу внѣшностью, они сошлись и во взглядахъ на политическое положеніе королевства. Панна громила правительство и короля, ненавидѣла отъ всей души москалей и восторгалась, какъ истинная патриотка, успѣхами конфедератовъ. Отъ нея лейтенантъ узналъ кое-какія вѣсти и подробности о положеніи Пулавскаго въ Ченстоховѣ. Въ устахъ такой на видъ сомнительной женщины, какою была эта хорошенькая и бойкая брюнетка, оно было странно и удивляло Сэльяна.

— Странное дѣло,—думалъ французъ.—Лакей въ гостинницѣ и сомнительнаго поведенія женщина знаютъ больше, чѣмъ мы, прибывшіе жертвовать жизнью за эту страну. Подумаешь, что отъ насъ скрываютъ многое и не вѣрятъ намъ. Виомениль видѣлся съ Дюмурье, а не могъ отвѣтить мнѣ, могутъ ли конфедераты рассчитывать на литовскія войска. А эта вертушка говоритъ мнѣ, первому встрѣчному, что Пулавскій надняхъ получилъ письмо отъ литовскаго гетмана Огинскаго, который приглашаетъ его одновременно двинуться на Варшаву... Или все это болтовня.

Сэльянъ вернулся въ гостинницу и, чтобы поболтать отъ тоски, позвалъ къ себѣ лакея Козьму.

— Y-a-t-il quelques nouvelles?—спросилъ онъ, когда тотъ явился.

— Нѣтъ и есть... — отвѣтилъ улыбаясь Козьма и, заговоривъ частію попольски, частію пофранцузски, онъ рассказалъ лейтенанту, что въ гостинницѣ есть двое проѣзжихъ, которые прямо изъ Ченстохова, хотя упорно это скрываютъ. Проболталась объ этомъ ему молодая панна, которая пріѣхала съ ними.

— Ба! — воскликнулъ Сэльянь. — Загадка разъяснилась. *Mademoiselle Agathe Franz*.

— Ну, вотъ вы больше меня знаете. Я только ея фамилію узналъ!—отвѣтилъ смѣясь Козьма. — Она для меня, поправдѣ, непонятная личность. Она, очевидно, просто на просто любовница одного изъ нихъ, женщина, какихъ сотни. А вмѣстѣ съ тѣмъ они ей повинуются, какъ если бы она была важной особой, ну, хоть любовницей ихъ начальника. Теперь въ Польшѣ происходятъ странныя вещи, и постоянно встрѣчаются странныя личности.

— *C'est superbe!*—воскликнулъ Сэльянь.—Ты говоришь то, что я сейчасъ думалъ, но не по поводу *mademoiselle Agathe*, а по поводу лакея въ гостинницѣ «*Au Sanglier d'Or*».

Козьма зорко и упорно глянулъ въ глаза француза. Взглядъ этотъ былъ загадочный.

— Ну, вотъ... — разсмѣялся добродушно Сэльянь. — Даже смотришь ты, *mon garçon*, такъ, что жутко дѣлается. Кажется, что имѣешь дѣло съ тайнымъ сборомъ или брави, который сейчасъ или арестуетъ и сдастъ въ крѣпость, или просто убьетъ. Ты знаешь, что мнѣ даже какъ-то неловко тебѣ говорить «ты». Мнѣ все кажется, что ты переодѣтый лакей, то-есть не лакей.

Козьма вздохнулъ, потупился, и сразу веселое лице его потемнѣло и стало угрюмо.

— Я угадалъ? Скажи. Со мной ты можешь быть откровененъ, ибо я самъ ничего не скрываю. Я прямо говорю, зачѣмъ изъ предѣловъ Франціи очутился въ предѣлахъ Польши: драться съ конфедератами противъ русскихъ. Скажи прямо.

— Что вы хотите знать?

— Лакей ты, или переодѣтый шпионъ, лазутчикъ и по положенью выше... ну, офицеръ?..

— Я лакей истинный... Но... но я шляхтичъ. Я временно взялъ здѣсь мѣсто лакея, потому что мнѣ нечѣмъ и негдѣ жить. Вотъ вамъ правда. Говорю это вамъ одному, потому что вы иностранецъ.

— Какъ же твоя... Нѣтъ, ужъ я лучше буду говорить... какъ «ваша» фамилія?

— Моя фамилія вамъ ничего не скажетъ, какъ иностранцу, но она ничего не скажетъ и поляку... Вотъ когданибудь, можетъ быть,—вдругъ выговорилъ Козьма восторженно,—эта фамилія станетъ известна всей Рѣчи Посполитой.

— Ну, вотъ и другая загадка разъяснилась,—сказалъ Сэльянь.— Я чувствовалъ, что имѣю дѣло не съ простымъ лакеемъ. И я дѣйствительно нахожу патриота, который подаетъ тарелки и блюда, а мечтаетъ объ иномъ. *Un exploit! Un haut-fait d'arme!* О какомънибудь подвигѣ для спасенья родины!

Сэльянь всталъ и, протянувъ руку, прибавилъ:

— Вашу руку, господинъ Козьма.

Козьма, крѣтко улыбаясь, подалъ руку, и французъ крѣпко пожалъ ее.

— Но больше вы мнѣ ничего не скажете о себѣ?

— Нечего сказать. Скоро я такъ же, какъ и вы, буду въ числѣ конфедератовъ... И надѣюсь, добуду себѣ чинъ. Жалѣть себя не стану.

— Что же вы ждете здѣсь, унижаясь?...

— Жду скопить немного денегъ, и тогда первый начальникъ дивизіи, Пулавскій ли, Валевскій ли, или другой, который предложитъ мнѣ быть не рядовымъ, а дать офицерскій чинъ, я поступлю въ ряды защитниковъ отечества и буду не послѣдній.

— Въ этомъ я ни минуты не сомнѣваюсь,—воскликнулъ Сэльянъ.—Вы были для меня загадкой. Я чуялъ въ васъ что-то... Но почему же не поступить вамъ вмѣстѣ со мною сейчасъ? Ну, къ Пулавскому?!...

— А деньги? У меня даже на обмундированіе приличное еще нѣтъ.

— У меня есть деньги. Замѣьте, не мои личные: деньги французскаго правительства... Эти вы можете принять смѣло, потому что онѣ выдаются министромъ герцогомъ Шуази на борьбу поляковъ съ русскими. Стало быть, вы на нихъ имѣете полное право, какъ и мы, волонтеры, прибывающіе сюда, въ Польшу.

Козьма молчалъ.

— Что же? Скажите слово, и я напишу моему начальнику... Новому начальнику, такъ какъ Дюмурье бросилъ дѣло и уѣзжаетъ. Я напишу Шуази, и деньги будутъ тотчасъ. Ну-съ, согласны?

— Согласенъ!—вымолвилъ Кузьма вдругъ громко и рѣзко, какъ бы слово это вырвалось у него противъ воли.—Я страшно не рѣшителенъ!—прибавилъ онъ, какъ бы оправдываясь.—Это мой главный порокъ. Всякій меня можетъ съ толку сбить и въ хорошую и въ дурную сторону. Если бы не это, я бы давно былъ въ дивизіи несчастнаго Савы и, можетъ быть, уже и погибъ бы вмѣстѣ съ нимъ... Но меня удерживаетъ здѣсь одна женщина... Теперь конецъ!.. Вы побѣдили! Я съ вами. Я больше не лакей здѣсь. Слава Богу! Пора! Это было невыносимо. Ну-съ, теперь я вамъ назовусь. Это будетъ честнѣе, хотя повторяю мое имя самое обыкновенное польское имя. Я—Козьма Косинскій.

— Ну, monsieur Косинскій... Я сейчасъ пишу Шуази о новомъ волонтерѣ на наши средства... Вотъ неожиданность...

— Да... И я не ожидалъ... Сегодня еще я...

Въ корридорѣ раздался голосъ, звавшій громко.

— Козьма! Козьма!

Оба они прислушались и разсмѣялись. Косинскій протянулъ руку Сэльяну, крѣпко пожалъ ее и выговорилъ улыбаясь:

— А куда деньги французскаго короля не пришли, я буду продолжать подавать и жаркія, и вина, и кофе господамъ проѣзжимъ.

— Это не все,—разсмѣялся Сэльянъ.— Въ качествѣ не лакея, а моего друга, вы будете помогать мнѣ побѣдить сердце панны Агаты, если только она не уѣдетъ вдругъ съ своими мужьями.

— Одинъ изъ нихъ уѣзжаетъ сегодня. Но она съ своимъ настоящимъ любезнымъ останется еще, кажется, на недѣлю.

— Кто онъ? Какъ его звать?

— Стравинскій... Офицеръ. Умный и славный человекъ. Онъ также, какъ и вы меня... меня пронюхалъ и пыталъ. Но я не сознался ни въ чемъ и теперь играю съ нимъ роль простаго безграмотнаго лакея. Но онъ мнѣ нравится, и я думаю, что...

— Козьма! Козьма! Дьяволъ!!— снова раздалось въ корридорѣ на всю гостиницу.

Косинскій расхохотался и выбѣжалъ.

— Заразъ, пане...—крикнулъ онъ весело.

Сэльянъ остался одинъ и думалъ:

— Ну, а теперь надо разгадать другую загадку, что такое Агата Францъ.

VI.

Среди тихой, пасмурной ночи монастырь сакраментокъ крѣпко спалъ. Легкій туманъ заволокъ всю окружность; отдѣльныя густыя облачка вдоль рѣчки носились привидѣніями. Вокругъ ограды монастырской было нѣсколько ясенѣ, но за полемъ къ лѣсу туманъ былъ плотнѣе, бѣлыя волокна, будто зацѣпившись за вѣтви деревьевъ, сгущались стѣной.

Около полуночи, въ верстѣ отъ монастыря, на опушкѣ лѣса, остановилась цѣлая банда всадниковъ, человекъ въ пятнадцать. Съ верховыми была бричка парой, въ которой были положены мягкія подушки, но никого не сидѣло. Спѣшившись, всадники привязали своихъ лошадей къ деревьямъ.

— Ну, панъ Илиничъ, — сказалъ старшій изъ всѣхъ, длиннорусый, сѣдой и, повидимому, начальникъ отряда, — хотя время и терпитъ: полуночи еще нѣтъ, а, всетаки, мѣшкать не надо. Съ Богомъ, за дѣло!

— Черезъ четверть часа будемъ здѣсь! — весело отозвался Илиничъ.

Если бы не темнота, то окружавшіе его всадники увидѣли бы, какъ сіяло счастьемъ его лицо. Но если бы не темнота, то и самъ Илиничъ увидѣлъ бы лица своихъ товарищей и, пожалуй, призадумался бы.

Этотъ самый сѣдоусый пріятель, прозвищемъ Хвалибогъ, то-ропя его, ехидно улыбался подѣ своими густыми похлопками ви-сящими внизъ усищами.

Илиничъ двинулся черезъ поле почти бѣгомъ, придерживая од-ной рукой саблю, другой пистолеты за поясомъ, чтобы не звенѣли. Среди окрестной тиши малѣйшій звукъ разбѣгался будто весело далеко кругомъ.

Приблизившись къ монастырской оградѣ, Илиничъ при остано-вился и присмотрѣлся... Тамъ, гдѣ сидѣлъ онъ послѣдній разъ съ Магдой, была уже ограда, но зато дальше, шагахъ въ двадцати, такъ же бѣлѣлась кучка бѣлыхъ обтесанныхъ столбовъ и досокъ. Отверстіе перемѣстилось. Тихо и осторожно двинулся онъ, и сердце его забилось шибче. Что сейчасъ узнаетъ онъ? Тутъ она или нѣтъ? Ждетъ ли его? Да, наконецъ, любить ли на столько, чтобы не сму-титься въ минуту роковаго шага? Можетъ быть, не рѣшилась? Нѣтъ! Она любить его... Но, можетъ быть, простая случайность... Ей по-мѣшаетъ что либо выйти изъ монастыря. И придется вдругъ от-ложить дѣло, отъ котораго зависитъ вся ихъ жизнь.

Уже шагахъ въ пяти отъ бѣлѣющихся столбовъ, Илиничъ уви-дѣлъ темную фигурку, которая показалась изъ-за нихъ.

— Магдуса?—тихо вымолвилъ онъ.

— Я, милый! — отозвался голосъ, и дѣвушка бросилась на-встрѣчу.

— Слава Богу!—воскликнулъ онъ, схвативъ ее за руки.—А я уже сомнѣвался и трусилъ. Ну, въ добрый часъ. Бѣжимъ скорѣе!

— Гдѣ они?

— Тутъ, на опушкѣ лѣса. Черезъ пять минутъ будешь въ бричкѣ, а черезъ часъ уже въ церкви.

— Я боюсь, Янъ!—отозвалась дѣвушка упавшимъ голосомъ, и руки ея, ледяныя отъ волненія, задрожали въ рукахъ Илинича.

— Полно, Господь съ тобой! Не бояться, а радоваться надо. Ну, бѣжимъ.

И скорымъ шагомъ, изрѣдка почти бѣгомъ, молодые люди на-правились снова къ опушкѣ.

— Какъ мудрено и какъ просто!—весело восклицалъ Илиничъ.— Мудренное дѣло, наше дѣло! Я нищій, только слава что шляхтичъ, ты богачка, да еще чуть не монахиня, и вотъ черезъ часъ ксендзъ въ церкви помолится, кое-что по обычаю учинить, и мы станемъ мужъ и жена, и никто тебя за всю нашу жизнь отнять у меня не сможетъ. Скажи, не будешь ты раскаиваться, что выбрала въ мужья бѣдняка.

— О, полно!—отозвалась Магда.—Лишь бы все слава Богу сошло.

Когда молодые люди были въ виду всадниковъ, всѣ они, си-дѣвшіе въ кругу, сразу поднялись и двинулись навстрѣчу и об-ступили ихъ.

— Vivat панъ Илиничъ! Vivat панна! Вотъ лихо! Молодецъ, чортъ побери!—раздались голоса кругомъ.

Молодая дѣвушка смущенно понурилась и опустила голову. Не прошло, однако, пяти минутъ, какъ она была уже въ бричкѣ, а всѣ всадники на коняхъ, и поѣздъ двинулся. Бричка держалась въ срединѣ, а впереди и сзади скакало и гарцовало по нѣскольку человекъ. Илиничъ привязалъ лошадь сзади кузова брички, а самъ сѣлъ съ своей возлюбленной, чтобы переговорить, наглядѣться на нее и порадоваться.

— Боялась выходить изъ монастыря?—говорилъ онъ.—Такой шагъ въ жизни—роковой.

— Нѣтъ! Боялась, что вдругъ, какъ на зло, помѣшаетъ ктонибудь, увидить... А скажи, далеко ли? Я все боюсь...

— Часъ ѣзды, больше не будетъ. Мѣстечко Ольховицы. Тамъ все устроено, ксендзъ ждетъ, и храмъ, поди, уже теперь освѣщается. Все заказано къ полуночи. Спасибо, ойче покладистый. Онъ и имени моего не спросилъ, а только заботился, когда свои двадцать пять дукатовъ получить: прежде, или послѣ вѣнчанія.

И Илиничъ сталъ смѣяться.

— Ну, а эти кто?—тревожно спросила Магда, показывая передъ собой.

— Пріятели, друзья вѣрные. Кого я нашель, а кто самъ вызвался. А вонъ этотъ, что впереди скачетъ, съ сѣдыми усищами,—началь весело болтать Илиничъ,—этотъ диво что за человекъ. Со мной онъ стѣсняется и ведетъ себя скромно. Но я знаю, онъ балагуръ, пьяница, картежникъ, буянъ, но золото-человѣкъ. Онъ мнѣ и ксендзовъ искалъ податливыхъ, чтобы насъ безъ бумагъ обвѣнчать. Но я уже своего имѣлъ, нашель въ Ольховицахъ, въ глуши... Этотъ сѣдоусый присталъ къ намъ послѣднимъ, съ недѣлю только тому назадъ, а видишь—чуть не региментаръ. Какъ повелѣваетъ!.. Это будто вдругъ само собой вышло. Я ему одному за всѣ хлопоты сто золотыхъ обѣщаль.

— Я боюсь!—снова помолчавъ выговорила Магда.

— Господь съ тобой. Не смущайся... Все обдуманно, налажено. Нечего бояться! Вотъ только тутъ на половинѣ пути деревушка краемъ вышла, гдѣ стоитъ авангардъ какой-то дивизіи конфедератской. Я самъ конфедератъ, знаю, что мы иной разъ творимъ. Вотъ лишь бы миновать эту деревушку безъ помѣхи.

— Но что же можетъ быть? — встревожилась Магда, и голосъ ея упалъ.

— Ничего особеннаго! Могутъ привязаться, коли завидятъ. Ну, что же? Мы не хлопы! Это хорошо по избамъ шарить, отнимать хлѣбъ, молоко или куръ у крестьянъ или у бабъ. А мы такіе же, какъ и они, при сабляхъ. Лошадей и оружія даромъ не дадимъ, а куръ, яицъ или капусты съ нами нѣтъ.

И Илиничъ, снова весело и звонко разсмѣявшись, поцѣловаль свою возлюбленную и, тотчасъ выпрыгнувъ на ходу изъ брички, ловко вскочилъ снова на лошадь. Пришпоривъ ее, онъ выѣхаль впередъ и, подѣхавъ къ Хвалибогу, двинулся рядомъ съ нимъ.

— А что, панъ Илиничъ, богачка твоя невѣста несказанная?— заговорилъ Хвалибогъ, крутя и вытягивая свои усища на подбородокъ.

— Говорять, страшно богата. Да мнѣ что. Я не изъ-за этого.

— Вѣстимо! Такъ всегда слѣдуетъ говорить. А будь она дурно-рожая, да безъ гроша въ карманѣ, такъ, поди, не сталъ бы ее воровать изъ монастыря.

— Будь красавица и безъ состоянія, я бы, всетаки, полюбилъ ее!—горячо отозвался Илиничъ.

— Такъ вотъ что, пане. Бери ее одну, а мнѣ ея деньги всѣ отдай, коли онѣ тебѣ не нужны.

И Хвалибогъ захохоталь своимъ гулкимъ смѣхомъ.

— Что деньги! Деньги—последнее дѣло,—отозвался Илиничъ задумчиво.

— А скажи, пане. Если бы тебѣ сказали теперь, что вся эта наша затѣя не удастся, что вмѣсто храма и вѣнчанія попадешь ты на сукъ въ петлю... И сказали бы тебѣ такъ: откупись! хочешь, чтобы все сошло благополучно, дай половину всего состоянія невѣсты. Вѣдь ты бы на это, пожалуй, пошелъ?

— Понятно бы пошелъ!

— Жаль, право!—жалобно произнесъ Хвалибогъ.—Жаль, что нельзя намъ съ тобой такой уговоръ здѣсь среди дороги подписать, что ты мнѣ даешь, ну, хоть только двадцать пять тысячъ дука-товъ. А на словахъ такихъ дѣлъ не дѣлаютъ. Знаешь что, панъ Илиничъ, вѣдь ты дуракъ.

— Что?!—воскликнулъ молодой малый, нѣсколько озадаченный и обиженный дерзостию.

— Не сердись, а ты дуракъ! Какъ же было мнѣ предложить сотню золотыхъ, а этимъ всѣмъ по двадцати пяти за такое дѣло, гдѣ миллиономъ пахнетъ! Ну, вдругъ найдется кто другой, да предложить намъ вотъ сейчасъ тутъ, среди дороги, по триста, а то по тысячѣ золотыхъ. Вѣдь эти тысячи будутъ каплей въ морѣ, въ томъ, чѣмъ владѣетъ панна Напольская. И вдругъ мы тебя и продадимъ, да вмѣсто храма-то Божьяго заведемъ въ лѣсъ, да и по-вѣсимъ.

Голосъ Хвалибога звучаль такъ странно, что Илиничъ вдругъ, самъ не зная почему, смутился, и въ первый разъ ему пришло на умъ, что во всей этой кучкѣ помощниковъ у него нѣтъ ни единого вѣрнаго друга. Все это сбродъ, собранный имъ или напросившійся Богъ вѣсть откуда. Можетъ быть, половина изъ нихъ просто бѣглецы и шатуны бездомные, а половина и совсѣмъ грабители.

«Что я это съ ума сошелъ! — подумалъ Илиничъ. — Мнѣ-то до этого дѣла нѣтъ. Лишь бы теперь насъ проводили до храма, а тамъ домой. Какой вздоръ въ голову лѣзетъ»...

И, завидя во мглѣ огоньки, онъ вспомнилъ, что это та самая деревушка, гдѣ уже третій день появился отрядъ конфедератовъ. Нѣсколько разъ хотѣлъ онъ узнать, кто командиръ дивизіи и этого авангарда, такъ какъ онъ зналъ лично двухъ дивизионныхъ командировъ, но, занятый своимъ дѣломъ, забывалъ.

И вотъ теперь, думалось ему, если кое-кто изъ конфедератовъ болтается по окрестности и нападетъ на нихъ, то онъ могъ бы однимъ словомъ остановить нападеніе, только крикнувъ имя ихъ начальника, имя Зарембы, или Валевскаго, или иного.

Въ эту самую минуту Хвалибогъ, вѣроятно, думавшій о томъ же, обернулся и крикнулъ скакавшимъ за нимъ всадникамъ:

— Прибавимъ шагъ! Валяй во всю!

И онъ пришипорилъ коня, а весь поѣздъ сразу двинулся крупной рысью, и затѣмъ и вскачь.

Двѣ добрыя лошади въ бричкѣ тоже понеслись. Илиничъ сообразилъ, что Магда, вѣроятно, оробѣла, и, пріостановивъ лошадь, снова сравнялся съ бричкой. И среди грома, топота копытъ и стука колесъ по неровной каменистой дорогѣ, онъ крикнулъ ей:

— Не бойся! Припустили, чтобы миновать скорѣй вотъ этихъ...

И онъ указалъ рукой на огни въ крайнихъ избахъ селенія, которыя были саженьяхъ въ тридцати отъ дороги.

Около версты неся поѣздъ вскачь и наконецъ перешелъ на рысь и на шагъ.

— Ну, и хорошо, что миновали этихъ чертей, спасителей отечества!—выговорилъ Хвалибогъ.

— За что такъ ихъ чествуешь?—выговорилъ Илиничъ.—Я самъ конфедератъ.

Хвалибогъ разсмѣялся.

— А я три раза былъ имъ и буду еще въ четвертый и въ пятый. Даже у Огинскаго въ Литвѣ былъ волонтеромъ. Есть деньги, я гуляю, а нѣтъ денегъ—иду въ грабители, или въ спасители отечества: все то же самое.—И онъ прибавилъ:—Ну, миновали! Теперь лишь бы все также благополучно къ концу шло. Далеко ли тутъ до оврага, что зовутъ Сгумъ, Сбумъ, или какъ тамъ Загой, что-ль?

— Забуй!—отозвался Илиничъ.—Сейчасъ же тутъ вотъ. Не будь пасмурно, такъ и видать бы было. Видишь, вонъ лѣсъ опять начинается, тутъ, не доѣзжая немного, и оврагъ. Я вчера еще тутъ...

— Ну, вотъ и хорошо!—перебилъ его Хвалибогъ.—Ужъ такъ хорошо, что лучше не надо!

И онъ вдругъ залился своимъ густымъ горластымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ будто насмѣшливымъ хохотомъ.

И опять, Богъ вѣсть почему, Илиничъ смутился. Онъ не узнавалъ Хвалибога, который за все это время ни разу дерзко не засмѣялся, не пошутилъ двусмысленно и былъ съ нимъ чрезвычайно вѣжливъ и почтителенъ, какъ если бы нанялся къ нему, важному человѣку, на службу. А теперь вдругъ въ эту роковую ночь этотъ же самый длинноусый старикъ обращается съ нимъ совсѣмъ иначе и заливается грубымъ и загадочнымъ хохотомъ.

Между тѣмъ, поѣздъ крупной рысью подвигался по проселку и, наконецъ, снова перейдя на шагъ, сталъ спускаться по косогору въ оврагъ.

Едва только начался спускъ, какъ Хвалибогъ, не смотря на крутизну, пришпорилъ лошадь и, пустившись чуть не рысью, далеко выѣхалъ впередъ. Затѣмъ онъ свистнулъ такъ, какъ если бы всю жизнь только и дѣлалъ это: пронзительный, богатырскій свистъ пронесся, казалось, по всей окрестности. А въ отвѣтъ тотчасъ же послышался свистокъ изъ глубины оврага. Между всадниками, окружавшими конвоемъ бричку, сразу поднялся смѣхъ и веселый говоръ.

— Вотъ бы, чортъ побери, путаница вышла, кабы никто не отвѣтилъ!—сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Да, ужъ какъ бы распутались, не знаю!—отозвался другой.—Хоть назадъ въ монастырь вези невѣсту.

Илиничъ услышалъ эти слова, и сразу сердце замерло въ немъ. Онъ готовъ былъ схватить себя за голову.

Чутье вдругъ подсказало ему, что не тамъ, у ограды монастыря, слѣдовало восклицать: «слава Богу!» а лишь вступая въ храмъ и даже выходя изъ него послѣ вѣнца.

— Но что же это?!—воскликнулъ онъ, какъ бы не понимая, что творится кругомъ него.

VII.

Между тѣмъ поѣздъ уже спустился въ оврагъ, и навстрѣчу ему появился снова Хвалибогъ, а за нимъ трое верховыхъ.

— Здравствуйте, добрые люди! Какъ поживаете!—воскликнулъ онъ, весело заливаясь тѣмъ же своимъ грубоватымъ смѣхомъ.—Знаете ли вы того ястреба, про котораго между нами рѣчь шла? Ну, вотъ онъ самъ!

И онъ показалъ на всадника, ѣхавшаго около него.

— Ну, а знаете ли вы одного воробья, малаго и глупаго. Будьте же милостивы, панове, умно и толково поотшибите ему крылышки. По командѣ, дружно! Нутка, разъ, два, три!—громко выкрикнулъ Хвалибогъ.

Илиничъ, остановившійся, какъ и другіе, и изумленно глядѣвшій на Хвалибога и появившихся изъ оврага всадниковъ, вдругъ

вскрикнулъ... Два ближайшихъ къ нему верховыхъ, подскочивъ, схватили его за руки и за горло. Не успѣлъ онъ опомниться, какъ былъ уже сброшенъ съ лошади и лежалъ на землѣ. Его оттащили въ сторону, обезоружили, связали по рукамъ и по ногамъ. Онъ еще не понималъ вполнѣ, что случилось, какъ уже скрученный лежалъ на травѣ, чуть не лишаясь сознанія отъ отчаянія. Онъ слышалъ страшный женскій крикъ и понималъ лишь смутно, что это она, Магда, вскрикнула.

А поѣздъ между тѣмъ двинулся далѣе и поднимался изъ оврага къ лѣсу, а около него остались лишь двое, державшихъ своихъ лошадей подъ уздцы. Одинъ изъ нихъ нагибался къ нему съ пистолетомъ въ рукѣ, направляя его ему въ голову.

— Матерь Божья!—взмолился Илиничъ, будто понявъ, наконецъ, что происходитъ.

Нагнувшійся надъ нимъ опустилъ руку съ пистолетомъ и выговорилъ:

— Нѣтъ же, панъ Владиславъ, я не могу! Никогда я такого не дѣлалъ и вижу теперь—не могу.

Товарищъ его молчалъ.

— Въ бою сто человѣкъ перебилъ, коли не больше, а этакого вотъ... не могу. Коли ужъ непремѣнно оно нужно, такъ самъ ты возьми этотъ грѣхъ на душу. Вѣдь для тебя оно нужно.

— Ну, нѣтъ!—отозвался этотъ.—Я тоже не стану... Да я и не желаю. Отецъ приказывалъ непремѣнно его умертвить, а по-моему оно совсѣмъ не нужно. Коли я черезъ часъ буду съ ней обвинчанъ, такъ что же онъ можетъ подѣлать? Живой или мертвый—онъ все равно не помѣха.

— И вѣрно, панъ! Такъ пускай его лежитъ. Можетъ, Богъ милостивъ, съ голоду околѣетъ, а на нашей душѣ, всетаки, грѣха не будетъ.

И оба, быстро вскочивъ въ сѣдла, исчезли изъ глазъ лежащаго Илинича. Вдали слышался топотъ, какъ будто даже слышался стукъ колесъ брички, и, наконецъ, все стихло, и снова вся окрестность замерла.

Илиничъ, лежа на спинѣ, скрученный веревками, не только не могъ встать, но не могъ двинуться. Вдобавокъ отчаяніе, дикое озлобленіе на самого себя за бессмысленное ребяческое поведеніе, казалось, лишили его послѣднихъ силъ. Все происшедшее то представлялось ему ясно, въ мельчайшихъ подробностяхъ, казалось естественно и законно, какъ будто имъ же самимъ необдуманно приготовленное, то снова все покрывалось какой-то пеленой, представлялось смутно, и онъ не могъ ничего понять, не могъ даже повѣрить, что онъ лежитъ связанный на днѣ оврага и только случайно остался въ живыхъ.

Сонъ ли все это и сейчасъ будетъ пробужденіе, или это дѣй-

ствительность? И если наступит сонъ, то уже иной, страшный, вѣчный. Прележавъ здѣсь въ глуши сутокъ двое-трое, онъ впадетъ въ безпамятство и умретъ съ голоду.

И Илиничъ принимался молиться, повторять всѣ молитвы, какія онъ зналъ съ дѣтства. Онъ закрывалъ глаза и чувствовалъ, что какъ будто безъ конца падаетъ и падаетъ съ страшной высоты въ страшную пропасть. И нѣтъ конца этому паденію...

— Эй! живой, что ли, или мертвый?—раздалось гдѣ-то въ этой пропасти, куда онъ падаетъ.

— Да. Должно быть, мертвый! — снова раздалось черезъ мгновение.—Можетъ, наши же ухлопали и ограбили.

Илиничъ понялъ, что это былъ голосъ около него. Онъ открылъ глаза... Передъ нимъ были опять двое верховыхъ. Лишенный почти разума отъ душевной смуты, Илиничъ сообразилъ, что это тѣ же двое, которые вернулись, чтобы покончить съ нимъ. Дѣйствительно, одинъ изъ нихъ спѣшился, подошелъ и нагнулся надъ нимъ.

— Ну, да. Раскалялись, что оставили, и вотъ сейчасъ конецъ...

— Кажется, еще живой?—вымолвилъ спѣшившійся всадникъ, нагибаясь къ самому лицу Илинича.—Живъ ли ты, что ли?

— Живъ!... — черезъ силу отозвался Илиничъ.

— А, живъ, такъ чего же валяешься тутъ? Э-е! да онъ, вишь, какъ перевязанъ.

— Развяжи его! — приказалъ другой, придвигаясь съ конемъ ближе.

Черезъ минуту Илиничъ, освобожденный отъ путъ, уже стоялъ передъ всадникомъ, который его допрашивалъ. Онъ коротко разсказалъ все, всю правду, не считая нужнымъ скрывать тайнаго дѣла, которое не удалось.

— И больше ты ничего не знаешь? Знаешь, что у тебя отняли невѣсту противъ воли и повезли вѣнчаться съ другимъ, а съ кѣмъ, не знаешь.

— Одинъ изъ нихъ называлъ другаго Владиславомъ — больше я ничего не знаю.

— Поклянись, что все это правда, что монахиня за тебя добровольно шла, а что теперь будетъ вѣнчаться съ постылымъ силкомъ.

— Клянусь Матерью Божіей и Младенцемъ Иисусомъ!—воскликнулъ Илиничъ, и въ голосѣ его прозвучала искренность и отчаяніе.

— Ну, а въ томъ же ли храмѣ, или въ другомъ?

— Полагаю, что въ томъ же. Все это такъ было подстроено. Я, какъ малый ребенокъ, поддался.

— Обидно, братецъ мой, что не могу я тебѣ помочь. Спасибо скажи, что не дали мы тебѣ умереть тутъ съ голоду. По этакой глуши въ недѣлю развѣ кто проѣдетъ одинъ разъ. Да ты кто такой? За ойчизну не ходилъ на москалей?

— Былъ конфедератомъ.

— У кого?

— Въ дивизіи Савы.

— Что?!—воскликнулъ всадникъ.—У кого? что?

— У Савы Цалинскаго, говорю... Я вмѣстѣ съ нимъ всю Литву прошелъ. Онъ на моихъ глазахъ умиралъ, когда ему ядромъ ногу оторвало.

— Ахъ, чортъ побери, не мудрено, что мнѣ твой голосъ знакомъ. Кто же ты?

— Янъ Илиничъ.

— Илиничъ?! Ба!... Да правда-ль это?... Ужъ очень ты измѣнился... Или на дворѣ темно, не видно. Ну-ка... скажи, ты что сдѣлалъ на глазахъ Савы подъ Чвартымъ Коломъ?

— Я двѣ пушки у москалей отнялъ и ему презентовалъ.

— Правда!

— А когда затѣмъ вскорѣ мы были разбиты москалями, генераломъ Суворовымъ, и нашъ Сава умеръ, я бѣжалъ...

— Знаю я. Да зачѣмъ бѣжалъ ты?

— А вотъ ради того, чтобы спасти милую, которую заточили, и жениться, а потомъ опять идти въ конфедераты къ Пулавскому, или къ Зарембѣ, но уже не съ одной саблей, а съ очень большими деньгами въ помощь братьямъ.

— Ну, Илиничъ. Счастливъ ты. Подойди ближе! Гляди-ка, кто я такой.

Илиничъ приблизился, присмотрѣлся и радостно ахнулъ... Передъ нимъ былъ его бывшій отрядный командиръ по дивизіи Цалинскаго, офицеръ, конфедератъ Луковскій.

Онъ былъ не долго въ отрядѣ его, но какъ равный, ибо однажды въ стычкѣ съ русскими войсками отважно защитилъ Луковскаго и, быть можетъ, спасъ отъ смерти.

— Нѣтъ!—воскликнулъ Луковскій.—Такъ этому не бывать! Я у тебя въ долгу. Коли ты забылъ—я помню. Садись вотъ на его лошадь. Да и въ память нашего общаго командира, незабвеннаго Савы, погибшаго отъ русскихъ, я тебя выручу теперь. На коня, Илиничъ, на коня!

Илиничъ вскочилъ въ сѣдло и чрезъ мгновеніе, еще не вполне опомнившись, скакалъ, едва поспѣвая за своимъ прежнимъ другомъ конфедератомъ, конь котораго былъ ретивѣе. Они неслись вихремъ. Тѣ же огоньки той же деревушки мелькнули передъ нимъ, и начался въ глазахъ Илинича какой-то волшебный круговоротъ... Онъ ничего не понималъ, а между тѣмъ сердце его радостно билось. Онъ чувствовалъ, что снова начинается новый чудный волшебный сонъ или же новая волшебная дѣйствительность.

Онъ сидѣлъ верхомъ на конѣ, который все еще прыгалъ подъ нимъ, разгоряченный скачкой. Передъ нимъ свѣтились два окошка избы, открывалась и затворялась хлопя дверь, а кругомъ все схо-

дился народъ, съѣзжались конные... Наконецъ, на крыльцѣ показался Луковскій и крикнулъ:

— Полсотни довольно! На коней!

И снова черезъ нѣсколько мгновений Илиничъ скакалъ около скачущаго офицера, а за ними, брякая оружіемъ и стуча копытами по землѣ, гремѣлъ и мчался лихо цѣлый отрядъ конфедератовъ. Онъ указывалъ дорогу къ тому храму, гдѣ долженъ былъ вѣнчаться съ Магдой.

И не просто, какъ бываетъ въ дѣйствительности, а именно какъ во снѣ, передъ Илиничемъ вдругъ, прежде чѣмъ онъ ожидалъ, благодаря нетерпѣнью, смутѣ и тревогѣ на душѣ, выросло селеніе и возсталъ въ туманѣ храмъ, ярко освѣщенный.

Весь отрядъ тихо подѣхалъ и еще тише спѣшился за оградой церковной. Илиничъ, не дожидаясь, бросился къ паперти, но Луковскій схватилъ его за руку.

— Глухой, обожди. Вмѣстѣ! Сунешься одинъ—убьютъ.

Илиничъ, не смотря на страстное желаніе — скорѣй броситься въ храмъ, гдѣ вѣнчается его врагъ, покорился.

Луковскій распорядился. Нѣсколько человекъ оставилъ онъ держать лошадей. Съ десятокъ другихъ разставилъ часовыми на паперти и у всѣхъ оконъ низенькой церкви. И тоже съ десятокъ были отправлены наблюдать издали за тремя молодцами, которые въ кучѣ поодаль отъ ограды стерегли своихъ лошадей, привязанныхъ кругомъ брички.

Луковскій и Илиничъ во главѣ двадцати человекъ тихо вошли въ храмъ, гдѣ у главнаго придѣла ксендзъ съ причтомъ совершалъ ночное вѣнчаніе.

При появленіи конфедератовъ сразу произошло общее смятеніе, все вскрикнуло, двинулось. Ксендзъ бросился въ сторону, причтъ за нимъ, и всѣ они скрылись за какой-то дверкой. Молодая дѣвушка кинулась къ престолу, но упала безъ памяти на его ступеньки. Хвалибогъ и его молодцы сомкнулись и, пови таскавъ сабли и пистолеты, приготовились къ оборонѣ. Но ихъ была сравнительно горсть.

— Что же, панове,—вскрикнулъ Луковскій,—неужто же мы будемъ кровь проливать въ храмѣ? Да и зачѣмъ? Васъ дюжина, а у меня—четыре десятка. Весь храмъ окруженъ, и мы васъ всѣхъ перекрошимъ. Дѣло ваше незаконное, воровское. Вотъ онъ—настоящій женихъ! Не лучше ли подобру-поздорову вамъ ѣхать восвояси однимъ къ себѣ, а намъ—къ себѣ съ невѣстой.

— Ни за что бы я никому не уступилъ, — выкрикнулъ Хвалибогъ, выступая впередъ,—лучше бы меня тутъ искрошить! Но тебѣ, пане Луковскій, всегда и вездѣ уступлю! Я у пана гетмана Огинскаго съ мѣсяцъ тому назадъ на службѣ былъ и тебя сразу призналъ. Бери панну и увози.

— Ну, спасибо. А это же кто? — показалъ Луковскій на молодого человѣка, связаннаго по рукамъ, стоявшаго въ сторонѣ и блѣднаго, какъ подотно.

— Это панъ Владиславъ Закржевскій,—отвѣтилъ Хвалибогъ.— Мы его силкомъ вѣнчать хотѣли, почему, здѣсь не мѣсто объяснять. Опоздай ты мало, я бы три тысячи дукатовъ заработалъ—вотъ все тебѣ объясненіе.

Между тѣмъ, Илиничъ былъ уже давно около Магды. Она пришла въ себя, но дико озиралась кругомъ, перепуганная на смерть всѣмъ пережитымъ за эти какихъ нибудь два часа времени.

— Матерь Божья! — раздался надъ ними голосъ Луковского.— Вотъ такъ красавица! Ну, пани, надо сейчасъ же опять вѣнчаться? Да не съ этимъ воромъ, а вотъ нимъ, съ Илиничемъ.

Магда хотѣла отвѣчать, но силы измѣнили ея. Она дрожала всѣмъ тѣломъ и только умоляющимъ взоромъ смотрѣла на Илинича, какъ бы прося о спасеніи, какъ бы воображая, что она все еще въ полной опасности и даже на волосъ отъ смерти.

Луковскій сталъ ретиво распоряжаться, велѣлъ позвать ксендза, любезно, хотя насмѣшливо, пригласилъ арестованныхъ предателей Илинича оставаться и присутствовать при вѣнчаніи. Онъ затѣмъ приказалъ юношѣ Закржевскому сѣсть въ сторонѣ на стулъ, такъ какъ тотъ отъ страха едва держался на ногахъ, и быть тоже зрителемъ.

— Какого ты Закржевскаго сынъ?—спросилъ онъ.

Молодой человѣкъ объяснилъ.

— А, вотъ котораго! Любопытно и пріятно знать. Воруя чужихъ невѣсть, ты, всетаки, далеко отсталъ отъ своего отца. Ну, вотъ погляди тутъ, а потомъ поѣзжай къ отцу и передай: поручикъ Луковскій, отрядный начальникъ литовскихъ войскъ, велѣлъ де вамъ сказать отъ имени великаго гетмана, что вы — подлець и предатель, предавшись королю, и что если вы когда попадетесь ему въ руки, то онъ васъ повѣситъ, какъ собаку за хвостъ, на первой соснѣ. Слышишь?

— Слышу,—глухо отозвался молодой человѣкъ.

— Онъ объявился лишь на сихъ дняхъ партизаномъ короля и надѣлъ уланскій мундиръ. Мнѣ это вчера сказали друзья, здѣшніе помѣщики. Но гетманъ это давно зналъ... Нашелъ же подлець время! Когда даже всѣ литовскія войска съ гетманомъ открыто подали руку конфедератамъ, и мы вербуемъ себѣ волонтеровъ подъ самой Варшавой... Вотъ какъ я здѣсь, въ Люблинѣ... Въ это время стать Іудею!.. Скажи ему, отцу, намъ не попадаться. А мы скоро будемъ подъ Варшавой, чтобъ свергнуть короля и короновать другаго, болѣе достойнаго!

Молодой Закржевскій, а равно и Хвалибогъ со своими молодцами, опустивъ головы, какъ-то смущенно и уныло выслушали слова Луковского.

Между тѣмъ посланные за ксендзомъ конфедераты возвращались одинъ за другимъ и заявляли одно и то же... Ксендзъ и весь причтъ исчезли безслѣдно. Крестьяне на деревнѣ говорили, что видѣли, какъ всѣ они, и ойче во главѣ, пробѣжали и спрятались въ огородахъ. Другіе увѣряли, что они со страху убѣжали въ лѣсъ.

— Ну, дѣлать нечего! По домамъ, — сказала Луковскій. — Обвѣнчаемъ Илиничу у себя. Все одно. Ну-съ, а вы, панове, извините, бричку мы у васъ возьмемъ для невѣсты. За то вѣдь жизнь вамъ осталась... Ну, проваливайте, воры. И въ другой разъ не попадайтесь! Въ наше время надо собою за отчизну жертвовать, москалей истреблять, а не разбойничать. Ну, вонъ!.. Съ глазъ долой!

— Нѣтъ, не я!.. Пускай они отправляются по домамъ. А я къ тебѣ, пане... Прости и возьми меня къ себѣ въ отрядъ. Я рубака... Заслужу тебѣ и гетману. Возьми, пане.

Это говорилъ Хвалибогъ, низко кланаясь.

— Ты уже былъ съ нами и бѣжалъ... — отозвался Луковскій, какъ бы колеблясь.

— Твои горячія слова меня за сердце схватили, — отвѣтилъ Хвалибогъ съ чувствомъ. — Прости за глупое дѣло... Хотѣлъ денегъ заработать... Что же, не великъ грѣхъ! Заслужу гетману и тебѣ.

— Ну, ладно. Беру. Ступай за нами. Но знай... Завтра же ввечеру мы скорымъ маршемъ и въ разсыпную опять двигаемся домой. Надо быть скорѣе въ Слонимѣ.

Между тѣмъ Илиничъ и двое другихъ подняли молодую дѣвушку, которая безъ кровинки въ лицѣ была снова въ полузабытѣ, и осторожно понесли изъ церкви. Затѣмъ ее уложили на подушки въ поданную бричку, и Илиничъ сѣлъ у нея въ ногахъ.

Поѣздъ тронулся, длинный, гулкій, веселый...

Луковскій ѣхалъ впереди всѣхъ и думалъ:

— Радъ, что услужилъ, отплатилъ добромъ за добро... Но какъ она хороша! Какъ хороша! Ну, ему ли, этому Илиничу — такую красавицу... И вдобавокъ, говоритъ онъ, у нея чуть не миллионъ... Да, смутишься, глядя на чужое счастье... Какъ хороша!

А Илиничъ въ то же время, не спуская глазъ съ своей возлюбленной, часто называлъ ее по имени. Наконецъ, Магда пришла вполнѣ въ себя и робко спросила, куда они ѣдутъ. Илиничъ объяснилъ ей все: кто его спаситель, и какъ все удивительно произошло... Магда слушала и, ужасаясь прошлому, радостно улыбалась.

— У меня теперь только глаза открылись, Магда, — кончилъ онъ. — Кругомъ насъ враги. Не одинъ Дзялынскій... А и Закржевскіе... Да, поди, и другіе еще есть. Я хочу просить Луковского взять насъ завтра съ собой въ Слонимъ... Онъ насъ не выдастъ, еслибъ и опять кто напалъ... А тамъ обвѣнчаемся и увидимъ, что дѣлать. Согласна ты?..

— Конечно,—прошептала Магда.—Далеко это?

— Слонимъ?.. Версть двѣсти... Тамъ насъ никто не достанетъ... Ну, вотъ гляди... Огни...

Вдали уже мерцали огоньки той деревушки, въ которой стоялъ отрядъ Луковского, и которой въ эту ночь Илиничъ боялся. А теперь онъ спасался въ ней же со своей возлюбленной.

— Въ чудное время мы живемъ!—вырвалось у него.

Поѣздъ въѣхалъ въ деревушку. Послѣднимъ двигался всадникъ, суровый, задумчивый, со склоненной головой. Онъ тербилъ свои длинные усы и ворчалъ себѣ подъ носъ:

— Ну, ты, молокососъ... Да и ты, гетманъ... Погодите... Добро! Добро! Я изъ-за васъ, дьяволовъ, потерялъ обѣщанныя три тысячи дукатовъ. Это не бездѣлица! Другаго Дзялынскаго и другаго такого случая, сто лѣтъ проживи, не дожدهшься... Ну, добро... У Хвалибога память хорошая!..

Гр. Салиасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПАВЕЛЬ СТЕПАНОВИЧЪ ФЕДОРОВЪ

ГОЛЪ. ЦЕНЪ. СИБ. 19 ЯНВ. 1894 Г.

ПЕРЕДЪ ОПЕРАЦІЕЙ.

Неизданное стихотвореніе А. Н. Апухтина.

ВЕЛЛАЯ, по мѣрѣ силъ своихъ, участвовать въ общемъ дѣлѣ помощи голодающимъ въ бѣдственный 1891 годъ, я задумалъ издать сборникъ, для котораго, кромѣ многихъ знакомыхъ мнѣ литераторовъ и художниковъ, обѣщаль дать рассказъ и графъ Левъ Николаевичъ Толстой, находившійся въ то время въ Вѣгичевкѣ, имѣни моего двоюроднаго брата И. И. Раевского. Когда я пріѣхалъ въ Вѣгичевку, то для меня стало ясно, что графу Л. Н. было не до моего сборника и не до окончанія уже начатаго имъ рассказа. Все вниманіе его было поглощено окружавшимъ его бѣдствіемъ и организацией помощи голодающимъ волостямъ Данковского уѣзда, а тутъ еще, къ общему горю, И. И. Раевскій простудился и черезъ нѣсколько дней скончался, такъ что на графа Л. Н. легъ двойной трудъ, ибо самая мысль объ основаніи бесплатныхъ столовыхъ и устройствѣ ихъ принадлежала Раевскому. При такихъ условіяхъ, я, конечно, не рѣшился надоедать Л. Н. просьбами объ окончаніи рассказа, остановившагося на третьей главѣ. (Рассказъ начинался описаніемъ великолѣпной охоты одного помѣщика, обстановка которой сопоставлялась съ жизнью крестьянъ въ голодающей деревнѣ, куда заѣхалъ отъѣзжимъ полемъ помѣщикъ и гдѣ ловятъ куръ для его изысканнаго обѣда...). Такъ какъ успѣхъ задуманнаго мною сборника зависѣлъ главнымъ образомъ отъ участія въ немъ графа Л. Н., то, не получивъ его рассказа, я вынужденъ былъ отказаться отъ моего предпріятія. Впрочемъ, въ изданіи сборника и не оказывалось уже особенной надобности потому, что пожертвованія посыпались къ графу Л. Н. со всѣхъ сторонъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, на ближайшую въ Вѣгичевкѣ почтовую станцію Черново, была прислана масса денежныхъ пакетовъ на сумму до одиннадцати тысячъ рублей! Это обстоятельство до такой степени смутило станціоннаго смотрителя, никогда не получавшаго и не выдавашаго на своей станціи столь большихъ денегъ, что онъ, какъ рассказывали, бѣжалъ, но не такъ, какъ обычно практикуется, то-есть съ деньгами, а безъ нихъ, и явился въ Рязань къ начальству съ просьбой избавить его отъ неожиданно павшей на него ответственности, или дать ему помощниковъ, или караулъ, въ виду

того, что держать чуть ли не въ избѣ, среди голоднаго населенія, такую массу денегъ было, по его мнѣнью, опасно...

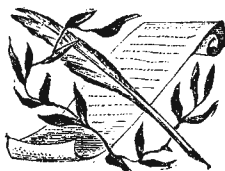
Въ числѣ рукописей, присланныхъ мнѣ для моего сборника, у меня сохранилось стихотвореніе недавно скончавшагося поэта А. Н. Апухтина. Я считаю себя не въ правѣ держать въ неизвѣстности это прекрасное стихотвореніе, отданное въ мое полное распоряженіе, и препровождаю его въ редакцію «Историческаго Вѣстника».

Князь Д. Д. Оболенскій.

Вы говорите, докторъ, что исходъ
Сомнителенъ? Ну, что-жь, Господня воля!
Вѣдь мнѣ пошелъ пятидесятый годъ,
Довольно я жила. Вотъ только бѣдный Коля
Меня смущаетъ: слишкомъ пылкій нравъ,
Идеямъ новымъ преданъ онъ такъ страстно;
Мнѣ трудно спорить съ нимъ, онъ, можетъ быть, и правъ...
Боюсь, что жизнь свою загубить онъ напрасно.
О, еслибъ мнѣ дожить до радостнаго дня,
Когда онъ кончитъ курсъ и выберетъ дорогу!
Мнѣ хлороформъ не нуженъ: слава Богу,
Привыкла къ мукамъ я... А около меня
Портреты всѣхъ дѣтей поставьте, докторъ милый.
Пока могу смогрѣть, хочу я видѣть ихъ.
Повѣрьте: въ лицахъ дорогихъ
Я больше почерпну терпѣнія и силы.
Вы видите: вонъ тамъ, на той стѣнѣ,
Въ дубовой рамкѣ—Коля, въ черной—Митя...
Вы помните, когда онъ умеръ въ дифтеритѣ
Здѣсь, на моихъ рукахъ,—вы все твердили мнѣ,
Что заражусь я; прошло пятнадцать лѣтъ...
Что вытерпѣла я болѣзней, горя... Боже!
Вы, докторъ, знаете... А гдѣ же Саша? Нѣтъ,
Тутъ онъ съ своей женой... Богъ съ нею!
Снимите тотъ портретъ, въ мундирѣ, подлѣ васъ.
Невольню духомъ я слабѣю,
Какъ только встрѣчу взглядъ ея холодныхъ глазъ.
Все Сашу мучить въ ней: безцѣльное кокетство,
Характеръ адскій, дикая вражда
Къ семейству нашему... Вы знали Сашу съ дѣтства.
Не жаловался онъ ребенкомъ никогда,
А тутъ, въ послѣдній разъ—но это между нами—
Онъ началъ говорить мнѣ о женѣ,
Потомъ вдругъ замолчалъ, упалъ на грудь ко мнѣ
И плакалъ дѣтскими, безсильными слезами.

Я людямъ все теперь простить должна,
Но, каюсь, этихъ слезъ я не простила...
А прежде какъ она любила,
Какимъ казалась ангеломъ она!
Вотъ Оля съ дѣтками. За этихъ, умирая,
Спокойна я. Наташа, ангель мой!
Уставила въ меня глазенки, какъ живая,
И хочетъ выскочить изъ рамки золотой!
Мнѣ больно шевельнуть рукой. Перекрестите
Хоть вы меня... Смѣшно вамъ, старый атеистъ.
Что-жъ дѣлать, Богъ простить. Вотъ такъ. Да отворите
Окно. Какъ воздухъ свѣжъ и чистъ,
Какъ быстро тучки бѣлыя несутся
По неразгаданнымъ, жестокимъ небесамъ...
Да, вотъ еще: къ моимъ похоронамъ,
Конечно, дѣти соберутся.
Скажите имъ, что, умирая, мать
Благословила ихъ и любить; но ни слова,
Что я такъ мучилась... зачѣмъ ихъ огорчать!...
Ну, докторъ, а теперь начните: я готова.

А. Апухтинъ.

ВОСПОМИНАНІЯ М. О. КАМЕНСКОЙ¹⁾.

III.

Тетка моя Вѣра Петровна Шишкова.—Дядя графъ Владиміръ Петровичъ Толстой. — Дядя графъ Константинъ Петровичъ Толстой. — Статсъ-дама графиня Марія Андреевна Румянцева.—Исторія ея замужества. — Характеристика дяди Константина Петровича. — Неожиданное приданое. — Тетка графиня Надежда Петровна Толстая. — Приключеніе съ дѣдомъ. — Дядя графъ Петръ Петровичъ Толстой.—Его трагическая кончина.

ПРИБЛАЗКАЗЫВАЯ о моемъ дѣтствѣ, я такъ поспѣшила похвастаться моею раннею памятью, что перескочила черезъ старшую дочь дѣда моего и принялась прямо за дядю Александра. А тетку Вѣру Петровну пропустить было бы грѣхъ, потому что она была очень хорошая женщина, и при томъ любимица отца моего, и онъ самъ рассказывалъ мнѣ о ней съ особенно теплымъ чувствомъ... Итакъ, первеницей у дѣда съ бабушкой была тетка Вѣра. Она родилась въ 1776 году, 2-го августа. Воспитаніе получила домашнее, довольно необыкновенное для знатной барышни Екатерининскаго времени. По словамъ покойнаго отца моего, любимая сестра его была совершенство. Стройна, хороша собой, добра, какъ ангелъ, и обладала всѣми возможными талантами: рисовала, играла на фортепіано, пѣла, сочиняла романсы, сама клала ихъ на музыку и очень мило писала стихи. А глав-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LV, стр. 32.

ное—рукодѣльница была удивительная: не было работы, которой она не дѣлала бы превосходно. У меня до сихъ поръ сохраняются ея рисунки акварелью въ стилѣ Вато и много рукодѣлій. По моему, рисунки немного «манерны», но вѣдь и вѣкъ такой былъ, что и барашки, и собаки должны были ломаться и сентиментальничать... А рукодѣлья самой тонкой изящной работы—удивительно хороши...

Вѣра Петровна любила до безумія брата своего Ѳедюшу и, лаская его, называла всегда «мой маленькій Рафаэльчикъ!». Должно быть, она тоже сильно повліяла на развитіе въ немъ художественнаго таланта... Жаль, что брату и сестрѣ не долго пришлось прожить вмѣстѣ. Въ 1793 году, 17 лѣтъ отъ роду, тетка Вѣра вышла замужъ за Дмитрія Семеновича Шишкова, родного брата адмирала Александра Семеновича Шишкова, который такъ усердствовалъ надъ «изысканіемъ корней русскихъ словъ». Черезъ два года послѣ своей женитьбы, Дмитрій Семеновичъ получилъ какое-то важное назначеніе въ Сибирь и уѣхалъ туда съ женою. И бѣдной молодой женщинѣ не суждено было возвратиться въ Петербургъ. На великое несчастіе Шишкова, обожаемая имъ жена, 22-хъ лѣтъ отъ роду, вторыми родами скончалась. Старшая дочь ихъ, Елизавета, въ которой они оба души не чаяли, жила еще и на моей памяти, а второй мальчикъ умеръ вмѣстѣ съ матерью.

Послѣ тетушки Вѣры Петровны у меня осталась драгоценная память, а именно: 84 письма ея изъ Сибири къ отцу и матери. Первое письмо написано съ дороги въ день горькой разлуки съ родителями и значится такъ: «№ 1. Ижора, 14 мая 1795 г.», а послѣднее, написанное за нѣсколько часовъ до ея кончины, значится такъ: «№ 84. Прѣсновская крѣпость, іюля 9-го 1798 г.». Боже мой, что это за прелестныя письма! Въ нихъ я прочла всю трехлѣтнюю жизнь тетки Вѣры въ Сибири, познакомилась съ нею и любила ее отъ всей души. Какое свѣтлое созданье была эта женщина! Такую нѣжную дочь, любящую жену, чудную мать и сострадательную къ горю ближняго душу трудно найти на бѣломъ свѣтѣ. И вмѣстѣ съ этими качествами какъ она была мила и женственна!

Перехожу ко второму брату ея, Владиміру Петровичу. Странное дѣло, что этого дяди я не помню совсѣмъ, а могла бы помнить прекрасно, потому что мнѣ было уже семь лѣтъ, когда онъ умеръ, въ 1824 году. Видно, онъ ничѣмъ особеннымъ не обратилъ на себя моего дѣтскаго вниманія, что измѣнила мнѣ моя хорошая память. По рассказамъ о немъ, могу сказать только то, что сначала онъ былъ военный, служилъ въ Кексгольмскомъ полку, потомъ перешелъ въ статскую службу и до конца жизни состоялъ на службѣ въ почтамтѣ; что человѣкъ онъ былъ милѣйшій, душа компаній, великій дамскій угодникъ, какъ всѣ Толстые; немножко риѣмоплетъ и любимецъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ; женатъ не былъ. Вотъ и все, что могу сказать о немъ.

Теперь добралась я, наконецъ, до дяди Константина, котораго знала хорошо и очень любила. Разумѣется, и объ его дѣтствѣ и юности буду рассказывать «со словъ большихъ», потому что между его и моими годами разница на цѣлыя 38 лѣтъ. Графъ Константинъ Петровичъ родился въ Петербургѣ въ 1780 году, 12 февраля. Первые годы дѣтства тоже провелъ въ домѣ родителей. Про эти годы Матрена Ефремовна, общая ихъ съ отцемъ моимъ няня, повѣствовала мнѣ такъ: «Костенька маленькій чистая ступа былъ! Головища у него была пребольшущая, все его перетягивала... А туда же, за Оедичкой норовилъ разныя штуки показывать. Тотъ бывало стройненькій, легонькій, какъ перышко, кувыркнется и станетъ на ножки, какъ струночка. А Костенька тоже за нимъ—кувыркъ! и головизной, какъ свайкой, объ полъ хлопъ!»... Послѣ, когда дядѣ пришла пора учиться, его, по ходатайству статсъ-дамы Маріи Андреевны Румянцевой, опредѣлили въ Шляхетскій кадетскій корпусъ (нынѣ первый кадетскій). Это было еще при директорѣ графѣ де-Бальменѣ; но скоро его замѣнилъ родственникъ императрицы Екатерины II, извѣстный умница графъ Ангальтъ, тотъ самый, который для облегченія маленькимъ кадетамъ будущаго ихъ ученія придумалъ расписать каменную стѣну вокругъ ихъ сада фресками и изобразить на нихъ извѣстныя историческія событія, страны свѣта, географическія карты, свѣтила, планеты небесныя и все, что впослѣдствіи должно было войти въ ихъ уроки. Стѣну эту тогдашніе художники расписали прекрасно, и графъ Ангальтъ назвалъ ее *miraille parlante*. И точно стѣна эта наглядно говорила о многомъ, такъ что мальчуганы, не учась еще серьезно, бѣгая и играя въ саду, невольно заглядывались на картинки и приходили въ классы уже подготовленными.

Не могу вытерпѣть, чтобы не бросить на минуту дяди и не передать здѣсь того, что онъ рассказывалъ мнѣ впослѣдствіи про свою благодѣтельницу Марію Андреевну Румянцеву. Она была дочь богатаго боярина Андрея Артамоновича Матвѣева и крестница Петра Великаго. Часто бывала она въ гостяхъ у крестнаго отца и тамъ познакомилась съ денщикомъ его, Румянцевымъ. Боярышня была красавица писаная. Румянцевъ влюбился въ нее безъ памяти и, не подумавъ о томъ, что онъ царскій денщикъ и больше ничего, заслалъ сватовъ къ Андрею Артамоновичу. Бояринъ, напыщенный своею знатностью и богатствомъ, съ презрѣніемъ отказалъ денщику наотрѣзъ... Румянцевъ съ горя, да и потому, что финансовыя дѣла въ то время были у него очень плохи, задумалъ жениться на богатой купчихѣ. Тамъ дѣло сладилось, и назначенъ уже былъ сговоръ. Царь Петръ узналъ объ этомъ въ день самаго сговора, сѣлъ въ свою одноколку и покотилъ въ домъ купца... И тамъ, не входя даже въ комнату, гдѣ за брачнымъ столомъ сидѣли рядышкомъ женихъ съ невѣстой, а пріотворивъ только въ

нее дверь, крикнулъ своимъ зычнымъ голосомъ: «этой свадьбѣ не бывать». Съѣлъ опять въ одноколку, да и былъ таковъ.

На другой день денщикъ пришелъ къ царю и, горько укоряя его въ немилости, сказалъ:

— Я бѣденъ, мнѣ жить не на что, оттого и хочу жениться на богатой купчихѣ.

Петръ выслушалъ его и отвѣтилъ:

— Не горюй, погоди. Развернется и моя рука...

Вскорѣ пришелся день рожденія князя кесаря Ромодановскаго, и царь, отъ своего имени, послалъ Румянцева съ поздравленіемъ. Кесарь, расчувствовавшись сдѣланною ему честью, на радостяхъ подарилъ денщику большой золотой кубокъ, насыпанный до верху червонцами...

Петръ, увидавъ этотъ подарокъ, улыбнулся и сказалъ:

— Ну, что-жъ?... Начинаетъ разворачиваться моя рука!...

Потомъ Румянцевъ былъ посланъ царемъ съ порученіями въ Парижъ, потомъ жалованъ деньгами и помѣстьями. Рука Петра разворачивалась все болѣе и болѣе. Наконецъ, царь самъ поѣхалъ къ боярину Матвѣеву сватать своего денщика за крестницу Машеньку... На этотъ разъ Андрей Артамоновичъ отказать побоялся, и свадьба состоялась. Рука Петра развернулась совсѣмъ. Румянцевъ сталъ богатъ и знатенъ.

Жена Румянцева, Марія Андреевна, жила чуть не Маусаиловы годы... Имѣла большой вѣсъ при дворѣ и до конца жизни была чтима и уважаема потомками Петра. Въ царствованіе Екатерины II, когда она опредѣляла дядю Константина въ корпусъ, ей было уже 94 года. Она въ это время проживала на покоѣ въ Лѣтнемъ саду, во дворцѣ Петра Великаго, окруженная шутихами, попугаями, дураками и москьями... Всегда носила красную ленту черезъ плечо и на плечѣ на голубомъ бантѣ портретъ Петра I. Ея собственный портретъ, снятый въ это время съ натуры тетушкой Вѣрой Петровой, сохраняется у меня до сихъ поръ. Долголѣтняя старушка умерла въ 1788 году, 97 лѣтъ отъ роду.

Возвращаюсь снова къ дядѣ Константину. Въ тѣ времена дѣтей въ корпусѣ принимали очень маленькими, и дядю отдали въ малолѣтнее отдѣленіе пятилѣтнимъ ребенкомъ. 17-ти лѣтъ онъ былъ уже выпущенъ офицеромъ въ какой-то Фридрихсгамскій полкъ, и военная карьера его пошла быстро и счастливо. Не смотря на то, что дядя рассказывалъ мнѣ про нее наиподробнѣйшимъ образомъ (не пропуская даже того, что онъ былъ лучшій танцоръ въ ихъ полку, и что разъ на балу сама шведская королева выбрала его себѣ кавалеромъ и танцевала съ нимъ), я, всетаки, не стану слѣдить шагъ за шагомъ за всѣми его отличіями и повышеніями, а скажу прямо, что онъ дѣлалъ шведскую кампанію и начало французской; вѣрно, онъ былъ очень храбръ, если получилъ золотую шпагу

«за храбрость», Анну 2-й степени и много еще каких-то орденовъ и медалей. Такой необыкновенной св. Анны, какая была у дяди, я что-то послѣ ни у кого не видывала: она была очень большая, и на четырехъ концахъ креста, на мѣстѣ теперешней эмали, сидѣли четыре продолговатые рубина, или стеклышка подъ рубинъ, и около нихъ были и брилліанты... Очень нарядный былъ крестъ. Но онъ принесъ дядѣ несчастье, или, разсуждая по военному, — счастье. Въ сраженіи, за которое онъ его получилъ, дядя былъ раненъ въ лѣвую ногу, не могъ продолжать военную службу и 26-ти лѣтъ выпущенъ въ отставку «съ мундиромъ». Но все это было еще задолго до моего рожденія, а когда я начала его знать, онъ былъ уже статскій, но, всетаки, носилъ постоянно свою нарядную съ красными камнями Анну на шеѣ, а всѣ другіе ордена въ маленькомъ видѣ на маленькой же золотой шпигѣ, какъ бутоньерку въ петличкѣ. Помню, какъ я любила разглядывать всѣ эти ордена, и вотъ въ это-то время онъ и разсказывалъ мнѣ, за что каждый изъ нихъ получилъ. Это все военныя доблести Константина Петровича, а теперь надо познакомить съ нимъ, какъ съ человѣкомъ. Наружностью онъ красивъ не былъ, но имѣлъ самое доброе, милое лицо; тѣломъ широкъ въ костяхъ, крѣпокъ и силенъ, въ движеніяхъ быстръ, торопливъ, но неловокъ. Какъ часто подъ старость онъ напоминалъ отзывъ о немъ няни Матрены Ефремовны! Очень любилъ милѣйшій старикъ дѣлать фокусы, которые ему, какъ въ дѣтствѣ кувырканіе, никогда не удавались... Характеромъ былъ онъ слабъ и податливъ... Но за то сердце имѣлъ самое доброе, мягкое и чистѣйшую душу. На всякое хорошее дѣло отзывался изъ первыхъ, ласку и доброе слово цѣнилъ выше всего. Да, вполнѣ прекраснѣйшій человѣкъ былъ дядя мой Константинъ. Выйдя въ отставку, онъ служилъ въ ассигнаціонномъ банкѣ и до самой смерти, какъ старшій Анненскій кавалеръ, засѣдалъ гдѣ-то при раздачѣ орденовъ... Женатъ онъ былъ два раза: первый разъ на дѣвицѣ Хлюстиной, которая вскорѣ умерла; второй разъ, за годъ до моего рожденія, на дѣвицѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Перовской. Въ 1817 году, у нихъ родился сынъ графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой, будущій нашъ поэтъ и драматургъ... А тутъ, черезъ два мѣсяца, и я поспѣшила выбраться на свѣтъ Божій. И очень умно сдѣлала, что не запоздала: потому что, по милости маленькаго Алеши, облеклась въ день моего рожденія въ батистъ и кружева, чего бы, по бѣдности отца моего, никакъ не могло бы быть... Вотъ какъ это случилось. Графиня Анна Алексѣевна, дожидаясь новаго пришельца въ здѣшій міръ и не зная еще, кого Богъ ей пошлетъ, приготовила на всякій случай два приданыхъ: одно для мальчика, а другое для дѣвочки, и, показывая эти прелестныя тряпочки моей маменькѣ, которая была въ такомъ же положеніи, какъ она, Анна Алексѣевна сказала:

— Вотъ, Annette, если я рожу мальчика, то дѣвочкино приданое ты возьмешь; а если я—дѣвочку, а ты—мальчика, то—наоборотъ... И вышло такъ счастливо, что я родилась дѣвочкой и «рикошетомъ» нарядилась въ батистъ и кружева... Но недолго мнѣ пришлось франтить: тетки мои плѣнились красотою моихъ кружевъ и найдя, что для меня они слишкомъ хороши, тотчасъ отпороли ихъ и пришили себѣ къ манишкамъ, а я такъ и носила обгрызанныя распашеночки и шапочки...

Графиня Анна Алексѣевна, не знаю почему, съ дядей Константиномъ не сошлась, и черезъ годъ послѣ рожденія маленькаго Алеши они разѣхались совсѣмъ. Такъ какъ въ дѣлахъ между мужемъ и женою судьей никто быть не можетъ, то лучше объ этомъ и замолчать. Отецъ мой, однако-жъ, иногда высказывалъ свое мнѣніе такъ:

— Братъ Константинъ никогда и не долженъ былъ жениться на Аннѣ Алексѣевнѣ: она слишкомъ умна для него... Тутъ ладу и ожидать было трудно.

Анна Алексѣевна съ своей стороны часто говорила отцу моему:

— Отчего ты не женился на мнѣ, Теодоръ? Я бы тебя очень любила...

— Да оттого, должно быть, что прежде тебя увидаль другую Аннету, влюбился и женился на ней, — тоже шуточкой отвѣчалъ ей Федоръ Петровичъ.

Я слышала, что до разрыва Анны Алексѣевны съ мужемъ она была очень дружна съ моимъ отцемъ и матерью. И послѣ, когда перестала видаться съ ними, сына своего, всетаки, присылала къ намъ во всѣ торжественные дни съ поздравленіями.

Теперь дядю Константина до поры до времени можно оставить, такъ какъ остальную жизнь свою онъ почти со мною не разлучался, а потому будетъ часто появляться въ моихъ запискахъ... Пора дать мѣсто крестной матери моей, теткѣ Надѣ, которая такъ давно ждетъ своей очереди.

Графиня Надежда Петровна Толстая, меньшая сестра отца моего, родилась въ Петербургѣ въ 1784 году, въ зданіи комиссаріата. Про годы ея дѣтства знаю только то, что ребенкомъ она была маленькая, худенькая, черненькая, какъ арапченокъ, съ огромными голубыми глазами и длинными вьющимися бѣлокुरыми волосами. Этому я вѣрю, потому что и подъ старость она была почти такая же: только лицомъ побѣлѣла, да чудная коса ея меньше вилась. Потомъ про нее рассказывали еще, что малюткой, когда воображеніе не можетъ разыгрываться, она видѣла двойникъ своей матери.

Какъ я говорила выше, квартира дѣда въ комиссаріатѣ выходила на Мойку. Два первыя окна въ бель-этажѣ отъ дома Юсупова принадлежали спальнѣ бабушки Елизаветы Федоровны, потомъ шла длинная амфилада комнатъ до воротъ, надъ которыми—полукруглое ве-

неціанское окно: это былъ кабинетъ дѣда. Бабушка часто приходила туда посидѣть съ работой у мужа. Вотъ разъ какъ-то оба они замѣтили, что маленькая ихъ Надя, не переставая бѣгать отъ спальни до дверей кабинета, постоитъ молча въ дверяхъ, посмотритъ на нихъ пристально и опять стремглавъ бросится бѣжать къ дверямъ спальни и тамъ постоитъ, постоитъ, и съ большими удивленными глазами бѣжить назадъ. Дѣду это показалось страннымъ; онъ остановилъ ее и спросилъ:

— Надя, что ты все бѣгаешь то туда, то сюда? Что ты на насъ такъ удивленно смотришь?..

— Отчего это и у васъ въ кабинетѣ сидитъ маменька и другая маменька такая же сидитъ въ спальнѣ? — тоже вопросомъ отвѣчалъ ребенокъ отцу.

Бабушка съ дѣдушкой взяли ее за ручки и повели въ спальню.

— Видишь, тебѣ показалось, — сказала немного испуганная Елизавета Егоровна, — меня тутъ нѣтъ!..

— Да, теперь нѣтъ, а были... я васъ видѣла: вонъ за этимъ столикомъ сидѣли...

И точно, должно быть, дѣвочка видѣла двойникъ своей матери, потому что тетка Надежда Петровна помнила этотъ случай до старости. Вотъ если бы теперь такой казусъ случился, какъ бы возрадовались спириты и вѣрно прокричали бы тетку Надю удивительнымъ медиумомъ!.. А тогда это видѣніе прошло безъ всякаго слѣда: дѣвочка продолжала спокойно расти подъ теплымъ крыломъ заботливой умной матери.

До восемнадцати лѣтъ тетка Надя прожила въ домѣ отца своего, а когда, въ 1802 году, бабушки не стало, Надежду Петровну взяла жить къ себѣ тетка ея, графиня Марія Алексѣевна Толстая, рожденная Сень-При, жена графа Александра Петровича Толстого, того самаго, который игралъ такую видную роль въ царствованіе Александра II. Изъ скромной тихой жизни у родителей тетка Надя попала въ самый большой свѣтъ. Тамъ ее любили, баловали, очень она веселилась, но замужъ почему-то не вышла. Однажды я ее спросила:

— Тетенька, отчего вы замужъ не вышли? Вы, кажется, были хорошенькая?..

— Оттого, душа моя, — отвѣчала она откровенно, — что никто никогда за меня не посватался. Ну, хоть бы одинъ женихъ у меня былъ, а то ни одинаго!.. Судьба была остаться старой дѣвкой, вотъ и все...

У тетушки Маріи Алексѣевны она прожила недолго. Начали ходить страшные слухи о томъ, что Наполеонъ собирается со своими полчищами нагрянуть на насъ. Газетныя извѣстія сулили общій разгромъ и на всѣхъ наводили страхъ... И дѣдъ мой, какъ многіе другіе помѣщики, собрался въ свою Владимірскую деревню, чтобы

спасти и припрятать тамъ отъ врага въ какое нибудь безопасное мѣсто свое серебро и кое-какія остававшіяся въ барскомъ домѣ цѣнныя вещи. Тетка Надежда Петровна не захотѣла отпустить отца одного: собралась и уѣхала съ нимъ вмѣстѣ. Пріѣхавъ въ деревню, графъ собралъ все небольшое добро свое, прискалъ укромное мѣстечко и ночью при себѣ приказалъ дворовымъ людямъ своимъ зарыть все въ землю. Когда это дѣло было благополучно окончено, онъ, сдѣлавъ распоряженіе на счетъ людей своихъ, съ успокоеннымъ сердцемъ пустился съ Надеждой Петровной въ обратный путь въ Петербургъ. Бѣдный старикъ понапрасну тогда совершилъ это путешествіе: ничего онъ отъ врага не припряталъ, ничего не сохранилъ своимъ дѣтямъ... Когда нагрянули французы въ имѣніе дѣда, одинъ изъ тѣхъ довѣренныхъ людей, который вмѣстѣ съ другими закапывалъ господское добро, желая подслужиться неприятелямъ, чая отъ нихъ за это «великія и богатія милости», указалъ имъ мѣсто, гдѣ все было спрятано. Но этотъ человекъ сильно ошибся въ расчетѣ: вмѣсто благодарности, французы избили предателя до полусмерти и, повиытаскавъ изъ земли все дѣдушкино добро, отправились дальше. Когда враги ушли, то дѣдушкины мужички и сами принялись за полумертваго измѣнника: били, били его до того, что забили въ лютую чахотку. А потомъ своимъ судомъ отняли у него и избенку, и землишку, и все, что у него было; короче сказать, сдѣлали его «бобылемъ». Остальную жизнь свою онъ съ женою своею питался мірскимъ подаяніемъ. О нихъ я упомянула потому, что, много лѣтъ спустя, вдова его Прасковья съ сыномъ Ванькой и дочерью Пашкой изъ жалости были взяты къ намъ въ домъ, гдѣ Ванька, тогда уже большой Иванъ, доказалъ, что «яблочко не далеко падаетъ отъ яблони». Но объ этомъ скажу въ свое время.

Возвращеніе дѣда съ теткой въ Петербургъ было гораздо затруднительнѣе, чѣмъ поѣздка въ деревню. Они ѣхали съ тремя крѣпостными людьми, то-есть камердинеромъ, горничной и кучеромъ, въ своемъ рыдванѣ на долгихъ. Всѣ мѣстности, по которымъ лежалъ ихъ путь, были взволнованы приближеніемъ враговъ: дороги были запружены экипажами и пѣшеходами. Помѣщики уѣзжали изъ насиженныхъ гнѣздъ своихъ, разнаго сословія люди бѣжали сами не зная куда, только бы подальше отъ французовъ. Лошадей доставать было трудно; приходилось ждать по цѣлымъ суткамъ и ждать, сидя голодомъ, потому что ничего изъ съѣстного невозможно было достать: всѣ почти лавки по дорогѣ были заперты. Наконецъ, извѣдавъ всѣ эти мытарства и муки, дѣдъ съ теткой дотащились до Москвы, гдѣ еще было тихо, а оттуда совсѣмъ покойно доѣхали до Петербурга. До окончанія войны тетка Надежда Петровна жила при отцѣ, до той поры, какъ отецъ и мать моя пригласили ее жить съ нами; это, кажется, было незадолго до моего рожденія. Переѣхавъ въ нашъ домъ, она до глубокой старости не

оставляла семьи нашей, а потому теперь особо говорить о ней больше не буду.

Чтобы всё мои дяди и тетки были въ сборѣ, мнѣ остается только рассказать о меньшемъ ихъ братѣ, Петрѣ, родившемся въ 1787 году. Этого мальчика за его доброе сердце, бойкій умъ и ласковый нравъ обожала вся семья. Какъ отецъ мой рисованіемъ, такъ Петруша съ ранняго дѣтства бредилъ кораблями и моремъ. По его желанію, онъ очень рано былъ отданъ въ морской корпусъ, гдѣ учился прекрасно и съ особеннымъ стараніемъ изучалъ англійскій языкъ, который ему вскорѣ и пригодился. Не окончивъ еще курса въ морскомъ корпусѣ, 15 лѣтъ отъ роду, не могу сказать какъ и почему, вѣроятно, по просьбѣ стараго графа, Петръ Петровичъ былъ взятъ знаменитымъ англійскимъ адмираломъ Нельсономъ въ кругосвѣтное плаваніе. Вскорѣ юный морячекъ своимъ усердіемъ и необыкновенною способностью къ морскому дѣлу обратилъ на себя особенное вниманіе адмирала; онъ полюбилъ юнаго графа и сталъ быстро выдвигать его впередъ. Въ англійской службѣ Петруша пробылъ шесть лѣтъ и въ чинѣ лейтенанта опять перешелъ въ русскій флотъ. Не смотря на молодость свою, въ англійскомъ и русскомъ флотѣ онъ былъ на прекрасномъ счету у начальства, и на него возлагались большія надежды въ будущемъ. По его возвращеніи на родину, въ отцовскомъ домѣ радость была великая. Вся семья не могла наглядѣться на своего 22-хъ-лѣтняго красавчика-лейтенанта. Но бѣдовая эта морская служба!... Не прошло и года, какъ опять нужно было разстаться: Петра Петровича назначили въ новое плаваніе по Балтійскому морю, откуда онъ уже не возвратился. Такъ близко отъ родины и родныхъ бѣдному, полному надеждъ, юношѣ суждено было погибнуть во время страшной бури!.. Вотъ что мнѣ рассказывали объ этомъ несчастномъ случаѣ. Была осень, сильные заморозки... Корабль, на которомъ находился Петруша, стоялъ на якорѣ въ виду острова Готланда. Капитанъ почему-то долженъ былъ отлучиться на берегъ, Толстой за него исправлялъ должность капитана. Вдругъ поднялась ужасная буря, вслѣдствіе которой что-то повредилось въ кораблѣ, и онъ далъ сильную течь. По быстротѣ, съ которой вода начала наполнять трюмъ, о починкѣ нельзя было и думать. Оставалось только спасать экипажъ. Графъ живо на двухъ катерахъ сталъ по очереди отправлять людей на островъ. При второй переправѣ на катерахъ не достало мѣста тремъ матросамъ и лейтенанту; они остались ожидать, когда катеръ вернется за ними. А между тѣмъ судно погружалось въ морѣ все глубже и глубже. Графъ и матросы поднимались выше и выше по реямъ; старые сильные матросы бодро выносили страшный холодъ, но юный, болѣе нѣжнаго сложенія Петруша, крѣпко держась за верхнюю рею, цѣпенѣлъ отъ холода и начиналъ уже погружаться въ сонливость. Спасительный катеръ, слѣша къ нимъ на помощь, былъ уже близко,

когда несчастный молодой человекъ, вѣроятно, заснувъ совершенно, сорвался съ мачты и упалъ въ море. И онъ, прекрасный пловецъ, не сдѣлалъ даже ни одного движенія, чтобы побороться съ волнами, а прямо, какъ ключъ, пошелъ ко дну. Остальные три матроса были приняты на катеръ и благополучно доставлены на берегъ. Вотъ отъ нихъ-то впоследствии и узнали подробности послѣднихъ минутъ Петруши. Такъ канули съ нимъ вмѣстѣ въ пучину морскую всѣ блестящія на него надежды! Можно себѣ представить тяжкое горе его родной семьи. Бѣдному старому графу не осталось даже утѣшенія посидѣть и поплакать на могилѣ такъ горячо любимаго меньшаго сына. Тѣло Петруши, разумѣется, найдено не могло быть.

IV.

Жизнь моего отца въ первое время послѣ женитьбы.—Захолустность Васильевскаго острова. — Приключеніе съ монахомъ и съ пуделемъ. — Статсъ-секретарь Н. М. Лонгиновъ. — Отецъ приступаетъ къ изображенію на медаляхъ событій 1812—1814 годовъ. — Чрезвычайная трудность и медленность этой работы. — Отношенія къ отцу императрицы Елисаветы Алексѣевны. — Благодѣтельная смородинка. — Поступленіе сестры Лизы въ патріотическое училище. — Заботы о ней императрицы. — Мое оригинальное представленіе государынѣ. — Безжалостное уничтоженіе шали. — Возращеніе сестры домой.

Помянула я всѣхъ милыхъ моему сердцу Толстыхъ, начиная съ дѣда Петра Андреевича и до злополучнаго меньшаго сына его, морячка Петруши. Прошу прощенія, если я моими разсказами о нихъ нагнала скуку въ мои записки. Но было бы больно моему сердцу выкинуть когонибудь изъ этой дружной, тѣсно связанной семьи. Они жили вмѣстѣ на бѣломъ свѣтѣ, пусть же вмѣстѣ и память о нихъ, хотя для дѣтей моихъ, живетъ въ моихъ воспомина- ніяхъ. Теперь съ спокойною совѣстью возвращаюсь опять къ милу- лому отцу моему.

Первое время послѣ женитьбы его на моей матери они жили въ домѣ бабушки Маріи Степановны; въ немъ родилась и сестра моя Лиза. Лѣтъ черезъ пять старушку стали усиленно звать къ себѣ въ Харьковъ старшая дочь Екатерина Ѳедоровна и мужъ ея Петръ Яковлевичъ Любовниковъ. Старушка соблазнилась, продала домъ свой почти за ничто и уѣхала съ двумя дочерьми Маріей и Александрой въ Харьковъ. Отецъ мой принужденъ былъ въ то время, за неимѣніемъ денегъ, нанять себѣ маленькій домикъ около самаго Смоленскаго кладбища и переѣхалъ туда съ женой, дочкой, крѣпостнымъ мальчикомъ Иваномъ и дѣвочкой Аксиньей. Кухарку, которая не была нужна, когда они жили у бабушки, пришлось нанять. Тяжело жилось молодому графу-художнику. Богачи-родные

отъ него отвернулись. Дѣдушка мой Петръ Андреевичъ помогъ бы сыну отъ всей души своей, но самъ послѣ войны 1812 года разорился. И папенька, вмѣсто того, чтобы ожидать отъ него помощи, самъ, желая облегчить отца, взялъ отъ него къ себѣ сестру свою графиню Надежду Петровну. Съ тѣхъ поръ дорогая тетка моя совсѣмъ вошла въ составъ нашей семьи, привязалась къ маменькѣ, какъ родная сестра, а маленькую Лизу просто обожала. Такъ дружно, хорошо было у нихъ въ маленькомъ домикѣ, что, кажется, они не соскучились бы въ немъ, не смотря на то, что мимо оконъ у нихъ съ утра до вечера везли и несли покойниковъ. Но тогдашняя захолустность дальнихъ линій Васильевскаго острова сильно ихъ мучила. Мало того, что всякая живность сповала въ ногахъ людей, утки полоскались въ лужахъ, гуси шипя гонялись за дѣтьми, козлы и коровы бодали прохожихъ... Это бы все ничего, но сами люди дѣлали невозможныя вещи. Напримѣръ, къ теткѣ и матери моей однажды среди бѣла дня вошелъ въ комнату большущаго роста монахъ и сталъ просить на монастырь. Мать моя подала ему, а онъ, вмѣсто того, чтобы поблагодарить и уйти, взялъ стулъ, подсѣлъ къ ихъ рабочему столику и началъ напѣвать имъ совсѣмъ не постныя рѣчи. Тетка Надя, горячка страшная, со страха забодрилась и начала кричать и звать людей: «Иванъ, Петръ, Андрей!», которыхъ совсѣмъ у нихъ и не было. Монахъ расхохотался и говорить:

— Зови, зови, душечка!.. Развѣ я не знаю, что у васъ и людей-то всего одна кухарка, мальчишка Ванька да дѣвчонка, что съ маленькой барышней на дворѣ играетъ, а кухарки и Ваньки дома нѣтъ... Зови, зови!.. Авось, придуть!

И, говоря это, онъ изъ-подъ подрясника вытащилъ до половины большой ножъ и опять спряталъ.

Мать и тетка обмерли отъ страха и ужаса. Богъ вѣсть, что бы было, если бы на счастье папенька не вернулся изъ академіи и не вытолкалъ святого отца на улицу. Говорятъ, что послѣ его накрыли на какомъ-то чердакѣ, гдѣ онъ воровалъ бѣлье, и что онъ оказался бѣглымъ каторжникомъ.

Разумѣется, все это пугало бѣдныхъ женщинъ и раздражало моего отца.

А то вотъ еще что было: мимо ихъ оконъ всякій Божій день разгуливала босая, почти голая, еле прикрытая по плечамъ коротенькой кофточкой, сумасшедшая дочь генерала Главачевскаго. Эту несчастную свелъ съ ума «на религіи» мистикъ Лабзинъ, занимавшій тогда мѣсто вице-президента академіи художествъ. Удивительнѣе всего то, что никто ея не останавливалъ, никто не задерживалъ, когда она, зимой и лѣтомъ, въ костюмѣ Евы, съ ведромъ и мочалкой въ рукѣ, проходила чрезъ весь островъ къ Невѣ, зачерпывала тамъ воды и отправлялась въ академію, распѣвая псалмы,

мыть полъ передъ дверьми «Божья угодника», то-есть Лабзина. И если какой нибудь заѣзжій изъ-за Невы, увидѣвъ это диво, спрашивалъ съ удивленіемъ у будочника: «Это что такое?», то послѣдній равнодушно отвѣчалъ:

— Это ничего-съ! Это генеральша-съ! Онѣ немного въ умѣ рехнувшись!..

Вѣроятно, въ то время полиція Васильевскаго острова была убѣждена въ томъ, что генеральшамъ можно ходить голыми по улицамъ. Отецъ мой, обитая въ этомъ захолустѣ, почти не видя передъ своими окнами живыхъ людей, должно быть, самъ порою забывалъ, что онъ не одинъ живетъ на бѣломъ свѣтѣ, потому что и про него можно рассказать анекдотъ въ родѣ генеральши Главачевской. Одноэтажный домикъ, въ которомъ жилъ тогда папенька, былъ такъ низокъ, что стоило только спустить ноги за подоконникъ, прыгнуть—и вы на улицѣ. Вотъ разъ утромъ отецъ, зная, что смотрѣтъ на него некому, въ одной рубашкѣ и туфляхъ, усѣлся бриться у открытаго окна. На подоконникѣ, рядомъ съ зеркаломъ, важно возсѣдалъ любимецъ его, красавецъ, бѣлый пудель (увѣковѣченный имъ на семейномъ барельефѣ, вытѣпленномъ въ 1812 году). Отецъ намылилъ себѣ щеки и началъ бриться преспокойнѣйшимъ образомъ. Только вдругъ совсѣмъ неожиданно съ улицы протягиваются въ окно двѣ руки, хватаютъ собаку и исчезаютъ съ ней. Наглость этого воровства взорвала моего вспыльчиваго отца. Не помня себя, съ намыленнымъ лицомъ, въ чемъ былъ, онъ выпрыгнулъ въ окно и пустился за воромъ. Воръ, съ пуделемъ въ рукахъ, бѣжалъ что есть духу по мосткамъ. Отецъ летѣлъ за нимъ... воръ прибавляетъ шагу, отецъ тоже. Наконецъ, почти уже въ виду Большаго проспекта, отцу удалось на лету схватить мошенника за шиворотъ и задать ему въ загривокъ такого тумака, отъ котораго онъ выронилъ собаку. Въ погонѣ за похищеннымъ у него Гекторомъ папенька мчался въ совершенномъ забытїи, ни разу не вспомнивъ даже о легкости своего костюма. Но тутъ онъ вздохнулъ свободно и наклонился, чтобы подхватить на руки свою милую пропажу, и ему вдругъ кинулись въ глаза его голыя ноги; онъ очнулся, вспомнилъ все и сгорѣлъ отъ стыда. Когда бывало при отцѣ тетка Надежда Петровна, смѣясь, рассказывала про этотъ съ нимъ случай, онъ всегда говорилъ ей:

— Теперь тебѣ смѣяться легко!.. А если бы ты знала, каково тогда было мнѣ! Вѣдь положеніе мое было ужасно... Я очутился почти что Адамомъ на мосткахъ, какъ на блюдечкѣ... Прятаться некуда, бѣжать среди бѣла дня въ одной рубашкѣ съ голыми ногами—еще хуже, да и запыхался я и бѣжать-то не могъ. Хотъ бы шляпу со стыда нахлобучить на глаза, такъ и той не было. Извозчиковъ тоже нѣтъ... И пришлось мнѣ, рабу божьему, съ милымъ

Гекторомъ у сердца, пряча лицо въ его кудряхъ, мѣрнымъ шагомъ дойти до дома.

Богъ вѣсть какъ, но только слухъ объ этомъ казусѣ съ отцомъ моимъ разнесся по петербургскому бомонду. Бомондъ пришелъ въ ужасъ. Ни одна душа не приписала этого смѣшнаго случая съ Толстымъ его пылкому характеру и его простой, доброй привязанности къ вѣрному псу. Нѣтъ! Всѣмъ въ этомъ печальномъ приключеніи хотѣлось видѣть какую-то заднюю мысль: неуваженіе къ общему строю жизни, умышленную эксцентричность и чудачество графа-художника. Одинъ только истинно-умный и добрый статсъ-секретарь Николай Михайловичъ Лонгиновъ во всѣхъ несправедливыхъ обвиненіяхъ твердо отстаивалъ отца, высоко цѣнилъ его, какъ художника и человѣка, и желалъ ему истиннаго добра. Николай Михайловичъ часто заѣзжалъ къ папенькѣ въ домикъ у Смоленскаго кладбища любоваться его произведеніями и милымъ семейнымъ бытомъ. Съ какою добротою сулилъ онъ, что тяжелое настоящее скоро пройдетъ и наступитъ счастливое будущее. Но отца и ободрять было нечего: онъ былъ терпѣливъ, работалъ не изъ корысти, а изъ любви къ искусству; работалъ съ утра до ночи и за работою забывалъ свое порою очень тяжкое положеніе. И на все у него хватало времени: онъ и служилъ въ Эрмитажѣ, и преподавалъ ученикамъ своимъ на Монетномъ дворѣ, и самъ продолжалъ страстно изучать красоту линій античной скульптуры, которыя такъ были ему нужны для медальернаго искусства; и у себя дома, отдыхая отъ занятій дня, онъ то лѣпилъ, то рисовалъ безъ устали. Сидѣть безъ дѣла онъ рѣшительно не могъ; безъ работы сейчасъ же начиналъ скучать и не находилъ себѣ мѣста. Ко всѣмъ занятіямъ его въ то время народная гордость подсказала ему еще новый трудъ: ему захотѣлось обезсмертить память войны русскихъ съ «двунадесятью языками» въ 1812—1814 годахъ. Горячо принялся графъ за эту милую его русскому сердцу работу. Живо сочинилъ и нарисовалъ сюжетъ первой медали и усѣлся лѣпить ее на грифельной доскѣ розовымъ воскомъ. Работа мелкая и медленная! А ему предстояло еще съ этой восковой медали вырубить настоящую медаль изъ бронзы. На всю эту процедуру съ одной медалью требовалось времени никакъ не меньше года, а ихъ отецъ предполагалъ сдѣлать 21, такъ что награда за этотъ тяжкій трудъ могла быть дана ему только лѣтъ черезъ 20. А еще, Боже сохрани, несчастіе: на почти готовой бронзовой медали нечаянно зарубится какая нибудь мельчайшая черта глубже, чѣмъ ей слѣдовало, и ошибка непоправима. И медаль, и годъ труда пропали даромъ. Впослѣдствіи этотъ тяжелый трудъ и страшное терпѣнье папеньки я видѣла своими глазами. Первая медаль началась только нѣсколькими мѣсяцами раньше моего рожденія, и я росла вмѣстѣ съ медалями. Какъ теперь помню, мнѣ было лѣтъ 13, и жили мы уже въ академіи,

когда отецъ испортилъ одну почти совсѣмъ готовую свою медаль. Господи Боже мой, что тутъ было! Отецъ такъ обозлился на себя, что швырнулъ изъ кабинета эту тяжелую осьмиугольную медаль такъ сильно, что она съ громомъ прокатилась по всей амфиладѣ нашихъ комнатъ. И какъ намъ всѣмъ было жаль его тогда! Вотъ почему я всегда обижаюсь, когда пишутъ про отца:

«Графъ Ѳ. П. Толстой вылѣпилъ коллекцію медалей на войну 1812 года».

Вылѣпилъ! точно стаканъ воды выпилъ... И люди, не понимающіе этого дѣла, вѣрно, воображаютъ, что это очень легко. А безкорыстный художникъ корпѣлъ за этою работою 20 лѣтъ... Да оно почти такъ и было, потому что когда онъ окончилъ послѣднюю медаль, я была уже невѣстою Каменскаго, за котораго и вышла замужъ 19 лѣтъ, въ 1837 году. И даже награду за эти медали— 20.000 ассигнаціями ¹⁾, папенька подарилъ мнѣ на приданое. Въ то время онъ могъ уже это сдѣлать, потому что былъ вице-президентомъ академіи художествъ и не зналъ больше нужды. Но до этого счастливаго времени сколько пришлось ему пережить тяжелыхъ дней.

До самаго своего назначенія вице-президентомъ академіи художествъ, то-есть, до 1828 года, отецъ оставался въ чинѣ мичмана, въ отставкѣ, и за обѣ свои должности—при Эрмитажѣ и при монетномъ дворѣ—получалъ жалованья всего 2.500 рублей ассигнаціями, что на серебро составляло, кажется, что-то около 800 рублей въ годъ. На эти небольшія деньги женатому, семейному человеку, очень трудно было сводить концы съ концами; приходилось занимать... А дѣлать даже небольшіе долги для отца было хуже смерти. Ко всему этому прибавилось еще и сердечное горе: маленькая Лизанька, которая родилась такимъ цвѣтущимъ ребенкомъ, вдругъ начала не на шутку прихварывать... Про эту хворость сестры моей послѣ бабушка Марья Степановна мнѣ рассказывала такъ: «Застудили дѣвочку, вотъ и все! Дура нянька послѣ дождя на сырую траву посадила, я сколько тогда за это бранилась... золотуха-то и пала ребенку «на нутрь».

Отъ этого или отъ чего другого начало хворать дитя, но надо было его лечить, пригласить хорошаго доктора, а на все это требовались деньги... А тутъ еще и я грозилась со дня на день постучаться на бѣлый свѣтъ, такъ что положеніе папеньки было почти безвыходное. Но и тутъ Николай Михайловичъ Лонгиновъ помогъ словомъ и дѣломъ. Пришло ему въ голову заинтересовать въ пользу отца добрѣйшую императрицу Елисавету Алексѣевну; и вотъ, въ разговорѣ съ государыней, онъ сумѣлъ наказать ей про молодого художника, графа Ѳедора Толстого, столько интереснаго

¹⁾ Въ видѣ большой золотой табакерки съ крупными брилліантами.

и хорошаго, что ея величество пожелала познакомиться съ нимъ и попросила Лонгинова представить его ей. Николаю Михайловичу только этого и хотѣлось. На другой же день онъ представилъ ей отца. Ея величество болѣе чѣмъ милостиво приняла Ѳедора Петровича, съ материнскимъ участіемъ разспрашивала про семью его, про занятія и про средства къ жизни.. Коротче сказать, пожелала знать подробно все, что до него касается. Получивъ отвѣты на всѣ свои вопросы, Елисавета Алексѣевна сказала:

— Николай Михайловичъ говорилъ мнѣ, графъ, что вы прелестно рисуете акварелью цвѣты. Какъ я желала бы ихъ видѣть! Я надѣюсь, что вы покажете мнѣ ваши рисунки?!

На это отецъ мой отвѣтилъ, что до сихъ поръ онъ, какъ медалеръ, занимался больше лѣпкой медалей; акварелью же рисовалъ съ натуры только ради отдыха, почти шутя, и боится, что у него нѣтъ ничего достойнаго показать ея величеству, но во всякомъ случаѣ съ превеликимъ счастіемъ представить ей акварели, которыя у него найдутся получше.

— Да, да, непременно покажите мнѣ ихъ, графъ,—сказала Елисавета Алексѣевна и, ангельски улыбнувшись, протянула ему поцѣловать свою руку.

На этомъ Лонгиновъ и графъ откланялись.

Домой папенька приѣхалъ совершенно растроганный ласковымъ пріемомъ государыни и съ восторгомъ передалъ весь свой разговоръ съ ней маменькѣ и теткѣ Надѣ. Обѣ онѣ плакали, слушая его, и онъ тоже со слезами на глазахъ повторялъ: «это святая, это ангель, а не женщина!»... Съ этихъ поръ въ домѣ отца императрицу, даже до моей памяти, не называли иначе, какъ «нашъ ангель-хранитель Елисавета Алексѣевна». Разумѣется, папенька сейчасъ же пожелалъ исполнить желаніе ея величества, показать ей свои акварели, и мало того, что показать, поднести ей чтонибудь хорошенькое. Была у него тогда акварелька, сдѣланная имъ съ натуры, смородинка, которая ему самому нравилась. Это было больше ничего, какъ нѣсколько вѣточекъ черной, красной и бѣлой смородины, какъ бы нечаянно брошенныхъ вмѣстѣ, да на нихъ нѣсколько капель росы, и одну капельку пьетъ муха. Кто не видалъ этого восхитительнаго рисунка, пусть посмотритъ его въ альбомѣ отца моего, который находится у сестры моей отъ второго брака, Екатерины Ѳедоровны Юнге. Стоитъ онъ, чтобы на него поглядѣть: смородину съѣсть хочется, муха совсѣмъ живая... а про капельки росы могу рассказать даже анекдотецъ, который мнѣ, уже большой, передавала маменька.

Разъ, какъ-то, къ намъ приѣхалъ Лонгиновъ съ женою и, какъ всегда, попросилъ посмотрѣть рисунки отца. Сидятъ они и разглядываютъ ихъ, а маменька со мною на рукахъ стоитъ около нихъ. Я, говорятъ, тогда была годовая. Дошли они до смородины и

начали ею восхищаться. Мнѣ видно надоѣло, что маменька все стоитъ на одномъ мѣстѣ, и я разревѣлась...

Вдругъ Лонгинова съ испугомъ вскрикнула:

— Графиня, что вы сдѣлали? Посмотрите, Машенька накапала слезами на смородину!..

И Марія Александровна осторожно начала прижимать свой батистовый платокъ къ каплямъ росы...

Такъ вотъ какова была эта смородинка!

Лонгиновъ рѣшилъ, что этотъ рисунокъ можно поднести государынѣ. Но, видно, папенькѣ захотѣлось и для себя сохранить этотъ рисунокъ, потому что онъ прежде снялъ съ него копию, а потомъ уже отнесъ Лонгинову, съ просьбою поднести ея величеству, что Николай Михайловичъ и исполнилъ немедленно. Даже самъ пріѣхалъ обрадовать отца радостною вѣстью, что Елисавета Алексѣевна отъ смородинки пришла въ восторгъ и приказала очень благодарить графа за его прелестный подарокъ. Но этимъ еще не кончилось. Не успѣлъ отецъ мой остыть отъ радостной вѣсти, какъ ея величество прислала ему богатѣйшій брилліантовый перстень. Конечно, положеніе отца въ то время было не такое, чтобы ему возможно было сохранить этотъ подарокъ себѣ на память... и хоть жаль было, но его живо промѣняли на деньги... На эти деньги первымъ дѣломъ выбрались изъ домика у Смоленскаго кладбища на Петербургскую сторону, въ свѣтлый и веселый домъ Слатвинскаго, гдѣ, какъ я писала выше, 3-го октября 1817 года я изволила родиться.

Какъ умно тогда сдѣлалъ отецъ, что снялъ для себя копию со смородины. Вскорѣ послѣ того, какъ онъ поднесъ ее государынѣ, она потребовала его опять къ себѣ и попросила нарисовать ей еще точно такую же смородину. Отецъ нарисовалъ, и за второй рисунокъ опять получили точно такой же перстень. И это было не разъ, не два, а, по словамъ отца моего, онъ и счетъ потерялъ, сколько нарисовалъ «смородинокъ» Елисаветѣ Алексѣевнѣ... Всякій разъ, когда ей хотѣлось подарить кому нибудь изъ своихъ заграничныхъ высочайшихъ родственниковъ что нибудь новое, изящное, она опять заказывала еще и еще смородину и за каждую изъ нихъ къ отцу летѣли перстни... Часто папенька, рассказывая кому нибудь про начало своей художественной карьеры, говаривалъ:

— Тяжело мнѣ приходилось, да меня тогда моя смородинка выручала!... Если бы не она, не знаю, какъ бы я вывернулся... Можно не шутя сказать, что цѣлая семья питалась одной смородиной...

Должно быть, благодѣтельница отца моего съ умысломъ тогда избрала этотъ способъ, деликатно и безобидно помогать бѣдному

художнику... Но этого еще мало. Вскорѣ Елисавета Алексѣевна стала просить графа отдать старшую дочь его въ ея Патріотическое училище (основанное ея величествомъ въ 1813 году для сиротъ воиновъ, павшихъ въ войну 1812 года, и только послѣ смерти ея, въ 1827 году, переименованное въ Патріотическій институтъ).

Отецъ мой на эту милостивую просьбу государыни долго не соглашался, отговариваясь тѣмъ, что дочь его еще мала и очень болѣзненный ребенокъ.

— Это ничего, что дѣвочка мала и болѣзненна,—уговаривала Ѳедора Петровича государыня,—ей у меня въ училищѣ будетъ хорошо. Мы ее вылечимъ, докторъ тамъ прекрасный.. Я пришлю еще своего доктора. Сама буду часто навѣщать ее... Согласитесь, графъ, препоручите мнѣ вашу Лизаньку, и вы не раскаетесь!

И Лонгиновъ, тайный помощникъ во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ Елисаветы Алексѣевны, не отставалъ отъ отца моего и дружески совѣтовалъ ему и маменькѣ не отказываться отъ милостиваго предложенія ея величества и не лишать своей дочери ея будущаго счастья.

Нечего было дѣлать, пришлось согласиться, и маменька, скрѣпя сердце, отвезла восьмилѣтнюю Лизаньку въ Патріотическое училище.

Ея величество болѣе чѣмъ исполнила всѣ свои обѣщанія. На маленькую воспитанницу Толстую въ училищѣ было обращено особенное вниманіе: доктора усердно лечили, въ классахъ не утруждали науками, а начальница и классныя дамы ласкали и баловали ее... Сама государыня часто навѣщала Лизу и, когда она была въ лазаретѣ, тѣшила ее прелестными игрушками. Но что было дороже всего, это то, что Елисавета Алексѣевна вскорѣ душевно привязалась къ больной дѣвочкѣ. Разумѣется, отцу и маменькѣ тоже было разрѣшено пріѣзжать къ Лизанькѣ, когда они того пожелаютъ... И можно себѣ представить, какъ маменька и тетка Надя пользовались этимъ милостивымъ разрѣшеніемъ; даже меня, маленькую, часто брали съ собою къ сестрѣ или посылали къ ней одну съ няней, такъ что и я скоро сдѣлалась своимъ человѣкомъ въ училищѣ. Меня тамъ разомъ всѣ «заобожали». Какъ только пріѣдемъ мы бывало съ няней, ее сейчасъ посадятъ въ какой нибудь уголокъ, а меня схватятъ на руки, утащатъ въ залы и тамъ цѣлуютъ, тормошатъ, мучатъ безъ конца... Такъ что дѣло часто доходило до рева, тогда классныя дамы отнимали меня у дѣвицъ, уводили меня и Лизаньку къ себѣ въ комнату и угощали насъ чѣмъ нибудь сладенькимъ...

При такихъ льготахъ, сестрѣ моей жилось въ училищѣ хорошо. Одно было худо, что бѣдная дѣвочка въ здоровьи плохо поправлялась и большую часть года проводила въ лазаретѣ; но за то, во время болѣзни ее чаще навѣщала государыня и больше ласкала и

баловала. Разъ даже ея величество своею ангельскою добротою подвела свою любимицу подъ гнѣвъ начальства. У сестры моей очень часто болѣли глаза, такъ что, боясь свѣта, она почти всегда держала ихъ опущенными книзу. Это очень озабочивало и огорчало государыню. Разъ, пріѣхавъ въ лазаретъ, ея величество ласково спросила Лизаньку:

— Ну, что, Толстая, какъ твои глаза? Посмотри на меня.

Сестра попробовала взглянуть, но тотчасъ же опустила вѣки...

— Не можетъ, бѣдная моя!—сказала Елисавета Алексѣевна и, быстро опустившись на колѣни, стала подглядывать подъ рѣсницы больной дѣвочки.

И больше ничего не было. Но вообще добрая начальница такого униженія ея величества предъ воспитанницей переварить никакъ не могла. И только что государыня уѣхала, m-me Вистенгаузенъ съ цѣлымъ синклитомъ классныхъ дамъ пришла опять въ лазаретъ сдѣлать воспитанницѣ Толстой строжайшій выговоръ за то, что она не хотѣла поднять глазъ на императрицу и своимъ упрямствомъ довела до того, что ея величество стала передъ воспитанницей на колѣни... Назиданіямъ и морали не было конца... Лиза тогда, не понимая, въ чемъ она провинилась, долго заливалась горячими слезами. И даже когда была уже взрослой дѣвушкой, не могла безъ ужаса вспомнить про эту словесную надъ нею экзекуцію.

Кажется, мнѣ было уже года три, когда m-me Вистенгаузенъ вдругъ пришло въ голову показать меня государынѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, которая обожала маленькихъ дѣтей. До этого времени, если случалось, что въ день пріѣзда ея величества я явлюсь въ училище, то меня съ няней сейчасъ же спроваживали домой. Но разъ, именно въ такой день, меня домой не прогнали, а напротивъ того сама начальница отвела меня къ Лизѣ въ лазаретъ и внушительно мнѣ сказала:

— Вотъ сиди тутъ съ сестрицей и веди себя хорошо. Къ намъ сегодня пріѣдетъ императрица, смотри же, при ней не шали! Будь умна!..

— А кто это императрица?—спросила я.

— Императрица—это наша добрая царица. Она не любитъ капризныхъ дѣтей.

Слово «царица» испугало меня. По страшнымъ сказкамъ, которыя рассказывала мнѣ няня про злыхъ царицъ, я ихъ сильно побаивалась. Только что начальница ушла, я со страха подлѣзла къ Лизанькѣ подъ кровать. Вѣроятно, въ суетѣ этого никто не замѣтилъ, потому что меня оттуда никто не вытащилъ.

Государыня пріѣхала и, какъ всегда, прежде всего вмѣстѣ съ начальницей обошла лазаретъ, осмотрѣла, обладала больныхъ дѣвицъ, а потомъ сѣла на кресло около сестры моей и начала гово-

ритель съ ней. Но каково было удивленіе Елисаветы Алексѣевны, когда изъ-подъ кровати Лизаньки выползла маленькая дѣвочка и прямо вскарабкалась къ ней на колѣни.

Государыня начала цѣловать меня и съ удивленіемъ спросила:

— Чья это дѣвочка? Какая прелесть!

(Я думаю, что теперь въ 74 года мнѣ можно это сказать про себя).

— Это маленькая Толстая, сестра Лизаньки, ваше величество,— отвѣтила m-me Вистенгаузенъ, совсѣмъ переконфуженная моимъ неприличнымъ поведеніемъ, и строго сказала мнѣ:

— Машенька, зачѣмъ ты спряталась подъ кровать?

— Я боюсь царицы!—прижимаясь къ государынь, отвѣтила я.

— Это ты меня боишься?—засмѣявшись спросила императрица.

— Нѣтъ, не тебя, я тебя не боюсь, ты не царица.

— А кто же я такая?—продолжала допрашивать меня Елисавета Алексѣевна.

— Ты дама!—спокойна отвѣчала я.

— А царица развѣ страшная?

— Страшная! Она золотая!..

Начальница училища, должно быть, во время этого разговора не разъ пожелала провалиться сквозь землю, но увидавъ, какъ императрица отъ всей души хохотала, прижимала меня къ себѣ и цѣловала, m-me Вистенгаузенъ успокоилась и сама начала смѣяться. И послѣ, рассказывая папенькѣ о моемъ первомъ знакомствѣ съ императрицей, даже сказала:

— La petite a été charmante! Elle a fait rire Sa Majesté aux larmes... (Малютка была прелестна. Она заставила ея величество смѣяться до слезъ).

Вскорѣ я совсѣмъ подружилась съ государыней. Помню, какъ теперь, она носила меня на рукахъ по училищу, не давала дѣвцамъ мучить меня и прикрывала отъ нихъ мои ноги своимъ синимъ бархатнымъ распашнымъ капотомъ. Все, все помню! Помню ея бѣлыя нѣжныя руки съ голубыми жилками. Помню ее самое: она была не полная, глаза у нея были добрые, предобрые, а на щекахъ у нея была точно красная сыпь. Сколько я теперь соображаю, Елисавета Алексѣевна хороша не была, но, видно, я ее уже очень крѣпко любила, что тогда она мнѣ казалась красавицей. Что я сама забыла про мои тогдашнія продѣлки съ добрѣйшей государыней, то помнили въ училищѣ всѣ дѣвицы и классныя дамы, и въ видѣ интересныхъ анекдотовъ про милость ея величества къ маленькой Машенькѣ Толстой рассказывали всѣмъ, кто хотѣлъ слушать. И многія подробности о моей дѣтской безцеремонности дошли до меня уже черезъ «большихъ». Рассказывали мнѣ, что я дошла до такой продерзости: приказывала просто императрицѣ, какіе мнѣ привезти подарки.

— Привези мнѣ картинокъ! Я свои всѣ сломала,—разъ сказала я ей.

— Какія тебѣ хочется картинки?

— Такія, какъ мнѣ Яшенька Перфильевъ привозилъ...

— А кто это Яшенька Перфильевъ?—спросила Елисавета Алексѣевна.

— Какая ты! ты ничего не понимаешь... Ну, Яшенька Перфильевъ, Степашинъ братъ!...

— А какія картинки онъ привозилъ?

— Картинки? вотъ какія: такъ вотъ, знаешь, корабликъ, а дернешь за хвостикъ, корабликъ разломится, и тамъ—все дѣвочки, дѣвочки... И все такія привозилъ! Дернешь за хвостикъ, а тамъ чтонибудь и выскочить!..

И много такихъ картинокъ по моему велѣнью привозила мнѣ тогда императрица. Должно быть, я ихъ всѣ переломала, безпрестанно дергая за хвостикъ, а другія картинки (безъ движенія) у меня въ альбомѣ сохранились до сихъ поръ, но онѣ всѣ очень сентиментальнаго содержанія: все на нихъ жертвенники, факелы, пирамиды, пламенѣющія сердца... И, должно быть, онѣ обязаны своимъ слишкомъ семидесятилѣтнимъ существованіемъ только тому, что я тогда всѣмъ этимъ нѣжнымъ предестямъ не сочувствовала. Вотъ большая восковая кукла, которую привезла Лизанькѣ Елисавета Алексѣевна,—это другое дѣло. Помню до сихъ поръ, какъ мнѣ хотѣлось эту куклу хоть немножечко поддержать на рукахъ... Но Лизанька мнѣ до нея и дотронуться не давала.

При этомъ m-me Вистенгаузенъ показала всю свою начальническую справедливость. При куклѣ (чтобы одѣть ее) былъ привезенъ цѣлый картонъ разныхъ красивыхъ лоскутковъ, и между ними была положена совершенно новая малиновая турецкая шаль. Одно изъ двухъ думается мнѣ теперь: или государыня приказала положить эту шаль, чтобъ ею можно было укрывать большую Лизаньку, или съ цѣлью, чтобъ эта вещь попала въ руки моей небогатой матери. Но, видно, начальница не была того мнѣнія, потому что живо положила этой шали резолюцію: какъ только увидала ее, сейчасъ же приказала принести себѣ ножницы, отрѣзала одинъ бортъ и отдала его Лизанькѣ на платье куклѣ, а остальную шаль искрошила на мелкіе кусочки, унесла изъ лазарета и раздарила «на память» всѣмъ дѣвицамъ училища... Господи, какая жалость! всѣ эти дѣвочки прожили бы преспокойно и безъ этихъ лоскуточковъ, а у моей бѣдной матери, во всю ея жизнь, не было никакой шали, не только турецкой. И какъ бы она была хороша въ ней, гуляя подъ ручку съ отцомъ моимъ... Да вотъ помѣшала этому справедливость m-me Вистенгаузенъ...

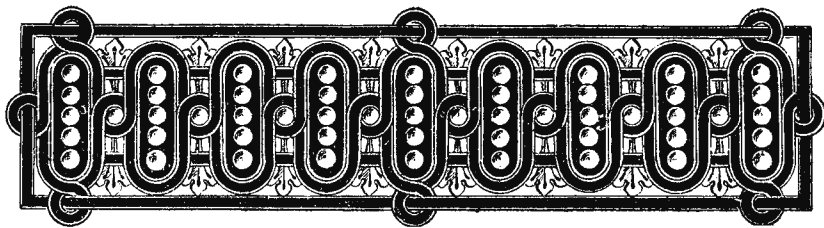
Сестра Лиза все не поправлялась и, наконецъ, сами доктора довели до свѣдѣнія ея величества, что при болѣзненномъ состоя-

ніи воспитанницы Толстой ей очень вредно сидѣть въ четырехъ стѣнахъ, и самое лучшее было бы отдать ее родителямъ, чтобы они свезли ее на дачу, гдѣ на чистомъ воздухѣ она навѣрное скорѣе поправится... Елисавета Алексѣевна призвала къ себѣ отца моего и передала ему совѣтъ докторовъ. Разумѣется, папенька сейчасъ же взялъ больную дочь домой, нанялъ дачу на Черной рѣчкѣ, и мы вскорѣ всю семью переехали туда... Отпуская Лизаньку съ большимъ сожалѣніемъ, государыня положила ей на домашнее воспитаніе пенсію и взяла съ отца честное слово, что на мѣсто старшей дочери онъ отдастъ меня въ ея Патріотическое училище. Но я, видно, была человѣкъ самостоятельный; когда пришла пора меня отдавать, я твердо заявила, что отъ папеньки съ маменькой никуда не пойду, и меня оставили воспитываться дома.

М. Каменская.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ТИПЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ¹⁾.

VII.

На господскую ногу.

I.

МѢСТЕЧКО Бриловка расположено вблизи линіи Н—ской желѣзной дороги. Въ Бриловкѣ считается около трехъ съ половиною тысячъ жителей. Есть въ ней и небольшой кружокъ интеллигенціи. Но преобладающій элементъ населенія — мѣщане, крестьяне, отставные солдаты и — безъ чего нѣтъ, кажется, ни одного мѣстечка на Русской землѣ — кучка евреевъ ремесленниковъ: сапожникъ — еврей, портной — еврей, переплетчикъ — еврей, часовщикъ — еврей.

— Не будь евреевъ, мы бы не знали, что и дѣлать, — говорилъ, смѣясь, мѣстный врачъ.

— Ну, можетъ ли быть? — замѣтилъ я.

— Увѣряю. Вѣдь русскіе главнымъ образомъ по части питейной торговли. Булочная — и то нѣмецкая.

— А евреи — ростовщики?

¹⁾ Первые шесть рассказовъ были помѣщены въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1893 годъ.

— Есть и они, подъ ремесленнымъ флагомъ. Но зато есть и такіе, которые шьютъ, и часы поправляютъ, и книги переплетаютъ. Пока не пріѣхалъ какой-то Ицко, мы возили книги переплетать за сто пятьдесятъ верстъ. А теперь здѣсь отдаемъ. Право, такъ; я не юдофилъ, но должное отдать евреямъ надо.

Мы разговаривали съ врачомъ, сидя въ вагонѣ.

— Скоро Бриловка?—спросилъ я.

— Скоро.

Мнѣ надо было остановиться въ Бриловкѣ на нѣсколько дней. Я имѣлъ основаніе думать, что дѣла задержать меня на недѣлю, а то и на двѣ. Гдѣ же остановиться?

— Ужасно жаль, что вамъ нельзя остановиться у меня,—уже въ третій разъ повторялъ врачъ:—если бы не ожиданіе со дня на день наслѣдника, или наслѣдницы, что именно небесамъ извѣстно, а я акушеркѣ не вѣрю, да если бы не пріѣздъ тещи и моей матери, я бы съ удовольствіемъ васъ пригласилъ къ себѣ, но теперь... такая тѣснота, что, навѣрное, въ ковчегѣ Ноя было удобнѣе всѣмъ животнымъ, чистымъ и нечистымъ.

Я остановилъ словоохотливаго врача, который больше любилъ выпить, чѣмъ лечить, и больше понималъ толкъ въ пивѣ, чѣмъ въ медицинѣ:

— Да будетъ вамъ, я вѣрю. Но...

— Отъ этого вамъ не легче,—засмѣялся докторъ.

— Конечно!

— Вѣрно! Только надо же вамъ гдѣ нибудь остановиться.

— Гдѣ нибудь пристроюсь.

— Гдѣ нибудь! Это не ладно. Нуженъ и покой и все такое...

— Развѣ нѣтъ ни одной гостинницы въ Бриловкѣ?

— Какъ ни одной, цѣлыхъ три!

— Тогда что же и говорить!

— Да вы не радуйтесь, погодите! Три гостинницы, да ни въ одной нельзя остановиться: номера буквально клѣтки, и притомъ въ каждой гостинницѣ—два, три номера только. И шумъ, и гамъ не дадутъ вамъ уснуть, или заняться. Вѣдь это собственно трактиръ для рабочихъ, а номера сдѣланы лишь для «цѣлей извѣстныхъ». Вы понимаете?

— Понимаю. Это скверно.

— Вотъ то-то и есть! Нѣтъ, тамъ остановиться вамъ не рука.

— Тогда гдѣ же?

— А надо удумать, какъ выражается мой шурицъ. Да погодите-ка, вотъ штука-то хорошая... только не уѣхалъ ли онъ куда нибудь!

— Кто?

— Есть здѣсь одинъ мой пріятель, нѣкто Лазарь Ивановичъ. Домъ у него хорошій и съ мезониномъ въ одну комнату. Кажется,

онъ пустуетъ. Гостилъ у него кто-то, да уѣхалъ. Если не занято, чудесно!

— А кто такой этотъ Лазарь Ивановичъ?

— По социальному положенію—крестьянинъ здѣшняго уѣзда. Былъ когда-то старшиной, а теперь торгуетъ лѣсомъ. Живетъ онъ, что называется, на барскую ногу. Книжки читаетъ, газеты выписываетъ, дочка ходитъ въ панталонцахъ, сына въ гимназію собирается отдать. Въ интеллигенцію лѣзетъ, батюшка!

— Вотъ какъ!

— Да, да! Ну, и обстановочка у него—ничего. Конечно, нѣтъ, нѣтъ, да мужикъ сѣрый и скажется: то слово ляпнетъ такое, что руками закройся, то жену побьетъ, а, всетаки, старается быть на людяхъ «великатнымъ» и держаться именно на «господскую ногу». У него вамъ будетъ хорошо.

— Вопросъ, стало быть, весь въ томъ, дома ли онъ?

— Да.

— И еще: пустить ли?

— Ну, это не вопросъ. Если онъ дома, то, конечно, пустить. Не думаю, чтобы успѣли занять комнату.

— Можетъ быть, свои?

— Потѣснятся. Я попрошу. Мы съ нимъ пріятели. Да и съ Марьей Даниловной—друзья: я ее отъ грудницы вылечилъ.

— Такъ тогда, можетъ быть, она и безъ мужа согласится?

— Ну, наврядъ! Онъ—глава дома все же. Она безъ него ничего не смѣетъ.

— Въ струнѣ, стало быть, держать.

— И въ какой еще! Наряжаетъ, какъ барыню: шубка бархатная, да настоящаго бархата... а чуть что не по нраву, такъ хватить такимъ словомъ, что на поди!

— Вы говорите, и бьетъ даже?

— Два раза было всего, положимъ. Разъ приревновалъ къ какому-то учителю, а другой разъ изъ-за денегъ что-то вышло.

— И поколотилъ?

— Да какъ еще! На полъ повалилъ, да ногами, и за волосы въ сѣни выволокъ...

— Фу, звѣрь!

— Мужикъ сказался, русскій мужикъ! Поскобли... помните выраженіе Наполеона?

— Положимъ, это и къ образованнымъ русскимъ отнести можно. Я зналъ судебного слѣдователя, который также таскалъ за волосы жену.

— Бываетъ, бываетъ! Да вѣдь бабѣ, нельзя—говорятъ! Вѣдь вонъ французы, какой деликатный народъ, а бьютъ же своихъ женъ. И Гейне билъ жену. А тутъ Лазарь Ивановичъ—коренной русакъ—чего захотѣли!

— Она красива, его жена?

— Ну, какое! Толста какъ бочка: на двухъ стульяхъ сидитъ.

— Какъ же онъ ее приревноваль-то къ учителю?

— А что же? Развѣ толстыхъ не любятъ? Для народа жиръ, толщина—красота.

— Станція Бриловка! Поѣздъ стоитъ десять минутъ!—объявилъ кондукторъ, проходя по вагону.

— А-а, вотъ и пріѣхали,—произнесъ врачъ.—Ну, такъ вотъ что: меня ждетъ лошадь. Оставьте свой багажъ пока на станціи, и поѣдемъ вмѣстѣ. Я доведу васъ до Лазаря Ивановича и зайду съ вами къ нему. Хорошо?

— Хорошо!

— Вотъ такъ и сдѣлаемъ. А то сначала пообѣдаемъ на вокзалѣ? а? Выпьемъ бутылочку винца? Какъ вы думаете?

— Вы же дома будете обѣдать?

— Я хочу съ вами. А домой пригласить васъ не могу.

— Но васъ ждутъ?

— Не важность! Часомъ позже—все равно. Что за телячьи нѣжности! Мы—реалисты.

Докторъ захохоталъ.

— Такъ обѣдаемъ?

— Пожалуй.

— Вепе! А я васъ угощу хорошимъ виномъ. Анатолій Петровичъ, буфетчикъ, мнѣ всегда уступаетъ. Мы съ Анатолиемъ Петровичемъ тоже пріятели.

— Вы, кажется, со всѣми пріятели?—улыбнулся я.

— Нельзя! Наше дѣло такое. Ну, вотъ мы и пріѣхали. Ишь, какъ Васька въ звонокъ усердствуетъ, словно ему на чай даютъ.

Мы стали выходить изъ вагона.

II.

Зала второго класса быстро наполнилась пассажирами, спѣшившими пообѣдать, или напитокъ чаю. Буфетъ въ Бриловкѣ славится, и здѣсь обыкновенно обѣдаютъ всѣ, ѣдущіе съ почтовымъ поѣздомъ, который въ Бриловкѣ стоитъ двадцать пять минутъ.

— Князь, столикъ намъ!—окликнулъ докторъ официанта изъ татаръ, бѣжавшаго съ тарелкой шей въ рукахъ.

Лакей оглянулся, узналъ доктора и съ почтительной улыбкой произнесъ на ходу:

— А вотъ къ окошечку пожалуйста!

Онъ сказалъ что-то на своемъ языкѣ молодому татарченку; тотъ побѣжалъ впереди насъ, поправилъ скатерть на столикѣ и придвинулъ стулъ.

— Пожалуйте здѣсь,—сказаль онъ съ акцентомъ, свойствен-
нымъ татарамъ.

— Садитесь, закусимъ,—произнесъ врачъ, взглянулъ въ сто-
рону и поклонился.

— Кому вы это?

— А книжницѣ нашей.

— Кому?

— Книжницѣ... ну, газетчицѣ иначе, дѣвицѣ, торгующей га-
зетами. Я ее зову книжницей и фарицейкой.

— Почему же фарицейкой?

— А ужъ это такъ, шутки ради. Дѣвица она премилая и ус-
лужливая. Возьмешь номеръ газеты, прочтешь и вернешь обратно.
Все же не покупать.

— Докторъ!—покачалъ я укоризненно головою.

— А что же? Вы думаете одинъ я это дѣлаю? Да люди въ
двадцать разъ богаче меня также поступаютъ. Обязательная ба-
рышня! Я ей за это комплименты говорю и обѣщаю даромъ ле-
чить. Да вотъ горе: не болѣетъ.

— Можетъ быть, и къ лучшему.—улыбнулся я.

— Къ лучшему? Думаете, не вылечилъ бы?

И прежде чѣмъ я отвѣтилъ, добавилъ:

— А можетъ быть! Да бросимъ это: ну, князекъ,—обратился
онъ къ татарченку:—прежде всего водки и икры, а потомъ карточку.
Ба, ба, ба! Вотъ кстати-то!—воскликнулъ врачъ и протянулъ руку
проходившему мимо человѣку, въ длинномъ коричневомъ пальто и
въ картузѣ, какіе носятъ купцы.

— Куда это? Садись къ намъ! Мы о тебѣ только что разгова-
ривали. Вотъ это и есть тотъ самый Лазарь Ивановичъ, который
намъ нуженъ,—отнесся ко мнѣ докторъ.—Садись же,—добавилъ
онъ и потянулъ стоявшаго за руку.

— Некогда мнѣ,—промолвилъ тотъ, отвѣчая на мой поклонъ,
но, всетаки, сѣлъ.

— Развѣ ѣдешь съ поѣздомъ?

— Нѣтъ, не съ поѣздомъ, а надо до Бутакова съѣздить, дѣльце
есть.

— И у насъ дѣльце, погоди, Лазарь Ивановичъ. Выпей съ
нами!

— Да я сейчасъ пилъ въ «Зеленомъ Островѣ».

— Что за важность! А съ нами еще! Говорю, дѣльце есть.

Татарченкокъ принесъ двѣ рюмки водки и нѣсколько бутер-
бродовъ.

— Князекъ, да ты не въ умѣ, Аллахъ тебя покарай!— произ-
несъ врачъ:—развѣ не знаешь, что я не люблю такъ?

— Графинчикъ?

— Ну, разумеется. Ахъ, ты Магометъ пятнадцатый! Еще спрашиваетъ! Гдѣ Василій? Попли Василя, онъ знаетъ.

— Василій занятъ. Онъ подаетъ.

— Ну, давай живѣй. Графинчикъ и полпорціи икры! Да скажи Анатолю Петровичу, что для доктора, молю. Онъ ужъ знаетъ. Слышишь?

— Слышимъ.

— Ахъ, ты, Магометъ пятнадцатый! Лазарь Ивановичъ, да чего ты такой сумрачный? Или дѣла худы? Говори!

— Дѣла нонѣ, извѣстно, не ахти какія,—отвѣтилъ Лазарь Ивановичъ.

— Ну, ну, такъ и повѣрю.

— Вы нашихъ дѣловъ не знаете, Иванъ Ксенофоновичъ. Ваше положеніе иное.

— Не заговаривай зубовъ!—засмѣялся врачъ:— не знаю! Да и знать нечего. Довольно на тебя посмотрѣть, чтобы понять, что дѣла по маслу идутъ. Ишь, какой! Вы посмотрите, Александръ Васильевичъ, на него хорошенько. Ну, не правъ ли я?

Я уже давно всматривался въ Лазаря Ивановича, въ его благообразное, румяное, дышавшее здоровьемъ лице, на которомъ застыло сытое и самодовольное выраженіе. Русые волосы Лазаря Ивановича были подстрижены подъ скобку, а большая свѣтлая борода вѣеромъ распускалась по груди.

— Что-жъ имъ смотрѣть-то, не фотографію снимать съ меня,—сказалъ Лазарь Ивановичъ, окидывая меня пронизательнымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ.

— А, можетъ быть, и фотографію! Что тогда?

Принесли водку и икру.

Мы выпили.

— Еще по единой!

Повторили.

— А теперь и за дѣло,—сказалъ врачъ.—Вотъ что, братъ, Лазарь Ивановичъ: мезонинчикъ-то у тебя пустуетъ?

— А что?

— Да ужъ я знаю что; ты отвѣчай мнѣ только.

— Пустуетъ.

— Превосходно!

— Если насчетъ пожильцовъ, то ошибаетесь, Иванъ Ксенофоновичъ: не пушаю.

— Это почему?

— Несподручно.

— Еще что такое?

— Да ужъ вѣрно. Большой платы никто не дастъ, а за маленькую стѣснятъ себя не хочется. Больше сору да лому отъ пожильцовъ. Право!

— Ну, ужъ это ты оставь, Лазарь Ивановичь!—сказалъ врачъ, наливая еще рюмки:—относительно кого другого, какъ хочешь, а вотъ его устрой.

— Развѣ они въ Бриловкѣ жить намѣрены?

— Не жить, а пробыть двѣ недѣли. Негдѣ остановиться. Ты ужъ для меня сдѣлай.

— Да это другая статья, коли на двѣ недѣли. На двѣ-то недѣли можно. Я насчетъ постоянныхъ пожильцовъ. Для тѣхъ и красъ сызнава, и все такое... А двѣ недѣли, что же, срокъ маленькій, и подѣлокъ никакихъ не потребуется.

— Какія подѣлки!

— То-то и есть. Это можно! А вы по какимъ же дѣламъ сюда?—обратился ко мнѣ Лазарь Ивановичь.—По торговымъ?

— Нѣтъ, я по личному дѣлу,—уклончиво отвѣтилъ я.

— Такъ, такъ! Что же, можно!

— Ужъ и покорми,—сказалъ докторъ.

— Вотъ ужъ это мудреное дѣло, Иванъ Ксенофоновичъ.

— Опять что выдумалъ?

— Да не выдумалъ. Гдѣ же намъ угодить! Мы попросту!

— Не ври, не ври! Бѣшь лучше помѣщиковъ. Вы не слушайте его,—обратился ко мнѣ врачъ:—живетъ на барскую ногу; бѣсть такъ, что едва изъ-за стола выйдешь. Это такъ только... скромничаетъ!...

— Шутникъ вы, Иванъ Ксенофоновичъ! Чего не скажете: лучше помѣщиковъ! Гдѣ намъ!

— Еще бы. Гдѣ намъ полтину на рубль нажить, мы довольны и копеечкой на копеечку! Ха, ха, ха!

Улыбнулся и Лазарь Ивановичъ.

— Шутникъ, право!—опять повторилъ онъ.

— Вы знаете ли, Александръ Васильевичъ,—обратился ко мнѣ докторъ:—вѣдь Лазарь Ивановичъ здѣсь всѣхъ помѣщиковъ въ «руцѣхъ своихъ» держитъ. Хозяйничать они не умѣютъ, по книжкѣ если которые—такъ еще хуже, да и вообще дѣла не важныя. А если недородъ, либо сѣна не выйдутъ, совсѣмъ имъ капутъ. Имѣнія у нихъ заложены, перезаложены. Однихъ процентовъ сколько платить. Иной передъ тѣмъ, какъ вносить проценты, мечется, какъ угорѣлый!

— Развѣ такъ малы доходы?—спросилъ я.

— Жить не умѣютъ, потому,—промолвилъ Лазарь Ивановичъ.

— Можетъ быть, и не умѣютъ, да и умѣютъ которые, все равно, пляшутъ. Мало ли что! Много сѣна—дорога плоха: куда повезешь? На овсѣ ошибутся... То или другое, а захватить нужда—куда? Въ банкъ за кредитомъ? Такъ вѣдь вы знаете, какъ у насъ все устроено. Одна комедія! На бумагѣ и кредитъ подъ соло-векселя и все такое, а сунься, и не получишь.

— Получить-то можно, только не по скорости,—замѣтилъ опять Лазарь Ивановичъ.

— А въ этомъ вся и суть. Надо деньги, а жди недѣли, мѣсяцы. Да туда съѣзди, да сюда. Проживешь сколько и хлопотъ бездна! Ну, наши помѣщики и не пользуются этимъ благодѣяніемъ банка. Да, чиновникамъ хорошо, а землевладѣльцамъ скверно. Вотъ они и къ Лазарю Ивановичу. А Лазарь Ивановичъ—съ удовольствіемъ. Ему только процентъ. Ну, какъ же не въ рущѣхъ? а?

— Это что же... Дѣло обнаковенное!

— Все обыкновенное! И живетъ онъ, Лазарь Ивановичъ, торгуетъ дровами, да поставляетъ ихъ на дорогу и помогаетъ помѣщикамъ. Живетъ на господскую ногу и скоро сдѣлается кавалеромъ. Да и то еще: отчего ты доселѣ не сдѣлался? а? Пожертвуй куда надо, сейчасъ орденомъ украсятъ.

— Успѣемъ. Будемъ и кавалеристыми,—засмѣялся Лазарь Ивановичъ.—Еще капиталовъ не хватаетъ. У меня дѣти вѣдь растутъ, Иванъ Ксенофоновичъ.

— Въ какіе сына-то готовишь?

— Чего гадать! будетъ время.

— А ему много лѣтъ?—спросилъ я.

— Десять минуло.

— Въ гимназію отдаешь,—сказалъ докторъ.

— Да?—обратился я къ Лазарю Ивановичу.

— Приготовляю. Мальченокъ смышленный.

— Отчего же дочь-то не отдалъ? а?

— Ну, дѣвочкѣ зачѣмъ! И здѣсь хорошо съ нею. Окромя училища, она еще на домъ къ учительшѣ ходитъ. Она ее и французскому обучаетъ и игрѣ на фортопіанахъ.

— Слышите, слышите! — кивнулъ мнѣ головой докторъ. — Не правъ ли я? Не на барскую ногу?

— Да что же тутъ особливаго, Иванъ Ксенофоновичъ?—произнесъ Лазарь Ивановичъ:—извѣстно, нонѣ не тѣ времена: просвѣщеніе требуется, и не токмо что мальчику, а и дѣвочкѣ. А про мальчика и говорить нечего: и по службѣ военной послабленіе и по дѣлу если.

— За дворянина отдавай Ольгу!

— Далече гадать! Нонѣ ишь какія все растутъ: того и гляди, сама безъ родителейъ выскочить.

— Ну, у тебя не выскочить. Ты — что Петръ Великій!... Въ рущѣхъ!

— Опять тоже скажете!—махнулъ рукою Лазарь Ивановичъ и подн. іся съ мѣста.—Вотъ что, Иванъ Ксенофоновичъ, коли если иди іть, то пойдете... что безъ нужды здѣсь околачиваться.

— А чайку?

— Ну, это и дома можно. Вашъ кучерь и то заждался. Да и супруга тоже. Може, Богъ ужъ и послалъ кого, а вы тутъ...

— Извольте видѣть, все знаетъ и о моей супругѣ безпокоится!—засмѣялся докторъ.

Онъ крикнулъ татарченка, расплатился, и мы двинулись къ выходу.

III.

Докторъ сѣлъ на дрожки и уѣхалъ. Мы съ Лазаремъ Ивановичемъ пошли пѣшкомъ.

— Недалеко?—спросилъ я.

— Недалече. Когда грязно, такъ оно не особенно способно, а теперь сухо и хорошо. Пыльно чуточку, особливо если кто ѣдетъ. Ну, да у насъ не столица, не поливать же.

Лазарь Ивановичъ держался степенно, важно. Попадавшіеся ему первые кланялись, онъ кому просто отвѣчалъ только: «здравствуйте», и продолжалъ разговаривать со мной, а нѣкоторымъ снималъ фуражку. Поровнявшись съ лавкой, которая имѣла совершенно городской видъ, онъ даже первый снялъ фуражку и промолвилъ:

— Никону Панфиловичу—мое почтеніе!

На галлерей, на складномъ стулѣ, сидѣлъ рыжій, весноватый, уже пожилой человѣкъ, одѣтый въ сѣрый длинный сюртукъ.

— Кто это?—спросилъ я.

— Никонъ Панфиловичъ Телѣгинъ, первый богачъ въ Бриловкѣ. Тысячъ двѣсти капиталовъ.

— Ну, ужъ и двѣсти.

— Если еще не больше. Богатый! А кому достанется — неизвестно. Есть племянники, да далеко гдѣ-то и, говорятъ, непутевые.

— Онъ не женатъ развѣ?

— Нѣтъ, старый холостякъ. Да и не женится.

— Отчего?

— Гдѣ ужъ. Ему за сорокъ, къ пятидесяти близко. Не женился ранѣе, гдѣ теперь. За капиталы пойдутъ, да какая радость... Съ лица не казистъ, старъ, чего изъ себя дурака-то валять, да посмѣшищемъ быть. Лучше такъ-то... Есть у него вдовушка... ну, хоро водится, и благое дѣло.

— Отчего раньше не женился?

— Сперва отецъ живъ былъ, капиталовъ не давалъ, а потомъ все богатой искалъ, вишь жадность заѣла. Ну, и захолостился. Здравствуйте, здравствуйте!—кивнулъ кому-то головой Лазарь Ивановичъ.

— На минуточку бы, Лазарь Ивановичъ.

— Что тамъ? Мнѣ некогда. Видите, господинъ...

— Только словечко одно.

— Ну, ну, говорите.

Лазарь Ивановичъ пріостановился.

— Вотъ вѣдь дѣла-то какія,—съ улыбкой промолвилъ онъ, догоняя меня: — видѣли, остановили меня? Изъ Отраднаго Никиты Петровича Завихляева приказчикъ... ко мнѣ, денегъ просить. Сынокъ-гусаръ проигрался и хотъ пулю въ лобъ, потому поворъ и званію поношеніе. Ну, и къ отцу, а старикъ что... еле тянется.

— Дадите?

— Коли отдасть сподручно лѣсокъ — выручу. Отчего доброму барину не помочь! Не въ петлю же лѣзть изъ-за сына. Ну, и дѣтки! Одно горе. Старшій на цыганкѣ женился, да на самой простой, изъ табора, по дворамъ ходила. Спился и замерзъ на улицѣ, а младшій вонъ какъ! То-то утѣшеніе тятенькѣ на старости лѣтъ! А енараль и уважительный баринъ. Жалость беретъ, право.

— А выгодно будетъ ему отдать вамъ лѣсокъ?—спросилъ я.

— Ужъ это ему знать.

— А вамъ выгодно?

— Для выгоды и беремъ. Не для гулянья же, а на срубъ, вѣстно. Дѣло коммерческое. Конечно, кабы не сынокъ, зачѣмъ продавать, еще терпѣть нужда... Да вотъ вѣдь... Сюда, сюда похлопайте, вотъ и домикъ мой.

Мы поровнялись съ большимъ домомъ, опушеннымъ и выкрашеннымъ въ желтую краску. Домъ былъ одноэтажный, но съ мезониномъ въ три окна и съ балкономъ. Ворота новыя, съ вырѣзными украшеніями. Надъ калиткой висѣлъ маленькій образъ. Палисадникъ передъ домомъ былъ не великъ, и не мало мѣста въ немъ занимала бесѣдка изъ дранокъ, окутанная акаціей.

Въ ту самую минуту, какъ мы входили въ калитку, на дворѣ, чистомъ и вымощенномъ, боролась съ парнемъ, въ красной рубахѣ, молоденькая дѣвушка, одѣтая въ простое ситцевое платье, причесанная гладко, причемъ длинная русая коса, перевязанная лентой, перекинулась черезъ плечо и била парня по лицу.

— Оторву, ей Богу, оторву!—кричалъ онъ, хохоча.

— А ну-ка, ну!...—подзадоривала дѣвушка.

— Это еще что за возня!—грозно и громко крикнулъ Лазарь Ивановичъ:—Матреша! Василій!

Молодые люди, какъ пойманные преступники, понурились и молчали.

— Сколько разъ я говорилъ тебѣ, Матреша, что это не годится, а ты все свое,—продолжалъ Лазарь Ивановичъ, хмурясь.— Не маленькая, чай! Рукодѣльничать надо, а не возиться... и съ кѣмъ? Выйди еще на улицу, да съ золоторотцемъ свяжись. Невѣста, а ума, что у младенца. Коли въ головѣ своего нѣтъ, да не стыдно,

такъ слушалась бы, покрайности. А ты чего, оболтусъ, выдумалъ это?—накинулся онъ на парня.

— Мы что же, Лазарь Ивановичъ, такъ, смѣючись.

— Да нешто тебѣ подходитъ съ нею такъ играть? Вѣдь сестра она хозяйкѣ, али нѣтъ? Такъ пара ли тебѣ, ты бы это взялъ въ разсудокъ. Экое дерево! Чего ты... али дѣлать нечего стало? Телѣгу-то наладилъ?

— Нѣтъ еще.

— А возится! Остолопъ! Прогоню вонъ, такъ будешь на мякинѣ у отца сидѣть. Ну, чего стоишь: убирайся! А ты,—обратился онъ къ дѣвушкѣ:—али очумѣла также! Маршъ домой, да скажи Марьѣ Даниловнѣ, чтобы самоваръ и все прочее.

Дѣвушка стрѣлой помчалась по сѣнямъ, стуча башмаками.

— Ахъ, люди! Вы ужъ не осудите,—обратился онъ ко мнѣ:—не доглядишь, и сейчасъ это непорядокъ. Пожалуйте!

— Это сестра вашей жены?—сказалъ я, чувствуя себя не со всѣмъ ловко.

— Сестра-съ. Дѣвушка—ничего, что вратъ: и рукодѣльница, да молодца, ну, и не хватаетъ разсудка. А этотъ болванъ радъ. Нашелъ по себѣ... Извѣстно, молодой парень, такъ ищи себѣ подъ пару, а то...

Мы уже поднялись на верхъ, въ сѣни.

— Вотъ сюда-съ, — сказалъ Лазарь Ивановичъ, указывая направо:—темненько немного... нашли дверь-то? А то я сейчасъ.

Но я уже отворялъ дверь.

— Наклонитесь, а то не ударитесь бы... немножко низко, мезонинтъ—извѣстно. Внизу-то не такъ. Мы тутъ и не живемъ, а такъ только, когда отдохнуть, али кто заночуетъ изъ пріѣзжихъ.

Комната была низка, такъ что я чуть-чуть не досталъ головой до потолка, но обои бѣлые, веселые. Цвѣты на окнахъ. Нѣсколько стульевъ, диванъ деревянный. Въ углу кіотъ съ образами. Большой столъ передъ диваномъ и масса фотографическихъ карточекъ на стѣнахъ.

— Ужъ не знаю, понравится ли вамъ. Низко, да и не нарядно,—началъ Лазарь Ивановичъ.

— Ничего, я вѣдь не надолго.

— То-то оно и есть. На время-то что же. И лѣто къ тому же... На воздухъ можно. Чайку въ садочкѣ, въ бесѣдочкѣ, а то и къ намъ милости просимъ. Внизу не то ужъ. Не могу хвастать, а все же получше будетъ. Вамъ кровать надо поставить, али на диванчикѣ спать будете?

— Все равно. Только вотъ какъ насчетъ?..

Я замялся.

— Не клоповъ ли?

— Вотъ, вотъ!

— Не должно быть. А, впрочемъ, осмотримъ. Да то и кровать поставимъ. Есть вѣдь; периночку... все это можно.

— Вы не безпокойтесь. А скажите мнѣ: сколько вы возьмете?

— Эхъ, что тутъ толковать, — махнулъ рукой Лазарь Ивановичъ: — двѣ недѣлки, да и Иванъ Ксенофоновичъ свой человѣкъ, а вы евоный пріятель. Какія тутъ цѣны!

— Нѣтъ, все же! Знаете: дружба дружбой, а служба службой.

— Это такъ, вѣрно изволите говорить. Да что же взять-то? Ну, пять рубликовъ дадите за все, и доброе дѣло! Али дорого?

— Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не дорого. А насчетъ стола?

— Ну, ужъ это вы съ хозяйкой поговорите, это ейное дѣло.

Въ сѣняхъ скрипнула половица.

— Кто тамъ? — крикнулъ Лазарь Ивановичъ.

— Я, — отвѣтилъ женскій голосъ.

Въ комнату вошла Матреша.

— Куда самоваръ подавать: сюда, или внизъ? — спросила она.

— Внизу, внизу. А то не лучше ли въ бесѣдочкѣ?

— Мнѣ все равно, — сказалъ я.

— Такъ подавайте въ бесѣдочку: прохладнѣе, свободнѣе. Да скажи Марѣ Даниловнѣ, чтобы вышла и пріодѣлась малость.

— Это вы зачѣмъ же? — остановилъ я.

— Нельзя-сь. А то у насъ, въ эту жару, она по вольности дворянской ходить... не годится... Особа она тучная и любитъ нестѣсняемость. Привыкла ранѣе-то, ну, и трудно. Я ужъ какъ стараюсь, да не могу вотъ на великатную-то линію. Бабы, знаете сами, упрямы! А еще и крикнешь порой, ну, и пригрозись... а все не тово. Вамъ, можетъ, умыться?

— Да, пожалуйста.

— Сейчасъ, сейчасъ. Я распоряжусь.

И онъ направился къ двери.

Я тутъ только вспомнилъ, что не взялъ чемодана изъ багажа.

— Это пустяки. Василій мигомъ слетаетъ. Позвольте вашу квитанцію.

Я подалъ квитанцію, и Лазарь Ивановичъ вышелъ изъ комнаты.

IV.

Чай былъ поданъ въ бесѣдкѣ. Бѣлая чистая скатерть покрывала столъ, самоваръ ярко блестѣлъ, словно каска пожарнаго, пріѣхавшаго на парадъ. Чашки росписныя, съ золотыми каемками, серебряныя ложки, блюдечки хрустальныя для варенья, котораго было разставлено нѣсколько сортовъ. На лоткѣ, покрытомъ салфеточкой, лежали булки, сухари и крендельки.

Когда я вошелъ, за самоваромъ уже сидѣла сама хозяйка. Это была женщина довольно красивая, въ русскомъ вкусѣ; ее только

портиль носъ картофелиной. Но зато бархатистые черные глаза съ поволокой, надъ которыми расположились правильными дугами соболиныя брови, освѣщали все ея бѣлое лицо съ алыми пухлыми губами. Она была шатенка съ густыми волосами, которымъ позавидовали бы многія женщины.

— «Э-э, да она недурна... можно и приревновать»,—подумалъ я. Я молча поклонился ей.

— Здравствуйте, милости просимъ, вотъ на скамеечку, — промолвила она ласково, пѣвучимъ голосомъ, сверкнувъ зубами ослѣпительной бѣлизны.

— «Да она совсѣмъ красива, что это выдумалъ докторъ,—опять подумалъ я, садясь на указанное мѣсто. — Тутъ на вольномъ воздухѣ, на сытыхъ хлѣбахъ и не учителю можетъ прійти мысль о романчикѣ съ красивой и сдобной бабенкой».

— А гдѣ-жъ ребята?—раздался вдругъ голосъ Лазаря Ивановича, и онъ вошелъ въ бесѣдку.

— Бѣгаютъ, либо въ пашки играютъ,—отвѣтила жена.

— Я же говорилъ, чтобы позвать. Матреша, а, Матреша! — крикнулъ онъ.

— Что?—отозвалась та, высовываясь въ окно, выходявшее въ садикъ.

— Гдѣ же Ольга и Петрунь?

Здѣсь.

— Пускай идутъ чай пить, да и ты иди, чего тамъ! Ахъ, и тепло,—добавилъ онъ, снимая фуражку:—ужъ къ вечеру дѣло, а какъ еще жарко. Погодка! Для сѣновъ-то чудесная, уберутъ, если не испортится. А что же сливокъ: кажись, и нѣту?—взглянулъ онъ на жену.

— Нешто не подала Акулина? Я говорила.

— То-то, говорила. Не языкомъ, видно, говорила. Матреша!—опять крикнулъ онъ.

Дѣвушка снова показалась въ окнѣ.

— Сливокъ подай, да густыхъ, съ погреба. И ребята гони сюда...

Скоро появились дѣти: дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, одѣтая въ бѣленькое ситцевое платье, въ панталончикахъ, обшитыхъ кружевами и виднѣвшихся изъ-подъ платья; на головѣ у дѣвочки была розовая круглая гребенка. Мальчикъ коренастый, краснощекий, съ живыми черными глазами, гладко выстриженный, въ пиджачкѣ и въ цвѣтной рубашкѣ со шнуркомъ, бойко раскланялся со мною и подсѣлъ къ отцу. Дѣвочка поклонилась скромно и помѣстилась рядомъ съ матерью.

— Ну, вотъ и мои наслѣдники, — промолвилъ Лазарь Ивановичъ.—Ничего ребяташки, благодаренье Господу. Учатся хорошо; хвалятъ. Что былъ сегодня у Павла Ивановича? — обратился онъ къ сыну.

— Былъ,—отвѣтилъ тотъ и кивнулъ головой.

— Ну, что же, зналъ урокъ?

— Зналъ.

— Задалъ?

— Задалъ.

— Когда же учить будешь?

— Я успѣю. Мама, дай мнѣ кренделекъ.

— Неужели ужъ ты проголодался, Петя?—улыбнулась мать.

— Да,—весело отвѣтилъ мальчикъ и посмотрѣлъ на меня.

— Въ гимназію готовите?—спросилъ я, принимая отъ хозяйки чашку.

— Да, хочется. Павелъ Ивановичъ говоритъ, что выдержать. Толковый мальченокъ!

— А вы хотите учиться, Петя?—обратился я къ мальчику.

— Хочу.

— Нравится?

— Да. Я хочу быть такимъ же, какъ Николай Семеновичъ.

— Кто такой Николай Семеновичъ?

— Генераль. И я буду такой же. Эполеты! Конь у меня будетъ бѣлый, какъ у Скобелева! Ухъ!..

— Слышите?—кивнулъ головой Лазарь Ивановичъ на сына:— въ генералы мѣтитъ. Ахъ ты, Скобелевъ!

Онъ вдругъ слегка нахмурился.

— А гдѣ-жъ ты это пиджакъ-то изорвалъ? а?

— Гдѣ?

— А гляди, на локтѣ-то.

— Задѣлъ, видно. Я на погребъ лазилъ, да и свалился.

— Молодецъ!

— Я, папа, изъ лука стрѣлялъ, не хуже Зосимы, чуть не попалъ въ ворону, чуточку мимо! Мама, дай еще сухарикъ, да съ вареньемъ!

Петя, видимо, былъ любимцемъ и баловнемъ отца.

— Ахъ, ты, стрѣлокъ! Одежа на тебѣ, что на огнѣ горитъ!—покачавъ головой, сказалъ Лазарь Ивановичъ, но съ любовью и съ нѣжностью въ голосѣ.

Оля держалась степенно, скромно. Но когда я заговорилъ съ ней, она отвѣчала съ видимымъ желаніемъ похвастаться своими знаніями. Она знала нѣсколько словъ пофранцузски и, по желанію отца, назвала нѣкоторые изъ предметовъ, стоявшихъ на столѣ.

— Ишь, ишь, какъ!—засмѣялся онъ:—скоро отца съ матерью будетъ бранить на бусурманскомъ языкѣ, и не поймешь!

— Sot!—сказала Оля, улыбаясь.

— Ну, вотъ... а что это такое со?

Дѣвочка продолжала улыбаться.

Лазарь Ивановичъ обратился ко мнѣ.

— Глупый,— отвѣтилъ я, невольно тоже улыбаясь.

— Ну, вотъ извольте: скажете эдакое слово, а ты и сиди. Дуракъ настоящій и есть!

Лазарю Ивановичу было пріятно, что его дочь такая образованная, и въ его голосѣ звучало гордое сознание: «это де ничего, что такъ... хоть и выругаетъ, да по французскому, какъ настоящая барышня!»

— Вы и на рояли играете?— спросилъ я Олю.

— Да-съ, на фортопіанахъ.

— Что же?

— Разное-съ: пѣсенки, танцы.

— Польку валяетъ важно. Чуть я было на старости лѣтъ въ плясъ не пустился. Ловко!

— Ужъ и на старости лѣтъ!— вмѣшалась Марья Даниловна:— какой же ты старикъ?

— А нешто молодой? Эге! Это она, извольте видѣть, за себя вступилась: вѣдь, коли я старикъ, такъ и она не такъ молода, да и непріятно мужа стараго имѣть! Ну, пушай, я молодой кавалеръ! Да-съ! Вотъ послѣ чайку къ намъ въ комнаты заходите, Ольга намъ и поиграетъ. А какую это ты пѣсню лонясь играла?

— Казацкую.

— Ахъ, и пѣсня, Александръ Васильевичъ! Такая жалобная, что слеза прошибетъ, право! Такъ за сердце и беретъ! Молодецъ, Ольга! Погоди, Марья Даниловна: будемъ старики, проживемъ: сынъ— генераль, а дочь— барыня!

Онъ шутилъ, но, видно, ему очень хотѣлось бы, чтобы это сбылось на самомъ дѣлѣ, и онъ мечталъ объ этомъ.

— Ну, что гадать, что Богъ дастъ,— сказала Марья Даниловна.— Были бы хороши, да родителей почитали, Бога не забывали бы! Она вздохнула.

— Вы откуда извольте быть?— обратилась она ко мнѣ.

Я сказалъ.

— Что же, вы—по торговой части?

— Нѣтъ.

— Служите?

— Служу.

— Она стала спрашивать меня о роднѣ, есть ли у меня имѣнье.

— Да что ты,—засмѣялся Лазарь Ивановичъ:— не въ женихи ли прочишь Александра Васильевича Ольгѣ? Точно сваха выспрашиваешь.

— И скажешь тоже, Лазарь Ивановичъ,— покраснѣла Марья Даниловна:— я такъ только. Какіе еще женихи Ольгѣ, да и подходить ли.

— Ну, ну, ладно. Налей-ка еще чайку Александру Васильевичу. Да вы это что же: ни варенья, ни булочекъ? Али не вкусно?

— Что вы! Да я попробоваль всего. Вѣдь мы сейчасъ на станціи обѣдали.

— Это что-жъ такое! Вотъ Петрунь и послѣ обѣда, а какъ уплетаетъ!

Послышались шаги.

Лазарь Ивановичъ оглянулся.

Въ бесѣдку вошелъ молодой человекъ, одѣтый въ поношенный пиджакъ и въ грязной рубахѣ.

Онъ сконфузился и растерянно остановился, какъ бы не зная: оставаться или уйти.

— Ты это что же въ такомъ видѣ?—нахмурился Лазарь Ивановичъ:—точно и одѣться тебѣ не во что?

— Да я съ рѣчки.

— Съ рѣчки! Такъ нешто нельзя переодѣться? Эхъ, мужичье! какъ ни стараешься васъ образовать, все по-своему. Иди, приобращись маленько!

— Да что, Лазарь Ивановичъ,—вмѣшалась жена:—ужь коли показался такимъ, то пуцай. Онъ опять вѣдь на рѣчку пойдетъ.

— Ну, какъ хочешь,—махнулъ рукою Лазарь Ивановичъ.

— Садись, Митя, выпей!—сказала Марья Даниловна и прибавила, обращаясь ко мнѣ:—это братъ мой меньшой. У насъ живетъ. Лазарь Ивановичъ хочетъ его къ лѣсному дѣлу приобучить, а потомъ...

— Ну, ты наливай, а не разводи рацѣи-то!—оборвалъ Лазарь Ивановичъ, которому было неприятно, что братъ жены показался въ такомъ непривлекательномъ видѣ.

Хорошее расположеніе духа Лазаря Ивановича испортилось, и онъ даже прикрикнулъ за что-то на Петю.

Молодой человекъ переглянулся съ Матрешей и робко началъ пить чай.

Лазарь Ивановичъ допилъ свой стаканъ и поднялся съ мѣста.

— Ну, вы не осудите меня, Александръ Васильевичъ,—промолвилъ онъ:—дѣла не ждуть. Я ужь пойду, а опосля еще увидимся. Вы не сегодня, не завтра уѣзжаете.

— А польку-то, тятя?—спросила Ольга.

— Успѣется, не уйдетъ твоя полька! Да и безъ меня можно.

Но онъ нѣсколько смягчился и закончилъ уже добродушно:

— Ишь, похвастать захотѣлось. Успѣешь. Александръ Васильевичъ у насъ поживетъ. Прощенья просимъ,—прибавилъ онъ, подавая мнѣ руку.

Вскорѣ за нимъ ушли дѣти, а за ними и Митя съ Матрешей.

— Ахъ, не любить этого, Лазарь Ивановичъ, не любить,—вздыхнула Марья Даниловна.

— Чего этого?—спросилъ я.

— Да чтобы такъ-то, какъ Митя. Любить, чтобы все по-благородному, и меня точаетъ... спокоею нѣту. Хочетъ все, какъ у

господь. И дѣтей вотъ... а Богъ вѣсть, что изъ этого будетъ! Оно, конечно, пріятно, что говорить,—закончила она съ гордостью:—живемъ не хуже господь, и о. Василій завсегда говоритъ: у васъ, Лазарь Ивановичъ, все какъ есть по-господскому, не хуже Александра Яковлевича... Да и тяжело по времени, правду надо сказать! А-ахъ!

Она зѣвнула.

Я поблагодарилъ за чай и, сославшись также на дѣла, отправился къ себѣ на верхъ.

V.

Уже совсѣмъ свечерѣло. Съ рѣчки и съ болота, лежащаго вблизи Бриловки, потянуло свѣжестью. Пригнали коровъ съ поля. Пришелъ дачный поѣздъ и проѣхало нѣсколько экипажей со станціи.

Я сидѣлъ на балконѣ и безцѣльно смотрѣлъ на улицу, по которой проходили изрѣдка мѣстные жители, прошли двѣ дачницы, какой-то военный промчался верхомъ въ карьеръ. Пробѣжалъ почталіонъ. Изъ кабака доносились пѣсни. Стучалъ въ ближайшемъ трактирѣ блокъ въ дверяхъ, когда она отворялась и затворялась.

Изъ калитки дома вышелъ высокій, бѣлый, какъ лунь, старикъ, одѣтый въ тулупъ, и сѣлъ на скамейку, которая стояла возлѣ палисадника.

Я слышалъ, какъ Матреша называла кого-то дѣдушкой. «Вѣрно, это онъ и есть»,—подумалъ я и рѣшился выйти и поболтать со старикомъ.

Онъ оглянулся, заслышавъ мои шаги, приподнялся, когда я поровнялся съ нимъ, и снялъ шапку.

— Добрый вечеръ, дѣдушка,—сказалъ я.—Можно мнѣ присѣсть къ вамъ?

— А для чя нельзя. Садись, господинъ, садись, коли я не помѣшаю.

— Развѣ хозяинъ можетъ помѣшать? — сказалъ я, опускаясь на лавку.

— Гдѣ ты нашелъ хозяина? — произнесъ старикъ съ ироніей въ голосъ:—хозяинъ Лазарь Ивановичъ, а я не хозяинъ.

— Да вѣдь онъ сынъ вамъ будетъ? Или вы отецъ Марьи Даниловны?

— Сынъ, сынъ! Да что-жъ изъ того? Сынъ и хозяинъ, а я, стало, пожилецъ... изъ милости, даромъ хлѣбъ ѣмъ у Лазаря Ивановича. Я самый маленькій человѣкъ въ домѣ. Петька и тотъ больше меня. Петька ругать можетъ дѣдушку, смѣяться надъ нимъ, надъ старымъ дуракомъ. А я что? Я дуракъ и есть, зачѣмъ вспоилъ да вскормилъ такого барина важнаго, какъ Лазарь Ивановичъ. Вотъ и терпи!

— Развѣ вамъ худо жить у сына?

— Зачѣмъ худо! Хорошо. Ышь, пей и спи, да благодари за все Лазаря Ивановича и молись Богу. Чего лучше! Какъ можно худо... что ты!

— Мнѣ показалось, что вы недовольны.

— Ну, вотъ... напрасно! нешто я сказалъ что! Хорошо, хорошо. Онъ вздохнулъ.

— И вечерокъ же! теплота какая! благодать!—произнесъ онъ, помолчавъ.

— А все же тулупъ понадобился.

— Годы, родной, годы! Думаешь, мнѣ колькій пошелъ? Ну-ка, угадай?

— За шестьдесятъ.

— Все за шестьдесятъ! Близко, родной, къ восьмидесяти. Семьдесятъ седьмой пошелъ съ Николы вешняго.

— Ну, никогда бы не сказалъ этого,—удивился я.—Для этихъ лѣтъ еще вы, дѣдушка, молодецъ молодецъ.

— Ну, вотъ и похвалилъ добрый человѣкъ. Свои не хвалятъ, такъ чужой похвалилъ. Спасибо, спасибо. Все слаще для сердца-то. Ахъ, родной, еще не такимъ былъ бы теперь Иванъ Терентьевичъ, кабы жизнь иная. Всего было испытано на вѣку. Слыхали, чать, Бакланова?

— Слыхалъ. Помѣщикъ?

— Да, помѣщикъ. Турка онъ былъ, вотъ кто, не тѣмъ будь помянуть покойникъ. Звѣрь, не человѣкъ! А я евойный былъ. Вотъ и посуди. Много горькаго перенесъ Иванъ Терентьевичъ, да Богъ помогъ, выкрутился и на волю откупился. Торговлю открылъ, и Богъ помогъ, пошло дѣло, сына выростилъ, какъ слѣдуетъ, поучилъ маленько и на линію поставилъ. Вѣдь Лазарь Ивановичъ старшиной былъ, знаешь это?

— Знаю.

— Да, жилось, родной, въ деревнѣ чудесно. Всѣ почитали. Такъ нѣтъ, не то, вишь, не нравится. Я было началъ говорить, такъ и слушать не хотѣлъ. Старъ, говорить, ты и дуракомъ сдѣлался. А я уменъ и все понимаю. А что понимаетъ? Тутъ и понимать-то нечего: родился мужикомъ и живи помужички, а не лѣзь въ господа!

— Вѣдь Лазарь Ивановичъ хорошо живетъ?

— Ужъ чего лучше! Дочь погосподски обучена, читаетъ не по-нашему, только держись. И Богъ ее знаетъ, что читаетъ; можетъ быть, тебя же костить. А Лазарь Ивановичъ радуется. Въ имназію сына готовить. Да нешто это порядокъ? Пробовалъ говорить, такъ только содомъ выходитъ. А то ономнясь такъ и сказалъ: «ты, говорить, батюшка, Ышь, пей, а не суйся туда, куда не слѣдуетъ! Ничего ты не смыслишь! Прожилъ ты вѣкъ въ сѣрости, ну, и дивно тебѣ». Я не стерпѣлъ, да и говорю ему: а ты чей сынъ?

Не мой, не мужицкій, что ли? Давно ли въ баре попалъ? А онъ мнѣ: «нонѣ времена другія; кто богатъ, тотъ и баринъ. Вона у Алексѣева сыновья и дворяне, а хуже мужиковъ. А какъ мой Петька обучится всему, такъ ихъ за поясъ заткнетъ».

— Ты знаешь ли, какой умыселъ у него въ головѣ и плантъ какой намѣченъ?—обратился ко мнѣ старикъ.

— Нѣтъ, не знаю.

— Баклановку хочеть купить. Баринъ-то баклановскій, сынокъ того, запутался, и не сегодня, завтра съ молотка все пойдетъ. Ну, вотъ Лазарь Ивановичъ и положилъ купить Баклановку, да туда перебраться. «Тогда, говоритъ, совсѣмъ бариномъ буду, запишусь въ купцы». Слышь, какъ летаетъ нашъ Лазарь Ивановичъ.

— Да что же,—замѣтилъ я:—развѣ это худо?

— Чего лучше! Башка у него умная. Ну, купи. Отчего не купить, только не лѣзь въ господа. Ты посуди, что тутъ хорошаго: Петька меня и теперь мужикомъ ругаетъ. Ты, говоритъ, дѣдушка, мужикъ! Ахъ ты, пострѣленокъ, скажу я: да ты кто? Я, говоритъ, генераломъ буду. Его бы въ торговлю пустить, а Лазарь Ивановичъ въ имназію хочеть. Ужъ коли онъ теперь такъ-то, что же опосля? Да онъ тогда и отца изъ дураковъ въ дураки произведеть. Да такъ оно и есть: вѣдь какъ ни строй изъ себя барина, а все же мужикъ! И пуцай ему... накажетъ Богъ его.

— Ну, что вы, зачѣмъ же желать!—промолвилъ я.

— Я развѣ желаю? Что ты, родной! Я это съ огорченья сказалъ, потому обидно. А нешто я ворогъ сыну и внучку? Пошли имъ Богъ всего! Только опять же не надо и обижать другихъ. Это не побожески!

— Кого обижать?

— Мало-ли кого. Ты думаешь, все-то побожески можно? Мнѣ что... Лазарь Ивановичъ мнѣ сынъ и не мнѣ его безславить, а всегда скажу: незачѣмъ было у Марьи Кирилловны лѣсъ обманымъ манеромъ брать. Глупая баба, ну, и обошли! А теперь она плачется и ругательски ругаетъ Лазаря Ивановича. Онъ-то посмѣивается, да нешто Богъ-то не взыщеть! Слезы человѣческія, родной, долго ли, коротко ли, дойдутъ до Бога... ужъ это безпремѣнно! Я и Маріи Даниловнѣ говорилъ, да что она? Первое дѣло противъ мужа она нешто смѣетъ. Онъ, Лазарь Ивановичъ, не любить, когда его учать. Такъ самъ поучить, что нѣ, поди... долго не забудешь. Онъ одинакова и меня чуть не вдарилъ, право слово. Я въ эту пору всю ночь плакалъ. Отъ сына-то... какво подумать, родной. Ну, а она—жена. Да опять и то: она и сама-то туда же норовить! Ину пору и согласна со мной, а то и занесется: «мы, говоритъ, не на той линіи; мы не хуже господъ живемъ». Баба деревенская, а зачванилась, ну, и мелеть; также барыней хочеть быть. Тѣфу, прости Господи! Что я тебѣ, родной, скажу; ты не повѣришь, по-

жалуй: удумала она это, какъ барыни-то, затыжку носить, какъ это прозывается у нихъ...

— Корсетъ,—подказалъ я.

— Во, во! Привезъ Лазарь Ивановичъ, она и надѣла. Запрягла ее Матреша. Ну, ладно. Только потомъ чуть она и жизни не рѣшилась. Сняла это, да и полно модничать... тяжело! Ужъ и смѣялся я о ту пору, какъ смѣялся! А Лазарь Ивановичъ сердится: корова, говорить, ты, корова; всѣ дамы носятъ, а ты не можешь, мужичка!

Я невольно разсмѣялся.

— Что, смѣшно тебѣ? Да и всякому такъ. Да! А только ты, родной, не говори объ этомъ... что я тебѣ-то. Ты ничего не говори, потому Лазарь Ивановичъ какъ узнаетъ, разсердится. Да и что же: я такъ, съ огорченья, потому не ладно, а меня, старика, не слушаетъ. А оно и то: мнѣ какое дѣло? Сынъ не маленькій, его дѣло. Я сытъ, одѣтъ—спасибо Лазарю Ивановичу. Чего мнѣ? Старымъ костямъ и на покой пора, мнѣ не долго и жить-то. Здравствуй, Максимушка, здравствуй,—промолвилъ дѣдъ и протянуль руку подошедшему мужику, почти такому же старику, какъ и онъ самъ.— Что скажешь, Максимушка? Садись, погугоримъ!

— Я по дѣлу, съ просьбой къ Лазарю Ивановичу,—промолвилъ старикъ, кланаясь мнѣ и сядясь рядомъ съ Иваномъ Терентьевичемъ.

— Къ Лазарю Ивановичу? Почто?

— Слыхалъ ты, что у меня Наталья-то разрѣшилась?

— Слыхалъ, слыхалъ. Сынка Богъ далъ?

— Сынка. Вотъ я и къ Лазарю Ивановичу насчетъ крестинъ, стало. Въ кумовья хочу просить.

— Не пойдетъ,—махнуль рукою дѣдъ:—нешто ты его не знаешь? У купцовъ онъ крестить, а у тебя не станеть.

— Заважничался онъ, это вѣрно,—покачалъ головой старикъ:—загордился!

— Деньгà, Максимушка!

— Истинно — деньга. Нажиль—и гнупаться своимъ братомъ!.. А если его попросить? А? Ты что скажешь, Иванъ Терентьевичъ?

— Спробуй, только не будетъ толку.

— Дома онъ?

— Нѣту, да скоро, должно, пріѣдетъ.

— Ну, а Марья Даниловна?

— Чтожъ Марья Даниловна? Коли самъ не пойдетъ, и ее не пустить. Подожди, а то завтра зайди. Когда крестины-то?

— Послѣзавтра еще.

— Ну, такъ увидишь, зайди! А то подожди... побалакаемъ!

Они заговорили о какомъ-то кузнецѣ. Я посидѣлъ еще нѣсколько минутъ и всталъ.

— Пойду прогуляться немножко,—сказалъ я.

— Сходи, родной, на станцію сходи. Скоро кульберскій. Всѣ дачники соберутся. Весело!

Я поклонился и пошелъ по направленію къ станціи.

Возвращаясь поздно домой, я встрѣтилъ Максима.

— Ну, что,—остановилъ я его:—видѣлъ Лазаря Ивановича?

— Видѣлъ.

— Согласенъ?

— Куды! Еще и обидѣлъ, Богъ его прости: если, говорить, всѣхъ нищихъ буду крестить, такъ это съ поль-станціей покумиться придется! И жену не пустилъ. Загордился человѣкъ! Совсѣмъ въ господу записался. Суди его Богъ!

И, низко поклонившись, старикъ завернулъ въ переулокъ, гдѣ была его убогая хатка.

VI.

Докторъ былъ правъ. Лазарь Ивановичъ держалъ прекрасный столъ. Правда, онъ не былъ поварскимъ столомъ, но Марья Даниловна, сама готовившая обѣдъ, хотя и при помощи Акулины, могла заткнуть за поясъ любого повара. Она готовила вкусно, провизія всегда была свѣжая.

— Извѣстно, кушанья у насъ простыя, «русскія»,—почему-то съ такимъ именно смягченіемъ говорила Марья Даниловна:—но люди хвалятъ и остаются довольны. О. Василій всегда говоритъ, что у насъ кушаетъ съ удовольствіемъ. Грѣшные, любимъ мы съ Лазаремъ Ивановичемъ вкусно поѣсть; плоть упитываемъ.

Заставши какъ-то Марью Даниловну въ кухнѣ, я замѣтилъ ей:

— Не устаете сами готовить?

— И какъ не уставать! За утро-то такъ упетаешься, что не приведи Господи. Да нешто Акулина такъ изготовить? Изгадитъ все и только. Извѣстно, при капиталахъ Лазаря Ивановича можно бы и заправскую куфарку нанять. Да боюсь я возни съ ними. Хорошая-то куфарка куражится любить: все не по ейному, капризовъ не оберешься. Мы хотя и не держали, да по людямъ судючи, знаю я все. Да опять и то: все будто не по-моему выйдеть. Лазарь Ивановичъ привыкъ къ моей стряпнѣ, да я его вкусы знаю, а гдѣ чужому человѣку! Лазарь Ивановичъ не одиново собирался нанять. Ему, видите, не хочется, чтобы я сама-то возилась. Барыней, хочеть, чтобы я сидѣла,—съ гордостью промолвила она:—ну, да я все упираюсь, непорядковъ боюсь, да и что же мнѣ дѣлать тогда? Такъ-то сидѣть, сложа руки, и съ ума сойдешь, пожалуй...

— А вы бы читали,—сказалъ я нарочно:—вѣдь Лазарь Ивановичъ выписываетъ газеты?

— Какъ же, батюшка, не одну. Съ картинками получаетъ, занятныя такія. Да учена-то я плохо, разбираю съ трудомъ. И дивно дѣло опять: какъ начну разбирать, такъ и склонить ко сну.

— Олечка бы читала, или Петя.

— Дожидайся! Имъ бы только смѣшки надъ матерью! Попросишь ее, а она нарочно и скажетъ что нибудь не по нашему. А я нешто понимаю? А то скажетъ: вы, маменька, уснете сейчасъ. И вѣдь правда: занятное — а зачну слушать, и спать хочется. И сама читаю—спится, и слушаю—тоже спится. Я ужъ и не знаю, отчего это. Вотъ Софья Степановна говоритъ, что это отъ рыхлости. И взаправду, можетъ, отъ этого. Вы что думаете?

— Да, можетъ быть,—промолвилъ я, удерживая улыбку.

Лазарь Ивановичъ любилъ послѣ обѣда и за вечернимъ чаемъ почитать газету и потолковать о политикѣ. Онъ получалъ «Петербургскій Листокъ» и «Родину». Особенно нравилась ему «Родина».

— И вѣдь, помилуйте, какъ это дешево, — разсуждалъ онъ:— за пять рублей и чего-чего тебѣ не нашьютъ. И портреты, и стихи занятныя, и всякія исторійки. Здѣшняя портниха Авдотья Ипатовна завсегда у насъ моды беретъ. И Петѣ есть что почитать, Ольгѣ—ноты... опять хозяйственныя наставленія. А какая чувствительная исторія была пропечатана про любовницу генерала Аракчеева. Презлющая была эта бабенка! Какъ она тиранила-то всѣхъ. И дѣвку эту бѣдную... ну, и порѣшили ее... братъ же дѣвки и порѣшилъ ее!

Лазарь Ивановичъ терпѣть не могъ евреевъ.

— Жиды всему причиной!—горячо говорилъ онъ:—еще ихъ мало утѣсняють. Какъ это возможно, чтобы они кровь христіанскую пили! Вы посудите: нешто можетъ быть что нибудь хуже жиды? Христа распяли... такъ передъ чѣмъ ужъ они останавливаются!

Но особенно озлобился Лазарь Ивановичъ противъ «жида», когда мѣстный еврей Абрамовичъ перехватилъ у него выгодный подрядъ.

— Слыхали, что жидовская-то морда устроила? А?—воскликнулъ Лазарь Ивановичъ, входя въ столовую, гдѣ мы пили чай по случаю дождя.

Столовая находилась рядомъ съ «заломъ» и была обставлена какъ слѣдуетъ: и большой круглый столъ, и плетеные стулья, и лампа висячая и буфетъ рѣзной. Въ залѣ стояли даже золоченные стулья и дорогой рояль. Только половику во весь залъ портиль ансамбль.

Лазарь Ивановичъ сердито бросилъ картузь на окно и повторилъ, сядя на стулъ, который съ шумомъ придвинулъ къ столу:

— Экая жидовская харя! Ну, да я ему покажу. Будетъ онъ знать, христородавецъ, какъ ногу подставлять православному человѣку!

Я полибопытствовалъ узнать, въ чемъ дѣло.

— Помилуйте, вѣдь это что-жъ: если все такъ, такъ и дѣловъ дѣлать никакихъ нельзя! Изволите видѣть: ужъ совѣмъ я было уговорился съ заводомъ о поставкѣ дровъ. Сегодня надо было и условіе подписать. Вдругъ Абрамовичъ, жидовская морда, шастъ къ управляющему и предложи ему на полтину дешевле. И перебилъ! Я насчетъ условія значить, а управляющій уже съ нимъ, съ жидомъ пархатымъ, подписалъ. Каковъ фрукъ!

— Онъ взялъ дешевле васъ?

— Ну, да, говорю вамъ, на полтину дешевле.

— А вы не могли раньше взять той цѣны, какую онъ предложилъ?

— Раньше! Кто же зналъ, что онъ побѣжитъ! Извѣстно, могъ бы. Не подпиши они условія, я бы не то что полтину, а и всѣ бы восемь гривенъ спустилъ. И то было бы не убыточно.

— Отчего же вы не сдѣлали?

— Да не зналъ—оттого! Не побѣги Абрамка, управляющій на мои цѣны согласился бы. Для чего-жъ мнѣ самому терять полтину? Они, жида, на этомъ стоятъ: всегда дешевле и собьютъ цѣны. Нешто русскій человѣкъ будетъ такъ-то? А онъ, жидъ, за грошъ радъ версту бѣжать. Вы думаете, кѣмъ былъ раньше Абрамовичъ? Кости собиралъ, да углемъ торговалъ... нюхъ у него... сейчасъ съ послугою: того не угодно ли, да другого. Ну, и выбрался. Онъ ничѣмъ не брезгуетъ. Тамъ, гдѣ русскій человѣкъ и рукъ марать не станетъ, потому вся и прибыль-то яйца выдѣннаго не стоитъ, а онъ бѣжитъ и беретъ. Этимъ и выльзъ.

— Вы забываете, что важно, чтобы деньги дѣлали больше оборота,—сказалъ я.

— Мы за этимъ не гонимся,—махнулъ рукою Лазарь Ивановичъ:—пусть ужъ жидовина за грошъ дерется. Рукъ не стоитъ пачкать! Спина устанетъ по грошамъ тысячу сколачивать. Абрамка думаетъ, что я пропаду отъ этого? Да я на одномъ Завихляевскомъ лѣсѣ все ворочу! Я своего не упущу. Не люблю только промысла грошеваго. Я и тутъ не изъ-за денегъ... что за подрядъ! Не Богъ вѣсть какія золотыя горы, да не по ладному сдѣлалъ жидъ, вотъ что! А и надуетъ же онъ управляющаго, какъ Богъ святъ, надуетъ.

— Въ чемъ?

— Короткихъ поставитъ дровъ, али гнилятину подсунетъ, ужъ свое возьметъ.

Онъ допилъ стаканъ и вдругъ перевелъ разговоръ на другой предметъ.

— Да-съ, Александръ Васильевичъ, такъ-то... а что въ газетахъ пишутъ интереснаго? Нѣмецъ что? Не думаетъ воевать съ нами? Ничего, теперь мы нѣмца не боимся. Не тѣ времена! Былъ у нихъ этотъ Бисмаркъ—продувная шельма. Съ нимъ ухо надо держать было востро. Ну, а этотъ, какъ его?..

— Каприви.

— Каприви этотъ не страшень. Самъ царь ихній, Вильгельмъ, во все суется. Ну, да ему тоже до Бисмарка куда далеко, гдѣ же. И больной онъ. А нашъ-то, нашъ,—прибавилъ вдругъ Лазарь Ивановичъ съ восхищеніемъ:—полюбоваться есть на что. Взглядъ-то каковъ—русскій! Все въ немъ: и строгость и милость. Смотри, Петька, будешь генераломъ, хорошенько бейся съ нѣмцемъ.

— Я, какъ Скобелевъ, буду бить турку.

— Ну, что турка! Турка—слабый человекъ. А ты нѣмца. Нѣмецъ, что жидъ, во всякую щель пролѣзеть. Какъ клопъ: заберется, его и не выживешь, не выкуришь. Самъ подохнетъ, такъ яичекъ наоставляетъ. А турка что! Алла эта—пустое, братъ.

Лазарь Ивановичъ пришелъ опять въ веселое настроеніе.

— А ну-ка, Петька, покажи Александру Васильевичу, что ты знаешь. Ну, ну... денежки вѣдь плачу учителю-то... кажи, какая твоя образованность.

Будущій Скобелевъ нѣсколько смутился.

— Чего же ты... валяй-ка стишокъ, какой ты мнѣ сказывалъ, ну!

Петя началъ:

«Птичка Божія не знаетъ
 «Ни заботы, ни труда,
 «Хлопотливо не свиваетъ
 «Долговѣчнаго гнѣзда».

Онъ читалъ быстро, не останавливаясь на знакахъ, безъ всякаго выраженія.

— Молодецъ!—похвалилъ Лазарь Ивановичъ:—безъ запиночки! Да-а, память ничего! А по ариѳметикѣ какъ онъ чудесно! Лучше меня, истинно! Ну, его не объгорятъ. Ольга, а ты что же... напилась?

— Напилась.

— Пойди-ка въ зало, да сыграй намъ чтонибудь.

— Что мнѣ сыграть, тятенька?

— Получше, извѣстно. Ну, веселое: чтобы было пусто ему, Абрамкѣ.

— Я сыграю вальсъ, тятенька.

— Валяй вальсъ.

Ольга вышла, и черезъ нѣсколько секундъ послышались звуки вальса «Concordia».

Техника у дѣвочки относительно была не дурна, но видно,

она совсѣмъ не участвовала душой въ игрѣ, и музыка ея не трогала.

— Чѣмъ не барышня!—воскликнулъ Лазарь Ивановичъ, когда Ольга кончила:—пофранцузски читаетъ и на фортопіанахъ играетъ. Вотъ подрастетъ и—невѣста. Пожалуйте, господа дворяне, въ приданомъ не обидимъ. Ха-ха-ха!

Вошла Акулина.

— А тамъ Авдотья Ипатовна пришедши, обратилась она къ Марьѣ Даниловнѣ:—платья принесла.

— Какія платья?—спросилъ Лазарь Ивановичъ у жены.

— Ужели ты и забылъ? А на свадьбу въ Алексино ѣхать. Мнѣ и Ольгѣ.

— Ахъ, чтобъ васъ! Нешто у меня мало дѣловъ, чтобы еще о платьяхъ помнить. Ну, музыкантша, маршъ; одѣвайся, да кажись въ новомъ платьѣ, какова-то будешь. Вотъ вѣдь, Александръ Васильевичъ, пустое, пустое, а оба-то платья и въ денежку вскочили! А нельзя: сродственникъ женится, богатую беретъ, будутъ изъ Петербурга купцы... нельзя въ грязь лицомъ ударить... фай надѣвай! Когда ѣдете-то? Завтра, что ли?

— Послѣзавтра, Лазарь Ивановичъ.

— Ну, ну.

— А ты не ѣдешь?

— Опять? Ужъ сказано, что не поѣду,—такъ чего же еще!

— Обидится, Лазарь Ивановичъ.

— А мнѣ плевать! Скажи спасибо, что васъ пуцаю, да и то не для него, а для Ольги—пусть повеселится, ну, да и тебѣ надо тоже, а то заплѣсневѣла совсѣмъ. А я ужъ погожу. Обидится! А я нешто не обидѣлся тогда? Зачѣмъ онъ такъ? Что я такое: постилка, что ли; всѣ ноги обтирать могутъ! Нѣтъ, Марья Даниловна, шалишь! Я за себя постою!

И Марья Даниловна и Ольга вышли показаться въ новыхъ платьяхъ. Платья были дорогія; у Марьи Даниловны—сиреневое, у Ольги—бѣлое. Но я не могъ похвалить искусство Авдотьи Ипатовны: платья были спиты аляповато. Однако, они понравились всѣмъ, и я, конечно, не сталъ высказывать своего мнѣнія.

Матреша не поѣхала, хотя ей очень хотѣлось.

— Отчего вы ея не пустили?—сказалъ я Лазарю Ивановичу.

— Это и ей платье шить? Спасибо—благодарю. И такъ они съ братцемъ-то стоятъ мнѣ. Вы полагаете, родня Маріи Даниловны капиталная? Я и то одну сестру ейную уже пристроилъ. Молодой-то и посейчасъ еще въ долгу у меня. Да это что: чело-вѣкъ онъ дѣловитый, справится, отдасть, я не къ тому. И Матрешу устроимъ. Засылалъ одинъ тутъ... кузнецъ. Деньга есть, да все же

какъ-то не по сердцу; кузнецъ что: и работа грязная, да и семья большая. Еще не перестарокъ, успѣть выйти. Мы ее за лавочника покрайности выдадимъ. Все купчиха, хоть и аплике, а купчиха. Что, Матреша, Сусанинъ-то по сердцу?

Дѣвушка сконфузилась.

— Ишь спеклась какъ! Это было бы отлично, еслибъ Сусанинъ: одинъ сынъ у отца, ни золовки, ни свекрови.

— А братъ вашей жены давно живетъ у васъ?

— Ужъ второй годъ. Парень онъ не глупый, только больно ужъ сѣрь. Привыкъ въ своей деревнѣ. Да я его поставлю на дорогу. Вотъ еще къ Кислякову устрой, пусть у чужихъ поживетъ, а тамъ изъ него приказчикъ по лѣсной части выйдетъ хорошій. Ну, тогда и поженимъ его, съ капиталомъ найдемъ невѣсту и въ пайщики. А то и на свой страхъ начнетъ дѣло. Не сидѣть же въ мужикахъ, на пашнѣ... И прежде на ней не загребали золота, а теперь, что ни годъ, все урожай-то хуже. Да и земля же... Эхъ, Александръ Васильевичъ, вотъ гдѣ обида-то: русскому человѣку земли не хватаетъ, а нѣмчуры жирѣютъ. Былъ здѣсь баринъ одинъ, такъ рассказывалъ онъ, какъ они на Волгѣ да на югѣ блаженствуютъ. Земли—пропастъ, а что за земля! А еще насъ же ругаютъ, колбасники!

Вошелъ Иванъ Терентьевичъ.

— Ну, что, старикъ?—обратился къ нему Лазарь Ивановичъ:— по лицу ужъ вижу, что недоволенъ чѣмъ-то? Ну, что такое, говори.

Старикъ махнулъ рукой.

— Да что мнѣ говорить-то; нешто меня послушаешь?

— Въ чемъ дѣло-то?

— Да дѣло въ томъ, что гордости у тебя много, вотъ что.

— Старая пѣсня!—нахмурился Лазарь Ивановичъ:—и когда ты отстанешь ее тянуть, отецъ?

— А когда ты смиришься? Ну, чего не поѣхалъ на свадьбу? Не чужакъ, а сродственникъ. Обида, вишь! Ну, что за обида, что назвалъ тебя форсуномъ. А форсунъ ты и есть.

— Будетъ старикъ,—строго остановилъ Лазарь Ивановичъ:— обижать тебя не буду, да я самъ не маленькій. Знаю, что дѣлаю. Нечего учить меня.

Онъ взялся за фуражку.

— Пойти на складъ. А вы что же: не поѣдете, куда хотѣли-то? отдумали?

Я собирался за двадцать верстъ по дѣламъ.

— Нѣтъ, не отдумалъ, — отвѣтилъ я: — завтра рано утромъ поѣду.

— Ну, счастливаго пути, коли не увидимся.

И Лазарь Ивановичъ вышелъ изъ комнаты.

— Гордецъ!—прошамкалъ старикъ и поплелся въ кухню, гдѣ онъ спалъ, не смотря на всѣ уговоры сына спать въ комнатѣ.

— Я привыкъ къ избѣ сызмальства. Не баринъ. Вы ужъ баретакъ спите въ комнатѣ,—упорно отказывался старикъ.

Мнѣ пришлось уѣхать раньше, чѣмъ я предполагалъ.

Лазарь Ивановичъ проводилъ меня на вокзалъ и заставилъ распить бутылку хереса. Онъ увѣрялъ, что я ему очень понравился.

— Заѣзжайте къ намъ, когда мимо придется... ну, хотя до поѣзда...

— Я ужъ на свадьбу Оли приѣду,—сказалъ я, шутя.

— Это далеко пѣсня...

Онъ задумался и умолкъ.

— А что, Лазарь Ивановичъ,—спросилъ я:—если Петя хорошо кончитъ гимназію и захочетъ въ университетъ,—вы какъ?

— Что же я... если охота у него будетъ, да капиталы позволятъ, не стану удерживать...

— А не боитесь, что онъ тогда совсѣмъ отъ дѣла отстанетъ? не захочетъ вашу торговлю продолжать?

— Да что же тутъ... ужъ коли онъ будетъ такой умственный человѣкъ и на другое пойдетъ, какая же ему торговля... Да и зачѣмъ? Чиновнымъ будетъ, нешто это хуже? Все воля Божья... а случается... зналъ я слѣдователя, теперь, пожалуй, и выше пошелъ, а сынъ простого мѣщанина... если Богу угодно... вся бываетъ.

— Такъ что вы даже и рады видѣть Петю чиновнымъ человекомъ?

— Кто хорошему не радъ, Александръ Васильевичъ.

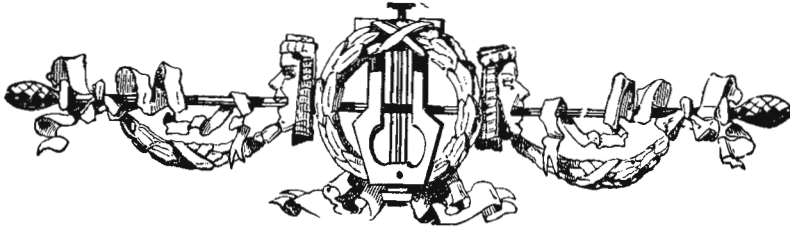
Мы пріятелями разстались.

Это было три года тому назадъ. Съ той поры я не встрѣчался съ Лазаремъ Ивановичемъ, но, живя въ Одессѣ, я получилъ письмо отъ доктора, который сообщалъ, что Петя поступилъ въ гимназію, и что не сегодня-завтра Баклановка будетъ Лазаря Ивановича. «Дочь вытянулась, и стала совсѣмъ дѣвицей и серьезно мечтаетъ сдѣлаться дворянкой»,—закончилъ свое письмо докторъ.

Теперь Лазарь Ивановичъ, вѣроятно, уже владѣетъ Баклановкой. Сбудутся ли и другія его желанія?

А. Кругловъ.

ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТА А. А. НИЛЬСКАГО ¹⁾.

IV.

Директоръ театровъ А. М. Геденовъ. — Его портретъ, изданный артистами. — Обращеніе Геденова съ подчиненными. — Его вспыльчивость. — «Трубная». — Разсказъ В. Г. Васильева объ арестѣ. — Злоупотребленіе чиновниковъ при Геденовѣ. — Рѣчь Геденова по этому поводу. — Театральныя кассы безъ контроля. — Оригинальная просьба Геденова. — Недоразумѣнія, возникавшія благодаря вспыльчивости директора. — Абонементъ на итальянскую оперу со скандаломъ. — Случай въ Москвѣ. — Распеканіе хориста. — Слабости Геденова. — Мнимый сынъ. — Дебютантка. — Бритье бородъ у итальянскихъ пѣвцовъ. — Магическое слово. — Камердинеръ Петръ. — Его мнимое вліяніе на Геденова.

ДИРЕКТОРЪ императорскихъ театровъ Александръ Михайловичъ Геденовъ, которому я обязанъ своей карьерой, почти въ самомъ началѣ моей службы вышелъ въ отставку, такъ что мои о немъ воспоминанія ограничиваются только нѣсколькими эпизодами изъ его жизни, слышанными мною отъ товарищей.

Не смотря на свой вспыльчивый характеръ и наружную суровость, онъ былъ любимъ всѣми подчиненными. Краснорѣчивымъ доказательствомъ этого можетъ послужить то, что когда минуло двадцатипятилѣтіе его директорской дѣятельности, всѣ артисты по инициативѣ И. И. Сосницкаго на собственные средства отлитографиро-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LV, стр. 125.

вали его портретъ съ такою трогательною надписью: «Благодарное сословіе артистовъ составило между собою и для себя».

Въ обращеніи съ подчиненными онъ былъ суровъ и говорилъ всѣмъ безъ исключенія какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ: «ты». Конечно, никто на это не обижался, такъ какъ большинство служило подь его начальствомъ чуть ли не съ дѣтства.

Будучи нервнымъ и раздражительнымъ, онъ не умѣлъ сдерживаться и такъ иногда кричалъ на актеровъ и на своихъ чиновниковъ, что тѣ буквально шалѣли отъ его распеканій, часто совершенно не основательныхъ и безпричинныхъ. Любимымъ его выраженіемъ во время выговоровъ была угрожающая фраза:

— Я тебя въ солдаты отдамъ!

Были случаи, что въ пылу гнѣва Александръ Михайловичъ говорилъ это даже женщинамъ.

Разумѣется, ни разу въ жизни онъ не подвергалъ никого изъ актеровъ или чиновниковъ такому строгому наказанію, но, всетаки, надъ виновными творилъ самосудъ безапелляціонный. По его распоряженію даже «первыхъ сюжетовъ» сажали подь арестъ въ такъ называемую «трубную»¹⁾, и не только за проступки, содѣянные по службѣ, но и по частнымъ взысканіямъ. Такъ было съ актеромъ В. Г. Васильевымъ 1-мъ. Однажды, Гедееоновъ посадилъ его въ эту трубную по жалобѣ кухарки, которая явилась къ директору и сказала, что Василій Григорьевичъ ее поколотилъ.

— Александръ Михайловичъ никакихъ моихъ оправданій не принималъ въ соображеніе, — рассказывалъ Васильевъ, — вспылить, закричалъ, упрекнулъ меня въ жестокости и заставилъ пробыть подь арестомъ всю святую недѣлю. Я клялся ему всѣми святыми, что пальцемъ ея не тронулъ, что она по злобѣ на меня наслетничала, но директоръ слышать ничего не хотѣлъ, никакими резонами и увѣреніями не могъ я смягчить его сердца.

Чиновники, завѣдывавшіе хозяйствомъ и счетною частью, въ директорство Гедееонова наживали большіе капиталы. Они, по рассказамъ очевидцевъ, до того безцеремонно пользовались добротой и довѣрчивостью директора, что заставляли изумляться всѣхъ, близкихъ къ театру людей, которые утверждали, что это все было извѣстно самому Александру Михайловичу, но что онъ не принималъ никакихъ мѣръ пресѣченія только благодаря своему мягкосердью. Онъ будто бы жалѣлъ отдавать подь судъ своихъ излюбленныхъ чиновниковъ. Рассказывали, что какъ-то Гедееоновъ вышелъ изъ терпѣнія и громогласно сталъ распекать своихъ подчиненныхъ, которые прикинулись невинными агнцами и смиренно-мудро выслушивали директорскіе справедливыя упреки. Александръ Михайловичъ говорилъ внушительно и долго, такъ долго, что въ

¹⁾ Комната для пожарныхъ при Александринскомъ театрѣ.

концѣ концовъ надѣлъ самъ себѣ и закончилъ свою нотацію такою неподражаемою фразою:

— Впрочемъ, воруйте!.. Воруйте, чортъ васъ возьми... Воруйте, пока я еще здѣсь...

Въ хозяйственномъ отношеніи Гедеоновъ былъ невозможно-плохой администраторъ. Онъ держалъ себя большимъ баринкомъ и на всѣ недостатки управляемаго имъ учрежденія смотрѣлъ сквозь пальцы. Напримѣръ, театральныя кассы были почти безконтрольны. Кассиры чувствовали себя полновластными хозяевами и съ вырученными за билеты деньгами обращались весьма неосторожно.

Является однажды Гедеоновъ въ Александринскій театръ и самодовольно обводитъ глазами залу, наполненную народомъ.

— Удивительно, — сказалъ онъ сопровождавшему его чиновнику, — мнѣ доносили, что эта пьеса не дѣлаеть сборовъ, между тѣмъ публики очень много. Что же это значитъ?.. Позови-ка сюда кассира.

Въ директорскую ложу входитъ кассиръ.

— Каковъ сегодня сборъ? — спрашиваетъ Александръ Михайловичъ.

— Триста сорокъ два рубля, ваше превосходительство, — отвѣчаетъ кассиръ.

— Неужели только 342 рубля? Не можетъ этого быть.

— Могу представить книжку съ билетами.

— Этого не нужно, — мягко и не безъ ироніи замѣтилъ директоръ, — но сдѣлай для меня одолженіе, накинъ еще хоть скольконибудь.

Благодаря своей вспыльчивости и неводержности, Гедеоновъ довольно часто наталкивался на водевильныя недоразумѣнія, которыя, однако, не пріучали его къ осмотрительности. Напримѣръ, требуетъ онъ къ себѣ какъ-то конторскаго чиновника для должнаго внушенія за какіе-то служебные промахи и въ ажитаціи рассказываетъ изъ угла въ уголь по своему кабинету, который находился рядомъ съ его канцеляріей. Вдругъ слышитъ онъ несмѣлый шорохъ въ канцеляріи. Поспѣшно выбѣгаетъ изъ кабинета и на ходу начинаетъ кричать:

— Ты это что же? Опять жалоба? Опять неисправность? Когда же я васъ, подлецовъ, пріучу къ порядку? Я больше не намѣренъ терпѣть твои продѣлки и завтра же упрячу тебя въ рядовые! Ахъ, ты...

И пошелъ, и пошелъ: стоявшій передъ нимъ господинъ съ удивленіемъ разсматривалъ расходившагося директора, и когда, наконецъ, тотъ остановился перевести духъ, незнакомецъ вѣжливо спросилъ:

— Позвольте узнать, ваше превосходительство, вы со всѣми такъ обращаетесь, кто желаетъ абонироваться на ложу въ итальянскую оперу?

— На какую итальянскую оперу? Ты съ ума сошелъ или вздумалъ меня морочить?

— Нѣтъ, я-то, слава Богу, нахожусь въ полной памяти, а вотъ про васъ этого сказать нельзя. Какъ вы можете на меня такъ кричать... вы вѣрно принимаете меня за кого-то другаго?

Александръ Михайловичъ Гедеоновъ.

— Вы кто?—вдругъ, рѣзко измѣнивъ тонъ, спросилъ Александръ Михайловичъ.

— Такой-то... Желая абонироваться на представленія итальянской оперы и не зная, какъ это сдѣлать, я зашелъ сюда, въ квартиру директора, попросить его объ этомъ, но...

— Извините меня... ради Бога... я васъ точно... принялъ за другаго,—сконфуженно перебилъ его Гедеоновъ,—я вамъ сейчасъ же все это устрою.

И, конечно, моментально исполнилъ просьбу незнакомца.

Подобный же случай былъ съ нимъ и въ Москвѣ, куда онъ часто наѣзжалъ по дѣламъ службы. Въ московскихъ театрахъ онъ слылъ за «грозу»; всѣ передъ нимъ тамъ трепетали болѣе, нежели передъ тогдашнимъ управляющимъ московскими театрами А. Н. Верстовскимъ, очень строгимъ и взыскательнымъ начальникомъ.

Передъ самымъ отъѣздомъ Александра Михайловича изъ Москвы въ Петербургъ, какой-то хористъ тяжело провинился. Рапортомъ доложили объ этомъ директору, сдѣлавшему тотчасъ же распоряженіе о вызовѣ этого хориста къ нему на слѣдующее утро. Въ назначенный часъ тотъ является въ пріемную Гедеонова и застаётъ тамъ своего сослуживца, тоже хориста, пришедшаго просить о прибавкѣ жалованья.

Выходитъ изъ кабинета директоръ, осматриваетъ просителей и раздраженно спрашиваетъ:

— Кто вы? Что нужно?

Александръ Михайловичъ въ это утро былъ особенно не въ духѣ, и потому нельзя было ожидать отъ него благопріятнаго пріема.

Ближе къ нему стоявшій проситель, явившійся ходатайствовать о прибавкѣ, отвѣтилъ:

— Хористъ Петровъ.

— А это ты?! — набросился на него директоръ, принимая его за вызваннаго по рапорту конторы. — Молодецъ! Ловко отличаешься! Да знаешь ли ты, негодяй, что я тебя въ мелкій порошокъ могу истолочь? Въ солдаты сдать? Выгнать вонъ со службы? Распустились вы тутъ всѣ безъ строгаго надзора. Пьяницами стали, забулдыгами...

— Извините, ваше высокопревосходительство, — замѣтилъ Петровъ, дрожа всѣмъ тѣломъ: — я ни въ чемъ не виноватъ.

— Знаю я, какъ ты не виноватъ. Всѣ, негодяи, правы...

— Это, вѣроятно, вотъ онъ провинился, — указалъ хористъ на товарища.

Гедеоновъ немного смутился и послѣ небольшой паузы, показывая на напрасно обиженнаго, обратился къ виновному и тѣмъ же строгимъ тономъ сказалъ:

— Все то, что я наговорилъ ему, возьми себѣ... Слышишь?!

— Слушаю, ваше высокопревосходительство.

— То-то!.. А тебѣ что же нужно? — уже совсѣмъ спокойно спросилъ онъ Петрова, который не могъ придти въ себя отъ незаслуженнаго «распеканья». Онъ побоялся изложить свою просьбу и робко отвѣтилъ:

— Я пришелъ пожелать счастливаго пути вашему превосходительству...

— Спасибо, мой другъ, спасибо! — ласково потрепавъ его по плечу, произнесъ директоръ и удалился изъ пріемной.

Этимъ и окончился весь инцидентъ. Противъ чаянія, виновный хористъ не былъ подвергнутъ никакому наказанію.

Хотя Гедеоновъ на первый взглядъ и казался суровымъ человекомъ, однако онъ былъ весьма чувствителенъ и не переносилъ ничьихъ слезъ. Какъ бы онъ, бывало, ни сердился и ни кричалъ, но стоило ему увидѣть у провинившагося хоть одну слезу, гнѣвъ его моментально исчезалъ. Хотя онъ, выдерживая начальническую роль до конца, и продолжалъ притворяться строгимъ, но былъ готовъ поступиться чѣмъ угодно, чтобы утѣшить огорченнаго.

У него были двѣ страсти: карты и женщины. Его фаворитками, имѣвшими большое значеніе въ свое время при театрѣ, были: танцовщица Андреянова и впослѣдствіи французская актриса Миля, близъ которой онъ и умеръ въ Парижѣ. По части его любовныхъ похожденій существовало во время оно много любопытныхъ анекдотовъ, въ большинствѣ весьма пикантнаго свойства. Вотъ одинъ изъ нихъ.

Въ первые годы его директорства является къ нему очень интересная особа съ какой-то просьбой. Очевидно, она чрезвычайно понравилась Гедеонову, потому что ея визитъ былъ слишкомъ продолжителенъ. Затѣмъ, добившись исполненія своей просьбы, она уже болѣе въ дирекціи не показывалась, и, конечно, Александръ Михайловичъ вскорѣ о ней совершенно забылъ. Но каково было его удивленіе, когда много лѣтъ спустя она вновь появляется въ его кабинетѣ, но уже въ сопровожденіи восьмилѣтняго мальчика.

— Чѣмъ могу служить? — обратился къ ней съ вопросомъ директоръ.

— Я пришла просить васъ объ опредѣленіи мальчика въ театральное училище на казенный счетъ.

— Не могу... въ настоящее время у насъ нѣтъ ни одной вакансіи... Я бы съ большою готовностью былъ радъ услужить, но никакъ не могу.

— Какъ? — съ удивленіемъ восклицаетъ посѣтительница и не безъ укора прибавляетъ: — неужели же вы не найдете мѣста для вашего сына?

— Какъ сына? Что вы говорите! — изумился Гедеоновъ.

— Да-съ, вашего сына, — повторила она и напомнила о своемъ первомъ визитѣ, когда Александръ Михайловичъ былъ съ нею не въ мѣру любезенъ, результатомъ чего было, будто бы, появленіе на свѣтъ этого мальчика.

Гедеоновъ смутился и приказалъ принять своего мнимаго сына сверхкомплектнымъ. Припомнивъ все прошедшее, Александръ Михайловичъ смѣло утверждалъ, что его вниманіе къ этой особѣ ограничилось тогда только двумя или тремя совершенно невинными поцѣлуями.

Гедеоновъ былъ очень рѣшителенъ въ своихъ распоряженіяхъ.

Однажды, онъ разрѣшилъ дебютъ въ одноактной пьесѣ какой-то никому невѣдомой госпожѣ и вскорѣ, по своему обыкновенію, совершенно объ этомъ забылъ, но, случайно зайдя въ Александринскій театръ, онъ какъ разъ попалъ на ея позорный выходъ. Дебютантка ему до того не понравилась, что онъ послѣ перваго же ея явленія разсерженный прибѣгаетъ за кулисы и набрасывается на режиссера.

— Что это за безобразіе? Кто допустилъ на сцену такую скандальную актрису?

— Вы сами... Съ вашего разрѣшенія она сегодня играетъ, — спокойно отвѣтилъ режиссеръ.

— Вздоръ! Не можетъ быть! Я не могъ сдѣлать такой глупости... Убрать ее сію же минуту.

— Какъ убрать?

— А такъ, чтобы я ея больше не видалъ на сценѣ... не смѣть ее выпускать больше... Это безобразіе.

— Но вѣдь пьеса уже началась, нельзя же опустить завѣсу теперь...

— На свѣтѣ нѣтъ ничего невозможнаго... Кто ея роль игралъ раньше?

— Самойлова.

— А она въ театрѣ?

— Да, она играетъ въ другой пьесѣ.

— Сейчасъ же попросите ее отъ моего имени, въ чемъ она есть, доиграть за эту госпожу, а госпожѣ прикажите убраться подобру-поздорову и никогда не заикаться о театрѣ...

Приказаніе было исполнено. Самойлова, готовая къ слѣдующей пьесѣ, быстро вышла изъ уборной и сыграла за дебютантку...

Какъ-то давно былъ при нѣмецкой труппѣ сначала помощникомъ бутафора, потомъ бутафоромъ и, наконецъ, помощникомъ режиссера нѣкто Гемузеусъ. Главнымъ же режиссеромъ былъ Голандъ, на котораго Гедеоновъ однажды такъ разгнѣвался, что пожелалъ немедленно его смѣнить. По мнѣнію Александра Михайловича, удачнымъ замѣстителемъ Голанда могъ быть Орловскій, хорошій и извѣстный актеръ той же труппы. Не долго думая, директоръ послалъ за нимъ Гемузеуса, который черезъ короткій промежутокъ времени и доставилъ его въ дирекцію.

Гедеоновъ встрѣтилъ его радушно и тотчасъ же приступилъ къ дѣловому разговору. Гемузеусъ остался у дверей въ смиренно-почтительной позѣ.

Выслушавъ предложеніе директора занять должность главнаго режиссера, Орловскій отвѣтилъ:

— Искренно благодарю ваше превосходительство за честь, но согласиться на это не могу.

— Почему?—удивился Гедеоновъ.

— А потому, что при нашемъ составѣ труппы и при той обстановкѣ, какая существуетъ теперь на нѣмецкой сценѣ, ни одинъ порядочный человекъ не имѣетъ права согласиться быть режиссеромъ. Для этого нужно быть подлецомъ и мерзавцемъ...

— Значить, отказываешься?—спросилъ Александръ Михайловичъ.

— Да... рѣшительно...

Директоръ повернулся въ сторону Гемузеуса и произнесъ:

— Слышаль?...

— Слышаль.

— Поняль?

— Поняль-съ.

— Ну, такъ съ сегодняшняго дня я назначаю тебя главнымъ режиссеромъ.

Гемузеусъ молча поклонился.

На коронаціонномъ празднествѣ въ Москвѣ, въ 1856 году, въ одномъ изъ парадныхъ спектаклей въ Большомъ театрѣ, Гедеоновъ обрилъ бороды всѣмъ итальянскимъ пѣвцамъ, принимавшимъ участіе въ этомъ торжественномъ представленіи. Произошло это такимъ образомъ: первый актъ оперы Александръ Михайловичъ смотрѣлъ изъ своей ложи и ужасно возмущался, что артисты появляются на сценѣ въ напудренныхъ парикахъ и съ необритыми бородами, что, конечно, ослабляетъ впечатлѣніе своею противоестественностью. Къ концу дѣйствія Гедеоновъ до того разсвирѣпѣлъ на эту «анти-хронологію», что быстро спустился на сцену и отдалъ приказаніе моментально всѣмъ исполнителямъ выбриться. Конечно, поднялся ропотъ, но директоръ слышать не хотѣлъ ни просьбъ, ни увѣреній. Онъ приказалъ немедленно позвать нѣсколькихъ парикмахеровъ и велѣлъ имъ въ своемъ присутствіи приняться за «удаленіе бородъ, безобразящихъ лица артистовъ». Итальянцы нехотя повиновались требованію директора, только одинъ изъ нихъ слишкомъ ужъ энергично запротестовалъ. Онъ наотрѣзъ отказался разстаться съ своей выхоленной красивой бородкой. Гедеоновъ подошелъ къ нему и что-то шепнулъ на ухо до того внушительное, что тотъ сію же минуту опустился на приготовленный для него стулъ и подставилъ свое лицо подъ цырюльничью длань.

Изъ всей театральной и домашней челяди Гедеоновъ любилъ только одного своего камердинера Петра, который рисовался весьма вліятельною особою при своемъ господинѣ. Въ Москвѣ этому вѣрили, и въ дружбѣ Петра заискивалъ весь театральный мірокъ. Пріѣзжая съ директоромъ въ Бѣлокаменную, онъ ловко разыгрывалъ тамъ grand senieur'a и покровительствовалъ актерамъ съ развязностью Хлестакова, причемъ такъ же нелѣпо завирался, какъ и Иванъ Александровичъ предъ городничихой, Земляничкой, Тяпкинымъ-Ляпкинымъ и пр. Петръ былъ очень невзраченъ, маленькаго роста,

съ густыми черными волосами и съ такими же бакенбардами; съ Александромъ Михайловичемъ любилъ обращаться попросту, чѣмъ умышленно щеголялъ передъ артистами. Гедесоновъ его называлъ Петрушей и ни съ кѣмъ такъ любезно не разговаривалъ, какъ съ нимъ. По уходѣ со службы Александра Михайловича, Петръ былъ сдѣланъ ѣздовымъ капельдинеромъ, однако этою должностію онъ не былъ доволенъ.

V.

Взглядъ Ѳедорова на товарищеское отношеніе къ подчиненнымъ.—Составъ русской драматической труппы.—Скудость состава русской оперы.—О. Я. Сѣтовъ.—Поднятіе русской оперы Ѳедоровымъ.—Несправедливое отношеніе къ нему оперныхъ артистовъ.—Режиссеръ К—въ.—Его умѣнье подладиться къ начальнику репертуара.—Особая комната.—Фаустъ, Мефистофель и Гретхенъ.—Хористка З—ва.—Старческое увлеченіе Ѳедорова.—Жалоба на З—ву.—Моментальное разочарованіе.—Преподаватели пѣнія въ училищѣ.—Итальянецъ Риччи.—Его положеніе.—Анекдоты изъ капельмейстерской дѣятельности Риччи.—Шѣвица Майкова.—Недоразумѣніе.

Когда П. С. Ѳедорову были вручены бразды правленія «репертуарною частью», то многіе его закулисные пріатели, съ которыми до этого онъ былъ въ короткихъ дружескихъ отношеніяхъ, вдругъ сдѣлались его подчиненными. Нѣкоторые отъ этого ожидали для себя выгоды, но большинство было увѣрено, что новый начальникъ быстро забудетъ хорошее прошлое. Оно отчасти такъ и было. Однако, Павелъ Степановичъ въ свое оправданіе говорилъ, что его положеніе не позволяетъ поддерживать прежней короткости въ силу того, что онъ не хочетъ переносить упрековъ за пристрастіе къ кому либо.

— Со всѣми я не могу быть пріателемъ, а съ нѣкоторыми дружить не удобно. Если пріателю придется оказать какое нибудь, даже заслуженное одолженіе, всѣ остальные будутъ кричать, что это мною сдѣлано по дружбѣ, то-есть, другими словами, стануть уличать меня въ несправедливости. Только поэтому я долженъ сторониться отъ всѣхъ, чтобы оградить себя отъ напрасныхъ обидъ.

Лишь съ однимъ В. В. Самойловымъ онъ сохранилъ прежнія товарищескія отношенія и говорилъ съ нимъ на «ты», со всѣми же остальными сдѣлался весьма сдержаннымъ и сталъ поддерживать только служебно-официальныя знакомства.

Когда Ѳедоровъ вступилъ въ должность начальника репертуара, русская драматическая труппа имѣла блестящій составъ. Въ ней красовались: Н. В. Самойлова, П. И. Орлова, Ю. Н. Липская, А. Е. Мартыновъ, В. В. Самойловъ, А. М. Максимовъ, И. И. Сошницій и мн. др. Русская же опера хромала. Въ числѣ ея пред-

ставителей было не много талантливыхъ людей: Д. М. Леонова, А. А. Булахова, Латышева, О. А. Петровъ, да Артемовскій. На это Павелъ Степановичъ обратилъ свое вниманіе и всячески старался поднять оперный театръ, что въ послѣдствіи ему и удалось сдѣлать. При немъ явился О. Я. Сѣтовъ, который, благодаря своимъ прекраснымъ вокальнымъ средствамъ и артистическому темпераменту, въ короткое время сдѣлался любимцемъ публики и во все время своего первенства на теноровыхъ партіяхъ спосособствовалъ увеличенію сбора. Вслѣдъ за Сѣтовымъ появился Ѳ. К. Никольскій, который такъ же возбуждалъ громаднѣйшій интересъ въ меломанахъ. Нынѣшній талантливый капельмейстеръ Э. Ф. Направникъ былъ приглашенъ на службу при императорскомъ театрѣ такъ же Ѳеодоровымъ, сначала помощникомъ тогдашняго тоже замѣчательнаго капельмейстера Константина Николаевича Лядова, а послѣ его смерти—главнымъ дирижеромъ. Долго было бы перечислять талантливыхъ пѣвицъ и пѣвцовъ, приглашенныхъ Ѳеодоровымъ для русской оперы, достаточно упомянуть Лавровскую и Мельникова, чтобы повѣрить въ искренность заботъ Павла Степановича. Требовалось не мало усилій и хлопотъ, чтобы при существованіи итальянской оперной труппы, въ которой были такіе знаменитые артисты, какъ Бозио, Тамберликъ, Граціани, Гризи, Маріо, Віардо, Кальцолари и др., поднять дѣла русскаго опернаго театра. Но Ѳеодоровъ этого достигъ, и русская опера съ его легкой руки воскресла и существуетъ съ успѣхомъ донинѣ, что, однако, не мѣшало многимъ изъ ея представителей относиться къ Павлу Степановичу, такъ нѣжно ее любившему, крайне несправедливо, въ особенности же въ послѣдніе годы его жизни, когда чуть ли не весь оперный штатъ отъ него отшатнулся. Его стали игнорировать, чувствуя новыхъ лицъ, приставленныхъ къ театру барономъ Кистеромъ. Ѳеодоровъ все это пережилъ и не смотря на то, что былъ мстительнымъ отъ природы, ничѣмъ дурнымъ не отплатилъ за это неблагодарнымъ пѣвцамъ.

Любимымъ театромъ Ѳеодорова былъ, конечно, оперный, которому онъ посвящалъ чуть ли не каждый вечеръ. Впрочемъ, этому не мало спосособствовало и то, что оперный режиссеръ К—нъ умѣлъ ему подслуживаться. Этотъ ловкій господинъ, ради собственныхъ выгодъ, очень хорошо угодилъ своему начальнику тѣмъ, что устроилъ ему отдѣльную комнату на сценѣ, гдѣ, какъ Мефистофель Фаусту, показывалъ ему хорошенькихъ хористокъ, въ видѣ Гретхенъ. Какъ оказывается, онъ хорошо зналъ вкусъ Павла Степановича... Старика это тѣшило, онъ сталъ появляться тамъ не только во время спектаклей, но и во время репетицій, что было слѣдствіемъ его увлеченія одною изъ Гретхенъ, хористкою З—юю. Ѳеодоровъ затѣялъ съ ней любовную канитель, которая, однако, вскорѣ порвалась по независящимъ отъ него причинамъ. Не смотря

на свои симпатіи къ З—ой, Павелъ Степановичъ никогда не позволялъ ей забывать, что онъ ея начальникъ. Она же, съ свойственной женщиной легкомысленностью, стала кичиться его вниманіемъ и даже позволила себѣ манкировать службой, за что услужливый режиссеръ не рѣшался ее штрафовать.

Какъ-то разъ на репетиціи подошли къ Ѳедорову двѣ хористки и со слезами на глазахъ пожаловались, что К—нъ немилосердно ихъ штрафуетъ.

— За что?—спросилъ начальникъ репертуара.

— Да вотъ, напримѣръ, за то, что мы вчера опоздали на репетицію только на пять минутъ. Между тѣмъ, съ З—овой, которая иногда совсѣмъ не является въ театръ, не бываетъ никакихъ взысканій. Ей даже замѣчаній не дѣлается.

Ѳедоровъ зажевалъ губами и строго обратился къ режиссеру:

— Что это значить, что г-жа З—ва иногда не является къ своимъ служебнымъ обязанностямъ? Почему вы ея не штрафуете и не докладываете объ этомъ мнѣ?

К—нъ что-то смущенно пробормоталъ.

— Здѣсь эта госпожа?

— Никакъ нѣтъ,—отвѣтилъ режиссеръ.

— Сію минуту послать за ней!

Черезъ полчаса явилась она въ театръ, Ѳедоровъ при всей труппѣ ей заявилъ:

— Я васъ не только буду штрафовать, сударыня, но доложу директору о вашемъ отношеніи къ службѣ и буду просить уволить васъ, если вы не исправитесь въ короткое время.

З—ву въ обморокъ унесли изъ уборной, и съ этого дня Ѳедоровъ покончилъ съ ней свое знакомство.

Обожая оперу, Павелъ Степановичъ, конечно, былъ озабоченъ улучшеніемъ классовъ пѣнія при училищѣ. Онъ слѣдилъ за начинающими пѣвицами и пѣвцами, всячески поощряя ихъ успѣхи. При немъ преподавателями пѣнія были: въ младшихъ классахъ Ф. Г. Ковалева, сдѣлавшаяся впослѣдствіи надзирательницей при воспитанницахъ; въ старшихъ—одинъ изъ лучшихъ учителей того времени Н. Ф. Вителляро и нѣкій итальянецъ Риччи, пользовавшійся особыми преимуществами, благодаря покровительству министра двора графа В. Ѳ. Адлерберга, въ домѣ котораго онъ былъ почему-то своимъ человѣкомъ. Риччи былъ на особомъ почетномъ положеніи: ему давалась казенная при училищѣ квартира, и никакому начальству онъ не подчинялся. Его ученики пользовались большими правами: они скоро пристраивались на службу и непременно на лучшей окладъ жалованья. Благодаря этому весьма важному обстоятельству, всѣ пѣвицы и пѣвцы стремились сдѣлаться его учениками, но онъ былъ строго разборчивъ и не каждого удостоивалъ своимъ милостивымъ вниманіемъ. Воспитанники назы-

вали его «львомъ», на котораго онъ походилъ своей косматою шевелюрой и складомъ лица, имѣвшимъ оригинальныя національно-итальянскія черты. Я засталъ его сѣдымъ, но бравымъ и бодрымъ старикомъ. Въ обхожденіи съ учениками онъ былъ мягокъ, любезенъ и добръ, почему, конечно, пользовался общеою любовью и уваженіемъ.

До своего преподавательства въ театральномъ училищѣ, онъ служилъ капельмейстеромъ при итальянской оперѣ, въ Петербургѣ же. Про него рассказывали, что онъ съ такимъ увлеченіемъ и съ такой энергіей дирижировалъ оркестромъ, что по совѣту директора обзавелся чрезвычайно оригинальной капельмейстерской палочкой, имѣвшей видъ кнута. Эту палочку, оканчивавшуюся длиннымъ крѣпкимъ шнуркомъ, Риччи привязывалъ къ своей рукѣ. Онъ имѣлъ обыкновеніе такъ отчаянно ею размахивать, въ особенности въ бравурныхъ мѣстахъ оперы, что очень часто она вылетала у него изъ рукъ и попадала то въ ближайшую литерную ложу, то на сцену, то въ голову какого нибудь музыканта. Это дирижированіе Риччи давалось не легко во всѣхъ отношеніяхъ: послѣ каждаго акта онъ едва доходилъ до уборной и въ изнеможеніи падалъ въ кресло. Однако, его отдыхъ не могъ быть продолжительнымъ, потому что каждый антрактъ непременно онъ долженъ былъ мѣнять на себѣ сорочку, которая мокла на немъ до того, что распускался крахмалъ.

Онъ любилъ устраивать пробныя оперныя спектакли учениковъ на большой сценѣ, при чемъ всегда самъ дирижировалъ оркестромъ. Ученики, изъ угожденія ему, пѣли большею частью на итальянскомъ языкѣ. Его учениками считаются: извѣстный басъ В. И. Васильевъ 1-й, теноръ В. М. Васильевъ 2-й, Дюжикова, пѣвица О. Н. Шредеръ, нынѣ жена капельмейстера Э. Ф. Направника, Майкова и мн. др.

Кстати: изъ-за послѣдней я былъ поставленъ однажды въ неловкое положеніе, которое послужило мнѣ урокомъ быть осторожнымъ въ изложеніи личныхъ мнѣній вообще, а въ разговорѣ съ мало знакомыми въ особенности. Привелось мнѣ встрѣтиться какъ-то въ домѣ моего пріятели съ какимъ-то благообразнымъ, почтеннымъ и чрезвычайно любезнымъ господиномъ, который отреккомендовался Поповымъ. Онъ особенно охотно разговаривалъ о театрѣ и, между прочимъ, спросилъ меня:

— Знакомы ли вамъ артисты русской оперы?

— Какъ же, какъ же... весьма со многими я въ хорошихъ товарищескихъ отношеніяхъ.

— А помните ли вы пѣвицу Майкову? Теперь она уже не служитъ на сценѣ.

— Еще бы! Отлично помню... Я знавалъ ее даже тогда, когда она занималась у Риччи.

— Вотъ, вотъ... именно у Риччи.. А ваше мнѣніе каково о ней? По вашему что это была за пѣвица?

— А, право, ничего не могу сказать вамъ о ней. Знаю одно, что она не долго попищала въ оперѣ и ушла подобру-поздорову...

Вдругъ, вижу я, фізіономія моего собесѣдника странно скосилась. Онъ иронически-злобно улынулся и произнесъ, отчеканивая каждое слово:

— Очень радъ... очень радъ, что вы высказались... меня крайне интересуесть мнѣніе ея коллегъ, такъ какъ Майкова моя дочь!...

— То-есть какъ это дочь?—смущенно переспросилъ я.—Крестная дочь?

— Нѣтъ-съ, не крестная, а родная и законная-съ...

— Но... позвольте... вы изволили сказать, что ваша фамилія Поповъ?

— Фамилія тутъ не причесть-съ, это вы должны знать отлично. По рожденію она Попова, по замужеству Каблукова, а по сценѣ Майкова...

— Вы меня, ради Бога, извините... Я, можетъ быть, не ловко выразился, но смѣю васъ увѣрить, что въ пѣніи я ничего не понимаю...

— Да это и видно... Впрочемъ, не смущайтесь, я очень люблю слышать откровенное мнѣніе... конечно, у каждого оно свое, но не слѣдуетъ забывать, что моя дочь получала на сценѣ вѣнки и букеты. Кромѣ того, она вообще хорошая женщина, привыкшая къ уваженію...

Онъ весьма сухо со мной раскланялся и отправился въ кабинетъ хозяина. Потомъ все время меня избѣгалъ, а при случайной встрѣчѣ такъ насмѣшливо улыбался, что мнѣ дѣлалось даже жутко...

VI.

Гости Ѳедорова.—К. Н. Лядовъ.—Его самородное дарованіе.—Оркестровка «Сатаниллы».—Вознагражденіе за это.—А. Н. Лядовъ.—Мотивъ вальса, продиктованный императоромъ Николаемъ Павловичемъ.—Помощь брата.—Музыкантъ Т—скій.—Его посвященія.—Посвященіе Ѳедорову неудачнаго романа.—М. И. Саріотти.—Его болѣзнь.—Пребываніе Саріотти у меня на дачѣ.—Боязнь смерти.—Анекдоты.—Частные заработки Саріотти.—Его сотрудничество въ газетѣ.—Претензіи товарищей.—Гастроли въ Лѣсномъ.—Требованіе разовыхъ при отміѣннѣ спектакля.—Саріотти въ домашнемъ обиходѣ.—Тюфяки.—Саріотти въ обществѣ.—Духовное завѣщаніе Саріотти.—Біографическія о немъ свѣдѣнія.

Какъ я уже говорилъ, русская опера всегда была предметомъ нѣжныхъ попеченій и заботъ Павла Степановича Ѳедорова, а потому въ домъ его весьма часто можно было встрѣтить Сѣтова, Корсова, Коммисаржевскаго, Саріотти, Булаховыхъ, а такъ же

композиторовъ—Сѣрова, Даргомыжскаго, Дютша, Вильбуа, Кологривова и др. Рѣже другихъ бывали пѣвецъ Петровъ и капельмейстеръ Константинъ Николаевичъ Лядовъ. Что имѣлъ послѣдній противъ начальника репертуара, я не знаю, но только помню, что онъ его не особенно жаловалъ.

Константинъ Николаевичъ слылъ за выдающагося музыканта, хотя музыкальное образованіе получилъ болѣе чѣмъ скромное. Онъ изучилъ только фортепіано и то въ театральномъ училищѣ, гдѣ, какъ извѣстно, преподаваніе музыки ограничивалось элементарными указаніями техническихъ приемовъ. Но, благодаря своему природному недюжинному дарованію, онъ такъ отлично изучилъ почти самоучкою музыку, что превзошелъ своихъ учителей и занялъ почетное мѣсто главнаго капельмейстера русской оперы. Онъ былъ не лишень и композиторскаго таланта, но послѣ себя оставилъ весьма немного произведеній, благодаря ужасающей лѣни, вѣчно его обуревавшей. Константинъ Николаевичъ слылъ хорошимъ товарищемъ и пріятнымъ собесѣдникомъ; по характеру своему это былъ добрѣйшій и безпечнѣйшій челоуѣкъ, обожавшій больше всего кутежъ и веселье, чтò и способствовало его преждевременной кончинѣ.

Про его выдающіяся музыкальныя способности въ настоящее время только и могутъ свидѣтельствовать анекдоты, потому что вещественныя доказательства, если можно такъ выразиться, давно утрачены и забыты. Мнѣ извѣстны только два случая проявленія музыкальнаго творчества Константина Николаевича, но ихъ было несомнѣнно больше.

Директоръ театровъ А. М. Геденовъ въ 1848 году торопился постановкою новаго балета «Сатанилла», въ которомъ главную роль исполняла Андреянова, его фаворитка. Балетъ былъ уже совсѣмъ готовъ: сдѣлана обстановка, декорации, сретованы танцы и сцены; недостовало только оркестровыхъ нотъ, заказанныхъ въ Парижѣ. Задержка ихъ была слишкомъ продолжительна: дирекція чуть ли не каждый день посылала въ Парижъ запросы, а оттуда отвѣчали отсрочками. Геденову вся эта переписка такъ надоѣла, что онъ призвалъ къ себѣ К. Н. Лядова и попросилъ его немедленно оркестровать весь балетъ по одной партитурѣ для первой скрипки, побѣщавъ его за это хорошо наградить. Лядовъ взялся за этотъ огромнѣйшій трудъ и, къ изумленію Александра Михайловича, въ нѣсколько дней одолѣлъ его блестящимъ образомъ. Онъ сдѣлалъ такую оркестровку, что до сихъ поръ она считается лучшею въ музыкально-балетномъ репертуарѣ. И за это изъ дирекціи онъ получилъ всего на всего 150 рублей. На этотъ гонораръ онъ такъ обидѣлся, что въ тотъ же вечеръ отправился въ маскарадъ, бывшій въ Большомъ театрѣ, и истратилъ его весь до копейки на покупку лотерейныхъ билетовъ.

Въ другомъ случаѣ его музыкальное дарованіе сказалось еще въ большей силѣ, но лавры достались уже не ему, а его родному брату Александру Николаевичу Лядову, балетному дирижеру и непремѣнному капельмейстеру на балахъ при высочайшемъ дворѣ.

Это было такъ.

Въ день придворнаго бала Александръ Николаевичъ получилъ приказаніе явиться рано утромъ къ государю Николаю Павловичу. Конечно, въ назначенный часъ онъ былъ уже во дворцѣ.

— Не знаешь ли ты (такого-то) вальса, играннаго въ прошломъ году на придворномъ балу въ Берлинѣ?—спросилъ его императоръ.

— Не знаю, ваше величество.

— Жаль! Онъ очень понравился императрицѣ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ ты его сегодня сыгралъ, это былъ бы пріятный для нея сюрпризъ.

— Въ Петербургѣ его нельзя достать ни за какія сокровища. Если же вашему величеству будетъ угодно, то я его выпишу къ слѣдующему балу.

— Нѣтъ, я бы хотѣлъ это устроить именно сегодня,—сказалъ Николай Павловичъ и послѣ небольшой паузы продолжалъ: — а что если я тебѣ этотъ мотивъ просвищу, ты не сумѣешь переложить его на оркестръ? Я его помню отлично.

— За успѣхъ ручаться не посмѣю, ваше величество, но постараюсь исполнить ваше желаніе.

Лядовъ вооружился карандашемъ и клочкомъ нотной бумаги. Государь сталъ насвистывать, а онъ наскоро набросалъ мотивъ и прямо изъ дворца отправился къ брату Константину Николаевичу, рассказалъ желаніе императора и упросилъ его помочь разрѣшить эту трудную задачу. Константинъ Николаевичъ присѣлъ къ письменному столу и черезъ два съ половиною часа вручилъ брату арранжировку берлинскаго вальса, который былъ быстро разученъ придворнымъ оркестромъ. Вечеромъ онъ уже исполнялся во дворцѣ, чѣмъ императрица осталась чрезвычайно довольна. Конечно, для Александра Николаевича Лядова это не прошло безслѣдно: онъ получилъ дорогой царскій подарокъ.

Изъ служившихъ въ театрѣ музыкантовъ къ Оедорову часто хаживалъ контробасистъ Т—скій, превосходно игравшій на роялѣ. Съ Павломъ Степановичемъ онъ былъ старый знакомый, такъ какъ принадлежалъ къ числу воспитанниковъ театрального училища. Впрочемъ, его частые визиты имѣли дѣловой характеръ: онъ постоянно игралъ въ четыре руки съ дочерью Оедорова, которая заслуженно пользовалась репутаціею талантливой піанистки.

Т—скій въ часы досуга сочинялъ небольшія музыкальныя вещицы, которыя пользовались успѣхомъ. Всѣ его романсы отличались мелодичностью, а нѣкоторые до сихъ поръ не признаются еще устарѣвшими. Онъ имѣлъ слабость свои сочиненія посвящать

ученицамъ (Т—скій преподавалъ фортепіанную игру) и знакомымъ, разумѣется, преимущественно тѣмъ, которые пользовались его особымъ почтеніемъ и расположеніемъ.

Питая глубокую признательность къ Ѳедорову, Т—скій какъ-то вздумалъ его именемъ украсить свое новое произведеніе. Не обративъ вниманія на слова романа, онъ явился къ Павлу Степановичу и торжественно преподнесъ ему ноты, на самомъ видномъ мѣстѣ которыхъ значилось посвященіе.

Начальникъ благосклонно принялъ отъ подчиненнаго дань признательности и, прочтя первыя строки романа, замѣтилъ сіявшему отъ восторга автору:

— Я вамъ очень благодаренъ за музыку, а ужъ стихи-то вы могли бы посвятить комунибудь другому.

— Почему другому?—испуганно спросилъ Т—скій.

— Да потому, что вы, вѣроятно, не совсѣмъ хорошо вникли въ ихъ смыслъ. Дуничка,—обратился Ѳедоровъ къ дочери,—посмотри-ка, какіе куплеты онъ мнѣ посвящаетъ:

«Что ты ходишь за мной?
 «Такъ уныло глядишь?
 «Не навиху твой взоръ,
 «Не навиху тебя».

Только тутъ несообразительный композиторъ понялъ свою оплошность и до такой степени переконфузился, что Павлу Степановичу стоило не мало хлопотъ успокоить его. Онъ полагалъ, что начальникъ приметъ это за насмѣшку, но, конечно, на самомъ дѣлѣ этого быть не могло, потому что Ѳедоровъ хорошо различалъ злой умыселъ отъ недосмотра.

Не рѣже Т—скаго у Ѳедорова бывалъ Михаилъ Ивановичъ Саріотти, даровитый артистъ русской оперной труппы. Онъ появился какъ въ домѣ Ѳедорова, такъ и на театральномъ горизонтѣ очень молодымъ человѣкомъ. Тотчасъ же по возвращеніи изъ Италіи, гдѣ доканчивалъ свое вокальное образованіе, Саріотти былъ принятъ на казенную сцену и сдѣлался близкимъ знакомымъ Павла Степановича. Онъ былъ необыкновенно худощавъ, высокъ и некрасивъ; длинные свѣтло-русые волосы, густыми и вьющимися прядями, похожими на всключенную гриву, ниспадали на плечи и придавали ему странный видъ, который многіе называли «демонскимъ». Это названіе онъ такъ же оправдывалъ своими манерами, ухватками, живостью и подвижностью, которыя не покидали его до конца жизни.

Чуть ли не съ дѣтства имѣя предрасположеніе къ чахоткѣ, Саріотти постоянно былъ нездоровъ, однако упорно противо-дѣйствовалъ развитію болѣзни до послѣдняго дня. Онъ берегъ себя, вель умѣренную жизнь, во всемъ былъ крайне остороженъ и,

благодаря этому, прожилъ дольше предѣльнаго срока, предсказаннаго докторами, у которыхъ онъ лечился. Съ Саріотти я всегда былъ пріятелемъ, но особенно близко сошелся съ нимъ въ послѣдній годъ его жизни, когда онъ у меня на дачѣ (около Стрѣльны) случайно провелъ лѣто. Весной онъ поѣхалъ гостить въ деревню къ Комисаржевскому, за Москву, но тамъ почувствовалъ себя настолько дурно, что поспѣшилъ возвратиться въ Петербургъ. Я встрѣтился съ нимъ, онъ пожаловался мнѣ на ненадежное состояніе здоровья, и я пригласилъ его къ себѣ на дачу. Онъ съ удовольствіемъ принялъ мое предложеніе и на другой же день пріѣхалъ ко мнѣ съ ручнымъ багажемъ.

Съ каждымъ днемъ Михаилъ Ивановичъ угасалъ все болѣе и болѣе. Я всячески старался его ободрить, но онъ, всегда боявшійся смерти, вдругъ началъ меня увѣрять, что дни его сочтены, и на этомъ основаніи сталъ отказываться отъ леченія. Къ концу лѣта онъ такъ ослабъ, что я съ минуты на минуту ожидалъ кризиса. Всѣ ночи напролетъ Саріотти проводилъ безъ сна; ноги отказывались отъ службы, и онъ принужденъ былъ не сходить съ кресла. Однако, любимыхъ прогулокъ по Стрѣльненскому парку мы съ нимъ не прерывали. Ежедневно усаживали его на извозчика и тихо провозили по аллеямъ парка. Я же обыкновенно шелъ рядомъ съ нимъ.

Саріотти вообще никогда не любилъ разговаривать о смерти, но въ это послѣднее лѣто она не сходила у него съ языка. Онъ началъ смѣяться надъ нею и острить надъ своимъ безысходнымъ положеніемъ.

На дачѣ у меня жилъ щенокъ, который отличался ласковымъ нравомъ и рѣзвостью. Онъ часто подбѣгалъ къ Михаилу Ивановичу и прыгалъ у его ногъ. Саріотти всегда по этому поводу говорилъ:

— Ишь вѣдь, какой подлець, чуетъ мертвечину-то...

Не задолго до кончины, послѣ переѣзда уже въ городъ, игралъ онъ въ карты съ пріятелями, явившимися его навѣстить. Въ это время онъ не сходилъ съ дивана, будучи совершенно разслабленнымъ. Проигравъ нѣсколько рублей, Саріотти досталъ изъ-подъ подушки ключъ отъ письменнаго стола и, подавая его одному изъ гостей, сказалъ:

— Достань деньги... возьми, сколько нужно, и раздѣли...

Когда его приказаніе было исполнено, онъ шутя укорилъ товарищей:

— Какіе же вы, братцы, скоты! Какъ вамъ не стыдно брать деньги съ покойника?!

Саріотти былъ прекраснымъ опернымъ актеромъ, но съ необыкновенно эксцентричными и необузданными манерами. Лучшими его партіями были—Олофернъ въ «Юдиѣ» и Еремка во

«Вражьей силѣ». Получаемое имъ содержаніе отъ дирекціи было такъ мало, что его едва хватало на докторовъ и на поѣздки по различнымъ лечебнымъ курортамъ, въ числѣ которыхъ была даже Африка. Послушный докторскому предписанію, онъ посѣтилъ и ее, но она, кажется, не принесла ему никакой пользы. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ принуждалъ его имѣть частный заработокъ: на клубныхъ сценахъ онъ появлялся драматическимъ актеромъ, на концертныхъ эстрадахъ пѣлъ романсы и, наконецъ, въ одной изъ петербургскихъ газетъ подвизался въ качествѣ присяжнаго рецензента. Онъ былъ, какъ говорится, мастеромъ на всѣ руки: ко всему относился серьезно и добросовѣстно. Частныхъ заработковъ, считая ихъ необходимою поддержкой существованія, онъ ни отъ кого не скрывалъ, также какъ и своего газетнаго сотрудничества. Когда же артисты, недовольные его отзывами, стали упрекать Михаила Ивановича въ совмѣстительствѣ, а также въ томъ, что въ печатныхъ сужденіяхъ о товарищахъ могутъ проскальзывать личныя отношенія, Саріотти спокойно отвѣтилъ:

— Господа, за свои рецензіи я получаю въ годъ 700 рублей. Это для меня, получающаго скудное вознагражденіе за артистическій трудъ, большое подспорье. Если вамъ не нравятся мои отзывы, то сложитесь и дайте мнѣ эту семисотъ-рублевую сумму въ годъ, и я покину свое сотрудничество.

Одинъ изъ близкихъ друзей Саріотти, арендуя лѣтній театръ въ Лѣсномъ¹⁾, договорился съ нимъ объ участіи въ дивертиссе-ментахъ. Антрепренеръ предложилъ ему за исполненіе романсовъ 15-ти-рублевую перспективную плату и обусловилъ число выходовъ. Въ двухъ первыхъ спектакляхъ Саріотти, согласно условію, пѣлъ. Приѣзжаетъ онъ на третій и наталкивается на сторожа, охраняющаго запертый театръ.

— Что это значитъ?—спрашиваетъ его Михаилъ Ивановичъ...

— Сегодня представленія не будетъ. Отмѣнили!

— Почему?

— А кто ихъ знаетъ! Должно быть, сборъ не важный... Самъ хозяинъ отмѣнялъ...

— А онъ дома?

— Кажись, дома...

— Ступай и зови его сюда... Скажи, что Саріотти приѣхалъ и требуетъ немедленно...

Антрепренеръ жилъ рядомъ. Черезъ пять минутъ онъ былъ уже у театра.

— Что это значитъ?—встрѣтилъ его вопросомъ Михаилъ Ивановичъ.—Почему это, душенька, театръ запертъ?

¹⁾ Дачная мѣстность близъ Петербурга.

— Извини, пожалуйста, Михаилъ Ивановичъ, что не успѣлъ тебя увѣдомить объ отъѣздѣ. Сборъ былъ такъ мизеренъ.

— Да мнѣ-то, душенька, нѣтъ никакого дѣла... Согласно условію, я вырядился во фракъ и пріѣхалъ. Отпирай-ка скорѣе театръ, я тебѣ свои номера спою, а ты отдашь мнѣ разовыя...

— Какъ же это такъ, Михаилъ Ивановичъ? Что тебѣ за удовольствіе пѣть въ неосвѣщенномъ, пустомъ театрѣ?.. Къ тому же вспомни нашу дружбу... Ужъ ты извини...

— Нѣтъ, душенька, не упрашивай. Дружба—дружбой, а служба—службой. Я тебѣ спою, а ты мнѣ пятнадцать цѣлковыхъ вручи. Мнѣ вѣдь безразлично, пустой ли театръ, или полный. Я сюда пріѣхалъ не для славы...

Долго спорили пріятели, и, всетаки, въ концѣ-концовъ антрепренеръ уплатилъ Саріотти поспектакльную плату. Михаилъ Ивановичъ доказалъ ему свое законное право на полученіе ея.

Въ домашнемъ обиходѣ Саріотти былъ не замѣнимъ. Онъ умѣлъ дѣлать буквально все, даже искусно занимался дамскимъ рукодѣльемъ, включительно до вышиванья на пальцахъ. Въ особенности же онъ славился кройкою женскаго платья и обивкою мебели. Онъ никогда ни передъ какой работой не становился втупикъ, ни передъ столярной, ни передъ слесарной, но однажды серьезно призадумался надъ выдѣлкой тюфяковъ. Ему понадобилось два тюфяка, для выдѣлки которыхъ онъ пріобрѣлъ необходимый матеріалъ. Принялся было за работу, но никакъ не могъ осилить этой мудреной профессіи обойщика. По неволѣ пришлось пригласить мастера, за пріемами котораго Саріотти слѣдилъ чрезвычайно внимательно. Когда первый тюфякъ былъ готовъ, Михаилъ Ивановичъ уплатилъ за работу его слѣдующую сумму денегъ и сказалъ:

— Другаго тюфяка дѣлать не нужно. Я его самъ сдѣлаю...

Мастеръ усомнился.

— А если ты не вѣришь, то вотъ присядь да посмотри, какъ пойдетъ у меня работа. Я сдѣлаю не плоше тебя...

Саріотти принялся за выдѣлку тюфяка и такъ ловко, умѣло, что мастеръ только удивленно развелъ руками.

Въ обществѣ это былъ неоцѣнимый собесѣдникъ и въ первые годы службы—хорошій собутыльникъ.

Умирая, Саріотти сдѣлалъ оригинальное духовное завѣщаніе, оставленное близкому пріятелю, душеприказчику. Оно было написано имъ собственноручно. Приблизительное его содержаніе таково:

«Прошу тебя похоронить меня не богато, но и не совсѣмъ бѣдно, такъ какъ послѣ меня остаются кой-какія деньжонки.

«Мебель, находящуюся въ моей комнатѣ, отдать моей квартирной хозяйкѣ. Послѣ покойника-то не очень скоро сдастъ она мое помѣщеніе. Пусть же это будетъ возмѣщеніемъ ея убытковъ.

«Поручаю тебѣ розыскать студента (такого-то), который года полтора тому назадъ жилъ рядомъ со мной на (такой-то) квартирѣ, гдѣ я сильно хворалъ. Онъ ухаживалъ за мной во время болѣзни и постоянно читалъ мнѣ книги и газеты. Непремѣнно отыщи его и передай ему на память въ знакъ благодарности 200 рублей серебромъ.

«Доктору, который лечилъ меня и никогда не бралъ денегъ, передай 250 рублей, съ просьбой принять отъ покойника. Ежели, по своему обыкновению, опять станетъ отказываться, то встань передъ нимъ на колѣни и упроси, принудь, хотя бы для того, чтобъ ихъ пропить».

И такъ далѣе въ этомъ же родѣ.

По происхожденію Михаилъ Ивановичъ былъ русскій. Выросъ круглой сиротой. Настоящая фамилія его была Сироткинъ. При дебютахъ своихъ на итальянской сценѣ въ Миланѣ, онъ выбралъ звучный псевдонимъ Саріотти, подъ которымъ подвизался и на русскихъ сценахъ. Его музыкальному образованію и отправкѣ за границу содѣйствовалъ бывший пѣвецъ русской оперы Гумбинъ, у котораго въ юности Михаилъ Ивановичъ учился и даже долгое время проживалъ.

VII.

Федоровъ во мнѣннн подчиненныхъ.— Свойство его вѣжливости и ласковости.— Его награды.— Утѣшенія.— Скептицизмъ Федорова при приѣмѣ актеровъ съ воли.— Преклоненіе предъ взглядомъ высшаго начальства.— Очаровательная дебютантка.— Восторги Федорова.— Его невольное разочарованіе.— Эпиграмма Каратыгина на дебютантку.— Вспыльчивость Федорова.— Находчивость актера Малышева.— Мнимый холерно-больной.— Помощникъ режиссера Бехтѣевъ.— Его ранній визитъ къ начальнику репертуара.— Неожиданная встрѣча.— Результатъ визита.— Хорошія стороны характера Федорова.— Отповѣдь московскому гостю.— Заступничество за петербургскихъ актеровъ.— Федоровъ у себя дома.— Его гостепріимство.— Вѣчные гости.— Неблагодарные.— Покойницкій вѣнчикъ, присланный Федорову.— Травля Федорова на газетныхъ столбцахъ.— Каррикатуры.— Передѣлка «Горе отъ ума» на семейство Павла Степановича.— Представленіе печатныхъ статей графу Адлербергу.

Весьма многіе не любили П. С. Федорова и за-глаза поносили его ужасно, но въ глаза никто не осмѣливался быть къ нему невнимательнымъ, а тѣмъ болѣе непочтительнымъ. Въ свою очередь и онъ отлично понималъ неискреннее къ нему отношеніе подчиненныхъ, съ которыми былъ такъ притворно вѣжливъ, ласковъ и простъ. Это послужило къ общему мнѣнію, что Павелъ Степановичъ «іезуитъ». Его вѣжливости и ласковости не довѣряли, иногда не безъ основанія предполагая, что за ними скрывается что нибудь не доброе. Федоровъ былъ скрытенъ вообще; даже близко знавшіе

его люди никогда не умѣли предугадать, къ чему клонится его радушіе и любезность—къ добру, или къ худу.

Дѣйствуя всегда именемъ дирекціи, какъ бы пренебрегая самостоятельностью, Павелъ Степановичъ очень любилъ дѣлать представленія къ наградамъ, чѣмъ, вѣроятно, рассчитывалъ расположить къ себѣ подчиненныхъ. Однако, эти награды были всегда такъ ничтожны, что вовсе не возбуждали ни признательности, ни удивленія награждаемыхъ. Давая микроскопическую прибавку актеру и видя, что тотъ не особенно-то ею доволенъ, Ѳедоровъ въ утѣшеніе говорилъ:

— Конечно, это прибавка не большая, но... если ежегодно вамъ будетъ прибавляться по столько, то вскорѣ вашъ окладъ станетъ огромнымъ. Дирекція цѣнитъ ваши труды и охотно бы прибавила больше, но въ настоящее время не располагаетъ лишними суммами. Потерпите, можетъ быть, въ будущемъ году я вамъ кое-что и устрою... Надо будетъ найти минуту у директора; я надѣюсь, что онъ на увеличеніе вашего оклада согласится... Потерпите!

И приходилось многимъ ожидать этой директорской минуты иногда долгіе годы.

Выпускнымъ изъ училища назначалось весьма скромное жалованье; кордебалетные же артисты получали не болѣе 174 рублей въ годъ. Прибавка къ жалованью рублей ста въ годъ считалась огромной наградой, которой удостоивались очень немногіе.

При приѣмѣ новыхъ артистовъ съ воли Ѳедоровъ былъ чрезвычайно осмотрителенъ. Нѣкоторыхъ же, не смотря на ихъ несомнѣнныя способности, вовсе не допускалъ до дебюта, мотивируя свой отказъ обычнымъ соображеніемъ:

— Этотъ господинъ намъ не ко двору. Онъ, можетъ быть, и недурной актеръ, но на императорскую сцену не годится. Что хорошо въ провинціи, то не всегда удобно для столицы!

И ужъ тутъ никакія просьбы не могли поколебать рѣшенія Павла Степановича. Онъ твердо стоялъ на своемъ и ни за что не соглашался сдѣлать исключенія. Впрочемъ, его рѣшенія безапелляціонно подчинялись взгляду высшаго начальства, съ которымъ онъ по этому поводу никогда ни въ какія препирательства не вступалъ. Въ угоду директору Ѳедоровъ вообще легко поступался своими мнѣніями и впечатлѣніями. Напримѣръ, при баронѣ Кистерѣ Павелъ Степановичъ разрѣшилъ дебютировать на сценѣ Александринскаго театра одной молодой, красивой артисткѣ, которая своимъ кокетливымъ обращеніемъ очаровала его. Онъ былъ отъ нея въ восторгѣ и обѣщалъ принять ее въ составъ драматической труппы. Она пожелала выступить въ роляхъ Офеліи («Гамлетъ») и Софьи («Горе отъ ума»). Успѣхъ ея не былъ особенно выдающимся, но Ѳедоровъ расточалъ ей похвалы, и она ужъ предвкушала занять видное мѣсто на казенной сценѣ. Однако, этому совершиться было

не суждено. Стоило только какъ-то между прочимъ проговориться директору, что эта дебютантка не особенно ему нравится, какъ Павелъ Степановичъ моментально перемѣнилъ о ней свое мнѣніе. На другой же день послѣ разговора съ барономъ Кистеромъ онъ громко высказывалъ объ очаровавшей его артисткѣ:

— Она очень плоха... куда намъ ее... нѣтъ, она намъ не годится. Да и директоръ не находитъ въ ней ничего хорошаго.

Такъ, къ полному ея изумленію, ангажементу и не послѣдовало.

На эту дебютантку П. А. Каратыгинымъ была написана мѣткая эпиграмма:

Офелія съ ума отъ горя сходить,
И эта роль вамъ удалась весьма;
Но вашъ талантъ сомнѣніе наводитъ,
Когда играете вы «Горе отъ ума».

Павелъ Степановичъ обладалъ вспыльчивымъ характеромъ. Когда сердился, неистово кричалъ и бѣсновался. Въ это время не переносилъ никакихъ противорѣчій или возраженій, которыя дѣлали его гнѣвъ непредѣльнымъ. Лица, хорошо его знавшія, старались смолчать на всѣ его нападки и брань, хотя бы даже и совершенно несправедливья. Эта покорность и смиреніе скоро охлаждали его бѣшенный порывъ, и онъ становился опять мягкимъ, вѣжливымъ и ласковымъ, чѣмъ иногда нѣкоторые злоупотребляли. Обыкновенно, успокоившись, онъ дѣлался доступнымъ для всякихъ просьбъ. Впрочемъ, его гнѣвъ можно было смягчать также и какою нибудь неожиданностью.

Въ одинъ изъ весеннихъ бенефисовъ на сценѣ Александринскаго театра шла мелодрама «Розовый павильонъ», въ которой одна изъ главныхъ ролей была поручена актеру Малышеву. Наступаетъ время начинать спектакль, а его нѣтъ. Собравшаяся въ театрѣ публика стала выказывать нетерпѣніе. Фодоровъ метался по сценѣ и заочно грозилъ неисправному актеру лишеніемъ службы.

Оказалось, что Малышевъ въ этотъ день, плотно пообѣдавъ, легъ спать и такъ крѣпко уснулъ, что прислуга не рѣшалась его будить, когда пріѣзжала за нимъ казенная карета. Посланный же къ нему курьеръ едва поднялъ его съ постели и немедленно доставилъ въ театръ, гдѣ ожидалъ его разсвирѣпѣвшій начальникъ репертуара.

— Что это вы дѣлаете? Какъ вы служите?—накинулся Павелъ Степановичъ на Малышева.—Публика въ театрѣ, спектакль опоздалъ на цѣлый часъ, а вы не изволите являться во время къ исполненію своихъ обязанностей? Съ завтрашняго дня вы можете считать себя уволеннымъ...

Малышевъ пустился на хитрость. Онъ вдругъ закричалъ громче Фодорова:

— Укротите, ваше превосходительство, свой гнѣвъ... Я едва

доѣхалъ до театра. Чѣмъ браниться, вы лучше спросите, могу ли я играть!

— Почему не можете? Что за вздоръ?!

— У меня холера!—заоралъ благимъ матомъ Малышевъ.

— Какъ холера?—воскликнулъ съ ужасомъ Ѳедоровъ.—Не можетъ быть?!

— На свѣтѣ нѣтъ ничего не возможнаго... Вы подняли меня съ смертнаго одра...

— Боже мой, Боже мой!—засуетился Павелъ Степановичъ, измѣнивъ свой гнѣвный тонъ на участливый и мягкій.—Скорѣ бѣгите въ уборную, а я за иноземцевскими каплями пошлю.

Малышевъ спокойно пошелъ одѣваться. Передъ самымъ выходомъ на сцену вбѣжалъ къ нему въ уборную Ѳедоровъ и приказалъ принять усиленную дозу лекарства, отъ котораго провинившійся актеръ ужъ никакъ не могъ отказаться. Онъ съ отвращеніемъ проглотилъ его и отправился «играть». Начальникъ репертуара помѣстился въ кулисахъ и все время безпокойно слѣдилъ за мнимобольнымъ, поминутно приговаривая:

— У меня сердце не на мѣстѣ. Я боюсь, чтобъ съ нимъ не разразилъ холера въ какомъ нибудь патетическомъ мѣстѣ. Это будетъ воіющимъ скандаломъ.

Но, конечно, все обошлось благополучно, и Малышевъ такимъ образомъ избавился отъ неприятностей, не избѣжныхъ при всѣхъ другихъ обстоятельствахъ. Въ pendant къ этому случаю можно привести другой, но болѣе курьезный.

Нѣкто Бехтѣевъ, сгорая страстью къ театру, опредѣлился на службу въ дирекцію безъ всякаго вознагражденія, въ надеждѣ выслужиться впоследствии своимъ рвеніемъ и талантами. Но прошло болѣе двухъ лѣтъ его пребыванія за кулисами Александринскаго театра, а подходящаго для него оклада все не находилось, хотя онъ усердно выполнялъ обязанность помощника режиссера. А самымъ обиднымъ для него было то, что ему не давали фигурировать на сценѣ.

— Даромъ служи,—говаривалъ онъ обыкновенно,—а работай, какъ воль. Другое дѣло, если-бъ поручали роли, съ своимъ положеніемъ я бы тогда могъ мириться. Всетаки удовольствіе...

Онъ неоднократно напоминалъ дирекціи о своемъ печальномъ существованіи, но на всѣ его заявленія и просьбы какъ словесныя, такъ и письменныя, дирекція упорно отмалчивалась.

Наконецъ, потерявъ всякую надежду на полученіе обѣщаннаго Ѳедоровымъ жалованья, Бехтѣевъ въ одинъ прекрасный день рѣшается идти къ начальнику репертуара, чтобы окончательно выяснитъ свое служебное положеніе. Для того, чтобы поговорить съ Павломъ Степановичемъ наединѣ, безъ постороннихъ свидѣтелей, онъ забрался въ квартиру Ѳедорова чуть ли не въ восьмомъ часу

утра, когда Павелъ Степановичъ изволилъ еще почивать. За небольшую взятку лакей впустилъ Бехтѣва въ зало, въ которомъ онъ и расположился ожидать появленія своего патрона.

Федоровъ, не ожидавшій въ такой ранній часъ посѣтителей, вдругъ появляется въ залѣ въ одномъ бѣльѣ, безъ халата. Погруженный въ какія-то глубокія соображенія, онъ спокойно переправлялся изъ спальной въ свой кабинетъ, но не успѣлъ онъ сдѣлать и пяти шаговъ, какъ передъ нимъ вырастаетъ длинная, тощая фигура просителя. Павелъ Степановичъ испуганно вскрикнулъ и опрометью бросился бѣжать обратно въ спальную. Черезъ минуту до слуха Бехтѣва долетѣла брань и крикъ на камердинера, впустившаго ранняго гостя.

При такомъ неудачномъ положеніи дѣла, разумѣется, трудно было ожидать благополучнаго исхода ходатайства, однако Бехтѣвъ преисполнился такой рѣшимости, что не отступилъ отъ своей затѣи и, не страшась начальническаго гнѣва, остался въ залѣ. Прошелъ томительный часъ ожиданія, въ продолженіе котораго Федоровъ занимался своимъ туалетомъ. Потомъ раздался тихій скрипъ двери. Бехтѣвъ привсталъ и приготовился къ отвѣту на стереотипный вопросъ: «Что вамъ угодно?». Но, къ его разочарованію и удивленію, этого вопроса не послѣдовало. Павелъ Степановичъ просунулъ въ дверную щель одну только голову и, не разпросивъ просителя, кто онъ и зачѣмъ пришелъ, жалобнымъ голосомъ произнесъ:

— Директоръ вамъ отказалъ!... Отказалъ!... Потерпите!!... Что дѣлать?!

И моментально скрылся, плотно захлопнувъ за собою дверь.

Однако, не смотря на свои многочисленные недостатки и на черствую чиновничью натуру, Федоровъ имѣлъ не мало и хорошихъ сторонъ. Онъ уважалъ артистовъ и заставлялъ общество относиться къ нимъ съ уваженіемъ. Никто не станетъ отрицать факта, что онъ поднималъ артистическое званіе, сдѣлавъ его привилегированнымъ. До него на актеровъ смотрѣли, какъ на комедіантовъ. Въ своихъ критическихъ сужденіяхъ Павелъ Степановичъ всегда былъ снисходителенъ и умѣлъ защитить актеровъ отъ напрасныхъ нападокъ режиссеровъ и т. п. начальства. Каждому онъ старался сказать что нибудь пріятное и всякій отказъ такъ ловко выражалъ, что просители выходили изъ его кабинета не озлобленными, безъ всякой къ нему ненависти. За петербургскіе театры и за петербургскихъ артистовъ стоялъ горой, доказательствомъ чего можетъ послужить слѣдующій случай.

Однажды, пріѣхалъ къ нему въ гости старый знакомый изъ Москвы, который, обѣдая у него, сталъ восхищаться московскими артистами. Павелъ Степановичъ долго выслушивалъ его молча, но, наконецъ, не выдержалъ; измѣнившись въ лицѣ и усиленно зашамкавъ губами, онъ строго замѣтилъ своему гостю:

— Что же это вы издѣваться вздумали надо мной, что ли? Расхваливая московскую труппу въ моемъ домѣ, вы вѣдь наносите косвенное оскорбленіе нашему театру. Я долженъ вамъ замѣтить разъ навсегда, что наши актеры нисколько не хуже вашихъ. Такъ это и запомните, пожалуйста, чтобы не пришлось мнѣ въ другой разъ дѣлать вамъ подобное замѣчаніе.

Москвичъ, конечно, понялъ свою безтактность и прикусилъ языкъ.

Въ домашнемъ своемъ обиходѣ Павелъ Степановичъ былъ радужнѣйшимъ и гостепріимнѣйшимъ хозяиномъ. Своимъ гостямъ онъ не позволялъ скучать: вѣчно острилъ, каламбурилъ, разсказывалъ веселые анекдоты, говорилъ экспромпты и всю свою рѣчь уснащалъ различными прибаутками, къ которымъ имѣлъ большую слабость. Считаться визитами онъ не любилъ. Самъ рѣдко выѣзжалъ въ гости, но за то былъ безконечно радъ видѣть у себя гостей, какъ можно чаще. Въ квартирѣ его каждый вечеръ и притомъ до поздняго часа ночи толпился народъ, который безъ всякой церемоніи съѣзжался къ нему по окончаніи спектакля. Къ нему можно было являться безъ всякаго зова, и онъ всегда былъ одинаково предупредителенъ, любезенъ и словоохотливъ.

Въ большинствѣ контингентъ гостей состоялъ изъ однихъ и тѣхъ же лицъ, но время отъ времени составъ ихъ мѣнялся. Часто бывало такъ, что тотъ, кто чуть ли не жилъ въ его квартирѣ, вдругъ исчезалъ навсегда. Въ этомъ, конечно, скрывались не безосновательныя причины, обыкновенно выражавшіяся въ недовольствѣ Ѳедоровымъ, какъ начальникомъ. Каждый, удалявшійся отъ Павла Степановича, отлично зналъ, что ничѣмъ нельзя такъ сильно досадить ему, какъ именно прекращеніемъ визитаціи. Впрочемъ, нѣкоторые прекращали съ нимъ знакомство въ силу другихъ соображеній. Какъ только они добивались черезъ Ѳедорова желаемого ими, ради чего, какъ оказывалось, они обивали пороги его дома, сейчасъ же прерывали съ нимъ отношенія. Павелъ Степановичъ къ такой черной неблагодарности былъ давно приученъ и не удивлялся, если подобные господа потомъ его же порицали и бранили. Онъ называлъ это порядкомъ вещей.

Ѳедорову вообще приходилось испытывать не мало огорченій какъ отъ подчиненныхъ своихъ, такъ и отъ постороннихъ, которымъ иногда покровительствовалъ. Одинъ изъ послѣднихъ, зная его мнительность и боязнь смерти, вздумалъ однажды надъ нимъ надсмѣяться и прислалъ ему по почтѣ вѣнчикъ, надѣваемый при погребеніи на покойниковъ. Въ анонимномъ же письмѣ выразилъ желаніе видѣть его какъ можно скорѣе въ этомъ украшеніи.

Въ шестидесятыхъ годахъ, когда была расширена свобода печатнаго слова, на несчастнаго Ѳедорова мелкая пресса набросилась съ такимъ отчаяннымъ ожесточеніемъ, что Павелъ Степановичъ не успѣвалъ прочитывать всего, что о немъ писалось. Про него въ газетахъ говорились ужасающія вещи и рисовались злѣйшія кар-

рикартуры. Однажды, придя въ Большой театръ, Ѳедоровъ нашель на своемъ креслѣ экземпляръ журнала съ каррикатурой на себя. Рисунокъ былъ такъ удобно положенъ, что всякій проходившій мимо могъ его видѣть. Павелъ Степановичъ спокойно поднялъ съ мѣста этотъ сюрпризъ, разсмотрѣлъ его и бережно спряталъ въ карманъ.

Его печатно упрекали во взяточничествѣ, приписывали ему всѣ театральныя неурядицы и закулисныя несправедливости, а какой-то досужій стихотворецъ даже переложилъ нѣкоторыя сцены изъ «Горя отъ ума» на его домашнюю жизнь. Въ этомъ переложении вся семья Павла Степановича фигурировала подъ собственными именами. Изъ всей этой пародіи въ моей памяти сохранились только заключительные стихи, произносимые устами Фамусова-Ѳедорова:

Моя судьба еще ли не плачевна?
Ахъ, Боже мой, съ кого же будетъ братъ
Теперь Прасковія Сергѣевна ¹⁾?

Когда же несправедливыя обвиненія и позорящая брань газетъ дошли до послѣдней степени, то-есть, до нестерпимости, Ѳедоровъ собралъ аккуратнѣйшимъ образомъ все, что о немъ было напечатано, и представилъ этотъ «литературный сборникъ» министру двора графу Адлербергу, прося отставки отъ службы, если графъ придастъ какое либо значеніе написанному. Министръ обласкалъ его, успокоилъ, и Павелъ Степановичъ продолжалъ попрежнему главенствовать въ управленіи императорскими театрами.

Въ послѣдніе годы жизни грудь Ѳедорова была украшена многими русскими и иностранными звѣздами, которыми онъ гордился и важничалъ, хотя въ тщеславіи его нельзя было упрекать.

VIII.

Гости Ѳедорова.—Именины Павла Степановича.—Торжество въ училищѣ.—Именинный спектакль.—Балъ.—Лансье.—Занимательный хозяинъ.—Приживалка Елизавета Самойловна.—Жена Ѳедорова.—Ея слабость.—Дочь Павла Степановича.—Ненависть отца къ женихамъ дочери.—Эгоистическія побужденія.—Издѣвательства надъ женихами.—Н. М. П—евъ.—Какъ Ѳедоровъ отбилъ у него охоту свататься.—Шутки Ѳедорова.—Экспромтъ на П. И. Ю—ча.—Стихи на Пронскаго.—Двустипшіе.—Сестры Павла Степановича.—Марья Степановна.—Ея наивность.—Ея паружный видъ.—Антресоли.—Злосчастная лѣстница.—Несчастная собака Жюлька.—Ея воздушные полеты.—Местъ Прасковьи Сергѣевны.—Разореніе подноса съ фруктами.—Благоговѣніе Марьи Степановны къ братцу.—Случай на дачѣ.—Прогулки Марьи Степановны по залу.—Ея стереотипный разговоръ съ посѣтителями.

Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, вечера Павла Степановича были очень оживленны, веселы и шумны. Его усердно посѣщали такія видныя административныя лица, какъ московскій

¹⁾ Прасковьей Сергѣевной звали жену Павла Степановича.

генераль-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ, петербургскій градоначальникъ Ѳ. Ѳ. Треповъ, Л. В. Дубельтъ, С. П. Потемкинъ и мн. др. Также охотно бывали у него М. И. Глинка, А. Н. Даргомыжскій, А. Н. Сѣровъ и прочіе композиторы. А про артистовъ и говорить нечего, они были его постоянными гостями.

Въ день же именинъ, 15-го января, Павелъ Степановичъ всегда устраивалъ большой парадный балъ, на которомъ постоянно присутствовало множество знакомыхъ. Торжество, обыкновенно, начиналось въ утра. Послѣ обѣдни вся школа собиралась въ большой танцевальной залѣ, на женской половинѣ и ожидала появленія именинника. Радостный и довольный, Ѳедоровъ вступалъ въ залъ, и всѣ воспитанники и воспитанницы хоромъ привѣтствовали его поздравительными виршами, специально для этого дня сочиненными. Затѣмъ онъ принималъ поздравленія у себя на дому, при чемъ очень много времени удѣлялось на завтракъ и обѣдь. Вечеръ же начинался спектаклемъ на школьной сценѣ. Сперва представлялась какая нибудь драматическая пьеса, а въ концѣ великолѣпный дивертиссементъ съ балетными сценами, при участіи воспитанницъ, но такихъ, какъ Муравьева, Суровщикова (Петипа), Лебедева, и т. п. впослѣдствіи знаменитыхъ балеринъ.

Послѣ этого спектакля всѣ отправлялись на квартиру Павла Степановича и веселились до разсвѣта. Иногда на этихъ балахъ гостей ожидали сюрпризы. Такъ, на примѣръ, въ годъ появленія новаго танца «лансье», на именинахъ Ѳедорова его исполнили четыре пары, въ составъ которыхъ вошли первыя балетныя ученицы и лучшіе танцовщики. На нихъ были надѣты эффектные французскіе костюмы и напудренные парики. Въ ихъ исполненіи «лансье» произвело впечатлѣніе, и тутъ же оно было признано всѣми присутствующими лучшимъ салоннымъ танцемъ. Однако, какъ извѣстно, въ Россіи этотъ танецъ не привился.

Душою Ѳедоровскихъ вечеровъ былъ, разумѣется, самъ хозяинъ. Около него всегда группировалась вся компанія; время проходило незамѣтно, и по обыкновенію гости неохотно расходились по домамъ. Это краснорѣчиво свидѣтельствуетъ объ умѣньи Павла Степановича быть непрерывно занимательнымъ и заразительно веселымъ. Вѣчною мишенью его шутокъ и остротъ была нѣкая старая дѣвица Елизавета Самойловна, которую Ѳедоровъ называлъ «Лизой». Эта фамильярность вызывала въ ней потѣшную жантильность и комическое кокетство. Она была огромнаго роста, внушительной внѣшности, по выраженію Павла Степановича, наводившей страхъ даже на тамбуръ-мажора Преображенскаго полка. Въ домѣ Ѳедорова она пребывала съ незапамятныхъ временъ въ качествѣ приживалки.

Жена Павла Степановича, бывшая актриса, Прасковья Сергѣевна, была женщиною простою, съ сомнительнымъ образованіемъ,

полученнымъ въ дореформенномъ теаральномъ училищѣ, изъ котораго выходили артисты очень часто безграмотными. Конечно, важное положеніе супруга, на котораго она имѣла большое вліяніе, придавало ей извѣстнаго рода лоскъ, однако своего происхожденія и воспитанія она замаскировывать не умѣла. Наружнымъ видомъ она тоже не представляла ничего оригинальнаго: роста была средняго, имѣла маленькіе глаза и свѣтло-русые волосы. Носила традиціонные чепцы съ разноцвѣтными лентами и была пристрастна къ спиртнымъ напиткамъ, очень жаловала тѣхъ изъ гостей, которые поддерживали ей компанію въ выпивкѣ, и была откровенно равнодушна къ тѣмъ, которые отказывались отъ ея общества среди бутылокъ. Разумѣется, эта невоздержность въ супругѣ Ѳедорову нравиться не могла, но онъ подчинялся ея безпокойному характеру и молчалъ. Съ этой стороны ему жилось не хорошо. Праксovia Сергѣевна называла Павла Степановича «Полинькой», а онъ ее «Пашенькой». Это казалось трогательнымъ и умильнымъ.

Единственная дочь ихъ, Евдокія Павловна, была очень невзрачною дѣвицею. Красивыми чертами лица она не обладала, была блѣдна и малокровна, что хотя и гармонировало съ ея свѣтлыми волосами, но вовсе не было ни оригинально, ни очаровательно... Имѣла характеръ сентиментальный и влюбчивый; часто была задумчива и рѣдко весела. Постоянно витала въ сферѣ отвлеченныхъ идей и выказывала склонность къ меланхолии. Евдокія Павловна была превосходною музыкантшею и недурною художницею; день проводила за чтеніемъ романовъ, а вечеръ высиживала въ оперѣ.

Чадолюбивый отецъ не чаялъ въ ней души и слышать не хотѣлъ объ ея замужествѣ, хотя женихи и заявлялись. Павелъ Степановичъ всѣхъ искателей руки его дочери ненавидѣлъ и ни одному изъ нихъ не позволялъ заикнуться о предложеніи. Онъ заранѣе обинякомъ уже отказывалъ наотрѣзъ. Въ этомъ случаѣ онъ былъ деспотомъ, имъ руководили эгоистическія чувства. Ѳедоровъ прежде всего потому не выдавалъ дочери замужъ, что некому было бы встрѣчать его персону по вечерамъ, при возвращеніи изъ театра. Онъ такъ привыкъ къ этой трогательной встрѣчѣ, что исключеніе ея изъ его повседневной жизни было бы, какъ онъ говорилъ, величайшимъ для него несчастіемъ. Однако, судьба лишила его этого удовольствія: онъ пережилъ и дочь, и жену, которыя умерли незадолго до него.

Каждаго вновь появляющагося жениха Павелъ Степановичъ такъ начиналъ вышучивать, что тотъ скоро отказывался отъ мысли вступить съ нимъ въ родство. Ѳедоровъ положительно издѣвался надъ подобными господами, съ намѣреніемъ дискредитировать ихъ во мнѣніи дочери, что ему всегда и удавалось.

Молодой человѣкъ Николай Михайловичъ П—евъ, служившій дирижеромъ въ одномъ изъ казенныхъ театровъ, нѣкоторое время

усердно ухаживалъ за Евдокіей Павловной, которая въ свою очередь тоже обратила свое благосклонное вниманіе на него. Онъ былъ наружно невзраченъ, лицо его было покрыто никогда неисчезавшими красными прыщами, однако это нисколько не мѣшало мечтательной Ѳедоровой увлечься имъ достаточно серьезно. Молодые люди начали было заводить разговоръ о свадьбѣ, но Павелъ Степановичъ во время догадался объ ихъ намѣреніяхъ и повелъ свою обычную атаку. Онъ началъ систематично изводить П—ева. Тотъ не выдержалъ и сбѣжалъ, то-есть прекратилъ свои ежедневные визиты къ начальнику репертуара. Въ особенности же Ѳедоровъ разодолжилъ его переложеніемъ аріи Руслана изъ оперы Глинки «Русланъ и Людмила». Въмѣсто словъ:

«О, поле, поле, кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?»

Павелъ Степановичъ продекламировалъ, обращаясь къ П—еву:

«О, Коля, Коля, кто тебя
Усѣялъ красными прыщами?»

П—евъ, конечно, сконфузился, а многочисленные свидѣтели этой шутки разсмѣялись, что послужило причиной разочарованія для искателя руки Евдокіи Павловны.

Точно также Ѳедоровъ поступалъ и со всѣми другими женихами.

Павелъ Степановичъ вообще былъ шутникомъ. Попастся ему «на зубокъ» было не безопасно. Онъ весьма мило, но вмѣстѣ съ тѣмъ зло умѣлъ высмѣять. Впрочемъ, всетаки его остроты и эпиграммы во многомъ уступали остротамъ и эпиграммамъ П. А. Каратыгина. Однако, для примѣра можно привести нѣсколько его стихотворныхъ шутокъ, которыя не сочинялись имъ въ кабинетѣ, а писались экспромптомъ, во время разговора. Такъ, про одного изъ самыхъ близкихъ своихъ знакомыхъ, Петра Ильича Ю—ча, онъ однажды сказалъ:

«У Петра Ильича
«Страхъ супруга горяча.
«У Ю—ча, Петра,
«Дуютъ вѣтры изъ нутра».

Ѳедоровъ очень симпатично относился къ покойному актеру Платону Петровичу Пронскому, который отличался щегольствомъ и даже слылъ законодателемъ моды. Онъ пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ и чрезмѣрно этимъ гордился, что и послужило фабулой для одного неудобопечатаемаго стихотворенія Павла Степановича, начинавшаго такъ:

«Какъ-то разъ monsieur Платонъ
«Къ намъ пришелъ безъ панталонъ.
«Какъ дѣвицы увидали,
«Отъ восторга плакать стали».
.....

Въ особенности же много произносилъ онъ двустипшій, которыя обыкновенно заключали въ себѣ игру словъ. Напримѣръ:

«Онъ вошелъ и показалъ
«Изъ передней пока залъ».

Кромѣ жены и дочери, у Ѳедорова проживали двѣ родныя его сестры. Одна изъ нихъ, завѣдывавшая хозяйствомъ, была вдова, ничего изъ себя не представлявшая, но зато другая семидесятилѣтняя дѣвица Марья Степановна была прелюбопытной особой.

Не смотря на свой болѣе чѣмъ почтенный возрастъ, она была наивна и мечтательна, какъ шестнадцатилѣтняя барышня. Постоянно конфузилась мужскаго общества и очень опасалась любезностей, исходившихъ изъ устъ ковалеровъ, посѣщавшихъ Павла Степановича. Очень хорошо чувствовала себя въ кругу воспитанницъ театральнаго училища, которыя часто, а въ особенности лѣтомъ, бывали у Ѳедорова. Марья Степановна охотно съ ними гуляла по саду и безпрестанно повторяла: «мы, дѣвицы»... Очень любила вспоминать читанный ею въ молодости романъ «Таинственный монахъ» и повѣсть «Бѣдную Лизу», содержаніе которой чуть ли не изо дня въ день забавно пересказывала юнымъ подругамъ. Лицомъ и фигурой она имѣла большое сходство съ братомъ и такъ же, какъ онъ, постоянно шамкала губами. Была кособока и страдала постоянными флюсами, что вынуждало ее ходить съ подвязанной щекой. Зубовъ почти не имѣла, но, не желая казаться беззубой, всегда начинала свой ротъ бѣлымъ воскомъ, который очень искусно приклеивался ею къ деснамъ. Волосами тоже не могла она похвастаться, въ силу чего голову прикрывала какой-то черной кружевной тряпкой. Впрочемъ, эта «наколка» не достигала цѣли: она всегда съѣзжала съ назначеннаго ей мѣста и торчала съ боку. Костюмъ ея состоялъ неизмѣнно изъ чернаго или темнаго платья. Павломъ Степановичемъ отведено было ей помѣщеніе на антресоляхъ, куда вела изъ темнаго корридорчика узкая деревянная лѣстница, съ которой Марья Степановна не разъ скачивалась, спѣша внизъ къ обѣду или къ вечернему чаю съ ужинкомъ. Если же она сама не пересчитывала затылкомъ ступени лѣстницы, то эту операцію по заведенному обычаю производила ея любимая собаченка Жюлька. Ктонибудь изъ нихъ непременно долженъ былъ ежедневно перенести крушеніе, иначе одинъ день не былъ бы похожъ на другой, и такимъ образомъ разъ навсегда заведенный порядокъ выбился бы изъ колеи. Эта несчастная Жюлька обладала необыкновенною живучестью. Ея воздушныхъ путешествій, кажется, ни одна бы собака не вынесла, а она себѣ жила да жила на утѣшеніе заботливой хозяйки, которая поступала съ ней хоть и безцеремонно, но зато вполне гигиенически законно. Обыкновенно, Марья Степановна выходила изъ своей комнаты на

верхнюю ступень лѣстницы и, держа Жюльку въ слабыхъ рукахъ, кликала горничную, всегда пребывавшую внизу:

— Дѣвка! дѣвка! Иди сюда скорѣе!

И когда послѣдняя показывалась въ корридорчикѣ съ вопросомъ:

— Чего изволите?

Марья Степановна приказывала, выпуская изъ рукъ свою калѣченную собаченку:

— Погуляй-ка съ Жюлькой!

И несчастное животное съ трехъ-аршинной вышины летѣло съ визгомъ и со стономъ на прогулку.

Прасковья Сергѣевна, будучи полновластной хозяйкой въ домѣ, весьма строго и нелюбезно обращалась съ сестрами своего мужа. Она вымещала имъ старину и никогда не могла забыть ихъ отношеній къ ней въ первые годы замужества, когда ей пришлось пережить многія непріятности, исходившія непосредственно отъ нихъ. Въ чемъ заключались эти памятные для Прасковьи Сергѣевны непріятности, я не знаю, но помню, что когда козыри перешли въ ея руки, она этимъ сестрицамъ давала чувствовать свое превосходство и начальство ощутительно. Онѣ держались ею въ черномъ тѣлѣ и въ ея присутствіи трепетали отъ страха.

Однажды мнѣ привелось быть случайнымъ свидѣтелемъ расправы Прасковьи Сергѣевны съ Марьей Степановной. Это было на одномъ изъ вечеровъ. Послѣ танцевъ, продолжавшихся очень долго, вздумали освѣжить зало, для чего всѣхъ гостей пригласили убраться въ другія комнаты. Въ залѣ же, при открытыхъ форточкахъ, остались только Марья Степановна и приживалка Елизавета Самойловна. Я было тоже пошелъ вслѣдъ за гостями, но вскорѣ вернулся и остановился у дверей любопытства ради. Мнѣ захотѣлось взглянуть, что будутъ дѣлать оставшіяся старухи, не убоявшіяся сквозного вѣтра.

Осмотрѣвшись кругомъ, почтенныя собесѣдницы о чемъ-то таинственно пошептались, потомъ одновременно встали съ дивана и осторожно подошли къ одному изъ столовъ, на которомъ стоялъ огромный подносъ съ фруктами и конфектами, окинули его хищническимъ взглядомъ и затѣмъ разомъ сдѣлали нападеніе, слѣдствіемъ котораго было опустошеніе подноса. Вдругъ, какъ изъ земли вырастаетъ передъ ихъ изумленными лицами Прасковья Сергѣевна.

— Что это вы тутъ дѣлаете?—накинулась на нихъ хозяйка.— Воровствомъ занимаетесь? Очень мило!... Да какъ же вы смѣете дотрогиваться до того, что не для васъ поставлено?!... Извольте сію же минуту все положить обратно!... Да, ну, ну, не стѣсняйтесь! Воровать, небось, не совѣстились, а краденое отдать стыдно?! Эхъ, вы!

Переконфуженныя дѣвицы молча принялись за выгрузку своихъ бездонныхъ кармановъ и по окончаніи этого продолжительнаго занятія чуть не со слезами убрались, по приказанію Прасковьи Сергѣевны, изъ залы.

Марья Степановна благоговѣла передъ братомъ и кстатѣ и не кстатѣ говорила всѣмъ о своей къ нему привязанности, для чего иногда даже вмѣшивалась въ чужіе разговоры. Какъ-то разъ зашла рѣчь о поэтахъ. Былъ поставленъ вопросъ: кто лучше—Лермонтовъ или Пушкинъ? Разумѣется, мнѣнія присутствующихъ дробились. Когда же спросили меня, который изъ нихъ пользуется моею большею любовью, я отвѣтилъ:

— Пушкинъ.

— Что? Что? Что такое вы сказали?—переспросила Марья Степановна, сидѣвшая не подалеку отъ меня.

— Я сказалъ, Марья Степановна, что болѣе всѣхъ поэтовъ люблю Пушкина.

— А я... братца!!—жалобнымъ голосомъ произнесла она.

— Вы не совѣмъ меня поняли. Разговоръ шель о поэтахъ... я вамъ и сказалъ, что люблю Пушкина.

— Ахъ, Боже мой, я очень хорошо все слышу и понимаю. Вы говорите, что любите Пушкина, а я вамъ говорю, что люблю братца... да... братца... Павла Степановича... онъ голубчикъ у насъ... добрый... чудный братецъ...

Послѣднія слова она проговорила, глотая слезы.

Случалось, что своею почтительностью она конфузила нѣжно-любимаго ею братца. Какъ-то разъ къ Федорову на дачу пріѣхалъ весьма важный гость, рѣдко у него бывавшій, и вель какой-то серьезный разговоръ. Вдругъ, изъ гостиной вылетаетъ на балконъ, гдѣ сидѣли собесѣдники, Марья Степановна и, прерывая рѣчь гостя, говоритъ:

— Братецъ... братецъ... Павелъ Степановичъ!

— Что вамъ надо?—раздраженно спрашиваетъ онъ.

— Позвольте мнѣ взять у васъ нѣсколько капель прованскаго масла... мнѣ очень нужно...

— Да вы съ ума сошли, что ли? Какое масло? Развѣ оно у меня!?... Подите прочь...

— Я знаю, что не у васъ... но, всетаки, безъ вашего позволенія не посмѣла взять изъ буфета! Вѣдь оно на ваши деньги покупается...

Марья Степановна имѣла обыкновеніе каждое утро совершать для моціона прогулку по залѣ Павла Степановича, гдѣ собирались просители, которые осматривали ея потѣшную фигуру не безъ изумленія и смѣха. Бывало, она ковыляетъ-ковыляетъ передъ посѣтителемъ и вдругъ около котораго нибудь изъ нихъ остановится бокомъ, усмѣхнется и неожиданно спросить:

- Вы, вѣрно... къ братцу?... къ Полинкѣ?
- Да-съ... къ его превосходительству...
- Небось, съ просьбой?
- Съ просьбой.

И опять зашагаетъ дальше. Потомъ опять подойдетъ къ этому же просителю и жалобнымъ голосомъ, сочувственно улыбаясь, скажетъ:

- Подождите... онъ скоро выйдетъ... теперь онъ брѣется!...

А. А. Нильскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

„НА САХАЛИНѢ“.

Изъ воспоминаній путешественника по востоку Азіи.

ИОДЪ ТОМУ НАЗАДЪ, я имѣлъ случай, въ числѣ посѣщенныхъ мною пунктовъ далекаго востока Азіи, побывать на Сахалинѣ и совершить по острову этому нѣсколько довольно длинныхъ экскурсій. Научныя наблюденія и описаніе быта жителей будутъ мною помѣщены въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же я хотѣлъ бы познакомить читателей съ той обстановкой, въ которой приходится путешествовать по Сахалину, равно какъ и съ тѣми людьми, съ которыми сталкивается путешественникъ. Проведя около двухъ мѣсяцевъ на островѣ, я, благодаря любезному содѣйствію мѣстной администраціи, имѣлъ возможность проѣхать вдоль всего средняго и южнаго Сахалина. Большая часть этого пути была сдѣлана мною въ сопровожденіи инспектора сельскаго хозяйства острова, А. А. фонъ-Фрикена. Но нѣкоторыя экскурсіи я дѣлалъ одинъ. Въ томъ и другомъ случаѣ нашими носильщиками, провожатыми и тѣлохранителями были ссыльно-каторжные, рабочіе изъ тюремъ, нерѣдко даже случайно взятые, такъ какъ въ иныхъ случаяхъ выбирать было некого; приходилось брать того, кто былъ на лицо. Путешествіе безоружнаго человѣка съ такимъ эскортомъ въ дикой и пустынной странѣ можетъ показаться страннымъ и небезопаснымъ. Между тѣмъ иного способа на Сахалинѣ и нѣтъ, да въ немъ нѣтъ и надобности. Изъ нижеслѣдующихъ очерковъ читатель легко убѣдится, что на Сахалинѣ ссыльный элементъ, за немногими исключеніями, представляетъ столь же надежный элементъ, какъ и люди свободнаго

состоянія, что же касается до интереса путешествія, то дикія картины природы, разнообразной и полной контрастовъ, могутъ вполне вознаградить за тѣ немногія лишенія, съ которыми сопряжены здѣшнія странствія. Два отрывка изъ моего путешествія, здѣсь предлагаемые, могутъ дать понятіе объ этихъ картинахъ природы и жизни закинутого на край свѣта острова.

I.

По Поронаю.

Стояло пасмурное, хмурое сахалинское утро—нѣчто въ родѣ тѣхъ сѣренскихъ петербургскихъ утръ, когда солнечные лучи не могутъ пробиться черезъ густой сѣрый туманъ, облекающій улицы и сливающійся съ столь же сѣрымъ небомъ, когда брезжетъ унылый наводящій на душу тоску полусвѣтъ. На травѣ еще не обсохли не сдутыя вѣтромъ капли дождя, моросившаго всю ночь,—словомъ, ничто не манило выйти на воздухъ, какъ не манитъ петербургскаго дачника выйти изъ его барака-дачи ненастный осенній день. Не манило оно и насъ покинуть теплую и просторную избу гостепріимнаго надзирателя станка «Невскаго», какъ громко назывался небольшой деревянный домикъ, закинутый въ глушь сахалинскаго лѣса и выстроенный на берегу р. Пороная, этой самой богатой изъ сахалинскихъ рѣкъ, протекающихъ островъ съ сѣвера на югъ по обширной, почти безбрежной моховой тундрѣ. Вся эта долина одѣта лѣсами; тамъ есть нѣсколько жалкихъ деревушекъ, основанныхъ поселенцами, бывшими каторжниками, тяжелому труду которыхъ обязаны своимъ существованіемъ просѣки по лѣсамъ-болотамъ, соединяющія эти селенія, такъ какъ дорогами еще нельзя назвать пролегающія по нимъ тропинки, гдѣ лѣтомъ оттаявшая трясиная, тундра, грозитъ живыми засосать коня и всадника, которые безъ должной предосторожности дерзнули бы по нимъ проѣхать.

Невскій станокъ есть пунктъ, откуда Поронай, окрещенный кѣмъ-то изъ сахалинскихъ администраторовъ Невою, но для туземцевъ оставшійся тѣмъ же Поронаемъ, становится судоходнымъ для гребныхъ лодокъ. Здѣсь еще не основалось поселка, да дай Богъ, чтобы и не основывался онъ и впредь. Полумерзлая тундра окрестностей не подаетъ надеждъ на урожай, а дуга съ березовыми и тополевыми рощами, прижавшіеся къ рѣкѣ, заливаются водою ежегодно. Пока здѣсь пріютился лишь станокъ, и, благодаря гостепріимству его надзирателя Я. Ф. и Ш., мы могли отсюда пуститься въ дальнее плаваніе къ берегамъ сахалинской рѣки,

поѣвши теплыхъ шей изъ соломины—мяса, которымъ питаются сахалинцы, какъ каторга, такъ и чиновники, большую часть года.

Мы тихо отплыли отъ станка, размѣстившись въ большой гребной лодкѣ. Наши носильщики, ссыльные, превратились въ гребцовъ, дружно налегавшихъ на весла, а двое изъ присоединившихся къ намъ изъ ближайшаго къ станку Невскому поселка Вальзы ссыльные поселенцы одинъ на носу, другой на кормѣ направляли путь нашей лодки. Она спокойно скользила по водамъ рѣки Пороная, увлекаемая внизъ по стольку же теченіемъ, по скольку и ударами весель. Такъ началось наше пяти-дневное плаваніе по рѣкѣ.

Красивы и живописны эти берега сахалинской рѣки. То, какъ изящная декорація, или ландшафтъ богатаго подгородняго столичнаго парка, выступить передъ вами, заслонивъ горизонтъ, выросшая на невысокомъ берегу тополевая роща, подъ сѣнью которой краснѣютъ прутья зарослей изъ сибирскаго дерна, усыпанная бѣлыми кистями цвѣтовъ рябинолистная спирея и др. кустарники, откуда долетаетъ до васъ разноголосое пѣніе птицъ, то изъ-за поворота откроется широкій пороспій мягкою нѣжною зеленою муравною лугъ. Онъ весь усыпанъ цвѣтами, яркими и крупными, болѣе годящимися для цвѣтника, чѣмъ для пастбища или покоса. Цѣлая клумба голубыхъ ирисовъ, огненныхъ желтоголовокъ, оранжевыхъ луговыхъ лилій (*hemerocallis*) и настоящихъ лилій массаами пестрѣли на нѣжно зеленой, по плечи хватающей, зелени вѣтника. Громадныя деревья боярки, ясеня, березы, береста, были тамъ и сямъ разбросаны среди такихъ луговъ.

Часто приходилось огибать мысы, голые и плоскіе изъ окатаннаго рѣчнаго галечника. Тутъ, нѣсколько отступя отъ берега, толпились кустарники ивняка, и за этой ивовой каймой опять возвышался цѣлый лѣсъ изъ этихъ деревьевъ уже высокоствольныхъ, поэтически склоняющихъ вѣтви свои къ рѣкѣ. Среди этой мягкой, нѣжной, носящей на себѣ отпечатокъ чего-то южнаго, природы совершенно забываешь, что находишься на Сахалинѣ, что недавно покинулъ его угрюмую еловую тайгу, ея монотонные лѣса изъ листовенницъ на болотистомъ холодномъ торфянистомъ грунтѣ.

Мнится, что плывешь гдѣнибудь по Пселу или по Ворсклѣ въ Малороссіи, ожидаешь, что вотъ-вотъ откуданибудь выплывутъ бѣлыя хатки деревеньки, или раздадутся протяжные звуки пѣсни. Но все мертвенно и пустынно. Развѣ зачиликаетъ гдѣнибудь въ кустахъ птичка или закрикаетъ спугнутая лодкою утка, которыхъ великое множество ютится въ заводяхъ и притокахъ подъ защитою ивняка. Рѣже трескъ вѣтвей въ трущобѣ изъ валежника, принесеннаго рѣкою въ береговой тополевой рощѣ, заставитъ когонибудь изъ спутниковъ торопливо взяться за ружье въ надеждѣ подстрѣлить маленькаго бураго мишку, до сихъ поръ обычнаго

посѣтителя этихъ лѣсовъ. Но столь желаемый обликъ этого животного съ характернымъ чернымъ, въ видѣ галстуха, пятномъ на шеѣ не показывается. Сахалинскій медвѣдь робокъ. Не смотря на то, что ихъ множество на островѣ, они избѣгаютъ человѣка, никогда сами на него не нападаютъ. На пескѣ побережья вы видите, однако, повсюду слѣды этого животного и множество рыбьихъ головъ. Сахалинскій медвѣдь особенно любитъ лакомиться рыбой, налавливая ее въ рѣкѣ и обгрызая туловище, чтобы оставить несъѣденной голову. Весьма любопытенъ этотъ способъ рыбной ловли столь неуклюжимъ животнымъ, какъ мишка. Онъ врядъ ли былъ бы возможенъ въ другой странѣ. Но богатство рыбою сахалинскихъ рѣкъ баснословно, и здѣсь во время метанія икры разыгрываются сцены, пригодныя для странички изъ походовъ барона Мюнхаузена. Проѣзжая мимо устьевъ мелкихъ рѣчекъ, впадавшихъ то справа, то слѣва въ Поронай, мы видѣли, что они такъ густо были наполнены рыбою, что эта послѣдняя тѣснилась, какъ публика передъ выходомъ изъ театра. Рыбы было такое множество, что отъ приближавшагося шума она въ смятеніи выбрасывалась на берегъ, наши же спутники ловили ее способами, мало отличными отъ медвѣжьихъ, то-есть или просто руками, или закидывая въ воду привязанную къ удилицу петлю. Одного взмаха достаточно бывало, чтобы выкинуть на берегъ крупную рыбину, и въ пять минутъ у насъ были готовы запасы на завтракъ всему экипажу.

Между тѣмъ сахалинскія породы рыбъ, столь изобильныя въ рѣкахъ его, принадлежатъ къ прекрасной породѣ. Это разновидности рода *Salmo*, ближайшіе родичи нашей семги: кета и горбуша. Хотя въ копченомъ видѣ онѣ и грубѣе семги, но вареныя безподобны, и ими-то и замѣняетъ свою солонину каторга, не говоря о туземномъ населеніи острова, почти исключительно живущемъ этою рыбою. Утки и рыба вотъ единственные существа, которыя оживляли пустынную рѣку. Какъ ни красивы были очертанія луговъ и лѣсовъ, смѣнявшихся по ея берегамъ, они были однообразны и мертвенны. За тополевою рощей черезъ часъ появлялась опять такая же роща, за мысомъ изъ галечника появлялся опять такой же мысъ, потомъ еще и еще повторялись тѣ же картины. Извивы рѣки были такъ похожи одинъ на другой, такъ часто повторялись, что невольно утомляли вниманіе.

Зато тѣмъ пріятнѣе было, послѣ многихъ часовъ плаванія, вдругъ встрѣтить высокія каменные скалы, близко подходящія къ берегу и сверху до низу одѣтыя мрачною сибирскою тайгою. Молчаливыя темныя ели и пихты составляли рѣзкій контрастъ съ зеленою, блѣдною растительностью побережья. На нихъ и на лѣсистомъ покровѣ скалъ отдыхалъ взоръ. Но скоро они опять смѣнялись обычнымъ рѣчнымъ пейзажемъ.

Гораздо рѣже и то на второй и третій дни плаванья встрѣчались

намъ другого рода картины. Вдругъ лѣсъ рѣдѣлъ около берега. Этотъ послѣдній представлялъ изъ себя обрывъ до 12 сажень высоты, состоящій изъ прекраснаго на синей глинѣ залегающаго торфу. И если бы вскарабкаться по этому обрыву вверхъ, то взору представилась бы неожиданно своеобразная и совершенно отличная отъ видѣнныхъ картина-ландшафтъ мертвенной полярной тундры со всѣми ея характерными атрибутами, съ полярною флорою изъ андромедъ, клюквы, морошки и мемуры, съ полярною фауною, съ сѣверными оленями, еще доннынѣ попадающимися здѣсь въ дикомъ состояннн.

Эти уголки тундры, на нѣсколько минутъ (при быстрой ѣздѣ) выглядывающіе изъ-за рамки лѣсовъ, окаймляющихъ рѣку, на дѣлѣ составляютъ главную формацію сахалинскихъ долинъ. Путешественникъ, спускающійся внизъ по Поронаю, точно также, какъ и на другихъ рѣкахъ острова, не видитъ настоящей природы края. Эти смѣющіяся рощицы и лужайки съ пышными травами составляютъ какъ бы ширму, отдѣляющую его отъ настоящей мертвенной и печальной гипсерборейской природы долины. Какъ въ пустыняхъ Туркестана, на ихъ безжизненной равнинѣ, однѣ только рѣки окружены каймою цвѣтущихъ оазисовъ и лѣсами, лугами и тучными нивами, такъ точно и мертвенная тундра низменныхъ равнинъ Сахалина смѣняется лишь въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ рѣкою, лѣсомъ. Эти лѣса составляютъ узенькую, не шире четверти версты полоску, сопровождающую берега рѣкъ. Далѣе, куда хватаетъ глазъ, разстилается бурая мертвенная тундра. Ея однообразная поверхность сливается съ плаксивымъ, сѣренькимъ фономъ неба, и лишь вдаль вырисовываются неясныя контуры горъ съ покрывающею ихъ тайгою. Если тайга на Сахалинѣ есть растительная формація горъ, то тундра характеризуетъ ея равнины.

Какъ настоящая тундра Сибири, тундра Сахалина характеризуется мерзлою не оттаивающею почвою. Въ среднихъ частяхъ острова я находилъ мерзлую почву на глубинѣ полуаршина въ июль мѣсяцѣ, и, надо думать, эта мерзлота и является главною причиною безлѣсія сахалинской тундры. Только на пригоркахъ изрѣдка на подобіе островковъ, возвышающихся среди равнины, виднѣтся обыкновенно нѣсколько чахлыхъ лиственницъ. Въ былыя времена, надо думать, далеко не всѣ пространства, теперь занятая тундрою, были таковыми. Подъ слоями торфа во многихъ мѣстахъ находятъ погребенными большія старыя деревья, и я во время моихъ разѣздовъ не менѣе трехъ разъ наблюдалъ цѣлый погребенный лѣсъ *in situ* подъ слоємъ торфяника.

Но, повторяя постоянно одно и то же, ландшафты эти скоро надоѣдали и прнѣдались, и невольно вниманіе мое переносилось на нашихъ гребцовъ, сидѣвшихъ въ лодкѣ. Эти гребцы-носильщики представляли настоящую этнографическую коллекцію, которая удовле-

творила бы любого антрополога и психолога. Позвольте, читатель, мнѣ васъ съ ними познакомить. Прямо противъ меня всегда садился въ лодку молодой малороссъ изъ Каменецъ-Подольской губерніи. Его смуглое, загорѣлое лицо, большіе черные глаза и черные коротко посоддатски обстриженные волосы и усы придавали лицу его выраженіе открытости и простоты. Это былъ недавно попавшій на островъ владивостокскій солдатикъ, повидимому, еще не помирившійся съ своею участью. Когда одинъ изъ гребцовъ, также малороссъ, скуки ради, начиналъ напѣвать одну изъ распространенныхъ на югѣ пѣсень, звонко раздававшуюся надъ пустынною рѣкою, слезы навертывались на его глазахъ, и онъ старался незамѣтно для другихъ стереть ихъ рукавомъ своего халата. Слезы эти были не безпричинныя. Человѣкъ этотъ попалъ, повидимому, скорѣе по своей нерасторопности, чѣмъ за злой умыселъ, на каторгу. Онъ заснулъ, поставленный на часахъ у казенныхъ денегъ, когда было совершено ихъ похищеніе. Былъ ли этотъ сонъ умышленный, или нѣтъ, я не берусь судить, но внѣшность человѣка внушала къ нему довѣріе: онъ не производилъ впечатлѣнія способнаго на что либо дурное субъекта.

Совершенно иное впечатлѣніе производилъ сидѣвшій съ нимъ обыкновенно рядомъ у противоположнаго борта и одновременно съ нимъ гребшій человѣкъ атлетическаго сложенія съ мясистымъ красноватымъ небритымъ лицомъ, громадными красными волосатыми руками и ярко рыжею куафюрою. Его маленькіе, голубые глаза были мутны, а весь обликъ угрюмой физиономіи не внушала никакого довѣрія. Онъ былъ молчаливъ, никогда самъ не начиналъ говорить, не вмѣшивался въ бесѣду, а на вопросы, къ нему обращенные, угрюмо отвѣчалъ короткими отвѣтами, или односложнымъ да или нѣтъ, отбивая охоту продолжать разговоръ. Въ противоположность чистенькой солдатской блузѣ малоросса на этомъ гребцѣ арестантская рубаха была бѣдная, рваная, грязная, а истасканная до послѣдней степени фуражка годилась бы развѣ на голову пропившаго все свое имущество пропойцы бурлака. Вся внѣшность этого человѣка была именно такова, какими мы себѣ представляемъ убійцъ, совершившихъ какое либо звѣрское преступленіе. Дѣйствительно, человѣкъ этотъ уроженецъ Архангельской губерніи и былъ сосланъ сюда за убійство. Онъ долгое время отбывалъ каторгу на Илецкихъ соляныхъ кояхъ и затѣмъ переведенъ былъ на Сахалинъ.

И, между тѣмъ, какъ обманчива была эта наружность. Угрюмый и несимпатичный на видъ, Барыгинъ (такъ звали гребца нашего) подъ конецъ плаванья сталъ неузнаваемъ. Этотъ свирѣпый на видъ колосъ старался болѣе, чѣмъ кто либо, окружить насъ заботами и услугами съ предупредительностью и нѣжностью, столь мало подходившими къ его наружности. Подъ угрюмой личиной

каторжника оказался добродушный мужикъ сѣверянинъ, со всѣми хорошими чертами характера этого послѣдняго.

Другой характеръ по своей внѣшности носила другая пара обыкновенно садившихся ближе къ носу гребцовъ. Одинъ изъ нихъ былъ прикомандированный ко мнѣ въ качествѣ слуги ссыльно-каторжный финляндецъ Сунни, когда-то въ нетрезвомъ видѣ нанесшій такіе побои своему товарищу, что этотъ послѣдній отъ нихъ умеръ. Жертва вспыльчиваго темперамента и неумѣлаго судебного защитника, Сунни въ сущности и былъ, и остался, прекраснымъ честнымъ человѣкомъ. Онъ выписалъ свою семью на Сахалинъ, устроился возможно самостоятельнѣе, и хотя устройство это стоило ему всѣхъ его небольшихъ средствъ, вырученныхъ за проданную подъ Петербургомъ землю и дачу, въ которой онъ жилъ, — грязь и мерзость тюремной жизни его не коснулись. Когда мнѣ представили vybrать изъ массы каторжныхъ слугу, мнѣ сразу бросилось въ глаза красивое, открытое лицо его. Я его оставилъ при себѣ и не имѣлъ основанія раскаиваться. Бывшій подрядчикъ и дачевладѣлецъ, онъ въ роли носильщика и слуги оставался тѣмъ же честнымъ, работающимъ, воспитаннымъ человѣкомъ. По его лицу я видѣлъ, какъ коробили его циничные рассказы его товарища, но никогда онъ ни однимъ словомъ не выдавалъ своихъ мыслей, лишь наединѣ повѣряя мнѣ свое горе, свои планы. Ему оставалось всего нѣсколько недѣль до срока каторги. Онъ мечталъ уже о свободѣ, о честномъ трудѣ во Владивостокѣ, совѣтовался даже объ эмиграціи въ Америку, зная, что мало надежды устроиться ему въ Сибири.

Совсѣмъ другой типъ представлялъ его товарищъ, поселенецъ изъ села Вальзы, успѣвшій хорошо изучить русло Пороная и теперь вмѣстѣ со своимъ односельчаниномъ, сидѣвшимъ на носу, увѣренно направлявшій лодку черезъ пороги и перекаты, гдѣ шумѣла и пѣнилась рѣка, черезъ проходы между загромождавшимъ русло валожникомъ.

Это былъ еще молодой человѣкъ съ непрямимъ взглядомъ, бритымъ подбородкомъ, рыжеватыми волосами и болѣзненнымъ землистымъ цвѣтомъ лица. Въ своей холщевой блузѣ каторжника, они вмѣстѣ съ Барыгинымъ одни производили впечатлѣніе золоторотцевъ. Изъ всего состава гребцовъ онъ одинъ былъ весело оживленъ и разговорчивъ, проводя въ болтовнѣ большую часть плаванья. Казалось, что онъ не принадлежалъ совсѣмъ къ каторгѣ, а принимаетъ участіе въ пріятной прогулкѣ, или пикникѣ. Какъ большинство каторжниковъ, при первомъ вопросѣ о причинахъ, по которымъ онъ попалъ на Сахалинъ, онъ заявилъ себя угнетенною невинностью, совершенно за пустой проступокъ противъ воинской дисциплины попавшимъ на Сахалинъ. Но слишкомъ экспансивна была его натура, чтобы долго держаться на этой лжи. Слово за слово, припоминая разныя подробности жизни своей въ Харьковѣ,

человѣкъ этотъ проговорился, пустился въ откровенности, и въ концѣ концовъ оказалось, что это былъ одинъ изъ тѣхъ мелкихъ мошенниковъ, которыхъ въ Харьковѣ зовутъ «раклами». Лишенный какихъ бы то ни было нравственныхъ принциповъ, съ дѣтства брошенный на произволъ судьбы, совершая сначала мелкія кражи подъ вліяніемъ голода и мало-по-малу подъ вліяніемъ среды совершая все болѣе и болѣе крупныя преступленія, человѣкъ этотъ, не смотря на то, что не зналъ свѣтлыхъ минутъ ни дома, ни на каторгѣ, остался вѣчно веселымъ и жизнерадостнымъ. Надо было слышать тотъ юморъ, съ какимъ онъ рассказывалъ о самыхъ трагическихъ моментахъ своей жизни, чтобы понять этого человѣка. Онъ умѣлъ представить въ смѣшномъ видѣ самыя тяжелыя минуты своей жизни, съ чисто художественною полнотою обрисовывалъ онъ типы личностей, съ которыми встрѣчался, и, не смотря на свою полную безпринципность, онъ, всетаки, внушалъ къ себѣ состраданіе.

Наконецъ, нашъ рулевой, старый человѣкъ, бывшій дворовый Тверской губерніи, былъ настоящій типъ сахалинца. Это былъ старожилъ острова, бѣгавшій съ него два раза. Эти побѣги, совершаемые съ большимъ рискомъ, ему самому чуть не стоили жизни и повели его къ цѣлой серіи убійствъ. Добродушный старичекъ этотъ, настоящій типъ стараго барскаго слуги, кромѣ убійства, за которое онъ попалъ на островъ, во время побѣговъ своихъ уложилъ не менѣе семи человѣкъ инородцевъ. Подобно почти всей каторгѣ, онъ былъ увѣренъ, что у гиляковъ нѣтъ души, и что они людодѣды. Онъ поэтому не видѣлъ особаго грѣха въ своихъ убійствахъ, которыя онъ совершилъ съ цѣлью самозащиты, изъ опасенія быть открытымъ, и на видъ казалось, врядъ ли можно найти болѣе добродушнаго старика, чѣмъ этотъ Живоѣдовъ.

Таковы были люди, составлявшіе нашу свиту въ глухой пустынѣ Пороная, среди которой мы плыли пять дней, не видя ни одного человѣческаго существа, везя съ собою запасы провизіи на мѣсяць, цѣнныя вещи и деньги. Мы, охраняемые этими людьми, безмятежно спали, не заботясь ни объ оружіи, ни о сохранности вещей, и мы были бы также удивлены, если бы что у насъ пропало, если бы мы не получали должныхъ услугъ и повиновенія, какъ если бы насъ окружала свита изъ самыхъ честныхъ и преданныхъ людей свободнаго состоянія. Таковы отношенія на Сахалинѣ, таково вліяніе довѣрія къ людямъ, въ которыхъ обыкновенно не желаютъ видѣть ничего человѣческаго.

Изъ нашихъ служащихъ былъ только одинъ человѣкъ свободнаго состоянія. Это былъ слуга и переводчикъ Ш., гилякъ, бывшій надзиратель, прекрасно говорившій порусски и преданный необыкновенно своему господину.

Гиляковъ еще мало коснулась тлетворная цивилизація русскаго востока Азіи. Хотя, конечно, и они не избавлены какъ отъ экспло-

атаціи со стороны поселенцевъ, такъ и отъ нападеній бѣглыхъ, которыхъ они ненавидятъ всею душою, всетаки, по сравненію съ безправнымъ сахалинцемъ, они занимаютъ привилегированное положеніе, и потому еще сохраняютъ и независимость и благосостояніе. Хотя они и говорятъ, что безъ русскихъ имъ жилось лучше, но вездѣ, гдѣ я ни встрѣчалъ народъ этотъ, они не производили впечатлѣнія той жалкой нищеты, въ какую впало теперь большинство нашихъ сибирскихъ инородцевъ. Рыбная ловля—ихъ главное занятіе. Кета и горбуша составляютъ пищу не только гиляцкой семьи, но и ихъ собакъ, на которыхъ зимою, впрягая ихъ въ сани, гилякъ ѣздитъ. На длинныхъ жердяхъ, на высокихъ полкахъ, возвышаются цѣлые ряды этой сушеной «юккалы» около гиляцкаго жилья. Кромѣ юккалы, пищей гиляковъ доселѣ еще служатъ готовые продукты природы: дичь, ягоды, корни. Онъ не садитъ, не сѣетъ, не разводитъ домашнихъ животныхъ для мяса. Гиляки никогда не были знакомы съ гончарнымъ искусствомъ, и ихъ утварь, нарты, на которыхъ зимою они ѣздятъ на собакахъ, ихъ упряжь— все это лишь издѣлія изъ дерева и кожи, такъ какъ хотя они и умѣютъ дѣлать изъ желѣза оружіе, выковывая его, однако въ кузнечномъ ремеслѣ они не отличаются искусствомъ. Такимъ образомъ, культура гиляковъ есть культура весьма первобытныхъ сыновъ природы. Ихъ искусство совершенства достигло лишь въ костюмѣ, которымъ они не прочь пофрантить и который напоминаетъ застегивающіяся на бокъ китайскія поддевки.

Еще болѣе китайскій обликъ придаютъ гиляку его широкоскулая фізіономія, монгольскіе глаза и длинныя косы изъ прекрасныхъ черныхъ волосъ, хватающія почти до полу. Но обликъ гиляка дышитъ здоровьемъ и силою; этимъ онъ выгодно отличается отъ дряблага и жидкаго сложенія китайцевъ и маньчжуръ, съ которыми гиляки, по преданіямъ своимъ, считаютъ себя родственными.

Хотя первое впечатлѣніе, произведенное на меня гиляками Сахалина, и было весьма благопріятное, я врядъ ли вынесъ бы хоршее мнѣніе о народѣ этомъ, еслибъ принялъ во вниманіе одни только многочисленные рассказы о народѣ этомъ, на которые такъ щедръ сахалинскіе каторжники.

Дѣло въ томъ, что, не смотря на привилегированное положеніе на островѣ, которое занимаютъ гиляки, между сахалинцами и гиляками царствуетъ непреодолимая вражда.

У гиляковъ, какъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ, существуетъ родовая месть—убійство члена того или другого рода должно влечь за собою смерть убійцы, или его родственника. Бѣглые сахалинцы, побуждаемые голодомъ или озвѣрѣлымъ состояніемъ отъ долгодѣтней каторги, неоднократно съ цѣлью ограбленія или избавленія отъ лишняго свидѣтеля, безжалостно убивали гиляковъ, даже цѣлыя семьи.

Это, конечно, должно было влечь за собою месть. Въ глазахъ

дикаря, не имѣющаго представленія объ общественныхъ отношеніяхъ въ Россіи, вся каторга, вмѣстѣ работающая, вмѣстѣ живущая, есть какъ бы одна обширная семья, одинъ родъ. Изъ этого рода они выдѣляютъ чиновниковъ, или койоновъ, и людей свободнаго состоянія. Частыя убійства естественно вызываютъ отместку со стороны гиляковъ. И они убиваютъ безъ различія каторжника, какъ родственника убійцы.

Бродяга-каторжный не можетъ имѣть надежду на пощаду, если, послѣ совершенія его товарищемъ убійства, онъ попадется на глаза гиляку. И вотъ, какъ сказано, каторга глубоко убѣждена, что бездушные язычники-гиляки—вмѣстѣ съ тѣмъ и свирѣпые людоеды. Я полагаю, что нѣтъ надобности доказывать, что обвиненіе это, возводимое на ни въ чемъ не повинныхъ добродушныхъ рыболововъ, лишено рѣшительно всякаго основанія. Гиляки, не смотря на дурную славу бродягъ, и донынѣ оказываютъ имъ гостепріимство, за чтò нерѣдко имъ приходится весьма дорого платиться.

Но не это служитъ главною причиною антагонизма между гилякомъ и каторгою, а та роль, которую играетъ народъ этотъ въ тюремной жизни острова. Не смотря на то, что гилякъ дикарь и сынъ природы, у него есть природный умъ и смысленность; онъ честенъ въ дѣлахъ и вѣренъ до преданности, какъ слуга—черты первобытнаго, не знавшаго рабства народа. Тюремная администрація воспользовалась для своихъ цѣлей чертами этими и сдѣлала многихъ гиляковъ надзирателями.

Должность эта, весьма растяжимая въ большинствѣ случаевъ, состоитъ въ непосредственномъ надзорѣ надъ работающими внѣ тюрьмы ссыльными.

Такъ какъ главная каторжная работа на Сахалинѣ состоитъ въ вырубкѣ тайги, вывозкѣ бревенъ, проложеніи дорогъ и т. п., то большая часть работъ этихъ производится на волѣ, откуда легко и возможенъ побѣгъ и гдѣ нуженъ присмотръ. Обыкновенно надзирателями назначаютъ солдатъ, отряженныхъ на Сахалинъ. Этихъ послѣднихъ, однако, не всегда бываетъ достаточно, не всегда контингентъ ихъ представленъ пригодными для этой цѣли лицами. Надо помнить, что партіи каторжныхъ состоятъ изъ людей часто глубоко испорченныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе развитыхъ и юркихъ, чѣмъ вышедшій изъ деревни солдатъ; кромѣ того, на Сахалинъ часто посылаются отребье изъ сибирскаго войска, туповатые субъекты, нерѣдко сами весьма шаткіе въ своихъ нравственныхъ принципахъ. Тюрьма ихъ деморализируетъ, а иногда просто страхъ, желаніе ладить съ массою, имъ ввѣренною, заставляетъ ихъ входить въ разнообразныя сдѣлки съ каторгою.

Эта послѣдняя повторяетъ и здѣсь ту великую истину, что люди взрослые и часто даже испорченные въ сущности—тѣ же дѣти. И эта масса безправнаго, нерѣдко лишеннаго надежды на человѣч-

Гилыки-надзиратели за ссыльно-кагорженцами Александровского округа на Сахалинѣ.

ное обращеніе люда, поставленная подъ надзоръ своего гувернера, ведетъ себя по отношенію къ нему также, какъ школьники закрытаго заведенія держатъ себя со своимъ гувернеромъ. У нихъ есть свои понятія чести и доблести, и какъ ни странно это звучитъ, но честное слово каторжника зачастую значить болѣе, чѣмъ честное слово свободнаго человѣка. Если что каторга возьметса сдѣлать на честное слово, безъ надзора, безъ понуканія, то она сдѣлаетъ безукоризненно хорошо. Напротивъ, при несимпатичномъ надзирателѣ она будетъ работать елико возможно хуже, не смотря на всѣ понуканія; онъ, наконецъ, не гарантированъ отъ иного рода расправы. Очевидно, что его роль сводится или на роль тирана, или на роль человѣка, котораго, пользуясь его простотою, стараются одурачить, или здѣсь устраивается рядъ взаимныхъ уступокъ, сдѣлокъ, на которыя русскій человѣкъ, у котораго сердце не камень, всегда болѣе или менѣе податливъ. Иное дѣло гилякъ. Русская культура, ея интересы, невзгоды и слабости каторжника ему чужды. Дикарь по возрѣнію и по воспитанію, онъ даже, если бы и былъ мягокъ отъ природы, не пойметъ болѣе культурнаго ссыльнаго. Имъ, пока онъ не развращенъ, руководитъ чувство обязанности исполнить внушенныя ему приказанія, когда онъ испортится—грубые животные инстинкты дикаря.

Кромѣ того, прекрасно знающіе островъ и его тайгу, гиляки обладаютъ часто собачьимъ нюхомъ въ дѣлѣ отысканія бѣглецовъ. За положенное имъ отъ тюрьмы вознагражденіе они найдутъ и живымъ или мертвымъ доставятъ вамъ ушедшаго ссыльнаго, и, конечно, каторжникъ, какъ мы видѣли, принадлежащій къ одному племени съ убійцами въ глазахъ гиляковъ, не вымолитъ у гиляка себѣ пощады.

Вотъ эти-то отношенія и причиною тому, что какъ у гиляка вы не услышите доброжелательнаго отзыва о русскомъ, такъ и у ссыльнаго существуетъ весьма недоброжелательное отношеніе къ гиляку, которое рано или поздно, въ случаѣ какаго нибудь возстанія, или просто при большемъ умноженіи населенія острова, можетъ кончиться весьма гибельно для этого народа.

А между тѣмъ эти дикари, если съ ними познакомиться ближе, способны вызвать къ себѣ большую симпатію,—и всѣ видѣнные мною гиляки, главнымъ же образомъ нашъ спутникъ, всегда меня поражали общительностью, веселостью и любознательностью, напомиравшею мнѣ отчасти обладающихъ такими же чертами киргизъ. Но если кто способствовалъ болѣе всего къ тому, чтобы заинтересовать собою и сдѣлать симпатичнымъ гиляцкій народъ, то это одинъ изъ моихъ спутниковъ, г. III.

Разъѣзжая по самымъ отдаленнымъ трупамъ острова, по порученію губернатора составляя перепись этого народа, численность котораго доселѣ еще не приведена надлежащимъ образомъ въ извѣст-

Дорога через тайгу на хребтѣ Пилинга.

ность, Ш., такъ сказать, сжился съ гиляками, полюбилъ ихъ, какъ дѣтей, вошелъ въ ихъ мировоззрѣніе и понятія.

Проѣзжіи путешественники, особенно натуралисты, никогда не можетъ, увлеченный массою другихъ наблюдений и изслѣдованій, вникнуть такъ глубоко въ духъ мировоззрѣній туземцевъ, какъ тотъ, кто живетъ среди нихъ, принимаетъ участіе въ ихъ радостяхъ и горѣ, кто свой человѣкъ, кто знакомъ и пріятель съ десятками родовъ. Понятно, поэтому, что бесѣды Ш., подтверждаемыя его спутникомъ, представляли для насъ глубокой интересъ и не менѣе, чѣмъ разговоръ съ гребцами, содѣйствовали сокращенію длиннаго и однообразнаго плаванія по острову. Хотя въ научномъ журналѣ уже и опубликованы главнѣйшія изъ изслѣдованій г. Ш., я считаю не лишнимъ припомнить на этихъ страницахъ многое изъ того, что было нами говорено и въ чемъ, хотя отчасти, и мнѣ приходилось убѣдиться изъ бесѣды съ гиляками на Тыкѣ.

Не смотря на сношенія съ русскими, гиляки доселѣ на Сахалинѣ остаются язычниками. Ложная цивилизація еще мало проникаетъ въ ихъ семьи. Они не смѣнили еще своего красиваго національнаго костюма на всякую рвань, которую таскаютъ именующіе себя христианами тунгусы, и въ лицѣ гиляковъ мы имѣемъ одинъ изъ немногихъ первобытныхъ народовъ сѣверо-восточной Азіи, сохранившій рядъ характерныхъ чертъ наименѣе тронутыхъ культурою сыновъ природы. Гилякъ вѣритъ, что лѣса, горы, а главнымъ образомъ море, населены невидимыми духами, принимающими, впрочемъ, и человѣческой образъ. Эти духи покровительствуютъ гиляку, если онъ поступаетъ по закону, они посылаютъ ему въ извѣстное время года рыбу, звѣря и все необходимое для его пропитанія. Но эти продукты гилякъ получаетъ отъ духовъ не даромъ—онъ ведетъ съ ними мѣновую торговлю, предлагая богу то, чего у него, по мнѣнію гиляка, нѣтъ, какъ, на примѣръ, великой драгоцѣнности гиляка—манджурскаго табаку. У бога моря рыбы такъ много, что дать по нѣсколько тысячъ на гиляка ему столь же мало стоитъ, какъ гиляку дать щепотку табаку. Такимъ образомъ, жертвоприношеніе здѣсь чистая мѣна, а потому оно и совершается строго, точно, но безъ всякаго ритуала.

Проста и молитва гиляка: «Боже, пожалуйста!»—вотъ въ большинствѣ случаевъ всѣ ея слова.

Гилякъ не лишень представленій о загробной жизни, но вѣра, что съ этою жизнью не все кончается, повидимому, мало вліяетъ на образованіе культа душъ предковъ, столь распротраненнаго у наиболѣе южныхъ сосѣдей. Какъ извѣстно, гиляки сжигаютъ своихъ покойниковъ, а пепелъ и кости помѣщаются въ миниатюрныхъ домикахъ—подобіе ихъ юртъ, куда они кладутъ чашку и блюдечко покойнаго, трубку его, деревянную куклу, украшенія и прочія мелочи. Такимъ образомъ, является рядъ гробницъ рода.

Горблая тайга на берегу Сахалинской рѣки.

Гдѣ бы ни умеръ гилякъ, его прахъ долженъ покоиться рядомъ съ сородичами. Если даже гиляку приходится быть сожженному на чужбинѣ, всетаки одну косточку бережно поднимаютъ, привязываютъ къ куску дерева и отсылаютъ на родину, гдѣ ей строятъ такую же миниатюрную юрту.

Достойно вниманія также, что огонь, на которомъ сжигаютъ покойниковъ, долженъ быть «живой», т. е. добытый посредствомъ тренія кусковъ дерева, а не какимъ либо инымъ способомъ.

Интересны супружескія отношенія этого народа. Жена, а ихъ, въ исключительныхъ случаяхъ, можетъ быть нѣсколько, что, впрочемъ, бываетъ не часто, можетъ быть покупаема, или, еще лучше, похищаема непременно изъ другого рода. Нарушеніе супружеской вѣрности и сожителство съ кѣмъ либо изъ членовъ своего рода строго преслѣдуется и наказывается, хотя съ другими гиляцкія женщины, говоря вообще, большимъ цѣломудріемъ не отличаются. Но всего характернѣе—это семейныя отношенія. Хотя жена гиляка, такъ или иначе пріобрѣтенная, считается его женою, равно какъ и его дѣти, работающія вмѣстѣ съ нимъ, содержимыя имъ, его дѣтьми, и къ нимъ переходитъ его наслѣдство, однако, при ближайшемъ знакомствѣ съ внутреннимъ строемъ жизни гиляковъ, мы натываемся на цѣлый рядъ явленій, которыя стоятъ какъ бы въ противорѣчій съ этой формой брака. Прежде всего бросается въ глаза, что гилякъ зоветъ отцомъ не только своего отца, но и всѣхъ братьевъ своего отца не только родныхъ, но и отдаленныхъ степеней; равнымъ образомъ и матерью онъ зоветъ всѣхъ сестеръ своей матери, а ихъ мужей отцами. Дѣти братьевъ и дѣти сестеръ всѣхъ степеней родства зовутъ другъ друга руерь, что значитъ собратъ, сосестра.

Эти названія происходятъ не отъ недостатка терминовъ для выраженія родственныхъ отношеній, ибо, говоря вообще, языкъ гиляка очень богатый, но оттого, что каждый гилякъ имѣетъ супружескія права (и это не считается грѣхомъ) на женъ своихъ братьевъ всѣхъ степеней родства и на сестеръ своей жены. Этому права лишены только старшій братъ относительно женъ своихъ братьевъ. Правда, правами этими теперь пользуются немногіе изъ гиляковъ; народъ постепенно переходитъ къ одноженству, но еще весьма недавно это вездѣ было такъ. Члены рода помнятъ и знаютъ хорошо другъ друга, откуда бы они ни пришли, какъ бы далеко по острову ни раскидала ихъ судьба.

Гилякъ развѣ только по исключенію живетъ одинъ въ своей юртѣ. Обыкновенно онъ живетъ со своими братьями, иногда съ зятемъ, рѣже съ чужеродными. Зимнія юрты на Сахалинѣ бываютъ часто громадныя, вмѣщающія съ полсотни душъ часто однихъ сородичей. Экономическая выгода такихъ общихъ помѣщеній состоитъ въ томъ, что отопленіе, поглощающее у гиляковъ, вслѣдствіе несо-

вершенства печей, огромное количество дровъ, не такъ обременительно, а затѣмъ эти помѣщенія, по мнѣнію Ш., гарантируютъ безопасность женщинъ отъ похищенія. Жилища эти строятся нерѣдко усиліями нѣсколькихъ сородичей, и ими пользуются, какъ мы видѣли, одновременно всѣ члены рода. Лѣтнія жилища нѣсколько меньше, но имѣютъ тотъ же типъ. Издали они напоминаютъ наши крестьянскіе сѣверорусскіе овины—это деревянные бревенчатыя зданія, большею частью, крытыя корою съ большимъ отверстіемъ для выхода дыма въ крышѣ и маленькимъ для входа въ передней стѣнѣ. Они безъ оконъ и освѣщаются черезъ отверстіе въ крышѣ, служащее для выхода дыму. Вдоль стѣнъ расположены широкія нары, такой ширины, что на нихъ свободно въ растяжку можетъ лечь человѣкъ. Здѣсь и располагаются люди. На полу посреди избы на наполненномъ неплотъ пространствѣ тлѣетъ постоянный огонь очага — тоже «мало мало богъ», и надъ нимъ виситъ чугунный котелъ того типа, который отъ Японскаго и до Каспійскаго морей вы встрѣтите у всѣхъ кочевниковъ Азіи.

Весьма небогатый подборъ домашней утвари, сбруя для собакъ, кое-какія одежды, копыя, замѣняемая теперь все болѣе и болѣе огнестрѣльнымъ оружіемъ, составляютъ украшеніе стѣнъ. Посуда гиляковъ деревянная; блюда и чашки замѣняютъ выдолбленныя изъ дерева на манеръ маленькихъ корытцевъ куски. Достойны вниманія также дѣтскія люльки, въ которыхъ спеленутый ребенокъ ставится въ вертикальномъ положеніи и привѣшивается на двухъ веревкахъ къ потолку.

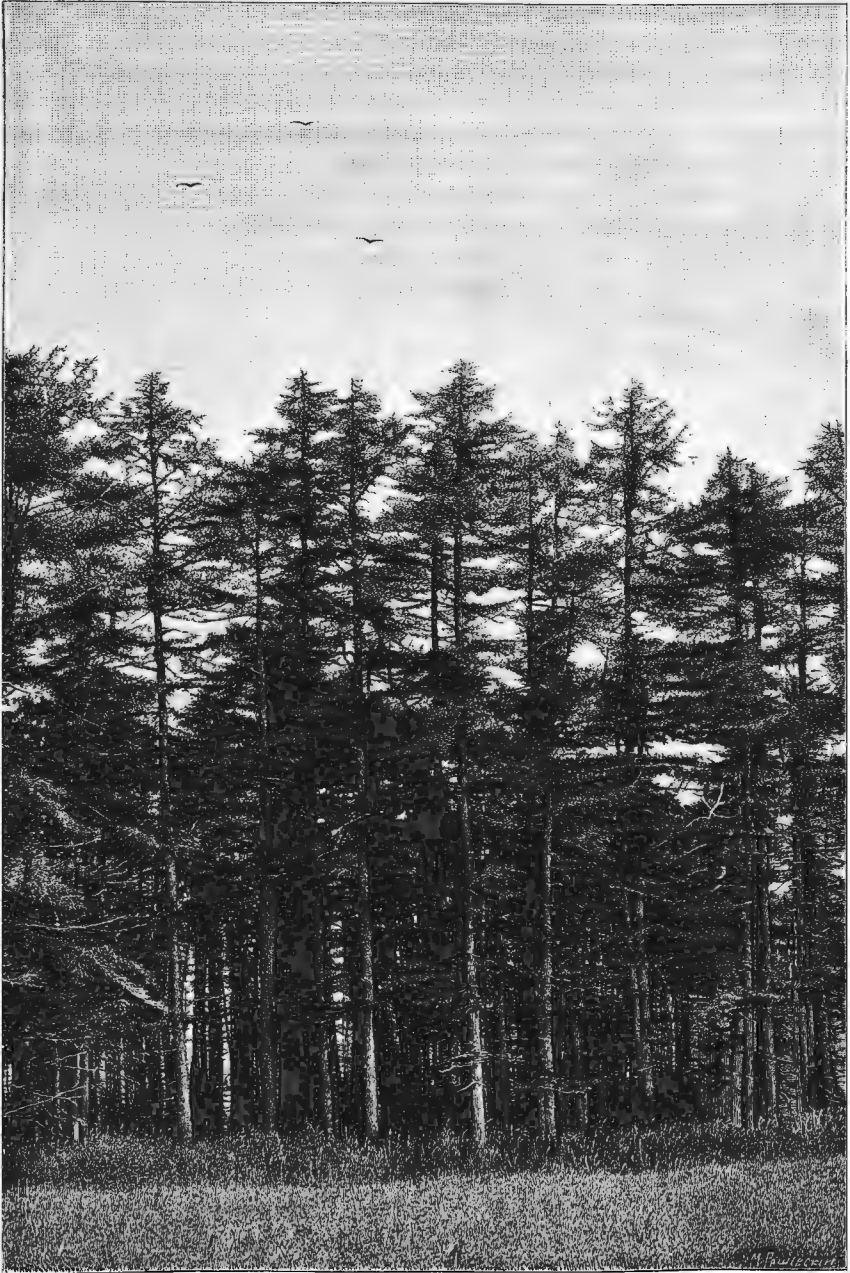
На женщинѣ, какъ у всѣхъ кочевыхъ народовъ, лежитъ обязанность держать въ порядкѣ весь домъ, готовить пищу на всю семью. Но положеніе женщины у гиляковъ несравненно лучше, чѣмъ у многихъ кочевниковъ Азіи. Она не заперта, какъ на такъ называемомъ Востокѣ; она ѣстъ за однимъ столомъ съ мужемъ и дѣтьми; она принимаетъ участіе въ разговорѣ, и я встрѣчалъ на Сахалинѣ около Тыка женщинъ, владѣвшихъ на столько русскимъ языкомъ, что съ ними можно было поддерживать разговоръ. Съ гиляцкой женщиной обращаются почтительно, какъ съ матерью и женой. За нее будутъ мстить. Когда она умретъ, ее сожгутъ съ такою же торжественностью, какъ и ея мужа; въ знакъ траура по ней распустятъ косу, нерѣдко пожизненно, а иной безутѣшный мужъ съ горя по женѣ наложитъ на себя руки. Замужемъ она не разрываетъ связей съ своей прежней семьей и родомъ. Часто она ѣздитъ туда въ гости съ мужемъ и дѣтьми, и въ черный годъ ея мужъ и дѣти и сама она найдутъ тамъ помощь и радушный пріемъ. Когда мужъ будетъ напрасно обижать ее, она найдетъ защиту въ семьѣ своего отца и защиту дѣйствительную: возвратятъ калымъ и отвезутъ ее обратно. Такова та культура, типъ старой жизни сахалинскихъ гиляковъ, въ какой приходилось мнѣ видѣть ихъ въ не-

многихъ посѣщенныхъ мною деревняхъ и которую уяснить мнѣ содѣйствовали увлекательные рассказы нашего влюбленнаго въ гиляковъ Ш. ¹⁾ и «Сѣдаго», какъ звали нашего гиляка; это названіе, впрочемъ, онъ самъ себѣ избралъ, такъ какъ оно ему нравилось, хотя эта кличка была ему не по шерсткѣ, ибо прекрасные черные, какъ смола, волосы его косы не содержали ни одного сѣдого, да и самому парню было много-много лѣтъ 20.

Между нимъ и управлявшею лодкою каторгою были хотя и дружественныя отношенія, но рознь во взглядахъ и племенная неприязнь проскальзывали между ними довольно часто. Если гиляку приходилось распорядиться, онъ отдавалъ свои приказанія тономъ, не допускающимъ противорѣчій, и рабочіе ему повиновались. Одинаково съ нимъ трудясь при перетаскиваніи вещей и разбивкѣ палатки, они добродушно перешучивались, но русскіе, оставляя всегда въ сторонѣ личность Сѣдаго, нерѣдко отпускали не особенно лестные комплименты гилякамъ вообще. Сѣдой спеціально присматривалъ за вещами Ш.; къ нимъ онъ не подпускалъ никого изъ рабочихъ, онъ зорко ихъ пересчитывалъ и никогда не былъ покоенъ, пока не удостовѣрялся, что все было цѣло и въ наличности. Но предосторожности были излишни. Наша пестрая команда, какъ вы, читатель, видѣли, съ весьма разнообразнымъ прошлымъ, съ весьма неодинаковою культурою и мировоззрѣніемъ, вела себя образцовымъ образомъ, служа прекрасной иллюстраціей того, какъ чутокъ человѣкъ, уже разъ провинившійся, вольно или противъ желанія лишенный человѣческимъ правосудіемъ въ глазахъ другихъ всякихъ правъ, въ которомъ не желаютъ признавать ничего человѣчнаго, ко всякому малѣйшему оказываемому ему довѣрію, какъ онъ признателенъ людямъ, которые съ нимъ, не слышавшимъ иного обращенія, какъ гадъ, гнусь и т. п., станутъ обращаться, какъ со всеми другими людьми. Эти каторжники мнѣ напомнили тѣхъ калѣкъ, которые, потерявъ какой нибудь органъ, напримѣръ, зрѣніе или слухъ, съ усиленной энергіей развиваютъ отпаденія другихъ, напримѣръ, лучше осязаютъ, искуснѣе работаютъ пальцами ногъ, потерявъ руки, и т. д.

Такъ и здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, когда я имѣлъ дѣло съ сахалинцами, они всегда старались показать, что и у нихъ есть своя честь, и что они во всѣхъ отношеніяхъ не хуже другихъ. И, я долженъ отдать справедливость, наши служащіе не только по усердію, съ которымъ они работали, но и по предупредительности въ услугахъ, по ласковости, не только не уступали, но, можно сказать, во многомъ превосходили все, чего можно было требовать или ожидать отъ людей свободнаго состоянія.

¹⁾ Его наблюденія, приведенныя въ систему, читатель найдетъ въ № 2 «Этнографическаго Обзорнія» за 1893 г. (статья о гилякахъ Льва Штернберга).

Лиственничный лѣсъ на Сахалинѣ.

А между тѣмъ путь по Поронаю былъ путь нелегкій.

Гребцамъ не приходилось ограничиваться только одною ролью гребцовъ. Далеко не повсюду рѣка была на столько глубока, чтобы можно было, гребя, предаваться разговорамъ, распѣвать пѣсни или рассказывать въ болѣе или менѣе юмористической формѣ различные приключенія изъ жизни харьковскихъ ракловъ, которыми насъ смѣшилъ нашъ неунывающій харьковецъ.

Мѣстами встрѣчались перекаты, по которымъ шумно бурлила вода. Лодка задѣвала за дно; приходилось, напрягая всѣ усилія, толкать ее по выложенному галечникомъ грунту. Тутъ было не до пѣсенъ, такъ какъ стоило только зазѣваться и, увлекаемая быстрымъ теченіемъ, лодка могла бы черпануть воды, и подмокли бы лежавшія въ ней вещи и коллекціи.

Но болѣе всего въ этомъ плаваніи насъ задерживали и заставляли затрачивать трудъ завалы. Ихъ намъ приходилось трижды встрѣчать на Поронаѣ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ болѣе, чѣмъ на полверсты, дѣлаютъ рѣку негодною для судоходства. Несмотря на широкое и мѣстами довольно глубокое русло, Пороная тутъ оказывается заваленнымъ массою древесныхъ труповъ. Громадныя деревья, сѣвши на мели, образуютъ тянущіеся почти на цѣлую версту завалы, черезъ которые немислимо проѣхать на лодкѣ.

Конечно, ихъ можно бы было расчистить или ручнымъ трудомъ или динамитомъ. Но кто же станетъ этимъ заниматься здѣсь, на этой мертвенной рѣкѣ, гдѣ за пятидневное быстрое плаваніе внизъ по теченію мы не видѣли ни одной человѣческой души. Кругомъ окруженный безлюдной безбрежной тундрой, окаймленная не менѣе глухими непроходимыми лѣсами, заваленный полугнилыми стволами, Пороная представляетъ изъ себя типъ дикой первобытной рѣки, какой не встрѣтишь въ Европѣ. Такими должны были быть напи рѣки доисторической Россіи или во времена Новгородскихъ ушкуйниковъ. И плаваніе по Поронаю поэтому совершенно уподобляется плаванію по этимъ рѣкамъ, описываемому древними.

Приходится высаживаться на берегъ, вынимать вещи и лодку за веревки вытаскивать на берегъ и, какъ по волокамъ древней Руси, тащить ее по землѣ, по узкой лѣсной тропинкѣ, по набросаннымъ на землѣ валикамъ. Дикій лѣсъ оглашается криками людей. Въ тучахъ комаровъ, напрягая послѣднія усилія, тащатъ они лодку черезъ дикія дебри, и послѣ полторачасоваго труда на сушѣ лодка опять скользитъ по быстрымъ волнамъ Пороная.

Послѣ долгаго дневного труда мы наконецъ часа за полтора до заката становились лагеремъ, вытаскивали лодку на песчаную отмель берега, чтобы переночевать.

Эти ночевки на берегу были бы не лишены поэзіи, если бы не отравлялись погодой и комарами. Гдѣ нибудь на песчаномъ мысѣ, гдѣ много выкинутого рѣкою валежника, мы раскладывали огонь.

Это надо было дѣлать съ самаго начала, такъ какъ еще прежде чѣмъ успѣвали собрать сухіе сучья, какъ точно по телефону давалась вѣсть въ комариное царство тайги, и міриады этихъ кровопийцъ устремлялись къ лагерю. У насъ, въ Россіи, также трудно составить представленіе о богатствѣ тайги комарами, какъ о богатствѣ сахалинскихъ рѣкъ рыбою. Комары образуютъ здѣсь густыя тучи, не позволяющія открыть рта, облѣпляющіе всѣ открытыя части тѣла. Какъ велико ихъ количество, хорошою иллюстраціею можетъ служить рассказанный мнѣ случай самосуда у поселенцевъ. Одинъ изъ обитателей селенія В. отличался большою наклоностью къ воровству и, хотя его уже нѣсколько разъ сильно колотили, это нисколько не помогало. Тогда поселенцы, поймавъ его на опушкѣ лѣса, раздѣли донуга и привязали къ дереву. Менѣе чѣмъ черезъ пять минутъ воръ лежалъ въ безчувственномъ состояніи, истекая кровью, весь черный отъ одолѣвавшихъ его комаровъ, и наказаніе должно было прекратиться, такъ какъ угрожало жизни преступника. Понятно, что при такихъ условіяхъ приходилось на ночлегахъ сидѣть съ лицами, закутанными въ комариною сѣтку, и скрываться въ раздѣдавшемъ глаза дымѣ костра. Палатки приходилось развѣртывать, не поднимаясь съ земли, вползая въ нихъ на животѣ и наполняя ихъ одуряющимъ дымомъ. Все это, конечно, не содѣйствовало пріятности путешествія и ночлега. Некогда было наслаждаться прелестями вечеровъ. Спѣшили поужинать ухю изъ наловленной рыбы, напиться чаю и лечь спать, чтобы подъ утро, когда комаръ не такъ свирѣпъ, двинуться въ дальнѣйшее плаваніе.

А между тѣмъ, рабочіе, проводящіе дороги въ этомъ комариномъ царствѣ, работаютъ безъ сѣтокъ, спятъ безъ пологовъ!

Наши гребцы, усталые послѣ длиннаго переѣзда, получали на ужинъ по чаркѣ спирту. Сахалинецъ мало и рѣдко пьетъ водку. Это для него слишкомъ слабый напитокъ. Чистый спиртъ не жжетъ его закаленной глотки, и чарка спирту для него равнозначаща чаркѣ водки. Спиртъ пьютъ не одни каторжные, но и многіе чиновники, и мнѣ самому приходилось встрѣчаться съ субъектами, разсуждавшими такъ: выпьешь утромъ, чтобы опохмѣлиться чайный стаканчикъ (спирту), ну, тамъ повторишь — смотришь, много ли осталось—къ обѣду бутылочку и прикончишь. Какъ ни трудно достать на Сахалинѣ спиртъ и водку, онъ туда попадаетъ, и каторга привываетъ употреблять спиртъ въ чистомъ видѣ.

Я уже говорилъ, какъ богаты рыбою сахалинскія рѣки. Нѣсколькихъ минутъ первобытнаго способа ловли было довольно, чтобы имѣть ее въ болѣе чѣмъ достаточномъ количествѣ. Варилась уха, и развеселѣвшіе отъ чарки спирту рабочіе, не смотря на усталость и атаковавшихъ ихъ комаровъ, накормивъ насъ и уложивъ въ палаткѣ, долго еще вели между собою разговоры. Мы же,

утомленные гораздо меньше ихъ, засыпали въ палаткѣ, нерѣдко подь шумъ барабанившаго по ней дождя. Мы крѣпко спали эти ночи, и никогда никому изъ насъ и въ голову не приходила возможность, что эти люди, насъ сторожащіе, могутъ насъ покинуть, воспользовавшись лодкою и припасами, что нашей жизни можетъ угрожать какая либо опасность отъ бродягъ или медвѣдей. Да такія опасенія и не были бы основательны. Сахалинскій мишка самъ никогда человѣка не трогаетъ; бродяги же, если бы и видѣли свѣтъ костра нашего, постарались бы уйти отъ него подальше. Потому, не смотря на то, что конецъ іюня—здѣсь сезонъ бродяжничества, мы мало о нихъ думали.

На Сахалинѣ есть два типа бродягъ—оба типа людей, находящихся въ бѣгахъ—настоящіе и временные, люди, какъ говорятъ здѣсь, рѣшившіе навсегда или только временно «перемѣнить свою участь». Складъ тюремной жизни, общеніе съ морально испорченными товарищами, постоянный надзоръ иногда звѣрски жестокаго, нерѣдко не менѣе безнравственнаго надзирателя, работа непривычная и тяжелая, годами длающаяся, дѣлаютъ для человѣка, у котораго осталась хоть искра человѣческаго, который былъ крестьяниномъ, работавшимъ среди природы, или свободнымъ горцемъ, или степнякомъ, стремленіе къ свободѣ, къ дому, чтобы побыть съ глазу на глазъ съ природой, нестерпимымъ.

Сахалинцы знаютъ прекрасно, что если они уйдутъ на нѣсколько дней изъ тюрьмы и затѣмъ если въ нее вернуться, ихъ ничего, кромѣ наказанія, не ждетъ. Это не продлить ихъ срока пребыванія на островѣ, не лишитъ надежды на призракъ свободы, хотя бы и въ очень отдаленномъ будущемъ.

Его только выпорютъ и, смотря по вкусу смотрителя тюрьмы, эта порка будетъ произведена или розгами, или плетьюми, т. е. длиннымъ кнутомъ, заканчивающимся тремя нагайками. 50 ударовъ такого рода плетью могутъ довести до безчувственнаго состоянія хоть кого. Вотъ цѣною этого-то наказанія каторжникъ и покупаетъ себѣ дневную свободу, чтобы, бросивъ тюрьму и тюремныя работы, побыть нѣкоторое время съ глазу на глазъ съ природою. Іюль особенно удобный для этого мѣсяць. Теперь поспѣваютъ ягоды въ до тѣхъ поръ холодной и непривѣтливой тайгѣ. Три различныхъ сорта черники можно найти въ еловыхъ и пихтовыхъ лѣсахъ Сахалина. Лѣсныя пожарища, теперь одѣвающія громадныя пространства на островѣ, стоятъ заростающія розовыми цвѣтами кипрея, или копорскаго чаю, изобилуютъ вкусною, лѣсною малиною. На тундрахъ и болотахъ появляются морошка, мамура и хотя еще сырая, но уже съѣдобная клюква.

Наконецъ, мы уже говорили, какъ просто совершается на Сахалинѣ процессъ рыбной ловли. Эта послѣдняя вмѣстѣ съ поспѣвающими грибами не даетъ умереть съ голоду бродягѣ.

Орочоны съ Сахалина, изъ деревни Тарайка, въ устьяхъ Пороная.

Поэтому-то процентъ людей, перемѣняющихъ свою участь, теперь особенно великъ. Но всѣ люди эти ушли отъ нестерпимой атмосферы тюрьмы, отъ тюремнаго начальства, отъ товарищей. Ихъ душѣ нужно отдохнуть среди природы, побыть съ ней съ глазу на глазъ. Природа эта такъ непреодолимо тянетъ ихъ, что они ежегодно, не смотря на наказаніе, совершаютъ эти побѣги. Молчаливая и величественно суровая Сахалинская тайга, одѣвающая горы острова, эта густая, темная зелень елей и пихтъ съ непроницаемыми дверями валежника между ними, съ частыми бамбуками на склонахъ, дающими возможность скрыться и быть невидимымъ ни для кого, дебри кедроваго кустарника, своєю пушистою хвоею теряющіяся въ туманахъ, одѣвающихъ горы, откуда проглядываютъ то тамъ, то тутъ, далеко подъ ногами, участки острова и омывающихъ водъ, дѣйствуютъ на душу, какъ цѣлительный бальзамъ.

Не хуже и пустынные берега здѣшнихъ морей, гдѣ съ одной стороны вы видите съ шумомъ и громомъ налетающіе одинъ за другимъ исполинскіе валы съ тѣмъ, чтобы вдребезги разбиться о прибрежный оплотъ—картина величественной, дикой стихіи, ревомъ своимъ заглушающей человѣческій голосъ... Съ другой стороны полоса тайги—лиственной или еловой, дикой, дремучей, мертвенной, молчаливой. Широкая, какъ аллея, песчаная полоса прибоя, особенно на сѣверномъ Сахалинѣ, населена массою чаекъ. Гдѣ выдаются въ морѣ скалы, онѣ усѣяны ихъ гнѣздами — это настоящіе птичьи города, не менѣе оживленные, чѣмъ сами волны моря, гдѣ въ болѣе ясные дни постоянно выглядываютъ, какъ людскія бритыя и длинноусыя, головы нерпъ.

Всѣ эти величественныя картины природы, то ставящей васъ высоко въ облакахъ надъ этимъ островомъ проклятыя, который тамъ внизу, закутанный въ туманы, стелется у ногъ, то передъ суровымъ, но могучимъ моремъ, успокаиваютъ растравленное душевными ранами сердце ссыльнаго. Эта природа не та мягкая природа его родины, своимъ мягкимъ небомъ, ласкающими картинами зрѣющихъ полей, съ поющими жаворонками, съ шепчущимися дубравами и колокольнями сельскихъ церквей, способныхъ еще болѣе растравить эти язвы, вызвать горькія слезы о безвозвратно потерянномъ кровѣ. Нѣтъ, эта суровая природа не будетъ васъ ласкать. Но для загрубѣлаго въ озвѣрѣвшемъ обществѣ каторжниковъ она даетъ нѣчто другое. Она, заключая въ себѣ нѣчто титаническое, какъ бы учить его своимъ величіемъ и могуществомъ презирать мелкія невзгоды этой жизни, какъ бы тяжела она ни казалась. И онъ возвращается назадъ съ новымъ запасомъ силъ, готовый перенести не только ждущее его ужасное наказаніе, но и всѣ тягости тюремной жизни.

Само собою разумѣется, что такого рода бродяга,—а ихъ громад-

ное большинство,—не пойдет на встрѣчу костру, къ людямъ, безъ крайней надобности. Онъ ихъ избѣгаетъ—онъ за версту обойдетъ свѣтъ костра и толпящіеся около него силуэты людей.

Другой типъ, настоящіе бѣглецы, гораздо опаснѣе, но число ихъ не велико. Кромѣ того, и изъ нихъ большинство избѣгаетъ человѣка, боясь быть открытыми. Только развѣ изнуренный безплодными скитаніями по острову, умирая отъ голоду, такой бродяга придетъ съ отчаяніемъ къ вашему костру. Весьма и весьма не мало такихъ маниаковъ, которые, вырвавшись изъ тюрьмы, наполняютъ окрестности грабежомъ и звѣрскими убійствами. Тогда слухъ о ихъ побѣгѣ облетаетъ весь островъ. Они не найдутъ пощады не только отъ гиляковъ, но и отъ поселенцевъ. За ними высылаютъ солдатъ и надзирателей, и рано или поздно такіе бѣглецы попадаютъ. Шансъ пострадать отъ нихъ не больше, чѣмъ быть ими ограбленнымъ, живя на своей квартирѣ въ Петербургѣ; вотъ почему всѣ сахалинцы, а въ томъ числѣ и мы, закинутые въ дебри Поронайскихъ трупобъ, думали о своей безопасности гораздо меньше, чѣмъ лежащійся въ своей спальнѣ въ постель мирный петербургскій обыватель.

На слѣдующій день меня будилъ протяжный крикъ Ш.: «чай чуріо», что значитъ погиляцки: «приготовь чай», и Сѣдой, игравшій роль нашего метръ-д'отеля, старался вползти въ нашу палатку такъ, чтобы не пропустить комаровъ, вносилъ готовый чайникъ съ чаемъ, галеты, уху изъ горбушки и другіе атрибуты нашего утренняго обѣда.

Затѣмъ вещи укладывались въ лодку, и плаваніе продолжалось прежнимъ путемъ.

Первые дни ландшафты береговъ рѣки мало отличались отъ нами описанныхъ. Но чѣмъ ниже мы спускались, тѣмъ чаще вдругъ, послѣ веселой и оживленной панорамы окружающаго берега чернолѣсья и пышныхъ, усѣянныхъ ирисами и лиліями луговъ, открывались пространства мертвенной тундры.

Обыкновенно тундры здѣсь подостланы мощнымъ торфяникомъ. Слои торфа достигаютъ до 7 сажень мощности, представляя неисчерпаемые запасы топлива на будущее время. Въ ихъ основаніи, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ острова, я нерѣдко находилъ массы въ стоячемъ положеніи погребенныхъ листовничныхъ пней.

Эти остатки свидѣтельствуютъ ясно, что тундра смѣнила здѣсь когда-то росшіе лѣса. Явленіе это на первый взглядъ дѣлаетъ необходимымъ выводъ, что климатъ Сахалина измѣняется къ худшему, и что ему неминуемо грозитъ перспектива превратиться въ мертвенную полярную пустыню.

Выводъ такой, однако, будетъ неправиленъ. Дѣло въ томъ, что климатическія условія острова совершенно исключительныя, исключительныя на немъ и условія развитія растительности.

Позволю себѣ напомнить читателю, что островъ нашъ начинается подъ широтою Тульской губерніи и кончается подъ широтами сѣверной части Крыма. Онъ лежитъ въ той полосѣ, гдѣ въ Европѣ расположены ея плодороднѣйшія провинціи. Между тѣмъ, я наблюдалъ на Сахалинѣ тундры съ почвенною мерзлотою и сѣверными оленями подъ широтами Ліона, Триеста и Перекопскаго перешейка. Очевидно, что совершенно особыя условія должны были вызвать появленіе полярныхъ видовъ подъ столь жаркими лучами солнца. Метеорологическія данныя сахалинскихъ обсерваторій рисуютъ намъ весьма грустную картину климата. Сѣверный Сахалинъ, лежащій подъ широтою Тульской губерніи, имѣетъ зиму Новой Земли и лѣто Соловецкихъ острововъ. Средній, соотвѣтствующій широтѣ Харькова, по температурнымъ условіямъ можетъ конкурировать съ Архангельскомъ, а лишь южный приближается къ Петербургу и Москвѣ.

Но при этомъ небо острова постоянно закутано облаками, а по количеству дождей онъ принадлежитъ чуть ли не къ самымъ дождливымъ мѣстамъ Россіи.

Столь ненормальныя условія климата вызываются холодными теченіями, окружающими островъ. Теченія эти, беря начало въ сѣверныхъ частяхъ Охотскаго моря, окружаютъ островъ, изолируютъ его отъ теплыхъ водъ Японскаго моря и лѣтомъ приносятъ массу тающихъ льдовъ съ сѣвера.

Откуда бы ни подулъ на Сахалинъ вѣтеръ, всегда несетъ онъ съ собою стужу и ненастье. Въ іюлѣ на берегахъ Охотскаго моря термометръ во время нашихъ путешествій падалъ до 8° Реомюра. Столь же низко онъ падаетъ и на западныхъ берегахъ въ Японскомъ морѣ. На самой южной оконечности острова, на мысѣ Крильонѣ, гдѣ возвышается освѣщающій Лаперузовъ проливъ маякъ, холодное теченіе, вызванное отокомъ глубинныхъ водъ, вслѣдъ за теплымъ теченіемъ Куро-Сиво, идущимъ у береговъ Японіи, такъ понижаетъ температуру водъ у полуострова, что въ то время, какъ средняя лѣтняя температура моря въ мѣстахъ этихъ 16—18°, у мыса она падаетъ до 5° Цельсія.

Потому, вѣроятно, мы и замѣчаемъ, что повсюду, гдѣ на равнинѣ, способствующей застою водъ, густо разрастается тайга, она сѣбно своею, препятствуя пропусканію до почвы и пригрѣванію ея солнечными лучами, дѣлаетъ то, что почва оттаиваетъ тѣмъ позже, чѣмъ гуще и выше разрастется покрывающая ее тайга. Позднее оттаиваніе глубже лежащихъ слоевъ вызываетъ въ чрезмѣрно сыромъ сахалинскомъ климатѣ заболочиваніе почвы, которое вредно отзывается на ростѣ елей и пихтъ. Его переносятъ на Сахалинѣ одна только даурская лиственница (весьма похожая на нашу сибирскую). Поэтому обыкновенно, мало-по-малу, по мѣрѣ заболочиванія заросшихъ лѣсомъ равнинъ, всѣ породы ихъ замѣняются

высокоствольнымъ лѣсомъ необыкновенно красивыхъ лиственничныхъ деревь, стоящихъ на мшистой болотистой почвѣ, изобилующей мамурой (княженикой) и малиновой особой породы морошкой.

Къ сожалѣнію, вызванный тайгою процессъ заболочиванія обыкновенно не останавливается. Слой торфяного мха, образующійся въ тѣни лиственничнаго лѣса, обыкновенно продолжаетъ утолщаться. Задерживая влагу и будучи весьма плохимъ проводникомъ тепла, онъ не только не содѣйствуетъ скорѣйшему оттаиванію почвы, но, наоборотъ, образованію подпочвенной мерзлоты. Эта послѣдняя, прекращая функцію корней, или чаще слишкомъ надолго ее приостанавливая, отражается вредно на развитіи лиственницъ. Деревья получаютъ уродливыя очертанія и гибнутъ. Молодая поросль развивается уродливо, деревья вырождаются въ причудливыхъ очертаніяхъ карликовъ, гибнутъ въ непосильной борьбѣ, и въ концѣ концовъ унылая однообразная тундра раскидывается на необозримыя пространства.

Чѣмъ ближе мы приближались къ устью Пороная, тѣмъ пустыннѣе становились его окрестности. Становились замѣтны приливы и отливы моря. Чернолѣсье береговъ смѣнилось чахлымъ ельникомъ или растущими на болотахъ лиственницами. Господствующимъ элементомъ ландшафта стала безжизненная, мертвенная тундра. Казалось, здѣсь менѣе, чѣмъ гдѣ либо, возможна человѣческая жизнь. А между тѣмъ, именно тутъ, почти у самаго устья, гдѣ уже слышенъ былъ прибой Охотскаго моря, пріютилось селеніе Тарайка, типъ прибрежныхъ сахалинскихъ поселковъ.

Покривившіяся деревянныя избы не имѣли ни садиковъ передъ окнами, ни полей въ окрестностяхъ. Жалкіе картофельные огороды виднѣлись на задворкахъ. Видно было, что не земледѣліе составляло главную пищу жителей. Въ устьѣ виднѣлось около десятка мачтъ японскихъ судовъ. Они пришли сюда для обмѣна на русскіе продукты своихъ товаровъ. Все охотское побережье, можно сказать, до сихъ поръ еще находится въ рукахъ японскихъ промышленниковъ. Они ловятъ здѣсь рыбу и собираютъ морскую капусту. У нихъ на довольно близкихъ разстояніяхъ выстроены вдоль береговъ лѣтнія помѣщенія, и японскую фізіономію на этомъ берегу вы увидите чаще, чѣмъ русскую. Это уже совершенно другой міръ, на этомъ берегу не пахнетъ уже каторгой, а вѣетъ болѣе симпатичнымъ духомъ старой японской культуры и не менѣе древними чертами культуры айновъ.

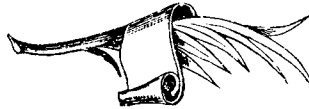
Объ айносахъ намъ придется поговорить ниже. Но, говоря о Тарайкѣ собственно, я не могу не упомянуть о другомъ народцѣ, полуосѣдломъ, подобно гилякамъ, переселившемся съ материка на островъ — это объ ороконахъ. Далекіе до того, чтобы ихъ можно назвать красивыми, носящіе въ своемъ типѣ слѣды японскихъ и русскихъ вліяній, орочи или ороконы острова Сахалина образуютъ небольшое

племя, группирующееся преимущественно въ восточной части острова, и въ противоположность гилякамъ и айносамъ, живущимъ исключительно рыболовствомъ, занимаются ловлею пушныхъ звѣрей, такъ какъ тайга острова Сахалина изобилуетъ бѣлками, зайцами, а главное соболями, которые хотя особенно въ южной половинѣ острова и худшаго качества, чѣмъ на материкѣ, но все же высоко цѣнятся и находятъ себѣ прекрасный сбытъ въ Китай.

Орочоны уже на половину обрусѣли. Они потеряли національный костюмъ и носятъ всякую рвань, дорогою цѣною приобретаемую отъ поселенцевъ. Многие изъ нихъ знаютъ порусски, и я видѣлъ въ Тарайкѣ поселенца, женившагося на орочонкѣ и прекрасно съ нею живущаго. Если бы не плоское, широкоскулое, смуглое лицо этой женщины, ни по костюму, ни по манерамъ ее нельзя бы было отличить отъ обыкновенной русской бабы. Тарайкою закончилось наше плаваніе по Поронаю, и, отдохнувъ на телеграфной станціи, мы отсюда должны были начать длинное странствованіе по Охотскому побережью.

А. Красновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ И. С. ТУРГЕНЕВА.

(Посвящается Владиміру Михайловичу Козлову).

ЕСЛИ ДЛЯ ЛЮДЕЙ дороги свѣтлые идеалы вообще, то тѣмъ болѣе должны возбуждать ихъ горячую симпатію тѣ личности, которыя въ большей или меньшей степени воплощаютъ въ себѣ эти идеалы. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, помимо заслугъ гениальнаго писателя, отличался стремленіемъ къ свѣту, правдѣ и добру, а также мягкостью и любовью къ людямъ, то-есть всѣми чертами, украшающими жизнь человѣка.

Эти соображенія и побудили меня собрать всѣ рассказы, такъ или иначе касавшіеся жизни знаменитаго писателя, которые еще уцѣлѣли на его родинѣ.

Предлагаемые очерки составлены на основаніи рассказовъ священниковъ: о. В. Рѣзанова, о. Ал. Казанскаго; Михаила Александровича Щепкина, Петра Михайловича Перегримова, семейства Аванасія (Ермолая), бывшаго чернскаго помѣщика Л. В. Кривцова и другихъ. Кромѣ того, я пользовался архивомъ и записками священника при церкви села Спасскаго.

I.

Село Спасское-Лутовиново находится въ Мценскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, а земля его проходитъ и въ сосѣдній Чернскій уѣздъ, Тульской губерніи. Отъ Мценска до Спасскаго на лошадахъ

10 верстѣ, а отъ полустанка (Московско-Курской жел. дор.) «Бастыево» около 5 верстѣ.

Спасское принадлежало дядѣ матери Тургенева, Ивану Ивановичу Лутовинову, и названіе свое получило отъ находящейся въ немъ церкви Спасо-Преображенія. Въ прошломъ столѣтіи въ селѣ была ветхая деревянная церковь, при которой съ 1780 года состояли священникъ и два причетника. Не смотря на то, что въ Спасскомъ приходѣ было 12 богатыхъ помѣщиковъ, однако никто изъ нихъ не позаботился о храмѣ. Только Ив. Ив. Лутовиновъ обратилъ на него вниманіе. Видя, что церковь уже разваливается, онъ въ 1808 году построилъ на свои средства каменную, очень просторную и красивую церковь. 26-го іюня 1809 года, храмъ этотъ былъ освященъ священно-архимандритомъ Мценскаго Петропавловскаго мужскаго монастыря, ректоромъ сѣвской семинаріи Діонисіемъ. Въ храмѣ два придѣла: одинъ во имя святителя и чудотворца Николая, а другой во имя великомученика Никиты; поэтому въ Спасскомъ два храмовыхъ праздника — 6-го августа и 15-го сентября, «Никитинъ день». Вниманіе Лутовинова къ храму не ограничилось только его постройкой: онъ позаботился также и о его благолѣпіи, пожертвовалъ въ церковь около пяти фунтовъ серебряныхъ вещей: дискосъ, потиръ, звѣздицу и т. п. на сумму, по тогдашней стоимости, около 600 рублей, купилъ всѣ одежды для церкви и для священнослужителей. По его же ходатайству, въ 1808 году, при храмѣ было учреждено мѣсто діакона. На средства, отпускаемыя Ив. Ив., при церкви содержался хоръ изъ 36 человекъ, пѣвшій по рукописнымъ нотамъ, которыя и по настоящее время хранятся въ церковномъ архивѣ.

На мѣстѣ прежней церкви Ив. Ив. выстроилъ мавзолей, который въ настоящее время представляетъ почти руину: облицовка обваливается, потолокъ нависъ и грозитъ разрушеніемъ. На полу мавзолея находится чугунная плита съ надписью, гласящей, что мавзолей выстроенъ на могилѣ ребенка, матери котораго Ив. Ив. былъ другомъ. (Ив. Ив. умеръ холостымъ). На внутреннихъ сторонахъ каменныхъ плитъ высѣчены буквы, составлявшія какую-то надпись, но какую именно, теперь нельзя разобрать, такъ какъ еще не всѣ плиты свалились. Въ мавзолеѣ былъ похороненъ и его строитель (умеръ 8 октября 1813 г., родился въ 1743 г.).

Но какъ мы ошибемся, если составимъ характеристику Ив. Ив. Лутовинова на основаніи отношенія его къ храму. Иногда совершенно противорѣчащія одна другой черты уживаются въ человекѣ. Ив. Ив., столь щедрый къ храму, отличался своею феноменальною скупостью и жестокимъ обращеніемъ съ крѣпостными людьми. Недобрая память сохранилась о немъ среди спасскихъ крестьянъ, которые увѣряютъ, что видятъ его ходящимъ по плотинѣ, на опушкѣ сада: онъ часто нагибается къ землѣ, словно чего-то ищетъ. Въ мавзо-

леѣ совершались поминовенія усопшихъ прихожанъ, но въ 1866 году входъ въ него былъ запрещенъ, такъ какъ зданіе начало приходить въ ветхость и стало грозить опасностью. Кладбище при старой церкви закрыто въ 1870 году и перенесено на другое мѣсто, черезъ дорогу отъ новой церкви.

Въ 1825 году, распоряженіемъ епархіальнаго начальства, церковь св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова въ селѣ Чапкинѣ Мценскаго уѣзда была упразднена; ея служители переведены въ церковь села Спасскаго, при которой такимъ образомъ стало два священника, одинъ діаконъ и четыре причетника. Такой составъ причта существовалъ до 1870 года. Въ этомъ году случилось, что одинъ изъ священниковъ перемѣщенъ былъ въ другое село. Прихожане воспользовались этимъ и подали просьбу архіерею о томъ, чтобы у нихъ былъ оставленъ только одинъ священникъ, мотивируя свое желаніе трудностью содержать двойной штатъ. Такъ какъ въ этомъ году былъ неурожай, то просьба была удовлетворена.

Интересенъ выводъ священника, записками котораго, между прочимъ, я воспользовался. Сознавая важность для народа уничтоженія крѣпостного права, онъ относительно этого замѣчаетъ слѣдующее: «Кромѣ того, въ приходѣ до 1861 года существовалъ обычай при появленіи экотскихъ падежей выгонять такъ называемую «коровью смерть». Для этого собирались въ нѣкоторыхъ деревняхъ отборные люди, вдовы и дѣвки, соглашались между собою и, по соглашеніи, опахивали деревню, творя различные обряды, противные религіи и церкви, но съ 1861 года, сдѣлавшись свободными отъ своихъ помѣщиковъ и начавши нѣсколько просвѣщаться, обычай мало-по-малу оставили и замѣнили религіозными».

Церковь села Спасскаго въ настоящее время производитъ отрадное впечатлѣніе своею архитектурою, помѣстительностью, чистотою, прекраснымъ иконостасомъ и хорошей живописью иконъ.

II.

Къ Ив. Ив. Лутовинову и прибѣжала племянница его, будущая мать Тургенева, Варвара Петровна, спасаясь отъ посяганій своего отчима на ея честь. Ив. Ив. принялъ племянницу, но, суровый и скупой, плохо относился къ ней: всегда занятый псовой охотой, конскимъ заводомъ и сельскимъ хозяйствомъ, Ив. Ив. не доставлялъ почти никакого развлеченія молодой дѣвушкѣ. Когда онъ умеръ, племянница осталась единственной наслѣдницею очень большого количества земли и громаднаго капитала. По рассказамъ всѣхъ современниковъ, Варвара Петровна обладала очень некрасивою, даже отталкивающею наружностью: она была маленькаго роста, съ лицомъ, частію прыщеватымъ, частію изрытымъ глубокими порами; при

этомъ она говорила въ носъ, гугнявила. Этимъ и объясняется то обстоятельство, почему она, сильно желавшая выйти замужъ, долго не находила жениховъ, не смотря на свое богатство.

Случилось какъ-то сыну сосѣдняго бѣднаго помѣщика, молодому, блестящему и замѣчательно красивому офицеру, пріѣхать въ Спасское для покупки лошадей.

Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ (такъ звали офицера) произвелъ на Варв. Петр. такое сильное впечатлѣніе, что она сразу же влюбилась въ него. Когда переговоры о покупкѣ кончились, Варвара Петровна стала просить Сергѣя Никол. пріѣхать къ ней не за дѣломъ, а такъ, просто въ гости. Сергѣй Никол. обѣщаль, но Варв. Петр., не надѣясь на исполненіе, взяла у него португезю, чтобы обѣщаніе было вѣрнѣе. О впечатлѣніи, произведенномъ Сергѣемъ Никол. на Варв. Петр., узналъ его отецъ и началъ упрашивать сына: «женись, ради Бога, женись на Лутовиновой, а то мы скоро пойдемъ съ сумой». Сынъ и слышать не хотѣлъ; но когда отецъ сталъ передъ нимъ на колѣни, онъ не выдержалъ и измѣнилъ свое рѣшеніе. Его предложеніе Варварѣ Петровнѣ было съ восторгомъ принято ею.

Такимъ образомъ, въ лицѣ Сергѣя Николаевича и Варвары Петровны соединились двѣ фамиліи: Тургеневыхъ и Лутовиновыхъ. Тогда какъ послѣдняя выдѣлялась громаднымъ богатствомъ, первая, представляя собою обѣднѣвшую семью, имѣла лишь богатое прошлое.

Однако, блестящія внѣшнія условія, богатство и знатность, несколько не повліяли на внутреннюю нравственную связь между супругами: Сергѣй Николаевичъ не любилъ своей жены и несколько этого не скрывалъ, а Варвара Петровна не нашла въ мужѣ того, чего такъ пылко и страстно желаютъ женщины даровитыя— полной, беззавѣтной любви, смѣшанной съ нѣкоторою долею поклоненія имъ. Напротивъ, Варвара Петровна на каждомъ шагѣ замѣчала, что принадлежащія ей по праву вниманіе и ласки рсточались на сторону, а на ея долю оставались однѣ крохи, да и ихъ приходилось ей почти вымалывать. Бѣдная женщина не могла не сознавать своей внѣшней непривлекательности и въ то же время не чувствовать того холода, которымъ вѣяло всегда отъ мужа, когда вся ея душа такъ и рвалась къ тому, кого она сдѣлала кумиромъ своей жизни, и она страдала глубоко, испытывая часто сильныя потрясенія.

Наконецъ, эта совмѣстная жизнь, совершенно случайно сложившаяся и ничѣмъ внутренне не скрѣпленная, прекратилась: въ 1834 году Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ умеръ.

III.

По смерти мужа Варвара Петровна осталась полновластной госпожею и, исковерканная въ дѣтствѣ и при переходѣ въ юношескій возрастъ отчимомъ Сомовымъ, а потомъ скрягою дядей, обманутая въ своихъ ожиданіяхъ отъ замужней жизни, явилась, если можно такъ выразиться, идеальнымъ деспотомъ.

Не хочется какъ-то допустить, чтобы въ рукахъ этой потрясенной и душевнобольной женщины находилась судьба тысячъ людей. На самомъ же дѣлѣ это было такъ: по капризу и порыву этой женщины безгласные ея подданные то подвергались жестокому наказанію, то миловались; сегодня, напримѣръ, нѣсколько человѣкъ, оторванные отъ своихъ семействъ, женъ и дѣтей, переселялись въ отдаленныя деревни или шли въ солдаты, а завтра другіе награждались, что, однако, не гарантировало ихъ, при слѣдующей вспышкѣ барыни, быть лишенными всѣхъ ея милостей и подвергнуться опалѣ... Варвара Петровна является выразительницею того мрачнаго времени, которое разстилается чернымъ, а часто кровавымъ фономъ въ нашей исторіи. Госпожи Житова, Аргамакова и Колонтаева въ своихъ воспоминаніяхъ дали много матеріаловъ, характеризующихъ Варвару Петровну, но личность ея еще не достаточно освѣщена, а между тѣмъ полная обрисовка ея чрезвычайно важна, такъ какъ она сильно повліяла на развитіе своего талантливаго сына Ивана Сергѣевича.

Главнымъ министромъ ея былъ бурмистръ Іосифъ Григорьевъ Горбылевъ, къ несчастію, умершій въ 1892 году и многое-многое унесшій съ собою въ могилу. Его жена живетъ въ монастырѣ, но она уже почти развалина.

Разъ какъ-то за крестьянами Варвары Петровны накопилось нѣсколько тысячъ рублей недоимокъ. Горбылевъ сталъ ходатайствовать передъ барыней о сложеніи ихъ. Та согласилась, но корыстолюбивый бурмистръ сталъ выбивать эти недоимки въ свою пользу.

Случилось Варварѣ Петровнѣ заѣхать въ эту деревню. Крестьяне бросились ей въ ноги и стали молить о прощеніи недоимокъ. Варвара Петровна, поняла въ чемъ дѣло, и сейчасъ же разжаловала Горбылева; но Іосифъ Григорьевъ переждалъ грозу и въ день именинъ Варвары Петровны ухитрился какъ-то пробраться въ залу съ годовалымъ поросенкомъ на плечахъ. Поставивъ ношу на полъ и придерживая ее рукою, Іосифъ Григорьевъ обратился къ Варварѣ Петровнѣ съ рѣчью: «Поздравляю васъ, матушка-барыня, съ днемъ вашего ангела—вотъ вамъ презентъ въ день именинъ». Выходка эта такъ понравилась Варварѣ Петровнѣ, что она снова приблизилась къ себѣ Горбылева.

Варвара Петровна жила временами очень открыто и часто давала такіе пиры, на которыхъ, въ числѣ многочисленныхъ блюдъ, подавался соусъ изъ куриныхъ гребешковъ: для этого блюда собирались куры по всѣмъ вотчинамъ Варвары Петровны. Часто также она устраивала спектакли, на которые между прочимъ приглашались и духовныя лица; послѣднія въ концѣ спектакля получали подарки. При приѣмѣ гостей у Варвары Петровны былъ свой особенный церемоніаль: приѣзжіи считались гостемъ только два дня, а на третій жилъ въ отведенномъ ему помѣщеніи, какъ бы въ своемъ домѣ.

Вотъ еще нѣсколько, кромѣ извѣстныхъ уже, чертъ ненормальности Варвары Петровны.

У всего штата своихъ служащихъ она любила перемѣнять имена; напримѣръ, и донынѣ здравствующій бывшій лакей у Ивана Сергѣевича Петръ Михайловъ Пилигримовъ при крещеніи получилъ имя Каллистрата, а Петромъ названъ барыней. Проступки своихъ подчиненныхъ Варвара Петровна любила разбирать при пышной обстановкѣ. Одна изъ комнатъ обширнаго Спасскаго дома представляла собою судебную залу, гдѣ на видномъ мѣстѣ помѣщалось «зерцало» — портретъ Варвары Петровны. Въ этой залѣ, на возвышеніи, воевала строгая барыня и чинила судъ и расправу надъ провинившимися. Варвара Петровна терпѣть не могла, чтобы ея приближенныя дворовыя дѣвушки выходили замужъ. Однажды она замѣтила, что одна изъ нихъ находится въ интересномъ положеніи и приказала за ней слѣдить. Дѣвушка, разрѣшившись отъ бремени, бросила ребенка въ Варнавицкій прудъ. По приказанію барыни, начали его ловить неводомъ. При этомъ было вытащено нѣсколько десятковъ дѣтскихъ скелетовъ. Нѣсколько разъ Варвара Петровна собиралась умирать: она садилась въ кресла, около нея ставилось нѣчто въ родѣ аналоя; на него барыня клала свою руку, а придворные ея, одинъ за другимъ, подходили и прикладывались къ «ручкѣ». Одинъ изъ дворовыхъ, прежде чѣмъ поцѣловать руку, перекрестился и щедро былъ награжденъ за это своею госпожею. Кромѣ кормленія голубей, у Варвары Петровны было въ обычаѣ кормить и воронъ. Для этого существовалъ цѣлый штатъ людей, которые пекли хлѣбы, дѣлали изъ него катышки и разбрасывали ихъ по выгону. Одинъ изъ этого штата, парень смѣтливый, замѣчая, какъ наживаются люди, приставленные къ другимъ должностямъ, и не могшій поживиться ничѣмъ при своей, поставилъ себѣ цѣлью добиться званія зрителя надъ копильней ветчины. Случай помогъ ему. Однажды, при кормежкѣ, подрались двѣ вороны. Парень побѣждалъ въ хату, принесъ ружье и удачнымъ выстрѣломъ убилъ дерущихся. Въ это самое время Варвара Петровна, страдавшая бессонницей, сидѣла на балконѣ и видѣла всю сцену. Гнѣвно стала требовать барыня разъясненія поступка.

— Это вороны не наши, а князя Меншикова; мало, что прилетѣли чужой хлѣбъ клевать, такъ давай еще драться, смущать нашихъ,—отвѣтилъ парень.

Такой находчивый отвѣтъ очень понравился барынѣ, и, конечно, ловкому парню было приказано сказать, какой милости онъ желаетъ. Парень высказалъ свою мечту и добился желаемого.

Въ «Воспоминаніяхъ» г-жи Колонтаевой, помѣщенныхъ въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1885 годъ, сообщается разсказъ о самоубійствѣ мальчика Павлуши. Дѣло было не совсѣмъ такъ. Погребомъ завѣдывалъ не Павлуша, а его отецъ. Послѣдній, любя выпить самъ и угостить пріятелей, между прочими винами выпилъ любимое Варварой Петровной вино—рейнвейнъ. Когда Павлуша прибѣжалъ къ отцу за виномъ, послѣдній сказалъ ему: «погоди, сейчасъ дамъ!»—вслѣдъ за этимъ вошелъ во флигель, гдѣ жили молодые Тургеневы, и тамъ застрѣлился.

Разъ какъ-то одинъ изъ дворовыхъ Варвары Петровны, Леонъ Лобановъ, явился въ Москву къ Варварѣ Петровнѣ. Во время доклада, не извѣстно по какой причинѣ, барыня набросилась на Лобанова, обмотала своимъ платкомъ его шею и начала душить. Безсильная, она въ припадкѣ ярости достигла того, что Лобановъ упалъ на полъ. Тогда она убѣжала въ другую комнату. Въ ея отсутствіе Леону посовѣтовали не снимать платка съ шеи и такъ ходить. На третій день барыня увидала Лобанова и, довольная своею побѣдою, щедро наградила его.

Въ то время огромный штатъ дворовыхъ людей Варвары Петровны жилъ между собою дружно: никто не выдавалъ другого. Барыня это понимала и держала много доносчиковъ, преимущественно доносчицъ, которыя и нашептывали ей о всякомъ происшествіи въ ея владѣніяхъ. Но не смотря на бдительный надзоръ, дворовые какъ-то ухитрялись часто устраивать пирушки въ складчину. Они обыкновенно просили помѣщеніе у священника и снасили сюда кто что могъ, кто чѣмъ завѣдывалъ: мучникъ приносилъ муку, завѣдывающій виннымъ погребомъ (называемымъ у нихъ «лабораторіей») — вино, каретникъ — подушку отъ сидѣнія и т. д.

Какъ уже извѣстно, отношенія Варвары Петровны и къ дѣтямъ постоянно колебались: приливъ горячей нѣжности смѣнялся безпричинной злобою. Не смотря на свое богатство, она одно время разгнѣвавшись высылала своему любимому сыну Ивану Сергѣевичу, — «Ваничкѣ», какъ она всегда его звала, — вмѣстѣ съ человѣкомъ Захаромъ Балашовымъ (онъ же «Кривой») всего на всего 180 рублей въ годъ. Когда гнѣвъ усилился, Варвара Петровна и вовсе прекратила высылку денегъ, такъ что Иванъ Сергѣевичъ, живя въ Петербургѣ, буквально голодалъ. Варвара Петровна умерла въ 1850 году, но ея имя останется долгое время въ памяти жи-

телей села Спасскаго—недалеко отъ усадьбы есть такъ называемая «Варварина поляна», находящаяся на границѣ Мценскаго уѣзда Орловской губерніи и Чернскаго Тульской губерніи.

IV.

Послѣ смерти Варвары Петровны прямыми наслѣдниками ея остались два сына: Николай и Иванъ. На долю Ивана Сергѣевича пришились слѣдующія имѣнія: въ Тульской губерніи — Любовша (Новосильскаго уѣзда), проданное Шатилову—около 600 д., Кадное (Ефремовскаго уѣзда)—780 д., Красивая Мечь (того же уѣзда)—100 д., Ситово, проданное Волкову—150 д., Кальна (Чернскаго уѣзда)—80 д.; въ Калужской губерніи, въ Жиздринскомъ уѣздѣ (Казакки и проч.)—800 д.; въ Орловской губерніи, въ Кромскомъ уѣздѣ—150 д., Топки, Малоархангельскаго уѣзда—680 д.; частію въ Орловской, частію въ Тульской губерніяхъ—Спасское—1102 д.; въ Тамбовской губерніи Семеновское—400 д., Лебедянскаго уѣзда той же губерніи—5.000 д.

Въ домашней жизни Иванъ Сергѣевичъ былъ необыкновенно простъ. Не любилъ онъ посѣщать своихъ сосѣдей, богатыхъ помѣщиковъ, и большую часть времени, если не былъ на охотѣ, проводилъ дома. Если и посѣщалъ, то людей близкихъ, преимущественно бѣдныхъ помѣщиковъ. Въ послѣдніе свои пріѣзды въ Спасское Иванъ Сергѣевичъ часто сидѣлъ въ саду, окруженный семьею Аванасія («Ермолай») и, поглаживая правою рукою волосы на головѣ, говорилъ: «ну, рассказывайте мнѣ, какъ вы живете». Нужно быть свидѣтелемъ того искренняго и неподдѣльнаго горя и слезъ семейства Аванасія, когда я съ ними бесѣдовалъ объ Иванѣ Сергѣевичѣ. Двѣ старшія дочери «Ермолая», перебывая другъ друга, прерывали свои рассказы восклицаніемъ: «умеръ нашъ благодѣтель—это не человекъ былъ, а ангелъ!». Блѣ Иванъ Сергѣевичъ обыкновенно только разъ въ день, не ужиналъ и не завтракалъ. Чай онъ очень любилъ обыкновенно крѣпкій и пилъ его 3—4 раза въ день. За утреннимъ чаемъ съѣдалъ одинъ или два обварныхъ кренделя. Утромъ и вечеромъ Иванъ Сергѣевичъ бралъ кружку и отправлялся пить воду изъ колодезя, находящагося подъ поселеніемъ дворовыхъ (въ верстѣ отъ дома), въ урочищѣ Варнавицы. Онъ не могъ видѣть безъ содроганія всего ползающаго, изгибающагося: змѣй, пауковъ, таракановъ. Не разъ онъ говорилъ своему камердинеру: «умру я, Петръ, здѣсь, похоронятъ меня въ мавзолеѣ и будутъ ползать по мнѣ пауки—брр!». Такое же гнетущее впечатлѣніе производилъ на него видъ пожара, даже издали, почему Иванъ Сергѣевичъ и избѣгалъ смотрѣть на него. Очень онъ боялся также умереть отъ холеры. Въ 1872 году, когда въ Орлов-

ской губерніи была холера, Иванъ Сергѣевичъ пріѣхалъ въ Кагущице къ Щепкину и ѣлъ землянику съ молокомъ. Возвратившись домой и почувствовавъ себя дурно, онъ такъ испугался, что на другой же день уѣхалъ въ Москву, а оттуда за границу. Иванъ Сергѣевичъ проявлялъ свою деликатность и въ отношеніи прислуги. Возвратившись съ прогулки и не желая тревожить челоуѣка, самъ обчищалъ свои сапоги, и это дѣлалъ онъ уже старикомъ, когда страдалъ недугами. Однимъ изъ отличительныхъ свойствъ Ивана Сергѣевича была его необыкновенная вѣжливость. Отвѣчая на поклонъ, онъ снималъ свою шляпу даже передъ восьмилѣтнимъ крестьянскимъ мальчикомъ, считая своею обязанностію сказать встрѣтившемуся хоть одно привѣтливое слово. Какая разница въ этомъ отношеніи между нимъ и Фетомъ! Аванасій Аванасьевичъ часто пріѣзжалъ къ однимъ своимъ родственникамъ. По рассказамъ бывшаго въ этомъ имѣніи управляющаго, онъ держалъ себя очень надменно, съ пренебреженіемъ относясь ко всѣмъ тѣмъ, кого судьба не удостоила быть дворяниномъ и владѣть помѣстьями... Встрѣчаясь на прогулкѣ по саду съ крестьянами, онъ съ брезгливостію повертывался къ нимъ спиною, дѣлая видъ, что разсматриваетъ цвѣточки.

Если собрать всѣ рассказы, частію уже обнародованные, о дѣяніяхъ Ив. Ив. Лутовинова и Варвары Петровны Тургеневой, ихъ бурмистровъ и управляющихъ и другихъ начальниковъ, получается такая картина, передъ которою волосы становятся дыбомъ. Кажется, вокругъ Спасскаго нѣтъ ни одной пяди земли, которая не была бы орошена слезами отчаянія, поруганнаго достоинства и кровью, лившеюся, когда двое названныхъ владѣльцевъ, люди безспорно даровитые, но не удовлетворенные жизнью, искали острыхъ ощущеній въ звѣрскихъ поступкахъ, чинимыхъ ими надъ своими беззащитными подданными. Иванъ Сергѣевичъ, наблюдавшій сцены деспотизма матери надъ крѣпостными и испытывая это частію на себѣ, всю жизнь носилъ слѣды вынесенныхъ въ дѣтствѣ и юности впечатлѣній, что и дѣлало его почти безхарактернымъ челоуѣкомъ, который удовлетворялъ почти всякой просьбѣ, сыпалъ деньгами направо и налево, принималъ самое горячее участіе въ чужомъ страданіи и горѣ, проявляя это участіе даже въ мелочахъ. Конечно, такъ глубоко запавшія въ душу впечатлѣнія заставили его даже преувеличивать отрицательныя стороны нѣкоторыхъ обыкновенныхъ жизненныхъ явленій. Замѣчая, какъ семейная жизнь дѣлаетъ людей эгоистами, Иванъ Сергѣевичъ стремился остаться холостякомъ, хотя и пришелъ къ семьѣ, но только съ другой, противоположной стороны.

Во всякомъ случаѣ онъ, по мало еще изслѣдованному закону, явился какъ бы искупителемъ за дѣянія своихъ предковъ передъ тѣми, которые отъ нихъ такъ много выстрадали.

Не разъ велись бесѣды о благотворительности и помощи, въ самомъ широкомъ значеніи этихъ словъ, между Иваномъ Сергѣевичемъ и священникомъ села Спасскаго. Молодой священникъ часто сомнѣвался въ значеніи добра, видя, какъ рѣдко встрѣчается признательность, и глубоко страдалъ отъ этого нравственно. Свое душевное состояніе онъ высказывалъ Ивану Сергѣевичу, который успокаивалъ его слѣдующими словами: «батюшка, добро нужно любить ради добра: оно само по себѣ прекрасно».

Высказывая такой взглядъ на добро, Иванъ Сергѣевичъ сдѣлалъ его девизомъ для своей жизни.

Во время пребыванія Ивана Сергѣевича въ Спасскомъ, къ нему каждый день обращались то лично, то письменно, съ просьбами о денежномъ пособіи, и вотъ контора то-и-дѣло получала записки такого рода: «Прошу къ вечеру доставить мнѣ 200 рублей. Ив. Тургеневъ». Эти записки за лѣто составляли счетъ на очень почтенную сумму. У постоянно приходившихъ къ нему по дѣлу крестьянъ онъ тщательно разспрашивалъ ихъ нужды и, по мѣрѣ возможности, всегда удовлетворялъ ихъ. Нѣсколько разъ, преодолевая свое природное отвращеніе къ виду пожара, Иванъ Сергѣевичъ ходилъ смотрѣть на него; тутъ онъ проявлялъ истинно христіанское участіе къ пострадавшимъ, на другой же день реализируя это участіе: то давалъ денегъ, то отпускалъ лѣсу на постройку.

Проявляя всюду, гдѣ только могъ, черты своей необыкновенно доброй души, Иванъ Сергѣевичъ свою добрую расположенность къ людямъ проявлялъ также въ отношеніи своихъ бывшихъ крестьянъ.

Первымъ дѣломъ, по полученіи наслѣдства отъ матери, Иванъ Сергѣевичъ отпустилъ всѣхъ дворовыхъ на волю, надѣливъ ихъ землею. Когда крестьяне перевели лѣсъ, данный имъ по уставной грамотѣ, и стали плакаться Ивану Сергѣевичу: «батюшка, лѣсу нѣтъ, чеки негдѣ вырубить»,—Тургеневъ подарилъ имъ 20 десятинъ лѣсу. Въ каждый свой пріѣздъ въ деревню изъ земли оставшагося Спасскаго имѣнія Иванъ Сергѣевичъ дарилъ крестьянамъ по десятинѣ распашной земли и по 2 лѣсу, полагая, что онъ этимъ увеличиваетъ ихъ благосостояніе, хотя другіе люди доказывали ему, что этимъ онъ поощряетъ пьянство, такъ какъ крестьяне сейчасъ же, по отѣздѣ Ивана Сергѣевича, пропиваютъ подарокъ. Въ первое время духовныя лица, приходившія поздравить Ивана Сергѣевича съ пріѣздомъ, получали отъ него: священникъ 100 р., діаконъ 25 р. и дьячекъ 5 р. Потомъ Иванъ Сергѣевичъ почему-то оставилъ это обыкновеніе.

Какъ разъ къ избамъ села Спасскаго подходитъ, въ видѣ клина, земля князя Меншикова. На этомъ клочкѣ одинъ изъ юркихъ предпринимателей поставилъ избу, а на крылечкѣ укрѣпилъ елочку. Бойко пошла операція предпринимателя, раздѣлившія обитателей Спас-

скаго на два враждебные лагеря: одна сторона покачивалась изъ стороны въ сторону и тащила подъ елку все, что ни попадалось подъ руку; другая сторона—бабы—отнимала несомое и выла. Мало того, бабы начали каждый день ходить къ балкону Спасскаго дома и жаловаться на мужей своему барину. Не имѣя другихъ средствъ, чтобы заставить кабатчика уйти, Иванъ Сергѣевичъ придумалъ слѣдующее: онъ далъ крестьянамъ 600 рублей на постройку часовни въ память мученической кончины Царя-Освободителя. Часовня была выстроена, а такъ какъ, по русскимъ законамъ, питейное заведеніе можетъ находиться отъ церкви, часовни и т. п. на извѣстномъ только разстояніи, то кабаку волей-неволей пришлось покинуть привольное мѣстечко. Такимъ образомъ Спасскимъ крестьянамъ ходить въ кабакъ было далеко, и пьянство прекратилось.

Въ часовнѣ замѣчательнъ образъ Александра Невскаго, писанный на цинковой доскѣ художникомъ Фартусовымъ, ученикомъ покойнаго профессора Сорокина. Лампада передъ этимъ образомъ пожертвована Иваномъ Ильичемъ Масловымъ, бывшимъ управляющимъ московской удѣльной конторой.

Безграничная доброта и мягкость отражались у Ивана Сергѣевича на лицѣ и бросались въ глаза всякому.

«Дурень былъ лицомъ Иванъ Сергѣевичъ, а какъ ангелъ», — вотъ буквальное выраженіе о немъ его бывшихъ дворовыхъ и крѣпостныхъ.

Слѣдствіемъ необыкновенной доброты Ивана Сергѣевича была довѣрчивость къ людямъ, что причиняло ему матеріальный ущербъ. Напримѣръ, одинъ изъ бывшихъ его управляющихъ заложилъ Спасское и преспокойно высылалъ ему деньги, какъ доходъ съ имѣнія. Часто ему докладывали, что служащіе его обкрадываютъ. Съ замѣчательною мягкостію обыкновенно онъ замѣчалъ: «Богъ съ ними, пусть ихъ берутъ!». Своего слугу-сотоварища по Берлинскому университету, Порфирія Тимоѣевича Кудряшева, Иванъ Сергѣевичъ обезпечилъ матеріально, подаривъ ему 15 десятинъ земли около Варнавицкаго пруда. Но Порфирію Тимоѣевичу не повезло въ жизни. Его жена порядочно рисовала (вся семья ея—мѣщане г. Мценска—имѣла наклонность къ художеству). Двое ея братьевъ переманили ее въ Воронежъ. Тамъ Порфирій Тимоѣевичъ купилъ домъ, открылъ фотографію и все это, по желанію жены, перевелъ на ея имя. Но скоро его дражайшая половина нашла себѣ обожателя въ одномъ офицерѣ и прогнала мужа. Порфирій Тимоѣевичъ, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, жилъ у какого-то мѣщанина и буквально голодалъ. Бѣдственнымъ его положеніемъ тронулось сердце мѣщанина: онъ поручилъ Порфирію Тимоѣевичу обучать грамотѣ своего 18-ти-лѣтняго сына, давая ему за это каждый день ѣсть. Кудряшеву стало не въ моготу быть въ униженномъ положеніи, и онъ пѣшкомъ, весьма плохо одѣтый, глубокою осенью, предпринялъ пу-

тешествіе изъ Воронежа въ Спасское, кажется, побираясь въ пути. Голодный и оборванный, явился онъ въ Спасское и выпросилъ у священника на неотложную починку костюма три рубля. Ему долго пришлось ждать пріѣзда Ивана Сергѣевича—до весны слѣдующаго года. Пріѣхалъ Тургеневъ и выхлопоталъ Порфирію Тимоѣевичу мѣсто акцизнаго чиновника сначала въ Алексинскомъ, а потомъ въ Епифанскомъ уѣздѣ Тульской губерніи. Но Кудряшеву долго не сидѣлось на одномъ мѣстѣ. Оставшись безъ средствъ, онъ обыкновенно обращался къ Тургеневу попросить кого нибудь за него. Иванъ Сергѣевичъ сначала выражалъ неудовольствіе, ноотрѣзъ отказывался ходатайствовать за него, но, всетаки, исполнялъ желаніе Кудряшева. Порфирій Тимоѣевичъ подъ конецъ жизни запилъ и едва влачилъ свое существованіе, пока карбункуль не окончилъ этой несчастной жизни.

V.

Въ 1863 году, Тургеневымъ было открыто частное сельское училище, въ которомъ дѣтей обучалъ Петръ Михайловъ Серебряковъ, бывшій дворовый человекъ. Въ 1869 году выстроено новое зданіе училища «иждивеніемъ», какъ сказано въ запискахъ бывшаго священника, «коллежскаго секретаря Ив. Тургенева» и сохранилось на его же, Тургенева, счетъ. Школа эта была церковно-приходская, которая въ 1870 году имѣла 27 мальчиковъ и 1 дѣвочку изъ Спасскаго, а изъ другихъ деревень 3 мальчиковъ.

До 1880 года училище существовало на средства Ив. Серг., который хорошо цѣнилъ трудъ учительницы (Екат. Яковл. Григорьевой): ей изъ конторы села Спасскаго выдавалось ежемѣсячно по 35 р. и, нужно замѣтить, всегда исправно. Кромѣ того, священникъ за преподаваніе Закона Божія получалъ 7 рублей. Но училище не имѣло права выдавать льготныхъ свидѣтельствъ, поэтому Ив. С. и думалъ устроить его на болѣе положительныхъ началахъ—весь вопросъ состоялъ въ томъ, на какихъ именно. Относительно этого и происходили оживленныя бесѣды съ мѣстнымъ священникомъ. Ив. С. не хотѣлъ открывать земской школы, мотивируя это тѣмъ, что на школу будетъ давать деньги онъ, а у нея будетъ пятьсотъ начальниковъ; поэтому Ив. С. предполагалъ передать школу въ духовное вѣдомство, а для ея поддержки отдать въ вѣчную собственность ея 4 десятины земли, что около Варнавицкаго пруда и большой плотины (противъ восточной стороны парка); для поддержанія же ея вложить капиталъ, который предполагалось получить отъ продажи одного изъ имѣній Ив. С.

Во время проектовъ на счетъ устройства школы Тургеневъ уѣхалъ, начались его недуги, и ему впору только думать о нихъ. Вопросъ о прочномъ существованіи школы, благодаря вмѣ-

пательству неумолимой и преждевременной смерти, остался открытымъ, каковымъ является онъ и въ настоящее время. Умеръ Ив. С., прекратила свое существованіе и школа — въ 1884 году. Какъ ни тяжело, а приходится отмѣтить тотъ грустный фактъ, что въ гнѣздѣ великаго писателя поколѣнія вырастаютъ, не получивъ возможности наслаждаться страницами безсмертныхъ «Записокъ Охотника»...

При жизни В. П., въ полверстѣ отъ Спасскаго, на хуторѣ Петровскомъ (описанномъ въ «Отцахъ и дѣтяхъ») было нѣчто въ родѣ богадѣльни, гдѣ жило нѣсколько стариковъ и старухъ, не могшихъ работать. Въ 1872 году на хуторѣ происходила перестройка, и «богадѣльня» была закрыта. Около Спасской церкви было выстроено зданіе, въ которое и перевели съ Петровскаго стариковъ и старухъ. По смерти Тургенева въ богадѣльнѣ оставалось 4 — 5 чело-вѣкъ; изъ нихъ жена Щепкина (арендатора имѣнія) взяла на свое попеченіе 2, а остальные ушли, такъ какъ изъ конторы, по случаю сдачи имѣнія на аренду, перестали выдавать деньги на содержаніе призрѣваемыхъ.

Вскорѣ послѣ выхода «Отцовъ и дѣтей» въ Спасское поступилъ молодой священникъ о. В*, горячій, способный и очень начитанный. Ив. С. все его приглашалъ къ себѣ; но священникъ отговаривался то нездоровьемъ, то требами, зная взглядъ Тургенева на духовенство, которое, по его мнѣнію, если и являлось къ помѣщику, то непременно съ какою нибудь просьбою. Между тѣмъ приглашеніе все повторялось. Наконецъ, о. В* пришелъ. Иванъ С. ласково принялъ его, но разговоръ все какъ-то не клеился (у Ив. С. были въ это время въ гостяхъ Фетъ и Толстой). Тогда священникъ беретъ шляпу и начинаетъ прощаться. «Куда же вы, батюшка, такъ скоро? — обратился къ нему Ив. С.: — посидите». — «Что же, Ив. С., вы такого мнѣнія, что съ священникомъ, кромѣ лепешекъ, не о чемъ и говорить». Тогда Тургеневъ, чувствуя свою нетактичность, началъ упрашивать гостя остаться. О. В* остался. Мало-по-малу завязалась оживленная бесѣда, скоро перешедшая въ горячее разсужденіе о современномъ состояніи литературы. Въ самомъ разгарѣ о. В* обратился къ Тургеневу съ словами: «зачѣмъ вы, Ив. С., вывели въ лицѣ Базарова такой увлекательный типъ, который, какъ чортъ, такъ и тянетъ къ себѣ, такъ и хочется ему подражать?» — «Я хотѣлъ выставить въ немъ все безобразіе нигилизма», — было отвѣтомъ.

Одно время въ Спасскомъ былъ священникомъ о. Борисъ, у котораго племянникъ отличался странностями и совсѣмъ не былъ похожъ на окружающихъ людей. Многое разсказывалъ о немъ о. Борисъ Ивану Сергѣевичу. Эти разсказы и воспроизведены Ив. С. въ такой неподражаемой, художественной формѣ, подъ названіемъ «Разсказъ отца Алексѣя».

Ив. С., какъ извѣстно, долго «вынашивалъ» свои произведенія что замѣчалось по тѣмъ отрывистымъ сценамъ, которыя онъ любилъ рассказывать окружающимъ его людямъ.

VI.

Въ Ивана Сергѣевича страстно была влюблена Надежда Аѳанасьевна Шеншина, сестра Аѳанасія Аѳ. Фета по матери. Эта дѣвушка есть именно та, про которую рассказываетъ г-жа Колонтаева въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1885 годъ, которая чуть не расплакалась, когда ее сталъ вышучивать Николай Сергѣевичъ (братъ Ивана Сергѣевича). Заступничество Ивана Сергѣевича въ то время опредѣлило навсегда направленіе чувства Надежды Аѳанасьевны. Дѣвушкой Надежда Аѳанасьевна прожила за границей два года. Возвратившись оттуда и не успѣвъ переодѣться съ дороги по своему приѣздѣ въ Новоселки (7 верстъ отъ Мценска— родовое имѣніе Шеншиныхъ), она обратилась къ мужу своей сестры, Александру Никитѣвичу, управлявшему и ея частию имѣнія: «у меня тутъ есть земля, а я ни копейки не получала. Ты знаешь, до чего я дошла: я жила на средства Ивана Сергѣевича». Подъ вліяніемъ ли нераздѣленной страсти къ Ивану Сергѣевичу, или почему либо другому, Надежда Аѳанасьевна помѣшалась. Когда она выздоровѣла, Аѳанасій Аѳанасьевичъ началъ ее уговаривать выйти замужъ за Борисова, отставнаго маіора и помѣщика сосѣдняго сельца Борисова. Надежда Аѳанасьевна наконецъ уступила давленію и вышла, но терпѣть не могла мужа, не скрывала этого, а, напротивъ, постоянно ставила на видъ. Ив. П. Борисовъ старался, чтобы она не встрѣчалась съ Иваномъ Сергѣевичемъ. Разъ какъ-то Ив. П. не былъ дома; Надежда Аѳанасьевна упросила Аѳанасія Аѳанасьевича поѣхать съ ней въ Спасское, пробыла тамъ дня два и, возвратившись оттуда, снова помѣшалась. На другой день полуодѣтая она убѣжала изъ дому. Благодаря тщательному уходу, она снова пришла въ себя, но недолго пробыла въ нормальномъ состояніи, сошла съ ума въ третій разъ, была увезена въ Петербургъ и кончила жизнь въ домѣ умалишенныхъ. Отъ ея брака съ Борисовымъ родился сынъ Петя, бывшій особеннымъ любимцемъ Ивана Сергѣевича, на котораго послѣдній возлагалъ большія надежды. Но Петя умеръ, едва перешедши въ юношескій возрастъ. Бывшая плечница въ домѣ Шеншина, необыкновенно бодрая и живая старуха, съ необыкновеннымъ одушевленіемъ передавала мнѣ, въ какое волненіе приходила Надежда Аѳанасьевна при приѣздѣ Ивана Сергѣевича въ Новоселки. Во время разговора она теряла всякое самообладаніе и буквально впивалась глазами въ Ивана Сергѣевича.

— И что она въ немъ нашла,—высказывала свои соображенія старуха: — вѣдь дурень, очень дурень былъ лицомъ Иванъ Сергѣевичъ.

Не помню гдѣ, Иванъ Сергѣевичъ говорить, что ему на жизненномъ пути встрѣчались три дѣвушки, любовь которыхъ онъ самъ отринулъ, а между тѣмъ, вѣроятно, каждая изъ нихъ дала бы ему счастье, прямое счастье этой жизни.

Надежда Аванасьевна Шеншина и была одною изъ этихъ трехъ.

ХII.

Въ предпоследній свой прїездъ въ Спасское, въ 1880 году, Иванъ Сергѣевичъ проводилъ время необыкновенно весело: онъ то и дѣло устраивалъ катанія, поѣздки за грибами и т. п. Своею безграничною веселостію онъ заражалъ всѣхъ его окружающихъ, даже танцевалъ, чего съ нимъ никогда не было.

Продавъ всѣ свои имѣнія, Иванъ Сергѣевичъ никакъ не могъ сдѣлать этого съ Спасскимъ, которое онъ такъ любилъ.

Умеръ Тургеневъ, и на Спасское предъявили свои права двѣ дальнія родственницы Ивана Сергѣевича: Ольга Васильевна Шеншина (по мужу Галахова) и помѣщица Новосильскаго уѣзда Тульской губерніи Клеопатра Дмитриевна Сухотина. Оставить за собою Спасское пожелала первая наслѣдница, за чтѣ и выдала К. Д. Сухотиной 60.000 рублей.

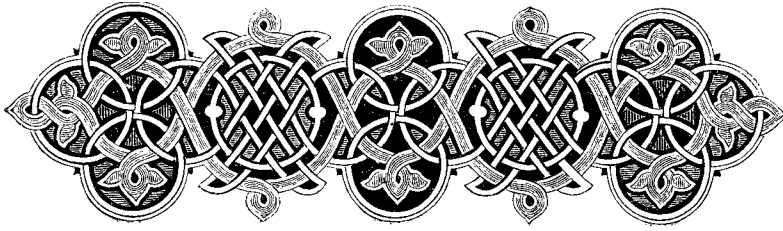
Гнѣздо великаго писателя въ настоящее время представляетъ печальную картину: школа закрыта, въ зданіи бывшей богадѣльни живутъ урядникъ. Домъ опустѣлъ, полы въ немъ провалились, мебели нѣтъ; библіотека, когда-то очень обширная, въ настоящее время представляетъ собою безпорядокъ. Собраніе книгъ, которое уцѣлѣло до настоящаго времени, составляетъ только часть когда-то обширной библіотеки Спасскаго Сада, занимающей болѣе 30 десятинъ, мало подвергся вліянію времени. Могучія липы также шумятъ своими вѣтвями, какъ шумѣли, вѣроятно, во времена Ивана Сергѣевича; по вершинамъ елей и теперь бойко перепрыгиваютъ бѣлки.

Въ саду заслуживаетъ особеннаго вниманія ель «Два брата», названная такъ потому, что отъ одного штамба идутъ двѣ совершенно симметричныя другъ другу части. На этой ели всѣ знакомые Ивана Сергѣевича, прїѣзжавшіе къ нему погостить въ Спасское, имѣли обыкновеніе вырѣзывать свои инициалы. Жаль, что послѣ смерти Тургенева обыкновенные смертные своими ничѣмъ не замѣчательными именами почти испортили всѣ подписи.

Прошло 10 лѣтъ послѣ смерти Ивана Сергѣевича, и приходится отмѣтить тотъ грустный фактъ, что родина его ничѣмъ не почтила памяти своего великаго земляка. Между тѣмъ, въ тяжелую эпоху, которую мы переживаемъ, сдѣланное что нибудь, достойное имени великаго человѣка, напомнило бы его идеалы правды, добра, красоты и любви къ ближнему, завѣщанные русскому народу, который онъ такъ горячо любилъ.

Ив. Рында.

БѢДСТВЕННАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

ЛУЧАЙ свелъ меня съ однимъ изъ тѣхъ самородковъ, которыми такъ изобилуютъ глубокіе слои даровитаго русскаго народа. Это—бывшій военный фельдшеръ, начинавшій свою трудовую службу еще въ 1853 году. Обладая крѣпкимъ, природнымъ умомъ, обогащеннымъ разнообразнымъ чтеніемъ, и будучи одаренъ тонкою наблюдательностью, Маркъ Григорьевичъ Демидовъ иногда въ тѣсномъ кругу знакомыхъ рассказывалъ событія и сцены изъ видѣннаго и испытаннаго имъ на крайнемъ востокѣ Сибири съ такимъ живымъ интересомъ, съ такою яркою печатью правды, что нельзя было не заслушиваться его плавною и безъискусственною рѣчью. Достойна удивленія феноменальная память повѣствователя, сохранившая не только мельчайшія подробности каждаго эпизода пережитой эпохи, но всѣ фамиліи и имена лицъ, промелькнувшихъ передъ свидѣтелемъ прошлаго — ни болѣе, ни менѣе, какъ лѣтъ сорокъ назадъ. Нижеслѣдующій рассказъ, записанный съ разрѣшенія автора, предлагается читателямъ почти въ той формѣ, въ какой онъ вылился изъ устъ рассказчика. Считаю необходимымъ прибавить, что основа этого повѣствованія вполне соответствуетъ даннымъ исторіи.

Въ январѣ 1855 года, когда четыре союзныя державы все еще напрягали свои сухопутныя и морскія силы къ одолѣнію русскаго колосса, у насъ въ Забайкальи формировался изъ людей разныхъ бригадъ Забайкальскаго казачьяго войска сводный пѣшій полуба-

таліонъ, подъ командою подполковника Сеславина, для экспедиціи на Амуръ. Въ составъ этого казачьяго полубаталіона, въ который поступилъ и я, выбирались люди молодые, полные силъ и здоровья, преимущественно изъ звѣропромышленниковъ, извѣстные начальству, какъ ловкіе и мѣткіе стрѣлки, и были отправляемы на Шилкинскій казенный (бывшій стекольный) заводъ, назначенный сборнымъ пунктомъ, откуда, по вскрытіи Шилки, должна была отплыть снаряженная экспедиція. Здѣсь мы застали три линейныхъ сибирскихъ баталіона—13-й, 14-й и 15-й, предназначавшіеся въ составъ отряда. Солдаты этихъ частей еще съ осени прошлаго года заняты были работами по снаряженію будущей экспедиціи. Мы увидѣли здѣсь кипучую дѣятельность: таскали громадныя бревна, распиливали ихъ на доски, сбивали плоты и сооружали баржи. Солдатики копошились вездѣ, какъ муравьи, и отовсюду раздавались то глухія постукиванія топоровъ, то звонкій грохотъ кузнечныхъ молотовъ, то пронзительный визгъ пиль. А надъ всѣмъ этимъ хаосомъ суетливой работы носились звуки возбудительной пѣсни: «Эй, дубинушка, ухнемъ! Эй, зеленая, сама пойдеть»!...

Вдохновителемъ всей этой лихорадочной дѣятельности, рычагомъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ работъ, былъ генераль-губернаторъ Восточной Сибири, генераль-лейтенантъ Н. Н. Муравьевъ (впослѣдствіи графъ Амурскій), который имѣлъ стать лично во главѣ экспедиціи. Характеръ этого генерала хорошо извѣстенъ не только современникамъ, но и потомкамъ. Строгій, крутой и настойчивый, онъ не признавалъ никакихъ препятствій своей непреклонной волѣ. Разъ что онъ задумалъ или предпринялъ, то и сама природа должна покоряться ему. Въ минуту гнѣвной вспышки онъ былъ страшенъ и готовъ былъ, казалось, живьемъ закопать челоуѣка въ землю, но проходилъ часъ, и онъ уже являлся добрымъ и участливымъ отцомъ-командиромъ, мирно относившимся даже къ тому, кто вызвалъ въ немъ только-что бурю гнѣва. Поэтому все передъ нимъ трепетало, и всѣ поспѣшно и безъ разсужденій исполняли распоряженія грознаго начальника. Въ то же время всѣ до послѣдняго солдата любили его и вѣрили въ него; всѣ знали, что если ужъ Муравьевъ предприметъ что либо, то непременно доведетъ до конца. По его слову всевозможные предметы снаряженія подвозились не только съ отдаленныхъ концовъ Сибири, но и изнутри имперіи. Въ началѣ апрѣля все уже было готово; прибылъ изъ Иркутска и генераль-губернаторъ съ супругою; ждали только вскрытія рѣкъ, чтобы двинуться въ путь. Въ какой именно пунктъ предстояло слѣдовать по Амуру, это намъ, мелкимъ сопкамъ, извѣстно не было. Какъ оказалось впослѣдствіи, даже офицеры имѣли объ этомъ смутное понятіе. Мы только знали, что прежде всего поплыветъ нашъ полубаталіонъ съ Муравьевымъ во главѣ, а впослѣдствіи и линейные баталіоны.

Экспедиціи нашей предшествовало слѣдующее печальное событіе. Изъ Срѣтенска вытребованы были четыре военныхъ топографа, которые на другой же день по вскрытіи Шилки были отправлены съ инструментами на небольшомъ плотикѣ по теченію внизъ. Съ большимъ трудомъ пробираясь между льдинами, топографы отѣхали благополучно верстѣ около 30-ти, какъ настигшая ихъ сзади огромная льдина опрокинула плотъ и выбросила въ холодныя волны всѣхъ четырехъ офицеровъ съ инструментами и багажемъ. Спасся одинъ только топографъ, вскарабкавшись на ту же губительную льдину. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ началась экспедиція, уже оказались три человѣческихъ жертвы.

Апрѣля 28-го, стояли на водѣ 22 баржи, наполненныя грузомъ, вполне готовыя къ отплытію. Послѣ молебна, на всѣхъ этихъ судахъ размѣстились казаки, а ниже въ 1^{1/2} верстѣ по рѣкѣ находилась баржа генерала Муравьева, вооруженная двумя мортирами. Баржи были почти четырехугольныя, снабжены носовыми и кормовыми (кормчими) веслами, вмѣщали въ себѣ каждая до 6.000 пудовъ клади и сидѣли въ водѣ 8 и 9 четвертей; только баржа генерала погружалась не больше 4^{1/2} четвертей. Дано было приказаніе: всѣмъ офицерамъ и казакамъ находиться безотлучно на баржахъ, качавшихся привязанными на причалахъ къ берегу, и ждать съ генеральской баржи сигнальнаго выстрѣла, послѣ котораго не медля отчаливать «всему рейсу», держась въ 20 саженьяхъ баржа отъ баржи. Исполненіе этого приказа и вообще наблюденіе за порядкомъ Муравьевъ возложилъ на своего адъютанта маіора Запольскаго.

Всѣ насторожились въ напряженномъ ожиданіи сигнала, и хотя дулъ попутный вѣтеръ, но часы проходили за часами, а баржа начальника экспедиціи молчала. Вечерѣло, весь видимый горизонтъ покрылся облаками, вѣтеръ крѣпчалъ. Вотъ совѣмъ уже спустились сумерки, вѣтеръ сильнѣе загудѣлъ по взволнованной рѣкѣ, большія волны съ шумомъ крошили носившіяся льдины и выбрасывали ихъ на берегъ, холодъ больно давалъ себя чувствовать. Жутко и не уютно... Всѣ были убѣждены, что ночью Муравьевъ не рѣшится начать отплытіе, въ виду явной опасности на не изслѣдованномъ пути, такъ какъ Шилка изобилуетъ подводными камнями. Поэтому наши казаки стали варить на очагахъ, устроенныхъ на баржахъ, свой незатѣйливый ужинъ. А офицеры, въ томъ числѣ и Запольскій, назначенный безсмѣннымъ дежурнымъ по рейсу, порѣшили провести эту послѣднюю ночь на своихъ зимнихъ квартирахъ въ кругу родныхъ или товарищей и разбрелись по домамъ.

Между тѣмъ, въ 12 часовъ ночи послѣдовалъ сигнальный выстрѣлъ, и генеральская баржа отплыла. Хотя за темнотою ночи Муравьевъ не могъ видѣть, двинулась ли наша флотилія, или нѣтъ,

но былъ убѣжденъ, что всѣ баржи, согласно данному приказанію, слѣдуютъ за нимъ. Вышло, однакоже, не такъ. Среди завываній вѣтра, который дулъ въ противоположную отъ насъ сторону, выстрѣлъ не былъ услышанъ. А такъ какъ и распорядителя Запольскаго не было на лицо, то флотилія наша съ спящими казаками преспокойно оставалась на мѣстѣ. Каково же было всеобщее изумленіе и даже испугъ, когда съ разсвѣтомъ оказалось, что Муравьевъ уплылъ! Нельзя было терять ни минуты, потому что необходимо было догнать генеральскую баржу. Люди впопыхахъ бѣжали съ берега на суда, поднялась суматоха, начали спѣшно спускать съ причаловъ баржи, причемъ произошли неизбѣжныя замѣшательства. Однако рейсъ быстро собрался и пошелъ по теченію. Когда проплыли версть около 20-ти, вдругъ одна баржа, нагруженная порохомъ, напоролась на камень и стала; на нее толкнулись слѣдующія три баржи, потому что удержать ихъ за быстротою теченія не было возможности, и проломилъ ей бокъ, запрудивъ вмѣстѣ съ тѣмъ фарватеръ. Пришлось съ остальными баржами причалить къ приглубому берегу и заняться спасаніемъ пороха. Смятеніе было такъ велико, что на первыхъ порахъ не знали, за что прежде всего приняться. Наконецъ, собрались съ духомъ и приступили къ разгрузкѣ какъ проломленной баржи, такъ и двухъ другихъ, сѣвшихъ на мель, перевоза грузъ въ лодкахъ на берегъ. Облегченныя такимъ образомъ баржи поставили въ фарватеръ, починили въ нихъ поврежденія и вновь перевезли порохъ и всѣ тяжести на прежнія мѣста. Вся эта неприятная работа задержала рейсъ на пять сутокъ. Оправившись, тронулись дальше. Въ это время мы напоминали собою мокрыхъ курицъ, беспомощно опустившихъ крылья, всѣ примолкли и насупились, потому что всѣ одинаково проникнуты были чувствомъ страха предъ грознымъ начальникомъ. Особенно чувствовали себя виноватыми офицеры, а всѣхъ больше Запольскій, на обязанности котораго лежало исполненіе даннаго приказанія по отплытію и предупрежденіе несчастныхъ случайностей въ пути. Онъ могъ ожидать для себя весьма серьезныхъ послѣдствій.

А нашъ главнокомандующій, отплывъ въ одиночку 70 верстъ отъ Шилкинскаго завода, причалилъ къ казачьей станицѣ Горбицѣ, чтобы взять отсюда на свою баржу проводникомъ экспедиціи заурядъ-хорунжаго Скобельцына, который, будучи опытнымъ и бывалымъ звѣропромышленникомъ, хорошо зналъ край и въ особенности изучилъ подробно здѣшнія воды; кромѣ того, понимая мѣстные языки, онъ могъ служить переводчикомъ въ сношеніяхъ съ ороченами и тунгусами. Здѣсь поневолѣ долженъ былъ засѣсть генералъ Муравьевъ въ ожиданіи своего отряда.

Вслѣдствіе претерпѣнной аваріи, наша горемычная экспедиція только на шестой день утромъ показала въ виду Горбицы. Не

успѣли баржи приблизиться къ берегу, какъ Муравьевъ уже былъ тутъ. Въ волненіи и гнѣвѣ, бѣгая взадъ и впередъ, онъ кричалъ: «гдѣ Запольскій? Запольскаго сюда, разстрѣляю!». Жутко было отъ этой угрозы, потому что всѣ знали, что суровый генераль, въ пылу негодованія, можетъ исполнить свой приговоръ и въ силу военнаго времени и по праву генераль-губернатора. Попадись ему Запольскій при первомъ взрывѣ гнѣва, почемъ знать, быть можетъ, намъ пришлось бы быть свидѣтелями трагической сцены, но закипѣвшее чувство не могло сохранить своей напряженности въ теченіе пяти дней, и потому, когда смущенный Запольскій вышелъ на берегъ, то Муравьевъ, схвативъ его за пуговицу, громко и взволнованнымъ голосомъ проговорилъ: «Что ты сдѣлалъ, несчастный? И это—мой адъютантъ... моя правая рука... вотъ какъ исполнилъ мое приказаніе! Ты не можешь служить со мной, равно какъ и твой отецъ; отправляйся въ полкъ». Въ тотъ же день маіоръ Запольскій, получивъ бумагу и распростившись съ товарищами, уѣхалъ верхомъ назадъ для отправленія въ полкъ¹⁾.

Въ предупрежденіе подобныхъ задержекъ, генераль Муравьевъ распорядился, чтобы дежурный офицеръ по рейсу назначался ежедневно и слѣдовалъ бы на особомъ баркасѣ съ 15-ю казаками въ хвостѣ рейса съ тою цѣлью, чтобы въ случаѣ несчастья съ какою либо баржей немедленно подать помощь. При этомъ, генераль строжайше подтвердилъ, чтобы ни одна баржа не смѣла отставать, иначе старшій на баржѣ будетъ подвергнутъ должному взысканію. Въ тотъ же день, при трубныхъ звукахъ генераль-марша, наигрышаемаго хоромъ музыкантовъ на генеральской баржѣ, нашъ рейсъ двинулся отъ Горбицы въ стройномъ порядкѣ дальше, и на третій день безъ особыхъ приключеній втянулся въ русло Амура, образуемаго при поселеніи Стрѣлкѣ сліяніемъ рѣкъ Шилки и Аргуни. Амуръ сразу пошелъ широкою лентой, извивающеюся среди множества острововъ въ низменныхъ берегахъ. Сначала насъ радовало относительно спокойное и не столь бурное теченіе, какое мы испытывали раньше, тѣмъ болѣе, что тутъ меньше подводныхъ камней, которыми изобилуетъ Шилка. Но рѣка была въ полномъ разливѣ, и вода стояла такъ высоко, что затопила многіе острова, покрытые густыми кустарниками. Поэтому грозила постоянно новая опасность насѣсть на островъ или запутаться въ кустахъ, а это было возможно уже потому, что баржи направлялись по теченію, всетаки, довольно быстрому, только носовыми и кормовыми веслами, а гребныхъ совѣмъ не было. Хорошо еще, что генераль отсту-

¹⁾ Полкъ, въ которомъ числился Запольскій, находился въ то время подъ Севастополемъ. Отецъ его генераль-маіоръ П. И. Запольскій былъ военнымъ губернаторомъ Забайкальской области и наказнымъ атаманомъ казачьяго войска. Впослѣдствіи онъ оставилъ службу въ Сибири.

пился отъ своего первоначальнаго плана плыть безостановочно; поэтому рейсъ нашъ съ наступленіемъ глубокихъ сумерекъ каждый разъ останавливался для ночлега, по возможности выбирая удобныя мѣста, а какъ только забрежжитъ утрення заря, съ баржи генерала раздавался маршъ, и мы снова отплывали, отдаваясь теченію Амура.

Изъ страха передъ грознымъ начальникомъ, который шутить не любилъ, всѣ были во время плаванія въ ежеминутномъ напряженіи, пристально наблюдая, какъ бы не наѣхать на залитыя деревья или невидимый подъ водою островъ. Пока мы плыли по широкому плесу съ низкими берегами, удавалось счастливо избѣгать непріятныхъ случайностей. Но вотъ у урочища Амазаръ, гдѣ теперь станица того же имени, къ Амуру надвинулись крутые каменистые отроги Большого Хингана. Рѣка сузилась и быстро понеслась извилистыми ходами въ скалистыхъ берегахъ. Здѣсь опасность увеличилась, потому что легко было наскочить на подводную каменную глыбу. Но затѣмъ, по впаденіи рѣки Невѣра, горы раздвинулись, и теченіе пошло спокойнѣе, а когда мы подходили къ бывшему когда-то поселенію Албазинъ, на лѣвомъ берегу, то видѣли въ отдаленіи по сторонамъ только высокіе холмы; здѣсь рѣка опять разлилась на просторѣ широкою лентой. До сихъ поръ Господь проносилъ благополучно. У Албазина рейсъ остановился для ночевки ¹⁾. Въ дальнѣйшемъ плаваніи намъ встрѣчалось множество острововъ, которые мы благополучно обходили. Не знаю, какъ теперь, но въ то время вдоль обоихъ береговъ красовался густой лиственный лѣсъ, а мѣстами по берегамъ попадались замѣчательно красивыя скалы. Послѣ Албазина рейсъ два дня плылъ безъ приключеній, но на третій баржа есаула Медвѣдева ткнулась на мель и отстала отъ флотилии. Муравьевъ не сталъ ожидать ее и повелъ рейсъ дальше въ томъ расчетѣ, что дежурный баркасъ сниметъ баржу, и къ ночи она присоединится къ рейсу, который

¹⁾ Албазинъ, какъ русскій городъ, существовалъ уже въ XVII вѣкѣ. Хотя Амурскій край считался издавна принадлежностью Китая, но фактически китайская власть здѣсь не существовала, а край находился во владѣніи разныхъ кочующихъ народцевъ. Русское государство почти до половины текущаго столѣтія не обнаруживало рѣшительныхъ намѣреній къ приобрѣтенію края, но отдѣльные русскіе удалыцы неоднократно завладѣвали имъ, подобно тому, какъ въ концѣ XVI в. атаманъ Ермакъ Тимофеевичъ на свою руку завоевалъ Сибирь. Въ первый разъ Пріамурскій край открытъ въ 1643—1646 гг. старшиною Поляковымъ, занятъ въ 1649 г. Хабаровымъ, въ 1658 г. отнятъ манджурами, въ 1665 г. снова занятъ горстью бѣглыхъ преступниковъ подъ предводительствомъ Никифора Черняговскаго, въ 1689 г. по Нерчинскому трактату отданъ китайцамъ, которые увели изъ Албазина внутрь Китая русскихъ поселенцевъ. Въ 1849—1851 гг. нами заняты устье и нѣкоторыя побережья Амура. Окончательно отошелъ Амурскій край къ Россіи по Айгунскому трактату 1858 года и Пекинскому договору 1860 года.

на этотъ разъ остановился для ночлега часомъ раньше противъ обыкновеннаго. Дѣйствительно, ночью баржа приплыла. Муравьевъ сдѣлалъ Медвѣдеву строгій выговоръ, причемъ высказалъ мнѣніе, что баржа сѣла на мель единственно по небрежности и неосмотрительности Медвѣдева, какъ начальника. Неосторожный есаулъ вздумалъ оправдываться тѣмъ, что его баржа, соотвѣтственно грузу, сидитъ въ водѣ вдвое глубже, чѣмъ баржа генерала, а потому понятно, что его баржа при такомъ углубленіи не можетъ проходить безпрепятственно всюду, гдѣ проходитъ баржа его превосходительства, погруженная только на одинъ аршинъ глубины. Это оправданіе, хотя по существу и основательное, по своей рѣзкости вызвало цѣлую бурю со стороны Муравьева, который объявилъ Медвѣдеву: «ты мнѣ болѣе не нуженъ, оставайся на берегу на голодную смерть». Всѣ подручные начальники чувствовали и сознавали жестокость этого приговора, но никто изъ нихъ и подумать не смѣлъ оказать заступничество, чтобы смягчить участь провинившагося. Только благодаря доброму участию супруги генерала, Екатерины Николаевны, плившей на рейсѣ, не совершилась безцѣльная жестокость. Она тайно отъ мужа попросила подполковника Корсакова²⁾, любимца Муравьева, взять злополучнаго есаула на дежурный баркасъ и до поры до времени, пока не выпадетъ благопріятный случай, не обнаруживать его присутствія, обѣщая въ удобную минуту уладить дѣло. Такъ и сдѣлали. Медвѣдевъ былъ помѣщенъ на дежурный баркасъ и сидѣлъ тамъ инкогнито болѣе недѣли. Когда хитрость обнаружилась, то Муравьевъ не только не разсердился, но даже, казалось, остался доволенъ.

Спустя нѣкоторое время послѣ происшествія съ баржей Медвѣдева, подобное же несчастіе постигло баржу есаула Пряжевскаго. Мы уже заканчивали свой трудовой день, чтобы спустя какой нибудь часъ времени остановиться для ночлега. Русло Амура круто поворачивало за высокій утесъ. Вслѣдствіе бурнаго теченія, баржа Пряжевскаго не удержалась въ линіи и наскочила на камень въ то время, какъ генераль, а за нимъ и вся флотилія повернули за уголъ утеса. Вслѣдствіе этого, генераль Муравьевъ не могъ видѣть отставшую баржу. Въ надеждѣ, что дежурный баркасъ сниметъ эту баржу съ камня, и она присоединится на ночлегѣ къ рейсу, который остановился въ близкомъ разстояніи, не сочли нужнымъ, подъ вліяніемъ страха, докладывать объ этомъ генералу Муравьеву.

Былъ прекрасный теплый вечеръ. На берегу весело трещали разложенные костры. Казаки хлопотали съ ужиномъ. Всюду оживленный говоръ довольныхъ людей. Наступила ночь, все живое уgomонилось и предалось отдыху и сну. Только генераль съ су-

¹⁾ Впослѣдствіи былъ втеченіе 10 лѣтъ генераль-губернаторомъ Восточной Сибіри.

пругою, сидя на палубѣ своей баржи, продолжали бодрствовать, упиваясь живительнымъ воздухомъ и любуясь картинами дикой природы, облитыми тусклымъ свѣтомъ луны. Вдругъ изъ-за утеса выплыла баржа Пряжевскаго. Ничего не зная объ отставшей баржѣ, Муравьевъ съ безпокойствомъ всматривается вдаль, но, кромѣ темной массы, двигавшейся по водѣ, ничего различить не можетъ. «Кто плыветъ?»—крикнулъ онъ своимъ громовымъ голосомъ. Отвѣта не послѣдовало. Окликъ повторенъ, и опять молчаніе. «Кто плыветъ? Буду стрѣлять!»—крикнулъ генералъ еще громче, и тутъ же скомандовалъ заряжать орудія. Тогда только есаулъ Пряжевскій откликнулся и назвалъ себя. «Гдѣ вы были, на мели?»—«Никакъ нѣтъ, ваше пр—ство, на камнѣ». — «Ступайте ко мнѣ на кухню на три дня подъ арестъ»,—порѣшилъ Муравьевъ. Такимъ образомъ гроза на этотъ разъ миновала благополучно.

Проплывъ нѣсколько дней, мы увидѣли тянувшіяся по правому берегу манджурскія деревни, а съ лѣвой стороны вливавшуюся въ Амуръ большую рѣку Зею. Версть около 30 ниже этого устья обрисовался на правомъ берегу манджурскій городъ Айгунъ. Муравьевъ отдалъ приказаніе: всѣмъ казакамъ быть на палубахъ съ заряженными ружьями; мортиры тоже были заряжены. Плыли мы стройно подъ флагами, держась подальше отъ города подъ лѣвымъ берегомъ. Не смотря на наше грозное настроеніе, изъ Айгуна мирно подплывали къ намъ лодки съ манджурскими чиновниками, которые, подъ предлогомъ пригласить нашихъ офицеровъ къ себѣ на берегъ въ Айгунъ, старались высмотрѣть нашу флотилію. Генералъ, разумѣется, отклонялъ эти приглашенія, и рейсъ нашъ безостановочно продолжалъ, по волѣ теченія, свой путь. На айгунскомъ берегу видѣлась громадная толпа войскъ въ разноцвѣтныхъ костюмахъ, на лошадахъ и пѣшихъ, съ луками, стрѣлами и развѣвавшимися знаменами. Впродолженіе еще трехъ дней нашего плаванія не переставали сновать подлѣ рейса взадъ и впередъ манджурскія лодки, пока не исчезли на берегахъ манджурскія деревни.

Вскорѣ стали намъ попадаться гольды. Они подплывали къ намъ на утлыхъ лодочкахъ, предлагая живую рыбу, осетровую икру, свѣжую и сушеную, и соболя мѣха. Покупка этихъ предметовъ совершалась обмѣномъ на какія нибудь вещицы, чаще всего на самыя ничтожныя бездѣлушки, если какая понравится дикарю. Такъ, за солдатскую оловянную пуговицу давали по соболю, за папушу махорки—тоже соболя, за нитку стеклянныхъ бусъ, пару мѣдныхъ серегъ или колечко такого же достоинства давали по два соболя. У меня былъ небольшой тюменскій коврикъ, купленный когда-то за 3 рубля. Въ походѣ онъ мнѣ доставлялъ разнообразныя услуги. Какъ только увидѣлъ гольдь эту вещь, такъ и присталъ ко мнѣ съ непонятнымъ бормотаніемъ и мимическими просьбами уступить

ее. Не хотѣлось мнѣ разставаться съ коврикомъ. Но гольдь положилъ 5 соболей, схватилъ коврикъ и прыгнулъ въ свою лодочку. Не зная, какое примѣненіе можетъ имѣть эта штука, онъ навѣсилъ ее себѣ на спину и отправился на берегъ, восхищаясь столь рѣдкостнымъ приобрѣтеніемъ. Племя гольдовъ тунгусской породы чрезвычайно безобразное и неряшливое. Широкія скулы, маленькіе глаза съ косымъ разрѣзомъ и приплюснутый носъ вполне характеризуютъ типъ этого народца. Богатство гольда опредѣляется числомъ собакъ, которыя составляютъ у него главное и самое цѣнное достояніе, исполняя всѣ работы, какія у насъ дѣлаютъ лошади. Лѣтомъ заставляютъ собакъ тянуть лодки лямкой вверхъ по рѣкѣ, а зимой запрягаютъ въ нарты и ѣздятъ на нихъ на охоту. Лодка, лукъ со стрѣлами и запасъ юколы ¹⁾—вотъ необходимѣйшіе предметы къ обезпеченію жизни гольда. О существованіи хлѣба онъ не имѣетъ понятія, но къ водкѣ чрезвычайно падокъ. Жилище гольда, расположенное обыкновенно въ лѣсу не далеко отъ берега, представляетъ нехитрый шалашъ вышиною отъ земли около сажени, собранный изъ жердей на четырехъ пняхъ. Нравомъ гольды кротки, и такъ какъ еще не тронуты отрицательными сторонами цивилизаціи, то честны и простодушны. Къ сожалѣнію, водка теперь уже оказываетъ на этотъ народецъ, какъ говорятъ и пишутъ, свое разрушительное вліяніе и въ нравственномъ и въ физическомъ отношеніи.

Спустя дней семь послѣ встрѣчи съ гольдами, нашъ рейсъ втянулся въ довольно узкій проходъ въ родѣ корридора или канала съ высокими стѣнами. Весь бассейнъ амурскихъ водъ, занимавшій до сихъ поръ широкое пространство съ многочисленными протоками среди острововъ, здѣсь слился въ одинъ рукавъ и проложилъ себѣ путь между громадными, вертикально стоящими, утесами свинцоваго цвѣта на протяженіи болѣе 100 верстъ. Мѣстность эта образуется такъ называемымъ Малымъ Хинганомъ и носитъ названіе Хинганскаго хребта. По выходѣ изъ этихъ горъ Амуръ снова разлился въ ширь.

Въ одинъ прекрасный день, нашъ главнокомандующій, наблюдая съ палубы за движеніемъ рейса, замѣтилъ доктора Касаткина и пригласилъ къ себѣ на баржу обѣдать. Только что докторъ хотѣлъ спуститься въ лодку, чтобы переплыть къ генералу, какъ вдругъ баржа доктора, на которой находились всѣ лазаретныя принадлежности, сѣла на мель; къ ней приткнулись ближайшія баржи, и поднялась неизбѣжная суматоха. Тутъ ужъ доктору было не до обѣда, и онъ остался для распоряженій по возстановленію порядка. Нѣсколько баржъ, сдѣлавъ поворотъ, проплыли мимо вслѣдъ за Муравьевымъ, а 17 баржъ, столпившись въ кучу, остались на мели.

¹⁾ Сушеная рыба, служащая продовольствіемъ какъ для семейства, такъ и для собакъ.

Тутъ мы провозились ровно двое сутокъ, пока поставили баржи въ фарватеръ и исправили нѣкоторыя поврежденія. Затѣмъ, пустившись по теченію, старались догнать Муравьева съ уплывшимъ обѣдомъ для доктора, но догнать не было суждено. Такимъ образомъ, оторвавшись отъ генерала Муравьева и не имѣя общаго командира и руководителя, мы плыли сами не зная куда. Правда, командиръ нашъ Скобельцынъ, къ несчастію уплывшій на баржѣ вслѣдъ за Муравьевымъ, еще въ началѣ экспедиціи рассказывалъ, что конечнымъ пунктомъ нашего плаванія долженъ быть гилякскій улусъ Кизи, названный Маринскимъ постомъ, находящійся на правомъ берегу Амура, не доплывая верстъ 300 до Николаевского порта, гдѣ Амуръ впадаетъ въ Татарскій проливъ. Но никакихъ определенныхъ указаній у насъ не было. Поэтому, на основаніи словъ Скобельцына, рѣшили неуклонно держаться правыхъ протоковъ въ широкомъ плесѣ низовья Амура, чтобы не проплыть мимо Кизи и не попасть въ проливъ.

На этомъ пути намъ часто попадались и въ лодочкахъ и по берегу гиляки, народецъ въ общемъ похожій на гольдовъ, но много превосходящій ихъ и по безобразію своего типа и по неопрятности. Отъ гиляка на разстояніи 10 шаговъ несетъ такимъ смраднымъ духомъ, что трудно выносить. Женщины едва ли еще не болѣе неряшливы, чѣмъ мужчины, хотя онѣ и отличаются склонностью къ франтовству своего рода. Такъ, подолъ ихъ одежды изъ рыбьей кожи вышитъ кругомъ вычурными, хотя и грубыми, разводами, а перегородка широкаго и плоскаго носа проткнута серебрянымъ треугольникомъ съ завитками въ родѣ буквы Л, и это украшеніе болтается надъ ихъ верхней губой. Гиляки ѣдятъ сырую рыбу, бѣлку, соболя и ценятъ. Это послѣднее мясо считается самымъ лакомымъ угощеніемъ и преподносится обыкновенно только почетному гостю. До какой степени дикъ этотъ народецъ, показываетъ то, что онъ боготворитъ медвѣдя и, чтобы умилостивить этого страшнаго своего бога, совершаетъ ему издали разныя жертвоприношенія.

Гиляки тоже подтвердили намъ и пантомимой и кое-какъ черезъ толмача, что до улуса Кизи можно проѣхать, придерживаясь праваго берега, иначе проплывемъ мимо. Опасаясь этой непріятной случайности, мы стали держаться самыхъ крайнихъ правыхъ протоковъ. Избирая пути по этому крайнему направленію, мы попали, наконецъ, въ настоящій водный лабиринтъ среди многочисленныхъ рукавовъ рѣки, извиающихся между островами, и плыли два дня такою узкою правою лентой, что баржи дѣплялись за тальникъ, росшій по берегамъ и затопленный теперь разливомъ Амура. Вдругъ нашему плаванію встрѣтилось противное теченіе, отчего заднія баржи натолкнулись на переднія, а нѣкоторыя попали на кусты и запутались въ нихъ. По неволѣ стали втупикъ, не зная, что пред-

принять. На всякій случай, изъ опасенія чего либо еще худшаго, каждая баржа привязалась къ крѣпкому кусту, чтобы удержаться, по крайней мѣрѣ, на мѣстѣ.

Между тѣмъ, бывшіе съ нами въ рейсѣ моряки, князя Оболенскій и Максютовъ, отправились въ лодкѣ на развѣдку, чтобы опредѣлить мѣстность. Черезъ полдня ожиданія они возвратились и объявили, что мы стоимъ при входѣ въ какое-то озеро, но какое именно—неизвѣстно, опредѣлили же это по озерной зыби. Моряки сказали, что на озерѣ сильный вѣтеръ, вслѣдствіе чего высоко поднимающіяся волны образовали противное намъ теченіе; при этомъ они высказали свое мнѣніе, что намъ необходимо выбратъся на озеро, изъ котораго, судя по склону горъ, нужно предполагать выходъ въ Амуръ.

Началась усиленная работа. Всю ночь люди протягивали баржу за баржой, хватаясь за вершины кустовъ; въ результатѣ этихъ трудовъ всѣ наши суда съ разсвѣтомъ были уже на озерѣ, которое, какъ мы послѣ узнали, носитъ названіе Кизи, какъ и улусъ, къ которому мы плыли. Напоръ валовъ, подбрасывая и опуская баржи, гналъ насъ влѣво, а нужно было плыть прямо къ виднѣвшемуся впереди утесистому берегу, за угломъ котораго верстахъ въ трехъ ожидалъ нашего прибытія генераль Муравьевъ. Это направленіе пути уяснилось для насъ по слѣдующему обстоятельству. На верху одной горы, при истокѣ озера въ Амуръ, былъ поставленъ, по приказанію Муравьева, пикетъ изъ казаковъ караулить рейсъ, чтобы онъ не проплылъ мимо, еслибъ держался лѣваго берега. Съ этого пункта мы были замѣчены на озерѣ въ борьбѣ съ волнами. Тотчасъ же къ намъ былъ высланъ маленькій, въ 4 силы, пароходикъ «Надежда», съ помощью котораго рейсъ по указанному протоку и выплылъ въ Амуръ къ тому мѣсту, гдѣ стояла баржа Муравьева ¹⁾). Это было 7-го іюня.

Едва только баржи успѣли причалить къ берегу, какъ послѣдовала команда: «полубаталіону выходить на берегъ съ ружьями и строиться въ три шеренги». Здѣсь представилась глазамъ необычайная картина: въ лѣсу, саженьхъ въ 10 отъ берега, конные казаки копали яму и ставили подлѣ же столбъ. Выстроенный полубаталіонъ въ медвѣжьихъ папахъ и всѣ офицеры штаба Муравьева съ пасмурными лицами составляли декорацію зловѣщей сцены. Очевидно, должна была произойти страшная драма, но кто падетъ жертвой, мы, новоприбывшіе, не знали. Тѣмъ временемъ

¹⁾ Пароходикъ «Надежда» былъ привезенъ грузомъ въ Николаевскъ вице-адмираломъ Путятинымъ, тѣмъ самымъ, который въ 1854 году послѣ бомбардировки англичанами Петропавловскаго порта ловко проскользнулъ мимо англійскихъ крейсеровъ, караулившихъ его въ Тихомъ океанѣ. На этомъ пароходикѣ контръ-адмиралъ Невельской поднялся по Амуру вверхъ и зимовалъ въ Кизи.

нахмуренный Муравьевъ шагаль передъ фронтомъ взадъ и впередъ, какъ бы чего-то выжидая. Вскорѣ два казака привели подъ ружьями офицера и стали передъ фронтомъ. Офицеръ этотъ, какъ послѣ оказалось, былъ есаулъ Имбергъ. Онъ держался на костыляхъ, вслѣдствіе пораженія ногъ цынгою, и вообще имѣлъ видъ болѣзненный и до крайности извуренный. Послѣдовала команда: «справа и слѣва заходи». Затѣмъ генераль Муравьевъ громко началъ говорить слѣдующую сентенцію: «Этотъ офицеръ, въ послѣднихъ числахъ марта, допустилъ двумъ непріятельскимъ пароходамъ, приходившимъ въ бухту де-Кастри, сдѣлать промѣры и не только не воспрепятствовалъ этому, но и вообще не предпринялъ никакихъ военныхъ мѣръ противъ непріятели. А потому, по положенію военного времени, онъ, есаулъ Имбергъ, подлежитъ разстрѣлу, какъ за измѣну». Вотъ отдѣлился уже взводъ казаковъ съ заряженными ружьями. Оставалось произнести послѣднюю роковую команду... Какъ часто, однакожь, жизнь и смерть зависятъ отъ самыхъ незначительныхъ обстоятельствъ. Неожиданно прибѣжалъ лакей и доложилъ генералу, что ея превосходительство проситъ немедленно пожаловать къ нимъ на баржу, и неумолимый судья поспѣшно ушелъ на призывъ добраго генія, оставивъ всѣхъ въ тягостномъ оцѣпенѣніи. Подулъ бурный вѣтеръ, нависла туча, нахмурилась природа. Имбергъ сосредоточенно опустилъ глаза; казалось, онъ творилъ свою послѣднюю предсмертную молитву; изрѣдка на его восковомъ лицѣ пробѣгали судорожныя движенія. Всѣ замерли въ невыносимомъ ожиданіи развязки, на душу каждого навалился давящій кошмаръ, спирало дыханіе. Прошла мучительная четверть часа. Вдругъ раздается съ палубы громкій приказъ Муравьева: «Взять есаула Имберга подъ арестъ на двѣ недѣли и употреблять на черную работу». Всѣ вздохнули полною грудью, а бѣдный есаулъ заплакалъ, какъ ребенокъ¹⁾.

¹⁾ На сколько выяснилось изъ разсказовъ участниковъ и свидѣтелей, слышанныхъ нами, дѣло Имберга представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ 1854 году, генераль-губернаторъ Муравьевъ, совершивъ свою первую экспедицію на Амуръ съ сотнею конныхъ казаковъ подъ командой есаула Имберга и со взводомъ горной батареи подъ начальствомъ капитана Кузьменка, оставилъ эти части зимовать на Маринскомъ посту, при устьѣ Кизи, назначивъ комендантомъ Имберга, а самъ возвратился аянскимъ трактомъ въ Иркутскъ. Позднею осенью въ томъ же году, послѣ разгрома англичанами Петропавловскаго порта, прибыли въ Николаевскъ съ эскадрами адмиралы Невельской и Завойко. Первый поднялся на пароходикѣ «Надежда» вверхъ по Амуру и зазимовалъ въ Кизи, а послѣдній остался зимовать въ Николаевскѣ съ камчадалами, бѣжавшими послѣ разгрома изъ Петропавловска. Когда въ мартѣ 1855 года въ бухтѣ де-Кастри появились непріятельскіе пароходы и стали дѣлать промѣры, то одинъ изъ трехъ казаковъ, находившихся для наблюденій въ этомъ пунктѣ, отправился въ Маринскій постъ съ донесеніемъ къ Имбергу, который уже нѣсколько недѣль не вставалъ съ постели, будучи одержимъ цынгой въ сильной степени развитія. Преодолывая неимоверныя трудности на пространствѣ 70 верстъ, ка-

Въ тотъ же день послѣдовало приказаніе: нагрузить лодки необходимою провизіей и завтра же казакамъ отправиться въ де-Кастри. Раннимъ утромъ 8-го іюня нашъ полубаталіонъ въ полномъ составѣ уже плылъ по озеру Кизи, придерживаясь лѣваго утесистаго берега. Послѣ двухдневнаго плаванія, втянувшись въ узкій протокъ, мы направились къ противоположному берегу, выгрузили здѣсь лодки и построили балаганы изъ корья для склада провизіи. Переночевавъ, на другой день мы двинулись лѣсомъ въ горы. Чтобы достигъ назначеннаго пункта, намъ предстояло пройти съ пушками хребетъ въ 21 версту. Разстояніе небольшое, но задача оказалась трудною. Густой лѣсъ съ чащею кустарниковъ, перевитыхъ плотною сѣтью вьющихся растеній, представлялъ сплошную преграду; притомъ же встрѣчались нерѣдко топи и трясины. Поэтому есаулъ Пряжевскій шелъ впереди съ полуротой, прорубалъ просѣку и настилалъ гати; по мѣрѣ подготовки пути, артиллерія наша подвигалась впередъ съ остальными людьми. На четвертый день похода, насъ догналъ генералъ Муравьевъ, приказалъ остановиться и варить обѣдь, прибавивъ, что мы пришли на свое мѣсто, такъ какъ де-Кастри отсюда рукой подать. Все это произвело на отрядъ оживляющее дѣйствіе. Запылали костры, закипѣли котелки, раздалась веселая пѣсня казаковъ, которые видимо были ободрены присутствіемъ начальника.

Мѣстность, на которой мы расположились, представляла ко-согоръ съ чахлымъ листовнымъ и пихтовымъ лѣсомъ. Вѣтви корявыхъ деревьевъ гнулись подъ тяжестью зеленоватаго мха. Такою же мохъ сплошь покрывалъ землю, и нога уходила въ мякоть выше лодыжки. На первыхъ порахъ мы были довольны, что остановились въ такомъ мѣстѣ, гдѣ подъ ногами имѣется готовая мягкая постель, но впоследствии пришлось бѣжать отъ этого блаженства. Послѣ двухчасоваго отдыха послѣдовало приказаніе очищать мѣсто для лагеря, рубить лѣсъ и строить изъ корья балаганы.

закъ добрался на лыжахъ до поста на 3-й день. Имбергъ тотчасъ же отправилъ въ де-Кастри команду съ 2 единорогами подъ начальствомъ капитана Кузьменка, но за глубокимъ снѣгомъ и густою мятелюю не было возможности слѣдовать, не смотря на то, что впереди пушекъ шла команда казаковъ съ цѣлью прокладывать дорогу. При всѣхъ усиліяхъ, втеченіе дня проволокли пушки только версты на 4, а затѣмъ, выбившись изъ силъ и убѣдившись въ совершенной невозможности двинуться дальше, люди оставили пушки и, едва волоча ноги, засыпаемые снѣгомъ и закопченными, прилепились назадъ. Какъ оказалось послѣ, усилія эти были уже не нужны или, по крайней мѣрѣ, не своевременны, потому что непріятельскіе корабли только два часа находились въ бухтѣ, потомъ ушли въ море и больше не возвращались. На сколько въ этой неудачѣ виноватъ былъ Имбергъ, пусть судитъ исторія. Но когда Муравьевъ прибылъ въ Маринскій постъ, то Невельской представилъ ему это дѣло въ такомъ видѣ, что Имбергъ совершилъ умышенное упущеніе. Это и было поводомъ къ страшной грозѣ, разразившейся надъ есауломъ и едва не уложившей его въ могилу.

Дружно застучали топоры, деревья стали валиться направо и налево, и быстро образовалась площадь. Ободравши деревья, казаки строили жилье, и на третій день кипучей работы мы уже разместились лагеремъ въ балаганахъ. Время отъ времени до слуха нашего доносился какой-то отдаленный гулъ, похожій на рокоть волнъ. Какъ послѣ выяснилось, шумъ этотъ производился приливомъ и отливомъ моря, такъ какъ Татарскій проливъ находился отъ насъ саженьхъ въ 400.

Съ перваго же дня нашего водворенія въ лагерѣ и почти вплоть до августа моросилъ мелкій дождь, и въ воздухѣ плавала какая-то мгла, что угнетающимъ образомъ вліяло на отрядъ. Недѣлю спустя, площадь превратилась въ болото и образовалась топь. Оставаться въ этой сырости было опасно, и мы, изыскивая лучшее мѣсто, поднялись по косовету выше сажень на 200, расчистили новую площадь и вновь устроились въ шалашахъ. Но впоследствии, подъ вліяніемъ постоянныхъ дождей, и эта площадка оказалась такою же топью. Пришлось перенестись опять на новое мѣсто. Втеченіе нашей стоянки люди прорубили нѣсколько узкихъ просѣкъ къ берегу, а на случай появленія непріятеля накопили волчьихъ ямъ, построили нѣсколько засадъ, баррикадъ и блиндированныхъ закрытій.

Между тѣмъ, сталъ обнаруживаться недостатокъ въ продовольствіи. Главное затрудненіе состояло въ доставкѣ съѣстныхъ припасовъ съ озера, откуда поль-роты ежедневно по очереди таскали на своихъ плечахъ черезъ хребетъ, на пространствѣ болѣе 20 верстъ, тяжелые мѣшки. Но доставать провизію на весь отрядъ не успѣвали. Началъ давать себя чувствовать голодъ. Спасибо еще, что недостатка въ водѣ не было, благодаря многочисленнымъ ключамъ въ этой мѣстности. Люди, водворенные на тундрѣ, находясь подъ вліяніемъ атмосферной сырости, при непосильной работѣ и въ напряженномъ ожиданіи военныхъ дѣйствій, изнурялись и падали духомъ. Въ довершеніе злключеній, сухари, приносимые изъ нашего склада, хотя уже отъ сырости заплѣсневѣли, но сначала были въ чистыхъ мѣшкахъ, а дальше оказалось, что большая часть сухарнаго запаса была уложена, еще при заготовленіи на мѣстѣ, въ такіе мѣшки, въ которыхъ прежде находился табакъ. Промываніе и вымачиваніе сухарей мало помогало; поэтому рѣдко кто не страдалъ рвотой, поѣвъ съ голодухи этого приправленнаго никотиномъ кушанья. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ неблагоприятныхъ условій, люди все чаще и чаще стали подвергаться дизентеріи, воспаленію легкихъ, злокачественной лихорадкѣ и скорбуту въ тяжелой формѣ. На лицахъ у всѣхъ проглядывало уныніе и безнадѣжность.

Чтобы ободрить и поднять духъ людей, Муравьевъ вздумалъ устраивать разныя гимнастическія упражненія и игры, самъ даже участвуя въ нихъ, но ничто не помогало: люди ходили, какъ тѣни,

болѣзни не ослабѣвали и смертность усиливалась. Наконецъ, надумали строить лазаретное зданіе, чтобы надлежащимъ образомъ пріютить больныхъ, и къ 4-му сентября вывели до крыши, а 5-го Муравьевъ со своимъ штабомъ и врачомъ Касаткинымъ выѣхалъ черезъ Аянъ въ Иркутскъ, рѣшивъ, что въ такое позднее время непріятель едва ли появится; еще менѣе было вѣроятія, чтобы онъ рѣшился высадить десантъ, а потому и ждать его нечего. Передъ отъѣздомъ генераль приказалъ: нашему полубаталіону въ полномъ составѣ или, если окажется удобнѣе, частью остаться на зимовку здѣсь на мѣстѣ, у бухты де-Кастри, а прибывающимъ линейнымъ баталіонамъ зимовать въ Маринскомъ посту. При этомъ онъ уполномочилъ подполковника Сеславина властью командующаго сухопутными войсками, а контръ-адмирала Зовойко (въ Николаевскѣ)—морскими силами. Переставъ ожидать непріятеля, начальство приказало два единорога со снарядами (самую грозную нашу силу) подкатить на лафетахъ подъ навѣсъ на зимовку. Вскорѣ оставилъ насъ и Сеславинъ, отправившись со второю казачьей ротой, подъ командой есаула Забѣлло, на зимовку въ Маринскій постъ. Въ де-Кастри остался только есауль Пузино съ первою ротой, да еще конные казаки и артиллеристы съ Имбергомъ и Кузьменкомъ, находившіеся въ Маринскомъ посту съ прошлаго года. На мою особу въ скромномъ званіи фельдшера досталась важная миссія охранять здоровье людей и завѣдывать лазаретомъ.

Утромъ, 9-го сентября, верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ отъ берега, какъ грибокъ послѣ дождя, появилось трехмачтовое судно «Бостонъ» подъ американскимъ флагомъ. На спущенномъ вельботѣ приплыли къ берегу трое американцевъ: Чезъ, Корнъ и Пирсъ, и объявили, что они прибыли къ намъ съ грузомъ продуктовъ. Это событіе произвело у насъ неописанную радость. На другой день, послѣ предварительныхъ хозяйственныхъ переговоровъ, приступили къ выгрузкѣ судна. Грузъ состоялъ преимущественно изъ съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ, какъ-то: солонины, масла, сахара, сухарей крупчатыхъ, конфетной муки, гороха, рису, кофе, окороковъ, разнаго рода консервовъ (оказались даже ананасы и бергамоты), столовыхъ винъ и крѣпкихъ напитковъ къ бочкахъ: джину, виски, бранды, рому, портеру, эля. Были манильскія и гаванскія сигары, а также большой запасъ готоваго платья и непромокаемой обуви. Словомъ сказать, берегъ де-Кастри изъ убогаго и голоднаго превратился въ кисельной и подернулся медомъ и млекомъ. Правда, все это продавалось по неизвѣрно дорогимъ цѣнамъ, за исключеніемъ напитковъ и сигаръ, напримѣръ, солонина 9 рублей пудъ, масло 1 рубль за фунтъ, кулекъ муки въ 50 фун. 6 рублей. За то же всѣ припасы были самаго высокаго качества; солонина, напримѣръ, такъ была хороша, что мы ѣли ее сырымъ.

Приходь американцевъ сильно оживилъ наше пустынное прозябаніе. Голодъ и другія невзгоды забыты, люди повеселѣли, и снова раздалась давно примолкшая удалая русская пѣсня. Между прочимъ американцы высказывали мнѣніе, что въ настоящее столь позднее время нельзя ожидать, чтобы пришелъ сюда непріятель, иначе онъ подвергнулся бы въ плаваніи большому риску. То же самое подтвердили капитанъ-лейтенантъ Ѳедоровичъ и лейтенантъ Линденъ, прибывшіе съ Маринскаго поста за покупками припасовъ у американцевъ. Это предположеніе укрѣпилось у всѣхъ еще болѣе тѣмъ, что съ 1-го октября началъ порошиться снѣгъ, при рѣзкомъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, а морскія волны вздымались высокими валами. Поэтому всякія военныя приготовленія были отложены на задній планъ, и мы предались исключительно мирнымъ занятіямъ: спѣшили окончаніемъ строящейся казармы и производили выгрузку провизіи съ благодѣтельнаго судна.

Понятно, какъ всѣ были ошеломлены, когда съ разсвѣтомъ 3-го октября, впереди американскаго судна, словно по какому волшебству, появились безъ флаговъ два военныхъ парохода и фрегатъ, съ бортовъ которыхъ грозно выглядывали жерла пушекъ. На палубахъ не видно было ни одной живой души, и морская тишина нарушалась только плескомъ прибоя, отскакивающего отъ каменнаго берега дождемъ сѣдыхъ брызгъ. Наши моряки Ѳедоровичъ и Линденъ, пристально всматриваясь въ конструкцію судовъ, затруднялись опредѣлить, какой націи они принадлежатъ; чувствовалось опредѣленно лишь то, что новопрішельцы—наши непріатели и появились они съ недобрыми намѣреніями. Всего вѣроятнѣе казалось, что это англичане.

Тотчасъ, по распоряженію есаула Пузино, выкатили два нашихъ единорога и, подъ прикрытіемъ густой лѣсной заросли, поставили скрытно на высококомъ мысу, вдавшемся утесистымъ обрывомъ въ проливъ, слѣва нашей позиціи. Наличныхъ казаковъ, способныхъ стать подъ ружье, набралось у насъ не болѣе 120 человекъ. Они залегли съ штуцерами полукругомъ вблизи берега, размѣстившись въ засадахъ по двое. Остальные же казаки, ранѣе обнаруженія непріателя въ бухтѣ, ушли на озеро за провіантомъ. Къ нимъ побѣжалъ вѣстовой, чтобы отозвать назадъ, а другою послѣшилъ къ подполковнику Сеславину съ извѣщеніемъ о прибытіи англичанъ. Пузино, Ѳедоровичъ и я, зарядивъ штуцера, засѣли скрытно подъ деревомъ впереди засадъ и зорко наблюдали за пароходами и фрегатомъ. Американское судно очутилось въ блокадѣ. Въ такомъ выжидательномъ положеніи мы оставались до часу дня, какъ вдругъ изъ-за тыльныхъ бортовъ разомъ выплыли 16 баркасовъ подъ англійскимъ флагомъ съ вооруженными людьми и, вытянувшись въ двѣ колонны, поплыли на веслахъ къ берегу. Немедленно послано было приказаніе фейерверкеру Ченскому, находившемуся у

орудій на мысу, чтобы онъ не прежде пустилъ ядро по непріятелю, какъ первый рядъ баркасовъ станетъ причаливать къ берегу, что и послужитъ сигналомъ для нашихъ ружейныхъ залповъ. Непрiятельскіе гребцы сильно работали веслами въ упоръ морскому отливу, благодаря которому плаваніе шло довольно медленно. Вотъ первый рядъ уже совсѣмъ приблизился, два баркаса коснулись обнаженнаго отливомъ берега. Въ этотъ моментъ, не ожидая пушки, мы пустили въ незваныхъ гостей три своихъ пули, одновременно грянула и пушка, угодивъ ядромъ у самаго носа баркаса. Казаки тоже пустили залпъ. Моментально англичане въ баркасахъ вскочили на ноги и открыли огонь на мысь ружейными залпами. Къ сожалѣнію, при первыхъ же выстрѣлахъ непріятеля, пуля раздробила Ченскому кость правой руки выше кисти; но онъ сгоряча, не обращая вниманія на серьезную рану, выпалилъ изъ другого орудія и на этотъ разъ столь удачно, что ядро попало въ одинъ изъ баркасовъ. Произошло смятеніе, началась пересадка людей въ другіе баркасы, а на фрегатѣ заиграли отступленіе. Когда баркасы повернули назадъ, то наши казаки, воодушевленные удачей, выбѣжали изъ разныхъ угловъ съ крикомъ «ура» и провожали отступавшихъ непрерывною пальбой. Англичане не оставались въ долгу и, удаляясь отъ насъ, градомъ сыпали пули, которыя перелетали черезъ наши головы.

Эта перестрѣлка продолжалась четверть часа, то-есть до тѣхъ поръ, пока баркасы не очутились внѣ выстрѣловъ. Тогда съ парходовъ и фрегата разомъ загрохотали всѣ пушки. Градъ бомбъ, ядеръ и шрапнели сыпался у насъ по лѣсу, иногда вырывая деревья съ корнемъ. Залпъ за залпомъ слѣдовалъ почти непрерывно и окончился въ 6 час. вечера. Этотъ первый день канонады сопровождался для насъ печальными результатами: у насъ оказалось 4 убитыхъ и 8 раненыхъ. Такую большую потерю нужно приписать тому, что въ первый день наши люди еще не успѣли приспособиться къ положенію, чтобы избѣгать смертоносныхъ снарядовъ. Впослѣдствіи мы научились узнавать направленіе летящихъ снарядовъ и принадлеать къ землѣ или прятаться въ яму, въ виду упавшей близко бомбы, чтобы спастись отъ ея осколковъ. Благодаря этимъ предосторожностямъ, у насъ больше совсѣмъ не было потерь. На другой день бомбардировка не умолкала съ 8 час. утра до 6 час. вечера. Всѣ выстрѣлы направлялись на наши зданія, но снаряды или не долетали до цѣли, или перелетали, не причинивъ намъ никакого вреда. Съ такимъ же счастливымъ для насъ исходомъ продолжалась бомбардировка и въ слѣдующіе дни. Но на 7-й день канонады непріятель измѣнилъ свою систему и сталъ донимать насъ перекрестнымъ огнемъ: по всѣмъ направленіямъ трещали и разрывались бомбы, визжали гранаты и зажигательные

снаряды. Въ этотъ разъ загорѣлась недостроенная казарма, но казаки потушили пожаръ.

Положеніе наше было крайне досадное, потому что мы оставались внѣ борьбы и не имѣли никакой возможности причинить вредъ непріятелю; мы обречены были только на то, чтобы принимать на себя удары врага. Всѣмъ, отъ офицера до послѣдняго солдата, горько и обидно было сознавать свою беспомощность и оставаться въ полномъ бездѣйствіи. Только и разговоровъ было, что на одну тему: «эхъ, кабы высадился, да въ рукопашку, а то онъ тебя бьетъ, а ты ему ни шиша, видишь его, да ничѣмъ не достанешь». Какая-то безнадежность и уныніе стали проникать въ душу. До сихъ поръ Богъ еще миловалъ, а что будетъ дальше?..

Ночью, послѣ седьмой бомбардировки, къ намъ подоспѣлъ командующій войсками Сеславинъ съ 2-ю казачьею ротой, да еще сзади тянулись два линейныхъ баталіона, которые и остановились бивуакомъ въ лѣсу, верстахъ въ трехъ отъ мѣста дѣйствій. Хотя съ прибытіемъ подкрѣпленій положеніе наше въ военномъ отношеніи не улучшилось, но все же отрядъ почувствовалъ себя бодрѣе въ неясной надеждѣ: авось не удастся ли заманить непріятеля на берегъ, чтобы помѣряться штыками. Но англичанинъ хитеръ. Зная уже о нашихъ двухъ пушкахъ, при которыхъ естественно должна находиться и нѣкоторая часть войскъ, и не имѣя точныхъ свѣдѣній о мѣстности въ лѣсу, гдѣ легко попасть въ засады и даже нарваться на мины, англичане не рискнули высадить десантъ, а предпочитали безнаказанно посылать намъ свои артиллерійскіе снаряды вплоть до 19-го октября. Послѣ этого, быть можетъ, въ виду усилившихся холодовъ, ушли въ море. Американское судно осталось на мѣстѣ.

По уходѣ непріятеля, обнаружилось, что всѣ предметы, выгруженные съ американскаго суда и находившіеся на открытомъ берегу, были разбиты ядрами и бомбами и буквально уничтожены. Имѣя теперь больше рукъ, мы принялись общими силами освобождать благодѣтельное судно отъ груза, и работа эта, при дружныхъ усиліяхъ, была окончена въ нѣсколько дней. Опроставшееся судно ушло. Вслѣдъ затѣмъ Сеславинъ возвратился съ войсками въ Маринскій постъ, оставивъ въ де-Кастри попрежнему есаула Пузино съ ротой, ранеными и больными. Наши казаки принялись достроивать свою казарму, поставили кое-какія печи, приладили нары и такимъ образомъ приготовили себѣ убѣжище отъ холодовъ, которые довольно сильно уже давали себя чувствовать.

Наступила ненастная и мрачная осень, свойственная здѣшнему приморскому климату, съ ураганами и вьюгами. Густая сѣрая мгла постоянно наполняла воздухъ. Выпавшій снѣгъ былъ до того глубокъ, что безъ лыжъ нельзя было шагу сдѣлать. Работы впереди было не мало, нужно было подготовиться къ встрѣчѣ съ не-

пріятелемъ, такъ какъ весною ожидалась вражеская эскадра. Но, при исключительныхъ условіяхъ нашего положенія, пришлось отложить всякое попеченіе до болѣе благопріятнаго времени. Изъ американскаго груза частица осталась для насъ, а большую часть гиляки перевозили на собакахъ въ Николаевскъ и Маріинскій постъ. Жизнь пошла однообразная и тоскливая, время тянулось безконечно, минута казалась вѣчностью, не знали, какъ прожить свое томительное бездѣйствіе, читать было нечего, разговаривать не о чемъ, даже побродить на воздухъ было невозможно, потому что глубокой снѣгъ представлялъ непреодолимое препятствіе, не говоря уже о непрерывныхъ вьюгахъ. Больныхъ набралось столько, что запаса бѣлья оказалось недостаточно, да и мыть его было затруднительно. Такъ какъ двумъ раненымъ необходимо требовалось сдѣлать операціи, то при посредствѣ гиляковъ снесли съ начальствомъ, и къ намъ былъ командированъ изъ Николаевска молодой и полный жизни флотскій докторъ Бартъ. Пока, однакожь, докторъ добрался къ намъ, одинъ раненый уже умеръ, а другой, хотя ему и была сдѣлана операція, погибъ отъ скорбута. Бартъ, этотъ прекрасный врачъ и симпатичный человѣкъ, остался съ нами, но потомъ заболѣлъ цынгой и въ мартѣ 1856 года умеръ. Цынга стала развиваться въ нашемъ маленькомъ отрядѣ еще съ декабря 1855 года и производила у больныхъ такія глубокія разстройства, что если кто не умиралъ отъ нея, то долго оставался прикованнымъ къ постели. Въ февралѣ 1856 года, люди стали валиться отъ тифа, который почти во всѣхъ случаяхъ осложнялся заушницей, и потому больные быстро умирали отъ задушенія. Уныніе овладѣло всѣми, и люди двигались, какъ тѣни, совершая почти каждый день похороны товарищей. Особенно удручало то обстоятельство, что, за неимѣніемъ священника, покойниковъ предавали землѣ безъ христіанскаго обряда. Положеніе остающихся въ живыхъ было болѣе болѣе безотрадное, что провізія у насъ была уже на исходѣ, нѣкоторые необходимые припасы совсѣмъ вышли, въ перспективѣ грозилъ голодъ. Упавшихъ духомъ людей не ободряло и прибытіе въ де-Кастри въ срединѣ марта полковника Сеславина съ войсками. Хотя запасъ продуктовъ теперь увеличился, но все же ихъ расходовали съ экономіей, и люди наши, обезсиленные болѣзнями и проголодью, не могли возстановить своихъ силъ, тѣмъ болѣе, что, кромѣ цынги и тифа, съ наступленіемъ апрѣля отрядъ нашъ сталъ болѣть еще желтою лихорадкой и кровавымъ поносомъ. Лазаретъ давно уже былъ переполненъ, а за неимѣніемъ мѣста въ немъ больные валялись въ казармѣ вмѣстѣ со здоровыми.

Съ появленіемъ весны стали ждать непріятеля, но изъ оставшихся въ живыхъ людей едва ли половина могла стать подъ ружье. Въ половинѣ апрѣля пикетъ донесъ, что вдали видно какое-то судно,

которое направляется въ нашу сторону. Поднялась тревога, двѣ наши пушки заняли свою позицію, люди размѣстились на окраинѣ лѣса въ устроенныхъ засадахъ. Вскорѣ военный фрегатъ подъ французскимъ флагомъ вошелъ въ бухту и выкинулъ парламентерскій флагъ. Сеславинъ съ такимъ же флагомъ, сопровождаемый двумя офицерами, выступилъ на открытый берегъ, а съ фрегата приплылъ въ вельботѣ командиръ судна тоже съ двумя офицерами. Французскіе моряки радостно объявили, что война кончена, что миръ между Россіей и союзниками уже подписанъ, и теперь въ качествѣ друзей они просили дозволенія половить рыбы для команды у нашего берега. Но Сеславинъ, не имѣя официальныхъ свѣдѣній о заключеніи мира, не согласился на это. Иначе и поступить было нельзя, тѣмъ болѣе, что французы, не смотря на ихъ рыцарскій характеръ, могли употребить хитрость, чтобъ высмотрѣть наше положеніе. Тѣмъ не менѣе, французы тутъ же на берегу распили съ нашими шампанское, при взаимныхъ поздравленіяхъ съ окончаніемъ войны, и дружески простившись, возвратились на фрегатъ, который сейчасъ же ушелъ въ море.

Болѣзненность между тѣмъ не утихала, и смерть каждый день вырывала новыя жертвы. Прибывшій въ де-Кастри съ 15-мъ линейнымъ баталіономъ врачъ Ренчицкій заболѣлъ тифомъ; одновременно и я свалился, но на 11-й день очнулся и сталъ выздоравливать, а врачъ умеръ. Всѣ раненые, не смотря на самыя усердныя старанія сохранить хоть одного, умерли отъ цынги, въ томъ числѣ и фейерверкеръ Ченскій. Всѣмъ страстно хотѣлось поскорѣе выбраться изъ этого проклятаго мѣста. Казалось, что если мы тутъ останемся подольше, то ни одинъ человекъ не выйдетъ отсюда живымъ. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ мая прибылъ изъ Иркутска курьеръ съ извѣстіемъ о заключенномъ мирѣ и привезъ распоряженіе: всѣмъ войскамъ, кромѣ 15-го линейнаго баталіона и сотни конныхъ казаковъ, возвратиться вверхъ по Амуру въ Забайкалье, при чемъ сообщалось, что обезпеченіе войскъ провизіей возложено на полковника Буссе, отправившагося на катерѣ внизъ по Амуру строить по лѣвому берегу шалаши въ удобныхъ пунктахъ для склада провіанта ¹⁾.

¹⁾ Буссе состоялъ при Муравьевѣ чиновникомъ особыхъ порученій. Плыва внизъ по Амуру на веслахъ, онъ учреждалъ шалаши подъ складъ провизіи для войскъ, которыя будутъ возвращаться (противъ теченія), такимъ порядкомъ: если онъ проплывалъ на гребяхъ 10 дней и останавливался для распоряженія о постройкѣ шалаша, то приказывалъ выдавать продовольствіе возвращающимся частямъ на 20 дней, то-есть на двойной срокъ плаванія и т. д. Это несообразное распоряженіе породило еще горшее бѣдствіе, чѣмъ какое мы пережили въ де-Кастри, какъ будетъ видно изъ послѣдующаго разсказа. Впослѣдствіи, когда по Пекинскому трактату весь Амурскій край отошелъ къ Россіи, Буссе былъ назначенъ первымъ амурскимъ губернаторомъ. Онъ основалъ городъ Благовѣщенскъ, въ которомъ и умеръ.

Трудно выразить человѣческимъ языкомъ охватившее насъ чувство радости при извѣстїи о возвратѣ насъ за Байкаль. На лицахъ засіяло такое счастливое и свѣтлое выраженіе, какое присуще православному люду только въ день св. Пасхи среди родной обстановки. Подъемъ духа былъ такъ высокъ, что большая часть больныхъ почувствовали въ себѣ сразу физическую бодрость и энергію. Каждый рвался поскорѣе оставить этотъ гнилой уголь, гдѣ погибло такъ много жертвъ. Съ другой стороны нельзя было смотрѣть безъ сердечной боли на людей 15-го баталіона и казачьей сотни. Они были убиты и подавлены выпавшею имъ участью. Наканунѣ выступленія я получилъ приказаніе составить списокъ безнадежнымъ больнымъ, которые должны были остаться на попеченіи линейнаго баталіона. Такихъ больныхъ оказалось 18. Когда Сеславинъ зашелъ въ лазаретъ проститься съ этими умирающими, то одинъ изъ нихъ, урядникъ Сверкуновъ, подзвавъ знаками къ себѣ полковника, умолялъ не давать ему умереть здѣсь, говоря, что быть похороненнымъ во всякомъ другомъ мѣстѣ будетъ для него отраднѣе. Желаніе умирающаго было исполнено. 12 казаковъ несли его на носилкахъ попеременно 21 версту черезъ горный хребетъ и вечеромъ похоронили на берегу озера Кизи.

Итакъ, 6-го іюня, благословясь, мы выступили изъ Маріинскаго поста вверхъ по Амуру на заранѣ купленныхъ у гиляковъ лодкахъ, получивъ съ мѣста провизію до перваго продовольственнаго шалаша, находившагося при рѣкѣ Сунгурѣ, на 30 дней. Впереди насъ слѣдовалъ Скобельцынъ съ пятью казаками, уплывшій пятью днями раньше. Линейные баталіоны должны были слѣдовать послѣ насъ и теперь оставались на мѣстѣ до окончанія постройки лодокъ, а Сеславинъ, какъ командующій войсками, оставался съ тою цѣлью, чтобы замыкать все наше движеніе. Окрыляемые мыслію, что возвращаемся къ роднымъ пенатамъ, мы сначала чувствовали въ себѣ достаточно энергіи и силъ и подвигались на первыхъ порахъ довольно успѣшно, не смотря на то, что тифъ не только не ослабѣлъ, но во 2-й нашей ротѣ сталъ шибко развиваться, такъ что казакамъ 1-й роты пришлось помогать 2-ой и тащить лодку съ ея больными, чтобы только не разъединяться. Сначала, пока тянулись бечевой, мы шли впередъ хорошо, но потомъ, вслѣдствіе половодья и затопленія береговъ, пришлось плыть противъ быстрого теченія на гребяхъ, завоеывая каждый шагъ пространства съ немовѣрными усиліями. Тутъ ужъ мы подвигались черепашинымъ ходомъ и едва только на 41-й день дотащились до шалаша съ провизіей на рѣкѣ Сунгурѣ, проголодавъ 11 дней. Простоявъ здѣсь сутки, похоронили ротнаго командира есаула Забѣлло и, получивъ провизію на 15 дней, отправились дальше. Обезсиленные голодомъ и отягощенные больными, мы чуть-чуть лишь подвигались впередъ, такъ что солдаты линейныхъ

ротъ, отплывшіе съ мѣста позже, стали обгонять насъ. Оставляя на своихъ ночлегахъ по обоимъ берегамъ Амура могилы похороненныхъ товарищей, мы достигли слѣдующаго шалаша на 20-й день, опять проголодавъ пять дней.

Такимъ образомъ, гладко расписанное на бумагѣ полковникомъ Буссе обезпеченіе продовольствіемъ отряда оказалось на практикѣ совершенно несостоятельнымъ, ибо выдаваемое изъ продовольственныхъ шалашей количество провизіи по сдѣланному росписанію не соотвѣтствовало количеству времени, какое тратилось при слѣдованіи отъ пункта до пункта на всемъ протяженіи Амура. Вслѣдствіе этого мудраго распоряженія, отрядъ терпѣлъ страшный голодъ, люди валились отъ болѣзней одинъ за другимъ и умирали, какъ мухи¹⁾. При проходѣ сквозь Хинганскіе утесы, у насъ умеръ поручикъ Туловскій. Тѣло его невозможно было предать землѣ по причинѣ каменныхъ береговъ; выбросить въ воду не подобало, и потому оно находилось въ лодкѣ цѣлыхъ пять дней. Подобныя обстоятельства, понятно, способствовали поддержанію эпидеміи, тѣмъ болѣе, что никакой дезинфекціи въ то время не полагалось. Однакожь, когда съ теченіемъ времени почти всѣ наши казаки переболѣли и нѣкоторые выздоровѣли, то санитарное состояніе нашихъ ротъ стало въ общемъ какъ будто лучше. За то тифъ съ такою же силой развился между солдатами линейныхъ баталіоновъ. Теперь мы въ свою очередь обгоняли ихъ и подбирали лодки съ ихъ людьми, обезсиленными голодомъ и болѣзью.

Приближаясь къ мѣстамъ, населеннымъ манджурами, мы питали надежду приобрести отъ нихъ что нибудь изъ съѣстныхъ припасовъ, но пришлось горько разочароваться. Манджурскія власти выѣзжали къ намъ версты за три передъ селеніемъ и на такое же разстояніе провожали за селеніе, не позволяя приставать къ населеннымъ берегамъ не только для ночлега, но и для кратковременнаго отдыха и запрещаая своимъ продавать что либо съѣстное. Въ виду такой непріязни, наше начальство тоже сдѣлало распоряженіе отнюдь не останавливаться подлѣ манджурскихъ селъ, въ предупрежденіе возможныхъ столкновеній. Миновавъ эту негостепримную мѣстность, мы настигли свой авангардъ въ лицѣ Скобельцына съ казаками. Всѣ они лежали больными на берегу подъ прикрытіемъ шалаша. Мы взяли ихъ съ собою.

Близилась осень, а впереди предстоялъ еще длинный путь. Одно лишь утѣшало, что вода пошла на убыль и будетъ возможность тянуться на лямкахъ; но бѣда въ томъ, что на каждой лодкѣ находилось не болѣе 2—3 человекъ, способныхъ по состоянію силъ

¹⁾ Провизія не могла быть отпускаема соотвѣтственно дѣйствительной потребности потому, что запасы заготовлены были въ количествахъ, опредѣленныхъ росписаніемъ, и лишняго ничего не было.

взяться за бечеву, остальные едва волочили ноги. Это обстоятельство отнимало у насъ надежду добраться раньше наступленія морозовъ и вьюгъ до перваго русскаго селенія. Тѣмъ не менѣе, напрягая всѣ свои силы, мы, всетаки, подвигались впередъ. Пройдя мѣстность, называемую Кутуманда, мы увидѣли орочена, плившаго въ своей оморочкѣ (берестяная лодка съ деревянными распорками) по серединѣ Амура. Мы стали подзывать его къ себѣ въ предположеніи, не удастся ли поживиться чѣмъ либо съѣстнымъ отъ его охоты, но орочень, не обращая вниманія на наши возгласы, продолжалъ держаться середины рѣки. Тогда Скобельцынъ, лежавшій больнымъ въ лодкѣ, началъ звать его поороченски: анда, анда, амыкель! (другъ, сюда!). Орочень призналъ Скобельцына, который въ качествѣ завятаго охотника побывалъ во всѣхъ здѣшнихъ трущобахъ, и потому безбоязненно подплылъ къ намъ. Онъ началъ плаксиво жаловаться на причиненную ему обиду и разсказалъ, что выше верстахъ въ 10 или 12 отъ этого мѣста стоятъ двѣ лодки съ солдатами, которые будто бы хотѣли его убить. Замѣтивъ ихъ умыселъ, онъ ночью бѣжалъ въ оморочкѣ и оставилъ въ лѣсу на произволь судьбы свою юрту со скарбомъ. Отплывъ немного, онъ услышалъ выстрѣлъ и предполагаетъ, что убита оставленная имъ лошадь, а потому плыветъ въ Айгунъ просить защиты у амбана (губернатора). Скобельцынъ уговорилъ орочена возвратиться съ нами къ тѣмъ лодкамъ, и если окажется, что лошадь убита, то онъ ему заплатитъ, а если зимой орочень пріѣдетъ къ нему въ Горбицу, то дастъ ему еще мѣшокъ пшеничной муки.

На другой день вечеромъ, подѣзжая къ инкриминированнымъ лодкамъ, мы замѣтили, что унтеръ-офицеръ занятъ копаніемъ ямы. Это оказался Брылевъ изъ роты штабсъ-капитана Поротова, 14-го линейнаго баталіона, приготовлявшій могилу для умершаго. Онъ разсказалъ, что стоитъ здѣсь уже шестой день, безъ продовольствія, не имѣя возможности двинуться, потому что не кому тянуть лодки, что изъ 24 солдатъ, плившихъ въ двухъ лодкахъ, осталось въ живыхъ 18, а изъ этихъ только двое на ногахъ, остальные же лежатъ въ лодкахъ въ бреду и безъ сознанія. Къ этому Брылевъ добавилъ, что лошадь онъ дѣйствительно застрѣлилъ, но вынужденъ былъ къ тому голодомъ, такъ какъ орочень не соглашался продать ее и убѣжалъ. Скобельцынъ заплатилъ орочену 12 серебряныхъ американскихъ долларовъ и приказалъ ему пріѣхать зимой въ Горбицу за обѣщанною мукой, чѣмъ инородецъ совершенно удовлетворился. Здѣсь мы переночевали. Поутру, размѣщая солдатъ по лодкамъ, одного не досчитались. Всѣхъ должно было быть 18, а ихъ оказалось 17. Между тѣмъ Брылевъ крѣпко увѣрялъ, что изъ его партіи похоронено всего 6, а не 7 человекъ, и потому одинъ недостающій долженъ находиться гдѣ либо по близости. Мы рассыпались по лѣсу, стали искать и окликать пропавшаго, но от-

вѣта не было. Наконецъ, одинъ изъ насъ наткнулся на солдата, лежавшаго ничкомъ безъ чувствъ, но съ признаками жизни. Между зубами у него былъ ущемленъ черенокъ ножа. Повозились мы съ нимъ не мало, пока вывели изъ глубокаго обморока. Очнувшись, солдатъ объяснилъ, что, лежа въ лодкѣ больнымъ, онъ пришелъ въ сознаніе и слышалъ разговоръ Брылева съ товарищемъ о намѣреніи купить видѣнную подлѣ юрты лошадь, а если не продадутъ, то убить силкомъ и сварить мясо. Вскорѣ изъ лѣсу послышался выстрѣлъ. Ёсть ему захотѣлось страшно. Долго ждалъ онъ Брылева съ варенымъ мясомъ, но тотъ не приходилъ. А голодъ невыносимо сверлилъ внутри. Тогда солдатикъ самъ кое-какъ выкарабкался изъ лодки на берегъ и, взявъ ножикъ ртомъ (карманы были всѣ оборваны), чтобы отрѣзать мяса, поползъ начетверенькахъ съ ножомъ въ зубахъ искать убитую лошадь, но скорѣ обезсилѣлъ, голова закружилась, и онъ свалился безъ чувствъ... Въ такомъ положеніи несчастный и былъ найденъ нами.

Полуживую команду Брылева мы потащили за собой. Отплывъ съ невѣроятными затрудненіями верстъ 80, мы увидѣли на лѣвомъ берегу разбитую и обсохшую баржу съ ржаною мукой. Какъ выяснилось впослѣдствіи, офицеръ Прищепенко, плывя весной съ этимъ грузомъ внизъ по Амуру, наткнулся недалеко отъ берега на камень. Баржа разбилась на столько, что плыть не могла, а по спадѣ воды очутилась на берегу. Гибель баржи отчасти послужила благополучіемъ для всего нашего голоднаго отряда. Въ предупрежденіе расхищенія муки инородцами, здѣсь оставленъ былъ караулъ, и всѣ подплывающія съ низу команды бросали у баржи свой якорь спасенія. Здѣсь мы настигли штабъ-капитана Поротова съ ротой. Но въ какомъ несчастномъ положеніи оказалась эта рота! Болѣе половины людей валялись на землѣ съ жестокими корчами въ животѣ: у однихъ происходила рвота, у другихъ колики и судороги, нѣсколько десятковъ людей хотя были на ногахъ, но бродили, пошатываясь отъ слабости, какъ отравленные мухи. Причиною этого повальнаго заболѣванія въ острой формѣ послужило то, что изголодавшіеся солдаты, обрадовавшись находкѣ, жадно и неудержимо, не смотря на предостереженіе командира, набросились на муму и стали пожирать ее съ животнымъ остервенѣніемъ. Нѣкоторые, такъ сказать, съ налета припадали къ грудѣ муки и ѣли полнымъ ртомъ, причемъ два солдата, особенно обезсиленные продолжительнымъ голодомъ, не будучи въ силахъ проглотить набранную въ ротъ сухую массу, задохлись на смерть. Большинство солдатъ заваривали муку въ котелкѣ съ водою; но и эта пища не оставалась безъ послѣдствій: кто умѣренно утолялъ голодъ, тотъ чувствовалъ только комъ подъ ложечкой и изрѣдка небольшія боли, а тѣ, что наѣдались этого мѣсива до отвала, жестоко платились за свое невоздержаніе. Понадобилось простоять здѣсь цѣлыхъ 4 дня, чтобы водво-

рить въ этой ротѣ нѣкоторый порядокъ: больныхъ корчами отпоили горячею ромашкой, за неимѣніемъ чая, похоронили умершихъ, распредѣлили людей на лодкахъ, соразмѣрно съ силами каждаго, а затѣмъ, запасшись на дорогу мукой, сколько можно было захватить безъ обремененія себя грузомъ, отправились всѣ вмѣстѣ дальше—мы впереди, а рота Поротова за нами. Впрочемъ, она вполнѣдствіи отъ насъ отстала.

Въ серединѣ октября, берега Амура начали обледеняться, и съ каждымъ днемъ ледяное сало гуще и гуще покрывало поверхность рѣки. Тянутся дальше бечевой не было возможности; поэтому лодки были выгружены и вытащены на берегъ. Забравъ съ собою все казенное имущество и кое-что изъ собственнаго, что было возможно, обовьюченные котелками и разными принадлежностями хозяйства, мы отправились пѣшкомъ, а для больныхъ, которые не могли идти, устроили изъ длинныхъ жердей волокуши и, помѣстивъ ихъ въ этихъ нехитрыхъ экипажахъ, потащили за собой. Холодъ придавалъ бодрость и энергію, а голодъ заставлялъ спѣшить выбраться изъ этой пустыни, чтобы не быть захваченными суровою зимой, которая могла бы похоронить насъ въ снѣжныхъ сугробахъ. Освободившись отъ тяжести лодокъ, мы подвигались довольно быстро, выступая въ путь съ зарей и останавливаясь для ночлеговъ поздними вечерами. Иногда по пути болѣе удалымъ стрѣлкамъ изъ звѣропромышленниковъ удавалось подстрѣлить то рябчика, то бѣлку, то глухаря, служившихъ нѣкоторымъ подспорьемъ въ нашемъ продовольствіи, въ особенности для больныхъ, которымъ перепадала львиная доля. Разъ удалось даже убить въ горахъ въ одинъ вечеръ двухъ изюбровъ. Событіе это было для насъ торжествомъ неописуемымъ. Въ первый разъ за весь путь мы поѣли хорошаго свѣжаго мяса до насыщенія.

Наконецъ, 11-го ноября, утромъ, запахло роднымъ дымомъ, разстилавшимся синеватою пеленой въ воздухъ надъ рѣкой, а версть за 6 по прямому плесу Амура завидѣлась русская казачья станица Стрѣлка (теперь Покровка, при сліяніи Шилки и Аргуни). Всѣ мы бѣгомъ бросились въ эту обѣтованную землю, какъ бы боясь опоздать, или словно опасаясь, чтобы ангелъ смерти не затворилъ предъ нами воротъ желаннаго эдема. Какъ дѣти, мы перегоняли другъ друга, падали на бѣгу, разбивали себѣ носы до крови и колѣна, и были невыразимо счастливы. Прибѣжавъ въ станицу, цѣловали землю и обливали ее радостными слезами, благодаря Господа Милосердаго, что вышли живыми изъ своихъ тяжелыхъ испытаній. Я ворвался въ первую избу, попросилъ стаканъ молока и пару яицъ въ смятку и на радостяхъ заплатилъ за это 3 рубля. Въ довольствіи и нѣгѣ мы прожили въ Стрѣлкѣ съ недѣлю, поджидая полковника Облеухова съ линейнымъ баталіономъ, которому, по слухамъ, выпала еще горшая участь, чѣмъ какую пре-

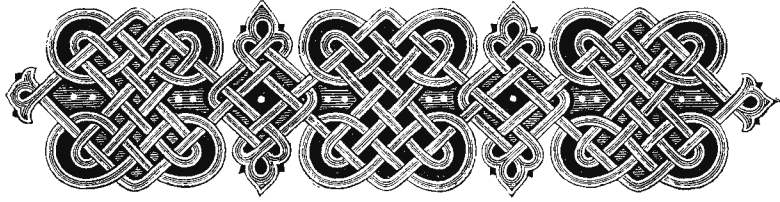
терпѣли мы. Но, не дождавшись, отправились вверхъ по Аргуни и потомъ разбрелись по своимъ бригадамъ Забайкальскаго казачьяго войска.

Къ этому можно развѣ еще добавить то, что нашъ полубаталіонъ, временно сформированный для военной надобности, когда выступалъ въ экспедицію, состоялъ изъ 500 казаковъ, а возвратился въ составѣ едва ли одной трети людей.

Эта эпопея страданій, сопровождавшихъ вторую амурскую экспедицію Муравьева (1855—1856 г.), сколько мнѣ извѣстно, не была до сихъ поръ разсказана въ печати отчасти потому, что въ прежнія времена изъ ложнаго самолюбія большею частью скрывали изнанку за показною стороною фактовъ, а главное потому, что выносливый русскій человѣкъ, совершивъ крупныя событія цѣной невѣроятныхъ страданій, не считаетъ своего дѣла геройствомъ и не любитъ хвалиться имъ. Русскій человѣкъ покорно и безропотно исполняетъ свой долгъ, какъ бы онъ тяжелъ ни былъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ и принося ему въ жертву послѣднее, самое драгоцѣнное достояніе—жизнь свою, потому только, что такъ нужно. Въ этомъ свойствѣ русскаго народа—наша великая сила и незаблемый залогъ дальнѣйшаго могущества и величія Русскаго государства.

И. Любарскій.

ФИЛОСОФІЯ И ЖИЗНЬ.

ВОЛЬШИНСТВО образованныхъ людей переживаютъ теперь въ своемъ душевномъ настроеніи и міросозерцаніи болѣе или менѣе глубокой кризисъ. Между внѣшнею и внутреннею жизнью человѣка нѣтъ надлежащей гармоніи. Онъ копится богатства, наслаждается земными благами, удовлетворяетъ своему самолюбію или тщеславію, ведетъ борьбу съ своими противниками, личными, политическими, литературными, и вдругъ имъ овладѣваетъ утомленіе, страція. Къ чему все это?—спрашиваетъ онъ себя и съ каждымъ днемъ все болѣе подчиняется чувству пессимизма, доходящаго нерѣдко до отчаянія.

Это явленіе общеизвѣстно: мы наблюдаемъ его на другихъ, иногда на себѣ. Оно наглядно проявляется въ томъ фактѣ, что нашъ вѣкъ, вѣкъ столь кипучей дѣятельности во всѣхъ отрасляхъ жизни, столь великихъ практическихъ пріобрѣтеній, столь изумительныхъ успѣховъ, такого небывалаго напряженія всѣхъ силъ, породилъ мрачныя философскія системы, поэтическія произведенія, преисполненныя чувства безнадежности, даже отвращенія къ жизни. Куда дѣвались бодрость, энергія, жизнерадостность прежнихъ мыслителей и поэтовъ? Свѣтлый взглядъ на жизнь все болѣе исчезаетъ по мѣрѣ приближенія къ современности. Какая разница въ этомъ отношеніи между Декартомъ, Спинозою, Кантомъ, Гегелемъ—съ одной стороны, Шопенгауеромъ, Гартманомъ, Ницше—съ другой. Гдѣ та мощь, которая сквозитъ въ каждой строкѣ, написанной Шекспиромъ, Мольеромъ, Вольтеромъ, Гёте, Шиллеромъ? Она безслѣдно исчезла и замѣнилась элегическимъ, насмѣшливымъ,

мрачнымъ тономъ безсилія, сквозящаго въ самыхъ вдохновенныхъ произведеніяхъ Байрона, Леопарди, Гейне, Кардучи и почти всѣхъ современныхъ поэтовъ. Если прослѣдить въ этомъ отношеніи общеевропейскую литературу и въ частности нашу отечественную, перешедшую отъ Кантемира, Ломоносова и Державина черезъ Пушкина и Лермонтова къ Гоголю, Тургеневу, Салтыкову, Толстому, то мы ясно увидимъ, какъ пессимизмъ все сильнѣе овладѣвалъ умами. Отъ Шиллеровскаго гимна: «Къ радости», отъ этого восторженнаго порыва, гремящаго словно побѣдный кличъ всего человѣчества въ IX симфоніи Бетховена, мы перешли къ Гейневской безнадежной жалобѣ, что жить тяжело, умереть хорошо, а не родиться еще лучше, отъ боготворенія разума мы перешли къ философіи нирваны, небытія, отъ Пушкинскаго лучезарнаго свѣта, его жизнерадостности къ Толстовскому аскетизму съ его безконечными сомнѣніями. Жизнь развивается быстро, стремительно, бьетъ вокругъ насъ ключемъ, человѣчество совершило въ одинъ послѣдній вѣкъ больше, чѣмъ прежде во многіе вѣка, каждый изъ насъ предается кипучей дѣятельности, но въ то же время всѣми овладѣваетъ уныніе. Самый практичный народъ въ мірѣ, американцы, дали намъ такого поэта, какъ Эдгаръ Поэ. Это своего рода знаменіе времени. Никогда еще контрастъ между внѣшнею жизнью и внутреннимъ настроеніемъ челоѣка не принималъ такихъ размѣровъ, какъ въ переживаемую нами эпоху.

Я не знаю, почему вышеуказанный ходъ развитія европейской литературы никѣмъ не отмѣченъ или не выясненъ, но онъ бросается въ глаза, и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко знаменателенъ тотъ фактъ, что, не смотря на всѣ успѣхи техническіе, политическіе, соціальные и экономическіе, человѣчество какъ бы все болѣе удаляется отъ радостнаго отношенія къ жизни и погружается въ мрачный пессимизмъ. Чѣмъ это объяснить? Казалось бы, что противоположное настроеніе было бы болѣе уместно или во всякомъ случаѣ болѣе соответствовало бы ускоренному темпу жизни. Но на повѣрку оказывается, что всевозможные успѣхи насъ не радуютъ, что люди относятся къ нимъ скептически, что чѣмъ быстрѣе мы идемъ впередъ, тѣмъ сильнѣе начинаемъ сомнѣваться въ плодотворности этого быстрого поступательнаго движенія. Цѣль, къ которой мы стремимся, общее счастье. Бентамъ первый ее ясно формулировалъ: «возможно большее благополучіе возможно большаго числа людей». Вдумаемся на мигъ въ настроеніе нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Они не сомнѣвались въ возможности достиженія этой цѣли. Не сомнѣвались въ ней люди, провозгласившіе въ концѣ прошлаго вѣка лозунги: «свобода», «равенство», «братство». За великимъ французскимъ переворотомъ послѣдовалъ длинный рядъ другихъ переворотовъ, кровавыхъ и безкровныхъ, но рѣшительныхъ, многозначительныхъ, и когда они совершались, люди,

жертвуя для нихъ жизнью или по крайней мѣрѣ воодушевляясь ими, не сомнѣвались, что они приведутъ къ обезпеченію возможно большаго благополучія возможно большаго числа людей. На ряду съ этими политическими переворотами, рука объ руку съ ними, шли перевороты въ умственной жизни, въ экономическомъ строѣ, въ промышленности, въ technikѣ, и опять таки никто не сомнѣвался, что результатомъ всѣхъ этихъ успѣховъ, всѣхъ этихъ реформъ, болѣе или менѣе коренныхъ и значительныхъ, будетъ обезпеченіе человѣческаго счастья. Люди боролись, подвергали себя всякимъ лишеніямъ, жертвовали своимъ личнымъ счастьемъ, здоровьемъ, даже жизнью, увѣренные, что всѣ эти жертвы не пропадутъ даромъ, что онѣ обезпечатъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ общее благополучіе. Это и составляетъ основной характеръ такихъ событій, какъ великій переворотъ конца прошлаго вѣка, борьба за освобожденіе Греціи въ двадцатыхъ годахъ, 1830 годъ, общеевропейское движеніе 1848-го года, наконецъ у насъ великія реформы прошлаго царствованія, представляющія собою проявленіе на русской почвѣ движенія, пронесшагося надъ Европою со времени французской революціи. До этихъ реформъ мы, такъ сказать, принимали только косвенное участіе въ чужомъ праздникѣ; теперь насталъ праздникъ на нашей улицѣ. Какъ на западѣ люди вѣрили, что торжество раціонализма и политическіе перевороты обезпечатъ счастье людей, такъ и у насъ въ широкихъ кружкахъ господствовало убѣжденіе, что коренныя реформы открюютъ эру совершенно новую, въ высшей степени плодотворную, и вскорѣ приведутъ къ обезпеченію общаго благополучія.

Но на Западѣ, вслѣдъ за сильнымъ подъемомъ духа, наступила реакція. Сперва эта реакція, иначе говоря, это сомнѣніе въ возможности достиженія тѣхъ блестящихъ результатовъ, на которые рассчитывало громадное большинство людей, проявлялось лишь со стороны особенно проницательныхъ умовъ. Но факты слѣдовали за фактами. Если, напримѣръ, остановиться на Франціи, то оказывается, что страна эта совершила почти весь круговоротъ того государственнаго и социальнаго переустройства, которое имѣлось въ виду дѣятелями первой французской революціи. Но съ каждымъ новымъ шагомъ на этомъ пути чувствовалось и новое разочарованіе. Революція 1789 года привела къ Наполеону I; низверженіе этого властителя къ восстановленію монархіи Бурбоновъ; 1830 годъ—къ установленію буржуазной монархіи; 1848 годъ—къ Наполеону III; наконецъ катастрофа 1870 г.—къ прочному установленію республики, къ увѣнчанію зданія, причемъ, однако, оказалось, что и въ этомъ зданіи могутъ процвѣтать такія явленія, какъ безконечныя партійныя дрязги, буланжизмъ, панамскій скандалъ. Во всякомъ случаѣ весь трудный и кровопролитный путь, пройденный Франціею со времени революціи 1789 года, не привелъ, какъ полагаютъ,

къ тѣмъ блестящимъ результатамъ, какихъ ожидало человѣчество, опьяненное зарею новой жизни, вѣрившее, что политическіе перевороты и реформы могутъ привести его къ счастью.

Одновременно съ этимъ постепеннымъ разочарованіемъ шло и коренное измѣненіе въ философскихъ взглядахъ на жизнь, на цѣль человѣческаго существованія и на человѣческое счастье. Жизнерадостное настроеніе исчезло, и въ то же время постепенно утрачивалъ кредитъ и раціонализмъ. Какъ и слѣдовало ожидать, самыя тяжеловѣсныя удары ему были нанесены во Франціи, то-есть въ странѣ, раньше другихъ извѣрившейся въ спасительность того разума, которымъ человѣчество думало замѣнить отжившаго свое время Бога. Постепенно раціонализмъ и спиритуализмъ уступили мѣсто позитивизму и матеріализму. Обоготвореніе разума замѣнилось обоготвореніемъ матеріи. Прежнее преобладаніе спиритуалистической философіи замѣнилось въ міросозерцаніи образованныхъ людей естественно-научными понятіями. Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель были свергнуты съ престоловъ; воцарились Молешотъ, Бюхнеръ, Дарвинъ. Но этотъ коренной переворотъ въ умственной жизни принялъ, однако, у насъ и на Западѣ совершенно различное направленіе, что обыкновенно упускается изъ виду. Я даже не знаю, обратилъ ли кто нибудь у насъ вниманіе на это обстоятельство, а между тѣмъ оно имѣетъ очень существенное значеніе. На Западѣ замѣна спиритуалистической философіи матеріализмомъ и позитивизмомъ совпала съ тѣмъ періодомъ, когда разочарованіе политическими переворотами достигло уже широкихъ размѣровъ. Поэтому тамъ низверженіе раціонализма и воцареніе матеріализма только усилили пессимистическое настроеніе, овладѣвшее интеллигенціею. Если разумъ человѣчскій не болѣе какъ одно изъ проявленій силы, заключающейся въ матеріи, если человѣкъ происходитъ отъ животнаго, если животное въ свою очередь составляетъ не что иное, какъ одинъ изъ видовъ органической жизни, а въ ней безгранично царствуетъ беспощадная борьба за существованіе съ подавленіемъ всего слабаго, то, очевидно, счастья нельзя искать тамъ, гдѣ прежде думали его найти. Идеальное обречено на вѣрную гибель, торжествовать можетъ только грубая сила, единичный человѣкъ, если онъ располагаетъ властью, невѣжественное большинство, толпа, чернь. Она является хозяиномъ положенія, но и ея счастье является чѣмъ-то призрачнымъ, подобно счастью стада барановъ: вѣдь между человѣкомъ и животнымъ нѣтъ разницы по существу, человѣкъ—то же животное, только стоящее на высшей ступени развитія! Такимъ образомъ замѣна спиритуализма матеріализмомъ только усилила то пессимистическое настроеніе, которое овладѣло западною интеллигенціею вслѣдствіе неосуществленія широкихъ надеждъ, возлагавшихся ею на эру коренныхъ политическихъ переворотовъ.

Совершенно въ иномъ свѣтѣ предсталъ матеріализмъ въ Россіи. Въ глубинѣ души всякаго русскаго человѣка таилась увѣренность, что всѣ наши внутреннія и внѣшнія злосключенія вызываются нерѣшительностью въ совершеніи политическихъ реформъ. И вотъ наконецъ настала у насъ эра реформъ. Русское общество пережило въ шестидесятихъ годахъ нынѣшняго столѣтія совершенно такое же настроеніе, какъ французское въ концѣ прошлаго вѣка или германское въ сороковыхъ годахъ. Опытъ, вынесенный Европою, пропалъ для насъ въ этомъ отношеніи даромъ. Европа не научила насъ относиться трезвѣ къ результатамъ, которыхъ можно ожидать отъ внезапныхъ перемѣнъ. Мы продолжали вѣрить, что въ этихъ перемѣнахъ все спасеніе, что мы сами стоимъ на высотѣ задачи, и что если жизнь неудовлетворительна, то только потому, что законодательныя рамки насъ стѣсняютъ. Слѣдовательно, всѣ надежды возлагались на реформы, совершенныя по образцу западныхъ. Мы давно уже грезили западными порядками, и, когда настала эра реформъ, у насъ проявился необычайный подъемъ духа, увѣренность, что теперь все пойдетъ прекрасно, что наступитъ просто золотой вѣкъ. При такомъ настроеніи и замѣна идеалистической философіи матеріалистическимъ міросозерцаніемъ представилась намъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ западной интеллигенціи. Тамъ эта замѣна только усилила чувство разочарованія; у насъ она наоборотъ была встрѣчена, какъ одинъ изъ признаковъ, какъ одна изъ гарантій наступленія совершенно новой эры. Тамъ интеллигентные люди, извѣрившись въ возможность внезапнаго обезпеченія человѣческаго благополучія, съ тайною тревогою спрашивали себя объ истинномъ значеніи этого кореннаго перелома въ міросозерцаніи, недоумѣвали, какъ сложится человѣческая жизнь при полномъ ниспроверженіи прежнихъ идеаловъ—политическихъ, религіозныхъ, нравственныхъ; у насъ наоборотъ ниспроверженіе этихъ идеаловъ было радостно встрѣчено, какъ залогъ лучшаго будущаго. Тамъ распространялось смутное предчувствіе, что при такомъ взглядѣ на жизнь она должна утратить свою цѣнность. У насъ наоборотъ распространилась увѣренность, что только матеріалистическая философія дастъ жизни смыслъ и значеніе. Свобода личности у насъ была слишкомъ долго подавлена: она требовала прежде всего простора и поняла свое освобожденіе въ соотвѣтствіи съ тою новою философскою теоріею, которая одерживала побѣды именно въ тотъ моментъ, когда Россія приступала къ великимъ реформамъ прошлаго царствованія.

Надо ли пояснять, къ чему должно было неизбежно привести такое, быть можетъ, въ значительной степени случайное совпаденіе? Какъ мы указывали, наша интеллигенція, количественно значительно разросшаяся благодаря дѣятельнымъ заботамъ Екатерины II, Александра I и Николая I о народномъ просвѣщеніи,

пережила въ пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ такой же подъемъ духа, какой проявился во Франціи въ концѣ прошлаго вѣка. Только тамъ, повторяю, этотъ переворотъ совпалъ съ расцвѣтомъ раціонализма; у насъ же великія реформы прошлаго царствованія совпали съ расцвѣтомъ матеріализма. Поэтому естественно было ожидать, что разочарованіе у насъ приметъ особенно широкіе размѣры, проявится съ особенною силою. Оно такъ и случилось. Надежды были возбуждены до послѣдней степени. Господствовало почти общее убѣжденіе, что Россія сразу станетъ неузнаваема, что распространится общее благополучіе, что стоитъ только выбросить прошлое за бортъ, какъ установится новая жизнь, ничѣмъ не похожая на прежнюю. Люди даже не задавались вопросомъ о необходимости приложить дѣятельную руку къ ожидавшемуся обновленію; полагалось, что обновленіе придетъ само собою, и что для этого достаточно только неослабно добиваться все новой свободы, все новыхъ правъ. О томъ, что свобода требуетъ самообузданія, что внѣшній гнетъ долженъ быть замѣненъ внутреннимъ самоограниченіемъ, что никакія права немыслимы безъ соотвѣтственныхъ обязанностей, объ этомъ никто не хотѣлъ думать. Люди мечтали только объ эмансипаціи личности, причемъ эта эмансипація для большинства означала свободное удовлетвореніе иногда весьма низменныхъ инстинктовъ, а матеріалистическая философія узаконивала этотъ взглядъ на жизнь, возвеличивая инстинкты, заключающіеся въ физической природѣ человѣка. Интеллигенція въ сущности заботилась гораздо больше о себѣ, чѣмъ о прогрессѣ, который она такъ прославляла на словахъ. Освобожденный крестьянскій людъ былъ предоставленъ самому себѣ, а интеллигенція увлекалась главнымъ образомъ дальнѣйшею эмансипаціею личности. Когда же она думала о народѣ, то согласно своему основному настроенію, усматривала корень зла исключительно въ недостаткѣ свободы и продолжала вѣрить, что стоитъ только декретировать изъ Петербурга новые виды свободы, какъ всюду въ провинціи, помимо работы интеллигенціи у самыхъ основъ народной жизни, установится общее благополучіе.

При такомъ отвлеченномъ, чисто теоретическомъ взглядѣ на вещи успѣхи не могли быть особенно значительны. Положеніе нашего сельскаго хозяйства, помѣщичьяго и крестьянскаго, служить до сихъ поръ тому краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ. Доказывается это и нашею некомпетентностію въ обсужденіи практическихъ вопросовъ, склонностію обсуждать ихъ исключительно съ точки зрѣнія теоретическихъ началъ. Но, какъ бы то ни было, одинъ фактъ выяснился окончательно, именно, что мы не избѣгли того разочарованія, которое овладѣло уже раньше Западомъ послѣ совершенныхъ тамъ крупныхъ переворотовъ и реформъ, и что распространившійся у насъ съ такою силою матеріализмъ въ зна-

чительной степени лишил нас возможности находить бодрость и жизнерадостность въ идеальныхъ благахъ, прельщавшихъ въ прежнее время человѣка. Вскорѣ послѣ реформъ шестидесятихъ годовъ, даже уже во время этихъ реформъ, нами начали овладѣвать сомнѣнія, и скептицизмъ распространился на тѣ идеалы, которые только что съ такимъ торжествомъ побѣдили умы: свободу, эмансипацію личности, науку, низверженіе прошлаго. Сомнѣнія эти все росли, все развивались, и теперь русское образованное общество какъ будто лишено всякихъ идеаловъ. Одни протестуютъ противъ окружающей насъ дѣйствительности, во имя все еще имъ милого недавняго прошлаго, когда надеждъ было такъ много, другіе, извѣрившись въ это прошлое, заботятся только о себѣ, объ удовлетвореніи ближайшихъ своихъ потребностей, третьи, наконецъ, раздѣляя это настроеніе, какъ бы махнули на все рукой и живутъ себѣ изо дня въ день, скептически относясь къ прошлому, мало надѣясь на будущее.

Каждая эпоха нарождаетъ одного или нѣсколькихъ крупныхъ дѣятелей, въ которыхъ воплощается духъ времени. Такимъ крупнымъ дѣятелемъ является не только у насъ, но, можно сказать, во всемъ мірѣ графъ Л. Н. Толстой. Его слова производятъ на насъ такое сильное впечатлѣніе потому, что каждый изъ насъ чувствуетъ, что въ немъ воплотилась общая болѣзнь. Мы вѣрили всей душой въ возможность скорого наступленія царства общаго благополучія, но насъ скоро одолѣли сомнѣнія, сомнѣнія глубокія, мучительныя, отравляющія намъ жизнь, лишаящія насъ бодрости и жизнерадостности. Всѣмъ памятна «Исповѣдь» Толстого. До появленія этой «исповѣди» мы восторгались Толстымъ, гордились имъ; со времени ея появленія онъ сталъ намъ ближе, какъ человѣкъ, потому что большинство убѣдилось, что его волнуетъ то, что болѣе или менѣе волнуетъ каждого изъ насъ, что онъ страдаетъ тѣмъ, чѣмъ страдаемъ мы сами. Сомнѣнія, постепенно нахлынувшія на насъ, раздѣлялись и Толстымъ и чуть не довели его до самоубійства. Авторъ «Войны и мира» жилъ приблизительно, какъ всѣ люди; ему данъ былъ только необыкновенный художественный талантъ. Онъ увлекался, подобно намъ, модными теоріями, Боклемъ, напимѣръ, и далъ этому увлеченію столь наглядное выраженіе въ своемъ знаменитомъ романѣ; и онъ былъ погруженъ въ мелочные интересы и наслажденія, мечтая, какъ писатель, о славѣ, находя удовлетвореніе въ похвалахъ, но вдругъ у него возникъ вопросъ: къ чему все это? неужели можно довольствоваться этимъ? въ этомъ ли смыслъ жизни? въ этомъ ли счастье? По времени онъ сталъ задаваться этими вопросами именнo въ тотъ періодъ, когда вообще въ русскомъ обществѣ начало появляться разочарованіе, скептицизмъ, послѣ сильнаго подъема духа въ пятидесятыхъ и шестидесятихъ годахъ. И въ этомъ отношеніи Тол-

стой сталъ страдать общемо все́мъ русскимъ людямъ болѣзною, съ тою, однако, существенною разницею, что онъ, не принимая, какъ писатель, непосредственнаго участія въ движеніи шестидесятихъ годовъ, могъ выступить свободно, не связанный прошлою своею дѣятельностью, какъ многіе другіе писатели. Онъ вполне воспользовался этою свободою. Съ необычайною искренностью онъ сталъ высказывать свой взглядъ на жизнь, и взглядъ этотъ оказался діаметрально противоположнымъ ходячему взгляду нашей интеллигенціи, и не только нашей интеллигенціи, но и интеллигенціи большинства европейскихъ странъ.

Мы видѣли, что послѣднимъ словомъ индивидуальной, соціальной и политической мудрости, до котораго додумался міръ, было освобожденіе личности. Во имя достиженія этой цѣли совершенъ былъ рядъ политическихъ и соціальныхъ переворотовъ, во имя этой цѣли производился пересмотръ нравовъ и нравственныхъ понятій. Это движеніе нашло себѣ яркое выраженіе и въ философіи, провозгласившей въ лицѣ Фихте реальность собственнаго «я» и отвергнувшей реальность внѣшняго міра. Освобожденіе собственнаго «я», то-есть личности, отъ всякаго рода узъ и стѣсненій превратилось какъ бы въ основную цѣль человѣческой дѣятельности, и это движеніе развивалось съ такою страстностью, что даже матеріалистическая философія, наносившая ему удары въ самой его основѣ (если человѣкъ — животное, то предоставлять ему, въ особенности когда онъ невѣжественъ, свободу вѣдь опасно), была у насъ, на примѣръ, истолкована въ благопріятномъ для него смыслѣ, то-есть въ смыслѣ необходимости устраненія всѣхъ препятствій для удовлетворенія врожденныхъ человѣческой природѣ инстинктовъ. Я не стану напоминать здѣсь всѣхъ проявленій этого движенія, потому что они хорошо еще памятливы; скажу только, не опасаясь встрѣтить противорѣчій, что такъ называемое движеніе шестидесятихъ годовъ было не чѣмъ инымъ, какъ страстнымъ порывомъ, направленнымъ именно къ эмансипаціи личности въ сферѣ семейной, общественной, политической, и что главные дѣятели этого движенія нисколько не сомнѣвались въ томъ, что если эта эмансипація совершится, то личность проявится въ наилучшемъ свѣтѣ. Эмансипація личности стала нашимъ кумиромъ, предъ которымъ мы слѣпо преклонялись, принося ему безчисленныя, иногда кровавыя, трагическія жертвы.

И вотъ является проповѣдь Толстого. Мы требовали освобожденія личности, всевозможнаго расширенія правъ индивидуальности, а Толстой говоритъ намъ, что именно наша личность, наша индивидуальность, является основнымъ зломъ. Мы мечтали о томъ, чтобы сбросить съ себя всѣ путы, наложенныя на насъ общественными порядками, традиціями, политическими условіями, чтобы вполне освободить человѣческую природу съ врожденными ей ин-

стинктами, а Толстой наоборотъ доказываетъ намъ, что эти инстинкты далеко не плодотворны, что природа наша, то-есть природа интеллигентнаго, развитаго, какъ говорили въ шестидесятые годы, человѣка искажена, изуродована, изуродована тѣмъ, чѣмъ мы въ сущности наиболѣе дорожимъ, то-есть цивилизаціею, наукою, въ особенности положительною, и государствомъ.

Я нѣсколько подробнѣе останавлиюсь на этой мысли, потому что, не смотря на громадную литературу, вызванную философскими или, точнѣе говоря, проповѣдническими произведеніями Толстого, никто до сихъ поръ не взглянулъ на нихъ съ точки зрѣнія преемственности въ развитіи нашего общественнаго самосознанія. Мы по большей части относимся къ нимъ восторженно или же порицаемъ ихъ, изумляемся смѣлости мысли Толстого, или негодуемъ на ея парадоксальный характеръ. Но мы не даемъ себѣ отчета въ томъ, какое мѣсто проповѣдь Толстого занимаетъ по отношенію къ главнымъ теченіямъ нашей общественной мысли. Между тѣмъ, какъ въ художественныхъ, такъ и въ философскихъ произведеніяхъ Толстого, съ необычайною силою, яркостью и выразительностью, свойственными этому писателю, проявляется его отрицательное отношеніе ко всему, чѣмъ мы дорожили такъ сильно еще недавно, и чѣмъ многіе изъ насъ дорожатъ преимущественно и до сихъ поръ. Зачатки міросозерцанія Толстого, прямо противоположнаго міросозерцанію большинства русскихъ интеллигентныхъ людей, встрѣчаются въ зародышѣ уже въ первыхъ его произведеніяхъ, и нашли себѣ болѣе полное выраженіе въ «Войнѣ и мирѣ», романѣ, написанномъ въ разгаръ движенія шестидесятихъ годовъ. Мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ вліяніе Каратаева на Пьера. Только когда Пьеръ вступилъ въ близкое общеніе съ народомъ, когда онъ сталъ носить отрепья, когда его заѣдали вши, онъ началъ уяснять себѣ истинный смыслъ жизни. «Вы не можете понять,—говоритъ Пьеръ,—чему я научился у этого безграмотнаго человѣка-дурачка» (Каратаева). Левинъ въ «Аннѣ Карениной» тоже мечется, изнываетъ, тщетно ищетъ смысла жизни до тѣхъ поръ, пока ему мужичекъ въ простотѣ сердечной не говоритъ, что надо жить побожьему. Эти два мѣста въ капитальнѣйшихъ произведеніяхъ Толстого служатъ какъ бы исходною точкою всего его міросозерцанія и находятся уже въ полномъ противорѣчій съ тѣмъ міросозерцаніемъ, наиболѣе яркими выразителями котораго были: Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ (Благосвѣтловъ). Нельзя сказать, чтобы эти самые яркие представители такъ называемаго движенія шестидесятихъ годовъ не отводили въ своемъ міросозерцаніи народу болѣе или менѣе значительную роль, но для Писарева онъ былъ «не чѣмъ инымъ, какъ машина, отличающаяся отъ деревянныхъ машинъ невыгодными способностями чувствовать утомленіе, голодъ и боль». Надо было еще просвѣтить эту массу свѣ-

томъ европейской науки, въ особенности положительной науки, то-есть естествознаніемъ, чтобы ожидать отъ нея чего либо въ будущемъ. Добролюбовъ усматривалъ въ народѣ большую стихійную силу, но приблизительно въ томъ смыслѣ, въ какомъ на нее смотрѣли дѣятели первой французской революціи, то-есть какъ на силу, которая призвана пересоздать всѣ политическія учрежденія въ духѣ эмансипаціи личности. Одинъ Чернышевскій глубже взглянулъ на народъ, но и онъ далекъ былъ отъ того, чтобы учиться у народа; наоборотъ, онъ хотѣлъ его учить, то-есть снабдить его благами, заимствованными изъ крайнихъ ученій западныхъ политическихъ и соціальныхъ дѣятелей. Во всякомъ случаѣ всѣ главные представители шестидесятыхъ годовъ были далеки отъ той мысли, что европейская цивилизація въ сущности ничего не стоитъ, и что истинный свѣтъ, наше спасеніе, заключается въ томъ невѣжественномъ народѣ, который они собирались просвѣщать и вывести на широкую дорогу лучшей жизни при посредствѣ европейской науки, европейскихъ политическихъ и соціальныхъ учреждений. Развитая личность, озаренная свѣтомъ европейскаго опыта и европейской науки, вотъ идеаль, который слѣдовало воплотить въ жизни, а народною массою слѣдовало пользоваться для доставленія торжества этому идеалу. Что именно таково было основное міросозерцаніе въ шестидесятые годы, доказывается и тѣмъ, что наша народническая литература была направлена главнымъ образомъ къ отысканію въ народѣ тѣхъ качествъ и стремленій, которыя могли способствовать установленію у насъ европейскихъ «рядковъ», а при случаѣ эта литература, подчиняясь своей тенденціи, фальсифицировала складъ народной души, идеализировала народъ въ этомъ именно направленіи.

Основная же мысль Толстого, выраженная отчасти уже въ капитальнѣйшихъ его художественныхъ произведеніяхъ, заключается въ томъ, что русскій интеллигентный человѣкъ долженъ отречься отъ своей личности, отбросить вредное вліяніе цивилизаціи и прикнуть къ міросозерцанію народа, подчиниться его политическимъ, соціальнымъ, экономическимъ, религіознымъ стремленіямъ. Движеніе шестидесятыхъ годовъ возвеличивало личность, боролось за ея права во всѣхъ сферахъ общественной и государственной жизни; Толстой, наоборотъ, относится совершенно скептически къ индивидуальности и ко всему, въ чемъ она черпаетъ силу, что даетъ ей болѣе полное развитіе. Столь прославленная шестидесятыми годами положительная наука, преимущественно естествознаніе, признается Толстымъ «баловствомъ»; онъ не находитъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобы заклеить ее надлежащимъ образомъ; онъ утверждаетъ, что она «вывихиваетъ мозги молодежи» и дѣлаетъ ее неспособною къ плодотворной дѣятельности въ жизни. Шестидесятые годы ставили политическія права очень высоко,

Толстой относится совершенно отрицательно къ государству и въ художественныхъ и философскихъ своихъ произведеніяхъ проводитъ ту мысль, что мудрый человѣкъ держится въ сторонѣ отъ государства. Въ шестидесятые годы крайне дорожили полною свободою въ религіозныхъ вопросахъ, Толстой же требуетъ, чтобы образованный человѣкъ подчинился въ религіозныхъ вопросахъ вѣрованіямъ народа. Въ шестидесятые годы придавали важное значеніе женскому вопросу, защищали полную эмансипацію женщины въ обществѣ и семействѣ, крайне дорожили расширеніемъ женскаго образованія; Толстой утверждаетъ, что образованіе женщинѣ не нужно, что главное ея назначеніе быть самкою. Въ шестидесятые годы ставили очень высоко всевозможныя техническія усовершенствованія; Толстой признаетъ ихъ такимъ же «баловствомъ», какъ науку, то-есть пригодными только для услажденія жизни небольшой группы людей. Въ шестидесятые годы люди стремились въ города, въ центры образованности, чтобы позаботиться объ умственномъ своемъ развитіи; Толстой зоветъ ихъ назадъ въ деревню. Въ шестидесятые годы умственный трудъ ставился очень высоко; Толстой не придаетъ ему значенія и возвеличиваетъ трудъ ручной, физическій. Въ шестидесятые годы эгоизмъ выставлялся основою личнаго счастья и успѣховъ во всѣхъ отрасляхъ народной жизни; Толстой же восклицаетъ: «Жить для себя? Но моя индивидуальная жизнь есть зло и нелѣпость...».

Я не стану продолжать этой параллели, потому что сопоставленіе уже этихъ главныхъ пунктовъ программы шестидесятихъ годовъ и программы Толстого убѣждаетъ насъ, что вторая составляетъ прямое отрицаніе первой. Если по убѣжденію людей шестидесятихъ годовъ счастье обусловливается возможно полнымъ развитіемъ и свободою личности, то, по убѣжденію Толстого, наоборотъ, забота о свободѣ и развитіи личности приводитъ только къ несчастію. Толстой, какъ извѣстно, заходитъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что даже отвергаетъ половую жизнь, какъ источникъ всякой индивидуальной жизни. Шестидесятые годы, какъ и Толстой, вели борьбу во имя человѣческаго счастья, но оказывается, что, по мнѣнію Толстого, счастье достижимо только путемъ отреченія отъ всего того, что признавалось и отчасти до сихъ поръ признается у насъ основою счастья.

Конечно, очень легко презрительно пожимать плечами надъ Толстовскимъ ученіемъ и признавать его плодомъ разстроенаго воображенія. Но вѣдь дѣло тутъ далеко не въ одномъ Толстомъ. Какъ бы мы ни иронизировали надъ его ученіемъ, оно, всетаки, находитъ какъ у насъ, такъ и въ другихъ странахъ многочисленныхъ и горячихъ сторонниковъ. Затѣмъ, какъ мы видѣли, пессимистическое настроеніе проявляется теперь всюду съ необычайною силою, и слѣдовательно нельзя сомнѣваться, что человѣчество, или

точнѣе образованная часть его разочарована, не находитъ въ жизни счастья, котораго она ожидала, и жадно прислушивается къ тѣмъ голосамъ, которые указываютъ ему, какъ его достигнуть. Еще недавно человѣчество полагало, что оно находится на вѣрномъ пути къ его достиженію. Эмансипація личности, свобода во всѣхъ ея видахъ, представлялись ему панацеею противъ всѣхъ золъ. Но теперь вѣра въ свободу, какъ самый надежный путь къ счастью, сильно поколеблена или, по меньшей мѣрѣ, отъ свободы уже не ожидаютъ тѣхъ благъ, какихъ отъ нея ожидали прежде. Люди ищутъ, на ряду съ нею или помимо нея, другихъ источниковъ счастья. Значить, Толстой даетъ только отвѣтъ на предъявляемый ему самую жизнь запросъ, и въ этомъ-то запросѣ вся сила. Если эмансипація личности насъ къ счастью не привела, то, можетъ быть, оно въ самомъ дѣлѣ будетъ найдено, какъ учить Толстой, въ отреченіи отъ личности и отъ всего, въ чемъ мы привыкли полагать ея благополучіе, въ отреченіи отъ цивилизаціи, науки, участія въ общественной и государственной дѣятельности, матеріальнаго своего обезпеченія, заботы о потомствѣ. Но на чемъ же основываетъ Толстой свое ученіе? Онъ говоритъ, что основою его ученія является слово Христово. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Повидимому, это должно бы быть такъ, потому что самъ Толстой приглашаетъ насъ искать въ вѣрованіяхъ народа нашего спасенія, слиться съ нимъ, подчинить ему нашу дѣятельность и наши мысли. Но, какъ извѣстно, Толстой часто придаетъ евангельскимъ истинамъ такое толкованіе, которое имъ прямо противорѣчитъ, или, по крайней мѣрѣ, не соотвѣтствуетъ ихъ буквѣ и духу. Фактъ этотъ констатированъ наиболѣе компетентными лицами, самими просвѣщенными пастырями нашей церкви, напримѣръ, покойнымъ архіепископомъ Никаноромъ, который чрезвычайно убѣдительно выяснилъ, что вѣра Толстого не совпадаетъ съ христіанскою вѣрою, что она своего рода пантеизмъ, отрицающій личнаго Бога и признающій Христа «только умершимъ и казненнымъ Учителемъ». Проповѣдь Толстого, значить, основана на субъективномъ истолкованіи Евангелія, слѣдовательно, это своего рода раціонализмъ въ томъ, по крайней мѣрѣ, смыслѣ, что субъективный разумъ является истиннымъ источникомъ нравственныхъ велѣній, увлекаемыхъ изъ Евангелія. Къ тому же, какъ не менѣе извѣстно, ученіе Толстого далеко не исчерпывается евангельскими истинами, и, если онъ въ этой части своего ученія ссылается на вѣрованія и жизнь народа, то опять-таки онъ беретъ изъ нея для подражанія только то, что предписываетъ ему его разумъ. Такимъ образомъ, если видѣть въ ученіи Толстого стройную систему, то мы, принимая во вниманіе его источникъ, должны признать ее системою философскою на евангельской подкладкѣ, и притомъ раціоналистическою или метафизическою, потому что опытный методъ не играетъ

въ ней существенной роли; напротивъ, Толстой самымъ рѣшительнымъ образомъ возстаетъ противъ положительной, то-есть, опытной науки, которую онъ въ насмѣшку называетъ «научной».

Но не одинъ Толстой высказывается за возрожденіе метафизики, какъ основы болѣе вѣрнаго міровоззрѣнія. Его проповѣдь встрѣчаютъ въ нашей печати живой отголосокъ. Органъ московскаго «Психологическаго Общества» («Вопросы философіи и психологіи») также собирается построить на метафизической почвѣ «такое ученіе о жизни, которое дало бы человѣку вновь болѣе прочныя и новыя начала для его нравственной дѣятельности, чѣмъ какими онъ обладаетъ въ настоящее время». Впрочемъ до осуществленія этой мечты дѣло еще не дошло. Журналъ даже, повидимому, не знаетъ, какъ ему отнестись къ господствовавшему до сихъ поръ въ русскомъ обществѣ міросозерцанію, нашедшему себѣ такое яркое выраженіе въ шестидесятыя годы и до сихъ поръ еще подчиняющему себѣ многіе умы. Мы знаемъ только, что журналъ болѣе сочувствуетъ метафизикѣ, чѣмъ опытному знанію, но какъ это предпочтеніе должно отразиться на нашемъ міросозерцаніи, преимущественно этическомъ, потому что оно для жизни важнѣе всего,—остається неизвѣстнымъ. И относительно Толстого журналъ рѣшительно не знаетъ, какое ему занять положеніе. Статей, посвященныхъ Толстому, въ журналѣ не мало. Но привести ихъ къ одному знаменателю, сдѣлать изъ нихъ какое нибудь опредѣленное заключеніе невозможно, потому что онъ кореннымъ образомъ противорѣчатъ другъ другу. Г. Страховъ признаетъ проповѣдь Толстого «огромнымъ явленіемъ, которому по размѣрамъ и значенію трудно найти подобное во всей исторіи всемірной литературы». Покойный же Астафьевъ въ обширной и горячо написанной статьѣ доказываетъ, что разсужденія Толстого «стары», «тривиальны», «банальны», и что «ученіе его, столь многихъ праздныхъ живо развлекавшее и столь многихъ искреннихъ, но слабыхъ, сбившее—увы!—съ толку, навсегда останется культурному человѣку урокомъ, какъ не должно мыслить». Это, очевидно, два непримиримыхъ взгляда на Толстого. Самъ редакторъ журнала, однако, всетаки старается до извѣстной степени примирить ихъ, но приходитъ только къ выводу, что «глубокимъ чувствомъ перспективы долженъ обладать мыслитель», который примирить міросозерцаніе Толстого съ противоположнымъ ему міросозерцаніемъ, слѣдовательно въ свою очередь оставляетъ вопросъ нерѣшеннымъ.

Какъ бы то ни было, многіе опять возлагаютъ надежды на философію. Но философія вѣдь наука не новая. Она существуетъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, однако всѣ изобрѣтенныя ею міросозерцанія оказывались до сихъ поръ несостоятельными. Сколько смѣнилось философскихъ системъ, но всѣ онѣ, какъ бы ни были глубоко задуманы, служили только болѣе или менѣе полнымъ и

обоснованнымъ міровоззрѣніемъ того или другого народа той или другой эпохи. Смѣнялась эпоха, — смѣнялась и философская система. Человѣчество всегда нуждалось въ томъ, чтобы осмыслить свое существованіе, свою дѣятельность, свои начинанія и вмѣстѣ съ тѣмъ изобрѣтало теорію именно для этой цѣли. Жизнь, разныя потребности, условія, окружавшія людей, заставляли ихъ дѣйствовать въ томъ или другомъ направленіи, а философія только заднимъ числомъ прибирала разныя формулы для оправданія этой дѣятельности. Таковы были всѣ философскія системы, и поэтому всѣ онѣ имѣли либо національный характеръ, либо служили выраженіемъ жизненныхъ принциповъ той или другой группы народовъ. Аристотель не могъ себѣ представить государства безъ рабовъ. Въ основѣ философской системы Платона лежалъ дорическій государственный и общественный строй. Средневѣковая философія была только прислужницею богословія. Англія, подчиняясь практическому характеру своего народа, дала міру опытную философію. Освобожденіе человѣческой личности, подавленной средневѣковыми учрежденіями, привело къ обоготворенію разума. Философія Канта, не смотря на всю ея глубину, однако, оказалась не въ состояніи даже примирить требованія чистаго и пракческаго разума, а въ политическихъ вопросахъ остановилась, какъ на идеалѣ, на Фридрихѣ II, заявивъ, что монархъ долженъ царствовать самодержавно, а управлять, какъ республиканецъ, то-есть, такъ, какъ управлялъ бы самъ народъ, еслибъ былъ предоставленъ себѣ; въ лицѣ Фихте философія, согласно съ принципомъ освобожденія личности, договорилась до признанія реальнаго бытія единственно за собственнымъ «я», въ лицѣ Гегеля она чуть ли не провозгласила, что высшимъ проявленіемъ на землѣ абсолюта является Пруссія, чѣмъ воспользовались наши славянофилы, чтобы отвести ту же роль Россіи. Наконецъ, современная намъ философія, подчиняясь духу времени, либо отрицаетъ возможность выяснить смыслъ жизни, либо отказываетъ жизни во всякомъ смыслѣ и признаетъ небытіе самымъ совершеннымъ состояніемъ. Если предположить, что это и есть крайній выводъ изъ всего философскаго мышленія человѣчества, то надо будетъ признать, что результаты, данныя философіею, весьма печальны, что она намъ смысла жизни и условій человѣческаго счастья не разъяснила, и что она вообще самостоятельнаго значенія никогда не имѣла: вопреки Платону не философы управляли міромъ, а жизнь подсказывала имъ всю ихъ мудрость, которая оказывалась столь же измѣнчивою и столь же многообразною, какъ она сама.

Но если взглянуть на философію именно съ этой точки зрѣнія, то-есть не требовать отъ нея, чтобы она намъ давала какое нибудь готовое міровоззрѣніе, ею сочиненное на основаніи мнимыхъ метафизическихъ истинъ, а только выясняла намъ жизненный опытъ

всѣхъ временъ и народовъ, какъ основу для лучшаго уясненія себѣ условий, насъ окружающихъ, тогда философія дать намъ можетъ очень много. Аристотель не могъ себѣ представить государства безъ рабства, но онъ пророчествовалъ, что рабство исчезнетъ тогда, когда челнокъ самъ станетъ ходить по ткацкому станку, и его пророчество сбылось почти буквально, потому что въ этомъ пророчествѣ сказалось глубокое пониманіе основной причины существованія рабства. Онъ вѣрнѣе, чѣмъ кто либо, оцѣнилъ экономическія условія современныхъ ему образованныхъ народовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поставилъ вѣрный діагнозъ ихъ социальнымъ и политическимъ недугамъ. Онъ предсказалъ, что потребуются рѣшительныя побѣды надъ природою, небывалыя техническія усовершенствованія, чтобы рабство могло навсегда исчезнуть. Онъ отмѣтилъ основное наслѣдство, завѣщанное классическимъ міромъ народамъ, смѣнившимъ его на всемірно-исторической сценѣ. Сколько вѣковъ человѣчество трудилось, чтобы осуществить пророчество Аристотеля, причѣмъ выяснилось, что торжество этическихъ началъ въ очень значительной степени зависитъ отъ успѣховъ знанія, отъ чисто-техническихъ усовершенствованій. Но наконецъ настало для Европы время окончательной отмѣны всѣхъ видовъ рабства. Когда европейскіе народы, воодушевленные этою великою задачею, къ ней приступили, они, понятно, должны были провозгласить освобожденіе личности, какъ высшую социальную, экономическую и политическую мудрость: увлеченія тутъ были возможны и вполне понятны. Великая цѣль вызвала такой подъемъ духа, что хладнокровное обсужденіе вопроса: до какихъ предѣловъ освобожденіе личности желательно, и когда оно является зломъ, — предположить было трудно. Что же дѣлаетъ философія въ этотъ рѣшительный моментъ? Руководствуясь метафизическими началами, она именно тогда доводитъ преклоненіе предъ личностью до высшаго предѣла и провозглашаетъ реальность одного лишь собственнаго «я». Потребовались очень настойчивыя и скорбныя указанія жизни, чтобы выяснить, какъ опасенъ этотъ метафизическій принципъ, на дѣлѣ потворствовавшій дурнымъ инстинктамъ, заключающимся въ человѣческой природѣ. Народы не нашли въ философіи предостереженія противъ своихъ увлеченій, и были пролиты потоки крови, чтобы дойти до цѣли, которая, какъ показалъ опытъ нѣкоторыхъ странъ, могла быть достигнута и безъ такого страшнаго кровопролитія. Во всякомъ случаѣ народы какъ бы оцупью, безъ содѣйствія философіи, разрѣшали наиболѣе жгучіе вопросы жизни. Наше отечество не составляетъ тутъ исключенія. Гдѣ были наши философы, когда у насъ произошло неумѣренное увлеченіе принципомъ эмансипаціи личности? Указывали ли они обществу, до какихъ предѣловъ, согласно господствовавшимъ у насъ условіямъ и историческому нашему развитію,

увлеченіе этимъ принципомъ могло быть желательнo, и когда оно должно было стать опасностью, угрожающею достигнутой уже свободѣ? А между тѣмъ опытъ западной Европы былъ такъ краснорѣчивъ въ этомъ отношеніи. Развѣ мы не видѣли на примѣрѣ Франціи, что чрезмѣрное увлеченіе эмансипаціей личности привело къ морю страданій и на цѣлое столѣтіе уклонило эту страну отъ прямого пути къ первоначально предположенной цѣли? Но на эту сторону вопроса было обращено у насъ слишкомъ мало вниманія, и тотъ пессимизмъ, который овладѣлъ европейскими народами, вслѣдствіе неосуществленія широкихъ надеждъ, возлагавшихся на эмансипацію личности, былъ нами упущенъ изъ виду. Положимъ, что наша философская наука, еле начинавшая подавать признаки жизни, была слишкомъ мало самостоятельна, чтобы должнымъ образомъ оцѣнить и понять это явленіе, но что сдѣлала западная философія для его разъясненія? Одни философы низвели человѣческій разумъ съ его пьедестала, другіе, вторя настроенію, овладѣвшему образованнымъ обществомъ, начали подыскивать теоретическія формулы для оправданія воцарившагося всюду пессимизма. Опытъ всѣхъ народовъ и временъ былъ упущенъ изъ виду, преемственность историческихъ задачъ, постепенность разрѣшенія міровыхъ вопросовъ, медленное приближеніе человѣчества къ болѣе совершенному состоянію—все это не было принято въ расчетъ. Духъ оказывался безсильнымъ сразу рѣшить вопросъ о человѣческомъ счастьи,—обратились къ матеріи, то-есть бросились изъ одной крайности въ другую. Простая истина, что человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души, и что взаимное ихъ воздѣйствіе представляетъ явленіе во многихъ отношеніяхъ совершенно темное, непостижимое, игнорировалась, и на престолъ, только что занятый разумомъ, была возведена матерія. Безсознательнымъ силамъ природы данъ былъ полный просторъ. Люди даже не поняли, что если человѣкъ подчиненъ только этимъ силамъ, то свобода вовсе не является такимъ благомъ и такимъ плодотворнымъ началомъ, какимъ ее провозглашали. Кончилось дѣло тѣмъ, что люди съ развитымъ нравственнымъ чувствомъ, видя, какъ человѣческая природа разнуздывается, будучи представлена самой себѣ, начали опять требовать обуздывающаго вліянія кто разума, кто политической власти, кто религіи. Мало того, надъ всѣмъ движеніемъ, ознаменовавшимся столь благотѣльными и великими реформами, какъ уничтоженіе крѣпостного права, распространеніе просвѣщенія среди народныхъ массъ, значительное увеличеніе ихъ благосостоянія, былъ произнесенъ крупными дѣятелями безпощадный приговоръ. Цивилизація, наука, техническія усовершенствованія, дѣятельное участіе народа въ рѣшеніи государственныхъ задачъ—все это подвергается нынѣ сомнѣнію. Одно увлеченіе замѣняется другимъ, а что дѣлаетъ философія? Она остается простою зрительницею этого блужданія человѣческой мы-

сли, она не находитъ въ себѣ силы, чтобы дать ей твердыя точки опоры. Если въ частности взять развитіе нашего общественнаго самосознанія, то не присутствуемъ ли мы и тутъ при печальномъ зрѣлищѣ, какъ философскія системы, разработанныя на Западѣ, постоянно заставляли блуждать нашу общественную мысль и путаться въ безконечныхъ противорѣчіяхъ. На почвѣ Гегелевской философіи зародилось у насъ и славянофильство, и западничество. Раціонализмъ вызвалъ и у насъ непомѣрное поклоненіе разуму, которое внезапно смѣнилось слѣпымъ поклоненіемъ слѣпой природѣ. Теперь оказывается, что и славянофильство, и западничество, и раціонализмъ, и матеріализмъ — все это влачитъ уже жалкое существованіе и дискредитировано въ глазахъ общества. Такое же шатаніе мысли наблюдается и въ политическихъ, экономическихъ и социальныхъ вопросахъ, когда они обсуждаются на почвѣ чисто спекулятивныхъ, отвлеченныхъ началъ. Свобода въ экономической жизни признается теперь началомъ опаснымъ и замѣняется «государственнымъ социализмомъ». Предоставленіе народу политическихъ правъ считается приобрѣтеніемъ сомнительнымъ съ точки зрѣнія интересовъ гуманности, просвѣщенія. Личность должна опять подчиняться чему-то неопредѣленному, разуму того или другого мыслителя. Къ государству, которое мы такъ недавно еще признавали всемогущимъ, способнымъ водворить на землѣ рай, къ его великимъ задачамъ, мы начали относиться равнодушно или пренебрежительно. Даже самая жизнь утрачиваетъ для многихъ свою привлекательность, и нирвана, небытіе, представляется заманчивымъ идеаломъ...

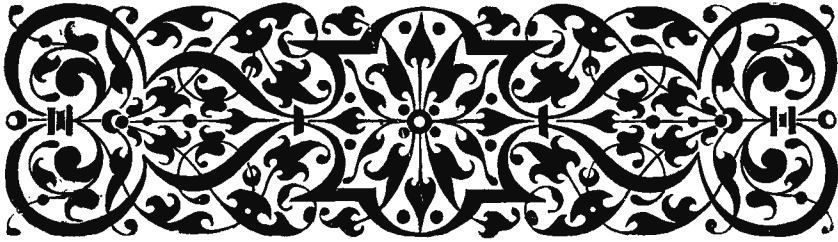
Послѣ такого внушительнаго урока, даннаго намъ исторію, мы, кажется, должны бы были относиться очень осторожно къ чистому умозрѣнію, то-есть къ разнымъ философскимъ системамъ. Мы такъ сильно ими увлекались, что забыли о жизни. Она жестоко мститъ намъ за эту забывчивость неприглядностью окружающихъ насъ условий, но мы, повидимому, опять склонны повернуться къ ней спиною и искать спасенія въ философіи. Однако, вѣдь и сама философія отказывается дать намъ отвѣты на жгучіе вопросы жизни, обходить ихъ молчаніемъ или заставляеть насъ отвергать тѣ силы, которыя однѣ до сихъ поръ двигали человѣчество по пути медленныхъ, но вѣрныхъ успѣховъ. Если въ индивидуальной жизни заключается много зла, то съ другой стороны въ душѣ каждаго человѣка есть и много добра; отрицать индивидуальную жизнь значитъ отрицать и народную жизнь, потому что народъ не особое какое-то существо, а состоитъ изъ отдѣльныхъ индивидовъ, и чѣмъ просвѣщеннѣе, чѣмъ нравственнѣе каждый изъ нихъ, тѣмъ просвѣщеннѣе, тѣмъ нравственнѣе народъ. Черпать въ народѣ идеалы для жизни — принципъ весьма опасный, если народъ невѣжественъ, если онъ самъ мало способенъ удовлетворить насущнѣйшимъ сво-

имъ интересамъ. Но съ другой стороны никакіе серьезныя успѣхи въ народной жизни не достижимы, когда на народъ смотрятъ, какъ на глину, изъ которой можно, руководствуясь тѣмъ или другимъ философскимъ принципомъ, лѣпить все, что угодно: надо изучить его свойства, его стремленія, его ближайшіе, хотя на видъ, можетъ быть, мелкіе интересы, чтобы добиться желательныхъ результатовъ. Кромѣ того, надо постоянно вдумываться въ опытъ другихъ народовъ, знать ихъ жизнь, раскрываемую намъ наукою, нельзя относиться равнодушно къ государству и его задачамъ хотя бы въ виду той громадной роли, которую разыграло государство у насъ, болѣе чѣмъ гдѣ либо содѣйствовавъ культурнымъ успѣхамъ народа. Всему этому насъ учитъ жизнь, и вмѣстѣ съ тѣмъ она ясно опредѣляетъ и нашу основную задачу. Полнаго счастья мы не обрѣли, да и не обрѣтемъ, — оно человѣку не доступно; но можно ли серьезно утверждать, если стать на широкую историческую точку зрѣнія, что мы не приближаемся къ болѣе удовлетворительному положенію, что многія отрицательныя явленія исчезаютъ; что любовь наша къ ближнему осуществляется въ жизни гораздо полнѣе, чѣмъ когда либо? Рабства и крѣпостничества уже нѣтъ, забота о благополучіи обездоленныхъ классовъ общества усиливается съ каждымъ годомъ, а что же означаютъ эти великіе успѣхи, какъ не осуществленіе любви къ ближнему? Многія самыя законныя требованія еще не удовлетворены, но никто не рѣшится утверждать, что мы не приближаемся къ ихъ удовлетворенію именно благодаря дѣятельной любви къ ближнему, соединенной съ знаніемъ, вмѣстилищемъ котораго является наука. Если послѣдняя и отказывается дать цѣлостное міросозерцаніе, то она не мѣшаетъ человѣку искать удовлетворенія этой своей потребности въ религіи; напротивъ, она приходитъ послѣдней на помощь, содѣйствуя осуществленію на землѣ царства мира, справедливости и добра. При такомъ взглядѣ на дѣло, прямо вытекающемъ изъ изученія жизни, какъ она есть, для пессимизма нѣтъ мѣста. Но философія менѣе занималась трезвымъ выясненіемъ жизни, чѣмъ рѣшеніемъ міровой загадки (которая, однако, можетъ быть рѣшена только на почвѣ вѣры), и своими ложными выводами весьма часто, какъ мы видѣли, извращала нормальное отношеніе къ жизни съ ея насущными задачами, осуществленіе которыхъ безъ печить намъ лучшее будущее, — будущее на землѣ, ибо забота о загробной жизни принадлежитъ вѣрѣ. Эта забота, какъ ее понимаетъ христіанское ученіе, никогда не составляла препятствія для рѣшенія жизненныхъ задачъ. Напротивъ, она могущественно содѣйствовала ихъ рѣшенію, напримѣръ, на почвѣ соціальнаго вопроса, до сихъ поръ самаго насущнаго изъ всѣхъ вопросовъ, потому что если крѣпостничество отмѣнено, то ниспие, самыя многочисленныя классы населенія все еще нигдѣ не приобщены

прочнымъ образомъ къ благамъ культуры, все еще часто влачатъ существованіе, недостойное человѣка...

Есть глубокомысленная народная легенда, разработанная однимъ изъ величайшихъ въ мірѣ писателей. Человѣкъ всецѣло погрузился въ отвлеченную философскую науку и провелъ надъ нею всю свою жизнь. Но подъ старость онъ убѣдился, что философія ему ничего не дала, что она не раскрыла ему значенія и смысла жизни, а привела его только къ мистицизму, пессимизму, отчаянію. И вотъ онъ возвращается къ молодости, удовлетворяетъ всѣмъ своимъ страстямъ, но и тутъ не находитъ счастья. Тогда онъ начинаетъ вдумываться въ исторію человѣчества, переживаетъ ее въ самыхъ яркихъ ея проявленіяхъ, живетъ тѣмъ, чѣмъ жило человѣчество: культомъ красоты, военными подвигами, участіемъ въ государственномъ управленіи, но и все это его не удовлетворяетъ. Успокаивается онъ только тогда, когда отвоевываеъ у природы клочекъ земли, когда прорываетъ канаву для осушенія болота,—словомъ, когда посвящаетъ себя практической дѣятельности, когда вступаетъ въ тѣсный союзъ съ наукою и жизнью для того, чтобы непосредственно обезпечить благо ближнихъ. Это самый прекрасный моментъ въ его жизни, и онъ умираетъ съ увѣренностью, что слѣдъ его дѣятельности не исчезнетъ во всѣ вѣка. Этотъ человѣкъ — Фаустъ; его творецъ — Гёте, воплотившій въ своемъ гениальномъ произведеніи высшую человѣческую мудрость. Но мы, русскіе, собираемся, кажется, прожить жизнь Фауста въ обратномъ порядкѣ. При Петрѣ Великомъ Россія начала съ того, чѣмъ кончилъ Фаустъ, то-есть посвятила себя практической дѣятельности и достигла изумительныхъ результатовъ; но чѣмъ дальше мы подвигались въ нашей умственной жизни, тѣмъ больше отрѣшались отъ практической дѣятельности на пользу ближняго, тѣмъ глубже погружались въ культъ красоты, въ военные подвиги, въ политическія увлеченія, затѣмъ перешли къ удовлетворенію слѣпыхъ инстинктовъ (матеріализмъ) и кончаемъ, повидимому, метафизикою, пессимизмомъ, мистицизмомъ. Фаустъ насъ ничему не научилъ, уроки жизни проходятъ для насъ безслѣдно, а теперь намъ еще говорятъ, что всѣ наши невзгоды происходятъ отъ недостаточнаго распространенія у насъ философской мысли. Нѣтъ, наоборотъ, мы слишкомъ много философствовали за послѣднее столѣтіе, и намъ давно пора возвратиться къ тому идеалу, который воодушевлялъ Петра Великаго, Кантемира, Ломоносова и признанъ былъ такимъ писателемъ, какъ Гете, высшею мудростью человѣка, обезпечивающею и его личное счастье, и счастье его ближнихъ.

Р. Сементковскій.

КОМПОЗИТОРЪ Ц. А. КЮИ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

ВЪ ТЕКУЩЕМЪ 1894 году, 14-го февраля, минеть двадцать пять лѣтъ отъ первой постановки на императорской петербургской оперной сценѣ оперы Цезаря Антоновича Кюи, на сюжетъ драмы Гейне «Вильямъ Ратклифъ». Это была первая изъ оперъ Кюи, принятая дирекціей императорскихъ театровъ для постановки; поэтому друзья и почитатели Кюи считаютъ означенный день юбилейнымъ въ его композиторской дѣятельности. Владиміръ Васильевичъ Стасовъ, зная, что я во дни моей юности былъ очень близокъ съ Кюи, уговорилъ меня напечатать къ этому дню тотъ отрывокъ изъ моихъ воспоминаній, который посвященъ моимъ дружескимъ отношеніямъ къ композитору. Я теперь не предполагалъ начать печатаніе моихъ воспоминаній, далеко еще не приведенныхъ въ должный порядокъ; но, уступая совѣтамъ почтеннаго Владиміра Васильевича, всетаки, рѣшаюсь пустить въ печать нижеслѣдующій изъ нихъ отрывокъ, въ виду общаго интереса къ музыкальной дѣятельности моего стараго пріятеля.

Я познакомился съ Кюи въ главномъ (теперь Николаевскомъ) инженерномъ училищѣ, гдѣ мы оба воспитывались. Кюи нѣсколькими годами старше меня, но по классамъ училища онъ былъ старше только на одинъ классъ. И, всетаки, я съ нимъ, какъ и

съ нѣкоторыми другими неодноклассниками, сошелся гораздо ближе, чѣмъ съ товарищами, сидѣвшими со мной на одной скамьѣ. Во всякомъ спеціальному учебному заведеніи бывають ученики, попадающіе туда случайно и, въ основахъ своихъ стремленій, не отвѣчающіе главнымъ задачамъ училища; отсюда ихъ взаимное тяготѣніе другъ къ другу, внѣ класснаго товарищества. Поступивъ въ училище по желанію родителей, безъ всякаго понятія о томъ, что такое инженерное дѣло, я уже тогда, четырнадцати лѣтъ, восторженно перечитывалъ русскую беллетристику, какая подъ руку попадалась: Державина, Озерова, Фонвизина, Булгарина, Наль и Дамаянты Жуковскаго, словомъ все, что могъ купить въ Апраксиномъ рынкѣ на нѣсколько рублей, ежегодно получавшихся изъ дому къ Рождеству и именинамъ. Пушкинъ тогда былъ рѣдкостью и стоилъ дорого; четыре тома повѣстей Гоголя цѣнились рублемъ въ 50 сер. Четырнадцати лѣтъ я и самъ писалъ стихи, за которые, какъ и за мою любовь къ литературѣ, меня жестоко поднимали на смѣхъ товарищи по классу. Понятно, что я искалъ себѣ людей сочувствующихъ въ другихъ классахъ; таковы были (классомъ ниже меня) Петръ Островскій (братъ писателя), Яновичъ (потомъ земскій дѣятель), Косинскій (потомъ педагогъ), таковы были (классомъ выше меня) писатель Лесевичъ и Кюи. Но въ стѣнахъ училища мы еще не были особенно близки.

Кюи былъ бѣдный мальчикъ, безъ средствъ, какъ и я, рано испытавшій нужду, и, случайно ступивъ на хорошую дорогу, онъ строго держался ея всю жизнь. Онъ былъ хорошимъ, прилежнымъ ученикомъ въ инженерномъ училищѣ и потому въ эти годы музыкой занимался сравнительно мало. Въ одной изъ рекреационныхъ залъ училища, къ услугамъ воспитанниковъ, стоялъ инструментъ (рояль); Кюи игрывалъ на немъ въ четыре руки съ товарищемъ, а иногда и одинъ на развлеченіе одноклассниковъ старшихъ классовъ. Въ этомъ отношеніи музыка принесла ему нѣкоторую пользу. Въ то время было въ обычаѣ въ училищѣ, что новички очень терпѣли отъ старшихъ двухъ классовъ; старшіе употребляли новичковъ на разныя послуги, заставляли переписывать лекціи, читать вслухъ, исполнять мелкія комиссіи. Малѣйшее ослушаніе, или даже невозможность исполнить требованіе, влекли за собой самыя безпощадныя побои линейкой. Когда Кюи поступилъ новичкомъ, одинъ изъ очень злостныхъ тирановъ старшаго класса кичился маленькимъ теноровымъ голосомъ, любилъ пѣть. Онъ воспользовался музыкальными способностями Кюи, заставлялъ его аккомпанировать себѣ; да и другіе старшіе развлекались фортепіанной игрой новичка; это спасло его и отъ тяжелыхъ послугъ, и отъ побоевъ. Композиторскую дѣятельность Кюи началъ очень рано, еще въ Вильнѣ, гдѣ выросъ и гдѣ первыми шагами его музыкальнаго развитія руководилъ извѣстный композиторъ Монюшко. Но въ училищѣ Кюи

почти совершенно оставилъ музыкальное творчество, онъ вернулся къ нему только по выпускѣ въ офицеры, въ 1855 г. Отчасти счастливая случайность, отчасти горячій интересъ къ любимому искусству сразу ввели Кюи въ кружокъ лучшихъ композиторовъ, музыкантовъ и любителей музыки того времени. У одного изъ товарищей Кюи были сестры, учившіяся пѣнію у Даргомыжскаго; черезъ этого товарища Кюи попалъ къ Даргомыжскому. Инспекторъ студентовъ, Фицтумъ, большой любитель музыки, прославившійся серьезными симфоническими концертами въ университетѣ, устраивалъ, кромѣ нихъ, еще у себя дома квартетные вечера. Тамъ Кюи познакомился съ Балакиревымъ, который въ свою очередь познакомилъ его съ Сѣровымъ и братьями Стасовыми, въ гостиной которыхъ часто собирались выдающіеся люди по искусствамъ и литературѣ. Даже домашняя обстановка благопріятствовала музыкальному развитію Кюи. По выходѣ въ офицеры, онъ поселился со своимъ старшимъ братомъ (граверомъ на деревѣ) въ Галерной у одной изъ петербургскихъ хозяекъ, сдающихъ жильцамъ комнаты съ харчами. Кюи съ братомъ нанимали двѣ комнаты. По счастливой случайности, въ другихъ комнатахъ той же хозяйки жили: какой-то пьянистъ, архитекторъ Скорубскій, хорошо игравшій на скрипкѣ, ученикъ академіи (впослѣдствіи извѣстный художникъ) Мясоѣдовъ, обладавшій кое-какимъ голосомъ для пѣнія. Всѣ они въ часы досуга собирались вмѣстѣ, музицировали, спорили, разговаривали объ искусствѣ. Въ это время Кюи особенно сблизился съ Балакиревымъ; молодые композиторы часто сходились другъ съ другомъ и каждое воскресенье утромъ отправлялись къ Сѣрову, который тогда былъ болѣе извѣстенъ, какъ музыкальный критикъ. Горничная Аришка приносила гостямъ кофе, а хозяйка, косматый и въ одномъ бѣльѣ, громко и съ паѳосомъ прочитывала свои музыкальныя статьи, печатавшіяся въ журналѣ «Театральный Вѣстникъ» Раппопорта. И друзья заслушивались его съ увлеченіемъ. Но и кромѣ воскресеній Кюи пользовался всякимъ свободнымъ временемъ, чтобъ побывать у Сѣрова, проводилъ у него по три и по пяти часовъ сряду и вообще высоко цѣнилъ свое знакомство съ нимъ. Въ письмахъ Кюи ко мнѣ 1856 и 1857 годовъ нѣсколько проглядываетъ характеристика этихъ сношеній двухъ композиторовъ. «Я скажу откровенно, — пишетъ мнѣ Кюи отъ 1-го августа 1856 г., — что года два назадъ я ровно ничего не понималъ. Музыкальное (да и вообще всякое) пониманіе — это лѣстница безчисленнаго числа ступеней. Тотъ, кто стоитъ на высокой ступенькѣ, спуститься на нижнюю можетъ, когда ему угодно, можетъ вполне оцѣнить и польку, можетъ и полюбить ее, буде въ ней заключаются истинныя красоты; но, увы, для стоящаго внизу верхъ недоступенъ, пока онъ его не завоеуетъ своимъ трудомъ, образуя себя технически и эстетически особенно (это не мое сра-

вненіе, оно Сѣрова). Чтобы человѣку была доступна музыкальная поэзія, ему должна быть доступна поэзія вообще». Такому-то завоеванію и помогаль Сѣровъ, но не какъ увѣренный въ своей непогрѣшимости менторъ, проповѣдующій не принимая возраженій, а какъ старшій пріятель, ревностно стремящійся объ руку съ своими молодыми послѣдователями къ одной эстетической цѣли. Въ томъ же письмѣ отъ 1-го августа Кюи прибавляетъ: «Какой для меня это неоцѣненный кладъ, знакомство съ Сѣровымъ! въ немъ я нахожу строгаго и вѣрнаго судью моихъ произведеній, ему я обязанъ много въ музыкальномъ пониманіи и весьма пріятными минутами общаго удивленія къ великимъ мастерамъ. Съ нимъ мы споримъ, и я критикую его произведенія, и въ критикахъ своихъ нисколько не стѣсняюсь, и онъ не пренебрегаетъ моимъ мнѣніемъ, во многомъ еще весьма не зрѣломъ и невѣрнымъ». Вліяніе Сѣрова не мало сказалось въ тѣхъ строгихъ сужденіяхъ, которыми молодые друзья критиковали нѣкоторыхъ свѣтилъ итальянской и германской музыкальныхъ школъ. Въ кружкѣ появился, между прочимъ, талантливый композиторъ, студентъ Гусаковскій (онъ потомъ чрезъ нѣсколько лѣтъ умеръ) и жадно прислушивался къ разговорамъ и музыкальнымъ наставленіямъ своихъ двухъ старшихъ новаторовъ. Художникъ Мясоѣдовъ какъ-то даже набросаль карикатуру, гдѣ изобразилъ трехъ пріятелей: они смѣются и бранятъ старыхъ композиторовъ, а страстный поклонникъ германской музыки, инспекторъ Фицтумъ, съ ужасомъ отвернулся отъ нихъ и восклицаетъ: «Dieses verfluchte trio».

Къ этому времени относится и мое сближеніе съ Кюи. Я былъ выпущенъ въ офицеры и поступилъ въ младшій классъ Инженерной академіи въ 1856 г. Кюи въ это время перешелъ въ старшій классъ. Наша пріязнь, особенно развившаяся въ лѣтней перепискѣ 1856 года (я былъ въ деревнѣ на съемкѣ, онъ въ Кронштадтѣ), окончательно окрѣпла зимой, когда мы вернулись къ класснымъ занятіямъ. Мы сходились ежедневно, урывками въ перемѣнѣ, между двумя лекціями, иногда захватывая добрую долю самой лекціи, прохаживаясь по корридору, разговаривая о музыкѣ, о литературѣ, а главное о театрѣ. Моя семья жила въ Москвѣ, я былъ довольно одинокъ. Восемнадцатилѣтній мальчикъ, экзальтаторъ, выброшенный со школьной скамьи въ петербургскую жизнь, безъ всякаго руководства, безъ всякой интеллигентной поддержки, я тѣмъ съ большей горячностью относился къ участию человѣка гораздо болѣе счастливаго, чѣмъ я, и ласково откликавшася на мои первыя попытки литературнаго творчества. Я радовался этому участию, я жилъ, я питался имъ; я въ немъ лелѣялъ надежду на осуществленіе моихъ завѣтныхъ желаній, моего любимаго дѣла. И это мое, нѣсколько приподнятое, настроеніе души ясно сквозить въ тѣхъ письмахъ Кюи, въ которыхъ онъ добрыми словами любя-

щаго наставника старался охладить мой нѣсколько неумѣренный пылъ.

«Если вы (писалъ онъ мнѣ въ 1856 г.) полное къ вамъ сочувствіе, пониманіе васъ лучше другихъ и большую симпатію называете дружбой, то я вамъ другъ. Если же вы дружбу ставите выше этого, то я вамъ не другъ; но не перестану быть вашимъ доброжелателемъ, никогда не перестану сердечно сочувствовать вашей любящей и изливающейся натурѣ, и въ душѣ моей всегда найдутъ отголосокъ всѣ ваши грезы, мечты, думы; и мнѣ крайне пріятно подумать, что я выше тѣхъ людей, которые глупо-холодными и грубо-матеріальными глазами смотрятъ на васъ».

И черезъ годъ въ томъ же тонѣ я читаю въ одномъ изъ писемъ Кюи ко мнѣ:

«Вы слишкомъ довѣрчивы и слишкомъ готовы привязаться (къ лицу или мнѣніямъ его) всею силой вашей поэтической души. Мы живемъ на свѣтѣ, гдѣ найдутся скоты, подлецы, которые завлекутъ васъ, очаруютъ, поиграютъ и, когда игрушка имъ надоѣстъ, они ее бросятъ, не обращая вниманія, разобьется ли она, падая, или нѣтъ. Для вашего же счастья будьте холоднѣй. Остерегайтесь слишкомъ частыхъ изліяній, они могутъ надоѣсть. Любите поэзію всею душой, живите для нея (какъ и я для музыки), но будьте поэтомъ, между прочимъ (какъ я музыкантомъ). Я не ставлю себя вамъ въ примѣръ, но мнѣ хорошо, я счастливъ, и этого я вамъ отъ всей души желаю. Есть вдохновеніе, слава Богу, пишите; написали хорошіе стихи—отлично... Вдохновенья нѣтъ, что дѣлать—не всѣмъ людямъ, умѣющимъ чувствовать, дано быть Мицкевичемъ или Глинкой» (9-го августа 1857 г.). И тутъ же онъ прибавляетъ: «Вамъ нужно найти такого неопѣвннаго судью-пріятеля и знатока, какового я нашель въ Сѣровѣ».

Сближенію моему съ Кюи способствовала, можетъ быть, тоже общая у меня съ нимъ черта характера, которая, впрочемъ, не особенно высоко цѣнится любителями такъ называемыхъ художественныхъ натуръ. Мы оба всегда были, такъ сказать, людьми порядка; мы умѣли такъ жить, что, получая по триста рублей жалованья въ годъ, мы не только сами никогда не имѣли долговъ, но еще часто ссужали деньгами товарищей. Намъ просто не было свойственно тратить два рубля, когда въ карманѣ было всего рубль. Согласно съ этой чертой мы положительно не были способны на какія нибудь экстравагантныя дурачества, столь естественныя и простительныя въ молодые годы. Вся страстность нашей природы тратилась на одну любовь къ искусству и особенно къ театру. Наша житейская обстановка была до нельзя скромна: Кюи любилъ пить чай съ вареньемъ, которое по тогдашнимъ средствамъ онъ покупалъ въ лавочкѣ; это было единственнымъ нашимъ гастрономическимъ угощеніемъ. Мы ни разу не кутнули какимъ нибудь

обѣдомъ или ужиномъ въ дорогомъ ресторанѣ; я не помню, чтобы когда нибудь въ то время у него или у меня стояла бутылка вина на столѣ. Въ одномъ изъ писемъ Кюи я встрѣчаю фразу: «отъ пикника избави васъ Господи, въ виду скуки и издержекъ». Не правда ли, что это очень характерная строка для двухъ офицеровъ, изъ которыхъ одному только двадцать лѣтъ съ небольшимъ, а другому всего восемнадцать? Въ нашемъ кружкѣ никогда не появлялось женщины легкаго поведенія, не рассказывались скабрзные анекдоты; и это не было ни фарисейство, ни лицемеріе; просто было некогда объ этомъ думать, слишкомъ поглощали другіе интересы. Можетъ быть, таково было вообще повѣтріе блаженнаго чистаго поэтическаго времени, конца 1850-хъ и начала 1860-хъ годовъ, того времени чудныхъ миражей, восторженныхъ стремленій и страстной вѣры, такъ отвратительно погибшей въ сумбуръ послѣдующихъ десятилѣтій. Да, мы никогда нашими тратами не выступали за предѣлы нашихъ доходовъ, но, довольствуясь тѣмъ, что зарабатывали, можетъ быть, даже иногда ущипывая свой жизненный комфортъ, мы умѣли доставлять себѣ лучшія радости. Мы въ себѣ носили наше счастье. Кюи мнѣ писалъ однажды: «мнѣ кажется, я и въ аду буду счастливъ». Наша бѣдность не останавливала насъ и передъ крупными для насъ тратами, но на то, что намъ было любо. Кюи какъ-то очень понравилась хранящаяся въ Академіи художествъ копія съ картины Мурильо: женщина съ ребенкомъ, и, не смотря на свои болѣе чѣмъ скудныя средства, четыре мѣсяца онъ платилъ хозяйкѣ за обѣды художника Мясоѣдова, который за то написалъ ему копію съ этой картины. Меня всегда тянуло путешествовать, и первые заработанные литературой шестьсотъ рублей я цѣликомъ потратилъ на поѣздку за границу и объѣхалъ полъ-Европы. Въ первые годы нашего офицерства, каждую берегаемую копейку нашего трехсотрублеваго жалованья мы тратили на театръ, попреимуществу на русскую оперу. Мы переслушали и пересмотрѣли всѣ исполнявшіяся тогда оперы, и на это мы ничего не жалѣли. Такъ какъ оперный (Маринскій) театръ былъ ближе къ квартирѣ Кюи (я жилъ на Моховой), и такъ какъ мы всегда послѣ представленія долго разговаривали, то обыкновенно въ эти ночи я ночевалъ у Кюи; и бывало я уже улягусь на диванъ, прикрываясь его халатомъ, а онъ сядетъ къ фортепіано и наигрываетъ мнѣ одну изъ любимыхъ мною мелодій: тріо изъ «Жизни за царя», арію Макса изъ «Фрейшюца» и т. п.

Среди такой жизни началось наше уже болѣе серьезное творчество; я писалъ стихи и началъ набрасывать драматическія сцены. Кюи сочинялъ музыкальные отрывки и романсы. Близость пріятелей имѣла слѣдствіемъ и общее ихъ творчество: нѣсколько изъ моихъ стихотвореній Кюи обратилъ въ романсы и потомъ напечаталъ съ посвященіемъ мнѣ. Я ему посвящалъ стихи, онъ мнѣ му-

зыку; это было очень забавно. Одинъ изъ этихъ романсовъ, именно «Тайна», особенно интересенъ: въ немъ тогда уже проявилось направление къ музыкальной декламации, чѣмъ впоследствии отличалось творчество Кюи. Конечно, при нашей общей любви къ театру, мы неминуемо должны были придти къ желанію написать сообща сценическое произведеніе, оперу: я—слова, онъ—музыку. Мы выбрали сюжетомъ Пушкинскаго «Кавказскаго плѣнника». Девятнадцатилѣтнимъ юношей я драматизировалъ поэму, примѣняясь къ формамъ оперныхъ либретто, и Кюи горячо взялся за работу. Онъ писалъ оперу не послѣдовательно, а отдѣльными номерами, къ чему болѣе былъ расположенъ въ данную минуту; такимъ образомъ, второй актъ былъ написанъ ранѣе перваго, и оба акта оперы были сочинены въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ 1857—1858 годовъ; въ апрѣлѣ 1858 года опера вся была кончена.

Отчасти эта опера, а особенно знакомство съ Даргомыжскимъ, имѣли большое вліяніе на судьбу Кюи. У Даргомыжскаго онъ встрѣтилъ молодую дѣвушку, пріѣхавшую въ Петербургъ съ родителями, которымъ по домашнимъ обстоятельствамъ пришлось переселиться изъ провинціи въ столицу. Дѣвушка обладала хорошимъ голосомъ, брала уроки пѣнія у Даргомыжскаго и даже мечтала о поступленіи на Императорскую сцену, въ оперу. Кюи присутствовалъ при этихъ урокахъ и восхищался яркой музыкальной декламацией пѣвицы, разучившей, между прочимъ, и главную женскую партію въ оперѣ «Кавказскій плѣнникъ». Я помню, какъ онъ восхищался, хвалилъ ея исполненіе дуэта передъ бѣгствомъ плѣнника. Это музыкальное увлеченіе кончилось житейскимъ. Лѣтомъ 1858 года я былъ въ Кронштадтѣ на практическихъ работахъ и тамъ получилъ отъ Кюи восторженное письмо; онъ былъ на вершѣ блаженства, онъ сдѣлалъ предложеніе и получилъ согласіе. Это была дѣйствительно горячая, молодая любовь, тѣмъ болѣе искренняя, что до того времени увлеченія молодого композитора были очень поверхностны и болѣе похожи на любовь институтокъ къ своимъ учителямъ. Кюи слегка таялъ передъ тогдашней примадонной русской оперы Латышевой, какъ я передъ премьершей русской драмы Свѣтковой 3-й, но эти прелестныя дамы и не чуяли, что подъ лацканами двухъ инженерныхъ мундировъ бьются имъ навстрѣчу пылкія сердца. Новая любовь молодого композитора была серьезная, полная той страсти, съ которой онъ относился ко всему, что ему было любо, но, всетаки, страсти очень характерной, умѣвшей мирить экзальтацію любви съ тисками жизненной обстановки. Маленькій романъ женитьбы Кюи созрѣлъ и развился просто, ровно, какъ тихая рѣка течетъ по гладкой луговинѣ, не встрѣчая никакихъ препятствій. Письма Кюи ко мнѣ лѣтомъ 1858 года переполнены самыми мелкими подробностями его сватовства, я бы могъ по нимъ опредѣлить день и часъ, когда именно онъ

сдѣлалъ предложеніе дочери, когда родителямъ, когда впервые поцѣловалъ свою невѣсту, и все это дышитъ такой чистотой, такимъ сознательнымъ счастьемъ, что въ наши дни многіе молодые люди сочли бы все это дѣтски простодушнымъ идеализмомъ, но таковы мы были тогда. Сильная любовная страсть ни на минуту не поколебала всегда присущаго Кюи житейскаго благоразумія. Ни малѣйшей глупости, ни малѣйшей житейской ошибки не было сдѣлано при вѣнчаніи. Квартира была найдена исподволь, обдуманно, обстановка заведена понемногу и потому хорошая. Холостое гнѣздо въ Галерной почему-то распалось. Кюи до женитьбы нанялъ меблированную комнату отъ жильцовъ въ томъ же домѣ (на Малой Итальянской), гдѣ жила его невѣста. Я лѣтомъ уѣзжалъ изъ Петербурга и не имѣлъ квартиры, онъ звалъ меня жить съ нимъ до дня его свадьбы и очень огорчался, что я по какимъ-то причинамъ считалъ нанятую имъ комнату неудобной. Онъ уговаривалъ меня, увѣрялъ, что весь день будетъ у невѣсты, и, стало быть, я буду дома полнымъ хозяиномъ.

«Комната такъ чиста,— писалъ онъ,— въ такомъ порядкѣ; конечно, она не велика, но при твоей изобрѣтательности и моей тебѣ подчиненности найдемъ на все мѣсто». Но наиболѣе трогательно звучать въ этомъ письмѣ цифры денежныхъ расчетовъ. Онъ такъ малы, что теперь могутъ показаться курьезомъ, особенно если припомнить, что въ то же время Кюи рѣшался на самый серьезный шагъ жизни, на женитьбу. Онъ писалъ мнѣ, что уже заплатилъ за комнату за два мѣсяца впередъ 24 рубля, что переѣздъ ему обошелся въ 4 рубля, а новый переѣздъ вызвалъ бы еще расходъ въ 2½ рубля, и что поэтому мѣнять квартиру очень стѣснительно. Такъ мы были бѣдны, что два рубля съ половиной уже имѣли для насъ нѣкоторое значеніе, но съ другой стороны такъ аккуратны, что ограниченность средствъ и необходимость ихъ регулировать не вліяли на наши душевныя радости, и, задумываясь надъ двумя рублями на переѣздъ, тотъ же Кюи тратилъ три рубля на чай горничной своей невѣсты. Я, всетаки, уступилъ Кюи и поселился съ нимъ въ одной комнатѣ до дня его свадьбы. 19-го октября (1858 года) состоялось вѣнчаніе по обряду протестантской церкви въ квартирѣ родителей невѣсты. Тамъ и остались жить молодые, пока не отыскали себѣ квартиры и удобной, и отвѣчающей скромному заработку мужа, молодого учителя въ инженерномъ училищѣ.

8-го октября весело справили мы дѣвишникъ домашнимъ спектаклемъ. Я тогда только что написалъ первую законченную комедію въ одномъ дѣйствіи, подъ названіемъ: «Прямо набѣло», наивнѣйшее и сентиментальное произведеніе, навѣянное повѣстью Дружинина «Полинька Саксъ». Мы разыграли эту мою комедію у родителей г-жи Кюи въ ея дѣвишникѣ, причемъ главную мужскую роль, какъ гласитъ сохранившаяся печатная афиша, игралъ

композиторъ Мусоргскій. Это была первая, исполненная на сценѣ, моя пьеса; мнѣ тогда минуло 20 лѣтъ. Такъ началась моя сценическая карьера въ квартирѣ у Кюи, вскорѣ и его карьера началась тамъ же. Я былъ счастливъ счастьемъ пріятеля; въ разговорѣ его медоваго мѣсяца мы затѣяли написать комическую оперу. Намъ обоимъ очень нравилась исполнявшаяся тогда русскими пѣвцами фантастическая опера Обера «Бронзовый конь», дѣйствіе которой происходитъ въ Китаѣ. Еще въ 1857 году (21-го августа) Кюи писалъ мнѣ: «Послѣ вчерашняго представленія музыкальнныя красоты «Бронзоваго коня» растутъ у меня до исполинскихъ размѣровъ; просто гениальная опера. Дуэтъ большой Лилѣвой съ Петровымъ привелъ меня въ неистовый восторгъ и не меня одного: публика въ продолженіе этого дуэта три раза хлопала»...

Оттого и мнѣ пришло въ голову написать китайскую оперу. Я сочинилъ либретто: «Сынъ мандарина», и въ нѣсколько мѣсяцевъ опера была готова. Тогда мы устроили второй спектакль, все въ той же квартирѣ родителей жены Кюи. Квартира была очень своеобразна, она состояла изъ двухъ, трехъ очень маленькихъ комнатъ и одной огромной залы, почему и стоила не дорого и была очень удобна для устройства спектаклей. Долго разучивали оперу. Я и Кюи сами склеили декорацію изъ обоевъ на китайскій ладъ, достали костюмы, парики, обо всемъ тщательно позаботились, и въ февралѣ 1859 году спектакль состоялся. Женскую роль исполняла жена Кюи, мандарина—Модестъ Мусоргскій, у него былъ хорошій голосъ; трактирщика — талантливый баритонъ русской оперы Гумбинъ, тенороваго любовника—докторъ Чернявскій, и наконецъ, злодѣя Зай-Санга — полковникъ Вельяминовъ. Взамѣнъ оркестра на рояли игралъ самъ композиторъ Кюи, причемъ увертюру вмѣстѣ съ Балакиревымъ въ четыре руки. Публики было много, въ числѣ прочихъ Даргомыжскій, Владиміръ Стасовъ и др. Такъ рука объ руку вступили мы на поприще, которому Кюи посвятилъ половину своей жизни, а я всю.

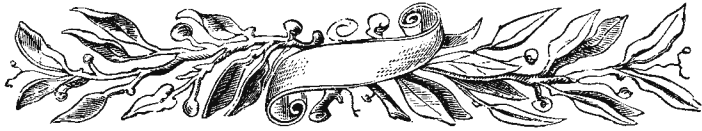
Первый гонораръ за свои музыкальныя произведенія Кюи получилъ за романсы. Посвященные мнѣ романсы были напечатаны даромъ, по рекомендаціи Даргомыжскаго, музыкальнымъ магазиномъ Бернарда. Послѣ того 6 романсовъ напечаталъ Югансонъ, уплативъ по 15 рублей за романсъ, но не деньгами, а нотами. Первые 50 рублей за 7 романсовъ Кюи получилъ отъ издателя журнала «Сѣверные Цвѣты», Станюковича, который однако напечаталъ только два романса, и остальные пропали безслѣдно, такъ какъ композиторъ, вопреки своему постоянному благоразумію, не оставилъ у себя копій.

Въ 1859 году, русская опера въ бенефисъ Латышевой намѣревалась поставить оперу «Кавказскій плѣнникъ»; роздали партіи и оперу стали разучивать. Но исполненіе тогда не состоялось,

потому ли что пожалѣли тратъ на костюмы и декораціи, или потому, что опера была всего двухъ-актная, или, наконецъ (какъ полагаетъ самъ композиторъ), по неудовлетворительной оркестровкѣ. Поставленная впоследствии на сценѣ Маріинскаго театра опера «Кавказскій плѣнникъ» переделана изъ прежней въ три акта и оркестрована вся заново. Шестидесятые годы съ ихъ ураганомъ бурной общественной жизни увлекли меня въ новые кружки пріятелей; лекціи въ думѣ, бесплатная Таврическая школа, воскресныя школы, читальни—все это захватило меня въ новую толпу людей, и мы съ Кюи стали видѣться рѣже, хотя пріятельскія отношенія наши сохранились донынѣ, и мнѣ еще нѣсколько разъ пришлось работать съ нимъ объ руку. Такъ, напримѣръ, необходимыя для оперы измѣненія, противъ текста Гейне, въ драмѣ «Вильямъ Ратклифъ» сдѣланы мною.

Викторъ Крыловъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПРОФЕССОРѢ Н. С. ТИХОНРАВОВѢ.

АВЯТЫЙ часъ вечера. По занесенному снѣгомъ тротуару Стоженки (дѣло происходило въ Москвѣ въ декабрѣ 1861 г.) пробираются два студента, одинъ уже реформированный, въ штатскомъ, другой въ потертой студенческой шинели и фуражкѣ; первый изъ нихъ — вашъ покорнѣйшій слуга, въ то время филологъ 1-го курса; второй — третьекурсникъ, положимъ, Васильевскій.

— А не поздно теперь къ Тихонравову? — спрашиваю я моего спутника, сообразивъ, что время ближе къ 9-ти час., чѣмъ къ 8-ми.

— Вона! Когда же къ Тихонравову можетъ быть поздно?! Да вы, пожалуйста, не воображайте, что такъ-таки непременно увидите самого Тихонравова, какъ только явитесь. Вы вѣдь сказали, что лекціи поправить хотите; лекціи вы найдете; найдете и книгъ больше, чѣмъ вамъ нужно. А самъ Тихонравовъ, если дома, такъ непременно работаетъ и выйдетъ развѣ часу въ 11-мъ.

Тихонравовъ былъ не первый профессоръ, къ которому я шелъ «Христа славить», какъ выражались циники изъ семинаристовъ, не отстававшіе, однако, отъ насъ въ этомъ славленіи. Теперь дѣло далеко, далеко прошлое, и можно бы признаться въ грѣхѣ, еслибъ здѣсь дѣйствительно былъ грѣхъ; но его почти не было, и основное наше побужденіе было самое чистое и идеальное. Авторъ этихъ строкъ, наримѣръ, жилъ уроками и даже жилъ не одинъ, а съ матерью; слыхалъ онъ, что у профессоровъ попадаютъ очень хорошіе уроки, даже по рублю за часъ; онъ былъ не прочь и этимъ воспользоваться при случаѣ. Но это далеко не было главнымъ двигателемъ: такіе же хорошіе уроки доставляла иногда и инспекція; однако, авторъ даже и не обращался къ ея чинамъ. Прежде всего насъ тянуло войти въ личныя сношенія съ люби-

мыми профессорами; то же самое чувство, которое въ концѣ прошлаго столѣтія заставило «русскаго путешественника» настойчиво искать знакомства съ знаменитыми и имъ любимыми писателями Запада: хотѣлось видѣть, какъ живетъ этотъ человекъ; хотѣлось пожать руку, написавшую столько хорошихъ вещей; хотѣлось, чтобы въ его многдумной головѣ хоть на короткое время удержалась ваша фамилія. А для юнаго студента знакомство съ хорошимъ профессоромъ имѣло еще и другое значеніе: силъ много, и желаніе работать есть, а какъ взяться за дѣло — не знаешь. Не мы были инициаторами въ этомъ дѣлѣ посѣщенія профессоровъ (куда намъ! мы и на нашего любимаго учителя словесности въ VII кл. смотрѣли, какъ на высшее существо), а сами профессора, и для нашего курса одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ ученыхъ— О. И. Буслаевъ. Когда послѣ 2-ой, 3-ей лекціи, еще въ началѣ сентября, нѣкоторые изъ болѣе смѣлыхъ и начитанныхъ студентовъ окружили его при выходѣ изъ аудиторіи и обратились къ нему съ какими-то запросами относительно русскихъ былинъ, онъ отвѣтилъ вкратцѣ и обѣщаль дать подробныя объясненія дома, а потомъ, окинувъ своимъ соколинымъ взоромъ всю толпу, сказалъ громко:

— Господа! Если кому что нужно: объясненія ли, или книги, милости прошу ко мнѣ, по пятницамъ, такъ часовъ съ 6; я живу въ Власьевскомъ переулкѣ, въ домѣ Афросимова.

Конечно, значительная часть насъ не замедлила воспользоваться приглашеніемъ.

Тихонравовъ, въ то время совсѣмъ молодой адъюнктъ, по расписанію читаль исторію новой русской словесности, а на самомъ дѣлѣ — исторію французской литературы (тогда всеобщей литературы въ университетѣ не полагалось) XVII—XVIII в. съ частыми экскурсіями въ литературу русскую. Внѣшняя сторона его лекцій была не блестяща: постоянная тетрадка передъ глазами, монотонный, будто печальный голосъ, недостатокъ въ произношеніи буквы *с*, кажущееся отсутствіе одушевленія, не могли вызывать въ насъ особаго восторга; но зато мы понимали больше инстинктомъ, чѣмъ умомъ, какъ самостоятельно и ново все то, что онъ читаль намъ, и какъ логично и даже красиво построены его лекціи. Мы знали, что онъ любимый ученикъ, а нынѣ товарищъ Буслаева, видали его на Буслаевскихъ пятницахъ и слышали отъ старшихъ студентовъ, что онъ такъ же доступенъ и добръ къ студентамъ, какъ и его учитель и другъ. Въ это время Тихонравовъ издавалъ свои «Лѣтописи русской литературы и древности» и иногда выступалъ съ прекрасно написанными статьями по разнымъ общественнымъ вопросамъ въ газетахъ; стало быть, былъ не только ученый, но и литераторъ: двойная привлекательность для студента-словесника.

Скоро мы съ товарищемъ вступили на обширный, заваленный снѣгомъ, дворъ одного изъ послѣднихъ домовъ на Стоженкѣ и вошли на довольно убогое деревянное крылечко. Послѣ двухъ-трехъ сильныхъ звонковъ за дверями послышалось ворчанье и шлепанье стоптанныхъ башмаковъ. Дверь полуотворилась, и показалась со свѣчей баба, откровенно сказать, весьма непривлекательнаго вида.

— Вотъ, тетенька, я вамъ новенькаго привелъ, будьте къ нему ласковы, какъ ко мнѣ, и обогрѣйте его, — сказалъ весельчакъ Васильевскій.

— Ну, иди, иди, ты, шутъ черномазый, — отвѣчала баба, — не держи меня на морозѣ-то. Ишь что придумалъ: обогрѣйте! Обогрѣешь кого въ этой треклятой квартирѣ. А ты, батюшка, — обратилась она ко мнѣ, когда мы вошли въ довольно обширную переднюю, — калошѣ-то и пальто не снимай: у насъ вѣдь въ залѣ-то, словно на дворѣ.

То же посовѣтовалъ мнѣ и Васильевскій; но я, не избалованный тепломъ въ своей десятирублевой квартирѣ, счелъ невозможнымъ войти въ жилище профессора, будто въ конюшню, и раздѣлся. Васильевскій остался въ пальто.

— А что, Николай Савичъ дома? — спросилъ онъ.

— Дома, пишетъ; можетъ, потомъ и выйдетъ. А вамъ я сейчасъ чаю принесу; самоваръ еще горячій, — сказала баба.

Мы вошли въ огромную комнату, у одной стѣны которой стоялъ диванъ, а передъ нимъ столъ и 2—3 стула; между окнами было еще нѣсколько стульевъ, чѣмъ и ограничивалась вся меблировка; зато двѣ длинныя стѣны были уставлены сплошь черными полками, на которыхъ въ рядъ, а иногда и въ два ряда, стояли книги, навѣрно, болѣе 4.000 томовъ.

На столѣ стояли двѣ свѣчи, которыя баба зажгла немедленно своимъ шандаломъ, двѣ пепельницы, ящикъ съ папиросами, и лежало нѣсколько тетрадокъ, исписанныхъ тонкимъ и красивымъ, но слишкомъ связнымъ почеркомъ хозяина. Это были лекціи, служившія отчасти предлогомъ, отчасти причиною моего появленія къ Тихонравову; я за нихъ немедленно и принялся, а Васильевскій сталъ безцеремонно рыться въ книгахъ.

Черезъ нѣсколько минутъ баба поставила на столъ хлѣбницу съ «баранками» и принесла два стакана чаю, отъ которыхъ паръ такъ и валилъ, не потому, что чай былъ очень горячъ, а потому, что въ залѣ дѣйствительно было адски холодно. Посидѣвъ полчаса, я, провожаемый насмѣшками Васильевского, долженъ былъ отправиться въ переднюю и накинуть на себя пальто.

Лекціи Тихонравова въ чтеніи оказались еще лучше, нежели въ произношеніи, и положительно грѣхъ будетъ тому, кто, найдя этотъ курсъ въ его бумагахъ, не издастъ его при первой возмож-

ности; онъ, конечно, устарѣлъ со стороны фактовъ; но вѣдь устарѣла и «Тридцатилѣтняя война» Шиллера, а ее съ пользою читаетъ вся Европа и Америка.

Прочитавъ 2—3 лекціи, я присоединился къ Васильевскому, и онъ указалъ мнѣ нѣкоторыя крупныя коллекціи: перепечатанные французскіе эльзевиры въ красненькихъ переплетахъ, собраніе философовъ и историковъ Германіи въ видѣ еще болѣе изящномъ (это было подношеніе какихъ-то благодарныхъ учениковъ или ученицъ) и т. д. Меня и тогда поразила широта умственныхъ интересовъ владѣльца бібліотеки: здѣсь, кромѣ русской и всеобщей литературы всѣхъ періодовъ, были лучшіе труды и по исторіи, и по сравнительной грамматикѣ, и по философіи съ эстетикой; отмѣтки профессора были и на Нибуръ, и на Гегелъ, и на Боппъ, и на Монтенъ, и на нѣмецкихъ средневѣковыхъ поэмахъ; но видно было, что въ западныхъ литературахъ интересовали его преимущественно театръ и легенды.

Впослѣдствіи я узналъ, что молодой профессоръ собралъ эту бібліотеку на свои заработанные гроши: онъ былъ бѣднякъ, живущій жалованьемъ, а въ то время учительское и даже адъюнктское содержаніе были крайне мизерны, книги же—немногимъ дешевле нынѣшняго.

Въ десятомъ часу пришли еще два студента: одинъ словесникъ 4-го курса и одинъ юристъ; мы отчасти занимались, отчасти болтали совершенно какъ у себя дома.

Въ началѣ одиннадцатаго вышелъ къ намъ хозяинъ и пригласилъ насъ войти къ нему въ кабинетъ погрѣться, поболтать и вторично выпить чаю. Кабинетъ оказался премаленькой, но зато теплой комнаткой, сплошь заваленной книгами и бумагами. Разговоры и чаепитіе продолжались до полуночи.

Тихонравовъ не исповѣдовалъ вновь появляющагося къ нему студента, какъ это дѣлали старшіе изъ популярныхъ профессоровъ, не давалъ совѣтовъ, повидимому, совсѣмъ не направлялъ насъ, а дѣйствительно болталъ съ нами, какъ товарищъ; но кто не знаетъ, какую пользу приносить зеленому юношѣ общество развитаго и умнаго товарища? Здѣсь же къ обширному и тонкому уму старшаго товарища присоединялись и огромныя знанія.

Въ Тихонравовѣ не было и тѣни профессорской важности (которая такъ часто прикрываетъ пустоту головы и сердца), не проявлялось ни малѣйшей черточки самой позволительной рисовки; въ серьезномъ разговорѣ самыя умныя вещи высказывалъ онъ тѣмъ же ровнымъ, полунасмѣшливымъ, полупечальнымъ тономъ; но столь же серьезныя мысли и тоже опредѣленное міровоззрѣніе высказывалъ онъ и въ разговорѣ шутиломъ, безпрестанно прерываемомъ громкимъ, зарзительнымъ хохотомъ. Простѣйшая основа этого міровоззрѣнія дѣлалась ясна и послѣ получасовой бесѣды:

это—любовь къ дѣлу вообще и къ просвѣщенію во всѣхъ его видахъ въ особенности; разумное обученіе грамотѣ фабричныхъ, добросовѣстное преподаваніе русской грамматики въ низшихъ классахъ или на частныхъ урокахъ, умное преподаваніе словесности въ классахъ старшихъ возбуждали его горячее сочувствіе въ той же мѣрѣ, какъ и частно веденныя научныя работы и умныя литературныя статьи; а все, что противилось истинному просвѣщенію, всякое проявленіе невѣжества, всякое попользованіе обойти дѣло или воспользоваться имъ для своей выгоды—столь же горячую антипатію и хлесткую, рѣзкую насмѣшку. Столь же горячо, какъ невѣжество и подлость, ненавидѣлъ онъ и глупость, въ особенности глупость дипломированную и самодовольную и въ бичеваніи ея не зналъ жалости. Вообще при всей своей европейской учености, при всей поразительной широтѣ своего образованія, онъ оставался чисто русскимъ, даже спеціально великорусскимъ человѣкомъ, дѣловитымъ, энергичнымъ, умнымъ, ненавистникомъ всякой рисовки и лжи. Такіе люди наглядно объясняютъ намъ, почему наше обиженное природой племя могло создать Россію.

Мы, студенты, были съ Тихонравовымъ безусловно откровенны и въ его обществѣ быстро отучались становиться на ходули и говорить фразы, чтѣ такъ свойственно юности вообще, а особенно было свойственно въ началѣ 1860-хъ годовъ «въ наше время, когда». Онъ никогда не обрывалъ фразера, не обличалъ хвастуна; онъ, бывало, только посмотритъ своими большими черными глазами и перемѣнитъ разговоръ, или обратится къ другому; но взглядъ его и усиленная любезность къ тому, чье общество ему претило, были достаточно краснорѣчивы.

Когда студентъ обращался къ нему за совѣтомъ въ научномъ дѣлѣ, онъ давалъ отвѣтъ поразительно быстро и ясно. Будто какимъ-то чутьемъ онъ угадывалъ силы и степень подготовки студента и указывалъ, а чаще давалъ ему именно ту книгу, которая доставляла ему нужныя свѣдѣнія съ наименьшей затратой труда. Раздавалъ онъ и свои и университетскія книги въ огромномъ количествѣ, и рассказывали, что ему сотни разъ приходилось выкупать ихъ у букинистовъ на Смоленскомъ рынкѣ и у Сухаревой башни.

И совѣтами и книгами онъ охотно помогалъ всякому; но больше всего симпатизировалъ тѣмъ изъ насъ, которые непосредственно принимались за источники и спеціально за рукописи. Для такихъ Тихонравовъ являлся истиннымъ менторомъ: онъ и тему укажетъ, и къ отцу Іосифу (въ Синодальной библиотекѣ) самъ свезетъ, и рукописи спроситъ, и въ сборникахъ статьи розыщетъ, и всѣ трудныя мѣста разберетъ и всю обстановку для работы укажетъ; однимъ словомъ, и очиститъ и разжуетъ, только проглотить останется. Заинтересуется юноша рукописной работой, онъ навѣки останется другомъ Тихонравова.

Въ архивномъ дѣлѣ уже 29-лѣтній Тихонравовъ былъ въ то время однимъ изъ первыхъ ученыхъ въ Россіи; его пріатели, напримѣръ, извѣстный палеографъ А. Е. Викторовъ, рассказывали о немъ положительныя чудеса: стоило ему взять въ руки еще неописанный сборникъ, какъ онъ сразу попадалъ въ немъ на самую интересную статью; стоило ему явиться на аукціонъ рукописей и протянуть руку къ грудѣ ихъ, какъ онъ непремѣнно вытаскивалъ оттуда самую цѣнную и рѣдкую рукопись.

И такой-то человекъ обращался съ нами, 17-ти-лѣтними юношами, вчерашними гимназистами, какъ равный съ равными, острилъ и хохоталъ съ нами, читалъ намъ, напримѣръ, отрывки изъ остроумныхъ писемъ Н. И. Костомарова, писанныхъ языкомъ XVI—XVII вѣка, а когда нужно было, дѣлалъ для насъ самое мудрое ученое дѣло, открытіе и обслѣдованіе новыхъ памятниковъ, такимъ доступнымъ и легкимъ! Могъ ли онъ не собрать вокругъ себя группы благодарныхъ и преданныхъ учениковъ?

Если знакомый ему студентъ попадалъ въ какую нибудь «исторію», а время тогда было горячее и опасное, онъ не ограничивался бесплоднымъ сочувствіемъ ему, ни даже ходатайствомъ за него передъ инспекціей, а онъ брался за его дѣло, какъ бесплатный, но искусный адвокатъ, и направлялъ его, пуская въ ходъ свои и чужія связи, самымъ практичнымъ и спасительнымъ образомъ. Уже и въ то время въ немъ проявлялась та дѣловитая цѣпкость и ловкость, которыя онъ такъ блистательно выказалъ во время своего труднаго ректорства.

Молодой профессоръ проявлялъ свою заботливость о студентахъ не только въ серьезномъ, но и въ мелочахъ. Разъ, въ началѣ мая 1862 года, я уходилъ отъ него часу въ первомъ ночи; онъ зналъ, что я живу съ матерью на дачѣ въ деревни Шелепихѣ, верстахъ въ 5 за заставой (мы перебирались такъ рано больше изъ экономіи, чтобы не платить за городскую квартиру). Провожая меня (его единственная прислуга давно спала) онъ услышалъ шумъ дождя на дворѣ.

— Пойдите-ка! кажется, довольно сильный дождь идетъ?

— Идетъ, Николай Савичъ. Онъ начинался, когда я къ вамъ шелъ; да что за важность: у меня калоши есть.

Тихонравовъ выглянулъ на дворъ.

— Нѣтъ, какъ хотите, я васъ не пушу въ такую погоду на вашу Шелепиху; оставайтесь ночевать у меня; сейчасъ Аксинью разбудимъ; она вамъ постелеть въ залѣ на диванѣ: отлично выснитесь, а завтра уйдете на дачу.

Я сталъ протестовать всѣми силами, доказывая, что мать моя вообразить, что меня на дорогѣ убили, не будетъ спать всю ночь, а завтра чѣмъ свѣтъ прибѣжить въ Москву искать меня.

Посмотрѣвъ мнѣ въ глаза, Тихонравовъ увидаль, что я говорю правду.

— Ну, въ такомъ случаѣ извольте хоть мой зонтикъ взять. Я отказался и отъ зонтика.

— Въ городѣ, конечно, меня вашъ зонтикъ защититъ, но за Трехгорной заставой, гдѣ мнѣ придется пробираться около заборовъ и перепрыгивать лужи, мнѣ онъ будетъ только въ тягость; а вамъ онъ можетъ понадобится завтра утромъ.

Тихонравовъ на минуту задумался.

— А, постойте! Я нашелъ средство, и отъ него вы не имѣете права отказываться: иначе я васъ не выпущу. У меня есть совсѣмъ новенькое резиновое пальто, въ которое я немедленно облеку васъ: расту мы почти одинакаго.

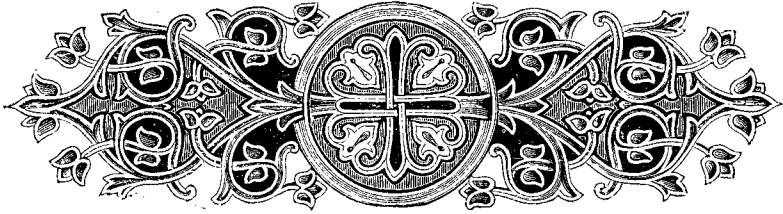
И я надѣлъ профессорское пальто, и запагалъ на свою Шелепиху. Мать, дѣйствительно безпокоившаяся обо мнѣ, была не мало удивлена, когда я вмѣсто того, чтобы явиться измокшимъ до нитки, пришелъ сухенькій, какъ будто ѣхалъ въ каретѣ.

До сихъ поръ, черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ, я краснѣю отъ досады, когда вспомню, что на другой день, при осмотрѣ, профессорское пальто оказалось разорваннымъ, вслѣдствіе моей неосторожности у какого-то забора; мать заштопала его, какъ могла лучше, а когда я, возвращая его черезъ два дня Тихонравову, признался въ полуневольномъ грѣхѣ, онъ съ своимъ заразительнымъ хохотомъ принялся успокоивать меня, говоря, что такъ даже гораздо лучше, что онъ по старой студенческой привычкѣ ужасно не любитъ совсѣмъ новаго платья и охотно надѣваетъ пальто только въ томъ случаѣ, если оно хоть немножко разорвано или испачкано.

Мимоходомъ сказать, это была совѣршеннѣйшая ложь: не смотря на свои ничтожныя средства и на долги, поразительно искусный практикъ въ чужихъ и общественныхъ дѣлахъ, Тихонравовъ и тогда и позднѣе въ своихъ личныхъ былъ совершеннымъ младенцемъ. Тихонравовъ былъ всегда одѣтъ съ щепетильной опрятностью. Но бываетъ и правда въ грѣхъ и ложь во спасенье.

По общимъ отзывамъ,— по окончаніи курса я рѣдко видалъ Тихонравова, такъ какъ и въ Москвѣ бывалъ только наѣздами,— онъ и до 60-ти лѣтъ оставался для своихъ непосредственныхъ учениковъ такимъ же старшимъ товарищемъ. Вотъ почему эти ученики и дежурили у его смертнаго одра; вотъ почему они и провожали его гробъ съ горькими слезами; не только ученаго руководителя, но и истинно благого учителя потеряли они въ немъ.

С. М. С.

СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛѢТІЕ ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ВОСЬМОГО февраля текущаго года минеть 75 лѣтъ, какъ пламенное желаніе Петра Великаго и Ломоносова, наконецъ, получило осуществленіе: на берегахъ Невы, въ царствованіе Александра I, учреждень въ 1819 г. университетъ, «для доставленія, по словамъ высочайшаго рескрипта, возможности получить высшее образованіе лицамъ всѣхъ сословій, его ищущимъ и достаточно къ нему подготовленнымъ».

Оффиціальнаго чествованія въ этотъ день не будетъ, такъ какъ только пятидесяти и столѣтніе юбилеи, по закону вообще, пользуются правомъ гражданства, поэтому и оффиціальной исторіи семидесятипятилѣтней жизни нашего университета не появится на свѣтъ. Въ виду такой постановки вопроса, на бывшихъ питомцахъ университета лежитъ какъ бы нравственный долгъ восполнить этотъ пробѣлъ и по возможности отмѣтить день 8-го февраля, не какъ ежегодный и обыденный «день основанія университета», а какъ истинный и заслуженный праздникъ науки. Положимъ, семьдесятъ пять лѣтъ жизни не Богъ вѣсть какой долгій вѣкъ; вѣдь даже у насъ, въ Россіи, не говоря уже про западъ, нѣкоторые университеты перешли за столѣтія, а Московскій черезъ какой нибудь десятокъ лѣтъ отпразднуеть свой полторавѣковой юбилей; тѣмъ не менѣе, въ Россіи, при многихъ условіяхъ жизни, для высшаго разсадника мысли и такой вѣкъ можетъ считаться не малымъ, особенно принимая во вниманіе

неоспоримыя и великія заслуги, которыя имѣеть передъ отечествомъ и наукой нашъ С.-Петербургскій университетъ. Пользуясь любезнымъ гостепріимствомъ «Историческаго Вѣстника», постараюсь, какъ бывшій воспитанникъ университета, изложить хоть въ краткихъ чертахъ его семидесятипятилѣтнюю исторію, упомянуть выдающихся дѣятелей и отмѣтить тѣ радости и печали, которыми такъ богата лѣтопись университета. Это будетъ моя скромная юбилейная дань:

Quod potui feci,
Faciunt meliora potentes.

I.

Начало царствованія Александра I было чрезвычайно благопріятно для исторіи русскаго просвѣщенія. Вскорѣ, по своемъ вступленіи на престолъ, онъ положилъ твердое основаніе многимъ либеральнымъ начинаніямъ по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія. Въ числѣ послѣднихъ видное мѣсто занимаетъ утвержденіе штатовъ для Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго университетовъ. Предполагалось открытіе и Петербургскаго университета, но состояніе государственной казны не позволило сдѣлать значительнаго расхода, и проектъ открытія на широкую ногу столичнаго высшаго учебнаго заведенія пришлось отложить до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Къ тому же правительство было озабочено пріисканіемъ преподавательскаго состава преимущественно изъ среды своихъ соотечественниковъ, что было чрезвычайно трудно выполнить сразу для нѣсколькихъ университетовъ. Поэтому на первыхъ порахъ была основана учительская семинарія, преобразованная сначала въ учительскую гимназію, а потомъ въ педагогическій институтъ.

Въ 1816 году этотъ институтъ получилъ наименованіе «Главнаго Педагогическаго института» и былъ сформированъ на подобіе существовавшихъ университетовъ съ правами послѣднихъ по уставу 1804 года.

Въ 1810 году на отвѣтственный постъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа былъ призванъ молодой, просвѣщенный и энергичный государственный дѣятель, графъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ. Авторъ многихъ ученыхъ сочиненій на иностранныхъ языкахъ, человѣкъ европейскаго образованія, онъ вскорѣ (1818 году) былъ назначенъ президентомъ академіи наукъ. Пользуясь своимъ высокимъ положеніемъ и широкимъ вліяніемъ, графъ Уваровъ началъ настаивать на необходимости скорѣйшаго учрежденія въ Петербургѣ университета. Хлопоты его увѣнчались успѣхомъ, и по

докладу министра народнаго просвѣщенія, князя А. Н. Голицына, высочайше повелѣно, 8-го февраля 1819 года, именовать Главный Педагогическій институтъ С.-Петербургскимъ университетомъ, поручить вѣдѣнію его Петербургскій учебный округъ и допустить къ лекціямъ университета своекоштныхъ студентовъ.

Уставъ 1804 года предоставлялъ университетамъ широкую автономію; все было основано на выборномъ началѣ; совѣтъ являлся высшею инстанціей по дѣламъ учебнымъ и судебнымъ и имѣлъ право апелляціи въ сенатъ по дѣламъ тяжбымъ.

Уваровъ торопился съ открытіемъ Петербургскаго университета, на что у него были основанія и о чемъ скажемъ ниже, поэтому-то въ жизни новаго учрежденія сразу обнаружались нѣкоторые дефекты. Главнѣйшій изъ нихъ былъ сравнительно слабый, и въ количественномъ и качественномъ отношеніи, преподавательскій составъ; кромѣ того, и комплектъ слушателей былъ очень незначителенъ. Въ университетъ поступило лишь 20 своекоштныхъ студентовъ, остальные же въ количествѣ 70 человекъ были воспитанники Главнаго Педагогическаго института.

Не смотря на то, что однѣ каѳедры пустовали, а другія были замѣщены людьми съ недостаточной научной подготовкой, нельзя не упомянуть о нѣкоторыхъ выдающихся профессорахъ того времени, составлявшихъ въ первые года жизни университета его гордость. Къ числу таковыхъ на философско-юридическомъ факультетѣ принадлежали: Галичъ, Куницынъ, Балугьянскій—онъ же ректоръ; на факультетѣ историческихъ и словесныхъ наукъ—Раупахъ, Германъ и Арсеньевъ, а на физико-математическомъ—Вишневскій ¹⁾.

Первые два года жизни нашей *alma mater* прошли сравнительно благополучно, но на третій надъ нею разразилась громовая туча, потрясшая университетъ до основанія и нанеся ему тяжелыя раны, отъ которыхъ не скоро удалось оправиться. Графъ Уваровъ не даромъ торопился съ открытіемъ университета: онъ ясно видѣлъ, что во внутренней политикѣ государства наступилъ крутой переломъ. Симптомы реакціи были замѣтны уже давно, а къ концу десятилѣтія мракъ наступилъ со всею силою. Настроеніе духа государя было подавленное, онъ не интересовался уже реформами и отдалилъ отъ себя первоначальныхъ друзей и сподвижниковъ. Въмѣсто Лагарпа, Каподистрии, Чарторижскаго, Кочубея, мы видимъ его приближенными мрачныхъ мистиковъ—князя Голицына, архимандрита Фотія, митрополита Серафима и бездушнаго солдата Аракчеева. Все близкое съ либерализмомъ изгнано, и лозунгомъ событій является мистицизмъ и формализмъ.

¹⁾ Подробно о нихъ см. въ «Историческій запискѣ» В. Григорьева.

Первыя репрессаліі испытала на себѣ литература, затѣмъ разыгралась знаменитая Казанская исторія, гдѣ энергіей темной памяти попечителя М. Магницкаго университетъ былъ совершенно разгромленъ и превращенъ чуть ли не въ «средневѣковый католическій монастырь»¹⁾. Знаменитыя казанскія событія и преобразование тамошняго университета совершились лѣтомъ 1819 года, т. е. какъ разъ въ то время, когда радостно и торжественно графъ Уваровъ открывалъ Петербургскій университетъ. Промедли онъ еще нѣсколько времени, и наша alma mater не скоро бы увидѣла свѣтъ, а мы не имѣли бы радости нынѣ поздравить ее съ семидесятипятилѣтнимъ юбилеемъ.

Два года прожилъ нашъ университетъ спокойно, и кучка обскурантовъ не рѣшалась поднять противъ него гоненіе, но это была лишь отсрочка, уступка графу Уварову, пока онъ занималъ постъ попечителя. Чувствуя себя совершенно одинокимъ и не предвидя поддержки въ предстоящей борьбѣ, Уваровъ безъ боя уступилъ мѣсто противникамъ, подавъ лѣтомъ 1821 года въ отставку. Отставка была принята, на его мѣсто назначенъ Руничъ—копія и креатура Магницкаго, и надъ университетомъ произведена воистину жестокая расправа. Ректоръ Балугьянскій былъ уволенъ отъ должности, а профессора Германъ, Галичъ и Арсеньевъ отданы подъ слѣдствіе и судъ конференціи за то будто, что благодаря имъ «въ умахъ студентовъ вкореняются идеи разрушительныя для общественнаго порядка и благосостоянія». Нечего и говорить, что обвиненіе это не имѣло никакого логическаго основанія; все было основано на подлогѣ, передержкахъ и произвольномъ невѣжественномъ толкованіи ихъ лекцій. «Въ стремленіи достигъ своей цѣли какимъ бы то ни было образомъ,—говоритъ В. Григорьевъ,—пренебрежены были не только установленныя закономъ формы, не только забыто всякое приличіе въ отношеніи къ мѣсту и лицамъ, но прибѣгнуто даже къ подлогамъ. Настоятельно, съ насмѣшками, ругательствами и угрозами требовали, чтобы конференція осудила обвиняемыхъ, отнявъ у нихъ всѣ законныя средства къ оправданію». На этихъ засѣданіяхъ Балугьянскій падалъ въ обморокъ, а профессоръ Соловьевъ впалъ въ совершенное разслабленіе. Все дѣло о профессорахъ внесено было на разсмотрѣніе комитета министровъ. Уваровъ горячо ходатайствовалъ за обвиненныхъ передъ государемъ, и дѣло въ концѣ концовъ рѣшено было считать законченнымъ. Какой грустной ироніей звучатъ эти слова! Правда, неповинные ни въ чемъ профессора не понесли уголовной кары, но лучшія ихъ вѣрованія, труды и начинанія были безжалостно разбиты, а университетъ лишенъ лучшихъ сво-

¹⁾ Объ этой исторіи и дальнѣйшихъ Петербургскихъ событіяхъ см. у Григорьева и въ «Матеріалахъ» академика Сухомлинова.

ихъ дѣятелей. вмѣстѣ съ Галичемъ, Раупахомъ, Германомъ и Арсеньевымъ онъ лишился Балугьянскаго, Плисова, Панснера, Радлова, Шармуа и Деманжа. Мало того, весь университетъ, какъ учрежденіе, былъ подвергнутъ изгнанію: его перевели въ тѣсное помѣщеніе на Ивановской улицѣ, въ зданіе нынѣшней 1-й гимназіи. Точно школьника посадили въ карцеръ! Ударъ былъ нанесенъ университету жестокой, но мѣткой рукой, и отъ этого удара удалось оправиться только въ 1830-хъ годахъ, съ вступленіемъ на постъ министра народнаго просвѣщенія графа Уварова, а на должность попечителя К. М. Бороздина.

Цѣлое десятилѣтіе университетъ влачитъ жалкое существованіе, не проявляя никакой жизненной энергіи, не выдѣляясь ни особенно выдающимися учеными трудами, ни талантливыми профессорами. За исключеніемъ Сенковскаго¹⁾, ни одинъ профессоръ не останавливаетъ на себѣ вниманія историка того времени; да и самъ Сенковскій, выдѣляясь среди сотоварищей эрудиціей, живостью и способностями, не могъ оказывать на слушателей достойнаго профессора вліянія. Его литературные турниры и полемическія выходки на журнальномъ поприщѣ стяжали ему незавидную славу; за спиной профессора студенты всегда видѣли мрачную тѣнь барона Брамбеуса. Остальные преподаватели университета поголовно были посредственностями, въ нихъ не было «ни духа науки, ни ученыхъ достоинствъ». «Молодежь болѣзненно поражена была разгромомъ 1821 года въ самой веснѣ жизни,—говорить официальный историкъ университета²⁾, — и въ нѣкоторыхъ изъ среды ея цвѣтъ всякаго развитія побить еще въ почкахъ; большинство ея было потрясено и пришиблено этимъ разгромомъ и всѣмъ вслѣдъ затѣмъ видѣннымъ и испытаннымъ до такой степени, что никогда въ жизни, даже и при благопріятной перемѣнѣ обстоятельствъ, не могло уже очнуться, чтобы думать не по заданной программѣ и дѣйствовать не по чужой указкѣ». Слабо увеличивалась за это время и библіотека университета, не могли похвастаться блестящимъ состояніемъ и ученые кабинеты, не великъ былъ и наплывъ студентовъ. За восемь лѣтъ (1824—1831 гг.) въ немъ перебывало всего 244 человекъ и окончило курсъ 115; къ 1832 году въ немъ состояло лишь 125 студентовъ. Но таково уже свойство университетовъ, что въ какомъ бы упадкѣ они ни находились, какіе бы жестокіе удары ихъ ни постигали, источникъ знанія и просвѣщенія въ нихъ никогда не изсякнетъ. Пронесется гроза, разсѣются тучи, просіяютъ небеса, и смотришь—вновь оживилась природа: появились новые побѣги, молодые и

¹⁾ О Сенковскомъ смотри біографическій очеркъ Е. Соловьева въ «Біографической библіотекѣ» Павленкова.

²⁾ Григорьевъ, стр. 43.

сильные, говорящіе не о смерти и разрушеніи, а о вѣчномъ прогрессѣ и жаждѣ жизни. Такъ и въ академической жизни. Съ паденіемъ Рунича,—онъ былъ уволенъ, подобно Магницкому, за растрату казенныхъ денегъ,—начинается новая эра въ жизни нашей *alma mater*.

II.

Въ 1827 году, уже въ царствованіе императора Николая I, появилось первое распоряженіе, указывающее на поворотъ въ судьбахъ университетовъ вообще: разрѣшено было отправить сначала въ Дерптъ, а потомъ за границу, 20 молодыхъ людей изъ окончившихъ курсъ и оставленныхъ при университетахъ. С.-Петербургскій университетъ былъ въ состояніи выставить для заграничной поѣздки 6 человекъ, въ числѣ которыхъ отмѣтимъ Чивилева, братьевъ Куторга и Калмыкова. Настоящимъ же солнечнымъ днемъ для университета было возвращеніе къ власти графа Уварова, смѣнившаго собою въ 1833 году министра народнаго просвѣщенія князя Ливена, прослуживъ предварительно годъ товарищемъ министра.

Оживленіе академической жизни началось уже съ возвращенія командированныхъ за границу ученыхъ. Многіе изъ нихъ принесли на родину изъ европейскихъ странъ «новое слово», запаслись тамъ богатыми знаніями и явились въ родную ученую обитель во всеоружіи западнаго прогресса.

Въ 1835 году обнародованъ былъ новый университетскій уставъ, сохранившій до нашихъ дней названіе «уваровскаго». По новому уставу, университетъ былъ освобожденъ отъ завѣдыванія и управленія Петербургскимъ учебнымъ округомъ, отошелъ отъ него и цензурный комитетъ. Правительственная часть университетовъ измѣнилась только въ отношеніи къ срокамъ избранія ректора и декановъ; министру предоставлено право утверждать или не утверждать ихъ; инспекторъ студентовъ избирался по новому уставу не совѣтомъ, а попечителемъ, съ которымъ онъ и имѣлъ непосредственное сношеніе, помимо совѣта и ректора, по вопросамъ о поведеніи и нравственности студентовъ; полицейская и хозяйственная часть въ университетахъ осталась за правленіемъ, но со включеніемъ въ число его и инспектора; къ должности профессора стали допускаемы лишь лица, имѣющія докторскую степень, а къ должности адъюнкта—магистерскую; введены были публичные диспуты. По части учебной коренному преобразованію подвергся юридическій факультетъ; философія, исторія и политическая экономія были переданы историко-филологическому факультету, но зато расширено преподаваніе наукъ собственно-юридическихъ. На филологическомъ факультетѣ открыта особая кафедра по исторіи и

литературѣ славянскихъ нарѣчій, а преподаваніе русской исторіи отдѣлено отъ всеобщей. Впослѣдствіи (1841 года) былъ еще образованъ въ составѣ юридическаго факультета особый разрядъ «камеральныхъ наукъ», имѣющихъ цѣлью «приготовленіе людей способныхъ къ службѣ хозяйственной или административной»; въ 1854 году, наконецъ, преподаваніе восточныхъ языковъ отдѣлено отъ филологическаго факультета, и образованъ новый «факультетъ восточныхъ языковъ». Такова въ главныхъ чертахъ университетская реформа 1835 года. Мы видимъ, что новый уставъ далеко не такъ либераленъ, какъ уставъ 1804 года, но онъ вполне удовлетворялъ научнымъ потребностямъ и соответствовалъ духу того времени. С.-Петербургскій университетъ до 1861 года,—говоритъ В. Д. Спасовичъ¹⁾, — «былъ университетъ не нѣмецкій, не французскій, не англійскій, но свой, оригинальный русскій, такой, какимъ его создали потребности общества. Устроенъ онъ былъ на довольно широкихъ основаніяхъ, не смотря на недостатки устава 1835 года, и имѣлъ свои особенности и преданія. Сама даже студенческая община, узаконенная распоряженіемъ князя Щербатова²⁾, не была созданіемъ новымъ; я самъ помню, что элементы ея существовали еще въ 40-хъ годахъ».

Послѣ введенія новаго устава университетъ, наконецъ, въ 1837 г. былъ выведенъ изъ «плѣна Вавилонскаго» и водворенъ на свое исконное пепелище, во вновь отремонтированное зданіе 12 коллегій, на Васильевскомъ острову. Торжественный актъ 1838 года былъ отпразднованъ въ новомъ большомъ залѣ, при чемъ ректоръ Шульгинъ произнесъ рѣчь «О началѣ и постепенномъ возрастаніи С.-Петербургскаго университета».

Во все время дѣйствія «уваровскаго» устава жизнь университета рѣзко дѣлится на три періода: первый съ 1835 до 1848 года, второй съ 1848 до 1855 года и третій съ 1855 по 1861 годъ.

Первый періодъ былъ временемъ постепеннаго воскрешенія университета послѣ погрома 1821 года, пополненія преподавательскаго состава новыми свѣжими силами, изъ коихъ большинство оставалось на своихъ каедряхъ даже послѣ 1861 года, и усиленія комплекта студентовъ, который къ 1848 году достигъ уже 650 человекъ. Изъ числа профессоровъ того времени особеннымъ расположеніемъ и нравственнымъ вліяніемъ на студентовъ пользовались на филологическомъ факультетѣ Куторга, Плетневъ, занимавшій должность ректора съ 1840 по 1861 годъ, Никитенко, Срезневскій; на юридическомъ—Калмыковъ, Милютинъ, Неволинъ и Утинъ; на физико-математическомъ—Чебышевъ, Савичъ и Ленцъ. О Плетневѣ, Никитенкѣ и Срезневскомъ имѣются въ печати чрезвычайно теплыя и

¹⁾ Сочиненія, т. IV, ст. «Пятидесятилѣтіе С.-Петербургскаго университета».

²⁾ Помощникъ попечителя и попечитель округа съ 1850 до 1858 года.

интересныя воспоминанія ихъ бывшихъ учениковъ — Стоюнина, Миллера¹⁾, Водовозова и Острогорскаго. Особенно любовно отзываются всѣ о Никитенкѣ. «Если вполслѣдствіи, на поприщѣ учителя словесности, мнѣ сколько нибудь удавалось дѣйствовать воспитательно на вкусъ учащихся посредствомъ поэзіи, заставляя ихъ полюбить ее и находить въ ней наслажденіе,—говоритъ В. Острогорскій²⁾,—то въ значительной степени обязанъ я этимъ Александру Васильевичу, какъ и сознаніемъ важности художественнаго чтенія». Никитенко воспиталь, можно сказать, цѣлое поколѣніе выдающихся педагоговъ 60-хъ годовъ, вселивъ имъ горячую любовь къ родному слову и отечественной литературѣ. Особенно сильно было его вліяніе на незабвеннаго Ореста Федоровича Миллера. Любопытно поставить рядомъ съ мягкимъ и нѣсколько сентиментальнымъ Никитенко—скептическаго Срезневскаго, этого «маленькаго Вольтера» на каедрѣ столичнаго университета. Въ тѣхъ же весьма интересныхъ воспоминаніяхъ В. Острогорскаго можно найти такое сопоставленіе. «Оба они, — говоритъ онъ, — вспоминаются мнѣ теперь, въ сравненіи съ прочими... какъ представители тогдашняго университетскаго консерватизма, но консерватизма убѣжденнаго, не исключющаго прогресса». Обращаясь специально къ Срезневскому, г. Острогорскій такими мѣткими чертами обрисовываетъ его: «Это была личность тоже своеобразная, оригинальная. Человѣкъ очень большаго, остраго, скептическаго ума и мѣткаго ироническаго остроумія, онъ, помимо своей спеціальности въ славянскихъ нарѣчіяхъ, преимущественно въ древне-русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ, былъ энциклопедистъ, обладавшій громадной памятью, и поражалъ блескомъ и живостью рѣчи. Самолюбиво дававшій чувствовать свою ученость и этотъ энциклопедизмъ вообще, любившій ловко и кстати мимоходомъ коснуться своихъ близкихъ отношеній чуть не ко всему западному славянскому ученому міру, съ которымъ сблизился онъ за границей во время своихъ путешествій, онъ могъ поразить блескомъ и увлекательностью рѣчи»... Мѣсто не позволяетъ остановиться на характеристикѣ остальныхъ упомянутыхъ дѣятелей университета. Интересующихся вообще преподавательскимъ составомъ 1840-хъ, 1850-хъ и 1860-хъ годовъ направляемъ къ обширному труду г. Григорьева.

Университетская жизнь 1830-хъ и 1840-хъ годовъ рисуется чрезвычайно симпатичными красками; отношенія между молодежью и наставниками дышатъ сердечностью и простотой; нельзя пожаловаться и на отсутствіе серьезности въ занятіяхъ студентовъ и на недостатокъ большихъ научныхъ работъ гг. профес-

¹⁾ См. статьи о нихъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1889 годъ, т. XXXV и XXXVII.

²⁾ «Изъ исторіи моего учительства», «Образованіе», 1892 г., № X.

соровъ. «Для нашего университета вторая половина 1830-хъ и начало 1840-хъ годовъ были самымъ поэтическимъ временемъ въ его существованіи, — сказано было въ официальной рѣчи на актѣ 1869 года ¹⁾,—и, можно сказать, самымъ производительнымъ: ни въ какой другой періодъ не выпустилъ онъ столько замѣчательныхъ людей и въ наукѣ и въ литературѣ; ни въ какую другую пору не процвѣтала въ немъ до такой степени студенческая жизнь въ ея средневѣковыхъ, усвоенныхъ нашею молодежью, формахъ: тогда именно сложены были и распѣвались съ одушевленіемъ въ студенческихъ кружкахъ разныя, въ подраженіе *gaudeamus igitur*, пѣсни, которыхъ теперь, черезъ 30 лѣтъ, никто не помнитъ»...

Такъ мирно и плодотворно протекала университетская жизнь вплоть до роковаго 1848 года, когда надъ всею русскою жизнью вообще и университетами въ частности разразилась неожиданная гроза. Волненія въ Западной Европѣ въ 1848 году, не имѣвшія ничего общаго съ русской жизнью, напугали русское правительство, и наше общество постигли суровыя репрессаліи, отозвавшіяся жестоко на литературѣ и наукѣ... «Западнымъ смутамъ, — сказано въ актовой рѣчи 1869 года, — суждено было отразиться на судьбѣ русскихъ университетовъ самымъ неблагоприятнымъ образомъ для ихъ развитія. Не перечисляя всѣхъ мѣръ, стѣснявшихъ тогда эти учрежденія, припомнимъ лишь, что въ 1848 и 1850 годахъ общее число своекоштныхъ студентовъ въ каждомъ изъ университетовъ (за исключеніемъ медицинскихъ факультетовъ) ограничено было цифрою 300 ²⁾; всѣ университеты лишены права избранія ректора изъ среды профессоровъ; закрыты повсюду кафедры философіи и усиленъ затѣмъ надзоръ за университетскимъ преподаваніемъ, какъ будто изъ этого именно источника истекало зло, послѣдствій котораго опасались». Кромѣ того, приостановлено преподаваніе права западно-европейскихъ державъ, запрещена безъ цензурнаго разсмотрѣнія выписка заграничныхъ изданій и отмѣнены командировки ученыхъ въ европейскія страны. Съ 1854 года, вдобавокъ, — правда, съ патріотическими цѣлями — введена обязательная маршировка и обученіе военнымъ артикуламъ, а также открыто преподаваніе строеваго устава пѣхотной службы, ротнаго и баталіоннаго, а также артиллеріи и полевой фортификаціи. Всѣ эти распоряженія нанесли тяжкій ударъ Петербургскому университету: только что закипѣвшая въ немъ жизнь смолкла, все притаилось, ушло въ себя, боясь промолвить лишнее слово и шевельнуться. Періодъ съ 1848 по 1855 годъ можно назвать академическимъ «мертвымъ штилемъ». Графъ Уваровъ

¹⁾ «Юбилейный актъ императорскаго С.-Петербургскаго университета», 1869 г.

²⁾ Преимущественно изъ дворянскаго сословія.

снова безнадежно опустил руки и въ 1849 году подалъ въ отставку; его мѣсто занялъ сначала кн. Ширинскій-Шихматовъ до 1853 года, а потомъ Норовъ до 1858 года. Въ университетѣ царилъ мертвенная тишина, скука и апатія... «Если на всѣхъ факультетахъ студенческіе курсы поражали своимъ малолѣдствомъ,—говорить А. Скабичевскій въ своихъ воспоминаніяхъ ¹⁾,—то филологическій факультетъ, который я избралъ и который никогда не отличался большимъ количествомъ слушателей, доходилъ въ этомъ отношеніи до послѣднихъ крайностей. Достаточно сказать, что въ то время, какъ я поступилъ, 2-й курсъ состоялъ лишь изъ трехъ студентовъ, а 3-й изъ одного». Студенческая жизнь того времени, какъ видно изъ воспоминаній г. Скабичевского, О. Миллера и Д. Писарева, сосредоточилась главнымъ образомъ въ кружкахъ, число которыхъ было, повидимому, не малое. Названные авторы сохранили любопытныя воспоминанія объ этихъ кружкахъ.

Всею въ жизни бываетъ конецъ, такъ и горестные дни Петербургскаго университета прекратились со вступленіемъ на престолъ императора Александра II. На университетъ снова пахнуло тепло и привольемъ, снова пробудилась жизнь, и наша *alma mater* явила себя русскому обществу въ послѣдній періодъ дѣйствія «уваровскаго устава» во всей своей научной красотѣ и привлекательности. Оффиціальная отмѣна стѣснительныхъ мѣръ послѣдовала съ 1856 года, но Ор. Миллеръ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что все сдѣлалось какъ-то само собою, безъ всякаго предварительнаго уговора и начальственнаго распоряженія; такъ, студенты еще въ 1855 году перестали ходить на обязательную маршировку и военный строй жизни университета рухнулъ навсегда безслѣдно и безвозвратно. Нельзя не отмѣтить, однако, что около 50 человекъ студентовъ въ разгаръ Крымской кампаніи покинули свои занятія и отправились на театръ военныхъ дѣйствій.

Съ 1855 по 1860 годъ мы видимъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ сверженію наложенныхъ на университетъ оковъ. Пресловутый «комплектъ» изъ 300 отмѣняется, возобновляется преподаваніе государственнаго права европейскихъ державъ, двери университета открываются широко и гостепріимно всѣмъ желающимъ, благодаря чтенію въ аудиторіяхъ публичныхъ лекцій, уничтожается предварительная цензура для иностранныхъ изданій, вновь посылаются молодые люди для научныхъ занятій на западъ, учреждаются новыя каѣдры, приглашается на должности преподавателей цѣлый рядъ талантливыхъ ученыхъ, имена которыхъ навсегда вписаны въ исторію нашего просвѣщенія. Такого оживленія, которое наблюдается за этотъ періодъ, университетъ не видалъ ни до ни послѣ того. Безъ преуве-

¹⁾ «Новости», 1891 годъ, № 273.

личенія можно сказать, что изъ аудиторій «12 коллегій» давался тонъ нашей интеллигенціи, и сюда стремилось все петербургское общество, не исключая военныхъ и женщинъ... Жизнь была тутъ ключемъ, и могучія волны просвѣщенія шумно и бодро катились во всѣ слои общества. Число студентовъ быстро возросло, и въ 1860—1861 году цифра слушателей доходитъ до 1.442 человекъ. Университетская бібліотека къ концу 1861 году достигаетъ 30.797 названій въ 53.047 томахъ, кромѣ того, въ ней числятся 564 періодическихъ изданій въ 8.470 томахъ, 332 рукописи въ 356 томахъ и 199 томовъ картъ, плановъ и рисунковъ; значительно расширены также ученые кабинеты. Изъ числа наиболѣе популярныхъ и вліятельныхъ профессоровъ слѣдуетъ отмѣтить, кромѣ упомянутыхъ прежде, — Н. Костомарова, Д. Кавелина, М. Стасюлевича, А. Пыпина, В. Спасовича. Воспоминаніями о нѣкоторыхъ изъ этихъ любимцевъ молодежи дѣлится съ читателями В. Острогорскій въ цитированной уже статьѣ «Изъ моего учительства». Про М. Стасюлевича онъ говоритъ: «Это былъ лекторъ-популяризаторъ блестящій, необыкновенно умѣвшій заинтересовать, увлечь, что называется, захватить всю аудиторію такъ, что напряженное вниманіе слушателей не ослабѣвало отъ начала лекцій до конца. Люди, слушавшіе лекціи въ Парижѣ, говорили, что манерой, дикціей, ясностью, плавностью и красотой рѣчи, умѣньемъ живо обрисовать эпоху, онъ напоминалъ лекторовъ французскихъ... М. М. Стасюлевичъ впервые указалъ намъ на значеніе исторіи, объяснилъ великое значеніе цивилизаціи, показалъ, изъ какихъ элементовъ она въ Европѣ слагалась, выдѣлилъ и поставилъ ярко передъ нами изъ событій важнѣйшія. Онъ первый указалъ намъ на значеніе историческихъ источниковъ и исторической критики и сдѣлалъ ясными дотолѣ неподозрѣваемую нами связь между исторіями разныхъ національностей и всѣмъ человѣчествомъ, идею прогресса и регресса, существованіе и значеніе историческихъ законовъ». Теплыми и воодушевленными словами поминаетъ авторъ и Н. И. Костомарова: «Невысокаго роста, немного сгорбленный и казавшійся старикомъ, съ рѣденькими волосами, въ очкахъ, очень худощавый, съ желтоватымъ, землистымъ лицомъ, всегда серьезный и сосредоточенный, съ очень своеобразной, чуть-чуть съ малороссійскимъ акцентомъ, нѣсколько пѣвучей, дикціей, онъ производилъ на каедрѣ впечатлѣніе какого-то не нынѣшняго, не здѣшняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальнаго и симпатичнаго человека. Точно передъ громадной толпой былъ не профессоръ, не одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ ученыхъ, но одинъ изъ древнихъ лѣтописцевъ или святыхъ подвижниковъ, образъ и рѣчь которыхъ Костомаровъ воскрешалъ передъ нами въ своихъ лекціяхъ мастерски. Это былъ не просто прекрасный лекторъ, у котораго чудесно оттънялись врожденнымъ искусствомъ дикци малѣйшіе оттънки смысла, выраже-

нія и отдѣльных мѣткихъ словъ, это на кафедрѣ былъ настоящій вдохновенный художникъ, всѣмъ своимъ существомъ отдававшійся тому отдаленному вѣку, который онъ хотѣлъ воспроизвести въ воображеніи слушателей. Эти лекціи надо было слышать самому, чтобъ оцѣнить все ихъ значеніе»...

Понятно, что при наличности въ университетѣ такихъ и подобныхъ имъ профессоровъ научный интересъ слушателей-студентовъ былъ высокаго качества... «Я не помню,—говоритъ г. Острогорскій,—чтобы у какого нибудь изъ профессоровъ, хоть сколько нибудь порядочнаго и любившаго свое дѣло, не была болѣе или менѣе полна аудиторія въ каждую лекцію, не говоря уже о лучшихъ профессорахъ, часто читавшихъ въ залѣ, у которыхъ съ трудомъ приходилось добывать мѣста заранѣе. И не безслѣдно, не пассивно воспринимались эти лекціи; какія оживленныя, хотя и наивныя подчасъ, рѣчи и горячіе споры именно о прочитанныхъ лекціяхъ или тѣхъ или другихъ научныхъ вопросахъ слышались тогда и въ университетскихъ корридорахъ, и въ буфетѣ, и въ кружковыхъ собраніяхъ дома! Сколько тогда читалось хорошихъ книгъ изъ областей литературы, наукъ историко-политическихъ, юридическихъ, естественныхъ,—и на все это чтеніе толкали насъ опять таки живыя лекціи, которыя мы посѣщали аккуратно, потому что на нихъ стоило ходить, потому что наслажденіе было ихъ слушать. Видѣлся въ профессорѣ живой человекъ, глубоко убѣжденный въ томъ, что онъ говоритъ, умѣвшій выбрать существенное, выдвинуть его и освѣтить».

Кромѣ интересныхъ и содержательныхъ лекцій профессоромъ, студентовъ влекло къ университету предоставленіе имъ широкой свободы общественной жизни и дѣятельности. Имъ разрѣшены были сходки, отдѣльная бібліотека и читальный залъ, касса для помощи бѣднымъ товарищамъ, въ пользу которой они устраивали въ актовомъ залѣ модные тогда въ столицѣ концерты; въ этихъ концертахъ принимали участіе Тамберликъ, Бозіо, Кальцолари и другіе выдающіеся артисты. Въ пользу же кассы устраивались публичныя лекціи профессоромъ, на которыя собирался цвѣтъ тогдашней Петербургской интеллигенціи. Въ 1857 г. студенты выпустили первый томъ «Студентскаго сборника», а въ 1860 г.—второй. Мысль о сборникѣ, какъ значителенъ въ предисловіи къ первому тому, «явилась вслѣдствіе живо сознанаго убѣжденія, что пришло время университетскому юношеству сказать свое слово». Матеріаломъ для сборника служили лучшія диссертациі, мелкія «учено-литературныя» замѣтки и, наконецъ, «лѣтопись внутренней жизни Петербургскаго университета», предназначавшаяся быть руководящимъ отдѣломъ изданія. Изданіемъ «Сборника» завѣдывало 12 редакторовъ, а для обсужденія достоинства каждой статьи, предназначенной къ печати, собирались студенты всѣхъ факультетовъ, такъ какъ это было, какъ говорили

тогда, «общее дѣло». Шумная и суетливая дѣятельность студентовъ создала поразительно нервное настроеніе въ стѣнахъ университета. Настроеніе это къ тому же некому было регулировать и успокоивать: уставъ 1835 г. не давалъ совѣту и профессорамъ административнаго вліянія на студентовъ, а съ уходомъ суроваго Мусина-Пушкина и попечительская власть совсѣмъ ослабѣла. Молодежь была предоставлена самой себѣ и всякимъ стороннимъ вліяніямъ, которыя имѣли непосредственный доступъ въ стѣны университета, врываясь туда шумно и бурно. Перечислить всѣ эти вліянія бесполезно и фактически не возможно, такъ какъ нѣтъ для того достаточнаго матеріала. «Бываютъ эпохи,—говоритъ Е. Соловьевъ¹⁾,—когда общество состоитъ изъ личностей особенно пластичныхъ, особенно воспріимчивыхъ, налету схватывающихъ новыя вѣянія; бываютъ эпохи гораздо болѣе тяжелыя и скучныя—личности нелегки на подъемъ и глухи ко всему, что не носитъ на себѣ печать старины. Значеніе внѣшнихъ условій ничуть отъ этого не умалется, такъ какъ степени воспріимчивости и глухоты могутъ быть очень различны. 1860-е годы были движеніемъ массовымъ, движеніемъ, охватившимъ значительную часть общества и проникшимъ въ такіе уголки, что просто приходится диву даваться, какъ это могло произойти... Пластичность и воспріимчивость людей 1860-хъ годовъ рѣзко бросаются въ глаза, какъ только начинаешь знакомиться съ большимъ числомъ біографій людей того времени. Мысли и убѣжденія хватились тогда на лету съ такой нетерпѣливой страстностью, какъ это, скажемъ, въ инныя эпохи французской или нѣмецкой исторіи. Эта «физиологическая» сторона историческихъ явленій разработана такъ мало, что гораздо легче указать на нее, чѣмъ разъяснить». Страстная и порывистая жизнь русскаго общества 1860-хъ годовъ отразилась во всей своей силѣ на нервномъ настроеніи университетской молодежи. Общественная горячка со всѣми ея крайними проявленіями охватила студентовъ: въ университетѣ водворился хаосъ, прервавшій на два почти года правильное академическое преподаваніе. Уже въ 1860 г.²⁾ мы встрѣчаемъ рядъ инцидентовъ, столкновеній съ начальствомъ, вспышекъ и демонстрацій противъ профессоровъ; актъ 8 февраля 1861 г. прошелъ очень бурно, также шумно и беспорядочно окончился академическій годъ. И корпорація профессоровъ и начальство въ лицѣ попечителя обратили серьезное вниманіе на такое ненормальное положеніе дѣлъ, и было рѣшено «упорядочить студенческую общину

¹⁾ Д. И. Писаревъ. Біографическій очеркъ, Е. А. Соловьева.

²⁾ Вся университетская исторія 1861 года очень подробно изложена бывшимъ тогда профессоромъ университета В. Д. Спасовичемъ въ IV томѣ сочиненій въ статьѣ «Пятидесятилѣтіе Петербургскаго университета». Мы излагаемъ событія того времени на основаніи этой статьи, а также официальной исторіи В. Григорьева.

и составить проектъ устава или правилъ для студентовъ, которые объяснили бы имъ ихъ права, а вмѣстѣ и обязанности». Правила, выработанныя профессорами, однако, не были признаны новымъ, только что смѣнившимъ Норова, министромъ народнаго просвѣщенія адмираломъ Путятинымъ. Вмѣсто нихъ выработанъ былъ проектъ, въ основаніе котораго легла отмѣна форменнаго платья и ограниченіе числа освобождаемыхъ отъ взноса за слушаніе лекцій двумя студентами на каждую изъ губерній, входящихъ въ составъ учебнаго округа. Кромѣ того, новой комиссіи изъ профессоровъ поручено было составить правила для студентовъ. Комиссія заимствовала эти правила изъ Дерптскаго университета, извѣстныя тамъ подъ именемъ матрикулъ. На основаніи матрикулъ каждый студентъ получалъ «книжку», замѣнявшую видъ на жительство, куда вписывались бы экзаменаціонныя отмѣтки, и гдѣ помѣщались правила о поведеніи и объ отношеніяхъ студента къ начальству. Въ новомъ полицейско-административномъ устройствѣ поставлены два новыхъ учрежденія—избираемый совѣтомъ проректоръ, замѣнявшій инспектора, и профессорскій судъ. Далѣе, вопреки желаніямъ комиссіи, министръ остановился не на выборныхъ должностяхъ для завѣдыванія студенческими кассою и библіотекою, а на должностяхъ по назначенію отъ попечителя; кромѣ того, онъ отвергъ защиту на судъ. Послѣднія два обстоятельства послужили предметомъ пререканій между министерствомъ и совѣтомъ университета. Отъ проректорства всѣ профессора отказались, и на эту должность былъ назначенъ бывший инспекторъ, а къ нему въ помощники нѣсколько субинспекторовъ. Концерты и публичныя лекціи были упразднены.

Съ перваго дня открытія лекцій академическаго 1861—1862 годовъ студенты начали собирать сходки, для чего даже выломали дверь актовъ залы, вслѣдствіе чего было сдѣлано распоряженіе о закрытіи университета. Тогда студенты перенесли свои собранія на улицу, устроили торжественное шествіе отъ университета на квартиру попечителя въ Колокольную улицу, требуя точныхъ свѣдѣній, въ чемъ заключаются новыя правила, и отказываясь отъ принятія матрикулъ. Уличныя манифестаціи производились ежедневно, много уже было народа арестовано и препровождено въ крѣпость. 11-е октября было послѣднимъ днемъ драмы—при помощи войска и полиціи были забраны послѣдніе манифестанты, такъ что къ этому дню общее количество арестованныхъ въ крѣпости достигло 300 человѣкъ. Произведеннымъ надъ ними слѣдствіемъ особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ профессора Андреевскаго обнаружилась серьезная виновность только 5 человѣкъ, которые и были высланы въ отдаленныя губерніи подъ надзоръ полиціи; кромѣ того, исключено 32 человѣка, которымъ, однако, позволено держать выпускной экзаменъ на пра-

вахъ вольныхъ слушателей. Къ этому же времени разрѣшились недоразумѣнія между совѣтомъ и высшимъ начальствомъ. Нѣкоторые члены совѣта — Стасюлевичъ, Кавелинъ, Утинъ, Пыпинъ и Спасовичъ, не сочли для себя удобнымъ оставаться долѣе въ университетѣ и вышли въ отставку. Вскорѣ вслѣдъ за ними выбыль и Костомаровъ. Но прежде чѣмъ совѣтъ распуститься съ университетской молодежи, историкъ сдѣлалъ попытку еще разъ послужить ей на благо. По его инициативѣ и съ разрѣшенія генералъ-губернатора, князя Суворова, для выпущенныхъ изъ крѣпости студентовъ открыто было чтеніе публичныхъ лекцій въ залахъ городской думы и Петропавловскаго лютеранскаго училища. Однако этотъ «вольный университетъ» просуществовалъ недолго и потерпѣлъ полное фіаско. На лекціяхъ того же Костомарова и Павлова произведены были шумные беспорядки, нашъ историкъ былъ оскорбленъ, и чтенія прекратились. Если «вольный университетъ» въ думѣ не имѣлъ успѣха, зато иное предпріятіе покинувшихъ Петербургскій университетъ профессоровъ осуществилось вполне благопріятно. М. Стасюлевичъ вмѣстѣ съ Костомаровымъ собралъ своихъ бывшихъ товарищей въ тѣсную литературную группу и основалъ «Вѣстникъ Европы», журналъ исторіи, литературы и науки, въ которомъ продолжалась проповѣдь тѣхъ же началъ, которая нѣкогда раздавалась въ стѣнахъ университета.

III.

Проектъ новаго университетскаго устава былъ разработанъ чрезвычайно тщательно; была составлена обширная коммиссія, въ которую вошли попечители округовъ и многіе профессора провинціальныхъ университетовъ, были опрошены сторонніе опытные и свѣдущіе люди. Выработанный уставъ былъ высочайше утвержденъ 18-го іюня 1863 г. «По уставу 1863-го года,—какъ сказано у г. Григорьева,—совѣтъ изъ профессоровъ съ выборнымъ ректоромъ во главѣ сдѣлался сосредоточіемъ всѣхъ отправленій университетской жизни, съ яснымъ и точнымъ опредѣленіемъ тѣхъ случаевъ, когда власть его ограничивается попечителемъ и министромъ. Но, вмѣстѣ съ усиленіемъ значенія совѣта, предоставлена и факультетскимъ собраніямъ извѣстная доля автономіи, въ которой нуждались они дотолѣ: ихъ вѣдѣнію предоставлены всѣ дѣла ученые и учебныя. Части хозяйственная и распорядительная остались попрежнему за правленіемъ. Часть полицейская ввѣрена проректору или инспектору, избираемому совѣтомъ». Какъ гарантія правильности дѣйствій университетской полиціи, учрежденъ университетскій судъ, состоящій изъ перевыбираемыхъ ежегодно профессоровъ, на обязанности котораго возложено разсмотрѣніе

проступковъ студентовъ внутри университета. Всѣ органы управления подчинены совѣту, а послѣднему вмѣнено въ обязанность печатать во всеобщее свѣдѣніе «ежегодный отчетъ о состояніи и дѣятельности университета» и «протоколы засѣданій». Кромѣ того, учрежденъ совершенно новый институтъ «привать-доцентовъ» изъ лицъ, имѣющихъ въ виду современемъ занятіе профессорскихъ кафедръ. Подъ дѣйствіемъ устава 1863 г. наша *alma mater* просуществовала до 1884 г., когда введенъ былъ опять новый уставъ, существующій и понынѣ. Первымъ выборнымъ ректоромъ былъ профессоръ Ленцъ; по его кончинѣ этотъ постъ занимали до 1884 г. слѣдующія лица изъ ученой корпораціи университета: А. Воскресенскій, К. Кесслеръ, П. Рѣдкинъ, А. Бекетовъ и послѣднимъ выборнымъ ректоромъ былъ И. Андреевскій, послѣ котораго начался уже новый періодъ университетской жизни.

Озабоченный замѣщеніемъ вакантныхъ кафедръ, совѣтъ университета сумѣлъ привлечь къ дѣлу преподаванія немало научныхъ и авторитетныхъ силъ. Уже въ первой половинѣ семестра 1863 г. корпорація профессоровъ, адъюнктовъ и привать-доцентовъ скомплектовалась изъ слѣдующихъ новыхъ главныхъ дѣятелей, научныя и общественныя заслуги которыхъ всеми оцѣнены высоко ¹⁾. Юридическій факультетъ: П. Рѣдкинъ, С. Пахманъ, А. Чебышевъ-Дмитріевъ, Н. Таганцевъ, А. Градовскій, Ю. Янсонъ; физико-математическій: К. Кесслеръ, А. Ковалевскій, И. Мечниковъ, О. Петрушевскій, А. Бутлеровъ, Н. Меншуткинъ; историко-филологическій: В. Бауеръ, В. Бильбасовъ, К. Бестужевъ-Рюминъ, Ор. Миллеръ, В. Ламанскій, К. Люгебиль; факультетъ восточныхъ языковъ: В. Григорьевъ. Многіе изъ этихъ почтенныхъ ученыхъ въ настоящее время сошли въ могилу, другіе добровольно покинули университетъ, но нѣкоторые изъ нихъ и понынѣ занимаютъ кафедры, имѣя уже своими новыми сотоварищами своихъ же бывшихъ учениковъ. Поколѣніе профессоровъ 60-хъ и 70-хъ годовъ успѣло создать для Петербургскаго университета къ предстоящему юбилейному дню немало новыхъ научныхъ силъ.

Ко дню 50-лѣтія университета число преподавателей въ немъ простиралось до 76 человекъ; ими составлено немало ученыхъ трудовъ, выпущенныхъ отдѣльными изданіями или помѣщенныхъ въ разныхъ спеціальныхъ журналахъ, русскихъ и иностранныхъ. Къ этому же періоду, особенно благодаря заботамъ ректора К. Кесслера, относится значительное расширеніе и увеличеніе ученыхъ кабинетовъ. Въ 1869 г. при университетѣ имѣлись слѣдующіе кабинеты и музеи: музей изящныхъ искусствъ и древностей, кабинеты: восточ-

¹⁾ См. у Григорьева, стр. 325—330. Считаю своимъ долгомъ замѣтить, что по недостатку мѣста имѣемъ возможность перечислить далеко не всѣхъ. Забытые и пропущенные да простятъ намъ невольный пробѣлъ.

ныхъ монетъ, ботаническій, минералогическій, зоологическій и зоотомическій, физическій, агрономическій, и лабораторіи: техническая и химическая (органической и неорганической химіи). Библиотека университета цѣнилась въ 212.709 рублей и содержала въ себѣ: книгъ на отечественномъ и иностранныхъ языкахъ — 39.855 названій въ 83.606 томахъ, періодическихъ изданій — 601 въ 14.518 томахъ; рукописей—597 въ 620 томахъ; картъ, плановъ, гравюръ и проч. 395 нумеровъ въ 469 оберткахъ. По почину профессоровъ физико-математическаго факультета въ 1867 г. въ Петербургѣ собрался первый «съѣздъ русскихъ естествоиспытателей». Съ того времени съѣзды эти повторяются въ разныхъ городахъ имперіи періодически, оказываютъ значительное вліяніе на научные успѣхи своихъ членовъ и пользуются большой симпатіей русскаго общества. «Историческая записка», посвященная первому съѣзду, составлена тогдашнимъ ректоромъ Андреемъ Николаевичемъ Бекетовымъ. По инициативѣ послѣдняго разбитъ также при университетѣ ботаническій садъ. Кромѣ того, къ 1870-му году въ стѣнахъ нашей alma mater дѣйствуетъ уже три ученыхъ общества: химическое, естествоиспытательское и филологическое.

Въ 1869 г. университетъ торжественно отпраздновалъ свой полу-вѣковой юбилей¹⁾. Онъ удостоился высочайшаго рескрипта: «Я увѣренъ, что ученое сословіе, проникнутое сознаниемъ своихъ обязанностей, — сказано въ рескриптѣ, — будетъ попрежнему утверждать въ многочисленныхъ своихъ слушателяхъ знанія, основанныя на истинѣ и добрѣ, а пользующіеся его научнымъ руководствомъ современемъ сами окажутъ услуги отечественному просвѣщенію, государственной и общественной дѣятельности, и, подобно достойнѣйшимъ изъ ихъ предшественниковъ, сослужатъ свою службу Россіи». Университетъ въ этотъ день, кромѣ рѣчи петербургскаго губернскаго предводителя дворянства, удостоился полученія 59 адресовъ, на его имя получено было 52 поздравительныхъ телеграммы, ему посвящено бывшими питомцами три стихотворенія и одинъ юбилейный гимнъ. Въ числѣ адресовъ отмѣтимъ адресъ Московскои духовной академіи, назвавшей нашъ университетъ «передовымъ постомъ русской науки на рубежѣ Россіи, немало содѣйствовавшимъ развитію и укрѣпленію народнаго сознанія». Въ день 8-го февраля состоялся многочисленный обѣдъ бывшихъ студентовъ университета. Изъ застольныхъ рѣчей нельзя пройти молчаніемъ рѣчи И. Е. Андреевскаго и академика Я. К. Грота²⁾. «Немногихъ изъ нашей среды видѣли мы на высокихъ ступеняхъ государственной службы, — сказалъ первый ораторъ, — но зато массы нашихъ дѣятелей раскинулись на всѣхъ поприщахъ общественной

¹⁾ Юбилейный актъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета.

²⁾ Ibid., приложение LXXI, LXXII.

«истор. вѣстн.», февраль, 1894 г., т. LV.

и государственной дѣятельности; на мѣстахъ, правда не столь замѣтныхъ, но попреимуществу трудныхъ... Мы пережили обновленіе Россіи, и развѣ оставались при этомъ члены нашей университетской семьи посторонними наблюдателями? Нѣтъ, съ радостію можемъ сказать, что великія реформы нынѣшняго великаго царствованія и наши университетскіе дѣятели подняли на свои рабочія плеча и несутъ къ дѣйствительному осуществленію». Самъ воспитанникъ лицея, академикъ Гротъ высказался, однако, въ своей рѣчи за преимущество университетскаго образованія и выразилъ пожеланіе, «чтобы и общество наше болѣе и болѣе усвоивало себѣ правильный взглядъ на нормальное образованіе молодежи путемъ гимназій и университетовъ; чтобы тѣмъ самымъ облегчена была возможность введенія въ Россіи порядка, издавна существующаго въ другихъ европейскихъ государствахъ и требующаго университетскихъ свидѣтельствъ для поступленія во многія должности». Поэтъ Пушкинской плеяды, А. Подолинскій, выразилъ своей alma mater пожеланія въ слѣдующихъ стихахъ:

«...А ты, питомникъ строгой мысли,
 «Ревнитель правды и труда,
 «Свои лѣта вѣками числи;
 «Какъ путеводная звѣзда,
 «Свѣти отъ внука и до внука,
 «И ярче, ярче каждый вѣкъ:
 «Гдѣ высоко стоитъ наука,
 «Стоять высоко человекъ!»

Торжественныя празднества университета были, однако, омрачены значительными беспорядками учащейся молодежи. На этотъ разъ все обошлось болѣе благополучно, нежели въ 1861 году, хотя послѣдовали многочисленныя аресты, наказанія и даже высылки. Въ настоящемъ случаѣ на судьбѣ университета отразилась извѣстная Нечаевская исторія. Вообще, необходимо замѣтить однажды, чтобъ не возвращаться постоянно къ одному и тому же предмету, что волненія молодежи, вспышки страстей и недоразумѣнія съ начальствомъ повторялись періодически за весь періодъ 1870-хъ и 1880-хъ годовъ, принимая то болѣе, то менѣе острый характеръ. Наибольшій вредъ ходу академическихъ занятій причинили, кромѣ 1869 г., смуты конца 1870-хъ годовъ, 1880 и 1882 года. Въ послѣднемъ году высшее начальство вынуждено было усмирять непокорныхъ при содѣйствіи военной власти; университетскій судъ отнесся, однако, довольно мягко къ провинившимся, и сравнительно немногіе были подвергнуты взысканію ¹⁾.

Вступивъ во вторые полвѣка своего существованія, Петербургскій университетъ продолжалъ неумоимо развивать свои научныя силы, обогащая коллекціи, кабинеты, выставлѣя новыхъ ученыхъ

¹⁾ «Протоколы засѣданій совѣта», № 27.

и выпуская ежегодно немалое количество серьезных трудовъ. Изъ профессоровъ за этотъ періодъ особенно выдѣлился Д. И. Менделѣевъ, пріобрѣтя громкую славу гениальнаго ученаго не только у насъ въ Россіи, но и во всемъ образованномъ мірѣ. Аудитория его была всегда полна слушателей, а на вступительную лекцію, читаемую имъ ежегодно въ началѣ академическаго года, собирався чуть ли не весь университетъ. Въ VII аудиторіи раздавался тогда голосъ не узкаго спеціалиста, трактующаго только свой предметъ, но голосъ ученаго, освѣщающаго философскимъ свѣтомъ предстоящій научный путь только что перешагнувшей порогъ университета молодежи.

На юридическомъ факультетѣ заставлялъ передъ собою преклоняться слушателей Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ. Педагогъ по призванію, единомышленникъ Пирогова, онъ въ своихъ отношеніяхъ къ молодежи являлся не простымъ руководителемъ научныхъ занятій, но «проповѣдникомъ правды и справедливости», связывая постоянно въ своихъ лекціяхъ данныя науки съ началами истинной нравственности. «Умѣйте не только мыслить, но и чувствовать», говорилъ онъ на прощаніи съ студентами одного изъ выпусковъ 1860-хъ годовъ. Избранный въ 1873 году на должность ректора, покойный Петръ Григорьевичъ явился превосходнымъ руководителемъ университетской общины. Онъ высоко несъ свое знамя, освѣняя все окружающее свѣтомъ знанія, просвѣщенной мысли и любви къ наукѣ. Товарищи вполне оцѣнили своего руководителя, что и высказали ему въ дипломѣ на званіе почетнаго члена университета. «Въ ректорѣ остался живъ профессоръ,—сказано тамъ,—съ его сознаниемъ чести и достоинства университета, съ любовью къ учащейся молодежи и къ дѣлу науки. С.-Петербургскій университетъ пережилъ съ вами и трудныя минуты и всегда будетъ помнить, что подъ вашимъ руководствомъ онъ вышелъ изъ испытаній съ достоинствомъ». Большимъ успѣхомъ у слушателей пользовался профессоръ Н. Таганцевъ, нынѣ покинувшій университетъ и занимающій видное мѣсто сенатора уголовного кассационнаго департамента. Живой, краснорѣчивый и остроумный, онъ привлекалъ своими талантливыми лекціями слушателей даже другихъ факультетовъ. Требовательный на экзаменахъ, онъ заставлялъ своихъ учениковъ дѣйствительно вникать въ суть предмета, а не отдѣлываться пустымъ задалбливаніемъ записокъ. Изъ его аудиторіи выходили въ жизнь люди, хорошо подготовленные къ практической дѣятельности на поприщѣ адвокатуры и служенія по министерству юстиціи. Великимъ обаяніемъ на слушателей славился особенно въ концѣ 1870-хъ годовъ профессоръ-публицистъ, нынѣ умершій, Александръ Димитріевичъ Градовскій ¹⁾. Творецъ

¹⁾ О немъ см. статью «Характеристика А. Д. Градовскаго», «Историческій Вѣстникъ», 1890 г., т. XXXIX.

русскаго государственнаго права, онъ требовалъ отъ слушателей, будущихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, основательнаго знанія отечественнаго строя, съ пониманіемъ основъ, лежащихъ въ нашей административной организаціи, которая бы рисовалась имъ не какъ сдѣленіе случайныхъ историческихъ явленій, но какъ стройное органическое цѣлое въ юридическомъ освѣщеніи. Студенты горячо любили Александра Димитріевича и пользовались всякимъ случаемъ, чтобъ выразить ему свое расположеніе. Его популярности среди молодежи немало содѣйствовала и его литературная дѣятельность въ журналахъ, а особенно въ газетѣ «Голосъ», гдѣ онъ состоялъ главнымъ сотрудникомъ по внутреннимъ вопросамъ. Убѣжденное слово и прекрасная литературная рѣчь дѣлали его статьи очень доступными и читаемыми нарасхватъ. Лекціи профессоровъ Сергѣевича, Андреевскаго, Мартенса пользовались также большимъ вниманіемъ.

И историко-филологическій факультетъ значительно выдѣлился въ 1870-хъ и 1880-хъ годахъ; число студентовъ росло съ каждымъ годомъ, а каѳедры были заняты въ большинствѣ случаевъ молодыми учеными, сумѣвшими оживить вѣтренныя имъ аудиторіи. Нѣкоторые профессора положительно создали за это время свои «школы», изъ которыхъ вышли люди, заявившіе себя впоследствии солидными научными трудами. Упомянемъ для примѣра хоть слѣдующихъ лицъ: К. Люгебиля, К. Бестужева-Рюмина, В. Бауера, А. Веселовскаго, В. Васильевскаго, В. Ламанскаго, О. Миллера. Научныя заслуги Бестужева-Рюмина у всѣхъ передъ глазами. Его горячая любовь къ судьбамъ Россіи, глубокая вѣра въ жизненность русскаго народа, придавали лекціямъ по отечественной исторіи характеръ какого-то пророчества и призыва къ усиленной работѣ на пользу отчизны. А. Н. Веселовскій, В. Г. Васильевскій и В. И. Ламанскій продолжаютъ научную дѣятельность въ стѣнахъ своей alma mater и въ наши дни, почему, щадя ихъ скромность, ограничимся лишь краткими замѣчаніями. Изъ практическихъ занятій по средней исторіи слушатели выносили широкія познанія историческаго метода изученія лѣтописей и мемуаровъ; сравнительное изученіе поэтическаго творчества у западно-европейскихъ народовъ пріучало учениковъ А. Веселовскаго къ серьезному самостоятельному мышленію и ученой пытливости. Изъ аудиторіи В. Ламанскаго вышелъ цѣлый рядъ молодыхъ славистовъ, которыхъ мы видимъ въ текущемъ десятилѣтіи дѣятелями провинціальныхъ университетовъ, на примѣръ, М. Соколова, Флоринскаго, Будиловича и другихъ. Нельзя пройти молчаніемъ безвременно угасшаго Ивана Павловича Минаева. Въ его лицѣ университетъ и русская наука лишилась «европейскаго ученаго» въ истинномъ смыслѣ слова. Его труды по санскриту и сравнительному языковѣдѣнію извѣстны далеко за предѣлами нашего отечества.

Особеннымъ многолюдствомъ и оживленіемъ, однако, пользовались лекціи покойныхъ профессоровъ Василія Васильевича Бауера и Ореста Ѳедоровича Миллера. Бауеръ былъ выдающійся лекторъ, и въ его изложеніи событія и эпохи новой исторіи рисовались слушателямъ яркими картинами и образами. Судьбы прошедшаго были имъ освѣщаемы теплою любовью къ человѣчеству и горячей вѣрой въ торжество прогресса. Стоитъ только вспомнить его лекціи по «Исторіи реформаціи», гдѣ, независимо отъ богатства фактическаго матеріала, студенты получали прекрасное толкованіе сложныхъ явленій.

Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ... Тѣнь учителя возстаетъ передъ авторомъ этихъ строкъ во всей ея обаятельной красотѣ и нравственнаго совершенства! Уже дважды писали мы о немъ ¹⁾, но и въ настоящіе знаменательные дни не считаемъ себя въ правѣ не упомянуть объ этомъ выдающемся дѣятелѣ университета и русскаго общества. Воспитанникъ Петербургскаго университета, онъ отдалъ ему лучшія силы своей души, воспитавъ цѣлое поколѣніе учителей словесности, общественныхъ дѣятелей, литераторовъ и ученыхъ. Большинство молодежи, дѣйствующей на этихъ поприщахъ въ настоящее время, вышло изъ аудиторіи Ореста Ѳедоровича. Лекціи его были краснорѣчивы, увлекательны и проникнуты самой пламенной любовью къ началамъ русской жизни. Эти начала онъ толковалъ, какъ вѣрный и преданный ученикъ славянофильской партіи, въ нѣкоторомъ романтическомъ освѣщеніи, но зато съ такой убѣжденностью и вѣрой, что слушатели невольно покидали аудиторіи, преисполненные самыми возвышенными чувствами и къ профессору и къ своему народу. Лекціи его по народной словесности и древней русской письменности были по истинѣ блестящи въ научномъ отношеніи. Здѣсь ученый авторитетъ профессора былъ внѣ сомнѣнія и стоялъ очень высоко. Иной характеръ носили его чтенія по новой литературѣ: здѣсь часто ученый отходилъ на второй планъ и передъ взволнованной аудиторіей являлся во всемъ блескѣ публицистъ и трибунъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Сынъ реформаторскаго періода русской исторіи въ царствованіе императора Александра II, Миллеръ громко возвышалъ свой голосъ въ защиту началъ, положенныхъ въ основу реформъ, и громилъ своей рѣчью враговъ и противниковъ этихъ началъ, откуда бы они ни исходили. Человѣкъ безпорочной жизни, аскетъ и истинный сынъ церкви, онъ являлъ собой примѣръ высокаго нравственнаго подвига и подражанія. Вліяніе его на слушателей было поразительно; это былъ какой-то безконечно развертывающійся романъ, въ которомъ дѣйствующими лицами

¹⁾ Въ предисловіи къ 3 т. его «Русскихъ писателей послѣ Гоголя» и «Историческомъ Вѣстникѣ» 1889, т. XXXVII.

были съ одной стороны профессоръ, а съ другой—юные любящіе и восторженные слушатели. Аудиторія, гдѣ читалъ Миллеръ, была преисполнена вѣры, любви къ русскому народу и надежды на свѣтлое будущее нашего отечества. Студенты пользовались всякимъ случаемъ, чтобы выразить своему наставнику лучшія чувства. Они заступились за него во время его полемики съ «Голосомъ», помѣстивъ протестъ противъ этой газеты въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»; они дѣлали ему шумныя оваціи на лекціяхъ и публичныхъ чтеніяхъ, они горячо поздравили его съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ, они со слезами на глазахъ проводили его, когда онъ въ 1888 году вынужденъ былъ покинуть университетъ. Начальство въ свое время высоко цѣнило Ореста Ѳедоровича, что и выразилъ ректоръ Андреевскій ¹⁾ на юбилей профессора въ 1886 г. «Я полагаю, что, явившись по частному зову, могу представить передъ вами чувства всей университетской корпораціи, заключающейся въ одномъ простомъ словѣ «спасибо» за вашу дѣятельность втеченіе 25-тилѣтняго вашего труда, какъ честнаго и хорошаго нашего собрата, какъ профессора С.-Петербургскаго университета, который несъ свое знамя такъ, какъ его слѣдуетъ нести честному и ученому мужу, который во всѣхъ вопросахъ факультета и науки являлся съ чистымъ убѣжденіемъ, чуждымъ всякихъ постороннихъ интересовъ, и, кромѣ того, какъ человѣка, который, когда рѣчь шла о молодежи и ея потребностяхъ, являлся тѣмъ, что въ стѣнахъ университета привыкли называть «Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ».

Въ восьмидесятихъ годахъ были основаны при факультетѣ «Записки историко-филологическаго факультета», выпустившія къ 1892 г. тридцать объемистыхъ томовъ, преимущественно докторскихъ и магистерскихъ диссертаций.

Руководя учеными занятіями студентовъ, профессора не оставались въ сторонѣ отъ общественной дѣятельности. Такъ, К. Бестужевъ-Рюминъ участвовалъ въ основаніи «Выспихъ женскихъ курсовъ», именемъ котораго курсы и назывались долгое время, а кромѣ того работалъ на пользу «Славянскаго благотворительнаго Общества»; въ томъ же «Обществѣ» видное мѣсто занималъ и понынѣ занимаетъ В. Ламанскій, явившійся въ свое время однимъ изъ инціаторовъ извѣстнаго «славянскаго съѣзда» въ Москвѣ; Орестъ Ѳедоровичъ особенно памятенъ своимъ служеніемъ «Обществу вспомошествованія студентамъ университета», которое въ значительной степени обязано ему своимъ возникновеніемъ. Это Общество справило въ 1893 году свой двадцатилѣтній юбилей, имѣя къ этому времени 33.817 рублей 48 коп. прихода и со дня своего основанія внесши плату за слушаніе

¹⁾ Очеркъ научной дѣятельности профессора О. Ѳ. Миллера, составилъ И. Ш., Спб., 1889.

лекцій 3.641 бѣдныхъ студентовъ въ размѣрѣ 67.480 рублей. Въ общемъ выдано пособій нуждающимся свыше 250.000 рублей. Общество растетъ и процвѣтаетъ съ каждымъ годомъ, благодаря главнымъ образомъ бывшимъ воспитанникамъ университета: гласному думы И. И. Домонтовичу, сенатору П. П. Семенову и помощнику статсъ-секретаря И. С. Ремезову. Въ прошломъ году при немъ открылось «Бюро для присканія студентамъ занятій», учрежденіе съ большимъ будущимъ и уже въ настоящее время доказавшее свою жизненность.

Во время послѣдней русско-турецкой войны университетъ горячо отозвался на народное бѣдствіе. При немъ было основано «Попечительство для пособія семействамъ нуждающихся воиновъ», а многіе профессора читали публичныя лекціи въ пользу угнетенныхъ славянъ. Вообще, необходимо отмѣтить, что профессорская корпорація второй половины 1870-хъ и первой половины 1880-хъ годовъ жила привольной жизнью, горячо откликаясь на нужды общества и принимая дѣятельное участіе въ судьбѣ молодежи. Въ значительной степени она обязана этимъ своимъ двумъ выборнымъ ректорамъ—благополучно здравствующему Андрею Николаевичу Бекетову и покойному Ивану Ефимовичу Андреевскому.

А. Бекетовъ избранъ былъ ректоромъ въ 1876 году и несъ эти обязанности до 1883 года. Человѣкъ большихъ научныхъ заслугъ, отзывчивый и живой, онъ явился достойнымъ преемникомъ П. Г. Рѣдкину: трудно было университету въ тѣ смутные годы сдѣлать лучший выборъ. Вотъ какъ вспоминаетъ свое ректорство г. Бекетовъ въ автобіографической запискѣ ¹⁾: «Должности эти (декана и ректора), особенно ректорская, были сопряжены въ тѣ времена съ большими заботами. Это было время смуть и всяческихъ волненій. Оцѣнка тогдашнихъ волненій и ихъ причинъ принадлежитъ будущему, но А. Н., какъ ректору, пришлось пережить тяжелыя времена, которыя легли на него еще тяжелѣе потому, что въ это время ему пришлось испытать много семейныхъ горестей... Онъ былъ вознагражденъ отчасти, по крайней мѣрѣ, въ первые годы своего ректорства, хорошими отношеніями къ нему студентовъ, дававшими ему возможность успокаивать волненія безъ ущерба, или почти безъ ущерба, для молодежи». Въ этихъ, звучащихъ тихой грустью, словахъ слышна, однако, нѣкоторая неточность. Авторъ настоящаго очерка, какъ бывший слушатель университета, смѣетъ увѣрить своего ректора, что любовь и неизмѣнная преданность къ нему большинства студентовъ сопровождали его трудную дѣятельность до послѣднихъ дней. Если же между нимъ и молодежью возникали недоразумѣнія, то пусть онъ своимъ любящимъ сердцемъ проститъ ей невольныя увлеченія, памятуя слова

²⁾ Словарь С. Венгерова, вып. 29.

поэта: «то кровь кипить, то силъ избытокъ». Утомленный борьбою, А. Бекетовъ уступилъ свое мѣсто другому избраннику совѣта— Ивану Ефимовичу Андреевскому ¹⁾. Воспитанникъ Петербургскаго университета, Андреевскій посвятилъ своей alma mater 35 лучшихъ лѣтъ своей жизни, переживъ съ ней въ качествѣ дѣйствующаго лица чрезвычайно трудныя минуты жизни, играя въ ея судьбѣ неоднократно выдающуюся роль. Поколѣніе 1860-хъ годовъ сохранило, какъ кажется, объ Иванѣ Ефимовичѣ нѣсколько иное воспоминаніе, нежели мы, питомцы послѣдующихъ лѣтъ, но здѣсь не мѣсто объ этомъ говорить. Для первой же половины 1880-хъ годовъ ректоръ Андреевскій былъ достойный руководитель университетской общины. Онъ явилъ собою типъ прекраснаго администратора, энергичнаго, живаго и высокочтимаго молодежью. Каждое появленіе его на кафедрѣ было какимъ-то триумфомъ побѣдителя умовъ и сердецъ—его встрѣчали и провожали самыми шумными проявленіями сочувствія. Все живое въ университетѣ находило въ немъ поддержку и защиту; онъ не жалѣлъ ни силъ, ни времени, чтобъ сдѣлать что нибудь доброе на пользу молодежи. И эта молодежь умѣла цѣнить его и платила ему самой горячей привязанностью и любовью. Какъ ученый, онъ извѣстенъ созданіемъ кафедры полицейскаго права, какъ общественный дѣятель, онъ оставилъ по себѣ неизгладимую память въ археологическомъ институтѣ, въ обществѣ охраненія народнаго здравія и вольно-экономическомъ обществѣ. Ему обязанъ своимъ появленіемъ на свѣтъ «Земскій Ежегодникъ», а также извѣстныя нормальныя столовыя въ столицѣ; ему же обязано своимъ процвѣтаніемъ «Студенческое научно-литературное общество», основанное въ 1882 г. въ ректорство А. Бекетова и просуществовавшее пять лѣтъ до 1887 г.

Общество это принесло неоспоримую пользу поколѣнію студентовъ 1880-хъ годовъ. Оно возникло съ цѣлью пробужденія среди студентовъ интереса къ вопросамъ науки и литературы. Предсѣдателемъ его состоялъ все время Ор. Миллеръ, участіе въ немъ принимали также многіе профессора, напимѣръ, Сергѣевичъ, Дювернуа и другіе. Изъ нѣдръ его вышла цѣлая плеяда молодыхъ ученыхъ, уже занимающихъ въ настоящее время кафедры въ столичныхъ и провинціальныхъ университетахъ, напимѣръ: Латкинъ, Платоновъ, Шляпкинъ, Лаппо-Данилевскій, Чечулинъ, Дьяконовъ, Красновъ, Свѣшниковъ, Ольденбургъ, Фохтъ, Левинсонъ-Лессингъ, Вернадскій и многіе другіе.

Въ 1882 г. при университетѣ было выстроено на средства С. Полякова общежитіе для студентовъ подъ наименованіемъ «Коллегія императора Александра II». Къ исходу десятилѣтія своего существованія въ ней жило 102 студента, а учрежденіе имѣло прихода 61.600 рублей 46 коп.

¹⁾ Статья В. Ведрова въ «Русской Старинѣ» 1891 г.

IV.

Въ 1884 г. министерство народнаго просвѣщенія сочло необходимымъ ввести новый уставъ. Подготовленія къ нему шли уже давно, но лишь 23-го августа того года онъ удостоился высочайшаго утвержденія. По новому положенію, ректоръ избирается министромъ и высочайше назначается на 4 года; деканы избираются попечителемъ и утверждаются министромъ; секретарь факультета избирается деканомъ и утверждается въ должности попечителемъ округа. Ректору ввѣряется непосредственное завѣдываніе всѣми частями управленія университетомъ; всѣ служащіе и состоящіе при университетѣ обязаны исполнять требованія ректора. На совѣтъ возложено ближайшее наблюденіе за академическимъ преподаваніемъ. Въ устройствѣ учебной части по новому положенію сдѣланы значительныя измѣненія. Университетскій курсъ науки разбитъ на полугодовые семестры, и вмѣсто экзаменовъ отъ слушателей потребованъ зачетъ полугодій; введены въ особыхъ комиссіяхъ государственные экзамены, по коимъ и выдаются испытуемымъ дипломы первой и второй степени. Выпускные экзамены при университетѣ отмѣнены. Введено гонорарное вознагражденіе профессоровъ, и дано широкое развитіе институту приватъ-доцентовъ. Уставъ 1884 г. дѣйствуетъ понынѣ; онъ еще слишкомъ молодъ, чтобъ о немъ говорить обстоятельно, да къ тому же послѣдовавшія министерскія распоряженія произвели въ немъ уже нѣкоторыя перемѣны. Такъ, возвышена плата въ 1887 г. въ пользу университетовъ съ пяти до пятидесяти рублей; восстановлены годовыя переходныя испытанія съ курса на курсъ.

Печальное событіе 1-го марта 1887 года причинило немало скорби университету. Въ этомъ же году И. Е. Андреевскій покинулъ постъ ректора, и на его мѣсто былъ назначенъ профессоръ М. И. Владиславлевъ. Въ періодъ его трехгодичнаго ректорства приступлено къ устройству безопаснаго отъ огня помѣщенія библиотеки и исходатайствованъ, по инициативѣ Д. И. Менделѣва, кредитъ для постройки обширной химической лабораторіи. Благодаря энергіи профессоровъ Меншуткина и Коновалова, а также архитектора Крассовскаго, зданіе лабораторіи уже выстроено; по мнѣнію свѣдущихъ людей, этотъ новый очагъ науки представляетъ собою верхъ совершенства и является послѣднимъ словомъ архитектуры и техники.

По смерти М. Владиславлева ректоромъ былъ назначенъ профессоръ Никитинъ. На его долю выпадаетъ честь напутствовать нашу alma mater въ послѣднюю четверть ея вѣковаго существованія.

Съ 1884 г. по настоящее время при университетѣ открыты еще новыя ученныя общества: антропологическое, неофилологическое

и историческое. Последнее возникло по инициативѣ профессора Н. Карѣева и обладаетъ собственнымъ изданіемъ — «Историческій сборникъ», котораго уже вышло 6 томовъ. Обращаясь къ устройству учебной части университета, мы начисляемъ къ 1 января 1893 г. въ преподавательскомъ составѣ 175 человекъ, среди которыхъ — 63 приватъ-доцента и 33 лаборанта и хранителей кабинетовъ. Ученые кабинеты университета значительно расширились и увеличились. Составъ ихъ таковъ: ботаническій, зоологическій, геологическій, физическій, метеорологическій, астрономическая обсерваторія, кабинетъ уголовного права, географіи и антропологии, изящныхъ искусствъ и древностей, статистическій, восточныхъ монетъ, агрономическій и лабораторіи органической и неорганической химіи. Библиотека къ 1-му января 1893 г. обнимаетъ собою 205.576 томовъ съ 86.762 названіями.

Практическія занятія съ студентами ведутся съ прежнимъ оживленіемъ и нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ научно-общественный характеръ. Такъ, въ 1890 году ¹⁾, подъ руководствомъ приватъ-доцента Свѣшнікова, «студентамъ юридическаго факультета было предложено разобрать и разработывать поуѣздно матеріалы, имѣющіеся въ библиотекѣ университета по исторіи земскихъ учрежденій въ Россіи по предложенной программѣ», а на филологическомъ факультетѣ профессоръ Карѣевъ велъ со студентами въ 1892 г. ²⁾ занятія по изученію политической литературы XVIII в. Изъ разсмотрѣнія отчетовъ мы видимъ вездѣ чрезвычайно лестные отзывы профессоровъ о занятіяхъ университетской молодежи. Это даетъ намъ основаніе заключить, что раздающіяся и въ обществѣ и въ печати нареканія на студентовъ и обвиненія ихъ чуть ли не поголовно въ измелечаніи и пустотѣ значительно преувеличены. Погоня за модой и внѣшнимъ лоскомъ у многихъ проявлялась и прежде, но тогда студентъ сливался съ толпой и былъ незамѣтенъ, теперь же, благодаря мундиру, онъ у всѣхъ на виду и открытъ для пересудъ и указаній. Если же и наблюдается нѣкоторое затишье среди молодежи и упадокъ талантливости и блеска, то въ этомъ ничуть не повинна академическая среда. Причинъ этому надо искать въ иныхъ областяхъ — въ семейномъ и общественномъ строѣ жизни.

Оканчивая настоящій очеркъ, невольно задаешь вопросъ: что же сдѣлалъ для нашего отечества Петербургскій университетъ за 75 лѣтъ своей жизни? Очень много, отвѣтимъ мы, не смотря на часто имѣвшія мѣсто неблагоприятныя обстоятельства въ его жизни. Онъ создалъ рядъ научныхъ трудовъ и ученыхъ обществъ, выста-

¹⁾ Отчетъ университета за 1890 г.

²⁾ Отчетъ унив. за 1892 г.

виль изъ своей среды большой комплектъ научныхъ силъ: Грановскій, Макушевъ, Петрушевскій, Менделѣевъ, Кесслеръ, Фаминцынъ, Никитенко, Чебышевъ-Димитріевъ, Сухомлиновъ, Миллеръ, Стасюлевичъ, Пыпинъ, Спасовичъ, Благовѣщенскій, Замысловскій, Меншуткинъ, Таганцевъ, Мартенсъ, Градовскій, Люгемилъ, Буссе, Фойницкій, Семевскій, Минаевъ, Ламанскій, Тимирязевъ, А. Воейковъ и др.—воспитанники нашего университета и изъ нихъ нѣкоторые составляютъ гордость русской науки. Въ списокѣ государственныхъ людей, достигшихъ высокаго поста членовъ государственнаго совѣта и сенаторовъ, встрѣчаются также бывшіе студенты Петербургскаго университета, какъ, напр., Гюббенетъ, Любощинскій, Перетцъ, Вешняковъ, братья Маркусы, братья Семеновы, Н. Герардъ, Неклюдовъ, К. Домонтовичъ, Булахъ, Беръ, Гедда. Нынѣшній министръ юстиціи Муравьевъ также получилъ отъ нашего университета ученую степень. На отвѣтственныхъ постахъ директоровъ и вице-директоровъ департаментовъ мы встрѣчаемъ также не мало нашихъ бывшихъ товарищей. Педагогическій персоналъ столицы въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей пополнился нашей alma mater: Водовозовъ, Стоюнинъ, Евтушевскій, Сентъ-Иллеръ, Латышевъ, Гуревичъ, Сиповскій, В. Острогорскій двинули далеко впередъ дѣло воспитанія юношества, а нѣкоторые изъ нихъ произвели коренной переворотъ въ дѣлѣ преподаванія. Обращаясь къ литературѣ и журналистикѣ, мы видимъ длинный рядъ лицъ или окончившихъ курсъ нашего университета, или слушавшихъ въ немъ лекціи. Многіе ихъ нѣкоторые создали себѣ нерукотворный памятникъ и пользуются европейской извѣстностью, какъ, примѣръ, И. С. Тургеневъ и графъ Л. Н. Толстой, получившій отъ Петербургскаго университета званіе кандидата ¹⁾. Изъ остальныхъ литераторовъ считаемъ долгомъ упомянуть: Чернышевскаго, Писарева, Ап. Майкова, Вал. Майкова, Л. Майкова, Подолинскаго, Бильбасова, Скабичевскаго, Боборыкина, Шеллера, Гаршина, Альбова, Мамина, Потапенко, Полевого, Терпигорева, Гайдебурова и др. Названными лицами далеко не исчерпывается наслѣдіе университета литературѣ. Вся столичная пресса переполнена бывшими петербургскими студентами: въ однихъ органахъ печати они являются или полными хозяевами или главными руководителями: къ числу таковыхъ относится «Вѣстникъ Европы», «Сѣверный Вѣстникъ», «Образованіе», «Русская школа», «Божій Міръ», «Новости» «Недѣля»; въ остальныхъ изданіяхъ наши бывшіе товарищи занимаютъ видныя мѣста честныхъ тружениковъ, неустанно работающихъ на пользу отечества. На поприщѣ общественной дѣятельности мы видимъ то же самое — «Комитетъ грамотности», «Вольно-экономическое общество», «Географическое общество» и

¹⁾ Сочиненія Л. Толстого, т. IV, изд. 1886 г.

мног. друг., а также составъ присяжныхъ повѣренныхъ, докторовъ и гласныхъ считаютъ въ своей средѣ не одинъ десятокъ воспитанниковъ университета. Университетъ и его бывшіе питомцы отзывались также всегда горячо и рѣшительно на всѣ народныя бѣдствія, шли бодро на помощь нуждающимся. Мы уже упоминали о войнахъ Севастопольской и русско-турецкой, отмѣтимъ еще, что когда нашъ простой народъ изнемогалъ отъ послѣдствій неурожая и голодная смерть заглядывала въ хижины бѣдняковъ, университетъ въ лицѣ своихъ старшихъ и младшихъ сыновей откликнулся на призывъ о помощи. Профессора читали публичныя лекціи въ пользу населенія голодающихъ мѣстностей, а бывшіе студенты явились въ селахъ и деревняхъ дѣятельными организаторами столовыхъ. Имена Вернадскаго, Корнилова, Обольянинова никогда не будутъ забыты въ Тамбовской губерніи ¹⁾.

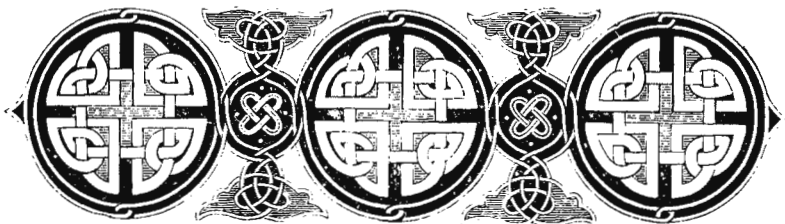
Приведенные результаты дѣятельности Петербургскаго университета заслуживаютъ ему горячую благодарность родной земли. Наша alma mater сдѣлала все, что было въ ея силахъ и средствахъ на пользу прогрессивнаго развитія русскаго народа. На этомъ она, конечно, не остановится и продолжитъ свою плодотворную работу въ томъ же направленіи на многіе годы. Остается только пожелать, чтобъ бывшіе питомцы университета не забыли своей alma mater, памятуя ея завѣты и лучшія преданія, оказывали ей всякое содѣйствіе и поддержку и чтобы союзъ между бывшими студентами росъ и укрѣплялся

«.... подѣ знаменемъ науки
«Во имя правды и добра».

Б. Глинскій.

¹⁾ «Семь мѣсяцевъ среди голодающихъ», отчетъ А. Корнилова

НА С.-ГОТАРДЪ.

(Изъ путевыхъ набросковъ).

ВЫЛО СЪРЕНЬКОЕ, пасмурное утро, когда мы, усѣвшись въ экипажъ, запряженный парю итальянскихъ лошадокъ, съ красивымъ возницей на козлахъ, отправились изъ Айроло на С.-Готардъ.

Айроло—маленькій городокъ, расположенный у подошвы С.-Готарда, съ одной или двумя улицами и множествомъ переулочковъ, самъ по себѣ не представляетъ ничего особенно интереснаго. Но для насъ, русскихъ, онъ интересенъ тѣмъ, что съ нимъ связано дорогое для насъ имя Суворова. Впрочемъ, отъ стараго Айроло, видѣвшаго въ своихъ стѣнахъ великаго полководца и его чудо-богатырей, уцѣлѣла въ настоящее время одна только старинная городская башня, возвышающаяся надъ новыми строениями, возведенными взамѣнъ сгорѣвшихъ въ 1877 году.

Внѣшній видъ Айроло довольно грязный и бѣдный. Изъ порядочныхъ зданій только и есть что два-три отеля, съ десяткомъ-двумя скучающихъ туристовъ и прїѣзжихъ изъ Милана дачниковъ...

Мы проѣзжаемъ по главной айрольской улицѣ. По сторонамъ, на облупившихся стѣнахъ, мелькаютъ надписи: calzalaria, osteria, cantina... У дверей какой-то лавки развѣваются нарядные плисовые штаны и куртки синяго и коричневаго цвѣтовъ... Вотъ изъ-за зеленаго жалюзи выглянуло миловидное женское личико... На

обломанномъ балкончикѣ заперстрѣли прелестныя гвоздики, длинными порослями спускающіяся внизъ...

На встрѣчу намъ проходитъ нѣсколько женщинъ съ бѣльемъ и кувшинами съ водою, весело тараторя на своемъ оперномъ языкѣ. Изъ узенькаго переулочка, сбѣгающаго внизъ каменной лѣстницей, вынырнулъ длинный черный патеръ съ огромнымъ синимъ зонтикомъ въ рукахъ... Пробѣжало двое мальчишекъ съ кудлатою собакой... Тошій англичанинъ, нашъ сосѣдъ по табльдоту, куда-то шагаль, съ ранцемъ за плечами и съ альпенштокомъ въ рукахъ... А вотъ и странствующие музыканты, задававшіе вчера серенаду у насъ на террасѣ! Они выходятъ теперь изъ таверны, весело перебрасываясь любезностями съ провожавшею ихъ хозяйкой, красиво итальянкой, въ бѣломъ передникѣ и съ краснымъ платочкомъ на груди. Одинъ изъ артистовъ, пощипывая струны своей мандолины и изящно изгибаясь въ сторону красавицы, что-то нѣжно напѣваетъ или нашептываетъ ей на прощанье...

Солнышко раза два пронизало столпившіяся облака. Мы оставляемъ Айроло позади и начинаемъ подниматься въ гору по прекрасному шоссе. Въ сторонѣ отъ насъ виднѣется нѣсколько заколоченныхъ одноэтажныхъ и двухъэтажныхъ домовъ, покинутыхъ ихъ хозяевами, отправившимися, по объясненію нашего возницы, искать счастья въ чужомъ краѣ. Не даромъ въ Айроло имѣется и свое эмиграціонное агентство, «agenzia emigrazione». Точно мертвецы, стоятъ эти дома съ почернѣвшими отъ времени стѣнами и выбитыми стеклами. Жизнь вылетѣла изъ нихъ, и, Богъ вѣсть, оживутъ ли вновь когда нибудь эти несчастныя жилища...

Въ Европѣ нѣтъ, кажется, такого уголка, который бы не былъ описанъ со всѣхъ сторонъ, и въ этихъ описаніяхъ не рекомендовалось бы туристу, на что слѣдуетъ обратить вниманіе, гдѣ приходить въ восторгъ и мимо чего пройти равнодушно. Однако же, ни у Бедекера, ни въ такомъ распространенномъ изданіи, какъ «L'Europe illustrée» ¹⁾ мы не нашли ни малѣйшаго упоминанія о знаменитомъ переходѣ Суворовымъ С.-Готарда. Не берусь объяснить причинъ такого умалчиванія: онѣ понятны всякому; скажу только, что память о Суворовѣ, всетаки, сохранилась среди мѣстнаго населенія. Такъ въ Айроло мы узнали о томъ, что на С.-Готардѣ находится часовня съ костями сподвижниковъ Суворова и камень, на которомъ имѣется надпись, сдѣланная будто бы по приказанію самого *il generalissimo*. А почтенныя хозяйки «Bazar Suisse», заподозрѣвъ въ авторѣ этихъ строкъ родственника Суворова,

¹⁾ L'Europe illustrée, №№ 33, 34, 35, 36. La ligne du St.-Gothard. D'après I. Hardmeyer. Traduit et remanié par Eugène Rombert. Zurich.

чуть не со слезами рассказывали о томъ, какой это былъ добрый и знаменитый генераль, и какъ жаль, что онъ умеръ такимъ молодымъ... Старушки увѣряли, что фельдмаршалъ останавливался въ домѣ ихъ дѣдушки, который до самой своей смерти любилъ вспоминать объ этомъ событіи.

По словамъ «L'Europe illustrée», С.-Готардъ получилъ названіе отъ часовни въ честь святого Готарда, построенной тамъ въ 1330 году по приказанію миланскаго герцога Аццо Висконти. Впослѣдствіи на С.-Готардѣ появилось убѣжище (hospice) для путешественниковъ, въ которомъ жили постоянно капуцины, прославившіеся своимъ гостепріимствомъ. Нѣсколько разъ это убѣжище уничтожалось то пожаромъ, то непріателемъ, и опять возобновлялось, нынѣ же составляетъ «dépendance» стоящаго рядомъ съ нимъ отеля «Monte Prosa».

Извѣстно, что изъ всѣхъ альпійскихъ проходовъ С.-Готардскій издавна представлялъ собою самый прямой и наикратчайшій путь между Германіею и Италіею, хотя въ то же время и самый наитруднѣйшій. Въ средніе вѣка германскіе императоры не разъ пользовались этимъ путемъ съ завоевательными цѣлями противъ Италіи. Путешественники и торговые караваны направлялись сюда же, хотя имъ и приходилось здѣсь весьма плохо сколько отъ профессиональныхъ грабителей, зорко сторожившихъ свою добычу за какимъ нибудь утесомъ, столько же и отъ благородныхъ сеньоровъ, не брезгавшихъ случаемъ поживиться на чужой счетъ. Вообще С.-Готардскій проходъ былъ очень доходнымъ мѣстечкомъ, и сеньоры не даромъ ломали копыя изъ-за него, стараясь вырвать его другъ у друга... Ограбленные же и изувѣченные путники только и находили защиту что у с.-готардскихъ капуциновъ, постоянно являвшихся въ роли милосердыхъ самарянъ. Теперь все это отошло уже въ область преданій, и развѣ только изображеніе библейскаго самарянина, сохранившееся гдѣ нибудь въ горахъ, на стѣнѣ стариннаго описи, еще напомнимъ вамъ объ этихъ давно минувшихъ временахъ...

Прекрасное шоссе, по которому мы ѣдемъ теперь, построенное въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія, утратило съ проведеніемъ желѣзной дороги свое прежнее значеніе, и нынѣ имъ пользуются одни только туристы, любители природы. Желѣзный путь, пронизавшій С.-Готардъ отъ Гешенена до Айроло, сократилъ 7—8 часовой переѣздъ до пятнадцатиминутнаго пробѣга поѣзда чрезъ туннель и совершенно упразднилъ шоссе для торговыхъ и другихъ сношеній...

Мы поднимаемся зигзагами все выше и выше. Айроло съ голубенькой ленточкой Тичино уже скрылся изъ нашихъ глазъ. Во-

кругъ громоздятся скалы, поросшія сосною, букомъ, альпійскою розою и другою растительностью. Безчисленные ручьи и водопады то тамъ, то сямъ, открываются вашему взору, журчатъ, шумятъ или съ грохотомъ бросаютъ свои воды въ ущелья и пропасти... Солнышко привѣтливо выглядываетъ изъ-за красиво клубящихся облаковъ. Гдѣ-то побрякиваетъ колокольчикъ... Мы то выходимъ изъ экипажа, то опять садимся и все выше и выше поднимаемся. Новыя скалы и новые горизонты, точно декораціи, выдвигаются передъ вами при каждомъ поворотѣ дороги... Мысль о Суворовѣ невольно вызываетъ въ васъ цѣлый рядъ историческихъ воспоминаній... Словно сотканный изъ нѣжнаго облачка, что ползетъ вдоль карниза, предъ вами вырисовывается силуэтъ великаго полководца верхомъ на казачьей лошади... Старенькая шляпа, пробитая пулями, синій плащъ... На лицѣ глубокая дума... А позади полководца сверкаютъ штыки и бьются на вѣтру знамена... Идутъ мушкетеры, егеря, казаки... Снѣгъ засыпаетъ тропинку, по которой ступаютъ они... Вѣтеръ, какъ бѣшенный, рвется и завываетъ въ ущельяхъ, словно силится сдунуть туда храбрецовъ... Вотъ кто-то сорвался съ крутаго карниза... Далеко внизу пронесся чей-то крикъ и чей-то стонъ...

Вы возвращаетесь къ дѣйствительности. Скалы попрежнему все растутъ и растутъ предъ глазами. На одномъ изъ выступовъ виднѣется вдѣланный въ камень почернѣвшій образокъ. Въ вершинѣ паритъ орелъ, а внизу у скалы, точно капелька крови, пестрѣтъ среди синихъ незабудокъ какой-то аленькій цвѣточекъ...

Суворовъ, если бы всталъ теперь изъ гроба, не узналъ бы С.-Готарда. Теперь онъ взошелъ бы туда церемоніальнымъ маршемъ, какъ на парадѣ. Прежнихъ препятствій, такъ картинно изображенныхъ Крестовскимъ въ его «Дѣдахъ», уже не существуетъ. Впрочемъ, швейцарцы стараются ихъ сами создать, возводя здѣсь форты-заставы, въ видѣ люнетовъ, «на всякій случай», какъ они говорятъ...

Фортъ Боско вблизи Айроло уже оконченъ. Это мѣсто памятно въ русской исторіи. Здѣсь тысяча человѣкъ французовъ, засѣвъ за каменьями и скалами, встрѣтили огнемъ юнаго поручика Лутвинова, который съ горстью стрѣлковъ храбро пошелъ въ атаку на французовъ и былъ сраженъ пулею...

Выше виднѣются траверзы другого форта...

На встрѣчу намъ попадаютъ туристы, возвращающіеся съ вершины С. Готарда: мужчины, дамы, дѣти, всѣ вооруженные альпенштоками и съ сумками за плечами. Почти у каждого букетъ альпійской розы въ рукахъ, или же вѣточка ея на шляпѣ. Къ слову сказать, альпійская роза растетъ здѣсь весьма доступно

обыкновенно же за нею приходится карабкаться по скаламъ, рискуя иной разъ если не жизнью, то боками. Впрочемъ, иногда и жизнью приходится платиться за этотъ красивый цвѣтокъ. Такъ во время нашего пребыванія въ Швейцаріи былъ такой случай гдѣ-то около Базеля. Какой-то юноша, замѣтивъ на уступѣ скалы пышный кустъ альпійской розы и желая нарвать ея для своей невѣсты, бывшей вмѣстѣ съ нимъ, отважно взобрался на утесъ, подъ которымъ кипѣлъ водопадъ; но на обратномъ пути какъ-то поскользнулся, упалъ и, на глазахъ своей милой и остальныхъ спутниковъ, погибъ въ волнахъ потока, вмѣстѣ съ сорваннымъ цвѣткомъ...

Мы все еще поднимаемся. Далеко внизу, подъ нами, плывутъ облака. Растительности почти никакой, кое-гдѣ лишь травка да мохъ. Все такъ угрюмо вокругъ и пустынно. Предъ глазами острые зубцы сѣропепельныхъ скалъ. Въ мрачномъ ущельи «Val Tremola», выбиваясь изъ-подъ снѣжнаго свода съ синевато-зеленымъ отливомъ, шумитъ и пѣнится каскадъ. Снѣгъ встрѣчается еще нѣсколько разъ на нашемъ пути, въ ущельяхъ и на открытомъ мѣстѣ. Мы ходимъ по немъ и беремъ его въ руки. И это въ іюлѣ мѣсяцѣ! Солнце не въ состояніи растопить эти бѣлые пласты, лишь медленно подтаивающіе и еще медленнѣе сползающіе съ горъ...

Наше вниманіе останавливаютъ въ одномъ мѣстѣ у ручья какіе-то странные бѣлые цвѣты, въ родѣ помпончиковъ, что бывають на дѣтскихъ шляпахъ. Мы узнали потомъ, что ихъ называютъ «les fleurs de cotton». Нашъ возница быстро схватывается съ мѣста, нарываетъ цѣлый букетъ этихъ помпончиковъ и съ галантностью настоящаго итальянца подноситъ нашей спутницѣ.

Вотъ почти у самой дороги стоятъ развалины бывшаго здѣсь когда-то страннопріимнаго дома, описана тожъ. Еще нѣсколько выше и возница останавливаетъ наше вниманіе на большомъ камнѣ. «La pierre de Souvarow!»—говоритъ онъ. Мы тотчасъ же принимаемся осматривать этотъ камень со всѣхъ сторонъ.

Это довольно большая каменная глыба, поросшая мохомъ и какой-то травкой. Надписей на немъ, очевидно, было нѣсколько, но мы съ трудомъ разбираемъ только: «1806, VI. Suworowч victoris»¹⁾ и затѣмъ ниже: «1814.....». И больше ничего нельзя прочесть, не смотря на всѣ наши старанія...

Еще нѣсколько минутъ—и мы на вершинѣ С. Готарда. Уединенная, мрачная плоскость, безлюдная, лишенная растительности. Мрачно рисуются покрытыя снѣгомъ скалы «Sasso di S. Gothardo», темные утесы Monte Prosa и цѣлый рядъ зубчатыхъ скалъ, препятствующихъ взору проникнуть въ долины.

1) То-есть «побѣдамъ Суворова».

Отъ времени до времени гдѣ-то раздаются взрывы. То рвутъ камень для постройки форта на вершинѣ С. Готарда. Мы проѣзжаемъ мимо какого-то сарайчика, возвышающагося надъ каскадомъ.

— *La voici, signori, una capella!*—говоритъ намъ возница, указывая рукой на сарайчикъ. — *On voit là-bas des os des russes,*—поясняетъ онъ.

Мы отказываемся вѣрить, чтобы эта жалкая развалина была усыпальницею суворовскихъ чудо-богатырей, и однако же это такъ... Мы готовы были тотчасъ же подняться на скалу, чтобы осмотрѣть эту «часовню», но принуждены были отправиться сначала въ отель, гдѣ насъ уже ожидали къ табльдоту.

Hôtel du Mont Prosa, небольшое каменное зданіе, простой архитектуры, помѣщается рядомъ съ бывшимъ описомъ. Здѣсь (то-есть въ описѣ), послѣ третьяго штурма, Суворовъ былъ встрѣченъ всѣми капуцинами съ 70-ти-лѣтнимъ пріоромъ во главѣ, отслужившимъ по просьбѣ полководца благодарственный молебенъ. И потомъ здѣсь же, за скромной монашеской трапезой, состоявшей изъ картофеля и гороха, Суворовъ весело разговаривалъ съ пріоромъ, удивлявшимся разнообразію знаній и начитанности русскаго полководца.

Небольшая, съ низкимъ потолкомъ зала, въ которую мы вошли, вмѣстала въ себѣ человѣкъ десять туристовъ, уже размѣстившихся за двумя столами. Изъ оконъ виднѣлось маленькое озеро, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отражалось синее небо съ плывшими по немъ облаками. Прелестный хозяйскій сень-бернаръ лежалъ у нашего стола и свисходительно посматривалъ умными глазами на привычное ему зрѣлище смѣшенія народовъ.

Нашими визави были какіе-то три нѣмца, повидимому, австрійцы и навѣрно военные. Одинъ изъ нихъ, болѣе молодой, съ симпатичнымъ, чисто славянскимъ лицомъ, состоялъ чѣмъ-то вродѣ секретаря при двухъ другихъ нѣмцахъ, довольно пожилыхъ и солидныхъ... По лѣвую же сторону отъ насъ сидѣли итальянцы: востроносая, черненькая мамаша съ двумя сыновьями, прехорошенькими мальчиками, изъ которыхъ младшій, по имени *Виргилій*, очень потѣшалъ насъ.

Мы дружно бесѣдовали на франко-нѣмецко-итальянскомъ языкѣ, представляя собою самый мирный тройственный союзъ, всѣ силы котораго, то-есть зубы, челюсти и вилки съ ножами, были направлены на истребленіе, нужно правду сказать, весьма неважнаго обѣда, но тѣмъ не менѣе показавшагося вкуснымъ.

Послѣ обѣда все общество занялось писаніемъ писемъ «съ С. Готарда» на особыхъ карточкахъ, продающихся тамъ. Нѣкоторые покупали на память стаканчики изъ козьяго рога и другія

вещицы. Маленькій итальянчикъ, подъ наблюденіемъ мамы, выводилъ каракульками, на память потомству, свое имя, фамилію и названіе школы, въ которой учился въ Миланѣ. Нѣмцы не росписались; они слѣшили «взглянуть» на фортовыя сооружеія. Мы же внесли свои имена потомъ, когда возвратились съ осмотра часовни.

Ахъ, какое это грустное зрѣлище, эта «часовня» надъ русскими костями! Представьте себѣ маленькое, закоптѣлое и полуразрушенное строеніице, наполненное грудю костей, большая часть которыхъ уже расхищена... Ни креста, ни надписи на этой могилѣ русскихъ богатырей, создавшихъ одну изъ лучшихъ страницъ нашей исторіи...

«Мы пришли изъ далекихъ сѣверныхъ странъ»,—вспомнилось намъ воззваніе Суворова къ итальянцамъ, — «пришли защищать вашу вѣру, возстановить престолы, избавить васъ отъ притѣснителей!»...

И эти «варвары» сѣвера, кости которыхъ тутъ разбросаны въ въ разверстой могилѣ, освобождаютъ отъ французовъ Пьемонтъ и Ломбардію и возвращаютъ ихъ законнымъ государямъ... Въ то же самое время союзница Россіи, Австрія, строитъ планы, какъ бы проглотить этотъ самый Пьемонтъ и эту Ломбардію, и ничего не находить лучшаго, какъ послать русскую армію въ альпійскіе ледники, на вѣрную гибель... Но вдругъ эти самые ледники, эти, въ облака уносящіяся, вершины С.-Готарда становятся вѣковѣчными, по выраженію Державина, обелисками русской славы и русскихъ подвиговъ...

Становилось холодно, туманъ быстро стучался и окутывалъ всю вершину С.-Готарда. Нужно было торопиться въ обратный путь...

Опять скалы, обрывы, утесы... Опять воспоминанія... И опять думы о великомъ русскомъ сердцѣ, не разъ болѣвшимъ и истекавшимъ кровью за други своя...

И вспомнились намъ другія могилы, на столь же славныхъ, какъ С.-Готардъ, вершинахъ Балкановъ, могилы внуковъ тѣхъ замыхъ богатырей, надъ костями которыхъ мы только что стояли...

Илиодоръ Попруженко.

ПАМЯТИ П. А. ГАЙДЕБУРОВА.

БЫЛО на Руси время, когда журналистика служила не подголоскомъ общественныхъ теченій, а сама направляла общество по извѣстному руслу и даже въ значительной степени вызывала желательныя настроенія. Это было время, когда печать получила дотолѣ неслыханную силу и значеніе, принявъ на себя роль быть выразительницей общественнаго мнѣнія. Органы печати помогали разобратъся въ новыѣ сложныѣ явленіяхъ, и надо сказать, большинство журналистики тогдашней эпохи стояло на высотѣ своей миссіи. Конечно, и въ прогрессивной партіи не наблюдалось полного унисона; но каждый органъ имѣлъ опредѣленный кодексъ, строгія вѣрованія, которыхъ онъ и держался, можетъ быть, черезчуръ ужъ упорно и односторонне, черезчуръ фанатически, но зато не зная безпринципности новѣйшаго времени. Каждое судно тогдашней журналистики честно выкидывало флагъ, по которому всякій встрѣчный могъ узнать, съ другомъ или непріателемъ онъ имѣетъ дѣло.

Съ той поры прошло лѣтъ двадцать, пожалуй, чуть-чуть больше. Въ такой періодъ направленія мѣняются не только въ обществѣ, но и въ отдѣльныхъ людяхъ, покорныхъ «общему закону». Немногіе органы печати уцѣлѣли и остались при прежнихъ стремленіяхъ, немногіе люди устояли въ неравной борьбѣ съ новыми стихійными вѣяніями. Изъ немногихъ журналовъ такою осталась «Недѣля», изъ людей—недавно скончавшійся Павелъ Александровичъ Гайдебуровъ.

Если мы указали на «Недѣлю», какъ на органъ устоявшій, то имѣли въ виду ея общее направленіе — стремленіе къ прогрессу, полную антипатію къ застою и ретроспективнымъ сѣтованіямъ. Въ частности же «Недѣля» давно отказалась отъ того радикально-

народническаго катехизиса, догматы котораго установилъ тоже уже покойный О. И. Юзовъ, до конца жизни фанатически отстаивавшій свои поколебленныя вѣрованія. Изъ народнической вѣры «Недѣля» удержала только одну самую симпатичную черту направленія—любовь къ народу. Задачей ея явилось главнымъ образомъ распространение гуманитарно-просвѣтительныхъ идей, а публикой—интеллигентная провинція.

Надъ могилой П. А. Гайдебурова говорили рѣчи. Въ нихъ были указаны три стороны его дѣятельности: какъ общественнаго дѣятеля вообще, какъ честнаго журналиста и умственнаго руководителя провинціи. Эти-то три стороны и ложатся наиболѣе рѣзкими чертами въ его характеристикѣ. Общественная дѣятельность Гайдебурова была у всѣхъ на виду; это—защита и обереганіе интересовъ пишущихъ собратій. Другое дѣло—редакторская дѣятельность покойнаго. Обыкновенному смертному она мало понятна, совершенно отъ него ускользаетъ, а къ тому же, какъ давно сказано, «мы лѣнны и нелюбопытны», и наши повседневныя пошлыя «мелочи жизни» для насъ дороже того, что касается нашихъ немногихъ общественныхъ дѣятелей. О нихъ мы вспоминаемъ только въ тотъ моментъ, когда ихъ относятъ на кладбище, и вспоминаемъ съ тѣмъ, чтобы какъ можно скорѣе и ужъ совсѣмъ прочно забыть. А такъ какъ даже и въ такія минуты напрягать свою память мы не любимъ, то непремѣнно что нибудь да перевремъ и перепутаемъ, стараясь возстановить въ своемъ умѣ дѣятельность оплакиваемаго нами человѣка. Гайдебуровъ ли не потрудился для провинціи,—и какъ же эта провинція въ лицѣ своихъ органовъ печати встрѣтила такую утрату? Большинство изъ нихъ просто перепечатало сухіе некрологи столичныхъ газетъ, и только въ одной газетѣ нашелся «лично знавшій покойнаго», который перепуталъ факты біографіи Гайдебурова и почему-то назвалъ его семинаристомъ.

Если таково отношеніе прессы, то вполне извинительно, что наше малокультурное общество совершенно не знаетъ, что такое редакторъ. Редакторъ газеты втеченіе двадцатипяти лѣтъ—легко сказать! Такихъ примѣровъ два-три, да и обчелся. Поставить на ноги изданіе, вынести его на своихъ плечахъ, притомъ почти безъ средствъ, какъ это было съ «Недѣлей», устоять среди всевозможныхъ враждебныхъ теченій—задача тяжелая и неблагодарная, — неблагодарная потому, что весь трудъ редактора, эта сила, оживляющая журналъ, остается незамѣтенъ. Онъ весь уходитъ въ чужую работу, въ обработку чужого матеріала, кропотливую, скучную и тяжелую; это трудъ чернорабочаго. Но при всей зависимости отъ чужого труда редакторскій трудъ требуетъ особаго творчества, особаго вдохновенія, особой интуиціи. Такимъ творцомъ-редакторомъ и былъ покойный Павелъ Александровичъ. Близко стоявшіе къ нему люди знаютъ, до какой художественности, до какой виртуозности

доводилъ онъ технику редакторскаго дѣла. Нѣсколько неудачное выраженіе сейчасъ же останавливало на себѣ его вниманіе и не давало покою до тѣхъ поръ, пока не находилось то слово, которое ближе всего отвѣчало извѣстной мысли. Втеченіе всей своей редакторской дѣятельности онъ не пропустилъ ни одной корректуры, которыя прочитывалъ по нѣскольку разъ. Это былъ именно талантливый капельмейстеръ, ни на минуту не выпускавшій своей дирижерской палочки изъ рукъ и чутко слышавшій малѣйшую фальшь какойнибудь скрипки или фагота въ своемъ оркестрѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ Гайдебуровъ обладалъ замѣчательнымъ талантомъ «создавать сотрудника». Онъ умѣлъ открыть въ человѣкѣ, незамѣтную для другого глаза, скрытую творческую жилку, которой и давалъ съ замѣчательнымъ тактомъ надлежащее направленіе. Тутъ онъ дѣйствовалъ, какъ тѣ народные вѣдуны, которые открываютъ подземные родники, или опытные рудоискатели. Онъ и работалъ главнымъ образомъ при помощи такихъ имъ самимъ созданныхъ силъ, которыя постоянно притекали и утекали, такъ что масса современныхъ, такъ называемыхъ, молодыхъ писателей прошла его школу и можетъ считаться его учениками. Причина же постоянного обмѣна его сотрудниковъ кроется въ той строгой выдержкѣ, какой онъ подвергалъ молодыхъ писателей, въ томъ искусствѣ, какой они должны были проходить подъ его руководствомъ. Тутъ П. А. держался традицій старой школы, которая не знала машинной скорописи, обуявшей современныхъ беллетристовъ. Для него было большимъ огорченіемъ увидѣть въ другомъ журналѣ забракованное имъ произведеніе не съ точки зрѣнія конкуренціи, а потому, что въ этомъ онъ усматривалъ завѣдомую порчу нежелающаго поработать надъ собой писателя. И выходило очень часто такъ, что люди, составившіе себѣ въ его журналѣ литературное имя, впоследствии совершенно губили свое писательское реноме. Никакіе другіе расчеты не нарушали его связи съ сотрудниками; во всѣхъ отношеніяхъ, въ какія становятся редакторъ и сотрудники, онъ былъ безукоризненъ. Манера его держаться съ сотрудниками отличалась безупречностью, интеллигентнымъ джентльменствомъ, даже какъ бы нѣкоторой чопорностью, которую не знавшіе его принимали за холодность и недоступность.

А что это былъ человѣкъ искренно сердечный, объ этомъ свидѣтельствуетъ та живая связь, которая у него постоянно поддерживалась съ провинціей, читателями «Недѣли». Здѣсь шелъ постоянный обмѣнъ мыслей, жалобъ, сѣтованій, выражений сочувствія и добрыхъ пожеланій. Что Гайдебуровъ убѣжденно принималъ участіе въ дѣлахъ провинціи, это доказываютъ многочисленные процессы (помнится, больше двадцати), которые возбуждали обличаемые имъ темные людишки нашихъ медвѣжьихъ угловъ, и изъ которыхъ онъ всегда выходилъ оправданнымъ, а обличенія, раскры-

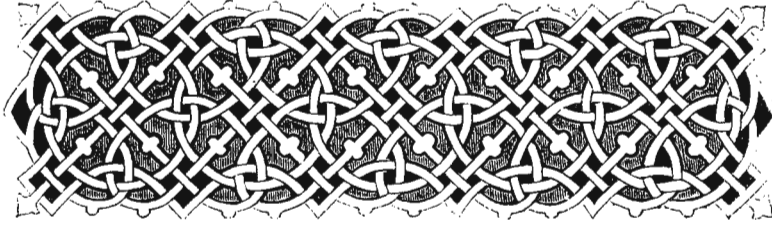
вая зло, вызывали со стороны тѣхъ, кому надлежало, пресѣкающія мѣры. Эта-то провинція, которая жила душа въ душу съ покойнымъ редакторомъ «Недѣли», не забывала его во время праздника его дѣятельности, не забыла почтить его и по смерти, выражая соболюзованія путемъ многочисленныхъ телеграммъ и писемъ.

Талантъ отыскивать искру Божію въ человѣкѣ, о которомъ упомянуто выше, Гайдебуровъ проявлялъ и по отношенію къ этимъ, невидимымъ ему, прозябающимъ въ провинціи силамъ. Его постоянный читатель обращался не рѣдко въ постоянного корреспондента, примыкая къ тому общему дѣлу, въ которое онъ вошелъ постороннимъ зрителемъ, уже въ качествѣ дѣятельнаго сообщника. Такая организація и давала авторитетъ «Недѣлѣ» и все увеличивала ея аудиторію въ провинціи.

Такова фактически дѣятельность П. А.; удержимся отъ преждевременной и трудной оцѣнки. Скажемъ только, что утрата этого человѣка большой пробѣлъ въ нашей журналистикѣ, и безъ того скудной именами. Смерть подобнаго дѣятеля вызываетъ въ соображеніе ту массу энергіи и животворной силы, какую онъ разсѣялъ на землѣ втеченіе своей жизни, быть можетъ, слишкомъ нерасчетливо, слишкомъ не жалѣя себя. Въ такой смерти нельзя не видѣть нѣкотораго безсознательнаго самопожертвованія...

М. З.

УТОПИИ НА ПРАКТИКѢ.

В ПОСЛѢДНІЯ двадцать лѣтъ обитатели Латинскаго квартала въ Парижѣ ежедневно видали скромнаго, бѣдноодѣтаго старика, высокаго роста, съ длинными сѣдыми волосами, ниспадавшими на его плеча, и въ старомодной остроконечной шляпѣ съ широкими полями; утромъ онъ постоянно ходилъ на лекціи естественныхъ наукъ въ французской коллегіи и аптекарской школѣ, а вечеромъ акуратно посѣщаль кофейную Суфлэ на бульварѣ Сень-Мишель, гдѣ игралъ въ шахматы съ почтительно относившейся къ нему молодежию. 27-го декабря прошедшаго года, этотъ усердный посѣтитель лекцій и добродушный игрокъ въ шахматы неожиданно умеръ отъ воспаления въ легкихъ, и только тогда сосѣди его по маленькой улицѣ Кардиналь-Лемуанъ, гдѣ онъ жилъ, узнали, что это былъ нѣкогда знаменитый Викторъ Консидеранъ, апостоль фаланстеровъ. Газеты посвятили ему нѣсколько сочувственныхъ строкъ, единогласно выставляя его рыцарскій, честный и благородный характеръ, его безупречную семейную и общественную жизнь, наконецъ, его беззавѣтное, преданное служеніе своимъ утопическимъ идеямъ, а затѣмъ парижане уже навсегда забыли о Консидеранѣ, а если кто нибудь случайно и произнесетъ на веселыхъ, шумныхъ бульварахъ его имя, то, конечно, прибавитъ съ улыбкой презрительнаго сожалѣнія, что это былъ непрактичный утопистъ. Но въ сущности стоило бы всякому образованному человѣку серьезно задуматься надъ смертію этой замѣчательной исторической личности и отдать себѣ сознательный отчетъ въ томъ, дѣйствительно ли онъ былъ

такимъ непрактичнымъ утопистомъ, какъ его считали во время дѣятельной эпохи его жизни, когда онъ былъ одинаково обожаемъ учениками и ненавидимъ врагами. При безпристрастномъ взглядѣ на проповѣдываемыя имъ на словахъ и на дѣлѣ утопіи окажется, что онѣ въ той или другой формѣ легли въ основу господствующихъ въ настоящее время и быстро измѣняющихся старей обществѣнный строй Европы, социальныхъ системъ, извѣстныхъ подъ названіемъ государственнаго социализма правительственныхъ и законодательныхъ реформаторовъ въ различныхъ странахъ, христіанскаго социализма послѣднихъ энцикликъ папы Льва XIII и теорій какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ проповѣдниковъ возрожденія челоѣчества братскимъ единеніемъ первобытныхъ христіанъ, коопераціи рабочихъ союзовъ въ Западной Европѣ, коллективизма французскихъ радикаловъ и т. д. Но не только въ такомъ измѣненномъ, отрывочномъ и неполномъ видѣ сбылись еще при его жизни утопическія мечты Консидерана, но онѣ осуществляются теперь буквально въ нѣсколькихъ колоніяхъ Новаго Свѣта и нашли себѣ практическое примѣненіе, хотя въ нѣсколько иной формѣ, но въ обширныхъ размѣрахъ въ одной изъ самостоятельныхъ составныхъ частей англійской Австраліи. Все это служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что вчерашняя утопія часто бываетъ сегодняшней дѣйствительностью, а сегодняшняя несбыточная мечта завтрашнимъ фактомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ знаменательное явленіе въ исторіи послѣдней половины XIX вѣка. Поэтому, кратко набросавъ очеркъ жизни и стремленій утописта сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, желавшаго пересоздать челоѣческое общество на великихъ началахъ братства, любви и труда, мы рядомъ представимъ картину современнаго осуществленія его утопій на практикѣ въ различныхъ частяхъ Стараго и Новаго Свѣта.

Родившись въ 1808 году въ провинціальномъ городѣ Салинѣ, въ департаментѣ Юры, Викторъ Консидеранъ получилъ первоначальное воспитаніе въ пансіонѣ, который содержалъ его отецъ, очень состоятельный челоѣкъ, а потомъ перешелъ въ Безансонскую коллегію. Тутъ онъ подружился съ однимъ изъ своихъ товарищей Вигурѣ, мать котораго была преданной послѣдовательницей тогда дѣлавшихъ много шума теорій Фурье, и такимъ образомъ съ самой ранней молодости Консидеранъ усвоилъ себѣ то ученіе, развитію котораго онъ посвятилъ всю свою жизнь. Перейдя въ политехническую школу и блестяще окончивъ въ ней курсъ, онъ поступилъ офицеромъ въ инженерное вѣдомство и быстро достигъ чина капитана. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сблизившись въ Парижѣ съ Фурье, онъ сталъ энергично распространять его социальную систему и даже читалъ объ этомъ предметѣ публичныя лекціи, на которыхъ присутствовали его военные начальники. Хотя этотъ одинъ фактъ доказываетъ, что никто не мѣшалъ ему продолжать открывавшуюся пе-

редь нимъ завидную офіціальную карьеру, но онъ самъ нашель это неудобнымъ и, выйдя въ отставку, всецѣло предался служенію своимъ соціалогическимъ идеаламъ. Около этого времени онъ женился на дочери г-жи Вигурѣ, которая вмѣстѣ съ матерью сдѣлалась ревностной его помощницей въ предпринятомъ имъ дѣлѣ. Внѣшніе факты его дальнѣйшей жизни чрезвычайно не многосложны: онъ писалъ значительное число книгъ и брошюръ, изъ которыхъ наибольшее значеніе имѣли: «Destinée sociale», «Principe du socialisme», «Théorie du droit de propriété et du droit au travail», «Principe philosophique» и т. д., издавалъ прежде съ Фурье, а потомъ одинъ, журналъ: «Le Phalanstère», еженедѣльную газету «La Phalange» и ежедневную «La Démocratie pacifique», читалъ лекціи и устроилъ бібліотеку по соціальнымъ вопросамъ, былъ членомъ парижскаго муниципальнаго совѣта, учредительнаго собранія въ 1848 году и замѣнившаго его законодательнаго собранія, принялъ участіе въ движеніи 13-го іюня 1849 года, за что былъ преданъ суду правительствомъ Каваньяка, уѣхалъ изъ Парижа и возвратился туда только въ 1869 году, практически примѣнялъ проповѣдываемыя имъ утопіи на практикѣ во Франціи и Америкѣ, наконецъ, возвратясь въ Парижъ и потерявъ жену, онъ уже въ послѣдніе двадцать четыре года своей долговременной жизни не принималъ никакого участія въ политической и общественной дѣятельности, а старался, серьезно занимаясь естественными науками, провѣрить свои теоріи, которымъ онъ остался вѣренъ до послѣдней минуты. Учиться и посѣщать лекціи онъ считалъ лучшимъ занятіемъ для своей старости, но когда одиннадцать лѣтъ тому назадъ ему предложили выступить кандидатомъ на парламентскихъ выборахъ, онъ отвѣчалъ: «Я для этого слишкомъ старъ»; точно также онъ отказался отъ пенсіона, который ему хотѣлъ назначить Поль Беръ, сдѣлавшись министромъ народнаго просвѣщенія, не смотря на то, что посвятивъ свое значительное состояніе на теоретическое и практическое распространеніе своихъ идей, Консидеранъ окончилъ жизнь бѣднякомъ и жилъ то у одного, то у другого изъ своихъ товарищей. Если отъ внѣшней стороны его жизни мы перейдемъ къ тѣмъ теоріямъ, которыя онъ проповѣдывалъ, то увидимъ, что прежде всего не слѣдуетъ Консидерана смѣшивать съ Фурье, какъ это обыкновенно дѣлаютъ: поддерживая въ принципѣ идеи своего учителя, онъ всегда старался придать имъ практическій характеръ и освободить ихъ отъ чрезмѣрнаго догматизма, часто смѣшнаго формализма, темныхъ умозрѣній и возбуждавшихъ наибольшіе нападки химерическихъ подробностей его плана пересозданія человѣческаго общества, въ томъ числѣ установленія свободной любви и т. д. Поставивъ себѣ такимъ образомъ цѣлью не навязывать старому человѣческому обществу формулы новой организаціи, придуманной Фурье, а постепенно развить духъ его теоріи, притомъ въ демократической формѣ, о чемъ нимало

не заботился ея отецъ, Консидеранъ прямо говорилъ, что «весь вопросъ заключался въ томъ, чтобъ довести до таянья покрывающіе старый міръ льды не общимъ взрывомъ, а путемъ спокойной правильной постепенности». Конечно, самъ Консидеранъ также съ своей стороны увлекался системой фаланстеровъ и стремился какъ въ своихъ сочиненіяхъ, такъ и на дѣлѣ, къ осуществленію все еще слишкомъ догматичной регламентаціи внутреннихъ отношеній въ человѣческомъ обществѣ, но принципы, лежавшіе въ основѣ его теорій, на столько неутопичны, что на нихъ основаны всѣ системы, которыми въ настоящее время и мыслители, и экономисты, и общественные дѣятели, и правительства пытаются преобразовать отжившій социальный строй. По словамъ автора статьи о Консидеранѣ въ «Nouvelle Revue», отъ 15-го января, Раймона Дали, сына его стараго товарища, этотъ апостоль фаланстеровъ въ послѣдніе года своей жизни понялъ, что въ проповѣдуемыхъ имъ нѣкогда теоріяхъ и примѣняемыхъ имъ на практикѣ системахъ безусловно справедливы были только принципы и стремленія, а потому если онъ около четверти столѣтія безмолвствовалъ, то не по причинѣ разочарованія въ этихъ принципахъ, а по случаю длиннаго ряда новыхъ научныхъ трудовъ, которые онъ предпринялъ для провѣрки и окончательнаго доказательства ихъ правильности, но которыхъ онъ не успѣлъ окончить вслѣдствіе своей старости. Нельзя не пожалѣть, что эти труды не обнародованы, такъ какъ, кромѣ глубокаго интереса, который они возбудили бы сами по себѣ, въ нихъ, конечно, заключались бы указанія на соотвѣтствіе между утопіями Консидерана и теперешней практикой социальныхъ реформъ, но это соотвѣтствіе, впрочемъ, и такъ бросается въ глаза при самомъ поверхностномъ взглядѣ на дѣло.

Къ чему стремился и что проповѣдывалъ Консидеранъ въ своихъ утопіяхъ на словахъ и на дѣлѣ? Въ социологическомъ отношеніи онъ хотѣлъ построить общество на принципахъ равенства, любви и труда, а для осуществленія этой утопіи онъ основалъ въ Конде-на-Вегрѣ во Франціи, съ помощью богатаго депутата Бодэ-Дюлари, такъ называемый фаланстеръ, то-есть общину, въ которой члены всѣ равны, всѣ работаютъ, и всѣ пользуются общей собственностью, общей прибылью; но эта попытка ему не удалась, а также и другая въ томъ же родѣ, предпринятая имъ вмѣстѣ съ богатымъ англичаниномъ Сэромъ Артуромъ Юнгомъ. Однако эти неудачи его не разочаровали, и онъ, при поддержкѣ богатаго американца Бризбэна, вновь создалъ свой фаланстеръ, но на гораздо большей ногѣ въ видѣ колоніи въ сѣверо-американскомъ штатѣ Техасѣ подъ названіемъ «La Réunion»; этотъ третій опытъ равно не увѣнчался успѣхомъ, и Консидеранъ болѣе уже не примѣнялъ на практикѣ своей утопіи. Но въ сущности его неудача происходила не отъ невозможности ее осуществить, а благодаря различнымъ

внѣшнимъ неблагопріятнымъ условіямъ, между прочимъ, войнѣ сѣвера съ югомъ и, быть можетъ, тому обстоятельству, что въ основѣ его предпріятій, всетаки, лежалъ старый принципъ благотворительности богачей, а не демократическая идея самооплачивающаго труда; доказательствомъ этого служитъ тотъ фактъ, что цѣлый рядъ подобныхъ же общинъ былъ основанъ въ Новомъ Свѣтѣ и пользовался успѣхомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ американскихъ общинъ существовали задолго до возникновенія теоріи Фурье, развитой Консидераномъ, а другія очевидно возникли подъ ея вліяніемъ. Къ первымъ принадлежатъ основанныя въ концѣ XVIII вѣка въ различныхъ частяхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ общины религіозной секты Шекеровъ, которыя доселѣ процвѣтаютъ въ числѣ семнадцати отдѣльныхъ колоній, община Гармонія въ Пенсильваніи, община Зораръ въ Огіо и община Аврора въ Орегонѣ. Изъ числа послѣднихъ обращаютъ на себя особое вниманіе община Амана въ Іовѣ, которая обрабатываетъ пятьдесятъ тысячъ акровъ земли, община Онеида, которая нѣсколько лѣтъ пользовалась удивительнымъ успѣхомъ въ Нью-Йоркскомъ штатѣ, но потомъ въ виду столкновеній съ мѣстнымъ законодательствомъ относительно безбрачнаго сожителства ея членовъ вынуждена была удалиться въ Канаду, и община Икарія, основанная въ Техасѣ французскимъ послѣдователемъ Фурье, Кабетомъ, и послѣ его неудачи переведенная его американскими преемниками прежде въ Илинойсъ, а потомъ въ Калифорнію. Мы упоминаемъ только о самыхъ главныхъ изъ подобныхъ общинъ, а вообще ихъ число довольно значительно, и замѣчательно, что тѣ изъ нихъ, которыя исчезли послѣ временнаго успѣха, были устроены образованными культурными людьми, а напротивъ процвѣтаютъ тѣ, которыя созданы рабочими, или по крайней мѣрѣ при ихъ дѣятельномъ содѣйствіи. Въ настоящее время наибольшій интересъ возбуждаютъ три такіа чрезвычайно успѣшныя утопіи на практикѣ въ Новомъ Свѣтѣ: двѣ въ Мексикѣ и одна въ Перу. Объ одной изъ первыхъ, носящей названіе «Колоніи поземельнаго кредита въ Синолоа», нѣтъ подробныхъ свѣдѣній, и извѣстно только, что она находится на западномъ берегу Мексики, существуетъ четыре года и основана на принципахъ коллективной собственности, строго демократической организаціи и уплатѣ каждому рабочему за восьмичасовой рабочей день билетомъ въ три доллара, на который онъ можетъ пріобрѣтать все, что ему нужно, въ общественномъ складѣ. Напротивъ, о второй, мексиканской общинѣ въ Тополобампо и о колоніи въ Перу американскіе и французскіе журналы сообщаютъ много любопытныхъ подробностей, а потому можно вполне уяснить себѣ ихъ внутреннее устройство.

Въ 1853 году, донъ Хозе Родригезъ, уроженецъ Перу, составилъ проектъ организаціи идеальной братской общины по образцу фаланстеровъ; это былъ человѣкъ, искренно вѣрившій въ осуществ-

вленіе своего плана и посвятившій на задуманное предпріятіе все свое состояніе; отличаясь благоразуміемъ и практичностью, онъ рѣшилъ произвести свой опытъ на новой, дѣвственной почвѣ, въ всякихъ условіяхъ современнаго общественнаго строя и съ помощью не лицъ, ищущихъ наживы, а семидесяти пяти такихъ же пламенныхъ сторонниковъ, какъ онъ, идеи о пересозданіи человѣческаго общества на основѣ принциповъ равенства, любви и труда. Первымъ его шагомъ было обратиться къ правительству Перу съ просьбой уступить ему, за умѣренную цѣну, большой участокъ земли въ нѣкѣмъ незастроенной и необработанной части сѣверной провинціи страны; конечно, правительство съ удовольствіемъ поощрило эту попытку колонизаціи, и новые эмигранты отправились на театръ своей будущей дѣятельности, взявъ съ собою все необходимое: лошадей, скотъ, домашнюю утварь, земледѣльческія орудія, семена, продовольственные припасы и т. д. Оригинальная колонія была названа «*Buenos amigos*», то есть, «Добрые друзья», а самъ донъ Хозе избранъ въ ея директоры. Съ тѣхъ поръ прошло сорокъ лѣтъ, и полный успѣхъ увѣнчалъ его смѣлое предпріятіе. Теперь въ колоніи находится тысяча человѣкъ, въ томъ числѣ двѣ трети уроженцевъ Перу, Боливіи, Чили и Бразиліи, а одна треть нѣмцевъ, англичанъ и американцевъ; такимъ образомъ испанскій элементъ остается преобладающимъ. Не смотря на всѣ трудности первой эпохи существованія, эта колонія мало-по-малу выработала практическое осуществленіе соціального идеала Консидерана. Все принадлежитъ общинѣ, не только земля, ея продукты и орудія труда, но даже и ея члены, пока они находятся въ общинѣ, изъ которой они могутъ выйти во всякое время; подчиненность ихъ общинѣ не распространяется, однако, на ихъ религіозныя убѣжденія, и каждый можетъ исповѣдывать какую угодно религію, только строго воспрещены религіозныя распри и фанатическія усилія къ обращенію своихъ товарищей въ ту, или другую вѣру. Преимущественно колонія развивается умноженіемъ семей своихъ первоначальныхъ членовъ, а новые колонисты принимаются съ строгимъ выборомъ: такъ, положительно исключены изъ этого числа индѣйцы и негры, а, кромѣ того, требуется отъ каждаго новаго колониста доказательство его прежняго безукоризненнаго поведенія и взносъ въ 500 піастровъ (около 600 рублей), что вполнѣ основательно, такъ какъ, съ одной стороны, взносъ подобной суммы доказываетъ способность колониста къ работѣ и сбереженію, а съ другой — нѣтъ возможности, безъ всякаго его финансоваго участія, предоставить ему право пользоваться, наравнѣ со старыми колонистами, общественною собственностью. Административный механизмъ колоніи раздѣляется на вѣдомства, управленія и отдѣлы. Вѣдомства соотвѣтствуютъ обыкновеннымъ министерствамъ, хотя названія ихъ нѣсколько иныя и всего ихъ четыре, именно вѣдомства труда, воспитанія, торговли и гигиены.

Первое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ управленія: земледѣліемъ, скотоводствомъ, горнымъ дѣломъ, фабричной промышленностью и общественными работами; второе — школами, музыкою и искусствами; третье—ввозомъ, вывозомъ и распредѣленіемъ предметовъ потребленія; четвертое — квартирами, больницами и присмотромъ за маленькими дѣтьми. Каждое управленіе состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣловъ, которые выбираютъ своихъ начальниковъ, а послѣдніе избираютъ завѣдывающихъ управленіями, которые, въ свою очередь, выбираютъ лицъ, поставленныхъ во главѣ четырехъ вѣдомствъ. Смѣна должностныхъ лицъ первыхъ двухъ разрядовъ можетъ произойти только по требованію большинства ихъ избирателей, а главы вѣдомствъ могутъ смѣняться только по приговору большинства членовъ всей общины.

Всего оригинальнѣе и любопытнѣе финансовая система «*Unpos amigos*». Въ основѣ ея лежитъ идея, что «трудъ — деньги», а потому денежной единицей служить трудовой часъ. Во всѣхъ вѣдомствахъ, управленіяхъ и отдѣлахъ, а также въ школахъ виситъ таблица, которая гласитъ:

Шестьдесятъ минутъ — часъ.

Восемь часовъ — день.

Пять дней — недѣля.

Четыре недѣли и два дня — мѣсяць.

Двѣнадцать мѣсяцевъ — годъ.

На основаніи этой таблицы регулируется денежное обращеніе: оно состоитъ изъ билетовъ одинаковаго размѣра, но разнаго цвѣта, съ надписями: «минута», «часъ», «недѣля», «мѣсяць», «годъ». Эти билеты снабжены подписью и штемпелемъ общиннаго казначея, и каждый изъ нихъ имѣетъ цѣнность, рассчитанную согласно денежной единицѣ часа, равняющагося тридцати центавамъ, или одному франку и пятидесяти сантимамъ. Такимъ образомъ минутный билетъ представляетъ цѣнность двухъ съ половиною сантимовъ, часовой—полтора франковъ, денной—двѣнадцати франковъ, недѣльный—шестидесяти франковъ, мѣсячный — двѣсти шестидесяти четырехъ франковъ, а годовой — трехъ тысячъ сто шестидесяти восьми франковъ. Минутный билетъ служитъ для оплаты мелкихъ сдѣлокъ и для расчета прибылей, какъ бы онѣ не были мелки. За всякій трудъ, по его окончаніи, выдаются соответствующіе билеты; при этомъ каждый взрослый человѣкъ, за исключеніемъ болѣзни, или уважительной причины, обязанъ отработать въ день четыре часа, хотя нормальныхъ рабочихъ часовъ восемь. Тотъ, кто не отработаетъ обязательнаго числа часовъ въ теченіе недѣли, обязанъ ихъ отработать въ праздничные дни: субботу и воскресенье, причеиъ, конечно, рабочіе часы въ это время оплачиваются такъ же, какъ и въ будни. Въ общинѣ нѣтъ другихъ денежныхъ знаковъ, какъ означенные билеты, но въ казначействѣ

лежать денежные суммы золотомъ, превышающія цѣнность выпущенныхъ билетовъ и составленныя изъ суммъ, вырученныхъ за проданные продукты общины, изъ прибылей каждаго года и процентовъ съ основнаго капитала, помѣщеннаго внѣ общины. Управление вывозомъ отправляетъ въ Лиму избытокъ, остающійся отъ удовлетворенія внутреннихъ потребностей общины, относительно хлѣба, шерсти, масла, яицъ, скота и т. д. Община имѣетъ также свои копи, каменоломни, лѣса и фабрики; излишекъ эксплуатаціи этихъ отраслей труда одинаково продается за деньги. Каждый день всѣмъ членамъ общины раздаются жизненные припасы, въ одинаковомъ размѣрѣ и одинаковаго качества, но они могутъ приобрѣтать на заработные билеты добавочные припасы, а также одежду и мебель, которой онъ можетъ какъ угодно украшать свою квартиру, принадлежащую вмѣстѣ съ землею и орудіями труда общинѣ. Если кто либо изъ ея членовъ захочетъ выйти изъ нея, то онъ можетъ это сдѣлать во всякое время, и ему мѣняють на деньги заработные билеты, а если онъ пробылъ въ общинѣ болѣе трехъ лѣтъ, то ему выдаютъ соотвѣтственную долю общественныхъ прибылей.

Въ общинѣ «Добрыхъ друзей» вовсе нѣтъ браковъ: ни духовныхъ, ни гражданскихъ, а мужчины и женщины живутъ вмѣстѣ по добровольному согласію и могутъ разойтись когда угодно. Дѣти не принадлежатъ родителямъ, а общинѣ, которая заботится о нихъ съ самаго ихъ рожденія. Каждая мать передъ родами помѣщается въ общинный пріютъ и тамъ остается до тѣхъ поръ, пока не вскормитъ ребенка, а затѣмъ онъ переходитъ на попеченіе особыхъ общинныхъ нянекъ и, наконецъ, школы, откуда онъ уже выходитъ взрослымъ и полноправнымъ членомъ общины. Согласно обнаруженнымъ имъ способностямъ, онъ дѣлается учителемъ, ремесленникомъ, земледѣльцемъ, фабричнымъ рабочимъ и т. д., причемъ его рабочіе часы оплачиваются наравнѣ со всѣми другими членами общины. Въ этомъ оригинальномъ рабочемъ ульѣ, не терпятъ трутней и немедленно изгоняють всякаго, кто не хочетъ работать. Территорія общины такъ велика, что еще долго не вся ея поверхность будетъ находиться въ обработкѣ, поэтому ни въ какое время года не бываетъ недостатка въ работахъ, а въ краткіе промежутки между полевыми работами и сборомъ жатвы, свободныя руки употребляются на постройку, или поправку жилищъ, ремонтъ дорогъ и т. д. Въ послѣдніе годы колонія предприняла значительную работу по проведенію по всей ея территоріи водъ рѣки Котото путемъ каналовъ и водопроводовъ. Дороги повсюду большія и хорошо содержимыя, жилища отличаются простотою, но вполне достаточнымъ пространствомъ и хорошимъ воздухомъ. Только общинное зданіе, гдѣ засѣдаютъ вѣдомства, управленія и отдѣлы, большого размѣра, каменное и съ красивымъ мраморнымъ фасадомъ,

такъ какъ мраморъ, а равно и камень, получаютъ изъ общинныхъ каменоломенъ. Въ виду полного успѣха и порядка въ общинѣ, созданной дономъ Хозе, правительство въ Перу смотритъ сквозь пальцы на тѣ условія общинной жизни, которыя противорѣчатъ законамъ страны. Дѣйствительно, получая регулярно налоги и подати, не имѣя поводовъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла общины, члены которой никогда не обращаются съ жалобами ни въ суды, ни въ администрацію, а также зная, что смертность дѣтей въ этой общинѣ меньше, чѣмъ во всей остальной странѣ, правительство не считаетъ нужнымъ преслѣдовать мирныхъ, работающихъ гражданъ, которые хотя уничтожили между собою браки и сдѣлали дѣтей общественною собственностью, но живутъ спокойно, счастливо, а ихъ дѣти получаютъ прекрасное, раціональное воспитаніе, тогда какъ, при существованіи современнаго общественнаго строя, всюду практикуются свободныя отношенія между мужчинами и женщинами, но, напротивъ, съ самыми печальными результатами, въ особенности относительно несчастныхъ дѣтей. Такимъ образомъ, утопія дона Хозе Родригеца, въ основѣ которой положенъ принципъ: «всякому то, что онъ заработаетъ», оказалась на практикѣ возможной къ осуществленію.

Въ этомъ случаѣ даже нельзя сказать, что примѣръ «Добрыхъ друзей» исключительный, такъ какъ въ послѣднія семь лѣтъ сдѣланъ другой подобный опытъ и съ такимъ же успѣхомъ, но не испанцами, а американцами. Въ 1886 году, Эдуардъ Голандъ и его сестра Марія, уроженцы сѣвероамериканскаго штата Нью-Джерсей, практически изучившіе устройство извѣстнаго Гизовскаго Фамилистера, или Соціального Дворца во Франціи, который представляетъ осуществленіе соціальной утопіи въ сердцѣ Стараго Свѣта, вздумали сами устроить нѣчто подобное на берегу Тихаго океана. Съ помощью желѣзнодорожнаго топографа Овена, они основали компанію, съ капиталомъ въ сто тысячъ долларовъ, раздѣленнымъ на акціи въ десять долларовъ, и купили четверть милліона акровъ земли въ Мексикѣ, на берегу Тополобампской бухты, мѣстности одинаково отдаленной отъ враждебныхъ новой общинѣ законодательныхъ и общественныхъ условій. Помѣстивъ пятнадцать тысячъ своихъ акцій въ Нью-Йоркѣ, Пенсильваніи, Висконсинѣ, Мичиганѣ и другихъ штатахъ, организаторы этого новаго предпріятія отправились, во главѣ четырехъ сотъ колонистовъ, на мѣсто, избранное ими для новаго осуществленія утопіи на практикѣ. Сначала имъ пришлось преодолѣть много трудностей, благодаря то долгой засухѣ, то продолжительнымъ дождямъ; около половины колонистовъ пришло въ отчаяніе и бросило начатое дѣло, но остальные продолжали свою смѣлую попытку создать идеальную общину, и въ 1890 году къ нимъ присоединилось еще двѣсти человѣкъ, а въ настоящее время колонія Тополобампо, заключая

въ себѣ пятьсотъ членовъ, пользуется замѣчательнымъ успѣхомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Кооперация и общность во всемъ составляютъ основу устройства этой колоніи. Каждый, получаемый въ ней доходъ, идетъ въ общинную казну, а всѣ рабочіе: мужчины, женщины и дѣти, за свою работу получаютъ билеты, цѣнностью въ три доллара за рабочій день. На эти билеты они могутъ покупать все, что угодно, изъ общественнаго склада, который пополняется необходимыми предметами изъ мѣстныхъ продуктовъ фермы и купленнаго на сторонѣ товара. Всѣ дѣла общины рѣшаются по большинству голосовъ ея членовъ, а управляется она выбранными лицами. Компания считается собственницей всей земли, а колонисты пріобрѣтаютъ только право пользованія ею. Каждая акція, представляющая извѣстный участокъ земли, не можетъ быть продана иначе, какъ самой компаніи, а билеты, выдаваемые за совершенную работу, составляютъ денежные знаки компаніи, и на нихъ можетъ быть пріобрѣтена компанейская акція. Сначала вся жизнь въ колоніи до самыхъ мелочей была опредѣлена статутомъ, на основаніи котораго существовали общественные доктора и адвокаты, вино и водка продавались только изъ компанейскаго склада и то исключительно для семейнаго употребленія; допущена полная свобода совѣсти, но безъ учрежденія церквей; жилища, кухни и газеты находились въ рукахъ общественнаго управленія и т. д. Но съ теченіемъ времени выработаны болѣе либеральныя условія для ежедневной жизни. Въ общественной школѣ, во главѣ которой стоитъ учитель, получающій ту же плату, какъ рабочій и земледѣлецъ, воспитывается около пятидесяти дѣтей. Воскресенье — день отдыха и удовольствій, а по субботамъ постоянно устраивается балъ въ общественномъ домѣ, гдѣ на слѣдующій день вечеромъ читаются публичныя лекціи по различнымъ научнымъ и философскимъ вопросамъ, по окончаніи которыхъ начинается общее обсужденіе поставленнаго на очередь вопроса. При общей работѣ и безусловномъ равенствѣ, все идетъ спокойно и благополучно въ колоніи, и никогда не бываетъ въ ней спора и препирательствъ. Семейства живутъ отдѣльно, и браки совершаются записью добровольнаго соглашенія у избраннаго колоніей директора, а холостые живутъ въ общественномъ домѣ. Семилѣтнее существованіе и полный успѣхъ этой колоніи вполне ругаются за ея дальнѣйшее процвѣтаніе.

Если отъ соціологической стороны ученія Консидерана мы перейдемъ къ его взглядамъ на политическіе и общественные вопросы, то увидимъ, что и тутъ его утопическая мечта превратилась еще при его жизни въ дѣйствительность, хотя не всецѣло и нѣсколько въ иной формѣ. Онъ стоялъ за демократическую республику, и она теперь окончательно утвердилась на его родинѣ; онъ былъ пламеннымъ защитникомъ въ парламентскихъ рѣчахъ,

книгахъ, брошюрахъ и газетныхъ статьяхъ, мира и международныхъ третейскихъ судовъ, а теперь если свѣтъ не пользуется еще прочнымъ, надежнымъ миромъ, то всѣ говорятъ о необходимости его обезпечить, и третейскіе суды разрѣшаютъ одну международную распрю за другой; онъ являлся сторонникомъ, тогда вызывавшей смѣхъ, системы прямого участія всего народа въ управленіи, а нынѣ референдумъ, развиваясь въ его отечествѣ Швейцаріи, входятъ въ моду въ другихъ странахъ, напимѣръ, въ Бельгіи и Швеціи; онъ высказывалъ въ Парижскомъ городскомъ совѣтѣ идеи о муниципальномъ социализмѣ, а въ настоящее время онѣ господствуютъ во многихъ образцовыхъ городскихъ хозяйствахъ Европы, особенно въ шотландскомъ городѣ Глазго, представляющемъ примѣръ, какъ долженъ управляться современный городъ, имѣя общественные меблированные дома, бани, газовое освѣщеніе, конно-желѣзныя дороги, школы, библіотеки, художественныя галереи и т. д.; онъ, наконецъ, считалъ необходимымъ для разрѣшенія рабочаго вопроса признаніе права на трудъ, предоставленіе всякому столько благъ, сколько онъ заслужилъ своимъ трудомъ, націонализацию земли, участіе рабочихъ въ прибыли отъ ихъ труда и другія реформы въ томъ же духѣ, а если не все это и не въ той именно формѣ, какъ мечталъ Консидеранъ, осуществляется на нашихъ глазахъ, то, всетаки, въ принципѣ его идеи въ этомъ отношеніи примѣняются въ Европѣ всѣми правительственными и общественными мѣропріятіями по рабочему вопросу, именно съ одной стороны государственнымъ страхованиемъ въ Германіи, поземельными законами Гладстона въ Ирландіи, постановкой вопроса о признаніи права на трудъ, на общенародное голосованіе въ Швейцаріи, отвѣтственностью хозяевъ за несчастные случаи во многихъ государствахъ и вообще регулированиемъ труда съ цѣлью достиженія наибольшаго блага для рабочихъ, а съ другой кооперативными обществами, рабочими союзами, средневѣковыми рабочими корпораціями, возстановленными въ Бельгіи подъ вліяніемъ католическаго духовенства, и вообще различными мѣрами для развитія самостоятельности рабочихъ путемъ ассоціаций. Но самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, что утопія Консидерана сдѣлалась теперь практической дѣйствительностью, служитъ современное устройство Новой Зеландіи, одной изъ составныхъ частей Австраліи, пользующихся полной автономіей. «Государство въ Новой Зеландіи, — говоритъ только что вернувшійся въ Англію губернаторъ этой колоніи, лордъ Онсло, въ любопытной лекціи, прочитанной имъ въ Лондонскомъ Колоніальномъ Институтѣ и напечатанной въ декабрьской книжкѣ журнала этого института подъ знаменательнымъ заглавіемъ «Государственный социализмъ и рабочее правительство въ антиподной Англіи», — беретъ ребенка на свое попеченіе при его рожденіи и

воспитываетъ его, охраняетъ юношу отъ непосильной работы, содѣйствуетъ рабочему въ нахожденіи труда, а въ иныхъ случаяхъ прямо доставляетъ ему работу или землю для обработки, обезпечиваетъ труженика отъ болѣзни и дряхлости, завѣдываетъ имуществомъ малолѣтнихъ, а въ случаѣ неимѣнія ими средствъ къ существованію принимаетъ содержаніе какъ сиротъ, такъ и вдовъ на свой счетъ». Ничего большаго въ этомъ отношеніи не могъ желать и Консидеранъ для своей утопіи. Дальнѣйшія подробности о современномъ общественномъ строѣ въ Новой Зеландіи вполнѣ убѣждаютъ насъ, что это дѣйствительно утопія на практикѣ. Еще два года тому назадъ, лордъ Митъ, посѣтивъ эту колонію, пришелъ въ такой восторгъ отъ всего видѣннаго тамъ, что публично заявилъ: «Никакая другая страна на свѣтѣ не подходитъ такъ близко, какъ Новая Зеландія, къ идеалу утопистовъ, именно къ странѣ, въ которой нѣтъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, гдѣ всѣ способы пріобрѣтенія богатства принадлежатъ государству». А съ тѣхъ поръ сдѣланы еще новые шаги на пути прогресса въ этой обѣтованной землѣ, и извѣстный англійскій публицистъ Стэдъ вполнѣ справедливо называетъ ее «царствомъ рабочихъ». Дѣйствительно, эта англійская колонія, состоящая изъ трехъ большихъ острововъ и маленькаго архипелага, съ 104.471 квадратными милями пространства и 668.650 жителей, въ томъ числѣ 42.000 туземцевъ изъ расы Маори, представляетъ чрезвычайно цвѣтущую страну, благодаря тому, что половина ея поверхности заключается въ плодородной почвѣ и лугахъ, что европейское населеніе состоитъ изъ болѣе спокойныхъ, культурныхъ эмигрантовъ, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Австраліи, и что, наконецъ, въ силу благопріятныхъ обстоятельствъ трезвый рабочій людъ взялъ тамъ верхъ надъ всѣми остальными элементами населенія. Рабочая партія располагаетъ большинствомъ въ нижней палатѣ и даже въ верхней съ тѣхъ поръ, какъ англійскій губернаторъ, лордъ Онсло, видя на опытъ, что рабочіе, пріобрѣтая власть, обнаруживаютъ полное сознаніе своей отвѣтственности, назначилъ въ эту палату, состоящую изъ сорока шести членовъ по выбору губернатора, новыхъ двѣнадцать членовъ изъ рабочаго класса. Въ числѣ этихъ новыхъ сенаторовъ находились наборщикъ, каменщикъ, котельщикъ и т. д. О котельщикѣ рассказываютъ, что онъ получилъ извѣстіе о своемъ неожиданомъ назначеніи въ сенаторы въ то время, когда работалъ внутри большого котла, и, не желая прекратить работы, просилъ гонца отъ губернатора просунуть ему официальную бумагу черезъ отверстіе въ котлѣ. Очевидно, что при такомъ составѣ верхней палаты, называемой законодательнымъ совѣтомъ, и при нижней палатѣ, избираемой общей подачей голосовъ, какъ англійскими колонистами, такъ и туземцами, власть находится въ рукахъ рабочей партіи, а слѣдовательно и министерство состоитъ изъ представителей рабочаго класса. Первымъ ми-

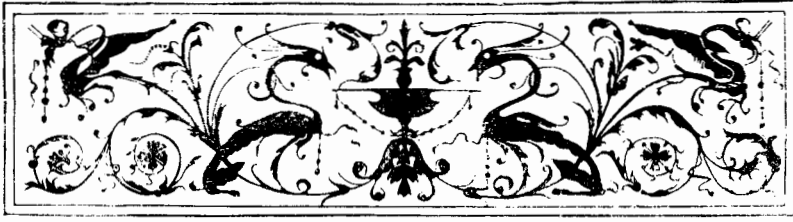
нистромъ состоитъ теперь Робертъ Седдонъ, и онъ завѣдуетъ, кромѣ того, министерствомъ общественныхъ работъ, копей и защиты страны; остальныхъ министровъ два: одинъ изъ нихъ управляетъ министерствомъ воспитанія, труда и правосудія, а другой—министерствомъ поземельной собственности, земледѣлія, торговли и лѣсоводства. Въ основѣ всего оригинальнаго устройства Новой Зеландіи лежитъ аграрная система совершенно новаго образца. Вся земля принадлежитъ государству и отдается въ аренду на девятьсотъ девяносто девять лѣтъ, т. е. на вѣчныя времена, съ уплатой ренты, равняющейся 4⁰/₁₀₀ цѣнности земли, и которая вовсе не платится въ первые два года. Одинъ человѣкъ не можетъ имѣть болѣе ста акровъ земли, хотя бы въ разныхъ частяхъ колоніи. Послѣ постройки имъ дома на своемъ участкѣ, онъ получаетъ отъ правительства подъ залогъ этого дома сумму не выше двадцати фунтовъ стерлинговъ и при обработкѣ первыхъ двадцати акровъ—по два фунта десяти шиллинговъ на акръ; на эти занятія суммы онъ платитъ 5⁰/₁₀₀. Эта система была введена на Окландскомъ островѣ во время большой безработицы и оказалась прекраснымъ способомъ для удовлетворительнаго разрѣшенія подобнаго кризиса. До настоящаго времени девятьсотъ человѣкъ взяли участки земли на такихъ условіяхъ и пользуются 22.677 акрами, или среднимъ числомъ по двадцати пяти акровъ на человѣка; правительство выдало имъ ссудъ на 24.655 фунтовъ стерлинговъ и уже получило рентой и процентами 8.522 фунта стерлинговъ, а если въ недоимкѣ считается 2.000 фунтовъ, то земля, подъ залогъ которой выданы эти ссуды, на столько улучшена арендаторами, что ея цѣнность составляетъ 61.699 фунтовъ стерлинговъ. Арендаторы могутъ брать участки земли и сообща, но подобныя ассоціаціи должны имѣть не менѣе двѣнадцати членовъ, и отдаваемые имъ участки заключаютъ въ себѣ отъ тысячи до одиннадцати тысячъ акровъ. Хотя по принципу вся земля въ Новой Зеландіи принадлежитъ государству, но въ ней еще находится много крупныхъ землевладѣній, и для уничтоженія ихъ введенъ прогрессивный поземельный налогъ, а если землевладѣльцы недовольны правительственной оцѣнкой, то ихъ земли подвергаются экспроприаціи. Такимъ образомъ, въ ближайшемъ будущемъ дѣйствительно вся земля перейдетъ въ собственность государства и съ тѣмъ вмѣстѣ въ пользованіе рабочихъ. Новая Зеландія первая изъ всѣхъ англійскихъ колоній завела у себя особое вѣдомство, завѣдывающее всѣмъ, что касается труда; во всѣхъ общественныхъ работахъ наемъ рабочихъ производится безъ посредства подрядчиковъ и хотя восьмичасовой рабочій день преобладаетъ, но онъ не обязательенъ. Финансы колоніи находятся въ блестящемъ состояніи, и она въ продолженіе пяти лѣтъ не дѣлала займовъ. Первоначальное воспитаніе обязательное, свѣтское и даровое; всего первоначальныхъ школъ 1302, съ 3180 учителями и 122.620 учениками, а кромѣ

того шестьдесятъ семь особыхъ школъ для туземцевъ. Для средняго воспитанія существуетъ двадцать четыре коллегіи, а высшее сосредоточивается въ университетѣ, который находится въ столицѣ Новой Зеландіи, въ городѣ Веллингтонѣ. Желѣзныя дороги и телеграфы составляютъ собственность государства, и рабочее министерство имѣетъ въ виду забрать въ руки государства всѣ копи, въ томъ числѣ золотыя, всѣ заводы и фабрики, а также всѣ пароходныя линіи. Женскій вопросъ поставленъ въ этой колоніи на такой либеральной ногѣ, какъ нигдѣ въ свѣтѣ, и 19-го сентября прошедшаго года вступилъ въ силу новый законъ, предоставляющій женщинамъ избирательныя права, а на послѣдовавшихъ затѣмъ парламентскихъ выборахъ новыя избирательницы явились въ громадномъ числѣ и, конечно, подали свои голоса единогласно въ пользу министерства, которое признало ихъ равноправность.

Если Консидеранъ слѣдилъ за современнымъ примѣненіемъ его идей и зналъ съ одной стороны о существованіи колоній «Добрыхъ друзей» и Тополобампо, а съ другой о настоящемъ положеніи Новой Зеландіи, то онъ по справедливости могъ сказать передъ смертью: «нынѣ отпускаешь раба твоего съ миромъ», такъ какъ онъ видѣлъ успѣхъ на практикѣ своей утопіи, той самой утопіи, о которой мечтали смѣлые умы, начиная отъ Платона и сэра Томаса Мора до Фурье и Беллами.

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

П. Соколовъ. Церковная реформа императора Іосифа II. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія изъ исторіи западныхъ исповѣданій. Саратовъ. 1893.

СОЧИНЕНІЯ нашихъ ученыхъ богослововъ рѣдко представляютъ не узко-спеціальный, а общій интересъ. Къ числу такихъ рѣдкихъ исключеній принадлежитъ книга г. Соколова. Не выходя изъ сферы своей специальности и не нарушая правилъ о сочиненіяхъ на соисканіе богословскихъ ученыхъ степеней, авторъ написалъ изслѣдованіе, которое имѣетъ серьезное научное достоинство и должно обратить на себя вниманіе всякаго интересующагося исторіей западно-европейской жизни прошлаго вѣка. Эпоха «просвѣщенія» характеризуется небывалымъ переворотомъ въ области социальна-политическихъ, моральныхъ, философскихъ и религіозныхъ понятій. Новая возрѣнія не остались въ кругу философв и ученыхъ, но широко волною распространились среди западно-европейскаго общества и оказали вліяніе на государей и ихъ министровъ. «Іосифъ II, по справедливому замѣчанію Вебера, является истымъ типомъ той идеалистически-настроенной эпохи, которая хотѣла освободить міръ изъ суевѣрія, духовной и социальнаго неволи, устарѣвшихъ доктринъ и учрежденій, ввести разумъ и природу въ ихъ права». При вступленіи его на престолъ, Австрія, состоявшая изъ различныхъ земель, съ различными законами, съ различнымъ устройствомъ и управленіемъ, представляла печальную картину. Народъ влачилъ жалкое существованіе невѣжественныхъ нищихъ, жестоко угнетаемыхъ дворянствомъ и духовенствомъ.

«Монахи всевозможныхъ орденовъ, и особенно иезуиты, руководили духовною жизнью страны. Просвѣщеніе съ высшихъ ступеней до низшихъ, книжная цензура, церковное проповѣдничество и исповѣдь—словомъ, всё лучшія средства для воздѣйствія на умственную и нравственную жизнь народа — были въ рукахъ иезуитовъ. И они воспользовались своимъ положеніемъ очень успѣшно: Австрія далеко отстала въ умственной жизни отъ передовыхъ странъ Европы. Полное невѣжество, крайнее суевѣріе и религіозная нетерпимость — вотъ плоды вѣковой работы иезуитовъ и прочихъ монаховъ на народной австрійской нивѣ».

Проникнутый лучшими идеями своего вѣка, олушевленный великою цѣлью—сдѣлать счастливыми подданныхъ, Иосифъ смѣло принялся за трудную работу реформирования народной жизни по всемъ направленіямъ. Зло, копившееся вѣками, онъ думалъ уничтожить въ нѣсколько лѣтъ своего царствованія. Одною изъ главныхъ его задачъ было просвѣщеніе народа, а для этого было необходимо преобразовать церковь. Зная исторію прежнихъ попытокъ этого рода, не имѣвшихъ успѣха вслѣдствіе сопротивленія папъ и преданнаго имъ монашества, онъ имѣлъ въ виду создать въ Австріи національную церковь, независимую отъ папы, служащую государству и подчиненную ему. Стремясь очистить вѣрованія отъ вредныхъ предрассудковъ и фанатизма, ввести вѣротерпимость, сократить число монашествующихъ, просвѣтить народъ и бѣлое духовенство, словомъ, во всехъ церковныхъ реформахъ императоръ дѣйствовалъ «за свой собственный счетъ, не входя въ переговоры ни съ папой, ни съ своими епископами», подобно тому, какъ въ сферѣ гражданскаго управленія онъ держался бюрократическаго пути, не сообразуясь съ мнѣніями представителей высшихъ сословій. Такой его «дееспотизмъ» оправдывается тѣмъ, что какъ папа и князь церкви, такъ и высшіе классы, были противъ его реформъ, клонившихся къ освобожденію народа отъ ихъ соціального и духовнаго рабства.

Благія начинанія Иосифа II, какъ извѣстно, не имѣли успѣха. Не смотря на то, что всё его мѣропріятія имѣли единственною цѣлью благо народа, этотъ самый народъ видѣлъ въ немъ своего врага и, возбуждаемый дворянствомъ и духовенствомъ, спекулировавшими на его невѣжество, возставалъ противъ самыхъ благотѣльныхъ мѣръ. Особенно сильное сопротивленіе его реформы встрѣтили въ Нидерландахъ и Венгріи. Конецъ его жизни былъ омраченъ отпаденіемъ первыхъ, а въ послѣдней не дошло до революціи только потому, что онъ самъ отмѣнилъ почти всё свои нововведенія... Онъ самъ сознавался, что «при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ не могъ отстоять ни одного своего плана». Екатерина II послѣ его смерти писала Гримму: «Не могу придти въ себя отъ изумленія. Какъ, бывъ рожденъ и воспитанъ для своего высокаго званія, бывъ одаренъ умомъ, талантами и знаніями, онъ ухитрился царствовать такъ дурно? Мало того, что онъ ни въ чемъ не имѣлъ успѣха: онъ еще довелъ себя до несчастій, среди которыхъ и умеръ». Причина его неудачъ—въ его рационалистическомъ отношеніи къ дѣйствительности: при свойственной людямъ его времени вѣрѣ во всепобѣждающую силу идей Иосифъ игнорировалъ бытовыя условія, вѣками сложившіяся уклады народной жизни, историческое право, обычай и предрассудки; онъ очень спѣшилъ, навязывая народу одну реформу за другой, и, желая осчастливить подданныхъ, не останавливался даже предъ силою, приводя въ исполненіе то, что онъ считалъ необходимымъ для блага не понимавшаго его народа.

«Онъ,—говоритъ Веберъ,—путемъ указовъ хотѣлъ облагородить и усовершенствовать міръ. Вотъ отчего гуманныя идеи его гибли и заподозрѣвались: ими оскорблялись и нарушались исконныя преимущества и привычки; его стремленія устранять церковныя злоупотребленія, положить предѣлъ суевѣрію, внести въ народъ образованіе и просвѣщеніе—все это порицалось, какъ невѣріе и вольнодумство, а его попытки создать единство въ государственномъ строѣ, съ равномернымъ судопроизводствомъ и болѣе простою администраціей, считались тиранствомъ и проявленіемъ деспотической души».

Г. Соколовъ разсматриваетъ церковную реформу Іосифа II въ такомъ порядкѣ: а) измѣненіе отношеній къ Риму; б) монастырская реформа, религиозный фондъ, упраздненіе братствъ; в) заботы объ образованіи и улучшеніи положенія блага духовенства; д) церковно-богослужебныя измѣненія и е) вѣротерпимость (гл. IV); затѣмъ слѣдуютъ разсмотрѣніе отношенія современниковъ къ реформѣ (гл. V) и ея итоги (гл. VI). Этому основному содержанию своего труда авторъ предпослалъ три вводныя главы, посвященныя вопросу о папской церковной власти въ католической Европѣ XVIII вѣка (глава I), положенію католической церкви въ Австріи при Маріи-Терезіи (глава II) и изслѣдованіе идей, которыми руководился въ своей реформѣ Іосифъ II, а также разсматриванію «характера и смысла» этой реформы (гл. III). Онъ не претендуетъ «сказать что либо новое и оригинальное», имѣя въ виду только восполнить пробѣлы въ русской ученой литературѣ по данному вопросу». Эта задача выполнена авторомъ вполне удовлетворительно: его работа представляетъ собою критическій сводъ данныхъ о церковной реформѣ Іосифа II, весьма тщательно собранныхъ изъ печатныхъ источниковъ и по-собой какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Стремленіе къ полнотѣ матеріаловъ простирается у него даже слишкомъ далеко. Такъ, въ обзорѣ литературы предмета (введеніе) называются изданія, изъ которыхъ онъ не могъ позаимствовать ни одного слова, каковы: «Исторія Екатерины II» Брикнера, «Исторія Россіи» Соловьева... Въ общемъ, впрочемъ, данныя сгруппированы умѣло, и въ результатѣ получается обстоятельное описаніе церковно-реформаторской дѣятельности Іосифа II.

Если что не особенно удается автору, такъ это его экскурсія въ область общихъ вопросовъ. Здѣсь при ошибочномъ представленіи нѣкоторыхъ историческихъ фактовъ (напримѣръ, онъ считаетъ Руссо «выдающимся представителемъ энциклопедистовъ, стр. 10) обнаруживается неясность идей автора, узкость взгляда и сбивчивость понятій. Такъ, по поводу монастырской реформы онъ обличаетъ «ходячій взглядъ» Іосифа II на монашество: «Іосифъ не владѣлъ глубокимъ пониманіемъ народной жизни и еще менѣе религиозной. Христіанскій мистицизмъ, принципы послушанія, смиренія, самоотверженной любви, самонаблюденія были ему чужды. Онъ признавалъ въ монастыряхъ только бѣдныя или богатыя пристанища лѣтяевъ, римскія крѣпости, въ которыхъ окапывалась и защищалась іерархія. Поэтому ему казалось одною изъ самыхъ достойныхъ и важныхъ задачъ царствованія— по возможности отдѣлаться отъ монастырей и употребить монаховъ на дѣло духовной паствы» (стр. 121). Слѣдовательно, закрывая нѣкоторые монастыри, Іосифъ поступалъ противно народному благу, руководился ложнымъ «ходячимъ взглядомъ»... Въ дѣйствительности приведенное нами мѣсто есть не что иное, какъ неумѣстное повтореніе «ходячихъ взглядовъ» со стороны ав-

тора. Все факты, приводимые имъ далѣе, говорятъ о томъ, что Іосифъ никакихъ принциповъ христіанской жизни не нарушалъ, а боролся, на сколько могъ, съ страшнымъ социальнымъ зломъ—чрезмѣрнымъ размноженіемъ не только бесполезнаго, но положительно вреднаго (въ то время) класса (на каждые 600 человѣкъ приходилось не менѣе одного монаха или монахини!). При множествѣ монастырей, послѣдніе часто не имѣли средствъ къ существованію: хазяйство ихъ пришло въ крайній упадокъ, и они сами просили правительство о закрытіи.. Можно ли говорить о нарушеніи началъ христіанской жизни при закрытіи монастырей, когда въ нихъ господствовалъ «крайній упадокъ дисциплины» (стр. 123)? Не были ли эти десятки тысячъ монаховъ, нерѣдко деморализованныхъ, «приносившихъ много вреда» (стр. 137), страшнымъ бѣдствіемъ для трудящагося населенія, если одною изъ важнѣйшихъ причинъ обѣднѣнія когда-то цвѣтущей страны было «скопленіе огромнаго имущества въ мертвыхъ монашескихъ рукахъ»? Іосифъ, даже съ исключительнаго религіозной точки зрѣнія, былъ совершенно правъ, когда считалъ «одною изъ самыхъ достойныхъ и важныхъ задачъ царствованія» борьбу съ этою аномаліею народной жизни. Кромѣ чисто экономическихъ выгодъ, полученныхъ отъ закрытія части монастырей, не мало выиграла и религіозная жизнь народа: «Бѣлое духовенство болѣе чѣмъ въ одномъ поколѣніи благословляло Іосифовское царствованіе. Новый приходскій священникъ былъ поставленъ независимѣе, лучше. Приходы увеличились, кругомъ явились новыя церкви. Много деревушекъ получили капеллановъ, совершавшихъ мессы, по воскресеньямъ проповѣдывавшихъ и преподававшихъ въ горахъ одиноко умиравшему послѣднія слова утѣшенія» (стр. 132). Столько же неудачны замѣчанія автора о правѣ Іосифа на закрытіе монастырей (стр. 132), а также мысль, будто Іосифъ, уменьшивъ число монастырей, тѣмъ самымъ «предохранилъ Австрію отъ революціи снизу, разрушившей до основанія во Франціи все церковное» (стр. 133), и положеніе: «всеѣмъ, что есть Австрія въ настоящее время и чѣмъ сдѣлается въ будущемъ, она обязана Іосифу II» (стр. 381).

С.

Рѣка Западная Двина. Историко-географическій обзоръ. Съ картами, планами и рисунками. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Витебскъ. 1893.

Г. Сапуновъ, извѣстный своими трудами по исторіи и археологіи Сѣверо-Западнаго края, задумалъ въ настоящемъ своемъ изданіи дать «всестороннее» описаніе Западной Двины, которая имѣла въ старину, да и теперь еще не утратила, громадное значеніе для всего края. Начинаетъ свое описаніе авторъ очень издалека—съ Гомера, Геродота, Плинія и др. древнихъ авторовъ, говоритъ объ устройствѣ греческихъ колоній на сѣверномъ берегу Чернаго моря, о нападеніи Руси на Царьградъ и т. д. Послѣ такого, по нашему мнѣнію, излишняго вступленія, авторъ переходитъ къ выясненію названія рѣки, а затѣмъ и къ ея дѣйствительно всестороннему описанію, которое занимаетъ около 600 страницъ текста. Начавъ съ истоковъ Двины, г. Сапуновъ перечисляетъ все ея притоки, съ обозначеніемъ, откуда каждый изъ нихъ вытекаетъ, сколько верстъ протекаетъ, и т. д. Затѣмъ говоритъ о существующихъ и предполагаемыхъ каналахъ между Двиной и системами другихъ рѣкъ (Днѣпра, Нѣмана, Волги, Великой и др.),

даетъ обстоятельный геологическій очеркъ береговъ Двины, описываетъ пороги, мели, вообще русло рѣки, сообщаетъ точныя свѣдѣнія о ея ширинѣ, глубинѣ, быстротѣ теченія, перечисляетъ породы рыбъ, водящихся въ Двинѣ, а также способы ловли, рыболовные снаряды, снасти и имѣющіе уже чисто этнографическое значеніе, рыболовные примѣры, повѣрья, пословицы и поговорки. Все это сдѣлано очень обстоятельно, основано на массѣ цифровыхъ данныхъ, наблюдений, частью сдѣланныхъ самимъ авторомъ, частью же полученныхъ отъ мѣстнаго статистическаго комитета. Здѣсь пришлось автору столкнуться съ тѣмъ индифферентизмомъ нашего общества, на который приходилось указывать уже не разъ. Не имѣя возможности самостоятельно изслѣдовать весь обширный бассейнъ Западной Двины (1530,58 квадр. миль) г. Сапуновъ нѣсколько разъ обращался съ вопросами къ разнымъ лицамъ, но, не смотря на всю нетрудность отвѣтовъ, онъ этихъ отвѣтовъ не получалъ. Вслѣдствіе этого, Витебская губернія, изученная самимъ г. Сапуновымъ, является въ книгѣ наиболѣе обслѣдованной, тогда какъ другія губернія, расположенныя въ бассейнѣ р. Двины, описаны въ книгѣ менѣе обстоятельно. Говоря о торговлѣ, производившейся по рѣкѣ Двинѣ съ древнѣйшихъ временъ, г. Сапуновъ сообщаетъ точныя статистическія данныя о количествѣ судовъ, сплавлявшихся по Двинѣ въ разное время, называетъ предметы торговли, на какую сумму денегъ товаровъ отправлено въ разные годы, описываетъ суда, на которыхъ сплавляются товары, указываетъ количество рабочихъ и т. д. Что касается до историческаго очерка торговли по Двинѣ съ древнѣйшаго времени и до конца XVIII вѣка, то онъ сдѣланъ далеко не обстоятельно. Авторъ приводитъ въ немъ самыя общія свѣдѣнія о торговлѣ Полоцка съ Ригой и Ганзой, о стремленіи русскихъ къ Балтійскому морю и т. д. Такимъ же общимъ характеромъ отличаются историческія описанія замѣчательныхъ и не замѣчательныхъ мѣстностей по рѣкѣ Двинѣ. Такимъ образомъ, книга г. Сапунова имѣетъ большое значеніе только не для историка. Историческая часть ея слаба и стоитъ на второмъ планѣ. На первомъ же планѣ стоятъ свѣдѣнія географическія, статистическія, дающія ясное понятіе о современномъ состояніи промышленности, торговли въ бассейнѣ р. Двины, разнаго рода карты, таблицы, планы и рисунки, въ изобиліи разбѣянные по книгѣ и служащіе прекрасными иллюстраціямъ текста. Свѣдѣнія эти, собранныя г. Сапуновымъ, имѣютъ несомнѣнное значеніе и дѣлаютъ изданную имъ книгу очень полезнымъ справочнымъ трудомъ.

В. Б.

М. Л. Песковскій. Въ глуши. Повѣсть въ трехъ частяхъ. Спб. 1893.

«Историческій Вѣстникъ» не даетъ отчета о произведеніяхъ беллетристики, но книга г. Песковского имѣетъ историческое и педагогическое значеніе, рисуя любопытныя картины изъ недавней, но уже далекой отъ насъ эпохи шестидесятыхъ годовъ, когда вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ, развился въ нашихъ селахъ типъ народныхъ учителей, принесшихъ такую пользу дѣлу начальнаго образованія нашего крестьянства. Типы и сцены, приводимыя авторомъ, невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе и даже сожалѣешь, что такія серьезныя наблюденія и вѣрные выводы облечены въ

легкую форму беллетристическаго разсказа и, названныя повѣстью, должны быть отнесены къ произведеніямъ фантазіи, хотя они, очевидно, списаны съ натуры и изучены на мѣстѣ. Имя М. Л. Песковского не часто встрѣчается въ современныхъ журналахъ: онъ работаетъ надъ серьезными вопросами публицистики и не принадлежитъ къ числу борзописцевъ, наводняющихъ ежедневную печать скороспѣлыми измышленіями. Онъ по преимуществу педагогъ и много писалъ объ учебно-воспитательномъ дѣлѣ, о женскомъ образованіи, профессиональныхъ школахъ, обязательномъ обученіи, издалъ біографіи Ушинскаго и Н. М. Корфа, перевелъ «Вселенную» Герштекера, обработалъ для дѣтей Гулливера, Рейнеке-Лиса, «Хижину дяди Тома», записки Амичиса и др. Собрѣвшиль онъ только одною книгою «Рожовое недоразумѣніе», написанною въ зачиту еврейскаго племени, принесшаго столько вреда нашему отечеству. Книга его «Въ глуши» не появлялась предварительно въ періодической печати и составлена, очевидно, по личнымъ наблюденіямъ. Авторъ близко изучилъ представителей шестидесятитысячной арміи народныхъ учителей, возникшей въ послѣднія тридцать лѣтъ по нашимъ селамъ, которыя только этимъ безвѣстнымъ труженикамъ обязаны хоть какимъ нибудь движеніемъ впередъ и задатками дальнѣйшаго развитія. Авторъ справедливо говоритъ, что народная школа, занимая въ общей системѣ образованія самое незамѣтное мѣсто, является, однако, могущественнымъ средствомъ для общаго культурнаго подъема всего государства. Исторію одного изъ этихъ подвижниковъ самоотверженія и преданности великому дѣлу въ маленькомъ видѣ, въ незамѣтной сельской ячейкѣ, откуда «и до Бога высоко и до царя далеко», разсказываетъ г. Песковский. Въ отдаленное, хотя и большое село является 20-ти-лѣтній учитель, Праховъ. Школа въ селѣ въ самомъ жалкомъ видѣ: долго стояла она закрытою и требуетъ полнаго ремонта. Учитель начинаетъ съ того, что лѣзетъ на крышу и начинаетъ чинить ее. Крестьяне сначала дивятся такому вступленію въ обязанности учителя, потомъ начинаютъ помогать ему привести заброшенное зданіе въ возможность жить въ немъ и учиться. Праховъ былъ сынъ губернскаго чиновника, сирота, получавшій 5 рублей 45 копѣекъ въ мѣсяцъ за службу отца и жившій у дяди, также отставнаго чиновника. Дядя спился, но племянникъ успѣшно кончилъ курсъ въ гимназій и мечталъ объ университетѣ, хоть средствъ не было. Директоръ посоветовалъ ему сдѣлаться народнымъ учителемъ съ жалованьемъ по 16-ти рублей въ мѣсяцъ, потомъ держать экзаменъ на учителя гимназій, и Праховъ отправляется въ село Подгорицы. Въ короткое время, съ любовью къ труду, съ способностью къ самопожертвованію онъ дѣлаетъ изъ школы образцовое заведеніе. Крестьяне очень довольны учителемъ и даже отводятъ землю для разведенія сада и огорода при школѣ. Праховъ устраиваетъ при ней интернатъ и общежитіе, и до того родится со своимъ занятіемъ, что отказывается отъ плановъ поступить въ университетъ и даже не хочетъ держать экзаменъ на уѣзднаго учителя. Дѣти въ немъ души не чаютъ, и онъ вліяетъ даже на взрослыхъ, воздерживающихся отъ пьянства, дракъ и ругани. Такъ проходитъ 17 лѣтъ. Праховъ полюбилъ дѣвушку, дочь богатаго купца, и тотъ не прочь былъ отдать ее за учителя, но требовалъ, чтобы тотъ, какъ дворянинъ, переселился въ городъ и поступилъ на службу. Учитель, конечно, не согласился, и свадьба разстроилась съ переездомъ купца въ губернскій городъ. Потомъ школа перешла изъ вѣдомства государственныхъ

имущество въ вѣдомство министерства просвѣщенія, и ее прїѣхалъ ревизовать инспекторъ народныхъ училищъ. Это былъ, въ сущности, и не дурной человекъ, но формалистъ-педагогъ и эгоистъ. Сцена ревизіи школы одна изъ лучшихъ въ разсказѣ. Инспекторъ придирается къ пустякамъ, но остается доволенъ общимъ ходомъ ученія и черезъ нѣсколько времени переводитъ Прахова на другой конецъ губерніи, «для пользы службы, въ одну изъ лучшихъ школъ, съ окладомъ въ 400 рублей». Кромѣ того, ему назначались прогонныя и денежная награда. Праховъ находилъ, что дирекція училищъ не имѣла въ виду его обидѣть, но говорилъ: «да здѣсь-то я былъ безполезенъ что ли?.. Слово бездушное колесо въ рабочей машинѣ! Почему же было не опросить меня, желаю ли я перейти въ эту одну изъ лучшихъ школъ? Быть можетъ, то, что я имѣю здѣсь, дороже для меня всякихъ окладовъ и житейскихъ благъ». Неожиданнымъ переводомъ въ другое мѣсто, этимъ страшнымъ зломъ, падающимъ на головы всякихъ чиновниковъ, большихъ и маленькихъ, оканчивается первая часть походовъ учителя, озаглавленная «Жизнь учить», и начинается вторая—«Борьба». Здѣсь оканчивается оптимистское изображеніе жизни народнаго учителя и начинаются картины полнаго разочарованія и пессимизма. Въ новомъ мѣстѣ Праховъ попадаетъ на большое село, домовъ въ 300, близъ уѣзднаго города, но совершенно разоренное и обнищавшее отъ пьянства мужиковъ и проведенія желѣзной дороги по полямъ, принадлежавшимъ селу. Строители дороги убѣдили мужиковъ продать землю, такъ какъ они были ея собственниками. Лѣсъ пошелъ на срубъ, подъ нимъ гравій и глина, подъ пашнями и лугами песокъ, плитнякъ—все это спустили крестьяне, перестали заниматься хлѣбопашествомъ и спились. Въ этомъ имъ помогалъ усердно старшина, Силантѣевъ, мастерски обрисованный типъ деревенскаго деспота, кулака и мироѣда, попечителя школы, кабатчика и церковнаго старосты. Восемь лѣтъ боролся безъ отдыха Праховъ съ этимъ толстосумомъ, работалъ въ школѣ съ дѣтьми, отучалъ отцовъ ихъ отъ пьянства, устроилъ воскресныя народныя чтенія для взрослыхъ, обличая всѣ каверзы и проѣлки Силантѣева, сторону котораго держалъ и безхарактерный священникъ, подавшій обширное посланіе въ училищный совѣтъ «о распущенности учениковъ и неуважительномъ отношеніи ихъ къ Закону Божию». По счастью, председатель совѣта и земскіе члены его хорошо знали положеніе школы, и дирекція училищъ назначала не одну сотню рублей въ награду за «качественные» труды Прахова. Поэтому въ отвѣтъ на доношеніе батюшки ему самому предложили «не обременять учащихся задаваніемъ уроковъ на домъ и не подвергать ихъ никакимъ тѣлеснымъ наказаніямъ». Тогда Силантѣевъ заставляетъ на сходѣ подвыпившихъ и ничего не понимающихъ стариковъ подписать прошеніе объ обращеніи народной школы въ церковно-приходскую, хотя, учреждая школу, постановили «на вѣчныя времена», что школу должна вѣдать волость. Мироѣда отдали подъ судъ за подлогъ, подкупъ и разныя мошенничества, но Прахова директоръ училищъ вызвалъ въ губернской городъ и предложилъ ему мѣсто старшаго учителя въ министерскомъ училищѣ. Безсребреникъ Праховъ отказывается, но передаетъ директору всѣ свои проекты относительно поголовнаго обученія грамотѣ дѣтей ранняго школьнаго возраста, о надѣлѣ школъ землею, о введеніи въ нихъ ручного труда. Директоръ приписалъ всѣ эти планы себѣ и представилъ попечителю учебнаго округа съ выраженіями: «по личному моему

опыту, по моимъ наблюденіямъ, на основаніи многолѣтняго знакомства съ дѣломъ» и т. п. Онъ получилъ за это Станиславскую звѣзду, а Праховъ ушелъ изъ губернскаго города и сдѣлался странствующимъ учителемъ, которые нужны для нашихъ деревень не менѣе, чѣмъ народные педагоги. Одно сильно смущало труженика въ его апостольскомъ странствованіи: «духовенство, чины земствъ, чины полиціи и другія мѣстныя власти равнаго рода говорили, махая руками: «О, батюшка! да гдѣ намъ! Какое намъ дѣло до всего этого!» Придя въ Подгорицы, Праховъ находитъ свою старую школу опять разрушенною, зато въ селѣ красуется двухъэтажный кабакъ и трактиръ, содержимый однимъ изъ прежнихъ учениковъ школы. Праховъ усовѣщеваетъ крестьянъ, они разрушаютъ кабакъ и возобновляютъ школу, но непосильные труды и сильная простуда сводятъ еще не стараго учителя въ раннюю могилу, и его зарываютъ подъ деревомъ, посаженнымъ имъ въ своемъ школьномъ саду. «Къ этой могилѣ никогда не заростетъ народная тропа». Этими словами г. Песковскій заканчиваетъ свой полный жизни, интереса и глубокаго значенія рассказъ, но это плохое утѣшеніе. Не могилы намъ нужны, а живые люди, чтобы вести живое, общее дѣло. Мен, по measures, какъ говорятъ англичане, но вотъ людей-то у насъ и не достаеъ ни на какое дѣло, хотя благихъ мѣръ не оберешься. Что значить шестьдесятъ тысячъ народныхъ учителей на стопятнадцатимилліонную Россію? Да и какъ встрѣчаются и цѣнятся ихъ именно «наторжные» труды, чтобы внушить темной массѣ разумныя человѣческія понятія? Да и многіе ли еще убѣждены въ томъ, что меньшому брату точно также, какъ и старшему, нужно образованіе и развитіе для того, чтобы сдѣлаться дѣйствительнымъ человѣкомъ и полноправнымъ гражданиномъ?...
Вл. З.

Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова. Изданіе шестое, исправленное и дополненное авторомъ. Въ трехъ томахъ. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1893.

Новому изданію стихотвореній А. Н. Майкова, значительно удешевленному въ сравненіи съ предшествовавшими, должно пожелать самаго широкаго распространенія въ русской читающей публикѣ, и особенно въ наше время стихотворства безъ поэзіи, портящаго вкусы, умы и сердца. А. Н. Майковъ, по всему складу своего дарованія и направленія, принадлежитъ къ яркимъ представителямъ Пушкинской школы, а главное благотворнѣйшее, великое свойство Пушкинской поэзіи заключается въ полномъ соотвѣтствіи словъ съ мыслью и чувствомъ, въ противоположность современному стихотворству, въ которомъ пышныя слова прикрываютъ нищенство мысли. и словесное нищенство является предъ всякой задачей выразить истинно великую мысль. Не равняясь съ Пушкинымъ дарованіемъ, А. Н. Майковъ обладаетъ въ высокой степени этимъ свойствомъ истиннаго поэтическаго дарованія: значительность и прозрачная простота и чистота чувства и мысли у него идетъ рядомъ съ изящной простотой и ясностью выраженій. И, какъ у всякаго истиннаго поэта, у Майкова нужно учиться благородно и просто, т. е. глубоко, мыслить и чувствовать, не раздувать своихъ маленькихъ чувствованій въ колоссальныя, всежогигающія страсти, какъ это сплошь и рядомъ теперь и дѣлается поэтами и не поэтами. Три совѣмъ

не больших тома — вотъ всѣ плоды долгодѣтельной, болѣе чѣмъ полувѣковой поэтической дѣятельности А. Н.; но зато въ нихъ встрѣчаются перлы истинной поэзии, глубокаго поэтическаго проникновенія въ жизнь, выраженаго съ кристальной ясностью. Стихотворенія въ этихъ трехъ томахъ расположены по отдѣламъ: «лирика», «картины», «поэмы», которые съ своей стороны подраздѣляются на многочисленныя подотдѣлы, напримѣръ: «На волѣ», «Дома», «Изъ странствованій» и т. п. Хотя такое распредѣленіе стихотвореній и имѣетъ свои выгоды, но, кажется, лучше было бы расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, а къ всѣмъ тремъ томамъ приложить алфавитный и другіе, если нужно, указатели. Писатель, и именно замѣчательный писатель, понимается хорошо не въ отдѣльныхъ своихъ вещахъ, а въ строго логическомъ, послѣдовательномъ развитіи своихъ идей и чувствъ, а оно всегда соотвѣтствуетъ въ значительной мѣрѣ хронологіи произведеній.

В. К—ій.

Историческое Обзорѣніе. Сборникъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей Н. И. Карѣева. Томы V и VI. Спб. 1893.

Историческое Общество неумолимо продолжаетъ свою издательскую дѣятельность, не смотря ни на какія затрудненія, изъ которыхъ чуть ли не на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить недостатокъ матеріальныхъ средствъ. Передъ нами лежатъ два послѣдніе выпуска «Историческаго Обзорѣнія», въ которыхъ заключается до 17 статей. Кромѣ того, въ особомъ приложеніи къ шестому тому начато печатаніе любопытныхъ и важныхъ мемуаровъ г-жи Роланъ, въ русскомъ переводѣ. Какъ на наиболѣе интересныя статьи пятаго тома укажемъ на статьи С. В. Рождественскаго: «Царь В. И. Шуйскій и боярство», и М. М. Ковалевскаго: «Зарожденіе республиканской партіи во Франціи». Въ шестомъ томѣ выдается статья Б. А. Тураева: «Очеркъ исторіи изученія Финикійской древности», гдѣ авторъ вводитъ насъ въ малоизвѣстный, но крайне любопытный отдѣлъ древней исторіи. Очень интересной могла бы быть статья С. В. Лурье: «Къ исторіи эллино-іудейскаго просвѣщенія въ Александріи»; авторъ старается выяснитъ, что именно новаго внесла въ греческую философію мысль іудеевъ, жившихъ около Рождества Христова въ Александріи. Извѣстно, что Александрійская философія играла крайне важную роль въ умственныхъ движеніяхъ начала нашей эры, и потому изученіе ея представляетъ высокій интересъ. Но крайне узкая постановка вопроса у г. Лурье производитъ то, что въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ начинается любопытная часть вопроса, онъ безжалостно заявляетъ: «это не входитъ въ нашу задачу», и обращается опять къ второстепенному. Такимъ образомъ, статья г. Лурье постоянно подразниваетъ какъ будто читателя и въ результатѣ оставляетъ его законную любознательность совершенно неудовлетворенной. Интересный эпизодъ изъ французской революціи послужилъ темой для статьи Н. В. Водовозова: «Культъ Разума и Верховнаго Существа».

С. А—въ.

Систематическій указатель статей историческаго журнала „Древняя и Новая Россія“ 1875—1881 гг. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1893.

Указатель этотъ является цѣннымъ приобрѣтеніемъ для русской библиографіи. Журналъ «Древняя и Новая Россія» въ первые годы изданія (съ 1875 г. по 1879 г.) подъ редакторствомъ С. Н. Шубинскаго, представлялъ явленіе новое и замѣчательное въ русской исторической литературѣ. Вышность изданія была, можно сказать, роскошная, гравюры и литографіи исполнены самымъ тщательнымъ образомъ. Вышности изданія соответствовало и внутреннее его содержаніе. Сотрудниками журнала были между прочимъ: С. М. Соловьевъ, Н. И. Костомаровъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, М. И. Сухомлиновъ, Я. К. Гротъ, Д. И. Иловайскій, И. Е. Забѣлинъ, О. Э. Миллеръ, Л. Н. Майковъ, В. И. Герье, Н. Я. Аристовъ, и многіе другіе русскіе ученые. Задача журнала заключалась въ томъ, чтобы воспроизводить не сырой матеріалъ, а представлять преимущественно обработанныя изслѣдованія. Независимо отъ этого, въ журналѣ помѣщались извѣстія о замѣчательныхъ новостяхъ исторической литературы. Къ сожалѣнію, это изданіе (издатель В. И. Граціанскій) вслѣдствіе необезпеченности должно было прекратиться.

Желательно было бы, чтобы, по примѣру упомянутаго выше изданія и уже существующихъ указателей статей въ «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ», «Русскомъ Архивѣ», «Чтеніяхъ въ Имп. Обществѣ Исторіи и Древностей» и др., было приступлено къ составленію указателей къ тѣмъ изданіямъ, которыя не имѣютъ еще такихъ указателей. Мы не говоримъ, чтобы осуществимо было пока желаніе о составленіи указателей въ родѣ составленныхъ къ «Отечественнымъ Запискамъ» (за старыя годы), къ «Вѣстнику Европы» (за 1802—1830 гг.), но довольно было бы и простыхъ перечней статей. Всего же желательнѣе, чтобы появился въ свѣтъ общій указатель историческихъ статей по русской исторіи, составленный по всѣмъ изданнымъ уже указателямъ.

Н. Ш.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

МЕРИКАНСКАЯ школа классическихъ занятій въ Аѳинахъ Въ виду газетной полемики, возбужденной проектомъ профессора Модестова объ основаніи въ Римѣ русскаго археологическаго института, является очень кстати недавно напечатанная въ американскомъ журналѣ «The Chautauquan» статья профессора Мичиганскаго университета, Мартена Дожа, объ американской школѣ, основанной въ Аѳинахъ съ цѣлью изученія классической древности. Хотя подъ сѣнью Пареннона существуютъ уже давно подобныя археологическія институты французскій и германскій, но они содержатся правительствами и въ нихъ занимаются на казенный счетъ лица, готовящіеся занять греческія каѳедры въ университетахъ, лицеяхъ и гимназіяхъ обѣихъ странъ, а американская школа, основанная одиннадцать лѣтъ тому назадъ, составляетъ совершенно оригинальное явленіе по своему частному характеру, и по ея примѣру учреждена такая же англійская школа. Первая мысль объ этомъ учрежденіи возникла въ американскомъ археологическомъ институтѣ въ 1881 году, и былъ составленъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ профессора Гарвардскаго университета, Джона Вайта, для сбора денегъ и практическаго осуществленія проекта объ открытіи въ Аѳинахъ школы классическихъ занятій. Въ короткое время было собрано пятьдесятъ тысячъ долларовъ, благодаря содѣйствію двѣнадцати университетскихъ коллегій въ различныхъ мѣстностяхъ Сѣверной Америки, и больше половины этой суммы израсходовано на постройку прекраснаго удобнаго зданія на землѣ, подаренной греческимъ правительствомъ. Оно находится на горѣ Ликабетѣ, и изъ оконъ его открывается великолѣпный видъ на Гиметь, море и Акрополь; въ немъ помѣщаются большая библіотека, шесть комнатъ для занятій и квартира директора. Сначала директоромъ назначался на годъ по очередно профессоръ одной изъ тѣхъ университетскихъ коллегій, которыя основали школу, и расходъ на его содержаніе принимала на себя та университетская коллегія, къ которой онъ принадлежалъ, такъ какъ считалось, что подобное годовичное пребываніе въ Аѳинахъ должно принести значительную пользу самому профессору и его коллегіи. Но мало-по-малу оказалось, что частая перемѣна директоровъ мѣшала установленію единства въ завѣдываніи шко-

лой, хотя съ другой стороны не желательно было прекратить живой связи между школою и основавшими ее университетскими коллегіями, а потому было рѣшено назначать, кромѣ періодическаго ежегоднаго директора, еще постояннаго директора на пять лѣтъ. Первымъ изъ постоянныхъ директоровъ былъ извѣстный лекторъ по археологіи въ Кембриджскомъ университетѣ Вальдштейнъ, и ему школа обязана въ большой мѣрѣ своимъ успѣхомъ, а въ числѣ чередующихся директоровъ находился и авторъ статьи въ американскомъ журналѣ. Что касается до студентовъ, то ихъ уже перебивало въ школѣ сорокъ пять человѣкъ, и большинство ихъ въ настоящее время занимаютъ кафедръ греческой словесности въ различныхъ американскихъ университетахъ. Право поступления въ школу имѣетъ каждый бакалавръ основавшихъ школу университетскихъ коллегій, который изучилъ классическіе языки и получилъ свидѣтельство изъ своего университета, что онъ способенъ самостоятельно изучать древности въ Аѳинахъ; но эти условія пріема не мѣшаютъ, однако, комитету школы допускать въ нее тѣхъ молодыхъ ученыхъ, которыхъ онъ найдетъ достойными. Платы за пребываніе въ школѣ не вносятся никакой. Занятія студентовъ дѣлятся на общія и спеціальныя; первыя состоятъ въ чтеніи съ комментаріями греческихъ авторовъ, преимущественно такихъ, которые, какъ, напримѣръ, Аристофанъ, отличаются мѣстнымъ колоритомъ своихъ сочиненій и ихъ бытовымъ характеромъ, а также въ изученіи топографіи путемъ экскурсій въ историческія мѣстности Греціи. Къ общимъ занятіямъ принадлежитъ одинаково изученіе древнихъ памятниковъ и сокровищъ древняго искусства въ различныхъ музеяхъ, въ особенности въ національномъ аѳинскомъ музее, гдѣ собрана богатѣйшая коллекція греческихъ скульптурныхъ произведеній. Что касается спеціальныхъ занятій, то они заключаются въ самостоятельныхъ археологическихъ работахъ и раскопкахъ, представляющихъ постоянно новый матеріалъ для изученія классической древности. На сколько въ этомъ послѣднемъ отношеніи американская школа оказала услугу археологіи, доказываетъ однимъ краснорѣчивымъ фактомъ, что во время годичнаго директорства профессора Дожа студенты подъ его руководствомъ произвели раскопки древняго театра въ Сикіонѣ, близъ Коринфа, римской купальни съ мозаичнымъ поломъ и большого количества остатковъ древняго храма. Студенты американской школы пользуются не только ея средствами для практическаго изученія греческой древности, но и помощью французскаго, германскаго и англійскаго археологическихъ институтовъ; такъ, извѣстный Дерфельдъ, высшій авторитетъ по греческой архитектурѣ, постоянно читаетъ для всѣхъ желающихъ лекціи о главнѣйшихъ памятникахъ древности на самомъ ихъ мѣстѣ, а англійскій архитекторъ Пенрозъ также на мѣстѣ критически объясняетъ всѣмъ любителямъ классическаго искусства исторію постройки Парѳенона. На сколько полезно подобное изученіе классической древности, характерно объясняетъ теперешній предсѣдатель комитета американской школы, профессоръ Симоръ, говоря: «Я научился въ мою послѣднюю поѣздку въ Грецію въ пять дней болѣе, чѣмъ въ пять недѣль, десять лѣтъ тому назадъ, и это благодаря не развитію моихъ личныхъ знаній, а исключительно содѣйствію американской школы, гдѣ воздухъ насыщенъ филологическими и археологическими идеями, а специалисты по эпиграфій, топографіи и архитектурѣ знакомятъ васъ на мѣстѣ со всѣми новѣйшими археологическими открытіями и научными воззрѣніями».

— Открытіе въ Нью-Йоркѣ статуи Натану Гелю. Никогда невиданное событіе произошло надняхъ въ главномъ центрѣ практической дѣловой и промышленной жизни Сѣверо-Американскихъ Штатовъ: молодому и малоизвѣстному юношѣ спустя сто двадцать лѣтъ послѣ его смерти поставлена статуя на одной изъ городскихъ площадей Нью-Йорка, передъ зданіемъ ратуши, среди всеобщаго народнаго энтузіазма, въ присутствіи муниципальных, правительственныхъ и военныхъ властей, а также при праздничномъ прекращеніи торговой дѣятельности во всемъ городѣ. Это событіе пріобрѣтаетъ еще болѣе не обыкновенный характеръ изъ того обстоятельства, что чествуемый цѣлымъ народомъ юноша умеръ на висѣлицѣхъ и за преступленіе, которое считается самымъ постыднымъ—за шпіонство, но, умирая, онъ сказалъ: «Я сожалею, что могу отдать моей родинѣ только одну жизньъ», и этихъ словъ достаточно, чтобъ объяснить народный энтузіазмъ и славу невѣдомаго героя, который, по словамъ одного изъ его потомковъ, маститаго патріота Эдуарда Геля, «останется навсегда образцомъ любви къ отечеству и предметомъ пламеннаго культа для американской молодежи». Естественно, что открытіе статуи капитану Натану Гелю возбудило въ американскихъ журналахъ и газетахъ безконечное число патріотическихъ дифирамбовъ и историческихъ очерковъ молодаго героя, которому отдана полная справедливость всей націей только черезъ сто лѣтъ, хотя всѣ историки, писавшіе объ американской войнѣ за независимость, и всѣ біографы Вашингтона, съ глубокимъ сочувствіемъ рассказывали исторію его геройскаго самопожертвованія. Эта исторія отличается самымъ романичнымъ, патетическимъ характеромъ и напоминаетъ классическіе подвиги Муція Сцеволы и Горація Коклеса съ тѣмъ только различіемъ, что американецъ безспорно существовалъ, а римляне, быть можетъ, герои лишь народныхъ легендъ. Семнадцати лѣтъ окончивъ курсъ въ Іальской коллегіи, Натанъ Гель сдѣлался учителемъ и приготавлился въ пасторы, когда получено было въ Новомъ Лондонѣ, гдѣ онъ занимался педагогической дѣятельностью, извѣстіе о возстаніи въ Лексингтонѣ, которое служило прелѣстникомъ борьбы за независимость Американскихъ Штатовъ. Не смотря на то, что онъ былъ женихомъ прелестной Алисы Адамсъ, молодой учитель тотчасъ пошелъ въ волонтеры и написалъ отцу: «Сознаніе долга заставляетъ меня жертвовать всею моею родинѣ». Онъ выказалъ необыкновенную храбрость въ битвѣ передъ Бостономъ, за что былъ произведенъ въ поручики, а за еще болѣе гражданское мужество, выразившееся въ томъ, что онъ удержалъ на службѣ послѣ истеченія срока свою роту волонтеровъ, отказавшись въ ихъ пользу отъ своего жалованія, Гель получилъ отъ конгресса благодарность и чинъ капитана. Когда въ 1774 году послѣ пораженія при Лонгъ-Айлэндѣ, Вашингтонъ нашелъ необходимымъ послать вѣрнаго человека въ англійскій лагерь, чтобъ тайно разузнать о положеніи врага, и вызвалъ охотника изъ среды своихъ офицеровъ для совершенія такого опаснаго и по общему мнѣнію постыднаго дѣла, то одинъ Натанъ Гель предложилъ свои услуги, отвѣчая товарищамъ, отговаривавшимъ его отъ этого: «Всякая служба на общую пользу благородна, когда она необходима для родины». Ночью онъ явился къ главнокомандующему, получилъ отъ него приказаніе и отправился въ путь, принявъ на себя знакомую ему роль школьнаго учителя. Благополучно перебрался онъ черезъ рѣку Гутингтонъ, посѣтилъ, никѣмъ не подозрѣваемый, англійскія укрѣпленія, нарисовалъ ихъ на лоскутѣхъ бумаги и записалъ на латинскомъ языкѣ всѣ собранныя свѣ-

дѣнія; успѣшно исполнивъ данное ему порученіе, молодой капитанъ вернулся на берегъ, гдѣ его должна была ждать лодка, но по несчастью онъ принялъ за эту лодку другую, присланную съ англійскаго военнаго корабля, стоявшаго у бухты, и попалъ въ руки враговъ. Его обыскали, нашли подъ подкладкой башмаковъ бумажки съ планомъ англійскихъ укрѣпленій и латинскими замѣтками, немедленно отправили въ Нью-Йоркъ и тамъ, даже не предавъ суду, повѣсили на слѣдующее утро: при этомъ англичане опозорили себя совершенно излишнимъ звѣрствомъ, именно они отказали въ просьбѣ юноши дать ему передъ смертью библію и уничтожили письмо, которое онъ написалъ матери, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ «мятежники никогда не узнали о томъ, что въ ихъ средѣ былъ человекъ, который умѣлъ встрѣтить смерть съ такой твердостью». И, однако, вѣсть о смерти двадцати-двухлѣтняго героя быстро облетѣла всю его родину, вызвала слезы на глазахъ Вашингтона, отчаянье въ сердцахъ его красавицы невѣсты и хотя нѣсколько поздній, но общій религіозный культъ всего американскаго народа, увѣнчавшійся открытіемъ его статуи на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ болѣе ста лѣтъ тому назадъ онъ произнесъ, подходя къ висѣлицѣ, свои историческія слова.

— Наполеонъ и Людовикъ XVIII. Въ «Revue Bleue» печатаются отрывки изъ неизданныхъ рукописныхъ воспоминаній о Наполеонѣ, г-жи Маллэ, любимой придворной дамы Жозефины, которыя съ ея словъ записаны ея братомъ Цезаремъ Маллэ, умершимъ въ Безансонѣ въ 1842 году. Изъ этихъ отрывковъ наиболѣе интересный относится къ сношеніямъ между роялистами и Наполеономъ, когда онъ былъ еще консуломъ, по поводу возстановленія Бурбоновъ. Относительно этого любопытнаго историческаго эпизода Тьеръ въ своей исторіи консульства и имперіи обнаружилъ переписку между будущимъ королемъ Людовикомъ XVIII и Наполеономъ, подлинникъ которой находится въ французскомъ военномъ архивѣ. Писемъ Людовика два, отъ февраля и іюня 1800 года; онъ очень кратко предлагаетъ спасителю Франціи возстановить ея короля, такъ какъ обезпечить спокойствіе этой страны Бонапартъ не въ состояніи безъ короля, а король безъ Бонапарта, отъ котораго зависитъ назначить себѣ и своимъ друзьямъ награды, если онъ сомнѣвается въ благодарности короля. На это Наполеонъ отвѣчалъ еще болѣе лаконической запиской, въ которой, выражая сочувствіе къ несчастіямъ принца и обѣщая сдѣлать все возможное для облегченія его судьбы, гордо говоритъ: «ваше королевское высочество не должны думать о возвращеніи во Францію, куда вы проникните, только переступивъ черезъ пятьсотъ тысячъ труповъ». Вотъ все, что извѣстно достоверной документальной исторіи объ интригѣ роялистовъ, желавшихъ навязать Бонапарту роль генерала Монка, возстановившаго въ Англіи Стюартовъ, а теперь въ воспоминаніяхъ г-жи Маллэ мы находимъ интересныя свѣдѣнія о подноготной сторонѣ этой интриги. Жена перваго консула, Жозефина, сохранила свои сношенія съ роялистами, которыя начались при ея первомъ мужѣ Богарнэ, и принимала ихъ въ своихъ частныхъ апартаментяхъ въ Тюльери съ вѣдома Наполеона, который смотрѣлъ на это сквозь пальцы, желая все знать и имѣть заручки во всѣхъ партіяхъ. Пользуясь подобнымъ доступомъ въ Тюльери своихъ сторонниковъ, графъ де-Лиль, будущій Людовикъ XVIII, сдѣлалъ попытку вступить въ переговоры съ первымъ консуломъ и поручилъ герцогини Гишъ предложить слѣдующія блага въ случаѣ возвращенія престола Бурбонамъ: Бонапарту—титულъ гер-

цога и испанскаго гранда, званіе конетабля и главнокомандующаго королевской арміи, орденъ св. Духа, шестьдесятъ тысячъ франковъ ежегоднаго дохода, серебра на миллионъ, домъ въ Парижѣ, бриліантовъ на 2 миллиона, помѣстье, на примѣръ, Шамборъ, статую на Вандомской площади, съ изображеніемъ Бонапарта, надѣвающаго корону на Людовика XVIII, и право всегдашняго посѣщенія короля безъ доклада; Жозефинѣ—право «табурета», т. е. права сидѣть при королѣ, и Евгенію Богарнѣ—право полученія по наслѣдству отъ Наполеона ордена св. Духа и титула испанскаго гранда. Жозефина, настоящая женщина дореволюціонной эпохи, самолюбивая, суевѣрная, набожная роялистка, поощряла интриги эмигрантовъ, увѣряя ихъ, что первый консуль готовъ возстановить монархію, и дѣйствительно она сама искренно предпочла бы возстановленіе чрезъ его посредство законныхъ королей, окруженныхъ древней аристократіей, чѣмъ коронованіе его самого императорской короной по волѣ народа; хотя она всячески удерживала мужа отъ достиженія чрезмѣрнаго величія и даже говорила ему о Бурбонахъ, но, все-таки, она дѣйствовала въ ихъ пользу только тайно и не могла вести открытыхъ переговоровъ, а потому поручила графу Нарбонну-Лара, который былъ военнымъ министромъ при Людовикѣ XVI, а потомъ эмигрировалъ и зналъ Бонапарта въ Веронѣ, войти въ сношенія съ герцогиней Гишъ. Но онъ былъ тонкимъ дипломатомъ, что доказалъ впоследствии, когда Наполеонъ посылалъ его въ Вѣну, въ Баварію и на Пражскій конгрессъ, и прямо отправился къ Наполеону, которому объявилъ, что Бурбоны прислали герцогиню Гишъ для какихъ-то предложеній главѣ государства насчетъ французской короны, и просилъ инструкцій для вступленія съ нею въ переговоры. Наполеонъ согласился на его свиданіе съ герцогиней, и оно немедленно состоялось. Разговоръ между этими тайными уполномоченными былъ непродолжительный; герцогиня повторила, какими милостями король намѣренъ осыпать узурпатора и его жену, если ему будетъ возвращенъ престолъ, а когда Нарбоннъ спросилъ, какое правительство и какія гарантіи даетъ король Франціи, такъ какъ Бонапартъ желаетъ не одѣть почестей и денегъ для себя, а хочетъ устранить всякое подозрѣніе въ томъ, что онъ продалъ республику, она воскликнула: «Вашъ первый консуль бредитъ, мы должны вернуться во Францію на основаніи нашихъ священныхъ правъ и мы будемъ пользоваться властью, какъ намъ заблагоразсудится». Но, все-таки, въ любопытства она пожелала узнать требованія Бонапарта по этому предмету, и графъ Нарбоннъ отвѣчалъ: «Онъ не хочетъ, чтобъ во Франціи возстановились старые порядки, а настаиваетъ на палатѣ пэровъ, или сенатѣ и палатѣ депутатовъ, или законодательномъ корпусѣ, на подчиненіи короля закону, на бюджетѣ, вотированномъ по англійскому обычаю, на общемъ равенствѣ при дворѣ и въ арміи, однимъ словомъ, на полномъ конституціонномъ правительствѣ».—«Такое правительство,—промолвила герцогиня внѣ себя отъ удивленія:—было бы республикой, и король становился бы излишней роскошью; Бонапарту этого никогда не добиться. Все во Франціи должно вернуться къ тому, что было до 1789 г., только парламенты будутъ уничтожены». Графъ Нарбоннъ на этомъ прекратилъ свой разговоръ съ посланницей Бурбоновъ и написалъ Бонапарту коротенькую записку, въ которой извѣщалъ его, что «лица, пославшія герцогиню, только думаютъ о себѣ, но не о необходимыхъ для націи гарантіяхъ», и прибавилъ: «г-жа Бонапартъ можетъ подробно объяснить, что именно предлагаютъ

первому консулу». Подробности объясненій Наполеона съ женою неизвѣстны, но только достовѣрно, что она горячо уговаривала его, даже бросившись передъ нимъ на колѣни, возвратить власть Бурбонамъ. «Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до вашихъ желаній,—воскликнулъ съ негодованіемъ Наполеонъ, по свидѣтельству мемуаровъ Малля,—если бы я имѣлъ слабость уступить вашимъ мольбамъ и возвратилъ бы этимъ людямъ престолъ, то они подумали бы, что возстановлены Божьей милостью. Что случилось бы тогда съ многочисленными интересами, созданными послѣ 1789 года, съ покупщиками національной собственности, съ начальниками арміи и со всѣми лицами, которыя отдали революціи свою жизнь и будущность? Что случилось бы съ принципами, за которые боролась нація? Все это было бы уничтожено, но послѣ жестокаго кровопролитія и гибели многихъ тысячъ людей. Нѣтъ, я никогда не возьму на себя такой роковой отвѣтственности».

— Настоящій д'Артаньянъ. Къ прошедшимъ Рождественскимъ праздникамъ вышло въ Парижѣ новое великолѣпное изданіе знаменитаго романа Александра Дюма «Три мушкетера» съ художественными иллюстраціями и предисловіемъ сына автора, который, между прочимъ, рассказываетъ, что веселаго французскаго рассказчика наканунѣ смерти мучила мысль, станутъ ли послѣ него читать его романы, и онъ успокоился только когда сынъ появился своей честью, что слава переживетъ его. Дѣйствительно, это пророчество вполнѣ исполнилось, и впродолженіе двадцати трехъ лѣтъ, прошедшихъ со времени смерти Дюма, продано его романовъ два милліона двѣсти сорокъ тысячъ томовъ, восемьдесятъ милліоновъ выпусковъ иллюстрированныхъ изданій, а въ шестистахъ французскихъ газетахъ появились ихъ перепечатки; въ результатѣ оказывается, что въ настоящее время произведенія Дюма, не смотря на превратительное отношеніе къ нимъ новыхъ французскихъ критиковъ, которые даже, какъ, напримѣръ, Думивъ въ «Revue Bleue», увѣряютъ, что они усыпительно скучны, распродаются и читаются больше, чѣмъ во время ихъ появленія. Конечно, этотъ любопытный фактъ объясняется главнымъ образомъ распространеніемъ любви къ чтенію въ низшихъ классахъ французскаго народа и пристрастіемъ буржуазіи къ легкой умственной пищи, но, всетаки, нельзя не признать, что Александръ Дюма обладалъ, если не серьезнымъ литературнымъ талантомъ, то во всякомъ случаѣ рѣдкимъ умѣніемъ рассказывать занимательныя исторіи, которыя не только въ оригиналѣ, но и въ переводѣ еще долго будутъ увлекать читателей, ищущихъ занимательнаго чтенія въ старомъ и новомъ свѣтѣ. Поэтому, отдавая отчетъ о новомъ изданіи «Трехъ мушкетеровъ», за которымъ въ настоящемъ году послѣдуетъ столь же роскошное изданіе «Le Chevalier de Maison Rouge», «Revue Encyclopedique» въ своемъ номерѣ отъ 1-го января своевременно представляетъ читателямъ характеристику оригинала, съ котораго рисованъ блестящими красками популярнѣйшій изъ героевъ Дюма, д'Артаньянъ. Оказывается, что д'Артаньяны были одной изъ вѣтвей гасконскаго рода Монтестье-Фезанзакъ, и одинъ изъ нихъ Шарль де-Батсъ, де-Кастельморъ, графъ д'Артаньянъ, служилъ мушкетеромъ при Мазарини, нѣсколько разъ ѣздилъ въ Англію съ тайными порученіями кардинала въ Кромвелю и Карлу II, отличался необыкновенной храбростью на полѣ брани, замѣчательной ловкостью въ дипломатическихъ и придворныхъ интригахъ, безконечными дуэлями и любовными похождениями, женился пятидесяти лѣтъ на двѣцѣ Шоллѣ, отъ которой имѣлъ

двухъ сыновей, и былъ убитъ при осадѣ Маастрихта въ 1673 году. Таковы достовѣрныя свѣдѣнія о смѣломъ, храбромъ и веселомъ гасконцѣ, котораго Дюма избралъ въ герои своего романа, и еще не лишне прибавить, что у него былъ сынъ, носившій имя Портоса и жившій въ Беарнѣ, а также, что Атось и Арамись были названія мѣстностей, сосѣднихъ съ помѣстьемъ Артаньянъ въ Бюрѣ, отъ котораго и происходилъ титулъ графа д'Артаньяна. Конечно, весь сюжетъ и главные эпизоды въ «Трехъ мушкетерахъ» и въ ихъ продолженіи «Двадцать лѣтъ спустя» и «Виконтъ де Бражелонъ» принадлежатъ всецѣло фантазіи Дюма, но канвой для его фантастическихъ узоровъ служили «Мемуары д'Артаньяна», которыя изданы въ 1701 году извѣстнымъ составителемъ многочисленныхъ мемуаровъ подобнаго рода, Гальеномъ де-Сандралемъ, увѣрявшимъ, что онъ только редактировалъ подлинныя записки д'Артаньяна. Во всякомъ случаѣ многое въ этихъ мемуарахъ дышитъ исторической правдой, и они составляютъ любопытную хроникку придворныхъ интригъ въ концѣ царствованія Людовика XIII и въ юности Людовика XIV. Хотя неосновательно обвиненіе Дюма нѣкоторыми критиками въ литературномъ подлогѣ, но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ много заимствовалъ изъ этихъ мемуаровъ, въ которыхъ, кромѣ общаго типа смѣлаго, веселаго, ловкаго авантюриста, находятся рассказы о походеженіяхъ товарищей д'Артаньяна, не менѣе знаменитыхъ мушкетеровъ Атоса, Портоса и Арамиса, о любви д'Артаньяна къ англичанкѣ, которая мститъ ему за дуэль съ братомъ и которую Дюма превратилъ въ типъ всѣхъ женскихъ пороковъ, подъ названіемъ Милэди, о поѣздкахъ д'Артаньяна въ Англію, по не для возвращенія брилліантова ожерелья Анны Австрійской и для спасенія Карла I, какъ въ романахъ Дюма, а для заключенія брачнаго союза племянницы Мазарини, прежде съ сыномъ Кромвеля, а потомъ съ Карломъ II и т. д. Всѣ эти заимствованія придають если не историческую вѣрность популярнымъ романамъ блестящаго рассказчика, то такую жизненность его героямъ, что не только ими живо интересуются читатели, но самъ авторъ, по свидѣтельству его сына, плакалъ, описывая смерть Портоса, и смѣялся, набрасывая на бумагу шутки д'Артаньяна.

— Кто писалъ Шекспира? Старый и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно юный вопросъ о настоящемъ авторѣ Шекспировскихъ пьесъ побудилъ американскій журналъ «Арена» составить для его разрѣшенія литературный судъ присяжныхъ, и въ продолженіе прошедшаго года изъ вѣжки въ книжку тянулся этотъ оригинальный литературный процессъ. Сначала были изложены главныя враждебныя теоріи происхожденія безсмертныхъ драмъ, именно общепринятая теорія, приписывающая ихъ Шекспиру, и противоположная—доказывающая, что Шекспиромъ былъ Бэконъ; защитникомъ первой явился пасторъ Никольсонъ, а послѣдней—мистеръ Крюэлъ. Затѣмъ высказали свои мнѣнія приглашенные редакторомъ журнала двадцать пять, болѣе или менѣе извѣстныхъ литераторовъ и ученыхъ Англіи и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Хотя составъ этихъ присяжныхъ былъ очень странный и разношерстный, такъ какъ въ числѣ ихъ находились зять англійской королевы, маркизъ Лорнъ, и американскій социалистъ Генри Джорджъ, астрономъ Прокторъ и адептъ спиритизма, Браунъ, пасторъ Никольсонъ и актеръ Ирвингъ, естествоиспытатель Воллэсъ и журнальный критикъ Гессе, филантропка миссъ Вилардъ и поэтъ Стэдманъ, но именно по этой пестротѣ и разнородности судей ихъ приговоръ можно принять за отголосокъ общественнаго

мнѣнія въ странахъ, говорящихъ англійскимъ языкомъ, на счетъ великой загадки, которая тревожитъ человѣческой умъ уже болѣе трехъ вѣковъ. Въ результатѣ приговоръ состоялся громаднымъ большинствомъ въ пользу Шекспира; за него подано двадцать голосовъ, а за Бэкона высказался только одинъ его защитникъ Крюэль; двое: миссъ Вилардъ и Фритингамъ, признали, что оба, Шекспиръ и Бэконъ, вмѣстѣ писали знаменитыя драмы, и, наконецъ, двое заявили, что ни тотъ ни другой не авторы «Гамлета», причемъ одинъ изъ нихъ, профессоръ Дольбэръ, высказалъ только отрицательное мнѣніе, состоящее въ томъ, что Шекспиръ не могъ написать своихъ драмъ, но нѣтъ достаточныхъ доказательствъ, что ихъ писалъ Бэконъ, а Браунъ прибавляетъ комическую ноту къ этому литературному приговору, заявляя «благоразумное предположеніе», что Шекспиръ писалъ свои пьесы подъ вліяніемъ духовъ «автоматическимъ перомъ», въ родѣ теперешнихъ спиритическихъ каранашей. Что касается до защитниковъ Шекспира, то въ числѣ ихъ оказались всѣ извѣстные члены литературнаго суда присяжныхъ, и наиболѣе пламенно высказался въ его пользу Генри Джорджъ, считающій, что «только литературный развратъ можетъ довести человѣка до отрицанія Шекспира, и лишь лживые, зачумленные крокодилы могутъ нарушать литературное спокойствіе, приписывая пьесы Шекспира Бэкону». Извѣстный ученый Прокторъ находитъ, что Бэконовская теорія только держится благодаря тому, что къ ней серьезно относятся, тогда какъ на нее надо смотрѣть, какъ на квадратуру круга и другіе факты умственной патологии; по мнѣнію этого блестящаго популяризатора естествознанія, неподлежащая сомнѣнію принадлежность «Венеры и Адониса» перу Шекспира влечетъ за собою и призваніе его авторомъ всѣхъ приписываемыхъ ему драмъ, а приписывать ихъ Бэкону тоже самое, что приписывать Карлайлю поэмы Тэнисона. Точно также и знаменитый англійскій актеръ Ирвингъ отрицаетъ всякій серьезный интересъ въ полемикѣ противъ Шекспира; по его словамъ, обѣ теоріи, приписывающія Шекспировскія драмы Бэкону, одному или вмѣстѣ съ Шекспиромъ, не имѣютъ никакого основанія, такъ какъ во всѣхъ сочиненіяхъ Бэкона нѣтъ и тѣни поэзіи, юмора и фантазіи, а потому «защитники этихъ теорій заслужаютъ серіозной критики только, когда они докажутъ, что Бэнъ Джонсонъ былъ дуракъ, или мошенникъ, и что всѣ современные Шекспиру актеры и драматурги составили между собой заговоръ, чтобъ обмануть все человѣчество на всѣ послѣдующіе вѣка».

— Принцъ-режисеръ. Въ «Revue Illustrée» Артуръ Леви представляетъ любопытную характеристику герцога Саксенъ-Мейнингенскаго по поводу перваго представленія на сценѣ его знаменитаго театра новой пьесы Поля Линдау «Другой». Георгъ II, герцогъ Саксенъ-Мейнингенскій, одинъ изъ самыхъ равнодушныхъ къ прусскому милитаризму нѣмецкихъ принцевъ, считается наиболѣе компетентнымъ знатокомъ сценическаго искусства, и его маленькая столица Мейнингенъ, имѣющая только двѣнадцать тысячъ жителей, походитъ не на особый флигель обширной германской казармы, а на уединенную миниатюрную академію, во главѣ которой стоитъ его собственная семья. Дѣйствительно, кромѣ страсти къ театру, этотъ красивый, шестидесятивосьмилѣтній старикъ отличается значительнымъ талантомъ къ живописи, которую онъ изучалъ у Каульбаха, и пламенной любовью къ музыкѣ. Его жена, третья по счету, обвѣнчанная съ нимъ марганатически и носящая титулъ графини Гельдбургъ, была актрисой, по имени Францъ, и нѣмецкіе любители театра

еще помнятъ съ какимъ блестящимъ успѣхомъ она исполняла роль принцессы Леоноры Естѣ въ «Торкватто Тассо». Его старшій сынъ замѣчательный филологъ, знающій почти всѣ языки, въ томъ числѣ арабскій, сирійскій и греческій, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хорошій музыкантъ и написалъ для «Персовъ» Эсхила музыку, которая давалась съ успѣхомъ въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Афинахъ; онъ женатъ на сестрѣ германскаго императора, женщины высокообразованной и любящей всѣ искусства. Наконецъ, дочь герцога, принцесса Марія, прекрасно играетъ на фортепьяно. Въ этомъ семейномъ кружкѣ, проводящимъ зиму въ маленькомъ мейнингенскомъ дворцѣ, а лѣто въ скромномъ Альтенштейнскомъ замкѣ, артистическіе и литературные вопросы замѣняютъ политическія и придворныя интриги. Самъ герцогъ всю свою жизнь посвятилъ не только драматическому искусству, но самой его сложной, трудной и неблагодарной части, именно постановкѣ пьесъ на сцену. Цѣлые дни проводилъ онъ, обдумывая знаменитыя драматическія произведенія, изучая каждую сцену, каждую мысль, каждое слово автора и, стараясь набросать на бумагѣ лучшія, по его мнѣнію, позы и жесты актеровъ. Въ этой специальности онъ занимаетъ безспорно первое мѣсто среди всѣхъ современныхъ театральныхъ директоровъ и режисеровъ. На нѣмецкомъ языкѣ составлено особое слово «meiningen», т. е. мейниговать, что означаетъ ставить на сцену въ совершенствѣ какую нибудь пьесу. Для практическаго примѣненія своего режисерскаго таланта герцогъ сформировалъ образцовую труппу, которая подъ его личнымъ руководствомъ давала и даетъ до сихъ поръ представленія на маленькомъ мейнингенскомъ театрѣ, составляющемъ первую драматическую сцену въ Европѣ. Не жалѣя ни времени, ни труда, ни денегъ, онъ постепенно поставилъ главныя пьесы Шекспира, Шиллера, Гете и Клейста, съ такой исторической правдой, драматическимъ эффектомъ и сценическимъ великолѣпіемъ, что нельзя ничего желать лучшаго. Единственный упрекъ, который можно было бы сдѣлать, заключался въ томъ, что онъ слишкомъ требователенъ въ художественномъ отношеніи, но онъ всегда отвѣчалъ на это: «Мнѣ говорятъ, что я преувеличиваю красоты искусства, но если кого можно упрекать, то не меня, смотрящаго слишкомъ высоко на искусство, а тѣхъ, которые смотрятъ на него слишкомъ низко, а потому не понимаютъ меня». Отличительной чертой мейнингенской системы постановки пьесъ служить съ одной стороны щепетильная вѣрность изображаемой эпохи въ историческихъ драмахъ, какъ, на примѣръ, въ «Юліѣ Цезарѣ», «Вильгельмѣ Теллѣ», «Валенштейнѣ» и т. д., а съ другой—удивительное, еще никогда невиданное, изображеніе толпы со всѣми ея порывами и гармоническимъ сочетаніемъ въ одномъ цѣломъ разнообразныхъ индивидуальныхъ впечатлѣній радости, или горя. Но подобное артистическое предпріятіе, какъ мейнингенскій театръ, стоило очень дорого: такъ, постановка «Валенштейна» обошлась въ 106.250 франковъ и «Орлеанской Дѣвы» въ 112.500 франковъ; а бюджетъ герцогства, не превышающій семи милліоновъ марокъ, не имѣетъ тайныхъ статей, поэтому мало-по-малу герцогъ израсходовалъ всѣ свои личныя средства на любимое занятіе и, наконецъ, былъ принужденъ прекратить на время дальнѣйшую постановку пьесъ. Тогда по просьбѣ своего помощника по режиссерской части, Кронекка, онъ отправилъ знаменитую мейнингенскую труппу (въ главнѣйшіе европейскіе города, въ томъ числѣ въ Петербургъ и Москву, гдѣ она всюду возбуждала всеобщій энтузіазмъ. Хотя эти

странствія его труппы не только распространили его славу во всемъ свѣтѣ, но и принесли ему значительный доходъ, которымъ онъ покрылъ значительный дефицитъ его убыточнаго театральнаго предпріятія, герцогъ, однако, былъ вынужденъ въ виду своего разстроеннаго здоровья провести два года вдали отъ любимаго имъ театра. Въ послѣднее время онъ снова принялся за прежнее режиссерское ремесло, но уже ставить на своей образцовой сценѣ не большія историческія пьесы, требующія слишкомъ много издержекъ и труда, а произведенія современной реалистической школы, въ которой онъ находить болѣе интереса, чѣмъ въ другихъ новыхъ пьесахъ, доказывающихъ лишь упадокъ драматическаго искусства. Конечно, въ постановкѣ этихъ пьесъ онъ не имѣетъ широкаго простора для примѣненія своего режиссерскаго искусства, но, всетаки, онъ ставитъ ихъ съ прежней любовью и художественной отдѣлкой во всѣхъ мелочахъ, украшая сцену мебелью, картинами и даже кухонной посудой изъ дворца. Такимъ образомъ была имъ поставлена надняхъ еще нигдѣ неигранная пьеса Поля Ливдау «Другой», которая привлекла въ Мейнингенъ значительное число европейскихъ театраль-ныхъ директоровъ, драматурговъ и журналистовъ. Успѣхъ какъ пьесы, такъ и постановки, одинаково реальныхъ, былъ блестящій, который въ равной степени дѣлили авторъ, режиссеръ и актеры, въ особенности извѣстный берлинскій актеръ Енгельсъ и замѣчательная дрезденская актриса Зальбахъ. Очень характерно для обрисовки отношеній герцога къ авторамъ и актерамъ то обстоятельство, что, прибывъ нарочно изъ Альтенштейнскаго замка для послѣднихъ репетицій, онъ сказалъ Ливдау въ день перваго представленія: «Такъ какъ вы остановились въ моемъ дворцѣ и, вѣроятно, захотите угостить актеровъ послѣ представленія, то я позволилъ себѣ заказать ужинъ, который подадутъ въ вашихъ апартаментахъ и на которомъ вы мнѣ позволите также присутствовать». Нечего и говорить, что этотъ ужинъ прошелъ очень весело, и что душой его былъ принцъ-режиссеръ, доказывающій воочію, что современный нѣмецкій государь можетъ заниматься не одними военными приготовлениями, а посвящать всю свою жизнь мирнымъ искусствамъ.

— Славный подземный мальчуганъ. Въ самый день Рождества умеръ въ Англіи одинъ изъ замѣчательныхъ современныхъ героев самопомощи, сэръ Джорджъ Эллиотъ, который началъ жизнь рабочимъ въ каменно-угольной копи, а окончилъ ее семидесятивосьмилѣтнимъ богачемъ, баронетомъ и собственникомъ многочисленныхъ копей, между прочимъ, и той, въ которой онъ собственноручно работалъ. Эта необыкновенная карьера «славнаго подземнаго мальчугана», какъ его всѣ называли въ дѣтствѣ, поразила еще въ 1869 году графа Парижскаго, какъ одинъ изъ знаменательнѣйшихъ фактовъ промышленнаго процвѣтанія въ Англіи, и онъ написалъ въ своей первой книгѣ объ англійскихъ рабочихъ союзахъ слѣдующую краткую, но блестящую характеристику Эллиота, еще тогда не бывшаго баронетомъ: «Между дѣтьми отъ восьми до десяти лѣтъ, которыя были подвергнуты тяжелому жестокому труду въ Гэтсгэдской каменно-угольной копи, находился мальчикъ по имени Джорджъ Эллиотъ; мало по-малу онъ выросъ, сдѣлался рудокопомъ, принялъ участие въ большихъ стачкахъ, которыя, доставивъ побѣду принципамъ справедливости и человѣколюбія, уменьшили рабочіе часы въ копияхъ, и, выказавъ замѣчательныя способности, постепенно переходилъ всѣ ступени рудокопной дѣятельности

до положенія одного изъ крупнѣйшихъ владѣльцевъ каменноугольныхъ копей въ Англіи, при чемъ онъ имѣетъ теперь въ своемъ распоряженіи до десяти тысячъ рабочихъ и вырываетъ изъ нѣдръ земли восемьдесятъ восьмую часть всего количества каменнаго угля на свѣтѣ». Достигнувъ богатства и почестей, сэръ Джорджъ Эллиотъ самъ любилъ рассказывать публично о своемъ трудовомъ прошедшемъ и, между прочимъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ произнесъ, при открытіи Свиндонскаго института для машинистовъ, рѣчь, полную автобіографическихъ подробностей и которая была тѣмъ любопытнѣе, что при ней присутствовалъ старый рудопыльщикъ, который спускалъ его девятилѣтнимъ мальчикомъ въ Вайтфилдскую шахту. По его словамъ, онъ въ этой шахтѣ работалъ по четырнадцати часовъ въ день и въ продолженіе многихъ лѣтъ не видалъ солнца иначе, какъ по воскресеньямъ; когда онъ вернулся въ эту самую шахту послѣ четырнадцати-лѣтняго отсутствія и уже управляющимъ ея владѣльца, маркиза Лондондерри, то первой его мыслію было отдѣлаться отъ сопровождавшихъ его лицъ и отыскать ту маленькую дверцу въ подземной галлерей, открывать которую была его обязанность въ дѣтствѣ, а, найдя ее, онъ горячо возблагодарилъ небо за оказанныя ему милости. Его успѣхъ, какъ владѣльца каменно-угольныхъ копей, начался съ 1840 года, когда онъ пополамъ съ одной фирмой купилъ Вашингтонскія копи близъ Дургамы, а затѣмъ постепенно стало расширяться его черное царство. Въ послѣднія тридцать пять лѣтъ онъ рядомъ съ каменно-угольнымъ дѣломъ велъ и широко развитое имъ производство проволочныхъ канатовъ; его фирма предприняла и довела до блестящаго успѣха проложеніе подводнаго телеграфа изъ Стараго Свѣта въ Новый; какъ извѣстно, телеграфная проволока была окружена непроницаемой проволочной оболочкой, сдѣланной на заводѣ Эллиота, и два раза погруженная на дно океана лопнула, такъ что только третья попытка увѣнчалась успѣхомъ. Въ счастливые годы своихъ промышленныхъ успѣховъ сэръ Джорджъ Эллиотъ не забывалъ своего скромнаго происхожденія и всячески старался улучшить положеніе рабочихъ въ каменно-угольныхъ копяхъ какъ своихъ, такъ и чужихъ; онъ всегда увѣрялъ, что изъ всей своей долговременной дѣятельности онъ наиболѣе гордился принятымъ имъ участіемъ въ сокращеніи рабочихъ часовъ въ копияхъ отъ четырнадцати до девяти и былъ первымъ владѣльцемъ копей, который вступилъ въ открытыя дружескія сношенія съ рабочими союзами. Однако въ послѣдніе годы онъ сдѣлался противникомъ этихъ учреждений, составляющихъ единственное средство для рабочихъ къ успѣшному ихъ производствѣ въ эксплуатаціи капиталистами, и находилъ, что необходимо положить предѣлъ распространенію силы этихъ союзовъ, которые уничтожали будто бы всякую индивидуальность среди рабочихъ, но въ сущности знатный, богатый сэръ Джорджъ Эллиотъ болѣе сталъ заботиться подъ старость объ интересахъ своихъ собственныхъ и консервативной партіи, къ которой онъ принадлежалъ, чѣмъ о благѣ его бывшихъ товарищей. Въ политическомъ отношеніи онъ не игралъ большой роли, но былъ нѣсколько разъ депутатомъ и находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ лордомъ Биконсфильдомъ, который часто приглашалъ его въ свой Гугенденскій замокъ и совѣтовался съ нимъ по различнымъ общественнымъ вопросамъ. Въ особенності онъ считался экспертомъ во всемъ, что касалось каменноугольнаго дѣла, принималъ участіе во многихъ комиссіяхъ по изслѣдованію положенія каменно-угольной промышленности, и когда профес-

сэръ Джевоисъ разсчиталъ, что угля въ Англіи хватитъ только на сто десять лѣтъ, то сэръ Джорджъ Эллиотъ сдѣлалъ съ своей стороны самый тщательный расчетъ, по которому оказалось, что угля въ Англіи было гораздо болѣе, именно до одиннадцати билліоновъ тоннъ. До послѣдняго времени онъ принималъ участіе въ общественной жизни и въ сентябрѣ прошедшаго года составилъ планъ гигантскаго каменно-угольнаго синдиката, однимъ изъ условій котораго было раздѣленіе чистой прибыли сверхъ десяти процентовъ поровну между хозяевами и рабочими. За три недѣли до своей смерти онъ присутствовалъ на публичномъ митингѣ въ Уэльсѣ, на которомъ говорилъ рѣчь лордъ Солсбери, и, возвращаясь съ него, простудился, что и свело въ могилу этого славнаго подземнаго мальчугана на семьдесятъ-восьмомъ году его жизни, такъ какъ онъ родился въ самый день битвы при Ватерлоо въ 1815 году.

— Одинъ изъ послѣднихъ могикиановъ французской революціи 1848 года. Въ одинъ день съ сэромъ Джоржемъ Эллиотомъ умеръ во Франціи Викторъ Шельхеръ, или, какъ парижане его называли, Шельше, который вмѣстѣ съ еще живущимъ Альберомъ, представителемъ рабочихъ въ февральскомъ временномъ правительствѣ, былъ единственнымъ уцѣлѣвшимъ обломкомъ корабля второй французской республики. Этотъ красивый восьмидесяти-девятилѣтній старикъ, ходившій во всякую погоду пѣшкомъ въ сенатъ, несмѣняемымъ членомъ котораго онъ состоялъ уже много лѣтъ, часто говаривалъ въ послѣднее время: «Я могу, я долженъ умереть; я уже не отъ міра сего», и, дѣйствительно, онъ принадлежалъ къ давно отжившей романтичной эпохѣ политическихъ дѣятелей, искренно преданныхъ идеямъ свободы, гуманности, демократіи и прогресса, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранявшихъ старинный французскій культъ ко всему изыщному и художественному. Рыцарь безъ страха и упрека, онъ, по словамъ Легува, «былъ храбрѣе всѣхъ видѣнныхъ имъ людей», а пасторъ Пресенсэ причислялъ его «къ тѣмъ атеистамъ, которые побуждаютъ вѣрить въ Бога». Однимъ словомъ, Шельхеръ былъ образцомъ идеально честнаго гражданина и пользовался общимъ уваженіемъ всѣхъ поколѣній, чередовавшихся во Франціи со временъ первой имперіи, такъ какъ онъ родился въ Парижѣ въ 1804 году. Отецъ его, родомъ альзасецъ, предназначался съ дѣтства въ патеры, но, переселившись въ Парижъ, открылъ въ Латинскомъ кварталѣ ларекъ съ посудой, а потомъ магазинъ фаянсовыхъ и фарфоровыхъ издѣлій; не смотря на его скромное происхожденіе, онъ отличался аристократической внѣшностью, ходилъ въ церковь во время директоріи, въ старомодной обуви на красныхъ коблукахъ, что побуждало сосѣдей называть его маркизомъ, а его легитимистскія убѣжденія заставляли его при Людовикѣ XVIII говорить съ сожалѣніемъ о своемъ юномъ сынѣ: «Ничего съ нимъ не подѣлаешь, онъ республиканецъ». Свои республиканскія идеи молодой Шельхеръ выражалъ, по мнѣнію отца, даже въ торговлѣ и, по словамъ очевидцевъ, не разъ въ магазинѣ, гдѣ онъ торговалъ вмѣстѣ съ отцомъ, происходила слѣдующая характерная сцена: «Сколько стоитъ этотъ чайникъ?»—спрашивалъ какой нибудь покупатель.— «Пять франковъ»,—отвѣчалъ Шельхеръ.— «Дорого»,—замѣчалъ покупатель. Шельхеръ молча ставилъ чайникъ обратно на полку, а когда покупатель говорилъ: «Мнѣ нравится чайникъ, говорите послѣднюю цѣну»,—то Шельхеръ произносилъ: «Я не продамъ вамъ этого чайника даже за ту цѣну, которую я назначилъ; у честнаго торговца одна цѣна, какъ у честнаго

человѣка одно слово. Вы мнѣ не повѣрили, честь имѣю вамъ кланяться». Съ подобными принципами молодой человѣкъ не могъ успѣшно вести торговлю, а такъ какъ онъ въ послѣдніе годы реставраціи сблизился съ передовыми республиканскими дѣятелями, сотрудничая въ журналахъ «Artist» и «Revue de Paris», то родители, уже тогда располагавшіе значительными средствами, съ цѣлью удалить отъ грозившей ему опасности отправили его въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, Мексику и Вестъ-Индію. Хотя это путешествіе имѣло характеръ торговый, но увидавъ на мѣстѣ, въ какомъ ужасномъ положеніи находились невольники-негры въ французскихъ колоніяхъ, двадцати трехлѣтній юноша сдѣлался пламеннымъ аболиціонистомъ и далъ себѣ слово не знать ни минуты покоя, пока не добьется освобожденія угнетенной расы. Онъ сдержалъ свое слово, но ему пришлось посвятить на главное дѣло своей жизни много лѣтъ энергичныхъ усилій. Вернувшись во Францію, онъ написалъ книгу противъ невольничества, но потому болѣе десяти лѣтъ его вниманіе было отвлечено внутренней политикой. Революція 1830 года совершенно разочаровала его, и будучи искреннимъ республиканцемъ, онъ сталъ дѣйствовать вмѣстѣ съ своимъ другомъ Барбесомъ противъ Орлеанскаго правительства путемъ газетной полемики, при чемъ содѣйствовалъ распространенію республиканскихъ идей не только перомъ, но и кошелькомъ, такъ какъ по смерти отца онъ получилъ большое состояніе. На средства Шельхера издавалось вѣсколько передовыхъ въ то время журналовъ и газетъ: «Revue Republicaine», «Revue du Progrès», «Journal du Peuple» и «Réforme»; послѣдняя газета подготовила Февральскую революцію, и многіе изъ членовъ ея редакціи подъ главенствомъ Ледрю Роленга вошли въ составъ временнаго правительства. Между тѣмъ Шельхеръ находилъ по временамъ свободныя минуты для продолженія своей аболиціонистской пропаганды; съ этой цѣлью онъ въ 1840 г. посѣтилъ Гаити, гдѣ нашелъ, что негры прекрасно пользуются своей свободой и сдѣлали удивительные шаги по пути прогресса со времени возстанія Туссена-Лувертюра, а потомъ путешествовалъ по Турціи, Египту, Греціи и Судану только для того, чтобъ имѣть возможность выставить рельефно все зло, происходящее отъ рабства; наконецъ, въ 1847 году, онъ предпринялъ экспедицію въ Сенегаль и только вернулся оттуда во Францію, полный жгучаго негодованія на торговлю невольниками, которыми снабжали рынки Америки и французскихъ колоній, какъ вспыхнула революція 1848 г. При образованіи временнаго правительства изъ его товарищей по редакціи «Réforme», Шельхеръ выбралъ для себя мѣсто товарища морского министра и немедленно назначилъ комиссію для изслѣдованія вопроса объ освобожденіи невольниковъ въ французскихъ колоніяхъ, которыя находились подъ завѣдываніемъ этого министерства. Спустя два мѣсяца, онъ подготовилъ законопроектъ въ этомъ духѣ и провелъ его чрезъ учредительное собраніе; такимъ образомъ была исполнена задача его жизни, и освобожденное, благодаря его усиліямъ, черное населеніе Гваделупы и Мартиники выбрало его своимъ депутатомъ. Съ тѣхъ поръ онъ всегда былъ представителемъ негровъ въ различныхъ законодательныхъ собраніяхъ Франціи и пользовался горячей любовью всего чернаго населенія колоній, которыя всегда называли его «нашимъ бѣлымъ отцомъ». Популярность Шельхера, какъ аболиціониста, проникла и за предѣлы его родины, такъ въ Англіи его чрезвычайно уважали и называли французскимъ Вильберфор-

сомъ. Декабрскій переворотъ, во время котораго онъ сражался на баррикадахъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ Боденомъ, убитымъ подлѣ него, заставилъ его провести восемнадцать лѣтъ въ изгнаніи, прежде въ Брюсселѣ, гдѣ онъ написалъ правдивый разсказъ о 2-мъ декабрѣ, а потомъ въ Лондонѣ. Онъ вернулся на родину въ минуту паденія имперіи, командовалъ артиллерійскимъ отрядомъ во время осады Парижа и всячески старался примирить Версальское собраніе съ коммуной, не смотря на то, что ея члены подвергли его аресту, и онъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ благородному вмѣшательству одного мулата. Въ Версальской палатѣ онъ всегда сидѣлъ рядомъ съ Луи-Бланомъ, а въ сенатѣ рядомъ съ Викторомъ Гюго, и въ послѣдніе годы являлся пламеннымъ сторонникомъ всѣхъ гуманныхъ, прогрессивныхъ реформъ, защищая одинаково отмѣну смертной казни, которую онъ считалъ государственнымъ примѣромъ убійства, избраніе судей, равноправность женщинъ и т. д. Оставаясь до конца жизни ревностнымъ защитникомъ свободы и демократіи, онъ былъ такъ изященъ, утонченно любвеуменъ и аристократиченъ по внѣшности, что его всегда называли Лозеномъ демократіи. Любовь къ искусствамъ и въ особенности къ музыкѣ вполне примирялась въ немъ съ его политическими и гуманными стремленіями; состоя однимъ изъ компаніоновъ извѣстной фортепьянной фирмы Пляель, онъ имѣлъ громадное вліяніе въ музыкальномъ мірѣ Парижа, посѣщалъ всѣ концерты и способствовалъ распространенію во Франціи классической музыки, въ особенности Генделя. Свои художественныя коллекціи, въ числѣ которыхъ занимали первое мѣсто рѣдкія собранія бронзы и гравюръ, онъ завѣщалъ различнымъ общественнымъ музеямъ Парижа.

— Юбилей Гока. Въ началѣ января, вся Венгрія, начиная отъ короля-императора до солдатъ и поселянъ, праздновала три дня пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности своего знаменитаго романиста, поэта, драматурга и публициста, Мавра Гока. Хотя онъ не гений и даже не первоклассный писатель, хотя въ его романахъ, занимающихъ первое мѣсто среди его многочисленныхъ произведеній, имѣющихъ до 100 названій и до 300 томовъ, замѣтно вліяніе Вальтера Скотта, Виктора Гюго, Александра Дюма и даже Жюль Верна; но для своей родной венгерской литературы онъ оказалъ великія услуги и стоитъ въ ней рядомъ съ своимъ другомъ, дѣйствительно великимъ лирическимъ поэтомъ Александромъ Петефи, а для всего читающаго мира онъ талантливый, удивительно плодотворный, часто оригинальный и всегда занимательный разсказчикъ, живо рисующій бытъ Венгріи какъ въ прошедшія эпохи, такъ и въ настоящее время. Конечно, благодаря малой распространенности венгерскаго языка и существованію общности интересовъ съ Венгріей у одной Австріи, всѣ романы и разсказы Гока лишь переведены на нѣмецкій языкъ, и только самые выдающіеся изъ нихъ появились на французскомъ, англійскомъ и русскомъ языкахъ. Но, кромѣ литератора, въ замѣчательной личности Гока совмѣщается еще высоко сочувственная фигура пламеннаго патріота, который словомъ и дѣломъ служилъ своей родинѣ въ продолженіе шестидесятидвятилѣтней жизни; этимъ еще болѣе, чѣмъ его литературными заслугами, объясняется торжественное чествованіе, котораго онъ удостоился на закатѣ своихъ дней. Это чествованіе происходило въ Будапештѣ и состояло въ поднесеніи ему всевозможныхъ адресовъ, начиная отъ рескрипта Франца-Иосифа до привѣтствія отъ имени венгерскихъ дѣтей съ приложеніемъ двухъ

тысячъ фотографическихъ карточекъ представителей подростяющаго поколѣнія, въ великолѣпномъ банкетѣ, въ представленіи его лучшихъ пьесъ, въ блестящемъ балѣ и, наконецъ, въ собраніи по подпискѣ ста тысячъ флориновъ въ пользу юбиляра. Самой замѣчательной чертой всѣхъ этихъ празднествъ было единодушное участіе въ нихъ всѣхъ элементовъ венгерскаго общества и народа, одинаково признающихъ въ Гокаѣ олицетвореніе своихъ національныхъ, патриотическихъ стремленій, во всѣхъ различныхъ фазахъ, черезъ которыя прошли эти стремленія отъ революціи 1848 года до настоящей конституціонной автономіи. Въ жизни своего передоваго писателя современная Венгрія можетъ, какъ въ зеркалѣ, прослѣдить все постепенное развитіе ея исторіи за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, которое совершилось подъ руководствомъ сначала Кошута, а потомъ Деака и Коломана Тиссы, съ которыми былъ одинаково друженъ Гокай. Онъ родился въ Коморнѣ 19-го февраля 1825 года и, будучи сыномъ адвоката дворянскаго происхожденія, получилъ юридическое образованіе въ Пресбургѣ, но съ юности обнаруживалъ художественныя наклонности. Впрочемъ, хотя семнадцати лѣтъ онъ напечаталъ свою первую повѣсть «Судъ Божій», за которую получилъ золотой дукатъ, хранимый имъ доселѣ, какъ святыня, онъ считалъ своимъ призваніемъ въ то отдаленное время не литературу, а живопись; замѣчательно, что его ближайшіе друзья Петефи и Орлай также ошибались на счетъ своего дарованія: первый хотѣлъ быть актеромъ, а послѣдній поэтомъ. Судьба привела все это въ порядокъ и сдѣлала Петефи великимъ поэтомъ, Орлая замѣчательнымъ живописцемъ, а Гокай первымъ романистомъ и публицистомъ своей родины. Не долго онъ занимался судебной практикой въ Пештѣ, гдѣ поступилъ въ контору одного адвоката, и первая опись единственной коровы у бѣднаго должника побудила его бросить это доходное, но не сочувственное ему ремесло. Онъ всецѣло предался литературѣ и въ особенности журналистикѣ, которой тогда Кошутъ, Деакъ и ихъ друзья придавали либеральный характеръ. Съ одной стороны онъ писалъ повѣсти и романы, первымъ изъ которыхъ былъ «Будни», а съ другой—редактировалъ юмористическую газету «Eletkerék» и писалъ пламенные патриотическія статьи, съ цѣлью превращенія Венгріи изъ феодальной страны въ либерально-конституціонное государство. Въ революціонномъ движеніи 1848 года онъ принялъ самое энергичное участіе, и его знаменитая прокламація подъ названіемъ «Двѣнадцать положеній», заключавшая въ себѣ краснорѣчивое изложеніе требованій венгерскаго сейма, вмѣстѣ съ пламеннымъ стихотвореніемъ Петефи: «Вставайте, венгерцы», помогла образованію независимой Венгріи, существовавшей, однако, очень недолго. Въ началѣ 1849 года онъ удалился вмѣстѣ съ тогдашнимъ венгерскимъ правительствомъ въ Дебречинъ и тамъ издавалъ его органъ «Esti Lapok», а послѣ Вилагосской капитуляціи онъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ и былъ заочно приговоренъ къ смертной казни вмѣстѣ съ своимъ другомъ графомъ Андраши. Спустя годъ онъ былъ помилованъ императоромъ и вернулся въ Венгрію, но съ тѣхъ поръ болѣе двѣнадцати лѣтъ почти исключительно писалъ романы, и рѣдко появлялись въ газетахъ его статьи, но они отличались такой рѣзкой критикой вѣнскаго реакціи, что ихъ авторъ нѣсколько разъ подвергался тюремному заключенію. Въ теченіе печальнаго для его родины управленія Баха, онъ написалъ самые лучшія изъ своихъ литературныхъ произведеній, въ томъ числѣ «Картины войны», «Венгерскій набобъ»,

«Золотое время Трансильваніи», «Новый землевладѣлецъ» и такъ далѣе; все они дышали горячимъ патріотизмомъ и преданностью идеямъ свободы и прогресса. Когда реакція въ Австріи стала ослабѣвать, Юкай основалъ политическую газету «А Ноп», которая сдѣлалась органомъ лѣвой стороны венгерскаго парламента, а со времени введенія системы дуализма онъ явился въ роли энергичнаго сторонника Коломана Тиссы, поддерживая либеральную правительственную партію въ своей газетѣ «Nemzet» и въ краснорѣчивыхъ рѣчахъ, произносимыхъ имъ въ венгерской палатѣ, членомъ которой онъ постоянно избирался. Тутъ совершается странная перемѣна въ внѣшней судьбѣ Юкая. Оставаясь прежнимъ патріотомъ и защитникомъ своихъ прежнихъ идей, онъ изъ оппозиціи попадаетъ въ лагерь правительства и его носятъ на рукахъ не только, какъ прежде, народъ, но и официальные сферы, начиная съ наследника престола эрцъ-герцога Рудольфа, помощникомъ котораго онъ состоялъ по изданію «Австро-венгерская монархія въ разсказахъ и картинахъ». Этотъ всеобщій культъ къ долго гонимому писателю увѣнчался теперь апогеезомъ и въ празднованіи его юбилея единственная печальная черта заключалась въ отсутствіи горячо любимой имъ подруги всей его жизни, которая умерла нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а до замужества была первой трагической актрисой Венгріи, обожавшей столь же единодушно Розу Лабарсальви, сколько она теперь обожаетъ ея мужа Мавра Юкая.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ

Французскія письма русской княгини съ нѣмецкими взглядами. — Корреспонденція англійской аристократіи. — Англо-русское литературное общество. — Русскіе миссіонеры въ Японіи. — Исторія Польши, написанная англичаниномъ. — Новѣйшія изысканія о Желѣзной Маскѣ.

ИСАТЕЛѢ и посланникъ Бакуръ болѣе всего извѣстенъ не своими литературными твореніями и не дипломатическимъ талантомъ, а изданіемъ записокъ и корреспонденціи Мирабо, изъ которой онъ выкралъ множество историческихъ документовъ, а другіе поддѣлалъ. Производилъ онъ эту операцію не изъ корыстныхъ цѣлей, а во имя монархическихъ и клерикальныхъ принциповъ, ad majorem Dei gloriam. Въ этихъ бумагахъ представители партіи консерваторовъ, къ которой онъ принадлежалъ, выставились въ невыгодномъ свѣтѣ, и потому потомство не должно было знать объ этихъ документахъ. Точно такую же фальсификацію Бакуръ продѣлалъ и съ мемуарами Талейрана, и издатель ихъ, герцогъ Брольи, такой же ретроградъ и іезуитъ, какъ Бакуръ, былъ уличенъ печатно въ томъ, что зналъ о поддѣлкѣ и допустилъ ее. Но рыцари трона и алтаря во Франціи держатся стойко не только своихъ идей, но и своихъ приверженцевъ, и Брольи, потерявшій надежду на осуществленіе своихъ политическихъ интригъ, продолжаетъ въ своемъ журналѣ «Le Correspondant» упорно отстаивать дипломатическую извѣстность Бакура, печатая его официальные депеши и проекты, совершенно ничтожные въ политическомъ отношеніи. Но между его корреспонденціей нашлись письма особы, принадлежавшей также къ дипломатическому міру, княгини Ливень, и они приводятся въ журналѣ (Lettres de la princesse Lieven à m. de Bacourt). Ихъ немного; но не имѣя того значенія, какое имъ придаетъ французская журналистика, нѣкото-

рыя изъ нихъ не лишены интереса, какъ характеризующія русскую политическую даму, высказывавшую свои мнѣнія даже въ томъ кругу, гдѣ принята только одна формула: «Какъ будетъ угодно приказать». Бакуръ познакомился съ княгиней Ливенъ въ Лондонѣ, когда занимала должность французскаго посланника, а мужъ княгини былъ русскимъ посломъ. Дѣйствуя не по приказанію, а по свойству своей натуры, княгиня вмѣшивалась въ интриги европейскихъ кабинетовъ и приобрѣла этимъ гораздо больше враговъ, чѣмъ симпатій. Но не смотря на это, ея салонъ въ Лондонѣ и особенно въ Парижѣ былъ центромъ фешіонебельнаго и дипломатическаго міра. Уже въ Лондонѣ ей было 49 лѣтъ, она никогда не была хороша собою и все-таки вокругъ нея собиралось избранное свѣтское общество, хотя англійскій премьеръ Мальмесбюри называлъ ее «чумою». Въ Парижѣ она уже не была посланницей, по дѣятельнымъ, хотя не официальнымъ агентомъ, приносившимъ большую пользу своему отечеству собираемъ для него свѣдѣній. Переписка ея началась съ 1839 года и продолжалась до 1856 года, но отвѣты Бакура неапечатаны. Въ 1836 году княгиня провела лѣто въ Баденѣ, гдѣ Бакуръ былъ посланникомъ, и вернувшись въ Парижъ, хлопотала, чтобы ея друга перевели изъ скучнаго Карлеруэ на другой дипломатическій постъ, но Гизо и Моле были заняты революціей въ Португаліи и Испаніи. Наряду съ политическими извѣстіями она передаетъ и свѣтскія новости: принцъ Павелъ Виртембергскій потерялъ 300.000 франковъ на испанскихъ фондахъ и ходитъ съ миной заговорщика; Николай Паленъ влюбленъ попрежнему; петербургскіе друзья княгини, трусливые по обыкновенію, боятся, что императоръ будетъ недоволенъ ея прїѣздомъ въ Парижъ. Въ Лондонѣ она прїѣхала еще разъ только въ 1845 г. и пишетъ, что хотя ее приняли прекрасно, но это все не то, что было въ тридцатыхъ годахъ. Она ѣздилла туда совѣтоваться съ знаменитыми окулистами, но они, конечно, не облегчили болѣзни ея глазъ. Она пишетъ къ Бакуру карандашомъ и посредствомъ машинки, но съ живостью передаетъ ему всѣ свѣтскія сплетни о путешествіи королевы Викторіи и ея странномъ характерѣ. Въ слѣдующемъ году, собираясь лѣтомъ въ Баденъ лечиться, она больше всего толкуетъ о томъ, останется ли Пиль первымъ министромъ, и прїѣдетъ ли на воды въ Баденъ виртембергскій король, потомъ говоритъ, что Пиль, представившій остъ-ирландскій билль, былъ низвергнуть большинствомъ 73 голосовъ и написалъ ей очень горячее письмо съ упреками своимъ противникамъ. Поручивъ Бакуру нанять ей на лѣто квартиру на водахъ, съ подробнымъ указаніемъ расположенія комнатъ, она въ слѣдующемъ письмѣ сообщаетъ, что отдумала ѣхать въ Баденъ, такъ какъ поѣздка причинитъ много хлопотъ, что леди Пальмерстонъ пишетъ къ ней почти каждый день и очень довольна своимъ положеніемъ, а лордъ Брумъ грозитъ низвергнуть виговъ, что Джонъ Россель лежитъ въ тифъ и не можетъ ѣхать въ Вѣну, куда его хотѣли назначить посломъ, отправивъ въ Парижъ Норманби и оставивъ въ Берлинѣ Вестморленда. Княгиня довольна выборами въ палату депутатовъ, давшими большинство правительственнымъ кандидатамъ, хотя въ іюнѣ на жизнь короля совершено было новое покушеніе. Зато положеніе Австріи кажется ей близкимъ къ крушенію. О несостоявшейся поѣздкѣ въ Баденъ она сожалѣетъ потому, что это лишило ее возможности бесѣдовать съ виртембергскимъ королемъ, «умнѣйшимъ человекомъ во всей Германіи», которымъ она, однако, почему-то недовольна, и говоритъ, что «на королей нельзя рассчитывать». Все это перемѣшано съ

свѣтскими новостями, съ назначеніемъ племянника Ливенъ въ Берлинъ на мѣсто Мансурова, съ выходомъ невѣстки Нессельроде замужъ за Стандича. Послѣ февральской революціи она поселилась въ Ричмондѣ и пишетъ отсюда: «Какое странное сумасшествіе охватило бѣдную Европу. Какой сумбуръ! Все это было бы вполне комично, еслибъ не было такъ печально». Въ Лондонѣ она видѣлась съ однимъ изъ павшихъ временщиковъ—Метернихомъ. «Его посѣщаютъ многіе, но второго визита ему не дѣлаютъ: тотъ болтунъ надобѣдаетъ всѣмъ, повторяя общія избытія мѣста и выдавая свои мнѣнія за непреложную истину». Гизо былъ гораздо лучше принять въ Лондонѣ, гдѣ жилъ очень скромно, принимая приглашенія на обѣды, но не являясь въ собраніяхъ и митингахъ. Онъ занимался только воспитаніемъ своихъ дѣтей и писалъ «Исторію Кромвеля». Орлеанскіе принцы, не зная, чѣмъ заняться, унижаютъ свое достоинство, пускаясь въ журнальную полемику. Положеніе Европы, по мнѣнію княгини, хуже, чѣмъ при вторженіи варваровъ въ IV вѣкѣ: «теперь въ каждомъ государствѣ свои варвары, и они стремятся захватить власть». Но еще больше политическихъ событій ее занимаетъ вопросъ: куда уѣхала княгиня Талейранъ, не отвѣчающая на ея письма. Въ 1850 году Ливенъ возвращается въ Парижъ и находитъ, что тамъ все очень спокойно. Много говорили о готовящемся государственномъ переворотѣ, но она не вѣрила въ него. Въ 1851 году она поручаетъ Бакуру собрать возможныя свѣдѣнія, для чего-то понадобившіяся ей — о герцогинѣ Лейхтенбергской. Въ послѣднемъ письмѣ изъ Шлангенбада въ 1856 году, она пишетъ, что очень больна. Въ слѣдующемъ году она умерла въ Парижѣ, 73-хъ лѣтъ, проживъ въ немъ болѣе 20-ти лѣтъ и оставляя его только во время февральской революціи и восточной войны. Въ Петербургѣ смотрѣли неблагосклонно на ея продолжительное проживаніе за границей, но одолевъ въ 1839 году, потерявъ двухъ сыновей и привыкнувъ къ роли посланницы, которую она играла въ теченіе 24-хъ лѣтъ, сначала въ Берлинѣ, потомъ въ Лондонѣ, она тяготилась бездѣятельностью придворной жизни. Не говоря уже о томъ, что ее, какъ всѣхъ остзейцевъ,—она была рожденная Бенкендорфъ, — постоянно влекло на западъ, она вообразила себѣ, что съ ея знаніемъ политическихъ отношеній европейскихъ дворовъ она за границей будетъ приносить гораздо больше пользы Россіи, интригуя въ ея интересахъ и въ строго консервативномъ духѣ. Правда, ея политика, въ большинствѣ случаевъ, была политикамствомъ добровольнаго дипломата, но вѣдь и вся дипломатія того времени вертѣлась на туманныхъ, хотя и громкихъ фразахъ, на интригахъ и попыткахъ извлечь для себя пользу изъ затрудненій дружественныхъ дворовъ. Парижскій салонъ княгини Доротеи Ливенъ, не смотря на его ретроградное направленіе, долгое время отбивалъ посѣтителей у прогрессивнаго салона г-жи Рекамье, и не даромъ ея поклонникъ Шатобрианъ такъ сильно возставалъ въ своихъ «Замогильныхъ запискахъ» противъ княгини и ея приверженцевъ. А ихъ было у нея не мало, и ее не напрасно называли Эгерією Гизо, этого умнаго, но недальновиднаго доктринера, погубившаго орлеанскую монархію. Ливенъ оставила отрывки изъ своихъ записокъ и огромную корреспонденцію, характеризующую мнѣнія свѣтскихъ кружковъ ея времени, и хотя она писала пофранцузски, а думала понѣмецки, но ея смлпатгіи принадлежали всетаки Россіи, а не одному высшему русскому обществу.

— Вышли также въ Лондонѣ письма представительницы высшаго англійскаго общества въ началѣ нынѣшняго столѣтія, леди Бергхершъ, вышед-

шей впоследствии замужъ за графа Вестморленда (The Letters of lady Burghersh, afterwards Westmoreland), любимой племянницы Веллингтона. Первый мужъ леди былъ дипломатъ школы Метерниха, и его жена, вращаясь въ политическихъ сферахъ, была близко знакома съ дѣлами Европы. Ея корреспонденція, писанная въ первое время ея замужества и изданная теперь ея дочерью, Розою Вейгаль, относится преимущественно къ эпохѣ между сраженіемъ при Лейпцигѣ и паденіемъ Наполеона. Письма эти не прибавляютъ ничего важнаго къ историческимъ даннымъ, но онѣ рельефно изображаютъ неурядицу и нерѣшительность дѣйствій союзныхъ армій, рознь во взглядахъ монарховъ, колебаніе общественнаго мнѣнія во Франціи и Англіи. Какъ англичанка, леди выражаетъ, нескрывая, свое отвращеніе «къ этому ненавистному Бонапарте и къ французамъ лакеямъ, или сумасшедшимъ»; но въ то же время она преклоняется передъ своимъ дядей Артуромъ и величаетъ его, какъ героя. Очень живы у нея также событія 1813—14 г. и характеристики выдающихся лицъ между союзниками, о которыхъ она приводитъ множество анекдотовъ. Лордъ Бергхершъ, какъ адъютантъ Веллингтона, былъ въ 1813 году военнымъ агентомъ въ австрійской арміи. Онъ не хотѣлъ оставить въ Лондонѣ свою молодую жену и взялъ ее съ собою на континентъ. Она послѣдовала за нимъ съ радостью, хотя при слабомъ здоровьѣ должна была переносить много лишеній въ походной жизни. Самое отправленіе ея съ мужемъ изъ Англіи сопряжено было съ большою опасностью. Изъ опасенія французскихъ крейсеровъ въ Ламаншѣ и по нѣмецкому побережью, они отправились окружнымъ путемъ въ Швецію, подъ ковоемъ английскихъ военныхъ судовъ, и изъ Готенбурга черезъ Балтійское море прибыли въ Стральзундъ. Бѣда въ хорошемъ экипажѣ, но по сквернымъ дорогамъ, остановки въ отвратительныхъ грязныхъ гостиницахъ, съ ужасною кухней, полное отсутствіе всякихъ удобствъ во всемъ, не могли нравиться леди, избалованной английскимъ комфортомъ. Она должна была остановиться и отдыхать въ Берлинѣ въ то время, какъ мужъ ея отправился въ главную квартиру князя Шварценберга. Въ столицѣ Пруссіи господствовали опасенія, патриотизмъ и бросающаяся въ глаза бѣдность—слѣдствіе жертвъ, приносимыхъ нѣмцами для освобожденія отечества. Въ больницахъ было 38.000 раненыхъ, за которыми ходили дамы высшего круга. На улицахъ не появлялось ни одной наѣздницы: всѣ онѣ отослали своихъ лошадей въ армію. Послѣ сраженія при Лейпцигѣ побѣдители «корсиканскаго тирана» собрались во Франкфуртъ, чтобы идти на Рейнъ. Леди Бергхершъ была единственною женщиною въ лагерѣ союзниковъ, не считая двухъ сестеръ Александра I, и вращалась въ кругу королей, принцевъ, фельдмаршаловъ, дипломатовъ. Русскій императоръ былъ въ восторгѣ отъ Веллингтона, и леди приводитъ слова его, сказанныя ей по-французски, послѣ Ватерлоо: «если бы у насъ былъ такой предводитель въ началѣ войны, мы бы много сдѣлали. Но у насъ былъ предводитель Богъ, и примѣръ англичанъ придаетъ намъ храбрость». Леди описываетъ однако не въ блестящемъ видѣ «кортежъ королей». «У Александра прекрасныя тонкія плечи, но онъ дурно сложенъ и держитъ себя, постоянно сгибаясь впередъ, отчего окружающіе его уже совершенно изогнулись и въ своихъ мундирахъ, перетянутыхъ въ талии, ломаются, какъ женщины. Австрійскій императоръ — маленькій, ничѣмъ не замѣчательный старичокъ, но я никогда не видала менѣе интересную особу, какъ прусскій король.

Съ нимъ были два сына (впослѣдствіи — король Фридрихъ-Вильгельмъ и Вильгельмъ I). Великій князь Константинъ не похожъ на брата и очень некрасивъ. Въ свитѣ были великій герцогъ Веймарскій, принцъ Павелъ Виртембергскій, электоръ Гессенскій, старій Платовъ, безобразный Барклая де-Толли, Милорадовичъ, Чернышевъ, Блюхеръ». Во время вторженія во Францію леди пользовалась вниманіемъ Метерниха и Шварценберга, и они часто пили у нея чай. Франція потеряла всякую надежду на Наполеона и вездѣ встрѣчала союзниковъ безъ сопротивленія. Александръ I имѣлъ твердое намѣреніе войти въ Парижъ. Блюхеръ старался попасть въ него прежде русскихъ. Шварценбергъ хлопоталъ о перемиріи, такъ какъ опасенія коалиціи были всегда велики, и она достигла своей цѣли только съ помощью такихъ имперіалистовъ, какъ Талейранъ, Бернадотъ, Мюрать, Мармонъ, Удино. Всѣхъ этихъ придворныхъ и маршаловъ леди Бергхершъ называетъ «полусвѣтомъ» (*demi-monde*) и смѣется надъ ихъ герцогскими и княжескими титулами. Но въ книгѣ ея видна не только англійская аристократка, но и умная женщина, не ослѣпленная ни легитимизмомъ, ни даже консерватизмомъ.

— Англо-русское литературное общество (*The anglorussian literary society*) начало издавать протоколы своихъ засѣданій, для разсылки членамъ. Намъ доставлена брошюра № 4, за послѣдніе мѣсяцы прошлаго года. Общество это принадлежитъ къ императорскому институту въ Лондонѣ, но брошюра напечатана «кооперативнымъ военно-морскимъ обществомъ». Начинается она съ перечисленія покровителей общества: герцога саксен-кобургъ-готскаго и эдинбургскаго, ея императорскаго высочества герцогини эдинбургской и наслѣдника цесаревича, и шести членовъ правленія съ президентомъ Казалетомъ; затѣмъ слѣдуютъ правила и главныя основанія общества (первое — содѣйствовать изученію русскаго языка и его литературы, знакомству съ русской журналистикой, дружескому сближенію между Великобританіей и Россіей). Потомъ слѣдуютъ рефераты, за которыхъ отвѣтственность лежитъ на ихъ авторахъ. Г. Нашъ читалъ статью «О спортѣ въ Россіи». Онъ очень доволенъ тѣмъ, что Россія, при ея политическомъ, литературномъ, общественномъ и комерческомъ развитіи, идетъ впередъ и на поприщѣ спорта. Статья приведена въ извлеченіи, и въ ней много любопытныхъ подробностей объ охотѣ въ степи. Г. Кинъ прочелъ рефератъ «О Россіи и Англіи на Востокѣ». Авторъ находитъ, что въ прошлое время было сдѣлано въ сношеніяхъ этихъ державъ много ошибокъ съ обѣихъ сторонъ. Азіатскія націи должны пользоваться покровительствомъ, просвѣщеніемъ и администраціею европейцевъ. Въ Средней Азійи совершенно другія условія, чѣмъ въ Индіи, и державы, подчинившія ихъ своему вліянію, могутъ дѣйствовать согласно со своими цѣлями, не сталкиваясь между собою. Только персидскій вопросъ представляется болѣе сложнымъ. Изъ всѣхъ азіатскихъ державъ только одна Японія приняла европейскую цивилизацію безъ содѣйствія Европы. Индія не можетъ достигнуть того же безъ руководителей. Довольно привести одинъ фактъ: до подчиненія Англіи она производила товаровъ на миліонъ рублей, теперь вывозятъ на сто миліоновъ. Распространяясь о благотѣльномъ вліяніи англичанъ на индусовъ, авторъ приводитъ слова Каткова изъ «Московскихъ Вѣдомостей»: «англичане—спасители Индіи; ихъ управленіе гуманнѣе, мягче и справедливѣе всѣхъ правительствъ, господствовавшихъ въ странѣ». Докладъ этотъ про-

шелъ безъ преній, такъ какъ обсужденіе политическихъ вопросовъ недопускается въ обществѣ. Г. Борзенко читалъ на русскомъ языкѣ записку о нѣкоторыхъ посвѣщенныхъ имъ учрежденіяхъ въ Сѣверной Америкѣ: бюро для выдачи привилегій за изобрѣтенія, обществахъ воздержанія и о воспитательной женской общинѣ. Въ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ авторомъ, много интересныхъ фактовъ. Читался также рефератъ г. Кремлева: «Шекспиръ въ Россіи». Авторъ говоритъ о значеніи у насъ великаго писателя, приводитъ о немъ стихи Полонскаго, свидѣтельства, что англійскаго драматурга цѣнили у насъ еще въ прошломъ столѣтіи, во время господства французскаго классицизма. Возставая противъ искаженія шекспировскихъ трагедій Сумароковымъ и Дюсисомъ, г. Кремлевъ уже слишкомъ строго относится къ Полевому: для нашей современной сцены подстрочный переводъ «Гамлета» былъ бы неудобенъ. Послѣ краткаго обзора нашей сцены при Островскомъ, авторъ говоритъ о возрожденіи въ публикѣ интереса къ Шекспировскимъ драмамъ и сожалеетъ, что у насъ нѣтъ Шекспировскаго общества. Въ концѣ брошюры помѣщенъ списокъ членовъ общества, между которыми не мало русскихъ. Въ послѣднемъ засѣданіи общества, не вошедшемъ въ брошюру, приведено сообщеніе миссъ Выше-славцевой изъ Тамбова объ успѣхахъ наукъ и литературы въ нашихъ провинціяхъ. Л. Н. Толстой, въ отвѣтъ на предложеніе избрать его въ члены общества, отвѣчалъ полнымъ сочувствіемъ его цѣлямъ, но желалъ бы ближе ознакомиться съ его дѣятельностью. Г-жа Милевская-Милевичъ прислала прекрасно написанную статью: «Толстой дома» (Tolstoi at home). Въ статьѣ описана жизнь писателя въ его тульскомъ имѣніи, куда изъ-за сотенъ верстъ стекаются толпами крестьяне. Приводятся нѣкоторые изъ его мнѣній: счастливѣйшій человекъ тотъ, кто меньше думаетъ и скромно умираетъ, поэтому крестьянинъ счастливѣе дворянина; дерево счастливѣе крестьянина, и смерть дуба составляетъ большую потерю для міра, чѣмъ смерть квягини; цивилизація и собственность внушаютъ отвращеніе и т. п.

— Въ первомъ № «Revue bleue» К. Хрисанфидесъ въ статьѣ «Русскіе въ Японіи» (Les russes au Japon) пророчитъ, что если эта страна оставитъ когда нибудь религію своихъ предковъ и приметъ христіанство, то этимъ она будетъ обявана русскимъ миссіонерамъ. Ихъ вліяніе оказалось особенно сильно въ послѣднее время, благодаря усиліямъ нынѣшняго начальника миссіи, содержимой на добровольные приношенія и сборы въ Россіи. Для успѣшной катехизаціи епископъ Николай основалъ смѣшанныя школы дѣвочекъ и мальчиковъ, и семинаріи, гдѣ обучаются и церковному пѣнію. Эти ученики дѣлаются впоследствии главою религіозныхъ общинъ и всюду распространяютъ ученіе Христа. Къ концу 1892 года такихъ православныхъ общинъ было уже въ Японіи 219, и въ нихъ до 130 проповѣдниковъ и 64 регента пѣнія. Теперь число христіанъ доходитъ до 26.000. Кромѣ двухъ монаховъ, одного священника и дьякона, прибывшихъ изъ Россіи, всѣ остальные духовныя лица—туземцы. Въ Гакодате, Узаки, Токіо смѣшанныя школы процвѣтаютъ. Въ послѣднемъ городѣ, кромѣ того, существуетъ бюро переводовъ, гдѣ 8 японцевъ переводятъ на свой языкъ священныя и литургическія книги. Тамъ же выходятъ для новообращенныхъ два журнала—одинъ для женщинъ. Епископъ постоянно объѣзжаетъ эти общины, и народъ встрѣчаетъ его дружелюбно и принимаетъ охотно новое ученіе. Бонзы, жрецы Будды, въ виду такой конкуренціи, старались въ нѣкото-

рых мѣстахъ поднимать противъ христіанъ невѣжественную толпу, но она оставалась равнодушна ко всѣмъ усиліямъ фанатизировать ее. Японская конституція признаетъ равенство всѣхъ религій и разрѣшаетъ проповѣдывать всякое религиозное и философское ученіе. Полицейскіе агенты присутствуютъ на преніяхъ буддистовъ съ христіанами, никогда не доходящихъ до столкновеній и беспорядковъ. Японцы особенно любятъ церковное пѣніе, и нерѣдко при богослуженіи вмѣстѣ съ хоромъ поетъ вся община. Въ послѣднее время народная музыка вторгается даже въ священные напѣвы. Авторъ говоритъ, что всѣми этими успѣхами христіанство обязано «апостолу Японіи», какъ называютъ епископа Николая. Мы сомнѣваемся, однако, чтобы новое ученіе быстро проникло въ высшее японское общество, отличающееся рационализмомъ и индифферентное къ религиознымъ вопросамъ.

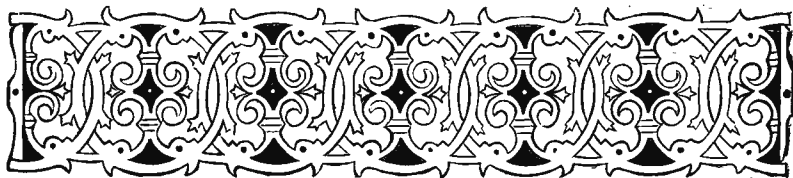
— Извѣстный знатокъ Россіи и славянства В. Морфиль издалъ исторію Польши (Poland) въ сборникѣ «Исторія націй», выходящемъ въ Лондонѣ. Англійская критика не совсѣмъ довольна книгою своего соотечественника и находитъ, что онъ не съ надлежащей англійской точки взглянулъ на Польшу и не стоитъ на ея сторонѣ при изложеніи ея отношеній къ Россіи. Древняя польская исторія, изложенная авторомъ по книгѣ Шлимана: «Russland, Poland und Lifland bis ins XVII Jahrhundert», признается критикою безукоризненною, но новѣйшая—пристрастна. По словамъ «Academy», она носитъ печать слишкомъ поверхностной компіляціи. Другіе упрекаютъ автора за то, что онъ цитируетъ писателей, современныхъ различнымъ историческимъ событіямъ, хотя и приводитъ свидѣтельства англичанъ Коннора, Гарвея, Кокса. Но онъ отводитъ слишкомъ много мѣста исторіи нравовъ и культуры, тогда какъ сѣверной войнѣ отведено пять страницъ, а возстанію 1830 года—двѣ. Двухдневное сраженіе при Гроховѣ, одна изъ «героическихъ» битвъ, разсказана какъ малозначущая стычка. О Скрженецкомъ почти ничего не говорится, также какъ объ интригахъ варшавской аристократіи, мѣшавшихъ ходу событій. Конституцію 1791 года авторъ считаетъ плодомъ тарговицкой конфедераціи, тогда какъ послѣдняя открылась въ 1792 году, когда интриги и происки Пруссіи обнаружались во всемъ ихъ непривлекательномъ свѣтѣ. Костюшкѣ также не отдана должная справедливость. Общественное положеніе Польши и ея литературы изложены вполнѣ удовлетворительно, хотя и тутъ встрѣчаются пробѣлы, какъ умолчаніе о произведеніяхъ Яна Лама и Элизы Оржешко. О причинахъ исклеченія Польши изъ числа европейскихъ державъ Морфиль не распространяется, а только перечисляетъ главныя изъ нихъ: аристократизмъ, не подчиняющійся никакой дисциплинѣ, нетерпимость духовенства, отсутствіе среднихъ классовъ въ обществѣ, крѣпостничество крестьянъ, недостатокъ выдающихся людей. Но всѣ эти явленія замѣчались и у другихъ народовъ. Отчего же Польша пала, а равная ей одно время Пруссія получила такое значеніе? Или исторію дѣлаютъ не націи, а немногія, стояція въ главѣ ихъ лица, какъ думалъ Карлейль?..

— Двѣсти лѣтъ слишкомъ прошло со времени заключенія въ Пиньероль «Желѣзной маски». Кто былъ узникъ, скрывавшійся подъ ней? Тайна эта такъ и осталась неразгаданною въ исторіи. Нужны были важныя политическія причины, чтобы принудить человѣка сорокъ лѣтъ, до его смерти, носить если не желѣзную, то бархатную маску, скрывать его отъ всѣхъ

глазъ и въ то же время всячески оберегать его жизнь и относиться къ нему съ величайшимъ уваженіемъ. Немудрено поэтому, что узника считаютъ близнецомъ Людовика XIV, похожимъ на своего брата до того, что сходство это показалось опаснымъ королю-солнцу, и онъ спокойствія государства и своего собственного, присудилъ единоутробнаго брата къ вѣчному маскараду. Этой легендѣ противорѣчить только слишкомъ продолжительное пребываніе королевскаго двойника на свободѣ, такъ какъ узнику было 24 года, когда его заперли въ крѣпость. Гдѣ же его прятали до того времени и какимъ образомъ никто изъ видѣвшихъ его въ дѣтствѣ и въ юношескомъ возрастѣ, не выдалъ тайны или не передалъ ее своимъ потомкамъ? И, всетаки, это предположеніе правдоподобіе всѣхъ преданій о Фуке, Маркіали, Матиоло и разныхъ авантюристахъ. Теперь двое военныхъ нашли въ архивахъ своего министерства секретный шифръ, который Лувуа и король употребляли въ перепискѣ съ маршаломъ Катина во время войны съ Пиемонтомъ, и издали книгу въ 300 страницъ, подъ заглавіемъ «Желѣзная маска. Открытіе шифрованной корреспонденціи Людовика XIV» (*Le masque de fer. Révélation de la correspondance chiffrée de Louis XIV*). Авторамъ, полковнику Базери и Э. Бюрго, удалось разобрать эту корреспонденцію, что дѣлаетъ честь ихъ проицательности—лингвистической, но не исторической, такъ какъ они нашли, что «Желѣзная маска» былъ генераль Бюлондъ, присужденный королемъ къ этому странному наказанію за постыдное отступленіе отъ осажденной крѣпости Кони въ 1691 году. Бѣгство мало кому извѣстнаго генерала будто бы такъ огорчило Людовика XIV, что онъ приказалъ запереть его въ тюрьму на всю жизнь и еще въ маскѣ. Какъ ни былъ безграниченъ королевскій деспотизмъ, но онъ, всетаки, облакался въ общепринятая формы, а не въ маску, никогда не примѣнявшуюся, какъ мѣра наказанія къ трусливымъ полководцамъ. Встрѣчались они и во французской арміи, особенно въ послѣднія, неудачныя войны Людовика, и даже въ то же самое время въ Италіи. Фекьеръ прославился еще болѣе яввою трусостью. Однако, его не приговаривали за это къ ношенію вѣчной маски. Не хотѣли судить открыто, военнымъ судомъ, бѣглеца изъ-подъ крѣпости—могли просто посадить его въ тюрьму, но къ чему же тутъ маска? Зачѣмъ эта утонченная жестокость въ отношеніи къ генералу, не желавшему подвергать своей персоны опасностямъ приступа; зачѣмъ эта непонятная заботливость, чтобы никто не выдалъ его лица, не зналъ его имени; эти таинственныя предосторожности, принимаемыя при заключеніи узника въ Пиньероль, перевозъ его на островъ св. Маргариты, затѣмъ въ Бастилію, при его погребеніи подъ чужимъ именемъ? Для чего было уничтожать въ тюремныхъ спискахъ, въ архивахъ, въ официальныхъ документахъ малѣйшіе слѣды существованія плохого генерала, когда строгое открытое наказаніе его могло удержатъ другихъ трусовъ отъ подобныхъ продѣлокъ и служить полезнымъ урокомъ для арміи? Изъ шифрованного приказа Лувуа видно только, что король приказалъ посадить Бюлонда въ Пиньероль, гдѣ «на ночь запираетъ въ его комнатѣ, а днемъ позволятъ гулять въ крѣпости, только въ маскѣ». Но въ XVII вѣкѣ обычай носить маску во время прогулокъ соблюдался въ высшемъ кругу, и распоряженіе Лувуа могло касаться и Бюлонда, какъ до всѣхъ пиньерольскихъ узниковъ, и изъ этого шифра не слѣдуетъ, чтобы генераль былъ именно «Желѣзною

маскою». Въ книгѣ приведены примѣры и другихъ узниковъ, также носившихъ маску, конечно, не желѣзную, потому что легенда о такой маскѣ просто сочинена Вольтеромъ, хотя онъ описываетъ подробно, для красоты слога, какимъ именно механизмомъ открывалась и запиралась эта маска. Авторы доказываютъ свое открытіе и тѣмъ, что ни одна газета и никакіе мемуары не говорятъ ни объ освобожденіи Бюлонда изъ заключенія, ни о его смерти. Но при тогдашней ограниченной гласности кому нужно было заниматься судьбою наказаннаго генерала? Однимъ словомъ, и послѣ новаго изслѣдованія объ этомъ загадочномъ узникѣ, «Желѣзная маска» остается попрежнему въ исторіи таинственною маскою.

СМѢСЬ.

ПРАЗДНОВАНИЕ 700-лѣтія св. князя Всеволода-Гавріила. Въ Псковскомъ археологическомъ обществѣ происходило торжественное засѣданіе въ память семисотлѣтія (1193 — 1893 г.) перваго псковскаго князя святаго Всеволода-Гавріила, умершаго въ 1138 году. Засѣданіе состоялось въ обширной, декорированной залѣ дворянскаго собранія. Присутствовала вся псковская интеллигенція. На хорахъ зала два хора пѣвчихъ. Засѣданіе открылъ графъ Адлербергъ чтеніемъ поздравительныхъ телеграмъ. Интересно поздравленіе отъ русскаго учительскаго кружка «Родникъ» въ гор. Юрьевѣ. «Съ сердечною и глубокою радостью русскій учительскій кружокъ «Родникъ» въ городѣ Юрьевѣ присоединяется мыслію къ чествованію памяти святаго князя Всеволода-Гавріила въ древнѣйшемъ русскомъ городѣ Псковѣ, вспоминая, что между дѣяніями князя лѣтописецъ отмѣтилъ также слѣдующее: «Иде Всеволодъ съ Новгородца на Чудь и вая городъ Гюрьеувъ, на память святаго Никифора, февраля въ 9-й день». Перехода изъ рукъ въ руки, смѣняя не разъ свое русское имя на иномземное, старый русскій Юрьевъ вновь воссоединенъ нынѣ, какъ при князѣ Всеволодѣ, съ великою семьею родныхъ городовъ нашихъ. Есть таинственная связь между событіями, отдаленными другъ отъ друга вѣками, есть новое, въ которомъ лишь старина стародавняя слышится, продолжается великій завѣтъ давно минувшаго времени: мирными средствами просвѣщенія и могучею русскою рѣчью крѣпче и крѣпче объединяются воедино и великія и малыя земли «отецъ и дѣдъ нашихъ», иже налѣзоша трудомъ своимъ великимъ»; все ярче и ярче обозначается глубокая, истаринная связь между ними. Во имя этой связи, во имя великой и свѣтлой памяти князя Всеволода-Гавріила, чествуемой торжественно нынѣ, шлемъ и свой скромный и горячій привѣтъ древнему соотчуждену Пскову, на долю коего пало это великое русское празднество!» Послѣ прочтенія телеграмъ, хорами былъ исполненъ тропарь и концертъ Затѣмъ преподавателемъ семинаріи В. Дмитревскимъ была произнесена рѣчь въ которой онъ охарактеризовалъ дѣятельность Всеволода въ связи съ тогдашнимъ состояніемъ Руси. Произнесена и другая рѣчь также преподавателемъ семинаріи Лебедевымъ. Содержаніе ея составляло значеніе кн. Всеволода въ политическихъ судьбахъ нашего отечества и въ частности Пскова.

Одинъ изъ присутствовавшихъ В. Н. Гедиминъ въ краткихъ чертахъ позкомилъ публику съ состояніемъ нашего отечества 700 лѣтъ назадъ. Многіе побывали у праздничной трапезы въ архіерейскомъ домѣ. Для простого народа, по распоряженію городского головы, былъ въ народной чайной на городской площади даровой чай, а по распоряженію гр. Адлерберга для проходящихъ въ домъ Трудолюбія устроенъ обѣдъ на деньги, собранныя духовенствомъ и препровожденныя въ домъ Трудолюбія настоятелемъ собора.

Торжественное засѣданіе академіи наукъ. Въ годовомъ засѣданіи академіи присутствовали Наслѣдникъ Цесаревичъ, председательствовалъ президентъ великій князь Константинъ Константиновичъ. Въ числѣ присутствовавшихъ было много высокопоставленныхъ лицъ. Эстрада была украшена бюстомъ Петра I, окруженнымъ тропическими растеніями. Первымъ прочитанъ Н. О. Дубровиннымъ отчетъ о дѣятельности академіи по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ. 1893 годъ отмѣченъ утратою вице-президента Я. К. Грота, по поводу смерти котораго Государь на докладѣ министра народнаго просвѣщенія написалъ: «Меня эта смерть весьма огорчила. Я зналъ Я. К. Грота болѣе тридцати-пяти лѣтъ и привыкъ любить и уважать эту достойную личность». За нимъ сошелъ въ могилу непремѣнный секретарь академіи А. А. Штраухъ, членъ-корреспондентъ Ю. Э. Янсонъ, проф. Куммеръ въ Берлинѣ, эллинистъ Заупе и проф. Вюстенфельдъ въ Геттингенѣ. Научная дѣятельность академикомъ была сосредоточена на обсужденіи вопросовъ, предложенныхъ академіи правительственными и частными лицами. Былъ разсмотрѣнъ «Проектъ метеорологическаго учрежденія для сельскаго и лѣснаго хозяйства», выдвинутый вопросомъ о борьбѣ съ засухами; снаряжена экспедиція въ 1892 году въ сѣверную Монголію для продолженія изслѣдованій глубокой древности, начатыхъ орхонскою экспедиціею. Экспедиція, состоящая изъ гг. В. В. Бартольда и художника С. М. Дудина, отправлена въ Семирѣченскую область, Тарбагатай и въ восточный Туркестанъ для разысканія древнихъ развалинъ, кладбищъ, памятниковъ и надписей. Снаряжая эту экспедицію, академія вмѣстѣ съ тѣмъ озаботилась, чтобы, за неожиданною кончиною И. Д. Черскаго, командированнаго въ сѣверо-восточную Сибирь, работы этого ученаго не остались безъ продолженія. Для обсужденія этого вопроса была назначена физико-математическимъ отдѣленіемъ особая коммиссія изъ академикомъ Л. И. Шренка, О. Б. Шмидта, Г. И. Вильда, А. С. Фаминцына, покойнаго А. А. Штрауха, А. П. Карпинскаго и О. Д. Плеске. Цѣлью работъ этой экспедиціи была доставка въ академію изъ Прианской тундры трупа мамонта, но отъ этого трупа найдены были только остатки, уцѣлѣвшіе отъ вѣшнихъ водъ. Поэтому экспедиція отправилась на Ново-Сибирскіе острова и побережье Ледовитаго океана. Академія признала необходимымъ напечатать предварительный отчетъ, составленный въ 1891 г. покойнымъ И. Д. Черскимъ. Академикъ П. Л. Чебышевъ представилъ мемуаръ «О полиномахъ, наилучше представляющихъ значеніе простѣйшихъ дробныхъ функцій при величинахъ переменной, заключающихся между двумя данными предѣлами». Работы Николаевской астрономической обсерваторіи были многочисленны и доставили много новыхъ данныхъ. Къ числу ихъ принадлежитъ сообщеніе академика О. А. Бредихина о томъ, что новая звѣзда въ Возничемъ въ апрѣлѣ погасла или, по крайней мѣрѣ, стала невидимою даже для сильнѣйшихъ телескоповъ. Въ августѣ она снова появилась и представляется теперь со значительно измѣненными свойствами. Она окружена туманностью, и ее можно назвать туманною звѣздою; спектръ ея рѣзко отличается отъ прежняго, а по блеску ее слѣдуетъ причислить къ звѣздамъ 9,5—10 величины. Астрофизикъ Пулковской обсерваторіи Бѣлопольскій производилъ тщательныя измѣренія линий ея спектра. Кромѣ этого, академикомъ Бредихинимъ былъ произведенъ цѣлый рядъ работъ по астрономіи. Академикъ О. А. Ваклундъ продолжалъ

свои изслѣдованія о движеніи кометы Энке за періодъ времени съ 1819 по 1891 г. Въ «Бюллетенѣ» академіи помѣщенъ рядъ работъ астрономовъ. Такія же работы напечатаны и въ «Мемуарахъ» и въ «Запискахъ». Въ 1892 г. дѣйствовало 557 метеорологическихъ станцій главной физической обсерваторіи. Число дождемѣрныхъ станцій возрасло до 820, число же пунктовъ, гдѣ специально наблюдались грозы,—до 1.030; наконецъ, число станцій, гдѣ производились наблюденія надъ толщиною снѣжнаго покрова, было 1.354. Число получаемыхъ главною физическою обсерваторіею ежедневныхъ метеорологическихъ телеграмъ увеличилось въ 1892 г. до 242, а число телеграмъ, высылаемыхъ обсерваторіею, ежедневно—до 29. Сверхъ того, обсерваторіею посланы въ порты Балтійскаго моря и на прибрежныя станціи большихъ сѣверныхъ озеръ 194 штормовыхъ предостереженій, а въ порты Чернаго и Азовскаго морей 147, изъ которыхъ среднихъ числомъ 80 проц. было удачныхъ. По почину академика Г. И. Вильда, предполагается установить предсказанія измѣненій уровня водъ въ рѣкахъ. Затѣмъ въ прочитанномъ отчетѣ былъ перечисленъ длинный рядъ работъ ученыхъ академикомъ и не академикомъ. Вторымъ былъ прочитанъ отчетъ о преміяхъ и медаляхъ, присужденныхъ академіей въ 1893 г. Премія имени почетнаго члена академіи С. А. Грейга была присуждена проф. Московскаго университета И. И. Янжулу за сочиненіе: «Основныя начала финансовой науки—ученіе о государственныхъ доходахъ». Медалью въ честь имени академика Бѣра награжденъ Н. А. Гребницкій, управляющій Командорскими островами и обогащавшій музей академіи богатыми собраниями предметовъ по зоологій. Затѣмъ на кафедрѣ взошелъ академикъ С. А. Бредихинъ и прочелъ статью: «О физическихъ перемѣнахъ въ небесныхъ тѣлахъ». Это былъ интересный историческій очеркъ, начавшійся описаніемъ яркой звѣзды 130 года до Р. X. и законченный новой звѣздой 1891 года. Статья эта была окончена слѣдующими словами почтеннаго академика: «Кому удалось въ жизни, послѣ трудовъ, усилій и сомнѣній, угадать, найти хоть малую крупницу общей истины въ наукѣ или въ искусствѣ, тотъ помнить, какія свѣтлыя минуты переживалъ онъ. Не тогда ли онъ жилъ вполне лучшей частью своего существа? Въ необъятной вселенной безмѣрно долгое время будутъ возникать для насъ одинъ за другимъ новые и нерѣшенные вопросы, и такимъ образомъ предъ человѣкомъ лежитъ уходящій въ безконечность путь научнаго труда, умственной жизни съ ея тревогами и наслажденіями». Засѣданіе было закончено отчетомъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности. Были почтены имена почившихъ членовъ и труженниковъ по этому отдѣленію: Я. К. Грота, Н. С. Тихонравова, Амфилохія и И. С. Чистовича. Въ составѣ отдѣленія произошли перемѣны: послѣ кончины Я. К. Грота предсѣдательствующимъ назначенъ ординарный академикъ А. Ф. Бычковъ.

Главное предпріятіе отдѣленія—«Словарь русскаго языка» — не остановилось кончиною Я. К. Грота. Покойный успѣлъ отпечатать нѣкоторую часть 3-го выпуска. Оставшіеся послѣ него матеріалы, оканчивающіеся буквою Д, разрабатываются въ отдѣленіи по старому плану. Третьимъ выпускомъ кончается первый томъ. Ординарный академикъ М. И. Сухомяновъ издалъ въ отчетномъ году второй томъ редактируемыхъ имъ «Сочиненій» М. В. Ломоносова. Академикъ А. Н. Веселовскій издалъ первый томъ своего сочиненія: «Боккаччо, его среда и сверстники». Томъ этотъ заканчивается Декамерономъ. Академикъ И. В. Ягичъ помѣстилъ въ «Сборникѣ» отдѣленія русскаго языка и словесности статью: «Вновь найденное свидѣтельство о дѣятельности Константина Философа»; окончилъ начатое Ю. С. Анненковымъ изданіе: «Сочиненія Петра Хельчицкаго». Л. Н. Майковъ въ теченіе отчетнаго года занимался, главнымъ образомъ, подготовительными работами для порученнаго ему изданія сочиненій Пушкина.

Избраны въ почетные члены: Т. И. Филипповъ, С. Ю. Витте, В. Н. Черинъ, проф. Н. Прингсгеймъ въ Берлинѣ, проф. Теодоръ Момзенъ въ Берлинѣ, чл. франц. инст. Луи Пастеръ. Въ члены корреспонденты: по физико-математическому отдѣленію, по разряду біологическихъ наукъ: профессоръ новороссійскаго унив. В. В. Заленскій, проф. унив. св. Владимира И. О. Шмальгаузенъ; по отдѣленію русскаго языка и словесности: проф. Петербургскаго унив. А. И. Соболевскій, проф. Историко-филологическаго института И. Н. Ждановъ, проф. Туринскаго унив. Иосифъ Миллеръ. По историко-филологическому отдѣленію: проф. Московскаго унив. И. И. Янжуль, унив. св. Владимира В. С. Иконниковъ, Новороссійскаго унив. О. И. Успенскій, петербургской духовной академіи В. В. Болотовъ, Новороссійскаго унив. О. Е. Коршъ, Петербургскаго унив. О. Ф. Зелинскій, Казанскаго унив. Д. О. Бѣляевъ, проф. Лейпцигскаго унив. Отто Рибекъ, членъ французскаго института Поль Фукаръ, проф. Лейпцигскаго унив. Карль Вругманъ, членъ археологической комиссіи баронъ Вл. Густ. Тизенгаузенъ, проф. Кильскаго унив. Георгъ Гофманъ.

Торжественное собраніе Славянскаго общества. Это собраніе предсѣдатель открылъ рѣчью, въ которой напомнилъ о протекшихъ недавно событіяхъ, имѣющихъ значеніе для славянства. Это—900-лѣтіе Черногоровской епархіи, 300-лѣтіе со дня изданія въ Черногоріи первой славянской богослужебной книги «Октоиха» и, наконецъ, 100-лѣтіе со дня рожденія славянскаго поэта, автора «Дочь Славы», Коллара. Затѣмъ послѣдовало избраніе новыхъ членовъ. А. А. Кирѣвъ читалъ статью: «Наши противники и наши союзники». Славянофилы обвиняютъ въ томъ, что они не вносятъ прогресса въ дѣло. Еще съ 40-хъ годовъ славянофилы остаются вѣрными самимъ себѣ и вѣрными своимъ прежнимъ воззрѣніямъ. Ихъ идеалы одни и тѣ же. Сравненіе славянофильскихъ идеаловъ съ западными говоритъ въ пользу непоколебимости первыхъ и шаткости вторыхъ. Прогрессъ Запада — ложный и происходитъ отъ раскола между западною церковью и западнымъ государствомъ. Лекторъ рассмотрѣлъ критически двѣ статьи, направленные противъ славянофильства: «Разочарованный славянофилъ» и «Разложеніе славянофильства». Отношеніе славянофильства къ западной культурѣ вовсе не враждебно. Наши идеалы могутъ излечить Западъ отъ его недуговъ. Славянофильство вовсе не зависитъ отъ нѣмецкой философіи, признаетъ рационализмъ несостоятельнымъ и питаетъ отвращеніе ко всякому насильственному мѣрамъ. Въ старокатолицизмѣ славянство видитъ своего союзника и вѣрять въ возможность для западныхъ славянъ-католиковъ выйти изъ религіозныхъ затрудненій и примкнуть къ православію при помощи старокатолицизма. Мы должны и можемъ излечиться отъ нашихъ недуговъ собственными средствами и собственными нашими силами. Проф. А. С. Будиловичъ сдѣлалъ характеристику личности, дѣятельности и поэзіи славянскаго поэта Коллара. Колларъ извѣстенъ гораздо болѣе въ Западѣ, чѣмъ у насъ. Онъ воспитанъ на преданіяхъ Амоса Коменскаго. Главная заслуга его — собраніе пѣсенъ славянскихъ народовъ. Какъ авторъ, онъ извѣстенъ своей поэмой «Дочь Славы», въ которой отражается вліяніе Петрарки. Содержаніе ея — любовь къ славянамъ и призывъ къ взаимной ихъ любви между собою. Въ славянство онъ вѣрилъ, какъ въ одно физическое и нравственное цѣлое, какъ въ одинъ цѣлый организмъ и былъ убѣжденъ въ величіи славянства и въ прошедшей его исторіи, и въ будущемъ. Лучшія свои надежды онъ возлагалъ на русскій народъ.

Юбилей В. В. Стасова. Въ январѣ состоялся рѣдкій, по соединенію разнообразныхъ представителей областей науки и искусства, юбилей Влад. Васильевича Стасова, много потрудившагося на пользу русскаго просвѣщенія. Многочисленные друзья и почитатели его приурочили къ семидесятой годовщинѣ его живни празднованіе почти совпадающаго съ нею 50-ти-лѣтняго

юбилей его литературной дѣятельности. Торжество происходило въ Ларинской залѣ публичной библіотеки, гдѣ юбиляръ съ давнихъ поръ состоитъ завѣдующимъ художественнымъ отдѣломъ. Юбиляръ, въ сопровожденіи директора публичной библіотеки А. Ѳ. Бычкова, вошелъ въ залу и занялъ мѣсто рядомъ съ сестрою М. И. Глинки, Л. И. Шестаковою. Чествованіе началось объявленіемъ юбиляру пожалованія ему золотой табакерки, усыпанной брилліантами. Чтеніе послѣдовавшихъ за тѣмъ многочисленныхъ адресовъ было открыто А. Ѳ. Бычковымъ, привѣтствовавшимъ В. В. отъ лица служащихъ въ публичной библіотекѣ. Далѣе слѣдовали адресы: отъ общества поощренія художествъ, отъ археологическаго общества, избравшаго В. В. своимъ почетнымъ членомъ,—графомъ И. И. Толстымъ, профессоромъ В. Д. Смирновымъ и М. С. Куторгой; устное привѣтствіе профессоровъ Петербургскаго университета (по слухамъ, подносящаго юбиляру honorigis causa степень доктора археологіи и исторіи искусства), отъ кружка музыкантовъ—Л. И. Шестаковой, Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ и др.; отъ женскаго художественнаго кружка — Е. М. Бемъ и г жею Новосильцевой; адресъ отъ лица молодежи, поднесенный группою ея представителей; отъ имени русскихъ женщинъ—М. В. Молчановой (Ильинской); отъ школы кружевницъ—Т. В. Сѣмечкиной и другихъ. Особенно растрогало юбиляра поднесенное ему полное собраніе его сочиненій, изданное кружкомъ его друзей, въ роскошномъ картонажѣ работы художника Роппета. Нѣкоторые адреса сопровождалась роскошными подношеніями, въ числѣ которыхъ выдавались: превосходный портретъ В. В. горельефъ скульптурный (юбиляръ, работающій за своимъ письменнымъ столомъ), вышивка фресокъ въ керченскихъ (Пантикапейскихъ) катакомбахъ, открытыхъ В. В. Стасовымъ, и др.

Вотъ адресъ отъ молодежи:

«Скоро полвѣка, Владиміръ Васильевичъ, какъ вашъ убѣжденный и горячій голосъ слышится среди всеобщаго мертвящаго равнодушія во всѣхъ областяхъ родного искусства, не давая въ нихъ заглухнуть ни одному живому явленію.

«Дѣломъ и словомъ неизмѣнно и безкорыстно служа во имя народности и художественной правды родному искусству, толкуя непонятныя произведенія проникнутыхъ ими первыхъ нашихъ великихъ мастеровъ и восторженно привѣтствуя на пути къ нимъ всѣ молодыя силы, вы, какъ живое звено, связываете всѣ поколѣнія русскихъ художниковъ.

«Вотъ почему сегодня и мы, младшіе, чествуемъ васъ отъ лица молодежи, объединенной искренней благодарностью и горячими пожеланіями еще многихъ и многихъ лѣтъ плодотворной дѣятельности тому, кто въ семидесятую годовщину своей жизни остается для насъ живымъ примѣромъ воистину богатырской энергіи и неоскудѣвающей любви въ мощномъ служеніи родному искусству».

Юбилей Я. Г. Есиповича. Друзья и почитатели сенатора Я. Г. Есиповича правдвали 50-лѣтній юбилей его службы. Яковъ Григорьевичъ, дворянинъ Смоленской губерніи, окончилъ курсъ по юридическому факультету Московскаго университета въ 1843 г. со степенью кандидата, получилъ золотую медаль за сочиненіе: «Уголовное право по уложенію царя Алексѣя Михайловича». Первые три года службы Я. Г. провелъ въ Петербургѣ въ департаментѣ юстиціи. Съ 1846 г. принялъ на себя обязанности члена таверической гражданской палаты. Въ палатѣ въ то время покоились груды нерѣшенныхъ межевыхъ дѣлъ. Дѣла эти затрогивали самыя жизненныя интересы мѣстнаго населенія, котораго запутанныя и сложныя поземельныя отношенія были обусловлены разновременнымъ наслоеніемъ пришлаго населенія, приобретающаго свою поземельную собственность отъ туземцевъ, границы между земельными владѣніями которыхъ не были правильно установлены. Молодой труженикъ втеченіе 4-хъ лѣтъ не только распуталъ массу

дѣль, до него лежавшихъ безъ движенія, но и приобрѣлъ замѣчательную опытность въ юридической сторонѣ межевыхъ дѣлъ. Поэтому, когда Я. Г. въ 1850 г. рѣшился возвратиться въ Петербургъ, онъ былъ призванъ къ исправленію должности оберъ-секретаря межевого департамента. Въ 1859 г., при предстоявшемъ государственному совѣту усиленію его законодательной дѣятельности, Я. Г. былъ приглашенъ на должность помощника статсъ-секретаря по департаменту законовъ. Въ этой должности Я. Г. находился въ числѣ присутствовавшихъ въ томъ памятномъ засѣданіи совѣта, въ которомъ, подъ личнымъ предѣдательствомъ Александра II, окончательно былъ рѣшенъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Не мало выпало на долю членовъ государственной канцеляріи трудовъ въ это славное для всѣхъ участниковъ великихъ реформъ прошлаго царствованія время. Еще болѣе видное участіе принялъ Я. Г. въ 1862 г. въ судебной реформѣ, гдѣ онъ уже дѣйствовалъ, какъ членъ-редакторъ комисіи по преобразованію судебныхъ учрежденій. Съ 1868 г. Я. Г. занялъ должность статсъ-секретаря государственнаго совѣта по департаменту гражданскихъ дѣлъ, въ которую онъ втеченіе 12-лѣтней дѣятельности внесъ не только свои обширныя юридическія познанія, но и спокойное безпристрастіе и неутомимое трудолюбіе. Въ 1877 г. Я. Г. былъ назначенъ сенаторомъ и съ тѣхъ поръ втеченіе 6 лѣтъ присутствовалъ въ гражданскомъ кассационномъ департаментѣ, а въ послѣднее десятилѣтіе присутствовалъ во второмъ департаментѣ сената. Съ крестьянскими дѣлами, составляющими предметъ вѣдѣнія этого департамента, Я. Г. освоился очень скоро, будучи подготовленъ къ тому прежней дѣятельностью и тѣмъ, что онъ всегда хорошо былъ знакомъ съ бытовыми условіями жизни крестьянскаго сословія. Дворянинъ Смоленской губерніи, онъ втеченіе полувѣковой дѣятельности не утратилъ связи съ землею, владѣть и нынѣ родовымъ смоленскимъ имѣніемъ, которое постоянно посѣщалъ во время своихъ отпусковъ и вакацій, и съ свойственною ему гуманностью относится къ пользамъ и нуждамъ не только бывшихъ своихъ крестьянъ, но и всего мѣстнаго населенія. Лицамъ, незнакомымъ съ практикою сената, покажется едва вѣроятнымъ, что за 10-лѣтіе дѣятельности Я. Г. Есиповича во второмъ департаментѣ было рассмотрѣно не менѣе 80.000 крестьянскихъ дѣлъ, изъ которыхъ каждое затрагиваетъ самые существенные интересы народныхъ массъ и касается весьма часто множества заинтересованныхъ въ немъ лицъ. Рассмотрѣніе этихъ дѣлъ распределяется между сенаторами (которыхъ въ департаментѣ бываетъ отъ 5 до 7), но всѣ безъ исключенія дѣла проходятъ черезъ руки первоприсутствующаго, и нужно было удивляться трудолюбію Я. Г., всегда внимательно изучавшаго всѣ обстоятельства каждаго сколько нибудь существеннаго дѣла и заранѣе обдумывавшаго лучший способъ справедливаго по существу и вмѣстѣ съ тѣмъ законнаго разрѣшенія. Если къ этому присоединить всегдашнее доброжелательство и безпристрастіе Я. Г., не сухое и формальное, а теплое и гуманное отношеніе его къ дѣлу, и полное самаго тонкаго такта умѣнье соединить достоинство и авторитетъ предѣдателя съ тѣмъ условіемъ, что онъ по закону и своему положенію является какъ въ департаментѣ, такъ и нерѣдко въ первомъ общемъ собраніи, только первымъ между равными (*primus inter pares*), то получится вѣрный обликъ почтеннаго юбиляра и объясненіе, почему въ средѣ своихъ товарищей и подчиненныхъ онъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ и любовью, точно такъ же, какъ и въ своей всегда дружной семьѣ и на своей родинѣ.

† Въ ночь на 31-е декабря отъ паралича сердца редакторъ-издатель газеты «Недѣля» Павелъ Александровичъ Гайдебуровъ. Онъ родился въ 1841 г. въ Николаевѣ, Херсонской губерніи, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Онъ въ числѣ лучшихъ учениковъ кончилъ въ 1857 г. курсъ въ херсонской гимназіи и поступилъ въ Петербургскій университетъ на юридическій факуль-

тетъ. Студентомъ, онъ написалъ первый свой рассказъ «Странная доля», напечатанный въ 1857 г. въ «Сынѣ Отечества» А. В. Старчевскаго. Успѣхъ первой литературной работы вызвалъ у автора стремленіе занять видное мѣсто среди литераторовъ. Въ 50-хъ и 60-хъ годахъ имъ напечатано нѣсколько рассказовъ и повѣстей: «Мужичекъ» (Иллюстрація В. Зотова), «Надзиратель» («Современникъ»), «Два мгновенія» («Русск. Слово»), «Нященка» («Библіотека для чтенія»), «Дневка» (газета «Очерки») и др. Кромѣ того, онъ сдѣлалъ прекрасный стихотворный переводъ поэмы Шевченко «Гайдамаки» для «Современника». Рассказы его показывали въ авторѣ безспорный талантъ, хотя не были выдающимися литературными произведениями. Онъ избралъ для своей дѣятельности поприще публициста. Впродолженіе двухъ лѣтъ онъ завѣдывалъ отдѣломъ «Южно-русской лѣтописи» въ «Основѣ» В. М. Бѣлозерскаго, съ 1863 по 1865 г. былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» В. Корша, въ которыхъ печатались его «Провинціальное обозрѣніе» за подписью «Гдб.» и передовыя статьи по внутреннимъ вопросамъ, затѣмъ помѣщалъ статьи по «внутреннему обозрѣнію» въ «Современникѣ» и «Дѣлѣ». Изъ его обстоятельныхъ статей за это время явились «Соціально-экономическія попытки въ Россіи», «Тенденціозная драма», «Русская семья передъ гласнымъ судомъ» и др. Когда А. Н. Артоболовскій сталъ издавать въ 1866 г. газету «Гласный судъ», Гайдебуровъ былъ ея редакторомъ. Съ 1869 г. журнальная дѣятельность его сосредоточилась въ «Нѣдѣлѣ», приобрѣтенной имъ въ собственность совместно съ г-жею Ковради и Росселемъ. Въ 1875 г. онъ сдѣлался единственнымъ собственникомъ этой газеты, помѣстивъ въ ней рядъ статей по равнымъ вопросамъ «Литературно-житейскія замѣтки», а также свою послѣднюю повѣсть: «На новыхъ началахъ». П. А. Гайдебуровъ принималъ живое участіе въ дѣятельности «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ». Устройство публичныхъ чтеній и литературныхъ обществъ, чествованій не обходилось безъ его содѣйствія. Какъ человѣкъ, онъ имѣлъ мягкій, симпатичный характеръ и пользовался общимъ уваженіемъ.

† 3-го января отъ крупознаго воспаленія легкихъ Алексѣй Федоровичъ Ивановъ, извѣстный авторъ многихъ художественныхъ стихотвореній подъ псевдонимомъ «Классика». Его небольшія, но талантливыя произведенія изданы отдѣльными сборниками подъ заглавіемъ: «Пѣсни Классика» и «На разсвѣтѣ». Въ нихъ покойный тепло и искренно, кратко и сжато рисуетъ жизненныя картины, мѣтко характеризуетъ типы петербуржцевъ и ѣдко подсмѣивается надъ людскими недостатками. Онъ принадлежалъ къ поэтамъ-газетнымъ работникамъ, и потому чаще всего посвящалъ свою музу «злобамъ дня». Онъ сотрудничалъ въ «Искрѣ» В. Курочкина, «Петербургскомъ Листкѣ», «Иллюстраціи» В. Зотова, «Будильникѣ», «Стрекозѣ» и другихъ изданіяхъ. А. Ѳ. сынъ крестьянина, крѣпостного Бутурлина. Родился 2-го февраля 1841 года, въ Любимскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи. Дѣтство провелъ въ деревнѣ. Когда мальчикъ вступилъ въ школьный возрастъ, отецъ его жилъ въ Петербургѣ приказчикомъ въ магазинѣ суконъ. А. Ѳ. былъ опредѣленъ въ школу для обученія грамотѣ; когда онъ выучился читать и писать, отецъ рѣшилъ, что мальчикъ достаточно свѣдущъ въ наукахъ, и сталъ приучать его къ торговлѣ. Юноша пристрастился къ чтенію. Онъ покупалъ на скудныя сбереженія произведенія русскихъ классиковъ и перчитывалъ ихъ украдкой по нѣсколько разъ. Родителямъ не нравилась страсть ихъ сына. Они сжигали книги и подсмѣивались надъ юношей. То же дѣлали и сосѣди приказчики, придумавшіе въ насмѣшку покойному названіе «Классика», которое впоследствии было избрано имъ своимъ псевдонимомъ. Запрещеніе читать книги, насмѣшки нисколько не уменьшили въ немъ стремленія къ самообразованію. Онъ настойчиво учился, приобрѣталъ знанія и развивалъ въ себѣ вкусъ ко всему изящно-художественному. Въ

особенности онъ много поработалъ надъ собственнымъ образованіемъ, когда занялъ мѣсто конторщика въ одной изъ кладовыхъ Гостянаго двора. Въ это время онъ сталъ пробовать писать стихотворенія. Рѣшмы ему давались легко, пѣвучесть, картинность и тактъ были особенностью его рѣчи съ дѣтства. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости сильно подѣйствовало на впечатлительность покойнаго. Онъ зналъ по личному опыту тягость крѣпостного права. Его радость вылилась въ прекрасномъ стихотвореніи. Первымъ печатнымъ произведеніемъ «Классика» было стихотвореніе «На смерть Никитина», въ «Петербургскомъ Вѣстникѣ» г. Камбека въ 1861 году. Затѣмъ А. Ѳ. познакомился съ В. С. Курочкинымъ, который, замѣтивъ въ немъ недюжинный талантъ, пригласилъ его въ число постоянныхъ сотрудниковъ «Искры». Съ тѣхъ поръ покойный постоянно трудился на литературномъ поприщѣ. Онъ отличался замѣчательной наблюдательностью, мѣткостью выраженій и большимъ остроуміемъ. Его хорошо знали въ литературныхъ и артистическихъ кружкахъ. Веселый собесѣдникъ, хорошій товарищъ и добрый человекъ, готовый подѣлиться послѣдней копеекой, чтобы выручить нуждающагося изъ бѣды,—А. Ѳ. пользовался общими симпатіями. Во всякое время и на любомъ торжествѣ онъ былъ желаннымъ гостемъ, умѣвшимъ вспомнить добрымъ словомъ бывшее изъ литературнаго міра, посмѣшить неожиданнымъ экспромтомъ и отиѣтить выдающееся въ стихотворной формѣ. Послѣднее время онъ часто жаловался на нездоровье и какъ-то опустился. На праздникахъ простудился, занемогъ и умеръ, какъ Гайдебуровъ, 52 лѣтъ.

† Близъ Дрездена извѣстная писательница и талантливая переводчица Каролина Карловна Павлова, урожденная Янишь. Она начала печатать свои произведенія въ 1830-хъ годахъ и уже въ концѣ 1860-хъ годовъ прекратила свою литературную дѣятельность. Получивъ образцовое домашнее воспитаніе и сталкиваясь съ раннихъ лѣтъ съ учеными и писателями, друзьями ея отца, профессора Яниша, К. К. увлеклась литературной работой и занялась переводомъ русскихъ произведеній на иностранные языки и нѣмецкихъ произведеній на русскій. Такъ, она перевела на французскій и нѣмецкій языки стихотворенія Пушкина, къ. Вяземскаго, Баратынскаго и Языкова. Ея переводы были исполнены съ талантливой добросовѣстностью и вызвали одобреніе со стороны какъ Вяземскаго, такъ и Языкова, посвятившихъ покойной нѣсколько своихъ стихотвореній. Въ 1830-хъ годахъ К. К. Янишь вышла замужъ за писателя Н. Ф. Павлова и еще болѣе сблизилась съ кружкомъ литераторовъ 1840-хъ годовъ. Ея оригинальныя стихотворныя произведенія: «Шепоть грустный, шепоть тайный», «Поэтъ» и др. печатались въ то время въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Москвитянинѣ», «Современникѣ», «Библіотекѣ для чтенія» и др. періодическихъ изданіяхъ. Въ этихъ же журналахъ появились и ея переводы балладъ Вальтеръ-Скотта, пѣсенъ Гейне, Рюккерта и др. Кромѣ мелкихъ стихотвореній, изданныхъ въ 1863 году отдѣльнымъ сборникомъ, писательницѣ принадлежитъ солидный трудъ, исполненный стихами и изданный подъ заглавіемъ «Двойная жизнь». Въ немъ она рельефно обрисовала тогдашнее воспитаніе русскихъ свѣтскихъ дѣвушекъ и ихъ замужество по расчету. Изъ другихъ ея трудовъ извѣстны «Развѣтки въ Франціи», комедія («Москвитянинъ», 1852 г.), «Амфитріонъ»—драматическая сцена («Отечеств. Зап.», 1856 г.), «За чайнымъ столомъ»—разсказъ, патриотическое стихотвореніе «Разговоръ въ Кремлѣ» (1854 г.) и др. Московское общество любителей россійской словесности поднесло К. К. Павловой за ея литературные труды дипломъ на званіе почетнаго члена. Въ 60-хъ годахъ покойная напечатала два перевода: «Монологъ Тѣклы» изъ «Валленштейнова лагеря» и «Смерть Валленштейна»—трагедія Шиллера («Вѣстн. Евр.», 1868 г.), а также перевела на нѣмецкій языкъ

два сочиненія графа А. К. Толстого: «Don Juan» и «Zar Fedor Iwanowitsch». К. К. умерла въ глубокой старости на 84 году.

† Отъ инфлуэнцы присяжный повѣренный Алексѣй Михайловичъ Унновскій, принадлежавшій къ виднымъ общественнымъ дѣятелямъ. Съ введеніемъ судебной реформы онъ явился въ числѣ первыхъ по времени присяжныхъ повѣренныхъ Петербурга и съ тѣхъ поръ непрерывно, въ продолженіе 27 лѣтъ, трудился на адвокатскомъ поприщѣ, приобрѣлъ репутацію безпристрастнаго представителя интересовъ правды и общее уваженіе не только суда и адвокатовъ, но и столичнаго общества. Покойный всегда дорожилъ истиннымъ правосудіемъ, свободой слова и правдивымъ разрѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ. Безкорыстное и безавѣтное служеніе идеямъ правды и справедливости было положено имъ въ основу дѣятельности. А. М. изъ дворянъ Тверской губерніи, родился въ 1828 г., воспитывался въ Александровскомъ лицейѣ и кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ кандидатомъ юридическихъ наукъ. Въ 1850 г. онъ началъ свою службу въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, но архивныя занятія были не по душѣ молодому юристу, стремившемуся къ широкой общественной дѣятельности. Онъ уѣхалъ на родину и занялъ въ Твери, въ 1854 г., должность уѣднаго судьи. Какъ судья и просвѣщенный, даровитый человекъ, А. М. быстро зарекомендовалъ себя и черезъ три года былъ избранъ единогласно губернскимъ предводителемъ дворянства. Онъ былъ ревностнымъ поборникомъ освобожденія крестьянъ, участвовалъ въ подготовительныхъ трудахъ по этому дѣлу, ратовалъ за отміну тѣлесныхъ наказаній и введеніе гласнаго суда, земскихъ учрежденій, за всеобщую воинскую повинность и преобразованіе городского управленія. При введеніи контрольной реформы, онъ, по приглашенію В. А. Татаринова, принялъ должность управляющаго нижегородской контрольной палатой въ 1865 г. Поставивъ новую тогда палату на надлежащую высоту, онъ черезъ годъ промѣнялъ свое почетное положеніе и солидное обезпеченіе по должности на званіе присяжнаго повѣреннаго. Познанія, умъ и высокая честность выдѣлили А. М. изъ среды товарищей; онъ былъ избранъ вскорѣ членомъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, затѣмъ товарищемъ предсѣдателя, предсѣдателемъ, и въ послѣднемъ званіи состоялъ до 1881 года. Онъ горячо любилъ литературу, постоянно слѣдилъ за научнымъ движеніемъ; въ 1860-хъ годахъ помѣстилъ рядъ обстоятельныхъ статей о крестьянской и судебной реформахъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Каткова и «Современникѣ» Некрасова, въ послѣдствіи сотрудничалъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» В. Корша и писалъ преимущественно передовыя статьи по общественнымъ и юридическимъ вопросамъ. Кромѣ того, ради популяризаціи гласнаго суда, А. М. перевелъ и издалъ сочиненія: Шауэнштейна—«Судебная медицина», Уильса—«Теорія косвенныхъ уликъ», Миттермайера—«Руководство къ судебной защитѣ», «Судопроизводство Англій, Шотландіи и Сѣверной Америки» и др. Какъ человекъ, онъ обладалъ симпатичнымъ характеромъ, обходительностью, добродушіемъ и готовностью помочь всякому, нуждавшемуся въ его содѣйствіи.

† Въ Москвѣ общественный дѣятель Дмитрій Аркадіевичъ Столыпинъ, извѣстный своими печатными трудами по сельскому хозяйству и философіи. Ему принадлежатъ слѣдующія сочиненія: «Арендные хутора» («Русск. Вѣстн.», 1892 г.), «Графъ Н. С. Мордвиновъ въ его сельско-хозяйственной дѣятельности», «Земледѣльческіе порядки до и послѣ упраздненія крѣпостнаго права» и др. Въ послѣднее время имъ изданъ рядъ брошюръ философскаго и политико-экономическаго содержанія. Д. А. Столыпинъ родился въ 1818 г. По окончаніи курса въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ онъ поступилъ на службу въ Конный полкъ, но вышелъ вскорѣ въ отставку и поселился на Кавказѣ, гдѣ въ то время жилъ М. Ю. Лермонтовъ. Покойный и его братъ, Алексѣй Аркадіевичъ, были родственниками и ближайшими

«истор. вѣстн.», февраль, 1894 г., т. LV.

20

друзьями поэта. Д. А. Столыпинъ участвовалъ въ качествѣ секунданта въ роковой дуэли, которая была гибельна для Лермонтова. Когда разгорѣлась Крымская война, Д. А. явился въ рядахъ защитниковъ Севастополя. Въ дѣлѣ на Черной рѣчкѣ онъ, рискуя своей жизнью, вынесъ подъ градомъ непріятельскихъ пуль съ поля битвы трупъ убитаго генерала Веймарна. Въ этомъ дѣлѣ покойный былъ контуженъ. Послѣ освобожденія крестьянъ Д. А., помѣщикъ крупныхъ имѣній въ разныхъ губерніяхъ, организовалъ въ своихъ имѣніяхъ хуторное хозяйство въ обширныхъ размѣрахъ.

† Екатерина Алексѣевна Сысоева, редакторъ-издательница дѣтскаго журнала «Родникъ». Происходя изъ русской дворянской семьи Альмедингенъ, Е. А. родилась 8-го октября 1829 г. въ Тверской губерніи и воспитывалась въ Московскомъ Екатерининскомъ институтѣ, гдѣ кончила курсъ съ золотою медалью. Въ 1849 г. она вышла замужъ за С. П. Сысоева, чиновника въ Твери, потомъ цензора. Владѣя въ совершенствѣ тремя иностранными языками: англійскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ, она еще въ молодые годы занималась переводами для журналовъ и отдѣльныхъ изданій. Съ переѣздомъ въ 1870 г. въ Петербургъ, ею переведено нѣсколько ученыхъ сочиненій: «Воспитаніе умственное, нравственное и физическое» Спенсера, «Астрономическій атласъ» Брунста, «О звуковыхъ ощущеніяхъ» Маха, а по беле-тристикѣ: «Дѣти вѣка» Поля Гейзе, серія политическихъ романовъ Самарова и друг. Въ то же время она исподоволь писала для себя воспоминанія своего дѣтства, которыя вначалѣ вовсе не предназначала для печати. Впослѣдствіи же, по совѣту близкихъ людей, она рѣшилась придать этимъ воспоминаніямъ повѣствовательную форму и выпустила ихъ въ свѣтъ подъ названіемъ: «Исторія маленькой дѣвочки». Книга эта завоевала Сысоевой почетное мѣсто между писательницами для дѣтей. Завѣтною мечтою Е. А. было всегда изданіе собственнаго дѣтскаго журнала. Въ концѣ 1880 г., приобрьта дѣтскій журналъ «Воспитаніе и Обученіе», она съ января 1881 г. переименовала его въ «Родникъ», который въ первый же годъ изданія обратилъ на себя вниманіе родителей разнообразіемъ матеріала и свѣжестью направленія. Въ немного лѣтъ «Родникъ» занялъ между другими дѣтскими журналами видное мѣсто. Усиленная, несоразмѣрная съ преклоннымъ уже возрастомъ умственная дѣятельность и постоянное нервное возбужденіе, неизбѣжное при глубокой преданности своему дѣлу и при слѣбшой журнальной работѣ, не остались безъ вліянія и на здоровую вообще натуру Сысоевой. На 10-й годъ ея редакторства, въ октябрѣ 1890 г., ее постигъ первый ударъ, отъ котораго она уже не оправилась.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Могила П. М. Садовскаго.

Въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1893 г. помѣщена статья г. Ярцева: «Возобновленіе и охраненіе забытыхъ могилъ». Нельзя не отнестись съ полнѣйшимъ сочувствіемъ къ возникшему обществу охраненія могилъ сценическихъ дѣятелей и не пожелать ему широкаго содѣйствія со стороны публики, такъ какъ, увеличивъ свои матеріальныя средства, общество это современемъ можетъ расширить свою дѣятельность и озаботиться охраненіемъ могилъ не однахъ только сценическихъ, но и другихъ замѣчательныхъ русскихъ людей, могилы которыхъ, теперь совсѣмъ

забытыя и повсюду разбросанныя, крайне нуждаются въ поддержкѣ. Если вспомнить, въ какомъ забросѣ и запустѣніи стоялъ до юбилея даже могильный памятникъ А. С. Пушкина, то ясно, что памятники менѣе извѣстныхъ лицъ должны представлять самый жалкій и плачевный видъ на нашихъ безобразно содержимыхъ многочисленныхъ кладбищахъ столичныхъ, городскихъ и сельскихъ. Но, прежде чѣмъ приступить собственно къ охраненію и поддержанію существующихъ памятниковъ, необходимо найти самые памятники и могилы, и потому желательно, чтобы лица, которымъ съ точностью извѣстно мѣсто погребенія какого либо замѣчательнаго человѣка, сообщали объ этомъ въ правленіе общества.

По моему убѣжденію, эта мѣра прежде всего должна быть приведена въ исполненіе, такъ какъ въ той же статьѣ г. Ярцевъ уже упоминаетъ о двухъ затерянныхъ могилахъ: К. Н. Полтавцева и Ѳ. Г. Волкова, а между тѣмъ Полтавцевъ умеръ менѣе тридцати лѣтъ тому назадъ. Ясно, что для отысканія и другихъ забытыхъ могилъ дорогъ каждый годъ... Причины ихъ исчезновенія всѣмъ понятны и вытекаютъ изъ обычая ставить предварительно на могилахъ деревянные кресты, въ ожиданіи пока осядетъ свѣжевырытая земля и представить возможность поставить тяжелый памятникъ. Но вмѣстѣ съ осѣданіемъ земли, къ несчастію, осѣдаютъ скорбь и горе по покойникамъ, и мало-по-малу дѣло постановки памятниковъ перестаетъ казаться слѣпнымъ и важнымъ. Все рѣже и рѣже посѣщаются могилы; деревянные кресты подгнили, рухнули, или украдены. Въ сосѣдствѣ появились новые могилы и памятники, что значительно измѣнило мѣстность, и могила утрачена навсегда.

На томъ же Пятницкомъ кладбищѣ, гдѣ погребенъ Полтавцевъ, похороненъ въ 1872 г. незабвенный артистъ Провъ Михайловичъ Садовскій... Въ 1872 и 1873 годахъ я имѣлъ случай часто бывать на этомъ кладбищѣ и каждый разъ заходилъ поклониться праху Садовскаго. Долго на его могилѣ не было никакого памятника, но потомъ поставили крошечный камушекъ въ видѣ скалы и на немъ укрѣпили очень скромныхъ размѣровъ чугунный крестъ съ бронзовымъ распятіемъ, на подобіе крестовъ, красующихся во множествѣ на лютеранскихъ и католическихъ кладбищахъ. Въ общемъ, памятникъ имѣетъ весьма мизерный видъ и служитъ слабымъ и несоотвѣтственнымъ напоминаніемъ о громадномъ русскомъ самородкѣ, подъ нимъ погребенномъ... Но, что самое главное, ни на крестѣ, ни на камнѣ никакой надписи! Даже часто бывая на кладбищѣ, я не всегда могъ сразу найти могилу Садовскаго, благодаря скученности памятниковъ, но тогда, по крайней мѣрѣ, ее знали всѣ сторожа. Черезъ двадцать лѣтъ, въ 1892 году, я вновь былъ на Пятницкомъ кладбищѣ и болѣе получаса искалъ могилу Садовскаго въ знакомомъ мнѣ участкѣ съ лѣвой стороны алтаря. Кресты, въ родѣ креста надъ Садовскимъ, за это время неизмовѣрно размножились; сторожа уже забыли его могилу и не могли мнѣ ее указать. А что будетъ еще черезъ 20 лѣтъ? Не постигнетъ ли и эту дорогую русскому сердцу могилу участь могилы Полтавцева?

Мнѣ кажется, что общество охраненія могилъ сценическихъ дѣятелей оказало бы громадную услугу, поставивъ надъ могилой Садовскаго какуюнибудь доску съ надписью, чтобы дать возможность всякому, кто зналъ и помнить покойнаго артиста, или слышалъ о немъ, поклониться его праху, проходя случайно или не случайно мимо его могилы. С. Романовъ.

II.

Къ «Очеркамъ Москвы».

Въ июньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1893 года, въ статьѣ г. Покровскаго «Очерки Москвы», при описаніи рѣчки Чечоры и прилегающей къ ней мѣстности, на страницѣ 750-й, авторъ говоритъ: «За Денисовской усадьбой она (р. Чечора) проходитъ черезъ владѣнія нѣмца котельника Дангауэра, недавно еще принадлежавшія генералу Семену Николаевичу Волкову, одному изъ интендантскихъ дѣятелей севастопольской эпохи»...

Такъ какъ домъ моего дѣда, генерала Семена Алексѣевича Волкова, умершаго въ 1873 году, прилегалъ къ владѣніямъ г-на Дангауэра по теченію р. Чечоры, то я не сомнѣваюсь, что авторъ говоритъ именно про моего дѣда, переимавшій отчество, а потому исправляю неточности, касающіяся личности моего дѣда. Дѣдъ мой, вступивъ на службу въ 1809 году и окончивъ ее въ 1857 году, никогда, ни въ какихъ эпохахъ, интендантомъ не былъ. Въ Севастопольской же кампаніи командовалъ пѣхотной бригадой и, будучи контуженъ въ Альминскомъ сраженіи ядромъ въ голову, вернулся въ Москву и поселился въ домѣ, принадлежащемъ моей бабушкѣ Иринѣ Михайловнѣ (урожденной Быковой), на берегу р. Чечоры. Владѣніе дѣда моего продано уже нами, внуками, г-ну Дритенпрейсъ; а г-нъ Дангауэръ купилъ землю подъ свой заводъ у г-на Дешаріо, и земля эта никогда моему дѣду не принадлежала.

Н. Волковъ.

III.

По поводу «Сна Рылѣвой».

Прочитавъ рассказъ «Сонъ Рылѣвой» (въ № 1 «Историческаго Вѣстника»), не могу не указать одной особенности его. Рассказъ этотъ передаетъ, со словъ матери Рылѣва, бывшее ей видѣніе, пророчески указывавшее на трагическую кончину ея сына; рассказывала она свой сонъ уже спустя нѣсколько лѣтъ послѣ казни Рылѣва. Происшествіе было бы весьма интересно, если бы не выходило нѣкотораго недоразумѣнія. Дѣло въ томъ, что Рылѣвъ погибъ въ 1826 г., а мать его умерла въ 1824 году. Это показаніе всѣхъ биографовъ Рылѣва подтверждается и словами письма самого Рылѣва отъ 27-го января 1825 г.: «Сейчасъ была у меня Т. Н... Добрая женщина по сію пору плачетъ о маменькѣ»¹⁾. Въ письмѣ изъ крѣпости отъ 27-го марта 1826 г. онъ же говоритъ: «Для уплаты долговъ покойной матушки, я долженъ былъ заложить деревню»²⁾. Наконецъ, въ письмахъ его жены отъ 18-го мая 1826 г. и его самого отъ 24-го мая 1826 г. говорится о панихидахъ по матери (ibid, стр. 176—177). Такимъ образомъ, если рассказъ, какъ удостовѣряетъ авторъ, записанъ со словъ Рылѣвой Софьей Николаевной Савиной, то несомнѣнно, что эта бесѣда носила характеръ спиритическаго сеанса.

Мих. Мазаевъ.

¹⁾ Сочиненія Рылѣва, изданіе «Сѣвера», 1893 г., стр. 152.

²⁾ Ibid., стр. 171.

КАССА ВЗАИМОПОМОЩИ

ПРИ ОБЩЕСТВѢ ДЛЯ ПОСОБІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ

ЛИТЕРАТОРАМЪ и УЧЕНЫМЪ.

Извлеченіе изъ отчета за 1892 (второй) годъ.

Въ 1892 году, Кассѣ пришлось на дѣлѣ провѣрить прочность своего существованія и испытать, въ какой мѣрѣ идея самопомощи встрѣчаетъ не только теоретическое одобреніе въ средѣ ученыхъ и литераторовъ, но и реальную поддержку, выражающуюся въ готовности жертвовать ради этой цѣли извѣстными средствами, непринужденно выполняя обязательства, лежащія въ основѣ правъ, приобретаемыхъ участниками Кассы, и той громадной пользы, которую она можетъ принести избранной средѣ образованнаго русскаго общества въ будущемъ. Едва открывъ свои дѣйствія, обладая ничтожнымъ капиталомъ, не достигавшимъ и двухъ тысячъ рублей (1935 руб. 20 к.), Касса должна была въ 1892 году израсходовать почти половину всѣхъ наличныхъ средствъ на выполненіе одной изъ своихъ задачъ—на выдачу пособій, которыя, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, получаютъ значеніе премій по страхованію жизни. Многие изъ скептиковъ, не вѣрившихъ въ самую возможность учрежденія Кассы, предсказывали потомъ, что она прекратитъ свое существованіе послѣ первой же выдачи, такъ какъ израсходованныя суммы не будутъ возмѣщены обязательными платежами громаднаго большинства членовъ. Но Касса выдержала это испытаніе; она не только возмѣстила двѣ произведенныя ею выдачи, но и увеличила къ 1893 году свой капиталъ на 33%.

Эта опасность вполне устранена. Уже на общемъ собраніи 1-го ноября означенная убыль была съ избыткомъ пополнена приливомъ новыхъ членовъ. Въ настоящее же время правленіе предлагаетъ избрать еще 26 лицъ, заявленія которыхъ поступили послѣ 1-го ноября. Всѣ эти лица внесены уже въ списки Кассы и приняты во вниманіе при расчетѣ нормированныхъ платежей на 1893 годъ. Такимъ образомъ, въ 1893 годъ Касса вступаетъ съ 180 участниками, число которыхъ не только покрываетъ указан-

ную выше убыль, но и превышаетъ число дѣйствительныхъ членовъ прошлаго года на 37.

Значительный приливъ новыхъ участниковъ объясняется какъ приведенными уже указаніями на упрочивающееся довѣріе къ Кассѣ, такъ и статьями, появившимися въ разныхъ изданіяхъ въ 1892 году по просьбѣ правленія, обращенной къ редакціямъ и вліятельнѣйшимъ сотрудникамъ провинціальныхъ газетъ. Кромѣ того, правленіе находилось въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми участниками Кассы, выражающими наиболѣе сочувствія къ ея задачамъ, знакомило и сближало между собою членовъ, живущихъ въ одномъ городѣ, и поддерживало съ своей стороны всякій поинъ ихъ въ привлеченіи новыхъ участниковъ, въ разъясненіи значенія Кассы и т. п.

Правленіе считаетъ долгомъ упомянуть, что особенно замѣчательнъ приростъ новыхъ участниковъ Кассы въ Юрьевѣ (Дерптѣ). Здѣсь было только два члена въ 1892 году; теперь же въ число членовъ Кассы вступаетъ еще 19 лицъ, принадлежащихъ къ ученой корпораціи почтеннаго Юрьевского (Дерптскаго) университета. Въ Москвѣ также имѣется уже около 30 членовъ, и вопросъ объ открытіи московскаго отдѣленія Кассы близится къ своему разрѣшенію. По этому предмету правленіе находится въ оживленной перепискѣ съ наиболѣе дѣятельными участниками Кассы въ Москвѣ и, вѣроятно, скоро созоветъ чрезвычайное общее собраніе для разсмотрѣнія предположеній объ открытіи московскаго отдѣленія. Надо надѣяться, что такое же отдѣленіе представится возможнымъ открыть и въ Юрьевѣ (Дерптѣ).

Учрежденіе отдѣленій расширить дѣятельность Кассы, облегчить выполнение обязательствъ членовъ ея, живущихъ внѣ Петербурга, доставить имъ возможность принимать непосредственное участіе въ дѣлахъ ея и будетъ содѣйствовать какъ удержанію нынѣшнихъ членовъ, такъ и приливу новыхъ.

Въ Кіевѣ также увеличилось число членовъ; но въ такихъ умственныхъ центрахъ, какъ Одесса, Харьковъ и Казань, Касса не имѣетъ ни одного участника.

Въ отчетѣ за прошлый годъ личный составъ Кассы былъ опредѣленъ въ 158 членовъ. Изъ этого числа 15 лицъ не внесли вступныхъ взносовъ и потому вовсе не были занесены въ списки Кассы. Такимъ образомъ, въ 1892 году число членовъ равнялось только 143 (въ 1891 году—95).

Изъ 143 членовъ Касса имѣла несчастье потерять двухъ скончавшихся членовъ: М. И. Семейскаго и П. М. Свободина.

Какъ ни прискорбна эта потеря, тѣмъ болѣе, что она не оправдывалась возрастомъ скончавшихся членовъ (42 и 55 лѣтъ), но эти неизбежныя утраты все же не подтвердили тѣхъ опасеній, которыя выражались при учрежденіи Кассы и нерѣдко слышатся и теперь со стороны лицъ, не принимающихъ участія въ ней и игнорирующихъ закономѣрность явленій соціальной жизни. Въ дѣйствительности опытъ 1892 г., какъ и въ прошломъ году, подтвердилъ, что даже принятая при разработкѣ устава Кассы норма средней смертности (3%) до сихъ поръ оказывается преувеличенною. По

этой нормѣ Касса рисковала потерять отъ смертности 5 лицъ; на дѣлѣ же было только два смертныхъ случая, составляющихъ не болѣе 1,4%. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ прошломъ году была холера, и господствовали и другія эпидеміи.

Въ 1892 году, какъ уже сказано, Касса выдала двѣ суммы на основаніи § 9, п. а устава: одну въ размѣрѣ 620 рублей (а за вычетомъ въ пользу Кассы 5%—588 рубл. 5 коп.), а другую въ 410 рубл. (за вычетомъ 5%—389 руб. 50 коп.), а всего дѣйствительныя выдачи составили—977 рубл. 55 коп.

Выдачи 1892 года хотя и превышали размѣръ тѣхъ суммъ, которыя могли быть выданы изъ Кассы въ 1891 году (на 150—90 рубл.), но могли бы быть еще выше, если-бъ участники Кассы были исправнѣе въ своихъ взносахъ.

На 1893 годъ подлежащія выдачи суммы опредѣляются въ слѣдующихъ размѣрахъ (при 180 членахъ и при указанномъ выше распредѣленіи ихъ по разрядамъ):

По 50 рубл. разряду	891 рубл.
» 25 » »	866 »
» 20 » »	856 »
» 15 » »	836 »
» 10 » »	791 »
» 5 » »	611 »
» 3 » »	447 »
» 1 » »	179 »

Изъ изложеннаго видно, что общее положеніе Кассы продолжаетъ улучшаться во всѣхъ отношеніяхъ: число членовъ возрастаетъ, размѣръ подлежащихъ выдачъ суммъ увеличивается, а средній возрастъ участниковъ понижается. На 1893 годъ средній возрастъ понизился почти на годъ, составляя 39 лѣтъ (въ прошломъ году—39,84, а въ 1891 году—41,43). Такимъ образомъ, и въ нынѣшнемъ году страховой рискъ уменьшился и число случаевъ взиманія обязательныхъ платежей если и возрастетъ, то лишь въ соразмѣрности съ увеличившимся числомъ участниковъ Кассы.

Но размѣръ этихъ платежей представляется все еще весьма умѣреннымъ, даже для высшихъ разрядовъ, какъ видно изъ исчисленныхъ на 1893 годъ нормированныхъ платежей, которыми участники Кассы, по своему желанію, могутъ замѣнить обязательные платежи (и приобрести указанныя выше выгоды). Въ разосланномъ всѣмъ членамъ Кассы циркулярѣ нормированные платежи на 1893 годъ опредѣлены въ слѣдующихъ размѣрахъ (съ 10% прибавкой въ пенсіонный капиталъ):

По 50 рубл. разряду	31 рубл.
» 25 » »	30 »
» 20 » »	29 »
» 15 » »	28 »
» 10 » »	27 »
» 5 » »	21 »
» 3 » »	15 »
» 1 » »	6 »

Если-бъ всё 180 членовъ Кассы приступили къ нормировкѣ своихъ платежей, то съ нихъ поступило бы 3.035 рублей. Такой суммы, конечно, Касса не обязана будетъ выплатить; но при нормировкѣ и слѣдуетъ рассчитывать, что Касса должна получить больше, нежели сколько сама выдастъ; излишки эти, однако, могутъ возвратиться впоследствии каждому изъ участниковъ, по принадлежности, или составить его личное сбереженіе.

При такихъ условіяхъ и въ настоящемъ году можно выразить увѣренность, что, привыкнувъ къ платежамъ, увѣрившись въ прочности Кассы и въ тѣхъ выгодахъ, которыя она приноситъ уже теперь и будетъ приносить еще больше въ будущемъ, при полномъ своемъ развитіи (§ 11 Устава), участники ея станутъ предпочитать высшіе разряды. Движеніе въ этомъ направленіи уже замѣчается. Не смотря на увеличеніе числа членовъ, высшіе разряды пополняются. Изъ прежнихъ членовъ никто не перешелъ въ низшіе разряды, а въ высшіе разряды перешли 6; изъ новыхъ участниковъ $\frac{2}{3}$ избрали разрядъ не ниже 3—рублевого.

Общій оборотъ суммъ по Кассѣ въ 1892 году равнялся 4.094 рубл. 67 к.,— болѣе 1891 года (3.467 р. 87 коп.) на 626 р. 80 коп.

Дѣйствительнаго прихода было	1.655 р. 10 к.
Дѣйствительнаго расхода	1.011 р. 15 к.
Дохода болѣе, нежели расхода на	643 р. 95 к.
Отъ 1891 года осталось	1.935 » 20 »
Состоитъ къ 1-му января 1893 года	2.579 р. 15 к.

Распределеніе этой суммы, сравнительно съ 1891 годомъ, между положенными по Уставу капиталами Кассы, даетъ слѣдующіе результаты:

	1891 г.	1892 г.	болѣе
а) расходнаго капитала	1.663 р. — к. —	2.029 р. — к. +	366 р. — к.
б) запаснаго »	66 » 20 » —	250 » 30 » +	184 » 10 »
в) пенсіоннаго »	206 » — » —	299 » 85 » +	93 » 85 »
	1.935 р. 20 к. —	2.579 р. 15 к. +	643 р. 95 к.

Такимъ образомъ, не смотря на весьма значительный расходъ и не считая продолжающихъ еще поступать (послѣ 1-го января) взносовъ въ счетъ второго обязательнаго платежа, суммы Кассы и въ настоящее время превышаютъ остатокъ прошлаго года на 643 рублей 95 коп., причемъ всё отдѣльные капиталы ея возростають.

Такіе результаты тѣмъ болѣе утѣшительны, что означенными поступлениями и притокъ средствъ Касса всецѣло обязана своимъ участникамъ. Касса существуетъ пока своими собственными силами; на нихъ она главнымъ образомъ обязана рассчитывать и въ будущемъ; но все же надо надѣяться, что пенсіонный ея капиталъ будетъ увеличиваться приливомъ пожертвованій и доходами отъ различнаго рода предпріятій.

съ вечерней зарей. Онъ жилъ въ убогой хижинѣ и во всякое время, во всякую непогоду отправлялся для совершенія духовныхъ требъ; онъ ѣлъ очень плохо и, что было ему гораздо чувствительнѣе, не могъ утѣшать себя хорошими напитками, такъ какъ онъ былъ веселымъ собесѣдникомъ и любилъ хорошо выпить. Про него рассказывали, что еслибъ неожиданно земля опустѣла, и онъ остался бы на ней вдвоемъ съ дьяволомъ, то сталъ бы весело болтать и пить съ врагомъ человѣческаго рода. Въ сущности, онъ не питалъ ни къ кому дурныхъ чувствъ, ни къ дьяволу, ни даже къ Бонапарту.

Онъ съ недавняго времени былъ патеромъ въ Кромлэ и замѣнилъ того аббата, который такъ неудачно воспитывалъ для духовной карьеры Роана Гвенѣрна; но онъ былъ уроженцемъ этой мѣстности и зналъ всѣ утесы, всѣ хижины на Бретонскомъ берегу. По той же причинѣ онъ говорилъ на мѣстномъ бретонскомъ нарѣчїи и съ туземнымъ акцентомъ произносилъ утонченныя французскія фразы.

Патеръ Роланъ благополучно пережилъ революцію; онъ не былъ человѣкомъ «идей» и машинально исполнялъ свои обязанности относительно причастїа, крещенїа, брака и похоронъ, заботясь лишь о получаемой за это денежной платѣ. Великія фигуры современной исторїи казались ему издали чуждыми титанами, и онъ вовсе не интересовался ими. Онъ не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые стремятся къ мученическому вѣнцу, и всѣмъ своимъ прихожанамъ совѣтывалъ быть терпѣливымъ, вдоволь болтать и умѣренно пить. Однимъ словомъ, это былъ настоящій веселый поселенинъ, котораго взяли съ поля, научили на столько латыни, что онъ умѣлъ приводить классическіе тексты, и посвятили въ патеры.

Выйдя изъ дверей церкви, онъ протянулъ руку учителю Арфолю и любезно кивнулъ головой Роану. Онъ всегда добродушно здоровался со всѣми: легитимистами, бонапартистами и республиканцами, а всѣмъ извѣстное пристрастїе учителя Арфоля къ «правамъ человѣка» нимало не отталкивало патера отъ него. Онъ смотрѣлъ враждебно только на тѣхъ прихожанъ, которые не платили ему вовсе, или сокращали слѣдующую ему плату за духовныя требы. Впрочемъ, онъ не былъ низкимъ, корыстнымъ человѣкомъ, а только принципиально требовалъ того, на что имѣлъ право, и, получивъ свои деньги, часто превращалъ ихъ въ хлѣбъ, вино или водку, которыми щедро дѣлился съ бѣдными и больными.

— Здравствуйте, учитель Арфоль, — сказалъ онъ весело:— давненько васъ не видать въ Кромлэ. Ужъ я и забылъ, когда мы съ вами пили стаканчикъ, или курили трубку. Гдѣ вы были? Что вы дѣлали?

И лице его сіяло удовольствїемъ.

Учитель Арфоль учтиво отвѣчалъ на привѣтствіе патера, и они пошли рядомъ въ сопровожденіи Роана.

— Ну, что-жъ новаго?—продолжалъ патерь.

— Нѣтъ ничего, все старое, — отвѣчалъ учитель, грустно качая головой:—красная кровь льется на поляхъ брани, а черный крепъ заволакиваетъ всѣ страны. Я не думаю, что это можетъ долго продлиться: свѣту надобно терпѣть.

— Гм!—промолвилъ патерь, очищая пальцемъ свою трубку:—весь свѣтъ, кажется, перевернулся ногами къверху.

То, что происходило на свѣтѣ, казалось добродушному патеру болѣе страннымъ, чѣмъ страшнымъ. Онъ столько видѣлъ ужасовъ, что ни они, ни война не пугали его и не возбуждали въ немъ отвращенія. Въ глубинѣ своего сердца онъ по обязанности предпочиталъ бѣлое знамя трехцвѣтному, но ни за что не побудилъ бы никого пожертвовать своей жизнью за первое. По его мнѣнію, самая лучшая и приличная смерть для человѣка была въ своей постели, послѣ исповѣди и причастія. Это не мѣшало ему, однако, считать войну неизбѣжнымъ элементомъ человѣческой натуры, и онъ не осуждалъ тѣхъ, которые поощряли кровопролитіе.

— Я вамъ расскажу одинъ случай, который доказываетъ, что конецъ близокъ, — продолжалъ учитель: — однажды въ большомъ селеніи я вошелъ въ хижину женщины, которая потеряла двухъ сыновей въ послѣднюю войну и мужа за недѣлю до моего посѣщенія...

— Упокой Господи его душу,—перебилъ его патерь крестясь.

— Она сидѣла на скамейкѣ передъ топившейся печкой, и ея глаза, устремленные въ огонь, дико блуждали, словно она сошла съ ума. Я дотронулся до нея, но она не пошевелилась; я заговорилъ съ нею, но она не слышала моего голоса. Съ большимъ трудомъ я заставилъ ее очнуться. Тогда она машинально встала, накрыла столъ и поставила кушанье и вино, а потомъ снова сѣла къ огню. Я тутъ замѣтилъ впервые, что ея волосы были совершенно сѣдые, хотя она не была стара. Утоливъ свой голодъ и жажду, я сталъ разговаривать съ ней. Теперь она меня слушала, и когда я ей сказалъ, что былъ странствующимъ учителемъ и искалъ учениковъ, то она спросила, пристально смотря на меня: «А чему вы можете учить?». Я отвѣчалъ, что могу учить ея дѣтей грамотѣ: «Пойдите и найдите ихъ, — воскликнула она съ дикимъ смѣхомъ, указывая на дверь:—а когда вы ихъ отыщите въ могилѣ подъ свѣгомъ, то вернитесь назадъ и научите меня проклинать того, кто убилъ ихъ. О мои бѣдныя, бѣдныя дѣти!». Она бросилась на колѣни, громко зарыдала и въ отчаяніи стала рвать на себѣ волосы. Сердце у меня надрывалось, и зная, что ничто ея не утѣшитъ, я тихо удалился.

— Это ужасно, это ужасно, — произнесъ патеръ, болѣе чѣмъ поддержать разговоръ, чѣмъ отъ искренняго сочувствія.

— И это повторяется въ тысячахъ и тысячахъ домахъ. Всѣ эти проклятыя достигаютъ до Бога. Неужели Онъ ихъ не услышитъ!

— Тихе, тихе, — промолвилъ патеръ, съ безпокойствомъ озираясь кругомъ:—васъ могутъ услышать.

— Мнѣ все равно, — воскликнулъ учитель: — можетъ быть, Наполеонъ великій тактикъ, великій артиллеристъ и великій воинъ, но онъ не великій человекъ, потому что у него нѣтъ сердца. Помните мои слова, патеръ: это начало конца. Вашъ Богъ идетъ противъ Наполеона и Богъ побѣдитъ.

Патеръ ничего не отвѣчалъ. Времена были тяжелыя, слова учителя грозили навлечь непріятность даже на тѣхъ, которые ихъ слушали.

— Конечно, — промолвилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія: — хорошо было бы, еслибъ императоръ могъ дать намъ миръ.

— А развѣ онъ не можетъ? — рѣзко спросилъ учитель.

— Весь свѣтъ противъ Франціи.

— Нѣтъ, все человечество противъ Наполеона.

— Но императоръ отстаиваетъ Францію отъ ея враговъ. Еслибъ не онъ, то англичане, нѣмцы и русскіе насъ съѣли бы живьемъ. Впрочемъ, — прибавилъ патеръ, видя, что учитель бросаетъ на него взгляды, полные негодованія: — я не политикъ.

— Но у васъ глаза, и вы можете видѣть. Здѣсь, въ Кромлѣ, вдали отъ людей еще можно оставаться въ невѣдѣніи, но стоитъ только пошататься по большимъ дорогамъ, и все станетъ ясно. Какъ можетъ Наполеонъ дать намъ миръ? Его ремесло — война, и онъ жертвуетъ всей страной ради своего самолюбія. Онъ теперь увѣряетъ, что Англія не дозволяетъ ему сохранить мира, и что онъ ведетъ войну съ цѣлью обезпеченія мира. Но это ложь.

— Вы очень сильно выражаетесь, учитель Арфоль.

— Когда онъ въ послѣдній разъ проѣзжалъ по улицамъ Парижа, то народъ громко кричалъ, требуя мира во что бы ни стало. Но все равно было просить объ этомъ камень; императоръ проѣхалъ мимо молча, какъ бы ничего не слыша. О Боже мой, какъ всѣ устали, какъ всѣ жаждутъ спокойствія!

— Это правда, — произнесъ Роанъ рѣшительнымъ голосомъ.

— Учитель Арфоль научилъ васъ многому, — сказалъ патеръ, смотря пристально на молодого человека, — и онъ добрый человекъ, какія бы мысли ни высказывалъ. Но то, что онъ можетъ смѣло говорить, не слѣдуетъ вамъ повторять; вы можете поплатиться за такія слова свободой, даже жизнью.

Онъ не прибавилъ, но это всѣмъ было извѣстно, что большинство жителей Кромлѣ считали учителя Арфоля сумасшедшимъ, а

потому неотвѣтственнымъ за то, что онъ говорилъ и дѣлалъ. Даже власти съ улыбкой слушали его нападки на императора и украдкой стучали пальцемъ по лбу въ знакъ того, что учитель рехнулся.

— Я буду помнить вашъ совѣтъ,—отвѣчалъ Роанъ.

— Народъ правъ,—произнесъ снова учитель:—богатство и гордость Франціи исчезаетъ въ пороховомъ дыму. Не велика была бы бѣда, еслибъ мы только лишились денегъ, но дѣло въ томъ, что у насъ не осталось сильныхъ рукъ для производительнаго труда. Рекрутчина пожрала всѣхъ способныхъ на трудъ людей и оставила только безпомощныхъ калѣкъ.

— Ну, не однихъ калѣкъ, — замѣтилъ патерь съ улыбкой: — вотъ Роанъ молодецъ, и подобныхъ ему не мало въ нашихъ селеніяхъ.

— Рекрутчина еще не насытилась и требуетъ новыхъ жертвъ,—сказалъ учитель дрожащимъ голосомъ.—Внутри страны земля не обработана, какъ въ пустынѣ, потому что всѣ люди, могущіе ее обрабатывать, спятъ на поляхъ брани и подъ снѣжными сугробами вдали отъ родины. Франція отогрѣла на своей груди змѣю, которая погубила своимъ жаломъ всѣхъ ея сыновъ. Вы, должно быть, всѣ глухи въ Кромлэ, если не слышите, какъ новая Рахиль плачетъ о своихъ дѣтяхъ.

— Тс!...—произнесъ патерь шепотомъ, схвативъ за руку учителя.

Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ оглянуться, раздался громкій голосъ:

— Кто это новая Рахиль, учитель Арфоль?

VII.

Дерваль защищаетъ свое знамя.

Тотъ, кто произнесъ эти слова, сидѣлъ на скамейкѣ у двери своего дома, на главной улицѣ селенія. На носу у него торчали очки въ роговой оправѣ, а въ рукахъ онъ держалъ газету, которую онъ только-что читалъ. Лицо его было красно, какъ макъ, а коротко обстриженные волосы были словно покрыты инеемъ. Его одежда, полукрестьянская и полувоенная, состояла изъ унтер-офицерскаго мундира безъ эполетъ и нашивокъ, давно уже исчезнувшихъ отъ носки, широкихъ короткихъ шароваръ и краснаго чулка съ туплей на одной ногѣ, такъ какъ вмѣсто другой ноги у него была деревяшка.

— Здравствуйте, дядя Евенъ,—сказалъ патерь, желая отвлечь его вниманіе отъ послѣднихъ словъ учителя.

Роанъ также поздоровался съ дядей и пожалъ ему руку.

Это былъ дѣйствительно Дерваль, попросту называемый въ селеніи капраломъ. Онъ приходился дядей одинаково Роану и Марселлѣ, а вообще былъ извѣстенъ, какъ преданный поклонникъ Наполеона.

Онъ хорошо зналъ и ненавидѣлъ учителя Арфоля, а потому, поздоровавшись съ нимъ, повторилъ:

— Кого вы называете новой Рахилью?

Учитель смѣло поднялъ брошенную ему перчатку и спокойно отвѣчалъ:

— Я говорилъ о теперешней Франціи. Носятся слухи, что будетъ новый наборъ рекрутовъ, а я полагаю, что уже и такъ изъ страны высосали ея лучшую кровь. Я сравнилъ нашу бѣдную Францію съ Рахилью, которая плачетъ и не можетъ утѣшиться, потому что у нея нѣтъ болѣе дѣтей. Вотъ и все.

Ветеранъ ничего не отвѣчалъ, но неожиданно поднялся съ мѣста.

— Вотъ и все,—повторилъ онъ глухимъ, зловѣщимъ голосомъ.

Онъ выпрямился, засунулъ лѣвую руку въ карманъ жилета, правой набилъ табакомъ ноздри и, выпятивъ грудь, сердито затопалъ своей деревянной ногой. Въ эту минуту онъ обнаружилъ странное, комическое сходство съ Наполеономъ, за исключеніемъ высокаго роста, горбатаго носа и деревянной ноги. Только взглянувъ ближе, можно было замѣтить, что у него были блестящіе черные глаза, сильно загорѣлое и все въ морщинахъ лицо, чисто выбритые, съ выступавшими рѣзко опредѣленными мускулами, подбородокъ и шея, пурпурный носъ и широко раскрытыя черныя ноздри, благодаря привычкѣ постоянно нюхать табакъ, которую онъ раздѣлялъ съ своимъ великимъ тезкой: «маленькимъ капраломъ».

Ему было хорошо извѣстно, что онъ походилъ на императора, онъ гордился этимъ сходствомъ и какъ можно чаще принималъ общеизвѣстную Наполеоновскую позу, именно: разставлялъ ноги, скрещивалъ руки на спинѣ, выставлялъ впередъ грудь и задумчиво наклонялъ голову. Когда же Марселла, или какая нибудь сосѣдка съ восторгомъ восклицала: «это просто призракъ императора!»—то его сердце наполнялось восторгомъ, и онъ считалъ себя колоссомъ, повелѣвавшимъ всѣмъ міромъ. Въ эти минуты онъ отпирался въ кабачекъ, начиналъ безконечный разговоръ о своихъ военныхъ подвигахъ и грустно вздыхалъ, что не могъ на своей деревянной ногѣ одерживать новыхъ побѣдъ.

Конечно, онъ вполне сознавалъ, что между нимъ и его идоломъ было громадное различіе, существующее между пигмеемъ и великаномъ. Жена его брата, которая жила въ домѣ Дерваля, была очень религіозной женщиной, и духъ атеизма не достигъ ихъ

жилица, а потому старый служака вѣрилъ въ Бога, но не питалъ вѣры въ святыхъ, и для него существовалъ только одинъ святой—св. Наполеонъ.

Не смотря на всѣ его добрыя качества, Дерваль не пользовался, однако, популярностью въ Кромлѣ. Это селенье лежало далеко отъ политическаго міра и хотя, подобно всей Бретани, оно нѣкогда отличалось легитимистскимъ пыломъ, который уже давно остылъ, но теперь его обитатели молили небо только объ одномъ, чтобъ Наполеонъ оставилъ ихъ въ покоѣ. А такъ какъ осуществленіе этой мольбы было невозможно, то они въ глубинѣ своего сердца ненавидѣли рекрутчину и Наполеона. Однако, среди нихъ было слишкомъ много бонапартистовъ, чтобъ безопасно высказывать подобныя мысли, а потому они молчали, въ тайнѣ вздыхали о прежнемъ добромъ времени и избѣгали разговоровъ съ старымъ капраломъ.

— Вотъ и все,—повторилъ вторично Дерваль:—и вы убѣждены, что говорите правду?

— Да.

— А чѣмъ вы это докажете?—произнесъ капраль съ наружной учтивостью, но въ голосѣ его слышался плохо сдерживаемый гнѣвъ.

— Вы сами своими глазами видите доказательства,—отвѣчалъ учитель съ печальной улыбкой:—женщины сѣютъ и жнутъ, а имъ помогаютъ старики; весь цвѣтъ нашей молодежи погибъ въ чужихъ странахъ, и вскорѣ вся Франція погибнетъ, потому что никому будетъ держать въ рукѣ меча.

Конечно, учитель говорилъ гиперболически, но какъ бы для опроверженія его аргумента неожиданно вышли изъ двери дома четыре юноши гигантскаго роста, сіявшіе здоровьемъ и силой. Это были племянники капрала: Хоель, Гильдъ, Алень и Яникъ.

Старый солдатъ былъ пораженъ словами учителя, которыя ему казались хуже всякаго богохульства, и онъ произнесъ сквозь зубы такое ругательное слово, которое сказать громко невозможно въ приличномъ обществѣ.

Патеръ видѣлъ, что его вмѣшательство необходимо, и, взявъ за руку капрала, сказалъ ему на ухо:

— Успокойтесь. Не забывайте, что это говорить учитель Арфоль.

Эти слова быстро успокоили расходившагося бонапартиста, и онъ взглянулъ съ улыбкой на своего противника. Онъ въ эту минуту такъ походилъ на Наполеона, что послѣдній, вѣроятно, съ подобной же улыбкой смотрѣлъ на своихъ противниковъ, королей. Однако, необходимо было опровергнуть громко выраженную политическую ересь, и капраль, принявъ воинственную позу, скомандовалъ, точно передъ нимъ находилась шеренга рекрутовъ:

— Слушай! Хоель!

— Здѣсь!
 — Гильдъ!
 — Здѣсь!
 — Алень!
 — Здѣсь!
 — Яникъ!
 — Здѣсь!

Молодые люди выстроились, какъ солдаты передъ офицеромъ.

— Внимайте моему отвѣту на слова учителя Арфолья,—произнесъ спокойнымъ голосомъ старый служака:—это касается до васъ всѣхъ. Учитель Арфолья,—продолжалъ онъ, пристально смотря на него:—я не хочу сказать, что вы богохульствуете, такъ какъ вы перенесли столько горя, что самый умный человѣкъ могъ бы рехнуться. Вы ученый и странствуете по всей странѣ, но вы плохо знаете нашу исторію. Франція не упала и не походитъ на Рахиль, которая плачетъ о своихъ дѣтяхъ. Она великая, могущественная страна, и если на кого походитъ, то на мать Макаевевъ.

Эти слова, отличавшіяся патріотическимъ и религиознымъ азартомъ, привели въ восторгъ патера, и онъ бросилъ на учителя взглядъ, который какъ бы говорилъ: «ну-ка, любезный, отвѣчай на этотъ аргументъ». Молодые люди посмотрѣли съ улыбкой другъ на друга; Роанъ также улыбнулся, но его улыбка сопровождалась презрительнымъ пожиманіемъ плечъ.

Капралъ ждалъ отвѣта, но такового не являлось. Арфолья стоялъ молча, нѣсколько поблѣднѣвъ, но глаза его сверкали сожалѣніемъ, говорившимъ краснорѣчивѣе словъ; его взглядъ ясно выражалъ чувство страданія къ безнадежно заблуждавшемуся противнику.

Ветеранъ болѣе чѣмъ когда выпятилъ впередъ свою грудь, на которой видѣлся Почетный Легіонъ, и съ гордой, побѣдоносной улыбкой вторично скомандовалъ:

— Слушай! Хоель, Гильдъ, Алень и Яникъ!

Молодые люди какъ бы окаменѣли на своихъ мѣстахъ, но младшій подмигнулъ Роану, словно говоря: «ну, дядя расходился!».

— Эти четыре молодца мои дѣти; они были братнины, но теперь они мои. Онъ препоручилъ ихъ мнѣ, и я былъ отцомъ для нихъ и для ихъ сестры, Марселлы. Я называю ихъ своими сыновьями, люблю ихъ, и у меня нѣтъ ничего дороже ихъ на свѣтѣ. Я взялъ ихъ къ себѣ маленькими дѣтьми и вскормилъ, но чья рука дала мнѣ клѣбъ, которымъ я ихъ вскормилъ? Конечно, рука великаго императора. Да сохранить его Господь и даруетъ ему побѣду надъ врагами.

Онъ произнесъ эти слова дрожащимъ отъ волненія голосомъ и, снявъ шляпу, обнажилъ свою сѣдую голову.

— Да здравствуетъ императоръ!—воскликнули въ одинъ голосъ всѣ четыре здоровенные юноши.

— Императоръ не забываетъ ни одного изъ своихъ дѣтей,— продолжалъ ветеранъ, снова надѣвая свою шляпу:— онъ помнилъ этихъ сиротъ и кормилъ ихъ до тѣхъ поръ, что они сдѣлались такими молодцами. Я научилъ ихъ ежедневно молиться за него, и ихъ молитвы вмѣстѣ съ молитвами миллионновъ его подданныхъ даровали ему побѣду надъ всѣмъ свѣтомъ.

Не смотря на всю доброту Арфоля, онъ произнесъ тихимъ голосомъ:

— А гдѣ ихъ остальные три брата?

Этотъ ударъ поразилъ ветерана въ самое сердце, и онъ невольно поблѣднѣлъ. Еще три его племянника, павшіе на полѣ брани, спали вѣчнымъ сномъ подъ чужестранной землей и русскими снѣгами. Онъ вздрогнулъ и бросилъ поспѣшный взглядъ на дверь своего дома, гдѣ находилась мать этихъ рановременно погибшихъ юношей. Но, всетаки, онъ отвѣчалъ твердымъ голосомъ:

— Они умерли со славою, какъ подобаетъ храбрецамъ, и Господь водворилъ ихъ души въ мѣстѣ влочномъ. Лучше умереть такою смертию, чѣмъ околѣть, какъ трусу въ своей постелѣ. Они исполнили свой долгъ, учитель Арфоль, и дай Богъ, чтобъ мы всѣ послѣдовали ихъ примѣру.

— Аминь,—произнесъ патерь.

— А еслибъ теперь,—продолжалъ старый солдатъ,—императору было угодно сказать: «Капраль Дерваль, мнѣ нужны твои сыновья», то на зовъ императора, я, гренадеръ, сражавшійся подъ Арколемъ и Аустерлицемъ, не смотря на мой ревматизмъ и мою деревянную ногу, пошелъ бы бѣглымъ шагомъ, во главѣ своихъ четырехъ Макаевевъ.

По правдѣ сказать, Макаеи не выразили теперь своего восторженнаго сочувствія къ словамъ дяди, и никто изъ нихъ не воскликнулъ: «Да здравствуетъ императоръ».

— И я пошла бы съ вами, дядя Евень,—воскликнулъ новый голосъ.

Это говорила Марселла, стоявшая на порогѣ дома, и глаза ея такъ сверкали, а щеки такъ горѣли, что дѣйствительно она походила на представительницу Макаевевъ.

— Жаль, что ты не мужчина,—произнесъ старикъ, съ гордостью смотря на молодую дѣвушку, и поспѣшно сталъ нюхать табакъ, чтобъ скрыть свое волненіе:—но это ничего, ты будешь маркитанткой Макаевевъ. Но, Боже мой, я забываю, что держу васъ на улицѣ. Пожалуйте къ намъ въ домъ, отецъ Роланъ.

Онъ отворилъ дверь и, учтиво кланяясь не посолдатски, но какъ истый бретонскій поселянинъ, пропустилъ передъ собою въ дверь патера. Послѣдній дружески кивнулъ головой учителю Арфолю и исчезъ за дверью.

— Мнѣ надо теперъ идти,—сказалъ учитель, обращаясь къ Роану:—но сегодня вечеромъ я приду къ твоей матери.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ быстро пошелъ внизъ, по узкой улицѣ, къ морю и оставилъ Роана въ обществѣ его двоюродныхъ братьевъ, гигантскихъ Макавеевъ.

VIII.

Домашній очагъ капрала.

Въ продолженіе всего дня Марселла находилась въ какомъ-то возбужденномъ состояніи; она двигалась точно во снѣ, и въ ухахъ ея слышались никому не слышныя, кромѣ нея, мелодичныя звуки; она то краснѣла, то блѣднѣла, обнаруживала необычайную нѣжность въ разговорахъ съ братьями и чувствовала какую-то странную потребность цѣловать дядю и мать. Послѣдняя подозрительно посматривала на нее и, вспоминая о своей первой любви, догадывалась, въ чемъ дѣло.

Встрѣча съ учителемъ Арфолемъ встревожила Марселлу, но она вскорѣ успокоилась. Она ни на минуту не сомнѣвалась, что Роанъ былъ добрымъ христіаниномъ и вѣрилъ, во-первыхъ, въ Бога и, во-вторыхъ, въ великаго императора, потому что ея религіозное воспитаніе было двойное.

Ея мать, простая поселянка, сохранила въ своемъ сердцѣ ту пламенную преданность церковнымъ обрядамъ, стариннымъ суевѣріямъ и католическимъ легендамъ, отъ которыхъ революція тщетно старалась освободить Францію. Она набожно участвовала во всякой религіозной церемоніи, колѣнопреклоненно молилась передъ каждымъ распятіемъ и слѣпо вѣрила въ чудеса всѣхъ католическихъ святыхъ. Она не обожала королей, какъ вообще бретонки, потому что патеры въ Кромлэ не отличались легитимистскимъ пыломъ, но ненавидѣла революцію.

У нея было много дѣтей, и когда ея мужъ, рыбакъ, погибъ во время страшной бури 1796 года, то его братъ, тогда еще простой солдатъ, вернувшійся домой на время изъ Италіи, далъ клятву никогда не жениться и быть отцомъ многочисленныхъ сиротъ его невѣстки. И онъ сдержалъ свое слово.

Служа Наполеону со всею ревностью религіознаго культа, Дерваль слѣдовалъ за нимъ во всѣхъ его походахъ, но старательно удерживался отъ всякихъ соблазновъ и каждую, нажитую цѣною своей крови, копейку отсылалъ братниной семьѣ, которая, благодаря ему, не знала нужды. Наконецъ, подъ Аустерлицемъ онъ лишился ноги; его военная служба была окончена, и онъ не могъ болѣе слѣдовать за великой тѣнью, омрачавшей свѣтъ. Но если онъ

не могъ попрежнему служить своему повелителю, то онъ все еще былъ въ состояніи исполнять свой долгъ относительно своихъ дѣтей, какъ онъ называлъ племянниковъ. Поэтому онъ вернулся въ Кромлэ съ ореоломъ героя, деревянной ногой, безчисленными медалями и значительной пенсіей. Съ тѣхъ поръ онъ мирно жилъ въ уединенномъ бретонскомъ селеніи, окруженный многочисленной семьей, не смотря на то, что самъ былъ холостякомъ.

Во время своей долгой военной службы, добрый Евенъ сохранилъ наивную душевную простоту и нравственныя качества бретонскаго поселенина. Онъ питалъ уваженіе къ женщинамъ, рѣдко встрѣчаемое въ старомъ служакѣ, и вѣрилъ въ Бога. Конечно, онъ не былъ набожнымъ католикомъ въ глазахъ патеровъ, почти никогда не ходилъ на исповѣдь и только однажды въ годъ посѣщалъ церковь, именно ходилъ къ ночной службѣ подь Рождество, но онъ всегда снималъ шляпу при звонѣ колоколовъ и постоянно присоединялъ къ имени великаго императора имя Бога. Никакія скептическія шутки, или грубыя богохульства, столь обычныя въ то время, не примѣшивались имъ къ тому строго религіозному воспитанію, которое вдова Дерваль давала своимъ дѣтямъ, научая ихъ любить Бога и святыхъ, уважать патера и вести набожную, нравственную жизнь. Но въ длинные, зимніе вечера дѣти собирались вокругъ стараго ветерана и, раскрывъ рты отъ удивленія, слушали его рассказы о великомъ человѣкѣ, который изъ всѣхъ живыхъ людей былъ, по его мнѣнію, всего ближе къ Богу.

Странно сказать, но эти рассказы всего глубже западали въ сердце Марселлы. Она отличалась болѣе страстной натурой и болѣшимъ энтузіазмомъ, чѣмъ ея братья, а потому, научившись съ дѣтства считать императора божествомъ, она обожала его всею душой и питала къ нему такую пламенную вѣру, которую поколебать было невозможно. Въ ея воображеніи Богъ и императоръ были тѣсно связаны, и съ каждой набожно произнесенной ею молитвой Наполеонъ казался ей все святѣе и святѣе.

Но въ этотъ день, въ этотъ памятный день Марселла почти забыла о своемъ божествѣ: такъ она была занята своимъ новымъ счастьемъ, своей любовью. Постоянно передъ ея глазами носился образъ Роана, и она видѣла себя въ его рукахъ, чувствовала, какъ ея дѣвственныя волосы, падали волной на его пылавшее страстью лице.

Быстро двигаясь назадъ и впередъ въ скромномъ жилищѣ ея семьи, при потухающемъ свѣтѣ солнечнаго заката, она казалась прекрасной въ своемъ простомъ бретонскомъ костюмѣ. Ея бѣло-свѣжій корсажъ и яркая, цвѣтная юбка рельефно выдавались на фонѣ мрачныхъ стѣнъ единственной въ домѣ комнаты.

Эта комната походила на всѣ подобные покои въ сосѣднихъ жилищахъ и заключала въ себѣ столовую, жилое помѣщеніе и кухню. Въ ней находились обычныя деревянныя скамьи и столъ,

съ выдолбленными въ немъ круглыми впадинами, замѣняющими суповыя тарелки; корзинка для хлѣба и большая деревянная ложка висѣли на блокѣ съ поперечныхъ балокъ, на которыхъ хранились всевозможные предметы: свѣчи, сосуды съ масломъ, нанизанный на ниткахъ лукъ, сапоги, чулки, окорокъ и т. д. Въ углу подлѣ печки стояла высокая деревянная кровать, а въ противоположномъ концѣ комнаты находилась вторая такая же кровать, но меньшихъ размѣровъ. Большой черный горшокъ виднѣлся въ печи. Все было чисто и опрятно; не было слышно никакого зловонія, и только ощущался запахъ отъ чистаго бѣлья на кроватяхъ и табака, который курилъ ветеранъ въ старой нѣмецкой фарфоровой трубкѣ. Почернѣвшая деревянная лѣстница вела въ верхній этажъ маленькой хижины, а земляной полъ походилъ на кирпичный отъ постоянно горѣвшаго торфа въ печкѣ.

Семья капрала только что окончила свой ужинъ, состоявшій изъ оладей и молока. Онъ самъ ушелъ къ сосѣдямъ для обычной бесѣды о своихъ походахъ; близнецы Хоель и Гильдъ сидѣли на скамейкѣ, прислонясь къ стѣнѣ; Алень, стоя въ дверяхъ, курилъ трубку, а Яникъ помѣщался передъ огнемъ. Ихъ мать сидѣла у стола и зорко слѣдила за всѣми движеніями Марселлы, надъ которой отъ времени до времени подсмѣивались братья.

— Что съ тобой, Марселла?—произнесъ Хоель:—вотъ уже нѣсколько часовъ ты не промолвила ни слова и дико посматриваешь по сторонамъ, какъ сумасшедшая Жанна.

Марселла покраснѣла, но ничего не отвѣчала.

— Можетъ быть, она видѣла призракъ,—замѣтилъ Гильдъ съ улыбкой.

— Боже избави,—произнесла мать, набожно крестясь.

— Пустяки,—воскликнула Марселла.

— Ты очень блѣдна,—сказала съ безпокойствомъ ея мать:—ты мало ѣшь и слишкомъ много работаешь. Ты не шляешься, какъ твой лѣнтяи-братья, которые ничего не дѣлаютъ, вернувшись съ рыбной ловли. По правдѣ сказать, четырехъ женскихъ рукъ не хватаетъ, чтобъ держать все въ порядкѣ въ этомъ домѣ.

Наступило молчанье, и Марселла взглянула съ благодарностью на мать, но этотъ взглядъ обнаружилъ ея тайну. Вдова опустила глаза, а молодая дѣвушка стала поспѣшно убирать со стола.

— Положимъ, что она много работаетъ дома,—сказалъ Яникъ:—но она не работала же сегодня у воротъ св. Гильда.

Марселла вздрогнула и едва не выронила изъ рукъ блюда; поблѣднѣвъ, она гнѣвно посмотрѣла на младшаго брата, который лукаво улыбался.

— Что ты хочешь этимъ сказать?—спросила мать.

— Онъ злой щенокъ и его слѣдуетъ побить,—промолвила Марселла вполголоса.

— Позови своего сердечнаго дружка, и пусть онъ попробуетъ меня побить,—воскликнулъ юный гигантъ, расхохотавшись во все горло:—мама, спроси ее, что она дѣлала у воротъ св. Гильда? Можетъ быть, она мыла тамъ бѣлье?

Мать вопросительно посмотрѣла на Марселлу и промолвила:

— Ты была тамъ сегодня, дитя мое?

— Да, мама,—отвѣчала молодая дѣвушка послѣ минутнаго колебанія, но глаза ея честно, правдиво глядѣли на мать.

— Туда далеко. Что тебѣ вздумалось пойти въ такую даль?

— Я спустилась по лѣстницѣ св. Трифина на берегъ, и такъ какъ былъ отливъ, то я хотѣла посмотрѣть на ворота св. Гильда. Но быстро набѣжалъ приливъ, и я съ трудомъ вернулась оттуда.

— Ты слишкомъ любишь опасности,—сказала мать, качая головой: — ты когда нибудь пропадешь, какъ твой отецъ. Молодой дѣвущкѣ надо сидѣть дома, а не бѣгать по берегу. Я живу въ Кромлѣ пятьдесятъ лѣтъ и только разъ видѣла ворота св. Гильда, да и то съ лодки твоего отца, который повезъ меня въ море, гдѣ только въ то несчастное время патеръ могъ служить обѣдню.

Говоря это, трудолюбивая женщина встала изъ-за стола и, усѣвшись передъ прялкой, начала работать.

— Я вамъ расскажу,—сказалъ Яникъ:—что мы видѣли сегодня, возвращаясь съ рыбной ловли. Наша лодка шла очень близко къ воротамъ св. Гильда, и вдругъ мы увидѣли, что по водѣ идетъ человекъ, повидимому, рыбакъ и несетъ на рукахъ молодую дѣвущку. Было время прилива, и онъ, осторожно пробравшись до берега, огустилъ на землю молодую дѣвущку. Потомъ они поцѣловались. Мы издали не видали ихъ лицъ... Но, Марселла, отчего ты отвернулась?

Остальные братья засмѣялись. Но молодая дѣвушка спокойно пожала плечами и ничего не отвѣчала.

— Мама,—прибавилъ Яникъ, выведенный изъ терпѣнія хладнокровіемъ сестры: — спроси ее, была ли она сегодня у воротъ св. Гильда одна.

Прежде чѣмъ вдова успѣла открыть ротъ, Марселла воскликнула, бросая вызывающій взглядъ на мучившаго ее юнца:

— Нѣтъ, я и туда и назадъ шла въ компаніи. Яникъ дуракъ и видитъ что-то необыкновенное въ самомъ простомъ фактѣ. Я встрѣтила на берегу Роана и пошла съ нимъ въ ворота, а когда набѣжалъ приливъ, то онъ вынесъ меня оттуда на рукахъ; еслибъ не онъ, то я могла бы утонуть. Я за это и поцѣловала его на обѣ щеки. Вотъ и все.

Всѣ засмѣялись, но на этотъ разъ надъ Яникомъ. Всѣ знали, что Марселла обыкновенно гуляетъ по берегу съ Роаномъ, и въ виду ихъ близкаго родства никто не обращалъ на это вниманія.

Только вдова не смѣялась, а серьезно смотрѣла на дочь.

— Это не правда,—сказаль Яникъ гнѣвно:—проходя по улицѣ, я видѣль Роана съ патеромъ и учителемъ Арфолемъ, а когда я вошелъ въ домъ, тебя еще не было. Къ тому же, тотъ, кто несъ тебя, былъ не выше меня, и онъ такъ горячо цѣловаль тебя, что, конечно, не былъ Роаномъ, или какимъ либо родственникомъ.

— Кто бы онъ ни былъ,—произнесла рѣзко мать: — Марселлѣ не слѣдовало ходить въ такія мѣста. Всѣмъ извѣстно, что ворота прокляль св. Гильдъ, и что тамъ ночью ходять призраки старыхъ, нечестивыхъ монаховъ, обитель которыхъ поглощена моремъ. Даже такому сумасброду, какъ Роану, не хорошо туда ходить.

На этомъ разговоръ прекратился, но въ ту же ночь, когда уже всѣ спали, Марселла шепотомъ рассказала матери всю правду. Она хотѣла скрыть отъ нея объясненіе въ любви Роана, но не могла вынести вопросительныхъ взглядовъ доброй женщины.

Ея рассказъ не удивиль вдовы, но не доставиль ей удовольствія. Роанъ Гвенфернъ не былъ такимъ мужемъ, какого она желала для своей единственной дочери. Онъ былъ слишкомъ смѣль и эксцентриченъ; къ тому же онъ рѣдко бываль у обѣдни и былъ усерднымъ ученикомъ страшнаго учителя Арфоля. Поэтому она не разъ въ глубинѣ своего сердца жалѣла его мать. Это не значило, чтобъ она не любила Роана, который былъ такимъ красивымъ молодцемъ и добрымъ сыномъ, но она боялась, что странности доведуть его до бѣды.

По правдѣ сказать, она уже давно подозрѣвала, что онъ питаетъ къ Марселлѣ нѣжныя чувства, и въ ея глазахъ это подтверждалось многочисленными тайными его подарками, въ родѣ шелковыхъ платковъ, брошекъ и т. д. Но, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, она старалась увѣрить себя, что въ этомъ ухаживаніи не было ничего серьезнаго.

Теперь пришлось посмотреть въ глаза опасности, а такъ какъ между матерью и дочерью существовали самыя нѣжныя, откровенныя отношенія, то онѣ легко порѣшили, какъ вести себя относительно Роана. Мать обѣщала не обращать никакого вниманія на случившееся, никому въ семьѣ не говорить объ этомъ и попрежнему принимать Роана въ домѣ, какъ ближняго родственника. Съ своей стороны Марселла обязалась не обѣщать своей руки Роану, не гулять съ нимъ такъ далеко отъ дома и прямо объявить ему, что ихъ бракъ вполне зависить отъ согласія ея матери и дяди.

Естественно, вдова была недовольна, что Роанъ нарушилъ старый обычай и не прислалъ какъ слѣдуетъ сваху къ капралу, который, переговоривъ съ невѣсткой, рѣшилъ бы дѣло, не спросивъ даже согласія молодой дѣвушки, такъ какъ ея отказъ отъ избраннаго дядей и матерью жениха оставиль бы ее на вѣки старой дѣвой.

Покончивъ такимъ образомъ съ этимъ непріятнымъ дѣломъ, вдова утѣшала себя мыслью, что съ теченіемъ времени Марселла забудеть Роана, и что для нея найдется лучшій женихъ.

IX.

Св. Наполеонъ.

Еслибъ г-жа Дерваль видѣла лице своей дочери, когда она раздѣвалась въ эту ночь въ ихъ общей спальнѣ наверху, то она признала бы совершенно тщетной свою надежду, что Марселла забудетъ Роана. Но благодаря дневному утомленію она спала крѣпкимъ сномъ на одной изъ коекъ, устроенныхъ въ стѣнѣ съ обѣихъ сторонъ маленькой комнаты, и не могла замѣтить, что Марселла, раздѣваясь, сіяла необычайнымъ счастьемъ.

Все въ этой скромной спальнѣ было просто, но опрятно, начиная отъ почернѣвшихъ стѣнъ до совершенно черного пола; вокругъ бѣлоснѣжныхъ коекъ висѣли на крючкахъ разные предметы женскаго туалета. Вся мебель заключалась въ столъ съ горѣвшей на немъ старомодной масляной лампой, скамейкѣ, большомъ комодѣ съ бѣлымъ и маленькомъ висячемъ зеркалѣ въ деревянной рамкѣ.

Марселла сняла свой корсажъ, верхнюю юбку, чулки, деревянные башмаки и бѣлый чепецъ; ея роскошные длинные волосы падали волной на плечи и, нѣжно проводя по нимъ своими хорошенькими ручками, она краснѣя любовалась собою въ зеркало. Она припоминала утреннюю сцену и чувствовала на своихъ волосахъ, на своихъ губахъ страстные поцѣлуй Роана. Она радостно улыбалась, и ея отраженіе въ зеркалѣ также улыбалось. Въ эту минуту она была такъ довольна собою, что подошла ближе къ зеркалу, протянула свои красныя губки и прильнула ими къ такимъ же краснымъ губкамъ въ зеркалѣ.

Какъ въ древности Елена и Афродита, эта скромная бретонская поселянка знала, что вся ея фигура отъ загорѣлой шеи до маленькихъ ножекъ дышала красотой, но это сознаніе не наполнило ея гордостью или безумными мечтами, а просто было инстинктивнымъ ощущеніемъ, подобно тому, какъ цвѣтокъ можетъ быть доволенъ своимъ благоуханіемъ, или звѣзда своимъ блескомъ.

Наконецъ она заплела себѣ косу и, опустившись на колѣни передъ своею постелью, начала молиться.

Надъ ея головой висѣло изображеніе Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ; очень грубые по исполненію и щедро покрытые золотомъ и серебромъ, оба лика, однако, возбуждали религиозныя чувства у набожно смотрѣвшихъ на нихъ лицъ.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь,— произнесла Марселла и повторила Вѣрую, молитву Богородицѣ, а затѣмъ, поблагодаривъ Господа за Его милости, стала молиться объ умершемъ отцѣ и живыхъ предметахъ ея любви: о дядѣ, матери и братьяхъ. Подъ конецъ она прибавила:

— Благослови, Пресвятая Богородица, мою любовь къ Роану и не дай мнѣ болѣе прегрѣшить передъ тобой.

Наступило молчаніе. Повидимому, ея молитва была окончена. Но черезъ минуту она подняла глаза и устремила ихъ не на Богородицу съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, а на висѣвшую подлѣ на стѣнѣ картину, изображавшую человѣка въ военной одеждѣ, который стоялъ на возвышеніи и указывалъ рукой на красное зарево отъ горѣвшаго города. Его лице было блѣдное, мраморное, а у его ногъ стояло нѣсколько сѣдыхъ гренадеровъ, съ кровью налитыми глазами. Эта картина была очень грубая и мало художественная, но болѣе артистическая отдѣлка уменьшила бы производимое ею впечатлѣніе.

Марселла глядѣла на нее съ любовью и обожаніемъ. Тутъ же рядомъ на полкѣ лежали военные доспѣхи стараго капрала: ружье, мундиръ, ранецъ, патронташъ и киверъ.

— Сохрани и помилуй, милосердый Господь, — промолвила молодая дѣвушка прежнимъ набожнымъ тономъ:— добраго императора, даруй ему побѣды надъ его врагами, порази нечестивыхъ, дерзающихъ поднять на него руку, и осѣни его своимъ милосердіемъ ради того блага, которое онъ даруетъ намъ всѣмъ. Аминь.

Произнеся эти слова, Марселла встала, кончила свой ночной туалетъ, легла въ постель и вскорѣ заснула подъ сѣнью стараго штыва, обагреннаго кровью многихъ ея ближнихъ, и висѣвшихъ рядомъ изображеній Богородицы и св. Наполеона.

X.

У источника.

Между моремъ и селеніемъ Кромлэ находилось небольшое песчаное пространство, которое называлось Источникомъ, по той причинѣ, что въ этой мѣстности было достаточно покопать рукой землю, чтобъ изъ нея брызнула прѣсная вода изъ пробѣгавшей подъ землею рѣчки. Каждый вечеръ женское населеніе собиралось тутъ и въ однихъ отверстіяхъ полоскали бѣлье, а изъ другихъ черпали воду для домашняго употребленія. Почему эту мѣстность называли Источникомъ въ единственномъ родѣ, тогда какъ тутъ было много источниковъ, а не одинъ, сказать трудно, но естественно, что собиравшіяся здѣсь старыя и молодыя женщины составляли ежедневный, шумный веселый конгрессъ, на которомъ живо обсуждались всѣ общественные и частные вопросы, интересовавшіе жительницъ селенія.

Однажды вечеромъ, когда уже взошла луна, и у Источника происходила обычная, оживленная сцена, учитель Арфоль и Роанъ

стояли передъ жилищемъ послѣдняго, находившагося противъ этой мѣстности.

— Смотри издали на двигающіяся вокругъ Источника тѣни,— сказала учитель,— невольно наталкиваешься на мысль о вѣдьмахъ, которыя, по словамъ мѣстныхъ легендъ, моютъ бѣлье по ночамъ.

— Если мы подойдемъ и ближе, то увидимъ не одну вѣдьму,— замѣтилъ Роанъ.— Напримѣръ, старуха Барбекъ настоящая вѣдьма.

— Однако, не смотря на это и на то, что у нея сынъ хромой, горбатый калѣка, она очень счастлива.

— Почему?

— Она можетъ спокойно жить съ своимъ сыномъ. Онъ по крайней мѣрѣ никогда не пойдетъ на войну.

— А вы полагаете, что меня непременно внесутъ въ списокъ рекрутовъ?— спросилъ Роанъ послѣ минутнаго молчанія.

— Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

— И мнѣ можетъ достаться роковой номеръ?

— Можетъ, но, Боже, избави.

— Боже, избави!— воскликнулъ Роанъ съ страннымъ смѣхомъ:— зачѣмъ тутъ примѣшивать имя Божье? Развѣ Богъ избавляетъ насъ отъ человѣческой жестокости, войны, голода, болѣзней? Нѣтъ, онъ спокойно смотритъ съ неба на то, какъ весь свѣтъ идетъ къ чорту. И вы еще, учитель Арфоль, продолжаете вѣрять?..

— Да, я вѣрю,— отвѣчалъ учитель, и лице его сіяло величіемъ:— и умру съ вѣрой въ сердцѣ. Ты еще мало видѣлъ свѣта, а я его знаю хорошо. Ты еще не испыталъ, что такое страданіе, а я потерялъ все, и, однако, я скажу: Боже, избави, чтобъ я когда нибудь пересталъ вѣрить въ Бога.

— Но Онъ терпитъ все, что дѣлается дурного на свѣтѣ.

— Это будетъ продолжаться, пока люди будутъ невѣжественны. Не Богъ, а человѣкъ причиняетъ горе всему человѣчеству. Богъ сдѣлалъ міръ прекраснымъ и полнымъ радости; нечестивые люди не вѣдаютъ Бога и потому несчастны.

— Но кто же Его вѣдаетъ? Тѣ, которые всегда плачутъ?

— Нѣтъ, тѣ, которые исполняютъ Его заповѣдь.

— Какую?

— Заповѣдь любви. А чтобъ исполнить эту заповѣдь, надо любить всѣхъ и терпѣть все. Но, быть можетъ, Роанъ, мой Богъ не твой Богъ. Мой Богъ не Богъ патеровъ и солдатъ, не Богъ побѣдъ. Я чувствую и сознаю Его сердцемъ. Онъ говоритъ во мнѣ и поддерживаетъ меня, когда кругомъ всѣ въ отчаяніи, всѣ теряютъ надежду.

Роанъ поникъ головой, такъ какъ онъ привыкъ любить и уважать учителя; но глаза его гнѣвно горѣли. Кровь Гвенферновъ была пылкая, дикая, и хотя въ Роанѣ ее сдерживала случайная

культура, но, всетаки, при малѣйшемъ поводѣ въ немъ могли проснуться дикіе элементы.

— Учитель Арфоль, — сказалъ послѣ продолжительнаго молчанія молодой человѣкъ, и голосъ его дрожалъ отъ волненія: — снова наступаетъ наборъ рекрутовъ, и Наполеонъ говоритъ всѣмъ французамъ: «Слѣдуйте за мной». Скажите мнѣ: это воля Божья, или нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Такъ правъ будетъ тотъ человѣкъ, который отвѣтитъ Наполеону: «Нѣтъ, я не пойду за тобой, потому что путь твой проклятъ».

— Кому выпадетъ жребій, тотъ долженъ идти.

— Нѣтъ, вы отвѣчайте прямо. Будетъ ли правъ человѣкъ, который откажется слѣдовать за Наполеономъ?

— Да, онъ будетъ правъ передъ Богомъ.

— Такъ помните, если когда нибудь жребій падетъ на меня, то клянусь, я буду сопротивляться до послѣдней капли крови, до послѣдняго дыханія. Даже если весь свѣтъ возстанетъ противъ меня и вмѣстѣ съ нимъ тѣ, которыхъ я люблю болѣе всего, я буду твердъ. Если самъ Наполеонъ придетъ за мною, то я не поддамся. Меня могутъ убить, но меня не заставятъ убивать. Помните мои слова, учитель Арфоль.

И онъ инстинктивно перекрестился, что не было въ его обычаѣ, но онъ хотѣлъ призвать Бога въ свидѣтели своей клятвы.

Учитель тяжело вздохнулъ. Онъ не разъ слышалъ подобные пламенные протесты, но въ концѣ концовъ являлась смиренная покорность неизбѣжной судьбѣ.

Они молча пожали другъ другу руки и разошлись.

— Боже, избави, чтобъ жребій выпалъ ему, — думалъ Арфоль по дорогѣ домой: — онъ теперь агнецъ, потому что видѣлъ до сихъ поръ только зеленыя пастбища и дышалъ лишь мирнымъ воздухомъ, но въ немъ проснется дикій звѣрь при первой кровавой битвѣ, въ которой онъ приметъ участіе.

Между тѣмъ шумъ и гамъ вокругъ Источника все усиливались. Старыя женщины преимущественно болтали о своихъ домашнихъ дѣлахъ, а молодыя о сердечныхъ интрижкахъ. Всюду виднѣлись веселыя группѣ, и только одна Марселла, придя за водой, оставалась одна въ сторонѣ, потому что она не пользовалась популярностью среди старыхъ и молодыхъ сосѣдокъ, благодаря своему родству съ капраломъ, красотѣ и презрѣнію къ сплетнямъ.

Но среди веселой болтовни и смѣха, по временамъ наступали минуты молчанія, которыя прерывались озабоченнымъ шепотомъ. Изъ этого шепота нѣсколько словъ долетѣли до Марселлы, и она невольно стала прислушиваться.

— Да, это правда, и на наше горе объ этомъ вскорѣ всѣ узнаютъ, — говорила одна пожилая женщина.

— Многимъ въ Кромлэ будетъ горе,—отвѣчала сѣдая старуха, полоскавшая бѣлье:— но я уже его извѣдала. Мой Яникъ и мой Гилармъ давно погибли на войнѣ.

— Никто не спорить о томъ, что это будетъ,—произнесла хромая молодая дѣвушка,—но время еще не опредѣлено, и даже говорятъ, что самъ императоръ не знаетъ, на что рѣшиться. Можетъ быть, еще пройдетъ годъ или два. Отецъ Роланъ говорилъ матери, которая боится за Хоеля и Леона, что попасть въ списокъ еще ничего не значить. Рекрутовъ могутъ долго не вызывать на службу, и потомъ можетъ быть заключенъ миръ, а слѣдовательно и отмѣнена рекрутчина.

— Не понятно, почему Наполеонъ не можетъ заключить мира:— промолвилъ какой-то визгливый голосъ:— вѣдь власть въ его рукахъ.

— Онъ діаволь, а діаволь не можетъ желать мира,— глухо произнесла сѣдая старуха, у которой были убиты два сына.

— Вы не имѣете права такъ говорить,—воскликнула Марселла, выйдя изъ терпѣнія:— для вашихъ сыновей гораздо лучше было умереть героями, чѣмъ жить здѣсь и пьянствовать. Богу извѣстно, что я васъ сожалею отъ всего сердца, но нельзя такъ говорить, какъ вы. Вѣдь дѣло въ томъ, что англичане не дозволяютъ императору заключить мира,—продолжала Марселла авторитетнымъ тономъ:— дядя Евенъ говоритъ, что императоръ былъ бы очень радъ отдохнуть, но англичане мѣшаютъ ему въ этомъ и подкупаютъ всѣхъ государей своимъ золотомъ.

— Но если рекрутчина не будетъ скоро объявлена,— сказала одна молодая женщина:— такъ зачѣмъ такъ торопятся съ приготовленіемъ списковъ. Я увѣрена, что императоръ уже составилъ планъ новой войны, и мы объ этомъ узнаемъ до жатвы.

Это предсказаніе было встрѣчено общимъ ропотомъ.

— Чему быть, тому не миновать,— сказала торжественнымъ тономъ хромая молодая дѣвушка:— слава Богу, что императоръ не требуетъ всѣхъ, но дозволяетъ бросать жребій, а вѣдь жребій въ рукахъ Божьихъ.

— И можно поставить свѣчку Богородицѣ,— сказала молодая мать, у которой дѣти еще не скоро могли подойти подъ рекрутчину:— значить, отчаиваться нечего, и грѣхъ упрекать императора.

— Во всякомъ случаѣ нашей семьѣ нечего бояться,— снова произнесла хромая молодая дѣвушка:— у меня только одинъ братъ, а императоръ не беретъ единственныхъ сыновей.

— Хорошо, что у меня много братьевъ, и ни одинъ не трусъ,— воскликнула Марселла съ презрительнымъ смѣхомъ:— одинъ изъ нихъ навѣрное пойдетъ на службу императора и увидитъ его. Какъ я сожалею, что я не мужчина. Но вы пустяки говорите объ единственныхъ сыновьяхъ. На этотъ разъ по приказанію императора и они будутъ бросать жребій. Ну, такъ чтожь? Да здравствуетъ императоръ!

Никто не поддержалъ ея восклицанія, и всѣ молча, съ удивленіемъ посмотрѣли на нее. Только сгорбившаяся старуха, едва переступавшая съ помощью костыля, подошла къ ней и, схвативъ ее за руку, рѣзко произнесла:

— Это не правда, Марселла Дерваль.

— Что не правда, тетка Горонъ?

— Мнѣ говорилъ сержантъ, что единственные сыновья будутъ бросать жребій, но я этому не вѣрю. Я всегда молюсь, чтобъ Богъ даровалъ побѣды императору, но онъ не лишитъ меня моего единственнаго сына, моего Яна.

— Не бойтесь, тетка Горонъ,—сказала Марселла, видимо тронутая отчаяніемъ старухи:—сержантъ знаетъ, что у васъ нѣтъ никого, кромѣ Яна, и онъ не помѣститъ его въ списки.

— Нѣтъ, проклятые всегда берутъ самыхъ сильныхъ и здоровыхъ,—воскликнула гнѣвно старуха:—а мой Янъ молодецъ изъ молодцовъ. Но что бы они тамъ ни дѣлали, а императору не видать моего Яна, какъ своихъ ушей.

Марселла взглянула на нее съ сожалѣніемъ и медленно пошла домой, неся на головѣ кувшинъ съ водой. Но не успѣла она приблизиться къ селенію, какъ ей пересѣкъ дорогу какой-то человѣкъ, и она услышала тихій голосъ:

— Марселла!

— Роанъ!

Они поцѣловались, и Роанъ хотѣлъ понести кувшинъ съ водой, но Марселла на это не согласилась и онъ молча послѣдовалъ за ней.

До хижины капрала они не произнесли ни слова. Роанъ былъ необыкновенно мраченъ и молчаливъ, а Марселла была счастлива уже тѣмъ, что шла рядомъ съ нимъ.

— Ты зайдешь къ намъ?—спросила она, останавливаясь у своей двери и снимая съ головы кувшинъ.

— Нѣтъ, сегодня не найду,—отвѣчалъ Роанъ.

На улицѣ не было ни души и, взявъ Марселлу за обѣ руки, онъ крѣпко поцѣловалъ ее.

— Однако извѣстіе справедливо,—сказала она, отскакивая отъ него.

— Какое извѣстіе?

— О томъ, что будетъ война.

Роанъ вздрогнулъ.

— Что съ тобой?—спросила нѣжно Марселла.

— Ничего, что-то холодно. Такъ, значить, будетъ война.

Хотя голосъ его твердо звучалъ, но, взглянувъ на него, молодая дѣвушка впервые поняла, что онъ можетъ на ряду съ другими попасть въ рекрута. Сердце ея болѣзненно сжалось.

— Ахъ, Роанъ,—сказала она:—я и забыла, что на этотъ разъ единственные сыновья также пойдутъ.

— Ну, такъ чтожь,—сказалъ онъ съ какимъ-то страннымъ смѣхомъ.

— А ты?

Наступило молчаніе. Роанъ не промолвилъ ни слова.

— Мой Роанъ, мой храбрый Роанъ,—сказала Марселла, обнимая его обѣими руками и цѣлуя въ губы:—твое имя уже внесено въ списокъ, и жребій можетъ пасть на тебя. Я не хочу говорить неправды, я буду молиться, чтобъ небо тебя избавило отъ этого, но если тебѣ судьба служить императору, то я не буду плакать. Тяжело, очень тяжело разстаться съ любимымъ человѣкомъ, но ради императора можно все перенести. Если такова будетъ воля его и Бога, то я даже не стану сожалѣть о тебѣ, напротивъ, я буду тобою гордиться.

Однако она провела рукой по глазамъ, на которыхъ выступили слезы.

Въ эту минуту за дверью хижины раздался голосъ ея матери:

— Марселла!

Она еще разъ поцѣловала Роана и, схвативъ кувшинъ, быстро вошла въ домъ.

Роанъ остался одинъ. На сердцѣ у него было тяжело; онъ чувствовалъ, что они поклонялись различнымъ божествамъ, и хотя его любовь къ Марселлѣ отъ этого не умалялась, но онъ едва не сошелъ съ ума отъ борьбы противоположныхъ чувствъ.

Цѣлыми часами въ эту ночь онъ ходилъ взадъ и впередъ по освѣщенному луною берегу и хотя вспоминалъ, съ одной стороны, ея пламенные поцѣлуи, а съ другой—ея суевѣрное поклоненіе императору, но, всетаки, онъ повторялъ про себя безконечное число разъ:

— Я поклялся и сдержу свое слово. Никогда! Никогда!

XI.

Рѣчь капрала къ рекрутамъ.

Весна въ Кромлѣ была прекрасна; рыба ловилась въ изобиліи, и жители этого уединеннаго селенія никогда не знавали лучшаго времени. Воздухъ былъ пропитанъ благоуханіемъ, небесная лазурь мирно сіяла, а море было, какъ зеркало. И, однако, тѣнь меча надвигалась, и часъ бросанія жребія былъ близокъ.

Теперь всѣмъ было извѣстно, что императоръ подалъ сигналъ къ новому набору рекрутовъ.

Наполеонъ вернулся изъ Москвы въ Парижъ, ни мало не укропленный потерей полумилліона людей и не обращая никакого вниманія на вопли безчисленныхъ вдовъ и сиротъ. Но какъ встрѣтила его подчиненная ему безпредѣльная имперія? Не съ жалобами, про-

клятіями и протестами, а съ оффиціальными криками радости и торжества. Главные города этой имперіи Парижъ, Римъ, Миланъ, Гамбургъ, Майнцъ, Амстердамъ привѣтствовали его въ праздничныхъ одеждахъ. Общественныя власти произносили наперерывъ поздравительныя рѣчи. «Что такое жизнь!—восклицалъ парижскій префектъ:—въ сравненіи съ громадными интересами, которые сосредоточены на священной головѣ наслѣдника имперіи?». «Разумъ, — говорилъ Фантанъ, глава императорскаго университета: — стушевывается передъ великой тайной силы и повинovenія, преклоняясь передъ той религіей, которая придаетъ государямъ власть столь же священную, какъ власть Бога». А въ это время въ Россіи снѣгъ все глубже и глубже покрывалъ своей бѣлой пеленой остатки великой арміи, и въ каждомъ домѣ громадной Наполеоновской имперіи слышались вопли о погибшихъ жертвахъ. Самъ же Наполеонъ ничего не слышалъ, ничего не видѣлъ; онъ, сынъ революціи, освободившей человѣческія души отъ вѣковыхъ узъ, сдѣлавшись завоевателемъ и властителемъ всего свѣта, олицетворялъ слѣпой, неотвѣтственный рокъ, который, не имѣя ни глазъ, ни ушей, ни сердца, стремился лишь къ осуществленію своей мрачной цѣли. Хотя онъ, какъ человѣкъ, не могъ видѣть физическихъ страданій и отличался гуманностью, но, какъ великій завоеватель, онъ, подобно новому Франкенштейну, долженъ былъ неустанно служить имъ же вызванному призраку войны. Это ненасытное чудовище постоянно требовало новой пищи, новыхъ жертвъ, и Наполеонъ не зналъ ни минуты покоя въ вѣчной погонѣ за этими жертвами. Теперь его кровавая рука вызвала снова легионъ такихъ жертвъ войны, и двѣсти десять тысячъ сыновъ Франціи должны были безмолвно пойти на закланье.

Прежде чѣмъ объявить о новомъ наборѣ рекрутовъ, императоръ превратилъ національную гвардію, созданную въ силу торжественнаго обѣщанія, что она никогда не перейдетъ черезъ границу, — въ регулярную армію, а матросы, набранные во всѣхъ прибрежныхъ селеніяхъ страны для морской службы, были обращены въ артиллеристовъ. Только уже для увѣнчанія этого новаго военнаго зданія сенатъ преподнесъ императору декретъ о наборѣ двухъ сотъ десяти тысячъ рекрутовъ, которые вмѣстѣ съ національными гвардейцами и матросами должны были составить новую армію въ триста сорокъ тысячъ человѣкъ.

Много было высказано оффиціальной радости представителями администраціи и муниципалитетовъ, но у домашнихъ очаговъ царилъ безмолвное горе. Быстро разлетѣлось по всей странѣ извѣстіе, что въ виду великихъ національныхъ потерь и громадной убыли въ населеніи, благодаря послѣднимъ походамъ, будутъ отмѣнены на этотъ разъ всѣ изытія изъ общаго правила рекрутчины. Единственные сыновья должны были бросать жребій наравнѣ со всѣми,

а вынужденные жребіи подвергаться самому строжайшему медицинскому осмотру, такъ что очень немногіе могли освободиться отъ военной службы на основаніи физическихъ недостатковъ. Что же касается до замѣстительства, то оно было совершенно уничтожено.

Народу была предоставлена одна льгота, именно онъ былъ освобожденъ отъ агоніи ожиданія. Бросаніе жребія должно было состояться немедленно, и для жителей Кромлэ мѣстомъ его назначенъ сосѣдній маленькій городокъ Сень-Гурло.

Вскорѣ насталъ роковой день. Солнце медленно взошло на безоблачномъ небѣ и мирно засверкало надъ гладкой поверхностью моря.

— Это хорошее предзнаменованіе, — промолвилъ старый капраль, высовывая свою голову изъ двери дома: — даже въ день Аустерлицкой битвы солнце не свѣтило ярче.

Но при воспоминаніи объ Аустерлицѣ онъ невольно взглянулъ на свою деревянную ногу и тяжело вздохнулъ.

Онъ всегда вставалъ раньше всѣхъ въ домѣ и потому принялся на свободѣ за свой туалетъ; побрившись и надѣвъ свой обычный полувоенный костюмъ, онъ развелъ огонь подъ очагомъ и, усѣвшись передъ нимъ, закурилъ трубку.

Первымъ существомъ, вставшимъ въ домѣ послѣ капрала, была Марселла. Она казалась очень блѣдной и какъ-то разсѣянно поцѣловала дядю.

— Это ты, малютка, — сказала онъ: — а гдѣ мама?

— Она спитъ; я не разбудила ея. Вѣдь еще рано.

Дядя Евенъ ничего не отвѣчалъ и молча устремилъ свои взоры на огонь. Почти никогда не было примѣра, чтобъ трудолюбивая женщина встала послѣ своей дочери, но капраль догадывался о причинѣ такого необычайнаго событія. Для него этотъ день могъ казаться веселымъ, торжественнымъ, но для нея онъ былъ мраченъ, и она всю ночь со слезами молилась, чтобъ Господь сохранилъ ея оставшихся сыновей отъ роковой судьбы ихъ трехъ братьевъ.

— Гм! — промолвилъ старый служака и прибавилъ послѣ минутнаго молчанія, смотря на спавшихъ въ комнатѣ близнецовъ: — Ей, Хоель, Гильдъ! пора вставать!

Марселла вышла на улицу, а ея братья быстро вскочили и одѣлись. Вскорѣ сошли внизъ Алентъ и Яникъ, а послѣ всѣхъ явилась и вдова, блѣдная, какъ смерть.

Между тѣмъ становилось все свѣтлѣе, и въ селеніи возникла обычная, ежедневная жизнь. Окна и двери были повсюду открыты, и вездѣ слышались громкіе голоса.

— Марьяникъ, — сказала Марселла, останавливая проходившую мимо маленькую дѣвочку въ праздничномъ нарядѣ: — ты также идешь въ Сень-Гурло?

— Да, — отвѣчала Марьяникъ: — я иду съ матерью, дядей Матюреномъ и братьями. Тамъ, говорятъ, будетъ очень весело, еще веселѣе, чѣмъ на крестныхъ ходахъ.

Она засмѣялась и запѣла старую кельтическую пѣсню. Для нея рекрутчина представлялась въ видѣ праздника, и она была слишкомъ молода, чтобъ понимать горе въ какой бы то ни было его формѣ.

Марселла вздохнула. Она попрежнему пылала энтузіазмомъ къ великому императору, но слезы матери смутили ее, и она грустно думала о своихъ трехъ умершихъ братьяхъ, а также о Роанѣ. Не смотря на свои принципы, она молилась, чтобъ ему не достался жребій. Ея первое знакомство съ любовью было такъ упоительно, и ея натура отличалась такой страстностью, что она не могла допустить и мысли о разлукѣ съ любимымъ человѣкомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ она вошла въ домъ, гдѣ уже сидѣли за завтракомъ старый солдатъ и его четыре племянника.

Передъ каждымъ изъ нихъ лежалъ ломоть чернаго хлѣба и стояла кружка, а посрединѣ стола находился кувшинъ съ сидромъ.

— Слушай!—воскликнулъ капраль, стуча своей кружкой:—я пью за здоровье императора.

Молодые люди поддержали этотъ тостъ съ нѣкоторымъ энтузіазмомъ, такъ какъ сидръ былъ очень хорошъ и составлялъ для нихъ необычайную роскошь. Марселла присѣла къ столу и взяла себѣ кусокъ хлѣба.

— Ну, сестра, сестра!—произнесъ дядя Евень, обращаясь съ нѣжнымъ упрекомъ въ голосѣ къ вдовѣ, которая сидѣла у огня, погруженная въ мрачную думу:—приходи къ намъ. Не надо унывать. Вѣдь всѣмъ не можетъ достаться жребій. Быть можетъ, твои и останутся дома. Но если случится худшее, то твои дѣти будутъ служить императору, и они съ Божьей помощью вернутся здоровыми, невредимыми.

Вдова ничего не отвѣчала и только тяжело вздохнула. Ея же сыновья были слишкомъ молоды, чтобъ горевать о не наступившей еще опасности, и отличались природнымъ мужествомъ, которому дядя Евень своими разказами придавалъ воинственный оттѣнокъ.

— Я спокойно брошу жребій,—сказалъ Хоель:—все въ рукахъ Божьихъ. Если мнѣ придется идти, то я и пойду.

— Но только бы жребій бросали правильно,—замѣтилъ Гильдъ.

— За всѣмъ этимъ смотритъ императоръ, а въ императорѣ никто не смѣетъ сомнѣваться,—вскрикнулъ старый солдатъ, ударяя рукою по столу:—Хоель правъ, Богъ мѣшаетъ жребіи, а мы ихъ вынимаемъ. На кого Богъ укажетъ, тотъ и поидетъ, а избранники должны только гордиться. Посмотрите на вашу сестру Марселлу. Еслибъ она была мужчиной, то считала бы обидой для себя не служить императору.

— Ей-то хорошо болтать,—замѣтилъ Хоель:—она женщина.

— Такъ вы слушайте меня, мужчины,—произнесъ капраль:—Богъ посылаетъ своего ангела за человѣческой жизнью въ пред-

опредѣленный часъ. Все равно, молодъ ли онъ, или старъ, находится ли онъ на землѣ, или на морѣ, человѣкъ долженъ умереть, когда пришла его минута. Оставшись дома, не избѣгнешь смерти, если такова воля Божья.

— Это такъ, дядя Евень,—сказала вдова:—но...

— Посмотри на меня, сестра,—перебилъ ее капраль:—я былъ солдатомъ и видѣлъ всѣ ужасы войны, однако я живъ и здоровъ, еслибъ не эта проклятая деревянная нога. Я слѣдовалъ за Наполеономъ всюду, въ Египетъ, въ Италію, я зналъ его генераломъ и дожилъ до того дня, когда онъ сдѣлался императоромъ. Правда, я потерялъ одну ногу, но вѣдь я не умеръ, и съ радостью отдалъ бы императору обѣ ноги. Сколько разъ пули и ядра летали вокругъ меня, но я, всетаки, не умеръ, и это потому, сестра, что люди умираютъ лишь по волѣ Божьей.

Слова стараго солдата ободрили добрую женщину, и она стала не такъ мрачно смотрѣть на начинавшійся день, который для всего Кромлэ имѣлъ праздничный характеръ, благодаря усиліямъ капрала, который задолго до его наступленія всячески старался возбудить военный энтузіазмъ въ сердцахъ сосѣдей. Это ему удалось въ значительной мѣрѣ, и, заразившись его пламеннымъ культомъ къ императору, молодежь говорила со смѣхомъ о рекрутчинѣ, видя въ ней веселую забаву, а не злой рокъ.

Во всякомъ случаѣ, въ этотъ знаменательный день все населеніе не выражало ни малѣйшаго видимаго страха и отличалось праздничнымъ настроеніемъ. Если кое-гдѣ и виднѣлись дрожащія губы, или блѣдныя щеки, то ихъ ступшевывали праздничныя одежды мужчинъ и женщинъ, а также веселые толки и громкій смѣхъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ рыбаковъ для храбрости уже выпили съ самага утра.

Наконецъ, капраль съ своими четырьмя племянниками вышелъ на улицу. Рядомъ съ ними шла Марселла, блѣдная, но въ пестромъ костюмѣ и въ хорошенькихъ башмачкахъ съ пряжками. Эта торжественная процессія Макавеевъ сопровождалась раздражающей музыкой, такъ какъ Яникъ игралъ на волынкѣ, а его братъ Алень дулъ изъ всѣхъ силъ въ жестяной свистокъ.

Сосѣди сочувственно привѣтствовали стараго солдата съ его семьей, и молодые люди стали постепенно присоединяться къ нимъ. Между этими молодыми людьми былъ одинъ юный рыбакъ съ мрачнымъ, роковымъ выраженіемъ лица.

— Здравствуй, Мишель Гральонъ,—сказалъ капраль, обращаясь къ нему.

Мишель Гральонъ поздоровался съ старикомъ и пошелъ рядомъ съ Марселлой, которая не обращала на него никакого вниманія. Ея мысли были заняты другимъ, и она съ нетерпѣніемъ ожидала появленія Роана.

Очевидно, капраль раздѣлялъ ея нетерпѣніе и наконецъ промолвилъ:

— Онъ что-то опаздываетъ, какъ можно долго спать въ такой день!

— Кого вы ждете?—спросилъ Гральонъ, когда они поровнялись съ кабачкомъ.

— Еще одного агнца изъ моего стада,—отвѣчалъ дядя Евенъ:— его имя стоитъ въ спискахъ, но онъ что-то замѣшкалъ.

— Если дѣло идетъ о Роанѣ Гвенфернѣ,—сказалъ Гральонъ съ улыбкой,—то онъ, вѣроятно, не придетъ. Я видѣлъ его вчера вечеромъ, и онъ сказалъ мнѣ, что будетъ сегодня очень занятъ, и что вы можете бросить жребій за него.

— Слишкомъ занятъ, чтобъ исполнить свой долгъ и приказаніе императора!—воскликнулъ съ негодованіемъ капраль:—это невозможно. Онъ просто пошутилъ съ тобой, Мишель Гральонъ. Онъ, вѣроятно, уже давно отправился въ городъ, желая быть тамъ первымъ. Впередъ, ребята, Роанъ насъ ждетъ.

Всѣ ускорили шаги, и Марселла не промолвила ни слова, хотя вспомнила, что нѣсколько дней передъ тѣмъ Роанъ сказалъ ей въ сумеркахъ, такъ что она не видала выраженія его лица: «Если я не пойду въ Сень-Гурло, то ты или дядя бросьте за меня жребій; это все равно; судьба одна».

Выйдя изъ деревни, старый солдатъ съ своимъ маленькимъ отрядомъ примкнулъ къ длинной вереницѣ стариковъ, старухъ, молодежи и дѣтей, стремившихся къ той же цѣли. По дорогѣ они остановились передъ церковью и возвышавшимся подлѣ распятіемъ. Алень и Яникъ прекратили свою музыку, капраль снялъ шляпу, а Марселла и ея братья опустили на колѣна. Въ дверяхъ церкви стоялъ патерьъ и, протянувъ свои жирныя руки, благословлялъ проходившихъ.

Городокъ Сень-Гурло отстоялъ отъ Кромлэ на двѣнадцать миль и находился посреди плодородной долины, но дорога къ ней шла черезъ пустынную, покрытую верескомъ и гранитными глыбами, мѣстность.

XII.

Бросанье жребія.

Сначала дядя Евенъ весело ковылялъ на своей деревянной ногѣ, но, сдѣлавъ нѣсколько миль, онъ усталъ и съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе занять мѣсто въ большой телѣгѣ, переполненной рядомъ одѣтыми молодыми дѣвушками и запряженной двумя волами. Марселла также помѣстилась въ телѣгѣ, а ея братья продолжали идти пѣшкомъ.

Черезъ нѣсколько времени они догнали старуху Гаронъ, которая съ трудомъ двигалась, крѣпко держа за руку своего сына, здорovenнаго молодца, но очень просто одѣтаго. Онъ попросилъ, чтобъ дали мѣсто въ телѣгѣ изнемогавшей отъ усталости матери, но когда ее стали подсаживать, она лишилась чувствъ. Даже придя въ себя, она не могла промолвить ни слова и устремляла глаза въ пространство, словно была во снѣ. Физическая усталость и умственное напряженіе отняли послѣднія ея силы. Сынъ пошелъ рядомъ съ телѣгой, такъ какъ она не хотѣла выпустить его руки.

Наконецъ они переѣхали черезъ деревянный мостъ и очутились въ Сень-Гурло.

Это былъ маленькій, старинный городокъ съ небольшими каменными домиками, узкими улицами и древними церквями. Всюду виднѣлась многочисленная толпа. На рыночной площади, которую вскорѣ достигла телѣга, стояли длинные ряды деревенскихъ экипажей и лари, на которыхъ продавались съѣстные припасы; шумъ и гамъ раздавались въ воздухъ; въ однѣхъ группахъ плакали старухи, сыновьямъ которыхъ достался дурной жребій, а въ другихъ грубо хохотали деревенскія красавицы, окруженныя своими поклонниками.

Среди площади возвышалось невзрачное зданіе городской ратуши, гдѣ уже начали бросать жребій, и передъ нимъ ходили взадъ и впередъ военныя власти въ блестящихъ мундирахъ.

Надо сознаться, что съ внѣшней стороны было мало признаковъ недовольства или печали. Все было устроено такъ, чтобъ придать дѣлу праздничный видъ. На крышахъ многихъ домовъ развѣвались флаги; тамъ и сямъ слышались звуки музыки, а старые солдаты и правительственные агенты сновали въ толпѣ, муссируя ея энтузіазмъ, рассказывая исторіи о славныхъ подвигахъ императора и щедро угощая виномъ бѣдныхъ поселянъ. Значительное число юношей, долженствовавшихъ бросать жребій, были пьяны; мѣстами происходили побоища, и удары сыпались со всѣхъ сторонъ. Во всей громадной толпѣ только лица пожилыхъ женщинъ выражали мрачное отчаяніе.

Сойдя съ телѣги, дядя Евенъ направился во главѣ своей маленькой процессіи къ городской ратушѣ. Марселла не отходила отъ него, нервно прижимаясь къ нему и отыскивая глазами Роана.

Капрала всѣ знали въ городѣ; толпа передъ нимъ разступалась, а власти любезно привѣтствовали его, такъ какъ имъ было предписано высшимъ начальствомъ оказывать всякое уваженіе инвалидамъ. Но еслибъ даже ему не придавала значенія деревянная нога, то ее исполнѣ замѣнила бы хорошенъкая племянница, на которую всѣ невольно заглядывались.

— Дядя, дядя,— сказала шепотомъ Марселла, входя въ ратушу:— здѣсь нѣтъ Роана.

— Проклятье,—воскликнулъ старикъ:—но, можетъ быть, онъ внутри.

Снявъ шляпу и ведя за руку молодую дѣвушку, онъ проникъ въ залу, которая производила значительное впечатлѣніе.

Въ концѣ этой залы, за большимъ столомъ, на которомъ находился ящикъ съ номерами, сидѣли мэръ, маленькій невзрачный человѣкъ, хотя воинственнаго вида и въ орденахъ, другія городскія власти и пѣхотный офицеръ. Позади виднѣлся рядъ жандармовъ, а у одного угла стола помѣщался секретарь съ большой книгой, въ которую онъ вносилъ номера, вынутые молодыми людьми, у противоположнаго же угла стоялъ старый сержантъ великой арміи, громко читавшій вынутый номеръ для общаго свѣдѣнія.

Жители каждаго селенія подходили къ столу въ алфавитномъ порядкѣ, и секретарь выкликалъ имена юношей, внесенныхъ въ списки, и они одинъ за другимъ вынимали изъ ящика билеты съ номерами. Если кого нибудь не оказывалось на лицо, то за него вынималъ билетъ кто нибудь другой. Число рекрутовъ отъ каждаго селенія было опредѣлено заранее; такъ, Кромлэ долженъ былъ поставить двадцать пять солдатъ, и тѣ молодые люди, которые вынимали номера до двадцать-пятого, шли въ рекрута, а остальные были свободны, если, однако, первые двадцать пять номеровъ оказывались способными къ службѣ. Этотъ приговоръ произносила комиссія послѣ медицинскаго осмотра избранниковъ. А если нѣкоторые изъ нихъ оказывались неспособными къ военной службѣ, то ихъ замѣняли юношами, вынужденными номерами слѣдующіе послѣ двадцать-пятого.

Жителямъ Кромлэ не пришлось долго ждать своей очереди. Ихъ сосѣди изъ селенія Гоплона оканчивали уже бросаніе жеребья, и дядя Евенъ критически посматривалъ на каждаго изъ нихъ, а Марселла между тѣмъ всюду искала глазами Роана Гвенферна.

— Кромлэ! — воскликнулъ наконецъ офицеръ, сидѣвшій за столомъ.

Кромлэйцы окружили столъ, и сержантъ громко прочелъ списокъ именъ всѣхъ лицъ, долженствовавшихъ бросить жребій.

При видѣ дяди Евена мэръ улынулся и громко сказалъ:

— Здравствуйте, капралъ. Вы привели съ собою цѣлую шеренгу молодежь. Это лучшій подарокъ, который можетъ сдѣлать императору старый солдатъ. Но что это за хорошенькая дѣвушка съ вами? Она не могла быть внесена въ списки.

Всѣ засмѣялись, а Марселла покраснѣла.

— Она моя племянница,—отвѣчала капралъ, съ гордостью смотря на свою молодежь:—а это ея братья, внесенные въ списки.

Мэръ молча кивнулъ головой, и тотчасъ было приступлено къ дѣлу. Громко вызывали одно имя за другимъ и также громко выкликали соответствующіе номера. Многіе изъ молодыхъ людей воз-

вращались смѣясь къ своимъ родственникамъ и даже тѣ, которымъ попадались роковые номера, часто смѣялись громче всѣхъ, или отъ равнодушія къ своей судьбѣ, или отъ отчаянія.

— Алень Дерваль,—произнесъ секретарь.

Алень отдалъ свой свитокъ Янику, подошелъ къ столу, поклонился властямъ и вынулъ изъ ящика билетъ. Онъ быстро прочелъ его и передалъ сержанту.

— Алень Дерваль,—произнесъ громко послѣдній:—номеръ сто семьдесятъ третій.

Алень шепнулъ на ухо Марселлѣ съ искреннимъ, или напускнымъ разочарованіемъ:

— Не везетъ, я лучше бы пошелъ въ солдаты.

— Гильдъ Дерваль!

Одинъ изъ гигантовъ-близнецовъ подошелъ къ столу, и мэръ невольно произнесъ, обращаясь къ своему сосѣду:

— Вотъ такъ человекъ!

Гильдъ флегматично вынулъ билетъ, но, прочитавъ его, пожалъ плечами и съ недовольнымъ видомъ передалъ его сержанту.

— Гильдъ Дерваль—номеръ шестнадцатый.

— Да здравствуетъ императоръ!—воскликнулъ капралъ и крѣпко пожалъ руку Гильду, который не выразилъ никакого энтузіазма и тихо произнесъ:

— Мнѣ все равно, если только Хоеля также возьмутъ.

Марселла не могла удержаться отъ грустнаго восклицанія.

— Хоель Дерваль!

Второй близнецъ торопливо вынулъ свой билетъ, и спустя минуту сержантъ провозгласилъ:

— Хоель Дерваль—номеръ двадцать седьмой.

Капралъ вздрогнулъ, а Марселла легко вздохнула. Но Хоель былъ какъ бы пораженъ громомъ. Онъ не былъ совершенно освобожденъ отъ опасности, такъ какъ если изъ двадцати-пяти избранниковъ были бы забракованы двое на медицинскомъ осмотрѣ, то онъ занялъ бы мѣсто второго изъ нихъ. Поэтому онъ пошелъ за Гильдомъ съ какой-то нервной дрожью во всемъ его колоссальномъ тѣлѣ.

— Роанъ не пришелъ,—шепотомъ произнесла на ухо старику Марселла:—ему сдѣлають выговоръ, а, быть можетъ, подвергнуть его наказанію.

— Я выну билетъ за него,—отвѣчалъ капралъ.

— Нѣтъ, позвольте мнѣ это сдѣлать,—сказала молодая дѣвушка дрожащимъ голосомъ:—онъ взялъ съ меня слово, что я выну за него билетъ, если онъ не придетъ.

— Надъ тобой будутъ смѣяться,—замѣтилъ дядя Евень.

Но въ эту минуту секретарь громко произнесъ:

— Яникъ Гаронъ!

Гаронъ вышелъ изъ толпы блѣдный и дрожащей рукой вынулъ изъ ящика билетъ. Онъ былъ такъ смущенъ, что, не открывая его, передалъ сержанту.

— Прежде прочтите,—сказалъ послѣдній.

Гаронъ бросилъ отчаянный взглядъ на свою блѣдную мать, которую съ трудомъ удерживали друзья, открылъ билетъ и тихо прочелъ:

— Номеръ двухсотый.

— Яникъ Гаронъ — номеръ двухсотый, — провозгласилъ громко сержантъ.

Слезы радости показались на глазахъ молодаго человѣка, и онъ бросился къ своей матери, которая отъ счастья упала въ обморокъ.

— Мишель Гральонъ!

Юноша подошелъ къ столу, нервно комкая въ рукахъ свою шапку. Онъ былъ очень блѣденъ, и его маленькіе глаза ясно выражали страхъ. Онъ раболопно поклонился властямъ и въ нерѣшительности смотрѣлъ на нихъ, не зная, что дѣлать.

— Берите билетъ,—сказалъ мэръ.

Гральонъ не разъ прежде бросалъ жребій, и судьба ему всегда улыбалась, но отъ этого не уменьшался его страхъ.

— Мишель Гральонъ — номеръ девяностодевятый.

Юноша радостно взглянулъ на Марселлу, какъ бы ожидая я сочувственной улыбки. Но она стояла съ опущенными глазами блѣдная, какъ смерть, и безмолвно молилась.

— Роанъ Гвенфернъ,—произнесъ секретарь.

Никто не откликнулся. Капралъ и Марселла молча взглянули другъ на друга.

— Роанъ Гвенфернъ,—повторилъ секретарь.

— Гдѣ же онъ?—спросилъ мэръ, нахмуривъ брови.

— Мой племянникъ нездоровъ,—сказалъ дядя Евенъ, подходя къ столу вмѣстѣ съ Марселлой:—и я или племянница вынемъ билетъ за него.

— А вы что скажете, моя красавица? — произнесъ мэръ:—вы, можетъ быть, его невѣста?

— Я двоюродная его сестра,—отвѣчала просто Марселла.

— Но двоюродныя сестры часто выходятъ замужъ за своихъ двоюродныхъ братьевъ,—продолжалъ мэръ:—ну, хорошо, вынимайте за него билетъ, можетъ быть, вы принесете ему счастье.

Всѣ власти улыбнулись, и Марселла протянула руку къ ящику, продолжая мысленно молиться.

— Ну, не робѣйте,—сказалъ офицеръ, ободрительно подмигивая молодой дѣвушкѣ.

Она вынула билетъ и подала его капралу, который, прочитавъ его, громко крикнулъ.

— Прочитайте, капраль,—воскликнулъ офицеръ, продолжая смотрѣть на Марселлу, которая дико устремила глаза на дядю.

— Это не вѣроятно,—произнесъ старый солдатъ видя себя отъ удивленія:—номеръ первый.

— Роанъ Гвенфернъ—номеръ первый,—провозгласилъ сержантъ, и Марселла, закрывъ лицо руками, прижалась къ плечу дяди.

XIII.

День на морѣ.

Еслибъ капраль и его семья, отправляясь изъ Кромлэ въ Сенъ-Гурло, обратили свои взгляды на море, то увидали бы тамъ черную точку, то показывавшуюся на гребнѣ волнъ, то исчезающую между ними. Эта черная точка была маленькой рыбацкѣй лодкой съ парусомъ и закрѣпленнымъ рулемъ. Нѣжно колыхаясь, она быстро бѣжала по вѣтру.

На кормѣ этой лодки сидѣлъ человѣкъ, то тревожно смотрѣвшій на берегъ, то задумчиво устремлявшій свои глаза въ голубую даль.

Это былъ Роанъ Гвенфернъ. Онъ поднялся до восхода солнца и, спустивъ на воду лодку, снабженную парусомъ и веслами, ушелъ въ море, на разстояніе нѣсколькихъ миль отъ берега. Дыша тамъ свободно и сравнительно безопасно, онъ наблюдалъ за всѣмъ, что дѣлалось въ селеніи. На его глазахъ, оно проснулось, столбы сѣраго дыма стали подниматься къ небу, и на берегу начали мелькать фигуры, а вмѣстѣ съ тѣмъ до него доносились звуки музыки и отдаленный человѣческій говоръ. Онъ не разъ видалъ такую картину, но прежде онъ смотрѣлъ на нее равнодушно, а теперь она производила на него какое-то странное, отталкивающее, но вмѣстѣ чарующее впечатлѣніе.

Его лицо было блѣдно отъ многихъ безсонныхъ ночей, волоса въ беспорядкѣ падали на плеча, глаза были налиты кровью, а брови мрачно насушены, но ничто не могло уничтожить, или даже умалить его природной красоты. Мечтательный широкій лобъ, глубокой задумчивый взглядъ и нѣжная, хотя дышавшая могучей силой, улыбка придавали его лицу прежній львиный видъ. Его глаза сверкали не жестокостью, а чѣмъ-то болѣе опаснымъ—силой непобѣдимой воли.

Не смотря на это, онъ дрожалъ какъ бы отъ страха, словно ожидая, что изъ воды неожиданно выскочитъ какой нибудь преслѣдователь; по временамъ онъ истерически смѣялся, и вообще его лицо представляло то усталое, выжидающее, болѣзненное выраженіе, которое можно замѣтить у затравленнаго звѣря, слышащаго издали голоса и топотъ охотниковъ.

Онъ все обдумалъ и чѣмъ болѣе онъ обсуждалъ свою рѣшимость, тѣмъ его душа крѣпче стояла за эту рѣшимость. Онъ зналъ, что его имя внесено въ рекрутскіе списки, что наступилъ роковой день бросанія жребіевъ, и что если, какъ онъ боялся, судьба повернется противъ него, то онъ вступить въ смертельную борьбу съ нею. Онъ понималъ, съ какой силой онъ будетъ бороться. Онъ зналъ, что вся страна, всѣ друзья, всѣ родственники, даже Марселла возстанутъ противъ него, но это не колебало его рѣшимости. Онъ ни за что не хотѣлъ служить ненавистному чудовищу войны и скорѣе готовъ былъ умереть.

Длинный, сложный рядъ мыслей и ощущеній привелъ Роана Гвенферна къ той ненависти и къ тому страху войны, которые наполняли теперь его сердце. Прежде всего, онъ до сихъ поръ велъ жизнь чрезвычайно одинокую, но она не развила въ немъ патологическаго самосозерцанія, а усилила въ немъ естественные инстинкты любви и сожалѣнія. Наравнѣ съ необыкновеннымъ стремленіемъ къ физической свободѣ, онъ обладалъ неудержимымъ сочувствіемъ ко всему, что было также свободно, какъ онъ. Онъ ненавидѣлъ пролитіе крови въ какой бы то ни было формѣ и питалъ самыя мирныя чувства къ доброму Богу на небѣ, къ людямъ на землѣ, къ птицамъ, вившимъ гнѣзда на утесахъ, и къ тюленямъ, которые отдыхали подлѣ него на песчаномъ берегу. Онъ никогда не употреблялъ во зло своей громадной физической силы и, принимая иногда участіе въ кулачныхъ бояхъ по примѣру своихъ колоссальныхъ двоюродныхъ братьевъ, онъ никогда не обнаруживалъ грубой жестокости. Онъ несомнѣнно радовался своей силѣ, но обладалъ гуманностью человѣка и великодушіемъ могучаго звѣря. Его мужество и смѣлость не знали границъ, но мысль, что роковой жребій выпадетъ ему, наполняла его сердце страхомъ, и онъ ощущалъ болѣзненное чувство трусости.

То, что сознавалъ Роанъ Гвенфернъ, то, что терзало его душу, не могло быть природнымъ инстинктомъ простой натуры поселанина. Какъ бы благородна и даже утонченна ни была эта натура, но она не могла развить въ немъ тѣхъ стремленій къ свободѣ, той любви къ человѣчеству и той ненависти къ войнѣ, которыми было переполнено его сердце. Онъ обязанъ былъ этимъ не природѣ, а учителю Арфолю.

Прямо отъ воспитавшаго его патера Роанъ перешелъ къ этому своеобразному наставнику. Много странныхъ уроковъ слышалъ онъ отъ Арфоля, сидя съ нимъ въ какомъ нибудь уединенномъ уголкѣ на песчаномъ берегу. Въ его устахъ за псалмами Давида слѣдовали кровавыя рассказы изъ временъ террора, и мистическія подробности о странствіи волхвовъ въ Вилеемъ смѣнялись патетическими эпизодами убійства Марата. То, что сѣялъ учитель Арфоль, обыкновенно падало на бесплодную почву, и тупые

умы его учениковъ не могли понимать его ученія, но въ этомъ случаѣ брошенные имъ въ молодой умъ сѣмена принесли такіе плоды, какихъ не ожидалъ самъ сѣятель; мало-по-малу ненависть Роана къ тиранамъ и кровопролитію превысила даже то же самое чувство въ сердцѣ Арфоля. Чѣмъ болѣе развивались мысли Роана, тѣмъ болѣе онъ находили пищи въ разсказахъ учителя. Жадно внималъ онъ и проповѣди любви, принесенной на землю Сыномъ Человѣческимъ, и блестящей философской болтовнѣ Вольтера, и ученію о равенствѣ Руссо, и кровавымъ эпизодамъ исторіи прошедшихъ вѣковъ; Арфоль училъ его, что Людовикъ XVI переходилъ отъ одной ошибки къ другой, что революція сначала стремилась къ возвышеннымъ идеаламъ, что Робеспьеръ своей кровавой рѣзней возбуждалъ къ себѣ отвращеніе, а Лафайетъ заслуживалъ уваженіе и любовь. Это знакомство съ внѣшнимъ міромъ не уменьшало, а увеличивало его энтузіазмъ къ физической свободѣ. Вися въ воздухѣ подъ выдающимися вершинами утесовъ, плавая въ мрачныхъ заводяхъ между скалами и носясь въ лодкѣ по морскимъ волнамъ, онъ тѣмъ болѣе наслаждался своей свободой, что она представлялась рѣдкостью среди поколѣній, находившихся подъ игомъ рабства. Съ каждымъ годомъ онъ все болѣе и болѣе сознавалъ, что человѣчество послѣ неудачнаго результата французской революціи поддалось владычеству мощной силы, которая господствовала не только во Франціи, но и во всемъ свѣтѣ. Собственными глазами онъ видѣлъ, какъ рекрутчина отмѣчала кровавыми знаками жилища въ Кромлѣ, собственными ушами слышалъ стонъ вдовъ и вопли дѣтей; всей своей душой и всѣмъ своимъ умомъ онъ возставалъ противъ грубой силы, олицетворявшейся въ войнѣ. До сихъ поръ онъ благодарилъ Бога, что былъ единственнымъ сыномъ вдовы, но теперь, всетаки, наступила и его очередь бросить жребій.

Мирная тишина моря, однако, дѣйствуетъ такъ успокоительно на тревожный умъ, что Роанъ, колыхаясь въ своей маленькой лодкѣ по волнамъ, мало-по-малу забывалъ о страхѣ, имъ овладѣвшемъ, и глаза его все болѣе и болѣе блестяли отъ сознанія своей свободы въ открытомъ морѣ.

Наступилъ полдень, и онъ все еще находился на водѣ. Его теперь окружали массы морскихъ птицъ, которыхъ не пугало движеніе его лодки, а въ прозрачной водѣ онъ видѣлъ мірады сельдей, спасавшихся отъ преслѣдованія акулъ и другихъ хищныхъ рыбъ. Это зрѣлище возбудило въ немъ рядъ болѣзненныхъ фантазій. Ему казалось, что передъ нимъ проносятся цѣлыя арміи, за которыми гонятся могучіе легіоны, обезумѣвшіе отъ жажды крови. Съ ужасомъ онъ отвернулся отъ бездонной пучины и устремилъ свои взоры на залитое солнцемъ небо, но и въ воздухѣ хищныя птицы гонялись за добычей. Еще недавно природа казалась

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ЯНВАРЬ 1893 Г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 5-й.

- * Адресная и справочная книга города Москвы на 1894 г. XXII годъ изданія. Составлено при содѣйствіи московскаго городскаго общ. управленія, подъ ред. Игнатовъ. М. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Аггеевнo, В. Флора Крыма. Т. II. Вып. I. Спб. 1893 г. Ц. 2 р.
- Аксаковъ, Н. Дѣти-крестоносцы. Историческая повѣсть для юношества. Съ рисунками. М. 1894 г. Ц. 50 к.
- Александровъ, Д. А. Что читать и что пѣть? Вып. V. М. 1893 г. Ц. 60 к.
- Альманахъ русскаго сельскаго хозяйства на 1894 г. Составл. подъ редакц. К. И. Масляникова, при участіи изв. агроном., пчеловод., архитект., инженер. и професс. Спб. 1894 г. Цѣна 80 к., съ перес. 1 р.
- Андреевъ, П. Дешевый русскій столъ. Изд. 3-е. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.
- Ахшарумовъ, И. Д. Собраніе сочиненій. Т. 2-й. Потомокъ Бетрищевыхъ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Баранцевичъ, Н. Двѣ жены. (Семейный очагъ). Романъ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Безобразовъ, И. В. Женихъ двухъ невѣстъ. Историч. романъ. М. 1894 г. Ц. 40 к.
- Беранже, П. Ж. Полное собраніе пѣсенъ въ переводѣ русскихъ писателей. 403 пѣсни. Вып. XXXII и послѣдній. Тифлисъ. 1893 г. Ц. 20 к.
- Библиотека сказокъ, собранныхъ братьями Гриммъ. Книжка III (для средняго возраста). М. 1894 г. Ц. 20 к.
- Бонкацио, Д. Избранныя новеллы. (Мал. Библ., № 59). Спб. 1893 г. Ц. 20 к.
- Васильевъ, М. Въ лѣсу и въ полѣ. Разсказы и сказки для дѣтей. Съ рисун. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.
- Ребятки, разсказы и сказки для маленькыхъ дѣтей. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 30 к.
- Веселовскій, Аленстй. Этюды и характеристики. М. 1894 г. Ц. 2 р. 75 к.
- * Весь Петербургъ. Адресная и справочная книга на 1894 гоцъ. Съ приложеніемъ статистическаго очерка С.-Петербурга, съ планами города и театровъ. Спб. 1894 г. Ц. 3 р.
- Вилларе, А., д-ръ. Энциклопедическій медицинскій словарь. Вып. 24-й. Спб. 1893 г. Ц. 60 к.
- Винтъ, во всѣхъ видахъ. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Вишняковъ, С. Истоки Волги. Наброски перомъ и фотографією. Спб. 1893 г. Ц. 6 р.
- Волланъ-де, гр. По бѣлу свѣту. Путевыя замѣтки. Ч. I-я. Испанія, Египетъ, Цейлонъ и Индія. Спб. 1894 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Волховской, М. Г. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ. Съ рисунками. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Жизнеописанія русскихъ государей и замѣчательныхъ въ исторіи людей. Съ рисунками. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Вяземскій, П. П., князь. Собраніе сочиненій 1876—1877 г. Спб. 1894 г. Ц. 4 р.
- Вѣтренница. Разсказъ для дѣтей. Рисунки бар. М. Клодта. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Гадзаций, Ф. X. Матеріалы для статистики душевныхъ болѣзней въ Россіи по даннымъ клиники душевныхъ болѣзней при Имп. Военно-Медиц. Акад. съ 1870 по 1890 г. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 60 к.
- Гаринъ, Н. Дѣтство Темы. М. 1894 г. Ц. 60 к.
- Geboelst, M. Z., Руководство по микробиологіи. Перев. съ франц. подъ ред.

- проф. А. А. Раевского. Съ 16 рис. въ текстѣ. М. 1894 г. Ц. 1 р.
- Горвицъ, д-ръ.** Отчего хвораютъ наши женщины. Очеркъ гигиены женщины. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.
- Горнь, Фредер. Винкель.** Исторія скандинавской литературы отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Съ приложениемъ этюда Ф. Швейцера «Скандинавское творчество новѣйшаго времени». М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Gowers, W. R., проф.** Руководство къ болѣзнямъ нервной системы. Т. I. Болѣзни нервовъ и спинного мозга. Перев. со второго англійск. изд. д-ра С. Б. Орѣчина. Съ 179 рис. въ текстѣ. Спб. 1894 г. Ц. 4 р.
- Гурьевъ, А. Н.** Къ реформѣ крестьянскаго банка. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Данилевскій, Г. П.** Слобожане. Малороссійскіе рассказы. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Данте.** Божественная комедія. Рай. Переводъ стихами А. П. Федорова. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Адъ. Божественная комедія. Перев. П. Кашкина. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Дмитріевъ, В. Н.** Кефиръ, лечебный напитокъ изъ коровьяго молока. Изд. 6-е. Спб. 1894 г. Ц. 60 к.
- Выборъ коммерческихъ сортовъ овощей и земляники и ихъ культура для среднихъ губерній Россіи. М. 1894 г. Ц. 25 к., съ перес. 35 к.
- Полезная птица для сельскаго хозяйства и устройство ящиковъ для ихъ гнѣздъ. М. 1893 г. Ц. 10 к.
- Дьяковъ, А. (Житель).** Денежная оргія. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Дѣловой и веселящійся Петербургъ.** Новый путеводитель-адресъ-календарь-хроника на 1894 годъ. Иллюстрированное изданіе. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Епанчинъ, Н.** Иллюстрированный календарь для сельскихъ хозяевъ и любителей садоводства и огородничества на 1894 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.
- Ермаковъ, Н. Я.** Пословицы русскаго народа. Спб. 1894 г.
- Есиповъ, В. В.** Очерки русскаго уголовного права. Часть общая. Преступленіе и преступники. Наказаніе и наказуемые. Варшава. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Семинарія уголовного права въ Галле. Варшава. 1893 г. Ц. 20 к.
- Святотатство въ исторіи русскаго законодательства. Варшава. 1893 г. Ц. 50 к.
- Записная и справочная книга охотника и рыболова на 1894 г.** М. 1894 г. Ц. 2 р.
- Зарницкій, Я. И.** Отголоски прошлаго. Слова, поученія и рѣчи. Спб. 1894 г. Ц. 60 к.
- Илинскій, П.** Сборникъ законоположеній для врачей. Спб. 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Калидаса.** Сакунтала. Санскритская драма въ 7-ми дѣйствіяхъ (Деш. Библ. А. С. Суворина. № 252). Ц. 25 к.
- Науфманъ, А. А.** Очеркъ крестьянскаго хозяйства въ Сибири. Томскъ. 1894 г. Ц. 75 к.
- Ниселева, М.** Два разсказа: 1) Изъ мовхъ воспоминаній. 2) Бородавка. Съ рисунками. Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Книжный Вѣстникъ.** Журналъ книжноторговой, издательской и литерат. дѣятельности въ Россіи. № 12, декабрь 1893 г. Ц. 30 к.
- Кожезниновъ, В. А.** Безцѣльный трудъ, «недѣланіе» или дѣло? Разборъ взглядовъ Э. Золя, А. Дюма и гр. I. Н. Толстого на трудъ. М. 1893 г. Ц. 20 к.
- Константинова, А.** Рисунки для выжиганія и тисненія. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Красавица.** Разсказъ марьяны Коломбо. М. 1894 г. Ц. 35 к.
- Ласкѣвъ, А.** Проповѣдь и проповѣдничество по Лютеру. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.
- Ливронъ-де, А.** Морской англо-русскій словарь. Собраніе морскихъ техническихъ выраженій и командныхъ словъ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Льготный прѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ желѣзнодорожн. служащ., ихъ семействъ, мастеръ и рабочихъ.** Законъ 19-го янв. 1893 г. Сост. Н. Л. Брюль. Спб. 1893 г. Ц. 15 к.
- Маніевскій, А. И., д-ръ.** Гигиеническія бесѣды. М. 1894 г. Ц. 30 к.
- Марсель Превю.** Женщины. (Женскія письма). Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Мейеръ, Л., проф.** Основанія теоретической химіи. Переводъ со 2-го изд. Н. С. Дрентельна. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Мензбиръ, М. А., проф.** Птицы въ Россіи. Вып. 3-й, съ 90 рис. М. 1893 г.
- Мерсье.** Библиотека фотографа. III. Закрѣпленіе негативныхъ и позитивныхъ изображеній на соляхъ серебра. Съ 4 рис. Спб. 1894 г. Ц. 35 к.
- Минюева, О. М.** Маленькимъ дѣтямъ. Пять разсказовъ. Рисунки барона М. Клодта. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Мясоедовъ, А. Д.** Мигъ любви и другіе разсказы. М. 1893 г. Ц. 50 к.
- На добрую память изъ русскіхъ писателей.** Книга для семейнаго чтенія. М. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- На память о П. И. Чайковскомъ.** Статьи Г. А. Лароша и Н. Д. Кашкина. Съ портретами. М. 1894 г. Ц. 60 к.
- Настольный энциклопедическій словарь.** Вып. 76-й. Цѣна на обыкновенной бумагѣ 30 к., на лучшей 40 к.

Невадомскій, Р. В., инж. Общій способъ опредѣленія опорныхъ противодѣйствій въ неразрѣзныхъ балкахъ. Спб. 1893 г. Ц. 30 коп.

Нефедовъ, Ф. Д. Сочиненія. Т. I. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Никитинъ, В. Н. Руководство къ изученію ларингоскопіи и болѣзней гортани. Съ 42 рис. въ текстѣ. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 3 р.

Норвежскія сказки. Съ рисунками. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Оболонскій, Н. А., проф. судебн. мед. Пособникъ при судебно-медицинскомъ изслѣдованіи трупа и при изслѣдованіи вещественныхъ доказательствъ. Съ 22 рис. и IX табл. Спб. 1894 г. Цѣна 3 р. 60 коп.

Ов—нно—въ, Я. Женщина. Изреченія и мысли извѣстныхъ писателей. М. 1894 г. Ц. 10 к.

Острогорскій, В. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. (Посвящается русскимъ матерямъ). М. 1894 г. Ц. 40 к.

Пагенштехеръ, д-ръ. Ревматизмъ и подагра. Гигіеническія наставленія, діета, лечение и уходъ. Съ 12-ю рис. Спб. 1894 г. Ц. 60 к.

Памятная книжка на 1894 г. Изданіе военной типографіи. Ц. 1 р. 50 к, въ переплетѣ 2 р.

Памятная книжка для членовъ Общества трезвости. На 1894 г. Сост. Д. Н. Бородинъ. Спб. 1893 г. Ц. 55 к., въ каленкор. перепл. 75 к.

Парисъ, Генрихъ. Пятьдесятъ лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи. Съ 2 портр. автора. Перев. съ англ. В. Невѣдомскаго. М. 1894 г. Ц. 3 р.

Пенцольдъ, Фр., д-ръ. Руководство къ клиническому пользованію лекарствами для врачей и студентовъ. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 3 р.

Плискій, Н. И. Манія держать пари. Опытъ изслѣдованія. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

— Мстительность животныхъ. Вып. 1-й. Мстительность обезьянъ, слоновъ и лошадей. Спб. 1894 г. Ц. 20 к.

— Реклама. Ея значеніе, происхожденіе и исторія. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Полезнаевъ, П. Престоль и монастырь. Историч. романъ въ 2 част. Изъ русск. лѣтоп. XVII вѣка. Изд. 3-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Подкольскій, В. Будни. Разказы и очерки. М. 1894 г. Ц. 1 р.

Положенія о сельскомъ состояніи, дополненныя всѣми позднѣйшими узаконеніями. Ч. III. Мѣстныя положенія, Правила для западн. губ. и Полож. о бывш.

госуд. крестьянахъ. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Порошокъ торфяного или бѣлаго мха (сфагнумъ) Спб. Каменскаго завода. Опытъ примѣненія его для уничтож. дурного запаха въ помѣщеніяхъ. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Потапенко, И. Н. Повѣсти и разказы. Томы VII и VIII. Спб. 1894 г. Цѣна каждаго тома 1 р.

Похитонова, М., женщ.-вр. Красота, ея совершенствованіе и сохраненіе путемъ гигиены. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

Прейеръ, В. Духовное развитіе въ первомъ дѣтствѣ, съ указаніями для родителей о его наблюденіи. Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Розелеръ, А. Гальванопластика. Съ 212-ю рис. въ текстѣ. Въ 3-хъ ч. Переводъ съ 5-го франц. изд. П. Ф. Симоненко. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Руководство для удобнаго и полезнаго веденія счета домашнихъ расходовъ. Сост. М. П. Чернышевъ. Спб. 1893 г. Ц. 60 к.

Рябининъ, И. В. Элеваторы и наше увлеченіе ими. Спб. 1894 г. Ц. 60 к.

Саловъ, И. Уютный уголокъ. Изд. журн. «Артистъ». М. 1894 г. Ц. 80 к.

Саль, Пьеръ. Двѣ семьи. Романъ (съ французск.). М. 1893 г.

Сборникъ правовѣднія и общественныхъ знаній. Трудъ Юридическаго общества. Т. II. Спб. 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

Сказки русскаго народа. Текстъ подъ редакціей В. А. Гатцука. Рисунки художн. Н. А. Богатова. М. 1894 г. Ц. 25 к.

Слетовъ, Н. В. Лечение чахотки озонномъ. М. 1894 г. Ц. 50 к.

Списокъ чиновъ судебного и судебно-административнаго вѣдомствъ съ записною книжкою и календаремъ на 1894 г. Ц. 1 р.

Стендаль, Г. Красное и черное. Романъ. (Моя библіотека, № 49—51). Спб. 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.

Степна-Растрепна. Разказы для дѣтей. Изд. 7 е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

*) **Суворинъ, А. А.** Палестина. Вып. XII.

Суттнеръ, Берта. Въ игорномъ домѣ. Романъ. Лн, Юна. Въ застольной. Отрывокъ. М. 1893 г. Ц. 50 к.

*) **Сю, Евгений.** Вѣчный жидъ. Романъ. Вышли томы 1-й и 2-й. (Всего будетъ 5 т.). Первый полный, безъ пропусковъ, переводъ съ французскаго. (Новая Библ. А. С. Суворина). Цѣна за два тома 1 р. 20 к.

Тайный порокъ. Трезвыя мысли о по-

ловыхъ отношеніяхъ. М. 1894 г. Цѣна 15 коп.

Успенскій, Н., діаконовъ. Спутникъ христіанина. Сборникъ духовно-нравственныхъ статей для народа. Спб. 1894 г.

Филатова, В. С. Новое пособіе хозяйкамъ. Домашній столъ и хозяйственныя заготовки. (Съ 65-ю рис. въ таблицахъ). М. 1893 г. Ц. 2 р. 75 к.

Фламмарионъ, И. Конецъ міра. (Дешев. библ. А. С. Суворина, № 254). Ц. 15 к.

— Что такое небо? Съ 60-ю иллю-

страціями. (Деш. библ. А. С. Суворина, № 257). Ц. 30 к.

Фотогравюры съ картинъ В. Е. Мановскаго. XII-й выпускъ. Ц. 6 р.

Хвицкий, П. Д. Руководство для борьбы съ огнемъ въ селеніяхъ. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.

Эссаръ, Д. Н. Не во время. Изъ воспоминаній туриста. Наканунъ Свѣтлаго праздника. М. 1894 г. Ц. 50 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

въ *Петербургъ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ*

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

„РУССКІЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1894 г.

А. С. СУВОРИНА.

(23-й годъ изданія).

СОДЕРЖАНІЕ КАЛЕНДАРЯ: Православный кал., армяно-грегоріанскій, римско-католическій, протестантскій, магометанскій, еврейскій, пасхалии проч. **Астрономическій календарь.** Метеорологическій календарь. **Историческій календарь:** Импер. Домъ; личный составъ правительственныхъ учреждений; административныя и судебныя учрежденія въ Финляндіи; **Статистическій Ежегодникъ «Русскаго Календаря»** содержитъ отдѣлы: 1) территоріи и населеніе Россіи, ея административное раздѣленіе, города и проч.; 2) церкви; 3) финансы; 4) внутрення и вибшняя торговля; 5) сельское хозяйство, фабричная и заводская промышленность; 6) средства сообщеній и сношеній; 7) кредитъ и акціонерное дѣло; 8) страховое дѣло и пожары въ Россіи; 9) народное здравіе; 10) народное образованіе; 11) войско и флотъ; 12) иностранныя государства; 13) русская лѣтопись; 14) некрологъ. **Справочная книжка «Русскаго Календаря»** заключаетъ въ себѣ справочныя свѣдѣнія по слѣдующимъ предметамъ: 1) учебныя, техничскія и другія общ. въ Россіи, библиотеки, музеи, картинныя галлерей и преміи за сочиненія; 2) учебныя и воспитательныя заведенія въ Россіи; 3) періодическія изданія, выходящія въ Россіи; 4) торговопромышленныя и банковыя свѣдѣнія; 5) метрологія; 6) желѣзныя дороги и пароходства; 7) почта, телеграфъ и телефонъ; 8) законы, судъ, адвокаты и нотаріусы; 9) благотворительныя общ. и богоугодныя заведенія; 10) врачи, лечебныя заведенія и минеральныя воды; 11) театры и клубы; 12) разныя справочныя свѣдѣнія для жителей столицъ.

Приложеніе—отдѣльная статья «**Борьба съ огнемъ**».

Всѣ отдѣлы «Русскаго Календаря» на 1894 г. провѣрены и дополнены многими новыми свѣдѣніями, а «Статистическій Ежегодникъ» составленъ по новѣйшимъ даннымъ. Къ Календарю прилагаются карта желѣзныхъ дорогъ и табель-календарь.

ЦѣНА: 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.; въ пакѣ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 60 к. и въ изящномъ переплетѣ 1 р. 60 к., съ пересылк. 2 р.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ

ДВѢНАДЦАТЫЙ ВЫПУСКЪ ИЗДАНІЯ

ПАЛЕСТИНА

СОЧИНЕНІЕ А. А. СУВОРИНА.

Рисунки А. Д. Кившенко и В. И. Навозова.

РИСУНКИ:

Типъ мукама.

Странствующіи дервишъ.

Гадатель.

На пути къ водоему.

Наружный видъ мазанки, гдѣ по-
ставлена печь.

Размоль зерна.

Арабка лѣпитъ печь изъ глины
и соломы.

Бедуинки замазываютъ щели въ
домѣ при наступленіи зимнихъ
дождей.

Каменные знаки на межѣ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ОДЕССКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ

имѣть честь объявить во всеобщее свѣдѣніе, что съ 1-го января 1894 года учреждается на средства, пожертвованныя г. почетнымъ членомъ Общества Александромъ Львовичемъ Бертье-Делагардомъ, единовременная премія въ размѣрѣ 600 р. с. за лучшее рукописное и оригинальное сочиненіе по исторіи и археологіи Новороссійскаго края и преимущественно Крыма, на какомъ либо изъ европейскихъ языковъ. Сочиненіе должно быть представлено на имя Общества Исторіи и Древностей въ Одессѣ не позже 1-го января 1895 года, при девизѣ и съ указаніемъ имени автора, въ запечатанномъ конвертѣ. Присужденіе преміи состоится не позже апрѣля того же года.

Пользуясь правомъ, предоставленнымъ Обществу жертвователемъ, Общество объявляетъ, что премія предпочтительно будетъ выдана за сочиненія на слѣдующія двѣ темы:

1) Исторія и государственное устройство Херсонеса по извѣстіямъ писателей, равно по эпиграфическимъ и археологическимъ даннымъ, отъ древнѣйшаго времени до эпохи Юстиніана.

2) Историко-этнографическое изученіе русскаго черноморскаго побережья въ VIII, IX и X вѣкахъ.

Премія можетъ быть выдана и въ половинномъ размѣрѣ.

Премированное сочиненіе печатается на средства Общества, обязательно на русскомъ языкѣ, при чемъ автору выдаются оттиски.

За дальнѣйшими разъясненіями просятъ обращаться къ вице-президенту Общества В. Н. Юргевичу, въ Одессѣ.

Пользуясь случаемъ, Общество объявляетъ, что въ его распоряженіи находятся и еще двѣ преміи: первая имени Димитрія Максимовича Княжевича, на проценты съ капитала въ 2.000 р. въ теченіе 5 лѣтъ, срокъ коимъ истекаетъ къ 14-му ноября 1894 г., за выдающийся ученый историко-археологическій трудъ по вопросамъ, касающимся юга Россіи, и вторая—Одесской Городской Думы—безсрочная въ 500 р. за сочиненіе по археологіи и исторіи Новороссійскаго края.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ.

СЪ 52 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.

ЦѢНА 3 РУБЛЯ.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 г.—Вѣнценосный хирургъ.—Петръ Великій въ Дентфордѣ.—Императорскій титуль.—Первые балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карликовъ.—Московскій маскарадъ въ 1722 году.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генералъ-полицеймейстеръ.—Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны.—Березовскіе ссыльные.—Дочь Бирона.—Убійство Синклера.—Холмогорская старина.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.—Русскій чудакъ XVIII столѣтія.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Кирияново, дача княгини Дашковой.—Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 г.—Пѣвица Габриелли.—Подпоручикъ Федосѣевъ.—Семейное преданіе.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Мнимое завѣщаніе Петра Великаго.—Кладбищенская литература.

Лица, выписывающія эту книгу чрезъ контору «Историческаго Вѣстника» (Спб., Невскій просп., 38), за пересылку ничего не платятъ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

„НА ДОВРУЮ ПАМЯТЬ

ИЗЪ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ“.

Избранныя произведенія: Альбова, Баранцевича, Вагнера, Григоровича, Достоевскаго, Златовратскаго („Бѣлый Старичокъ“), Каронина („Живой Ключъ“), Короленко, Лѣскова („Дурачокъ“), Мамина, Мачтета, Немировича-Данченко, Потапенко, Станюковича, **Льва Толстого** („Бесѣда досужихъ людей“ — новый рассказъ), Тургенева, Г. Успенскаго, Щедрина.

ИЗДАНИЕ СЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ЦѢЛЮ.

Цѣна 1 р. 25 к.

Выписывающіе отъ книгопродавца Байкова (Москва, Рождественка, домъ Гонецкой) пользуются бесплатной пересылкой.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 33 Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЗВѢЗДЕТЬ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

МАРТЪ, 1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1894 г.

	СТР.
I. Via facti. Историческій романъ (1771—1773 гг.). VIII. (Продолженіе). Графа Е. А. Саліаса	593
II. Воспоминанія М. Ф. Каменской. V. (Продолженіе).	603
III. «Умеръ натуральной смертью»... Н. Ф. Лѣскова	630
IV. Накаунѣ. (Изъ воспоминаній). А. В. Бруглова	643
V. Воспоминанія артиста А. А. Нильскаго. IX—XIII. (Продолженіе). Иллюстрація: Андрей Ивановичъ Сабуровъ.	669
VI. Родовачальникъ нашей обличительной литературы. Р. Н. Сементковскаго	691
Иллюстрація: Князь Антиохъ Дмитріевичъ Кантемиръ.	
VII. «На Сахалинѣ». Изъ воспоминаній путешественника по востоку Азіи. II. Въ дебряхъ Найбы. (Окончаніе). А. Н. Краснова	713
Иллюстраціи: 1) Поселокъ Лиственничный на о. Сахалинѣ.—2) Анны съ восточнаго берега Сахалина, изъ деревни Найбы.—3) Исполнинская растительность на Сахалинѣ.—4) Александровская тюрьма на Сахалинѣ.—5) Постройки въ Дуэ, гдѣ помѣщаются живущіе въ тюрьмы каторжные.—6) Айносы съ восточнаго берега Сахалина.	
VIII. Воспоминанія очевидца о бунтѣ военныхъ поселенъ въ 1831 г. П. Павлова	738
IX. Дуровъ-Александровъ. (Биографическая замѣтка). Н. А. Кутше	788
Иллюстрація: Могила Дуровой-Александровой.	
X. Бѣлый генералъ. (По воспоминаніямъ крестьянина Никиты). С. И. Глѣбова	794
XI. Русскіе пионеры въ Монголіи. Б. Б. Глинскаго	804
XII. Первый столѣтній юбилей Наполеона. В. Т.	826
Иллюстраціи: 1) Наполеонъ I. Съ портрета, писаннаго Жераромъ.—2) Наполеонъ I. Съ неизданныаго эскиза Енгра.	
XIII. Критика и библіографія	846
1) А. Фулье. Исторія философіи. Переводъ П. Николаева. Москва. 1894. Р. С.—2) М. С. Корелънъ. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Выпускъ I. Египетскіе боги, ихъ храмы и изображенія. Москва. 1894. П. А.—3) А. Н. Черный. «Черный капитанъ». Морская легенда. Спб. 1894. А. Ч—ва.—4) Историческій очеркъ обложенія торговли и промысловъ въ Россіи съ приложеніемъ матеріаловъ по торгово-промышленной статистикѣ. Спб. 1893. Н. Ш—ева.—5) Архивъ князя Воронцова. Книга тридцать девятая. Москва. 1893. С. А—ва.—6) М. Дьяконовъ. Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія. Спб. 1893. В. Б.	

См. слѣд. стр.

	стр.
XIV. Историческія мелочи	855
1) Кто дѣйствительно открылъ Америку?—2) Романъ шотландскаго короля.— 3) Жена Фридриха Великаго.—4) Тайна дофина.—5) Криспи дома.—6) Трех- сотлѣтній юбилей Палестрины.	
XV. Заграничныя историческія новости	869
XVI. Смѣсь	878
1) Домикъ Петра Великаго въ Саардамъ.—2) Шведская могила въ Полтавѣ.— 3) Волынское церковно-археологическое древлехранилище.—4) Общество любите- лей древней письменности.—5) Двадцатипятилѣтній юбилей журнала «Дѣт- ское Чтеніе».—6) Слѣды почитанія змѣй въ Вѣлоруссіи.—7) Еще одно сказа- ніе о Ермакѣ.—8) Некрологи: И. С. Ястребовъ; Д. Д. Смышляевъ; П. П. Мель- гуновъ; А. О. Пиленко.	
XVII. Замѣтки и поправки	886
1) Опосѣщеніи Кіево-Софійскаго собора герцогомъ Монпансье въ 1883 г. и его пожертвованіи собору. Каодральнаго протоіерея П. Лебединцева.—2) Къ біо- графіи артиста Саріоти. В. А. Васильева. — 3) Могила актера П. М. Садовскаго. (По поводу замѣтки о ней г. Романова). А. А. Ярцева.	

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ графа **Ф. П. Толстого**.—2) Подъ тѣнью меча.
(The Shadow of the Sword). Романъ изъ эпохи Наполеона I. Роберта Бука-
нана. Переводъ съ англійскаго. XIV—XX. (Продолженіе).—3) Объявленіе
книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЯТАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЪ 1894 года).

	СТР.
Via facti. Историческій романъ (1771—1773 гг.). I—VIII. Графа Е. А. Салиаса	5, 281, 593
Воспоминанія М. Ѳ. Каменской. I—V.	32, 302, 603
Иллюстрація: Горельефъ, изображающій графа Ѳ. П. Тол- стого его жену и дочь.	
Потревоженныя тѣни. Емельяновскія узницы. С. Н. Терпи- горева	59
Графъ Л. Н. Толстой и его студенческіе годы. (Посвящается графу Льву Николаевичу). Н. П. Загоскина	78
Воспоминанія артиста А. А. Нильскаго. I—XIII	125, 350, 669
Иллюстраціи: Портреты: 1) Александра Михайловича Гедео- нова, и 2) Андрея Ивановича Сабурова.	
По ступенямъ «Божьяго трона». (Изъ дневника). Г. Е. Грумъ-Гржимайло	147
Иллюстраціи: 1) Моренное озеро у подошвы Богдо-ола.—2) Ста- рая кумирня на берегу озера.	
Люди стараго времени. (I. В. И. Любичъ-Романовичъ. II. Ху- дожникъ Яненко. III. Поэтъ Бахтуринъ). К. Н. Макарова.	164
Вырожденіе или невѣжество? Р. И. Сементковскаго	177
Французская королева Анна Ярославна. В. А. Тимирязева	198
Иллюстрація: Факсимиле подписи королевы Анны Ярославны.	
Сонъ Рылѣвой. В. Савицкой	210
Николай Саввичъ Тихонравовъ. (Некрологъ). В. Б.	215
Иллюстрація: Николай Саввичъ Тихонравовъ.	
Зола дома.	222
Иллюстрація: Зола въ своемъ кабинетѣ.	
Передъ операціей. Незданное стихотвореніе А. Н. Алухтина.	299
Типы современной деревни. VII. На господскую ногу. А. В. Круглова	323

«На Сахалинѣ». Изъ воспоминаній путешественникъ по востоку Азии. А. Н. Краснова. 383, 713

Иллюстраціи: 1) Гиляки-надзиратели за ссыльно-каторжными Александровскаго округа на Сахалинѣ.—2) Дорога черезъ тайгу на хребтѣ Пилинга.—3) Горѣлая тайга на берегу Сахалинской рѣки.—4) Лиственничный лѣсъ на Сахалинѣ.—5) Орозоны съ Сахалина, изъ деревни Тарайка, въ устьяхъ Пороная.—6) Поселокъ Лиственничный на о. Сахалинѣ.—7) Айны съ восточнаго берега Сахалина, изъ деревни Найбы.—8) Исполнская растительность на Сахалинѣ.—9) Александровская тюрьма на Сахалинѣ.—10) Постройки въ Дуэ, гдѣ помѣщаются живущіе въ тюрьмы каторжные.—11) Айносы съ восточнаго берега Сахалина.

Черты изъ жизни И. С. Тургенева. (Посвящается Владиміру Михайловичу Козлову). И. Ф. Рынды 411
 Бѣдственная экспедиція. И. В. Любарскаго 427
 Философія и жизнь. Р. И. Сементковскаго 453
 Композиторъ Ц. А. Кюи. (Отрывокъ изъ воспоминаній). В. А. Крылова 472
 Воспоминанія о профессорѣ Н. С. Тихонравовѣ. С. М. С. . . . 482
 Семидесятилѣтіе Петербургскаго университета. Б. Б. Глинскаго 489
 На С.-Готардѣ. (Изъ путевыхъ набросковъ). И. Г. Попруженко 517
 Памяти П. А. Гайдебурова. М. З. 524
 Утопіи на практикѣ. В. Т. 528
 «Умеръ натуральной смертью»... Н. Ѳ. Лѣскова 630
 Наканунѣ. (Изъ воспоминаній). А. В. Круглова 643
 Родоначальникъ нашей обличительной литературы. Р. И. Сементковскаго 691

Иллюстрація: Князь Антиохъ Дмитріевичъ Кантемиръ.

Воспоминанія очевидца о бунтѣ военныхъ поселенъ въ 1831 г. П. Павлова 738
 Дуровъ-Александровъ. (Биографическая замѣтка). Н. А. Кутше. 788

Иллюстрація: Могила Дуровой-Александровой.

Бѣлый генералъ. (По воспоминаніямъ крестьянина Никиты). С. И. Глѣбова 794
 Русскіе пионеры въ Монголіи. Б. Б. Глинскаго 804
 Первый столѣтній юбилей Наполеона. В. Т. 826

Иллюстраціи: 1) Наполеонъ I. Съ портрета, писаннаго Жераромъ.—2) Наполеонъ I. Съ неизданнаго эскиза Енгера.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ:

1) Д. Ѳ. Бѣляевъ. Ежедневные и воскресные приемы византійскихъ царей и праздничные выходы ихъ въ храмъ св. Софіи въ IX—X вв. Спб. 1893. Н. Лихачева.—2) Николай — онъ. Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства. Спб. 1893. С.—3) Главныя теченія литературы девятнадцатаго столѣтія. Лекціи, читанныя въ Копенгагенскомъ университетѣ г. Брандесомъ. Переводъ В. Невѣдомскаго (съ вѣмецкаго изд. Ад. Штротд-

мана). Англійская літэратура. Москва. 1893. А. К—ва.—4) Ілюстраваная жыццё жывотныхъ по Брему и многімъ другимъ источникамъ въ популярномъ изложеніи Эльпе. Домашняя кошка. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1893. А.—5) Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества. Томы 84, 85, 86, 87. Спб. 1893. А. Л.—6) В. Миткевичъ. Кавачья лава. Спб. 1893. п. Ш.—7) Історія канонизаціи русскихъ святыхъ. Исслѣдованіе Василья Васильева. Москва. 1893. В. Б.—8) А. Д. Твердохлѣбовъ. Столѣтіе Ахтырскаго уѣднаго училища (1790—1890). Изданіе Харьковскаго губернскаго статистическаго комитета. Харьковъ. 1893. Н. О.—9) Русская историческая бібліографія. Указатель книгъ и статей по всеобщей и русской исторіи и вспомогательнымъ наукамъ за 1800—1854 г. включительно. Томъ III. Составилъ В. И. Межовъ. Спб. 1893. С. А—ва.—10) П. Соколовъ. Церковная реформа императора Іосифа II. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія изъ исторіи западныхъ исповѣданій. Саратовъ. 1893. С.—11) Рѣка Западная Двина. Историко-географическій обзоръ. Съ картами, планами и рисунками. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Витебскъ. 1893. В. Б.—12) М. Л. Песковский. Въ глуши. Повѣсть въ трехъ частяхъ. Спб. 1893. Вл. З.—13) Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова. Изданіе шестое, исправленное и дополненное авторомъ. Въ трехъ томахъ. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1893. В. К—аго.—14) Историческое Обзорѣніе. Сборникъ Историческаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей Н. И. Карѣева. Томы V и VI. Спб. 1893. С. А—ва.—15) Систематическій указатель статей историческаго журнала «Древняя и Новая Россія» 1875—1881 гг. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1893. Н. Ш.—16) А. Фулье. Історія філософіи. Переводъ П. Николаева. Москва. 1894. Р. С.—17) М. С. Корелинъ. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Выпускъ I. Египетскіе боги, ихъ храмы и изображенія. Москва. 1894. П. А.—18) А. Н. Черный. «Черный капитанъ». Морская легенда. Спб. 1894. А. Ч—ва.—19) Историческій очеркъ обложенія торговли и промысловъ въ Россіи съ приложеніемъ матеріаловъ по торгово-промышленной статистикѣ. Спб. 1893. Н. Ш—ва.—20) Архивъ князя Воронцова. Книга тридцать девятая. Москва. 1893. С. А—ва.—21) М. Дьяконовъ. Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія. Спб. 1893. В. Б. 232, 542, 846

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ:

1) Корреспонденція египетскихъ фараоновъ.—2) Апостоль свободы совѣсти въ XVI столѣтіи.—3) Первый гражданинъ Швейцарской республики.—4) Два историка.—5) Рассказъ Гизо объ участіи Россіи въ сооруженіи гробницы Наполеона.—6) Наполеонъ на сценѣ.—7) Зала застѣданій Парижской палаты депутатовъ.—8) Смерть Тиндала.—9) Американская школа классическихъ занятій въ Афинахъ.—10) Открытіе въ Нью-Йоркѣ статуи Натану Гелю.—11) Наполеонъ и Людовикъ XVIII.—12) Настоящій д'Артаньянъ.—13) Кто писалъ Шекспира?—14) Принцъ-режиссеръ.—15) Славный подземный мальчуганъ.—16) Одинъ изъ послѣднихъ могикиановъ французской революціи 1848 года.—17) Юбилей Локая.—18) Кто дѣйствительно открылъ Америку?—19) Романъ шотландскаго короля.—20) Жена Фридриха Великаго.—21) Тайна дофина.—22) Крыси дома.—23) Трехстолѣтній юбилей Палестрины 247, 552, 855

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ 263, 568, 869

ИЗЪ ПРОШЛАГО:

Къ исторіи декабристовъ. Н. В. Стороженна 272

СМѢСЬ:

- 1) Сорокалѣтняя годовщина Синопской битвы.—2) Дубинка Петра Великаго.—3) 125-ти-лѣтіе оспопрививанія въ Россіи.—4) Шестидесятилѣтіе государственной дѣятельности графа Д. А. Милютина.—5) Новый докторъ русской словесности.—6) Историческое общество.—7) Могила Ермолова.—8) Музей Лихачева.—9) Премія Чихачева.—10) Памятникъ поэту Богдановичу.—11) Празднованіе 700-лѣтія св. князя Всеволода-Гавріила.—12) Торжественное засѣданіе академіи наукъ.—13) Торжественное собраніе Славянскаго общества.—14) Юбилей В. В. Стасова.—15) Юбилей Я. Г. Есиповича.—16) Домикъ Петра Великаго въ Сардамѣ.—17) Шведская могила въ Полтавѣ.—18) Волынское церковно-археологическое древлехранилище.—19) Общество любителей древней письменности.—20) Двадцатипятилѣтній юбилей журнала «Дѣтское Чтеніе».—21) Слѣды почитанія змѣй въ Вѣлорусіи.—22) Еще одно сказаніе о Ермакѣ.—23) Некрологи: Н. А. Волошиновъ; Н. В. Щербань; И. А. Чистовичъ; П. А. Гайдебуровъ; А. Ѳ. Ивановъ; К. К. Павлова; А. М. Унковскій; Д. А. Столыпинъ; Е. А. Сысова; И. С. Ястребовъ; Д. Д. Смышляевъ; П. П. Мельгуновъ; А. О. Пиленко 275, 577, 878

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

- 1) Могила П. М. Садовскаго. С. Романова.—2) Къ «Очеркамъ Москвы». Н. Волнова.—3) По поводу «Сна Рылѣвой». Мих. Мазаева.—4) О посѣщеніи Кіево-Софійскаго собора герцогомъ Монахъ въ 1883 г. и его пожертвованіи собору. Каѳедральнаго протоіерея П. Лебединцева.—5) Къ біографіи артиста Саріоти. В. А. Васильева.—6) Могила актера П. М. Садовскаго. (По поводу замѣтки о ней г. Романова). А. Ярцева 586, 886

Касса взаимопомощи при обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Извлеченіе изъ отчета за 1892 (второй) годъ 589

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты графа Л. Н. Толстого, П. С. Ѳедорова и графа Ѳ. П. Толстого. 2) Подъ тѣнью меча. (The Shadow of the Sword). Романъ изъ эпохи Наполеона I. Роберта Буканана. Переводъ съ англійскаго. I—XX. 3) Объявленія книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.

ГРАФЪ ѲЕДОРЪ ПЕТРОВИЧЪ ТОЛСТОЙ

дозв. ценз. спб., 19 янв. 1894 г.

VIA FACTI ¹⁾.

Историческій романъ.

(1771—1773 гг.).

VIII.

ГЕНЕРАЛЪ Суворовъ! Точно дьяволь какой! Вчера еще говорили, что онъ подъ Краковомъ. А сегодня ужъ здѣсь. Чертовщина!

— Пришелъ, правда, быстро. Такъ что же?

— Что? Вѣдь онъ не одинъ! Съ нимъ тысячи три войска. Чистый дьяволь!

Такъ толковали обыватели города Люблина.

Дѣйствительно, чрезъ недѣлю послѣ того, что Люблинъ сразу оживился отъ сѣзда многихъ помѣщиковъ какъ бы на «контракты» или ярмарку, улицы города вдругъ еще болѣе зашумѣли суетливо, но уже на совершенно иной ладъ. Весьма многіе пріѣзжіе паны сразу собрались и выѣхали. Обыватели побогаче и познатнѣе, а равно простые паны и шляхтичи, всѣ заперлись и сидѣли по домамъ, только ввечеру показываясь на улицы.

Причина была особая. На улицахъ заперстрѣли въ многочисленнѣ русскіе мундиры пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ, а главное сугубо ненавистные туземцамъ казаки. Это былъ отрядъ подъ на

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LV, стр. 281.

«Истор. вѣстн.», мартъ, 1894 г., т. LV.

чалъствомъ генерала Суворова, главный штабъ котораго размѣстился въ Люблинѣ.

Козьма Коссинскій, хотя и ждалъ получить деньги отъ Сэльяна, чтобы прекратить свое анонимное лакействованіе въ гостинницѣ, сталъ благоразумно совѣтовать французскому офицеру отложить ихъ затѣю и тотчасъ покинуть городъ ради собственной безопасности.

Положеніе французса Сэльяна стало дѣйствительно нѣсколько щекотливымъ. Хотя онъ ради осторожности надѣлъ теперь польскій костюмъ, но, ни слова почти не зная попольски, могъ себя неволью выдать.

Русскому правительству было отлично извѣстно, что Франція даетъ средства конфедератамъ на борьбу противъ Станислава, и что у министра Шуазеля есть свои агенты въ Польшѣ, а въ различныхъ отрядахъ конфедератовъ есть много волонтеровъ французовъ. Проживающій въ гостинницѣ безъ всякаго дѣла неизвѣстно зачѣмъ французскій лейтенантъ долженъ былъ, конечно, навлечь на себя подозрѣніе русскихъ офицеровъ.

Между тѣмъ Сэльянъ, продолжавшій ждать вѣстей изъ двухъ мѣстъ, не могъ выѣхать. Онъ ждалъ отвѣта отъ Пулавскаго, чтобы окончательно рѣшить вопросъ, въ который изъ отрядовъ поступить ему, причѣмъ желалъ быть по крайней мѣрѣ хотя вторымъ въ отрядѣ, а не простымъ начальникомъ какой нибудь сотни. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ ждалъ теперь денегъ отъ Шуази, который замѣнилъ собой Дюмурье.

Сэльянъ отнесся къ появленію русскихъ войскъ въ городѣ, нежданно, въ полночь, такъ же, какъ и другіе обыватели. Онъ тоже удивился. Однако, какъ военный, онъ посудилъ внезапное появленіе Суворова на особый ладъ. Его поразила характерная особенность дѣйствій этого генерала: быстрота и неожиданность передвиженія, появленій и исчезновеній. Сэльянъ съ тѣхъ поръ, что былъ въ Польшѣ всего недѣли три, только и слышалъ что о дѣйствіяхъ генерала съ фамиліей Souvaroff. Ни объ одномъ другомъ генералѣ онъ ничего не слышалъ, за исключеніемъ генерала Веймарна, главнокомандующаго русскими войсками.

Теперь при нежданномъ появленіи войскъ генерала Суворова лейтенантъ сталъ менѣе выходить. Однако, онъ не скучалъ. На другой же день послѣ того, что онъ заставилъ загадочнаго лакея гостинницы сознаться въ томъ, что тотъ не лакей, Сэльянъ познакомился съ постояльцемъ, жену или сестру котораго изображала красавица панна Агата Францъ.

Этотъ новый знакомый, порядочно говорившій пофранцузски, оказался офицеромъ польскихъ войскъ, по имени Стравинскій, человекъ крайне симпатичный, веселый, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень серьезный и, конечно, горячій патріотъ.

Не прошло двухъ сутокъ, какъ Сэльянъ и Стравинскій уже подружились. А такъ какъ поляку не приходилось стѣсняться съ французомъ, являющимся явно сражаться противъ Россіи, то Стравинскій искренно рассказалъ многое, очень важное молодому лейтенанту. Они совершенно откровенно толковали о положеніи Польши, и Стравинскій проговорился, а затѣмъ высказался прямо, что онъ принадлежитъ къ кружку тѣхъ людей, которые не видятъ избавленія Польши отъ москалей путемъ сраженій и побѣдъ. Такая легальная борьба не приведетъ ни къ чему. Конфедератовъ горсть сравнительно съ русскими войсками, которыя заняли Польшу, и капля въ морѣ сравнительно съ тѣмъ войскомъ, которое завтра можетъ прислать Россія въ случаѣ необходимости. Но есть другой способъ борьбы, болѣе вѣрный. Надо свергнуть съ престола ставленника русской императрицы, призвавшаго въ отечество москалей, и выбрать другаго короля польскаго, который предъ лицомъ всей Европы потребуетъ удаленія этихъ войскъ и вдобавокъ станетъ во главѣ конфедератовъ, и сразу миръ наступитъ въ Рѣчи Посполитой отъ края въ край.

Сэльянъ, конечно, недоумѣвалъ, какимъ образомъ Стравинскій можетъ посвятить себя такого рода предпріятію. Подумаешь, что свергнуть короля Станислава Августа и выбрать другаго онъ могъ одинъ или въ числѣ сотни человекъ. Но на всѣ разпросы Сэльяна Стравинскій не объяснилъ ничего, а говорилъ только:

— Это дѣло—замѣнить короля другимъ королемъ, такое простое, г. Сэльянъ, такое простое, что даже смѣшно, но объяснить вамъ что либо я не могу. Достаточно того, что мы, знакомые лишь нѣсколько дней, уже говоримъ съ вами такъ откровенно.

Помимо сближенія съ Стравинскимъ и разговора о положеніи дѣлъ въ Польшѣ, Сэльянъ узналъ нѣчто еще другое, что было ему, пожалуй, даже гораздо пріятнѣе узнать, нежели проектъ Стравинскаго объ избраніи новаго короля. Онъ узналъ отъ него, что прелестная и граціозная *madzelle* Агата—ни сестра для Стравинскаго, ни жена, ни возлюбленная, а такая же простая знакомая, какъ и для Сэльяна.

— Мнѣ не до того, чтобы влюбляться!—сказалъ Стравинскій.— Я жду каждый часъ, чтобы ѣхать въ Варшаву по весьма важному дѣлу, а затѣмъ, пробывъ тамъ дня два, снова летѣть въ Ченстохово къ Пулавскому. А вотъ вамъ покуда дѣлать нечего, и если вы не хотите спастись немедленно отъ лапъ москалей, которые заняли городъ, такъ отъ нечего дѣлать влюбитесь въ панну Францъ. Впрочемъ, успѣха вы имѣть не будете...

— Почему же это?!—воскликнулъ Сэльянъ, задѣтый за живое.

— Сейчасъ видно француза, — отозвался Стравинскій,—ужъ и обидѣлся! Я вамъ подтверждаю, что, высказывая это мнѣніе, я не ошибаюсь. Разгадки я вамъ не дамъ, а напротивъ загадаю еще

большую труднѣйшую загадку. Я скажу: панна Францъ замужемъ, и мужъ ея—глупѣйшій и уродливѣйшій нѣмецъ, какой когда либо только урождался на свѣтѣ. При этомъ, онъ живетъ съ отцомъ подъ Варшавой на фермѣ, а она рыскаетъ по всей Польшѣ, рѣдко гдѣ останавливаясь на недѣлю. Со мной вотъ раза два была она и въ Варшавѣ и въ Ченстоховѣ. Она знаетъ теперь всѣхъ коноводовъ нашей родины. Она была близкій человѣкъ къ бѣдному Савѣ Цалинскому. Опоздай она у него въ гостяхъ, то, можетъ быть, была бы взята въ плѣнъ Суворовымъ, когда онъ разбилъ Саву. Вы спросите у меня, вѣрна ли панна Агата своему супругу. Я вамъ на это отвѣчу, что она вѣрна ему менѣе, чѣмъ какая либо другая законная супруга. А между тѣмъ, если вы спросите у меня, можете ли вы мечтать сдѣлаться ея возлюбленнымъ хотя бы на одну недѣлю, покуда она пробудетъ здѣсь въ Люблинѣ, я вамъ отвѣчу прямо: нѣтъ и нѣтъ!

Сэльянъ удивленно глядѣлъ въ лице собесѣдника. Тотъ разсмѣялся.

— Загадка, не правда ли? Я вамъ ее сейчасъ еще усложню. Поступите волонтеромъ въ русскія войска, поступите въ уланы подъ начальство Браницкаго, или примажьтесь гдѣнибудь ко двору этого вѣтрогона Станислава, и затѣмъ явитесь ухаживать за панной Агатой. Тогда она, пожалуй, легко станетъ вашей возлюбленной. Но такъ какъ вы явились изъ Франціи бороться вмѣстѣ съ нами за Польшу, то въ васъ для Агаты нѣтъ совсѣмъ ничего любопытнаго.

Сэльянъ, окончательно ничего не понимавшій, сталъ спрашивать Стравинскаго, но тотъ началъ еще веселѣе смѣяться.

— Довольно, мой милый,—отвѣтилъ онъ.—Больше я вамъ ничего не скажу, не имѣя никакого права выдавать чужую тайну.

Разумѣется, французъ былъ озадаченъ этимъ разговоромъ. Но, однако, узнавъ, что красавица не «*mademoiselle*», а «*madame*» Агата, и что она—чужой человѣкъ Стравинскому, не палъ духомъ, а напротивъ, началъ тотчасъ же, не стѣсняясь, сильно за ней ухаживать.

Они быстро сблизились. Агата перестала кокетничать съ французомъ, но, тѣмъ не менѣе, правила къ нему все болѣе. Въ ней было какое-то странное и загадочное сочетаніе. Она была и малый пустой ребенокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень серьезная женщина. Иногда она бывала такъ безпечна, весела и болтлива, что отъ нея вѣяло самой отчаянной пустотой кокетки и женщины сомнительнаго поведенія. Иногда же она бывала крайне серьезна, озабочена, сосредоточена, подчасъ мрачна и даже какъ бы тревожна. Вмѣстѣ съ тѣмъ, что немало удивляло Сэльяна, она часто принимала у себя разныхъ лицъ, постоянно сама выходила изъ дому пѣшкомъ и, наконецъ, много получала писемъ и сама писала. Однимъ словомъ,

не оставалось сомнѣнія, что у панны Агаты есть какое-то крайне серьезное, не заурядное, а крупное дѣло на рукахъ.

Однажды Сэльянъ узналъ, что покуда онъ послалъ письмо Пулавскому, и безъ конца ожидаетъ отвѣта, Агата тоже послала гонца въ Ченстохово и черезъ недѣлю уже имѣла отвѣтъ, не смотря на дальнее разстояніе. Очевидно, г-жѣ Францъ Пулавскій успѣшилъ отвѣтить.

— Чортъ знаетъ, что такое! — восклицалъ иногда Сэльянъ, будучи уже у себя въ комнатѣ послѣ нѣсколькихъ часовъ, проведенныхъ съ Агатой. — Странная земля! Загадки кругомъ!

Дѣйствительно, эта женщина была мало похожа на тѣхъ соотечественницъ, которыхъ покинуть на родинѣ и вспоминать теперь французъ.

Собравшись, наконецъ, однажды объясниться въ любви очаровательной женщинѣ, Сэльянъ получилъ отъ нея въ отвѣтъ сначала много смѣху, а потомъ попрекъ:

— И не стыдно вамъ въ такое время говорить о любви! Намъ, женщинамъ, теперь въ Польшѣ не до этого. Да и вы забыли, зачѣмъ пріѣхали сюда изъ Франціи.

— Не въ этомъ дѣло! — воскликнулъ лейтенантъ и не выдержавъ передалъ Агатѣ то, что слышалъ отъ Стравинскаго.

Она добродушно разсмѣялась и подтвердила мнѣніе Стравинскаго.

— Да, это правда! — сказала Агата. — Вотъ если бы вы были теперь адъютантомъ генерала Суворова, то я, прямо говорю вамъ это, сдѣлалась бы вашей возлюбленной очень, очень легко.

Но объяснить свои слова Агата тоже отказалась, и въ тѣхъ же выраженіяхъ, что и Стравинскій: «это чужая тайна».

IX.

Между тѣмъ, прошло еще три дня, и Сэльяну, являвшемуся постучать въ двери Агаты уже два-три раза, вновь нанятая горничная отказала, объявляя, что панна занята дѣлами. Сэльянъ, уже не на шутку влюбленный, обидѣлся и сталъ внимательно слѣдить за тѣми лицами, которыя бывали у панны. Сдѣлать это было не трудно, такъ какъ всѣ должны были проходить мимо его дверей.

И на слѣдующій же день, къ своему величайшему изумленію, онъ узналъ, что къ паннѣ является какой-то новый гость и сидитъ цѣлые часы. Изъ-за него именно и отказала она принять его. А этотъ новый знакомый былъ русскій офицеръ и, какъ оказалось, изъ лицъ, окружающихъ генерала Суворова.

— Чортъ знаетъ, что такое! Que le diable les emporte! — воскликнулъ Сэльянъ. — Одинъ пріятель ея мечтаетъ о сверженіи Стани-

слава, а другой состоитъ, можетъ быть, адъютантомъ при генералѣ Суворовѣ. Вотъ тутъ и пойми что нибудь!

Разумѣется, Сэльянь обратился за разъясненіемъ своего недомѣнія къ Коссинскому, но тотъ ничего не могъ объяснить.

— Я знаю меньше вашего, что это за офицеръ. Вы не забудьте, что для пана Стравинскаго и для панны Францъ я попрежнему лакей гостинницы «Козьма». И они отъ меня больше скрываются, чѣмъ отъ васъ. Завтра я намѣренъ вполнѣ открыться Стравинскому, сказать ему, кто я, и рассказать о вашемъ предложеніи. А покуда я ничего не знаю.

— Но вѣдь этотъ русскій офицеръ, который бываетъ у панны теперь, я знаю, близкое лицо самому генералу. И она можетъ предать насъ всѣхъ въ его руки.

Козьма развелъ руками.

— Однако?—воскликнулъ Сэльянь.

— Предполагаю только одно,—отозвался Коссинскій,—что если она кого предастъ, то не Польшу! Проводя теперь время то съ Стравинскимъ, то съ этимъ офицеромъ, я полагаю, что она одного изъ нихъ обманываетъ, но котораго, я думаю, вы сами можете рѣшить...

— Русскаго?

— Понятно!

— Но зачѣмъ онъ бываетъ у нея?

— Какъ зачѣмъ?—удивился Коссинскій.—Потому что она красива собой и даритъ его всѣмъ тѣмъ, чѣмъ можетъ одарить красивая женщина.

— Что вы хотите сказать?—тревожно спросилъ Сэльянь.

— Я хочу сказать, что хотя вы уже давно ухаживаете за панной Агатай, а русскій офицеръ всего только нѣсколько дней, а онъ счастливѣе васъ.

— Что вы? Возможно ли это?

— Сущая правда! Въ качествѣ лакея, подносящаго кушанья, лакея, передъ которымъ господа паны не стѣсняются, я убѣдился еще вчера, что господинъ русскій офицеръ влюбленъ въ красавицу Агату, что она дѣлаетъ изъ него что хочетъ, и достигаетъ или уже достигла своей цѣли...

— Какой?

— Этого я знать не могу.

Это открытіе почти взволновало Сэльяна. Вѣроятно, отъ праздности и тоски онъ немного черезъ мѣру увлекся красивой женщиной, и теперь его и смутило и взбѣсило все, что онъ узналъ.

Во всемъ этомъ, однако, было что-то совсѣмъ невѣроятное. Агата не была женщиной изъ общественныхъ подонковъ. А между тѣмъ съ нимъ она только кокетничала, а съ русскимъ офицеромъ, который былъ и некрасивъ собой и неуклюжъ, близко сошлась менѣе чѣмъ въ недѣлю.

— Вѣдь это возмутительно!—волновался Сѣльянъ.

И въ тотъ же вечеръ имъ овладѣло непреодолимое желаніе ревнивца какъ нибудь отомстить Агатѣ.

— Я подкараулю и осрамлю ее!—рѣшилъ онъ.

Около шести часовъ вечера тотъ же русскій офицеръ долженъ былъ по обыкновенію явиться къ паннѣ въ гости. Сѣльянъ рѣшился на этотъ вечеръ взять молодую женщину врасплохъ. Онъ зналъ, что она изрѣдка посылаетъ горничную въ другой этажъ, или къ Стравинскому, или въ буфетъ, и онъ смѣло рѣшилъ неожиданно проникнуть къ Агатѣ въ отсутствіе горничной.

Едва только стало смеркаться, Сѣльянъ пріотворилъ дверь своего номера, усѣлся невдалекѣ сбоку и сталъ наблюдать за всѣми, кто проходилъ мимо. Часовъ въ семь явился тотъ же русскій офицеръ и прошелъ къ Агатѣ. Затѣмъ нѣсколько разъ прошелъ мимо него прислуживавшій имъ Коссинскій, и Сѣльянъ попросилъ его сказать ему, когда Агата со своимъ гостемъ отужинають.

Часовъ въ девять «Козьма» съ большимъ подносомъ въ рукахъ, гдѣ были тарелки и приборы, убранные со стола, заявилъ, просовывая голову въ дверь:

— Отужинали! Выпили не мало венгерскаго и очень веселы. А панна еще веселѣе москаля. Коли это вамъ нужно, такъ вотъ...

И Козьма ушелъ.

Сѣльянъ, снова притворивъ дверь, но не вплотную, сталъ надѣяться и ждать, когда появится и пройдетъ мимо горничная панна, какъ бывало не разъ. Онъ ждалъ терпѣливо, но прошло почти около часа въ напрасномъ ожиданіи. Однако, наконецъ раздался по корридолу легкіе быстрые шаги...

Сѣльянъ сразу узналъ этотъ шагъ бойкой молодой горничной, и едва только она прошла мимо его двери, какъ лейтенантъ поднялся и такимъ же быстрымъ шагомъ направился къ дверямъ комнаты панны Францъ. Онъ смѣло отворилъ дверь въ первую крошечную горницу въ родѣ прихожей и затѣмъ отворилъ вторую дверь. При его появленіи раздался крикъ...

Планъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Онъ нашелъ панну Агату на диванѣ, а у ея ногъ на колѣняхъ офицера, цѣлующаго ея руки. Агата, вскрикнувъ, вскочила съ дивана, а офицеръ поднялся съ пола, смутился, но черезъ нѣсколько мгновеній оправился.

Агата тотчасъ, придя въ себя отъ неожиданности, вымолвила весело и даже какъ-то насмѣшливо улыбаясь, какъ будто все происшедшее только забавляло ее:

— Mon cher lieutenant, ce n'est pas français ce que vous faites!

— Извините!—отозвался Сѣльянъ.—Горничной не было, я думалъ, что она съ вами, здѣсь... Надо было уйти. Но я рѣшился заглянуть, предполагая, что, можетъ быть...

— Ну, я прощаю васъ!—перебила его Агата смѣясь и затѣмъ, обратясь къ офицеру, она произнесла:

— Вы должны познакомиться. Г. Сэльянъ—лейтенантъ французской службы. Капитанъ русской службы—г. Панинъ.

Оба офицера поклонились, а Агата попросила ихъ обоихъ садиться.

— Давно ли вы находитесь въ Польшѣ?—спросилъ молодой офицеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ отчасти подозрительно глядѣть на француза.

— Уже цѣлую недѣлю, какъ г. Сэльянъ находится здѣсь! — быстро отвѣтила за него Агата.—Онъ здѣсь по дѣламъ пана...

Она запнулась и выговорила:

— Пана Крашевскаго! Сестра пана находится замужемъ за французомъ. Ей приходится получить здѣсь, въ Польшѣ, по наслѣдству свою часть, и она прислала сюда своего кузена—лейтенанта Сэльяна, хлопотать объ этомъ наслѣдствѣ. Но дѣло уже кончается, и г. Сэльянъ черезъ недѣлю возвратится къ себѣ въ отечество.

Все это было сказано чрезвычайно быстро и такъ естественно, что Сэльянъ уже собрался вытаращить глаза на Агату, но затѣмъ сразу понялъ все и довольно искусно постарался придать своему лицу простое, безпечное выраженіе.

— Вы, стало быть, здѣсь хлопчете въ трибуналѣ?—спросилъ Панинъ.

— Да!—нерѣшительно отозвался Сэльянъ и подумалъ: «Будетъ недурно, если онъ начнетъ меня разспрашивать, какъ я ходатайствую о наслѣдствѣ. Что тогда отвѣчать?».

— Ну, довольно!—воскликнула Агата.—Я надѣюсь, что вы не станете при мнѣ толковать о разныхъ судейскихъ дѣлахъ? Давайте лучше говорить о вещахъ интересныхъ. Представьте себѣ, mon cher lieutenant, что я сейчасъ узнала отъ г. капитана? Наконецъ-то этихъ негодяевъ конфедератовъ окончательно истребятъ.

На этотъ разъ Сэльянъ попался и искренно вытаращилъ глаза на панну.

— Васъ это удивляетъ?—расхохоталась Агата.—Я вамъ еще недавно объясняла, что отъ этихъ мятежниковъ, которые разсыпаны по лицу всей Польши, житья нѣтъ и, кажется, не предвидится. Но вы вѣдь французъ, вы ничего этого не понимаете! Я объясню вамъ. Дѣло въ томъ, что генералу, командующему войсками, которыя стоятъ теперь здѣсь, приказано систематически, безъ передышки, преслѣдовать всѣхъ конфедератовъ и бить ихъ. И надо надѣяться, что скоро всѣхъ этихъ шатуновъ истребятъ. Вотъ только одного Пулавскаго покуда мудрено достать въ его Ченстоховѣ, но, впрочемъ, очистивъ Польшу отъ всѣхъ этихъ бандъ и сосредоточивъ силы на одномъ Ченстоховѣ, русскіе его принудятъ сдаться. Да, пора, пора!—воскликнула Агата.—Въ какомъ по-

ложеніи Польша! Я бы на мѣстѣ русской императрицы прислала бы сюда сто тысячъ войска и сразу бы умиротворила край.

Покуда Агата говорила, Сэльянъ отъ крайняго изумленія перешелъ къ крайне веселому расположенію духа, и когда она кончила, онъ началъ ребячески-наивно хохотать. Онъ думалъ про себя:

— Compris, cher amie, compris. Enfin!

А между тѣмъ его совершенно неумѣстный веселый смѣхъ озадачилъ русскаго офицера.

— Я вижу,—сказалъ Панинъ,—что вы, кажется, считаете невозможнымъ или, по крайней мѣрѣ, крайне мудренымъ очистить Польшу отъ всѣхъ этихъ бродягъ и разбойниковъ, именующихъ себя патриотами? Вы очень ошибаетесь! Не пройдетъ мѣсяца, и все королевство вздохнетъ свободно. Теперь всѣ эти банды рассчитываютъ на измѣнника литовскаго гетмана, но вотъ именно на него то мы и ударимъ прежде всего. Съ нимъ надо покончить. До сихъ поръ онъ лукавилъ, а теперь, коль скоро онъ имѣлъ неосторожность открыто встать въ лагерь враговъ короля, русское правительство съ нимъ церемониться не станетъ. Если онъ овладѣлъ Минскомъ, гдѣ была горсть русскихъ, то онъ за это очень дорого заплатитъ теперь.

— Ну, assez, assez!—снова выговорила Агата.—Все это скучно. Давайте говорить о чемъ нибудь веселомъ, а лучше всего давайте играть въ карты. Правда? Хотите?

— Съ удовольствіемъ!—отозвался Сэльянъ.

Панинъ нѣсколько угрюмо согласился тоже. Очевидно насильственное появленіе француза и разрѣшенное ему хозяйкой пребываніе на весь вечеръ было ему очень не по сердцу. Лейтенанту же показалось, что именно это обстоятельство будто забавляетъ Агату.

Горничная между тѣмъ уже давно вернулась и стучала чашками въ прихожей, Агата приказала ей сбѣгать купить двѣ колоды картъ и обратилась съ вопросомъ къ Сэльяну:

— Въ какую игру? Въ фараонъ?

— Съ удовольствіемъ. Во что угодно... Я знаю впередъ, что буду въ страшномъ выигрышѣ, по пословицѣ, которую сообщилъ вамъ вчера, кажется.

— Какая пословица?—вступился Панинъ.

— Прошу не говорить ея!—серьезно, почти сурово вымолвила Агата.

— А вы, г. капитанъ, страшно проиграетесь,—сказалъ Сэльянъ.

— Довольно! — строго произнесла Агата, какъ бы волнуясь и тревожась.

Сэльянъ удивленно взглянулъ на нее, пораженный ея видомъ и голосомъ.

— Чего же боится она?—думалось ему.

Горничная принесла карты... Игра началась... Но оба офицера играли разсѣянно и плохо.

И русскій капитанъ, и французскій лейтенантъ, думали про себя одно и то же:

— «Кто кого пересидить? Кто уйдетъ первый?»

Графъ Е. Салиасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Мы даемъ въ настоящей книжкѣ только одну главу романа «Via facti», такъ какъ авторъ, по случаю внезапнаго отъѣзда во Францію, въ Тулузу, по семейнымъ дѣламъ, не могъ своевременно доставить намъ въ окончательно отдѣланномъ видѣ слѣдующихъ главъ, которыя будутъ помѣщены заравъ въ апрѣльской книжкѣ.

ВОСПОМИНАНІЯ М. Θ. КАМЕНСКОЙ ¹⁾.

V.

Черная рѣчка.—Наши сосѣди.—Семейство Гречь.—Лобановы.—Вульффертъ.—Булгаринъ.—Баснописецъ Крыловъ.—Гнѣдичъ.—Сестра Лиза въ роли Антигоны.—Плачевный спектакль.—Образъ жизни нашей семьи на Черной рѣчкѣ.—Графъ Строгоновъ и его дача.—Похожденія кавалергардскихъ офицеровъ.—Савва Яковлевъ.—Перѣздъ нашъ на казенную квартиру.—Ея убранство.—Два нѣмца.—Домашнія развлечения.—Графиня Закревская.—Графы Петръ и Федоръ Андреевичи Толстые.—Принцъ Оранскій и Маша Колесникова.—Кончина дѣдушки графа Петра Андреевича.—И. В. Кусовъ.—Маскарадъ у него.—Оригинальный подарокъ.—Болѣзнь тети Нади.—Наводненіе 6-го ноября 1824 года.

ИЕРНАЯ РѢЧКА того времени была совсѣмъ не похожа на теперешнюю. Большихъ дачъ тогда совсѣмъ не было, заднихъ улицъ тоже. Небольшіе одноэтажные домики, окошка въ 3—4, стояли въ одинъ рядъ, фронтомъ на рѣку, противъ Строгонова сада. У cadaго домика былъ узенькій палисадникъ; очень большой дворъ соединялъ двѣ дачи, такъ что на одномъ дворѣ было двое жильцовъ, не считая избы мужика-хозяина. На задворкахъ, во всю линію деревни, тянулись крестьянскіе огороды... А за ними прямо начиналась прелестная березовая роща, которая шла вилоть до богатой дачи Резиха, то есть, прямо до Лѣснаго и дороги на Поклонную гору. Ни тѣсноты, ни такого столпотворенія, какъ теперь, чтобы дача лѣзла на дачу, тогда не было. Ни трактировъ,

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LV, стр. 302.

ни кабаковъ на каждомъ шагу и въ заводѣ не было, а была настоящая русская деревня. И какъ хорошо тогда шумѣлъ Строгоновскій садъ своими столѣтними деревьями! Въ немъ такъ же, между круглымъ большимъ лугомъ и Невую, стояла всего одна истиннобарская дача старика графа Строгонова, который проводилъ тамъ каждое лѣто вмѣстѣ со всей своей семьей.

Дачниковъ Черной рѣчки я, разумѣется, помню только тѣхъ, которые были коротко знакомы съ отцомъ моимъ и маменькой. На одномъ дворѣ съ нами жилъ Николай Ивановичъ Грець съ женою своею, вѣчно больной и нервной, Варварой Даниловной, старушкой матерью, сестрою, уже зрѣлою дѣвою Екатериной Ивановной, и троици дѣтьми. Старшая дочь ихъ, Sophie, подходила годами къ нашей Лизанькѣ, второй сынъ, Николай, былъ помоложе ихъ, а самый меньшой мальчикъ Кото былъ мнѣ ровесникъ и сердечный другъ...

Въ нашемъ маленькомъ домикѣ и семья поселилась сначала небольшая: отецъ, маменька, тетка Надя, Лиза, да я. Но въ срединѣ лѣта совсѣмъ неожиданно вернулась изъ Малороссіи бабушка моя, Марія Степановна Дудина, съ двумя дочерьми Маріей и Александрой; ихъ тоже маменька перевезла къ себѣ (съ тѣхъ поръ онѣ и остались съ нами жить навсегда). Тѣсновата стала дачка, зато всѣмъ было весело! Черезъ домъ отъ насъ, стѣна объ стѣну съ Гречемъ, жили тоже на одномъ дворѣ двое дачниковъ: другъ Николая Ивановича, извѣстный переводчикъ классиковъ, Михаилъ Астафьевичъ Лобановъ, бывшій въ то время учителемъ русскаго языка великой княгини Александры Ѳеодоровны, съ женою своею Александрой Антоновною, прелестной женщиной, которая была очень дружна съ моею матерью и меня, маленькую, очень любила. У этой четы дѣтей не было, были три собачки, которыхъ мужъ и жена любили, какъ родныхъ дѣтей! Въ другомъ домѣ жилъ нѣмецкій негоціантъ Карлъ Карловичъ Вульфертъ съ семьей. Лобановъ и Вульфертъ были страстные садоводы и развели себѣ за домами еще два порядочные садика. Михаилъ Астафьевичъ самъ растилъ съ любовью свои цвѣты и деревья, а Карлъ Карловичъ былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что цвѣты и деревья не могутъ хорошо расти иначе, какъ только «краденые», и потому почти всякую ночь отправлялся на промыселъ, перелѣзалъ черезъ заборы въ чужіе сады и кралъ тамъ, что ему приходилось по вкусу... Нѣмца часто ловили мужики, били, колотили, но это Карла Карловича (во всемъ другомъ честнаго человѣка) отъ страсти его не излѣчивало: пройдетъ ночь, другая... и онъ опять лѣзетъ въ чужой садъ...

Вотъ, кажется, и всѣ дачники, которые были съ нами знакомы. Кромѣ ихъ всѣхъ, у Греча почти постояннымъ гостемъ былъ Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ, а у Лобанова—Иванъ Андре-

вичъ Крыловъ и Николай Ивановичъ Гнѣдичъ. Хорошо помню всѣхъ этихъ господъ, помню именно такими, какими они были тогда. Булгаринъ, напимѣръ, былъ кругленькій, на коротенькихъ ножкахъ, съ порядочнымъ брюшкомъ, голова плотно подстриженная, какъ бильярдный шаръ, лицо смятое, глаза вытаращенные, какъ у таракана, толстыя губы его плевались... съ лица его не сходила задорная улыбка, и вѣчно онъ спорилъ и хохоталъ; одѣтъ былъ въ свѣтло-сѣренькое съ ногъ до головы. Я его ненавидѣла маленькая потому, что онъ вѣчно меня дразнилъ. Про Греча могу сказать только то, что онъ мнѣ казался великаномъ; онъ очень много говорилъ; на насъ, дѣтей, не обращалъ никакого вниманія, а потому и мы были къ нему равнодушны. Михаилъ Астафьевичъ Лобановъ въ манерахъ былъ нѣженъ до приторности, говорилъ тихо и сладко. Лицомъ былъ похожъ на лягавую собаку и даже на ходу поводилъ носомъ, точно все что-то нюхалъ... Меня и мою ровесницу, дочь Вульфферта, Гетиньку, яростно ненавидѣлъ: изъ боязни, чтобы мы не сорвали у него цвѣтовъ, гонялъ насъ отъ своего сада хворостинами и метлами... А вѣдь послѣ, когда бѣдная Александра Антоновна умерла, а мы обѣ выросли, онъ сватался за обѣихъ и на бѣдной Гетинькѣ даже женился. Какъ, подумаешь, времена-то переходчивы! но объ этомъ послѣ, въ свое время.

Теперь надо разсказать, какой былъ тогда еще не старыи и не дѣдушка Крыловъ. Грязный былъ голубчикъ, очень грязный! Чистой рубашки я на немъ никогда не видала; всегда вся грудь была залита кофеемъ и запачкана какимъ нибудь соусомъ; кудрявые волосы на головѣ торчали мохрами во всѣ стороны; черный сюртукъ всегда былъ въ пуху и пыли; панталоны короткія, какъ-то снизу перекрученныя, а изъ-подъ нихъ виднѣлись головки сапогъ и желто-грязныя голенища... Да, не франтъ былъ Иванъ Андреевичъ, и не смотря на это ему всѣ смотрѣли въ глаза и чуть на него не молились. Всегда къ его пріѣзду m-me Гречъ и Лобанова старались ему приготовить къ обѣду что нибудь его любимое, вкусное. Какъ теперь его вижу, какъ онъ сидитъ у Лобановыхъ за столомъ, жадно ѣстъ солонину и говорить: «нѣтъ, господа, это еще не рѣшено, что лучше: солонина горячая или холодная!»

Вечеркомъ, когда всѣ мужчины садились пить чай подъ навѣсомъ, кричали тамъ, смѣялись и спорили, у Ивана Андреевича вырывались очень умныя рѣчи, но днемъ онъ все больше жевалъ что нибудь, да тѣшилъ съ нами, ребятами. Онъ меня очень любилъ, и я его тоже. Не знаю только, почему не нравилось ему, что я дѣвочка. Какъ только, бывало, пріѣдетъ, сейчасъ посадить меня на колѣни, начнетъ «тютюшкать» и скажетъ мнѣ:

— Машенька, будь мальчикомъ! Я не хочу, чтобъ ты была дѣвочка!

— А я не хочу быть мальчикомъ!—отвѣчу я.

А тутъ подвернется злодѣй Булгаринъ, вынетъ изъ кармана крокодиловой кожи огниво и начнетъ меня дразнить:

— Да тебя никто и спрашивать не будетъ, хочешь ли ты быть мальчикомъ, или нѣтъ! Вотъ видишь этотъ ящичекъ, вотъ я его открою (онъ открывалъ огниво, и изъ него показывался огонь и дымокъ). Посажу тебя туда и закрою, вотъ такъ!..

Крышка, громко щелкнувъ, захлопывалась. Я собиралась плакать...

— Нечего хныкать, этимъ ничего не поможешь. Возьму, посажу, закрою и выну оттуда мальчикомъ.

Я спрыгивала съ колѣнъ Крылова и съ ревомъ убѣгала домой. Оба они съ Булгаринымъ умирали со смѣха... И вѣдь не разъ и не два они со мною это дѣлали, а всякій разъ, какъ приѣдутъ на Черную рѣчку. Добрая Варвара Даниловна Гречъ положила конецъ этому издѣванью надо мною только тѣмъ, что въ угоду Крылову сшила мнѣ русскую рубашенку и штанишки, и какъ только онъ приѣзжалъ, меня выводили къ нему «мальчикомъ».

Теперь, въ противоположность веряшливости Ивана Андреевича, надо рассказать о щепетильной аккуратности Гнѣдича: онъ былъ весь чистъ, какъ стеклышко. Платье на немъ, казалось, сейчасъ отъ портного; рубашка и батистовое жабо блестяли, какъ серебро. Руки у него были холеныя, полныя, бѣлыя, но за то лицо, ахъ ты Господи, что это было за лицо: мало того, что отъ страшной оспы у него вытекъ одинъ глазъ, и на мѣстѣ его осталась красная слезящаяся яма... Нѣтъ, у него еще по всему лицу, по всѣмъ направлѣнїямъ, перекреживались какія-то толстыя, мертвеннаго цвѣта нитки изъ тѣла (точно такія, какъ бываютъ на опарѣ изъ тѣста)... Ну, просто страсть смотрѣть! И не мудрено, что онъ, бѣдный, всю свою шею вплоть до затылка густо, густо обматывалъ складками огромнаго кисейнаго галстука; просто спрятаться хотѣлъ отъ любопытныхъ глазъ, несчастный человекъ... А какой онъ былъ добрый, ласковый; какой при разговорѣ голосъ у него былъ мягкій, прїятный! Но за то, когда начнетъ, бывало, читать въ слухъ свою «Иліаду», откуда у него что возьмется! то затянетъ, то завоетъ, то какъ левъ зарычитъ, хоть вонъ бѣги... Мода, говорятъ, тогда такая была. Помню я, какъ мой отецъ всегда злился и изъ себя выходилъ отъ этой ненатуральной декламациі.

Вспомнилось мнѣ теперь кстати о Гнѣдичѣ, какъ онъ разъ своею декламациею кровно огорчилъ папеньку въ день его именинъ. Этотъ казусъ случился, когда сестрѣ Лизѣ было уже лѣтъ пятнадцать; училась она прекрасно; какъ всѣ дѣвицы въ эти годы, очень любила стихи и хорошо читала ихъ. Вотъ маменькѣ и пришло въ голову сдѣлать отцу въ именины сюрпризъ: заставить Лизаньку разучить какую нибудь небольшую театральную сценку только въ два дѣйствующихъ лица, и чтобы она сыграла ее име-

ниннику. Надо было все это устроить тайно отъ отца, и маменька попросила Николая Ивановича помочь ей въ этомъ дѣлѣ. Онъ взялся съ великою радостью. Выбралъ сцену изъ «Эдипа въ Афинахъ» Озеровскаго перевода, назначилъ Лизѣ быть Антигоной, а роль слѣпота Эдипа далъ дядѣ Константину Петровичу. Считки и репетиціи дѣлались тайно у бабушки на верху; Гнѣдичъ никого туда не пускалъ и одинъ тамъ дрессировалъ по своему Эдипа и Антигону. Кулисы кое-какія дома были, а костюмы сшила маменька. Пришелъ день именинъ; вечеромъ отца взяли подъ руки, свели въ залу и торжественно посадили въ кресло. Тетка Марія Федоровна ударила по клавишамъ нашего фортепіано, занавѣсъ раздернули въ обѣ стороны и открыли зрителямъ на аванъ-сценѣ очень натурально сдѣланный изъ картона камень. Еще послышался какой-то веселенькій «ритурнель», и Антигона вывела на подмостки слѣпота отца. Надо сказать, что дядя Константинъ Петровичъ для пушней вѣроятности того, что онъ слѣпъ, еще за кулисами крѣпко зажмурилъ глаза и шелъ за Лизанькой, точно не видя ни зги... Антигона выступала мѣрнымъ трагическимъ шагомъ... Эдипъ, не зная куда его ведутъ, семенялъ ногами, путался и спотыкался въ своемъ сѣромъ коленкоровомъ рубищѣ...

Ему надо было начинать. Онъ растерялся, засуетился, заторопился и безъ всякой декламаціи, глотая слова, выпалилъ сразу:

«Постой, дочь пѣжная преступнаго отца,
«Опора слабая несчастнаго слѣпца!
«Печаль и бѣдствія всѣхъ силъ меня лишил!»...

Ему въ отвѣтъ (совѣтъ не по-Лизанькиному) затынула, застонала съ драматической икотой Антигона:

«Здѣсь камень вижу я... Надъ нимъ древа
«Склонили густую тѣнь свою... Ты отдохни на немъ!»

Отца всего передернуло... Его ли это Лизанька?

Эдипъ опять засуетился и неизвѣстно зачѣмъ прокричалъ страшнымъ голосомъ:

«Спокойно я мой вѣкъ на камнѣ кончу семь!»

И съ этими словами, не открывая глазъ и вообразивъ, что садится на камень, рухнулъ всѣмъ тѣломъ мимо него и растянулся во весь ростъ на полу.

По залу пронесся взрывъ хохота... Лизанька заплакала... Отецъ вспыхнулъ, какъ зарево, но изъ приличія усидѣлъ на мѣстѣ...

Я думаю, что этого маленькаго образчика довольно, чтобы понять, какія муки вынесъ вспыльчивый отецъ во время этого злощастнаго представленія...

Наконецъ, занавѣсъ задернули, мученіе кончилось, отецъ могъ встать. Его сейчасъ же со всѣхъ сторонъ окружили гости и закидали вопросами.

— Ничего не понимаю! — отвѣчалъ онъ. — Что сдѣлалось съ Ливой? Она обыкновенно такъ хорошо, такъ толково читаетъ, а сегодня я ея не узнаю! Какой это дуракъ ее изуродовалъ, научилъ этой неестественной дикціи?..

Гнѣдичъ стоялъ тутъ же. Не могу сказать, какъ онъ проглотилъ эту пилюлю; знаю только, что папенька, узнавъ, что Лизаньку училъ Николай Ивановичъ, очень сожалѣлъ о томъ, что у него сгоряча сорвалось съ языка такое грубое слово... тѣмъ болѣе потому, что Гнѣдича онъ любилъ, какъ литератора, и глубоко уважалъ, какъ человѣка.

Жизнь наша на Черной рѣчкѣ текла очень пріятно. По утрамъ отецъ обыкновенно вставалъ чуть не съ пѣтухами и садился у окошечка вырубать свои медали... Или исчезалъ куда-то, вѣроятно, уходилъ въ должность на Монетный Дворъ... Маменька, тетка и бабушка работали цѣлое утро, кто во что гораздъ. Такихъ рукодѣльницъ, какъ онѣ были, поискать, такъ не найдешь: у насъ все дѣлалось дома, отъ шляпки до башмака. Даже бабушка Марія Степановна, съ очками на носу, прелестно кропала мои дѣтскія платьица. Сестра Лиза съ Sophie Гречъ (двѣ умныя дѣвы) гдѣ нибудь въ тѣни учились или читали, а мы, мелюзга со всего двора, играли безъ конца.

Часамъ къ четыремъ папенька возвращался домой и сейчасъ же облекался въ розовую холстинковую русскую рубашку. Къ обѣду почти всегда приходили изъ Петербурга дѣдушка и дяди. Столъ накрывали подъ навѣсомъ сарая. Пообѣдавъ наскоро, чѣмъ Богъ послалъ, всѣ дружною толпою высыпали на дворъ и, кто во что гораздъ, начинали наслаждаться лѣтнею свободой. Дамы играли въ серсо, молодые мужчины засаживали въ землю свайку и даже часто подвизались въ бабки... Папенька потѣшалъ всѣхъ своими туръ-де-форсами: то металъ съ необыкновенною быстротой мѣдные шары, то вертѣлъ надъ головой длинный шнуръ съ двумя тяжелыми кистями, то кидалъ колесомъ, одинъ за другимъ, десятокъ большихъ ножей. И все у него спорилось и ладилось, какъ у настоящаго акробата: удивительно ловокъ былъ онъ. Пробовалъ выдѣлывать всѣ эти штуки дядя Константинъ, но онѣ у него какъ-то не удавались: шнурокъ съ кистями заматывался около его горла и душилъ его, а шары безъ церемоніи падали ему на маковку...

Дѣдушка во время всѣхъ этихъ упражненій смирно покуривалъ свою фарфоровую трубочку и добродушно подсмѣивался надъ играющими. Иногда вмѣсто этихъ игрищъ катались на своемъ катерѣ по Черной рѣчкѣ; дамы гребли, отецъ правилъ рулемъ. По воскресеньямъ бывало всѣ вмѣстѣ гурьбою отправлялись гулять въ Строгоновскій садъ. Всѣмъ любопытно было посмотреть, какъ старичекъ графъ Строгоновъ съ женою своею любезно принимали и чествовали въ своемъ саду чернорѣченскихъ дачниковъ. Кто изъ

петербургскихъ жителей не знаетъ большого круглаго луга, окруженнаго широкой дорожкой, которая начиналась у подножія террасы Строгоновской дачи, доходила до пруда съ Нептуномъ и огибалась кругомъ всего луга. Такъ вотъ на этой террасѣ всякое воскресеніе послѣ обѣда сиживалъ на креслѣ старый графъ; гости и вся семья окружали его. Помню даже, какъ онъ былъ одѣтъ: сѣдая голова у него была завита «à la aile de pigeon», всегда въ черномъ фракѣ со стальными, гранеными, точно брилліанты, пуговицами, въ черномъ атласномъ pantalon collant, въ шелковыхъ черныхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками; на груди густое плоское жабо и такія же оборочки около кистей рукъ. На пальцахъ драгоцѣнныя кольца, а изъ кармана жилета всегда болтался на цѣпи цѣлый пукъ печатей. Собою онъ былъ важный, полный, однимъ словомъ, баринъ съ ногъ до головы. Графиня, жена его, была высокая, стройная женщина съ блѣднымъ, печальнымъ лицомъ. Она носила всегда черное платье и чепецъ съ бѣлыми лентами.

Вотъ сидятъ они съ гостями, кофе кушаютъ, а гдѣ-то сбоку, въ кустахъ, знаменитая тогда строгоновская роговая музыка играетъ... А какъ только на круглой дорожкѣ наберется много гуляющихъ, графъ встанетъ съ своего кресла, махнетъ музыкантамъ платкомъ, они заиграютъ польскій, а онъ спустится съ террасы, раскланяется съ первой попавшейся ему дачницей, ангажируетъ и, взявъ за руку, гордо поднявъ голову, поведетъ ее во главѣ польскаго вокругъ луга. Графиня тоже возьметъ себѣ дачника и пойдетъ за мужемъ во второй парѣ, за ними послѣдуютъ ихъ гости, а тамъ и всѣ гуляющіе попарно вытянутся длиною вереницей... Когда обойдутъ весь кругъ, графъ и графиня откланяются со своею парой, войдутъ опять на террасу, поклонятся всей публикѣ вообще, попросятъ ее веселиться безъ стѣсненія и удалятся въ свои покои.

И точно неважные чернорѣченскіе дачники танцевали и веселились безъ всякаго стѣсненія и отъ всей души. И даже чай даровой официанты выносили танцующимъ отъ графа... Ну, не прелесть ли это! И что дороже всего, при этомъ веселіи будочника не было ни одного, и скандаловъ тоже не было, все обходилось подомашнему, чинно и прилично.

Вообще Черная рѣчка могла похвастаться въ то время своею тишиной. Вотъ жившіе въ Новой Деревнѣ жаловались, что дачникамъ отъ стоящихъ тамъ кавалергардовъ житья нѣтъ... Говорили, будто офицеры ходятъ мимо дамъ на Неву купаться въ однихъ только накинутыхъ на тѣло простыняхъ и домой возвращаются въ такомъ же костюмѣ, что по ночамъ они бѣгаютъ вдоль деревни, стучать дубинами въ ставни и кричатъ: «пожаръ! пожаръ!»... Перепуганныя со сна женщины выбѣгаютъ на улицу въ одномъ бѣльѣ... На сколько все это было справедливо, не

знаю, но вотъ что отецъ мой и всѣ жители Черной рѣчки того времени видѣли своими глазами: молодымъ повѣсамъ, кавалергардскимъ офицерамъ, видно, тѣсно показалось творить свои проказы въ одной Новой Деревнѣ, и они начали пробираться въ нашу мирную обитель... По ночамъ на Черной рѣчкѣ началъ разѣзжать черный катеръ съ поставленнымъ на немъ чернымъ же гробомъ; гребцы и сидѣвшіе съ факелами около гроба люди были одѣты въ черныхъ плащахъ и большихъ круглыхъ черныхъ шляпахъ, какъ похоронные факельщики того времени. Всѣ они заунывно пѣли «со святыми упокой» и этимъ будили и пугали крестьянъ и дачницъ... Вскорѣ узнали, что факельщики эти были не кто иные, какъ молодежь кавалергарды, а въ гробу почилъ не покойникъ, а шампанское. Днемъ они тоже не сидѣли спокойно, а съ криками, шумомъ и гамомъ носились по нашей деревнѣ на своихъ собственныхъ пожарныхъ трубахъ, всѣ стоя на ногахъ, въ сюртукахъ безъ эполетъ, въ голубыхъ вязаныхъ шерстяныхъ береткахъ съ серебряными кистями, точно такихъ, какъ теперь носятъ дѣти... На углу Черной рѣчки, тамъ гдѣ дорога направляется къ имѣнію Ланскихъ, стояла двухъ-этажная дача съ балкономъ. Въ ней жила хорошенькая французская актриса m-elle Adèle. За что-то ее бѣдную возненавидѣли кавалергарды. Разъ какъ-то, среди бѣла дня, сидѣла она преспокойно у себя на балконѣ, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, налетѣли кавалергарды съ своими пожарными трубами и съ криками: «у Адели сердце горитъ», давай качать на нее холодную воду... Несчастная женщина до того испугалась, что даже захворала... Въ другой разъ мы съ няней въ Ланскомъ паркѣ набрели на несчастную Adèle, привязанную веревками къ толстому дубу. Такая страсть была: шляпа съ нея упала на траву, длинная коса распустилась; рвется, отвязаться не можетъ и кричитъ, какъ зарѣзанная... И это все они же, кавалергарды, натворили... Она гуляла утромъ, а они поймали ее, привязали къ дубу и ушли...

А то еще у Николая Ивановича Греча съ ними вышла неприятность: вздумалось ему какъ-то вечеромъ пойти гулять въ Строгоновскій садъ. Подошелъ онъ къ плоту, а паромъ надо было подождать, на немъ переѣзжала отъ Строгоновскаго сада какая-то нѣмочка съ горбатенькой дочкой. Подѣхали, мать вышла на берегъ, и дѣвушка одной ногой вступила на плотъ, какъ вдругъ съ другого берега сильно дернули веревку, плотъ подался назадъ, бѣдная горбунья сорвалась и упала въ рѣку.. Гречъ проворно выхватилъ ее изъ воды и тутъ только увидалъ, что эту гадкую шалость устроили кавалергарды...

— Мерзавцы, негодяи, молокососы! вы мараете свой мундиръ! васъ пороть надо!—началъ орать имъ черезъ рѣку Николай Ивановичъ...

Они, погрозивъ ему кулаками, убѣжали... Обозленный Гречъ гулять не пошелъ, а вернулся домой. Не прошло и часа, какъ у насъ за воротами послышались крики, угрозы, и на дворъ нахлынула толпа кавалергардовъ съ огромными дубинами на плечахъ... Гречъ успѣлъ спрятаться. Пришлось къ шалопаямъ выйти отцу моему. Такъ какъ всѣ женщины въ это время ушли въ комнаты и увели со двора дѣтей, то намъ, кромѣ крика и смутнаго говора, ничего не было слышно. Потомъ на дворѣ все стихло, мимо нашихъ оконъ по улицѣ уже безъ дубинъ на плечахъ тихо и смирно прошли кавалергарды... Отецъ вернулся въ комнаты, а Лизаньку и меня сейчасъ же выпустили на свободу... Такимъ образомъ мы тогда объ этой исторіи ничего больше и не слышали. Но послѣ, много лѣтъ спустя, папенька, вспоминая о нашемъ сожителствѣ съ Гречемъ на Черной рѣчкѣ, вспомнилъ и о нашествіи на него кавалергардовъ и, смѣясь, говорилъ: «Хороши были войны! Да и Николай Ивановичъ былъ хорошъ! Нашумѣлъ, обругалъ ихъ черезъ рѣку, да и спрятался! Пришлось мнѣ «въ чужомъ пиру похмелъ», выйти урезонивать этихъ соврасовъ безъ узды. Не понимаю, какъ это я тогда удержалъ себя и тоже не вспылить... Кричатъ, орутъ: «подайте намъ Греча! Гречъ, выходи! мы бить тебя пришли»... Ужъ и самъ не знаю, какъ мнѣ тогда удалось укротить эту молодежь и не волнуясь, тихо, серьезно высказать ей, до чего она неприлично ведетъ себя, нося кавалергардскій мундиръ; что Греча, кажется, нѣтъ дома, а въ другой дачѣ живу я и прошу ихъ оставить этотъ дворъ и не пугать своими криками женщинъ и дѣтей! И видно еще не неисправимый былъ народъ: сейчасъ же начали смолкать, смолкли, переговоры между собою, бросили на землю дубины... И одинъ молодой офицеръ отъ имени всѣхъ товарищей повелъ мнѣ такую извинительную рѣчь: «повѣрьте, графъ, что мы не знали, что рядомъ съ Гречемъ живете вы... Иначе мы никогда не позволили бы себѣ войти къ вамъ на дворъ и обезпокоить васъ и ваше семейство!... Простите великодушно намъ наше необдуманное увлеченіе!». Всѣ раскланялись и затѣмъ одинъ за другимъ тихо вышли со двора... А какъ я теперь подумаю, умно сдѣлалъ Николай Ивановичъ, что во время спрятался. Хорошо бы онъ былъ, если бы столько здоровенныхъ молодцевъ побили его столькими здоровенными дубинами!»... И я тоже думаю, что они заколотили бы его до смерти.

Но съ тѣхъ поръ опять на Черной рѣчкѣ стало тихо, черная лодка перестала ѣздить, и пожарная команда съ пожарными въ голубыхъ шапочкахъ больше не показывались, и даже исторія съ Гречемъ замерла совершенно.

Гораздо позднѣе я узнала, что зачинщикомъ и коноводомъ всѣхъ этихъ неблагоприятныхъ шалостей на Черной рѣчкѣ молодыхъ кавалергардскихъ офицеровъ того времени былъ извѣстный богатъ

и кутила Савва Яковлевъ. Случай привелъ меня даже познакомиться съ нимъ, когда я была замужнею женщиною. Расскажу про эту встрѣчу лучше теперь, чтобы послѣ не забыть. Мы съ мужемъ были такъ близко связаны съ Академіей Художествъ, что никогда не переставали водить знакомство съ художниками и всегда интересовались всѣмъ, до нихъ касавшимся. Какъ-то разъ мы узнали, что одинъ молодой художникъ,—фамилію его теперь забыла,—захворалъ чахоткой, и чтобы спасти его, оставалась одна надежда отправить его поскорѣе за границу. На бѣду художникъ былъ бѣденъ, стало быть, другимъ надо было достать ему денегъ на поѣздку и леченіе. Но гдѣ взять? Думали, думали и рѣшили обратиться къ богачу Саввѣ Яковлеву, который, по слухамъ, охотно помогаль бѣднымъ художникамъ. Изъ мужчинъ никто не рѣшался къ нему идти, говоря: «нѣтъ, намъ онъ не дастъ ни гроша! Его должна просить женщина, тогда онъ раскопелится». Выбрали посланницей меня и научили, что ѣхать къ нему на домъ не ловко, а самое лучшее поймать его въ маскарадѣ. Я послушалась, облеклась въ домино и въ первомъ же маскарадѣ въ Большомъ театрѣ подошла къ Яковлеву. Онъ въ то время былъ настоящая руина. Увидя, что я подхожу къ нему, онъ съ гадкой улыбочкой оглядѣлъ меня съ ногъ до головы и перехваченнымъ, хриплымъ голосомъ спросилъ:

— Ты знаешь, кто я?

Я отвѣтила, что знаю.

— Ты, кажется, порядочная женщина, зачѣмъ же ты подошла ко мнѣ? Развѣ ты не знаешь, что подойти къ Саввѣ Яковлеву въ маскарадѣ значить потерять свою репутацію.

— У меня есть до тебя дѣло, — поспѣшила отвѣтить я, и затѣмъ смѣло и горячо стала просить его за несчастнаго молодого художника. Онъ выслушалъ меня съ тою же гадкою улыбочкой до конца и потомъ сказалъ:

— А, такъ вотъ оно что, ты подошла не ко мнѣ, а къ мѣшку съ деньгами! А кабы въ мѣшкѣ не было денегъ, ты оттолкнула бы меня отъ себя ногой?

— Этотъ вопросъ не къ дѣлу! Я подошла не къ безчувственному мѣшку съ деньгами, а къ человѣку съ сердцемъ и душой, который можетъ помочь ближнему.

— Напрасно. Теперь я денегъ никому не даю. Я самъ умираю. Посмотри, я уже снялъ свой портретъ въ гробу. Посмотри, хорошъ?

Съ этими словами онъ вынулъ изъ бокового кармана фотографическую карточку, на которой былъ изображенъ въ гробу подъ покровомъ со сложенными на груди руками.

— Хочешь, возьми на память обо мнѣ, — добавилъ онъ, протягивая ко мнѣ карточку, — а денегъ для твоего художника я не дамъ.

Разумѣется, я отъ него карточки не взяла и, не солоно хлебавши, разсталась съ денежнымъ мѣшкомъ.

Послѣ перваго лѣта, проведеннаго на Черной рѣчкѣ, папенькѣ она, видно, очень полюбилась, потому что мы жили тамъ и съ тѣми же сосѣдями всякое лѣто до смерти государя Александра Павловича. Безцеремонная дачная жизнь, кажется, еще больше сдружила нашу семью съ Лобановыми и Гречами, и дружба эта продолжалась много лѣтъ. Осенью мы опять перебрались въ свѣтлый домъ Слатвинскаго, гдѣ папенька пристрастился еще болѣе къ рисованію акварелью и гуашью; тамъ онъ нарисовалъ много прелестныхъ цвѣтовъ, птичекъ и бабочекъ и, между прочимъ, нарисовалъ съ натуры портретъ меньшей сестры моей матери, Александры Ѳедоровны Дудиной. На этомъ рисункѣ хорошенькая тетка моя изображена въ ярко-лунную ночь, сидящую на подоконникѣ большого венеціанскаго окна съ гитарою въ рукахъ. Удивительно эффе́ктно вышли на этомъ рисункѣ отблески луны въ каштановыхъ локонахъ тетки и въ ея бѣломъ платѣ.

Въ домѣ Слатвинскаго намъ пожилось не долго. Папенькѣ улыбнулось счастье: ему наконецъ дали давно желанную казенную квартиру, и мы переѣхали въ 3-ю линію Васильевскаго острова, въ домъ, принадлежащій Академіи Художествъ. Этотъ домъ весь Васильевскій островъ зналъ подъ кличкою «розовый домъ». Но чтобы дать ясное понятіе о нашемъ тогдашнемъ житѣй-бытѣй и о разныхъ событіяхъ, которыя совершились во время нашей жизни въ «розовомъ домѣ», мнѣ необходимо описать его подробно, потому что, какъ говорится, всякій уголокъ въ немъ мнѣ будетъ нуженъ для моихъ разсказовъ. Въ то время по 3-й линіи, сейчасъ за Академіей, тянулся старый деревянный заборъ академическаго рекреационнаго двора учениковъ (нынѣ академическій садъ, который проходитъ до 4-й линіи). За нимъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ зданіе мозаическаго заведенія, тогда стояли три деревянные дома съ особыми дворами. Въ первомъ домѣ жилъ архитекторъ Гомвинъ, второй былъ назначенъ папенькѣ для жительства, а въ третьемъ помѣщался профессоръ живописи Варнекъ. Нашъ «розовый домъ» былъ красивѣе двухъ домовъ нашихъ сосѣдей. Одноэтажный, съ мезониномъ и стеклянымъ колпакомъ надъ крышей, онъ, вѣроятно, былъ выстроенъ еще въ то время, когда грунта подъ постройку домовъ въ Петербургѣ не жалѣли, когда дома не ползли къ небу, а расплзались въ ширь по землѣ-матушкѣ на сколько угодно... Съ надворной стороны мезонина совѣзмъ не было, а только подъ крышей тамъ и сямъ лѣпились наростики и пристроечки, въ которыхъ жилось очень уютно... На нашемъ большомъ дворѣ, кромѣ насъ, въ кирпичномъ красномъ домикѣ, была мастерская академическаго столяра и извѣстнаго въ то время рѣзчика по дереву, мужичка Салова. Ходъ въ нашу квартиру былъ

со двора. Черезъ стеклянную галлерю входили прямо въ огромную переднюю, изъ которой поднималась лѣстница въ верхнія помѣщенія; за нею шла маленькая пріемная, потомъ шли парадныя комнаты: зала, гостинная и спальни. Посрединѣ дома былъ круглый кабинетъ съ колоннами, освѣщенный сверху стекляннымъ колпакомъ. За парадными комнатами изъ спальни шли уже жилыя: столовая, наша дѣтская, комната нянюшки Матрены Ефремовны, кухня и многое множество кладовыхъ и чуланчиковъ. Съ такими удобствами жилья теперь въ Петербургѣ не найдешь. Наверху размѣстились бабушка Марья Степановна, три мои тетки и всѣ наши домохадцы. Удивительно, какъ папенька съ помощью женскихъ рукъ матери моей и тетокъ ухитрился дешевымъ способомъ меблировать свою квартиру въ греческомъ вкусѣ. Такъ все было изящно и необыкновенно, что даже заѣзжавшая къ намъ изрѣдка бомондная родня разѣвала ротъ отъ удивленія... Мебель вся была сдѣлана по рисункамъ папеньки охтенскимъ мужичкомъ-столяромъ. Обивку для мебели по самымъ простымъ дешевымъ матеріямъ греческими узорами вышивали мои три тетки. Обивала мебель, драпировала и вѣшала занавѣски сама маменька; она у насъ, между прочими ея искусствами, была и искусный обойщикъ... А главное, что въ ней было дороже всего, это то, что она на лету схватывала мысли своего мужа-художника и исполняла ихъ въ точности. Описывать всю обстановку нашей новой квартиры было бы долго. Но ее вѣдь и теперь во всякое время можно видѣть, стоитъ только погулять по заламъ академіи художествъ и взглянуть на семейную картину графа Ѳ. Толстого. На этой картинѣ едва видна черезъ дверь въ гостинную спальня, поэтому то, чего не видно, я постараюсь дополнить отъ себя. Въ спальнѣ интереснѣе всего была античная широкая кровать, съ выгнутой въ видѣ лебединой груди спинкой, съ колчанами вмѣсто переднихъ ножекъ; надъ нею былъ брошень роскошный пологъ, какъ бы на лету пронзенный золотой стрѣлой и приколотый ею къ стѣнѣ. Въ головахъ этотъ пологъ перебрасывался однимъ концомъ черезъ высокую узкую греческую колонку съ прозрачной мраморной лампадой, которая по вечерамъ пропускала сквозь себя слабый загадочный свѣтъ; другой конецъ полога роскошными складками упалъ сверху бюста на плечо бога сна Морфея (тоже работы папеньки), который стоялъ въ ногахъ на пьедесталѣ, и затѣмъ разстилался до самаго пола. Короче сказать, это была не кровать, а сама Греція—ложе Амура и Психеи... До остальныхъ жилыхъ покоевъ духъ древней Греціи не долеталъ, въ нихъ все было совсѣмъ просто. Въ парадномъ кабинетѣ, освѣщенномъ сверху, оконъ не было, а потому папенька облюбовалъ себѣ въ нашей столовой окошечко, выходившее на дворъ профессора Варнека, облюбовалъ и завладѣлъ имъ совершенно. Придвинулъ къ нему свой рабочій столъ и, сидя въ своемъ любии-

момъ, изорванномъ халатѣ, точно бѣдненькій мастеровой, рѣзалъ и вырубалъ свои штемпеля и медали. Этотъ любимый халатъ былъ до того ужасенъ, что шалуни тетки мои сыграли разъ съ папенькой штуку: вмѣсто заплаты, пришили желѣзную заслонку отъ печки. Но и это издѣванье не помогло: папенька со смѣхомъ отпоролъ ножичкомъ заслонку и опять въ немъ же усѣлся за работу. Около этого рабочаго стола ютились два нѣмца: одинъ приватный папенькинъ ученикъ, медальеръ Торстенсенъ, бѣднѣйшій изъ бѣднѣйшихъ нѣмцевъ; другой, датчанинъ Кнусенъ, часовщикъ; этотъ подготавливалъ для папеньки разныя колесики и пружинки, нужныя ему для состава остроумныхъ фокусовъ его собственнаго изобрѣтенія, которыми онъ любилъ удивлять своихъ гостей. Фокусы въ то время, когда мы жили въ «розовомъ домѣ», тоже сильно интересовали папеньку.

Эти милые два нѣмца пустили корни въ нашемъ домѣ и сдѣлались совѣмъ домочадцами въ нашей семьѣ. Къ обѣду папенька покидалъ свой милый халатъ, облекался въ черную, бархатную блузу и являлся къ столу красавчикомъ. Послѣ обѣда онъ забиралъ свою восковую работу и перекочевывалъ въ спальню маменьки на угловой диванъ и тамъ у круглаго стола, въ кругу дамъ, при свѣтѣ двухъ сальныхъ свѣчекъ, принимался лѣпить одинъ изъ оригиналовъ будущихъ медалей войны 1812 года. Одна изъ дамъ читала вслухъ какой нибудь страшный романъ Ратклифъ, другія работали... Говорять, что и я тутъ же присутствовала, только не работала, а сладко спала за спиною папеньки; меня жалѣли тревожить и не уносили въ дѣтскую.

Въ залѣ у насъ давались вечеринки, маскарады и спектакли. Въ старину люди были сентиментальны, и потому эти спектакли давались всегда сюрпризомъ и непременно по случаю чьихъ либо именинъ. Сцена и вся обстановка изготовлялись тайно въ той же залѣ, при закрытыхъ дверяхъ. И даже прислуга для прочности тайны въ залу не допускалась. Работали тамъ только родныя руки маменьки, тетокъ и дядей... Разумѣется, папенька орудовалъ больше всѣхъ, на его долю приходилось самое трудное: онъ писалъ кулисы и писалъ ихъ не небрежно, какъ ихъ всегда пишутъ, а такъ, что у него выходили не кулисы, а прелестные пейзажи. Какъ жаль, что ни одно полотно его декоративной работы не сохранилось; ихъ уничтожило наводненіе 1824 года. По случаю этихъ тайнъ и секретовъ на нашемъ театрѣ случались уморительные казусы, напимѣръ: разъ передъ самымъ началомъ спектакля, на что-то не достало обойныхъ гвоздей; надо было скорѣе ихъ купить, но кого послать? людей нельзя, неравно проболтаются... Самимъ господамъ тоже нельзя: всѣ они уже костюмированы, нарумянены и въ парикахъ; какъ же въ такомъ видѣ бѣжать по улицѣ? Наконецъ, тетки мои придумали послать въ лавку вѣрнаго нѣмца

Торстенсена, но и тутъ бѣда, онъ такъ гадко говоритъ порусски, что лавочникъ его не пойметъ. Но, всетаки, позвали бѣднаго нѣмца и начали его учить. Учили, учили и, наконецъ, выучили. Накнувъ свою шинелишку съ крикомъ: «квосты обойна, квосты обойна!» полетѣлъ онъ въ лавочку... Ждутъ его, ждутъ, все нѣтъ! Наконецъ, онъ, весь заплаканный и перепачканный грязью, показывается въ дверяхъ.

— Что ты такъ долго? давай, давай скорѣй,—кричатъ ему навстрѣчу. Но, увы, гвоздей нѣтъ!...

И несчастный нѣмецъ, размазывая рукой по лицу грязь и слезы, едва могъ отвѣтить:

— Мой упаль лужъ, мой забыль...—и опять залился горячими слезами.

Оказалось, что бѣдный посланникъ на бѣгу въ лавочку поскользнулся, шлепнулся въ лужу и отъ этого паденія забылъ заученный имъ такъ твердо урокъ. Поневолѣ пришлось послать за гвоздями мальчишку Ивана, и тайна была нарушена.

Ни одно представленіе не проходило безъ какого нибудь приключенія. То торопыга, дядя Константинъ Петровичъ, выскочить на сцену, когда занавѣсъ поднять только на четверть аршина, и однѣ только его ноги въ полосатыхъ чулкахъ пробѣгутъ мимо зрителей и произведутъ общій хохоть... То, когда за сценой должна раздаваться пальба изъ пушекъ, ничто даже не шелкнетъ, потому что бумажныя хлопושки сами актеры подмочили квасомъ, и онѣ превратились въ кисель... То тетенька Надежда Петровна, которая вѣчно все перевираала, въ роли трактирщицы, въ фельдмаршалскомъ мундирѣ, въ пьесѣ Коцебу, вмѣсто того, чтобы сказать: «а къ намъ гостей путемъ поналетѣло», скажетъ вмѣсто гостей «гусей поналетѣло» и насмѣшитъ опять зрителей до слезъ...

Но всѣ эти маленькіе промахи и ошибки никогда не мѣшали сюрпризамъ удаваться вполнѣ. Виновникъ торжества «именинникъ» всегда былъ глубоко тронутъ сюрпризомъ и благодарилъ родныхъ-актеровъ со слезами на глазахъ. Актеры были счастливы тѣмъ, что игру ихъ похвалили. Хозяева театра, папенька съ маменькой, блаженствовали уже потому, что къ нимъ собрались милые имъ люди, и что удалось ихъ повеселить...

Блаженный вѣкъ, когда люди умѣли довольствоваться малымъ, умѣли быть истинно дружны, когда не отъ однѣхъ горестей и несчастій, а и отъ теплаго чувства выступала слеза на глазахъ... Смѣются теперь надъ добрымъ старымъ временемъ, говорятъ: «у васъ у всѣхъ тогда глаза были поставлены на мокромъ мѣстѣ!». Ну, чтожъ, по-моему, это всетаки лучше, чѣмъ сухое сердце и сухіе глаза...

Всѣхъ гостей папеньки, кромѣ моихъ старыхъ знакомыхъ: Греча, Гнѣдича, Лобанова и Булгарина, я, конечно, не помню, но

по рассказамъ знаю, что у насъ часто бывали: Бестужевъ, Рыльцевъ, Верстовскій, Лонгиновъ, князь Одоевскій, Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, тогда еще молодой офицерикъ и страшный заика, котораго маменька учила говорить не заикаясь, вкладывая ему камушки въ ротъ. Своихъ родныхъ папенька приглашать не любилъ даже тогда, когда они къ нему напрашивались сами.

— Что это, Теодоръ, ты меня никогда къ себѣ не зовешь? Говорять, у васъ бываетъ такъ весело!... — сказала разъ папенькѣ двоюродная сестра его, графиня Аграфена Ѳедоровна Закревская.

— Да оттого, Груша,—отвѣчала онъ ей,—что у тебя со мной и моею женою нѣтъ ничего общаго, и тебѣ будетъ у насъ скучно!

Она, всетаки, навязалась и пріѣхала къ намъ на вечеръ, но вести себя, какъ бы слѣдовало, не сумѣла...

— Ma cousine, что у васъ сегодня было за обѣдомъ? — вдругъ ни съ того, ни съ сего спросила она у маменьки.

Маменька сконфузилась и назвала ей три кушанья, изъ которыхъ послѣднее было—квасной кисель. Графиня Аграфена Ѳедоровна съ удивленіемъ опять спросила:

— Что это такое квасной кисель? Я никогда его не ѣла, это вкусно? Дайте мнѣ немножко его попробовать!...

Принесли тарелку киселя въ гостиную и поставили передъ ней на греческій столикъ; и она при всѣхъ нашихъ гостяхъ, разряженная въ пухъ и прахъ, въ пунцовомъ беретѣ съ перьями, начала одна уплетать кисель за обѣ щеки, приговаривая: «*mais c'est très bon!*». Проглотила всю тарелку, потомъ попросила квасу, попила, сказала нѣсколько разъ маменькѣ: хи... хи... хи... та cousine!.. ха... ха... ха!.. та cousine!.. и уѣхала. Графиня Закревская съ женщинами говорить не умѣла. Вообще ея нашествіе къ намъ было очень похоже на то, какъ дамы-благотворительницы пробуютъ у нищихъ щи...

Графиня Аграфена Ѳедоровна была дочь родного дяди и крестнаго отца папеньки, графа Ѳедора Андреевича Толстаго, очень богатаго человѣка, потому что онъ былъ женатъ на раскольницѣ, дочери московскаго откупщика Дурасова. Дѣдушка Ѳедоръ Андреевичъ слылъ въ то время антикваріемъ и большимъ любителемъ древностей, хотя самъ въ нихъ мало имѣлъ понятія и всегда, дѣлая новыя пріобрѣтенія, прежде совѣтовался съ папенькой и имѣлъ большую вѣру въ знанія своего крестника.

И надо сказать, что этотъ дядя былъ всегда добръ къ папенькѣ и никогда, даже во время невзгодъ, не покидалъ его. А послѣ, когда папенькѣ, какъ говорятъ порусски, вдругъ повезло, Ѳедоръ Андреевичъ первый возрадовался и началъ гордиться своимъ крестникомъ. Папенька часто навѣщалъ старичка, но я что-то не помню, чтобы этотъ дѣдушка самъ пріѣзжалъ къ намъ въ «розовый домъ», но, всетаки, онъ помнилъ о насъ, присылалъ къ праздникамъ ма-

менькѣ хорошіе подарки, намѣ, дѣтямъ, сестрѣ Лизанкѣ и мнѣ, прелестныя игрушки. Въ то время онъ представлялся моему воображенію скорѣе благодѣтельнымъ волшебникомъ, чѣмъ дѣдушкой. Послѣ я видала его и тетюшку Аграфену Ѳедоровну чуть не каждый день, сдѣлалась ихъ любимицей и баловницей, но, всетаки, не могу сказать, чтобы чувствовала къ нему такую же привязанность, какъ къ дѣдушкѣ Петру Андреевичу. Да, этотъ дѣдушка былъ сама доброта и ласка!.. Какая жалость, что мнѣ не удалось съ нимъ пожить, когда я стала побольше и могла бы оцѣнить его вполне!

По рассказамъ о немъ, дѣдушка былъ рѣдкій человекъ и настоящій баринъ. Не смотря на то, что онъ не былъ богатъ, онъ всегда, по силѣ возможности, дѣлалъ добрыя дѣла, не гордился, принималъ людей не «по платью». Забыть свои собственные нужды и успокоить ближняго было для него счастіемъ. Съ людьми своими обращался съ такою добротою, что ни одинъ крѣпостной человекъ отъ него на волю уйти не хотѣлъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Петръ Андреевичъ, такой милостивый къ бѣднымъ и меньшей братіи, богатому—будь онъ хоть братъ родной—на ногу себѣ наступить не давалъ. Примѣромъ тому можетъ служить маленькая стычка между нимъ и его меньшимъ братомъ, графомъ Ѳедоромъ Андреевичемъ, тѣмъ самымъ, о которомъ я только что говорила. Графъ послѣ отставки своей не имѣлъ средствъ держать собственный экипажъ, на гитарахъ ¹⁾ ѣздить не любилъ, а потому усвоилъ привычку много ходить. Для него обойти пѣшкомъ всѣ острова и вернуться домой ничего не составляло. Вотъ разъ какъ-то, тоже по образу пѣшаго хожденія, дѣдушка отправился на Аптекарскій островъ къ меньшему своему брату Ѳедору Андреевичу. Тотъ, сидя на своей великолѣпной террасѣ, еще издали призналъ его и съ завистью глядѣлъ на крѣпкую, бодрую походку старика. Едва успѣли братья поздороваться, какъ Ѳедоръ Андреевичъ сказалъ:

— Я давно увидалъ тебя и все любовался на твои ноги! Какимъ ты, братъ, молодцомъ до сихъ поръ ходишь... Я хотя тебя моложе, а передъ тобою спасую. Вотъ, подумаешь, какъ Господь-то къ намъ милостивъ: тебѣ, бѣдному человеку, далъ крѣпкія ноги, а мнѣ, слабоному—карету.

— Дуракъ! Вмѣсто того, чтобы любоваться ногами старшаго брата, ты бы приказалъ заложить свою карету и послалъ бы ее за мной! Да, видно, у тебя на это ни мозгу, ни душонки не хватаетъ!..

Ѳедоръ Андреевичъ на слова брата расхохотался, какъ будто бы не почувствовалъ щелчка, но за то, когда старикъ, посидѣвъ

¹⁾ Дрожки того времени.

у него недолго, собрался уходить, онъ вдругъ ласково сталь его удерживать:

— Куда ты? посиди! еще рано... Я отвезу тебя въ моей каретѣ.

— Не безпокойся, бѣдному человѣку Богъ далъ ноги! Сядь лучше въ кресло да полюбуйся опять на мои ноги... А я въ твоей каретѣ не ѣздокъ...

И графъ Петръ Андреевичъ быстро, какъ молодой, скрылся изъ глазъ богатаго брата. И ни разу въ жизни, говорятъ, въ карету его не садился. Прямая и чистая душа былъ мой дѣдушка! И за то какъ всѣ любили и уважали его. А ужъ маменькины сестры и братья просто боготворили стараго графа Петра Андреевича за его доброту къ нимъ. И надо правду сказать, что они иногда слишкомъ пользовались этой добротой. Бывало выдумаютъ какуюнибудь шалость, и первый у нихъ въ заговорѣ и секретѣ старый графъ. И онъ, баловщикъ, поддается и на старости лѣтъ дурачится съ ними вмѣстѣ. Не могу не рассказать проказы, въ которую наша молодежь втянула и дѣдушку,

Ѣздила къ намъ въ ту пору воспитанница какой-то богатой старушки Ланской, по имени Марья Алексѣевна Колесникова; барышня очень толстая, очень дурная собой и очень глупая, которая была убѣждена въ томъ, что она красавица, и мечтала выйти замужъ за какоенибудь высокопоставленное лицо. По воскресеньямъ у насъ собирались всѣ родные и короткіе знакомые. И Машенька Колесникова всегда пріѣзжала къ обѣду и проводила у насъ цѣлый день. Въ одно изъ воскресеній тетки мои ожидали ее съ особеннымъ нетерпѣніемъ, и какъ только она вошла въ переднюю, встрѣтили ее словами:

— Машенька, знаешь, кто у насъ сегодня будетъ? Какая радость, какая честь!..

— Кто?.. что такое?..—вспыхнувъ вся, спросила Колесникова.

— Тебѣ не отгадать ни за что!.. Это такое неожиданное счастье!..

— Не мучьте меня, милочки, скажите скорѣй!

— Къ намъ обѣщался сегодня вечеромъ пріѣхать владѣтельный принцъ Оранскій!.. Каково благополучіе!.. — объявили, наконецъ, тетки мои, прыгая отъ радости.

— Неужели?.. ахъ, милочки, а какъ же я-то? мнѣ надо скорѣй ѣхать домой переодѣться!..—засуетилась Марья Алексѣевна.

— Не надо, Машенька, не надо!.. Его высочество приказаль, чтобы всѣ были подомашнему! И мы переодѣваться не будемъ. Пойдемъ скорѣе на верхъ, мы тебѣ все расскажемъ...

За обѣдомъ у всѣхъ только и рѣчей было, что о несказанной милости принца Оранскаго къ нашему семейству.

— Принцъ милостивъ, это вѣрно, но, всетаки, намъ, господа, не надо забывать придворнаго этикета!—сказаль строго дѣ-

душка,—я первый въ передней встрѣчу его высочество и подойду къ рукѣ... Вы, мужчины, всё за мной, и тоже къ рукѣ. А вы, mesdames, стойте въ дверяхъ залы и, какъ принцъ подойдетъ къ дверямъ, сдѣлайте общій глубокой реверансъ...

— Ахъ, какое несчастье, что я этого ничего не увижу... Я сегодня вечеромъ дежурный по полку... — съ горькимъ вздохомъ сказалъ меньшей братъ маменьки Алеша Дудинъ.

— Какая жалость! да вы бы, Алешенька, попросили за себя когонибудь подежурить,—съ сожалѣніемъ посоветовала Машенька.

— Нельзя! служба прежде всего!—отвѣтилъ очень серьезно дядя, и точно послѣ обѣда онъ простился со всѣми и уѣхалъ.

Къ вечеру вся наша квартира освѣтилась кенкетами... Дѣдушка съ кавалерами въ передней, а дамы въ дверяхъ залы ожидали пріѣзда принца Оранскаго. Вдругъ раздался неистовый звонокъ, двери распахнулись на обѣ половины, и высокій, напудренный, набѣленный, нарумяненный мужчина, въ лентѣ черезъ плечо, весь увѣшанный иностранными звѣздами и орденами, величественно вошелъ въ переднюю; окинувъ всѣхъ быстрымъ взоромъ, онъ милостиво протянулъ два пальца графу Петру Андреевичу и сказалъ...

— А, Толстой! очень радъ, братецъ, тебя видѣть!

Дѣдушка преклонился и съ глубокимъ уваженіемъ облобызалъ протянутые ему пальцы. Остальные мужчины хотѣли сдѣлать то же, но его высочество, не удостоивъ ихъ этой чести, торопливо пошелъ къ дамамъ. Въ дверяхъ онъ, пораженный удивленіемъ, остановился и съ восторгомъ воскликнулъ:

— Что за цвѣтникъ я вижу передъ моими глазами!.. лилей... розы... что за роскошныя розы!..

И принцъ рванулся къ Колесниковой, схватилъ ея пухлую руку и жадно прильнулъ къ ней губами... Потомъ, не обращая больше ни на кого вниманія, взялъ ее подъ руку и повелъ въ залу, напѣвая ей что-то на ухо. Машенька отъ радости онѣмѣла и только счастливо улыбалась... Принцъ не отходилъ отъ нея ни на минуту и глядѣлъ ей страстно въ глаза, отпуская фразы въ родѣ этой:

— О, роза, роза! какъ счастливъ будетъ тотъ принцъ, который введетъ въ свои чертоги такую красавицу принцессу, какъ вы!

Наконецъ, его высочество изъявилъ желаніе начать танцы... Тетенька моя Марья Ѳедоровна сейчасъ же присѣла къ фортепіано и заиграла шумный вальсъ. Принцъ прижалъ къ себѣ крѣпко толстую дѣву и закружился съ ней въ бѣшеномъ вальсѣ. Другіе кавалеры ангажировали дамъ и послѣдовали ихъ примѣру...

Вдругъ принцъ остановился среди круга, выпустилъ Машеньку изъ рукъ и громко закричалъ:

— Вальсъ? нѣтъ, это не то!.. это скучно! mesdames, позвольте мнѣ научить васъ танцу, который танцуютъ при моемъ дворѣ!.. танецъ «фонъ-туртельтакъ», это прелесть!

Всѣ дамы изъявили согласіе.

— Я сейчасъ васъ выучу, только я запыхался... Графъ Петръ Андреевичъ, дай, братецъ, мнѣ чего нибудь напиться!—крикнулъ онъ дѣдушкѣ, который сидѣлъ въ уголкѣ, и старый графъ сейчасъ же принесъ принцу на серебряномъ подносѣ стаканъ квасу.

Во время этого короткаго антракта Машенька Колесникова успѣла обѣжать всѣхъ моихъ тетокъ и задыхаясь шепнуть имъ:

— Милочка! вѣдь онъ, кажется, сдѣлалъ мнѣ предложеніе!..

Ахъ, милочка! какіе намеки, какіе намеки!..

На это барышни Дудины отвѣчали ей:

— Смотри, Машенька, когда будешь «въ случаѣ», не забудь насъ, бѣдныхъ!..

— Озолочу васъ, милочки, озолочу!..

И Колесникова опять кинулась къ принцу.

Тетка Марья Ѳедоровна забарабанила экоссеэзъ. Принцъ подхватилъ въ объятія Машеньку и началъ въ одно и то же время и дирижировать, и исполнять свои собственныя приказанія..

— Фонъ-туртeltaкъ!—закомандовалъ онъ во все горло,—всѣ парами!.. всѣ по угламъ!.. всѣ въ кучу!.. Кружитесь!.. мазурку!.. Галопъ!.. Матлотъ!.. Balancez!.. мѣняйте дамъ!.. Галопъ по всѣмъ комнатамъ!.. опять въ кучу!..

Охриплымъ голосомъ кричалъ принцъ, носясь, кружась съ Машенькой и тискаая ее въ кучу танцующихъ... Все это мѣнялось быстро, безъ остановки. Общій хохотъ заглушалъ игру Марьи Ѳедоровны, наконецъ она отбила себѣ пальцы и перестала играть; «фонъ-туртeltaкъ» продолжался безъ музыки... Дамы одна за одной вырывались изъ рукъ кавалеровъ и въ изнеможеніи падали на диваны... Одинъ принцъ Оранскій, напѣвая: «безъ музыки таки-такъ! безъ музыки таки-такъ!», насильно вертѣлъ и таскалъ Машеньку, которая, задыхаясь, молила его о пощадѣ.

— Ваше высочество!.. пустите!.. не могу... умираю...

Наконецъ, принцъ выпустилъ ее изъ объятий и съ крикомъ: «прощайте! уѣзжаю! не провожать!»—выбѣжалъ въ переднюю. Но и тамъ не могъ угомониться, его соблазнила оплывшая сальная свѣча: онъ проворно захватилъ на палець сала, намазалъ имъ себѣ губы, опять влетѣлъ въ залу и чмокнулъ Колесникову прямо въ губы... румяна и бѣлила съ него всѣ уже слѣзли, и тутъ только Машенька узнала его...

— Лешка подлець! Милочки, это не принцъ Оранскій!.. это братъ вашъ Лешка!.. держите его!.. держите его!.. я ему выдеру уши...

Но Алеша Дудинъ уже «былъ таковъ».

Не прошло и пяти минутъ, какъ добродушная Марья Алексѣевна уже хотела надъ собой со всѣми вмѣстѣ.

— Вотъ надули-то!.. вотъ надули... да ничего, такъ было весело!..

— Да, какъ ты, Машенька, могла повѣрить, вѣдь на принцѣ Оранскомъ всѣ звѣзды и ордена были бумажные... Ѳедоръ Петровичъ съ Анетой ихъ сами клеили... — сказалъ ей кто-то изъ тетокъ.

— Еще бы не повѣрить, когда онъ графу Петру Андреевичу «ты» говорилъ и за квасомъ его посылалъ, всякій бы повѣрилъ!..— серьезно сказала Машенька.

— Ну, я одинъ сталъ виновать!.. ахъ вы, шалуньи, втянули меня стараго въ грѣхъ!.. И точно виновать!.. прости меня, голу-бушка Марья Алексѣевна!..

И обнялъ и поцѣловалъ ее.

— Смѣю ли я на васъ сердиться, графъ!.. — ошастливленная поцѣлуемъ старика, сказала Машенька:— а ужъ Лешку негодяя я когда нибудь высѣку, непременно! будетъ онъ у меня помнить принца Оранскаго!

— Да, да, пересолилъ немножко его высочество Алексѣй Ѳедоровичъ,— добродушно прощаясь со всѣми, проговорилъ дѣдушка и пѣшкомъ побрелъ къ себѣ въ 13-ю линію.

Послѣ этого разсказа про дѣдушку Петра Андреевича, кто бы могъ подумать, что этотъ здоровый, веселый старичекъ скоро уйдетъ отъ дѣтей своихъ навсегда?.. А это несчастіе постигло насъ совсѣмъ неожиданно, наканунѣ моихъ именинъ 20-го ноября 1822 года. И какъ хорошо, утѣшительно для остающихся скончался онъ! Крѣпкій, какъ дубъ, старичекъ вдругъ ослабъ и началъ нѣтъ-нѣтъ да прилегать на постель, чего съ нимъ никогда прежде не бывало. Дяденька Константинъ Петровичъ испугался, засуетился, началъ всякую минуту подходить къ отцу и спрашивать его:

— Батюшка, вамъ нехорошо? не послать ли за докторомъ?

— Не надо! я не боленъ!—отвѣчалъ ему дѣдушка.

— Не послать ли за священникомъ?

— Рано!.. я скажу, когда будетъ пора... Да что ты торопишься, другъ мой? мнѣ еще хочется побыть съ вами, а послѣ исповѣди я буду уже не вашъ!—и приказалъ дядинькѣ всѣхъ насъ позвать къ себѣ. Все семейство наше сейчасъ же пришло къ нему. Всегда чопорный старикъ, противъ своего обыкновенія, встрѣтилъ гостей своихъ въ халатѣ и, улыбаясь, сказалъ:

«Какъ случай этотъ повъ,

«Что я явился безъ штановъ»...

Къ столу, однакожь, дѣдушка выйти не могъ, слабость заставила его опять прилечь... Послѣ обѣда всѣ вошли въ его спальню и усѣлись около него... Онъ разговаривалъ и шутилъ со всѣми. Попросилъ маменьку поднять меня къ нему на постель, крѣпко поцѣловалъ и сказалъ мнѣ:

— Ты завтра, дѣвка, именинница; вотъ смотри! видишь эти финифтяные образочки?— и онъ указалъ на связку образцовъ, кото-

рые висѣли около него на стѣнѣ: — это тебѣ въ именины будетъ мой подарокъ! Когда завтра тебѣ скажутъ, что дѣдушка твой «приказалъ долго жить», ты и кричи: гдѣ мой образъ? подайте мой образъ!.. а то мать и тетки оберутъ твое наслѣдство... знаю я ихъ, плутовокъ!.. ну, дѣтка, дай я тебя благословлю! — и дѣдушка три раза перекрестилъ меня, поцѣловалъ еще и сказалъ, отирая слезу:— ну, а теперь пошла, бѣгай! Анна Ѳедоровна, возьми ее, матушка!

Маменька, захлебываясь слезами, унесла меня и отправила домой.

Немного погодя, дѣдушка подозвалъ къ себѣ дядиньку Константина Петровича и шепнулъ ему:

— Вотъ теперь пора, другъ мой!..

Дядинька сейчасъ же послалъ за духовникомъ его. До прихода священника дѣдушка благословилъ всѣхъ дѣтей своихъ и простился со всѣми людьми... Потомъ въ полной памяти исповѣдовался и приобщился св. тайнъ; самъ снялъ съ своей шеи крестъ съ мощами князей Щета, который всегда носилъ на себѣ, и со словами: «этотъ крестъ приведетъ меня въ царствіе Божіе»,— крѣпко прижалъ его рукой себѣ ко лбу. И рука его не поднялась больше: крестъ Господень привелъ дѣдушку въ царствіе Божіе!..

Крестъ этотъ достался графу Петру Андреевичу отъ матери его, урожденной княжны Щетининой; родомъ она происходила отъ князей Ярославскихъ и Тверскихъ, изъ которыхъ къ лику святыхъ причислены были князь Ѳедоръ Щета съ двумя его сыновьями: Давидомъ и Константиномъ. Мощи ихъ покоятся въ одной ракѣ въ городѣ Ярославлѣ, въ Спасскомъ монастырѣ.

Послѣ смерти дѣдушки жизнь наша потекла попрежнему. Папенька работалъ безъ устали: то вырубалъ медали, то лѣпилъ, то рисовалъ свои чудныя акварели... И, кромѣ всего этого, онъ еще часто дѣлалъ модели для блюдъ и солонокъ, которыя русское купечество при разныхъ торжественныхъ случаяхъ подносило членамъ царской фамиліи. Эти работы заказывалъ папенькѣ тогдашній почетный глава петербургскаго купечества Иванъ Васильевичъ Кусовъ. Папенька и маменька очень любили старика Кусова и въ домѣ его приняты были, какъ родные. Даже меня маленькую къ нему водили. Но я его что-то не помню, а помню только больничный залъ въ его громадномъ домѣ у Тучкова моста (нынѣ больница св. Маріи Магдалины). Этотъ залъ былъ такъ длинень, что когда я стояла у одного конца, у входной двери, то на другомъ концѣ зала мраморный бюстъ императора Александра I казался мнѣ совсѣмъ маленькій, и помню, какъ я удивлялась тому, отчего, когда я до него добѣгу, онъ дѣлался такой большущій. Послѣ я много слышала про Ивана Васильевича Кусова. Онъ былъ очень богатый, именитый купецъ, человекъ умный и добрейшаго сердца. Былъ женатъ три раза и отъ трехъ женъ

имѣлъ множество дѣтей; изъ нихъ я сама даже могу насчитать 9 его дочерей и 6 сыновей, и со многими изъ нихъ была лично знакома. Такъ что въ домѣ своемъ Иванъ Васильевичъ былъ настоящій патріархъ! Говорятъ, что государь Александръ Павловичъ такъ уважалъ и любилъ старика Кусова, что ѣзжалъ запросто пообѣдать съ нимъ и его семьей. И разъ, говорятъ, даже провелъ у Кусова цѣлый день на *folle journée*, которыя онъ ежегодно устраивалъ на масляницѣ для дѣтей своихъ, друзей и знакомыхъ. Разсказывали тоже, что маскарады въ домѣ Ивана Васильевича напоминали собою сказки Шехеразады. Всѣ костюмы гостей его были буквально залиты драгоцѣнными камнями и брилліантами... У маменьки моей этихъ великолѣпнѣй не было, а потому она и не показывалась на эти празднества. Но разъ какъ-то папенька, желая повеселить свою молодую супругу, придумалъ сдѣлать себѣ и ей изъ разноцвѣтной гляцевитой бумаги костюмы двухъ фарфоровыхъ саксонскихъ куколъ—пастушка и пастушки, такъ чтобы ихъ платья, шляпы, цвѣты и всѣ аксесуары были изъ одной только бумаги, и костюмы брали бы одной только вѣрностью подражанія саксонскому фарфору и своею оригинальностью! Папенька съ маменькой сами склеили эти костюмы, нарядились въ нихъ и поѣхали на маскарадъ къ Кусову... Пріѣхали и своею красотою и новизною выдумки разомъ затмили брилліанты, шелки и бархаты. Успѣхъ былъ полный!

Иванъ Васильевичъ былъ большой поклонникъ таланта моего отца, дорого цѣнилъ его трудъ и всегда хотѣлъ, чтобы каждая его работа для купечества была щедро вознаграждена. Но папенька за модели для блюдеъ и солонокъ, назначенныхъ для поднесенія особамъ царской фамиліи, никакой платы принимать не хотѣлъ и работалъ ихъ даромъ. Это такъ огорчало Ивана Васильевича, что онъ даже разъ сдѣлалъ нападеніе на маменьку, говоря ей:

— Графинюшка матушка! Я хочу тебѣ жаловаться на твоего мужа. Онъ у тебя фантазеръ-безсребренникъ! Прекрасно это, да за что же онъ меня-то несчастнаго терзаетъ? вѣдь мнѣ совѣстно и обидно, что онъ съ купечества за свой трудъ денегъ не беретъ... Будь хоть ты добрая, успокой ты меня, позволь мнѣ тебѣ подарочекъ прислать, ну, хоть натурою: сахаромъ или чѣмъ другимъ въ твое хозяйство.

— Что же это, Иванъ Васильевичъ, я у васъ за мужа буду вятки брать? какъ это возможно?

— Не вятки, матушка, а только подарочки отъ друга... Не обидь, разрѣши!.. Совѣсти вѣдь моей отъ этого легче будетъ... Графинюшка, не огорчи старика, позволь!

И онъ такъ умолялъ и упрашивалъ, что маменька, чтобы не огорчить его, позволила ему прислать ей немного сахара, но больше ничего. И воспользовался же Иванъ Васильевичъ этимъ разрѣше-

ніемъ: онъ тотчасъ прислалъ своей милой графинюшкѣ запасъ сахару на цѣлый годъ. Бѣдная маменька даже испугалась, когда ей привезли его, и не знала, куда дѣваться съ такою кучею головъ сахару. Но нянюшка Матрена Ефремовна живо прибрала его къ рукамъ, попрятала по шкафамъ, заперла за тридевять замковъ и ключи положила въ карманъ. Отнять у нея этотъ насильственный подарокъ добряка Кусова, кажется, не смогъ бы даже самъ папенька.

Въ послѣднихъ числахъ сентября 1824 года семью нашу опять посѣтило горе: любимая всѣми папенькина сестра, наша дорогая тетка Надя, вдругъ опасно заболѣла воспаленіемъ мозга. Нашъ очень хорошій годовою докторъ Андрей Егоровичъ Шестаковъ лечилъ ее усердно, но болѣзнь леченію не уступала, и, наконецъ, онъ, не желая брать на себя одного такой отвѣтственности, попросилъ консиліума. Папенька сейчасъ же пригласилъ двухъ тогдашнихъ петербургскихъ свѣтилъ—докторовъ Аренда и Газинга. Они пріѣхали, осмотрѣли больную, потолковали съ Шестаковымъ полатыни и объявили, что всѣ средства, употребленныя ихъ собратомъ докторомъ Шестаковымъ для излеченія графини Надежды Петровны, были совершенно правильны, но что, не смотря на это, больная по ея комплекціи перенести такого сильнаго воспаления мозга не можетъ, и что продолжать ее еще лечить значитъ брать деньги даромъ, а на это они не согласны. Взяли, должно быть, то, что въ то время звѣздамъ первой величины за консиліумы полагалось, и уѣхали... Но зато были такъ внимательны, что проходя по передней мимо нашего лакея Ивана, сказали ему:

— Смотри, любезный, скажи въ кухнѣ, чтобы грѣли воду. Больная графиня этой ночи не проживетъ, ее надо будетъ вымыть...

Но, слава Богу, тетку Надю ночью мыть не пришлось... При ней остался нашъ добрѣйшій Андрей Егоровичъ. Отказъ Аренда и Газинга точно ему развязалъ руки, и онъ энергично началъ орудовать одинъ. Дѣлалъ большой какія-то особенныя ванны, прописывалъ новыя лекарства, должно быть, сильныя, потому что когда его рецепты приносили въ аптеку, то аптекарь спрашивалъ: «неужели еще жива?» И не только осталась жива милая наша тетя Надя, но вышла изъ опасности и мало-по-малу поправилась. Не успѣла эта бѣда свалиться съ плечъ, какъ нагрянула новая бѣда, но уже не на насъ однихъ, а на цѣлый Петербургъ. 6-го ноября съ взморья подулъ неистовый вѣтеръ, Нева забурилась, забушевала и на другое утро выступила изъ береговъ... Но я описывать наводненія 1824 года не могу, потому что видѣла только кусочекъ его изъ оконъ нашего мезонина. А расскажу только то, что было въ это время у насъ въ «розовомъ домѣ».

Во-первыхъ, дяди мои, Константинъ Петровичъ и Алеша Дудинъ, задержанные наканунѣ страшнымъ вѣтромъ и бурей, на

наше счастье заночевали у насъ и много помогли папенькѣ въ страшный день 7-го ноября. Помню, какъ въ этотъ день съ ранняго утра у насъ въ домѣ поднялись шумъ и бѣготня по всѣмъ комнатамъ... Маменька и наша няня Аксинья проворно одѣли Лизаньку и меня... Потомъ приближалъ папенька, и насъ увели наверхъ: Лизаньку, которая была не совсѣмъ здорова, къ бабушкѣ Марьѣ Степановнѣ, а меня—въ комнату тетокъ, гдѣ лежала больная тетька Надя. Тамъ меня усадили на диванъ, приказали не болтать, не шумѣть, чтобы не разбудить больной тети Нади. Я послушалась, присмирѣла, прикурнула въ уголокъ и сама скоро заснула крѣпкимъ сномъ.

Папенька, успокоившись насчетъ Лизаньки и меня, говорятъ, первымъ дѣломъ подумалъ о своей старой нянѣ Матренѣ Ефремовнѣ и хотѣлъ и ее тоже перевести въ безопасное отъ воды мѣсто. Но это не такъ легко было сдѣлать, какъ казалось папенькѣ. Старуха съ первыхъ словъ его обозлилась и, не слѣзая съ своихъ поднебесныхъ перинъ, начала кричать на него, какъ на мальчишку...

— Нечего тебѣ дѣлать, такъ ты людей будить!.. Вода, какая вода? откуда вода? Почти 50 лѣтъ большой воды не было, а у тебя вода! Такъ я и повѣрила тебѣ, вотъ дуру нашель, озорникъ! Вонъ пошелъ отъ меня! Никуда я не пойду изъ моей комнаты, слышишь? не пойду и конецъ....

Нечего было дѣлать, пришлось оставить до времени злую старуху въ покоѣ, и папенька пошелъ перетаскивать наверхъ свои работы, книги и вещи, которыя поцѣвнѣе. Дяди мои въ это время помогали людямъ таскать на чердакъ зеркала, бюсты и мебель изъ гостиной. Маменька тоже приходила къ Матренѣ Ефремовнѣ просить у нея ключей отъ шкафовъ, чтобы приказать людямъ перенести къ теткамъ въ мезонинъ годовую провизію сахара и другія вещи, которыя скупая няня въ нихъ прятала. Но и на эту просьбу отъ злой старухи милостивой резолюціи не послѣдовало.

— На что тебѣ ключи? — крикнула она съ своей кровати на маменьку.—Растащить все хочется? Вишь, новая хозяйка наплась!... Не дамъ я тебѣ ключей! убирайся, не дамъ...

И бѣдная маменька тоже ушла отъ нея ни съ чѣмъ. Короче сказать, старуха въ это утро была просто невозможна, но ея упрямству пришелъ конецъ. Часа черезъ три и ей. «Оумѣ невѣрному», пришлось повѣрить, что господа ее не обманывали. Вода уже съ ревомъ бѣжала по всей 3-й линіи, дворъ Варнека и нашъ были залиты; изъ подвала сквозь полъ вода прорывалась въ ея комнату... Уже по щиколотку въ водѣ вбѣжали къ ней дяди мои и папенька и на этотъ разъ безъ церемоніи потащили ее съ кровати... Но она и тутъ еще боролась и кричала:

— А мой сундукъ? я безъ сундука не позволю себя тащить

наверхъ!... Несите впередъ сундукъ, а потомъ меня... Я безъ сундука не дамъ вамъ въ руки!...

Терять время было невозможно. Пришлось исполнить и этотъ капризь... Мои бѣдные дяди съ трудомъ подняли старухинъ кованный красный сундукъ и потащили его на лѣстницу, а папенька за ними слѣдомъ понесъ на рукахъ свою усмирившуюся няню. Дорѣгой жадная Матрена Ефремовна вспомнила про свои перины и подушки и ихъ стала требовать. Послѣ папенька приказалъ людямъ снести ей все, что она просила, и старушку со всѣмъ ея скарбомъ помѣстили въ особомъ уголкѣ.

Не знаю, долго ли я спала, но помню, что меня разбудилъ крикъ и плачь тетки Нади, которая капризничала, какъ малый ребенокъ, прося, чтобы ее поднесли къ окну посмотреть, какъ дрова плывутъ. Маменька и тетки уговаривали ее и удерживали на постели. Мнѣ тоже захотѣлось видѣть, какъ дрова плывутъ по улицѣ, и я проворно соскочила съ дивана, влѣзла на окно и съ удивленіемъ увидала, что вся наша третья линія покрыта водой и бѣлыми волнами, по которымъ шибко неслись дрова, какіе-то плоты, сѣно, доски, перекувырнутые нескіе ялики и еще какой-то хламъ. Все это показалось мнѣ очень страшно, но больше всего я испугалась, когда среди всего этого хлама признала повара нашего Филиппа, который ѣхалъ по волнамъ, сидя въ маменькиной деревянной ваннѣ, и, управляя лопатою, ловилъ по полѣшку березовыя дрова и кидалъ ихъ въ ванну.

— Маменька, голубушка, посмотрите, нашъ Филиппъ плаваетъ въ вашей ваннѣ по водѣ!.. вѣдь онъ потонетъ! — со страхомъ закричала я и заплакала...

Маменька подбѣжала къ окну, взглянула и тоже въ испугѣ закричала теткамъ:

— Mesdames, какой ужасъ! точно это Филиппъ ѣздитъ въ моей ваннѣ... сумасшедшій, онъ ловитъ дрова!.. Господи, какая жадность! у насъ полонъ сарай дровъ, а онъ изъ-за трехъ полѣнъ дровъ жертвуетъ жизнью...

— Покажите мнѣ Филиппа! я хочу видѣть Филиппа! пустите меня!.. — опять забушевала тетя Надя и слабыми, худыми руками начала тянуться къ окну; маменька бросилась на подмогу теткамъ, а я со страху соскочила съ окна и забилась въ углу и оттуда однимъ глазкомъ выглядывала на мою бѣдную тетю Надю; съ тѣхъ поръ какъ она захворала, меня къ ней не пускали... Тутъ только я увидала, какъ она страшно перемѣнилась: толстая прекрасная коса ея была острижена, волосы на головѣ торчали какими-то мохрами, все лице съ кулачекъ, два огромные глаза и сама вся худая, прехудая... Совсѣмъ не моя милая тетя Надя, точно кто-то чужой, страшный! Мнѣ такъ стало ея жалко, что я заревѣла во все горло. Не помню, кто меня стащилъ въ комнату

бабушки, только я очутилась около сестры Лизаньки, долго еще плакала и никакого наводненія больше не видала. Послѣ ужъ мнѣ рассказывали, что папенька забралъ со двора нашего изъ низенькаго домика къ намъ на верхъ рѣзчика Салова съ женою и его рабочими; и много другихъ женщинъ и мужчинъ, которыхъ вода выгнала изъ сосѣднихъ подваловъ, принялъ къ себѣ папенька. Да еще, говорятъ, кого-то втащили на веревкахъ въ слуховое окно, такъ что всѣ верхушки нашего дома биткомъ набились чужимъ народомъ, съ которымъ, говорятъ, папенька и дяди мои проспали эту страшную ночь на большой площадкѣ надъ лѣстницей и передней, въ повалку на полу, потому что нигдѣ свободнаго мѣстечка больше не было. Но, Боже мой, что случилось съ нашими парадными комнатами и всѣмъ нижнимъ этажемъ... Когда вода убыла, увидѣли, что всѣ полы въ нихъ провалились, вмѣсто нихъ остались только страшныя черныя ямы, даже всѣ низы печей размыло водою. Куда ни взглянешь, всюду полное разрушеніе... Слава Богу, что никто изъ домочадцевъ нашихъ не утонулъ въ этотъ страшный день. Даже жадный Филиппъ нашъ, Богъ его вѣдаетъ, какъ сумѣлъ въ той же ваннѣ благополучно вернуться домой и остался живехонекъ. Дома сосѣдей нашихъ, Варнека и Гомзина, построенныя на высокихъ каменныхъ фундаментахъ, въ которыхъ были только подвалы, почти совсѣмъ не пострадали; вода до жилыхъ комнатъ не дошла.

Разумѣется, Академія тотчасъ распорядилась починкой нашего дома. Закипѣла работа. Изъ подваловъ выкачали всю воду; надъ черными провалами по всѣмъ комнатамъ перекинули длинныя доски, такъ что можно было переходить изъ комнаты въ комнату. Въ подвалахъ наставили много печей съ длинными трубами и жарили ихъ съ утра до ночи, такъ что отъ промокшихъ стѣнъ паръ валилъ клубами. Но, всетаки, это была только одна просушка, а приступить къ настоящимъ поправкамъ нашего нижняго жилья можно было только весной. Какъ сельди въ бочкѣ, прожили мы эту зиму; помню, что мы даже обѣдали и пили чай на площадкѣ надъ лѣстницей. Бѣдному папенькѣ рѣшительно негдѣ было прилечь съ своею работою; и онъ бы вѣрно сильно скучалъ, еслибъ не былъ въ это время очень занятъ, какъ членъ «Василеостровскаго комитета попеченія о пострадавшихъ отъ наводненія». А такъ какъ папенька ничего вполонину дѣлать не умѣлъ, то и втянулся въ это доброе дѣло сердцемъ и душою. За это усердіе онъ послѣ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени.

Подходилъ май мѣсяцъ, и пришло время подумать о дачѣ. Нанять нашъ домикъ на Черной рѣчкѣ было невозможно, потому что послѣ наводненія въ немъ было страшно сыро. А тутъ добрѣйшая Надежда Никитишна Кутузова, которая проводила въ Гапсалѣ каждое лѣто, соблазнила и папеньку нанять себѣ тамъ

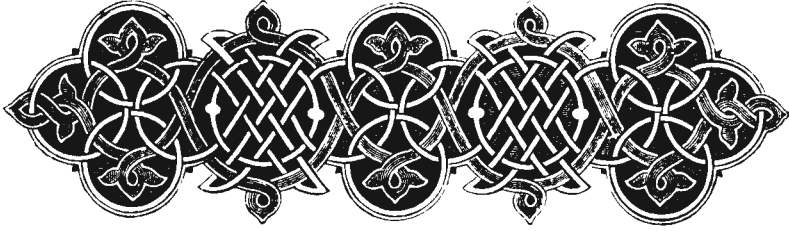
дачу. Онъ согласился, списался съ кѣмъ-то, и для насъ наняли у вдовы Кюзель прелестный домикъ съ садомъ и особой ванной, на самомъ берегу моря.

Тетенька Надежда Петровна, хотя значительно поправилась послѣ своей тяжкой болѣзни, но послѣ воспаленія мозга въ полный разумъ все еще не пришла, такъ что одно время начали бояться, чтобы она не осталась на всю жизнь идиоткой, а потому увезти ее далеко отъ доктора, который слѣдилъ за ея недугомъ день за днемъ и надѣялся ее вылечить, было опасно. Бабушка Марья Степановна, обѣ тетки мои, которыя вообще больше любили городъ, чѣмъ дачу, охотно остались съ тетей Надей въ Петербургѣ, а мы впятеромъ: папенька, маменька, Лизанька, я, да няня моя Аксинья, въ четырехмѣстной каретѣ, на долгихъ, 14-го мая отправились въ Гапсаль.

М. Каменская.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

„УМЕРЪ НАТУРАЛЬНОЙ СМЕРТЬЮ...“

ДЬЯКОНЪ Святоверскаго прихода проснулся очень рано и съ самаго утра засѣлъ за переписку метрикъ. День былъ осенній, солнечный, одинъ изъ тѣхъ теплыхъ дней, которыми иногда неожиданно возьметъ и подарить жителя облачный, дождливый сѣверъ. Густой туманъ медленно, какъ бы нехотя, не желая оставлять за ночь насиженнаго мѣста, поднимался на встрѣчу яркому солнышку. Изъ домовыхъ трубъ легкою сивою струйкою вился дымъ; въ воздухѣ попахивало гарью; за деревней въ ригѣ раздавалось мѣрное постукиваніе цѣпами.

Дьяконъ, о. Африканъ, проснулся сегодня въ шесть часовъ и, не разбудивъ своей жены, сладко спавшей подъ ватнымъ, ситцевымъ одѣяломъ, самъ «налилъ» самоваръ, разжегъ его и принялся за переписку метрикъ.

— «А пусть, бѣдная, поспитъ...— думалъ, пиша, дьяконъ. (Онъ еще и до сихъ поръ, не смотря на пятилѣтнее сожительство, былъ влюбленъ въ свою красивую, бойкую жену).— Да и какъ не понѣжить ее, какъ не любить такую жену, какъ моя Дуня?! Призрѣла меня, вышла за меня замужъ, и, благодаря ей, я имѣю теперь за-всегда кусокъ хлѣба... А не выйди она, куда бы я годился? Что съ меня вышло бы? По монастырямъ шлялся бы, объѣдалъ бы придорожный народъ»... — И довольный дьяконъ низко наклонялъ свое благодушное лицо къ метрическимъ листамъ и, широко раздвинувъ локти, тщательно выводилъ слова въ ровныя, красивыя строчки: «Петровзаводскаго уѣзда, крестьянинъ деревни Сигъ-Наволока, Иванъ Аванасьевъ умеръ и погребенъ на погостскомъ кладбищѣ; погребеніе

совершали: священникъ Яковъ Елпидифорскій и діаконъ на вакансіи псаломщика Африканъ Витуперовъ. Умеръ отъ чахотки...». Африканъ писалъ медленно, тщательно и послѣ каждой строчки разглаживалъ ладонью листы.

— «Теперь скоро и Дуня проснется, какъ разъ къ чаю; кажется, самоварчикъ-то начинаетъ ужъ закипать... Пусть маленько еще, повремену, а тамъ и чаемъ можно себя подкрѣпить...» — и красивыя строчки одна за другой медленно всплывали изъ-подъ гусиного пера, спокойно, безъ всякой порывистости, двигавшагося по бѣлому листу метричь.

Комната, въ которой занимался «письменной работой» о. дьяконъ, была небольшая, съ убогой обстановкой, но замѣчательно чистенькая.

На окнахъ, съ бѣлыми занавѣсками, стояли горшки съ «функціей» и бальзаминами; на стѣнѣ висѣло нѣсколько картинъ Сытинскаго производства, изображавшихъ царскую семью въ различныхъ позахъ и сочетаніяхъ: то государь и государыня собираютъ въ кузовки грибы среди тропическихъ пальмъ — «Лѣтняя прогулка ихъ императорскихъ величествъ», то на Невскомъ у подъѣзда какого-то фантастическаго дворца даютъ аудіенцію германскому императору — «Пріѣздъ германскаго императора Вильгельма II въ Петербургъ».

Щелистый, сквозной полъ былъ плотно покрытъ половиками, сотканными дьяконицей изъ тряпья. На большой лежанкѣ, на которой иногда въ зимнее время, возвратясь съ приходу, грѣлся дьяконъ, теперь красовалась мѣдная посуда, блестящая, какъ золотая, подъ косыми лучами солнца, боязливо проникавшими въ комнату. Въ большомъ углу, въ старинной красной кіотѣ, потемнѣвшей отъ дыма лампы, выглядывалъ кротко изъ-подъ ризы «апликѣ» блѣдный ликъ Спасителя. На всемъ рѣшительно лежалъ отпечатокъ чистоты, опрятности, которыя и бѣдности придаютъ такой пріятный, привлекательный видъ. Даже мѣдная старинная чернильница въ формѣ сундучка была вычищена и безъ единого чернильнаго пятнышка.

Дьяконъ продолжалъ писать и изрѣдка, поднявъ голову, взглядывалъ на спящую жену. Онъ былъ бѣлокуръ, съ длинными плоскими волосами желтаго цвѣта. Его широкое, рябое лицо, съ бѣлыми, чахлыми рѣсницами, лишенное всякаго признака бороды и усовъ, представляло изъ себя настоящую «тарелку пшенной каши», какъ въ шутку прозвалъ Африкана консисторскій секретарь. Сѣрые выпуклые глаза кротко выглядывали изъ-подъ рѣсницъ и съ довольствомъ разсматривали обстановку комнаты. Въ нихъ незамѣтно было ни малѣйшаго движенія неудовлетворенности, ни малѣйшаго признака досады на то, что въ жизни случилось немножко не такъ, какъ хотѣлось бы. Какая-то невозмутимая тишина, дѣтское спокойствіе, постоянно свѣтилось въ нихъ и, повидимому, пе-

реливалось на все, что только входило въ поле ихъ зрѣнія. Бумага метрикъ подъ дѣйствіемъ ихъ становилась необыкновенно гладкой и удобной для письма, она, казалось, сама собой такъ и просилась подъ перо; отъ лежанки несло тепломъ, отъ бальзаминовъ вѣяло тонкимъ, едва ощутительнымъ ароматомъ.

— Ты, Дуня, сегодня что будешь дѣлать?—спрашивалъ дьяконъ у жены, аппетитно прихлебывая изъ блюдечка горячій чай.

— Да не знаю еще; вотъ подожди, съ хозяйствомъ управлюсь, такъ тогда видно будетъ; нужно, пожалуй, начать хоть куделю пряхть... А ты вѣдь, Африканъ, куда сегодня не пойдешь? дома будешь?

— Да, мнѣ сегодня недосугъ, нужно метрики переписывать; батюшка велѣлъ къ завтрашнему дню все сготовить...

— А много еще осталось переписки?

— Да порядочно таки, однихъ умершихъ будетъ непременно листовъ десять, если не больше... А сколько ужъ написалъ!... Даже рука отерпла, до того писалъ...—и дьяконъ, засучивъ рукавъ казнетоваго подрясника, поднялъ вверхъ правый кулакъ и нѣсколько минутъ держалъ въ такомъ положеніи.

— Отчего же такъ много умершихъ сей годъ?

— А Богъ ихъ знаетъ,—и при этомъ дьяконъ какъ-то неопредѣленно кивнулъ головой.—Все жалуются на нутрянныя боли, глисты что ли, или колотье какое...

— Чудное дѣло...

— Нонѣ, весной, когда ѣздили съ батюшкой въ приходъ, такъ пришлось исповѣдать одного крестьянина,—можетъ быть, знаешь? Иванъ Фроловъ... Мужичина саженный, костистый; ну, вотъ не можетъ, да и на... Что же у тебя болитъ?—спрашиваю я, когда отецъ Яковъ исповѣдалъ и причастилъ его. Да, говоритъ, вотъ здѣсь, подъ грудью сосеть и сосеть, не жилецъ я уже на семъ свѣтѣ... И что же? день-другой прохворалъ еще послѣ насъ и тѣмъ Богу душу отдалъ... А мужичина-то былъ, не хочешь да позавидуешь, что борова сосна: высокій, крѣпкій, одинъ-на-одинъ на медвѣдя хаживалъ...

— Такъ отчего же, всетаки, умеръ этотъ Иванъ Фроловъ?—съ какой-то упрямой настойчивостью въ голосѣ допытывалась дьяконица.

— Да я же говорю тебѣ, что у него сосало что-то подъ грудью, отъ этого самаго онъ и умеръ... Я же вѣдь не фершалъ, болѣзней различать не умѣю...

— Такъ какъ же ты тогда въ метрикѣ пропишешь его? Отъ какой болѣзни умеръ?..

— Я у батюшки спрошу, пусть онъ посоветуетъ, что написать...

— Да... и батюшка-то самъ не ахти какъ много смыслить въ этомъ дѣлѣ...

— Смыслить не смыслить, я того не смѣю знать, а что скажетъ, я, какъ подначальный, и должонъ написать...

— Должонъ написать, должонъ написать, — передразнила дьяконица своего мужа.—А, можетъ быть, тотъ же Иванъ Фроловъ съ голоду умеръ, а вы съ батюшкой и сномъ дѣла не знаете...

— Знаешь ты...—нерѣшительно замѣтилъ дьяконъ.—Волосъ дологъ, да умъ коротокъ...

Священникъ о. Яковъ, на совѣтъ котораго такъ надѣялся Африканъ, былъ небольшого роста старичекъ, съ маленькой козлиной бородкой, съ длиннымъ сухимъ носомъ, узкими черными глазками, бойко стрѣлявшими изъ-подъ сѣдыхъ рѣсницъ. Онъ уже давнымъ-давно поступилъ на Святозерскій приходъ и за свою жизнь столько успѣлъ напроказить, что если бы не его смѣтливость да находчивость въ трудныя минуты, то его давно бы уже разстригли, и «Божія милость» съ красной лентой не красовалась бы на стѣнѣ подъ стекломъ. Разъ донесено было преосвященному, что о. Яковъ въ пьяномъ видѣ совершалъ богослуженіе и нѣсколько разъ въ алтарѣ падалъ.

Снаряжено было слѣдствіе... Явился въ село щеголь-благочинный, фабрившій свои рыжіе усы и душившійся духами «резеда»... «Въ какомъ видѣ шель о. Іаковъ въ церковь и гдѣ проводилъ онъ ночь наканунѣ совершенія обѣдни?»—спрашивалъ онъ на слѣдствіи у святозеровъ...

Мужики стояли въ почтительномъ отдаленіи, переминались съ ноги на ногу, чесали у себя затылки и на всѣ вопросы благочиннаго отвѣчали незнаемъ: «не знаемъ, батюшка, отецъ благочинный, ничего не знаемъ; мы въ тѣ поры, видишь ли, въ церкви не были, полѣнились грѣшнымъ дѣломъ... дома обѣденку просидѣли».

— Можно, пожалуй, буде хочешь,—въ заключеніе посовѣтовали крестьяне благочинному,—можно спросить у Хаврошки Толстопятой, лавочку содержитъ она тутъ, не былъ ли отецъ Яковъ у ней; онъ часто заходитъ къ ней, потому она ему кумой приходится, ребенка его держала...

Пригласили въ волостную избу, гдѣ снималъ допросъ съ крестьянъ благочинный, и Хаврошку Толстопятую... Явилась бойкая, румяная баба, круглая и плотная, какъ ядреная рѣпа, и затараторила на своемъ бабьемъ языкѣ, что батюшка ея кумъ, что онъ ни въ чемъ-то не виноватъ, все терпитъ за напраслину, и Господь рано или поздно отплатитъ ему добромъ, если не на семъ, то на будущемъ свѣтѣ...

— Ты подожди, любезная, — обратился болѣе ласково къ Ха-

вروشкѣ благочинный,— подожди, что я спрошу, и потомъ уже на мой вопросъ отвѣчай... Былъ у тебя о. Іаковъ въ мясное заговѣніе до обѣдни?.. Говори, смотри, все безъ утайки, а не то тебѣ же хуже будетъ...

— Былъ, отецъ благочинный, былъ, что было, того не утаишь...

— Въ какомъ видѣ онъ былъ? Не былъ ли грѣхомъ хоть пьянъ?

— Ой, батюшка, отецъ благочинный, какъ можно, какъ можно... Ни, ни, нисколько... ни вотъ эстолько, — и Хаврошка показала благочинному небольшой кончикъ своего короткаго, краснаго указательнаго пальца... — Нисколько не былъ пьянъ отецъ Яковъ... Отецъ Яковъ у меня былъ хорошей, вполне хорошей... Пришелъ это утромъ рано ко мнѣ, напился кофею съ аладьями, потомъ сѣлъ закусить: трески въ рыбникѣ поѣлъ, киселька съ молочкомъ похлебалъ и пошелъ съ Богомъ обѣденку служить... Хорошой, хорошой былъ отецъ Яковъ, а все, что насчетъ пьянства, такъ не вѣрь, батюшка, отецъ благочинный, все это вры, да такъ и преосвященному доклады, что молъ всѣ доносы на отца Якова—вры, вранье, и дальше этого никуда не идутъ...

Какъ ни горячо защищала своего кума Хаврошка Толстопятая, всетаки, «кофей и тресковый рыбникъ» послужили одними изъ самыхъ вѣскихъ уликъ, что отецъ Іаковъ дѣйствительно былъ пьянъ и въ такомъ видѣ совершалъ богослуженіе.

Вскорѣ строгій указъ, полученный изъ консисторіи, приглашалъ святозерскаго священника немедленно явиться къ преосвященному...

Стоялъ знойный июльскій день, съ безоблачнымъ небомъ и жаркимъ солнышкомъ, когда отецъ Яковъ вѣзжалъ въ губернскій городъ на своей двухколесной таратаечкѣ «одноколкѣ».

Грустно сидѣлъ онъ на высококомъ сидѣннѣ, и невеселыя думы роились въ его сѣдой головѣ...

— Откажутъ, кажется, отъ мѣста, либо переведутъ куда нибудь къ чорту на кулички въ «Кривой поясъ», гдѣ издохнешь съ голоду, какъ песь,—и отецъ Яковъ отъ неудовольствія даже плевался.—Ну, да авось еще какъ нибудь отмытарюсь...

И, дѣйствительно, ловкій старикъ «отмытарился»... Отправляясь въ часу третьемъ по полудни къ преосвященному, отецъ Яковъ надѣлъ большую мѣховую рясу, крытую сѣрымъ солдатскимъ сукномъ, на ноги натянулъ валенки, обшитыя по передамъ кожей, и въ такомъ нарядѣ, съ суковатой ольховой палкою въ рукахъ, поплелся къ архіерейскому дому, стоявшему на краю города... По обыкновенію, всегда блѣдное лицо отца Якова теперь отъ утомленія еще болѣе поблѣднѣло, и на лбу выступили крупныя капли поту... Его сухой носъ какъ-то заострился, глаза затуманились, и

вся фигура старика очень стала походить собой на тѣхъ немногихъ старцевъ, которые, отказавшись отъ міра и суеты, проводятъ въ тишинѣ своихъ келій праведную жизнь... Идея святости явно выступала въ каждой черточкѣ, въ каждомъ усталомъ движеніи сельскаго пастыря.. Пресвященный какъ увидѣлъ отца Якова, такъ и ахнулъ, столь показался ему неправдоподобнымъ доносъ, столь несомвѣстимымъ съ этой фигурою праведника.

— Господи Боже, Господи Боже!.. И на такого-то старца смѣютъ возводить обвиненія!? какъ и языкъ могъ повернуться у этихъ безсовѣстныхъ людей!.. да скорѣе я повѣрю тому, что я самъ былъ пьянъ, а не этотъ благодатный старецъ...

Долго еще вздыхалъ пресвященный, глядя на худенькаго старичка, нѣсколько разъ принимался цѣловать его, благословлялъ и послѣ часовой бесѣды отпустилъ съ миромъ...

А на самомъ дѣлѣ отецъ Яковъ и дня не могъ прожить безъ водки... Въ одно время у него даже начиналось что-то въ родѣ «запою»; «хмельникъ» таскалъ его всюду: по лѣсамъ, по болотамъ, и въ заключеніе о. Якова нашли на своей же колокольнѣ... И странно было видѣть этого худенькаго, заморенаго священника съ сѣдой жиденькой косичкой, въ одномъ бѣльѣ, безъ сапоговъ — на высокой, сквозной колокольнѣ, гдѣ вѣтеръ гулялъ свободно и тихо двигалъ тяжелыми языками колоколовъ... Отецъ Яковъ плакалъ, какъ маленькій ребенокъ, вдрагивалъ всѣмъ своимъ худенькимъ тѣломъ, клялся, божился, что въ вѣкъ не возьметъ хмельнаго въ ротъ...

Но, вѣрно, горбатаго можетъ исправить одна только могилка: прошло нѣсколько недѣль, и о. Яковъ, не смотря на самое строгое запрещеніе земскаго врача, пилъ, пилъ и въ каждый разъ въ пьяномъ видѣ горько плакалъ, исповѣдывался предъ прихожанами-крестьянами въ своихъ проступкахъ и просилъ у всѣхъ прощенія... И крестьяне любили о. Якова, не смотря на его нетрезвость... Любили за простоту, за искренность, съ которыми онъ обращался къ каждому изъ нихъ... Въ немъ было что-то мужицкое (мужицкое въ лучшемъ смыслѣ), что роднило его съ крестьянами и привлекало послѣднихъ къ нему... Это былъ тотъ же крестьянинъ-пахарь, только болѣе умный, болѣе развитый, дисциплинированный десятилѣтнею школьною муштрою...

— Я, батюшка, къ твоей милости пришелъ, — началъ, отказавшись, нѣсколько глухимъ голосомъ дьяконъ, войдя въ домъ къ о. Якову...

Священникъ только что пообедалъ и, растянувшись на деревянномъ жесткомъ диванѣ, просматривалъ номеръ церковныхъ вѣдомостей...

— Съ чѣмъ опять съ такимъ? Пустяки, навѣрное?..

— А не знаю, батюшка, и самъ... Писалъ метрики, и вотъ встрѣтилось недоразумѣніе: отъ какой смерти умеръ крестьянинъ Иванъ Фроловъ?..

— Иванъ Фроловъ... подожди, подожди... — и о. Яковъ, закативъ подъ лобъ глаза, дѣлалъ усилія памяти припомнить этого крестьянина...

— Иванъ Фроловъ... Что же я не помню его? Давно ли мы хоронили его?

— Да весной, батюшка, до Николаы..., почестъ въ самую распутицу; помните еще, когда у проѣзжавшаго исправника колесо въ тарантасѣ сломалось, вотъ въ тотъ самый день!..

— Ей Богу, не помню, Африканъ; запомятовалъ, братъ... Ну, да дѣло не важное... Пиши, какъ тебѣ захочется... Вѣдь никто до правды добираться не станетъ; пиши, какъ тебѣ въ голову придетъ...

— Да тутъ-то, батюшка, я и въ недоумѣніи: я очень хорошо помню, что этотъ Иванъ Фроловъ, когда я видѣлъ его въ послѣдній разъ, все жаловался на нутрянную боль, подъ грудью, говорить, въ желудкѣ что-то сосеть... Тѣмъ сосаньемъ и Богу душу отдалъ...

— Ну, такъ что же?.. Случило его послѣ смерти, или нѣтъ?..

— Нѣтъ, батюшка, не случило...

— Ну, значить, не отъ водянки умеръ... А вотъ что, Африканъ, пиши-ка, братъ, безъ лишнихъ, пиши прямо: отъ природы, умеръ моль натуральной смертью, а поди тамъ добирайся до сути, да самъ исправникъ тутъ не разбереть...

— А, пожалуй, батюшка... Я такъ и напишу, какъ вы сказали: натуральной смертью умеръ...

— Такъ, такъ, Африканъ, безъ лишнихъ, не церемонься, братъ...

Осенній день скоро склонился къ вечеру. Сѣверный вѣтеръ, усилившійся къ ночи, обложилъ все небо облаками, и начался ко-сой крупный дождь, громко хлеставшій по стекламъ оконъ... Жиденькія березки, насаженныя дьякономъ на лицевой сторонѣ дома, со свистомъ гнулись къ землѣ и лили съ пожелтѣвшихъ листьевъ дождевую воду, какъ слезы... Огни въ крестьянскихъ избахъ постепенно одинъ за другимъ погасали; гдѣ-то пропѣлъ проснувшійся на минуту пѣтухъ; звякнулъ во дворѣ коровій колоколь, и съ улицы въ окна глядѣла темная, ненастная, осенняя ночь... Въ комнатѣ о. дьякона тихо; на столѣ тускло горитъ, сильно наплывая, сальная свѣчка... Африканъ въ прежнемъ же положеніи, широко раздвинувъ локти, въ розовой полосатой рубахѣ, въ ватномъ нагрудникѣ, пишетъ метрики, тщательно вывода каждую букву гусинымъ

перомъ... Громко шуршитъ перо, не торопясь скользя по бѣлому листу. Ужъ не одна страница исписана именами умершихъ, и не одинъ Иванъ Фроловъ прописанъ умершимъ натуральной смертью. Листы мелькаютъ за листами, и о дьякону остается переписать самую малость, самые пустяки. «Младенецъ деревни «Подоплеки» крестьянина Ѳедора Аванасьева — Марья, пяти лѣтъ, умерла отъ оспы. Государственный крестьянинъ деревни «Кононовой» Иванъ Фроловъ, 46 лѣтъ, умеръ натуральной смертью; погребеніе совершили священникъ Яковъ Елпидифорскій, съ діакономъ на вакансіи псаломщика Африканомъ Витуперовымъ; погребенъ на церковно-приходскомъ кладбищѣ».

— «И Богъ знаетъ, что тутъ скрывается подъ этимъ «натуральной смертью?» — думалъ дьяконъ, ни на минуту не отрываясь отъ письма.— Пишешь, вотъ хоть нашъ братъ, что умеръ такой-то натуральной смертью, а на самомъ-то дѣлѣ, можетъ быть, совсѣмъ не натуральной. Да хоть и взять того же Ивана Фролова. Лежалъ покойный всего дня три, не больше; все жаловался на сосанье въ брюхѣ, и теперь въ метрихѣ красуется подъ рубрикой: умеръ натуральной. Нѣтъ, братъ, шалишь. Слѣдовало бы знать всю подноготную, всю правду про каждаго, котораго приходится отпѣвать».

— «А вдругъ да окажется, что Дуня-то правду сказала, что Иванъ умеръ не отъ природы, а съ голоду,—продолжалъ размышлять послѣ нѣкотораго перерыва дьяконъ.—А очень просто, что и такъ: хлѣба сей годъ у народа въ обрѣзъ, только-только съ голоду не умереть. Ну, и гдѣ же было взять тому же Ивану? Семья большая, все не работники, ребятишки малыя; бился, бился бѣдняга, да, можетъ быть, съ голодухи-то и Богу душу отдалъ. А мы тутъ ему натуральную присочинили. Молодцы, однако, нечего сказать».

На улицѣ попрежнему продолжалъ лить проливной дождь. Съ потолокъ съ шлепаньемъ бѣжали цѣлые ручьи; по стекламъ, казалось, билась какая-то большая птица, летѣвшая на тусклый огонь сальной свѣчи: съ такимъ остервенѣніемъ нахлестывалъ ночной осенній дождь.

Въ темномъ углу дьяконовой комнаты образовалась течь, и мутная вода капля за каплей просачивалась сквозь потолокъ.

— «Вишь какой паркой дождь-то, что даже сквозь двойной потолокъ просочился. Пожалуй, еще накаплетъ на вещи да испортить».

Дьяконъ поминутно отрывался отъ метрихъ и взглядывалъ въ темный уголь, гдѣ слышалось капанье воды.

— «Да, вѣрнѣе всего, что и съ голоду умеръ Фроловъ,—копилилось неотвязно въ головѣ Африкана.—Сосеть, говоритъ, сосеть въ желудкѣ. А отъ чего сосеть? Отъ хлѣба, конечно, испеченнаго пополамъ съ соломой. Да и того-то было бы хоть въ волю, досыта. Вотъ передъ Богомъ скажу, батюшка,—припоминались Африкану

слова жены Фролова:—последняя мякушка испечена, больше нѣтъ ни пясти муки во всемъ домѣ; давно бы ужъ ничего не было, да спасибо хоть земству, пудикъ на той недѣлѣ выдали, больше, сказали, до другаго мѣсяца не будетъ».

Въ углу продолжало капать. Дождевыя капли, одна за другою, срываясь съ потолка, методически падали на полъ и, какъ нарочно, выбирали такое мѣсто, откуда раздавались самые сильные звуки.

Капъ, капъ, капъ... громко раздавалось изъ темнаго угла. Дьяконъ, дописавъ послѣдняго умершаго, съ перомъ въ рукахъ, усталый, съ слипающимися отъ сна глазами, уставился въ ту сторону, откуда слышалось капанье воды. Стѣнные часы, съ намалеванными синими розами на циферблатѣ, рѣзко пробили 11 часовъ. Умаявшемуся Африкану показалось, что кто-то мелькнулъ въ темномъ углу. Что-то легкое, какъ дымка, пролетѣло и мгновенно скрылось. Дьяконъ продолжалъ глядѣть. Мелькавшія отдѣльныя туманныя пятна постепенно начинали соединяться другъ съ другомъ, и изъ нихъ мало-по-малу образовались отдѣльныя фигуры людей. Фигуры становились все яснѣй и яснѣй, и дьяконъ теперь могъ хорошо разглядѣть въ углу фигуру покойнаго Фролова. Фроловъ стоялъ въ углу, въ бѣлыхъ портахъ и пестрядинной синей рубахѣ. На ноги были надѣты берестяные лапти, и берестяные ножны съ ножикомъ висѣли у его пояса. Лице его было блѣдно, и онъ улыбался, глядя на дьякона своими большими свѣтло-синими глазами.

Видѣнїе мигомъ растаяло, и дьяконъ черезъ нѣсколько мгновений могъ снова разглядѣть въ углу городскую площадь предъ казенными хлѣбными магазинами. Цѣлая толпа крестьянъ топталась передъ тяжелыми воротами, грузно запиравшимися желѣзными болтами. Мужики стояли безъ шапокъ; вѣтеръ свободно гулялъ по ихъ открытымъ головамъ и игралъ косматыми волосами. Въ сторонѣ, немного поодаль, стояли ихъ клячи, понуро опустивъ свои головы. Мухи кружились надъ ними съ веселымъ жужжаньемъ, садились на ноги, подъ брюхо, на рѣсницы и жалили до крови; а лошаденки едва отмахивались своими жидкими хвостами.

— «Это они за получкой муки «въ ссуду» явились сюда»,—подумалъ дьяконъ.

Маленькаго роста мужиченка съ рыжей, узкой клинчикомъ бородой, въ длинной до пяты «поддевкѣ» изъ синяго сукна, переходилъ отъ одного крестьянина къ другому и, плотно припавъ къ наклоненному уху, тихо шепталъ: «Смотри, какъ появится «земскій», то въ ноги: всѣ такъ будутъ дѣлать, потому начальству благодѣтелю почтеніе, и кричи: отецъ, пожалѣй своихъ сиротъ... потому онъ любить это».

— «Да вѣдь это никакъ нашъ староста»,—соображалъ дьяконъ.

Рыжій продолжалъ нырять въ толпѣ. Вотъ онъ остановился

передъ высокимъ мужикомъ, одѣтымъ въ короткій смурый кафтаниска, принялъ позу задорнаго пѣтуха, ткнулъ свои длинныя цѣпкія руки въ карманы и громко началъ выговаривать:

— Ты, Иванъ Фроловъ, много артачился, много кипятился, такъ знай напередъ, что тебѣ выдадутъ не больше пуда.

— Да какое же артаченье, Ома Титовичъ?—жалобнымъ голосомъ отвѣчалъ Иванъ.

— Да, теперь небось разнюнился, когда нужда пришла. А помнишь на сходкѣ, когда приговоръ составляли, такъ тогда не то говорилъ. Жаль было своему старостѣ двугривенный удѣлить.

— Передъ Богомъ тебѣ скажу, Ома Титовичъ...

— Да что, Ома Титовичъ... вѣдь я правду говорю, жаль было двугривенника, да еще и другихъ уговаривалъ не платить. А потомъ, кто Онуфрія Силина науськалъ спорить со мной? Твое дѣло, мошенникъ; вѣдь я все знаю, не скроешь отъ меня. Такъ вотъ теперь—невѣстка на отместку. Да еще не такъ слѣдовало бы.

Староста не успѣлъ еще окончить послѣдней фразы, какъ изъ-за угла улицы на площадь выѣхалъ ресорный кабріолетъ, запряженный жирной вороной лошадыю. Въ кабріолетѣ на кожаномъ сидѣньѣ, держа лакированныя ременные вожжи въ рукахъ, сидѣлъ членъ земской управы, котораго ждали голодные мужики, какъ Христова дня. По знаку старосты, вся эта нищенская толпа, цѣлый часъ дожидавшаяся на улицѣ, пала на колѣни и разными голосами, нескладно, кто какъ могъ, заорала: «батюшка, отецъ родной, пожалѣй своихъ сиротъ... батюшка, пожалѣй, отецъ, сиротъ... родной», и Африкана даже передернуло отъ этого рабски-униженнаго моленія. Пухлое, малокровное лице «земскаго» сложилось въ вялую улыбку, и по всему видно было, что такой пріемъ «отцу-благодѣтелю» понравился. Лѣниво махнувъ рукой, онъ подовзвалъ къ себѣ старосту и передалъ ему большой желѣзный ключъ отъ магазинныхъ дверей.

Началась выдача муки. Мужики съ какою-то лихорадочною ползали по кулямъ, забирались въ верхнія отдѣленія амбара, гдѣ всюду дотѣсна была навалена мука. Самый видъ хлѣба веселилъ ихъ. Они, казалось, нарочно обсыпали себя мукой, свои кафтаниски, сапоги, щеки, рѣсницы и всклокоченные бороды и усы.

— Нутко, дядя Олексій, покажи свою богатырскую силу, подхвати кулекъ, другой на плечи,—смѣялся молодой крѣпкій парень надъ худенькимъ, сѣрымъ мужикомъ съ желѣзнымъ крюкомъ на плечѣ.

Мужиченка безъ толку тыкалъ крюкомъ въ кули, наклонялся, подставлялъ спину, приспособлялся, чтобы поднять куль. Но каждый разъ отходилъ прочь съ такимъ видомъ, какъ будто выбранный имъ куль не девятипудовый, а по крайней мѣрѣ пудовъ двадцать...

— Эй ты, гнида, не рви кулье; брось крюкъ, коли не можешь поднять...

— Поднимешь ли ты, Ярусланъ?

— Ну, теперъ хотъ на Троицѣ ¹⁾ хорошаго хлѣбца поѣдимъ...

— Да, поѣдимъ, лишь бы только домой добраться. Вотъ ребяташки-то обрадуются.

— А какъ ты думаешь, Митрошка, сколько кулья тутотка навалено?

— Да тыща будетъ...

— Тыща... Пять есть...

— А на годикъ, другой хватило бы, если бы все эта намъ дали.

— Вишь ты обрадовался, какой мазъ... намъ...

Получившіе по списку муку взбирались въ свои одноколки, нахлестывали клячь концами веревочныхъ возжей и, по крайней мѣрѣ, по городскимъ улицамъ неслись вскачь.

— Вишь, какъ наше дурачье-то обрадовались, до хлѣба добрались,—рапортоваль староста «земскѣму», указывая на поспѣшно отъѣзжавшихъ крестьянъ.

— Вѣрно, у нихъ совсѣмъ хлѣба нѣтъ...

— Какое нѣтъ, ваша милость, обжоры, вотъ отъ чего нѣтъ; дай имъ хотъ сто пудовъ каждому, все равно не хватитъ, все равно просить пріѣдутъ, однимъ словомъ, обжоры.

«Земскѣй» слушалъ старосту, медленно мигая длинными бѣлыми рѣсницами, и, вѣроятно, по своей апатичности, ничего не отвѣтилъ.

Съ каждой минутой площадь все больше и больше пустѣла... Кой-гдѣ еще стояли понурья лошаденки, терпѣливо ждавшія своихъ запоздалыхъ хозяевъ... Къ разговаривающимъ старостѣ и «земскому» тихо, безъ шапки, подошелъ высокій мужикъ, держа за плечами небольшой холщевый мѣшокъ...

— Тебѣ, Иванъ Фроловъ, чего? Муку получилъ вѣдь?...—окликнулъ староста подошедшаго.

— Получилъ, Ома Титовичъ, да маловато... Сдѣлай Божецкую милость... прибавь еще... Ваше выскоро... выскры...—губы Фролова дрожали отъ волненія, и онъ, не смотря на усилія, никакъ не могъ выговорить титула члена земской управы.—Будьте отецъ, прикажите прибавить еще...

— Я, братецъ, не знаю,—пятыся назадъ, говорилъ членъ,—на то у васъ староста; должно быть, не слѣдуетъ тебѣ больше, когда столько прописано... Староста лучше меня знаетъ...

— Нѣтъ, вашскродіе, обидѣли меня... мало дали; у меня семья пять душъ... трое маленькихъ—ребятишки... Что на мою семью съ пуда?... Долго ли поѣшь?... Пожалѣйте меня, вѣдь съ голоду придется умирать...

¹⁾ Праздникъ, Троицынъ день.

Староста и «земско́й» отходили от кланяющагося мужика и, навѣрное, уже не слышали послѣднихъ словъ.

— Ему, ваша милость, какъ вы правильно изволили замѣтить, и не слѣдуетъ больше... Мужикъ зажиточный, платитъ податей за одну оброчную душу... Ну, положимъ, у него и трое дѣтей, такъ что-жъ изъ того?... можетъ прокормиться...

Снова предъ глазами очарованнаго дьякона картина смѣнилась другой.

На краю села, на самомъ берегу рѣки стоитъ сѣрый старый домишка съ подслѣповатыми окнами... Ветхая крыша поросла мохомъ, и у самаго потока растутъ какой-то розовый цвѣточекъ... Тихо въ избѣ, не слышно ни единого звука... Подложивъ подъ головы кой-какое барахло, спятъ трое маленькихъ дѣтей съ женщиной... На широкихъ лавкахъ, приколоченныхъ къ стѣнамъ, валяется въ беспорядкѣ одежда—сѣрый кафтанъ, бабья синяя юбка и бѣлая ситцевая кофта съ красными фарфоровыми пуговками. На печкѣ кто-то зашевелился: зашуршала разостланная овчинная шуба, и послышался слабый болѣзненный стонъ. Это стоналъ Иванъ Фроловъ, вотъ уже три дня не встававшій съ печки... Онъ страшно похудѣлъ и измѣнился за послѣднiе дни... Глаза ввалились и сдѣлались значительно болѣе тусклыми... Носъ заострился, щеки впали и приняли земляной цвѣтъ, подбородокъ, обросшій густой бородой, выставился, и посинѣвшiя губы плотно прилегли къ зубамъ... Уже давно мужикъ питается исключительно однимъ овсянымъ хлѣбомъ на половину съ мякиной и соломой... И привычный организмъ не вынесъ такой пищи, сдался, ослабѣлъ и призналъ всю свою несостоятельность въ борьбѣ съ голодомъ... Баба и дѣтишки все еще скрываютъ, все еще держатся на ногахъ, хотя и они сильно отощали... Но, вѣрно, могучему дубу необходимы и сильные соки... И лежитъ прежнiй силачъ, растянувшись на горячей печкѣ, слабый, безсиленный, съ трудомъ выговаривая слова... Блѣдная, жилистая рука, покрытая по мѣстамъ русою шерстью, какъ плеть, свѣсилась съ печки, и костлявые пальцы что-то ловятъ, судорожно то сжимаясь въ кулакъ, то снова разгибаясь... «Марьюшка, а Марьюшка, плохо мнѣ»...—жалобно раздавалось съ печки... На полу крѣпко спали и не слышали предсмертныхъ словъ умирающаго... Тихо, безъ всякихъ обычныхъ ужасовъ, умиралъ труженикъ, всю свою жизнь не разгибавшiй отъ работы спины... Во всю жизнь онъ не видѣлъ ни одного свѣтлаго, радостнаго дня, всю жизнь онъ маялся, бился съ нуждой и теперь умиралъ съ голоду, не имѣя досыта чернаго ржанаго хлѣба... Никакихъ тяжелыхъ воспоминанiй, никакой заботы, заботы даже о дѣтяхъ, не было въ его больной головѣ... Смерть, какъ новый фактъ, доселѣ не испытанный, медленно надвигалась и вытѣсняла собою все остальное... Въ брюхѣ умирающаго что-то билось, суетливо бросалось къ бокамъ,

какъ бы ища себѣ выхода... Заколыхалась грудь... Иванъ въ послѣдній разъ съ трудомъ прохрипѣлъ: «Марья, Марьюшка!»...

И движеніе перешло въ глотку... Послѣдніе остатки жизненной силы трепетали въ мускулахъ тощей шеи и потомъ, какъ бы вырвавшись изо рта на волю, безслѣдно исчезли для всякаго внѣшняго наблюденія...

— Африканъ, иди спать; что же ты сидишь такъ долго?—высунувъ изъ-подъ одѣяла голову, звала своего мужа дьяконица...

Сальная свѣчка уже догорѣла и чадила ѣдкимъ дымомъ... На улицѣ начинало свѣтать... На столѣ были разбросаны дописанныя метрики, на полу валялось гусиное перо, и дьяконъ, прислонившись къ деревянной спинкѣ краснаго стула, на которомъ сидѣлъ, давно спалъ, чуть-чуть похрапывая... Бѣлые, длинные волосы упали на глаза и закрывали почти все лицо... Дьяконъ спалъ, спалъ не шевелясь... Трудный вопросъ, занимавшій его цѣлый день, что скрывается подъ рубрикой «умеръ натуральной смертью», былъ для него рѣшенъ, и рѣшенъ совершенно правильно...

Н. О. Лѣсковъ.

НАКАНУНЪ.

(Изъ воспоминаній).

I.

Въ видѣ вступленія.—Мои дѣтскіе литературные опыты.—Календарь.—Наказанный издатель.—Перепѣвъ «Хуторка» и новое взысканіе.—Передвижная учебническая бібліотека.—Мое знакомство съ М. М. Куклинымъ.—Поэтъ, творящій въ банѣ.—Я подражаю разнымъ поэтамъ.—Бурсацкіе походы.—Поэтъ-священникъ и поэма «Долгоносые». — Осиповъ.—Метаморфоза.—«Мыслящій пролетаріатъ». — Ф. А. Арсеньевъ.—Лахминъ и «умныя книжки». — Старое и новое.—Молоко, либеральничанье и покаяніе.—Убѣжденія крѣпнуть.—Н. Ѳедоровичъ и его романъ «Бѣсовское наважденіе». — Рукописные журналы и наши сходки.—Мои неудачи въ «Сынѣ Отечества». — Авторъ «Историческихъ писемъ» и какъ либералы празднуютъ трусую.—Ремесленное училище и воспоминанія о Н. В. Шелгуновѣ.—Одинцовъ.—Я дѣлаюсь корреспондентомъ и сотрудникомъ «Русской Лѣтописи», «Искры» и «Недѣли». — Николаевъ.—Автографическая замѣтка.—«Вологодскія Губернскія Вѣдомости» и антикъ-редакторъ.—Н. В. Купріянова.—Я думаю ѣхать въ Петербургъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ воспоминанія?

Если хотите—да! Но правильнѣе: отрывокъ изъ воспоминаній о томъ времени, когда я подготавливался къ настоящей литературной дѣятельности. Это было именно «наканунъ», хотя я уже, всетаки, нѣкоторымъ образомъ вступилъ въ число литераторовъ въ концѣ «кануна».

Конечно, я не потому рѣшаюсь говорить объ этомъ времени, что считаю себя достойнымъ особеннаго вниманія со стороны читателя. Я не страдаю такимъ самомнѣніемъ, хотя и не включаю самоуниженія въ число добродѣтелей, обязательныхъ для писателя. Но если не я, то не лишены интереса тѣ условія, при которыхъ

я развивался и началъ работать, равно какъ и нѣкоторыя изъ тѣхъ лицъ, которыя входятъ въ мои воспоминанія.

Я началъ писать очень рано.

Еще будучи во второмъ классѣ гимназiи я издалъ рукописный календарь, пародируя извѣстный академическiй календарь, присоединивъ къ нему отдѣлъ стихотворенiй. У меня долгое время хранился экземпляръ этого календаря, въ которомъ я помѣстилъ стихи «Вѣтеръ». Съ переѣздами и скитанiями по Россiи я потерялъ этотъ календарь, съ которымъ произошло маленькое приключенiе еще и въ гимназiи. Я принесъ календарь въ классъ показать товарищамъ. Инспекторъ И. Л. Игнатьевъ увидѣлъ его у меня.

— Что это такое?

— Календарь, — краснѣя, промолвилъ я.

— Какой календарь? Дай-ка сюда. Вѣрно, глупѣйшiя пѣсни...

Календарь взять и разсмотрѣнъ.

— Глупости! — изрекло начальство: — что еще за сочинительство!

И бѣдный издатель календаря былъ поставленъ на колѣни на весь день. Начальство даже общало убавить въ поведенiи, но не сбавило, смилостивившись. Календарь, однако, былъ взять и отнесенъ въ учительскую. Какось, я утащилъ его, пробравшись въ «учительскую» тихонько, во время урока. А «начальство» и за было о календарѣ.

Вторымъ моимъ произведенiемъ, не увидавшимъ печатнаго станка, было подражанiе Кольцовскому «Хуторку». У насъ въ гимназiи былъ учителемъ нѣмецкаго языка нѣкто Р., являвшiйся на уроки зачастую пьянымъ. Онъ ежедневно въ клубѣ сражался въ карты. Моя пародiя такъ и начиналась:

На горѣ, за рѣкой,
Клубъ чиновный стоитъ.
Въ клубѣ томъ за столомъ
Нѣмецъ пьяный сидитъ.

Я былъ тогда въ третьемъ классѣ. Стихи мои пошли по рукамъ, распѣвались, и одинъ изъ списковъ попался гувернеру. Это вышло «слѣдствiе», авторъ былъ узнанъ и повеселъ кару.

Въ этомъ же году въ гимназiи между учениками основалась тайная передвижная библиотека, возникшая вслѣдствiе желанiя читать не только тѣ книжки, которыя выдавались изъ ученической библиотеки. При этомъ надо замѣтить, что ученики, получившiе хотя одну двойку въ недѣлю, лишались права на чтенiе. Мысль открытiя передвижной библиотеки принадлежала ученику четвертаго класса, П—ову. Мы все откликнулись и охотно сдѣлали добровольные взносы: кто двадцать копеекъ, кто гривенникъ, иные и по рублю. И что это былъ за винигретъ — каталогъ нашей библиотеки! Тутъ былъ и Пушкинъ и «Кiевская вѣдьма, или Ночь

на Днѣпрѣ», «Морозъ—красный носъ» Некрасова и «Атаманъ Буря», и знаменитая «Магометанка, умирающая на гробѣ мужа». Любимыми книгами были: «Юрій Милославскій» и «Таинственный монахъ». Изъ-за этихъ книгъ мы въ буквальномъ смыслѣ дрались, и разъ въ этой дракѣ чувствительно пострадалъ романъ Р. Зотова.

Существованіе бібліотеки было открыто начальствомъ совершенно случайно. Разъ одинъ изъ абонентовъ во время урока естественной исторіи читалъ романъ «Онъ и она», принадлежащій перу Воскресенскаго. Учитель поймалъ и взялъ книгу.

— Откуда она у васъ?—спросилъ учитель.

— Изъ нашей бібліотеки.

— Изъ ученической?—удивился педагогъ.

— Нѣтъ... изъ нашей... вотъ у него,—указалъ оробѣвшій подписчикъ на товарища, который былъ агентомъ читальни въ нашемъ классѣ.

Опять «слѣдствіе», въ ящикѣ стола бібліотекаря найдено еще нѣсколько книгъ, и всѣ конфискованы (попали въ домашнюю бібліотеку педагога).

Я въ это время усердно читалъ Кольцова, Никитина и Пушкина. Познакомившись съ воспитанникомъ вологодской семинаріи, М. М. Куклинымъ (теперь учитель и авторъ нѣсколькихъ учебниковъ и очень хорошихъ рассказовъ для дѣтей), писавшимъ стихи, я также началъ прилежно упражняться въ стихописаніи, подражая Пушкину, Никитину и самому М. Куклину. Я написалъ свою поэмю «Цыгане», посѣтивъ для этой цѣли таборъ, расположенный вблизи Вологды; написалъ «Кавказскаго плѣнника». Я такъ усердно писалъ стихи, что забросилъ совсѣмъ уроки, разстроилъ здоровье позднимъ сидѣніемъ по ночамъ и остался на второй годъ въ томъ же классѣ.

Я позволю себѣ еще нѣсколько остановиться на М. М. Куклинѣ и знакомствѣ съ нимъ.

Онъ творилъ лѣтомъ, весною и осенью, въ мансардѣ, на чердакѣ, а зимою забирался въ баню, гдѣ писалъ огромныя сочиненія на разныя головоломныя темы по герменевтикѣ и другимъ предметамъ семинарскаго курса. Мы съ нимъ забирались на банный полкъ, или на печку въ кухнѣ, и здѣсь онъ знакомилъ меня съ литературой, читалъ мнѣ Лермонтова, отцовъ церкви, развивалъ свои взгляды на жизнь. Наши бесѣды часто прерывались появленіемъ жены брата М. М., которая заставляла одного «поэта» качать зыбку, а другаго прогоняла домой. Бывали случаи, что я нячился съ дѣтьми, а М. М. шелъ писать сочиненія. Въ началѣ іюня М. М. уѣзжалъ на родину, въ Никольскій уѣздъ. Отправка десятка лодокъ бурсаковъ сопровождалась шумнымъ праздникомъ. За нѣсколько дней до отплытія ѣздили на лодкахъ за городъ для смоленія этихъ лодокъ. Устроивался пиръ, который часто кончался

«маленькой войной» съ солдатами таможни, такъ какъ бурсаки обыкновенно расхищали казенныя дрова для пожоговъ. Эти походы дали мнѣ матеріалъ для поэмы «Бурсацкіе походы». Я только что начитался Гоголя и изобразилъ семинаристовъ въ видѣ запорожцевъ. М. М. былъ представленъ Бульбой. Благодаря М. М. Кулину, который былъ старше меня лѣтъ на десять или двѣнадцать, я познакомился съ Жуковскимъ, Батюшковымъ, Дельвигомъ, Полежаевымъ, Писемскимъ и началъ недурно писать сочиненія. Потомъ М. М. репетировалъ меня по латинскому языку, но тутъ зачастую учитель становился втупикъ наравнѣ съ ученикомъ. У Кулина же я нашелъ поэму мѣстнаго стихотворца В. Сир—ина. В. Сир—инъ кончилъ семинарію и сдѣлался священникомъ. Но онъ не былъ призванъ къ этой роли, его тянуло въ даль, его охватила жажда путешествовать. Но какъ же достичь того, чтобы посмотрѣть дальнія страны, когда и должность, и средства матеріальныя являлись помѣхой. Тогда поэтъ-священникъ подалъ прошеніе въ стихахъ на имя одного высокопоставленнаго лица, отъ котораго могло зависѣть опредѣленіе В. С. въ священники флота. В. С. писалъ прекраснымъ стихомъ, и блески юмора, а нерѣдко и аттическая соль, дѣлали его стихи еще болѣе интересными. Они, какъ слышно, понравились сановнику, но онъ нашелъ, что не въ рясахъ удобно такъ писать. Однако, В. С. получилъ небольшое пособіе. Вскорѣ онъ разстригся и поступилъ на частную службу. Его поэма «Долгоносые», полная ѣдкой сатиры, написанная сжатымъ, колоритнымъ языкомъ, хотя и не чуждая памфлета, изобилующая фотографіями, производила въ 1860-хъ годахъ сенсацию въ Вологдѣ, особенно среди молодежи. «Задѣтые» ругали автора на чемъ свѣтъ стоитъ. Сколокъ съ Дантова «Ада», но отмѣченная оригинальностью, поэма В. С. несомнѣнно свидѣтельствовала о здоровомъ талантѣ автора. Но дитя переходной эпохи, капризомъ судьбы попавъ не на свое мѣсто, онъ погибъ, поддавшись тому пороку, который стубилъ не мало даровитыхъ русскихъ людей. Изъ печатныхъ стихотвореній В. С—ина можно указать всего два-три, которыя только не дурны. Поэму «Долгоносые» отлично умѣлъ читать М. И. Левитскій, учитель духовнаго училища, молодой человекъ, также съ задатками литературнаго дарованія. Его рассказъ «Женитьба семинариста» мѣстами напоминалъ Гоголевскую манеру и его юморъ. Левитскій умеръ 27-ми лѣтъ отъ скоротечной чахотки; всѣ его рукописи куда-то исчезли. Я не знаю, было ли еще что нибудь цѣнное, но положительно жаль, что пропалъ рассказъ «Женитьба семинариста». Будучи напечатаннымъ, онъ навѣрное обратилъ бы на себя вниманіе.

Находясь въ пятомъ классѣ, я познакомился и сблизился съ В. Осиповымъ, кончавшимъ гимназію. «Послѣдователь» Писарева и Добролюбова, онъ имѣлъ на меня большое вліяніе. Я бросилъ стихи и принялся читать серьезные книги. Прежде всего Осиповъ далъ

мнѣ Тургеневскихъ «Отцовъ и дѣтей» и статью Писарева объ этомъ романѣ. Я все «проглотилъ».

— Пожалуйста, — сказалъ Осиповъ: — брось эту чепуху: Пушкина, Лермонтова, а читай Некрасова, а еще лучше прочти Бокля, Льюиса и Молешота. Впрочемъ, можетъ быть, тебѣ нравятся болѣе «отцы»?

Я съ увлеченіемъ воскликнулъ, что я на сторонѣ «дѣтей».

— Пусть же Базаровъ и вообще мыслящій реалистъ будетъ тебѣ идеаломъ, — сказалъ Осиповъ.

Пушкинъ заброшень. «Желѣзная дорога» Некрасова выучена наизусть. «Мы—мыслящіе реалисты», — эта фраза сдѣлалась моею любимой фразой. Я записался въ публичную бібліотеку Ф. А. Арсеньева (автора прекрасной книги: «Охотничьи рассказы» и многихъ серьезныхъ изслѣдованій по этнографіи сѣвернаго края), который въ то время служилъ секретаремъ вологодскаго статистическаго комитета. Человѣкъ очень образованный, талантливый и либеральный, онъ оказывалъ не мало услугъ молодежи, давая ей возможность читать на льготныхъ условіяхъ и безъ залога. Библіотекаремъ служилъ нѣкто Лахминъ—самоучка, разившійся на чтеніи и обладавшій феноменальной памятью. Бывало, спросишь о самой ничтожной замѣткѣ: онъ называетъ журналъ, годъ, №. Самъ ярый послѣдователь Писарева и поклонникъ «Русскаго Слова», К. А. Лахминъ ворчалъ, если молодые люди брали «чепуху», и рекомендовалъ «хорошія книжки».

Когда я подписался, онъ сурово спросилъ меня:

— Что возьмете?

— Позвольте мнѣ «Физиологію обыденной жизни» Льюиса, — сказалъ я.

Ее читали. Я спросилъ Бокля. Онъ оказался свободнымъ.

— Это хорошо, что вы берете дѣльные книги, — сказалъ Лахминъ и сразу почувствовалъ ко мнѣ расположеніе.

Оно выражалось дальше тѣмъ, что я получалъ раньше другихъ новыя книжки «хорошихъ» журналовъ и «дѣльные книги». По рекомендаціи Лахмина я прочелъ Чернышевскаго, Мидля и «Критическіе этюды» Бибикова. По рекомендаціи же Лахмина я прочелъ «Бѣсовское наважденіе» Н. Ѳедоровича. Эта повѣсть изъ вологодской жизни яркими красками, мѣтко очерчивала «либеральное движеніе» и осмѣивала съ одной стороны заскоружлыхъ консерваторовъ, а съ другой и «мельхиоровыхъ» прогрессистовъ. Кажется, не было въ Вологдѣ ни одного грамотнаго человѣка, который не читалъ бы этой повѣсти. Въ бібліотекѣ превратились, наконецъ, въ какую-то труху экземпляры повѣсти, вырѣзанной изъ «Русскаго Слова». Я читалъ повѣсть уже тогда, когда «буря въ стаканѣ воды» поутихла. Но въ годъ появленія повѣсти въ журналѣ она составила «событіе». Авторъ перенесъ не мало непріятностей. Н. Ѳедо-

ровичъ—псевдонимъ Н. О. Бунакова, который скоро оставилъ со-всѣмъ беллетристическую дѣятельность и посвятилъ всѣ силы педагогикѣ, создавъ себѣ крупное и почетное имя. Помимо «Бѣсовскаго наважденія» Н. О. написаны: «Женскія немощи» въ «Русскомъ Словѣ» и нѣсколько рассказовъ въ «Эпохѣ», «Вѣкѣ», «Свѣточѣ» и «Библиотекѣ для Чтенія». Всѣ они отмѣчены печатью несомнѣннаго дарованія и показываютъ въ авторѣ серьезное изученіе быта и способность писать изящно и колоритно.

Съ Осиповымъ сближеніе росло, и, по мѣрѣ сближенія съ нимъ, я удалялся отъ М. М. Куклина, который находилъ преждевременнымъ для меня чтеніе Добролюбова и Милля.

— Вѣдь ты же ничего не понимаешь, все равно,—говорилъ онъ.

Я сердился, обижался и старался доказать, что «все отлично» понимаю.

— А Пушкина хорошо не знаешь!

— И не надо. Это—дребедень. Это по зубамъ «отцамъ», а мы, молодое поколѣніе, должны... и т. д., и т. д.

Однако, это не мѣшало мнѣ увлекаться порою поэзіей творца «Полтавы», но я «ловилъ» себя на такомъ «грѣхѣ» и оставлялъ чтеніе.

Какъ-то великимъ постомъ я зашелъ къ Осипову. Онъ пилъ чай съ молокомъ и ѣлъ колбасу.

— Хочешь чаю?—предложилъ онъ.

— Налей.

— Съ молокомъ, или, можетъ быть, ты посты соблюдаешь?

— Да... нѣтъ... все равно...

Я дѣйствительно постился, потому что я былъ воспитанъ въ очень религіозномъ духѣ, и наша семья постилась строго, даже по средамъ и пятницамъ. Мнѣ было и неловко какъ-то нарушить постъ и въ то же время стыдно Осипова. Последнее чувство, однако, побѣдило, и я сталъ пить чай съ молокомъ. Но, какъ теперь помню, придя домой, я долго молился и каялся. А тамъ опять «нарушилъ постъ», и кончилось все тѣмъ, что я призналъ «постъ — вообще чепухой».

Семинаристы начали издавать рукописный журналъ.

Узнавъ про это, гимназисты рѣшили также издавать журналъ.

Сначала предполагалось издавать его съ разрѣшенія гимназическаго начальства и просить одного изъ учителей редактировать журналъ. Цѣль формулирована ясно: саморазвитіе, разборъ произведеній литературы и знакомство съ ними, приученіе излагать мысли въ хорошей литературной формѣ.

Но эта мысль не встрѣтила поддержки и сочувствія со стороны педагоговъ, а одинъ изъ нихъ сказалъ прямо:

— Дурь! Учебники надо учить, а не изучать литературу! Саморазвитіе! Болваны!

Тогда было рѣшено издавать журналъ тайно, какъ это дѣлали и семинаристы, боясь «своихъ отцовъ».

Я примкнулъ къ кружку и къ журналу въ качествѣ сотрудника. Меня очень заняла таинственность, съ которой велось дѣло и съ которой мы собирались по субботамъ у того или другаго изъ членовъ кружка. Это были—наши сходки, на которыя мы собирались, словно заговорщики, обманывая родныхъ, и въ простотѣ души мнили себя тою «молодою силою», которая все современемъ измѣнитъ: и взгляды и понятія общества. На сходкахъ мы вообще читали, разсуждали, вырабатывая программу жизни. Главенствовали: Осиповъ и Л—овъ, бывшіе воспитанники гимназіи. На этихъ же собраніяхъ мы прочитывали статьи, поступавшія для журнала, который назывался «Тѣсный Кружокъ». Много было смѣшного, дѣтскаго, даже прямо нелѣпаго въ нашихъ разсужденіяхъ и писаніяхъ, но зато было что-то и свѣтлое, хорошее, что спасало насъ отъ кутежей и предосудительныхъ развлеченій, которымъ предавались многіе изъ товарищей, не принимавшихъ участія въ нашемъ дѣлѣ и звавшихъ насъ насмѣшливо «монахами Писаревского толка». Несомнѣнно одно, что «эти монахи» были дѣйствительно чисты сердцемъ, настроены возвышенно и не гонялись за проститутками, какъ другіе пятнадцати и шестнадцати-лѣтніе «кирсановцы», какъ мы звали ихъ.

Я сильно увлекся журналомъ, писалъ въ немъ критическія статьи, разносилъ Пушкина, Державина и восхвалялъ Оммулевскаго, романы Н. Бажина и доказывалъ, что надо жить такъ, какъ ригористъ Рахметовъ. Кромѣ этого, я писалъ для журнала рассказы, компіляціи и стихи, но уже идейные, гражданскаго характера. Особенно всѣмъ понравилось мое стихотвореніе о женщинѣ, кончавшееся такъ:

Да, ты не самка, не раба,
Твоя позорная судьба
Теперь на вѣки миновала,
Ты гражданкой свободной стала!

Также фуроръ производило стихотвореніе «Наборъ», оканчивавшееся слѣдующими строками:

И попалъ я на барина жирнаго,
Съ такимъ видомъ сидѣлъ на скамьѣ,
Словно вся сила царства обширнаго
Заклучалася въ этой свиньѣ.

Всѣ знали, что баринъ этотъ нѣкто Н., заядлый крѣпостникъ и ретроградъ, когда-то желѣзными горячими клещами щипавшій лакеевъ, тогда какъ его жена всаживала по головку булавки въ тѣло горничныхъ.

Скоро между двумя журналами возникла полемика. Я написалъ рядъ статей, озаглавивъ ихъ «Полемическія красоты семинарской

камчатки». Сознаюсь, «невольники герменевтики» (моя шпилька) по части полемики побѣдили «золотушнаго барченка» (шпилька противниковъ по моему адресу).

Когда первые основатели «Гѣснаго Кружка» покинули провинцію и уѣхали въ столицы для поступленія въ высшія заведенія, я сталъ во главѣ журнала, переименовавъ его въ «Нашу Мысль», и въ качествѣ издателя-редактора началъ на половину наполнять его своими произведеніями. Тогда я впервые написалъ повѣсть «На новыхъ началахъ» во вкусѣ повѣстей «Русскаго Слова». Эта повѣсть имѣла успѣхъ среди молодежи и придала мнѣ энергіи. Между тѣмъ въ кружкѣ начался расколъ и, кромѣ того, въ городѣ стали циркулировать нелѣпые слухи о нашемъ журналѣ. Мы имѣли основаніе ожидать для себя большихъ неприяностей.

Изданіе «Нашей Мысли», получившей въ городѣ довольно широкое распространеніе, поневолѣ прекратилось. Между тѣмъ, я написалъ новую повѣсть «Она хочетъ учиться». Гдѣ помѣститъ ее?

— Пошли ее въ какойнибудь маленькій журналъ,—посоветовалъ мнѣ пріятель.

Я выбралъ скромный «Сынъ Отечества». Но я не получилъ никакого отвѣта, не смотря на то, что послалъ на рубль марокъ, прося возврата рукописи.

Въ это время я написалъ три стихотворенія и послалъ ихъ извѣстному автору «Историческихъ писемъ», который жилъ въ Кадниковѣ, уѣздномъ городѣ Вологодской губерніи. Я не былъ знакомъ съ публицистомъ-философомъ, постояннымъ сотрудникомъ Некрасовскихъ «Отечественныхъ Записокъ», но слышалъ, что онъ человѣкъ любезный и хорошо относится къ молодежи.

Онъ отвѣтилъ скоро; письмо было длинное, любезное. Его содержаніе можно резюмировать такъ: «по идеѣ стихи хороши, но техника слаба, и печататься, вообще, еще рано. Но дарованіе есть, и надо продолжать работать. Что напишите, пошлите мнѣ, я посмотрю и скажу правду. Больше читайте».

Я принялся за чтеніе и продолжалъ усердно изводить бумагу. Этому не мѣшали ни разъѣзды, ни обязанности домашняго учителя. Но ученый писатель скоро покинулъ Россію. Уже дѣло прошлое, и я думаю, можно рассказать одинъ курьезный фактъ, относящійся къ неожиданному исчезновенію философа. Этотъ отъѣздъ надѣлалъ сильный переполохъ въ уѣздѣ и даже въ самой Вологдѣ. У насъ жилъ «нахлѣбникомъ» одинъ юноша, кончавшій гимназію, по фамиліи В. Онъ былъ большой «радикалъ», мечталъ о великой дѣятельности и старался казаться безстрашнымъ бойцомъ за «свѣтлые идеалы». Когда совершился фактъ, надѣлавшій переполоху, В. страшно испугался.

— Ты ему писалъ, я у него разъ былъ... конечно!

И цѣлыя двѣ недѣли, пока все не утихло, В., ложась спать, клалъ возлѣ себя латинскій словарь и библію.

— Если нагрянуть, — говорил онъ: — увидятъ, что я не того: классикъ и религиозный человѣкъ.

Мы долго смѣялись надъ нимъ по этому поводу.

Заговоривъ объ авторѣ «Историческихъ писемъ», упомяну за одно о покойномъ Н. В. Шелгуновѣ, жившемъ въ Вологдѣ. Какъ постоянный сотрудникъ «Русскаго Слова», а затѣмъ «Дѣла», онъ пользовался громадной популярностью среди молодого поколѣнія. Его статьи всегда читались и на нашихъ «субботникахъ» и вызывали горячіе споры. Мнѣ Н. В. казался такимъ яркимъ врагомъ поэзіи, что я не рѣшился обратиться къ нему за совѣтомъ, хотя всѣ хорошо отзывались о немъ.

Случай столкнулъ меня съ нимъ. Въ Вологдѣ одно время существовало ремесленное училище, куда приходили учиться послѣ классовъ гимназисты и ученики другихъ школъ. Училище принимало и частные заказы. Я работалъ въ переплетномъ отдѣленіи. Разъ, фальцуя книгу, я вдругъ услышалъ страшный крикъ въ столярномъ классѣ. Движимый любопытствомъ, я пошелъ посмотреть, въ чемъ дѣло. Посреди комнаты стоялъ Николай Васильевичъ и распекалъ мастера.

— Это нечестно, — кричалъ онъ: — вы, все равно, что украли деньги, если такъ скверно выполнили заказъ. Работа никуда не годится.

Онъ говорилъ все рѣзче и рѣзче, страшно волнуясь. Мастеръ только что-то невнятно мычалъ.

Наконецъ Н. В. стихъ, бросилъ пять рублей на верстакъ и промолвилъ:

— Возьмите ваши деньги.

Онъ подчеркнул слово ваши и пошелъ къ выходу.

Мастеръ взялъ кредитку, пренебрежительно улыбаясь.

Когда Шелгуновъ вышелъ за двери, столяръ промолвилъ вполголоса:

— Ишь, раскричался, точно и не вѣсть кто. Сочинитель! Поднадзорный!

Это меня взорвало. Я заступился за Шелгунова и накинулся на мастера, начавъ его укорять.

Я еще не кончилъ, какъ входная дверь отворилась, и въ комнату вошелъ снова Шелгуновъ.

Онъ подошелъ къ столяру и, мягко улыбаясь, протянулъ ему руку:

— Не сердитесь, если я обидѣлъ васъ, простите; я погорячился!

Столяръ былъ озадаченъ, смутился и, не подавая руки, конфузливо произнесъ:

— Помилуйте, Николай Васильевичъ... что же... я точно виновать... поторопился и испакостилъ вещь. Но я... поправлю... на слѣдующей же недѣлѣ я сдѣлаю новую, ей-Богу-съ!

— Ну, и отлично! Дайте же вашу руку!—сказаль Шелгуновъ. Столяръ несмѣло подаль свою. Николай Васильевичъ пожалъ ее.

— А вотъ и деньги-съ,—началь мастеръ.

— Какія деньги? Оставьте ихъ у себя.. сочтемся.

Когда Шелгуновъ ушелъ, столяръ молчалъ нѣсколько мгновений, смотря въ сторону.

— Ну, и баринъ!—промолвилъ онъ тихо.

— Что? Хорошій вѣдь?—воскликнулъ я восторженно.

— Душа—баринъ!

— А вы еще...

— Да зло взяло... ну, и сказалъ... а вамъ что надо?—вдругъ сердито обратился онъ ко мнѣ.—Вы изъ переплетнаго?

— Да.

— Такъ и нечего вамъ здѣсь дѣлать... мѣшаете.

— Но никого нѣтъ.

— Все единственно. Уходите!

Столяръ поправиль свою ошибку и съ этого времени не иначе отзывался о Н. В., какъ о «золотомъ баринѣ».

Вторично я столкнулся съ Шелгуновымъ въ библиотекѣ. Онъ пришелъ за книгой, которую мнѣ только что выдали.

— Ахъ, какъ жалъ! Мнѣ надо очень ее... на день всего!

Я сейчасъ же предложилъ ему книгу.

Онъ былъ очень благодаренъ. Мы вмѣстѣ вышли изъ библиотеки. Дорогою онъ разспрашивалъ о гимназiи, о товарищахъ, совѣтовалъ серьезно учиться, не читать безсистемно и, узнавъ, что я работаю въ переплетной, посовѣтовалъ перейти въ столярное отдѣленіе.

— Это полезнѣе,—сказаль онъ.

Я такъ и сдѣлалъ.

Для характеристики доброты покойнаго публициста замѣчу, что онъ не разъ помогаль бѣднымъ ученикамъ, содержаль цѣлую бѣдную семью и буквально спасъ одну дѣвушку отъ паденія, давши ей возможность пережить двухъ-мѣсячную безработицу. Онъ такъ щедро платиль за переписку (семьдесятъ пять копеекъ съ листа), что отъ желающихъ не было отбоя.

Скоро Шелгунова перевели въ Калугу.

Осенью 1870 года, я познакомился съ Одинцовымъ, служившимъ въ земствѣ. Это былъ человекъ очень образованный, либераль въ хорошемъ смыслѣ слова. Онъ корреспондироваль въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» Корша, что поднимало его въ глазахъ молодежи, любившей «С.-Петербургскія Вѣдомости» («Голосъ» тогда совѣмъ не пользовался сочувствіемъ). Одинцовъ въ первую же встрѣчу сказалъ мнѣ:

— Стихи и повѣсти пишете, если есть влеченіе, но не посылайте ихъ. Но вы и теперь можете быть полезнымъ родинѣ.

Будьте корреспондентомъ. Честный корреспондентъ—полезная сила. Стойте на стражѣ общественныхъ интересовъ, служите одной правдѣ, безтрепетно бичуйте все, что заслуживаетъ этого, обличайте людей наживы, эксплуататоровъ, будите спящихъ... вы молоды, горячи, владѣете перомъ, вы можете быть хорошимъ корреспондентомъ. А тамъ будетъ видно. Но пока будьте пѣтухомъ, поющимъ на зарѣ, мѣшающимъ спать болоту.

Эти слова произвели на меня глубокое впечатлѣніе. Роль «пѣтуха, будящаго болото», мнѣ показалась заманчивой. И я написалъ первую корреспонденцію, избравши темой педагогическіе курсы и ремесленное училище. Корреспонденція вышла обстоятельная. Я послалъ ее въ «Русскую Лѣтопись», издаваемую въ Москвѣ гг. Неручевымъ и Щепкинымъ, и подписался подъ статьей «А. Бишелевскій». Я не требовалъ гонорара, а лишь просилъ высылать газету.

Около мѣсяца не было отвѣта. Но вотъ пришло письмо отъ одного изъ редакторовъ. Корреспонденція принята. Просить писать. Обѣщано платить. Еще недѣля—приходитъ номеръ съ моею корреспонденціею. Подъ ней стояло А. Бишелевскій, но я читалъ: А. Кругловъ, и мнѣ казалось, что всѣмъ извѣстно, кто такой Бишелевскій. Это меня радовало и пугало. Пугало потому, что корреспонденція была рѣзкая и зло осмѣивала педагогическіе курсы. Но радость пересилила испугъ, и я гордо объявилъ знакомымъ, что Бишелевскій—это я. Одинцову статья понравилась. Я послалъ вторую корреспонденцію экономического характера. Ее тоже помѣстили, но денегъ и не думали мнѣ посылать. Да это меня и не тревожило. Я писалъ не ради денегъ. Во мнѣ была сильная жажда борьбы путемъ печатнаго слова.

Зимой же 1870 года, я написалъ сатирической разсказъ «Рокое слово», гдѣ фабула не выдумана; я описалъ фактъ. По совѣту Одинцова, я послалъ разсказъ въ «Искру», возобновленную В. С. Курочкинымъ.

— Назначьте гонораръ,—сказалъ Одинцовъ.

Но я не назначилъ, а предоставилъ его на усмотрѣніе редакціи. Торговаться съ Курочкинымъ—да это я считалъ преступленіемъ!

Я съ замираніемъ сердца сдалъ пакетъ на почту.

Приемщикъ прочиталъ адресъ и промолвилъ съ улыбкою:

— Обличаете насъ!

— Нѣтъ, это не то,—смущенно сказалъ я.

— Знаемъ-съ. Ахъ, вы—сочинитель!

Я покраснѣлъ до корней волосъ, словно меня назвали воромъ, или негодяемъ. Но когда я вышелъ изъ конторы, мнѣ сдѣлалось досадно: зачѣмъ я не оборвалъ чиновника.

Мнѣ пришлось опять ждать около мѣсяца. Я уже рѣшилъ, что разсказа не приняли, и не будетъ отвѣта, какъ вдругъ пришло письмо изъ редакціи «Искры» — такъ значилось на конвертѣ.

Это, какъ теперь помню, было въ праздникъ. Письмо мнѣ подала нянька. Я позволю себѣ сказать два слова о ней. Такихъ нянь теперь уже мало. Типъ прежней няни вымираетъ, если не вымеръ. Это — не наемникъ, мѣняющій мѣста каждый мѣсяцъ, готовый продать «хозяевъ» за грошъ. Прежняя няня была членомъ семьи, второй матерью. Она, какъ своихъ дѣтей, любила выводишей; они больны, и она страдаетъ вмѣстѣ съ ихъ матерью. Дѣти выростутъ, и она продолжаетъ жить ихъ горемъ, ихъ радостью. Они держатъ экзамень — она безпокоится. Ихъ интересы — ея интересы. Такова была и моя няня, вынянчившая не только меня, но и моихъ сестеръ. Моей старшей сестрѣ теперь уже за пятьдесятъ лѣтъ, няня жива. Ей — подѣ 80. Я ее всегда любилъ, пожалуй, не меньше матери. Она знала много сказокъ, былинь, которыя и разсказывала мнѣ въ длинные зимніе вечера. У нея былъ въ молодости недурной голосъ, который современемъ пострадалъ отъ болѣзни, но она, всетаки, очень хорошо пѣла русскія пѣсни. За сердце брало и плакать хотѣлось. Послѣ 19-го февраля 1861 года няня осталась жить у насъ уже въ качествѣ родной. Одна барыня сманивала ее за границу, и она чуть было не уѣхала, плѣняясь большимъ жалованьемъ. «Годика три поживу хоть», — говорила она. Но ей стало жаль меня, и она не уѣхала.

Къ моимъ «писаніямъ» она относилась недружелюбно. Она была недовольна, что я поздно ложусь и все за столомъ корплю.

— Лучше бы гулялъ, а то все за книжкой, ишь зеленый какой. И бумагу изводишь, а какой прокъ?

— Буду потомъ деньги получать, — возражалъ я.

— Жди... кто это тебѣ дастъ за твое маранье? Не должность какая. Не казенныя бумаги...

Здѣсь, кстати сказать, что хотя по социальному положенію я и принадлежалъ къ дворянству, но укладъ нашей семейной жизни носилъ почти мѣщанскій характеръ. Мой родной дѣдъ, бывшій вице-губернаторомъ и начавшій службу при Екатеринѣ II съ канцеляриста, свое образованіе ограничилъ обученіемъ у дьячка; другой дѣдъ — русскій Лекокъ — дослужился тоже до крупнаго чина, едва умѣя подписывать фамилію. Оба они не только ничего не читали, но не любили чтенія и не любили, когда читали окружающіе. Газету мой родной дѣдъ называлъ «глупостью» и просматривалъ только официальный отдѣлъ «Губернскихъ Вѣдомостей» и то рѣдко. Онъ даже и духовныхъ книгъ не любилъ, на что падки всѣ мѣщане и купцы. Моя мать, равно какъ и остальные ея сестры, получила очень ограниченное образованіе. Но она любила чтеніе; любовь къ книгѣ въ ней пробудилъ мой отецъ,

который былъ человѣкомъ очень развитымъ и любилъ шумную общественную жизнь. Онъ хотѣлъ видѣть въ женѣ болѣе или мѣнѣ свѣтскую и начитанную женщину. Но его смерть такъ повлияла на мать (она даже помѣшалась на время), что она вся отдалась религіи и читала преимущественно только книги духовнаго содержанія. Она видѣла въ танцахъ грѣхъ, музыки не любила (сама не играла), театръ для нея не существовалъ. У меня былъ въ дѣтствѣ недурной голосъ, но она не позволила мнѣ поступить въ школьный хоръ. Я хотѣлъ учиться музыкѣ, но этому воспротивились всѣ родные: «для чего, моль, мальчику музыка? Трата денегъ пустая. Кончить, будетъ служить—и отлично. Музыка только отвлечетъ отъ ученя». Обѣ мои сестры, получившія тоже только домашнее образованіе, считались въ городѣ лучшими танцовками. Но меня онѣ не хотѣли учить, говоря: «успѣешь потомъ». А когда я достигъ шестнадцатилѣтняго возраста, я отказался отъ «пляски» изъ-за принципа. Къ моимъ писаніямъ родные относились индифферентно, скорѣе недружелюбно, не видя въ этомъ пользы. Мать желала одного: чтобы я пошелъ, какъ и отецъ, по «ученой» части, то-есть служилъ бы въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Въ такой средѣ, конечно, всякіе задатки таланта должны были глхнуть, и только случайность помогла мнѣ спасти мое скромное дарованіе. А между тѣмъ нашъ родъ, такъ сказать, не обдѣленъ даровитыми людьми. Мой отецъ писалъ стихи, ученныя статьи и былъ выдающимся губерньскимъ математикомъ. Одна тетка писала также стихи и, нигдѣ не учась музыкѣ, по слуху, на рояли разыгрывала цѣлыя пьесы. Другая—очень недурной живописецъ-самоучка. Третья (умершая, какъ и первая) писала даже повѣсти, хотя ихъ и не печатала. Поползновеніе на поэтическое творчество было и у младшей моей сестры, которая рассказывала мнѣ, ребенку, множество сказокъ собственнаго сочиненія. Одну изъ нихъ, «Гундебку», во вкусѣ Гофмана, я помню вѣскольکو и теперѣ.

Возвращаюсь къ письму изъ «Искры».

Писалъ мнѣ не Василій Степановичъ Курочкинъ, а нѣкто Леонтьевъ, бывшій отвѣтственнымъ редакторомъ. Онъ увѣдомлялъ, что рассказъ «Роковое слово» принять и очень понравился редакціи, которая назначаетъ мнѣ гонораръ—четыре копейки со строчки. На этомъ условіи можете,—писалъ Леонтьевъ,—работать и впредь. «Искру» будутъ посылать gratis, если будетъ дано еще что нибудь въ этомъ году.

Я былъ счастливъ и подѣлился своимъ счастіемъ съ няней, которая слѣдила все время за мной, пока я читалъ письмо.

— И не врешь?—сказала она.—не смѣешься надъ старухой?

— Видишь, пишутъ.

— Да вѣдь я не прочту, скажи что угодно.

— Спроси сестру, я ей дамъ прочесть¹⁾.

— Ну, ладно, ладно. Тогда ты больше пиши. Покрайности подсобіе будетъ матери, и себя одѣнешь. А, всетаки, служить лучше: чины, да и дѣло серьезное, а это что: марање только.

Но съ этого дня она стала снисходительнѣе смотрѣть на мои писанія.

«Роковое слово» было помѣщено въ первомъ номерѣ «Искры» за 1871 годъ. Разсказъ произвелъ сенсацію въ городѣ и хотя былъ подписанъ «Глуновскій Обыватель», но всѣ узнали меня. Впрочемъ, я и не скрывался. Товарищи меня признали за настоящаго литератора. Особенно понравился разсказъ моему другу — земскому фельдшеру А. Н. Николаеву, о которомъ я не могу не упомянуть здѣсь, такъ какъ онъ являлся выдающимся человѣкомъ въ своей средѣ. Человѣкъ высокаго ума, большой энергіи, начитанный, стремившійся къ служенію на общее благо, онъ рѣзко выдавался среди товарищей и пользовался большою популярностью въ народѣ. Онъ зналъ больше земскаго врача г. П. и лечилъ лучше его. Онъ выписывалъ много журналовъ, газетъ, книгъ, и я чуть не черезъ день пѣшкомъ ходилъ къ нему, хотя онъ жилъ въ шести верстахъ отъ города, въ селѣ Прилуки. Мы вмѣстѣ читали, спорили, оба горячились и, если я оставался ночевать, то засыпали не раньше пяти-шести часовъ утра. Его потомъ перевели въ село Новленское за пятьдесятъ верстъ отъ Вологды, благодаря злобѣ врача П. Но энергія не оставляла Николаева, и онъ продолжалъ борьбу съ врачомъ, узкимъ эгоистомъ и невѣждой, и съ управой, державшей руку врача. Потомъ Николаевъ куда-то уѣхалъ, и съ переѣздомъ моимъ въ С.-Петербургъ я уже потерялъ его изъ виду. Я обязанъ ему однимъ: онъ подаль мнѣ мысль поѣздить по деревнямъ и поприсмотреть къ положенію школьнаго дѣла и быту учителей и учительницъ. Впослѣдствіи я и сдѣлалъ это.

Однако, я забѣгаю впередъ.

Я послалъ нѣсколько мелкихъ вещей въ «Искру», все было напечатано, но денегъ редакція и не думала высылать. Она такъ и не выслала ихъ. Я писалъ послѣ прекращенія журнала, но отвѣта не получилъ. Встрѣтившись въ 1874 году съ В. С. Курочкинымъ въ С.-Петербургѣ, на дачѣ въ Шарголовѣ, и разговорившись съ нимъ объ «Искрѣ», я разсказалъ и о письмѣ Леонтьева, и о томъ, что онъ обѣщалъ, но денегъ не выслалъ. В. С. только махнулъ рукою.

— Не вамъ одному,—сказалъ онъ и предложилъ мнѣ получить теперь съ него.

Я, конечно, отказался.

¹⁾ Одна сестра моя была замужемъ и въ то время жила вѣд Вологды.

У одного пріятеля я увидѣлъ «Недѣлю». Она мнѣ понравилась, и я послалъ въ нее нѣсколько корреспонденцій. Онѣ были помѣщены. Тогда я написалъ бытовой очеркъ «Вологодскія кружевницы». Вологда славится кружевами, и нѣтъ дома, гдѣ бы не плели кружевъ. Одна изъ моихъ сестеръ тоже плела. Я хорошо изучилъ бытъ кружевницъ, посѣтивъ болѣе ста работницъ, употребля на изученіе ихъ быта около полугода. Въ «Дѣлѣ» была ранѣе помѣщена о вологодскихъ кружевницахъ статья Шелгунова, котораго ввела въ заблужденіе одна интеллигентная кружевница (а онъ писалъ только на основаніи ея разсказовъ). Статья почтеннаго публициста была полна ошибокъ и невѣрностей. Чтобы возстановить истину, я и написалъ свою статью. Она появилась въ «Недѣлѣ», въ 1872 году, въ № 7. Но до отсылки въ «Недѣлю» я хотѣлъ отдать статью въ «Вологодскія Губернскія Вѣдомости». Нахожу далеко не лишнимъ познакомить читателя съ этой газетой, съ однимъ изъ ея редакторовъ и передать подробно мое объясненіе съ нимъ.

Когда-то «Вологодскія Губернскія Вѣдомости» велись очень недурно. Было и у нихъ свое золотое время. Въ нихъ много работали такія лица, какъ: Ф. А. Арсеньевъ, изслѣдователь сѣвернаго края, печатавшій свои статьи во многихъ столичныхъ изданіяхъ (между прочимъ, и въ «Древней и Новой Россіи») и составившій нѣсколько серьезныхъ книгъ по этнографіи; Ѡ. Н. Бергъ, теперешній издатель «Русскаго Вѣстника», Н. Ѡ. Бунаковъ, извѣстный педагогъ, въ молодости, какъ я уже сказалъ выше, писавшій повѣсти подъ именемъ Н. Ѡедоровича, Волковъ (беллетристъ и поэтъ), Поповъ—авторъ прекрасной книги: «Зыряне и Зырянскій край», И. Кокшаровъ, даровитый этнографъ. Въ это «золотое время» «Вологодскія Губернскія Вѣдомости» походили на нынѣшнія «Харьковскія Вѣдомости» и были очень распространены въ публикѣ. Волковъ, напримѣръ, писалъ прекрасные фельетоны изъ мѣстной жизни и давалъ бойкіе, живые театральные этюды. Это время совпало съ общимъ пробужденіемъ русскаго общества. Съ 1862 года «Вѣдомости» начинаютъ падать, и къ тому времени, когда я задумалъ въ нихъ помѣстить свой очеркъ, онѣ уже представляли изъ себя пустыню. Но я потому-то и понесъ туда статью, что мой пріятель Крыловъ (онъ блестяще кончилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ на факультетѣ восточныхъ языковъ и уже готовился занять кафедру профессора, какъ вдругъ увлекся одной барышней, женился, бросилъ подготовку и сдѣлался учителемъ въ какой-то гимназіи; онъ умеръ недавно въ чахоткѣ) совѣтывалъ мнѣ оживить «Вѣдомости». Въ дѣтской наивности я послушался Крылова и другихъ пріятелей (вообразившихъ, что я уже такой писатель, что могу повліять на редакцію и поставить дѣло на новую почву) и отправился къ редактору «Вологодскихъ Гу-

бернскихъ Вѣдомостей», столько же имѣвшему права на кресло редактора, какъ я теперь на кресло профессора китайскаго языка. Совсѣмъ неразвитой, недалекій, даже малограмотный, чиновникъ до мозга костей, г. N. былъ притчей во языцѣхъ. Особенную извѣстность онъ получилъ послѣ того, какъ смѣшалъ слова: ветеринаръ и ветеранъ, назвавъ въ одной статьѣ мѣстнаго генерала (по случаю юбилея) ветеринаромъ военнаго дѣла. Послѣ этого онъ такъ боялся иностранныхъ словъ, что выкидывалъ ихъ совсѣмъ изъ статей.

— Съ ними влетишь какъ разъ,—говорилъ онъ.

Разскажу еще одинъ курьезъ изъ его практики.

Какой-то учитель послалъ ему статью, гдѣ, описывая посидѣлки, шутливо сказалъ, что его положеніе было хуже губернаторскаго. N. зачеркнулъ послѣднюю фразу и написалъ свою: «положеніе было хуже гувернерскаго».

— Послушайте,—говорили ему:—да вѣдь это бессмыслица!

— Пустяки, зато не задѣтъ сановникъ, и я спокоенъ. Бессмыслица—это пустяки!

И вотъ я отправился къ этому редактору.

— А вы кто будете?—спросилъ онъ меня.

— Но я же вамъ сказалъ свою фамилію,—отвѣтилъ я.

— А чинъ?

— Я нигдѣ не служу.

— Напрасно! Разъ вы можете писать всякія глупости, потому что всѣ эти сочиненія—все же вздоръ-съ не болѣе, такъ отчего же вамъ не служить?

Я промолчалъ.

— Зайдите за отвѣтомъ черезъ недѣльку.

Я зашелъ.

— Не напечатаю.

— Почему?

— Не отрадныя факты-съ.

— Но они вѣрныя.

— Это пустяки. Дѣло не въ истинѣ, а въ спокойствіи. А такіе безотрадныя факты могутъ не понравиться его превосходительству. И притомъ вы упоминаете имя г. Шелгунова. Положимъ, вы его опровергаете, но, во-первыхъ, онъ все же отраднѣе смотреть, чѣмъ вы-съ, а, во-вторыхъ, г. Шелгуновъ состоялъ подъ надзоромъ,—какъ же его можно упоминать!

— Но вѣдь онъ же не Каракозовъ!—воскликнулъ я:—и я говорю о немъ, какъ о писателѣ. Онъ печатается въ «Дѣлѣ», а «Дѣло»—журналъ цензурный.

— Это пустяки! Мало ли что въ столицѣ бываетъ... тамъ иначе смотреть. Да и слогъ вашъ неудобенъ.

— Слогъ?—покраснѣлъ я.

— Да-съ... Онъ бойкій, живой, а въ казенномъ изданіи это неприлично. У насъ полагается писать степенно.

Я разсердился и, вмѣсто того, чтобы покорить редактора и забрать его въ руки (какъ предполагалось), я сказалъ ему дерзость, взялъ статью и ушелъ. Въ этотъ же день я ее отправилъ въ «Недѣлю» вмѣстѣ съ разсказомъ «Загубленная жизнь». Обѣ вещи появились одна за другою (№№ 7 и 8 «Недѣли», 1872 г.). Посылая статьи, я не просилъ гонорара, а лишь выразилъ желаніе получить «Недѣлю», но редакція «Недѣли» была столь обязательна и пуритански добросовѣстна, что немедленно выслала, кромѣ газеты, и гонораръ, заплативъ мнѣ по семи копеекъ за строчку.

Это былъ мой первый гонораръ.

Теперь уже няня окончательно признала, что въ моемъ писаньѣ есть прокъ.

Я былъ на верху блаженства. Еще бы: я сотрудникъ видной газеты, любимой молодежью, и эта газета платитъ мнѣ, да еще семь копеекъ за строчку! Это былъ настоящій праздникъ для меня. Праздникъ не потому, что я получилъ вообще деньги, а потому, что это были мои первыя деньги за литературные труды, потому что эти деньги какъ бы служили со стороны компетентныхъ лицъ признаніемъ цѣнности моего труда.

Встрѣтила меня одна знакомая дама, у которой обыкновенно собиралась молодежь, и, поздравляя съ «пріобщеніемъ къ литературному цеху», замѣтила мнѣ вдругъ:

— Вамъ здѣсь оставаться нечего. Среда засосеть. Поѣзжайте въ Петербургъ. Я напишу Ф., онъ васъ устроитъ.

Ф. «на томъ же положеніи», какъ и Шелгуновъ, одно время жилъ въ Вологдѣ, откуда онъ переѣхалъ на станцію Любань. Добрѣе человѣка едва ли можно встрѣтить. Его прямо называли человѣкомъ не отъ міра сего. Я его не зналъ лично, но много слышалъ о немъ и любилъ его, какъ писателя. Его книга «Положеніе рабочаго класса въ Россіи» считалась тогда настольной книгой. Я не знакомъ на столько съ предметомъ, чтобы отрицать или подтверждать данныя, которыми такъ богата книга. Но многіе критики прямо говорили, что эта книга полна гиперболъ, что на жизнь и быть рабочаго класса наложены неимовѣрно густыя краски. Можетъ быть, но я увѣренъ, что это произошло не преднамѣренно, или изъ самаго чистаго источника, изъ желанія задѣть за живое общественную мысль.

Мнѣ хотѣлось попасть въ Петербургъ. Раньше я хотѣлъ поступить въ Земледѣльческую Петровскую Академію, но разныя обстоятельства помѣшали мнѣ. Теперь я ухватился за предложеніе барыни, думая поступить въ университетъ вольнымъ слушателемъ.

Я согласился, и барыня на другой же день написала Ф.

И вотъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ я получилъ письмо отъ неизвѣстнаго мнѣ г. Соловьева, завѣдывавшаго редакціей «Сіянія». Онъ приглашалъ меня пріѣхать въ Петербургъ и поступить въ книжный магазинъ Турбы, издателя «Сіянія».

«Вы будете,—писалъ г. Соловьевъ,—вести иногороднюю корреспонденцію магазина и можете принимать участіе въ «Сіяніи».

Служба въ книжномъ магазинѣ меня не привлекала, но стоять близко къ редакціи «Сіянія» для меня показалось заманчивымъ. Я принялъ предложеніе. Денегъ на дорогу у меня не было, Соловьевъ не выслалъ. Я занялъ у Н. В. Купріяновой 50 рублей и отправился въ Петербургъ.

Два слова о Надеждѣ Васильевнѣ Купріяновой.

Она умерла въ 1878 году передъ самымъ окончаніемъ медицинскихъ курсовъ. Это была положительно выдающаяся личность по уму. Проникнутая горячею любовью къ народу, она увлеклась идеями служенія ему и чуть было не поплатилась за свои увлеченія. Она избрала медицинское поприще, какъ такое, на которомъ всего болѣе можно принести пользу деревнѣ. Н. В. имѣла большое вліяніе на своихъ товарокъ, которыя любили и уважали ее. Одинъ изъ видныхъ литературныхъ дѣятелей сильно увлекался ею, и всѣ думали, что она выйдетъ за него замужъ, но убѣдясь въ томъ, что дѣло и слово писателя расходились между собою, Н. В. круто оборвала съ нимъ отношенія. Она пописывала, но подъ статьями не ставила фамиліи и передавала статьи черезъ меня. Впрочемъ, ихъ было очень немного. Въ то время, когда мнѣ надо было ѣхать въ Петербургъ, я только-что познакомился съ Н. В., пріѣхавшей на лѣто въ Вологду. Узнавъ о томъ, что мнѣ нужны деньги, Н. В. сама предложила мнѣ ихъ.

II.

Я ѣду въ Петербургъ. — Дорожныя приключенія. — Разбойники. — Артельная квартира. — Соловьевъ—редакторъ «Сіянія» и Турба—хозяинъ книжнаго магазина и издатель «Сіянія». — Мои неудачи. — Тревожные слухи. — Моя поѣздка въ Знаменку къ А. К. Шеллеру. — П. А. Гайдебуровъ. — Я ѣду обратно въ Вологду. — Изученіе школьнаго дѣла. — Я корреспондирую въ «Гражданинъ». — Буря въ педагогическомъ мірѣ. — Меня подвергаютъ остракизму. — Борьба. — Что мнѣ предетояло въ награду. — А. М. Коробовъ. — Антрепренеръ Смирновъ и А. К. Соколовъ. — Мои мечты объ актерствѣ. — Дебюты мои въ «Дѣтскомъ Читаніи», «Школьной Живни» и въ «Семьѣ и Школѣ». — Я снова ѣду въ Петербургъ. — Л. Н. Трефолевъ.

Изъ Вологды до Пошехонья я ѣхалъ на лошадахъ, такъ какъ желѣзная дорога на Ярославль еще не была готова. Въ лѣсу, подъ самымъ Пошехоньемъ насъ (я ѣхалъ съ попутчикомъ-купцомъ) чуть не убили, и мы спаслись только благодаря тому, что на встрѣчу

попались двѣ тройки. «Лѣсные герои» разбѣжались, ямщикъ настигалъ лошадей, и мы успѣли добраться до станціи. При переѣздѣ черезъ Волгу въ Рыбинскъ я едва не утонулъ. Мы переправлялись паромомъ. Я нагнулся за бортъ, что-то толкнуло паромъ, и я полетѣлъ въ воду. Но паромщикъ успѣлъ схватить меня за ноги.

Эти два факта на пути въ Петербургъ не предвѣщали мнѣ ничего хорошаго, а напротивъ скорѣе были предзнаменованіями очень дурными. Но я былъ молодъ, ни на что не обращалъ вниманія и, полный радужныхъ надеждъ, прибылъ въ Сѣверную Пальмиру холоднымъ майскимъ утромъ.

Въ Петербургѣ у меня жило нѣсколько товарищей по гимназіи (теперь уже студентовъ), но я рѣшился остановиться у К., съ которымъ познакомился у Н. В. Купріяновой за нѣсколько дней до его отъѣзда въ Петербургъ. К. жилъ въ томъ же домѣ, гдѣ помѣщалась редакція «Недѣли», которую тогда постигла кара: газета была пріостановлена.

На звонокъ мнѣ дверь отворилъ самъ К. Я удивился, увидѣвъ его съ пологою щеткою въ рукѣ.

— Ахъ, это вы,—сказалъ К. спокойно:—проходите, я сейчасъ кончу подметать полъ. Гдѣ ваши вещи?

— Да вотъ,—отвѣчалъ я, указавъ на чемоданъ, который я держалъ въ рукахъ.

Теперь я положительно не берусь описать квартиру: я забылъ ея обстановку. Помню только, что откуда-то несся сильный храпъ, и было полутемно. На меня вдругъ напала хандра; не раздѣваясь, я опустился на стулъ, въ большой комнатѣ. Вошелъ К. и, уже улыбаясь, промолвилъ:

— Я сегодня дежурный.

Я съ прежнимъ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Эта квартира общая,—объяснилъ онъ:—насъ живетъ восемь человѣкъ (кажется, восемь, можетъ быть, и больше, теперь я точно не помню), и мы все дѣлаемъ по очереди. Вы останетесь у насъ?

— Я, право, не знаю. Надо бы къ Соловьеву съѣздить.

— Поѣзжайте.

Я отправился къ Соловьеву (какъ его звали, я забылъ).

Въ маленькомъ полусвѣтломъ кабинетѣ, у стола, заваленнаго корректурами, сидѣлъ молодой человѣкъ. Я ему отрекомендовался.

— А-а,—протянулъ онъ:—хорошо, поѣзжайте къ Василию Петровичу Турбѣ, въ книжный магазинъ, который помѣщается на Вознесенскомъ проспектѣ.

Въ магазинѣ меня приняли сухо и сказали, что Турбы нѣтъ. На вопросъ, когда онъ будетъ, мнѣ отвѣтили: не знаемъ.

Ошеломленный пріемомъ, я поѣхалъ къ К. Его уже не было дома. Въ квартирѣ оставался какой-то угреватый господинъ, который не обратилъ на меня никакого вниманія и продолжалъ читать

книгу, жуя булку. Я посидѣлъ и обратился къ нему съ вопросомъ: скоро ли вернется К?

— Не знаю,—буркнулъ онъ.

Я увидѣлъ на окнѣ кусокъ хлѣба и остатокъ масла, несмѣло подошелъ я къ окну и взялъ хлѣбъ. Угреватый господинъ скользнулъ по мнѣ взглядомъ и бросилъ, не отрываясь отъ чтенія:

— Еще N. не ѣлъ, имѣйте въ виду.

Послѣ такого замѣчанія я, конечно, не дотронулся до хлѣба, хотя ѣсть мнѣ ужасно хотѣлось. Скоро, однако, явился К. и предложилъ чаю. Онъ самъ поставилъ самоваръ, сходилъ за хлѣбомъ и колбасой, взявъ на то и на другое у меня деньги. Подкрѣпивъ себя и согрѣвшись чаемъ, я снова пріободрился и сталъ мечтать о будущемъ. Мои мечты прервалъ приходъ какого-то высокаго человѣка, еврейскаго типа. Онъ о чемъ-то пошептался съ угреватымъ господиномъ, потомъ съ К., и всѣ трое ушли. Я остался одинъ и скоро уснулъ.

Когда я проснулся, въ комнатѣ сидѣло нѣсколько мужчинъ и двѣ дѣвицы. Я ихъ не зналъ, а они не поинтересовались узнать, кто я. Подождавъ еще нѣкоторое время К., я отправился къ Турбѣ, но опять не засталъ его.

— Вы говорили ему про меня?—спросилъ я у приказчика.

— Да.

— Что же онъ сказалъ?

— Ничего не сказалъ.

Я былъ пораженъ и не зналъ, что дѣлать. Съ тоскливымъ чувствомъ поѣхалъ я домой. Петербургъ меня не занималъ, и уличный шумъ только раздражалъ мои нервы. Мнѣ даже не хотѣлось осматривать города, о которомъ я такъ долго мечталъ.

Вернувшись домой, я засталъ К., который объявилъ мнѣ: «Вы не сердитесь, что ваши новые брюки и штіблеты взяты. Ихъ нужно было надѣть N.». Я какъ-то равнодушно выслушалъ это и легъ на диванъ. Уже былъ вечеръ. Долго въ сосѣдней комнатѣ громко о чемъ-то разговаривали, но меня это не интересовало: почти голодный, я забылся тревожнымъ сномъ. Когда я проснулся на другой день, въ квартирѣ всѣ еще спали. Я одѣлся и пошелъ бродить по Петербургу. Закусивши и напившись чаю въ трактирѣ, я отправился къ Турбѣ. На этотъ разъ я его засталъ, магазинъ только что отперли.

— Что вамъ угодно?—спросилъ меня Турба.

Я сказалъ.

— Извините, мнѣ не надо ни приказчика, ни конторщика, никого.

— Но какъ же: Соловьевъ послалъ телеграмму!

— Соловьевъ не имѣетъ никакого отношенія къ магазину. Можетъ быть, онъ васъ приглашалъ въ «Сіаніе». Спросите его, а мнѣ въ магазинъ никого не надо.

Турба поклонился мнѣ и вышелъ.

Я поѣхалъ къ Соловьеву, но не засталъ его. Я былъ у него нѣсколько разъ и все не могъ застать его дома.

Для меня стало ясно, что случилось какое-то недоразумѣніе, отъ котораго мнѣ было очень скверно. Что оставалось дѣлать? Деньги всѣ почти вышли, такъ что не на что было возвратиться въ Вологду. Къ довершенію всего Н., надѣвшіи мои брюки и штитлеты, не возвращался. А тутъ пошли слухи, которые меня напугали. Я забралъ свой чемоданчикъ и перебрался къ земляку, Крылову, «восточнику», какъ звали его, потому что онъ былъ на восточномъ факультетѣ. Но не могъ же я безъ занятія и денегъ жить у Крылова. Я попробовалъ было поискать работы, но, куда я ни обращался (въ два книжные магазина, въ нѣсколько конторъ), вездѣ получалъ отказъ.

Въ эту поѣздку я познакомился съ П. А. Гайдебуровымъ и съ А. К. Шеллеромъ. «Недѣля» была приостановлена. Павелъ Александровичъ принялъ меня очень любезно, выразилъ сожалѣніе, что присланныя мною статьи должны лежать безъ движенія, но... что же онъ могъ предложить мнѣ? Я взялъ у него обѣ статейки, чтобы передать ихъ въ «Дѣло» вмѣстѣ съ двумя стихотвореніями. Къ А. К. Шеллеру, завѣдывающему тогда (1872 г.) беллетристическимъ отдѣломъ журнала, у меня было письмо отъ Л—ва, котораго зналъ А. К. Онъ уже переѣхалъ на дачу въ Знаменку, подъ Петергофомъ. Туда я и поѣхалъ. Было воскресенье. Масса публики, въ вагонахъ тѣснота. Я растерялся и, выходя на станціи Петергофъ, забылъ въ вагонѣ пледъ. «Гдѣ тонко, тамъ и рвется»,—подумалъ я, нанимая извозчика до Знаменки.

«Дача» тогда въ моемъ воображеніи рисовалась въ видѣ барской усадьбы, и вдругъ она оказалась маленькимъ крестьянскимъ домикомъ. А. К. Шеллеръ работалъ въ верху, въ мезонинѣ, куда меня и направили. Внизу сбралось большое, шумное общество. Я передалъ А. К. письмо отъ Л—ва. Прочитавъ письмо, почтенный беллетристъ просто и любезно заговорилъ со мною и попросилъ показать, чтѣ есть у меня. Я передалъ ему стихи и статью.

— Это къ Шульгину, — сказалъ А. К., возвращая статью. — Стихи я сейчасъ пробѣгу.

Черезъ нѣсколько минутъ одно изъ нихъ онъ оставилъ у себя («Подруга жизни», «Дѣло», 1872 г., № 8), а другое вернулъ.

— Вы остаетесь здѣсь?

— Нѣтъ, я ѣду завтра обратно въ Вологду. Меня обманули.

Я рассказалъ ему исторію приглашенія меня къ Турбѣ. А. К. засмѣялся и махнулъ рукою.

Отправляясь въ Знаменку, я еще не думалъ объ обратной поѣздкѣ въ Вологду, когда же А. К. спросилъ меня, остаюсь ли я въ Петербургѣ, я вдругъ рѣшилъ, что не остаюсь и ѣду обратно.

Я объявилъ свое рѣшеніе Крылову, и онъ одобрилъ его. Я пошелъ къ К., чтобы вернуть свои вещи, взятыя Н., но дворникъ объявилъ мнѣ, что К. и Н. уѣхали, не отмѣтившись куда именно. Меня вдругъ охватила тоска по родному городу, и я рѣшился махнуть рукою на взятыя вещи и немедленно ѣхать. Занявъ у Крылова двѣнадцать рублей на дорогу, я уѣхалъ въ Вологду. Статью я накануне завезъ къ Шульгину и просилъ отвѣтить мнѣ на вологодскій адресъ. На этотъ разъ я доѣхалъ безъ особыхъ приключеній, если не считать того, что на пароходѣ въ каютѣ, между Рыбинскомъ и Ярославлемъ, я свалился съ всякаго дивана на какого-то толстаго купца, спавшаго внизу. Ему показалось, что его грабятъ, и онъ закричалъ на всю каюту. Пассажиры въ переполохѣ вскочили съ мѣстъ. Когда дѣло разъяснилось, всѣ начали хохотать.

Дома меня не ожидали и были крайне удивлены моимъ внезапнымъ возвращеніемъ.

Такъ кончилась моя первая попытка обосноваться на берегахъ Невы.

Вернувшись въ Вологду, я опять сталъ давать частные уроки и занялся изученіемъ школьнаго дѣла и быта учителей. Но появленіе моихъ новыхъ корреспонденцій возстановило противъ меня многихъ вліятельныхъ лицъ.

«Недѣля» была закрыта. Статья о народномъ образованіи Шульгину показала мало обоснованной. Тогда я разработалъ вопросъ подробнѣе, дополнилъ статью личными наблюденіями и послалъ рядъ писемъ въ «Гражданинъ», только что основанный княземъ Мещерскимъ. Я былъ совсѣмъ новичекъ, не зналъ ни журнальныхъ кружковъ, ни лагерей, и послалъ въ «Гражданинъ», потому что мнѣ нравились статьи Р. Попова и В. Н.-Д. (В. И. Немировичъ-Данченко), печатавшіяся въ журналѣ князя Мещерскаго. Статьи Р. Попова объ Уралѣ были написаны съ знаніемъ предмета и отличались большимъ интересомъ. Очерки сѣвера и рассказы В. И. Данченка были очень поэтичны. (Въ то время В. И. Д.—нко уже печаталъ свои стихи въ «Дѣлѣ»). И я послалъ свои письма въ «Гражданинъ», не зная, что прежде всего въ Вологдѣ же ждутъ меня гоненія. Въ этихъ письмахъ, въ которыхъ не было ни слова лжи, я коснулся народнаго образованія въ уѣздѣ, въ городѣ и далъ картину положенія земской медицины въ уѣздѣ. Боже, какъ закричали гуси, раздраженные мною! Поднялся на меня инспекторъ народныхъ учителей г. Т., заволновался земскій врачъ г. П., обижено было и то чиновное лицо, которое протезировало одной дѣвушкѣ, очень миленькой, но совершенно непригодной для роли учительницы. Меня предали анаемѣ, назвали «нечаевцемъ», было приказано не пускать меня въ школы, не давать мнѣ справокъ въ управѣ, повліяли на тѣхъ, у кого я давалъ уроки. Учителя меня стали бояться. Наконецъ инспекторъ и врачъ П. выступили

въ «Гражданинѣ» съ возраженіями. Редакція напечатала ихъ и отмѣтила въ письмѣ инспектора народныхъ училищъ всѣ неграмотныя мѣста. Это еще болѣе раздражило «гусей», хотя дальнѣйшихъ моихъ писемъ «Гражданинѣ» уже и не помѣстить. Я послалъ ихъ въ «Иллюстрированную Недѣлю». Я поднялъ брошенную мнѣ перчатку и повелъ борьбу съ задоромъ юности. Дѣло начало принимать для меня дурной оборотъ, и мнѣ грозила «маленькая поѣздка» въ одинъ изъ уѣздовъ губерній, но тутъ на выручку явилось вліятельное лицо, пожелавшее спасти увлекающагося юношу. Въ это же время я познакомился съ мѣстнымъ врачомъ А. М. Коробовымъ.

Какъ человѣкъ, по своимъ душевнымъ качествамъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ праведниковъ, безъ которыхъ, по народному выраженію, не стоитъ ни одинъ городъ. Простой народъ, бѣдняки, его просто боготворили... За сотню верстъ шли къ нему мужики, зная, что встрѣтятъ теплое участіе и самый сердечный пріемъ. Онъ основалъ въ Вологдѣ бесплатную лечебницу и задумывалъ рядъ благотворительныхъ учрежденій, но уѣхалъ, не успѣвши сдѣлать, чего хотѣлъ. Какъ врачъ, онъ пользовался сильнымъ довѣріемъ. И дѣйствительно онъ лечилъ замѣчательно удачно. Образованный, начитанный, краснорѣчивый, онъ всѣхъ привлекалъ къ себѣ. Но онъ жилъ замкнуто и не искалъ популярности. Не смотря на все то, что я сказалъ выше, «молодежь», еще не способная вникать глубоко въ вещи, и не шла къ нему, потому что онъ звалъ совсѣмъ не туда, куда звали тогдашніе журнальные учителя. Онъ былъ мистикъ. Былъ пунктъ, коснувшись котораго А. М. становился «страннымъ». Онъ не былъ сектантомъ, если хотите, но Пушкина, сидѣвшаго въ Соловецкомъ монастырѣ, онъ считалъ за какого-то мессію, долженствовавшаго обновить міръ. И вотъ этотъ пунктъ отдалялъ многихъ отъ А. М. Коробова. Я нерѣдко заходилъ къ нему, любя его, какъ человѣка, и находя отраду въ его бесѣдахъ общаго характера. Даже бесѣды «по извѣстному предмету» были не бесполезны. Заблуждаясь, А. М. высказывалъ не мало оригинальнаго и смѣлаго, освѣщавшаго потемки косности мысли. А. М. наизусть цитировалъ чуть не всю библію. Каждое слово его дышало горячимъ убѣжденіемъ. Съ нимъ можно было не соглашаться, но его нельзя было не уважать. Коробовъ уѣхалъ за границу. Живъ ли онъ—я не знаю.

— Бросьте ваши филиппики,—сказалъ мнѣ какъ-то А. М. Коробовъ:—вы можете писать не только корреспонденціи, займитесь же развитіемъ дарованія и не боритесь съ тѣми, кто можетъ навсегда испортить вашу карьеру. Не въ обличеніяхъ сила. Глубже смотрите и выше ищите работы. Писатель—апостоль.

Редакція «Гражданина» прислала мнѣ солидный гонораръ.

Няня была въ полномъ недоумѣніи и говорила, разводя руками:

— И диковина, право, что у тебя за служба, за ремесло такое: деньги изъ Питера шлютъ, а здѣсь сердятся и вона что хотятъ съ тобою сдѣлать... Да что же это, разное что ли начальство? Коли худое дѣло, такъ зачѣмъ допущаютъ и деньги платятъ?..

— Я за правду стою,—говорилъ я.

— Охъ, родной... правду-то нынѣ никто не любитъ... Вона ты все поешь: «ниже тоненькой былиночки надо голову клонить, чтобъ сиротѣ прожить»¹⁾... А тутъ за правду... Брось-ка лучше, коли здѣшнему начальству не пріятно... да иди служить²⁾.

Въ Вологдѣ по зимамъ держалъ театръ В. А. Смирновъ, владѣлецъ ярославскаго театра и жившій большую часть года въ этомъ городѣ. Я познакомился съ Смирновымъ въ семействѣ купца К. З. Соколова, состоявшаго агентомъ Смирнова. Дочь К. З. Соколова, А. К. Соколова, пятнадцати-лѣтняя красавица, за которою усердно ухаживала молодежь, прекрасно танцевала и нѣсколько разъ выступала въ дивертисментѣ. Если бы она изучила хореографическое искусство, какъ слѣдуетъ, изъ нея вышла бы навѣрное замѣчательная балерина. Она уже и тогда поражала изяществомъ исполненія довольно трудныхъ вещей и упругостью носка. Увлекаемая вмѣстѣ съ другими юной красавицей, я часто посѣщалъ домъ Соколовыхъ и сблизился нѣсколько съ В. А. Смирновымъ. И вотъ однажды онъ предложилъ мнѣ поступить къ нему въ труппу.

— Сначала, конечно,—говорилъ онъ, заикаясь,—я положу немного, ну, 15 рублей, будетъ пока... а тамъ увидимъ... Коли талантъ окажется, и 25 дамъ... А тамъ...

Онъ захлебывался, моргалъ и поднималъ высоко руку, что, вѣроятно, должно было обозначать ту высоту, на какую я могъ бы подняться, если бы...

Нѣкоторое время, очень, впрочемъ, не долго, меня занимало это предложеніе, и я началъ подумывать о поступленіи въ труппу Смирнова. Уже В. А. назначилъ мнѣ маленькую роль въ какомъ-то водевилѣ, но я заболѣлъ, а выздоровѣвъ я раздумалъ поступить въ актеры. Быть можетъ, меня оттолкнуло самое сближеніе съ этимъ міромъ, который хорошъ только издали.

Можетъ статься, въ самомъ дѣлѣ, я бы выдвинулся на сценѣ, а могло случиться, что актерство помѣшало бы моей литературной дѣятельности. Какъ бы то ни было, я не жалѣю о случившемся,

¹⁾ Она слыхала, какъ я часто пѣлъ Некрасовскую «Пѣсню Еремущки».

²⁾ Я два раза пытался служить: былъ около мѣсяца корректоромъ въ губернской типографіи, а потомъ чиновникомъ особыхъ порученій при вологодской казенной палатѣ. На послѣднюю должность я поступилъ, выполняя настойчивое желаніе матери. Но здѣсь я еще болѣе почувствовалъ, что не созданъ для «вицъ-мундира», и черезъ два мѣсяца вышелъ въ отставку; съ тѣхъ поръ вездѣ меня и прописывали: «отставной чиновникъ особыхъ порученій».

потому что не къ сценѣ, а къ литературѣ я чувствовалъ всегда сильное влеченіе.

Всю зиму 1872 г. и первые мѣсяцы 1873 г. я посвятилъ изученію педагогики, чтенію выдающихся педагогическихъ сочиненій и въ маѣ мѣсяцѣ послалъ первый разсказъ для дѣтей въ «Дѣтское Чтеніе», а затѣмъ нѣсколько педагогическихъ статей въ «Семью и Школу» и въ «Школьную Жизнь» Н. П. Столпянскаго. Въ этихъ журналахъ я встрѣтилъ радушный приѣмъ и уже задумалъ для «Школьной Жизни» большую работу, какъ одно обстоятельство вдругъ заставило меня снова бросить Вологду и ѣхать въ Петербургъ.

Моя мать положительно была противъ поѣздки. Но я сказалъ, что ѣду, и, поддерживаемый въ этомъ намѣреніи пріятелемъ Р., рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ почти безъ гроша, имѣя деньги только на дорогу. Рядъ ли неприятностей, испытанныхъ мною за послѣдній годъ, или рѣшительность Р., ѣхавшаго тоже въ Петербургъ, повлияла на меня, но меня вдругъ потянуло въ столицу, и на этотъ разъ какой-то внутренній голосъ мнѣ говорилъ, что я выберусь, не вернусь обратно въ Вологду.

Въ концѣ сентября 1873 года вмѣстѣ съ одной дѣвушкой, бѣжавшей отъ гнусныхъ преслѣдованій дяди, я отправился въ Петербургъ, куда и прибылъ 3-го октября, имѣя въ карманѣ буквально только пять рублей.

На эти деньги нельзя было, конечно, прожить и недѣли, даже одному, а тутъ насъ было двое: у дѣвушки, бѣжавшей отъ дяди, не было ни гроша, помѣститься не у кого, и заботу о ней на первыхъ порахъ я взялъ на себя. Я обѣщалъ ей это, поддерживая ее въ мысли бѣжать.

Петербургъ встрѣтилъ насъ дождемъ... Безпрестанно стрѣляли изъ пушекъ, потому что начиналось наводненіе.

Я забылъ сказать, что проѣздомъ изъ Вологды въ Петербургъ я познакомился въ Ярославлѣ съ поэтомъ Леонидомъ Николаевичемъ Трефолевымъ, служившимъ уже и тогда въ Ярославскомъ земствѣ. Л. Н. встрѣтилъ меня не особенно «мягко», отнесся недовѣрчиво къ моимъ горячимъ словамъ. Мой задоръ ему, кажется, не понравился. На минуту его «холодные разсужденія» поколебали мою рѣшимость, но лишь на минуту. Какой-то внутренній голосъ упорно твердилъ мнѣ: «иди, ты выберешься!».

Мы холодно расстались другъ съ другомъ.

Въ послѣднее свиданіе съ Л. Н. (1888 г.) я напомнилъ ему о нашей первой встрѣчѣ.

— Право, запомятовалъ,—сказалъ поэтъ.

Теперь мы съ нимъ друзья. Я узналъ его и полюбилъ. И кто знаетъ Л. Н., тотъ не можетъ не любить его. Но тогда я съ другимъ чувствомъ пожалъ при прощаньи руку поэта.

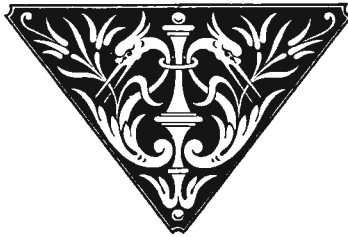
Я не послушался его, и, къ счастью, его предсказанія не сбылись.

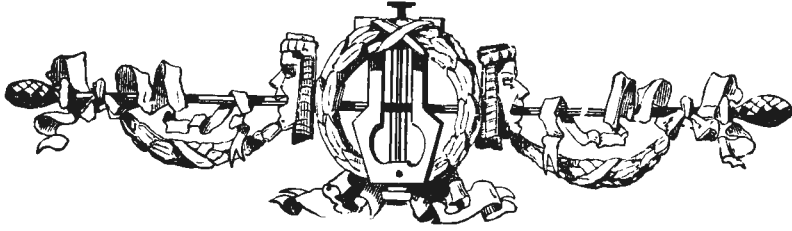
«Канунъ» кончился.

Начались мои первые самостоятельные шаги на литературномъ поприщѣ, которому я не измѣнялъ втеченіе всѣхъ лѣтъ, живя исключительно литературой. На ней сосредоточились всѣ мои интересы. Въ ея мнѣ не понятна жизнь.

«Не писать» — теперь для меня равносильно — «не жить».

Александръ Кругловъ.

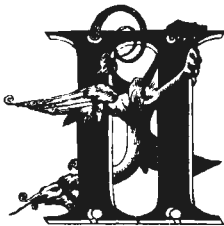

ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТА А. А. НИЛЬСКАГО ¹⁾.

IX.

Отвращеніе Федорова къ картамъ. — Игра въ вистъ и ералашь съ Прасковьею Сергѣевною. — Лото. — Федоровъ увлекается этой игрой. — Игра въ его домѣ. — Терзаніе гостей. — Шутки и прибаутки Федорова. — Участіе въ игрѣ Марьи Степановны. — Тихонъ, лакей Павла Степановича. — Привязанность къ нему господина. — Его грубость и деспотизмъ. — Его поѣздка съ Федоровымъ за границу. — Обращеніе Тихона съ Марьей Степановной. — Ея безпомощное положеніе на дачѣ.

ИАВЕЛЬ СТЕПАНОВИЧЪ никогда не игралъ въ карты, ни до поступленія на театральную службу, ни послѣ. Онъ даже не терпѣлъ, когда другіе затѣвали игру въ его домѣ. Прасковья же Сергѣевна наоборотъ была страстно любительницею ералаша и виста. Однако, не желая доставлять супругу неудовольствіе, она никогда не позволяла себѣ играть при немъ. Обыкновенно карточная партія составлялась ею въ его отсутствіе, то-есть во время его трехъ-часоваго пребыванія въ театрѣ. Съ приближеніемъ же времени его возвращенія игра оканчивалась, и столъ убирался. Онъ вообще не зналъ и не любилъ никакихъ игръ, только въ послѣдніе годы жизни вдругъ пристрастился къ лото. Совершенно случайно у кого-то изъ знакомыхъ онъ увидѣлъ эту игру, соблазнилъ ея незамысловатостью, присѣлъ къ игравшимъ скоротать время визита, и такъ она ему понравилась,

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LV, стр. 350.

что онъ чуть ли не въ тотъ же день купилъ себѣ лото, за которымъ сталъ проводить подрядъ всѣ вечера до поздней ночи. Къ этой игрѣ онъ пріохотилъ и всѣхъ своихъ знакомыхъ. Сплошь и рядомъ у него начали составляться партіи человѣкъ въ пятнадцать-двадцать. Конечно, матеріальный интересъ игры былъ на послѣднемъ планѣ, ставки были самыя ничтожныя, но самый процессъ розыгрыша сдѣлался страстью Павла Степановича. За лото онъ могъ просиживать цѣлыя ночи напролетъ.

Бывало, не смотря на поздній часъ и замѣтную утомленность гостей, игравшихъ въ скучное и однообразное лото исключительно только изъ желанія доставить удовольствіе хозяину, Ѳedorовъ затягивалъ игру чуть ли не до утра. По окончаніи каждаго круга, то-есть, когда каждый изъ играющихъ поочередно проговоритъ №№, Павелъ Степановичъ обращался ко всѣмъ съ умильной просьбой:

— Господа, сыграемте еще кружочекъ! Завтра можно встать попозже!

Любезные гости, конечно, соглашались и вновь усаживались за столъ.

Однажды, послѣ такого заявленія Ѳedorова, одинъ изъ старѣйшихъ его знакомыхъ, часто принимавшій участіе въ игрѣ, нѣкто Багдай, нагнулся ко мнѣ и, утирая фуляромъ потное лицо, грустно произнесъ:

— Еще кружочекъ! Да онъ просто съ ума сошелъ! Вѣдь это, знаете, по-нашему называется избіеніемъ христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ!

Выкликакая номера, Павелъ Степановичъ всегда самодовольно шутилъ и многія цифры переиначивалъ въ созвучныя слова или риемовалъ ихъ.

Всѣ эти прибаутки играющіе должны были знать, иначе они рисковали проигрышемъ, такъ какъ самыхъ цифръ онъ не называлъ. Кромѣ того, всѣ техническіе термины лото онъ произносилъ нѣжно: «амбочка, терночка, кварточка» и т. д.

Изъ желанія угодить Павлу Степановичу, въ лото игравали у него весьма солидные и серьезные люди. Ѳedorовъ это особенно цѣнилъ и питалъ пріязнь ко всѣмъ, выказывавшимъ симпатіи этой въ сущности монотонной и снотворной игрѣ.

Марья Степановна, слышавъ за безсребреницу и никогда не имѣвшая ни одной копейки въ карманѣ, въ выигрышѣ или проигрышѣ не участвовала, однако, всегда требовала себѣ карты, на которыхъ внимательно отмѣчала выходяшіе номера. Часто, не дослышавъ объявленной цифры, она останавливала выкликавшаго вопросомъ:

— Какой-съ?.. какой вы сказали номеръ? я не слыхала...

— Да не все ли вамъ равно, Марья Степановна... вѣдь вы на деньги не играете... вы только задерживаете игру...

— Ну, а все жъ таки я хочу свое счастье провѣрить... А что касается денегъ, такъ я должна вамъ замѣтить, что мнѣ ничьихъ денегъ не надо... Я играю для удовольствія; мнѣ очень нравится эта веселая игра.

У Ѳедорова былъ камердинеръ Тихонъ, отличавшійся несокрушимою грубостью и деспотичностью не только съ просителями, но даже со всѣми домашними Павла Степановича, не исключая и самого барина, съ которымъ, разговаривая крайне рѣзко, придерживался фамиллярнаго обращенія. Ѳедоровъ почему-то на это не претендовалъ и почти никогда не дѣлалъ ему никакихъ замѣчаній. Когда онъ впервые въ своей жизни предпринялъ поѣздку за границу съ больной своей дочерью, то задумалъ взять съ собою и Тихона. Какъ ни отговаривали Павла Степановича отъ этого, логично доказывая бесполезность русскаго лакея въ чужихъ краяхъ, онъ не хотѣлъ слушать никакихъ резонновъ и повезъ Тихона въ первомъ классѣ, въ отдѣльномъ купѣ, вмѣстѣ съ собой.

— Зачѣмъ эти напрасные расходы?—говорили Ѳедорову провожавшіе его друзья и знакомые:—для лакея это излишняя роскошь. Онъ превосходно доѣдетъ въ вагонѣ третьяго класса.

— Онъ такой же человѣкъ, какъ и я,—отвѣтилъ сердобольный баринъ.—Въ первомъ классѣ ему будетъ покойнѣе, да и я не буду тревожиться о немъ... Онъ вѣдь у меня привыкъ къ хорошей жизни, обидѣться можетъ...

Этотъ Тихонъ былъ грубъ со всѣми вообще, но съ Марьей Степановной въ особенности. Онъ не питалъ къ ней ни малѣйшаго уваженія. Вѣчно ворчалъ на нее и на всѣ ея вопросы отвѣчалъ къ презрѣніемъ,

— Что это за барыня!—говорилъ онъ,—одно наважденіе, и ничего больше. Никакой аккуратности не имѣетъ ни въ умѣ, ни въ обхожденіи, ни въ пониманіи. Только по слабоумію и существуетъ.

— Какъ по слабоумію?

— А такъ значить, что до праведной кончины додуматься не можетъ.

Какъ-то лѣтомъ, когда Ѳедоровъ жилъ на Каменномъ островѣ, захожу я къ нему въ послѣобѣденный часъ. На дачѣ царила тишина. Самъ онъ, очевидно, почивалъ, а Прасковья Сергѣевна съ дочерью были на прогулкѣ. Съ балкона я хотѣлъ пройти въ людскую узнать, куда пошла барыня, но, войдя въ столовую, былъ крайне пораженъ, увидѣвъ Марью Степановну, сидѣвшую на полу, подлѣ стула, и имѣвшую несчастный, потерянный видъ.

— Что это съ вами?—поспѣшно спрашиваю ее.—Вамъ не хорошо? Не испугались ли чего нибудь?

— Нѣтъ, мнѣ хорошо,—простонала она въ отвѣтъ,—только вотъ не встать никакъ.

— Но какъ вы очутились на полу?

— Да вотъ... хотѣла сѣсть, но... нечаянно упала... Мимо стула промахнулась... Никого здѣсь не было, я и сижу...

— Позвольте вамъ помочь... давайте руку, я васъ приподниму...

— Ахъ, пожалуйста...

Однако, мои усилія оказались недостаточными. Какъ я ни старался приподнять эту тяжеловѣсную особу, но ничего не могъ подѣлать.

— Позвольте призвать на помощь Тихона, мнѣ одному съ вами не справиться,—проговорилъ я, направляясь въ переднюю.

Тотъ съ строгой и недовольной фізіономіей неторопливо направился въ столовую. Подойдя къ Марьѣ Степановнѣ, онъ счелъ своею непремѣнною обязанностью полу-укоризненно, полу-презрительно покачать головой и прочесть нотацію:

— Эхъ вы! Горе нашего дома! И сѣсть-то порядкомъ не сумѣете, такъ и норовите шлепнуться. Сидѣли бы лучше въ своей комнатѣ да мечтали бы, а не ползали бы зря по всей квартирѣ! Некому вѣдь съ вами возиться, напрасно рабочія руки отнимаете.

— Ахъ, ты безсовѣстный,—замѣтила Марья Степановна,—да ты вѣкъ сложа ручки сидишь.

— Ну, ужъ какъ бы тамъ ни было, то-есть, сложа ручки али не сложа, но только всежъ-таки больше вашего себя утруждаю... Ну, упирайтесь!

Склонился Тихонъ къ несчастной старухѣ, энергично схватилъ ее въ охапку и потащилъ въ сосѣдную комнату, не переставая ворчать. На лицѣ Марьи Степановны изобразился ужасъ, кричать она не посмѣла, но ея «оханья» и «аханья» краснорѣчиво свидѣтельствовали о переживаемыхъ ею страданіяхъ.

Вотъ образчикъ лакейскаго обращенія съ членами семейства въ домѣ Ѳедорова.

X.

Домашняя жизнь Ѳедорова.—Первый визитеръ.—Служебные приемы.—День Ѳедорова.—Засѣданія театрално-литературнаго комитета. — Неправедливыя нападки на комитетъ.—Пьесы И. А. Манна.—Эпиграмма Каратыгина на него.—Архивъ комитета.—Эпиграмма на отсутствіе хорошихъ пьесъ. — Эпиграмма на автора комедіи «Новѣйшій Митрофанъ». — Два драматурга, любимцы Павла Степановича.—Поспектакльная плата.—Гонораръ Ѳедорова.—В. И. Родиславскій съ визитомъ у начальника репертуара.—Чинопочитаніе.—Денежка.—Закулисное недоразумѣніе съ Родиславскимъ.—Ошибка Левкѣвой.—Эпиграмма на бенефисъ Струйской 1-й.—Экспромтъ И. И. Монахова.

Домашняя жизнь Ѳедорова начиналась въ 8 часовъ утра. Первымъ его посѣтителемъ неизмѣнно былъ парикмахеръ, который занимался съ жиденкой куафюрой Павла Степановича не менѣе полчаса. На его обязанности такъ же лежало выскоблить до лоска

начальнической подбородокъ. По окончаніи этой операціи, Ѳедоровъ торопливо одѣвался и у себя въ кабинетѣ начиналъ служебныя приемы.

Прежде всего къ нему должны были явиться чиновники по школѣ. Изъ нихъ первымъ имѣлъ доступъ секретарь правленія театральнаго училища съ суточными рапортами. За нимъ слѣдовала обязательно одна изъ начальницъ женскаго отдѣленія. Покончивъ съ ними, Павелъ Степановичъ приступалъ къ приему разныхъ лицъ, служившихъ въ театрѣ, какъ-то: режиссеровъ, актеровъ, музыкантовъ и пр. Затѣмъ являлись просители. Каждому обязательно онъ удѣлялъ время для переговоровъ, никогда не сказываясь ни сильно занятымъ, ни утомленнымъ.

Обѣдалъ онъ аккуратно въ 3 часа по полудни, послѣ обѣда непремѣнно ложился спать и вставалъ только къ семи часамъ, когда нужно было ѣхать на спектакль. Возвращаясь изъ театра, Павелъ Степановичъ всегда находилъ у себя нѣсколько человѣкъ знакомыхъ, съ которыми засиживался за ужиномъ или за лото до полночи. Разставшись съ гостями, Ѳедоровъ отправлялся въ кабинетъ, гдѣ занимался очень часто до разсвѣта или сочинительствомъ водевиля или составленіемъ нужныхъ бумагъ.

Во дни докладовъ онъ официально являлся къ директору, но долго у него не засиживался. На репетиціяхъ Ѳедоровъ бывалъ весьма рѣдко, и то по какимъ либо исключительнымъ обстоятельствамъ, причѣмъ, конечно, только на оперныхъ или балетныхъ. Въ драматическій же театръ заглядывалъ лишь въ бенефисы.

По пятницамъ у него собирались режиссеры всѣхъ труппъ для составленія репертуара, а по субботамъ къ 12 часамъ дня съѣзжались къ нему члены театально-литературнаго комитета и уже потомъ, въ полномъ составѣ, отправлялись на засѣданіе, происходившее въ квартирѣ, нынѣ принадлежащей директору. Въ мое время, то-есть, когда я состоялъ членомъ этого комитета, председателемъ былъ П. И. Юркевичъ, членами—А. Н. Майковъ, И. А. Маннъ, А. П. Милуковъ, П. С. Ѳедоровъ, а обязанности чтеца исполнялъ С. М. Сосновскій.

На этотъ комитетъ ввозилось много неосновательныхъ обвиненій. По его адресу сыпались нескончаемыя упреки за то, что будто онъ пристрастенъ, что иногда онъ бракуетъ весьма недурныя произведенія, но это слишкомъ несправедливо. Всякой маломальски порядочной вещи давался ходъ, а ужъ если что заслуживаетъ осужденія, такъ это единственно то, что почтенный председатель слишкомъ снисходительно относился къ своимъ переводамъ разнаго французскаго вздора, который при дружеской помощи Ѳедорова легко проходилъ на казенную сцену.

Печать неодобрительно отзывалась о театально-литературномъ комитетѣ еще и за то, что имъ пропускаются произведенія И. А.

Манна, долгое время бывшаго членомъ. Говорили, что это «своя рука владыко», но кто изъ театраловъ не помнитъ, какимъ выдающимся успѣхомъ пользовались его комедіи «Паутина», «Общее благо», «Прелестная незнакомка»? Такъ что и въ этомъ случаѣ обвиненія не выдерживали критики, и совершенно напрасно П. А. Каратыгинъ написалъ на этого драматурга такую злую эпиграмму, сочувственно встрѣченную тогдашними зоилами:

«У израильтянъ, у древнихъ, въ видѣ хлѣба
 «Слетала манна съ неба,
 «Потомъ ужъ дичь!
 «Въ театрѣ-жъ, въ пьесахъ Манна,
 «Ужъ не слетаетъ манна,
 «А прямо дичь».

Въ старое время, какъ, кажется, и теперь, архивъ комитета никогда не былъ обилень выдающимися произведеніями. Поэтому всѣ пьесы, имѣвшія кое-какія достоинства, охотно разрѣшались для представленія, а архивъ всетаки пустовалъ и не имѣлъ никакого запаса. Злой эпиграммистъ Каратыгинъ и по этому поводу написалъ мѣткое четверостишіе, послѣ того, какъ перебралъ всѣ рукописи, хранившіяся въ комитетѣ, выискивая подходящей комедіи для своего бенефиса:

«Изъ ящика всю выбравъ требуху,
 «Я двадцать пять пьесъ прочелъ въ стихахъ и прозѣ,
 «Но мнѣ не удалось, какъ въ баснѣ пѣтуху,
 «Найти жемчужину въ навозѣ».

А про одного автора, сочинившаго комедію «Новѣйшій Митрофанъ», ошиканную при представленіи, не смотря на одобреніе театрально-литературнаго комитета, онъ сказалъ:

«Новѣйшій Митрофанъ, какъ прежній, такъ же грубъ,
 «Неугомоненъ и капризенъ,
 «А авторъ нынѣшній на столько-жъ вышелъ глупъ,
 «На сколько былъ уменъ Фонвизинъ».

Болѣе всѣхъ драматическихъ писателей Ѳедоровъ любилъ теперь тоже покойныхъ К. А. Тарновскаго и В. И. Родиславскаго. Онъ имъ безгранично симпатизировалъ и оказывалъ немаловажную протекцію по постановкѣ ихъ пьесъ на казенной сценѣ. Павелъ Степановичъ постоянно съ удовольствіемъ заявлялъ въ комитетѣ, что имъ получена изъ Москвы пьеса того или другого изъ нихъ.

Идея поспектакльной авторской платы принадлежитъ всецѣло Ѳедорову. Онъ выхлопоталъ гонораръ за представленіе драматическихъ произведеній на казенной сценѣ, до него же драматурги работали «изъ любви къ искусству» или «для славы». Благодаря его инициативѣ, авторы стали пользоваться весьма приличнымъ вознагражденіемъ, самъ же онъ, написавшій семьдесятъ пьесъ,

никогда до этой платы не касался. И только съ образованіемъ въ Москвѣ, по мысли Родиславскаго, «Общества русскихъ драматическихъ писателей», онъ началъ пользоваться скуднымъ вознагражденіемъ съ провинціальныхъ театровъ. Впрочемъ, и въ это-то общество онъ вступилъ противъ желанія, по настоянію учредителя.

Родиславскій, навѣщавшій Петербургъ частенько, всегда лично привозилъ Павлу Степановичу деньги, собранныя за исполненіе его пьесъ въ провинціи, и аккуратнѣйшимъ образомъ вручалъ ихъ ему. Являясь къ начальнику репертуара, онъ почтительнѣйшимъ тономъ говорилъ:

— А я, ваше превосходительство, захватилъ съ собой причитающійся за вашъ авторскій трудъ гонораръ.

— Напрасно беспокоились, ваше превосходительство, — съ тѣмъ же чинопочитаніемъ обыкновенно отвѣчалъ Федоровъ.

— За послѣдніе три мѣсяца—все до копейки... Не угодно ли вашему превосходительству получить, провѣрить и росписаться!

— Очень вамъ благодаренъ, ваше превосходительство.

— Вотъ тутъ ровно 68 рублей и 84 копейки съ денежкой... Вотъ вамъ и денюжка...

— Отъ души благодарю ваше превосходительство и завидую вашей аккуратности.

— Денюжка счетъ любить, ваше превосходительство! И ее извольте прибрать.

Въ давно прошедшіе годы В. И. Родиславскій служилъ небольшимъ театральнымъ чиновникомъ при московской дирекціи и былъ страстный любитель драматическаго искусства. Въ свободное отъ занятій время онъ усердно сочинялъ и переводилъ пьесы, которыя въ большинствѣ случаевъ пользовались успѣхомъ и до сихъ поръ не сходятъ съ репертуара. Главной же его заслугой является, однако, основанное имъ общество драматическихъ писателей, которое въ настоящее время находится въ полномъ развитіи и служитъ единственнымъ охранителемъ авторскихъ правъ.

При воспоминаніи о Родиславскомъ кстати приходитъ на память и одинъ эпизодъ съ нимъ, имѣвшій мѣсто за кулисами Александринскаго театра. На другой день по приѣздѣ изъ Москвы отправляется онъ созерцать драматическій спектакль, въ которомъ, между прочимъ, шель и одинъ изъ переводныхъ его водевилей. Въ немъ главную роль играла покойная Е. М. Левкѣва. Должно замѣтить, что это происходило одновременно съ дебютами провинціальнаго артиста Н. К. Милославскаго, который дня за три передъ этимъ представленіемъ выступилъ въ роли Гамлета.

Родиславскій, просмотрѣвъ свой водевилъ, пожелалъ поблагодарить Левкѣву за ея талантливое исполненіе и отправился на сцену. Подойдя къ ея уборной, когда она уже начала переодеваться, онъ приказалъ горничной передать артисткѣ:

— Скажите Елизаветѣ Матвѣевнѣ, что ее покорнѣйше просить увидѣть Родиславскій.

Не разобравъ хорошо фамиліи, Левкѣева быстро накинула на плечи платокъ и торопливо вышла изъ уборной за кулисы, гдѣ было уже довольно темно. Оглядывается она по сторонамъ и спрашиваетъ:

— Кто меня желаетъ видѣть?

— Это я-съ, многоуважаемая Елизавета Матвѣевна, — откликнулся Родиславскій. — Считаю своимъ долгомъ выразить вамъ свою благодарность за то высокое наслажденіе, которое вы доставили мнѣ своею художественною игрою. Нѣтъ словъ для выраженія моего восторга!

Польщенная Левкѣева хотѣла отблагодарить любезнаго поклонника и, мило улыбаясь, отвѣтила:

— Вы слишкомъ внимательны, я, право, не заслуживаю такой похвалы, тѣмъ болѣе, что эта пьеса... такая дрянная... такая глупая... Ей-Богу, не стоитъ и говорить.

И вдругъ, почему-то вспомнивъ дебютанта Милославскаго, котораго она никогда не видала, прибавила:

— А вотъ мнѣ... позвольте, въ свою очередь, поблагодарить васъ... за истинное удовольствіе, которое я испытывала при вашемъ артистическомъ исполненіи Гамлета... Вы играли удивительно...

— Я?.. Въ Гамлетѣ? — изумился Родиславскій, отодвигаясь отъ собесѣдницы. — Помилуйте, я... никогда въ жизни... не игралъ... Вы, кажется, принимаете меня за другого?!

— Какъ за другого? Вѣдь мнѣ сказали, что вы г. Милославскій?!

— Извините-съ, я не актеръ... Я не Милославскій, а Родиславскій, авторъ того водевиля, который сейчасъ вами такъ прекрасно былъ сыгранъ.

Артистка сконфузилась и поспѣшила удалиться въ уборную.

Переводная драма Родиславскаго «Сумасшествіе отъ любви», игранная у насъ впервые въ бенефисъ Елены Павловны Струйской 1-й, до сихъ поръ не сходитъ съ репертуара и пользуется неувядаемымъ успѣхомъ. Припоминаю кѣмъ-то написанную тогда эпиграмму на бенефициантку, которая послѣ этой драмы поставила еще одноактную комедію «Три пощечины»:

«Елена Струйская три чуда совершила:
«Въ свой бенефисъ съ ума сошла,
«Три плюхи публикѣ дала
«И полный сборъ за это получила».

Е. П. Струйская долгое время была первой актрисой Александринскаго театра. Она несла на себѣ всѣ сильно драматическія роли и, между прочимъ, участвовала въ «Грозѣ», извѣстной

пьесѣ А. Н. Островскаго. По этому поводу И. И. Монаховъ сказалъ экспромптомъ на сценѣ во время представленія:

«Мнѣ лѣтомъ не страшна гроза,
«Она зимой меня пугаетъ,
«Когда Елена стрекоза
«Въ «Грозѣ» Островскаго играетъ».

ХІ.

Осѣдность Ѳедорова. — Его вдовство. — Эгоизмъ Павла Степановича. — Его болѣзнь. — Лечение профессора Экка. — Сильныя средства. — Жалобы Ѳедорова на Экка. — Каменноостровская дача и театр. — Актерскіе отпуска. — Предсмертная болѣзнь Ѳедорова. — Его страданія. — Заботы о театрѣ. — Колебанія относительно операціи. — Сокрушенія о возвращеніи болѣзни. — Операція. — Смерть. — «Театральный столбъ». — Ложный взглядъ на Ѳедорова, какъ на дѣятеля. — Заключительныя воспоминанія о Павлѣ Степановичѣ.

П. С. Ѳедоровъ почти всю свою жизнь безвыѣздно прожилъ въ Петербургѣ, съ которымъ онъ разставался только два раза, и то на непродолжительное время, а именно: одинъ разъ въ Москву по дѣламъ службы и по порученію министра для ревизіи дѣлъ московской театральной конторы, которой тогда управлялъ Львовъ, и въ другой разъ за границу для леченія своей дочери, гдѣ она и умерла послѣ сдѣланной ей операціи.

Прасковья Сергѣевна умерла незадолго до этого. Павелъ Степановичъ съ большимъ мужествомъ перенесъ утрату близкихъ людей. Первое время онъ сильно горевалъ, а потомъ снова воспрялъ духомъ и опять широко распахнулъ свои гостепріимныя двери для друзей и знакомыхъ, которые попрежнему стали навѣщать его и составлять ему партію въ лото.

По характеру своему Ѳедоровъ былъ величайшимъ эгоистомъ; болѣе всего на свѣтѣ онъ любилъ самого себя, почему и потеря жены съ дочерью не оставила въ немъ глубокихъ слѣдовъ. Однажды, еще при жизни жены, онъ опасно заболѣлъ. Его лечили многіе доктора, но на выздоровленіе его надежды были весьма смутныя. Мнительный отъ природы, онъ мучился мыслью, что можетъ умереть. Въ концѣ концовъ, когда приступы болѣзни стали едва переносимы, онъ вспомнилъ знаменитаго профессора доктора Экка, котораго немедленно призвали къ постели больного. Опытный врачъ сдѣлалъ правильный діагнозъ и принялся его лечить своими излюбленными сильными средствами, которыя всегда прописывались имъ въ громадной дозѣ. Павелъ Степановичъ съ его помощью вскорѣ поднялся на ноги, но лекарства Экка подѣйствовали на его слабый организмъ такъ неблагоприятно, что Ѳедоровъ долгое время послѣ выздоровленія не могъ ни пить, ни

ѣсть. Все это вызывало мучительныя боли при глотаньи. Павелъ Степановичъ поневолѣ питался однимъ молокомъ. Зато и доставалось же Экку при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Ѳедоровъ всегда его бранилъ и при разговорѣ о докторахъ постоянно вставлялъ замѣчаніе:

— Вотъ Эккъ, это изумительный врачъ.

— Чѣмъ?

— Отъ одной болѣзни избавляетъ, а въ другую вгоняетъ... Своихъ пациентовъ ужъ никогда не можетъ потерять, потому-то у него и практика велика.

— Однако, онъ прекрасный докторъ...

— Ну, нѣтъ-съ, благодарю покорно за такого испѣлителя... Я у г. Экка лечиться больше никогда не буду... Онъ меня все время лечилъ лошадиными порціями. Бывало, пропишетъ такой основательный порошокъ, что ни одинъ жеребецъ заразъ не смогъ бы его проглотить, а я между тѣмъ, по докторскому приказанію, таковой поѣдалъ... Это не докторъ-съ, а мучитель... Отъ его лекарствъ мнѣ всѣ внутренности переверотило...

— Вамъ, Павелъ Степановичъ, грѣшно бранить Экка, онъ вѣдь васъ спасъ отъ смерти.

— Да-съ... вы правы... онъ спасъ... дѣйствительно спасъ, но какими средствами? Вотъ что важно... Отъ однихъ его лекарствъ можно было не выжить...

Зиму Ѳедоровъ проживалъ въ зданіи дирекціи, а лѣто постоянно проводилъ на казенной каменноостровской дачѣ, вмѣстѣ съ театральнымъ училищемъ. Лицевую сторону дачи, выходящую на площадь, гдѣ стоитъ ветхій каменноостровскій театръ, занималъ онъ самъ, а во внутреннемъ флигелѣ, выходящемъ въ садъ, жили воспитанницы. Каждую недѣлю два раза въ театрѣ давались русскіе драматическіе спектакли съ маленькими балетами и большими дивертисментами. Театръ всегда былъ пустъ. Актеры играли исключительно для развлечения Павла Степановича, который поэтому ужасно стѣснялъ ихъ лѣтними отпусками.

— Вамъ никакъ нельзя нынче уѣзжать,—говорилъ онъ обыкновенно всякому, ходатайствовавшему объ отпускѣ.—Нынче спектакли въ каменноостровскомъ театрѣ будутъ представлять глубокой интересъ, такъ что отъ участія въ нихъ вамъ уклоняться не слѣдуетъ. Вы непременно должны будете играть...

Такъ однообразно проходила жизнь Ѳедорова во все время его пребыванія начальникомъ репертуара. Изъ года въ годъ одно и то же, безъ всякихъ измѣненій.

Задолго до смерти Павелъ Степановичъ началъ хворать. Болѣе пятнадцати мѣсяцевъ онъ пристрадалъ отъ развившагося въ немъ рака. Мысль о скоромъ возстановленіи силъ и здоровья ни на минуту его не покидала. Ѳедоровъ не допуская ни малѣйшихъ

подозрѣній о возможности умереть и не принималъ во вниманіе своего почти восьмидесятилѣтняго возраста, весьма ненадежнаго въ перенесеніи даже болѣе легкихъ болѣзней. Въ періодъ непрерывныхъ страданій, когда на память, кажется, не должно было бы идти ничего посторонняго, кромѣ заботы объ облегченіи своего недуга, Павелъ Степановичъ непрерывно повторялъ: «вотъ, какъ только поправлюсь, сейчасъ же сдѣлаю» то-то и то-то. Все время онъ мечталъ о реформахъ, объ улучшеніяхъ.

Большаго старика я навѣщалъ не рѣдко. Однажды, прихожу къ нему мѣсяца за три до его смерти и застаю сидящимъ въ креслѣ. Въ это время Павелъ Степановичъ былъ очень слабъ и уже не занимался театральными дѣлами.

— Кажется, сегодня чувствуете себя лучше?—спрашиваю.

— Нѣтъ, не лучше... но и не хуже. Доктора настаиваютъ на операціи, но я все еще продолжаю колебаться. Былъ у меня вчера Ѳедоръ Ѳедоровичъ Треповъ¹⁾ и онъ тоже совѣтуетъ рѣшиться на это, какъ онъ выражается, послѣднее средство.

— Положимъ, это не послѣднее средство,— сказала я успокоивающимъ тономъ,— но рациональнѣйшее. Оно можетъ скорѣе избавить васъ отъ боли.

— Такъ-то оно такъ, но, всетаки, какъ-то страшновато. Впрочемъ, по всей вѣроятности, придется рѣшиться, такъ какъ переносить мученій я больше не въ состояніи. Ни днемъ, ни ночью я не имѣю ни малѣйшаго покоя.

— И, разумѣется, хорошо захватывать болѣзнь, что называется, въ корню, т. е. вамъ не слѣдуетъ откладывать операціи со дня на день, ужъ если рѣшились на нее, то скорѣе и приводите въ исполненіе свое рѣшеніе.

— Меня смущаетъ въ этомъ одно обстоятельство.

— Какое?

— Меня запугали.

— Чѣмъ?

— Мнѣ открыли секретъ. Компетентныя лица говорятъ, что даже и послѣ операціи эта болѣзнь можетъ возвратиться снова лѣтъ черезъ пятнадцать. Я опасуюсь за будущее...

Въ концѣ концовъ Павелъ Степановичъ поборолъ въ себѣ страхъ за далекое будущее и согласился на операцію, которая, дѣйствительно, была послѣднимъ средствомъ. Она была сдѣлана весьма удачно извѣстнымъ хирургомъ Склифасовскимъ. Ѳедоровъ перенесъ ее мужественно и былъ твердо увѣренъ въ скоромъ выздоровленіи, но, увы, его надеждамъ на этотъ разъ не удалось осуществиться: мѣсяца черезъ полтора онъ отошелъ къ праотцамъ.

¹⁾ Петербургскій градоначальникъ.

Похоронили его, согласно завѣщанію, на кладбищѣ Александроневской лавры, рядомъ съ родными.

Когда одна изъ высокихъ особъ узнала о смерти Ѳедорова, то выразилась такъ:

— Свалился театральнй столбъ!

Это можетъ быть хорошей рекомендаціей для покойнаго начальника репертуара и управляющаго театральнымъ училищемъ, которому, конечно, какъ человѣку, были свойственны недостатки, но который перенесъ много напраслинь, много не заслуженныхъ упрековъ и подозрѣній. Все отрицательное въ немъ уравнивалось положительнымъ, которое въ свое время не имѣло надлежащей оцѣнки, необходимой для оправданія Павла Степановича, принесшаго много пользы русскому театру. Въ силу какой-то роковой случайности о немъ составилось ложное мнѣніе, донинѣ не переставшее царить какъ въ сферѣ закулисной, такъ равно и въ печати. Ѳедоровъ не былъ ни идеаломъ, ни деспотомъ; имѣлъ личныя убѣжденія, придерживался собственныхъ взглядовъ и страдалъ настойчивостью. Все это, конечно, не могло нравиться подчиненнымъ, и онъ прослылъ личностью пристрастною, безпощадною, грубою. Это рѣшительное мнѣніе о немъ было, разумѣется, несправедливо. Кто зналъ его въ домашней обстановкѣ, тотъ судилъ о немъ сдержаннѣе, по однимъ же служебнымъ отношеніямъ, въ которыхъ онъ всегда проявлялся зауряднымъ чиновникомъ, нельзя было дѣлать окончательные выводы. Онъ считалъ себя обязаннымъ служить дѣлу, а не лицамъ, и за это, какъ видно, онъ ничего не приобрѣлъ, кромѣ порицаній.

XII.

Директоры театровъ.—А. И. Сабуровъ.—Его назначеніе.—Толкъ о немъ.—Опасенія Ѳедорова.—Наружный видъ Сабурова.—Его поѣздка въ Москву.—Встрѣча съ актеромъ С. В. Васильевымъ.—Недоразумѣніе, вызванное шелелявостью Сабурова.—Ухаживанія Сабурова.—Закулисная молва о причинѣ его отставки.—Разговоръ Сабурова съ Сосницкимъ.—На представленіи комедіи Чернышева «Испорченная жизнь».—Чернышевъ въ ложѣ у высокопоставленной особы.—Сабуровъ въ роли директора.—«Не въ деньгахъ счастье» и безъ денегъ нѣтъ счастья.—Ангажементъ пѣвца Кравцова.—Его дебютъ.—Проваль.—Неустойка.—Обожжешься на молочкѣ, станешь дуть на воду.—Просьба Пронскаго и Алексѣева о прибавкѣ.—Встрѣча ихъ съ Сабуровымъ.—Перехитрившій комикъ.—Щедрая прибавка къ разовымъ Пронскаго.—Недолговременное директорство.

Разсказывая о П. С. Ѳедоровѣ, нельзя умолчать о директорахъ, которыхъ онъ пережилъ. Свою службу онъ началъ при А. М. Геденовѣ, при немъ смѣнились А. И. Сабуровъ, графъ А. М. Борхъ, С. А. Геденовъ и, наконецъ, баронъ Кистеръ, при которомъ онъ и умеръ.

На мѣсто Александра Михайловича Гедеонова, послѣ двадцатипятилѣтняго юбилея покинувшаго управленіе театрами, директоромъ былъ назначенъ гофмейстеръ двора великаго князя Константина Николаевича, Андрей Ивановичъ Сабуровъ. Во время назначенія онъ пребывалъ за границей и на свой постъ явился по истеченіи долгаго времени. Всѣ подчиненные съ нетерпѣніемъ ожидали

Андрей Ивановичъ Сабуровъ.

его пріѣзда, такъ какъ никто изъ театральнаго персонала никогда его не видывалъ и не зналъ; по слухамъ же, проникавшимъ за кулисы, было извѣстно, что онъ богатъ, упрямый, настойчивый и страстный игрокъ въ карты.

Федоровъ больше всѣхъ опасался новаго директора, такъ какъ ему кто-то сообщилъ, что Сабуровъ, будучи предубѣжденъ противъ него, гдѣ-то неосторожно обмолвился, что тотчасъ же, по вступленіи въ должность, непременно его смѣститъ. На самомъ

же дѣлѣ вышло не такъ. Федоровъ на первыхъ же порахъ такъ ловко сумѣлъ расположить его въ свою пользу, что тотъ безъ Павла Степановича чувствовалъ себя совершенно безпомощнымъ.

Сабуровъ представлялъ изъ себя молодящагося старичка. Былъ небольшого роста, съ брюшкомъ и въ парикѣ; на рябоватомъ, обрюзгломъ лицѣ красовались жиденькіе бакены; ходилъ быстро, постоянно семеня ногами. Говорилъ всегда скороговоркой и не могъ произносить буквы «р», замѣняя ее буквой «л», отчего не разъ происходили забавныя недоразумѣнія.

Напримѣръ, отправясь въ Москву для знакомства съ состояніемъ московскихъ театральныхъ дѣлъ, а такъ же для знакомства съ тамошними подчиненными, Сабуровъ какъ-то заглянулъ въ Малый театръ, гдѣ подвизается русская драматическая труппа. Зайдя за кулисы, онъ встрѣтился съ извѣстнымъ артистомъ Сергѣемъ Васильевичемъ Васильевымъ, который въ то время хворалъ и начиналъ постепенно терять зрѣніе. Послѣ обмѣна привѣтствіями, Сабуровъ спрашиваетъ его:

— Холошо ли все идетъ у васъ? Что «Гляза»?

Васильевъ, полагая, что новому директору извѣстна его болѣзнь глазъ, почтительно отвѣтилъ:

— Благодарю васъ, ваше превосходительство... Не совсѣмъ-то хорошо: лечиться лечусь, а проку мало... продолжаютъ болѣть, и я съ каждымъ днемъ убѣждаюсь болѣе и болѣе, что скоро ослѣпну совсѣмъ...

— Я васъ не понимаю,—изумился директоръ,—что вы такое говорите? Какіе гляза?

— Мои-съ... Вы изволили спросить про мои глаза, и я вамъ отвѣчаю, что они все еще не въ порядкѣ.

— Нѣтъ... нѣтъ... вы не поняли меня... Я васъ сплясиль, что «Гляза»?.. «Гляза», новая пьеса Остловскаго... Какъ она идетъ здѣсь?

Тутъ только Васильевъ понялъ, о чемъ ведетъ рѣчь директоръ, и поспѣшно отвѣтилъ:

— «Гроза» Островскаго прошла очень хорошо и пользуется большимъ успѣхомъ.

Сабуровъ слылъ оригиналомъ, обладалъ веселымъ характеромъ и былъ далеко не безупреченъ относительно поклоненія женской красотѣ. Его сердце было любвеобильно. Онъ откровенно, ни отъ кого не скрываясь, ухаживалъ не только за танцовщицами, пѣвицами, драматическими актрисами, но даже и за воспитанницами театральнаго училища.

Онъ обладалъ вѣзломощнымъ, но упрямымъ характеромъ; надъ рѣшеніями не задумывался, приказанія отдавалъ, что называется, съ плеча, и былъ крайне забывчивъ.

Когда онъ пріѣхалъ изъ-за границы и принялъ бразды директорскаго правленія, къ нему являлись представляться всѣ труппы

поочередно. Знакомясь съ артистами русской драмы, онъ выказывалъ поползновеніе каждому сказать какую нибудь любезность. Пожимая руку старику И. И. Сосницкому, онъ проговорилъ:

— Очень лядъ познакомиться... очень лядъ, очень... я холошо помню вашего отца! Онъ былъ превосходный актеръ!

— У меня, ваше превосходительство, отецъ никогда не былъ актеромъ!—съ удивленіемъ отвѣтилъ Сосницкій.

— Какъ? лязвѣ это былъ не вашъ отецъ?.. Сосницкій? Да, Сосницкій... я очень холошо его помню... Чудесный былъ альтистъ... Вплочемъ, можетъ быть, это былъ вашъ блатъ?.. Не знаю—кто, но очень холошо помню...

— У меня брата не было. Кромѣ того, изъ моихъ родныхъ никто не служилъ въ театрѣ.

— Удивительно!? Въ такомъ случаѣ извините... все это я пемѣшалъ... Это значить, что именно васъ-то я и видѣлъ и помню... Такого альтиста забыть нельзя... очень лядъ, очень лядъ познакомиться!

Во время директорства Сабурова имѣли большой успѣхъ пьесы актера И. Е. Чернышева «Не въ деньгахъ счастье» и «Отецъ семейства», въ которыхъ, какъ извѣстно, проявилъ во всемъ блескѣ свой талантъ комикъ А. Е. Мартыновъ. Благодаря его участию, эти драмы долго не сходили съ репертуара. Послѣ же смерти Александра Евстаѣевича была поставлена еще новая комедія Чернышева «Испорченная жизнь», которая такъ же произвела сильное впечатлѣніе на зрителей.

На одномъ изъ представленій этой пьесы присутствовала высокопоставленная особа, которая такъ заинтересовалась комедіей, что пожелала узнать у Сабурова объ ея авторѣ:

— Кто онъ такой?

Директоръ, не имѣя понятія о Чернышевѣ, бросился на сцену и этотъ же вопросъ задалъ режиссеру. Тотъ далъ ему нужныя свѣдѣнія, и Сабуровъ поспѣшилъ въ ложу особы съ докладомъ:

— Автолъ нашъ актеръ Чельнышевъ... Мой воспитанникъ: онъ учился въ театляльной школѣ... Я такъ боялся пелепутать, что сходилъ пловѣлить... Онъ и сейчасъ здѣсь, за кулисами...

— Я желалъ бы его видѣть... Пригласите его сюда... ко мнѣ... въ ложу...

Сабуровъ отправился на сцену и вскорѣ возвратился съ Чернышевымъ, котораго официально и представилъ высокому посетителю. Особа выразила симпатичному Чернышеву свое удовольствіе и похвалу, какъ автору. Сабуровъ же съ торжествующимъ видомъ смотрѣлъ то на того, то на другого и, наконецъ, когда аудіенція должна была кончиться, вставилъ свое восторженное замѣчаніе, долженствовавшее увеличить заслуги драматурга:

— У него, клоумъ этой пьесы, есть еще одна... тоже плелестная вещь... Какъ она называется?.. Да, да, «Безъ денегъ нѣтъ счастья»... Плевосходная тоже комедія...

— «Не въ деньгахъ счастье»,—поправилъ его авторъ.

— Лязвъ? — удивился директоръ. — Неужели не такъ, какъ я сказалъ?

— Нѣтъ-съ...

— Если же такъ, то это не вѣльно... совсѣмъ не вѣльное названіе,—улыбаясь, сказалъ Сабуровъ, обращая въ шутку свое незнаніе репертуарныхъ произведеній.—Я пелепуталь, но очень холошо пелепуталь... По-моему вѣльнѣе «Безъ денегъ нѣтъ счастья»... Это я знаю по себѣ и по многимъ пліятелямъ...

А. И. Сабуровъ, какъ увлекающійся, упрямый и скорый въ своихъ рѣшеніяхъ человѣкъ, ознаменовалъ свое вступленіе на постъ директора императорскихъ театровъ, очень неудачнымъ и невыгоднымъ для дирекціи ангажементомъ нѣкогого пѣвца Кравцова. Будучи еще за границей, до появленія своего на службѣ, онъ гдѣ-то въ Италіи, въ знакомомъ ему домѣ, встрѣтилъ этого господина и такъ увлекся его голосомъ, что тотчасъ же сдѣлалъ ему предложеніе вступить въ составъ русской оперы на теноровыя партіи. Жалованье этому мнимо-феноменальному пѣвцу Сабуровъ далъ огромное, заключилъ съ нимъ контрактъ и условился о первомъ дебютѣ въ оперѣ «Отелло».

Когда же директоръ возвратился въ Петербургъ и вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, тотчасъ же было отдано приказаніе о приготовленіи новой обстановки «Отелло» для дебюта приглашенной знаменитости. Газеты начали трубить о скоромъ появленіи удивительнаго пѣвца и до того наэлектризовали публику, что въ день дебюта Кравцова въ только что заново отрстроенномъ Маріинскомъ театрѣ не было мѣста упасть яблоку... Подняли занавѣсъ, начался спектакль, и первый блинъ, испеченный новымъ директоромъ, оказался комомъ. Новаго дебютанта такъ опикали, что тотъ не зналъ, какъ окончить партію...

Сабуровъ былъ вполне разочарованъ. Его положеніе оказалось критическимъ. Не только оставлять на службѣ, но даже втораго дебюта нельзя было дать этому злосчастному артисту, потерпѣвшему не только шиканье и свистъ въ театрѣ, но еще и вынесенному безпощадную газетную брань. Конечно, при такихъ непріятныхъ условіяхъ, болѣе ничего не оставалось дѣлать, какъ уплатить неустойку, означенную въ контрактѣ, и распротиться навсегда съ этимъ дебютантомъ. Сабуровъ такъ благоразумно и поступилъ.

Вѣроятно, вслѣдствіе этого неудачнаго ангажемента, директоръ преисполнился осторожности и вдругъ сталъ чрезмѣрно скупымъ на увеличеніе артистическихъ вознагражденій. Обжегся онъ на молокъ и сталъ дуть на воду. Онъ долгое время не могъ забыть

дебюта Кравцова, который обошелся казнѣ, по его милости, немовѣрно дорого.

Испрашивая у него прибавку къ разовымъ, актеры прибѣгали даже къ хитрости. Такъ, однажды П. П. Пронскій, игравшій роли любовниковъ и считавшійся въ свое время первымъ петербургскимъ модникомъ, подговорилъ своего пріятеля комика А. А. Алексѣва, пойти къ Сабурову просить увеличенія разовой платы.

Въ условленный день Пронскій одѣлся по обыкновенію франтовато. Все на немъ было изящное, дорогое и, какъ говорится, съ иголочки. Алексѣевъ же, наоборотъ, изъ своего гардероба выбралъ самое ветхое платье, проносившіеся сапоги и пр. Такимъ отрешаннымъ костюмомъ онъ полагалъ разжалобить директора.

Выходитъ Сабуровъ въ пріемную и, обращаясь къ Пронскому, спрашиваетъ:

— Вамъ что?

— Играю любовниковъ, роли требуютъ обилія костюмовъ и вообще большихъ расходовъ, а между тѣмъ я получаю такъ мало, что едва хватаетъ на продовольствіе.

— Хлопочете о прибавкѣ?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Ну, холяшо... я посталяюсь... Я вижу, что вы получаете мало... въ Петельбульгѣ дѣйствительно все ужасно дорого... Я неплемѣнно устлою вамъ все, что могу...

Пронскій поблагодарилъ его за обѣщаніе и удалился.

— А вамъ что?—спросилъ Сабуровъ Алексѣева, состроившаго жалобную гримасу.

— Семейство большое, дороговизна ужасная, разовые маленькіе...

— Какъ вамъ не стыдно! — вдругъ перебилъ его строгимъ голосомъ директоръ. — Какъ вамъ не стыдно просить прибавку? Я понимаю Плонскаго: ему на костюмы надо, а вамъ на что? Ходите отлепаннымъ, сапоги дылявые... Я удивляюсь, куда вы только деньги дѣваете?...

Такъ ничего и не прибавилъ расчетливый директоръ перехитрившему комику, а Пронскому къ получаемымъ имъ шести-рублевымъ разовымъ онъ расщедрился прибавить одинъ рубль.

Въ общемъ, директорство Сабурова было безслѣдно. Какъ чело-вѣкъ не опытный, не понимавшій театральнаго дѣла, онъ, конечно, не могъ принести ни малѣйшей пользы театру. Его властвованіе за кулисами было печальнымъ недоразумѣніемъ и только. Всѣ подчиненные отлично сознавали, что его пребываніе въ должности директора есть слѣдствіе какой-то роковой ошибки, и поэтому оно не долговременно, такъ что его начальствованіе всѣми переносилось съ мужествомъ и похвальнымъ терпѣніемъ. Какъ и слѣдовало ожидать, всеобщія надежды оправдались...

XIII.

Директоръ графъ Борхъ. — Его неосуществившіяся мечтанія. — Его отступленіе отъ натиска подчиненныхъ. — Надменность графа Борха. — Его обращеніе съ Ѳедоровымъ и Юргенсомъ. — Представленіе графу Борху. — Восторженное восклицаніе актера Алексѣева. — Бѣлые галстуки. — Незнакомство графа Борха съ драматической литературой. — Чей «Ревизоръ»? — Расправа съ режиссеромъ, бравшимъ вятки. — Порокъ наказанъ, а добродѣтель торжествуетъ. — С. А. Гедеоновъ. — Его драма «Смерть Ляпунова». — Мнѣніе о ней автора. — Взглядъ на сочиненія начальства. — Сценарій «Василисы Медентьевой». — Наружный видъ С. А. Гедеонова. — Мое съ нимъ знакомство. — Мнимый карточный долгъ его отца. — Уплата его. — Поднятіе Гедеоновымъ итальянской оперы. — Н. А. Лукашевичъ. — Его служба.

Послѣ Сабурова директорствовалъ графъ А. М. Борхъ. Это былъ аристократъ по происхожденію, сановникъ по положенію, но такъ же мало знакомый съ театральнымъ дѣломъ, какъ и предшественникъ его. Онъ былъ со всѣми весьма вѣжливъ, ко всѣмъ внимателенъ, но врожденная надменность не позволяла ему снисходить до изученія его ближайшихъ помощниковъ, отъ которыхъ зависѣло буквально «все». Онъ было подошелъ къ закулиснымъ и канцелярскимъ неурядицамъ съ смѣлою цѣлью ихъ исправить, но его, не приготовленнаго на борьбу, сразу же осадили въ самомъ началѣ благихъ мѣропріятій. Онъ не сталъ спорить съ подчиненными, еще до того забравшими въ свои руки власть, и послѣ двухлѣтнаго директорства покинулъ свою обезличенную тогда должность.

Графъ Борхъ не располагалъ къ себѣ прежде всего тѣмъ, что въ обращеніи своемъ, какъ съ артистами, такъ и съ чиновниками, даже такими, какъ Ѳедоровъ, или управляющій конторой А. Ѳ. Юргенсъ, держалъ себя слишкомъ гордо. При докладахъ онъ никогда не предлагалъ ни тому, ни другому садиться, и они, сами бывшіе въ солидныхъ чинахъ, по цѣлымъ часамъ стояли передъ директоромъ, сидѣвшимъ за письменнымъ столомъ. Считалось величайшею честью, если графъ Борхъ кому нибудь протягивалъ руку. Онъ былъ такъ надмененъ, что даже этотъ общепринятый знакъ пріѣтствія возвелъ на степень одолженія или формальности.

Съ виду это былъ очень красивый и пріятный старикъ, съ тщательно причесанными сѣдыми волосами и такими же бакенбардами. Въ театръ пріѣзжалъ не иначе, какъ въ бѣломъ галстукѣ и во фракѣ со звѣздами.

При назначеніи его директоромъ было объявлено всѣмъ труппамъ, чтобы артисты готовились къ извѣстному дню для представленія графу. Представленіе это должно было состояться въ собственномъ домѣ его, на Англійской набережной, рядомъ съ Сенатомъ (нынѣ этотъ домъ принадлежитъ Полякову).

Наша драматическая труппа представлялась новому директору вмѣстѣ съ русской оперной. Насъ пригласили во второй этажъ и

размѣстили въ двухъ великолѣпныхъ гостиныхъ, каждую труппу отдѣльно.

Вскорѣ появился графъ Борхъ. Войдя въ гостиную и увидавъ громадную толпу парадно разодѣтаго народа, выстроившагося въ двѣ шеренги, онъ нѣсколько смутился и не произнесъ ни одного слова.

Федоровъ началъ представлять каждого отдѣльно, называя по фамилии. Графъ подходилъ къ каждому по очереди и молча кивалъ головой, никого не удостоивая пожатіемъ руки.

Такимъ образомъ онъ дошелъ до артиста А. А. Алексѣева, который, проводивъ Борха глазами до слѣдовавшаго за нимъ члена труппы, восторженно произнесъ шепотомъ:

— Ахъ, какой ласковый!

Своего двухлѣтняго пребыванія въ директорской должности графъ Борхъ не ознаменовалъ ничѣмъ, если не считать приказа, которымъ онъ обязалъ всѣхъ музыкантовъ обязательно надѣвать бѣлые галстуки. До него этого порядка не существовало.

Въ знаніи театра и его литературы новый директоръ уподоблялся Сабурову. Однажды я подслушалъ такой разговоръ его съ режиссеромъ на сценѣ:

— Что сегодня у васъ играютъ? Какую пьесу?

— «Ревизора», ваше сіятельство.

— Комедія?

— Комедія.

— И хорошая?

— Знаменитая-съ, ваше сіятельство.

— Чья?

— Гоголя.

— А!! да... да... Гоголя... знаю, знаю... Это дѣйствительно хорошая вещь...

Изъ рассказовъ про графа Борха мнѣ извѣстенъ одинъ, касающійся его тонкой и справедливой расправы съ однимъ опернымъ режиссеромъ, который за взятки опредѣлялъ хористовъ на службу. Однажды къ графу явился какой-то невзрачный субъектъ и пожаловался на взяточничество этого господина, не исполнившаго своего обѣщанія и не принявшаго его въ хоръ русской оперы. Удостоверясь въ справедливости этого заявленія, директоръ призываетъ къ себѣ режиссера и, не подавая вида о томъ, что ему извѣстны его продѣлки, спрашиваетъ:

— Почему въ числѣ представленныхъ мнѣ къ принятію на службу хористовъ вы пропустили фамилію такого-то? Въ общемъ же списокъ, поданномъ мнѣ ранѣе, кажется, онъ значился?

— Хоръ у насъ, ваше сіятельство, уже вполне сформированъ. Не только ему, многимъ пришлось отказать въ просьбѣ.

— А мнѣ бы очень хотѣлось, чтобъ онъ служилъ. Нельзя ли какъ нибудь это устроить?

— Какъ вашему сіятельству будетъ угодно, но я осмѣлюсь доложить, что въ настоящее время у насъ не имѣется лишнихъ окладовъ. Нельзя же для него кого нибудь выгнать.

— Почему же нельзя? — попрежнему спокойно и невозмутимо сказалъ директоръ.

— Чѣе же мѣсто можно очистить? Я не знаю...

— Да вотъ хоть ваше. Я съ особымъ удовольствіемъ выгоняю васъ, а его принимаю.

Режиссеръ на другой же день былъ уволенъ, а жаловавшійся на него субъектъ зачисленъ въ хористы.

Вотъ все, чѣмъ ограничиваются мои воспоминанія о графѣ Борхѣ, котораго замѣнилъ Степанъ Александровичъ Гедеоновъ, сынъ прежняго директора Александра Михайловича Гедеонова. Степанъ Александровичъ совмѣщаль двѣ директорскія должности: одновременно былъ директоромъ императорскаго эрмитажа и директоромъ театровъ. Это былъ высокообразованный и замѣчательно умный человѣкъ. Его знанія и изслѣдованія по русской исторіи въ свое время цѣнились очень высоко. Онъ былъ весьма серьезенъ и дѣловитъ; чуть ли не единственнымъ его развлеченіемъ была игра на билліардѣ, къ слову сказать, на столько искусная, что Степанъ Александровичъ не имѣлъ соперниковъ.

Въ молодости онъ написалъ драму «Смерть Ляпунова», имѣвшую большой успѣхъ. Вступая въ должность директора, онъ высказалъ пожеланіе Федорову и другимъ, имѣвшимъ давленіе на репертуаръ, чтобы его пьесы при немъ не играли.

— Но почему? — удивился Павелъ Степановичъ. — Она превосходна и дѣлаетъ сборы.

— Мнѣ за нее не ловко... Вѣдь это мой юношескій грѣхъ... Кромѣ того, я, какъ начальникъ, долженъ быть лишень правъ на постановку своихъ сочиненій. Что могутъ подумать другіе драматурги? Я бы не хотѣлъ, чтобы они на меня обижались...

Онъ твердо держался этого мнѣнія, и когда придумалъ сценарій извѣстной исторической пьесы «Василиса Мелентьева», то не сталъ его разработывать самъ, а отдалъ весь свой матеріалъ А. Н. Островскому, который по его конспекту и написалъ эту драму, десятки лѣтъ не сходящую съ репертуара столичныхъ и провинціальныхъ театровъ.

Гедеоновъ не отличался своей внѣшностью, это былъ блѣднолицый господинъ съ длиннѣйшими густыми бакенбардами, съ курчавой, бѣлокурой, начинавшей сѣдѣть головой и съ спокойными, безжизненными глазами. Онъ постоянно имѣлъ видъ серьезнаго, сосредоточеннаго человѣка, не обращающаго ни малѣйшаго вниманія на окружающее его. Въ высшей степени вѣжливый и обходительный, хотя и не безъ сухости въ обращеніи, онъ, въ противоположность графу Борху, вступая въ директорство, просилъ Федорова не дѣлать официальнаго представленія ему артистовъ.

— Я сдѣлаю это гораздо проще, — сказалъ онъ, — переняюсь со всѣми при случаѣ.

И точно мое, напимѣръ, знакомство съ нимъ произошло оригинальнымъ образомъ.

Въ одинъ изъ спектаклей Александринскаго театра подходитъ ко мнѣ въ антрактѣ Гедеоновъ, о наружности котораго до этого я не имѣлъ никакого понятія, и говорить:

— Позвольте представиться и познакомиться: я директоръ императорскихъ театровъ.

Въ первый и, должно быть, въ послѣдній разъ видѣлъ я такое начало знакомства начальника съ подчиненнымъ.

С. А. Гедеоновъ былъ въ полномъ смыслѣ слова джентльмэнъ. Это можно заключить изъ одного поступка его съ актеромъ Б., который, не получая просимой прибавки къ разовымъ, вздумалъ скомпрометировать директора публичнымъ напоминаніемъ о карточномъ долгѣ его отца. Мстительный Б. явился въ приемную начальника и какъ только тотъ вышелъ изъ кабинета, онъ смѣло подошелъ къ нему и громко сказалъ:

— Покойный родитель вашъ, играя со мной не задолго до своей отставки въ карты, проигралъ мнѣ тысячу рублей и не заплатилъ ихъ въ обѣщанный срокъ. Теперь, крайне нуждаясь въ деньгахъ, я осмѣливаюсь обезпечить ваше превосходительство вопросомъ: не пожелаете ли вы отдать долга Александра Михайловича?

Гедеоновъ, ни сколько не смутясь и не провѣряя заявленія Б., спокойно отвѣтилъ:

— Память отца моего для меня священна, и я съ удовольствіемъ сію же минуту вручу вамъ его долгъ. Это моя обязанность!

И сейчасъ же вынесъ Б. требуемую сумму, но на прибавку, всетаки, не согласился.

Степанъ Александровичъ не особенно любилъ драматическій театръ. Большимъ его вниманіемъ пользовалась опера, въ особенности же итальянская, которая до него влачила жалкое существованіе и упала до того, что не дѣлала никакихъ сборовъ. При Гедеоновѣ она снова расцвѣла и опять сдѣлалась моднымъ средоточіемъ столичной аристократіи и завзятыхъ меломановъ. На подмосткахъ Маріинскаго театра появились Патти, Лукка и другія знаменитости, вновь овладѣвшія симпатіями петербуржцевъ къ опернымъ представленіямъ.

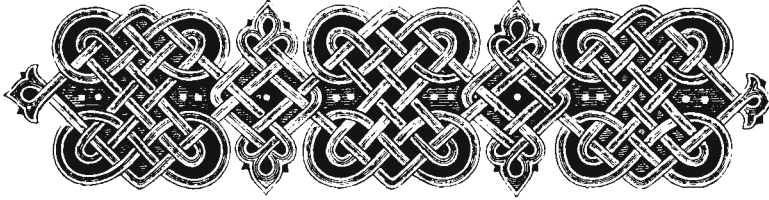
Вступивъ въ управленіе театрами, Гедеоновъ опредѣлилъ на службу въ дирекцію эрмитажнаго чиновника Н. А. Лукашевича, которому поручилъ завѣдываніе театральнымъ гардеробомъ и декоративною частью. Впослѣдствіи г. Лукашевичу пришлось играть не маловажную роль въ театральномъ управленіи. Онъ быстро пошелъ по служебной стезѣ и завоевалъ себѣ самостоятельное мѣсто

по хозяйственной части, которая всегда пребывала подъ вѣдѣніемъ управляющаго конторой, а немного позже, при директорствѣ барона Кистера, замѣнилъ хворавшаго Оедорова, послѣ смерти котораго, былъ назначенъ начальникомъ репертуара. Не берусь разбирать и обсуждать дѣятельность г. Лукашевича, но помню только одно, что для иныхъ подчиненныхъ, какъ, на примѣръ, для представителей оперной сцены, онъ былъ матерью, а для всѣхъ другихъ — мачехой. Дослужившись до генеральскаго чина и театральной реформы, онъ уволился въ отставку...

А. А. Нильскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

РОДОНАЧАЛЬНИКЪ НАШЕЙ ОБЛИЧИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВЪ ТЕКУЩЕМЪ мѣсяцѣ исполнится 150 лѣтъ со дня смерти нашего незабвеннаго сатирика, князя Антіоха Дмитріевича Кантемира, скончавшагося 31-го марта 1744 г.

150 лѣтъ — срокъ большой даже въ жизни народа съ тысячелѣтнею исторіею. Но, оглядываясь назадъ, мы, быть можетъ, не имѣемъ права гордиться ни одною стороною, ни однимъ проявленіемъ нашей народной жизни въ такой мѣрѣ, какъ именно нашею изящною словесностію. Родоначальникъ ея, Кантемиръ, сразу расчистилъ источникъ необычайно обильный; къ этому источнику присоединились вскорѣ новые, столь же обильные и свѣтлые, и постепенно образовалась рѣка, все углублявшаяся и расширявшаяся, захватывавшая все новыя стороны русской жизни, все разроставшаяся въ своемъ теченіи и создавшая наконецъ великій, могучій потокъ, столь же великій и столь же могучій, какъ главная водная артерія Россіи, какъ наша матушка Волга. Теперь эта краса русской природы мелѣетъ; только еще весною она напоминаетъ о быломъ обилии своихъ водъ, о русской шире, — говорятъ, что и русская литература нынѣ мелѣетъ, что прошло время ея пышнаго расцвѣта. Не здѣсь мѣсто касаться этого вопроса. Но, вспоминая незабвенныя заслуги Кантемира, мы, можетъ быть, яснѣе поймемъ причины оскуднѣнія современной литературы, если правы тѣ, кто о немъ говорятъ.

Значеніе Кантемира еще далеко не вполне выяснено. Правда, онъ причисленъ къ нашимъ классикамъ, и ему отведено почетное

мѣсто во всѣхъ учебникахъ русской словесности. Но когда дѣло коснется причинъ, на основаніи которыхъ Кантемиру отводится столь выдающееся мѣсто, мнѣнія сильно расходятся. Его сатиры встрѣтили восторженный откликъ въ современномъ ему обществѣ; лучшіе люди того времени нашли въ нихъ выраженіе самыхъ сокровенныхъ своихъ чувствъ, самыхъ возвышенныхъ своихъ стремленій. Но вслѣдъ затѣмъ о Кантемирѣ начинаютъ забывать. Величественный образъ Ломоносова его затемняетъ. Нарождаются новыя свѣтила русской литературы: Фонвизинъ, Державинъ. Уже въ началѣ текущаго вѣка Жуковскій жалуется, что «рѣдкій изъ русскихъ развертываетъ Кантемира, не смотря на то, что «Кантемиръ только по языку долженъ быть причисленъ къ стихотворцамъ стариннымъ, а по искусству онъ принадлежитъ къ новѣйшимъ и самымъ образованнымъ».

«Старинный слогъ его достоинствъ не умалить;

«Порокъ! не подходи: сей взоръ тебя ужалитъ».

Вспомнилъ о немъ и Батюшковъ, написавшій свой знаменитый «Вечеръ у Кантемира», гдѣ родоначальникъ нашей изящной словесности говоритъ: «я первый осмѣлился писать такъ, какъ говорить; я первый изгналъ изъ языка нашего грубыя слова славянскія, чужестранныя, не свойственныя языку русскому, и открылъ новую дорогу для грядущихъ талантовъ». Въ той же статьѣ Батюшкова Кантемиръ говоритъ: «сердце человѣческое есть лучшій источникъ поэзіи», и, какъ бы резюмируя завѣтъ Петра, обращается къ Россіи со словами: «иди впередъ, не останавливайся на поприщѣ, мною отвергномъ, и достигнешь великой цѣли».

Мы видимъ, слѣдовательно, что и Жуковскій, и Батюшковъ понимали выдающееся значеніе Кантемира. Но послушаемъ, что говорятъ о немъ первые наши литературные критики. Бѣлинскій выражается слѣдующимъ образомъ: «онъ былъ иностранецъ, слѣдовательно не могъ сочувствовать народу и раздѣлять его надежды и опасеній; ему было съ пола-горя смѣяться... Что онъ былъ не поэтъ, этому служить доказательствомъ то, что онъ забытъ». Такъ выражался о Кантемирѣ Бѣлинскій въ началѣ своей дѣятельности. Впослѣдствіи онъ неоднократно возвращался къ Кантемиру и высказывался все въ томъ же духѣ. «Сатиры Кантемира — явленіе чисто случайное... Духъ народный въ нихъ не участвовалъ... Кто составлялъ публику сатиръ Кантемира? Самъ авторъ ихъ... Я уже читалъ Кантемира, а перечитывать и страшусь подумать, потому что я читаю не изъ одного любопытства, но и для удовольствія». Затѣмъ Бѣлинскій признаетъ родоначальникомъ нашей изящной словесности Ломоносова. Впрочемъ, скоро онъ развѣнчиваетъ и его, ибо «только съ Пушкина начинается русская литература: въ его поэзіи бьется пульсъ русской жизни. Это уже не знакомство Россіи съ Европою, а Европы съ Россією». Если возможно, еще рѣзче высказывается

Полевой. «Забытый своими, хотя въ 1728 г. пожалованный въ поручики, онъ (Кантемиръ) вздумалъ даже писать русскіе стихи, и едва ли не досада была первымъ его вдохновеніемъ... Что такое были сатиры Кантемира? Не громкій и звучный голосъ сильной души, негодующей на порокъ своего вѣка, но мелкая насмѣшка надъ смѣшнымъ... Сатиры Кантемира не имѣютъ никакого права на

Князь Антиохъ Дмитріевичъ Кантемиръ.

наше вниманіе... Перестанемъ же говорить о поэтическомъ достоинствѣ и руссизмѣ Кантемировыхъ сатиръ». Интересно, однако, что одновременно графъ Д. Толстой писалъ о Кантемирѣ: «онъ понялъ геній языка русскаго», что такой знатокъ нашей словесности, какъ Шевыревъ, въ свою очередь писалъ: «изучить Кантемира въ отношеніи къ его вѣку—трудъ богатый», и что наконецъ самъ Бѣлинскій, кореннымъ образомъ измѣнивъ свой взглядъ на Кантемира, подъ конецъ своей дѣятельности писалъ: «Кантемиръ, всетаки,

остаётся человѣкомъ съ необыкновеннымъ талантомъ... Въ лицѣ Кантемира русская поэзія обнаружила стремленіе къ дѣйствительности, къ жизни, какъ она есть, основала свою силу на вѣрности натурѣ... Этотъ человѣкъ по какому-то счастливому инстинкту первый на Руси свелъ поэзію съ жизнью, тогда какъ самъ Ломоносовъ только развелъ ихъ надолго... По мнѣ нѣтъ цѣны этимъ неуклюжимъ стихамъ умнаго, честнаго и добраго Кантемира... Перо Кантемира было первымъ плугомъ... Кантемиръ былъ первымъ сподвижникомъ Петра на такомъ поприщѣ, котораго Петръ не дождался увидѣть, но которое, какъ все въ Россіи, приготовлено имъ же. Сатиры Кантемира, какъ и всѣ его стихотворныя произведенія, пользовались большою извѣстностью въ обществѣ того времени. Для меня гораздо легче и пріятнѣе читать сатиры Кантемира, нежели громозвучныя оды Ломоносова... Онѣ говорятъ мнѣ не о заоблачныхъ превыспренностихъ по случаю плоскыхъ иллюминацій, а о живой дѣйствительности... о нравахъ общества».

Такимъ образомъ, Бѣлинскій самъ себя опровергъ. Новое его сужденіе о Кантемирѣ, діаметрально противоположное первоначальному, относится къ 1845 г. Черезъ три года, то-есть черезъ сто слишкомъ лѣтъ послѣ смерти Кантемира, появилась въ русской литературѣ первая обстоятельная оцѣнка значенія нашего сатирика, принадлежащая перу Дудышкина,—первая и, надо сказать, до сихъ поръ наиболѣе обстоятельная и дѣльная. Дудышкинъ сравниваетъ Кантемира съ тѣми иномземными писателями, у которыхъ онъ, повидимому, наиболѣе заимствовалъ,—съ Ювеналомъ, Гораціемъ, Буало, и приходитъ къ выводу, что заимствованія гораздо болѣе касаются формы, чѣмъ содержанія. «Кантемиръ, — говоритъ Дудышкинъ:—первый въ литературномъ мірѣ обратился къ русскому обществу и искалъ въ немъ предмета для стихотворства; онъ же первый открыто, неподдѣльно началъ сатирическую нашу литературу. Онъ... былъ человѣкъ... сознававшій потребности Россіи и благородно дѣйствовавшій на открытомъ ему поприщѣ, сколько позволяли силы». Послѣ Дудышкина никто уже не постарался дать сколько нибудь обстоятельную оцѣнку значенія Кантемира. Говоря это, мы нисколько не хотимъ умалить большія достоинства трудовъ покойнаго Стоюнина, но труды эти имѣютъ не столько литературно-критическій, сколько біографическій характеръ. Къ тому же ни статьи Дудышкина, ни нѣкоторыхъ работъ Стоюнина теперь въ продажѣ нѣтъ. Такимъ образомъ, русскій читатель черпаетъ свои знанія о Кантемирѣ и свои воззрѣнія на него преимущественно изъ учебниковъ русской словесности, а составители этихъ учебниковъ, за исключеніемъ П. Полевого, въ значительной степени усвоили себѣ отрицательный взглядъ на Кантемира. «По своему общественному положенію,—говорится у Галахова:—Кантемиръ вращался въ сферѣ высшей... Низшіе слои разныхъ сословій и званій оставались для

него въ сторонѣ, не знаемые имъ и не возбуждавшіе къ себѣ его вниманія(?!).. Тредьяковскій имѣлъ право назвать Кантемира чужестраннымъ человѣкомъ». Г. Порфирьевъ съ своей стороны говоритъ: «Кантемиру, какъ не русскому по происхожденію, не приходило, вѣроятно, и на мысль заботиться о сохраненіи національных элементовъ русскихъ при образованіи» и т. д. Словомъ, подрастающее наше поколѣніе и лица, желающія составить себѣ на основаніи общедоступныхъ книгъ понятіе о Кантемирѣ, вводятся въ явное заблужденіе относительно истиннаго его значенія. Первоначальное сужденіе Бѣлинскаго, отъ котораго онъ, какъ мы видѣли, отрекся,—именно, что Кантемиръ, какъ иностранецъ, не могъ сочувствовать русскому народу, и что его не стоитъ теперь перечитывать,—сдѣлалось какъ бы обязательнымъ для составителей учебниковъ словесности. вмѣстѣ съ тѣмъ, почетное мѣсто отводится въ нихъ Кантемиру какъ бы по внѣшнему принужденію, а не въ силу собственнаго внутренняго побужденія. Словомъ, широкая публика, перечитывающая изъ трудовъ Бѣлинскаго преимущественно статьи общаго характера, а не спеціальныя изслѣдованія, въ родѣ тѣхъ, которыя онъ уже подъ конецъ жизни посвятилъ Кантемиру, забыла о нашемъ первомъ сатирикѣ. Установилось болѣе или менѣе общее мнѣніе, что Кантемира теперь читать не стоить ¹⁾.

Однако, мы съ другой стороны видимъ, что многіе выдающіеся писатели и критики ставятъ его дѣятельность чрезвычайно высоко, даже выше литературной дѣятельности Ломоносова. Сдѣлаемъ же попытку разобраться въ этихъ противорѣчивыхъ сужденіяхъ.

Въ 1867 году въ англійскомъ журналѣ «The Reader» появились одна за другой три статьи подъ заглавіемъ: «Studies in modern Russian Literature», неизвѣстнаго автора, посвященныя Ломо-

¹⁾ Литература о Кантемирѣ находится у насъ еще въ младенческомъ состояніи. Мы приведемъ здѣсь главные труды, чтобы дать читателю возможность ознакомиться съ тѣмъ, что до сихъ поръ написано. Трудовъ біографическаго содержанія, всетаки, больше, чѣмъ критическихъ. Въ первомъ отношеніи заслуживаютъ особеннаго вниманія труды покойнаго Стоюнина, то-есть его общая біографія, приложенная къ Ефремовскому собранію сочиненій Кантемира, изданному Глазуновымъ въ 1867—1868 г., затѣмъ двѣ статьи Стоюнина, помѣщенныя въ «Вѣстникѣ Европы» за 1867 и 1880 гг.: «Князь Кантемиръ въ Лондонѣ и Парижѣ». Дополненіе къ этимъ работамъ представляетъ вышедшая въ 1891 г. книга г. Шимко: «Новыя данныя къ біографіи А. Д. Кантемира и его ближайшихъ родственниковъ». Собранія реляцій кн. Кантемира изъ Лондона, предпріятаго проф. Александренко, вышелъ въ 1892 г. пока только первый томъ, обнимающій реляціи за первые два года (явъ 6) дипломатической дѣятельности нашего сатирика въ столицѣ Англій. Что касается до критической оцѣнки трудовъ Кантемира, то самую обстоятельную статью, какъ мы видѣли, все еще остается статья Дудышкина, помѣщенная въ «Современникѣ» за 1848 г. Сводъ же всего написаннаго о Кантемирѣ, равно какъ и попытку самостоятельнаго освѣщенія его дѣятельности читатель найдетъ въ трудѣ автора этихъ строкъ «А. Д. Кантемиръ, его жизнь и литературная дѣятельность. 1893 г.»

посову, Кантемиру и Екатеринѣ II и прошедшія у насъ совершенно незамѣченными. Сравнивая двухъ первыхъ писателей, авторъ говоритъ: «Въ сочиненіяхъ Ломоносова мы видимъ стремленіе къ знанію и учености; въ произведеніяхъ Кантемира — презрѣніе къ невѣжеству и нравственной испорченности. Одинъ нападаетъ на то, что ниже его, другой восхваляетъ то, что выше его... Кантемировы сатиры совершенно народны и представляютъ собою картину русскихъ нравовъ, современныхъ ихъ автору... Сочиненія же Ломоносова и по содержанію, и по слогу принадлежатъ къ произведеніямъ (ложно) классическимъ»... Въ этихъ немногихъ словахъ удивительно мѣтко указана разница между музою Кантемира и музою Ломоносова. Мы хотѣли бы сдѣлать только оговорку, что то, что представляется англійскому критику у Ломоносова ложно-классическимъ, въ сущности не что иное, какъ проявленіе чувства, которое нашло себѣ въ двухъ различныхъ формахъ сильное, иногда даже преобладающее выраженіе въ нашей литературѣ...

Какое же это чувство? Это любовь къ отечеству, патриотизмъ. Выражается же оно во всей нашей литературѣ, начиная съ Кантемира и Ломоносова и доходя до нашихъ дней, съ одной стороны, въ восхваленіяхъ нашего отечества, его внѣшнихъ и внутреннихъ подвиговъ, съ другой стороны—въ жгучей скорби надъ его несовершенствами, принимающей часто форму язвительной, злой насмѣшки. Первая черта нашего національнаго настроенія вызвала литературу оды, или, какъ выражался Бѣлинскій, литературу «заоблачныхъ превыспренности по случаю плоскыхъ иллюминацій». Вторая вызвала такъ называемую обличительную литературу. Великою несправедливостью было и будетъ считать одно изъ этихъ проявленій истиннымъ патриотизмомъ, а другое признавать за отсутствіе любви къ отечеству или даже за измѣну. Кантемиръ былъ такой же горячій патриотъ, какъ Ломоносовъ. Оба они одинаково любили Россію, одинаково были ей преданы всей душою, одинаково готовы были положить за нее жизнь. Но Ломоносовъ писалъ оды, а Кантемиръ сатиры; Ломоносовъ восторгался, Кантемиръ скорбѣлъ; Ломоносовъ говорилъ восторженно о нашемъ отечествѣ, Кантемиръ смѣялся надъ нимъ сквозь слезы. Ему принадлежитъ стихъ:

«Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу».

Уже съ Кантемира, слѣдовательно, начинается въ нашей литературѣ смѣхъ сквозь кровавыя, жгучія слезы, какъ уже съ Ломоносова въ нашей литературѣ начинается восторженное отношеніе къ нашему отечеству. Когда Ломоносовъ писалъ свои оды, имъ руководило далеко не одно только желаніе кадить сильнымъ міра сего, а когда Кантемиръ писалъ свои сатиры, онъ далеко не былъ иностранцемъ, издѣвавшимся надъ чуждою ему Россією, какъ не кадилъ сильнымъ міра сего и Пушкинъ, обращавшійся съ своимъ вылитымъ изъ стали стихомъ къ «Клеветникамъ Россіи», какъ не былъ иностранцемъ Гоголь, такъ зло осмѣявшій въ «Ревизорѣ»

и «Мертвыхъ душахъ» русскаго человѣка и господствующіе въ нашемъ отечествѣ порядки. Всѣ они,—и мы не знаемъ, кто больше,— были великіе патріоты, люди, о которыхъ по истинѣ можно сказать, что они знали «одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть», и эта дума, эта страсть была забота о благополучіи родины, любовь къ ней.

Не здѣсь мѣсто выяснять, почему въ нашей изящной словесности и даже въ нашей литературѣ вообще уживаются два какъ бы противоположныхъ теченія: восторженное отношеніе къ Россіи, глубокая вѣра въ ея будущность и злая насмѣшка надъ нашею родиною, скептицизмъ, доходящій до отчаянія. Это завело бы насъ слишкомъ далеко. Во всякомъ случаѣ Кантемиръ и Ломоносовъ до того проникнуты чувствомъ патріотизма, что мы не можемъ понять ни жизни, ни произведеній этихъ двухъ писателей, если не примемъ во вниманіе этого чувства. Ломоносовъ вышелъ изъ народа, испыталъ на себѣ всю тяжесть тогдашнихъ условій народной жизни. Онъ рвался къ свѣту, къ наукѣ. Какъ характеренъ для его настроенія уже первый написанный имъ стихъ:

«Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
«Ведеть на верхъ горы высокой»...

Идеальныя блага представлялись ему наиболѣе заманчивыми, онъ мало вѣрилъ, что изъ самой народной жизни выйдетъ обновленіе. Онъ думалъ только о томъ, какъ бы добиться успѣховъ науки, и признавалъ основною силою въ этомъ дѣлѣ правительство, верховную власть. Съ этою картиною душевнаго настроенія Ломоносова во многихъ пунктахъ совпадаетъ и душевное настроеніе Кантемира. Въстѣ съ Ломоносовымъ Кантемиръ безусловно вѣрилъ въ силу науки, вѣрилъ, что она обновитъ Россію, и признавалъ, что основнымъ факторомъ въ достиженіи этой цѣли является правительство, верховная власть. У обоихъ передъ глазами былъ величественный примѣръ, могучая фигура царя-преобразователя, предъ которымъ Кантемиръ и Ломоносовъ въ равной мѣрѣ преклонялись. Кантемиръ писалъ не однѣ сатиры; въ его произведеніяхъ иногда, хотя и рѣдко, звучитъ пафосъ, столь сродный душѣ Ломоносова.

«Петра, когда глаголю, что ни заключаю,
«Въ той самой рѣчи?..
«...все, что либо звать совершеннымъ можно».

Онъ говоритъ, что «русскій народъ зоветъ больше сердцемъ, чѣмъ устами Петра I великимъ и отцомъ», что «трудъ Петра былъ корнемъ нашей славы». Онъ скорбитъ, что

«Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предредала
«Надъ всѣмъ мудрость и вѣнцы одна раздѣляла,
«Будучи способъ одна къ вышему восходу:
«Златой вѣкъ до нашего не достигнулъ роду».

Не даромъ Кантемиръ началъ писать «Петриду», какъ Ломоносовъ написалъ поэму: «Петръ Великій». Какъ ни различно выразился патріотизмъ этихъ двухъ писателей, въ одномъ они сходились: въ восторженномъ настроеніи, которое въ нихъ вызывалъ мощный образъ Петра. Мало того, именно потому, что они видѣли Петра, что они, какъ наиболѣе просвѣщенные люди своего времени, поняли громадную, величественную задачу царя-преобразователя, и потому, что они оба всецѣло находились подъ обаяніемъ его крупной личности, они были проникнуты монархическимъ чувствомъ. Какъ и въ послѣдствіи многіе изъ ихъ преемниковъ, они нисколько не сомнѣвались, что только сильная государственная власть можетъ двинуть Россію по пути того прогресса, который они призывали всѣми силами своей души, для котораго они трудились и жили. Въ то время могла быть только рѣчь о двухъ формахъ правленія, монархической и аристократической, другихъ жизнь еще не выработала. Успѣхи, совершенные Петромъ, были изумительны: онъ открылъ совершенно новую эру въ нашей исторіи. Аристократическое правленіе существовало въ сосѣдней Польшѣ и уже дало печальные плоды. Для Россіи торжество аристократіи означало возвращеніе къ боярству, къ той силѣ, которая нанесла намъ такой вредъ и съ которою пришлось самымъ выдающимся нашимъ царямъ вести жестокую борьбу для обезпеченія успѣховъ государственности и культуры. Петръ нанесъ этому боярству рядъ окончательныхъ, смертельныхъ ударовъ, и, конечно, не людямъ, понимавшимъ громадное значеніе дѣла Петрова, могло придти на умъ взять сторону боярства или, какъ оно въ то время называлось у насъ по польскому образцу, шляхетства противъ царской власти, объединившей Россію, создавшей государство, крѣпость и сила котораго стали такъ наглядно проявляться именно при Петрѣ. Если Ломоносовъ писалъ оды въ честь монарховъ, если Кантемиръ во время подготовлявшагося государственнаго переворота при воцареніи Анны Іоанновны, вдругъ 20-лѣтнимъ юношею выступилъ рѣшительно на защиту самодержавія противъ бояръ, то оба они дѣйствовали по глубокому, искреннему убѣжденію, а не по недомыслію или какимъ нибудь личнымъ мотивамъ, какъ склонны думать многіе критики и историки, оцѣнивавшіе политическое значеніе дѣятельности и трудовъ нашихъ первыхъ выдающихся свѣтскихъ писателей. Посошковъ, Прокоповичъ, Татищевъ, Кантемиръ, Ломоносовъ, то-есть все, что создала тогда самага выдающагося русская жизнь на почвѣ литературы, было объединено въ политическомъ отношеніи одною общею мыслью, именно всевозможною защитою монархическаго принципа, совершенно независимо отъ личности его носителей. Въ частности по отношенію къ Кантемиру мы не можемъ не подтвердить здѣсь, что онъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ по глубокому, непреклонному убѣ-

жденію, такъ какъ лично онъ неоднократно былъ сильно заинтересованъ въ томъ, чтобы противодѣйствовать смѣнявшимся монархамъ и ихъ временщикамъ. Намъ нечего распространяться здѣсь о томъ, что нашъ сатирикъ матеріально страшно пострадалъ отъ господствовавшихъ въ то время политическихъ порядковъ, что онъ самымъ незаконнымъ образомъ былъ лишенъ значительнаго отцовскаго наслѣдства и остался почти безъ всякихъ средствъ къ существованію: Голицынъ, выдавъ свою дочь замужъ за брата нашего сатирика, вопреки завѣщанію отца, вопреки волѣ Петра, отнялъ у Кантемира все отцовское наслѣдство, а когда вступила на престолъ Анна Іоанновна, и знаменитыя кондичіи были въ значительной степени благодаря содѣйствію Кантемира уничтожены, наслѣдство ему не было возвращено, и онъ на всю жизнь остался человѣкомъ не обезпеченнымъ въ матеріальномъ отношеніи. Мало того, когда онъ состоялъ русскимъ резидентомъ и посланникомъ въ Лондонѣ и Парижѣ, ему постоянно приходилось, не смотря на очень скромный образъ жизни, входить въ долги, потому что правительство отказывало ему въ самомъ необходимомъ; когда его постигла болѣзнь, которая его свела столь преждевременно въ могилу, ему изъ Петербурга отказано было даже въ непродолжительномъ отпускѣ для поправленія здоровья. Но, не смотря на все это, онъ не измѣняетъ своимъ политическимъ убѣжденіямъ: онъ продолжаетъ неуклонно вѣрить, что только сильная государственная власть можетъ обезпечить благополучіе отечества, а благополучіе отечества для него дороже всего на свѣтѣ.

Въ общей я пользѣ собственную чаю,—

писалъ Кантемиръ. Такимъ образомъ его личность какъ бы исчезаетъ, какъ бы сливается съ обществомъ, народомъ, государствомъ. Патріотизмъ Кантемира и Ломоносова приводитъ обоихъ къ государственности. Любовь къ отечеству и способы обезпеченія его благополучія—вотъ что ихъ занимаетъ, вотъ что составляетъ главное содержаніе ихъ поэтическихъ произведеній. Не характерно ли, что выдающіеся наши писатели прошлаго вѣка почти совсѣмъ не занимаются любовью къ женщинѣ, вдохновляюще главнымъ образомъ поэтовъ всѣхъ временъ и народовъ. Кантемиру принадлежитъ стихъ:

Любовны пѣсни писать, я чаю, тѣхъ дѣло,
Коихъ столько умъ не спѣлъ, сколько слабо тѣло.

И дѣйствительно, какъ Кантемиръ, такъ и Ломоносовъ почти совсѣмъ не занимаются женщиною; всѣ ихъ помыслы заняты общою, государственною пользою, любовь ихъ сосредоточивается на отечествѣ, ненависть—на тѣхъ, кто ему вредитъ. И Кантемира, и Ломоносова можно назвать въ этомъ смыслѣ поэтами государственными. Государственность они оба ставили на первомъ планѣ. Разница между ними заключается только въ томъ, что родоначаль-

никъ нашей изящной словесности, Кантемиръ, этотъ первый нашъ литераторъ, сознавшій государственное значеніе литературы или, какъ онъ выразился, «силу голой правды», рѣшительнѣе и смѣлѣе обращался съ печатнымъ словомъ къ представителямъ власти, громко провозглашая, что «царю лютость не пристала», что правители, «будучи добрыми», не должны знать, какъ «быть злыми», и что

Злы совѣты правящимъ подъ небомъ народы
Бѣгать должны...

Но не только въ этомъ пунктѣ убѣжденія Кантемира и Ломоносова вполнѣ совпадали. Если они оба одинаково вѣрили, что Россія можетъ сдѣлать дальнѣйшіе шаги на пути обезпеченія своего благосостоянія и могущества только при содѣйствіи сильной и независимой государственной власти, то они оба не менѣе горячо были убѣждены, что эта власть должна посвятить свои усилія преимущественно насажденію въ Россіи образованности. Безъ науки нѣтъ спасенія. «Петръ, отецъ нашъ... училища основалъ»,—воспѣваетъ Кантемиръ царя-преобразователя. «Науки пользуют вездѣ»,—провозглашаетъ Ломоносовъ. Онъ боится наказанія отъ «правосудія и всемогущаго Промысла», если не преодолѣетъ «всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что ему всего въ жизни дороже». Даже трудно сказать, который изъ двухъ родоначальниковъ нашей изящной словесности—Ломоносовъ или Кантемиръ, былъ болѣе преданъ наукѣ и болѣе заботился объ ея распространеніи. Между ними существуетъ развѣ только та разница, что Ломоносовъ самостоятельно трудился надъ наукою и имѣлъ возможность почти всецѣло посвятить себя ей, въ то время какъ Кантемиръ, жизнь котораго, какъ извѣстно, была очень коротка, былъ отвлеченъ отъ научныхъ занятій дипломатическою дѣятельностью. Но если онъ принялъ дипломатическій постъ, то руководствовался не однимъ только сознаніемъ долга нести государственную службу, но и надеждою, что ему удастся полнѣе посвятить себя любимой наукѣ въ центрахъ европейской образованности. И какъ на родинѣ, такъ и въ чужихъ краяхъ онъ постоянно думалъ только о томъ, какъ бы воспользоваться приобрѣтенными знаніями для распространенія просвѣщенія въ Россіи. Онъ то и дѣло переводитъ полюбившихся ему авторовъ на русскій языкъ, при чемъ имѣетъ въ виду искорененіе разныхъ предразсудковъ и суевѣрій, господствовавшихъ въ русскомъ обществѣ,—переводитъ Фонтенеля, Юстина, Корнелія Непота, «Персидскія Письма», Эпиктета, Альгероти, составляетъ руководство по алгебрѣ и просодіи, мечтаетъ о томъ, чтобы по возвращеніи на родину занять постъ президента академіи наукъ, и считаетъ этотъ постъ наиболѣе для себя почетнымъ, наиболѣе соответствующимъ своимъ задушевнѣйшимъ стремленіямъ. Въ силу своего происхо-

жденія и личныхъ связей при дворѣ, онъ могъ безъ особенныхъ усилій занять видное, если не первенствующее положеніе въ тогдашней администраціи, особенно, если бы онъ женился,—а серьезныхъ препятствій къ этому не встрѣчалось,—на богатѣйшей въ то время невѣстѣ, княжнѣ Черкасской. Но онъ и тутъ пожертвовалъ своими личными интересами, чтобы полнѣе посвятить себя наукѣ и ея распространенію въ отечествѣ. Словомъ, въ этихъ двухъ отношеніяхъ, то-есть, въ основныхъ политическихъ взглядахъ и въ страстной любви къ наукѣ, между Ломоносовымъ и Кантемиромъ нѣтъ никакой разницы: они оба были убѣждены, что благо отечества требуетъ прежде всего всевозможнаго распространенія образованности, и что наиболѣе надежнымъ факторомъ въ дѣлѣ достиженія этой цѣли является сильная государственная власть.

Но еще въ одномъ отношеніи Кантемиръ и Ломоносовъ были полные единомышленники. Кантемиръ былъ человѣкъ глубоко вѣрующій и притомъ въ духѣ той религіи, въ которую былъ крещенъ. Нѣкоторые наши словесники упрекаютъ его за то, что онъ относился пренебрежительно къ православному духовенству, и объясняютъ это иностраннымъ его происхожденіемъ. Такое объясненіе совершенно несостоятельно. Кантемиръ находился въ близкомъ общеніи съ выдающимися дѣятелями нашей церкви, которые безусловно одобряли его произведенія, даже восторгались ими, какъ, напримѣръ, Прокоповичъ и Кроликъ. Еще въ дѣтствѣ онъ проявлялъ глубокое религиозное чувство. Всѣ его произведенія проникнуты имъ, а его «Письма о природѣ и человѣкѣ», въ которыхъ онъ излагаетъ сущность своего этического міросозерцанія, и которыя были написаны уже подъ конецъ его жизни, въ 1742 году, служатъ столь же нагляднымъ свидѣтельствомъ его религиознаго настроенія. Но будучи глубоко-вѣрующимъ человѣкомъ, онъ былъ далекъ отъ всякой нетерпимости. Въ этомъ отношеніи въ немъ также проявлялась чисто-русская національная черта. Живя въ Россіи, онъ былъ друженъ съ лучшими представителями нашей церкви; живя за границею, онъ насчитывалъ въ числѣ своихъ друзей выдающихся представителей католической церкви, изъ которыхъ одинъ аббатъ Венути написалъ первую его біографію и относился къ нему съ глубокимъ уваженіемъ. Религія Кантемира была религіею истинно просвѣщеннаго человѣка, а религиозныя чувства его по силѣ своей не уступали патріотическому его чувству и его страстной любви къ просвѣщенію. Если Кантемиръ сатирическимъ перомъ бичевалъ недостатки нашего духовенства, если онъ писалъ своей сестрѣ, что онъ «чернцовъ весьма гнушается», то это вызывалось, конечно, не его иностраннымъ происхожденіемъ, не недостаткомъ въ немъ религиознаго или патріотическаго чувства, а именно этими чувствами, то-есть, страстнымъ желаніемъ, чтобы отечество, которое онъ такъ любилъ, чтобы рели-

гія, которую онъ такъ высоко ставилъ, не пострадали отъ порочности, отъ невѣжества людей, которымъ были довѣрены насущные интересы просвѣщенія и вѣры. Надо совершенно не понимать міросозерцанія Кантемира, чтобы этого не видѣть и не уяснить себѣ, что, если онъ «пятналъ злой нравъ», то всегда руководствовался страстною любовью къ отечеству и просвѣщенію, что онъ «гнушался чернцовъ» и осмѣивалъ многихъ представителей нашего духовенства вовсе не по недостатку религіознаго и патриотическаго чувства, а потому, что самъ былъ глубоко проникнуть религіознымъ чувствомъ и патриотизмомъ.

Наконецъ, отмѣтимъ еще одну общую черту между Кантемиромъ и Ломоносовымъ. Если Ломоносовъ вышелъ изъ народной среды, а нашъ первый сатирикъ былъ сынъ иностраннаго, хотя и православнаго владѣтельнаго князя, то и Кантемиръ, подобно Ломоносову, имѣлъ случай уже съ ранняго дѣтства близко познакомиться со всѣми классами русскаго общества, не исключая и народной, крестьянскаго среды. Уже двухъ-лѣтнимъ ребенкомъ онъ пріѣхалъ въ Россію, жилъ сначала въ провинціи, въ помѣстьяхъ, дарованныхъ его отцу, очень много вмѣстѣ съ нимъ путешествовалъ, извѣздилъ, такъ сказать, всю Россію, и поэтому неудивительно, что уже въ первой его сатирѣ, доставившей ему славу и написанной въ такомъ возрастѣ, когда другіе не пишутъ, а только еще учатся, проявился чисто русскій духъ не только въ самомъ содержаніи сатиры, которая могла сложиться единственно на русской почвѣ, но и въ языкѣ, сильномъ, образномъ, чисто русскаго склада, на сколько тогда литературный языкъ вообще могъ быть чисто національнымъ. Не даромъ такой знатокъ нашего языка, какъ Батюшковъ, сказалъ о Кантемирѣ, что онъ «первый въ Россіи осмѣлился писать, какъ говорили»; не даромъ другой критикъ говоритъ, что Кантемиру удалось избѣжать пустой напыщенности и употребленія иностранныхъ словъ безъ нужды, и притомъ въ эпоху господства литературной схоластики; не даромъ графъ Д. Толстой указываетъ въ Кантемировскихъ сатирахъ на цѣлый рядъ чисто русскіхъ оборотовъ и выраженій, не имѣющихъ ничего общаго съ витіеватымъ полу-славянскимъ, полу-польскимъ языкомъ того времени; не даромъ, наконецъ, многіе изъ его стиховъ превратились въ поговорки, которыя были столь же распространены въ восемнадцатомъ вѣкѣ, какъ въ нашемъ многіе изъ стиховъ «Горя отъ ума». Приподнятый слогъ польско-латинскихъ риториковъ постоянно прерывается у Кантемира чисто русскою образною, сильною народною рѣчью, подчасъ не имѣющею ничего общаго съ книжнымъ языкомъ.

Таковы основы міросозерцанія Кантемира и Ломоносова. Какъ мы выяснили, онѣ совпадаютъ. Пламенный патриотизмъ, готовность всецѣло посвятить себя служенію государству, любовь къ

наукѣ, религіозность, сильное чувство народности—все это ихъ соединяетъ. Но Ломоносовъ вышелъ непосредственно изъ народа и тяготился сѣброю дѣйствительностью. Его прельщали главнымъ образомъ высшія проблемы науки, величественныя картины природы. Лишь въ зрѣломъ возрастѣ онъ призадумался надъ вопросомъ, какъ осуществить въ жизни идеальныя блага, которыми онъ вдохновлялся, и когда задался этою мыслью, то принялся съ энергіею, свойственною его геніальной натурѣ, писать записки о переустройствѣ окружавшихъ его условій, изъ коихъ сохранились, къ сожалѣнію, весьма немногія. Совершенно иное было настроеніе Кантемира. Онъ росъ окруженный нѣжными и умѣлыми заботами любящихъ и высокообразованныхъ родителей и притомъ не только въ довольствѣ, но даже въ богатствѣ. Просвѣщеніе, къ которому рвался Ломоносовъ юношею, и которое онъ завоевалъ только благодаря исключительно даровитой натурѣ и изумительной энергіи съ затратою неимовѣрнаго труда, съ тяжелыми душевными муками, досталось Кантемиру какъ бы шутя; проза жизни почти совсѣмъ не коснулась его; обладая такимъ запасомъ знаній, какимъ не располагали даже самые просвѣщенные изъ его современниковъ, онъ уже въ ранней молодости вступилъ въ жизнь во всеоружіи полной научной подготовки. Въѣствѣ съ тѣмъ его патриотическое чувство должно было вызвать въ немъ совершенно иное настроеніе, чѣмъ у Ломоносова. Онъ не могъ довольствоваться приобрѣтеніемъ знаній, разработкою научныхъ вопросовъ, онъ чувствовалъ непреодолимую потребность подѣлиться этими знаніями съ своими соотечественниками, чтобы двинуть ихъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, приблизить ихъ къ тѣмъ идеаламъ, которыми онъ самъ былъ воодушевленъ. Уже въ дѣтствѣ онъ пытливо озирался изъ гнѣздышка, свитаго ему любящею рукою отца, приглядывался къ окружавшей его дѣйствительности сличалъ ее съ тѣмъ, что вычитывалъ изъ книгъ, и привыкалъ относиться къ ней критически. На семнадцатомъ году жизни онъ переводить въ поученіе своимъ согражданамъ книгу, въ которой описываются нравы парижанъ и французовъ. Въ слѣдующемъ своемъ трудѣ онъ уже прямо говоритъ, что написалъ его «въ душевное назиданіе ближняго». Затѣмъ въ предисловіи къ третьему своему труду онъ упоминаетъ о томъ, что старается «писать сколько можно простѣе, чтобы всѣмъ вразумительно», и чтобы «всѣ могли жить гораздо покойнѣе». Словомъ, онъ самымъ нѣйшимъ образомъ озабоченъ тѣмъ, чтобы воспользоваться своими знаніями для исцѣленія общественныхъ недуговъ, имъ подмѣченныхъ въ самой жизни. Намъ здѣсь нечего напоминать о всѣхъ мѣстахъ въ его сатирахъ, которыя служатъ прямымъ указаніемъ на это настроеніе родоначальника нашей изящной словесности: они всѣмъ хорошо извѣстны изъ учебниковъ словесности. Уже

первая его сатира, доставившая ему такую громкую славу, была краснорѣчивымъ проявленіемъ этого настроенія. Тутъ впервые двадцатилѣтній Кантемиръ, стоявшій на высотѣ образованности своего времени, отмѣтилъ даровитою рукою плоды своихъ наблюдений надъ окружавшею его дѣйствительностью, и у него вырвался крикъ отчаянія: такъ глубоко былъ разладъ между тѣмъ, что онъ хотѣлъ видѣть въ жизни, и тѣмъ, что онъ въ ней находилъ. Но каждый его стихъ, каждое его слово въ этой сатирѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, служатъ доказательствомъ, что не высокоуміе, не презрѣніе продиктовали ему его преисполненные горечи стихи, а жгучая боль, вызванная полнымъ несоотвѣтствіемъ идеала и дѣйствительности въ сердцѣ человѣка, всѣми силами души преданнаго отечеству. Такимъ образомъ, пламенный патріотизмъ и просвѣщеніе послужили источниками той литературы, которая впослѣдствіи была названа обличительною, и родоначальникомъ которой былъ нашъ знаменитый сатирикъ.

Кантемиръ далъ намъ первую отчетливую, какъ бы высѣченную изъ мрамора картину русскаго общества. Всѣ проявленія нашей общественной жизни нашли себѣ мѣсто въ его сатирахъ. Видѣть въ Кантемирѣ простаго подражателя классическимъ или французскимъ образцамъ значитъ не понимать сущности его музыки, значитъ вступать въ противорѣчіе почти съ каждымъ его стихомъ. Кантемиръ до такой степени оригиналенъ, что даже внѣшняя форма его произведеній, которую онъ поневолѣ заимствовалъ у иностранныхъ писателей, въ виду полного отсутствія у насъ самостоятельной изящной словесности и въ виду полученнаго имъ образованія, его постоянно стѣсняла, и онъ на каждомъ шагу ее нарушаетъ. Онъ самъ говоритъ, что много «занялъ» у Горация и Буало, присвоивъ заимствованное «къ нашимъ обычаямъ». На самомъ же дѣлѣ выходитъ, что «занятое» имъ въ сущности составляетъ нѣчто совершенно второстепенное, а что «наши обычаи» составляютъ главное содержаніе его сатиръ. Иначе и быть не могло, потому что его вовсе не занимало перекладывать на русскій языкъ мысли Ювенала и Буало: онъ интересовался русскою дѣйствительностью, и искалъ только соотвѣтственной формы, чтобы изобразить ее съ надлежащею силою и нарисованною картиною произвести впечатлѣніе на своихъ соотечественниковъ. Конечно, просвѣщеннѣйшіе люди его времени встрѣтили его сатиры съ восторгомъ не потому, что Кантемиръ знакомилъ ихъ съ мыслями Ювенала или Буало, а потому, что они въ этихъ сатирахъ находили краснорѣчивый отзвукъ того, что ихъ самихъ занимало, печалило, оскорбляло. Высокообразованному Прокоповичу не было надобности знакомиться съ древне-римскими или французскими писателями въ изложеніи двадцати-лѣтняго преображенскаго поручика. Тѣмъ не менѣе, Прокоповичъ не помнилъ себя отъ радости,

когда прочелъ первую сатиру этого юноши, предчувствуя великую его славу и усматривая эту славу въ томъ, что Кантемира возненавидятъ «злые люди».

Ободренный похвалами лучшихъ дѣятелей своего времени, Кантемиръ началъ писать новыя сатиры, но предметъ ихъ остался тѣмъ же. Онъ все глубже и глубже проникалъ въ наше общество, стараясь отмѣтить отрицательныя стороны его жизни. Можно смѣло сказать, что отъ его «зоркаго» глаза, отъ его «чуткаго» уха и «свѣтлаго» ума, — это все выраженія, которыя снова были введены Кантемиромъ въ нашу словесность послѣ безконечныхъ лѣтъ византійско-латинско-польскаго ига, — не ускользала ни одна существенная черта нашихъ общественныхъ несовершенствъ. Всѣ классы нашего общества были имъ изучены. Администрація, духовенство, дворянство, купечество, крестьянство были имъ подвергнуты тщательному анализу съ точки зрѣнія тѣхъ нравственныхъ, общественныхъ и государственныхъ «началъ» (это слово также введено Кантемиромъ въ нашъ литературный языкъ), съ точки зрѣнія чувствъ «гражданина», — слова, также впервые употребленнаго у насъ Кантемиромъ въ этомъ смыслѣ. Не легко было нашему сатирику съ его тихимъ, кроткимъ нравомъ, съ его склонностью предаваться уединеннымъ занятіямъ и размышленіямъ надъ «дѣйствами и причинами всѣхъ вещей», говорить правду въ глаза и бросать обществу перчатку; но онъ сознавалъ, что, какъ гражданинъ, несетъ священный долгъ воспользоваться своимъ дарованіемъ и своими знаніями, чтобы, изображая общественныя несовершенства, содѣйствовать ихъ искорененію.

Печальна была картина русской дѣйствительности. Кантемиръ не сгушалъ красокъ; по своему правдолюбію онъ и не былъ на это способенъ. Онъ отмѣчалъ только то, что составляло сущность русской жизни; и по мѣрѣ того, какъ мы теперь подвигаемся въ изученіи того времени, мы все болѣе убѣждаемся въ глубокой правдивости картины, нарисованной Кантемиромъ. Если это было обличеніе, то обличеніе не тенденціозное, а раскрытіе дѣйствительно существовавшихъ язвъ. Невѣжество, разнаго рода суевѣрія и предразсудки, подобострастіе передъ сильными, угнетеніе слабыхъ, презрѣніе или недовѣріе къ наукѣ, угожденіе порочнымъ страстямъ, постепенное ниспроверженіе свѣтлыхъ началъ, внесенныхъ въ русскую жизнь Петромъ I, безконечныя злоупотребленія со стороны административныхъ лицъ, на какой ступени служебной іерархіи они бы ни стояли, — все это и многое другое, что слишкомъ длинно было бы перечислять, составляетъ фонъ картины русской дѣйствительности того времени. Задача художника и моралиста, какимъ былъ Кантемиръ, не могла быть иная, какъ раскрыть современникамъ безотрадный характеръ этой картины. Онъ обращается съ своимъ словомъ и къ высшимъ представителямъ вла-

сти. Изъ его наболѣвшаго сердца вырываются такіе сильныя стихи, какъ:

«Мало-жь пользуетъ звать тебя хотъ сыномъ царскимъ,
Буде въ правахъ съ гнуснымъ ты не разнишься псарскимъ».

Какими мѣткими штрихами онъ намъ изображаетъ фаворита Петра II, Долгорукаго, съ какимъ глубокимъ убѣжденіемъ провозглашаетъ, что

«Чистъ быть долженъ, кто туда, не поблѣдивъ, всходитъ,
Куда зоркіе глаза весь народъ наводитъ».

Далѣе, надо ли напоминать о томъ, какъ онъ зло казнить взыточничество, осмѣиваетъ боярство, которое мнитъ, что оно создано «изъ фарфорной глины», въ то время какъ остальные люди созданы «изъ навозной тины». Изображая намъ дворянъ того времени, онъ отмѣчаетъ ихъ страсть къ вмѣшательству въ государственныя дѣла, въ которыхъ они мало что смыслятъ, и незнакомство съ собственными дѣлами, вслѣдствіе чего ихъ постоянно «обкрадываетъ дворецкій съ приказчиками», и они за собою «водятъ толпу кредиторовъ». Въ такомъ же безотрадномъ свѣтѣ представляется ему и большинство духовныхъ лицъ, которыя не стараются дѣйствовать на народъ «ученіемъ здоровымъ и умнымъ, а плетутъ безъ стыда враки, почерпая вдохновеніе въ шумномъ съ вина мозгѣ». Никто въ церкви не обращаетъ вниманія на то, что «попъ ворчитъ, спѣша сумасбродно, самъ не зная, что поеть». Не лучше и купечество, помышляющее только объ обманѣ. Таковы высшія сословія, въ то время, какъ народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ, какъ «нѣтъ силы описать бездну его суевѣрій». Мало того, школь нѣтъ, народное просвѣщеніе не подвигается, а наука не пользуется уваженіемъ: «ободрана, въ лоскутахъ обшита, изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита, знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ отъ ея дружбы», а невѣжество «подъ митрой гордится, въ шитомъ платьѣ ходитъ, судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ». Процвѣтаетъ невѣжество, процвѣтаетъ и пьянство. Что ни праздникъ, то «весь городъ пьянъ отъ края до края... Пьяны тѣ, кои лежатъ, прочіе не трезвѣе, не обильнѣе умомъ, ногами сильнѣе»...

Мы только въ самыхъ общихъ чертахъ напомнили читателю картину русской дѣйствительности, такъ мастерски изображенную Кантемиромъ. Но если ближе всмотрѣться въ нее, то мы будемъ еще болѣе поражены глубиною его наблюдений и умѣнемъ дать имъ необычайно мѣткое и сильное выраженіе, доселѣ сохраняющее свою свѣжесть. То, надъ чѣмъ печалился Кантемиръ, остается въ значительной степени въ силѣ и теперь: такъ глубоко подмѣчены имъ главные недуги нашей общественной и государственной жизни.

Мы видимъ, слѣдовательно, что значеніе Кантемира опредѣляется не только тѣмъ, что онъ былъ родоначальникомъ нашей

изящной словесности вообще, но и тѣмъ, что онъ былъ отцомъ такъ называемой обличительной литературы. Собственно говоря, его муза останавливалась на всѣхъ родахъ поэтическаго творчества, за исключеніемъ одной только драматической поэзіи. Эпосъ, лирика, басня, эпиграмма, сатира, всѣ эти формы поэзіи уже разрабатывались Кантемиромъ. Кромѣ того, онъ былъ философомъ, въ особенности его привлекала этическая философія, къ которой льнула его душа, потому что уже онъ ясно сознавалъ, что въ приобрѣтеніи нравственныхъ качествъ заключается первенствующее условіе исцѣленія всѣхъ нашихъ общественныхъ, экономическихъ и государственныхъ недуговъ. Мы видѣли, что Кантемиръ былъ и ревностнымъ популяризаторомъ науки. Словомъ, ему по всей справедливости можетъ быть приписана роль перваго нашего выдающагося свѣтскаго писателя въ широкомъ значеніи слова. Но, вѣтаки, самымъ крупнымъ лавромъ въ вѣнкѣ его славы являются его сатиры. Не столько по роду поэтическихъ произведеній, сколько по основному своему настроенію Кантемиръ заслуживаетъ названія отца нашей обличительной литературы. Его непосредственнымъ подражателемъ былъ Фонвизинъ, а между тѣмъ Фонвизинъ писалъ не сатиры, а комедіи, и тѣмъ не менѣе никто не откажется признать, что по духу, по основному настроенію Фонвизинъ является прямымъ ученикомъ Кантемира, какъ вѣрно и то, что Державинъ является прямымъ ученикомъ Ломоносова. Мало того, какъ мы уже указывали, и въ текущемъ столѣтіи главныхъ представителей нашей изящной словесности можно раздѣлить на двѣ группы, изъ которыхъ одна проникнута преимущественно настроеніемъ Кантемира и Фонвизина, другая—настроеніемъ Ломоносова и Державина. Карамзинъ въ своей «Исторіи Государства Россійскаго», Жуковский, Пушкинъ, отчасти Лермонтовъ—все это работники на нивѣ, которая впервые была воздѣлана Ломоносовымъ и Державинымъ, между тѣмъ какъ Гоголь и всѣ его послѣдователи,—преобладала ли въ ихъ твореніяхъ сатирическая или элегическая нотка, — были воодушевлены тѣмъ настроеніемъ, которое ясно выразилось въ произведеніяхъ Кантемира и Фонвизина. Можно шагъ за шагомъ прослѣдить, какъ развивалось въ каждомъ отдѣльномъ представителѣ той или другой группы основное чувство, воодушевлявшее отцовъ нашей изящной словесности. Боль, испытываемая при видѣ несовершенствъ нашего отечества, и законная гордость его успѣхами дифференцируются, разнообразятся и нарождаютъ все новые цвѣты на нивѣ нашей словесности. Въ Европѣ нѣтъ литературы, которая была бы проникнута до такой степени патріотизмомъ, гражданскимъ чувствомъ, какъ литература русская. Возьмете ли вы Шекспира, Байрона, Мольера, Расина, Гёте или Шиллера, вы тотчасъ же замѣтите, что чувство патріотизма занимаетъ въ ихъ безсмертныхъ твореніяхъ гораздо меньше

мѣста, что оно является гораздо менѣе существеннымъ элементомъ ихъ творчества, чѣмъ творчества Кантемира и Ломоносова, ихъ гениальныхъ учениковъ и позднѣйшихъ послѣдователей. Не здѣсь мѣсто выяснять это явленіе, прослѣдить, почему государственность и гражданственность такъ глубоко отпечатались на нашей изящной словесности. Но, начиная съ Кантемира и доходя до нашихъ дней, значеніе русскихъ писателей въ сильной степени обусловливалось ихъ патріотизмомъ и гражданскими чувствами.

Несомнѣнно, обличительная литература во всѣхъ ея видахъ приобрѣла у насъ рѣшительное преобладаніе надъ всѣми остальными видами творчества. Еще въ прошломъ вѣкѣ пальму первенства могли оспаривать другъ у друга Кантемиръ и Фонвизинъ, съ одной стороны, и Ломоносовъ и Державинъ—съ другой. Еще въ первой половинѣ текущаго столѣтія Жуковский, Пушкинъ, Лермонтовъ имѣли не меньше значенія въ глазахъ общества, чѣмъ Гоголь; но уже начиная съ сороковыхъ годовъ, обличительная литература рѣшительно беретъ верхъ надъ патріотической, какъ обыкновенно, хотя и совершенно невѣрно, называютъ произведенія тѣхъ писателей, которые воодушевлялись примѣромъ Ломоносова и Державина, раздѣляли ихъ настроеніе. Мы говоримъ: невѣрно, потому что въ сущности у насъ не было другой серьезной литературы, кромѣ патріотической, то-есть такой, въ основаніи которой лежало чувство любви къ отечеству. Не даромъ первые наши большіе писатели смотрѣли на литературныя свои занятія, лишь какъ на дополнительные, и считали служеніе государству главною своею жизненною задачею. Не даромъ и впоследствии всякій значительный писатель не могъ себѣ и представить, чтобы онъ исполнилъ свою жизненную задачу, если не занялъ опредѣленнаго положенія по отношенію къ жгучимъ государственнымъ и общественнымъ вопросамъ. Въ другихъ странахъ уже издавна интеллигентныхъ людей, стоящихъ на высотѣ образованности своего вѣка, было много, такъ что специализація разныхъ отраслей умственнаго труда была вполне возможна. У насъ же образованныхъ людей было такъ мало, что каждому выдающемуся уму ставилось обществомъ въ прямую обязанность занять опредѣленное положеніе относительно самой насущной задачи, относительно обезпеченія благополучія погрязшаго въ невѣжествѣ отечества. По этой основной и другимъ причинамъ, изящная наша словесность вся проникнута политическимъ и социальнымъ элементомъ, и только недостаточное ея изученіе могло породить предразсудокъ, будто бы такое положеніе дѣлъ началось со второй половины текущаго столѣтія, преимущественно съ шестидесятыхъ годовъ: оно всегда было характеристическою чертою нашей изящной словесности и все различіе между фазисами, черезъ которые она прошла, заключается въ томъ, что въ одну эпоху преобладала Ломоносовская, па-

тріотическая литература, въ другую Кантемировская, обличительная.

Послѣдняя, какъ мы видѣли, взяла во второй половинѣ текущаго столѣтія рѣшительно верхъ надъ первой. Приподнятый тонъ кажется неумѣстнымъ, когда нечѣмъ похвалиться, когда не имѣется на лицо внѣшнихъ подвиговъ, а внутренняя жизнь родины поражаетъ своею неприглядностью. Время екатерининскихъ орловъ, сознанія могущества Россіи послѣ отечественной войны и николаевского величія миновало, и не смотря на грандіозныя внутреннія реформы Царя-Освободителя, общественное мнѣніе продолжало послѣ Севастополя и временнаго подъема духа, вызваннаго этими реформами, скептически относиться къ окружавшей дѣйствительности. Никто пока еще не привелъ въ связь нашей литературы съ ходомъ внѣшнихъ и государственныхъ событій; а между тѣмъ, это была бы задача крайне благодарная: она разъяснила бы многія стороны нашего художественнаго творчества, остающіяся пока еще не выясненными. Но какъ бы то ни было, Кантемиръ такъ вѣрно сразу оцѣнилъ основныя душевныя силы русскаго человѣка, такъ ясно понялъ сущность нашего національнаго духа, что избранное имъ направленіе въ литературѣ осталось преобладающимъ до нашихъ дней. Онъ съ перваго же своего произведенія воплотилъ въ художественной формѣ тотъ добродушный и въ то же время глубокой юморъ, съ какимъ русскій человѣкъ относится къ своимъ несовершенствамъ. Этотъ юморъ, это сознаніе собственныхъ ошибокъ, собственнаго несовершенства служатъ вѣрнѣйшимъ залогомъ успѣха, потому что онъ заключаетъ въ себѣ духъ скептицизма, безъ котораго успѣхи вообще невозможны. Но это отрицательное отношеніе къ самому себѣ, эта насмѣшка надъ самимъ собою должна имѣть свои границы: надо знать, во имя чего и для чего смѣешься, осуждаешь, выражаешь недовольство или протестуешь. Обличительная наша литература, имѣющая своимъ родоначальникомъ Кантемира, въ послѣднемъ отношеніи сильно погрѣшила, то-есть, постепенно развиваясь, дошла наконецъ до того, что часто сама не знала, во имя чего отрицаетъ или протестуетъ. Отъ этой ошибки, отражающейся такъ невыгодно на новѣйшей русской литературѣ, былъ очень далекъ Кантемиръ. Если родоначальникъ нашей изящной словесности писалъ сатиры, протестовалъ, относился отрицательно къ окружавшей его дѣйствительности, то онъ очень отчетливо сознавалъ, во имя чего онъ протестуетъ: его положительные идеалы были ясны, какъ день, мало того, они отличались практическимъ характеромъ и были вполне осуществимы. Въ этомъ отношеніи наша обличительная литература за полтора столѣтія, истекшихъ со времени смерти Кантемира, врядъ ли сдѣлала успѣхи. Скорѣе приходится допустить регрессъ.

Весьма сомнительны были уже положительные идеалы Фонвизина. Еще меньшею опредѣленностью отличалось міросозерцаніе Гоголя и совершенно туманно было положительное міросозерцаніе Салтыкова, послѣдняго изъ большихъ нашихъ сатириковъ. Возвышенность міросозерцанія всѣхъ этихъ писателей не подлежитъ никакому сомнѣнію: все это были личности свѣтлыя, которыми русская литература имѣетъ полное право гордиться, руководствуясь не только ихъ талантомъ и гениемъ, но и чистотою ихъ помысловъ, возвышенностью ихъ стремленій. И всѣ они въ равной мѣрѣ ставили выше всего «забытыя слова»; всѣ они были людьми гуманными, горѣвшими желаніемъ придти на помощь ближнему, ставившими свободу, просвѣщеніе такъ высоко, какъ рѣдкіе писатели, даже во всемірной литературѣ. Но если мы будемъ имѣть въ виду положительные идеалы, соразмѣренные съ условіями окружающей дѣйствительности, осуществимые и въ этомъ смыслѣ практическіе, то мы должны будемъ признать, что со временъ Кантемира наша обличительная литература никакихъ успѣховъ не сдѣлала. Кантемиръ былъ далекъ отъ осмѣянія окружавшей его дѣйствительности во имя утопій, осуществленія несбыточныхъ надеждъ. Онъ не хотѣлъ пересоздать весь міръ, не помышлялъ о какомъ-то общемъ политическомъ и социальномъ переустройствѣ. Его цѣли были скромны, мы бы сказали теперь—буржуазны. Онъ съ пафосомъ восклицаетъ: «Петръ, отецъ нашъ, училища основалъ, и былъ тотъ трудъ—корень нашей славы». Онъ говорилъ дворянамъ, что надо знать свои дѣла: «не то приказчикъ съ дворецкимъ» будутъ ихъ вѣчно «обкрадывать». Онъ говорилъ купцамъ: «торговлю можно вести безъ обмана». Онъ говорилъ духовнымъ лицамъ, что «недостаточно убраться въ рясу, чтобы заслужить уваженіе прихожанъ». Какъ все это кажется намъ теперь наивнымъ, мелкимъ. О томъ ли мы теперь мечтаемъ? Правда, Кантемиръ уже въ свое время, то-есть чуть не двѣсти лѣтъ тому назадъ, проповѣдывалъ, что «пахарь и вельможа равны въ судѣ», и что «одна правда превосходна», до глубины души возмущался тѣми, кто «каменной душою бьетъ холопа до крови», и училъ насъ, что въ «свободныхъ и холопахъ течетъ одна кровь»; правда, онъ представилъ намъ тысячу доказательствъ своего глубокаго пониманія нашей русской природы. Онъ говорилъ намъ, что мы «къ свободѣ охотники», но что «въ насъ впилаась неволя», что «коротокъ жизни предѣлъ», но что у насъ всегда «велики затѣи», и что «состояніемъ своимъ мы всегда недовольны». Эту основную черту нашего національнаго характера, это вѣчное недовольство своимъ «состояніемъ» Кантемиръ отмѣтилъ; отмѣтилъ онъ также, почему мы, любя свободу, вѣчно остаемся рабами.

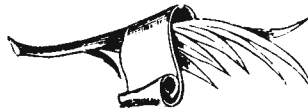
«Не знаете сами, что хотѣтъ; теперь тое
«Хвалите, потомъ сіе, съ одно на другое
«Премѣняя мысль свою, и, что наче дивно,
«Вдругъ одно желанье другому противно».

Врядъ ли послѣ Кантемира кто либо въ немногихъ словахъ яснѣе опредѣлили, почему мы такъ «медленно преусиѣваемъ». Можетъ быть, еслибъ мы не забыли такъ скоро о родоначальникѣ нашей изящной словесности, почаще «развертывали его сатиры» втеченіе этихъ 150 лѣтъ, прошедшихъ со дня его смерти, и не только развертывали ихъ, но принимали къ сердцу и старались осуществить на дѣлѣ тѣ «мелкіе» идеалы, которые вдохновляли Кантемира, то теперь мы были бы гораздо ближе къ осуществленію «широкихъ» задачъ, которыми мы на словахъ вдохновлялись, забывая вѣщіе стихи отца нашей обличительной литературы.

А между тѣмъ теперь выходитъ, что мы даже по отношенію къ человѣку, который, будучи проникнутъ пламенной любовью къ отечеству, впервые произнесъ великое слово «гражданинъ», который первый у насъ въ литературѣ заговорилъ объ уравненіи правъ «вельможи и пахаря» и любовно заботился объ участи своихъ крестьянъ, жертвуя для нихъ собственными выгодами, который первый, въ качествѣ представителя литературы, вступилъ въ союзъ съ политической и духовной властью для обезпеченія въ нашемъ отечествѣ просвѣщенія, то-есть одного изъ высшихъ человѣческихъ благъ, одного изъ вѣрнѣйшихъ условій достиженія благополучія, который первый говорилъ у насъ отъ имени литературы громко и мужественно, какъ отъ имени одного изъ великихъ факторовъ народной жизни,—что мы по отношенію къ такому человѣку оказались въ высшей мѣрѣ неблагодарными. До сихъ поръ мы не имѣемъ сколько нибудь обстоятельной біографіи родоначальника нашей изящной словесности и отца нашей обличительной литературы, до сихъ поръ не существуетъ у насъ и обстоятельной оцѣнки громаднаго его значенія, до сихъ поръ наши словесники, какъ мы видѣли, говорятъ о немъ, какъ объ иностранцѣ, до сихъ поръ его произведенія не комментированы, до сихъ поръ желающіе поклониться его праху не могутъ даже видѣть его могилы. «Коротокъ жизни предѣлъ», — сказала Кантемиръ; но 150 лѣтъ—это жизнь не одного поколѣнія, это—жизнь пяти поколѣній, и эти пять поколѣній сдѣлали такъ мало для того, кто одинъ въ самое неблагоприятное время сдѣлалъ для нихъ такъ много. «Велики наши затѣи», — сказала тотъ же Кантемиръ.— такъ велики, что ихъ, повидимому, трудно совмѣстить съ такимъ простымъ чувствомъ, какъ чувство благодарности къ памяти одного изъ крупнѣйшихъ нашихъ писателей, положившихъ начало нашей литературѣ. Поэтому мнѣ бы хотѣлось въ заключеніе выразить скромное пожеланіе, чтобы, наконецъ, Кантемиръ нашелъ

своего біографа, чтобъ хоть одинъ изъ нашихъ поэтовъ, столь склонныхъ предаваться міровой или гражданской скорби, какъ нибудь удосужился и переложилъ безсмертныя произведенія Кантемира на современный русскій языкъ и этимъ способствовалъ бы болѣе легкому ознакомленію съ ними читающей публики и подростящаго поколѣнія; наконецъ, чтобы могилу нашего сатирика перестали топтать ногами, и чтобы она сдѣлана была доступною желающимъ поклониться его праху ¹⁾.

Р. Сементковскій.

¹⁾ Вотъ какъ описываетъ г. Шимко состояніе могилы Кантемира: «Молдавскій господарь князь Д. К. Кантемиръ построилъ надъ воротами греческаго монастыря (Никольскаго, въ Москвѣ), гдѣ была схоронена его первая супруга, церковь во имя св. Константина и Елены, вслѣдствіе чего этотъ монастырь сдѣлался ихъ фамиліной усыпальницей. Изъ Кантемировъ, кромѣ господаря и его первой супруги, здѣсь погребены: князь Антіохъ, княжна Марія, ихъ сестра Смарагда, скончавшаяся въ 1720 году, 19-ти лѣтъ отъ роду, и двоюродный ихъ братъ Дмитрій Антіоховичъ. Усыпальница Кантемировъ находится въ нижней церкви этого монастыря во имя святителя Николая, противъ праваго клироса. Надписи на чугунныхъ могильныхъ плитахъ въ настоящее время недоступны для чтенія, такъ какъ застланы деревяннымъ помостомъ, представляющимъ какъ бы родъ возвышенія для тѣхъ богомольцевъ, которые почему либо желаютъ стоять въ храмѣ отдѣльно, не смѣшиваясь съ прочими. Приходится сожалѣть о столь плачевномъ состояніи фамиліной усыпальницы Кантемировъ, продолжающемся, по свидѣтельству старожилловъ монастыря, уже лѣтъ съ 50. Управленію монастыря, которое теперь какъ разъ собираетъ средства для обновленія храма надъ св. воротами, слѣдовало бы прежде всего позаботиться о приличномъ содержаніи гробницъ Кантемировъ не только въ виду общественнаго значенія дѣятельности господаря и его сына Антіоха, но хотя бы въ знакъ признательности за постройку, сдѣланную первымъ при монастырѣ».

„НА САХАЛИНѢ“¹⁾.

Изъ воспоминаній путешественника по востоку Азіи.

II.

Въ дебряхъ Найбы.

ИЛКИНО-ВРАССКОЕ, или, какъ его зовуть всѣ сахалинцы, помня старое айское названіе урочища, Сіянцы, безспорно лучшее изъ всѣхъ видѣнныхъ мною на Сахалинѣ поселеній. Расположенное въ южной половинѣ острова, и безъ того уже пользующейся значительно лучшими условіями климата, чѣмъ сѣверная, защищенное отъ холодныхъ вѣтровъ горами, оно, какъ и все побережье рѣки Найбы, кромѣ ея устья, конечно, представляетъ, какъ и побережья нѣкоторыхъ другихъ рѣкъ острова, совершенно особый міръ.

Кому много приходилось развѣзжать по пустынямъ Сахалина, тотъ знаетъ, что общій характеръ острова—характеръ страны сѣверной, пустынной. Болѣе чѣмъ девять десятыхъ его территоріи представляютъ изъ себя или безконечныя моховыя тундры съ мерзлою почвою, выполняющія долины и низины, иногда на десятки и сотни верстъ протяженія, или лиственничные лѣса, или, наконецъ, тайгу—этотъ дремучій дѣвственный лѣсъ сѣвера Сибири, состоящій изъ непроходимыхъ дебрей пихтъ и елей, расту-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LV, стр. 383.

щихъ густо и тѣсно другъ подлѣ друга, мѣшающихъ развиваться другъ другу, заполняющихъ всѣ свободныя пространства между живыми стволами массою валежника сухого или сгниваго, полуживаго, обросшаго мхами, или, какъ сѣдая борода, свисающими лишайниками *Usnaea barbata*. Ель и сосна, лишь на низкихъ болотистыхъ мѣстахъ смѣняющіяся лиственницею, составляютъ почти исключительную растительность этой тайги. Кедръ, лишь въ видѣ низкорослаго кустарника, одѣваетъ вершины горъ и песчаное побережье. Сосна неизвѣстна на островѣ, и лишь береза, кленъ и рябина изрѣдка примѣшиваются къ этому краснотѣсью.

Гдѣ стволы стоятъ свободнѣе, тамъ, особливо на склонахъ горъ, почва зарастаетъ почти непроходимыми дѣбрями сахалинскаго бамбука, достигающаго человѣческаго роста. Въ другихъ мѣстахъ таежныя кустарники и обычные мхи и растенія хвойнаго лѣса, не исключая душистыхъ колокольчиковъ *Linnaea* и бѣлыхъ цвѣтковъ *Cornus Suesica*, украшаютъ почву. Словомъ, панорама суроваго сѣвера—ландшафты Архангельской губерніи съ нѣкоторымъ мѣстнымъ оттѣнкомъ—вотъ типичныя ландшафты Сахалина. Эти ландшафты тамъ, гдѣ тайга пострадала отъ пожара, а такія пожарища теперь занимаютъ на островѣ громадныя пространства, наводятъ на путешественника тоску и уныніе... они типичны для острова.

Поэтому неожиданнымъ и страннымъ контрастомъ съ этою окружающею печальною природою является долина Найбы. Правда, заливныя долины рѣкъ Сахалина вездѣ имѣютъ пышныя луга и флору чернотѣся, являясь какъ бы оазисами среди сѣверной пустыни. Онѣ давно обратили на себя вниманіе администраціи, и вездѣ на нихъ, и только на нихъ, устроены жилища и расположены поля поселенцевъ. Но нигдѣ на поляхъ этихъ не встрѣчается такой пышной, такой привѣтливой растительности, какъ по Найбѣ, въ селеніи Сіянцахъ. Здѣсь, по обѣ стороны рѣчки, живописно извивающейся по визинѣ, гдѣ расположена деревня, разстилаются пышныя поля ржи и пшеницы, стебли которой много превышаютъ ростъ человѣка. Среди нихъ тамъ и сямъ раскиданы колоссальнѣйшіе вязы, деревья боярки, ясеня и клена. Въ болѣе отдаленныхъ уголкахъ долины, закрытыхъ отъ вѣтра, развиваются пышные экземпляры шиповника и деревьевъ Южно-Уссурийскаго края, вродѣ *Fatsia horrida*, или чертова дерева, *Dimorphanthus*, или китайской араліи, и даже цѣлыхъ гроздьевъ лиловыхъ цвѣтковъ гортензіи.

Самый поселокъ имѣетъ, въ противоположность другимъ, веселый, привлекательный видъ.

Чистенькіе домики выстроены въ рядъ, съ большими просвѣтами между домами. На окнахъ видны занавѣски, цвѣты, самоваръ, признаки довольства, и довольства не кажушагося, такъ какъ мнѣ говорили, что здѣшніе поселенцы не обходятся безъ ежедневнаго

чаю, а весело блеющія стада коровъ, каждый вечеръ возвращающіяся въ деревню, стада довольно многочисленныя, прямо свидѣтельствуютъ, что и скотомъ сахалинскій поселенецъ въ Галкинѣ-Врасскомъ довольно обезпеченъ. Словомъ, живя здѣсь, въ домикѣ зрителя поселенія, окруженномъ хорошенькимъ садикомъ съ изящнымъ цвѣтничкомъ, можно забыть, что находишься на островѣ проклятыя, среди изгнанниковъ, можно подумать, что попалъ куда нибудь въ деревушку въ Россіи и живешь тамъ на дачѣ. Конечно, Сіянцы не типъ сахалинскаго поселка. Далеко не вездѣ здѣсь поселки такъ привлекательны, такъ хорошо обставлены.

Основаніе поселка въ тайгѣ, выпадающее на долю ссыльнаго по отбытіи пяти-лѣтней каторги, считается имъ труднѣе этой послѣдней. Это тяжелый трудъ Робинзона въ дѣвственномъ лѣсу сѣвера. Надо удивляться, какъ съ первобытными орудіями каторжники умудряются выстроить, всетаки, довольно сносныя постройки. Но главная трудность является въ пропитаніи. Казна даетъ поддержку только первые два-три года. И то за провизіей приходится ходить иногда сотни верстъ по топкой тундрѣ, по узкой тропинкѣ среди непроходимой тайги.

За эти два года топоромъ, безъ помощи животныхъ, поселенецъ долженъ расчистить отъ лѣса, выкорчевать и на переполненной корнями почвѣ, вспахать ее ручной мотыгой, посѣять себѣ свой хлѣбъ. Зерно выдается ему въ долгъ.

Въ хорошіе года, если урожай удаченъ, онъ бываетъ самъ 12, и рожь, ячмень и пшеница удаются на еланной почвѣ, какъ на сѣверномъ, такъ и на южномъ Сахалинѣ. Но при описанномъ выше характерѣ климата зачастую хлѣбъ не успѣваетъ вызрѣть. Если возможны случаи, что 24-го іюля морозъ на югѣ острова побиваетъ картофель, то случаи побитія незрѣлаго хлѣба морозомъ на всемъ Сахалинѣ—обыденное явленіе. Хлѣбъ полусырой молотятъ въ комнатахъ.

26-го іюля, когда я проѣзжалъ по поселкамъ Александровскаго округа, рожь давала здѣсь только второе перо. Спрашивается, когда же она заколосится? Рожь цвѣла, когда я въ серединѣ августа покидалъ Сахалинъ¹⁾...

1) Достоинъ вниманія, что на Сахалинѣ громадное вліяніе на быстроту вызрѣванія хлѣба имѣетъ географическое и топографическое положеніе мѣста. Есть пункты, гдѣ хлѣбъ вызрѣваетъ на 2 недѣли ранѣе, чѣмъ по соседству. Степень защиты горами, степень наклона мѣстности, почва—имѣютъ здѣсь громадное вліяніе. Вотъ почему жалкій видъ нѣкоторыхъ полей не долженъ еще заставлять смотрѣть на островъ, какъ на край негодный для земледѣлія. Надо быть только необыкновенно осмотрительнымъ въ выборѣ мѣста. Отсутствие опыта у поселенцевъ и администраціи, естественно, часто приводило къ печальнымъ результатамъ. Необходимо поэтому весьма внимательное изученіе условій мѣстной природы. Къ кое-какимъ выводамъ пришли и сами туземцы. Эти выводы и наши собственныя наблюденія я надѣюсь, въ скоромъ времени, сообщить въ спеціальной статьѣ о флорѣ острова.

При крошечныхъ, руками разработанныхъ пашняхъ, хроническихъ неурожаяхъ, для ссыльнаго, если онъ непривыченъ къ крестьянской работѣ, пяти-лѣтній періодъ пребыванія въ поселкѣ — вторая каторга. Многие совершаютъ вторично преступленіе только, чтобы остаться въ тюрьмѣ и не голодать. Другіе поступаютъ къ поселенцамъ же въ батраки, обрекая себя на вѣчное пребываніе на островѣ.

Если видишь цвѣтуція селенія, выросшія, какъ, напримѣръ, Віахту, на тундрѣ, гдѣ въ іюлѣ на полъ-аршина въ глубину еще лежитъ ледъ, то причина ихъ существованія лежитъ или въ эксплуатаціи инородцевъ, или въ страшной задолженности ихъ казнѣ. Средняя задолженность поселенца равна 45—50 рублямъ. Есть, конечно, селенія, внѣшности которыхъ позавидовала бы иная деревня въ Россіи. Но это хозяйства, основанныя или въ легендарныя времена управления острова Мицулемъ, когда казна не брезгала даже нелегальными мѣрами для поднятія благосостоянія поселенца, или хозяйства, основанныя на гибели ихъ основателя, перешедшія во вторыя или третьи руки.

Я видалъ поселки, гдѣ ряды избъ стояли заколоченными, брошенными ихъ владѣльцами съ отчаянія, въ виду невозможности прокормиться своими робинзоновскими запашками. Такія начатыя хозяйства переходятъ въ руки другихъ. Начинать дѣло, когда есть уже готовое жилье, когда выполнена самая трудная часть работы — раскорчевка, уже легче. Тогда, особенно, если у поселенца есть деньги, хозяйство подвигается.

Казна даетъ заимообразно корову, приплодъ съ которой уже ответственность поселенца. Эту корову, или равную ея стоимости сумму денегъ онъ обязанъ возратить казнѣ впоследствии. Мало-по-малу въ поселкѣ образуется стадо. Тучные луга даютъ ему прекрасный кормъ и сѣно, и скотоводство на Сахалинѣ удается.

Такимъ тяжелымъ трудомъ основано большинство селеній, но большинство ихъ до сихъ поръ въ долгу у казны. Поэтому Сіянцы, являясь, вмѣстѣ съ немногими южно-сахалинскими селеніями, исключеніемъ, невольно пріятно поражаютъ глазъ своимъ благосостояніемъ, и два дня, здѣсь проведенные, будутъ мнѣ однимъ изъ пріятныхъ воспоминаній объ островѣ. Я не хочу, конечно, этимъ сказать, чтобы и эти южно-сахалинскія поселенія во всѣхъ отношеніяхъ напоминали наши села. Только внѣшній поверхностный обзоръ даетъ такое впечатлѣніе.

Хотя здѣсь вы видите много коровъ, но лошадей мало; не соха, а мотыга господствующее орудіе для обработки, а съ нею много не распашешь и на случай часто повторяющихся холодныхъ лѣтъ, когда хлѣбъ не вызрѣваетъ вовсе, себя не обезпечишь.

Здѣсь, въ Корсаковскомъ, наиболѣе богатомъ округѣ, приходится, всетаки, не болѣе $\frac{1}{2}$ десятины пашни на человѣка, не болѣе од-

ного упряжного орудія на 10 хозяйствъ, и главную пищу населенія составляютъ, какъ у бѣдняковъ Ирландіи, продукты огорода, но не полей. Главное блюдо—картофель.

Но болѣе всего ненормальны въ поселкахъ этихъ отношенія между полами. Въ настоящую минуту на Сахалинѣ до 17.000 человекъ каторжныхъ и поселенцевъ. Принимая во вниманіе, что 80% изъ нихъ состоитъ въ возрастѣ наибольшаго развитія силъ, то-есть отъ 21—40 лѣтъ, нельзя не признать, что отношеніе мужчинъ къ женщинамъ, гдѣ послѣднихъ приходится 1299 на 9388 мужчинъ, крайне неестественно. Не говоря о томъ, что болѣе половины всѣхъ дѣтей, бѣгающихъ по улицамъ, здѣсь незаконно-рожденные, нельзя не сознаться, что даже всѣ попытки администраціи уничтожить господствующую здѣсь полиандрію пока безуспѣшны. Чтобы содѣйствовать смягченію нравовъ, здѣсь новоприбывающихъ женщинъ, избавляя отъ каторжныхъ работъ, назначаютъ работницами къ поселенцамъ, предоставляя выборъ хозяевъ женщинамъ. Но такъ какъ между сожителями зачастую нѣтъ ничего общаго, сожительницы нерѣдко оказываются непригодными для полевыхъ работъ, а въ иныхъ поселкахъ 1 женщина приходится на 20—40 мужчинъ, то дѣло кончается проституціей, которою женщина и поддерживаетъ свое существованіе и хозяйство. Нормальныя супружескія отношенія, а тѣмъ болѣе бракъ (если онъ не фиктивный), здѣсь поэтому рѣдкость¹⁾.

Чтобы, однако, какъ нибудь пріохотить къ семейной жизни, сахалинская администрація отпускаетъ 1 пай на каждого прижитаго въ семьѣ ребенка. При трудности обзаведенія хозяйствомъ, о которомъ было говорено, каждый ребенокъ въ домѣ является какъ бы обезпеченіемъ отъ голодовки, дѣлается выгоднымъ и дорогимъ пріобрѣтеніемъ, и такимъ путемъ создаются еще семьи, конечно, весьма непрочныя.

Таковы семейныя отношенія въ болѣе людныхъ, болѣе благоустроенныхъ, какъ Сіянцы, поселкахъ. Тутъ, войдя въ домъ, вы часто видите хозяйственную обстановку. Внутренность этого дома вамъ напомнитъ даже обстановку хорошаго зажиточнаго крестьянина-семьянина, хотя такихъ домовъ мало. Національность также здѣсь сказывается, въ особенности если хозяйка женщина порядочная. Тогда тутъ у малорусской семьи стѣны выбѣляются, устроятся стулья, великороссъ украситъ ихъ картинками, тѣми традиціонными лубочными картинами, которыя отъ Великаго океана и до Петербурга неизмѣнно висятъ на стѣнахъ зажиточной крестьянской избы.

¹⁾ Но я долженъ, всетаки, сказать, что я видѣлъ хорошія семьи и на Сахалинѣ, и при томъ отъ браковъ, заключенныхъ на островѣ же.

Подобныя семьи, отбывъ время ссылки и потерпѣвъ неудачи въ Восточной Сибири, гдѣ на правахъ крестьянъ обыкновенно живутъ бывшіе поселенцы, иногда вновь возвращаются на островъ, находя, что на островѣ имъ жилось лучше, чѣмъ на волѣ; но въ большинствѣ случаевъ стѣсненіе личной свободы и постоянный надзоръ на островѣ, воспоминанія о тяжеломъ прошломъ для большинства дѣлаютъ Сахалинъ слишкомъ ненавистнымъ, и они бѣгутъ съ него на какія угодно условія жизни, лишь бы не жить на немъ Владивостокъ переполненъ бывшими сахалинцами, да и вся Восточная Сибирь теперь знакома съ ними хорошо. Стремленіе уйти съ острова тѣмъ понятнѣе, что хозяйничанье на немъ очень ненормальное. Обыкновенно въ избѣ поселяется два бобыля, хозяйничающіе сообща. Женщина замѣняется всевозможными суррогатами¹⁾, а обстановка носитъ тотъ характеръ черствой беспорядочности, неуютности, который является присущимъ всякому холостому хозяйству. Люди видимо чувствуютъ себя здѣсь временными постояльцами. Они мало заботятся объ улучшеніи доставшагося имъ жилья, особенно если его имъ приходится строить не самимъ, а быть замѣстителями отбывшихъ ссылку пионеровъ, и хозяйство не только не улучшается, но приходитъ въ упадокъ²⁾.

Поэтому даже Сіянцы, какъ ни заманчивы они кажутся на первый взглядъ, все же далеки по строю своей жизни отъ крестьянскаго села: въ нихъ нѣтъ поэзіи сельскихъ отношеній.

Послѣ длиннаго путешествія по берегамъ Охотскаго моря я провель въ Сіянцахъ съ удовольствіемъ, отдыхая, нѣсколько дней въ уютномъ домикѣ его зрителя, гдѣ этотъ послѣдній разбилъ хорошенькій, благоухавшій цвѣтами садикъ, переносившій меня далеко на Западъ, въ обстановку петербургскихъ средней руки дачъ. Но такъ какъ цѣлью моего посѣщенія острова было не изученіе людей, сюда сосланныхъ, но его природы, то какъ только силы мои достаточно подкрѣпились, я не замедлил приступить къ осмотру окрестностей села и въ высшей степени интересной и богатой по своей растительности долины рѣки, протекающей черезъ Сіянцы.

Немного нужно пройти отъ селенія, чтобы покинуть окружающія его поля еще въ августѣ зеленѣвшей ржи съ разбросанными среди нихъ исполинскими вязами. Большинство этихъ деревьевъ стоятъ сухія. Поселенцы, не будучи въ состояніи вырубить и выкорчевать этихъ исполиновъ, подрубаютъ ихъ при основаніи. Дерево сохнетъ, подгниваетъ и его сваливаетъ вѣтромъ. Какъ ни жаль видѣть гибель этихъ исполиновъ, она вызывается необходимостью.

¹⁾ До телятъ включительно.

²⁾ Крайне привлекательная внѣшность избъ, между прочимъ, обусловлена тѣмъ, что всѣ онѣ новенькія, такъ какъ и поселенія новы. Врядъ ли лѣтъ черезъ двадцать деревня будутъ имѣть такой же аккуратный видъ.

Подъ ихъ сѣнью развивается сырость, гибельная для хлѣбовъ. Сумма температуры, наблюдаемая за растительный періодъ въ тѣни, здѣсь едва достаточна для развитія ячменя и недостаточна для ржи и пшеницы. Только солнечные лучи широты Екатеринослава здѣсь пополняютъ этотъ недостатокъ тепла. Дѣйствительно, въ тихій день солнце здѣсь парить съ необыкновенною силою. Платье накаляется подъ его лучами, и если на Сахалинѣ рѣдки лѣтомъ тихіе ясные дни, зато когда они настаютъ, атмосфера дѣлается чисто банною, и въ это время стоитъ нестерпимая жара. Хлѣба въ этой сырой атмосферѣ быстро поднимаются, но сильно страдаютъ отъ спорыньи. За то эти парящіе, какъ въ парникѣ, лучи лѣтняго солнца производятъ чисто магическое дѣйствіе на дикую травяную флору острова. На наносной рѣчнаго образованія почвѣ долинъ, расчищаемыхъ сахалинцами подъ посѣвы, на такъ называемыхъ еланяхъ, мы встрѣчаемъ картины, которыхъ, кромѣ развѣ еще нѣкоторыхъ пунктовъ по Амуру, не встрѣтишь нигдѣ. Травы, изъ коихъ многія знакомы хорошо и намъ, жителямъ Европейской Россіи, какъ, напримѣръ, крапива, осотъ, *Cacalia hastata*, вмѣстѣ съ мѣстными формами, какъ Сахалинская заря, *Angelophyllum ursinum*, Сахалинская гречка, *Polygonum Sachalinense*, *Senecio*, *Spiraea Sachalinensis*, достигаютъ здѣсь исполинскаго роста отъ 1 до 3 сажень. Особенно громадна здѣсь сахалинская гречиха. Всѣ эти травы вмѣстѣ образуютъ исполинскій лугъ, но не такой лугъ, какъ наши, ходя по которымъ у своихъ ногъ срываешь, нагибаясь, вѣнчики и зонтики пестрыхъ цвѣтовъ, но лугъ, въ которомъ уподобляешься муравью, ползущему между толстыми, иногда въ руку толщиной стеблями, на которыхъ высоко надъ головой виднѣются тѣ кисти, метелки и зонтики, которые видишь обыкновенно подъ ногами. Ходить по этой заросли бѣшеной, буйной растительности, гдѣ одинъ листъ, какъ показываетъ нашъ рисунокъ, можетъ покрыть человѣка, совершенно невозможно. Достаточно сдѣлать нѣсколько шаговъ, чтобы потонуть въ этомъ морѣ стеблей и листьевъ, гдѣ не видно надъ головою неба, гдѣ не разберешь, гдѣ востокъ, гдѣ сѣверъ. Еще шагъ, и вы попадаете въ крапивный лѣсъ, гдѣ громадные листья жгутъ вамъ шею, лицо и руки, и вы навсегда потеряли направленіе. Въ этой травяной стихіи душно, молчаливо, сыро и жутко. Ощущеніе болѣе неприятное, чѣмъ въ дебряхъ тропическаго лѣса, но и въ послѣднихъ я не видалъ такой густоты и высоты травъ.

Потому при путешествіи приходится слѣдовать узенькой тропинкой, на подобіе муравьиной тропы, пробитой каторжниками. По этой тропѣ и велъ меня одинъ изъ нихъ, ходившій по ней ранѣе для производства сѣмекъ.

Васъ, читатель, это удивляетъ: какъ, скажете вы, на Сахалинѣ каторжники занимаются топографіей?

Да, они занимаются топографіей. Они занимаются архитекту-

рой, плотничествомъ, слесарнымъ искусствомъ. Здѣсь есть шкипера, матросы, инженеры, дорожные строители, и, конечно, если Сахалину посчастливится получить горнаго инженера или путейца въ свои объѣты,—кто знаетъ, можетъ быть, здѣсь заведутся и каторжныя желѣзныя дороги, и мы будемъ имѣть геологическую карту острова. Это—маленькое государство, гдѣ тюрьма широко эксплуатируетъ знанія и трудъ попадающихъ въ нее лицъ. Какъ ни плохи еще тѣ пособія, тѣ средства, которыми снабжена тюрьма, такое ея отношеніе къ ссыльнымъ есть великое благо, особливо для тѣхъ, кто обладаетъ какими нибудь знаніями.

Кромѣ топографа, меня сопровождало еще два человѣка—носильщики вещей и провіанта, ходившіе съ нимъ обыкновенно на съемки.

Сначала мы шли молча, пробираясь среди дебрей буйныхъ порослей. Но когда мы дошли до рѣчки, гдѣ у впадающаго въ нее прохладнаго ручья предположено было сдѣлать привалъ и сварить чаю, то послѣ нѣсколькихъ, по необходимости, переброшенныхъ фразъ завязался разговоръ, давшій возможность намъ лучше познакомиться другъ съ другомъ. Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ мои три спутника были сосланы за убійство. Я говорю, какъ слѣдовало ожидать, потому что на Сахалинѣ убійцы безспорно лучшіе люди, и съ ними удобнѣе и безопаснѣе путешествовать, чѣмъ съ другими. Другіе преступники, сюда ссылаемые—за грабежъ, за воровство со взломомъ и насиліемъ и т. п., содержатъ большій процентъ людей, морально испорченныхъ, путемъ постепеннаго растлѣнія нравовъ дошедшихъ до крупнаго преступленія. Наоборотъ между убійцами наибольшее число людей совершили преступленіе подъ давленіемъ особыхъ обстоятельствъ, въ сущности же это люди, совершенно порядочные. Здѣсь много жертвъ неудачнаго состава присяжныхъ; при иномъ составѣ они были бы оправданы несомнѣнно. Понятно, что и на Сахалинѣ люди эти усерднѣе другихъ, деморализованныхъ, предаются работѣ, и имъ тюрьма даетъ соответствующія порученія внѣ тюрьмы охотнѣе.

Къ этому типу убійцъ принадлежали и мои спутники. Причины, вызвавшей на убійство одного изъ нихъ, малоросса изъ юго-западной Россіи, я такъ и не выяснилъ; что же касается до другого, турка, и донынѣ еще турецкаго подданнаго, котораго товарищи въ шутку звали баши-бузукомъ, то человѣка этого преступникомъ счесть можно бы было развѣ только съ чисто условной, юридической точки зрѣнія. Турокъ по происхожденію, онъ былъ солдатомъ турецкой гвардіи, но по непріятностямъ службы бросилъ ее и переселился въ Россію, гдѣ и жилъ, занимаясь земледѣліемъ въ одной изъ деревень около Алагеза. Здѣсь онъ женился и, вѣроятно, и донынѣ пребывалъ бы счастливымъ отцемъ семейства, если бы одинъ изъ его сосѣдей не польстился на красоту его жены. Слѣдуя существующимъ обычаямъ, обольстителъ

Поселок Лиственничный на о. Сахалинѣ.

долженъ былъ поплатиться жизнью за эту дерзость, но моему турку не посчастливилось въ дѣлѣ мщенія, и вмѣсто того онъ самъ попалъ на пять лѣтъ на Сахалинъ, гдѣ его ожидали самыя ужасныя для жителя Малой Азіи, привыкшаго къ теплomu климату и *dolce far niente*, работы! Какъ иностранный подданный, онъ, по отбытіи каторги, не долженъ оставаться поселенцемъ и затѣмъ переходить въ крестьяне Восточной Сибири, какъ это бываетъ съ російскими ссыльными. Онъ можетъ прямо возвратиться въ Турцію. И вотъ молодой человѣкъ терпѣливо переноситъ всѣ тягости каторги, воодушевляемый одною надеждою, что еще четыре года, и конецъ: онъ будетъ свободенъ, онъ вернется въ Турцію и, конечно, первымъ дѣломъ станетъ искать ненавистнаго Асланъ-бека, чтобы «ризать ему голову». Очевидно, человѣкъ этотъ даже не сознаетъ, за что его сослали сюда. Онъ не понимаетъ, ради чего была отсрочена его месть на пять лѣтъ, во время которыхъ въ нездоровомъ для южанина климатѣ, въ средѣ порочныхъ гяуровъ, ему приходится выполнять непривычныя тяжелыя работы, почти не понимая отдаваемыхъ ему приказаній. Онъ очень мало знаетъ порусски, и если мы еще могли разговаривать, то только потому, что, зная немного покиргизски, я могъ понимать большинство постоянно вставляемыхъ имъ въ рѣчь турецкихъ словъ, и мы обмѣнивались турецко-киргизскими фразами.

Другой изъ моихъ спутниковъ, нашъ вожатый, точно также былъ весьма мало похожъ на человѣка, способнаго на что либо худое. Онъ, совершивши нѣкогда убійство изъ ревности, не кончивъ курса въ одномъ изъ средне-учебныхъ заведеній, попалъ на Сахалинъ. Вполнѣ сознавая вину свою, онъ и несомое имъ наказаніе считалъ правильнымъ и покорялся своей участи, благодаря еще судьбу, что ему приходится, производя сѣмки, имѣть дѣло болѣе съ природою, чѣмъ съ людьми. Его работа наполняла его существованіе, и этому уроженцу Пензенской губерніи я обязанъ многими свѣдѣніями о природѣ Южно-Сахалинскаго края. Съ этими-то людьми мнѣ и приходилось цѣлый день пробираться въ душной влажной атмосферѣ, то среди исполинской растительности прибрежныхъ еланей рѣки Найбы, то уходя нѣсколько въ сторону отъ рѣки, или по горамъ, гдѣ скала плотно подходила къ рѣкѣ черезъ заваленную прутьями и мертвыми деревьями дикую еловую тайгу. Одно изъ такихъ мѣстъ уже въ сумерки было избрано нами для ночлега. Громадная ель, какъ исполинскій шатеръ, спускала со всѣхъ сторонъ свои вѣтви, совершенно защищая находившуюся надъ нею почву отъ дождя. Эта естественная палатка была такъ велика, что нѣкогда защитила отъ непогоды двадцать человѣкъ народу, и благодарная каторга на память объ этомъ обстоятельстве вырѣзала и записала фактъ этотъ на стволѣ. Для насъ вѣтви этой ели были не менѣе спасительны, чѣмъ для нашихъ предшественниковъ, такъ какъ,

Аины съ восточнаго берега Сахалина, изъ деревни Найбы.

разложивши костеръ, мы, благодаря ихъ навѣсу, сидѣли въ дыму и были защищены отъ комаровъ.

Это была чуть ли не единственная ночь, проведенная мною на Сахалинѣ не въ палаткѣ и не подъ покровомъ теплаго пальто. Это была влажная, теплая, почти тропическая ночь. Усталые отъ тяжелой ноши, наши провожатые скоро залегли спать, и только съ топографомъ я проговорилъ довольно долго, пока не улегся и онъ. Но я долго не могъ заснуть, припоминая вновь многое изъ мнѣ рассказаннаго. Странную картину для непривычнаго человѣка представлялъ этотъ нашъ лагерь. Онъ, какъ и вообще наши каторжные лагеря, живо переносилъ мое воображеніе въ болѣе отдаленныя времена нашей исторіи, во времена казачества, когда такимъ же образомъ, какъ здѣсь у огня, потоварищески располагались пришлецы со всѣхъ концовъ Россіи, люди, совершавшіе по самымъ различнымъ причинамъ убійства, люди разныхъ сословій и состояній, которыхъ соединяло вмѣстѣ общее несчастье. Отношенія эти простыя, братскія, имѣли въ себѣ богатую долю поэзіи, и я думаю, что какъ ни тяжелы эти работы внѣ тюрьмы, онѣ должны быть наиболѣе пріятны каторжникамъ. Я, конечно, разумѣю здѣсь вольныя работы, въ родѣ описываемыхъ съемокъ. Тамъ, гдѣ въ лѣсу надъ душею стоитъ надзиратель, нерѣдко вдали отъ глазъ начальства позволяющій себѣ всевозможныя звѣрства, дѣло обстоитъ иначе. При проведеніи дороги на рѣкѣ Оноръ, напримѣръ, подобный надзиратель просто пристрѣливалъ и хоронилъ безъ свидѣтельствванія ослабѣвшихъ рабочихъ, которые обезсиливали, вслѣдствіе имъ же производившейся недодачи провіанта, — способъ отдѣлаться отъ болѣе строптивыхъ преступниковъ.

Хотя этотъ случай и исключительный, но онъ ясно показываетъ, какъ тяжелы работы внѣ тюрьмы. Ихъ поэтому нельзя смѣшивать съ работами вольными, выпадающими на долю лишь нѣкоторымъ пользующимся довѣріемъ лицамъ или даваемыми «на честное слово каторги»¹⁾. Между тѣмъ большинство работъ производится подъ надзоромъ, хотя и совершаются онѣ внѣ тюрьмы.

Какъ читатель можетъ видѣть изъ рисунка, тюрьма сахалинская мало похожа на то, что мы представляемъ себѣ подъ этимъ именемъ. Заключенные въ ней живутъ скорѣе, какъ солдаты въ казармахъ; арестанты имѣютъ свои нары, выходятъ по звонку каждое утро въ 4 часа на раскомандировку, гдѣ ихъ партіями назначаютъ на работы: таскать бревна изъ лѣсу, проводить дороги или за плату работать на угольномъ рудникѣ. Знающіе ремесла работаютъ, какъ мастера-вые, въ плотницкихъ, кузнецкихъ и другихъ отдѣленіяхъ тюрьмы.

¹⁾ Честное слово каторги значитъ чуть ли не болѣе, чѣмъ у свободнаго человѣка. Сила поруки здѣсь велика, и каковъ бы преступникъ ни былъ, если за него поручилась каторга, онъ никогда не рѣшится не исполнить обѣщаннаго.

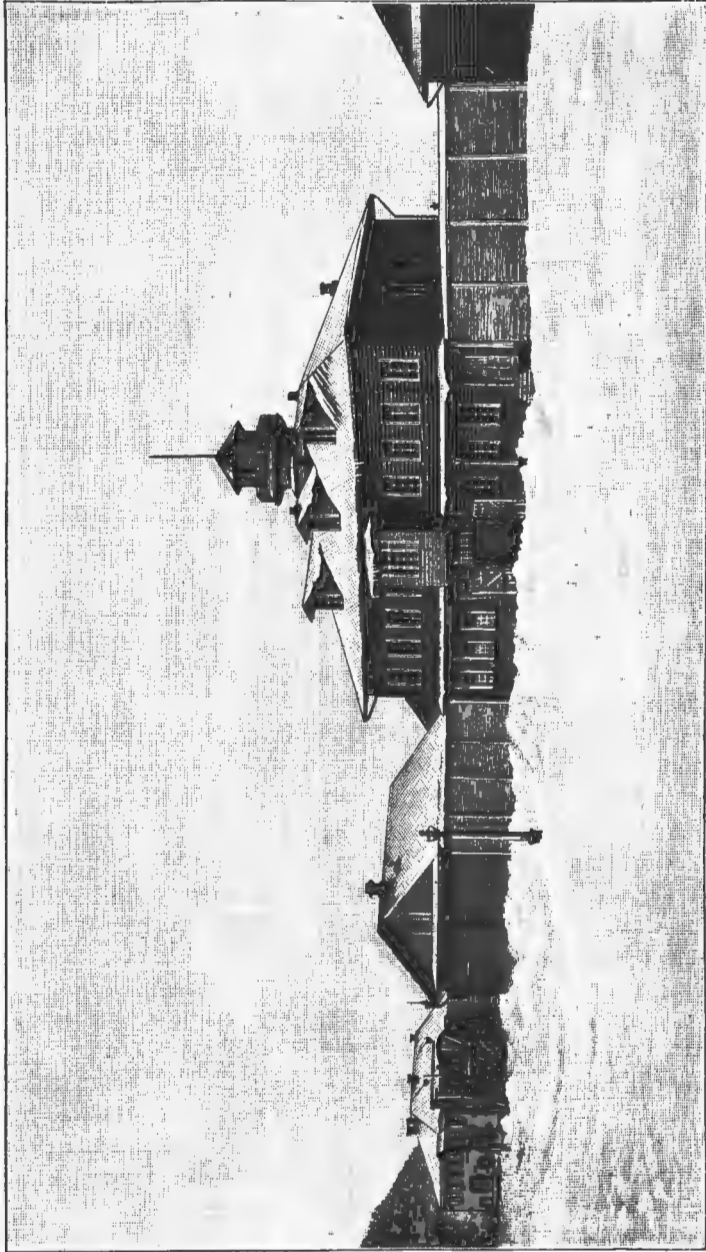
Исполинская растительность на Сахалинѣ (*Angelophyllum* и *Spiraea*—
представители флоры еланей).

Наконецъ, люди, за которыми послѣдовали семьи, живутъ даже прямо внѣ тюрьмы, въ избахъ, въ Александровскѣ, въ Дуэ и другихъ окружающихъ тюрьму селеніяхъ. Жизнь въ тюрьмѣ, за исключеніемъ случаевъ, когда въ тюрьмѣ набито слишкомъ много народу, сама по себѣ не была бы тяжела, такъ какъ люди держатся вольно. Но постоянно тяготѣющей надъ ними надзоръ, грубое обращеніе, постоянный рискъ подвергнуться тѣлесному наказанію по прихоти надзирателя и смотрителя, а главное постоянное напоминаніе о полной безправности, приурочиваніе къ положенію какихъ-то гадовъ, а не людей, что въ довершеніе всей тяжести какъ бы находить оправданіе въ поведеніи иныхъ товарищей,— все это гнететъ душу ссыльнаго. Особенно тяжело положеніе совершившаго преступленіе порядочнаго человѣка, находящагося совершенно въ одинаковыхъ условіяхъ съ полнымъ негоднемъ и пользующагося совершенно такимъ же обращеніемъ. Понятно, что это положеніе заставляетъ его искать возможности хотя временно вырваться на свободу. Мы уже говорили, что это стремленіе влечетъ многихъ даже къ временному побѣгу, имѣющему иногда весьма печальныя послѣдствія.

Естественно, что на работу, которая можетъ происходить безъ надзирателя, каторжный идетъ особенно охотно. Тутъ онъ работаетъ безукоризненно хорошо и честно, тутъ между сотоварищами устанавливаются тѣ братскія отношенія, которыя существовали во времена казачества.

Кромѣ того, эта работа большею частью имѣетъ болѣе осмысленный характеръ. Сильно тяготитъ каторгу безцѣльность, непроизводительность затрачиваемаго здѣсь иногда громаднаго труда. Въ этомъ отношеніи идея примѣненія труда ссыльныхъ при проведеніи Сибирской желѣзной дороги—прекрасная идея. Она, заставляя трудиться иногда не менѣе тяжело, чѣмъ и на Сахалинѣ, есть работа болѣе осмысленная, и сознаніе, что этотъ трудъ не пропадетъ даромъ, что онъ послужитъ на пользу многимъ тысячамъ, ободряетъ рабочихъ, онъ даетъ возможность на людяхъ показать, что не окончательно погибшіе, зловредные люди—эта заброшенная на островъ каторга.

Какъ чутка она къ презрѣнію, которымъ ее обыкновенно клеймятъ, можетъ характеризовать слѣдующій случай со мной. Сидя какъ-то у костра, я сказалъ каторжнымъ, что многіе, отговаривавшіе меня ѣхать на островъ, не повѣрили бы, что можно одному углубляться въ островъ въ ихъ компаніи. Фраза эта произвела гнетущее впечатлѣніе, и много еще дней спустя меня спрашивали, неужели же всѣ тамъ, на материкѣ, уже такъ скверно думаютъ о каторгѣ, что полагаютъ, что съ человѣкомъ, разъ совершившимъ преступленіе, нельзя болѣе имѣть никакихъ дѣлъ, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ погибшій...

Александровская тюрьма на Сахалинѣ.

На другой день утромъ мы начали свое путешествіе переходомъ черезъ быструю рѣчку Найбу. Пунктъ, меня особенно интересовавшій, лежалъ на другомъ ея берегу, нѣсколькими верстами выше. Переправа черезъ рѣку была дѣломъ нелегкимъ. Только въ одномъ мѣстѣ и существуетъ здѣсь найденный каторжниками бродъ, по которому болѣе, чѣмъ по грудь въ водѣ, приходится идти сажень около 100. Переправа сама по себѣ не представляла бы ничего опаснаго, если бы съ одной стороны теченіе не было столь быстро, что легко могло сбить съ ногъ, съ другой же стороны все дно не было усыяно галькою, по которой ступать для непривыкшаго ходить босикомъ человѣка было чрезвычайно больно. Между тѣмъ достаточно было оступиться, чтобы имѣвшая почти скорость потока рѣка унесла въ мѣста болѣе глубокія. Надо было только удивляться, какъ при такихъ условіяхъ переправы могъ быть найденъ этотъ оригинальный бродъ въ округѣ, гдѣ всѣ работы и передвиженія совершаются на людяхъ въ дебряхъ, доселѣ еще не видавшихъ ни одной лошади...

Здѣсь мои спутники выказали всю свою ловкость и предупредительность, и, болѣе опытные въ такого рода путешествіяхъ, они сдѣлали все, что отъ нихъ зависѣло, чтобы сдѣлать мнѣ эту переправу возможно болѣе легкою и безопасною, вели меня подъ руки и перенесли одежду и приборы, не замочивши ни ниточки. Интересовавшій меня пунктъ находился недалеко отъ берега. Это была одна изъ со всѣхъ сторонъ защищенныхъ отъ вѣтровъ, долинокъ южнаго Сахалина. Такія долины представляютъ глубокой научный интересъ. Мы уже видѣли по Найбѣ, что разъ попадаешь въ защищенную отъ вѣтровъ, согрѣваемую теплыми рѣчными водами, долину, картина природы рѣзко мѣняется. Въмѣсто тундръ съ сѣверными оленями и флорою Шпицбергена, какія были нами описаны на Поронаѣ и какія есть и на южномъ Сахалинѣ, вмѣсто одѣвающей горы суровой сѣверно-сибирской тайги, вы попадаете въ область лиственныхъ лѣсовъ и пышныхъ луговъ. Такіе луга мы видѣли и по Поронаю, но тамъ дренированные рѣкою и согрѣтые ея водами, не дававшими образоваться мерзлотѣ, луга представляли контрастъ лишь по сравненію съ тундрой и тайгою. По Найбѣ же луга, сверхъ того, были защищены отъ моря горами, и флора здѣсь приняла чисто исполинскіе размѣры. Помимо перечисленныхъ выше гигантскихъ травъ рядъ растений Японіи и Манджурии, субтропическихъ формъ сѣвернаго Китая развивается здѣсь не хуже, чѣмъ въ ихъ отечествѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ острова произрастаетъ даже виноградъ, дающій съдобные гроздья, какъ гдѣ нибудь въ Закавказьѣ. Образуетъ живописныя рощи пробковое дерево *Phyllocladon amurense*, растутъ дебри изъ манджурскихъ аралій, фатси, южныя породы кленовъ, бересклетовъ, гортензій. А въ какой нибудь полуверстѣ отъ такого уголка, въ ни-

Постройки въ Дуэ, гдѣ помѣщаются, живущіе въ тюрьмы, каторжные.

зинѣ за горами раскидывается мертвенная, безлѣсная, съ мерзлою почвою тундра, гдѣ, кромѣ клюквы, морошки, мамыры и торфянаго моха съ карликовою березою и *Mugica gale*, ничего не можетъ расти. Таково вліяніе горъ, защищающихъ мѣсто отъ холоднаго вѣтра; такова роль почвы, не имѣющей застоя водъ.

Урочище, въ которое мы пришли, между прочимъ, интересно было тѣмъ, что тамъ росли въ изобилии грецкіе орѣхи *Juglans manjucica*. Дерево это, подобно нѣкоторымъ другимъ формамъ острова, замѣчательно своимъ эндемизмомъ. Кромѣ этой долинки, на всемъ рѣшительно островѣ нигдѣ не было найдено ни одного экземпляра этого дерева. Между тѣмъ здѣсь ихъ росло не менѣе ста; всѣ они были хорошо развиты и приносили спѣлые, всхожіе орѣхи. Спрашивается, какъ же попало это и подобныя ему растенія внутрь острова, когда ихъ нѣтъ на его берегахъ, когда его тяжелыя сѣмена не могутъ быть переносимы ни вѣтрами, ни птицами, ни плыть противъ теченія столь быстрой рѣки, какъ Найба. Единственный отвѣтъ даетъ на это исторія острова. Въ глинистыхъ отложеніяхъ, перемеживающихся съ пластами лигнита и угля, здѣсь находятъ въ ископаемомъ состояніи отпечатки листьевъ и стволовъ деревьевъ гораздо болѣе южныхъ породъ, чѣмъ тѣ, которыя теперь растутъ на Сахалинѣ. Пониженіе температуры сѣвернаго полушарія положило конецъ ихъ существованію. Они вымерли повсюду, кромѣ немногихъ защищенныхъ долинъ, сохранившихъ въ себѣ черты той растительности, какую имѣлъ островъ еще въ тѣ времена, когда не было человѣка. И эти пробковые ясени, эти орѣшники и виноградъ суть послѣдніе изъ могижанъ— послѣднее наслѣдіе давно минувшаго строя жизни, господствовавшего на островѣ. Въ этомъ отношеніи они совершенно аналогичны знаменитымъ веллингтоніямъ, или мамонтовымъ деревьямъ тихоокеанскаго побережья Америки. Они, какъ извѣстно, также нѣкогда, во времена мамонтовъ и допотопныхъ животныхъ, были распространены по всему сѣверному полушарію; теперь же нѣскольکو деревьевъ уцѣлѣло, благодаря исключительно благоприятнымъ условіямъ, лишь въ 2—3 долинахъ прибрежной цѣпи Калифорніи.

Собравши интересовавшія меня растенія въ верховьяхъ Найбы, я тѣмъ же путемъ совершилъ обратный путь, и мы успѣли въ тотъ же день вернуться въ Галкино-Врасское.

Обратный путь не представилъ ничего интереснаго, кромѣ развѣ встрѣчи съ аинами, плившими вверхъ по рѣкѣ въ выдолбленномъ на манеръ пироги, длинномъ, но необыкновенно валкомъ, не позволяющемъ свободныхъ движеній челнокѣ. Люди эти высланы были изъ Сіянцевъ, чтобы насъ встрѣтить на полпути, но не заставши насъ, гдѣ думали, они вернулись назадъ, и мы встрѣтились съ ними уже такъ близко отъ селенія, что не было надобности пользоваться лодкой. Поэтому я и не воспользовался ихъ услугами, тѣмъ болѣе,

Айносы съ восточнаго берега Сахалина.

что люди эти для меня не представляли особенно большого интереса, такъ какъ съ аинами я уже неоднократно встрѣчался во время экскурсій по Охотскому побережью. Тѣмъ не менѣе я позволю себѣ сдѣлать въ заключеніе описанія моей поѣздки небольшую характеристику этихъ интересныхъ жителей южнаго Сахалина, основанную главнымъ образомъ на личныхъ впечатлѣніяхъ и дополненную имѣющимися въ литературѣ скудными данными. По облику айны представляютъ замѣчательное исключеніе изъ всѣхъ народовъ далекаго востока Азіи, обладая прекрасно развитою бородою, дѣлающею физиономіи ихъ схожими съ физиономіями русскихъ мужиковъ. Сходство это кидается въ глаза еще болѣе послѣ сравненія съ косоглазыми и безбородыми народами монгольскаго племени, ихъ окружающими. Но, какъ легко можно убѣдиться изъ прилагаемыхъ снимковъ весьма типичныхъ айнскихъ физиономій, народъ этотъ въ сущности имѣетъ съ великороссами мало общаго. Аинъ рѣзко отличается отъ великоросса, имѣющаго на тѣлѣ волосъ менѣе, чѣмъ какой либо другой народъ, уже своими густыми, черными волосами, сплошь одѣвающими все тѣло и появляющимися еще въ очень нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ. Я видѣлъ мальчиковъ лѣтъ 7 — 10, у которыхъ, какъ длиннымъ пухомъ, тѣло было покрыто нѣжными волосками. Что-то цыганское или молдаванское, южное, есть въ лицахъ этихъ темныхъ брюнетовъ. Ихъ тѣлосложеніе красиво. Въ противоположность старымъ описаніямъ я могу сказать, что волосяной покровъ не длиненъ, не принимаетъ вида шерсти, какъ на японскихъ рисункахъ, словомъ не безобразитъ очертанія. Мнѣ кажется, что покровъ этотъ есть слѣдствіе нѣкоторыхъ ненормальностей въ жизни и одѣяніи. Меня поражало, что въ холодъ, когда было непріятно ѣхать въ суконномъ платьѣ, айны ловили рыбу и лежали на берегу голыми. Ихъ одежда—длинные халаты какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, шьются изъ привозимыхъ японцами матерій, но недавно всѣ, и до сихъ поръ еще женщины, шили ихъ изъ рыбьихъ шкуръ, и въ праздничный день и теперь увидите вы айнку, щеголяющую въ отороченномъ мѣхомъ халатѣ изъ шкурки горбуши. Конечно, костюмъ этотъ не отличается особенно пріятнымъ ароматомъ, но тотъ, кто долго поживетъ въ айнскихъ домахъ, со всѣхъ сторонъ окруженныхъ висящей на жердяхъ юккалою, тотъ отвыкнетъ различать какіе бы то ни было запахи.

Но каковы бы ни были причины волосянаго покрова айновъ, народъ этотъ и своимъ тѣлосложеніемъ, и ростомъ, и обликомъ рѣзко отличается отъ окружающихъ его народовъ монгольскаго племени и, являясь чѣмъ-то близкимъ къ нашимъ западнымъ соплеменникамъ, стоитъ совершенно изолированно на Востокѣ Азіи. Антропологи и этнографы доселѣ еще ломаютъ копья надъ вопросомъ о происхожденіи айновъ, считая ихъ одни за монголовъ, другіе—за забредшихъ далеко на востокъ Россіи представителей кав-

казскаго племени, но въ дѣлѣ выясненія истины они ушли не дальше японцевъ, производящихъ айновъ отъ собаки и выброшенной на берегъ послѣ кораблекрушенія японской принцессы.

Подобно гиліямъ, айны представляютъ изъ себя народъ, живущій почти исключительно рыбою. Въ челнокѣ, выдолбленномъ изъ ствола дерева, съ двумя коротенькими, напоминающими лопаты, веслами, гребя ими не сразу, а ударяя поочередно то однимъ, то другимъ о воду, отважно пускаются они въ море и сѣтями или острогою бьютъ различнаго рода рыбу, кишашую у береговъ. Еще чаще они нанимаются работниками на японскія суда, занимающіяся ловлею рыбы и морской капусты у береговъ острова. До сихъ поръ настоящими эксплуататорами природныхъ богатствъ Сахалина являемся не мы, а японцы. Ихъ цѣлыя тысячи приѣзжаютъ лѣтомъ на берегъ острова на джонкахъ. Вдоль всего Охотскаго побережья построены лѣтніе бараки, гдѣ живутъ завѣдующіе ловлями. И подъ осень цѣлый флотъ судовъ, нагруженныхъ различными морскими продуктами, которыми такъ богаты здѣшнія моря, уѣзжаетъ къ берегамъ Японіи. Цѣлыя провинціи государства этого кормятся богатствами Сахалина, на которомъ мы голодаемъ, считая его за островъ проклятія. Истинный кормилецъ человѣка здѣсь море, а не суша, произведенія которой могутъ быть лишь подспорьемъ, но не средствомъ къ существованію. Если даже земледѣліе здѣсь когда либо и станетъ на твердую ногу, никогда оно не обогатитъ поселенца такъ, какъ можетъ его обогатить и обезпечить море. Вотъ почему сыны природы, коренные жители острова, рыбаки, а не земледѣльцы, вотъ почему и босы культурные первые завоеватели острова.

Японцы охотно отдали намъ его южную половину, сохранивъ право эксплуатировать то, чѣмъ былъ край богатъ—его береговую полосу. Аинъ-рыболовъ, подобно японцу, свободно спускается въ холодныя воды моря и работаетъ на берегу почти совершенно обнаженный. Тамъ, гдѣ въ осеннемъ пальто чувствуешь себя не особенно тепло, люди эти обходятся безъ всякаго костюма, подобно жителямъ Огненной земли, показывая, что не холодъ вызвалъ у человѣка потребность въ одеждѣ. Но обыкновенно айны ходятъ одѣтыми и считаютъ за грѣхъ обнаженіе тѣла безъ надобности. Они, какъ то видно изъ нашихъ рисунковъ, носятъ японскаго покроя кафтаны, частью изъ японскихъ матерій, получаемыхъ отъ японскихъ судовладѣльцевъ въ уплату за трудъ, частью изъ домашней матеріи, приготавливаемой изъ волоконъ коры вяза. Голову обыкновенно они оставляютъ обнаженною, но на ногахъ носятъ онучи и лапти совершенно такіе, какъ у нашихъ мужиковъ русскаго предстепія: фактъ тѣмъ болѣе поразительный, что этого рода обуви вы не встрѣчаете у ихъ сосѣдей.

Въ противоположность гилякамъ, айны часто живутъ селами, хотя села эти имѣютъ чрезвычайно странный обликъ. Такъ какъ, кромѣ собакъ, народъ этотъ не имѣетъ никакихъ другихъ домашнихъ животныхъ, и, кромѣ рыбы, никакіе запасы не дѣлаются на зиму, то и деревни айновъ не имѣютъ ни изгородей, ни широкихъ улицъ. Дома, образующіе два ряда, оставляютъ другъ между другомъ узкій проулокъ, заросшій, какъ всѣ промежутки между постройками и пространства подъ стоящими на сваяхъ зданіями, высокой травой, среди которой виднѣются тамъ и сямъ тропинки, проложенныя жителями. Эта трава, пышно развивающаяся на удобренной рыбьими остатками почвѣ, придаетъ всему селенію какой-то запущенный видъ. Кажется, будто оно давно покинуто его жителями и поросло травой забвенія. Иллюзію эту еще болѣе дополняетъ самая внѣшность возвышающихся надъ землею на невысокихъ сваяхъ, сѣрыхъ, деревянныхъ всегда болѣе или менѣе покосившихся, обыкновенно лишенныхъ трубъ, крытыхъ березовымъ корнемъ построекъ. Строенія здѣсь двоякаго рода: дома, служащія для жилья, и постройки, играющія роль нашихъ овиновъ, служащія для храненія юккалы, которая, кромѣ того, какъ и у гиляковъ, часто сушится на длинныхъ жердяхъ длинными рядами около домовъ. Она наполняетъ весь воздухъ селенія крайне непріятнымъ запахомъ, до того пропитывающимъ жилище, одежду и даже самое тѣло айна, что непривычному трудно бываетъ долго оставаться въ туземной избѣ.

Обыкновенно айнская изба имѣетъ лишь два отверстія: одно для прохожденія свѣта и дыма—въ крышѣ, другое—входное, имѣющее видъ двери, къ которой ведетъ довольно головоломная лѣстница. Въ избѣ полъ или деревянный или, что чаще, состоитъ изъ убитаго плотно слоя земли. Вокругъ стѣнъ расположены широкія скамьи, скорѣе нары, такъ какъ онѣ на столько широки, что перекинь ихъ свободно можетъ лечь человѣкъ. Онѣ и служатъ для спанья. Жара, дымъ и нестерпимая вонь дѣлаютъ пребываніе здѣсь невыносимымъ, тѣмъ болѣе, что многія избы не отличаются при этомъ и опрятностью, хотя бы и такой, къ какой привыкъ въ русскихъ избахъ путешественникъ. Зимой, надо думать, въ нихъ не особенно тепло, такъ какъ и у айновъ, какъ и у гиляковъ, источникомъ тепла является огонь, разводимый въ центрѣ жилища, противъ дымового отверстія, на покрытомъ пещломъ, обнесенномъ досками, очагѣ. Здѣсь, какъ и у нашихъ кочевниковъ, надъ костромъ виситъ котель, въ которомъ готовятъ пищу.

О религіи, общественныхъ отношеніяхъ и обычаяхъ сахалинскихъ айновъ извѣстно весьма немного; мое же краткое пребываніе на островѣ, притомъ почти исключительно посвященное изученію его естественныхъ богатствъ, не позволило мнѣ прибавить много новаго къ скуднымъ уже извѣстнымъ фактамъ.

Религіозныя воззрѣнія интереснаго народа этого занимають, повидимому, нѣчто среднее между тѣмъ, что нами было описано для гилияковъ, и тѣмъ, что представляетъ японская религія шинту, въ ея первобытномъ видѣ. Это та же вѣра въ великое множество духовъ, обитающихъ въ лѣсахъ, въ морѣ и по горамъ,—вѣра, помогающая объяснить сыну природы все то для него непонятное, что онъ видитъ вокругъ себя. Я встрѣчался и здѣсь съ боготвореніемъ, или, вѣрнѣе, съ признаніемъ за обиталища невѣдомыхъ духовъ странной формы деревьевъ или причудливыхъ береговыхъ скалъ. И здѣсь имъ приносились въ жертву щепотки манжурскаго табаку, этой величайшей драгоценности сахалинца. Здѣсь чаще приходится видѣть проявленія вѣры въ загробную жизнь и тѣснаго непосредственнаго общенія съ духами. Когда, гдѣ бы это ни было, въ полѣ или на берегу, аинецъ садится обѣдать, онъ беретъ небольшой деревянный колышекъ и ножомъ превращаетъ его въ массу стружекъ, держащихся однимъ концомъ у конца колышка, придавая ему видъ цвѣтка изъ стружекъ. Другимъ концемъ онъ втыкаетъ это свое издѣліе въ землю.

Этотъ обычай ставить на мѣстѣ своего обѣда полуоструганные колышки стоитъ въ связи съ вѣрованіемъ, что души умершихъ родственниковъ слетаются и садятся на эти своеобразные стулья, чтобы принимать участіе въ трапезѣ живыхъ.

Болѣе постоянныхъ жилищъ для душъ предковъ или для духовъ-покровителей айны, повидимому, не воздвигаютъ, если не считать за таковыя устраиваемыя въ окрестностяхъ селенія, за изгородью, роши изъ срубленныхъ деревьевъ, на вѣтвяхъ которыхъ прикрѣплены черепа большею частью медвѣдей. Животныя эти у айновъ, какъ и у гилияковъ, пользуются большимъ почетомъ. Часто случается, что они ловятъ живьемъ молодого медвѣженка, и тогда женщины выкармливаютъ его своимъ молокомъ, какъ ребенка. Когда онъ подрастетъ, его начинаютъ кормить рыбою, пока онъ, къ осени, не сдѣлается достаточно большимъ, чтобы играть роль въ весьма характерномъ празднествѣ, во время котораго его съ различными церемоніями убиваютъ, причемъ произносятся, какъ у малайцевъ передъ убіеніемъ крокодила, длинныя извинительныя рѣчи.

Сущность этого обряда, повидимому, та, что айны, какъ и всѣ дикари, преклоняются передъ мощностью и силою дикаго звѣря. Лова и приручая его, они этого молодого полубога присоединяютъ полуживьемъ къ своимъ пенатамъ, заискивая передъ нимъ, пока онъ молодъ, и получая въ благодарность за хорошее обхожденіе и кормъ его расположеніе. Искупивъ вину убійства длинными извинительными рѣчами, они сѣдаютъ его мясо, черепъ же, обиталище духа животнаго, вѣшается на деревѣ у селенія. Отнынѣ мощный духъ медвѣдя дѣлается духомъ-хранителемъ селенія.

Соотвѣтственно съ низкимъ уровнемъ религиозныхъ воззрѣній айновъ и промышленность ихъ стоитъ на очень невысокомъ уровнѣ.

Повидимому, она была въ самомъ зачаткѣ убита ранними сношеніями съ Японією, откуда айны привыкли получать все необходимое. Умѣніе дѣлать горшки, обработка и добыча металловъ, не смотря на существованіе на островѣ желѣзныхъ и мѣдныхъ рудъ, совершенно неизвѣстны айнамъ. Для ловли рыбы они пользуются удочками, сѣтями, гарпунами, иногда съ отравленными наконечниками. Но всѣ эти орудія они получаютъ готовыми изъ Японіи.

Зато они дошли до большаго искусства въ рѣзбѣ на деревѣ, и ихъ деревянная посуда, тарелки, ножны и т. п., далеко оставляютъ за собою издѣлія нашихъ дикарей. Рыба, какъ мы видѣли, является главною пищею айна. Но, благодаря болѣе близкому соудству съ Японіей, благодаря постояннымъ работамъ на японскихъ судахъ и мѣновой торговлѣ, айны постоянно видятъ за своимъ столомъ рисъ, просяную крупу, японское саки (родъ водки) и другіе предметы вывоза изъ Японіи. За ихъ столомъ вы найдете всегда водоросли, длинныя, бурья, на подобіе ремней, выбрасываемыя моремъ на берегъ и дающія слизистое, студенистое и питательное вещество. Говорятъ также, что японскіе айны за лакомство считаютъ особаго рода глину, находимую на островѣ Мацмаѣ; глину эту они ѣдятъ, приправляя ее луковичами сахалинскихъ оранжевыхъ лилій, но мнѣ лично не приходилось видѣть этого кушанья въ хижинахъ сахалинскихъ айновъ.

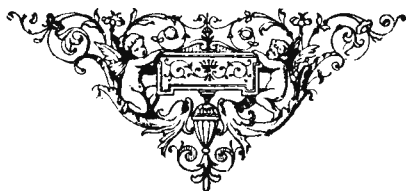
Семейныя и общественныя отношенія айновъ весьма напоминаютъ тѣ, которыя наблюдаются вообще у гиперборейскихъ народовъ.

Женщина пользуется большимъ почетомъ, чѣмъ у сосѣдей айновъ—китайцевъ и японцевъ, хотя здѣсь, какъ у киргизовъ, женихъ даритъ родителей невѣсты, платя нѣчто въ родѣ калыма. Никто не имѣетъ права жениться ранѣе, какъ 21 года отъ роду, и то съ разрѣшенія старѣйшины рода. Только начальники располагаютъ правомъ имѣть нѣсколько женъ. Управляясь старѣйшинами въ родѣ, айны никогда не создавали государства, представляя хотя полуосѣдлый, но все же дикій, не имѣющій своей письменности народецъ. Ихъ—языкъ очень звучный, напоминающій итальянскій, не похожъ на японскій. Благодаря ему, мысы и заливы южнаго Сахалина носятъ красивыя, звучныя названія въ родѣ: Сирароко, Поран-томари, Анива и т. п. Говорятъ, нѣкогда айны имѣли и свою письменность, но утратили ее.

Въ отношеніяхъ къ русскимъ они мнѣ показались гораздо менѣе общительны, открыты и любезны, чѣмъ гиляки, хотя, не смотря на горькіе уроки со стороны каторжниковъ, они до сихъ поръ привѣтливы и гостепріимны. Но нельзя, однако, не видѣть у нихъ

сильнаго тяготѣнія къ Японіи. Въ японцахъ они видятъ своихъ истинныхъ хозяевъ, имъ кланяются издалека, оставляя нерѣдко безъ вниманія мимо проходящаго русскаго. Таковы тѣ немногія, мнѣ извѣстныя свѣдѣнія объ айнахъ; нельзя не пожелать, чтобы возможно скорѣе народъ этотъ подвергся болѣе тщательному изученію, пока сношенія съ русскими и японцами не уничтожатъ окончательно слѣдовъ самобытности въ ихъ культурѣ. Такъ или иначе, но пока эти инородцы еще не испорчены, и общеніе съ ними даетъ отдохновеніе послѣ тяжелой обстановки каторги и связанныхъ съ нею тысячъ нравственно и душевно искалѣченныхъ соотечественниковъ.

А. Красновъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ОЧЕВИДЦА О БУНТѢ ВОЕННЫХЪ ПОСЕЛЯНЪ ВЪ 1831 ГОДУ.

НАСТОЯЩІЯ воспоминанія собственноручно написаны крестьяниномъ деревни Рускино, Бронницкой волости, Новгородскаго уѣзда, Петромъ Павловымъ, который во время холернаго бунта 1831 года состоялъ кантонистомъ въ одной изъ поселенныхъ ротъ Прусскаго полка и былъ очевидцемъ описанныхъ имъ событій. Въ одинъ изъ пріѣздовъ моихъ, въ 1892 году, въ деревню Рускино для объясненія крестьянамъ принимаемыхъ въ борьбѣ съ холерою мѣръ, зашла, между прочимъ, рѣчь о холерномъ бунтѣ ихъ дѣдовъ, причѣмъ мнѣ хотѣлось узнать подробности тогдашнихъ безпорядковъ и познакомиться, со словъ самихъ очевидцевъ-крестьянъ, съ вызвавшими ихъ поводами. Тутъ-то и былъ мнѣ указанъ преклонныхъ лѣтъ старикъ, Петръ Павловъ, вручившій для прочтенія написанныя имъ воспоминанія. Записки эти показались мнѣ на столько интересными, что, съ согласія автора, я препровождаю ихъ въ редакцію «Историческаго Вѣстника». Фактическій матеріалъ разсказовъ Павлова сходится со всѣмъ тѣмъ, что уже было напечатано относительно поселянскаго бунта 1831 года, но группировка этого матеріала въ то же время даетъ тогдашнимъ событіямъ своеобразное освѣщеніе, которое особенно цѣнно и интересно въ томъ отношеніи, что, исходя отъ очевидца, отчасти даже участника бунта, даетъ читателю картину ощущеній, переживавшихся народною массою въ эти смутные дни. Правда, авторъ мѣстами впадаетъ въ резонерство, но изложеніе наиболѣе драматическихъ моментовъ смуты захватываетъ, такъ сказать, его самого, и онъ начинаетъ говорить искренно, забывая о всякихъ напускныхъ фразсахъ, подчасъ противорѣча даже своимъ же собственнымъ сентенціямъ.

Все ранѣе напечатанное относительно этого бунта, на сколько я знаю, касается или старо-русскихъ поселянъ, или Австрійскаго полка, который стоялъ близъ города Новгорода. О событіяхъ въ сосѣднемъ Прусскомъ полку упоминается въ этихъ разсказахъ лишь вскользь. Такимъ образомъ на-

стояція записки Павлова даютъ и въ фактическомъ отношеніи не мало новаго.

Предлагаемыя читателю рассказы Павлова прошли предварительно черезъ кое-какія исправленія: такъ выкинуты не относящіяся къ дѣлу веле-рѣчивыя разсужденія, неправильно припутанныя иностранныя слова и т. п. Общій же характеръ изложенія и оригинальность языка я старался сохра-нить возможно ближе къ подлиннику.

Земскій начальникъ И. Ф. Кошко.

I.

Это было давно; еще при блаженной памяти государѣ импера-торѣ Александрѣ Павловичѣ. Его величеству благоугодно было учредить въ нашей матушкѣ Россіи особый родъ служилыхъ лю-дей, которые въ одно и то же время могли бы быть и хорошими земледѣльцами, и ловкими солдатами-воиками. Для этого въ нѣ-которыхъ мѣстахъ Россіи были учреждены особыя поселенія и въ отличіе отъ крестьянскихъ названы военными. Такія военныя поселенія назначено было, между прочимъ, образовать и въ нашей Новгородской губерніи, именно въ Новгородскомъ и Старорусскомъ уѣздахъ.

Начались тогда среди насъ, крестьянъ, разныя нововведенія, которыя не очень-то намъ были любы. Да и какъ же: нести двѣ службы—крестьянскую и фронттовую-военную, было не легко. Ко-нечно, собственно земледѣліе, какъ болѣе сродное и привычное нашему брату мужичку занятіе, насъ ничуть не печалило, но... фронттовая-военная служба, и въ особенности въ то давно про-шедшее время, куда была не мила для насъ.

Фронттовая служба того времени, какъ и теперь, конечно, тре-бовала выправки, молодцоватости и смѣтливости, и потому вся-каго, записаннаго въ ряды войска прямо изъ-подъ матушки-сохи, необходимо было, какъ говорится, заново обтесать. Много было труда для начальства, а еще болѣе горя намъ, сѣрякамъ. Вся бѣда для начальства была та, чтобы какъ можно скорѣе слить воедино, такъ сказать, сроднить занятіе пахаря со службою солдата. Въ прежнее время мужикъ не только какъ огня боялся солдатчины, но и дичился имѣть что либо общее съ служилымъ военнымъ че-ловѣкомъ, смотрѣлъ на него не какъ на защитника родины и пре-стола, а какъ на какого-то отверженца, какъ на что-то гадкое. Это вѣрно; солдатъ въ то время былъ пугало для дѣтей и, не смотря на всѣ понесенные имъ труды и невзгоды, не пользовался не только любовью, но и внимательностью со стороны своихъ же земляковъ, которые иначе его и не звали, какъ «кислая шерсть».

Эта непріязнь, положимъ, поддерживалась и самими солдатами, которые на мужика въ то время смотрѣли, какъ на какого-то облома, на сиволапаго медвѣдя, надъ нимъ трунили, оскорбляли его, насмѣхались иногда надъ его сердечностью и простотою, гордясь своимъ преимуществомъ и знаніемъ военной службы, хотя въ сущности знаніе это ограничивалось заучиваніемъ титуловъ и именъ царской фамиліи и своихъ начальниковъ. Если разобрать хорошенько, то мужикъ и солдатъ все едино составляли тогда одну общую невѣжественную массу. И вотъ изъ этой-то массы необходимо было выработать одно—пахаря-вояку.

Въ Бозѣ почившій государь императоръ хотѣлъ сдѣлать, чтобы русскій народъ во всякое время былъ готовъ, какъ для защиты престола отъ внѣшнихъ враговъ, такъ и для мирныхъ сельскихъ занятій. Исполненіе этой мысли государя было имъ же возложено на своего любимца, графа Алексѣя Андреевича Аракчеева, какъ на человѣка, ему вполне преданнаго и хорошо знакомаго съ мужикомъ и солдатомъ.

Графъ Аракчеевъ, какъ помѣщикъ, имѣлъ свои вотчины, своихъ крестьянъ, и велъ свое хозяйство; у него въ имѣніи все было такъ хорошо и образцово устроено, что многіе въ то время считали его образцовымъ сельскимъ хозяиномъ, и не разъ въ его высочайше дарованную вотчину Грузино, находящуюся въ нашемъ уѣздѣ, на правомъ берегу Волхова, пріѣзжали любоваться многія высочайшія особы. Все у него было верхомъ благообразія, чистоты и порядка. Избы у крестьянъ были выстроены по одному чертежу, со всевозможными для крестьянъ удобствами; овины, амбары, сараи—все это было чисто, опрятно, любо-дорого смотрѣть. Бывало въѣдешь въ Грузино, думаешь, что здѣсь все народъ богатый, зажиточный, ни въ чемъ нельзя замѣтить ни бѣдности, ни недостатка... Да, правду сказать, между аракеевскими крестьянами и не было крайней бѣдности, потому что его сіятельство, какъ помѣщикъ, лично самъ неусыпно слѣдилъ за всѣмъ; всякій недостатокъ по хозяйству: въ земледѣльческихъ ли, или хозяйственныхъ орудіяхъ, въ хлѣбѣ ли, въ домашнемъ ли скотѣ — онъ исправлялъ на свои средства, если только этотъ недостатокъ былъ не отъ лѣни или отъ пьянства, а отъ какого нибудь несчастія: падежа, напимѣръ, пожара или неурожая. Вообще, для крестьянъ трудолюбивыхъ, усердныхъ графъ былъ отцемъ-благодѣтелемъ; зато лѣнивыхъ, беспечныхъ пьяницъ терпѣть не могъ, для этихъ онъ былъ страшная, неумолимая гроза. Онъ жестоко, повоенному, наказывалъ такихъ дурныхъ крестьянъ, въ особенности еще замѣченныхъ въ воровствѣ, дракахъ или иныхъ подобныхъ «художествахъ». Онъ былъ очень аккуратенъ во всемъ, любилъ точность, однообразность — вотъ почему у него все было на-чеку и всѣ ходили по стрункѣ. У него все было

распредѣлено, рассчитано до мельчайшей подробности: когда встать, что дѣлать, какъ дѣлать, когда спать ложиться, даже что въ какой день ѣсть и пить, и то у него, кажется, было заказано. Все это не было въ зависимости отъ воли домохозяина. Оно, конечно, съ непривычки было тяжело, да и не по характеру нашему брату, русскому человѣку. Русскій православный мужичекъ, какъ и теперь еще, любить просторъ, широту и авоську, а графъ эти-то излюбленныя достоинства русскаго простофильства и поурѣзаль. Ёшь, молъ, и пей тогда-то и то-то; вставай и ложись, когда приказано. Ну, гдѣ же, когда же это было видано, чтобы русскій мужикъ сжился съ своимъ положеніемъ, обставленнымъ въ такія строгія рамки? Русскому человѣку-простолюдину надо все, или ничего! Тогда, какъ и теперь, люди—все люди. Посмотрите-ка, поприглядитесь: теперь какъ будто бы и ладно, естественно, съ прокладцемъ живетъ, а въ сущности эта самая естественность-то, эта наша самостоятельность, только вредитъ многимъ изъ нашей братии мужиковъ. А вѣдь теперь хоть чему нибудь да учать въ деревняхъ, а тогда что?—всѣ были круглые невѣжды, безграмотные, что твои дикіе звѣри. Вотъ почему нельзя было и допустить, чтобы звѣрю дана была полная свобода, и для такихъ-то звѣроподобныхъ людей графъ Аракчеевъ и явился укротителемъ.

Для устройства быта военныхъ поселянь была избрана мѣстность, какъ я уже сказалъ, въ уѣздахъ Новгородскомъ и Старорусскомъ.

Въ этой мѣстности былъ расположенъ гренадерскій пѣхотный корпусъ, состоявшій изъ трехъ дивизій, каждая дивизія подраздѣлялась на шесть пѣхотныхъ полковъ: изъ нихъ 4 были гренадерскихъ и 2 карабинерныхъ. Въ нашемъ уѣздѣ были 4 гренадерскихъ полка: Австрійскаго императора полкъ, короля Прусскаго полкъ, графа Аракчеева полкъ и наслѣднаго принца Прусскаго полкъ; въ каждомъ изъ этихъ полковъ было по три баталіона: два дѣйствующихъ регулярныхъ и одинъ поселенный. Надо сказать, что Австрійскаго императора полкъ былъ расположенъ по лѣвому берегу рѣки Волхова отъ города Новгорода; Прусскій полкъ по правому берегу рѣки Волхова отъ Новгорода; графа Аракчеева полкъ по тому же берегу рѣки Волхова, но нѣсколько ниже Прусскаго полка, а наслѣднаго принца полкъ находился по рѣкѣ Мстѣ отъ села Ямъ-Бронницы.

Для пополненія поселенныхъ баталіоновъ брали всѣхъ крестьянъ той мѣстности, гдѣ былъ расположенъ тотъ или другой изъ упомянутыхъ полковъ, не смотря даже на явные физическіе недостатки, брали и безглазыхъ, и криворукихъ, и кривоногихъ и даже кривобокихъ, лишь бы былъ не моложе 17 и не старше 55 лѣтъ. Моложе 17 лѣтъ записывали въ кантонисты. Вотъ такую-то нашу армію въ какіе нибудь мѣсяца четыре или пять обучили

и на столько сносно, что государь императоръ при посѣщеніи этого образцоваго войска остался доволенъ. Успѣшному ходу обученія строевой службѣ не мало способствовало, во-первыхъ, то обстоятельство, что, кромѣ насъ, крестьянъ, въ составъ этихъ баталіонсвъ графомъ Аракчеевымъ была назначена одна треть старослужилыхъ, полковыхъ солдатъ, и, во-вторыхъ, и это должно быть главное, что учителя, поставленные надъ нами, хотя и не обладали, можетъ быть, выдающимися способностями, но зато старались вдолбить въ насъ тотъ или другой артикуль и порядокъ въ дисциплинѣ, болѣе солидной своеобразной формой увѣщеванія, въ родѣ пятисотъ розогъ, двухсотъ палокъ; въ сихъ вразумительныхъ приемахъ недостатку не было. Изъ числа старослужилыхъ солдатъ назначали къ намъ въ поселенные баталіоны преимущественно женатыхъ, а такъ какъ у многихъ солдатъ жены были на родинѣ, то таковыхъ вытребовали къ нимъ, и онѣ прибыли съ родины этапнымъ порядкомъ; неженатымъ же приказано было пожениться на дочкахъ тѣхъ крестьянъ, которые были записаны въ поселенные баталіоны. Подобное распоряженіе, какъ громомъ, поразило всѣхъ отцовъ и матерей и ихъ дѣтушекъ, ненаглядныхъ дочушекъ... Но, какъ ни было жутко, а пришлось покориться волѣ строгаго, неумолимаго графа Аракчеева, этого шефа нашихъ баталіоновъ, и повыдать своихъ ласточекъ: сестеръ да дочушекъ, за старыхъ солдатъ, насквозь пропитанныхъ табачищемъ, этимъ грѣховоднымъ зельемъ...

Жалко и грустно было видѣть тѣ семьи, которыя придерживались раскола, а такихъ семей было не мало. Эти приверженцы старины во всемъ этомъ видѣли знаменіе нарожденія антихриста, и въ ихъ глазахъ графъ Аракчеевъ, которому въ то время приписывали всю вину этихъ бѣдствій, являлся если не самимъ антихристомъ, то его предтечею. Они, да и одни ли они, многіе изъ насъ, зачастую бывало поплачутъ, возропцуютъ на своего батюшку царя: «Неужели, батюшка царь, прогнѣвался на насъ, что вздумалъ насъ, мужичковъ, обижать... Мы, кажется, ничего ему, батюшкѣ, супротивнаго не сдѣлали... Шуточное ли дѣло: ни за что, ни про что всѣхъ и старыхъ и малыхъ позабрали въ солдаты, да въ добавокъ еще и дѣвокъ не оставили въ покоѣ и тѣхъ отъ насъ поотняли и отдали во владѣніе этимъ псамъ табачникамъ... Это все его, графа, наставленіе!»...

Однако, какъ намъ ни тяжело было, а погоревали, погоревали, да и свыклись съ этими порядками... Таковъ ужъ видно русскій мужичекъ и есть: онъ хоть съ самимъ лѣшимъ сдружится, коли начальство прикажетъ. Да оно и вѣрно: люди мы были подневольные, а время, говорятъ, великій цѣлитель. Мы дѣйствительно перестали бояться и убѣгать отъ дыму, а нѣкоторые, смѣшно сказать, и сами, прости, Господи, прокоптились этимъ поганымъ куревомъ...

Словомъ, чего хотѣло начальство, то и исполнилось, вѣрнѣе сказать добилось, что мы слились воедино съ солдатчиной, и прежніе крестьяне стали военными поселянами.

Затѣмъ, послѣ фронтоваго обученія началась ломка и въ сельскомъ нашемъ хозяйствѣ. Заставили насъ рубить и расчищать непроходимый лѣсъ, распахивать землю... Это было въ 1818 году. Мы, бывало, съ 15-го марта по 15-е октября изъ лѣсу и не выходили, гдѣ совмѣстно съ квартировавшими на зимнихъ квартирахъ солдатами кадроваго баталіона 1-го пѣхотнаго корпуса производили чистку и корчевку лѣса, приготовляя пахотныя поля. Черезъ годъ въ 1819 году пригнали къ намъ изъ Хохландіи быковъ для распашки земель, и въ какихъ нибудь два года вмѣсто дремучаго лѣса уже красовались обширныя поля, покрытыя золотистымъ колосомъ ржи...

Неимовѣрный, тяжкій трудъ выпалъ на долю поселянъ, но они, благодаря Бога, осилили эту по истинѣ каторжную въ то время работу...

За пашней уходъ былъ далеко не такой, какъ нынче: тогда ничего не дѣлалось спустя рукава, тогда оставить полосу не вспаханной было нельзя, вѣтъ, шалишь... Тогда такъ вспашутъ спину шпирутенами, что до новыхъ вѣтниковъ не забудешь... А теперь что?! Кто какъ хочетъ, тотъ такъ и дѣйствуетъ... Тогда не то дѣло было: на все была издана форма. Борозды были прямыя, какъ одна. Чистыя, гладкія дороги вездѣ были ровныя, безъ выбоинъ и ухабовъ разныхъ... Какъ отъ селенія къ селенію, такъ и по полямъ, дороги были одинаковы. Зато бывало взглянешь на засѣянныя поля и залюбуешься, забудешь и свое горемычное житье...

Въ томъ же 1819 году начали для насъ поселянъ строить особаго вида жилища, съ такимъ расчетомъ, чтобы въ одной слободѣ можно было помѣстить до шестидесяти хозяевъ поселянъ. Самые дома имѣли особый, отличный отъ крестьянскихъ видъ. Каждый домъ дѣлился на двѣ части, по срединѣ коридоръ, который какъ бы соединялъ обѣ избы подъ одной крышей или связывалъ ихъ, и потому такіе дома, которые изрѣдка встрѣчаются и теперь, назывались связями. Кромѣ того, каждая часть дома имѣла по особому отдѣленію: въ первомъ, обращенномъ къ улицѣ, помѣщались старослужилые солдаты, а въ другой части, тоже обращенной на улицу, помѣщалась военная аммуниція, оружіе... во вторыхъ же отдѣленіяхъ той и другой части, но обращенныхъ во дворъ, помѣщались хозяева поселяне съ ихъ полевыми орудіями... Всѣ эти помѣщенія были въ исправности и чистотѣ, какъ равно аммуниція и другія хозяйственныя полевыя орудія; все было на своихъ мѣстахъ... Бывало ударятъ тревогу въ барабанъ, мы живо беремъ аммуницію, схватываемъ оружіе и въ какіе нибудь полчаса уже находимся

въ строю на плацу, что твои заправскіе солдаты... Или бывало и такъ вдругъ закричатъ: «запрягать лошадей и выѣзжать въ поле съ земледѣльческимъ орудіемъ!». И мы тоже быстро соберемъ все нужное и чрезъ часъ всѣ уже за работой... Нерѣдко заставляла насъ тревога и на полевой работѣ... Тогда чуть услышимъ сигналъ, въ мигъ побросаемъ всѣ сохи, бороны, на коней и маршъ-маршъ въ слободу, скинемъ свои зипуны, одѣнемся въ аммуницію и на плацъ!—и все это быстро и отчетливо, такъ что не разъ заслуживали похвалу отъ самого его сіятельства... Всему этому много помогали тѣ же научныя пособія: розги да палки... Непривычныхъ къ этому мужичковъ первое время подобныя тревоги не только тяготили, а просто мучили.

Кромѣ помѣщеній, собственно для жилья поселянъ въ слободахъ были выстроены особаго рода двухъэтажныя зданія со «шпилемъ», или каланчей. Въ нижнемъ этажѣ въ одной половинѣ была квартира поселеннаго ротнаго командира, а также помѣщалась и пожарная команда съ конюшнею для лошадей, въ другой половинѣ были: ротный комитетъ, канцелярія, сарай для пожарнаго инструмента и манежъ для зимнихъ ротныхъ ученій. Въ верху зданія подѣ «шпилемъ» находилась церковь и школа для дѣтей; церковь была небольшая, вмѣщавшая въ себѣ не болѣе сорока человѣкъ. Да, признаться, ее мало и посѣщали, потому что всѣ свободные отъ полевыхъ работъ и строевыхъ ученій въ праздничныя и воскресныя дни были заняты разными разводами съ церемоніей, смотрами, провѣркою аммуниціи и прочими предметами, такъ что и Богу-то помолиться времени не было.

Кромѣ этого, отъ посѣщенія храма Божія многихъ поселянъ отвлекали и разныя нововведенія въ церкви, гдѣ все было не поихнему, не по-старинному. Во-первыхъ, наружный видъ церкви былъ похожъ на простой домъ, а не на храмъ Божій, какой привыкъ съ малолѣтства видѣть каждый поселянинъ; во-вторыхъ, алтарь помѣщался иногда не на востокъ, а на западъ, или на сѣверо-западъ, смотря по удобству, и, въ-третьихъ, иконы писаны были, хотя и превосходно и живо, но не на деревѣ, а на полотнѣ; это послѣднее въ особенности возмущало нашихъ старичковъ. Нерѣдко былъ слышенъ ропотъ на забвеніе и попраніе нашей православной религіи... Во всемъ этомъ опять-таки видѣли дѣла антихриста, то-есть, проще сказать, графа Аракчеева.

Нерѣдко мы удостоивались лицезрѣть разныхъ высокопоставленныхъ лицъ и изъ иностранныхъ государствъ, которыя нарочито пріѣзжали полюбоваться житьемъ-бытьемъ поселянъ. При своемъ посѣщеніи государь императоръ заходилъ иногда къ какому либо хозяину, пробовалъ пищу, осматривалъ хозяйство, скотъ и прочее, освѣдомлялся о численности земли и всегда оставался доволенъ... Да и нельзя быть недовольнымъ, ибо еще задолго до

пріѣзда его величества, графъ Аракчеевъ пріѣзжалъ къ намъ и объявлялъ о готовящемся посѣщеніи и заблаговременно избиралъ двухъ или трехъ домохозяевъ, приказывалъ имъ быть наготовѣ; если замѣчалъ, что у этихъ домохозяевъ во дворѣ мало скота, онъ приказывалъ на время посѣщенія государя перевести скотъ съ другого двора, отпускалъ деньги для улучшенія пищи, такъ что у такихъ намѣченныхъ крестьянъ столъ былъ не хуже купеческаго, сытный, обильный, вкусный: ѣшь, да похваливай... Все это мы знали и понимали, что обманываютъ царя батюшку, да что же подѣлаешь?.. Жизнь хотя и трудная была, каторжная, можно сказать, да вѣдь еще никому не надоѣла. Словомъ, по наружности все было хорошо, прекрасно, но если бы кто заглянулъ внутрь нашей жизни, внутрь нашихъ распорядковъ, то узналъ бы, сколько пролито нами горючихъ слезъ, сколько перенесено огорченій, сколько было выстрадано бѣднымъ мужичкомъ отъ выпавшаго на его долю тяжкаго, непосильнаго, неимовернаго кроваваго труда въ теченіе девяти лѣтъ, съ 1817 по 1826 годъ!.. Да что я говорю про мужичковъ! Господа-то наши, ближайшіе начальники, и тѣ, бѣдные, чего-чего не перенесли отъ всесильнаго всемогущаго графа Аракчеева!

Сколько было потрачено, говорятъ, денегъ на учрежденіе этихъ военныхъ поселеній, и вдругъ все это пало, разсыпалось, не принеся ни намъ лично, ни земледѣлію, ни военному искусству никакой пользы, кромѣ горькихъ, безотрадныхъ воспоминаній.

Со смертію императора Александра Павловича, грозный помѣщикъ и шефъ военныхъ поселенъ графъ А. А. Аракчеевъ палъ. Онъ отстранился отъ государевыхъ дѣлъ и до конца жизни жилъ въ своей вотчинѣ, селѣ Грузинѣ.

8-го декабря, 1826 года, въ годовую день кончины государя Александра Благословеннаго по повелѣнію императора Николая I-го, съ военныхъ поселенъ была снята фронтальная военная аммуниція, отобраны ружья, ранцы, кивера, патронныя сумы и вся солдатская обмундировка, кромѣ шинелей и шапокъ. Тогда-то несказанно обрадовались наши родные поселянушки!.. Точно гору съ плечъ свалили.

Вмѣсто мундира и солдатской шинели построили намъ изъ сѣраго сукна полукафтаны; воротники и погоны на нихъ были такіе, какъ въ тѣхъ полкахъ, къ которымъ причислены были поселенные баталіоны.

Для улучшенія сельско-хозяйственнаго быта поселенъ, государемъ было приказано, чтобы у каждаго домохозяина имѣлся при хозяйствѣ помощникъ, каковыми и были: или взрослый сынъ, или племянникъ, а ежели у кого такихъ не было, то дозволено было брать себѣ въ помощники изъ полковыхъ солдатъ, какой кому понравится; а если у инога домохозяина было нѣсколько сы-

новой, то одинъ оставался дома при отцѣ, какъ помощникъ. остальные всѣ записывались въ военную службу, для чего въ каждомъ полку были учреждены резервные баталіоны, комплектуемые старыми полковыми солдатами и кантонистами изъ поселенныхъ баталіоновъ. Въ то время срокъ службы былъ сокращенъ до 20 лѣтъ; изъ нихъ 15 лѣтъ каждый долженъ былъ прослужить въ полку, а пять лѣтъ дослуживать въ резервѣ. Кантонисты же поступали въ резервы 15-ти лѣтъ и, пробывъ въ нихъ 5 лѣтъ отправлялись въ дѣйствующіе полки.

Изъ этихъ кантонистовъ впоследствии выходили очень расторопные, хорошіе солдатики.

Не смотря, однако, на нѣкоторыя облегченія, какъ, на примѣръ, снятіе съ насъ фронтной службы и оружія, житье поселянъ было очень плоховато... Въ хозяйственномъ отношеніи дѣло шло очень худо, и хозяева-поселяне, не смотря на всѣ старанія начальства, не могли хоть нѣсколько улучшить свой крестьянскій бытъ, Причиною этого было то, что годъ отъ году семьи увеличивались, ибо, какъ я сказалъ ранѣе, при домохозяинѣ былъ помощникъ; съ лѣтами и глядя по обстоятельствамъ, помощники эти поженились, а ужъ извѣстно, у женатыхъ явились дѣти, лишніе рта... Съ увеличеніемъ семьи, увеличился и недостатокъ въ продовольствіи... Пашни хотя и было достаточно, но пользы получали отъ нея немного, потому что природа Новгородской губерніи вообще не очень-то щедра на дары свои, и, во-вторыхъ, какъ посѣвъ, такъ и уборка хлѣбовъ исполнялись по приказу баталіоннаго командира. Въ иную пору нужно бы начать сѣять, или хлѣбъ убирать, и погода тому благопріятствуетъ, да нѣтъ еще приказа отъ баталіоннаго командира, ну, и сидимъ, ждемъ... время между тѣмъ идетъ, да идетъ... А когда выйдетъ приказъ, то смотришь, погода-то уже измѣнилась къ худшему, время миновало, ну, и дѣлаешь какъ попало, поскорѣй... Большая часть пашни иногда оставалась незасѣянною, оттого и не доставало хлѣба. Начальство, замѣтя такое состояніе поселянъ, рѣшило отпускать имъ на продовольствіе изъ казны провіантъ, какъ на мужчинъ, такъ и на женщинъ и даже на дѣтей. Кромѣ того, правительству стоила не мало денегъ и наша обмундировка: на форменные парадные полукафтаны, на рабочія куртки, на жалованье, отпускались суммы изъ казны въ продолженіе шести лѣтъ, съ 1826 по 1831-й годъ, когда окончательно военное поселеніе уничтожено, и мы стали крестьянами... Вотъ и все житье-бытье поселянъ... Можно судить, каково намъ жилось и сладко ли намъ было...

II.

Поселенный баталіонъ короля Прусскаго полка расположенъ былъ на правомъ берегу рѣки Волхова, отъ Новгорода до села Змѣйскаго, внизъ по теченію рѣки.

Баталіонъ имѣлъ четыре поселенныя роты. Первая находилась въ слободѣ, гдѣ нынѣ село Змѣйское и деревня Русса, или Рускино; вторая, вверхъ по теченію, гдѣ нынѣ деревни Ситно и Дубровка; 3-я рота была расположена въ слободѣ, гдѣ нынѣ чухонская деревня Ложитова, и мѣстность называлась Ложитовскія связи; между слободами 2-й и 3-й роты былъ расположенъ полковой штабъ, гдѣ впоследствии квартировали гвардейскіе уланы, и потому даже и теперь мѣстные жители называютъ Уланскій штабъ или Муравьевскія казармы... 4-я рота стояла въ слободѣ, гдѣ нынѣ деревня Слутка, почти напротивъ штаба Австрійскаго полка или Драгунскаго штаба, расположеннаго на другомъ (лѣвомъ) берегу рѣки Волхова. Тамъ же, гдѣ нынѣ находится Николаевская колонія, расположена была первая половина резервной роты. Здѣсь же помѣщался ротный дворъ, гдѣ жили ротный командиръ, капитанъ Дасаевъ, фельдфебель, каптенармусъ и фельдшеръ. Подъ «шпилемъ», или подъ каланчей, какъ я говорилъ ранѣе, помѣщалась церковь во имя св. князя Александра Невскаго; при этой церкви жилъ священникъ отецъ Василій.

Вторая половина этой же резервной роты расположена была въ слободѣ при рѣчкѣ Вишерѣ, недалеко отъ монастыря св. Саввы Вишерскаго; въ этой-то слободѣ я и имѣлъ жительство вмѣстѣ съ отцемъ своимъ.

Въ первыхъ числахъ мая мѣсяца 1831 года, у моего отца заболѣла корова; въ тотъ же день часу въ восьмомъ утра отецъ объявилъ о болѣзни своему капральному унтеръ-офицеру, Петру Степановичу Дуюну, который тотъ же часъ послалъ нарочнаго на ротный дворъ, доложить о случившемся ротному командиру. Часу въ 11-мъ утра ротный командиръ прибылъ въ нашу слободу съ ветеринарнымъ докторомъ и фельдшеромъ. Осмотрѣвъ корову, докторъ спросилъ, давно ли она заболѣла; на это моя мать отвѣтила: что еще вечеромъ была здорова, давала молоко какъ слѣдуетъ, а сегодня уже поутру ничего не давала.—«А вотъ мы ее сейчасъ вылечимъ»,—сказалъ, улыбаясь, докторъ и что-то не порусски сказалъ фельдшеру. Тотъ вынулъ изъ ящика бутылку съ какою-то мутною жидкостью, взболтнулъ, велѣлъ бывшимъ тутъ людямъ задрать коровѣ голову и въ разинутый ротъ влилъ всю жидкость изъ бутылки. Въ тотъ же мигъ бѣдная корова вздрогнула, замычала какимъ-то страшнымъ, дикимъ голосомъ, съ нею сдѣлались судороги: ее начало ломать, и въ какія нибудь четверть часа она издохла. До-

кторъ приказалъ сейчасъ же павшую корову вывезти въ лѣсъ и зарыть подалеже отъ слободы и какъ можно глубже, и всю ту дорогу, по которой везли корову, а также и могилу ея посыпать известью. Кромѣ того, назначилъ мѣстность для зарыванія павшаго скота, велѣлъ эту мѣстность огородить высокимъ тыномъ, чтобы другой здоровый скотъ не попалъ туда. На случай же заболѣванія скота приказалъ отвести пустой домъ, при которомъ бы имѣлось просторное надворное строеніе, и въ этомъ домѣ устроить скотскій лазаретъ. Въ лазаретъ назначили двухъ ветеринарныхъ фельдшеровъ и десять человѣкъ поселянъ для зарыванія павшаго скота, которые и поселились въ этомъ пустомъ домѣ. Конечно, хорошихъ хозяевъ на такую дрянную работу не назначали.

За заболѣвшимъ скотомъ дѣло не стало. Наша корова, находясь въ одномъ стадѣ съ коровами прочихъ домохозяевъ, заразилась и ихъ.

Начальство наше хотя и принимало очень дѣятельныя мѣры къ прекращенію падежа, но падежъ не прекращался долго. Кромѣ зарывальщиковъ, въ помощь фельдшерамъ были назначены три кантониста, на обязанности которыхъ лежало слѣдить въ стадѣ за заболѣвающимъ скотомъ: чуть замѣтятъ они, что корова заболѣла, тотчасъ были обязаны гнать ее въ лазаретъ, гдѣ ее фельдшера лечили такимъ же лекарствомъ, какъ и нашу корову, то-есть волюють ей въ глотку чего-то, она и издохнетъ. Ветеринарные фельдшера почти ежедневно въ полупьяномъ видѣ посѣщали стадо и приказывали кантонистамъ подъ видомъ больной коровы гнать въ лазаретъ совершенно здоровую, да еще выберутъ, каналы, самую лучшую, да жирную, а тамъ, въ лазаретѣ, конечно, ее зарѣжутъ, кожу снимутъ, да въ Новгородъ и стащатъ, продадутъ, а мясо, конечно, въ компаніи съ зарывальщиками сожрутъ. Впрочемъ, эти люди не церемонились и съ палымъ скотомъ: они также снимали съ него кожу и отвозили въ городъ; хотя начальство строго-настрого приказало, чтобы отнюдь не смѣли снимать шкуръ съ павшаго скота, но зарывальщики народъ былъ отпѣтый, не изъ трусливыхъ: шкурку снимутъ, продадутъ, купятъ водки, пьютъ, да пѣсенки поютъ, а хозяева-поселяне воютъ, имъ вѣдь тоже жалко скотинки, тѣмъ болѣе, что они про всѣ эти продѣлки знали, все это видѣли и хотя посматривали на фельдшеровъ неприязненно, но жаловаться начальству не смѣли. Хорошо, — начальство повѣритъ доносу, а если, сохрани Богъ, не повѣритъ, тогда лучше живой въ гробъ ложись: запорютъ. Тогдашняя военная дисциплина была куда какъ строга, и жалобъ или доносовъ на своихъ мелкихъ начальниковъ, какъ-то: капральныхъ, фельдфебелей или фельдшеровъ, не долубливали. Нужно было все терпѣть, и какъ ни жалъ было хозяевамъ своей скотинушки, а про хозяекъ и говорить нечего, тѣ каждую скотинку омоютъ слезами, а терпѣли... Плакали, а

терпѣли. Плакали потому, что хорошо понимали, что скоть не столько падаетъ отъ болѣзни, сколько отъ фельдшерскихъ рукъ, а эти люди ни во что не считали своего же брата-поселянина и, пользуясь приказаніемъ доктора, чтобы каждая заболѣвшая скотина въ тотъ же часъ истреблялась, чтобы какъ можно скорѣе прекратить заразу, не щадили ни больныхъ, ни здоровыхъ, и отъ этого болѣзнь не только не останавливалась, но съ каждымъ днемъ усиливалась и усиливалась. Одновременно падежъ на скоть былъ и за чертою военныхъ поселянъ у другихъ барскихъ и удѣльныхъ крестьянъ, а также и у ямщиковъ, и у нихъ падало не мало скота, но падало отъ болѣзни, а не отъ леченія, какъ у насъ. И какъ бы первоначально болѣзнь и ни истребляла скоть, все же у нихъ въ послѣдствіи хотъ изъ 50-ти одна уцѣлѣла, а у насъ, въ военномъ поселеніи, какъ въ Новгородскомъ, такъ и Старорусскомъ уѣздахъ, не осталось въ живыхъ ни одной скотины, развѣ только у нѣкоторыхъ смѣльчаковъ, которые сумѣли спрятать скотину отъ глазъ фельдшера и продержатъ гдѣ нибудь въ сокровенномъ мѣстечкѣ, уцѣлѣла, но такихъ отчаянныхъ было не много: разъ, два, да и обчелся. Въ то время за укрывательствомъ скота также несусынно слѣдили капральные унтеръ-офицеры.

Да, тогда невеселое времячко настало. Пища и безъ того была скудная, а какъ передушили коровъ, и совсѣмъ плохо стало. Кромѣ хлѣба да воды, или какой нибудь жидкой кашицы, гдѣ крупинка за крупинкой бѣгаетъ съ дубинкой, нечего было и ѣсть.

Бабы, глядя на своихъ ребятишекъ, всячески стараются ихъ утѣшить, но чѣмъ помочь горю, не додумаются; знай, на чемъ свѣтъ ругаютъ фельдшерешекъ, отнявшихъ молочко у ребятишекъ. А тутъ, на грѣхъ, среди поселянъ-раскольниковъ пошли разные нелѣпные толки о послѣднихъ временахъ и знаменіяхъ антихриста, и въ довершеніе всего въ послѣднихъ числахъ іюня начали поговаривать и про холеру.

Разсказы про эту небывалую гостью со дня на день стали учащаться; говорили, что она въ Москвѣ, и что по городамъ и большимъ селамъ, чрезъ которые идетъ московская большая дорога, устроены уже карантинныя, и приняты самыя строгія мѣры. Въ этихъ карантинахъ останавливали проѣзжающихъ и выдерживали по 12 дней, дѣлали какую-то окурку. Съ простымъ народомъ, разумѣется, не церемонились, въ особенности терпѣли ломовые извозчики. У инога изъ нихъ обозъ лошадей въ 30, при 10 или 15 человѣкахъ рабочихъ, и весь этотъ обозъ долженъ былъ пробыть не менѣе 12 дней въ карантинѣ. Чего стоило прокормить лошадей и рабочихъ во все время стоянки? Іцѣны на фуражъ и на хлѣбъ вздорожали непомерно, потому что скопленіе народа и лошадей въ карантинахъ было громадное, а доставка фуража очень незначительная. Всякій мѣстный крестьянинъ, или торговецъ, опасался

вести сѣно или овесъ на продажу къ карантину изъ боязни, какъ бы и его тамъ не задержали.

Вотъ эти-то озлобленные, полуразорившіеся ломовики, вырвавшись изъ карантина, не стѣсняясь, распространяли въ народѣ разные нелѣпыя слухи въ родѣ того, что карантинныя учреждены начальствомъ не для прекращенія холеры, а для наживы... У кого денегъ много, того держать въ карантинѣ недолго, а у кого мало, того готовы уморить и задушить проклятой окуркой. И кто можетъ остановить это Божеское наказаніе!.. По словамъ празднопатающагося люда, холера—это не что иное, какъ казнь Божія, ниспосланная на антихриста и служителей его...

И пошли эти толки гулять по бѣду свѣту и мутить невѣжественный народъ... Невѣжество болѣе вѣритъ во всякую небылицу, сказанную какимъ нибудь подхалимомъ, изображающимъ изъ себя святошу, какихъ на Руси ходитъ не мало, обманывая честной народъ и высасывая себѣ изъ него гроши для пропитанія и пропиванія... и вовсе не вѣритъ слышанному отъ здравомыслящихъ и образованныхъ людей; не вѣритъ потому, что нашъ простой народъ въ каждомъ образованномъ человѣкѣ видитъ начальство, а разъ онъ начальство, то слѣдовательно и вѣры ему нѣтъ, есть страхъ, боязнь за свою шкуру, — ну, а любви, доброжелательства къ нему у народа нѣтъ, а коли нашъ мужичекъ кого не взлюбить, тому уже ни за что не повѣритъ, будь ты хоть умница-разумница...

Съ 10-го іюля поселяне подъ впечатлѣніемъ разныхъ нелѣпостей какъ-то распустились, облѣнились и прекратили полевую и сѣнокосную работу... Соберутся въ кружокъ, да и толкуютъ про ту же холеру да про начальниковъ... Извѣстно, что у страха глаза велики: умирать-то никому не хочется...

Однажды, собрался кружокъ стариковъ, къ нимъ по обыкновенію подошли и другіе, и начали судить да рядить о холерѣ, о начальникахъ и объ образованныхъ людяхъ. Эти образованные люди, по ихъ словамъ, и есть служители антихриста, ибо они учены, да переучены до того, что забыли Бога... Шуточное ли дѣло: «постовъ не соблюдаютъ, ни среды, ни пятницы не знаютъ, жрутъ подъ рядъ каждый день мясо, да молоко — настоящіе молочане... выдумали, что холера появилась изъ какой-то другой части свѣта, изъ какой-то Вамерики... Вотъ и вѣрь имъ! Развѣ не одинъ у Бога свѣтъ; какой-такой другой свѣтъ... да еще, говорятъ, новый, а нашъ вишь старый, аль у Бога не все равно, что Россія, что Вамерика... Если Онъ, Многомилостивецъ, захочетъ кого наказать, такъ накажетъ, будь то хоть Вамерика, хоть Россія, хоть Кавказъ твой... Нѣтъ, ребята, не вѣрьте ученымъ!.. Просто они хотятъ замучить насъ, извести — за грѣхи наши великіе... То вишь церковь нашу передѣляли... Образа намалевали, вмѣсто Боговъ, какихъ-то господъ да барынь написали... все это въ угоду поля-

камъ, нашимъ супротивникамъ, которые досаждаютъ и намъ и батюшкѣ царю... Вотъ теперь и намъ нужно, братцы, постоять за себя, да за Царя, постоять за церковь Божию... А какъ постоять и что нужно дѣлать, вотъ объ этомъ надо намъ и потолковать. Явнаго врага, непріятеля, предъ нашими глазами нѣтъ, а потому нужно его сыскать, т. е. виновнаго — кто эту самую холеру въ насъ пускаетъ и кто устраиваетъ эти самыя карантинныя сѣти поганой окуркой»... И зашумѣли, заволновались наши умники поселяншки, пошли суды да пересуды: кто, что, какъ да почему, наконецъ кто-то нашелся и рѣшилъ, что здѣсь розыскивать много нечего. Кто же больше, какъ не наши начальники?.. Они, именно они! Какъ скотину нашу всю повыморили, такъ и насъ ни за что изведутъ... Въ колодцы, да въ рѣки, вездѣ понапустили этой холеры: отъ этого самаго и народъ мрѣтъ. Говорятъ, что отъ этой холерной болѣзни, точно отъ яду, нужно пить молоко парное... а гдѣ его теперь взять!.. Начальники-то лукавы: они напередъ объ этомъ догадались и, чтобы, значить, нечѣмъ было лечиться отъ холеры, взяли да и уморили весь скотъ.

Подобныя росказни со дня-на день увеличивались и прикрашивались самою нелѣпою ложью... Такимъ образомъ, исподволь мина къ бунту была подведена, не доставало только человѣка, который бы подсунулъ огня, чтобы взорвать ее...

16-го іюля, нашъ ротный командиръ Дасаевъ призвалъ къ себѣ фельдфебеля и приказалъ, чтобы онъ забралъ всю роту, какъ первую, такъ и вторую половину, на ротный дворъ; бывшая при этомъ жена ротнаго командира, вспомнивъ, что назавтра Ильинская пятница, которую народъ чтитъ и празднуетъ, возразила, что, молъ, напрасно сегодня въ рабочую пору хотите собирать, теперь для людей каждый часъ дорогъ, не лучше ли завтра собрать—кстати, день-то праздничный, нерабочій; вслѣдствіе этого ротный приказалъ собрать людей завтра... По уходѣ жены, капитанъ Дасаевъ обратился къ фельдфебелю Петрову.

— Вотъ что, Андрей Петровъ, я слышалъ, если только правду болтають, что въ Петербургѣ, по случаю холеры, бунтуютъ рабочіе на фабрикахъ да на заводахъ, да.. еще.. также я слышалъ, хоть этого и быть не можетъ, бунтуютъ будто бы и въ военномъ поселеніи, въ Старорусскихъ округахъ... Я не вѣрю, но, всетаки, надо имѣть осторожность!.. Вотъ по этому-то случаю я и намѣренъ собрать роту и предупредить людей, что ежели, паче чаянія, и случится какое нибудь замѣшательство насчетъ холеры, то чтобы они ничему не вѣрили и ничего не опасались... Я самъ за всѣмъ буду слѣдить, и у насъ все будетъ благополучно... Холеры намъ нечего бояться... Она у насъ уже отгостила. Что ей надобно было, то она и получила... Кого Богъ захотѣлъ наказать, то и наказалъ; не такъ ли?

— Такъ точно, ваше благородіе.

Дѣйствительно, въ ротѣ за это время умерло человѣкъ пятнадцать. Страху такого нагнало на народъ, что Боже упаси, тѣмъ болѣе, что болѣзнь эта не такая, какъ другія... Эта шутить не любить... Посмотришь иной разъ, человѣкъ совсѣмъ здоровъ, нѣтъ никакихъ и признаковъ болѣзни,—вдругъ сдѣлаются судороги, начинается человѣка стягивать, корчить, а черезъ нѣсколько часовъ и на тотъ свѣтъ готовъ: вотъ эта скорость и близость смерти больше и пугала людей...

— Ну, такъ ты, Петровъ, распорядись же, чтобы завтра всѣ люди были въ сборѣ на ротномъ дворѣ: я имъ растолкую и предупреду.

— Дѣйствительно, ваше благородіе, людей нужно предупредить, потому что люди стали не похожи на прежнихъ, что шальные стали: иные ходятъ, словно къ смерти приговоренные, инымъ работа нейдетъ на умъ; время стоитъ хорошее, погода ведренная, а дѣло не спорится. Выйдутъ это въ полѣ, думаешь, ну, за работу никакъ ребята принялись, анъ, глядь: они соберутся въ кружокъ и почнутъ городить околѣсную про холеру да про карантинны. Да такую дичь несутъ, что упаси Богъ!..

— А, однако, что они говорятъ?

— Эхъ, ваше благородіе!.. даже страшно и слушать. Говорятъ, что эта холера не болѣзнь, а просто-на-просто ядь, которымъ ссужаютъ теперешніе наши непріатели поляки; да говорятъ, что и наши начальники чуть ли не съ ними за одно, коль скоро позволяютъ имъ, окаяннымъ иновѣрцамъ, вездѣ шататься: по полямъ да по лугамъ нашимъ... Чего же, говорятъ, путнаго нужно отъ этого ожидать... Обыкновенное дѣло, говорятъ, что непріатель тотъ же врагъ, и онъ только и норовитъ, чтобы чѣмъ нинаестъ уязвить матушку Россію да батюшку царя русскаго; вотъ, говорятъ, они и подговорили наше начальство, чтобы дѣйствовать намъ въ раззоръ; мы, говорятъ, это и заслужили за наши грѣхи... Правду толкуютъ старовѣры, что этого за наши беззаконія еще и мало... Статочное ли дѣло: дозволили съ себя образъ Божій снять, это они, ваше благородіе, про волосы да про бороды толкуютъ...

— И это ты вѣрно самъ все слышалъ?—спросилъ фельдфебеля ротный.

— Такъ точно, ваше благородіе. Вы сами изволите знать, что я изъ коренныхъ здѣшнихъ жителей, и у меня есть немало и родни межъ ними... Одинъ изъ нихъ, двоюродный мой братъ, поселянинъ Иванъ Барановъ, помогъ мнѣ все услышать. Остальные родственники и прежніе закадычные друзья совсѣмъ что-то одичали и словно нарочно избѣгаютъ со мною разговаривать. Мало того, даже смотрятъ-то на меня, какъ какіе дикіе звѣри... Этотъ самый Барановъ, ваше благородіе, еще кое-что мнѣ намекнулъ... Очень ужъ ужасное... Ему я и не вѣрю.

— Что же такое онъ тебѣ намекнулъ?.. говори.

— Не могу я, ваше благородіе, ничего доподлиннаго рассказать-то вамъ, пока онъ не разъяснитъ всего порядкомъ, потому что и самъ онъ еще вѣрнаго ничего не знаетъ... А какъ только узнаетъ что, то не преминетъ мнѣ передать... Повремените немного, ваше благородіе: я все въ точности разузнаю, а теперь позвольте умолчать, чтобы не испортить вовсе дѣла... Что же касается насчетъ того, чтобы собрать роту и поговорить съ людьми, то это, ваше благородіе, безпремѣнно нужно.

— Ну, хорошо: дозавтра, такъ дозавтра... Я тебѣ скажу, къ какому времени собрать... Да!.. постой-ка, Петровъ... про какихъ это они господъ или поляковъ говорятъ, будто шатаются по нашимъ лугамъ?.. Это не про этихъ ли господъ, что выѣхали къ намъ на дачу изъ Петербурга по случаю свирѣпствующей тамъ холеры и которые дѣйствительно гуляютъ по нашимъ окрестностямъ? Такъ вѣдь это, братецъ мой, все петербургская знать!.. Неужели наши дурачки принимаютъ ихъ за нашихъ непріятелей, или за поляковъ... гм... вѣдь если мы съ ними радушно обходимся, то этому причина та, что эти господа—все люди высшаго круга... и хотя не служатъ въ коронной службѣ, то всетаки вѣрные слуги нашего государя... Я это имъ завтра разъясню...

— Это все суцая правда, ваше благородіе; они видятъ, что эти господа не въ военномъ платьѣ, ну, и принимаютъ ихъ за какихъ-то шпионовъ: нѣмцевъ, или поляковъ...

Итакъ, по соглашенію ротнаго съ фельдфебелемъ, сборъ роты былъ отложенъ дозавтра, но назавтра вышло совсѣмъ другое дѣло... Въ это злополучное завтра взорвало ту мину, которая, какъ я раньше сказалъ, ожидала только спички. Всѣ четыре роты нашего поселеннаго баталіона занимали мѣсто внизъ по теченію рѣки Волхова. Первая рота была самая нижняя за Уланскимъ штабомъ.

Этой ротѣ былъ сдѣланъ нарядъ, чтобы всѣ домохозяева-поселяне завтра, въ Ильинскую пятницу, ѣхали на дальній покосъ; въ виду этого ротнымъ командиромъ названной роты, Журавскимъ, было сдѣлано распоряженіе: взять съ собою на покосъ котлы и всѣ кухонныя принадлежности, а такъ же и провизію: крупу, соль, ну, словомъ, и прочіе харчи изъ ротнаго цейхауза съ расчетомъ для продовольствія всей роты на нѣсколько дней... Въ прежнее время этого не дѣлали, а если и отправлялись въ дальнія покосныя мѣста, то каждый домохозяинъ бралъ свой котелокъ и харчи, какіе были припасены для своей семьи. Подобное же распоряженіе было сдѣлано для того, чтобы хоть нѣсколько улучшить довольствіе людей, такъ какъ было обращено особое вниманіе на пищу, и по распоряженію баталіоннаго доктора продукты были заготовлены доброкачественные — питательные, здоровые, тогда какъ огурцы, незрѣлыя ягоды и вообще какая бы то ни

было зеленъ были строго воспрещены. Такъ вотъ, когда все было готово, то обозъ изъ двухъ сотъ конныхъ подводъ, съ котлами, провизіей, полевыми орудіями: косами, топорами, граблями, и людьми, тронулся въ путь. Обозъ по обыкновенію растянулся на порядочную дистанцію. Выступивъ изъ селенія и проѣхавъ съ небольшимъ версту, первыя лошади остановились... Люди, бывшіе на заднихъ подводахъ, начали кричать, понукать переднихъ, чтобы ѣхали не мѣшкая, тѣ въ свою очередь отругивались и кричали на заднихъ... Слышны были голоса съ переднихъ подводъ:

— Что вы орёте? Еще успѣете околотъ-то...

— Какъ околотъ! Съ чего околотъ?! Что это значить?

— А это значить то, что мы сегодня же, можетъ быть, всѣ передохнемъ...

— Какъ такъ?!

— Да, такъ!.. Вы не догадываетесь, для чего нынче велѣно взять ротные котлы и ротную пищу, а не свою?.. А!.. такъ знайте же, вотъ ужъ наваряютъ каши, мы налопаемся и всѣ передохнемъ. Ужъ и фельдшеръ съ нами ѣдетъ и непременно съ собою и ядъ-холеру везетъ, и было бы не худо обыскать его теперь же...

— Да, да, обыскать, обыскать,—заговорили поселяне... Нечего съ нимъ церемониться... Вѣдь умирать-то, ребята, еще не хочется... А только вотъ какъ ядъ-то узнаемъ?..

— Да какъ узнаемъ!.. Дадимъ съѣсть собаченкѣ: если она поколѣтъ, то значить ядъ и есть...

— Да зачѣмъ собакѣ-то давать... вѣдь она тоже, чай, Божья... зачѣмъ ей околовать... пусть живетъ... Лучше вотъ что!.. Мы этимъ самымъ самого фельдшера попотчуемъ: навѣрно, если это ядъ, то онъ не будетъ пить или ѣсть...

— Ну, не будетъ ѣсть... съ добра не поѣсть, мы и силкомъ заставимъ...

— Ну, а если онъ поколѣтъ?

— Такъ что же, пуцай себѣ околоваетъ: развѣ мы дешевле его... Онъ околотъ одинъ, а насъ вѣдь цѣлая рота должна погибнуть... Давай его сюда, ребята...

Всѣ бросились къ подводѣ, гдѣ находился фельдшеръ съ лекарствами. Схватили его, сволокли съ телѣги и начали трясти за шиворотъ.

— Сказывай, гдѣ у тебя ядъ, который приготовленъ для окормки насъ... Теперь, братъ, не то, чтобы мы дозволили вашему брату, коровьимъ фельдшерикамъ, окормивать нашу скотинку... Нѣтъ, шалишь, мы теперь за себя по стоимъ... не дадимся живыми въ руки: что будетъ, то будетъ, а мы свое возьмемъ... Давай ядъ!!

Народъ съ каждой минутой становился ожесточеннѣе; фельдшеръ, видя предъ собою совершенно разъяренныхъ людей, растерялся, тѣмъ болѣе, что ничего подобнаго не предвидѣлъ... Отъ ис-

пуга онъ поблѣднѣлъ и затрясся, какъ въ лихорадкѣ, и не могъ дать никакого отвѣта.

Отчаянный же, озлобленный народъ, видя, что фельдшеръ переполошился, укрѣпился въ мысли, что онъ дѣйствительно виноватъ, и началъ еще пуще требовать: «показывай, гдѣ ядъ!».

Несчастный фельдшеръ, придя нѣсколько въ себя и услыжавъ, что отъ него требуютъ какого-то яду, началъ увѣрять:

— Что вы, братцы, да про какой вы ядъ меня спрашиваете?.. У меня никакого яду нѣтъ... Я просто не знаю... не могу понять...

Между тѣмъ разъяренная ватага окончательно пришла въ неистовство...

— Что его слушать, ребята!.. Неужели онъ намъ признается... Обыскать его надо... Тогда не нужно и допрашивать его...

— Обыскать, обыскать его... Непремѣнно обыскать!..—загудѣла толпа, и нѣсколько человекъ бросились къ подводѣ, на которой ѣхалъ фельдшеръ, начали въ ней шарить и вынули ящикъ съ походной аптечкой, наполненный необходимыми лекарствами...

Разломавъ крышку ящика, поселяне начали выбирать изъ него различныя стеклянки и баночки и, поднося къ самому носу оторопѣвшаго фельдшера, спрашивали: «это что, это что, это что за лекарство?»...

Фельдшеръ по возможности объяснялъ буянамъ: «что это такое-то лекарство, это такая-то мазь, отъ такой-то болѣзни», конечно, всѣ лекарства называлъ посвоему, на непонятномъ для поселянь языкѣ... Толпа, ничего не понимая, галдѣла одно: «что это-то и есть ядъ, который приготовленъ для нашего брата»...

Какъ ни старался перепуганный фельдшеръ убѣдить толпу, что здѣсь въ стеклянкахъ никакого яду не было и нѣтъ, никто на его убѣдительныя слова не обращалъ вниманія...

— Врешь ты все!.. — ревѣла толпа, — если это не ядъ, то возьми и выпей... Тогда мы посмотримъ...

— Братцы,—со слезами взмолился несчастный фельдшеръ,—да какъ же это возможно выпить?.. вѣдь это капли... ихъ употребляютъ въ лекарство по нѣсколько только капель... всего же нельзя выпить...

— А!!.—радостно загорланили буяны.—Ну, вотъ вамъ и доказательство на лицо... Не хочеть пить, вотъ и завертѣлся... Да нѣтъ, братъ, насъ теперь не объегоришь... Говорятъ тебѣ: пей!.. Не то мы тебѣ насильно въ ротъ вольемъ...

Фельдшеръ, видя угрозы, началъ больше прежняго завѣрять, божиться и клясться, что это не ядъ, но поселяне, не слушая его, схватили, повалили на землю, открыли ему ротъ и вылили весь пузырекъ съ какою-то темнубурою жидкостью, да видно показалось мало, влили еще другой.

— Лей третій ему въ поганую глотку,—закричалъ кто-то,—что намъ жалѣть этого чортова снадобья... Пуцай-ка онъ самъ покушаетъ...

Не успѣли вылить третьяго пузырька, какъ фельдшеръ неистово закричалъ, началъ метаться во всѣ стороны и, совершенно обезумѣвъ, должно быть, отъ нестерпимой боли, упалъ на землю съ искаженнымъ лицомъ, и съ нимъ начались корчи. Поселяне совершенно остервенѣли, вполне увѣренные теперь, что ихъ дѣйствительно хотѣли всѣхъ уморить на покосѣ. Они поспѣшили вернуться домой, бросивъ умиравшаго фельдшера на дорогѣ за канавой, предварительно наградивъ его нѣсколькими ударами, кто палкой, кто кулакомъ, кто пинками въ бокъ, приговаривая: «Вотъ тебѣ, собака! Околѣвай, проклятый... Хотѣлъ насъ уморить, а нѣ врешь, прежде самъ издохнешь... паршивый!».

Возвратясь въ свою слободу, поселяне всей гурьбой бросились на ротный дворъ, намѣреваясь схватить своего ротнаго командира, г. Журавскаго, но его уже не было дома; онъ, предувѣдомленный кѣмъ-то, что фельдшера обыскиваютъ и ищутъ яду, не посмѣлъ явиться для его защиты и избралъ за лучшее, спасая свою жизнь, скрыться и уѣхалъ въ Новгородъ. Этотъ поступокъ ротнаго командира еще болѣе озлобилъ поселянъ и окончательно убѣдилъ ихъ, что и онъ былъ не правъ... «Былъ бы безъ грѣха,—говорили поселяне, — то онъ явился бы къ своей ротѣ для усмиренія, а то, на-ко, поди, сбѣжалъ»... Не найдя ротнаго, толпа схватила фельдфебеля, начала такъ же бить и допрашивать: «Сказывай, такой-сякой, гдѣ ядъ!?» и, не дождавшись отвѣта, поволокла его въ полковой штабъ.

Объ обыскѣ фельдшера и о намѣреніи его, будто бы, отравить на покосѣ всю роту было сообщено изъ 1-й во 2-ю роту съ требованіемъ задержать своего ротнаго командира, капитана Зальцера, не обращая ни на что вниманія и ничего не объясняя, такъ какъ они нашли ключъ къ проклятой холерѣ... «Теперь только нужно отыскать виновныхъ, — рассуждали поселяне... — Да виновныхъ-то не очень трудно найти, потому что они почти въ нашихъ уже рукахъ: это наши же начальники, ротные командиры, да фельдфебели... Они-то и есть самая холера, только нужно ихъ допросить порядкомъ, не жалѣя ихъ шкуры; ну, а какъ сознаются, въ чемъ нельзя сомнѣваться, потому что шкура-то на нихъ не двурядная, стоитъ только пробрать ихъ розгачами, какъ они насъ потчевали, небось, скажутъ всю подноготную... Они вѣдь съ розгами-то не очень знакомы, не много ихъ потерпятъ»... Однако, какъ ни спѣшно была подана вѣсть о задержаніи капитана Зальцера, этотъ послѣдній успѣлъ уѣхать въ Новгородъ; этому помогъ командиръ 1-й роты Журавскій, который по пути въ Новгородъ заѣхалъ къ нему и уговорилъ убраться подобру-поздорову. Капитанъ Зальцеръ хотя

и не очень-то вѣрилъ въ случившееся, но, всетаки, рѣшился спасти себя и успѣшилъ уѣхать въ Новгородъ съ Журавскимъ.

Люди 2-й роты, не захвативъ ротнаго, такъ же, какъ и въ 1-й ротѣ, забрали фельдфебеля, каптенармуса и фельдшера своей роты и бѣгомъ поволокли ихъ въ полковой штабъ, спѣша захватить тамъ маіора Яцковскаго, начальника поселеннаго баталіона.

III.

Вѣсть обо всемъ случившемся въ первой ротѣ быстро долетѣла до насъ, не смотря на 35-ти-верстное разстояніе. Первая рота выѣхала на работу, на покосъ, только въ 10 часовъ утра, а у насъ въ ротѣ уже было все извѣстно въ половинѣ 12-го часа дня; слѣдовательно, эти ужасныя вѣсти, съ прибавленіемъ, конечно, лжи, достигли до насъ въ какихъ нибудь полтора часа, распространяя по пути, по всѣмъ слободамъ и ротамъ поселеннаго баталіона, то, чего и не бывало. Говорилось тогда, что вся первая рота, находясь на покосѣ, отправилась уже на тотъ свѣтъ; наварили будто бы на покосѣ въ ротныхъ котлахъ каши, люди поѣли ее и умерли, и много, много тогда ходило по слободамъ самыхъ нелѣпыхъ рассказней.

Какъ я сказалъ выше, нашъ ротный командиръ капитанъ Дасаевъ отложилъ сборъ роты дозавтра. Въ это-то завтра и случилась такая страшная неурядица въ первой ротѣ.

Капитанъ Дасаевъ, не зная, конечно, ничего о происшедшемъ въ первой поселенной ротѣ, въ Ильинскую пятницу вышелъ изъ квартиры на плацъ, крикнулъ фельдфебеля къ себѣ и приказалъ сейчасъ же собрать людей, пославъ для этого во вторую половину роты верховаго оповѣстить, чтобы какъ можно скорѣе явились на ротный дворъ всѣ хозяева по весьма важному дѣлу. Фельдфебель крикнулъ съ пожарнаго двора поселянина второй роты нашего капральства, бывшаго на дежурствѣ, Егора Степанова, приказалъ взять лошадь, живо скакать во вторую половину и сказать хозяевамъ, чтобы они какъ можно скорѣе, всѣ безъ остатка, сію же минуту бѣжали сюда. Лишь только Егоръ Степановъ вывелъ изъ конюшни лошадь и хотѣлъ уже было исполнить распоряженіе фельдфебеля, какъ, откуда ни возьмись, нахлынула къ ротному двору цѣлая толпа людей, неистово кричавшихъ. Впереди этой толпы шелъ унтеръ-офицеръ Русаковъ, который, подбѣжавъ съ разными ругательствами и угрозами къ ротному командиру Дасаеву, ударилъ его по щекѣ, а потомъ и по другой, сорвалъ съ него эполеты и закричалъ, обращаясь къ Егору Степанову: «Слушай, Егоръ Степановъ, поѣзжай какъ можно скорѣе во вторую половину, заѣзжай съ праваго фланга и кричи во весь ротъ: «Батюшки, не дайте намъ погинуть, всѣмъ намъ смерть!». Уже въ первой половинѣ роты

восемь семей умерло, и намъ всѣмъ не сдобровать, всѣ наши начальники за одно съ проклятыми поляками... Ты видишь, какъ я поступаю съ Дасаевымъ, нашимъ ротнымъ командиромъ, такъ стало быть, я его не боюсь, потому что онъ виноватъ, а я правъ... Поѣзжай же скорѣе, а не то, братъ, я и тебѣ докажу, какъ ослушаться въ такую ужасную пору, когда каждая минута стоитъ намъ жизни»...

Егоръ Степановъ мигомъ повернулся и помчался, куда ему приказано. Оставшіеся съ Русаковымъ поселяне схватили фельдфебеля Петрова и начали его бить кто чѣмъ ни попало.

— А!.. Ты тожъ изъ нашего брата, а съ ними заодно: не сказалъ намъ, что эти господа ротные командиры хотѣли насъ всѣхъ окормить. Ты навѣрно знаешь, гдѣ у нихъ запрятанъ ядъ, скажывай! А то замучимъ тебя до смерти.

— Что вы, братцы, — обратился фельдфебель къ людямъ, — я вѣдь вашъ же коренной житель, много имѣю родныхъ, живущихъ среди васъ: неужели я посягну на свою породу? Да вѣдь и вы мнѣ не татары, все свои да рѣдные.

— Ладно, ладно, мы это знаемъ, — закричала толпа, — ты говори лучше, гдѣ ядъ-то. Ты хорошо это знаешь.

— Не знаю, ребятушки, ей-Богу, не знаю, вотъ вамъ крестъ! Да у насъ никакого яду и не было.

А ребятушки знай орутъ одно:

— Врешь! Мы сами розыщемъ все, когда ты скрываешь ротнаго командира. Мы добьемся, что онъ самъ намъ признается, да и ты, братъ, не увернешься: скажешь всю правду.

Между тѣмъ, съ минуты на минуту толпа все прибывала, со всѣхъ сторонъ сбѣгался народъ. Несчастнаго Дасаева опять начали бить, кто чѣмъ могъ, сюда же откуда-то притащили каптенармуса, фельдшера, учителя кантонистовъ и приходскаго священника отца Василя, сопровождаая всѣхъ ихъ руганью и побоями, кого чѣмъ ни попало, кромѣ отца Василя, котораго, къ чести нашихъ поселянъ, никто не тронулъ пальцемъ. Унтеръ-офицеръ Русаковъ явился вожакомъ и, стоя среди поселянъ, кричалъ:

— Эй, слушай, ребята! Полно вамъ съ ними канителиться, давайте сюда веревку, да подлиннѣе.

Принесли веревку сажень въ 20; этою веревкою перевязали всѣхъ задержанныхъ по рукамъ, сначала ротнаго, потомъ фельдфебеля, каптенармуса, фельдшера, учителя и священника отца Василя.

Между тѣмъ, посланный во вторую половину роты, Егоръ Степановъ, какъ велѣлъ ему Русаковъ, заѣхалъ съ праваго фланга слободы и поскакалъ по передней линіи домовъ, крича: «батюшки, отцы родные! не дайте погинуть, всѣмъ явная, неминуемая смерть!». Въ это время хозяева послѣ обѣда, убравшись по хозяйству, от-

дыхали, кто въ кладовой, кто на сѣновалѣ. Услыхавъ неистовые крики съ улицы, они начали выбѣгать на линію, не зная и не понимая, что такое случилось: со сна до того перепугались, что упаси Богъ. Народъ и такъ отъ разныхъ нелѣпныхъ и ложныхъ рассказовъ проходимцевъ чуть не сходилъ съ ума, а тутъ вдругъ видятъ скачущаго, сломя голову, своего же поселянина Егора Степанова и кричащаго, что всѣмъ смерть. Слово «смерть» для каждаго изъ насъ было ужасно. Добропорядочными домохозяевами овладѣлъ неописуемый страхъ, они ожидали чего-то необыкновеннаго, между тѣмъ какъ буяны, — негодяевъ вѣдь и у насъ было не мало, — точно обрадовались и начали орать: «не дадимся живыми въ руки!».

Нашъ капральный унтеръ-офицеръ, Дуюнъ, человѣкъ порядочный, изъ малоросовъ, имѣвшій крестъ Георгія, заслуженный имъ еще въ 1812 году въ французскую кампанію, обратился за совѣтомъ къ моему отцу. Надо сказать, что отецъ мой по тогдашнему времени былъ человѣкъ не глупый; служилъ ранѣе во фронтѣ; фронтовую часть зналъ очень хорошо и не разъ былъ назначаемъ вѣстовымъ къ государю императору, былъ пожалованъ 100 рублями, такъ же не разъ хаживалъ на ординарцы и къ Аракчееву и тоже получалъ денежныя вознагражденія. Хмельнаго онъ въ ротъ не бралъ; зналъ немного грамотѣ и хоть съ указкой, а могъ читать псалтирь, вообще среди невѣжественнаго въ то время люда онъ имѣлъ между своими поселянами вѣсъ и значеніе: всѣ его замѣчанія были дѣльны, его слушались и ему вѣрили. Вотъ въ виду такого положенія моего отца капральный нашъ Дуюнъ и обратился къ нему съ вопросомъ, какъ онъ думаетъ относительно этой кутерьмы, что это значить, и что нужно имъ дѣлать. Отецъ мой возразилъ, что это не что иное, какъ исполненіе словъ царя Давида, у него и въ псалтири написано есть: «что буй нѣкогда умудрится», то-есть будетъ бунтъ, вотъ онъ и есть. Это предѣлъ Божій, потому намъ ничего и не подѣлать, буди на все воля Божія; нужно быть покорнымъ Его святой волѣ; таковымъ умозаключеніемъ всѣ остались довольны и рѣшили, что дѣйствительно видно предѣлъ положенъ, «егоже не преjdeши».

Народъ, собравшійся кругомъ капральнаго и слушавшій доводы моего отца, рѣшилъ, что это все вѣрно. Сопротивничать противъ воли Божіей не слѣдъ. Въ это время къ нимъ прибѣжалъ народъ изъ 3-го капральства, въ которомъ также успѣлъ побывать вѣстовой Егоръ Степановъ и оповѣститъ о случившемся въ первой половинѣ. Надо сказать, что въ то же время, когда Егоръ Степановъ подѣвжалъ къ третьему капральству, то люди этого капральства съ: своими унтеръ-офицеромъ Горшковымъ и ефрейторомъ Макаромъ Николаевымъ осматривали изгороди кругомъ своихъ пахатныхъ полей и гдѣ нужно чинили таковую, для чего имѣли при

себѣ топоры и ломы. Увидя скачущаго сломя голову Степанова, они остановили его и приступили съ разспросами: «Что такое? Что случилось? Сказывай скорѣй!»...

— А вотъ что случилось. Фельдфебель Петровъ нарядилъ меня, братцы, ѣхать къ вамъ, чтобы собрать всѣхъ безъ остатка и пригнать на ротный дворъ; только что я вывелъ коня, чтобы сѣсть да ѣхать, какъ вдругъ бѣжитъ народъ, махая руками и крича, а впереди всѣхъ капральный Русаковъ; добѣжавъ до ротнаго двора, толпа съ крикомъ: «не дадимся въ руки живыми», приблизилась къ нашему ротному командиру, и Русаковъ съ налету какъ вдавить его по рожѣ сначала по одной сторонѣ, потомъ и по другой, да таково ловко, что изъ ушей и носа такъ кровь и хлынула. Потомъ, братцы вы мои, схватилъ его за эполеты и сорвалъ ихъ; затѣмъ Русаковъ, увидя, что я уже сѣлъ на коня и собираюсь уѣхать, закричалъ: «Егоръ Степановъ, скачи какъ можно скорѣе во вторую половину и, заѣхавъ съ праваго фланга, кричи во весь ротъ, что, молъ, не дайте, отцы родные, всѣмъ намъ погинуть, уже восемь семей умерло, да и всѣмъ намъ смерть будетъ, если не возьмемъ мѣръ». Когда я отъѣзжалъ, то мелькомъ видѣлъ, какъ народъ теребилъ фельдшера. Я уже во второмъ капральствѣ былъ и теперь къ вамъ пріѣхалъ.

Капральный Горшковъ, выслушавъ Степанова, пришелъ въ страшную ярость, глаза его налились кровью, онъ трясся отъ злости, какъ въ лихорадкѣ.

— Мы всѣ сейчасъ готовы, не нужно времени терять... Эй, ребята, маршъ впередъ. У всѣхъ ли у васъ съ собою топоры-то? Если у кого нѣтъ, то бѣги живо домой, хватай желѣзные вилы и валай до ротнаго двора.

Вся эта ватага, предводительствуемая Горшковымъ и ефрейторомъ Николаевымъ, поднявъ вверхъ топоры, съ крикомъ побѣжала на ротный дворъ. Имъ приходилось бѣжать чрезъ нашу слободу, и они прибыли какъ разъ въ то время, когда отецъ мой съ капральнымъ Дуюномъ и хозяевами разсуждали о случившемся.

Горшковъ первый подскочилъ къ Дуюну и заоралъ:

— Ты что же тутъ думаешь, хохоль поганый? Али и ты за одно съ нашимъ начальствомъ задумалъ людей морить. Смотри!.. Мы съ тобой посвойски расправимся, — и, помахивая топоромъ въ воздухъ, еще пуще закричалъ: — маршъ всѣ на ротный дворъ! Тамъ все разузнаемъ, мѣшкать нечего!

Народъ, увлекаемый Горшковымъ, въ какомъ-то неистовствѣ заоралъ: «Идемъ, ребята, на ротный дворъ... Что тутъ растолковывать съ Дуюномъ, съ этой хохлацкой мордой»... И всѣ бросились далѣе... Надо сказать, что капральный унтеръ-офицеръ Иванъ Горшковъ былъ отъявленнымъ негодяемъ. Въ унтеръ-офицеры онъ былъ произведенъ въ то время, когда служилъ во фронтѣ...

Тогда производили не столько за поведеніе или за нравственность, сколько за хорошую маршировку и отчетливые ружейные приемы. Этого Горшкова и свои братья поселяне не долюбливали за его придирки, за требованіе водки и вообще за его жестокосердое обращеніе... Не разъ на него и жаловались ротному... Нашъ же ротный командиръ былъ очень хорошій человѣкъ, добрый, и терпѣть не могъ пьяницъ и негодяевъ и пробиралъ ихъ порядкомъ; какъ разъ незадолго передъ этимъ Горшковъ за какую-то продѣланную имъ гадость былъ изрядно выпоротъ. Вотъ почему въ настоящемъ случаѣ Горшковъ обрадовался, что настало время отомстить своему ротному командиру за данную ему горячую порку.. О холерѣ и вообще о смертности онъ мало заботился; для этого негодая, хотя бы всѣ перемерли было рѣшительно все равно. Ему нуженъ былъ предлогъ отмстить и таковой нашелся. Онъ подобралъ себѣ подобныхъ же негодяевъ, а ихъ было въ поселеніи немало, — и пошло-поѣхало страшное дѣло... Тутъ же къ нимъ присоединились люди 4-го капральства, куда успѣлъ съѣздить Егоръ Степановъ и оповѣстить о случившемся. Вся эта шумная ватага съ угрозами промчалась чрезъ нашу слободу и, захвативъ съ собою людей изъ нашего капральства, направилась въ первую половину роты, гдѣ расположенъ былъ ротный дворъ.

Въ слободахъ остались только немногіе... Нашъ капральный Дуоня окончательно растерялся, ничего не понимая, но чувствуя, что что-то страшное совершается или готовится совершиться между поселянами... Отецъ мой также видѣлъ, что дѣло приняло очень худой оборотъ, что вообще дѣлается что-то скверное, и что унять народъ нѣтъ никакой возможности.

— «Эхъ, ребята, — обратился отецъ мой къ оставшимся, — худо мы затѣяли, очень худо... вишь народъ-то какъ остервенился, того и гляди что топоромъ смажетъ... Страшно идти на такое дѣло, да и не идти не лучше... Свои убьютъ... Видно, на то все воля Божія. Только помните, ребята, что военная дисциплина очень строга, и что вся эта каша, которую мы заварили, даромъ не пройдетъ... Остерегайтесь!.. У насъ дѣти, жены, надо и ихъ пожалѣть... Вотъ хотя бы и теперь всѣ мы уйдемъ, кто же за ними приглядитъ?.. Надо чтобы хоть кто бы нибудь изъ насъ остался въ слободѣ, а въ случаѣ какой грѣхъ случится: пожаръ ли, или тамъ что другое... какъ же безъ мужика въ деревнѣ... Надо непременно оставить дневальнаго. Подумайте. Я бы съ своей стороны попросилъ васъ оставить меня тѣмъ болѣе, что я еще не совсѣмъ избавился отъ проклятой лихорадки, ноги пухнуть, и идти-то мнѣ не въ ногу...

— Оставайся, пожалуй!.. а мы сходимъ: нельзя не идти.

Такимъ образомъ отецъ мой остался дома, а остальные хозяева, хотя

многіе и нехотя, поплелись въ общій омутъ, чувствуя, что идутъ на гибель за общее дѣло, а какое дѣло — они и сами не знали...

Когда вся эта компанія подошла къ ротному двору и увидѣла, что начальство уже перевязано веревкой, то капральный Горшковъ, ничего не спрашивая, подбѣжалъ къ капитану Дасаеву и съ остервенѣніемъ началъ бить его палкою по спинѣ, приговаривая: «что каково тебѣ нравится мое угощеніе!»... Онъ бы продолжалъ и далѣе потѣшаться надъ несчастнымъ Дасаевымъ, но ему не дали продолжать другіе, закричавъ: «Не тронь, Горшковъ, его больше... Этакъ ты его до смерти ухайдакаешь, тогда не съ кого будетъ и спрашивать про ядъ, которымъ насъ хотѣли окормить... И такъ уже имъ всёмъ досталось». И дѣйствительно, какъ капитанъ Дасаевъ, такъ и фельдфебель Петровъ, фельдшеръ и учитель были избиты до неузнаваемости: головы, руки, лицо — все было окровавлено. Когда вся рота оказалась въ сборѣ, то всѣхъ связанныхъ съ отцомъ Васильемъ во главѣ вывели за слободу на дорогу, ведущую въ полковой (нынѣ Уланскій) штабъ. Какъ только вышли на дорогу, откуда ни возьмись, выскочилъ поселянинъ Иванъ Барановъ, о которомъ я говорилъ ранѣе, — зашелъ впередъ толпы, сталъ посреди дороги и, размахивая бывшимъ въ рукахъ коломъ, закричалъ на толпу: «Стой! Что вы дѣлаете, плуты! Развѣ можете поступать такъ съ начальствомъ, а паче того со священою особою?.. Сейчасъ развяжите всѣхъ... а не то первому размозжу голову... Бога вы, видно, не боитесь... Прочь, негодяи!» — и бросился было къ связаннымъ съ очевидною цѣлюю освободить ихъ, но его, однако, не допустили, да и что могъ сдѣлать одинъ съ цѣлой толпой осwirѣпѣвшихъ людей... Его мигомъ схватили, сорвали съ него верхнее платье и нижнее бѣлье и тутъ же на дорогѣ разложили и начали драть свѣже наломанными березовыми прутьями... Драли немилосердно... и задрали бы до полусмерти, если бы не появилась среди толпы мать несчастнаго Баранова, которая съ воплями бросилась передъ толпою на колѣни и умоляла изверговъ.

— Батюшки! Отцы родные! Оставьте, ради Господа, моего Ванюшу... Пожалѣйте меня, горемычную старуху... А ты, мой роденькій, — обратилась старуха къ Баранову, — не супротивничай противъ міра... Иди съ Богомъ, куда идутъ наши сосѣдушки...

Барановъ, услышавъ слова матери, завопилъ:

— Братцы, голубчики, отпустите душу на покаяніе... Ужъ если мать моя даетъ свое благословеніе, то я иду съ вами... Я докажу вамъ, что я вовсе не заодно съ начальниками!..

Толпа загоготала и заревѣла:

— Ну, давно бы такъ, а то тоже: «прочь, негодяи!». Молчалъ бы лучше, такъ и шкура твоя была бы цѣлѣе, ну, да ладно!.. Трогай, ребята, далѣе, а то мы съ нимъ только время напрасно

теряемъ... — и поволокли опять далѣе несчастныхъ связанныхъ, которые шли, едва волоча ноги, понуря головы, не смѣя пикнуть; одинъ только отецъ Василій не переставалъ упрашивать сумасбродовъ:

— Ребятюшки,—молилъ батюшка,—будьте добры, вспомните мои прежнія заслуги, я, кажется, васъ ничѣмъ не утѣснялъ: никогда лишняго съ васъ не бралъ и не требовалъ, хотя бы и могъ это дѣлать, за свадьбы ли, за похороны, бралъ столько, сколько кто могъ дать, а для бѣдныхъ нерѣдко даже и бесплатно исправлялъ требы, инымъ въ долгъ, объ уплатѣ котораго никогда и не вспоминалъ... А если я, ребятюшки, дружелюбно обходился съ капитаномъ Дасаевымъ, то вѣдь меня съ нимъ сближала служебная обязанность... Вспомните, братцы, какъ я за многихъ изъ васъ былъ ходатаемъ и избавлялъ не мало даже отъ заслуженнаго иногда наказанія...

Эти слова, жалкій плачевный видъ отца Василія: безъ шапки, съ распущенными волосами,—тронули нѣкоторыхъ буяновъ, сознававшихъ, что онъ дѣйствительно былъ человекъ рѣдкой души, и все, что онъ говорилъ, было истинная правда. Очень многіе изъ этой буйствующей толпы сожалѣли его и любили, но не смѣли что либо сказать въ защиту. Однако, пройдя еще съ версту, толпа вдругъ какъ-то остановилась и заволновалась, слышно было, какъ многіе закричали:

— Ребята, стой!.. Надо намъ священника-то нашего, миролюбца отца Василія, отвязать и ослобонить... Пушай его съ Богомъ идетъ домой, онъ, можетъ быть, и впрямь невиновенъ... Надо, надо ослобонить!.. Развязывай его, ребята!.. И дѣйствительно мигомъ распустили веревку и отца Василія отдѣлили отъ другихъ несчастныхъ начальниковъ...

Сначала отецъ Василій какъ-то растерянно стоялъ, не вѣря, что онъ свободенъ, но потомъ вдругъ повернулся по направленію къ дому и бросился бѣжать стороной, ржанымъ полемъ, а не дорогой, должно быть, изъ опасенія, чтобы не задержали отставшіе отъ толпы буяны, которые, конечно, не могли знать объ его освобожденіи... Толпа долго смотрѣла въ слѣдъ бѣжавшему отцу Василію, любуясь, какъ у него размахиваются полы рясы и развѣваются волосы, затѣмъ тронулась далѣе...

Проходя по слободѣ 4-й роты, толпа узнала, что всѣ хозяева этой роты, захвативъ съ собою своего ротнаго командира капитана Денисова и другихъ мелкихъ начальниковъ, ушли уже въ штабъ; то же самое имъ сказали и въ слободѣ 3-й роты, самой, ближайшей къ штабу.

VII.

Ко времени прихода наших сумасбродовъ въ полковой штабъ тамъ уже находился весь поселенный баталіонъ, толпясь по плацъ-парадному мѣсту, находящемуся по срединѣ штаба. Буяновъ встрѣтили съ радостію и объятіями, словно гостей, званныхъ на праздничную пирушку. Придя на середину плаца, сейчасъ же развязали несчастныхъ, приведенныхъ на веревкѣ, и повели къ другимъ бѣднымъ жертвамъ озлобленнаго самоуправства. Тамъ уже были командиры 3-й и 4-й роты и баталіонный командиръ маіоръ Яцковскій — это былъ человѣкъ небольшого роста, тщедушный; всѣ они были раздѣты чуть не донага: въ однѣхъ сорочкахъ; маіора Яцковского, не смотря на то, что онъ уже былъ порядочно избитъ къ приходу нашей роты, продолжали нещадно сѣчь розгами, допрашивая: гдѣ ядъ, которымъ хотѣли отравить всѣхъ поселянъ. Мучители сѣкли и приговаривали: «сказывай, а то забьемъ до-полусмерти!»...

Несчастный маіоръ, не стерпя этого жестокаго варварства, просилъ пощады:

— Ребята, оставьте, все, все вамъ покажу и расскажу, только, ради Бога, перестаньте меня сѣчь!...

— Ну, сказывай... Гдѣ ядъ?... веди насъ, покажи, куда вы его заховали!?

Маіоръ повелъ ихъ въ свою квартиру... Но что имъ показать и гдѣ взять было яду, когда его вовсе и не было?...

— Ребята,—обратился опять маіоръ къ поселянамъ, его сопровождавшимъ,— что мнѣ дѣлать и гдѣ взять яду: ей-Богу, у меня его не было и нѣтъ...

Но ребята ему не вѣрятъ, валяютъ его на полъ и принимаютъ опять съ большимъ ожесточеніемъ сѣчь... Бѣдному страдальцу не въ моготу, у него съ шеи до пятъ вся шкура изсѣчена. Желая какъ нибудь избавиться отъ невыносимой боли, онъ опять умоляетъ пріостановиться, не бить его, обѣщаясь показать, гдѣ ядъ... Ребятунки — народъ добрый, перестаютъ сѣчь, требуютъ вести ихъ къ тому мѣсту, гдѣ запрятанъ ядъ... Онъ ведетъ въ другое, но и тамъ ничего не найдено; поселяне озлобились, опять растянули его и начали пересыпать розгами... Онъ снова проситъ, молить о пощадѣ, зоветъ въ третье мѣсто... Но куда бы онъ ни позвалъ, нигдѣ нѣтъ яду, такъ какъ его и въ дѣйствительности не было. А его опять начинаютъ бить и избивали до безпамятства. Увидя, что ихъ баталіонный командиръ уже совсѣмъ изнемогъ и не можетъ давать никакихъ отвѣтовъ, эти звѣри заговорили, что надо перестать его сѣчь, а то онъ, видите, и говорить-то сталъ плохо, въ рѣчахъ путается; словно какъ бы помѣшанный, али

угорѣлый, а онъ еще, моль, намъ нуженъ будетъ для допроса. А, между тѣмъ, на плацу—стонъ, плачь, крикъ и ругань и среди этого гама слышится злобѣщій, душу леденящій, свистъ розогъ... Тамъ собраны были всѣ служащіе въ полковомъ штабѣ: три ротныхъ командира, командиръ 5-й военно-рабочей роты, разные чиновники: баталіонный казначей, квартирмейстеръ, оберъ-офицеръ, завѣдывающій запаснымъ хлѣбнымъ магазиномъ, подпоручикъ, завѣдывающій полковою швальней, инженеръ по строительной части. Всѣмъ, кто былъ врасплохъ захваченъ, не было пощады; всѣхъ допрашивали такимъ же манеромъ, какъ допрашивался майоръ Яцковскій, но особенно нещадно наказывались ротные командиры, потому что во время командованія ротами они много накопили на свою шею враговъ, въ лицѣ разныхъ плутовъ и пьяницъ, которымъ когда-то давали внушительное командирское наставленіе и которые теперь били ихъ и тиранили не столько ради розыска какого-то невѣдомаго для нихъ яду и холеры, сколько ради мести. Да ужъ и мстили!

Надо сказать, что все это продѣлывали, большею частью, отъявленные негодяи, и унять ихъ никто не осмѣливался. Если кто изъ порядочныхъ поселянъ хотя чуть-чуть заикнется въ защиту начальниковъ, или какъ нибудь заявитъ состраданіе къ несчастнымъ, изъ желанія хоть нѣсколько смягчить участь бѣдныхъ страдалцевъ, то тутъ же на того и налягутъ всей толпой, готовы, кажется, на части разорвать. А вѣдь каждый изъ добропорядочныхъ поселянъ опасался за свою шкуру... Хотя, въ сущности, негодяевъ было и втрое меньше порядочныхъ поселянъ, но въ то страшное время всякій побаивался своего сосѣда, не зная, что у того на умѣ.

Когда эти буяны натѣшились досыта своимъ мщеніемъ и нѣсколько поугомонились, и то только потому, что жертвы ихъ почти всѣ лишились сознанія, то собрали всѣхъ этихъ несчастныхъ въ одно мѣсто, съ цѣлью снять съ нихъ показаніе и затѣмъ написать на нихъ государю императору жалобу: что, дескать, наши начальники покушались на нашу жизнь. Задумано — сдѣлано; являлся только вопросъ, кому приступить къ этой обязанности; нужно было найти такого человѣка, который бы зналъ грамотѣ и могъ бы снять форменный допросъ съ господъ начальствующихъ. Между своими братьями у нихъ грамотныхъ не было, а если и были, то знали лишь только читать псалтирь по покойникамъ, а для снятія допроса нужно быть въ родѣ аудитора или слѣдователя. Баталіонные писаря?.. Но тѣ почти всѣ были изрядно избиты и имъ нельзя было довѣрить этого дѣла, нѣкоторые же изъ нихъ, оставшіеся какими-то судьбами цѣлыми и невредимыми, разбѣжались и скрылись, боясь и на глаза показаться. Наши ребяташки-буянушки призадумались, какъ этокое дѣло оставить безъ

допроса; допросъ необходимо нуженъ, иначе никакого оправданія не будетъ предъ государемъ. Ну, какъ, чѣмъ оправдаться, что столько начальниковъ перепороли да переувѣчили. Думали, думали, наконецъ, кто-то додумался. «Стой, ребята!.. Горю можно помочь! Вы знаете унтеръ-офицера 1-й поселенной роты, Морозова, онъ вѣдь прежде аудиторскимъ писаремъ былъ, дѣлецъ такой, что ну, ну!.. Что угодно сварганить... Нужно его сейчасъ же отыскать»... Болѣе десяти человекъ бросились въ разныя стороны: кто искалъ по плацу, кто рыскалъ по домамъ и разспрашивалъ, не видалъ ли кто Морозова, и не болѣе какъ черезъ четверть часа выкопали гдѣ-то его; привели на плацъ къ тому мѣсту, гдѣ лежали горемычные начальники, и приказали снять съ нихъ допросъ, сначала съ батальоннаго командира, а потомъ и съ другихъ: о томъ, какъ они задумали извести поселянъ ядомъ подѣ предлогомъ свирѣпствующей холеры, и для чего именно хотѣли это сдѣлать. Послѣ допроса Морозовъ долженъ былъ написать отъ имени поселянъ прошеніе къ его величеству государю императору, гдѣ и описалъ бы преступный умыселъ начальниковъ. Морозовъ понялъ, чего они хотятъ; онъ, какъ прежде служившій при аудиторѣ, хорошо зналъ, какія отъ этого могутъ быть послѣдствія и какой нужно ожидать награды, и поэтому старался объяснить поселянамъ, что на ихъ просьбу онъ не можетъ согласиться, что онъ, какъ нижній чинъ, не имѣетъ права производить допросъ своему же начальству, что это, во-первыхъ, противозаконно и, во-вторыхъ, что онъ принималъ присягу служить вѣрой и правдой государю и отечеству, повиноваться своимъ начальникамъ, не только писать на нихъ какіе-то доносы, а напротивъ, не щадя своей жизни, ограждать ихъ отъ враговъ, переносить всевозможныя несчастія... Не успѣлъ еще Морозовъ окончить и разъяснить толпѣ, въ чемъ именно состоитъ присяга русскаго солдата, какъ на него съ остервенѣніемъ набросились разъяренные изверги.

— Какъ?! Ты еще смѣешь давать намъ наставленія? Развѣ мы глупые ребята, что не знаемъ, что такое присяга! Тебѣ приказываютъ писать, ты и пиши, чернильная твоя душонка! Видно и ты такой же гусь лапчатый, какъ наши начальники. Должно быть, за единую душу съ поляками и врагами нашего батюшки-государя. Пиши, а не то мы заставимъ тебя понашенски. Если ты опасаясь чего нибудь, то мы тебя уполномочимъ вотъ этими штуками, вонъ что лежать связанными въ пучахъ.

Морозовъ, однако, не убоился ихъ угровъ и отказался наотрѣзъ, что допрашивать своихъ начальниковъ ни за что не станетъ.

— А вотъ мы посмотримъ, правду ли ты говоришь. Бери его, ребята!

Морозова схватили, сняли съ него форменный съ галунами кафтанъ, повалили на землю, стащили съ него штаны и испод-

ною рубаху заворотили на голову, четыре человѣка взяли по адровому пучку розогъ и начали его сѣчь въ двѣ пары, одна пара сѣкла съ одной стороны отъ плечъ до поясницы, а другая отъ поясницы до пятъ съ другой стороны. Розги были длинныя-предлинныя, такъ что когда начали сѣчь, то съ перваго же удара просѣкли несчастнаго до крови. Пощады не было никакой. Морозовъ все еще крѣпился, думая, что посѣкутъ, посѣкутъ маленько, да и перестанутъ, но изверги не переставали и продолжали истязать, налегая какъ можно крѣпче и на столько сильно, что съ одного, много двухъ разъ розги ломались надвое. Бѣдному Морозову влѣпили живо болѣе ста ударовъ съ каждой стороны. Вся его задняя часть тѣла покрылась одной кровавой сплошной массой. Не довольствуясь этимъ, его перевернули вверхъ животомъ и начали было продолжать истязаніе; здѣсь уже Морозовъ увидѣлъ, что ему пощады не будетъ никакой, положеніе его было ужасное. Онъ не вытерпѣлъ и застоналъ:

— Братцы, сжальтесь! Будьте милосерды, оставьте душу на покаянiе, что угодно вамъ, то и напишу...

— Ну, вотъ, дурень,—заговорили мучители, переставъ его сѣчь,—давно бы такъ сказалъ, дѣлай, что тебѣ приказываютъ, а то тоже началъ выводить разные законы, о присягѣ толковать. Вотъ теперь у тебя на спинѣ вся присяга и всѣ законы исписаны. Вставай, садись и пиши. Вотъ тебѣ тутъ все: бумага, перья и чернила. Пиши!

— «Ну, что будешь дѣлать,—думаетъ Морозовъ:—надо, видно, приступать, но какъ?» Нестерпимая, жгучая боль не позволяетъ сѣсть, да и руки дрожать отъ волненiя.

Между тѣмъ нетерпѣніе людей съ каждой минутой усиливается, всюду кругомъ его слышатся озлобленные голоса:

— Что же ты, Морозовъ, копаешься?.. Начинай, что ли! Пора! Пиши, что тебѣ будутъ говорить...

— Хорошо, хорошо, братцы, дайте только очухаться... Сейчасъ начну... Кого же я начну сперва спрашивать?..

— Ну, это дѣло пока не твое! Мы сами допросимъ, а ты знай, только пиши, что мы тебѣ будемъ говорить...

Буяны всѣ разомъ обратились къ маіору Яцковскому и начали его спрашивать, такъ что маіоръ не въ состоянiи былъ отвѣтить на множество вопросовъ, посыпавшихся на него вдругъ со всѣхъ сторонъ.

Морозовъ, видя, что этакъ ничего не выйдетъ, только время продлится безъ толку, остановилъ допрашивающихъ:

— Ребята! этакъ вамъ ничего не подѣлать... Я вамъ совѣтую назначить одного когонибудь, да потолковѣе, чтобы ужъ онъ одинъ и допрашивалъ, а этакъ, какъ вы начали, ничего не добьетесь.

— Это вѣрно Морозовъ говоритъ: надо избрать когонибудь допросчикомъ.

Гуль шелъ по всему плацу... Всѣмъ хотѣлось быть допросчикомъ, быть замѣченнымъ среди своей же братіи... Судили, рядили, наконецъ, покричавъ вдоволь, выбрали одного, который и приступилъ къ допросу маіора Яцковскаго.

— Ваше высокоблагородіе, говорите намъ всю правду, не то вотъ видите кучу розогъ: если будете вертѣться и запираяться, то заставите опять за нихъ приняться, и то ужъ васъ порядкомъ исполосовали, такъ я совѣтую, лучше во всемъ признайтесь...

— Пишите, что вы знаете,—промолвилъ командиръ баталіона,— а я совершенно ничего не могу говорить, я ничего не знаю и не понимаю; вы видите, какъ я слабъ: я едва могу понимать, что живъ; пишите, что вы знаете сами, а я ко всему подпишусь, если только вы этого отъ меня потребуете; только объ одномъ прошу: ради Бога не сѣките меня, старика, больше розгами.

— Ну, что же, Морозовъ,—обратился къ нему допросчикъ:— что нужно теперъ дѣлать?..

— Я не знаю, что дѣлать,—отвѣтилъ Морозовъ,—вы говорите и приказывайте, что надо писать, я все запишу!

— Чего тутъ много растолковывать, — заревѣлъ кто-то изъ толпы,—скажи ему, какъ хотѣли насъ окормить, какъ показывали намъ ядъ, только найти не могли, ну... и что другое, прочее.. вишь, самъ маіоръ совсѣмъ очумѣлъ: ничего не можетъ говорить.

— Какъ не можетъ говорить? вѣдь онъ же на русскомъ языкѣ говоритъ: «что знаете, что пишите, а я подпишу все, что вамъ нужно».

— А и впрямь, что же тутъ долго раздумывать... Эй, Морозовъ, пиши, что я буду тебѣ говорить,—обратился допросчикъ къ писарю,—мы и дѣйствительно сами знаемъ, чуть не получше ихъ самихъ.

— Пиши: «я, баталіонный командиръ маіоръ Яцковскій... начальникъ поселеннаго баталіона, короля Прусскаго полка, сознаюсь, что я согласенъ былъ съ польскими панами мятежниками на истребленіе русскаго народа и русскаго царя ядомъ, подъ видомъ холеры, а также было мною приказано всѣмъ ротнымъ командирамъ моего баталіона, каковыя со мною были согласны на это же дѣло, чтобы окормить людей ядомъ, каковой у насъ на это былъ и приготовленъ, только гдѣ у насъ былъ сирятанъ ядъ, то его тамъ не нашли»...

— Ну, что, ребята, каково?.. Ладно я допросилъ?!

— Ладно, ладно!—закричалъ народъ,—чего же еще больше надоть... во всемъ этомъ признался, такъ и толковать больше нечего... Только надо, чтобы онъ къ этому самому допросу самъ и подписался.

— Сей минутою все будетъ готово,—возразилъ допросчикъ и, взявъ, написанную Морозовымъ со словъ его, бумагу, обратился къ маіору Яцковскому:—не можете ли, ваше высокоблагородіе, чегонибудь еще сказать?..

Полуживой маіоръ, придя нѣсколько въ себя, такъ какъ во время снятія съ него допроса онъ лежалъ въ безсознательномъ положеніи, открылъ глаза и, видя предъ собою человѣка, скорѣе престонаяль, чѣмъ проговорилъ:

— Что вы отъ меня требуете, что вамъ отъ меня нужно?

— А вотъ что нужно: подписать допросъ, снятый съ тебя, или твое показаніе...

— Какой допросъ, какое показаніе?.. Развѣ я что показывалъ?

— А то какже! Ты самъ же приказалъ писать, что мы знаемъ, вотъ мы и написали... Слушай, что я буду тебѣ читать, и если что не по тебѣ, не ладно написано, то ты можешь сказать... Впрочемъ, вотъ что: мы, братъ, ау! снова твоего показанія переписывать не будемъ... Если не хочешь слушать, то самъ прочитай, что написано... Морозовъ, дай-ко ему бумагу-то, пусть самъ ее прочтетъ, да и подпишетъ, а если начнетъ юлить и кочевряжиться, не захочетъ подписать, то вѣдь куча розогъ еще не почата... Можетъ статься, у него спина опять засвербѣла, то мы сызнава ее ему расчешемъ...

Морозовъ подалъ Яцковскому написанный имъ допросъ, конечно, не столько для прочтенія, сколько для подписи...

— Стой, стой, Морозовъ, погоди, какъ же онъ будетъ лежа читать и подписывать: нужно его посадить къ столу... и допросчикъ съ помощію другихъ поднялъ окончательно расслабленнаго маіора, подвелъ къ столу, приказалъ ему сѣсть на стоявшую у стола лавку, далъ ему въ руки перо и велѣлъ писать, но маіоръ былъ такъ слабъ, что не могъ даже пера въ рукахъ держать и положилъ его на столъ.

Допросчикъ и всѣ, увидя, что маіоръ не взялъ пера для подписи, закричали:

— Что же?.. Не хочешь, что ли, читать?.. Пожалуй, по намъ хоть и вовсе не читай, намъ только нужна твоя подпись... Ну, подписывай, что ли, а то мы начнемъ сызнава переписывать твою высокоблагородную шкуру...

Маіоръ, услыхавъ слово «шкура» и понимая, что это значитъ, сильно вздрогнулъ, обвелъ мутными, бессмысленными глазами толпу и, взглянувъ на лежавшую предъ нимъ бумагу, взялъ въ руки перо и задумался...

Допросчикъ, видя его нерѣшительность, опять приступилъ къ застрачиванію: «Что же?! Аль спина свербитъ?». Тогда баталіонный командиръ, ничего не говоря, началъ чертить что-то на допросѣ.

Онъ написалъ три, или четыре строчки на французскомъ, или на нѣмецкомъ языкѣ и еще что-то порусски, затѣмъ свое званіе чинъ, имя и фамилію. Стоявшій тутъ же у стола Морозовъ видѣлъ что писалъ маіоръ Яцковскій, но изъ сожалѣнія къ нему ничего не разъяснилъ ни допросчику, ни разъяренной толпѣ, такъ какъ если бы эти звѣри узнали, что маіоръ Яцковскій сдѣлалъ не вѣрную подпись, то они просто до смерти бы заporоли несчастнаго. На вопросъ толпы: вѣрно ли, правильно ли подписалъ командиръ баталіона, Морозовъ отвѣтилъ, что вѣрно, только не очень разборчиво, оттого что у него отъ жестокаго истязанія нѣтъ въ рукѣ твердости, да и криво немного вышло...

— Ну, ладно! хорошо и такъ, лишь бы можно разобрать было «маіоръ Яцковскій», а тамъ криво ли, косо ли, наплевать!

Какъ только кончилъ писать маіоръ Яцковскій, то его сряду же оттащили и положили на прежнее мѣсто; затѣмъ приступили съ допросами къ ротнымъ командирамъ и другимъ чиновникамъ, предварительно сказавъ имъ, что если они будутъ отпираться и молчать, то имъ развяжутъ языки розгами. Сначала ротные командиры и чиновники тоже было начали упираться, но лежащіе на глазахъ пучки розогъ и не зажившія еще отъ нихъ же раны заставили ихъ заговорить.

— Ребятунки, — обратился къ толпѣ нашъ капитанъ Дасаевъ, — что же мы вамъ будемъ говорить, когда мы ничего не знаемъ... Если что вы знаете, то пишите: мы во всемъ признаемся, только пощадите насъ и не бейте...

Писарь Морозовъ, чтобы избавить несчастныхъ отъ дальнѣйшаго истязанія, далъ совѣтъ: написать все такъ же, какъ и для майора Яцковскаго, и дать имъ подписать.

— Это вѣрно! — загудѣла толпа, — что тутъ съ ними канителься, не будутъ согласны подписывать — розгами заставимъ... Ну, качай же, Морозовъ, пиши, да живѣй, время-то уходитъ, вонъ ужъ и солнце сѣло за лѣсъ... Это дѣло дозавтра не терпитъ... Вѣдь нужно еще прошеніе государю написать...

Черезъ часъ Морозовымъ были изготовлены показанія, согласныя съ показаніемъ баталіоннаго командира. Ротные командиры и чиновники, всего 9 человекъ, волей-неволей должны были подъ этимъ показаніемъ подписаться.

Время между тѣмъ шло, день клонился уже къ вечеру; солнце сѣло. Не смотря на позднее время, народъ сновалъ по плацу. Несчастныхъ начальствующихъ лицъ отвели на гауптвахту, гдѣ въ то время занимали караулъ инвалидные солдаты, состоящіе при полковомъ штабѣ, такъ какъ Прусскій пѣхотный полкъ въ то время находился въ дѣйствующей арміи въ царствѣ Польскомъ.

Послѣ этого было приступлено къ писанію прошенія на имя государя императора. Что было написано въ прошеніи, я не знаю;

изъ разсказовъ же разныхъ лицъ трудно было понять его содержаніе, такъ какъ при составленіи его Морозовымъ народу не было, а тѣ немногіе, которые принимали участіе въ составленіи прошенія, не рѣшались болтать о немъ другимъ. Пока писали прошеніе, толпа приступила къ выбору изъ среды себя ходоконъ къ государю; выбрали 8 человѣкъ, которымъ выдали по 100 рублей, взявъ ихъ изъ казеннаго денежнаго полковаго ящика, для проѣзда до Петербурга и обратно; затѣмъ люди разбрелись по плацу, начали собираться въ небольшія кучки и разсуждать втихомолку о случившемся.

— Чтѣ-то будетъ, — вздыхали многіе, — за это безчеловѣчное дѣло?... Шутка ли, что настряпали: подняли руки на своихъ начальниковъ. Ахъ-ха-ха, братцы, надо подумать, индо страшно смотрѣть, ребятушки. Дѣло куда какъ плохо, а что подѣлаешь? Унимать нѣтъ никакой возможности. Да вотъ хотя бы и теперь, если бы кто услыхалъ нашъ разговоръ... Сохрани Богъ... Накричали бы, нашумѣли бы, да и бокамъ нашимъ досталось бы изрядно...

Въ другой кучкѣ—отъявленныхъ сорванцевъ, шелъ крупный разговоръ со смѣхомъ; каждый хотѣлъ разсказать о своей удали, о своей прыти; одинъ хвалился, какъ онъ дралъ своего ротнаго командира и какъ тотъ вздрагивалъ и вертѣлся подъ его ударами; другой представлялъ, какъ гримасничалъ командиръ баталіона, когда ему рвали волосы на головѣ, и какую онъ дѣлалъ забавную тогда рожу. Всѣ были веселы: смѣхъ, говоръ и шутки не умолкали до двѣнадцатаго часа ночи. Во время этого безшабашнаго препровожденія времени вдругъ впопыхахъ прибѣжалъ поселенинъ 3-й роты, расположенной въ Ложитовскихъ связяхъ, Семенъ Злобинъ и закричалъ:

— Что вы тутъ, черти, орете! Не знаете, что бѣда стряслась надъ нашими головами.

— Что, что? Какая бѣда!? Говори скорѣй, да смотри не ври, братъ!—засуетились въ толпѣ.

— Молчите вы, черти! Ваше дѣло буянить, а опаски никакой не имѣете.

— Да говори же ты, чортовъ сынъ, толкомъ, какая намъ грозитъ опасность?

— А вотъ какая: ѣдетъ изъ Новгорода сюда артиллерія. Говорятъ, что уже скоро переправится на паромѣ черезъ Волховъ.

— А самъ-то ты ничего не видалъ?

— Какъ не видалъ, видѣлъ, только издали. Мужикъ мнѣ попался, да и говорить, что на той сторонѣ Волхова какіе-то солдаты ѣдутъ и съ пушками и уже близко къ перевозу; такъ я изъ этого понялъ, стало быть, это артиллерія, и пустился бѣжать сюда.

Прибѣжалъ къ толпѣ и ротный головорѣзъ, отчаянный Иванъ Горшковъ.

— А, здорово, братъ Злобинъ! Это ты развѣдалъ, ну, спасибо тебѣ... Ну, ребята, что же намъ теперь дѣлать, чтобы избѣжать большой бѣды? Я вотъ что надумалъ: пока насъ не атакуютъ, нужно уничтожить всѣхъ нашихъ начальниковъ, а то они вспомнятъ, кто ихъ билъ, и тому будетъ очень плохо; если же ихъ, что называется, «уходить», то вѣдь мы одинъ на одного доказывать не будемъ, и кто изъ насъ правъ, кто виноватъ, узнать будетъ трудно, а всѣхъ же насъ, такую гурьбу, не пересѣчь, да и сѣчь-то нельзя будетъ: вѣдь не всѣ же виноваты, большая часть правыхъ. Нашъ батюшка государь ни за что не обидитъ праваго, лучше десятерыхъ виноватыхъ простить. Хотя по правдѣ-то, по-Божески сказать, мы и всѣ-то не виноваты, потому что мы хотѣли холеру извести, да его же царя батюшку сохранить отъ злодѣевъ поляковъ и начальниковъ. Намъ, ребята, не слѣдъ и очень-то пужаться, только вотъ этихъ-то плутовъ-начальниковъ укокошить надо поскорѣй, а отвѣтъ за нихъ маленькій, потому сами же они и виноваты... Такъ какъ же, други мои, говорите, ладно ли такъ-то, аль нѣтъ. Нужно непремѣнно торопиться, мѣшкать некогда, пока не захватитъ насъ артиллерія.

Перепуганная толпа неистово заорала и готова была, кажется, на мелкія части разорвать всѣхъ своихъ начальниковъ.

— Связать ихъ всѣхъ сукиныхъ дѣтей, да и въ Волховъ. Тутъ имъ и конецъ!

— Нѣтъ, нѣтъ!... Зачѣмъ Волховъ поганить этими поскудниками?... Они будутъ таскаться по берегамъ, да еще подчасъ пугать по ночамъ добрыхъ людей. А просто, — заключилъ свою рѣчь Горшковъ, — головы имъ всѣмъ долой. Эво! и топоры съ нами у саперъ.

Саперами звали нашу роту, такъ какъ до 1826 года она находилась въ составѣ сапернаго полубаталіона.

— Вотъ что дѣльно, то дѣльно! Вотъ это разчудесно! Молодецъ, Горшковъ!! Пойдемъ, ребята, на гауптвахту!

Всѣ бросились къ гауптвахтѣ. Дорогой Горшковъ сказалъ своему пріятелю ефрейтору Макару Николаеву, чтобы онъ отъ него ни на шагъ не отлучался и что ежели бы понадобились топоры, то чтобы изъ-за нихъ не было остановки, отъ тѣхъ же людей, которые посмирнѣе, топоры взять и передать тѣмъ, кто посмѣлѣе. Горшковъ зналъ, что его капральства народъ смиренный и ни одинъ не рѣшился бы на убійство.

Прибѣжавъ на гауптвахту, народъ вытащилъ оттуда девять несчастныхъ жертвъ. Бѣдные офицеры шли, едва волоча ноги, стонали и охали, безъ всякаго сопротивленія. Нашъ ротный командиръ, увидя Горшкова, спросилъ, куда ихъ хотятъ вести, но вмѣсто отвѣта Горшковъ выругалъ его и сказалъ:

— Самъ сейчасъ увидишь.

Дошли до середины плаца и остановились. Со всѣхъ сторонъ сбѣжался народъ. Поднялся ужасный крикъ и гвалтъ, такъ что ничего путемъ нельзя было разобрать. Рѣзче всего раздавались ужасные крики: «всѣмъ имъ головы долой!!». Кто былъ нѣсколько далѣе отъ середины круга, тѣ ничего не знали и не понимали, что тамъ происходитъ, и съ испугомъ другъ друга спрашивали, что тамъ кричатъ и кому это головы долой, имъ ли—поселянамъ, или ихъ бѣднымъ начальникамъ. Изъ середины кучки вышелъ какой-то парень. Его обступили съ вопросами.

— Что такое тамъ?

— Что?! Подите сами и узнайте; если у кого двѣ головы на плечахъ вмѣсто одной, одну если и отрубятъ, такъ другая останется. Я радъ-не-радъ, что самъ оттуда еле-еле выкарабкался... Страсти!...

— Что же въ самомъ дѣлѣ тамъ дѣлается?

— А тамъ то дѣлается, что нашему баталіонному и ротнымъ, и всѣмъ другимъ хотятъ головы отрубить.

— Головы рубить?! Господи, съ нами крестная сила! Да что же ихъ, разбойниковъ, никто не уйметъ? Какъ же это можно безъ всякаго суда казнить смертію?

— Гдѣ же ихъ унять и кто же осмѣлится что нибудь сказать имъ поперекъ? Ихъ тамъ человѣкъ восемь стоятъ и держатъ топоры въ рукахъ, да помахиваютъ ими. Кто, говорятъ, только осмѣлится насъ оспорить, мы тому сразу раскроемъ голову. Я было, признаться,—разсказывалъ парень,—этихъ самыхъ угрозъ и не очень-то испугался, думаю: неужели они и на меня бросятся, и только что успѣлъ сказать, что, молъ, ребята, глядите, это не-ладно дѣло, какъ бы не пришлось намъ всѣмъ въ отвѣтъ идти, какъ вдругъ на меня набросились съ замахнутыми топорами, я едва успѣлъ скрыться въ толпу, которая къ счастью разступилась и дала мнѣ возможность удрать оттуда.

Въ срединѣ же буйствующей толпы стояли связанные несчастные начальники. Видя, что кругомъ дѣлается, они стояли, ничего не предпринимая, сознавая свое безвыходное положеніе. Одинъ только нашъ ротный командиръ, капитанъ Дасаевъ, обратясь къ мучителямъ, сказалъ, что напрасно они хотятъ убить его и другихъ безъ всякаго суда, что за это они строго отвѣтятъ, тогда какъ если бы они оставили ихъ въ живыхъ и отдали въ руки правосудія, то виновными въ самоуправствѣ они не будутъ; просилъ послушаться его совѣтовъ, такъ какъ онъ говоритъ, жалѣя ихъ и въ особенности тѣхъ, кто не принималъ участія въ ихъ истязаніяхъ, а находился только въ толпѣ.

Многіе изъ толпы поняли, что слова капитана Дасаева сущая правда, и даже нѣкоторые было закричали: «не надо ихъ убивать!», но одинъ изъ буяновъ бросился въ толпу, замахаясь на нее топоромъ, и всѣ замолчали.

— Смотрите тамъ! Нюни некогда теперь распускать. Если кто еще осмѣлится намъ указывать, съ тѣми расчетъ коротокъ. Мы съ ними раздѣлаемся посвойски! А этого толстопузаго Дасаева нечего слушать. Онъ вамъ наговорить не хуже отца Василя. Время теперь на-чеку. Эй, молодцы, нечего мѣшкать. Ну, ты что, Горшковъ, задумался? Аль тоже чего испугался?

— Ничего я не испугался и ничего не боюсь. Давайте начинать. Ну, Макаръ Николаевъ, топоръ у тебя важнецкій, начинай-ка орудовать имъ. Хоть перво-на-перво съ баталіоннаго командира, а тамъ по порядку и другимъ.

— Вотъ что, Иванъ Ивановичъ,—возразилъ ефрейторъ Николаевъ,—не хотѣлось бы мнѣ за это ремесло братья. Спроси-ка, братъ, нѣтъ ли на это дѣло охотниковъ... можетъ, кто и сыщется, ну, ужъ если не найдется, тогда дѣлать нечего, я исполню вашъ приказъ.

Послушались Николаева, крикнули: нѣтъ ли желающихъ рубить головы начальникамъ? и не успѣли еще подождать, какъ на средину вышелъ изъ толпы средняго роста, коренастый, съ невзрачной наружностью поселянинъ Поляковъ.

— Давайте мнѣ топоръ, я сейчасъ раскрою имъ дурацкія башки. Я ничего не боюсь. Я сегодня одиннадцати баранамъ головы отрѣзалъ, которые ни въ чемъ не были виноваты, да и то руки не дрожатъ. А тутъ чего робѣть, когда эти господа готовы были, можетъ быть, не одну тысячу нашего брата на тотъ свѣтъ отправить.

— Вотъ молодецъ, такъ молодецъ Поляковъ, — закричали со всѣхъ сторонъ,—всею правду-матку высказалъ.

Поляковъ, между тѣмъ, уже схватилъ поданный ему Макаромъ Николаевымъ топоръ и подбѣжалъ къ несчастнымъ.

— Ну, съ кого начинать? Я думаю, со старшаго.

И, не ожидая отвѣта, схватилъ майора Яцковскаго за волосы, повалилъ на землю, наклонилъ ему голову, кто-то изъ толпы нашелся придержать ее, и Поляковъ съ размаху со всею силою ударилъ майора топоромъ по шеѣ. Но ударъ былъ неудаченъ. Топоръ скользнулъ по головѣ и разсѣкъ черепъ. Державшій майора за волосы выпустилъ голову изъ рукъ, отчего майоръ Яцковскій съ горяча вскочилъ на колѣни, оперся на локтяхъ о землю и весь затрясся. Въ этотъ моментъ одинъ изъ буяновъ, стоявшій вблизи, имѣвшимися въ рукахъ длинными садовыми ножницами со всего размаха ткнулъ ими въ бокъ несчастному, отчего тотъ вздрогнулъ, выпрямился и умеръ. Потомъ Поляковъ подошелъ къ нашему ротному командиру капитану Дасаеву и однимъ сильнымъ взмахомъ срубилъ ему голову. Затѣмъ и прочимъ пяти чиновникамъ также отрубилъ головы. Остались еще двое. Въ это время кто-то изъ толпы закричалъ:

— Ребята, кто же у насъ будетъ за баталіоннаго-то командира, когда мы всѣхъ этихъ господъ перебьемъ. Вовсе-то безъ начальника какъ будто и не того... не складно будетъ!

— Вѣрно, что не складно! — закричали въ толпѣ. — Вотъ что: коль надо безпремѣнно начальника, то оставимъ господина капитана Костырева. Пушай онъ будетъ нашимъ поселеннымъ баталіоннымъ командиромъ.

— Оставимъ, оставимъ Костырева!...

Такимъ образомъ капитанъ Костыревъ остался живъ. Тутъ же бросились розыскивать штабъ-офицерскіе эполеты для новаго баталіоннаго, которые и нашлись въ карманѣ одного изъ поселянъ, успѣвшаго сорвать ихъ съ убитаго майора Яцковскаго и спрятать себѣ. Найденные эполеты прицѣпили къ вице-мундиру капитана Костырева и тутъ же поздравили его майоромъ и начали называть «ваше высокоблагородіе». Еще одна несчастная жертва оставалась не убитая — это подпоручикъ Монаховъ, завѣдывавшій хлѣбнымъ магазиномъ. Когда было уже принялись за него и поволокли, чтобы отрубить и ему голову, кто-то изъ толпы, желая спасти его, крикнулъ:

— Эй, ребята, погодите-ка Монахову-то рубить голову. Вѣдь вотъ какое дѣло. Кто его знаетъ, можетъ быть, у него много хлѣба поразмотано изъ магазина. Не пришлось бы намъ за него въ отвѣтъ быть. Пусть-ка онъ самъ отвѣтитъ.

— Да, да! Это вѣрно! Его непременно нужно оставить, пусть самъ и расхлебываетъ кашу, буде умѣлъ размотать магазины.

Надо сказать, что подпоручикъ Монаховъ былъ человѣкъ очень добрый, снисходительный; когда, бывало, ему приходилось принимать отъ поселянъ хлѣбъ,—каждый обязанъ былъ ежегодно всыпать въ магазинъ по 4 четверти ржи и овса, для усиленія кабаннаго амбара,—то онъ не дѣлалъ никакого препятствія насчетъ чистоты и доброты зерна: у него все было хорошо; вотъ почему теперь въ эту лютую пору многіе вспомнили объ этомъ и не захотѣли, чтобы онъ погибалъ вмѣстѣ съ прочими... хотя за компанію съ другими и онъ былъ выпоротъ... Выдумка доброжелателя спасла Монахова отъ смерти. Къ нему, однако, приставили караулъ не столько отъ опасенія, чтобы онъ не убѣжалъ, сколько для защиты отъ своихъ же братьевъ сорванцевъ, которые ежеминутно могли и помиловать и убить. На башнѣ, или на каланчѣ, уже пробило три часа... Порядочно уже и разсвѣло, а народъ все еще продолжалъ бушевать на плацу: крики, угрозы и смѣхъ съ одной стороны и стоны избитыхъ фельдфебелей и иныхъ меньшихъ начальниковъ съ другой такъ и носились надъ плацемъ...

Въ одной кучкѣ хвалили убійцу Полякова и его трехъ помощниковъ, которые рубили головы,—за ихъ удалъ, говоря что за такой геройскій поступокъ эти молодцы будутъ награждены госуда-

ремь, такъ какъ достойно наказали такихъ неслыханныхъ злодѣевъ, покусителей на истребленіе народа, что эта ужасная казнь послужить урокомъ и для другихъ подобныхъ варваровъ.

Въ другой — напротивъ говорили тихо, чуть не шепотомъ, что за это не только Полякову съ помощниками, но и всѣмъ участвовавшимъ въ этомъ дѣлѣ, будетъ очень худо, потому что если бы начальники оказались виновными, то самъ бы государь сумѣлъ наказатъ ихъ и отъ живыхъ-то что нибудь развѣдалъ...

Вновь избранный поселенный баталіонный командиръ, капитанъ Костыревъ, созвалъ людей и предложилъ имъ выбрать изъ себя начальниковъ въ родѣ ротныхъ командировъ: «иначе,—говорилъ онъ,—вы безъ начальства одинъ другаго начнете убивать... Такъ вотъ кого нибудь да выберите изъ унтеръ-офицеровъ, которые бы не очень буянили, потолковѣе, да понабожнѣе»...

Въ то время, какъ Костыревъ говорилъ своему баталіону, на середину плаца привели изъ фурштадтскаго взвода поручика Гречникова и его помощника, тоже оберъ-офицера,—не помню, какъ его фамилія.

Означенный фурштадтскій взводъ былъ расположенъ на рѣкѣ Вишерѣ, гдѣ теперь деревня Вольино, Никольской волости, верстахъ въ 12-ти отъ Уланскаго штаба. Рѣка Вишера служила границей между нашимъ полкомъ и полкомъ наслѣднаго принца короля Прусскаго, который, какъ я сказалъ ранѣе, былъ расположенъ по берегу рѣки Мсты и штабъ котораго находился при деревнѣ Костовѣ, гдѣ впоследствии былъ графа Аракчеева кадетскій корпусъ, а нынѣ расположенъ Нейшлотскій полкъ. Такимъ образомъ, по одну сторону рѣки Вишеры былъ нашего полка фурштадтскій взводъ, а по другую—такой же взводъ наслѣднаго принца полка. Въ этотъ злополучный день фурштадтскій взводъ не былъ въ штабѣ, потому что у нихъ ничего не знали о бунтѣ поселеннаго баталіона. Ихъ увѣдомилъ гораздо уже позже и взбунтовалъ тотъ самый поселенинъ Барановъ, который хотѣлъ было первоначально остановить бунтующихъ поселянъ, и затѣмъ съ благословенія матери самъ сталъ въ ряды бунтовщиковъ. Этотъ Барановъ какъ только его отстегали, сряду же отправился въ штабъ и, не участвуя на плацу въ секуціяхъ, началъ шататься по квартирамъ господъ офицеровъ съ намѣреніемъ пожитья, что поцѣннѣе да поукладистѣе, въ родѣ серебряныхъ ложекъ, золотыхъ колець, карманныхъ часовъ; попалъ ему подъ руку оберъ-офицерскій сюртукъ съ эполетами, который онъ, недолго раздумывая, напялил на себя, подвѣсилъ тутъ же найденную шпагу и отправился на заводъ, гдѣ выращивались породистыя лошади и рогатый скотъ, выбралъ себѣ коня, осѣдлалъ его найденнымъ тутъ же въ конюшнѣ сѣдломъ и помчался въ штабъ наслѣднаго принца Прусскаго полка. Дорога лежала чрезъ обѣ слободы фурштадтскихъ взво-

довъ. Когда онъ прѣѣхалъ къ фурштадтамъ нашего полка, то сейчасъ же велѣлъ схватить командировъ, чтобы они не успѣли скрыться, причемъ наговорилъ такой чепухи, что всѣ фурштадты пришли въ какое-то неистовство, бросились къ своему взводному командиру, схватили его на квартирѣ, связали, а также и помощника его, и притащили къ Баранову, который велѣлъ ихъ хорошенько, не жалѣя розогъ, допросить, гдѣ у нихъ находится ядъ, приготовленный для окормки поселянъ подѣ предлогомъ холеры; самъ же поѣхалъ далѣе въ штабъ наслѣднаго принца полка, говоря, что ему некогда заниматься съ ихними начальниками, чтобы допрашивали ужъ сами, да хорошенько, а затѣмъ, какъ признаются, или все равно хотъ и не признаются, чтобы везли ихъ въ штабъ, гдѣ уже много собрано начальниковъ.

Не успѣлъ еще Барановъ переѣхать Вишеру, какъ фурштадты принялись посвойски допрашивать свое начальство, и опять таки не столько розыскивали, гдѣ ядъ, сколько вымещали свою злобу за всѣ строгости, примѣнявшіяся во время обработки полей. Надо сказать, что въ то время фурштадты занимались обработкою полей, и поля фурштадтскихъ взводовъ были расположены по дорогѣ отъ одного штаба къ другому, по которой нерѣдко проѣзжало высшее начальство, и даже государь императоръ, какъ въ Бозѣ почившій Александръ Благословенный, такъ и Николай Павловичъ. Поэтому поля фурштадтовъ постоянно обрабатывались тщательно, [въ образцовомъ видѣ. Эта образцовая обработка сопровождалась, конечно, палками и розгами, на которыя не были скупы ихъ взводный поручикъ Гречниковъ и его помощникъ. Барановъ, переѣхавъ Вишеру, засталъ уже сильное броженіе между фурштадтами наслѣднаго принца полка, такъ какъ они уже слышали за рѣкой говоръ о бунтѣ, но начальниковъ захватить не успѣли, потому что начальники этого взвода, какъ только дошли до нихъ слухи объ арестѣ взводнаго Гречникова, успѣли скрыться. Народъ, однако, не угомонился и принялся за унтеръ-офицеровъ. Барановъ велѣлъ волочить ихъ въ штабъ наслѣднаго принца полка. Явившись въ 1-ю поселенную роту этого полка, ужъ въ субботу, часу въ 4-мъ утра, Барановъ разсказалъ, что дѣлается въ Прусскомъ полку. Народъ заволновался, бросился на ротный дворъ въ надеждѣ захватить ротнаго командира, но его не нашель, такъ какъ онъ и другіе офицеры поселеннаго баталіона успѣли уѣхать въ Новгородъ, узнавъ, что произошло въ Прусскомъ полку. За отсутствіемъ офицеровъ принялись допрашивать о ядѣ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ и затѣмъ потащили ихъ въ свой штабъ. Въ штабѣ поселеннаго начальства также не оказалось. Выѣсто ихъ захватили членовъ по строительной части: архитектора Максимова, подполковника Крылова, генерала Волкова и стоявшаго въ караулѣ на полковой гауптвахтѣ подпоручика Лодыгина. Эти

лица хотя и не принадлежали къ поселенному баталіону, но, все-таки, были допрошены. Отъ допроса былъ избавленъ только генералъ Волковъ, потому что онъ, вопервыхъ, былъ самый добрыйшій человекъ и, вовторыхъ, по службѣ не касался до военныхъ поселянъ. Пока шель допросъ, то-есть, пока пороли господъ, Барановъ пустился было опять шарить по квартирамъ офицеровъ, но сами поселяне не допустили его и выгнали вонъ изъ полковаго штаба. Онъ, не долго думая, помчался вверхъ по Мстѣ и заѣзжая въ селенія крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ возбуждалъ ихъ допрашивать помѣщиковъ, не имѣютъ ли они сношеній съ поляками и начальниками военныхъ поселянъ, и, конечно, нашлись глупцы, которые повѣрили словамъ этого мерзавца, надѣлали шуму въ помѣщичьихъ усадьбахъ и за это впослѣдствіи жестоко поплатились.

Послѣ отъѣзда Баранова изъ фурштадтскаго взвода въ наслѣднаго принца короля Прусскаго полкъ, наши фурштадты продолжали истязать своего взводнаго Гречникова и его помощника, досѣкли ихъ до того, что они потеряли сознаніе, положили ихъ безчувственныхъ на телѣгу и въ сопровожденіи всей команды отправились въ штабъ. При приближеніи къ штабу они были встрѣчены нѣсколькими поселянами, которые имъ сказали, что они свое начальство уже отправили на тотъ свѣтъ, и теперь некому уже будетъ рассказывать, кто, чѣмъ и какъ ихъ обижали. То же самое совѣтовали они сдѣлать и фурштадтамъ, увѣряя, что если оставить офицеровъ живыми, то худо будетъ. Фурштадты, внявъ этому варварскому совѣту, поспѣшили съ своими несчастными жертвами къ штабу и, прибывъ туда, стащили на средину плаца подпоручика Гречникова съ помощникомъ и отрубили имъ головы; затѣмъ бросили въ одну кучу съ другими обезглавленными трупами. Въ то время, когда фурштадты расправлялись съ своимъ начальствомъ, капитанъ Костыревъ распоряжался избраніемъ изъ среды поселянъ ротныхъ командировъ и не обращалъ вниманія на происходившее на срединѣ плаца, а, можетъ быть, и зналъ, что тамъ дѣлается, но не хотѣлъ вмѣшиваться. Вѣроятно же всего, что такъ и было, ибо когда ему доложили, что сейчасъ, молъ, фурштадты отрубили головы поручику Гречникову и его помощнику, то онъ ничего не велѣлъ предпринять, а напротивъ, какъ бы въ защиту фурштадтовъ, сказалъ: «что дѣлать!? стало быть, того они и заслужили». Эти слова понравились извергамъ. Нѣкоторые поселяне, изъ болѣе добросовѣстныхъ, накинулись было на фурштадтовъ, что какъ они смѣли, не спросяся баталіоннаго командира, такъ поступить, но тѣ огрызались. Завязался споръ, шумъ, и дѣло дошло бы до драки, если бы капитанъ Костыревъ не уговорилъ тѣхъ, которые были поблагоразумнѣе. Буяновъ онъ унимать не рѣшался, и тѣ ужъ сами по себѣ прекратили крикъ.

Наконецъ, на плацу стало дѣлаться тише и тише... всѣ разбрелись кто куда: поселяне дальнихъ ротъ и фурштатты ушли во свояси, остались только люди изъ ближнихъ слободъ... Оставшіеся на плацу хотя и продолжали о чемъ-то горячо разговаривать, но уже того напряженнаго буйства, какое было наканунѣ, не было и слѣда; всѣ какъ-то приуныли и повѣсили свои буйныя головы... Только и слышны были разговоры въ родѣ того: что-то намъ будетъ?.. Шуточное ли дѣло, что настряпали, словно белены объѣлись!..

Къ вечеру опять собрались люди и начали совѣтоваться, куда дѣвать имъ убитыхъ начальниковъ... Въ землю зарыть не годится: не равно захотятъ посмотрѣть, вѣдь это даромъ не пройдетъ... Хотѣли было обратиться за совѣтомъ къ самому новоиспеченному баталіонному командиру, но нѣкоторые остановили, говоря, что они уже докладывали ему, и онъ ничего не можетъ присовѣтывать. «Что вы,—говоритъ,—хотите, то и дѣлайте съ ними»... Наконецъ, кто-то вспомнилъ, что за штабомъ есть ямы отъ бывшаго кирпичнаго тамъ завода, и потому рѣшили: отыскать попросторнѣе, поглубже яму, стащить туда обезглавленное начальство и положить до-времени; сказано—сдѣлано: взяли три подводы, взвалили на каждую по три трупа, свезли въ яму и заложили ихъ дровами, чтобы собаки не растрепали, и поставили караульныхъ. Такъ эти трупы и лежали до прибытія въ штабъ государя императора.

IV.

Прошло пять дней... Чего-чего въ эти дни не передумали наши молодцы-разбойники... Наконецъ, на шестой день возвратились изъ Петербурга наши посланные просители и рассказали все подробно, что слышали изъ устъ государя императора.

Когда они прибыли въ Петербургъ, то тотчасъ же, какъ были съ дороги, такъ и явились къ государю... подали ему прошеніе, писанное писаремъ Морозовымъ, а также и допросъ, снятый съ убитыхъ и ими при жизни подписанный; какъ прошеніе, такъ и допросъ были выпачканы въ крови...

Его величество государь императоръ, какъ только взглянулъ на прошеніе, загрязненное кровью, тотчасъ же измѣнился въ лицѣ... Потомъ началъ самъ читать его, и во все время чтенія было замѣтно сильное его душевное волненіе... Онъ очень былъ встревоженъ такимъ безразсуднымъ звѣрскимъ поступкомъ военныхъ поселенъ. По прочтеніи, онъ покачалъ нѣсколько разъ головой, потомъ обратился къ просителямъ...

— Ну, молодцы!.. Спасибо вамъ, что вы такъ хорошо поступили съ своими начальниками... Ну, допустимъ, что ваши начальники кругомъ виновны, то что же я могу съ нихъ, съ мертвыхъ,

взыскать!.. А вы?!.. Какъ вы осмѣлились самоуправничать и такъ варварски поступить?.. Первое—у насъ смертной казни уже нѣтъ, и вы, распорядившись такимъ образомъ съ своимъ начальствомъ, оказываетесь просто убійцами! Второе—какъ вы осмѣлились поднять руки и не только на начальство... но... и на меня?... Именно на меня, такъ какъ начальство ваше поставлено было мною... Да еще и явились ко мнѣ съ неумытыми, грязными и окровавленными руками... Что мнѣ съ вами теперь сдѣлать?.. Не знаю!

Затѣмъ его величество, обращаясь къ стоявшей вокругъ его свитѣ, продолжалъ:

— Я думаю вотъ что: запереть ихъ всѣхъ съ женами и дѣтьми въ тѣ дома, которые для нихъ же, мерзавцевъ, выстроены, да и сжечь... тѣмъ и покончить съ этими военными поселеніями... Какъ они позволили себѣ безчеловѣчно поступить съ своими начальниками, такъ и имъ слѣдуетъ отплатить тою же монетой...

Стоявшій въ свитѣ государя графъ Орловъ осмѣлился на это возразить:

— Ваше величество, вашъ приговоръ дѣйствительно достоинъ этихъ звѣрей, потому что военные поселяне заслужили его, но, ваше величество, ихъ жены, ихъ дѣти, въ особенности младенцы, невинны... Позволю себѣ высказать, что, можетъ быть, и изъ среды ихъ не всѣ же виноваты!.. Ваше величество, вы изволили щадить непріятелей, мятежныхъ поляковъ, ради ихъ женъ и дѣтей... будьте милостивы, пощадите вашихъ заблудившихся подданныхъ... Я вижу въ этомъ звѣрскомъ поступкѣ военныхъ поселянъ ужасное невѣжество и буйную, дикую отвагу... все это нужно разслѣдовать, найти ключъ этому неслыханному возмущенію, и тогда можно наказать по винѣ cadaго...

— Ну, хорошо, я согласенъ съ вами графъ, пусть будетъ такъ, какъ вы говорите... Поэтому я назначаю васъ сдѣлать подробное разслѣдованіе и для этого поѣзжайте сейчасъ къ этимъ злодѣямъ, а потомъ я самъ къ нимъ приѣду.

Какъ услышали отъ нашихъ ходочковъ, что приѣдетъ къ намъ самъ батюшка государь, такъ заахали наши ребятушки... Многіе со слезами мысленно благодарили Бога, что онъ вразумилъ графа Орлова замолвить словечко за ни въ чемъ неповинныхъ...

На другой день по возвращеніи нашихъ ходочковъ-просителей, дѣйствительно приѣхалъ графъ Орловъ, съ нимъ прибыла и полусотня казаковъ. Еще ранѣе приѣзда графа, капитаномъ Костыревымъ былъ данъ приказъ по баталіону, чтобы весь поселенный баталіонъ собрался въ полковомъ манежѣ до приѣзда графа Орлова, гдѣ и ожидали бы его...

Баталіонъ былъ выстроенъ въ три шеренги... По прибытіи въ манежъ графъ Орловъ, подойдя къ выстроенному баталіону, сказалъ:

— Здравствуйте, болваны! съ вами не надо бы было и здороваться!.. Что вы надѣлали, разбойники!?. А!? Начальство свое замучили, да!.. Государю императору какую сдѣлали неприятность! Хорошо, что я за васъ замолвилъ слово предъ его величествомъ, а то что бы онъ съ вами сдѣлалъ... Какой онъ изрекъ для васъ приговоръ!.. Я думаю, сказывали вамъ ваши собраты, которые отъ васъ были посланы съ прошеніемъ... Дѣйствительно, вы это и заслужили, и жалѣть васъ, негодяевъ, не стоитъ, но жаль вашихъ несчастныхъ женъ, невинныхъ малютокъ... Да... можетъ быть, и изъ среды васъ многіе ни душой, ни тѣломъ невиновны въ этомъ; поэтому мнѣ за невинныхъ стало больно, и я осмѣлился возразить моему всемилостивѣйшему монарху...

Графъ Орловъ очень былъ разстроенъ, голосъ его дрогнулъ... Многіе изъ насъ, стоя въ рядахъ баталіона, втихомолку утирали слезы... и горячо въ душѣ молили Бога за добраго заступника нашего, графа Орлова...

— Слушайте вы, — продолжалъ графъ Орловъ, не много успокоившись, — что я вамъ сейчасъ прикажу, то вы и должны въ точности исполнить... Хотя государь императоръ и измѣнилъ, по моему ходатайству, первоначальный заслуженный вами приговоръ, но я не знаю еще, что будетъ угодно его величеству съ вами сдѣлать... Онъ, всетаки, васъ не проститъ за такіе звѣрскіе, безчеловѣчные поступки... Поэтому вы должны сами просить его величество о помилованіи васъ и о смягченіи заслуженнаго многими наказанія... Завтрашняго числа онъ самъ изволить сюда прибыть: вотъ что вы надѣлали, болваны, потревожили такую высокую особу къ вамъ, негодяямъ, пожаловать... Ну, такъ слушайте: когда пожалуетъ сюда къ вамъ его величество, то вы всѣ должны упасть на землю ницъ лицомъ и лежать до тѣхъ поръ, пока его величество васъ не проститъ. Если онъ строго прикажетъ вамъ: «встать!», то вы хотя и встанете, но не на ноги, а на колѣни, и, стоя на колѣняхъ, просите прощенія... Просите такъ: «виноваты, ваше императорское величество, великій государь, прости насъ, непотребныхъ рабовъ твоихъ... Не знаемъ мы, что такое съ нами случилось!»... Помните это! Ну, теперь расскажите, гдѣ же убитые вами начальники?..

Ему рассказали, куда ихъ положили... Онъ покачалъ головой.

— Ну, и молодцы же вы!! Ну, дозавтра. Завтра должны быть всѣ здѣсь и ожидать прибытія его величества и затѣмъ поступить такъ, какъ я вамъ приказалъ...

Всю ночь мы провели почти безъ сна въ ожиданіи завтрашняго дня, отъ котораго зависѣла наша участь, наша будущая жизнь... Чего, чего мы не передумали! Чѣмъ-то наградить насъ нашъ правосудный монархъ?

Часовъ въ 6 утра, весь баталіонъ уже былъ собранъ въ манежъ. Капитанъ Костыревъ выстроилъ насъ поротно; вновь

назначенные наши временные ротные командиры изъ унтеръ-офицеровъ находились каждый при своей ротѣ... На всѣхъ лицахъ былъ виденъ страхъ... Всѣ ожидали чего-то страшнаго, не имѣя никакой надежды на милосердіе государя...

Въ 10 часовъ утра прибылъ государь императоръ... Какъ только онъ вошелъ въ манежъ, то, окинувъ быстрымъ, орлинымъ взглядомъ баталіонъ, быстро направился на средину. Не успѣлъ онъ сдѣлать двадцать или тридцать шаговъ, какъ люди, помня приказаніе графа Орлова, точно пораженные громовымъ ударомъ, мгновенно упали на землю и поверглись внизъ лицомъ, произнеся: «виноваты, ваше императорское величество!»... И затѣмъ все стихло...

Государь, пораженный такимъ поступкомъ всего баталіона, пріостановился, но сейчасъ же пошелъ далѣе, но не такъ уже скоро и не съ тѣмъ грознымъ видомъ, съ которымъ вошелъ. Остановясь на среднѣй манежа противъ баталіона, онъ сказалъ:

— Со скотами не здороваются, а тѣмъ болѣе съ такими дикими звѣрями, какъ вы! Что вы надѣлали?! Какъ вы осмѣлились рубить головы своимъ начальникамъ, которыхъ я вамъ назначилъ?... Вы вѣдь все равно, что на меня подняли руки... Вставайте, палачи...

Но никто ни пошевельнулся: всѣ люди продолжали лежать, какъ убитые...

Государь опять началъ говорить:

— Какъ вы осмѣлились прислать ко мнѣ съ просьбой такихъ же негодяевъ, какъ вы сами... съ окровавленными руками и бумагой, испачканной въ крови?... Встать! я приказываю: солдаты должны стоять, а не лежать...

Не успѣлъ государь еще кончить рѣчи, какъ до тысячи головъ закричали: «простите, ваше величество, нашу тяжкую вину, въ будущемъ мы постараемся заслужить»...

— Но я приказываю вамъ встать... Что же, вы меня слушаетесь?!

Баталіонъ поднялся, но на ноги не всталъ, а оставался на колѣняхъ.

— Ваше императорское величество, явите свою монаршую милость, простите насъ, непотребныхъ рабовъ...

Среди этого возгласа раздавались всхлипыванія и даже плачь... Государь, увидя слезы, пришелъ въ нѣкоторое смущеніе и хотя повелительнымъ, но уже мягкимъ голосомъ сказалъ:

— Такъ и быть прощаю васъ, негодяи... Встать на ноги, по-солдатски!..

Баталіонъ всталъ и выровнялся безъ особой команды...

— Но прощаю съ тѣмъ, чтобы выдали мнѣ виновныхъ... Я хотя лично и прощаю, но законъ требуетъ справедливости, виновные, всетаки, должны быть по мѣрѣ преступленія наказаны...

Увидя въ строю баталіона на правомъ флангѣ высокаго роста поселянина со знакомъ военнаго ордена на груди и медалью за 1812 годъ и за взятіе Парижа, государь быстро подошелъ къ нему...

— Старикъ! Ты, кажется, когда-то былъ порядочнымъ солдатомъ, а теперъ что ты сдѣлалъ?..

— Ваше императорское величество, я и теперъ ничего худаго не сдѣлалъ... Я только тѣмъ виноватъ, что не могъ остановить прочихъ... Не робѣлъ я въ Бородинскомъ сраженіи, но тутъ было не въ моей власти, а во власти самого Господа... Угодно было Его святой волѣ наказать тѣхъ и другихъ за наши грѣхи...

— Ну, спасибо и на этомъ, старикъ...

Затѣмъ государь обратился къ баталіонному командиру и сказалъ:

— Нашить старику галуны... Ну, и тебѣ спасибо, что умѣлъ избавиться отъ этихъ негодяевъ... Какъ твоя фамилія?

— Капитанъ Костыревъ, ваше величество.

— А кто же тебя назначилъ баталіоннымъ командиромъ?

— Я, ваше величество, единогласно избранъ поселеннымъ баталіономъ, и они же насильно прицѣпили мнѣ эполеты...

— Ну, когда ты избранъ хотя и сумасброднымъ баталіономъ, то оставайся же въ этомъ званіи и поздравляю тебя маіоромъ... Пусть уже будетъ такъ...

Костыревъ поблагодарилъ государя императора за его щедрую милость... Затѣмъ государю благоугодно было узнать, гдѣ убиты офицеры и чиновники. Костыревъ объяснилъ подробно, гдѣ и какъ уложены несчастныя жертвы сумасбродства поселянь... Государь, выслушавъ его, съ грустью сказалъ:

— Жаль, очень жаль, что не оставили ихъ въ живыхъ!..

Въ это время къ государю подошли жены несчастныхъ страдальцевъ и стали предъ нимъ на колѣни; государю доложили объ этомъ, и онъ, обратясь къ нимъ, спросилъ:

— Что вамъ надо?

— Ваше величество,—заголосили женщины,—будьте милостивы, позвольте намъ похоронить нашихъ мужей по обрядамъ нашей религіи...

— Я думаю, что къ трупамъ, которые пролежали столько времени на такой жарѣ, неудобно и приступиться... Пусть ужъ лежать, какъ уложены. Если вамъ желательно поставить надъ ними памятникъ, то я разрѣшаю... Вынимать же ихъ изъ ямы, гдѣ они лежать, я отнюдь не дозволяю, да они... лучшей могилы и не заслуживаютъ, потому что худо, безпечно смотрѣли за своими подчиненными, совершившими такое преступленіе, которое приводитъ въ содроганіе самаго нечувствительнаго человѣка. Они, живя въ средѣ своихъ подчиненныхъ, не могли имъ внушить и разъяснить, что такое за болѣзнь холера и какія отъ нея послѣдствія. Если бы

имъ все въ подробности было разъяснено, то они и не имѣли бы на нихъ нелѣпыхъ подозрѣній, и, конечно, не вышло бы изъ этого никакого несчастнаго недоразумѣнія... послѣдствіемъ котораго они пали жертвой... Да и тѣмъ, которые такъ звѣрски поступили съ ними, придется поплатиться тою же монетою, а, пожалуй, еще и хуже...

Окончивъ свою рѣчь, государь императоръ, ни съ кѣмъ не прощаясь, въ сопровожденіи пріѣхавшей съ нимъ свиты, вышелъ изъ манежа и вскорѣ уѣхалъ...

По отъѣздѣ государя, баталіонный командиръ Костыревъ сразу перемѣнился и уже не со страхомъ, а повелительнымъ, начальническимъ голосомъ началъ отдавать приказанія. Первымъ дѣломъ, онъ приказалъ поставленнымъ имъ же ротнымъ командирамъ изъ поселенныхъ унтеръ-офицеровъ, чтобы въ слободахъ былъ водворенъ порядокъ и тишина, и люди занялись хозяйствомъ. Распредѣливъ присланныхъ казаковъ поротно, онъ велѣлъ отвести имъ квартиры и въ случаѣ какой либо неурядицы обращаться за содѣйствіемъ къ нимъ, а они будутъ доносить ему; при этомъ добавилъ, что, вѣроятно, скоро будутъ назначены новые ротные командиры изъ дворянъ, и затѣмъ распустилъ всѣхъ по домамъ.

Грустные, печальные разбрелись поселяне по своимъ слободамъ... Придя домой, каждый передавалъ своимъ домашнимъ то, что слышалъ отъ государя, и вообще рассказамъ не было конца...

Всѣ упали духомъ и находились въ такомъ страхѣ, что упаси, Господи... Особенно жалки были тѣ самые отчаянные буяны, которые еще недавно съ такимъ злорадствомъ и самохвальствомъ не щадили никого... Они очень хорошо поняли слова государя, что онъ хотя и простилъ, но простилъ только тѣхъ, кто никакихъ злодѣйствъ не дѣлалъ и не принималъ участія въ беспорядкахъ... да и то прощенія этого было тогда только возможно ожидать, когда они по совѣсти выдадутъ соучастниковъ бунта, не скрывая ни отца, ни сына, ни брата, ни свата.

Буяны приуныли и покорились волѣ Божіей; надѣясь на милосердіе своего монарха, они не думали ни скрываться, ни убѣгать... «Такъ вѣрно угодно Богу,—говорили недавніе звѣри,—за наши грѣхи Онъ послалъ на насъ такое помраченіе ума... и мы сдѣлались злѣе и кровожаднѣе голодныхъ волковъ»...

Дѣло было въ концѣ іюля; полевая работа была въ самомъ разгарѣ, но работа не спорилась, шла вяло, всѣ люди ходили, точно въ воду опущенные; одна мысль, одна дума засѣла у каждаго въ головѣ: что-то будетъ, что-то будетъ!..

Высшее начальство, однако, не дремало. Въ первыхъ числахъ августа, въ Новгородѣ была учреждена военно-судная комиссія для разслѣдованія этого дѣла. Слѣдствіе пошло быстро, благодаря тому, что нашлось много явныхъ уликъ и доказательствъ. Посе-

лянинъ нашей резервной роты, унтеръ-офицеръ Русаковъ, который, какъ я говорилъ ранѣе, первый взбунтовалъ нашу роту и ударилъ по лицу капитана Дасаева, узнавъ объ учрежденной комиссiи, тотчасъ явился въ Новгородъ къ предсѣдателю съ доносомъ на тѣхъ людей, которые, благодаря его же наущенiю, надѣлали столько непоправимыхъ бѣдъ... Онъ объяснилъ комиссiи, что съ начала бунта внимательно слѣдилъ за тѣми людьми, которые совершали буйства, и обѣщалъ все подробно изложить на бумагѣ, но съ тѣмъ, чтобы его защитили отъ мести тѣхъ людей, на которыхъ онъ будетъ показывать и которые могутъ его оговорить. Коммиссiя обѣщала ему защиту и дала письменное приказанiе забирать всѣхъ виновныхъ въ буйствѣ людей и съ помощiю казаковъ представлять въ Новгородъ... Такимъ образомъ, этотъ мерзавецъ и негодѣй, первый зачинщикъ бунта, сумѣлъ вывернуться изъ бѣды... и началъ забирать всѣхъ, кто хотя сколько нибудь и чѣмъ нибудь былъ замѣшанъ въ буйствѣ... Вотъ тутъ-то началось печальное зрѣлище, пошли розыски, допросы... Русаковъ покажетъ на пятерыхъ, а эти пятеро оговорятъ каждый по десяти человѣкъ. По оговору немало попало и совершенно невиновныхъ.

Въ теченiе какихъ нибудь двухъ мѣсяцевъ, августа и сентября, всѣ нити этого дѣла были открыты, всѣ виновные найдены, осуждены и приговорены каждый по своей заслугѣ... Въ первой половинѣ ноября началась награда всѣмъ оказавшимъ столько безчеловѣчной жестокости къ своему начальству... Тюрьма въ Новгородѣ, гауптвахты въ штабахъ были переполнены этими погибшими людьми; ихъ содержали подъ строжайшимъ карауломъ; пишу давали самую скудную, лишь бы не умерли съ голоду... Наказанiе было производимо въ нашемъ полковомъ штабѣ, куда и приводили арестованныхъ изъ Новгорода... Приводили ихъ ежедневно, не болѣе 100 человѣкъ сразу, окруженными конвоемъ изъ эскадрона драгунъ и подъ охраною нѣсколькихъ артиллерiйскихъ орудiй; всѣ эти доблестные мерзавцы были закованы... Страшная была картина: стонъ и плачь несчастныхъ, топотъ конницы, лязгъ кандаловъ и барабанный, душу раздирающiй, бой—все это перемѣшалось и носилось въ воздухѣ... Когда привели первую партiю къ намъ на плацъ, то ихъ невозможно было узнать, до того они были исхудалы, печальны и обросли, что не походили и на людей... Партiя эта растянулась на плацу на пространствѣ 200 сажень... Мѣстное начальство, принявъ ихъ, помѣстило на ночлегъ въ штабную гауптвахту... На другой день, рано утромъ, былъ собранъ поселенный баталiонъ сперва въ манежѣ, а потомъ его вывели на плацъ, гдѣ уже стоялъ полубаталiонъ гренадерскаго Астраханскаго полка въ боевой аммуници, въ составѣ 500 человѣкъ, назначенный для экзекуци шпицрутенами. Поселенный же нацѣ баталiонъ былъ выстроенъ въ 50 шагахъ отъ полка, съ такимъ расчетомъ,

чтобы люди были зрителями, какъ будутъ наказывать нашихъ собратьевъ за прежніе ихъ подвиги, хотя не дѣломъ, а только еще словомъ да крикомъ, такъ какъ тѣхъ, кто поднималъ руки, ожидала другая участь. На флангахъ баталіона стояла артиллерія, по четыре орудія на каждомъ флангѣ, заряженныя картечью, изъ опасенія, чтобы опять не вспыхнуло мятежа между военными поселянами, такъ какъ въ числѣ наказываемыхъ были близкіе сердцу родные: дѣти, отцы, мужья и тому подобныя... Для ббльшей безопасности кругомъ плацъ-парада гарцовали два эскадрона драгунъ...

Вскорѣ пріѣхалъ генераль Даниловъ, назначенный для наблюденія за порядкомъ во время экзекуцій. Поздоровавшись съ Астраханскимъ полкомъ, онъ началъ говорить солдатомъ, что когда придетъ очередь наказывать бунтовщиковъ поселянъ,—не шадите ихъ, ибо кто окажетъ имъ малѣйшую слабость, того онъ сочтетъ за пособника и ослушника воли начальства, а слѣдовательно за такого же бунтовщика, какъ и поселяне... «Стегать ихъ, шельмецовъ, безъ милосердія, по чему ни попало»... прибавилъ онъ. Затѣмъ, обратился къ военнымъ поселянамъ, собравшимся для присутствованія при экзекуціи:

— Ну, что, разбойники, головорѣзы?! Что вы надѣлали?.. Вотъ теперь любуйтесь, какъ будутъ потчевать вашу братію!..

Послѣ того, онъ скомандовалъ войскамъ: «Смирно! На караулъ!» Адъютантъ прочиталъ бумагу: кого за что судили и къ какому наказанію присудили. Оказалось, что 60 человѣкъ приговорены къ прохожденію сквозь строй, а 30—къ наказанію розгами. Изъ числа 60 человѣкъ 20 должны были пройти восемь разъ чрезъ 500 человѣкъ, то-есть, получить 4.000 ударовъ, 10 человѣкъ—3.000 ударовъ, 15 человѣкъ—2.000 ударовъ и 15 человѣкъ по 1.000 ударовъ,—наказаніе было на столько немилосердно, что врядъ ли изъ 60 человѣкъ осталось въ живыхъ десять... Многихъ, лишившихся чувствъ, волокли и, всетаки, нещадно били... Были случаи, что у двоихъ, или троихъ, выпали внутренности... По плачу раздавались стоны, вопли, крики, просьбы о милосердіи, о пощадѣ, но ничто уже не помогло... Правосудіе совершалось и никѣмъ нарушаемо не было... У нѣкоторыхъ несчастныхъ, какъ, на примѣръ, у поселянина Егора Степанова, выхлеснули глазъ, и такъ водили, а глазъ болтался; Морозова, который писалъ прошеніе отъ имени поселянъ, били нещадно; не смотря на его коренастую фигуру, высокой ростъ, онъ не вытерпѣлъ наказанія, потому что его наказывали такъ: бьютъ до тѣхъ поръ, пока не обломаютъ палокъ, потомъ поведутъ опять, тамъ опять остановятъ, пока не обломаютъ палокъ, ему пробрили бокъ, и онъ тутъ же въ строю скончался, не пройдя положенныхъ 1.000 ударовъ...

Экзекуціей второй партіи распоряжался уже не генераль Даниловъ, а генераль Стессель, который былъ къ намъ столь же немилосер-

стивъ, такъ какъ изъ числа 43 человѣкъ едва ли осталось въ живыхъ пять.. Послѣ генерала Стесселя, назначенъ былъ генералъ Скобелевъ, который уже присутствовалъ при наказаніи самыхъ отъявленныхъ убійцъ и тѣхъ, которые налагали руки на своихъ начальниковъ; всѣхъ такихъ было 36 человѣкъ, изъ нихъ: 2—по наказанію 60 ударами кнутомъ сосланы въ каторгу на 12 лѣтъ, въ числѣ ихъ былъ и поселянинъ Поляковъ; 7 человѣкъ приговорены къ 50 ударамъ и къ 12-лѣтней каторгѣ; 4—къ 45 ударамъ и къ 10-лѣтней каторгѣ; 8 человѣкъ къ наказанію 35 ударами и 8-лѣтней каторгѣ; въ этомъ числѣ были: капральный Горшковъ и Николаевъ; остальныхъ присудили къ наказанію кнутомъ и ссылкой въ каторгу отъ 6 до 4 лѣтъ, затѣмъ остальныхъ 4—сквозь строй по 4.000 ударовъ.. Къ концу ноября расправа съ прекратителями холеры была окончена. Всѣхъ преступниковъ отослали по назначенію, а насъ, оставшихся поселянъ, переименовали въ пахотные солдаты; поселенные баталіоны названы были округами, роты волостями и т. д. Облекли насъ, рабовъ грѣшныхъ, въ сѣрые кафтаны, фуражки дали сѣрыя, штаны тоже сѣрыя и уподобили насъ симъ одѣяніемъ арестантамъ въ исправительныхъ ротахъ.

П. Павловъ.

ДУРОВЪ-АЛЕКСАНДРОВЪ.

(Биографическая замѣтка).

В СЕНТЯБРЬСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1890 годъ была помѣщена біографія извѣстной героини и писательницы Надежды Андреевны Дуровой-Александровой, по мужу Черновой, написанная С. Некрасовой. Авторъ сожалѣетъ, что о пребываніи ея въ городѣ Елабугѣ, гдѣ она прожила послѣднія 25 лѣтъ своей жизни и скончалась, не имѣется почти никакихъ свѣдѣній.

Мнѣ хотѣлось восполнить этотъ пробѣлъ по воспоминаніямъ очевидцевъ, которые до сихъ поръ живутъ въ Елабугѣ и хорошо знали Дурову. Однако, собранные свѣдѣнія и факты изъ жизни Дуровой не заслуживаютъ на столько вниманія, чтобы о нихъ стоило говорить подробно. Жизнь Дуровой была слишкомъ однообразна и монотонна, одинъ день былъ такъ похожъ на другой, и это впродолженіе цѣлой четверти столѣтія.

Въ Елабугѣ она поселилась въ началѣ 1841 года, окончивъ навсегда свою литературную дѣятельность повѣстями: «Ярчукъ, собака духовидецъ» и «Уголь». Критика приняла довольно сухо послѣднія произведенія Дуровой. Бѣлинскій о повѣсти «Ярчукъ» говоритъ, что читатель едва ли пойметъ «хоть что нибудь въ этой грудѣ нескладныхъ небылицъ». И вотъ наша современная литература! Въ кучѣ книгъ вы видите одну съ именемъ автора (то-есть Дуровой), котораго первыя сочиненія обнаружили замѣчательныя дарованія, съ жадностью хватаетесь за нее, и что же? прочитываете двѣ-три страницы и бросаете... Ничего нѣтъ тяжелѣе обма-

нутаго ожиданія, ничего нѣтъ тяжелѣе, какъ перелистывать груды книгъ

«И все затѣмъ, чтобы сказать,
«Что ихъ не надобно читать»¹⁾).

Какія причины заставили ее совсѣмъ умолкнуть и бросить перо, сказать что либо положительное трудно. Я не думаю, однако, чтобы тутъ было замѣшано оскорбленное авторское самолюбіе, недостатокъ матеріала, или упадокъ физическихъ и умственныхъ силъ,—нѣтъ, послѣ бурной и кипучей военной жизни, послѣ усиленной литературной работы (послѣднее время она писала чуть не каждый мѣсяцъ по повѣсти), наступила реакція, энергія и живость смѣнились равнодушіемъ и апатіей ко всему. Она предалась совершенно спокойной, чуждой всякихъ тревоженій, жизни, которая изо дня въ день тянулась однообразно.

Вставала она всегда очень рано, въ силу привычки во время прежней военной жизни, да и лай, визгъ, ворчаніе цѣлой своры изъ 7—8 собакъ, давали-таки себя знать. Дурова до страсти обожала собакъ. Онѣ отнимали у нея большую часть дня, служили главнымъ предметомъ ея заботъ и попеченій, доставляя ей величайшее удовольствіе, радость, утѣшеніе. Сколько надо было времени, чтобы мыть, кормить и лечить эту стаю. Часовъ въ 7—8 утра она гуляла въ сопровожденіи собакъ, и бѣда была тому, кто вздумалъ бы обидѣть послѣднихъ. Нѣкоторые платились за это серьезно и привлекались ею къ суду.

Одѣта она была всегда въ мужской костюмъ: длинный, черный сюртукъ, узкіе брюки; на головѣ у нея была высокая черная шляпа, а въ рукахъ трость, на которую она опиралась. Она старалась ходить прямо, на сколько позволяли ея лѣта и силы, и имѣла поступь твердую. Держалась она всегда, какъ мужчина, и не любила, когда обращались къ ней въ рѣчи, какъ къ женщинѣ, сердилась и дѣлала довольно рѣзко замѣчанія. Въ одной изъ ея квартиръ, на оконномъ стеклѣ, вмѣсто визитной карточки, было написано алмазомъ «Дуровъ».

Послѣ прогулки она возвращалась домой и пила чай, который очень любила. За столомъ и подъ столомъ сидѣли и пили чай собаки. Часовъ въ 6 или 7 вечера она отправлялась опять на прогулку и иногда заходила къ комунибудь изъ сосѣдей по дѣламъ, касавшимся ея незатѣйливаго хозяйства. Она была веселой собеседницей и шутницей, держала себя просто и доступно, а это было въ то время, говоритъ одинъ изъ ея знакомыхъ, рѣдкостью, «въ особенности стъ такой персоны, имѣющей полковничій чинъ».

Людей близкихъ, съ которыми она находилась бы въ дружественныхъ отношеніяхъ, было не много: священникъ Николаевской

¹⁾ Соч. В. Бѣлинскаго, Москва, 1859 года, ч. IV, стр. 128.

церкви К. Спасскій и жена смотрителя уѣзднаго училища С—ская. Она была знакома съ о. Петромъ Кулыгинскимъ¹⁾, священникомъ Покровской церкви, авторомъ нѣсколькихъ сочиненій по исторіи мѣстнаго края. Записки и воспоминанія этого просвѣщеннаго чело-вѣка, переданныя имъ одному изъ своихъ родственниковъ, къ сожалѣнію, утрачены, а изъ нихъ можно было бы почерпнуть мно-гія свѣдѣнія о Дуровой. Къ своему брату, бывшему городничимъ въ Елабугѣ, она ходила очень рѣдко, только въ силу необходимо-сти, большею частію на праздники или именины. Переписки она ни съ кѣмъ не вела, лишь очень рѣдко писала своему сыну; од-нако никто изъ ея знакомыхъ не помнитъ, чтобы въ послѣдніе годы сынъ ея пріѣзжалъ къ ней. Вообще, говорятъ, отношенія ме-жду сыномъ и матерью были холодныя, какъ будто они были чу-жіе другъ другу.

Дурова не любила вспоминать о прежнемъ славномъ времени, своихъ подвигахъ и бурной жизни; ее съ трудомъ можно было вызвать на разговоръ объ этомъ, при чемъ отвѣты ея были одно-сложны и кратки. Чѣмъ объяснить это? Она боялась какъ будто вспоминать о томъ давно минувшемъ прошломъ, представлявшемся ей счастливой мечтой, чтобы не смутить своего духа и не растре-вожить сердца. Никто не видѣлъ ея въ военной формѣ даже въ высокаторжественные дни, она избѣгала всякихъ публичныхъ со-браній и торжествъ.

Къ литературной славѣ своей она относилась болѣе, чѣмъ рав-нодушно, даже не берегла своихъ рукописныхъ сочиненій. Нѣко-торыя изъ ея рукописей лакеемъ ея были подарены своимъ зна-комымъ; одна изъ нихъ почти до послѣдняго времени сохранялась въ домѣ Ф—на, и въ ней описывались ея походы. Надо думать, что это былъ отрывокъ изъ ея «Записокъ».

Жила она просто, но ни въ чемъ себѣ не отказывала; полу-чаемую ею пенсію въ 1.000 рублей она всю проживала, и по смерти ея нашли лишь 1 рубль. Прислугой у нея былъ одинъ лакей; онъ жилъ до самой ея смерти, пріобрѣлъ себѣ домъ и имѣлъ средства. По словамъ С—ва, онъ и сейчасъ еще живетъ въ Казани, дрях-лымъ старикомъ.

Передъ смертью она вела жизнь еще болѣе замкнутую и уеди-ненную. Можно безъ преувеличенія сказать, что она была исклю-чительно занята своими собаками, ухаживала за ними, горько опла-кивала ихъ смерть, собственноручно вырывала для нихъ могилу въ саду, какъ это было въ домѣ С—ва.

Тихо и спокойно скончалась Дурова 21-го марта 1866 года, на 83 году своей жизни. Ея другъ, протоіерей Николаевской церкви

¹⁾ Біографическая замѣтка о немъ напечатана мною въ «Календарѣ Вят-ской губерніи 1893 г.», подъ заглавіемъ: «Священникъ П. Н. Кулыгинскій».

К. Спасскій, проводилъ 24-го марта бранные останки ея на кладбище Троицкой церкви, гдѣ она и похоронена. «Похороны дѣвицы кавалериста почтилъ мѣстный кадровый баталіонъ приличнымъ воинскимъ конвоемъ, проводившимъ ее до могилы; Георгіевскій

Могила Дуровой-Александровой.

крестъ несь офицеръ; провожавшихъ печальную церемонію было весьма мало¹⁾, потому что выносъ сдѣланъ былъ очень рано».

Въ метрической книгѣ Николаевской церкви за 1866 годъ въ части 3-й, объ умершихъ, записано такъ: «21-го марта 1866 года умерла, а 24-го марта погребена, штабъ-ротмистръ, по выданному билету на отставку изъ военной службы отъ 24-го апрѣля 1817

¹⁾ № 40 «Вятскихъ Губѣрнскихъ Вѣдомостей за 1866 г.

года № 2362, дворянка по рождению и крещению Надежда Андреевна Дурова». Въ графѣ о лѣтахъ ей обозначено 73 года, а причиной смерти выставлена старость. Между тѣмъ на памятникѣ ея число лѣтъ обозначено 78, а днемъ смерти считается 29-го марта 1866 года, тогда какъ въ биографіи ея, напечатанной въ «Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1866 годъ, число лѣтъ 73, а день смерти—22-е марта. Безъ всякаго сомнѣнія, она умерла 21-го марта 1866 года, какъ это записано въ метрической книгѣ протоіереемъ Спасскимъ, но о лѣтахъ ея онъ могъ и не знать точно, по неимѣнію данныхъ, и написалъ приблизительно, то-есть 73 года. Если бы Дуровой было 73 года при ея смерти, то годъ рожденія ея былъ бы 1793, а не 1783, какъ это слѣдуетъ считать. Извѣстно, что Дурова вѣнчалась съ Черновымъ 25-го октября 1801 года, что опровергаетъ упомянутыя выше мнѣнія о ея лѣтахъ. Наконецъ, г-жа Некрасова въ «Историческомъ Вѣстникѣ» указываетъ на 1783 годъ, какъ годъ рожденія Дуровой, на основаніи выписки изъ метрическихъ книгъ.

Вскорѣ послѣ смерти Дуровой, ей былъ поставленъ скромный надгробный памятникъ ея почитательницею Стр—скою, съ которою она была въ дружественныхъ отношеніяхъ. Онъ состоялъ изъ каменной плиты длиною въ 6 четвертей, вышиною въ 4 четверти, шириною у изголовья 3 четверти, а у ногъ 2 четверти. Прошло 25 лѣтъ, и нѣкоторые знакомые Дуровой умерли, другіе выѣхали изъ Елабуги, а въ числѣ послѣднихъ Ст—ская. Надгробный памятникъ занесло пескомъ, онъ обросъ мхомъ и травой, вдавился въ землю, а надпись на немъ можно было разобрать съ величайшимъ трудомъ, поэтому неудивительно, что она потомъ была нѣсколько измѣнена. Въ 1890 году, мѣщанинъ Фадихинъ, знавшій Дурову въ молодости, поднялъ плиту съ земли, покрылъ ее краскою и возобновилъ надпись на ней, какъ онъ говоритъ, въ томъ самомъ видѣ, какъ она была и ранѣе, лишь добавлены послѣднія слова. Изъ прилагаемаго рисунка видно, что эпитафія состояла изъ слѣдующихъ словъ:

«Здѣсь покоится прахъ рабы Божіей
Надежды Андреевны Дуровой-
Александровъ. Скончав. 29 марта
1866 г. 78 лѣтъ отъ роду».

А поновилъ Фадихинъ Ф. П.

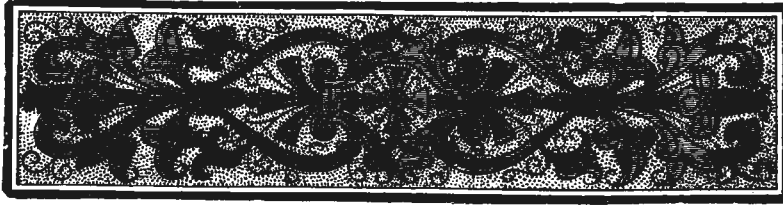
Какъ это часто бываетъ, возобновилъ памятникъ не какойнибудь богатый человекъ (а такихъ, лично знавшихъ Дурову, не мало въ Елабугѣ), а мелкій торговецъ, сдѣлавшій это не изъ какихъ либо корыстныхъ или честолюбивыхъ побужденій, а по добротѣ своего сердца, «по старой памяти,—говоритъ онъ,—къ знаменитой нѣкогда воительницѣ».

Въ заключеніе долженъ сказать, что заглавіе моей замѣтки «Дуровъ-Александровъ» сдѣлано не безъ цѣли. Дурова считала себя всегда мужчиной, носила мужской костюмъ, старалась подражать манерами, голосомъ, походкой, мужчинамъ и не позволяла обращаться къ себѣ иначе, тѣмъ болѣе, что императоръ Александръ I приказалъ называться ей Александровымъ. Пусть же въ потомствѣ слыветъ она, по ея желанію, подъ фамиліей Дуровъ-Александровъ.

Р. С. Недавно мы узнали, что одинъ изъ гражданъ города Елабуги, П. К. У., намѣренъ поставить на могилѣ Дуровой ея мраморный бюстъ. Остается пожелать, чтобы эта прекрасная мысль была приведена какъ можно скорѣе въ исполненіе.

Н. Кутше.

БѢЛЫЙ ГЕНЕРАЛЪ.

(По воспоминаніямъ крестьянина Никиты).

УССКО-ТУРЕЦКАЯ война 1877—1878 годовъ выдвинула и прославила Михаила Дмитріевича Скобелева. Съ тѣхъ поръ личность его сдѣлалась почти легендарной и извѣстной всему свѣту, преимущественно подъ именемъ «бѣлаго генерала», потому что Скобелевъ во всѣхъ битвахъ находился впереди своихъ войскъ непременно на бѣломъ конѣ, одѣтый въ бѣлый китель и бѣлую фуражку. Такое пристрастіе къ бѣлой лошади объясняли излишней храбростью, фатализмомъ, желаніемъ выказать полное пренебреженіе къ опасности и т. п. Но мнѣ, совершенно случайно, пришлось услышать рассказъ, который указываетъ еще на одну причину пристрастія Скобелева къ бѣлой лошади.

Вскорѣ послѣ печальной кончины Скобелева, въ Москвѣ, въ 1882 году, я долженъ былъ объѣхать нѣкоторыя отдаленныя окрестности Петербурга и, между прочимъ, южный берегъ Финскаго залива до Красной Горки, лежащей въ 25-ти верстахъ за Ораніенбаумомъ. Мѣстность здѣсь необыкновенно живописная. Весь берегъ моря усеянъ небольшими деревеньками, поросъ хвойными лѣсами и испещренъ историческими памятниками. Здѣсь у подножія горы видны батареи, съ которыхъ въ 1854 году палили изъ пушекъ въ англійскій флотъ, дерзавшій прорваться черезъ Кронштадтъ къ Петербургу. Отсюда, съ высоты самаго берега, господствующаго

надъ моремъ на сотни футовъ высоты, открывается чудная картина на Финскій заливъ. Нѣсколько вправо бѣлѣтъ въ туманѣ городъ Кронштадтъ, а влѣво, какъ верстовой столбъ, среди моря одиноко рѣшетъ Толбухинъ маякъ.

Проѣзжая одну за другою прибрежныя деревеньки, я остановился, между прочимъ, въ Малой Бронной, чтобы выпить стаканъ молока. Разговорившись при этомъ съ молочницей-старушкой, я узналъ случайно, что здѣсь въ 1868 году жилъ генераль Скобелевъ, будучи еще тогда офицеромъ генеральнаго штаба. А такъ какъ эта свѣтлая личность еще была свѣжа въ моей памяти, то я и полюбопытствовалъ разспросить о его пребываніи здѣсь.

— А гдѣ же онъ жилъ тутъ? — спросилъ я старушку-молочницу, мою собесѣдницу.

— Да вотъ, батюшка, у крестьянина Никиты, — отвѣчала она.

Я отыскалъ Никиту безъ труда, такъ какъ старушка указала мнѣ его хату.

Никита на мое счастье былъ дома. Онъ оказался уже человѣкомъ довольно пожилымъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ. Хатенка у него была самая убогая. Старая, ветхая и мрачная, она едва держалась на своихъ четырехъ углахъ. Вся ея обстановка также не внушала ничего отраднаго и обнаруживала полную нищету хозяина дома. При появленіи въ такомъ убогомъ жилищѣ подстольнаго крестьянина, какъ бы имѣющаго право по своему особому положенію здѣсь на лучшее житіе, петербургскому жителю становится какъ-то жутко, боязно за человѣка и страшно за себя, когда появляешься среди такой нищеты...

— Мнѣ бы вотъ тутъ крестьянина Никиту хотѣлось повидать? — обратился я къ мужичку, сидѣвшему въ хатѣ и что-то трепавшему въ рукахъ — не то онучи, не то что другое.

— Я Никита, — отвѣтилъ тотъ. — На что тебѣ?

— Да, вотъ, милый человѣкъ, мнѣ сейчасъ сказывали здѣсь, на деревнѣ, у молочницы, что у васъ когда-то генераль Скобелевъ жилъ.

— Живаль!... А тебѣ на что?

— Да вотъ онъ теперь умеръ, а я интересуюсь его прошлымъ.

— Умеръ?!... — съ какимъ-то отчаяніемъ произнесъ мужичекъ, упирая на слово и выпучивая на меня глаза, какъ бы желая тѣмъ сказать мнѣ: да что же ты меня мучить еще пришелъ, я уже и безъ того добить совсѣмъ.

— Да, умеръ! — подтвердилъ я.

И крестьянинъ набожно перекрестился, умильно смотря въ уголь, гдѣ висѣла икона Спасителя.

— Умеръ!... — какъ-то судорожно повторилъ онъ, опустивъ голову на грудь и надолго замолчавъ. — Царство ему небесное, — почти

сквозь слезы проговорилъ мужичекъ, какъ бы пробуждаясь послѣ своей глубокой мысли.

— Ты бы присѣлъ,—послѣ долгаго молчанія сказалъ мнѣ мужичекъ совсѣмъ тихимъ голосомъ, какъ бы нехотя, кивнувъ слегка головою въ лѣвую сторону, гдѣ помѣщалась деревянная скамейка, на которую онъ указалъ взоромъ, не поднимая глазъ на меня.

Я принялъ его предложеніе и помѣстился противъ него, не обращая никакого вниманія на его мѣстоименіе «ты» вмѣсто моего «вы», которое я адресовалъ ему.

— Умеръ!... вотъ оно что!...—опять тихо проговорилъ Никита, отворачивая лицо въ сторону такъ, что я совсѣмъ не могъ видѣть его, но чувствовалъ, что на немъ отражается глубокая скорбь мужичка, вызванная извѣстіемъ о смерти Михаила Дмитриевича.

— И съ чего бы это казалось?...—продолжалъ онъ,—человѣкъ еще не старый, жизнь велъ праведную, какъ монахъ, можно сказать... Вотъ оно что!... Умеръ!...

— А что, вамъ развѣ жалко его?—спросилъ я.

— Жалко!... эко тоже сказалъ!... Жалко!... Да не то что жалко, а кажись...

И онъ, не докончивъ своей мысли, еще разъ поднялъ очи къ иконѣ Спасителя и трижды перекрестился.

— Ну, и новость же, баринъ, ты принесъ намъ!

— А что?

— Да больно ужъ огорошилъ!

— А вы развѣ не слышали объ этомъ?

— Да гдѣ-жъ намъ слышать-то! Ворона на хвостѣ что ли принесетъ. Въ городъ я не ѣзжу, газетъ читать не умѣю, а изъ сосѣдей никто не сказывалъ. И давно это случилось?

— Нѣтъ, недавно, мѣсяца такъ три тому назадъ.

— Мм!... мѣсяца три... То-то отъ него ни слуху, ни духу не было нынче лѣтомъ.

— А что, развѣ онъ бывалъ у васъ?

— Бывалъ ли?! Постоянно заѣзжалъ, какъ на прогулкѣ бывалъ.

— И часто?

— Да, почесъ, кажинное лѣто.

— И къ вамъ заѣзжалъ?

— Заѣзжалъ ли?... да онъ только ко мнѣ и пріѣзжалъ.

— Зачѣмъ же это?

— Зачѣмъ?! провѣдать. Чай, онъ у насъ жилъ.

— И давно это было?

— Что—«давно»?

— Да жилъ-то у васъ?

— О, это давно!... кажись, годовъ пятнадцать, али бы двадцать... Да вотъ въ этихъ самыхъ годахъ, что крестьянъ на волю выпускали...

- И долго онъ у васъ жилъ?
 — Да три года.
 — Подрядъ три года?
 — Нѣтъ. А только по лѣтамъ.
 — И подолгу?
 — Да мѣсяца по три каждое лѣто.
 — Такъ все это время и жилъ у васъ безъ выѣзда?
 — Нѣтъ, разъ въ мѣсяцъ онъ уѣзжалъ въ Петербургъ.
 — И надолго?
 — А такъ, должно быть, на день, на два, не больше.
 — Но съ какой же цѣлью онъ совершалъ эти поѣздки въ столицу?
 — Съ какой? Ну, мало ли что тамъ нужно было!
 — А напримѣръ?
 — Да вотъ, бывало, у ребятъ крупы нѣтъ, рубашенки оборвались.
 — Это у какихъ «ребятъ»?
 — Да вотъ у моихъ.
 — А развѣ онъ ихъ поилъ и кормилъ, и обувалъ, и одѣвалъ?
 — Поить—не поилъ и обувать—не обувалъ, а всегда все покупалъ, какъ только нѣтъ у нихъ чего нибудь.
 — И это только вашимъ ребятамъ онъ дѣлалъ?
 — Нѣтъ, и другимъ то же. Выйдетъ это онъ бывало на улицу, да увидитъ босыхъ ребятишекъ въ однѣхъ короткихъ рубашенкахъ, грязныхъ и оборванныхъ, да такъ и ахнетъ.
 — «Ахъ, вы,—говорить,— мозгляки эдакіе! да развѣ можно безъ штановъ ходить?»
 А тѣ ему:
 — Да у насъ нѣтути.
 — Ну, вотъ я вамъ завтра куплю,—скажетъ онъ, и на другой же день уѣдетъ въ городъ и цѣлый возъ привезетъ ситцу, хлѣба, пряниковъ, всего, что только твоей душѣ угодно.
 — И все это онъ раздавалъ дѣтямъ?
 — И дѣтямъ, и бабамъ, матерямъ ихъ. Вотъ,—говорилъ онъ,—вамъ ситецъ, спейте штаны своимъ ребятамъ, а такъ ихъ не пускайте на улицу: не хорошо, да и холодно.
 — И часто онъ это дѣлалъ?
 — А всегда, когда деньги есть.
 — Но, примѣрно, эдакъ, сколько разъ въ лѣто?
 — Да сколько... Какъ деньги получить, такъ все и истратить на это.
 — А часто онъ получалъ?
 — Почесъ, кажинный мѣсяцъ.
 — Итакъ всѣ ихъ и издержитъ на дѣтей?
 — Всѣ.

- Но чѣмъ же онъ самъ-то жилъ?
- Да духомъ небеснымъ.
- То-есть какъ это?
- А такъ. Попѣеть малость молочка, съѣсть яичко или кашки грешневой, да и сытъ такъ на цѣлый день.
- А жилъ-то онъ у васъ гдѣ?
- Да, вотъ, здѣсь, въ этой избѣ.
- А вы-то гдѣ были въ то время, когда онъ бывалъ здѣсь?
- Да тутъ же.
- Какъ?.. всѣ вмѣстѣ жили?
- И вмѣстѣ и порозь. Да развѣ ему нужна была моя изба-то? Онъ день въ полѣ живетъ, ночь въ палаткѣ ночуетъ. Только-что слава, что въ избѣ живетъ. Одна его койка здѣсь стояла, да чемоданъ съ вещами.
- А онъ одинъ здѣсь жилъ?
- Нѣтъ. При немъ было еще два солдата.
- Что же это... денщики его, что ли, были?
- А кто ихъ знаетъ, кто они были.
- Но развѣ этого нельзя было видѣть по его отношеніямъ къ нимъ?
- А кто ихъ знаетъ. На работы они всѣ вмѣстѣ уходили, обѣдали тоже вмѣстѣ, спали въ одной избѣ или палаткѣ.
- Но дѣлали-то они что при немъ?
- Да, кажись, цѣпь желѣзную за нимъ носили по горамъ.
- Какую же это цѣпь?
- А размѣривали что-то... Солдаты цѣпь несутъ, а самъ Михайль Дмитріевичъ все имъ руками машетъ, да на станокъ какой-то смотреть и потомъ все на бумажкѣ записываетъ.
- Это, вѣрно, онъ топографическими работами занимался.
- Можетъ быть.
- И больше этого они ничего не дѣлали?
- Больше ничего.
- И это всѣ три лѣта такъ было?
- Всѣ три года.
- Тутъ я, конечно, выяснилъ себѣ, что, будучи еще въ шестидесятихъ годахъ въ военной академіи, Михайль Дмитріевичъ Скобелевъ каждое лѣто занимался здѣсь, на берегу Финскаго залива, практическими работами по топографіи мѣстностей.
- Послѣ нѣкоторой паузы мужичекъ опять вздохнулъ и тихо произнесъ:
- Умеръ... мой кормилецъ!
- А вамъ онъ дорогъ былъ?
- Дорогъ, недорогъ, а такого человѣка еще поискать надо.
- А что?..
- Да то, что нынче нѣтъ такихъ людей.

- Почему такъ?
- А такъ, что свѣтъ не тотъ сталъ!
- Почему вы такъ думаете?
- Потому, что это ангель былъ... А нынче какой человѣкъ сталъ?!. Особенно изъ господъ.
- А онъ развѣ не похожъ былъ на барина?
- Какой это баринъ?!
- Не похожъ?!
- Не то, что не похожъ... а знашь—барскаго-то ничего въ немъ не было.
- Напримѣръ?
- Да, что примѣры!.. Это былъ не баринъ, не мужикъ, а Богъ его знаетъ, кто!
- Изъ чего же вы это заключаете?
- А изъ того, что баринъ съ мужикомъ такъ себя держать не станетъ.
- Но, вѣдь, онъ, всетаки, былъ русскій дворянинъ, даже генераль потомъ.
- Да, что генераль... душа-то въ немъ больно хорошая была. Ну, развѣ такія бываютъ у генераловъ, да еще изъ господъ какихъ ни-на-есть?
- Я промолчалъ. Вопросъ слегка обострился. Я выждалъ минуту. Никита тоже молчалъ.
- Умеръ!— опять заговорилъ онъ. — Вотъ горе-то какое! Ну, знать на то воля Божья! Кто противъ Него, Батюшки Царя Небснаго, станетъ? Эхъ, баринъ, баринъ!
- А, что?
- Не зналъ ты, знать, этого человѣка?!
- Нѣтъ... какъ не знать... зналъ.
- Нѣтъ, не зналъ, это я по всему вижу, что не зналъ. Коли бы ты его зналъ, такъ то бы равнодушенъ къ его смерти не былъ!
- Почему же это вы судите, что я равнодушенъ?
- Да потому сужу, что вы такъ просто разговариваете объ этомъ человѣкѣ!
- О, это вамъ такъ кажется. Да развѣ я что нибудь дурное сказалъ о немъ?
- Ничего дурного не сказалъ, а хорошимъ тоже не помянулъ. Всѣ вы господа такіе. Я вотъ трижды перекрестился за его доброе имя, а ты, поди-ко, и этого не сдѣлалъ.
- Нѣтъ... я сдѣлалъ и то и другое, но только давно, когда онъ еще въ гробу лежалъ.
- А ты развѣ его видѣлъ въ гробу-то?
- Да.
- Ну, и что же онъ не измѣнился, поди-ка, какъ живой былъ?

— Да, измѣнился мало.

— Мало?!.. Совсѣмъ, по-моему, не могъ измѣниться. Онъ былъ святой человѣкъ. Вотъ я расскажу тебѣ про него какой случай. Это было давно. Приключилась тогда со мною какая-то болѣзнь. Къ попу было ѣхать отъ насъ далеко, чтобъ молебень отслужить, а къ нѣмецкому пастору, что въ сосѣдней колоніи, я пойти не хотѣлъ, потому что грѣшно. А болѣсть донимала меня шибко. Въ ту пору Михайль Дмитріевичъ только-что впервой пріѣхалъ ко мнѣ, по своимъ работамъ. Увидѣлъ это меня больного и говоритъ:

— Давай-ка, помолимся Богу; зажги-ка свѣчку передъ Спасителемъ; стань на колѣни и прочитай «Вѣрую», «Отче нашъ» и «Богородицу»...

Я все это сдѣлалъ. Потомъ онъ взялъ въ чашку воды, перекрестилъ ее своимъ крестикомъ, что у него на груди висѣлъ, и далъ мнѣ напитокъ, потомъ вспрыснулъ меня три раза и велѣлъ лечь спать. Такъ что-жъ ты думаешь!.. вѣдь какъ рукой все сняло: на другой же день я здоровъ былъ. Вотъ онъ какой человѣкъ-отъ! Развѣ насъ грѣшныхъ Господь могъ услышать въ молитвѣ своей? А онъ вотъ помолился со мной, и Богъ облегчилъ меня отъ недуга. Святой человѣкъ былъ Михайль Дмитріевичъ. Не забыть мнѣ его по гробъ жизни своей. А такое дѣло развѣ другой кто сдѣлаетъ? Я, вишь ты, человѣкъ бѣдный. Онъ это все видѣлъ. И вотъ какъ-то разъ онъ и говоритъ мнѣ:

— Что это, Никита, у тебя дворъ-то не крытъ?

— Да нечѣмъ крыть-то, говорю, Михайль Дмитріевичъ.

— Какъ [нечѣмъ! солома-то есть, вилы тоже, а подать все я тебѣ помогу.

— Да, солома-то, говорю, держаться не будетъ на крышѣ: всю вѣтромъ разнесетъ.

— Укрѣпимъ какънибудь.

— Да чѣмъ укрѣпить-то, коли жердей нѣтъ?

— Какъ жердей нѣтъ? столько лѣсу кругомъ, а ты говоришь, жердей нѣтъ.

— Лѣсу-то много, говорю, Михайль Дмитріевичъ, да рубить-то его нельзя.

— Это почему такъ?

— Да казенный все.

— Вздоръ! Топоръ у тебя есть?

— Есть, говорю.

— Давай его сюда.

Подаль.

— А сивко твой въ лѣсъ ходить?

— Ходить, говорю.

— Веди его сюда.

— Это, какъ же, говорю, Михаилъ Дмитріевичъ, ночью-то, да, въ лѣсъ, а ночь была въ ту пору во какая. Привелъ я ему свою бѣлую кобылу. Надѣлъ это онъ на себя свой бѣлый китель, фуражку, сапоги большіе, дегтемъ смазанные; заткнулъ топоръ за поясъ, сѣлъ верхомъ на сивку, да и поѣхалъ.

— Какъ безъ сѣдла?

— Ну, знамо дѣло! Какое же у насъ можетъ быть сѣдло. Вотъ ждемъ мы его изъ лѣсу-то часъ, ждемъ два, а его все нѣтъ—какъ нѣтъ. Ну, думаю, не случилось ли что? вотъ бѣда-то! Кой грѣхъ еще, пожалуй, лѣсникъ напалъ—вотъ и капуть. Солдаты его тоже безпокоиться стали. Не сходить ли намъ, говорю имъ, въ лѣсъ, да не посмотрѣть ли его тамъ? А у насъ въ лѣсу-то есть такое проклятое мѣсто, въ которое лѣшій заводитъ человѣка. Вотъ къ этому-то мѣсту мы и отправились. Такъ чтожь ты думаешь? Подходимъ это мы къ лѣсу-то, а онъ и кричитъ, Михаилъ-отъ Дмитріевичъ. Кричитъ во какъ! Мы къ нему, анъ глядь: онъ какъ разъ въ этомъ проклятомъ-то мѣстѣ и сидитъ.

— Это что же за мѣсто такое?

— Болото такое есть. Такъ онъ вотъ въ болотѣ-то и сидитъ. Завязъ вмѣстѣ съ лошадыю. Что тутъ дѣлать? Помочь нельзя, сами утонемъ. Бѣги-ка, ребята, говорю солдатамъ-то его,—въ деревню, да притащите веревки. Принесли. Зачѣлили это мы его съ кобылой, да и вытащили.

— Ну, говорить, Никита, я думалъ, что смерть моя пришла. А самъ такой грязный, весь въ тинѣ. Хорошо, говорить, что твоя кобыла еще умная, далеко не пошла, а то бы намъ тутъ и умереть съ ней.

— Это лѣшій, говорю, васъ завелъ сюда.

— Лѣшій-то этотъ я,—говоритъ онъ.—Если бы я не держалъ кобылу влѣво, такъ намъ бы и не быть съ ней въ болотѣ: привела бы она меня домой, да и только.

— Ну, а жердей-то онъ нарубилъ вамъ?

— Какже! Нарубилъ, да и привязалъ ихъ къ хвосту и гривѣ лошади. Вотъ грѣхъ-то какой! Долго эти жерди у меня на крышѣ были. Потомъ я ихъ на дрова сжегъ: топить нечѣмъ было. Такъ вотъ какой онъ человѣкъ-отъ былъ. Я и говорю ему тогда: Михаилъ, молъ, Дмитріевичъ, тебя, знать, Господь за правду милуетъ.

— Какъ такъ?—говорить.

— Да такъ, молъ. Вѣдь изъ этого-то болота никто живымъ не выходилъ: всѣхъ лѣшій здѣсь потопилъ. А тебя вотъ онъ не по-смѣлъ. Знать, ты Богу еще на этомъ свѣтѣ нуженъ.

— Нуженъ, говорить, нуженъ. А, всетаки, меня твоя сивка спасла. Я ее налѣво забираю, а она меня направо тянетъ. Она спасла меня. Я никогда ее не забуду. Если гдѣ придется мнѣ на

лошади ѣздить, такъ, чтобы мнѣ твою сивку помнить, всегда буду бѣдную выбирать.

— И онъ это слово сдержалъ.

— Откуда же вы это знаете?

— Откуда же! Онъ самъ мнѣ сказывалъ.

— Да развѣ онъ заѣзжалъ къ вамъ потомъ?

— Да, почитай, кажинный годъ бывалъ.

— Съ какой же это цѣлью?

— А такъ, безъ цѣли. Приѣдетъ, да и только.

— Что, говоритъ, Никита, кобыла-то жива?—это въ прежнее-то время. — Жива, говорю. — На-ка вотъ ей райскую птичку на овесъ, да и сунеть мнѣ въ руку красненькую бумажку.

— Когда же онъ въ послѣдній-то разъ у васъ былъ?

— Да по веснѣ такъ. Ну, говоритъ, Никита, прощай, съ нѣмцемъ сражаться ѣду за тебя, за себя и за батюшку царя. Анъ вотъ какая штука-то вышла... Умеръ!... Ну, царство тебѣ небесное!... Поддержалъ онъ меня, вотъ какъ поддержалъ! Кабы не онъ, такъ бы Никита у!... давно бы въ морѣ рыбу ловилъ! Жисть-то больно нонѣ тяжела стала. Такъ вотъ каковъ былъ Михайлъ Дмитріевичъ Скобелевъ. Долго я его не забуду. На могилку бы къ нему сходилъ, да панихиду отслужилъ, только вотъ не знаю, гдѣ онъ похороненъ.

— Далеко, другъ мой. У себя въ деревнѣ, верстъ за тысячу отсюда.

— О, туда намъ ужъ не попасть. Ну, такъ скажу ему царство небесное. Какже... его вся деревня наша знаетъ. Поди-ка еще и до сихъ поръ иные ребята его штаны носятъ.. а ужъ вѣдь какіе выросли съ тѣхъ поръ! Помолюсь, непременно помолюсь. И то что зашелъ, баринъ, а то-бъ я и не зналъ, что мой благодѣтель умеръ. Спасибо!...

Разставшись съ Никитой, я тогда же записалъ его рассказъ о Скобелевѣ и привожу его здѣсь дословно. Пропущены мною только нѣкоторыя детали, не идущія къ дѣлу. Прибавки же отъ себя здѣсь нѣтъ никакой.

Кстати, расскажу здѣсь одинъ фактъ изъ моихъ личныхъ воспоминаній. Въ 1881 году, послѣ взятія Геокъ-Тепе, Скобелевъ былъ въ Петербургѣ и какъ-то разъ я встрѣтилъ его на Невскомъ, у Аничкова моста. Въ это время съ нимъ поровнялись какіе-то два солдата съ перевязанными руками, въ пожелтѣлыхъ отъ времени шинеляхъ и съ изнуренными загорѣлыми лицами. Солдатики остановились передъ нимъ во фронтъ. Увидя ихъ убожество, Михайлъ Дмитріевичъ остановился сказалъ имъ:

— Здорово, ребята! Вы куда?

Тѣ что-то ему отвѣтили на этотъ вопросъ. Послѣ этого онъ вынулъ изъ кармана свою визитную карточку, что-то надписалъ на ней и отдалъ солдатамъ при слѣдующихъ словахъ:

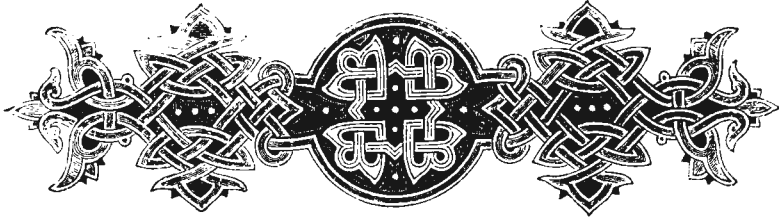
— Вотъ, отдайте ему и скажите, что я васъ приелалъ. Живеть онъ здѣсь, въ Троицкомъ, №... При этомъ Михаилъ Дмитріевичъ сдѣлалъ жестъ рукою по направленію къ Троицкому переулку.

Все время, пока происходила эта сцена, я стоялъ недалеко отъ Скобелева, слушалъ его рѣчь и умилялся неподдѣльностью ея тона. Сколько было въ немъ простоты, сердечности, чистаго желанія сдѣлать добро солдатику, трудно выразить словами, нужно было это видѣть, понимать и сознавать.

На основаніи этого факта, ярко выказывающаго доброту отношеній Михаила Дмитріевича къ двумъ жалкимъ на видъ солдатикамъ, я нисколько не удивляюсь тому, что мнѣ было рассказано о немъ крестьяниномъ Никитою изъ Малой Бронной.

С. Глѣбовъ.

РУССКІЕ ПОНЕРЫ ВЪ МОНГОЛИ.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ Азиатское плоскогоріе уже давно привлекало къ себѣ вниманіе ученыхъ, какъ нашихъ отечественныхъ, такъ и западно-европейскихъ. Природа, климатическія условія, жизнь народностей этого плоскогорія, почти что не были изслѣдованы. Если въ литературѣ и имѣлись по настоящему предмету кое-какія свѣдѣнія, то они отличались или легендарностью или сбивчивостью и, во всякомъ случаѣ, крайней ненаучностью. Только со второй половины текущаго столѣтія вопросъ получаетъ настоящую постановку, и мы видимъ въ неприступныхъ и враждебныхъ чужестранцамъ областяхъ энергичныхъ и просвѣщенныхъ путешественниковъ, которые смѣлою рукою срываютъ таинственную завѣсу съ родины Чингисхана и колыбели буддійскихъ храмовъ и монастырей. Неутомимый изслѣдователь китайской фауны Арманъ Давидъ приближается къ восточной окраинѣ Тибета и достигаетъ городовъ Лунъ-ань-фу и Хань-чжунъ-фу, но проникнуть въ нагорье озера Хухунора ему не удастся. Эту задачу блестяще выполняетъ Николай Михайловичъ Пржевальскій, великій русскій путешественникъ, прославившій свое имя громче Стэнли и Левингстона, по словамъ англичанина Гукера, и поставившій себя на ряду съ Гумбольдтомъ, по признанію нѣмецкихъ ученыхъ. Четыре путешествія Пржевальскаго обняли собою огромное пространство отъ Памира до истоковъ Желтой рѣки, захватили всю великую азиатскую пустыню съ прилегающими мѣстностями и тамъ, гдѣ, по словамъ его біографа, прежде значились «или пустыя мѣста или фантастическіе узоры, набросанные на карту по невѣрнымъ

и противорѣчивымъ источникамъ»¹⁾), тамъ подробно и обстоятельно отмѣчены теперь горные хребты, озера, рѣки и населенные пункты, дотолѣ невѣдомые и неподозрѣваемые. Экспедиціи этого піонера науки, помимо своего великаго научнаго значенія, отличаются удивительнымъ блескомъ, внѣшней красотой и самыми неожиданными эффектами. Передъ изумленнымъ читателемъ шествуетъ по безлюднымъ пустынямъ и неприступнымъ горнымъ хребтамъ не офицеръ генеральнаго штаба нашихъ дней, а какой-то сказочный древне-русскій богатырь, подъ мощной поступью котораго сотрясаются доли и горы. Вы слышите хлопанье нагайки, свистъ пули и зычный голосъ побѣдителя, наводящій страхъ и ужасъ на цѣлыя полчища туземцевъ. Онъ деспотически обращается съ мѣстными князьями-правителями—непокорныхъ и упрямыхъ арестовываетъ, ихъ приближенныхъ сбѣчетъ, бьетъ проводниковъ и обращаетъ въ бѣгство сотенные отряды тангутовъ, дерзающихъ преграждать ему дорогу. «Русскіе напередъ знаютъ все, и ихъ начальникъ великій колдунъ или великій святой», сложилось, благодаря Пржевальскому, мнѣніе туземнаго населенія. Послѣ перваго путешествія Пржевальскаго и выхода въ свѣтъ громаднаго отчета объ этомъ путешествіи подъ заглавіемъ «Монголія и страна Тангутовъ» снаряжается въ тѣ же мѣста цѣлый рядъ экспедицій—Потанина, Пѣвцова, братьевъ Грумъ-Гржимайло и, Громбчевскаго и друг... Результаты экспедицій послѣднихъ трехъ путешественниковъ еще не приведены въ полную извѣстность, и труды ихъ еще не обработаны, такъ что говорить о нихъ—преждевременно. Что касается до экспедицій Г. Н. Потанина, то вышедшіе въ концѣ прошлаго года два тома описанія его предпослѣдняго путешествія, изданные Русскимъ Географическимъ Обществомъ подъ заглавіемъ «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголія», даютъ возможность подробно ознакомиться съ тѣмъ, что сдѣлалъ преемникъ Пржевальскаго въ дополненіе къ трудамъ покойнаго Николая Михайловича. Но прежде чѣмъ говорить объ этой «Гансуйской экспедиціи», считаемъ необходимымъ остановиться на личностяхъ самого путешественника и его замѣчательной спутницы, Александры Викторовны Потаниной, скончавшейся во время путешествія съ мужемъ въ 1893 г. близъ г. Чу-Цинъ-фу.

Григорій Николаевичъ Потанинъ родился въ Сибири, въ Ямышевской станицѣ, 21 сентября 1835 г. Дѣтство свое онъ провелъ въ Ирѣновской и Семіярской станицахъ, въ виду разстилающейся за Иртышемъ безпредѣльной Киргизской степи. Воспитаніе онъ получилъ въ Омскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1852 г. Въ слѣдующемъ уже году онъ принимаетъ участіе въ первомъ русскомъ походѣ въ Заилійскій край и участвуетъ въ закладкѣ города Вѣр-

¹⁾ Н. Пржевальскій. Біографическій очеркъ М. Энгельгардта.

наго. «Когда военная экспедиція переходила впервые рѣку Или,—говорить г. Семеновъ въ предисловіи къ упомянутому труду Потанина,—передъ воспріимчивымъ юношей поднялась внезапно изъ тумана величественная цѣпь Зайлійскаго Алатау, съ ея сѣдыми снѣжными вершинами: никому еще неизвѣстная, никѣмъ невиданная, она возбудила въ талантливомъ юношѣ жажду познаній и стремленіе къ изслѣдованію странъ невѣдомыхъ. Въ 1855 г. Потанинъ увидѣлъ впервые и цвѣтушія долины Алтая, гдѣ онъ былъ со ввѣренной ему сотней казаковъ. Это была та страна, въ которой долго жили его предки—въ казачьихъ станицахъ Бійской линіи. Послѣ такихъ интересныхъ поѣздокъ какъ не сдѣлаться было талантливому юношѣ географомъ!». По возвращеніи изъ похода, онъ ревностно принялся за изученіе архивнаго матеріала по вопросу о колонизаціи Сибири русскими; жажда знаній и сознаніе своей малой научной подготовки для какого нибудь серьезнаго труда побудили его выйти въ 1858 г. въ отставку съ цѣлью поступленія въ столичный университетъ. Бѣдность не позволяла ему нанять лошадей, и вотъ онъ, подобно Ломоносову, съ котомкой за плечами смѣло двигается въ путь пѣшкомъ. Въ Томскѣ, однако, по счастью, его приняли въ караванъ, доставляющій ежегодно золото изъ Сибири и, такимъ образомъ, благодаря добрымъ людямъ, мы встрѣчаемъ его въ томъ же году слушателемъ С.-Петербургскаго университета. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ усердно посѣщаетъ лекціи университета, работаетъ въ лабораторіяхъ, а во время лѣтнихъ ваканцій предпринимаетъ ботаническія и геологическія экскурсіи. Съ закрытіемъ въ 1861 г. университета Потанинъ очутился на родинѣ, гдѣ астрономъ К. Струве привлекаетъ его къ участию въ разграничительной экспедиціи съ Китайской имперіей въ области озера Зайсана. Результатами занятій Потанина въ это время были географическія изслѣдованія долинъ Тарбагатая, малоизвѣстнаго оз. Марка-Куль, части теченія Чернаго Иртыша, изслѣдованіе зайсанскаго рыболовства и собраніе превосходныхъ ботаническихъ коллекцій. Въ 1865 г. онъ былъ опредѣленъ секретаремъ губернскаго статистическаго комитета въ Томскѣ.

«Здѣсь, можно сказать,—повѣствуетъ г. Семеновъ,—впервые онъ вошелъ въ близкое соприкосновеніе съ дѣйствительною жизнью, представлявшею въ то время, какъ извѣстно всѣмъ знакомымъ съ Западною Сибирью, въ тамошнихъ низшихъ административныхъ сферахъ неприглядную картину цѣлаго ряда злоупотребленій и полнаго нерадѣнія о пользахъ и вуждахъ мѣстнаго населенія. Подъ вліяніемъ непосредственныхъ столкновеній съ такими жизненными явленіями, Потанинъ сдѣлался центромъ группы недовольныхъ сибиряковъ, съ одной стороны, ставшихъ самыми рѣзкими обличителями злоупотребленій, а съ другой—вовлекшихся въ пропаганду сибирскаго сепаратизма». Исторія сибирскаго сепаратизма

однородна съ таковыми же исторіями украинофильскаго и кавказскаго сепаратизмовъ. Конецъ ихъ вездѣ одинаково плачевенъ: вожаки привлекаются къ слѣдствію и суду, и въ результатѣ—строгая кара закона. Эта кара постигла и сибиряковъ; особенно пострадали Ядринцевъ и Потанинъ. Послѣдній былъ приговоренъ къ лишенію правъ состоянія и крѣпостнымъ работамъ. Съ 1869 по 1872 г. Потанинъ отбылъ крѣпостныя работы въ Свеаборгѣ, а по отбытіи срока былъ препровожденъ въ г. Никольскъ Вологодской губ. для водворенія ссыльно-поселенцемъ. Товарищемъ его по судьбѣ былъ К. В. Лаврскій, критикъ и извѣстный представитель провинціальной журналистики. Тяжела была жизнь обоихъ ссыльныхъ въ г. Никольскѣ—провинціальная скука, пустота и безвыходная нужда ложились тяжелымъ бременемъ особенно сильно на Потанина. Только въ непрерывномъ трудѣ находилъ онъ себѣ утѣшеніе: онъ занятъ былъ это время обработкой научныхъ матеріаловъ по этнографіи Сибири и изслѣдованіями общиннаго крестьянскаго хозяйства на сѣверѣ Россіи. Въ 1873 г. г. Никольскъ посѣтила для свиданія съ братомъ Александра Викторовна Лаврская, молодая дѣвушка, занимавшая мѣсто классной дамы въ Нижегородскомъ духовномъ училищѣ. Она встрѣтилась у брата съ Потанинымъ, и молодые люди полюбили другъ друга. Черезъ годъ состоялась ихъ свадьба. Въ лицѣ Александры Викторовны Потанинъ нашелъ истиннаго друга, который съ любовью, самопожертвованіемъ и преданностью шелъ рядомъ съ нимъ по его трудному, полному лишеній и опасностей, жизненному пути. Г. Ядринцевъ въ своей прекрасной и теплой статьѣ «Подвижница науки»¹⁾ такъ характеризуетъ покойную Потанину: «Это была скромная, застѣнчивая женщина, высокая сухощавая блондинка, съ подстриженными волосами и тонкимъ пѣвучимъ голосомъ. Она одѣвалась очень скромно и просто, и лицо ея носило печать серьезной и интеллигентной жизни. Въ обществѣ она была молчалива, но отличалась тонкой наблюдательностью, — качество, оказавшееся впоследствии весьма цѣннымъ для путешественницы. Ея мнѣнія и сужденія были сдержанныя, но мѣтки и отличались тонкимъ остроуміемъ. Она дѣлала весьма удачныя характеристики и опредѣляла людей сразу. Въ этомъ отношеніи ея знаніе жизни и провицательность были качествами, дополнявшими недостатокъ непрактичности у Григорія Николаевича, погруженнаго въ науку и весьма мало знавшаго дѣйствительность. Тѣмъ не менѣе, Александра Викторовна не съузила его интересы, не погрузила въ мелочи семейной жизни. Она раздѣляла всѣ планы и стремленія Г. Н. и участвовала въ его духовной жизни... Въ Петербургѣ она заботилась о бурятахъ, пріѣзжавшихъ по дѣламъ и для знакомства со столицей. Эти бѣд-

¹⁾ «Недѣля», 1894 г., январь.

ные люди сохранять о ней лучшую память. Вообще А. В. была другомъ и покровителемъ слабыхъ и угнетенныхъ, и въ этомъ выразилось ея высоко-гуманное чувство и нѣжность женской души... Она зналась преимущественно съ бѣднымъ людомъ и помогала ему чѣмъ могла. Она совершала это не какъ филантропка и патронесса, но какъ равный, съ христіанскимъ смиреніемъ. Живя весьма небогато и часто нуждаясь, она иногда отдавала послѣднее; у нея всегда была на рукахъ забота о томъ, чтобы кого нибудь пристроить, кому нибудь помочь, и такія хлопоты не прекращались никогда». Ко всѣмъ этимъ душевнымъ качествамъ необходимо прибавить, что, хотя покойная путешественница получила лишь домашнее воспитаніе, однако ея умственное развитіе и образованіе стояли высоко. Она постоянно работала надъ своимъ образованіемъ, приобрѣла широкія познанія по естественнымъ наукамъ, по этнографіи, благодаря чему являлась дѣятельной и полезной сотрудницей въ экспедиціяхъ мужа, ведя дневники путешествій, часть которыхъ напечатана. Ей же принадлежатъ нѣкоторые интересные очерки, напечатанные въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, напримѣръ «О китайской женщинѣ», «Встрѣча съ двумя монгольскими ванами», «Среди широнголовъ», «Религіозная пляска въ монастырѣ Кадигава» и другіе. Кромѣ того, ея же трудами собраны значительныя коллекціи, сдѣлавшіяся достояніемъ Петербургскаго ботаническаго сада. Географическое общество высоко цѣнило научные труды и содѣйствіе Александры Викторовны и въ 1882 г. присудило ей золотую медаль.

Въ 1874 г. Потанинъ вступилъ въ бракъ, и въ этомъ же году, по ходатайству географическаго общества, онъ былъ всемілостивѣйше прощенъ съ возвращеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Вернувшись въ Петербургъ, Потанинъ принялъ совмѣстно съ П. Семеновымъ участіе въ составленіи дополненій къ 3-му тому перевода Риттеровой Азіи, а лѣтомъ 1875 г. совершилъ геологическую поѣздку въ Крымъ. Вполнѣ подготовленный научно, онъ въ 1876 г. приступаетъ къ выполненію своихъ завѣтныхъ мечтаній—подаетъ географическому обществу проектъ изслѣдованія сѣверо-западной Монголіи. Его предложеніе охотно было принято и въ маѣ того же года онъ двинулся въ путь въ сообществѣ жены и гг. Позднѣва, Березовскаго и Рафаилова. Передъ отъѣздомъ Потаниной «можно было опасаться,—говорить г. Ядринцевъ,—выдержать ли она всѣ лишенія и неудобства пути, такъ какъ силы ея были не велики; она казалась слабой и малокровной. Но судя по тому, что ей приходилось выносить въ путешествіяхъ, въ слабомъ ея тѣлѣ имѣлся большой запасъ нервной энергіи, воли и способности преодолѣвать трудности». Подобно г-жамъ Федченко и Черской, сопровождавшимъ путешественниковъ мужей—одна въ Туркестанъ, другая на Лену, и А. В. Потанина, не смотря на слабое здоровье, не

согласилась покинуть мужа въ лишеніяхъ и опасности, понимая, что этимъ самымъ послужить ему великой нравственной поддержкой, удвоить его силу и энергію.

Выйдя изъ Зайсанскаго поста, экспедиція посѣтила города: Кобдо, Хами, Улясутай, озеро Косоголь, монастырь Уланкомъ, снова Кобдо и черезъ Кошъ-агачъ вернулась въ Россію. Экспедиція сдѣлала массу барометрическихъ наблюденій, собрала богатые коллекціи по зоологіи, ботаникѣ и геологіи. Потанины же, кромѣ того, вывезли изъ края драгоцѣнныя этнографическія свѣдѣнія, а Григорій Николаевичъ къ тому же обстоятельныя замѣтки о русской торговлѣ въ сѣверо-западной Монголіи. Въ 1879 г. неутомимый путешественникъ опять пускается въ путь для изученія тѣхъ мѣстностей центральной части сѣверо-западной Монголіи, которыхъ не удалось обозрѣть въ экспедицію 1876—1877 годовъ. Новая экспедиція была очень богата научными результатами, но представила собой немало трудностей, лишеній и даже опасныхъ моментовъ. Выступивъ изъ Кошъ-агача 9-го іюня 1879 г., экспедиція направилась въ монастырь Уланкомъ, далѣе къ озеру Киргизъ-норъ, посѣтила городъ Кобдо, откуда вернулась въ Уланкомъ, а затѣмъ направилась на востокъ къ озеру Теръ-норъ и далѣе черезъ Дархатскій курень, къ озеру Косоголь и мѣстности Монъ въ долинѣ р. Иркута; 1-го декабря экспедиція вернулась въ Иркутскъ съ богатѣйшими коллекціями и матеріалами. Результаты этого путешествія изложены въ трудѣ «Очерки Сѣверо-Западной Монголіи».

На сколько трудно и опасно было это путешествіе, свидѣтельствуеъ какъ самый отчетъ Потанина, такъ и статья г. Ядринцева. «При возвращеніи, имъ пришлось проходить позднею осенью или въ началѣ зимы черезъ Алтай и Чуйскія скалы, гдѣ ѣзда возможна только верхомъ. Они испытали стужу, грѣлись около костровъ и ночевали на открытомъ воздухѣ. Зная опасныя мѣста у этихъ бомовъ и скалъ, я дивился, какъ можно было проѣхать здѣсь зимою: ѣхали по карнизамъ скалъ, гдѣ выючныя лошади срываются въ пропасти. Въ одно изъ путешествій, при возвращеніи, у путешественниковъ вышелъ хлѣбъ и сухари, и они питались крупю изъ норъ полевыхъ мышей и кротовъ. Нерѣдко путешественники изнашивали въ дорогѣ свои европейскіе костюмы и облекались въ туземные. При одной экспедиціи, недалеко отъ Зайсана, на Г. Н. Потанина и его спутниковъ, въ числѣ которыхъ была и Александра Викторовна, китайская чернь сдѣлала нападеніе, сбита ихъ съ лошадей, отняла оружіе и арестовала... Путешествія Потанина были, однако, не такъ богаты приключеніями, какъ Пржевальскаго. У Потанина мы не видимъ боевыхъ схватокъ, натиска и насилія. Онъ старается вездѣ дѣйствовать убѣжденіями, просьбами, терпѣніемъ и посредничествомъ вліятель-

ныхъ людей. Оттого и описанія его не носятъ на себѣ такого души захватывающаго интереса, не освѣщены бенгальскимъ огнемъ, и самъ авторъ ихъ всегда старается отойти на второй планъ, уступая первое мѣсто другимъ лицамъ. Можетъ быть, причина кроется въ томъ, что онъ не проникалъ въ разбойническіе закоулки и опасныя мѣста, какъ Пржевальскій; можетъ быть, этотъ герой-богатырь съумѣлъ уже нагнать страхъ на туземцевъ и подготовить мѣсто своимъ преемникамъ по изслѣдованіямъ, а, можетъ быть, наконецъ, причина тому кроется въ различіи характеровъ обоихъ путешественниковъ. Не отрицая первыхъ двухъ предположеній, мы въ значительной степени относимъ нѣкоторую безцвѣтность по вѣшности экспедицій Потанина къ послѣднему обстоятельству. Передъ нами рисуется человѣкъ, глубоко преданный дѣлу, но тихій, скромный и грустный. Видно, жизнь сильно поломала его, и онъ взираетъ на окружающее съ снисхожденіемъ къ чужимъ слабостямъ, ошибкамъ и проступкамъ, и хотя не прямо, но косвенно осуждаетъ всякаго, прибѣгающаго къ насиліямъ и крутымъ мѣрамъ...

Въ 1883 г. Потанинъ былъ посланъ географическимъ обществомъ въ третье и самое важное путешествіе срокомъ на три года. Предположено было, что Потанинъ и спутники прослѣдуютъ отъ Пекина до Лань-чжоу черезъ Ордосъ по одной изъ непройденныхъ еще европейцами дорогъ; второе лѣто предназначено употребить на путешествіе по Амдо. Это была главная цѣль экспедиціи: надлежало углубиться въ Амдо, ниже Лань-чжоу и изслѣдовать мѣстность между этимъ городомъ, а также Хань-чжунъ-фу и Сунъ-паномъ на востокъ и озеромъ Хуху-норъ и вершиною Желтой рѣки на западѣ. Въ эту область не проникалъ до сихъ поръ никто, не исключая и Пржевальскаго, который прошелъ значительно выше, на юго-востокъ отъ озера Хуху-норъ въ провинцію Цайдамъ. Изъ Амдо экспедиція Потанина на третье лѣто должна была прослѣдовать въ Кяхту черезъ центральную Монголію и Гоби по меридіану р. Едзинъ-голь. Въ составъ экспедиціи вошли еще геодезистъ А. Скасси и зоологъ М. Березовскій. Географическое общество ассигновало на эту экспедицію 12.500 р., а сибирскій меценатъ В. Сукачевъ отъ себя добавилъ львиную долю въ размѣрѣ 17.000 рублей. По высочайшему повелѣнію путешественники были доставлены отъ Петербурга до береговъ Китая на военномъ фрегатѣ «Мининъ», причемъ Потанину и женѣ его былъ назначенъ офицерскій паекъ во все время плаванія.

23-го августа 1883 года, наши путешественники отбыли изъ Кронштадта, около Гибралтара выдержали трехдневный страшный штормъ, посѣтили во время кругосвѣтнаго плаванія не мало портовъ и только 24-го апрѣля 1884 года вступили въ столицу поднебесной имперіи. Въ Пекинѣ они нашли гостепріимство у нашего посланника С. Н. Попова, а издавна живущій въ столицѣ католическій

миссіонеръ г. Фавье оказалъ Потанину значительныя услуги по снаряженію экспедиціи. Не смотря на это, путешественники допустили въ началѣ немало промаховъ и ошибокъ; такъ, составъ проводниковъ оказался не на высотѣ своего призванія, было пріобрѣтено много лишнихъ вещей и за все, кромѣ того, переплачены лишніи деньги. «Дешевому снаряженію въ дорогу намъ отчасти помѣшало то обстоятельство,—говоритъ г. Потанинъ,—что мы жили въ посольствѣ. Всѣ, кто живетъ въ европейскихъ посольствахъ, должны платить на рынкѣ за вещи втридорога противъ обыкновенныхъ обитателей Пекина. Ни одна купля-продажа для лица, живущаго въ посольствѣ, не происходитъ безъ того, чтобы не было на цѣну товара накинуто нѣсколько процентовъ въ пользу слугъ-китайцевъ, состоящихъ при посольствѣ. Такой установился уже обычай. Всѣ постоянные поставщики для посольства платятъ мѣсячныя деньги слугамъ посольства за пропускъ въ посольскій домъ; съ случайныхъ продавцевъ слуги берутъ деньги при входѣ во дворъ посольства. Если дама, живущая въ посольствѣ, сама поѣдетъ въ китайскіе магазины и купить тамъ что нибудь, то все-таки съ нея возьмутъ, какъ съ посольской дамы, дорожку, потому что каждый торговецъ знаетъ, что черезъ нѣсколько часовъ къ нему явится уполномоченный отъ слугъ и потребуетъ установленной въ пользу слугъ доли». Въ Пекинѣ экспедиція прогостила цѣлый мѣсяцъ и только 25 мая новаго стиля она двинулась по дорогѣ въ Бао-динъ-фу, столицу Чжилійской провинціи, получивъ предварительно отъ тянь-цзиньскаго консула г. Вебера рекомендацiонныя письма къ мѣстнымъ властямъ. По просьбѣ г. Вебера чжилійскій вице-король (цзунъ-ду) написалъ письма къ цзунъ-ду Ганьсу и Шеньси объ оказаніи содѣйствія русскимъ путешественникамъ. Этими-то письмамъ и приписываетъ г. Потанинъ то довѣріе и мирныя отношенія, съ которыми вездѣ въ западномъ Китаѣ власти встрѣчали экспедицію. Путешественники двигались медленно и осторожно, предпочитая останавливаться на ночлеги въ деревняхъ, минуя города, незначительные и уже болѣе или менѣе изслѣдованные прежними экскурсіями. День они распредѣляли такъ: вставали обыкновенно между 4 и 5 часовъ утра, употребляли часа два на выючку и затѣмъ пребывали въ дорогѣ около семи часовъ, дѣлая по 24 версты въ день. Въ г. Бао-динѣ они пробыли всего день, успѣвши его покинуть, такъ какъ китайское населеніе, свободное по случаю какого-то праздника, докучало имъ своимъ любопытствомъ. Во время пути вообще особенно страдала отъ любознательности китайцевъ г-жа Потанина. Свободная, равноправная женщина и притомъ образованная, умѣющая читать и писать, возбуждала удивленіе и почтеніе китаянокъ. Вопросамъ ихъ не было конца: какъ ѣздятъ дамы въ Россіи? Правда ли, что у нашего государя есть рота тѣлохранителей, составленная изъ дѣ-

виць? занимають ли у насъ дамы высшя государственныя должности? и т. д. Александра Викторовна по мѣрѣ силъ и возможности удовлетворяла любознательности собесѣдницъ, а, по возвращеніи въ Россію, посвятила жизни китайской женщины интересную статью въ «Русскомъ Богатствѣ» (1887 г.). Здѣсь обстоятельно изложенъ семейный бытъ и общественное положеніе китаянки, ея отношеніе къ мужу и дѣтямъ, ея домашняя обстановка и времяпрепровожденіе. Мы узнаемъ отсюда, между прочимъ, что многія китайскія женщины заражены страстью къ куренію опиума, что вноситъ разореніе и нищету въ хозяйство. Однажды Потанина посѣтила жилище китайскаго мельника; здѣсь «на порогѣ, въ совершенно пустой, закопѣлой и безъ признаковъ какого нибудь хозяйства или имуществва комнатѣ, лежала женщина съ новорожденнымъ ребенкомъ,—повѣствуетъ путешественница. — Мать, казалось, спала; ея лицо и лицо ребенка было зеленовато-землистаго цвѣта, а у послѣдняго, сверхъ того, оно было какое-то сморщенное, точно печеное яблоко. Лохмотья, въ которые были одѣты и мать и ребенокъ, тоже были подъ стать: какого-то неопредѣленнаго отъ грязи цвѣта; только и выдавались изъ всего этого маленькіе, нѣкогда пунцовые башмаки на изуродованныхъ ногахъ женщины, повидимому, никогда не снимавшіеся. Это была курильщица опиума. Бѣдность семейства происходила, вѣроятно, вслѣдствіе этой несчастной страсти хозяйки; въ Монголіи опиумъ часто продается на вѣсъ серебра, то-есть золотникъ опиума продаютъ на золотникъ серебра»... Эта страшная болѣзнь, по наблюденію г-жи Потаниной, передается отъ мужа женѣ, а отъ этой къ дѣтямъ. Мужу-курильщику трудно самому поддерживать трубку, поправлять огонь въ лампѣ, подкладывать опиумъ, равномерно подогрѣвать его — все это онъ возлагаетъ на жену; раскуривая трубки, женщина втягивается въ привычку курить и тѣмъ же путемъ увлекаетъ къ эту страсть дѣтей. Дѣти у матерей-курильщицъ рождаются большею частью болѣзненныя, плаксивыя и раздражительныя, а для успокоенія ребенка ему даютъ опиумъ внутрь. Не смотря на эту ненормальность жизни, китаянки очень плодовиты и дѣтолюбивы. Если у китаяца нѣтъ дѣтей, онъ покупаетъ таковыхъ у бѣдняковъ. Эта привязанность нѣсколько смущаетъ католическихъ миссіонеровъ. Они жалуются, что китаяцы, получившіе воспитаніе въ католическихъ семинаріяхъ, неохотно идутъ въ священники и монахи: обѣтъ безбрачія и цѣломудрія претитъ имъ, и они боятся за прекращеніе своего рода. Рядомъ, однако, съ любовью къ дѣтямъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Китая распространено дѣтоубійство. Послѣднее встрѣчается преимущественно среди бѣднаго населенія густонаселенныхъ мѣстностей, гдѣ трудно найти пропитаніе. Жестокую расправу съ новорожденными малютками (по большей части дѣвочками) производятъ повивальныя бабки — онѣ льютъ на

ихъ тѣлице холодную воду до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не задохнется, и затѣмъ выбрасываютъ его за городскую стѣну, гдѣ ночью волки съ дикимъ ревомъ уже дѣлятъ пріятную добычу. Противъ этого варварства ведутъ удачную борьбу католическіе миссіонеры. Они устраиваютъ даровые пріюты для бѣдныхъ дѣтей, гдѣ ребенокъ прекрасно содержится, пріучается къ ручной и пахотной работѣ; дѣвочки выдаются потомъ замужъ за окрестныхъ крестьянъ, которые охотно вступаютъ въ бракъ съ дѣвками изъ пріюта, такъ какъ миссіи даютъ за ними небольшое приданое. Нравственность стоитъ высоко среди китайскихъ женщинъ въ противоположность мужчинамъ. Нарушеніе вѣрности замужними женщинами встрѣчается рѣдко, между тѣмъ какъ мужья ихъ отличаются распущенностью нравовъ. Семейная жизнь китайской женщины часто бываетъ тяжела и ей не подъ силу, почему и самоубійство между китайками встрѣчается сплошь и рядомъ. Проституція въ Поднебесной имперіи очень развита. Помимо домовъ, посвященныхъ этому промыслу, встрѣчаются въ городахъ и деревняхъ странствующія музыкантши и пѣвицы, пользующіяся очень дурной славой. Недалеко отъ города Бао-дина, близъ деревни Фаньшунъ, гостиницу нашихъ путешественниковъ посѣтили именно такія пѣвицы. «Ихъ было пять большихъ и одна маленькая дѣвочка,—разсказываетъ объ этомъ визитѣ г-жа Потанина,—последняя, пользуясь привилегіей ребенка, была очень развязна: забралась къ намъ въ комнату, ласкалась, какъ котенокъ, ко мнѣ и особенно къ моему мужу. Ненатуральная, дѣланная наивность была непріятна въ ней, но въ то же время дѣвочка возбуждала въ насъ жалость къ себѣ, и мы были съ нею ласковы. Мнѣ казалось, что она была немного тронута нашей лаской, и въ ея напускной, по приказу, ласковости проявлялось немного и истиннаго чувства. Она принесла къ намъ гитару и спѣла съ нею какую-то бравурную пѣсенку, причемъ сѣла въ очень кокетливую позу, очевидно, подражая манерамъ большихъ пѣвиць». Г. Потанинъ свидѣтельствуеетъ, что существуютъ особые антрепренеры, которые покупаютъ у бѣдныхъ родителей ихъ дочерей еще въ дѣтскомъ возрастѣ и воспитываютъ ихъ, обучая музыкѣ и искусству нравиться мужчинамъ и образуя изъ нихъ такъ называемыхъ хуа-н्यानъ—«барышни-цвѣтки».

Изъ Бао-дина экспедиція двинулась по направленію къ Великой стѣнѣ, которую перешли на вершинѣ перевала рѣки У-пинъ-хо. Ворота стѣны оказались въ совершенно разрушенномъ состояніи, но зато здѣсь можно было вдостоль налюбоваться красивымъ мѣстоположеніемъ. По выходѣ изъ воротъ путешественники спустились въ долину и вступили въ мѣстечко У-тай, что въ переводѣ значитъ «поклонная» или «жертвенная гора». Имя У-тай относится также къ группѣ знаменитыхъ монгольскихъ монастырей, распо-

ложенныхъ въ этой долинѣ. Монастыри эти привлекаютъ поклонниковъ и богомольцевъ изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Монголіи. Центральную группу составляютъ пять монастырей съ многочисленными кумирнями, посвященными разнымъ богамъ, и главнымъ образомъ божеству Пу-сы; въ этихъ кумирняхъ передъ священными статуями складываются дары и приношенія паломниковъ: серебряныя вазы съ масломъ и водой, скадкія печенья, хоругви, знамена и бубны. У-тай самое священное мѣсто для буддистовъ сѣвернаго Китая, и прежде, когда онъ получалъ большіе дары отъ двора вице-короля, славился своимъ богатствомъ. Нынѣ дворцовая казна истощилась, и притокъ даяній прекратился. Подвигаясь на сѣверъ, экспедиція, наконецъ, достигла г. Хуху-хото или Гуй-хуачена, гдѣ нашли гостепримство въ подворьѣ католической миссіи г. Кейла. Гуй-хуа-ченъ славится также своими монастырями, гдѣ въ числѣ кумиренъ встрѣчается такая курьезная, какъ посвященная Лоу-ланъ-мяо, богу актеровъ и проституціонныхъ домовъ. Въ этомъ городѣ Потанинъ нашелъ русскіе товары, привезенные изъ Калгана: мѣдные тазы, сукно, зеркала, юфть и сафьянъ. Какъ гласитъ преданіе, городъ обязанъ своимъ возникновеніемъ огромной черепахѣ, которую монголы хотѣли убить, но не имѣли къ тому средствъ. Они знали отъ предковъ, что для того, чтобы убить черепаху, нужно на этомъ мѣстѣ построить городъ, который бы раздавилъ ее своею тяжестью. Тогда они подарили это мѣсто императору Канъ-си, который и выстроилъ здѣсь Гуй-хуа-ченъ. И доннынѣ еще, рассказываютъ монголы, черепаха лежитъ подъ городомъ, но не можетъ только выйти. Первый европеецъ, посѣтившій этотъ городъ, былъ русскій посоль въ Китаѣ Ѳедоръ Ивановичъ Байковъ, ѣздившій въ Пекинъ въ 1654—1658 году. Въ настоящее время здѣсь дѣйствуютъ, кромѣ бельгійской католической миссіи, еще протестантская. Обѣ миссіи отнеслись привѣтливо къ русскимъ путешественникамъ и помогли имъ снарядиться въ дальнѣйшій путь, вглубь страны Ордоса. Потанинъ нанялъ новыхъ возчиковъ и построилъ палатки, такъ какъ въ Ордосѣ предстояло имѣть дѣло съ кочевымъ уже населеніемъ. Сильные дожди задержали экспедицію на берегахъ Желтой рѣки; а 8-го августа они двинулись къ ставкѣ князя Джунгаръ по дикой мѣстности, покрытой сплошь песчаными буграми. Ордосомъ называется обширная провинція Поднебесной имперіи, отдѣленная отъ собственнаго Китая Великой стѣной и образующая, если смотрѣть по картѣ Китая и слѣдить по ней за теченіемъ Желтой рѣки, букву П въ центрѣ карты. Ордосъ населенъ монголами, но раньше здѣсь находилось государство тангутовъ, называемое у китайскихъ ученыхъ государствомъ Ся. Ордосскіе монголы дѣлятся на семь хошуновъ, или княжествъ, и каждое изъ нихъ управляется наслѣдственнымъ княземъ изъ потомковъ Чингисъ-хана. Старшин-

ство надъ всѣми князьями принадлежитъ старшему въ родѣ, носящему титулъ «Ванъ», то-есть царь. Китайское правительство нанесло значительный ударъ самостоятельности Ордосской провинціи, назначивъ сюда правителемъ не старшаго князя въ родѣ, а своего человѣка, умѣющаго приноравливаться къ обстоятельствамъ.

За версту до небольшого землянаго городка, резиденціи князя, разбили путешественники палатки и послали ему свои визитныя карточки съ просьбой принять ихъ. Однако, старикъ-князь самъ первый посѣтилъ чужестранцевъ. Объ этомъ визитѣ рассказываетъ г-жа Потанина въ статьѣ «Встрѣча съ двумя монгольскими ванами» («Русское Богатство», 1890 г., № I). Онъ явился въ бѣломъ халатѣ изъ чесучи и въ обыкновенной домашней палочкѣ; его сопровождали два сына и толпа чиновъ и слугъ. Ванъ одинъ вошелъ въ юрту Потанина, остальные же расположились въ юртахъ другихъ членовъ экспедиціи; того требовалъ этикетъ, такъ какъ сыновья не смѣютъ сидѣть въ присутствіи отца. «Лице князя было желтое, болѣзненное, и онъ былъ худъ какъ скелетъ, — такъ описываетъ его г-жа Потанина; послѣ мы узнали, что онъ отчаянный курильщикъ опиума, совершенно разстроившій свое здоровье куреніемъ. Приятныя манеры и очень умные глаза всѣмъ намъ очень понравились въ князѣ. Онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ инструменты, книги, географическія карты, которыя мы показывали ему, разспрашивалъ о дѣляхъ и задачахъ путешествія». Узнавъ, что съ ними имѣется фотографія, онъ пожелалъ быть снятымъ, но только у себя на дому. Лагерь путешественниковъ посѣщала и младшая, купленная жена князя. «На видъ ей иногда можно было дать лѣтъ 18, въ другой разъ 30,—говоритъ г-жа Потанина;—она была очень симпатична, а правильныя черты лица, очень нѣжныя цвѣтъ кожи и большіе черные глаза дѣлали ее очень хорошенькой, даже и съ европейской точки зрѣнія, только неестественный блескъ глазъ и нездоровый румянецъ заставляли думать, что она чахоточная». Впослѣдствіи выяснилось, что она заразилась отъ мужа страстью къ куренію опиума. Всѣ вопросы ея были умны, видно было, что близость къ умному князю оказала благотворное вліяніе на ея развитіе и культуру. Князь привѣтливо и радушно принялъ отвѣтный визитъ Потаниныхъ. Домъ его, сложенный изъ свѣтло-сѣрыхъ кирпичей, былъ обширенъ, имѣлъ большія стеклянныя окна и защищался отъ солнца яблонными и персиковыми деревьями. Комната, въ которой состоялся пріемъ, кромѣ китайскаго кана, застланнаго пунцовымъ сукномъ, была наполнена мебелью изъ чернаго рѣзнаго дерева, украшена большими фарфоровыми и эмалевыми вазами, китайскими фонарями, спускавшимися съ потолка, и множествомъ разныхъ другихъ вещей, при чемъ только столовые часы и зеркала были европейскаго происхожденія. «Какіе-то свертки, сложенные на канѣ, — говоритъ г-жа По-

танина, — раскрытыя книги, маленькіе столики въ разныхъ углахъ, поставленные ради удобства, придавали этой богато убранной комнатѣ жилой видъ, чего такъ недостаетъ въ приемныхъ богатыхъ китайцевъ. Въ одной изъ слѣдующихъ комнатъ я видѣла слесарный станокъ, на которомъ, говорятъ, князь любитъ работать; въ другой помѣщается библиотечка изъ китайскихъ и монгольскихъ книгъ; третья — наполнена часами¹⁾; послѣдніе составляютъ слабость князя и, говорятъ, онъ проводитъ цѣлые часы въ разборкѣ ихъ механизмовъ; при домѣ живетъ особый часовой мастеръ, китаецъ. Такая обстановка показывала, что роскошь, окружающая князя, не была только выставкой его богатства, но выражала также и личные вкусы владѣльца». Александра Викторовна удостоилась аудіенціи у княгини, первой жены князя. Это была еще не старая женщина, очень богато и съ большимъ вкусомъ одѣтая въ шелковые халаты нѣжныхъ цвѣтовъ, волосы были причесаны по маньчжурской модѣ въ очень затѣйливый шиньонъ съ искусственными цвѣтами, а ноги обуты въ расшитыя золотомъ туфли, на подошвѣ вершка въ полтора вышины. Лицо у нея было не красиво, а главное — холодно, несимпатично, манеры тоже очень чопорны. Смотри на нее, можно было не удивляться, что у князя явилось желаніе завести себѣ другую, будничную жену. Потанина обѣдала у княгини въ ея собственномъ помѣщеніи и имѣла возможность приглядѣться къ монгольской жизни. Вотъ какія размышленія пришли въ голову нашей путешественницѣ по поводу видѣннаго: «жизнь этого дома, на сколько мнѣ удалось наблюдать ее, дала бы прекрасный матеріалъ писателю историческихъ романовъ изъ эпохи нашей петровской реформы; съ одной стороны монгольская обстановка жизни съ простотой и безцеремонностью нравовъ, продолжаемая всѣми домочадцами; съ другой — новая, болѣе утонченная культура, насильно навязанная по волѣ главы семейства. У насъ эта культура европейская, тамъ, въ домѣ джунгарскаго князя, китайская, но такая же чуждая и всѣмъ ненавистная». Настоящаго историческаго ордосскаго Вана Потанинымъ не удалось повидать, онъ отказалъ имъ въ свиданіи, чуждаясь европейцевъ.

Запасшись провожатыми, по указанію джунгарскаго князя, экспедиція направилась, пересѣкая площадь Ордоса, по направленію къ городу Боро-балгасунъ. Здѣсь оказались собственно развалины города, разрушеннаго еще по мѣстному преданію Чингисханомъ въ то время, когда населеніемъ правилъ царь съ ослиной головой и ослиными ушами. Близъ Боро-балгасуна бельгійская миссія купила мѣсто у Отокскаго князя и основала на немъ станцію. Миссіонеръ г. Стейнакеръ принялъ экспедицію очень лю-

¹⁾ До 200, по свидѣтельству Потанина.

безно, далѣ ей приютъ на миссіонерскомъ дворѣ и помогъ запастись провіантомъ и хорошими провожатыми изъ монголовъ. Провизіи, однако, на мѣстѣ не удалось купить, и за ней пришлось посылать въ болѣе населенное мѣсто Нинъ-тяо-льнъ. Какъ на хорошаго провожатаго г. Стейнакерсъ указалъ Потанину на широнголь-монгола Сантанъ-джимба, сопутствовавшего уже однажды европейскимъ путешественникамъ Гюка и Габе. Потанинъ, конечно, воспользовался этимъ указаніемъ и Сантанъ-джимба оказался въ числѣ спутниковъ нашихъ соотечественниковъ. Его монгольское имя было собственно Чіу-лянъ, то-есть «семьдесятъ два». Это имя, согласно мѣстному обычаю, было дано ему въ память того, что, когда онъ родился, бабушкѣ его было 72 года. Этотъ старикъ-проводникъ оказалъ неоцѣненные услуги экспедиціи Потанина и заслужилъ съ его стороны самую горячую признательность. Пробывъ въ Боробалгасунѣ пять дней, путники двинулись далѣе на юго-западъ къ городу Лань-чжоу, гдѣ экспедиція должна была раздѣлиться и каждый участникъ ея приступить къ изслѣдованію главной задачи своей командировки. Переправляясь черезъ длинный Ордосъ, Потанинъ собралъ чрезвычайно богатый этнографическій матеріалъ. изложенный имъ въ 4 главѣ I части труда «Тангутско-тибетская окраина Китая». Когда эта мѣстность была занята ордосскими племенами и откуда они пришли сюда, невозможно точно опредѣлить. Можно только догадываться, что племена эти пришли съ сѣвера; по крайней мѣрѣ, въ одной изъ ордосскихъ пѣсенъ поется: «Моя родина—два хребта Алтай и Хангай, далеко». Кочевой бытъ въ Ордосѣ сдѣлалъ значительныя уступки осѣдности, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ у хуху-хотинскихъ тумутовъ. Монголы живутъ здѣсь по большей части уже въ мазанкахъ, а не въ войлочныхъ юртахъ. Одежда ордосскихъ монголовъ представляетъ собою смѣсь монгольскаго съ китайскимъ, всѣ ходятъ здѣсь безъ шапокъ, а только повязывая голову цвѣтнымъ платкомъ. Главные промыслы ихъ—скотоводство и земледѣліе. Скотъ ордосцевъ состоитъ изъ лошадей, коровъ, ословъ и овецъ; верблюдовъ мало. Ордосцы очень недовольны своими князьями за то, что тѣ сдали почти всѣ хошунныя земли въ аренду китайскимъ крестьянамъ, а арендныя деньги присвоили себѣ. Особенно велико это неудовольствіе противъ одного изъ уратскихъ князей. «Еслибъ эта китайская «ирландія» представляла округленную территорію,—говоритъ Потанинъ,—она, вѣроятно, доставила бы не мало хлопотъ китайскому правительству, но, къ счастью для Китая, она растянулась узкой полосой на протяженіи 800 верстъ, шириною не болѣе 100—200 верстъ. Общее дѣло на такомъ огромномъ протяженіи, конечно, возникнуть не можетъ; да и національное пробужденіе не предчувствуется въ средѣ монголовъ, поэтому едва ли ордосскую массу не ждетъ судьба полного окитаянія... ордосскіе князья уже

и теперь окитаялись»... Изъ бытовыхъ мѣстныхъ обрядовъ любопытны моленія о дарованіи дѣтей, свадебный обрядъ и обычай отдавать дѣтей на воспитаніе въ чужой домъ. Въ Ордосѣ не встрѣчается ни памятниковъ буддійскаго искусства, ни явленій природы, возведенныхъ въ буддійскія святыни. Монастырей здѣсь немало, но всѣ они средней величины и не пользуются особенной славой. Ордосскіе монголы вѣрятъ, что Чингисъ вновь явится и уведетъ ихъ на старую родину.

Когда экспедиція приблизилась къ г. Линь-чжоу, она пріятно была изумлена громкимъ паровымъ свисткомъ. Уже прежде дошли слухи, что здѣсь попадаются европейцы, и работаетъ какая-то фабрика. Оказалось, однако, что построенная французами суконная фабрика ими заброшена, и паровая машина работаетъ надъ водоснабженіемъ города. Наши путешественники нашли убѣжище въ домѣ католической миссіи, гдѣ, благодаря любезности г. Фанъ-Рета, имъ были отведены приличныя помѣщенія. Здѣсь экспедиція раздѣлилась: А. И. Скасси остался въ Линь-чжоу вычерчивать маршруты, Березовскій удалился на 600 верстъ южнѣе въ г. Хойсянъ для охоты и натуралистическихъ экскурсій, а Потанинъ съ женою рѣшили провести зиму въ Сань-чуань и изслѣдовать три народности—широнголь-монголовъ, саларовъ и тангутовъ.

Минуя широнголовъ, Потанинъ первымъ дѣломъ посѣтилъ саларовъ, племя совершенно неизвѣстное, о которомъ даже у Пржевальскаго встрѣчаются невѣрныя свѣдѣнія. Салары говорятъ тюркскимъ языкомъ, одѣваются по-китайски и исповѣдаютъ мусульманскую вѣру. Они сохранили преданіе, что предки ихъ пришли изъ Самарканда послѣ того, какъ ихъ изгнали оттуда за воровство; изнанные, они шли до тѣхъ поръ, пока шелъ, не останавливаясь, верблюды, на которомъ были навьючены ихъ пожитки. Верблюды остановился въ нынѣшней Саларской землѣ.

Изъ страны саларъ Потанинъ вернулся къ ширинголамъ, среди которыхъ въ дер. Ничжѣ прожилъ 4 мѣсяца. Въ первыхъ числахъ апрѣля сюда пріѣхалъ Скасси, и путешественники снарядились въ новую дорогу. По составленному еще въ Петербургѣ маршруту они должны были спуститься къ г. Минь-чжоу, черезъ г. Сининъ и монастырь Лабранъ. Въ г. Сининѣ они представились сининскому амбаню. Встрѣча была обставлена торжественно — палили пушки, толпились тѣлохранители въ парадныхъ костюмахъ и съ сѣкирами въ рукахъ, и собрались мандарины всего города. Самъ амбанъ и его генералы встрѣтили путешественниковъ въ полномъ парадѣ; на нихъ были надѣты черные шелковые костюмы съ длинными ожерельями изъ крупныхъ бусъ на груди. Цѣль свиданія была добиться отъ амбана писемъ къ гудуйскому начальству и гэгэну монастыря Лабранъ. Указавъ на опасности, которымъ они могутъ подвергнуться по дорогѣ, упомянувъ о скопищахъ разбой-

никовъ, которые препятствовали Пржевальскому, и постаравшись склонить ихъ къ отказу отъ путешествія, онъ въ концѣ-концовъ, однако, выдалъ просимыя письма и прикомандировалъ къ экспедиціи для сопутствованія мелкаго чиновника. По дорогѣ изъ Синина въ Гудуй Потанинъ посѣтилъ монастырь Гумбумъ. Это — самый знаменитый монастырь въ Амдо; своей славой онъ обязанъ историческимъ воспоминаніямъ, связаннымъ съ мѣстностью, въ которой расположенъ; по преданію, здѣсь родился Цзонкава, великій реформаторъ сѣвернаго буддизма, положившій начало ламаизму, такъ называемой «желтой вѣрѣ» — шара-шаджинъ. Письмо сининскаго амбана оказало сильное вліяніе на гуй-дуйскихъ властей. Путешественникамъ было доставлено все необходимое для дороги, и путь ихъ на Лабранъ по возможности обезопасенъ отъ разбойниковъ, благодаря приставленной къ экспедиціи милиціи изъ тангутовъ. По всей дорогѣ путешественники были радушно встрѣчаемы тангутскимъ населеніемъ и вскорѣ благополучно достигли Лабрана. Монастырь этотъ не очень древенъ, но онъ по справедливости считается разсадникомъ буддійскихъ идей въ Амдо и по вліянію на сѣверный Тибетъ и Монголію не уступаетъ Гумбуму. «Въ длинныя темныя ночи сидятъ ламы при свѣтѣ лампъ и все пишутъ и пишутъ», — говоритъ народъ про ламійскихъ монаховъ Лабрана. Изъ отдаленныхъ угловъ Монголіи стекаются сюда молодые монахи учиться и утверждаться въ вѣрѣ; среди послѣднихъ попадаются и наши буряты. Панорама Лабрана очень живописна. Вмѣсто стѣнъ онъ окруженъ деревянными навѣсами съ молитвенными цилиндрами. Красу монастыря составляютъ многочисленныя золотыя маковки его восемнадцати храмовъ, надъ которыми господствуетъ золотая крыша въ китайскомъ стилѣ резиденціи самого гэгэна. Надъ монастыремъ возвышается высокая и крутая гора; постройки такъ тѣснятся къ ней, что обрушивающіеся съ горъ камни должны падать на монастырскія кровли. Верхи окружающихъ горъ покрыты хвойнымъ лѣсомъ, а въ нижнемъ уровнѣ горныя скаты покрыты желтыми цвѣтами мѣстной растительности. «Солнце, золото и растительность какъ будто сливались въ общемъ согласіи, чтобы символизировать торжество буддизма», говоритъ г. Потанинъ. Гэгэнъ принялъ экспедицію торжественно. Онъ самъ сидѣлъ на каедрѣ въ залѣ своего дворца, на плечахъ у него была накинута желтая шелковая мантия, а голову украшала діадема. Стѣна за его спиной была украшена хоругвями, колесами вѣры и разными церковными принадлежностями, церковной и нецерковной утварью, среди которой нашелъ себѣ мѣсто и простой русскій фаянсовый молочникъ. Путешественники поднесли гэгэну дары; онъ разрѣшилъ снять съ себя фотографію и далъ имъ свободный пропускъ во всѣ кумирни монастыря. Потанинъ осмѣтрѣлъ 18 храмовъ; нѣкоторые изъ нихъ отличаются большимъ богатствомъ.

Изъ Лабрана экспедиція перекочевала въ г. Минь-чжоу, а отсюда въ г. Си-гу. Округъ этого города нерѣдко подвергается землетрясеніямъ, изъ которыхъ самое сильное было въ 1879 г. Это землетрясеніе вызвало въ мѣстномъ населеніи нервное потрясеніе: заразительная пляска охватила жителей и распространилась по деревнямъ. Началось съ того, что одна женщина родила ребенка, и какъ только онъ коснулся земли, почувствовалось, что земля какъ будто колеблется. Мать отнесла это къ чудодѣйственной силѣ и, думая, что новорожденный не простой смертный, выбѣжала изъ дома съ громкими криками; на ея крики сбѣжалась вся деревня, и вдругъ собравшіеся почувствовали непреодолимое влеченіе къ пляскѣ: началась безумная пляска всей деревни. Съ быстротою молніи увлеченіе передавалось отъ одного человѣка къ другому, отъ деревни къ деревнѣ, и вскорѣ вся долина была заражена нервнымъ недугомъ. Одинъ изъ плясавшихъ, — говоритъ г. Потанинъ, — рассказывалъ, что «передъ пляской сначала начинается болѣть и биться сердце, и ѣда нейдетъ на умъ; а какъ отплясали, сдѣлались совершенно здоровы. Во время пляски больные ею какъ бы безъ ума, а потомъ, успокоившись, ничего не помнятъ. Во время пляски зараженные ею получали необыкновенную силу; были субъекты, которые плясали съ мельничнымъ жерновомъ въ рукахъ; другіе, схвативъ треножникъ съ очага или желѣзный котелъ, плющили ихъ въ рукахъ. Палку вершка въ два толщиною однимъ ударомъ втыкали въ землю на столько глубоко, что могли влѣзть по ней на ея верхній конецъ. Пляшущіе обладали ясновидѣніемъ; человѣку, пришедшему за сто верстъ, рассказывали, какой у него на родинѣ домъ, сколько въ немъ въ данный моментъ людей и скота, и все оказывалось вѣрно». Тангуты плясали цѣлый годъ и предсказывали, что пойдутъ войною на китайцевъ; но случилось обратное: пришли китайскія войска, забрали плясуновъ, судили ихъ, всыпали каждому по пятидесяти палочныхъ ударовъ со словами: «иди, хорошо паши поле и уважай отца съ матерью», и отпустили по домамъ.

Изъ Си-гу Потанинъ перешелъ въ Сунъ-панъ, большой торговый городъ, служащій мѣстомъ сбора богомольцевъ, идущихъ въ священное мѣсто Ласса. Здѣсь встрѣчаются приверженцы разныхъ буддійскихъ сектъ, и между ними возникаютъ очень серьезныя религіозныя распри. Отсюда экспедиція перешла въ самую живописную въ этой мѣстности долину Ксернцо, гдѣ стоитъ городъ Лунъ-анъ-фу. Въ этой долинѣ встрѣчаются роскошныя водопады, бассейны, и тутъ же расположена знаменитая пещера, куда съ трудомъ проникаютъ богомольцы для поклоненія тремъ божескимъ изваяніямъ въ полроста человѣка, сидящимъ спинами къ свѣтлому выходу пещеры. Тангуты и саньчуанцы были въ восторгѣ отъ того, что сподобились приложиться лбомъ къ святынямъ Ксернцо; они

сложили на берегу рѣки Хонтина можжевелникъ, зажгли его въ честь боговъ и съ пѣніемъ молитвъ и гимновъ стали кружиться вокругъ костра. Изъ Сунъ-пана экспедиція спустилась въ городъ Лунъ-анъ-фу, небольшой торговый и чистенькій городъ, крайній южный пунктъ, до котораго Потанину и его спутникамъ удалось достигнуть. Отсюда они стали подыматься по другую сторону меридіана, прошли города Вэнь-сянь, Сихо, Ли-сянь, Чунъ-цинъ-фу, Ди-дао и, наконецъ, 20-го октября вернулись въ Линь-чжоу. Здѣсь путешественники раздѣлили полученное серебро изъ Пекина и вновь разстались: Потанинъ съ женою и Скасси перешли на зимовку въ Гумбумъ, а Березовскій вернулся въ Си-гу для дальнѣйшихъ натуралистическихъ экскурсій. Во время зимовки Потанинъ привелъ въ порядокъ свои свѣдѣнія о широнголь-монголахъ и выяснилъ многое, дотолѣ неизвѣстное объ этомъ племени. Племя это можно отнести къ осѣдлымъ монголамъ Амдо; говорятъ они на монгольскомъ языкѣ съ нѣкоторыми только незначительными отклоненіями и считаютъ себя пришлецами изъ Ордоса; когда совершилось ихъ переселеніе, достовѣрно неизвѣстно. Одежда мужчинъ общеитайская, но женская имѣетъ нѣкоторое отличіе. Земли у нихъ находятся въ частной собственности и могутъ быть передаваемы по наслѣдству; пахота производится на мулахъ сохой, и земли удобряются; сѣютъ пшеницу, ячмень, гречиху; занимаются ткачествомъ, катаніемъ и окраской войлока. Широнгольскія женщины обременены работой; онѣ разбиваютъ деревянными молотками комковатую землю, предвзначенную къ удобренію, носятъ на спинахъ въ корзинахъ удобреніе, пашутъ, сѣютъ, ходятъ за водой и проч., и проч. «Онѣ встаютъ ранѣе мужей съ постели,—говоритъ Потанинъ. — Мужъ можетъ уйти изъ дома или уѣхать въ Гумъ-бумъ смотрѣть на празднество Чоба съ увѣренностью, что жена безъ него уберетъ поле или приготовитъ удобреніе. Это отягощеніе женщинъ полевыми работами, особенно грязною частью ихъ, приготовленіемъ удобренія, ведетъ къ неряшливости женщинъ. Нельзя надивиться на руки широнголокъ и признать въ нихъ часть человѣческаго тѣла». Дѣти содержатся грязно и часто страдаютъ кожными болѣзнями. И у взрослыхъ бываютъ раны на шеѣ и на груди, болѣзнь, которую жители называютъ «крысья рана». Въ религіозномъ отношеніи широнголы дѣлятся на мусульманъ и немусульманъ; послѣдніе исповѣдуютъ четыре культа—конфуціанскій, буддѣйскій, даоскій и народный китайскій. Встрѣчаются также и шаманскія божества. Потанинъ присутствовалъ при освященіи картины шаманскаго божества и составилъ чрезвычайно любопытное описаніе этого обряда. Оно совершается при громадномъ стеченіи народа, при участіи шамановъ и ихъ ассистентовъ, сопровождается игрою въ бубны, пѣніемъ, крикомъ живыхъ пѣтуховъ и длится цѣлый день до глубокой ночи. Любопытны также

другіе обряды—для отвращенія бѣдствія отъ грозы и градобитія, отъ засухи, противъ безплодія, свадебный обрядъ и похоронный. Покойниковъ широнголы хороняютъ по китайскому обычаю въ землю среди пахотныхъ полей; надъ могилой насыпается небольшой холмъ, и никакихъ памятниковъ на саньчуанскихъ могилахъ не встрѣчается. Своей письменности широнголы не изучаютъ, а ламы ихъ придерживаются тибетскаго письма.

Прозимовавъ въ Гумбумъ, экспедиція Потанина двинулась въ дальнѣйшій путь, въ центральную Монголію, гдѣ двѣ трети пути слѣдовало идти по неизвѣданнымъ дорогамъ пустыни Гоби. 10-го апрѣля они покинули монастырь и направились къ озеру Хухуноръ. Двигаясь по долинѣ рѣки Едзинъ, путешественникамъ пришлось не мало помучиться съ караванами. Бараны ночью всѣмъ стадомъ убѣгали, и на поимки ихъ надо было тратить не мало времени. У рѣки Хараръ-голь ихъ встрѣтила большая компанія шира-егуровъ, старшина этого племени со свитою и ламы монастыря Хараръ-гола. Экспедиція была ласково привѣтствована и одарена припасами риса, хлѣба, муки, изюма и прѣснаго молока. Въ городѣ Ганьчжоу г. Скасси тщетно пытался сдѣлать закупку верблюдовъ; здѣсь онъ познакомился съ католическимъ епископомъ Гаммеромъ и видѣлся съ русскимъ приказчикомъ г. Езерскимъ, пріѣхавшимъ сюда изъ Хобдо по порученію купца Котельникова. Г. Езерскій посѣтилъ стоянку Потанина и далъ цѣнныя свѣдѣнія о предстоящемъ экспедиціи пути. Съ мѣстности Су-ваянь передъ нашими путешественниками предстали песчаная сыпучая дорога, и путь вновь сдѣлался очень труденъ; въ серединѣ іюля они достигли страны торгоутовъ, живущихъ вдоль берега нижняго Едзина и его рукавовъ. Торгоуты очень бѣдное племя; они промышляютъ исключительно скотоводствомъ, живутъ въ юртахъ и имѣютъ свой маленькій монастырь. Отсюда началась самая трудная часть пути, переходъ черезъ Гоби. Въ Хара-сухаѣ экспедиція провела 15 дней, ведя переговоры съ жителями объ обмѣнѣ и пріобрѣтеніи верблюдовъ, и 5-го августа двинулась къ озеру Гашіунъ-нора. Здѣсь Потанинъ дѣлалъ химическіе анализы; запаслись водой и, медленно подвигаясь, достигли мѣстности Кобденъ-оботу. Переходъ черезъ Гоби былъ конченъ, но достался онъ экспедиціи нелегко.

Покинувъ Кобденъ-оботу, караванъ направился къ озеру Орокъ-норъ и хиту Ламанъ-гегена. У озера Орокъ-нора кончался Гобійскій Алтай, и экспедиція вступила въ долину рѣки Туѣ области Хангая. Поднимаясь вверхъ по рѣкѣ Тушинъ-голу, достигли станціи Шаргольджутъ на большомъ ургинско-улясуйскомъ трактѣ. Здѣсь съ путешественниками случилась непріятность: ночью напали на нихъ воры и увели четырехъ лошадей. «Это былъ первый случай, когда мнѣ пришлось пострадать отъ воровства въ

Монголіи», — говоритъ Потанинъ. 10-го сентября экспедиція перешла рѣку Туи и остановилась около походной стоянки Ламэнь-гэгэна. Гэгэнь посѣтилъ Потанина и пригласилъ его къ себѣ. Это былъ молодой человѣкъ 28 лѣтъ, необыкновенной безобразной тучности; когда онъ ѣхалъ верхомъ, то двое всадниковъ поддерживали его подъ руки, чтобъ онъ не потерялъ равновѣсія и не упалъ съ лошади. Палатка гэгэна была довольно бѣдная; въ ней толкалась масса народа; самъ хозяинъ сидѣлъ слѣва отъ входа, рядомъ съ молодой и красивой женщиной, которую онъ рекомендовалъ, какъ свою мать, а одного изъ мужчинъ, какъ своего отца. Потанинъ заподозрѣлъ материнство этой красивой женщины, такъ какъ гэгэны держатъ наложницъ, предварительно обвѣнчавъ ихъ съ своимъ отцомъ. Такимъ образомъ, хитрое духовное лице избѣгаетъ нареканій и осужденій народа и вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняетъ при себѣ свою привязанность. Въ хитѣ гэгэна путешественники обновили провіантъ, наняли верблюдовъ и приготовились къ послѣдней части пути до Кяхты. Перейдя р. Тамиръ, они приблизились къ территоріи хопуна Тушегу-хана, гдѣ находится знаменитый монастырь Эрденіузу, съ которымъ связана легенда о введеніи буддизма въ Монголію. Много сѣвернѣе экспедиція посѣтила еще интересный монастырь Амуръ-байсыхылынъ, гдѣ содержится святыня Ундуръ-гэгэна, т. е. изображеніе перваго ургинскаго хутухты, съ именемъ котораго связана любопытная легенда объ исчезновеніи изъ Монголіи и возрожденіи въ Тибетѣ богдо-гэгэна, т. е. исторически-сложившейся княжеской власти. 22-го октября экспедиція благополучно вступила въ Троицкосавскъ. Въ Кяхтѣ ожидали Потанина и его спутниковъ деньги, высланныя географическимъ обществомъ; они рассчитались съ провожатыми, распорядились переправкой коллекцій въ Иркутскъ и отправились въ Петербургъ. Экспедиція закончилась возвращеніемъ въ 1887 г. Березовскаго, доставивъ обширный матеріалъ для географической науки. Результаты изысканій самого Потанина напечатаны въ громадномъ трудѣ «Тангутско-тибетская окраина Китая», по которому мы и прослѣдили путь его движенія и по возможности отмѣтили наиболѣе выдающіеся моменты экспедиціи. Къ этому труду приложена великолѣпная карта маршрутной съемки, сдѣланной г. Скасси. Независимо отъ этихъ уже обработанныхъ матеріаловъ, экспедиція Потанина доставила истинныя сокровища для ботанической и зоологической географіи. Ботаническія коллекціи переданы ботаническому саду въ Петербургъ. Коллекціи безпозвоночныхъ животныхъ разработаны русскими и иностранными энтомологами въ цѣломъ рядѣ ученыхъ статей. Коллекціи Березовскаго разработаны также обстоятельно и составили истинный вкладъ въ науку. Статьи объ этихъ коллекціяхъ напечатаны въ запискахъ академіи наукъ, а орнитологическая работа Потанина «Птицы Ганьсуйскаго путешествія»

издана отдѣльной книгой географическимъ обществомъ. Помимо этихъ великихъ заслугъ для ботанической и зоологической географіи, Потанинъ принесъ немало пользы фольклористикѣ. Имъ записанъ огромный матеріалъ по народной словесности. Второй томъ его труда весь наполненъ образцами азіатскаго народнаго эпоса — тутъ и сказки, и легенды, и историческія преданія о лицахъ и мѣстахъ и произведенія, посвященныя звѣдному и животному эпосу. Весь этотъ матеріалъ нуждается въ серьезной обработкѣ со стороны нашихъ лингвистовъ — восточниковъ и словесниковъ. Та школа, родоначальникомъ которой у насъ можетъ считаться В. Стасовъ и которая имѣетъ въ своихъ рядахъ такихъ ученыхъ, какъ Вс. Миллеръ и А. Веселовскій, найдутъ въ собраніи Потанина немало данныхъ для подтвержденія теоріи о заимствованіи русскаго эпоса изъ степей востока. Самъ г. Потанинъ, примыкающій къ школѣ «заимствованія», опираясь на собранный имъ матеріалъ, ставитъ обновленную гипотезу объясненія русскаго народнаго эпоса черезъ посредство восточныхъ источниковъ. Онъ считаетъ только въ настоящее время необходимымъ ввести въ гипотезу слѣдующее видоизмѣненіе — вмѣсто того, чтобъ говорить о заносѣ на югъ Россіи буддійскихъ легендъ, слѣдуетъ говорить о легендахъ до-буддійскаго сѣверо-монгольскаго культа. «Сравненіемъ легендъ, живущихъ въ Россіи, — утверждаетъ онъ, — съ тѣми особенностями, которыми монголо-тибетскій буддизмъ отличается отъ южнаго, можно будетъ возстановить этотъ гадательный до-буддійскій культъ».

Въ 1892 г. географическое общество снарядило Потанина въ четвертую экспедицію для изученія южнаго продолженія той же окраины Тибетскаго нагорья къ Срединной имперіей, на этотъ разъ въ длинной полосѣ соприкосновенія съ Тибетскимъ нагорьемъ обширной китайской провинціи Сы-чуань до границы самой юго-западной провинціи Юнь-нани. Въ составъ этой экспедиціи, кромѣ Потаниныхъ, вошли извѣстный уже читателямъ г. Березовскій и геологъ В. Обручевъ. На послѣдняго возложена обязанность восполнить тотъ пробѣлъ относительно геологическихъ изслѣдованій, который встрѣчается въ трудахъ Пржевальскаго и Потанина, именно въ восточной части центральной Азіи. Средства на экспедицію дарованы государемъ императоромъ, значительную лепту внесъ и извѣстный сибирякъ-меценатъ И. Сибиряковъ.

Александра Викторовна Потанина, не смотря на слабость здоровья и уже сильно разстроенный организмъ, не захотѣла послушаться совѣтовъ докторовъ остаться дома и рѣшилась сопровождать мужа и въ эту четвертую его экспедицію. Покинувъ Пекинъ въ 1892 г., они достигли Торсаидо ¹⁾, гдѣ больная почувствовала себя

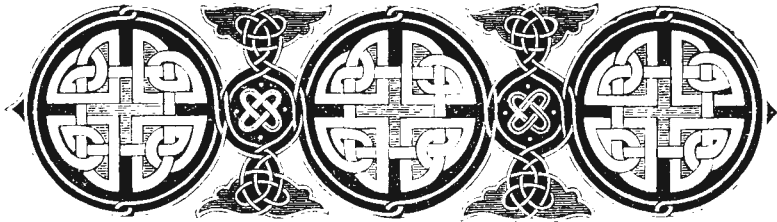
¹⁾ Свѣдѣнія взяты изъ статьи Ядринцева: «Подвижница науки».

значительно хуже — лихорадка и ревматизмъ не покидали ея; съ ней начались параличи—нѣмѣли ноги, отнимался языкъ; но мысль, что она служить помѣхой экспедиціи и задерживаетъ своихъ спутниковъ, придала ей силы: она какъ будто оправилась и смогла достигнуть Ли-фанъ-ю. Здѣсь она окончательно слегла, и тогда выяснилась неизбѣжность возвращенія въ Пекинъ. Сама больная сознала это и торопилась возвращеніемъ на родину, предчувствуя скорую кончину и желая быть похороненной въ родной землѣ. Однако, судьба оказалась къ ней немилостива: по дорогѣ въ Шанхай около г. Чжоо-хуа съ ней сдѣлался апоплектический ударъ, отнялся языкъ, парализовались руки и ноги. Не смотря на трогательное участіе въ судьбѣ больной со стороны англійскихъ миссіонеровъ, Кельненбекъ и Квельуэль, страдальцу не удалось довести до г. Чу-цинъ-фу: за два дня до прибытія въ городъ она скончалась, безмолвно простившись съ мужемъ. «Когда все было кончено,—говоритъ г. Ядринцевъ,—глубокая, невыразимая скорбь охватила путешественника, лишившагося навсегда дорогого друга, товарища и спутника. Есть минуты потрясающаго несчастія, когда даже служитель идеи теряетъ силы, и есть потери, съ которыми нельзя примириться».

20-го декабря минувшаго года, какъ сообщило «Сѣверное телеграфное агентство», прахъ путешественницы былъ доставленъ въ Кяхту. Здѣсь гробъ былъ встрѣченъ представителями города и массою народа; граждане г. Кяхты на собранныя между собою деньги рѣшили поставить роскошный памятникъ на могилѣ покойной Александры Викторовны, какъ знакъ уваженія къ ея заслугамъ, а церковная власть разрѣшила оставить тѣло въ Успенской церкви на мѣсяць, пока не опредѣлится мѣсто погребенія. Подобно Пржевальскому, и Александра Викторовна Потанина будетъ похоронена на рубежѣ отечества и чуждыхъ странъ, изслѣдованію которыхъ она отдала лучшія силы своего могучаго духа. На тѣхъ дорогахъ, по которымъ нѣкогда проходили дикія орды, неся съ собою начала разрушенія и насилія, отнынѣ будутъ стоять два памятника, указывающіе человѣчеству разумный путь славы и безсмертія.

Б. Глинскій.

ПЕРВЫЙ СТОЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ НАПОЛЕОНА.

ВЪ ТУЛОНѢ, 18-го декабря 1893 года, произошла скромная церемонія при участіи правительственныхъ и муниципальныхъ властей: открыть памятникъ въ формѣ пирамиды, воздвигнутый городскимъ совѣтомъ въ память столѣтней годовщины взятія Тулона французами у временно овладѣвшихъ имъ англичанъ. Эта пирамида поставлена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ возвышалась во время знаменитой осады батарея «людей безъ страха», получившая подобное названіе отъ того, что артиллерійскій офицеръ Бонапартъ въ виду страшнаго огня, направленнаго противъ нея англичанами, и нежеланія бомбардировъ служить въ столь опасномъ мѣстѣ, произнесъ: «Хорошо, эта батарея будетъ называться батареей людей безъ страха», вслѣдствіе чего всѣ солдаты стали проситься на эту батарею, гдѣ лично командовалъ будущій великій полководецъ. Такъ какъ при взятіи Тулона, онъ впервые прославилъ свое имя, то годовщина этого историческаго событія составляетъ первый столѣтній юбилей Наполеона, за которымъ быстро послѣдуетъ безконечный рядъ юбилеевъ его великихъ побѣдъ. Означенный первый юбилей совпалъ съ возобновленіемъ во Франціи моды на Наполеона въ литературѣ, искусствѣ, театрѣ, костюмахъ и т. д., а потому на него откликнулась парижская журналистика, и еще болѣе распространилась ежедневно растущая Наполеоновская литература. Первое мѣсто среди явившихся по случаю Тулонскаго юбилея воспоминаній, характеристикъ и очерковъ о Наполеонѣ, занимаетъ

номеръ «La Vie Contemporaine», отъ 1-го февраля, всецѣло посвященный самымъ разнообразнымъ статьямъ французскихъ и иностранныхъ авторовъ, разсматривающихъ его вѣчно интересующую образованныхъ читателей историческую фигуру со всевозможныхъ точекъ зрѣнія. вмѣстѣ съ тѣмъ «La Nouvelle Revue» помѣстила въ нынѣшнемъ году цѣлую серію статей о Наполеонѣ, а «Correspondant» и «Revue Bleue» напечатали неизданныя доселѣ воспоминанія очевидцевъ о возвращеніи его съ Эльбы и заточеніи на о. св. Елены. Но этой наполеоновской модой заразились отъ Франціи и другія страны, такъ въ американскомъ журналѣ «Harper's Magazine» появилась историческая статья «Капитанъ Бонапартъ въ Тулонѣ», а «Pall-Mall Magazine» началъ печатать обширный очеркъ лорда Вольслея «Упадокъ и паденіе Наполеона». Конечно, это замѣчательное возрожденіе общаго интереса къ Наполеону не имѣетъ во Франціи никакого политическаго значенія, такъ какъ она слишкомъ дорого заплатила за восстановленіе культа къ имперіи, и теперь дѣло идетъ вовсе не о наполеоновскихъ идеяхъ, которыя окончательно отжили свой вѣкъ, а только о замѣчательной исторической личности, которая положительно представляется величайшимъ гениемъ цѣлаго столѣтія, если не всей новой исторіи. вмѣсто обожанія Наполеона, какъ во время легендарнаго его культа, и отрицанія въ немъ всякаго достоинства, даже военнаго генія, какъ въ эпоху реакціи, ознаменованной сочиненіями Ланфрѣ, Тэна и т. д., теперь безконечное число книгъ и статей о Наполеонѣ занимается преимущественно картинной стороною его исторіи, стараясь освятить, съ помощью новыхъ свѣдѣній, мало извѣстные эпизоды его эпопеи, частную его жизнь, факты, рисующіе его, какъ человѣка, и т. д. Поэтому настоящая мода имѣетъ чисто историческій характеръ и названныя нами журнальныя статьи оказываютъ значительную помощь къ составленію полной, всесторонней характеристики удивительнаго человѣка, возбуждающаго доселѣ общій интересъ, а потому не излишне познакомить читателей съ тѣмъ, что въ нихъ новаго и любопытнаго.

Прежде всего, конечно, остановимся на томъ событіи, которое послужило поводомъ къ первому столѣтнему юбилею Наполеона: ему посвящены двѣ статьи однимъ и тѣмъ же авторомъ, Жерменомъ Бапстомъ, въ «Harper's Magazine» и «La Vie Contemporaine». Какъ большая часть эпизодовъ наполеоновской эпопеи, взятіе Тулона обсуждалось различно его біографами и критиками. Сторонники легендарной эпопеи увѣряютъ, что артиллерійскому офицеру Бонапарту принадлежитъ вся честь этого успѣха французскаго оружія, и, что, выказавъ впервые въ этомъ случаѣ военный геній, онъ основалъ на взятіи Тулона свою необыкновенную карьеру; напротивъ научные изслѣдователи, относящіеся критически къ Наполеону, не признаютъ, чтобъ онъ игралъ въ этомъ событіи гос-

подствующую роль и уже тогда выказалъ бы свои великія военныя способности. Старательно изучивъ всѣ архивные документы и другіе имѣющіеся матеріалы относительно взятія Тулона, Жерменъ Бабсть приходитъ къ тому заключенію, что легенды ближе къ правдѣ, чѣмъ критика. На основаніи собранныхъ имъ свѣдѣній, этотъ первый шагъ Наполеона на военномъ поприщѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ республиканской южной арміи, посланной на выручку Тулона, бывшаго въ рукахъ англичанъ, находился артиллерійскій капитанъ Бонапартъ, и когда въ началѣ сентября 1793 года былъ раненъ начальникъ артиллеріи Доммартенъ, то онъ назначенъ на его мѣсто не по рекомендаціи Робеспьера младшаго, какъ увѣряютъ нѣкоторые историки, а по выбору офицера главнаго штаба, Сервони, которому было поручено найти подходящаго начальника артиллеріи и который, случайно встрѣтивъ Бонапарта, былъ пораженъ его военными знаніями. Такъ, по крайней мѣрѣ, самъ Сервони рассказывалъ Міо-де-Мелито, который былъ впослѣдствіи министромъ иностранныхъ дѣлъ. Какъ бы то ни было, Бонапартъ получилъ это важное назначеніе и тотчасъ отправился съ главнокомандующимъ Карто, очень ограниченнымъ человѣкомъ и неумѣлымъ полководцемъ, а также съ двумя народными представителями, состоявшими при арміи, Салицетти и Гаспареномъ, на только-что устроенную батарею. Однимъ взглядомъ онъ понялъ, что батарея стояла не на мѣстѣ, и что она не принесетъ никакого вреда англичанамъ, но ничего не сказалъ, а ждалъ, чтобъ фактически была доказана неосновательность ея постройки. Дѣйствительно, при всѣхъ былъ данъ выстрѣлъ, и ядро не долетѣло до половины пространства, отдѣлявшаго батарею отъ англичанъ. Тогда самъ Карто увидалъ бесполезность принятыхъ имъ мѣръ и созвалъ военный совѣтъ, на которомъ Бонапартъ объяснилъ по картѣ, что прежде всего необходимо отрѣзать Тулонъ отъ моря, такъ какъ, оставленный безъ помощи англійскихъ военныхъ кораблей и осажденный со всѣхъ другихъ сторонъ, онъ будетъ вынужденъ вскорѣ сдать. Въ концѣ своей пространной рѣчи, молодой офицеръ указалъ пальцемъ на картѣ то мѣсто, гдѣ слѣдовало построить батарею, именно на возвышенной оконечности мыса, господствовавшей надъ рейдомъ и городскими укрѣпленіями, и громко произнесъ: «Вотъ здѣсь Тулонъ». Карто ничего не понялъ изъ доводовъ Бонапарта и замѣтилъ въ полголоса своему сосѣду: «Вотъ дуракъ-то, онъ совсѣмъ плохъ въ географіи и принимаетъ мысъ за городъ». Но народные представители поняли, кто тутъ былъ дуракомъ, и съ одной стороны поручили Бонапарту составить подробный докладъ, который немедленно отправили въ Парижъ, а съ другой потребовали смѣны Карто. Но пока время шло; совѣтъ Бонапарта не былъ принятъ его начальникомъ, и англичане, занявъ указанную имъ позицію, выстроили тамъ грозный фортъ. Французамъ

приходилось взять одну изъ самыхъ могучихъ въ Европѣ твердынь съ арміей въ 1,200 человекъ и съ десятью орудіями, но Бонапартъ, хотя и не послѣдовали его совѣту, дѣлалъ что могъ и выстроилъ двѣ батареи на такихъ мѣстахъ, откуда ихъ огонь мѣшала сообщенію Тулона съ судами. Объ этихъ удачныхъ его дѣйствіяхъ тотчасъ сообщили въ Парижъ народные представители и еще упорнѣе стали требовать смѣщенія Карто. Наконецъ его удалили, и явился новый главнокомандующій Дюгомье, а вмѣстѣ съ тѣмъ прислали новаго начальника артиллеріи въ лицѣ стараго подагрика, генерала Дютеля, который оказался человекомъ разумнымъ и, взявъ себѣ въ помощники Бонапарта, предоставилъ ему полную власть, причемъ во всѣхъ донесеніяхъ постоянно называетъ его своимъ товарищемъ. Дѣло осады приняло совершенно иной характеръ, и 18-го декабря Тулонъ былъ взятъ; донося объ этомъ конвенту, Дюгомье въ еще неизданномъ доселѣ документѣ писалъ: «молодой офицеръ Бонапартъ заслуживаетъ особаго вниманія, потому что, чью бы сторону онъ ни взялъ, онъ сильно поколеблетъ вѣсы, и если его не повыситъ, то онъ самъ проложитъ себѣ дорогу». А присутствовавшій при осадѣ Тулона въ послѣдніе ея дни, Робеспьеръ младшій такъ пораженъ былъ необыкновенными способностями Бонапарта, что предложилъ ему отъ имени брата мѣсто начальника парижской арміи. Но Бонапартъ отказался отъ этой чести, не желая связывать себя съ судьбой ненавистнаго ему террора, и очень характеристически объяснилъ свой отказъ брату Люсьену въ слѣдующихъ почти пророческихъ словахъ: «Мнѣ предлагаютъ командовать парижской арміей, но объ этомъ надо серьезно подумать. Нечего зарываться. Въ Парижѣ тяжелѣе сохранить голову на плечахъ, чѣмъ здѣсь. Робеспьеръ младшій честный человекъ, но съ его братомъ нельзя шутить, и мнѣ пришлось бы служить ему. Но я не хочу его поддерживать, хотя знаю, какую помощь я принесъ бы ему, замѣнивъ его глупаго главнокомандующаго Генрію. Еще не пришло для меня время. Теперь мнѣ единственно подходящее мѣсто въ арміи, а потомъ я буду командовать и Парижемъ. Надо имѣть терпѣнье». Такимъ образомъ легенда и исторія въ этомъ случаѣ совпадаютъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что уже съ перваго своего шага при осадѣ Тулона Наполеонъ доказалъ свой военный гений. Впрочемъ, строго говоря, Тулонъ не былъ его первымъ шагомъ, и онъ получилъ крещеніе огнемъ въ февралѣ того же года, во время никому невѣдомой маленькой морской экспедиціи противъ острова Мадалены къ сѣверу отъ Сардиніи. Этотъ послѣдній фактъ, приводимый авторомъ статьи въ «*Vie Contemporaine*» «Наполеонъ и флотъ» Морисомъ Луаромъ, тѣмъ любопытнѣе, что онъ какъ будто подтвердилъ предсказаніе одного изъ учителей Бриенской школы, который далъ о своемъ знаменитомъ ученикѣ такой любопытный отзывъ: «Бонапартъ имѣетъ

характеръ благородный, покорный и благодарный, поведение его исполнѣ правильное, онъ отличается способностью къ математикѣ и знаетъ хорошо исторію и географію; онъ будетъ прекраснымъ морскимъ офицеромъ». Это пророчество не исполнилось, хотя Наполеонъ всегда любилъ флотъ, заботился о немъ, придавалъ ему большое значеніе и если никогда не могъ одержать морской побѣды, то лишь потому, что согласно его собственнымъ словамъ, сказаннымъ на о. св. Елены, онъ не могъ найти способнаго адмирала.

Большая часть особаго Наполеоновскаго номера «*Vie Contemporaine*» занята статьями Фредерика Масона, автора недавно вышедшей книги «Наполеонъ и женщины», подъ заглавіемъ «Воскресеніе Наполеона», графа Альбера Вандаля, съ любопытнымъ сочиненіемъ котораго о второмъ бракѣ Наполеона знакомы читатели «Историческаго Вѣстника», и который теперь рассказываетъ нѣкоторыя новыя подробности о событіяхъ, предшествовавшихъ этому браку, и Люсьена Перэ о королевѣ Гортензій. Всѣ онѣ касаются частной жизни Наполеона, и изъ рисуемой Масономъ картины Наполеоновскаго воскресенія оказывается, что всю недѣлю онъ строго посвящалъ трудовой кабинетной жизни, въ которой придворный этикетъ почти не игралъ никакой роли, но въ воскресеніе онъ проводилъ цѣлый день на глазахъ у двора, арміи и народа. Это строгое отдѣленіе рабочей половины власти отъ ея представительства, однако, начиналось только съ двѣнадцати часовъ, а до того времени онъ работалъ по обыкновенію въ своемъ частномъ кабинетѣ. Ровно въ полдень происходила парадная обѣдня въ часовнѣ, которая устроена въ 1805 году въ Тюльери, между залой государственнаго совѣта и театромъ. Не смотря на то, что эта обѣдня была обставлена самымъ блестящимъ образомъ, и присутствовавшія на ней высшія особы двора, арміи и т. д. держались самага строгаго этикета, въ особую часть часовни допускались всѣ желающіе черезъ галерею прямо изъ сада. Наполеонъ никогда не позволялъ раздавать билетовъ для входа въ часовню, настаивая на томъ, что всякій можетъ входить въ церковь безпрепятственно. «Народъ долженъ даромъ и безъ всякихъ ограниченій допускаться туда, гдѣ служатъ обѣдню,—говорилъ онъ:—возмутительно пускать по билетамъ въ храмъ Божій или брать деньги за мѣста въ немъ; нельзя лишать бѣдныхъ, потому что они бѣдныя, единственнаго утѣшенія въ ихъ бѣдности». Когда, еще будучи консуломъ, Наполеонъ возстановилъ католическую церковь, то Жиранденъ предупреждалъ его, что онъ не только будетъ самъ вынужденъ присутствовать при обѣднѣ, но и станетъ обязывать къ этому всѣхъ служащихъ государству, а когда Наполеонъ отвѣчалъ, что первое возможно, а второе невысказано, то Жиранденъ просилъ припомнить его предсказаніе и, по крайней мѣрѣ, въ случаѣ обязательнаго присутствія служащихъ при обѣднѣ завести хорошую вокально-

инструментальную музыку. Сдѣлавшись императоромъ и установивъ церковную воскресную службу въ придворной часовнѣ, Наполеонъ припомнилъ просьбу Жиардена и устроилъ первую тогда въ свѣтѣ придворную капеллу, въ которой подъ управленіемъ Лесюера участвовали лучшіе пѣвцы, пѣвицы и музыканты. Во время обѣдни императоръ стоялъ всегда неподвижно, съ серьезнымъ выраженіемъ лица и скрестивъ руки; хотя онъ никогда не преклонялъ колѣна и не принималъ на себя набожнаго вида, но зато и не позволялъ себѣ разговаривать и смѣяться, какъ дѣлалъ Людовикъ XVI, который постоянно въ церкви шутилъ съ своимъ братомъ графомъ Артуа. Послѣ обѣдни происходилъ выходъ въ большихъ апартаментяхъ, куда допускались всѣ военные и гражданскіе чины выше баталіоннаго командира и подъ-префекта. Наполеонъ быстро обходилъ всѣ ряды собравшихся лицъ, отыскивая въ толпѣ тѣхъ, съ которыми онъ считалъ нужнымъ поговорить, и, прямо подходя къ этимъ избраннымъ, бесѣдовалъ съ ними лаконичными фразами, вызывавшими такіе же отвѣты. Хотя онъ поражалъ всѣхъ своей памятью, но прибѣгалъ къ уловкамъ, чтобъ не попасть въ ошибку; такъ, онъ обыкновенно не называлъ своихъ собесѣдниковъ по фамиліи, а обращался къ нимъ съ словами: «здравствуйте, господинъ сенаторъ», «какъ ваше здоровье, господинъ членъ государственнаго совѣта». Въ этихъ случаяхъ онъ руководствовался мундиромъ собесѣдника и избавлялъ себя отъ повторенія смѣшной исторіи съ академикомъ Амелъномъ. «Ахъ, здравствуйте, господинъ Ансильонъ», сказалъ онъ этому ученому. — «Амелъонъ, ваше величество». — «Ахъ да, Амелъонъ, вы продолжали римскую исторію Лебона». — «Лебо, ваше величество». — «Ахъ да, Лебо, и вы довели ее до взятія Константинополя аравитянами». — «Турками, ваше величество». — «Да, да, турками въ 1449 году». — «Въ 1453 году, ваше величество». — «Да, да, въ 1453 году». Все это, однако, не помѣшало Амелъону прійти въ восторгъ и сказать своимъ сосѣдямъ: «Удивительно, онъ все знаетъ и все помнитъ». Но если этотъ анекдотъ не сочиненъ, а достовѣренъ, то, всетаки, не подлежитъ сомнѣнію, что Наполеонъ въ своихъ официальныхъ бесѣдахъ на воскресномъ выходѣ ошибался только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ хотѣлъ быть особенно любезнымъ и переходилъ на непривычную ему почву науки, исторіи и т. д., а во всемъ, что касалось государственныхъ дѣлъ, онъ безъ осячки достигалъ своей цѣли, извлекая необходимыя ему свѣдѣнія отъ всѣхъ и cadaго. При этомъ его быстро бѣгавшіе по всей залѣ глаза не упускали ничего, и онъ видѣлъ не только тѣхъ, которые были на лицо, но замѣчалъ всѣхъ неявившихся, а также самыя мелочныя неточности въ мундирахъ и неправившіяся ему выраженія лицъ. Эта воскресная аудіенція была единственнымъ остаткомъ временъ консульства и служила ему лучшимъ средствомъ поддерживать по-

стоянныя сношенія съ служившими ему лицами почти на всѣхъ ступеняхъ государственной лѣстницы. Покончивъ съ этой чрезвычайно полезной для него церемоніей, императоръ удалялся въ свой парадный кабинетъ, гдѣ онъ никогда не работалъ, и тамъ принималъ какого нибудь европейскаго государя или принца, находившагося почему либо въ Парижѣ, а затѣмъ приводилъ къ присягѣ новыхъ государственныхъ сановниковъ, или переходилъ въ тронную залу, если предстоялъ торжественный пріемъ пословъ, адресовъ и т. д. Если не всякое воскресенье, то непременно черезъ воскресенье, происходилъ смотръ той или другой части арміи на Карусельской площади. Въ назначенный часъ, такъ какъ Наполеонъ заставлялъ ждать всѣхъ—жену, государей, маршаловъ и т. д., кромѣ своихъ солдатъ, онъ спускался съ парадной лѣстницы и, вскочивъ на лошадь, отправлялся на смотръ въ сопровожденіи небольшой свиты. Проскакавъ галопомъ по всѣмъ рядамъ собраннаго войска, онъ сходилъ съ лошади и производилъ самый тщательный инспекторскій смотръ, подвергая изслѣдованію все до мельчайшихъ подробностей: отъ артиллерійскаго орудія до солдатскаго ранца. Этотъ смотръ продолжался отъ трехъ до пяти часовъ и поддерживалъ тѣсное общеніе между императоромъ и солдатами, и, кромѣ того, служилъ прекраснымъ средствомъ для постоянного усовершенствованія великой арміи подъ личнымъ руководствомъ ея творца. Поэтому, когда въ послѣдніе годы имперіи смотры стали повторяться все рѣже и рѣже, разъ въ мѣсяцъ и даже меньше, то преданныя ему лица печально качали головой, предчувствуя, что великая армія потеряетъ свою закваску отъ прекращенія личныхъ отношеній между императоромъ и солдатами, которыя поддерживали легендарный къ нему культъ. Впрочемъ, съ самаго начала имперіи прекратился одинъ очень важный въ этомъ отношеніи обычай. Во время консульства всѣ офицеры и солдаты, получившіе на періодически повторявшихся смотрахъ знаки отличія, приглашались обѣдать къ первому консулу и садились за столъ рядомъ съ его женой, министрами, генералами и т. д. А при имперіи солдатъ уже вовсе никуда не приглашали, офицеровъ же угощали на казенный счетъ въ какомъ нибудь ресторанѣ. За воскреснымъ парадомъ слѣдовалъ второй выходъ, исключительно посвященный дипломатическому корпусу, а потомъ наступало время обѣда. Дипломатовъ кормили пышнымъ обѣдомъ подъ предсѣдательствомъ оберъ-гофмаршала, а императоръ обѣдалъ скромно въ своемъ семейномъ кругу. Эти воскресные обѣды отличались отъ ежедневныхъ только тѣмъ, что сервировка была на золотѣ, число кушаньевъ было нѣсколько больше, и они продолжались не десять минутъ, а четверть часа или даже двадцать минутъ. Сначала Наполеонъ хотѣлъ перенять у Бурбоновъ обычай обѣдать по воскресеньямъ публично, но онъ никакъ не могъ рѣшиться на

Наполеонъ I.
Съ портрета, писаннаго Жераромъ.

возстановленіе нѣлѣпой въ его глазахъ феодальной церемоніи, состоявшей въ томъ, что народъ смотрѣлъ бы издали, какъ кушали государи. Послѣ обѣда императоръ нѣсколько времени проводилъ въ гостинной, разговаривая съ членами своей семьи, но со времени второго его брака прекратился этотъ семейный характеръ воскреснаго дня, и за обѣдомъ слѣдовали рауты и спектакли въ апартаментяхъ императрицы. Вообще, въ послѣдніе годы имперіи Наполеонъ сталъ все болѣе и болѣе удаляться отъ простыхъ смертныхъ, и нѣкоторые историки видятъ въ этомъ одну изъ причинъ его паденія.

Въ статьѣ, озаглавленной «До брака», Вандаль подробно рассказываетъ исторію чрезвычайнаго посольства Бертье, которому Наполеонъ поручилъ заключить отъ его имени брачныя узы съ Маріей-Луизой въ Вѣнѣ. Наибольшій интересъ для характеристики Наполеона представляетъ рисуемая имъ картина путешествія норою императрицы въ Парижъ черезъ Мюнхенъ, Штутгартъ, Карлсруэ и Страсбургъ. Не смотря на свои годы, все еще пламенный корсиканецъ нетерпѣливо ждалъ приѣзда молодой жены и торопился на сколько возможно минутой ихъ свиданія, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нѣжно заботился о томъ, чтобы быстрая ѣзда не слишкомъ утомляла Марію-Луизу, и старательно регулировалъ всѣ мельчайшія подробности ея путешествія относительно остановокъ, приема депутацій, устраиваемыхъ въ честь ея празднествъ, ея туалета и т. д. Каждый день къ ней являлся курьеръ отъ императора съ какимъ нибудь драгоценнымъ подаркомъ, и она такъ къ этому привыкла, что искренно горевала, если курьеръ опаздывалъ. Съ той минуты, какъ она вступила на французскую землю, письменно и по воздушному телеграфу онъ бесѣдовалъ съ своей юной женой по нѣсколько разъ въ день. Всѣмъ извѣстна та историческая сцена, которая разыгралась въ Курселѣ съ нарушеніемъ установленнаго придворнаго этикета. Впрочемъ, Вандаль рассказываетъ ее теперь въ нѣсколько измѣненномъ видѣ даже относительно его же разсказа объ этомъ событіи въ книгѣ «Наполеонъ и Александръ». Прежде онъ представлялъ свиданіе супруговъ, никогда еще не видѣвшихъ другъ друга, на большой дорогѣ, при чемъ, по его словамъ, Наполеонъ поскакалъ въ коляскѣ навстрѣчу торжественному поѣзду императрицы и, остановивъ его, вскочилъ въ карету Маріи-Луизы, ускоривъ тѣмъ минутой свиданія, которое по имъ же установленному церемоніалу должно было состояться въ парадныхъ палаткахъ, воздвигнутыхъ между Суасономъ и Компьеномъ. Теперь же Вандаль передаетъ этотъ эпизодъ въ слѣдующихъ словахъ: «На одной изъ почтовыхъ станцій передъ Курселемъ, Марія-Луиза увидала у почтоваго дома человѣка, закутаннаго въ широкій плащъ, скрывавшій его ростъ и фигуру. Черезъ минуту открылась дверца ея кареты, и неизвѣстный быстро, не смотря

на свою значительную дородность, вскочилъ въ экипажъ. Она узнала въ немъ императора, и первыя ея слова были: «Вы лучше вашего портрета». Затѣмъ дверца закрылась, и карета понеслась галопомъ, но не въ Курсель, гдѣ ихъ ждали придворные, военные и гражданскіе чины, а прямо, другой дорогой въ Компьень. Тамъ былъ приготовленъ не царственный торжественный приемъ, а настоящее гнѣздо любви, напоминавшее по роскоши волшебную сказку, и туда-то увлекъ свою молодую жену Наполеонъ съ пламеннымъ порывомъ похитителя дѣвственнаго сердца». Что касается до самой Маріи-Луизы, то гораздо интереснѣе разсказа Вандаля новыя свѣдѣнія о ней, представляемыя въ отрывкахъ мемуаровъ Маллэ, которые печатаются въ «Revue Bleue». Этотъ доселѣ невѣдомый политическій дѣятель имперіи былъ главнымъ казначеемъ итальянской арміи послѣ Леобенскаго трактата, восемнадцать лѣтъ служилъ въ главномъ штабѣ принца Евгенія, и когда Наполеонъ былъ сосланъ на островъ Эльбу, то онъ пожелалъ раздѣлить его заточеніе. Подготавливая свое возвращеніе въ Парижъ, императоръ поручилъ этому вѣрному слугѣ тайно отправиться къ его матери въ Ливорно и къ Маріи-Луизѣ въ Парму, съ цѣлю сообщить имъ объ его намѣреніяхъ. Летиція очень обрадовалась сообщенной ей вѣсти и, спустя нѣсколько дней, сама навѣстила сына въ Порто-Феррайо. Но до Маріи-Луизы, тогда герцогини Пармской, было гораздо труднѣе добраться, и это удалось Маллэ только благодаря помощи, состоявшаго при ея дворѣ, французскаго полковника Кастелинара, стараго пріятеля, тайнаго агента Наполеона. Бывшая императрица приняла его поздно вечеромъ, въ слабо освѣщенной маленькой гостиной, и узнавъ, что ея мужъ намѣренъ возвратитъ себѣ престолъ, для чего вскорѣ высадится на французскій берегъ, быстро вскочила и направилась къ двери. «Какая неосторожность, — произнесла она съ испугомъ:—если ему не удастся эта попытка, то какъ дорого онъ за это заплатитъ!» Но когда Маллэ объяснилъ ей, что всѣ ошибки Людовика XVIII и преданность арміи Наполеону ручаются за успѣхъ смѣлаго предпріятія, то она сказала: «Я желаю полной удачи моему мужу и искренно надѣюсь, что она приведетъ къ нашему соединенію, что доставитъ мнѣ величайшее счастье, но я сомнѣваюсь, чтобъ дѣло обошлось такъ легко, какъ вы думаете». Этимъ кончилась аудіенція, и Маллэ съ большими затрудненіями вернулся на Эльбу, откуда черезъ два дня онъ отправился во Францію уже въ рядахъ маленькой арміи, которая въ двадцать дней возвратила французскій престолъ императору. Хотя очень кратко, но чрезвычайно графически разсказываетъ Маллэ эту легендарную эпопею. Во главѣ тысячи ста солдатъ своей старой гвардіи, итальянцевъ и поляковъ, Наполеонъ тайно покинулъ Эльбу на семи судахъ, высадился 1-го марта въ Сен-Жуанской бухтѣ и

сталъ быстро переходить отъ одного успѣха къ другому; посланныя противъ него войска съ восторгомъ становились на его сторону; его маршалы, какъ, на примѣръ, Ней, просили одной чести служить ему простыми солдатами, если, перейдя на сторону Бурбоновъ, они потеряли его довѣріе; муниципалитеты встрѣчали его съ пламенными завѣреніями преданности и, по его собственнымъ словамъ, «императорскій орелъ летѣлъ неудержимо отъ одной колокольни къ другой, до собора Божіей Матери въ Парижѣ». Но вездѣ онъ обращался исключительно къ массѣ, какъ народной, такъ и военной, отказываясь вступить въ переговоры съ начальствующими лицами, которыя присоединялись къ нему лишь подъ давленіемъ массы. «Я сохранилъ къ себѣ расположеніе въ сердцахъ массы, — говорилъ онъ: — и какое мнѣ дѣло до начальниковъ, которые не могли бы принести мнѣ ни малѣйшей пользы, еслибъ массы были противъ меня». Поэтому онъ постоянно обращался прямо къ солдатамъ, игнорируя ихъ начальство, и при первой встрѣчѣ въ Визилѣ съ баталіономъ полковника Роже, который былъ посланъ, чтобъ преградить ему дорогу, онъ отдѣлился отъ своего маленькаго отряда и, прямо подойдя къ одному изъ солдатъ, сказалъ: «Я тебя знаю, ты былъ подъ Аустерлицемъ; неужели ты будешь стрѣлять въ твоего императора?» Солдатъ со слезами на глазахъ отвѣчалъ: «если бы мы и стрѣляли, то не принесли бы вамъ, ваше величество, большого вреда, такъ какъ наши ружья не заряжены». Съ оглушительными криками: «да здравствуетъ императоръ!» весь баталіонъ присоединился къ нему. Въ томъ же духѣ и съ такимъ же успѣхомъ дѣйствовалъ Наполеонъ на всемъ пути. Относительно вступленія его въ Парижъ, 20-го марта, Маллэ сообщаетъ чрезвычайно любопытныя свѣдѣнія, за вѣрность которыхъ онъ ручается. Въ этотъ день, утромъ, сто пятьдесятъ отставныхъ офицеровъ выступили изъ Сенъ-Дени съ четырьмя пушками и по дорогѣ привлекли въ свои ряды нѣсколько генераловъ; прибывъ въ Тюльери, они собираютъ начальниковъ административныхъ частей и сообща рѣшаютъ дѣйствовать отъ имени императора. Никто изъ бывшихъ его министровъ не принимаетъ участія въ этомъ движеніи, и цѣлый день Парижъ управляется группой частныхъ лицъ безъ всякихъ установленныхъ властей, полиціи и т. д. Въ девять часовъ вечера Наполеонъ прибылъ во дворецъ, куда толпа внесла его на рукахъ, и нашелъ готовый обѣдъ; немедленно на Тюльери былъ поднятъ трехцвѣтный флагъ, а на слѣдующій день явилась и маленькая побѣдоносная армія, прошедшая въ 20 дней двѣсти сорокъ миль.

Во время ста дней наибольшую преданность Наполеону, кромѣ народной массы, быть можетъ, оказала Гортензія, дочь Жозефины отъ Богарнэ и жена брата императора, Людовика, короля

Наполеонъ I.
Съ неизданнаго эскиза Бюгра.

голландскаго, характеристикѣ которой посвящена большая статья Люсьеномъ Перэ, имѣвшимъ въ своемъ распоряженіи новые, неизданные матеріалы, въ особенности мемуары маршала Каstellана и письма его отца. Стараюсь нарисовать симпатичный образъ этой легкомысленной женщины и опровергая взводимыя на нее обвинения въ незаконной связи съ самимъ Наполеономъ и голландскимъ адмираломъ Вергюземъ, ея новый біографъ представляетъ

интересныя свѣдѣнія объ ея благородномъ поведеніи относительно ея павшаго благодѣтеля, такъ какъ Наполеонъ всегда былъ очень привязанъ къ своей усыновленной дочери, осыпалъ ее щедротами и до втораго брака считалъ ея старшаго сына, будущаго Наполеона III, своимъ наслѣдникомъ. Послѣ Ватерлоо она сопровождала его въ Мальмэзонъ, гдѣ годъ передъ тѣмъ умерла Жозефина, и не отходила отъ него, отвѣчая на всѣ совѣты окружающихъ ее лицъ не подвергать себя подобной опасности: «Императоръ всегда обращался со мной, какъ съ дочерью, и я всегда буду для него благодарной дочерью». Наканунѣ его отъѣзда она привела къ нему своихъ дѣтей, съ которыми онъ простился въ большомъ волненіи. Прежде, чѣмъ разстаться съ нимъ навѣки, Гортензія просила его оказать ей послѣднюю милость, и когда онъ съ печальной улыбкой кивнулъ головой, она подала ему тяжелый черный кушакъ, говоря: «несите его на вашемъ тѣлѣ, можетъ быть, онъ когда нибудь вамъ пригодится». А на вопросъ императора: «что это такое?» она отвѣчала покраснѣвъ: «мое большое брилліантовое ожерелье». Сначала Наполеонъ отказался взять драгоценный подарокъ, но она такъ горячо настаивала, что онъ согласился и молча обнялъ ее. Во время своего путешествія на островъ св. Елены, онъ передалъ этотъ кушакъ Ласъ-Казасу, объяснивъ, что въ немъ брилліанты королевы Гортензіи на 200.000 фр., и потомъ въ Лонгвудѣ долго не хотѣлъ взять его обратно, а когда Ласъ-Казасъ былъ разлученъ съ Наполеономъ, то возвратилъ черезъ англійскаго офицера вѣренное ему сокровище, которое и оставалось у великаго узника до самой его смерти. Относительно пребыванія Наполеона на островѣ св. Елены нѣтъ ни слова въ особомъ номерѣ «*Vie Contemporaine*», а напечатанные въ «*Correspondant*» Фирменомъ Дидо отрывки изъ мемуаровъ маркиза Моншени, посланнаго въ Лонгвудъ въ качествѣ комиссара французскаго правительства, не представляютъ никакого интереса, такъ какъ ихъ авторъ, самый ограниченный человѣкъ, болѣе рассказываетъ о своихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и о дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ на островѣ, чѣмъ о Наполеонѣ, котораго онъ добился увидѣть только 24 часа послѣ его смерти. Точно также мало интересна для характеристики Наполеона большая статья Ганьера въ «*Revue Nouvelle*» объ отношеніяхъ императора къ папѣ Пію VII, на основаніи донесеній итальянскихъ дипломатическихъ агентовъ; выставляя папу героемъ и мученикомъ, авторъ обвиняетъ Наполеона во всевозможныхъ жестокостяхъ относительно своего узника сначала въ Савоннѣ, а потомъ въ Фонтенебло, приводя даже рассказы клерикаловъ о томъ, что императоръ въ одно изъ своихъ личныхъ свиданій съ папой схватилъ его за волосы, что онъ подкупилъ одного сумасшедшаго патера отравить папу, и что по его приказанію былъ составленъ заговоръ для освобожденія изъ Савонны папы тайными агентами,

игравшими роль англичанъ, съ цѣлью возбудить схватку, въ которой солдаты могли бы свободно убить Пія VII. Всѣ эти нападки на Наполеона, дѣйствительно обращавшагося слишкомъ безцеремонно съ папой, который, однако, съ своей стороны выводилъ его изъ терпѣнія, то отказываясь отъ всякихъ уступокъ, то соглашаясь на всѣ требованія, то отрекаясь отъ подписанныхъ имъ документовъ, не бросаютъ на него, однако, такого мрачнаго свѣта, какъ напечатанныя въ томъ же журналѣ подлинныя письма императора къ различнымъ сановникамъ, которыя были исключены изъ официального собранія его писемъ, изданнаго во время второй имперіи. Эти драгоценныя документы, впервые обнародованные Леонсомъ Братономъ, имѣютъ серьезное историческое значеніе и представляютъ оборотную сторону блестящей по внѣшности, но тягостной по внутреннему гнету наполеоновской тираніи. Большая часть означенныхъ писемъ не что иное, какъ краткіе приказы императора министрамъ полиціи Фушэ и герцогу Ровиго, начальнику почтъ графу Лавалету и т. д. о различныхъ репрессивныхъ мѣрахъ. Первому изъ нихъ онъ, напримѣръ, приказываетъ арестовать американскаго консула въ Генуѣ по подозрѣнію его въ тайныхъ интригахъ въ пользу Англии, прибавляя: «моя полиція не должна знать никакихъ дипломатовъ; я у себя господинъ и арестую кого хочу, даже австрійскаго посла». Въ другой разъ онъ посылаетъ тому же Фушэ вскрытое на почтѣ письмо на имя русскаго императора и поручаетъ ему разузнать, какой французскій литераторъ переписывается съ Александромъ. Въ 1806 году онъ писалъ Фушэ: «Скажите Шенье, что я его сошлю на островъ св. Маргариты, если онъ не будетъ молчать, такъ какъ время на шутки прошло, и его единственное право молчать. А также не допускайте въ Парижъ эту «подлячку» г-жу Сталь». На сколько была велика его ненависть къ этой женщинѣ, видно изъ письма его къ маршалу Виктору, который въ 1807 году былъ губернаторомъ Берлина; въ немъ находятся слѣдующія строки: «Скажите принцу Августу Прусскому, чтобъ онъ велъ себя лучше и не ухаживалъ за г-жею Сталь, которая можетъ научить его только дурному а въ противномъ случаѣ онъ будетъ заточенъ въ какомъ нибудь замкѣ, куда, пожалуй, можно посадить для его развлечения и г-жу Сталь». Герцогу Ровиго Наполеонъ писалъ въ 1810 году: «Я одобряю составленныя вами статистическія свѣдѣнія о всѣхъ жителяхъ Бельгіи и поручаю вамъ заявить отцамъ взрослыхъ дочерей, чтобъ они не выдавали ихъ замужъ безъ моего согласія, такъ какъ я намѣренъ женить на нихъ французовъ, отличившихся на войнѣ». Того же Ровиго онъ осыпалъ упреками за то, что онъ придавалъ слишкомъ большое значеніе болтовнѣ Сабрана въ гостиныхъ Сентъ-Жерменскаго предмѣстья, такъ какъ «подобный франтъ заслуживалъ розогъ, а не производства его въ заговорщики». Графу Лавалету онъ

приказывалъ во время войны съ Испаніей открывать всѣ письма, получаемыя изъ этой страны, и представлять ихъ на его личное разсмотрѣніе, какъ только въ нихъ заключались какія нибудь новости. Цѣлый рядъ другихъ писемъ Наполеона касается до различныхъ карательныхъ мѣръ противъ прессы, которой онъ запрещалъ говорить почти о всемъ; впрочемъ, не только въ печати, но и въ публичныхъ мѣстахъ не дозволялось произносить что либо несогласное съ видами императора; такъ онъ писалъ герцогу Ровиго: «Мнѣ извѣстно, что въ виноторговлѣ на углу улицы Свѣтъ-Онорэ ведутся неблаговидныя рѣчи; прикажите водворить порядокъ въ подобныхъ кабачкахъ».

Если мы перейдемъ къ общимъ взглядамъ на Наполеона, то заслуживаютъ полнаго вниманія три журнальныя статьи выдающихся современныхъ генераловъ, не принадлежащихъ къ французской арміи, именно русскаго Драгомирова, нѣмца барона фонъ-деръ-Гольца и англичанина лорда Вольслея. Первые два, приглашенные редакціей «*Vie Contemporaine*» высказать свое мнѣніе насчетъ военнаго генія Наполеона, исполнили свою задачу совершенно различно. Генераль Драгомировъ, скрывъ свое имя подъ прозрачной подписью генерала Драго, напечаталъ еще только первую часть своихъ отрывочныхъ замѣтокъ подъ общимъ заглавіемъ «*Boutades militaires*» и обѣщаетъ продолжать ихъ въ ближайшемъ будущемъ. Поставивъ себѣ задачей нарисовать въ краткомъ очеркѣ характеристику «великаго авантюриста, который въ одиннадцать лѣтъ достигъ отъ скромнаго положенія артиллерійскаго офицера до императорскаго престола, идя все это время по пути, близко касающемуся гильотины», онъ, конечно, ограничивается военной дѣятельностью своего героя. Прежде всего онъ указываетъ на личную храбрость Наполеона, не допускавшаго, чтобъ человѣкъ могъ чего нибудь бояться, и на его фанатическую вѣру въ себя, которая магически дѣйствовала на массы и заставляла слѣпо повиноваться и умирать за него не только солдатъ, но и маршаловъ, которые всѣ при томъ унаслѣдовали отъ революціи самое свободное отношеніе къ своему главнокомандующему, хотя онъ и сдѣлался императоромъ. Но, по словамъ Драгомирова, храбрости и фанатизма не достаточно, чтобъ сдѣлаться великимъ полководцемъ, и еще необходимо умѣнье поставить себѣ цѣль и придумать самую лучшую комбинацію для ея достиженія. «Въ этомъ отношеніи,—говоритъ русскій генераль,—Наполеонъ не имѣлъ никого себѣ равнаго во всей исторіи, за исключеніемъ, быть можетъ, Анибала; его чисто демоническая способность читать въ душѣ своего соперника, отгадывая его тайныя намѣренія, и однимъ взглядомъ оцѣнять всѣ выгоды и невыгоды данной мѣстности, придавала ему въ глазахъ сторонниковъ и враговъ силу чародѣя и внушала первымъ безграничное довѣріе, а послѣднимъ суевѣрный страхъ». Врожденная способность быстро

соображать военныя комбинаціи и немедленно извлекать всѣ выгоды изъ всякой позиціи была развита Наполеономъ во время его первыхъ походовъ, которые происходили въ горахъ, лучшей мѣстности для усовершенствованія такой способности, и доведена имъ до удивительной виртуозности, по мнѣнію другаго русскаго генерала, его современника, Ермолова. Что же касается до его обаянія, которому подвергались лица, предубѣжденныя противъ него, какъ, напримѣръ, императоръ Александръ, то Наполеонъ пользовался имъ чрезвычайно ловко и съ необыкновеннымъ искусствомъ привлекалъ къ себѣ своихъ сподвижниковъ; такъ, напримѣръ, онъ при Фридландѣ далъ въ полголоса подробную инструкцію Нею, а потомъ, отправляя его на непріятеля, громко воскликнулъ: «Смотрите на Нея, это левъ». «Вообще, — замѣчаетъ Драгомировъ, — Наполеонъ примѣнялъ методы теперешняго гипнотическаго внушенія, хотя совершенно безсознательно, совершенно инстинктивно; на массы онъ вліялъ иначе, и привлекая къ себѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ своей изумительной памятью, добродушной любезностью и щедрыми милостями, онъ главнымъ образомъ дѣйствовалъ на воображеніе. По его собственнымъ словамъ, «воображеніе управляетъ міромъ», и онъ пользовался, какъ никто, этимъ могучимъ орудіемъ, оставаясь самъ недоступнымъ никакой игрѣ воображенія. Для подтвержденія того, какую громадную пользу Наполеонъ извлекалъ изъ этой системы дѣйствія, Драгомировъ передаетъ рассказъ одного русскаго современника Наполеоновскихъ войнъ, имени котораго онъ не называетъ. «Наполеонъ обыкновенно начиналъ сраженіе въ пять часовъ утра, — говорилъ почтенному генералу старый ветеранъ: — выбравъ мѣсто близъ своего резерва, откуда можно было обозрѣвать все поле битвы, онъ слѣдилъ за всѣми движеніями своей арміи, расхаживая взадъ и впередъ, разговаривая съ окружающими лицами, получая донесенія и отправляя приказанія, а часто выговоры; большею частью онъ отказывалъ въ просьбахъ о подкрѣпленіяхъ и посылалъ ихъ только въ крайнемъ случаѣ. Такимъ образомъ дѣло шло до четырехъ часовъ дня, когда онъ садился на лошадь. Всѣ знали, что это значитъ, и въ резервѣ раздавались оглушительные крики: «да здравствуетъ императоръ», которые повторялись всей арміей и наполняли ужасомъ сердца враговъ, чувствовавшихъ, что теперь наступитъ окончательный ударъ, но не подозрѣвавшихъ, откуда онъ грянетъ». Такимъ образомъ Наполеонъ дѣйствовалъ одинаково на воображеніе своей арміи и непріятельской, подготавливая себѣ вѣрную побѣду, благодаря энтузіазму своихъ войскъ и паникѣ, распространявшейся въ ряду враговъ.

Фонъ-дерь-Гольцъ въ своей маленькой статьѣ, посвященной сравненію Наполеона съ Мольтке, прямо признаетъ, что въ продолженіе цѣлаго столѣтія, протекшаго послѣ перваго появленія Наполеона на военной сценѣ въ Тулонѣ, весь свѣтъ черпалъ въ изу-

ченіи Наполеоновскихъ походовъ всѣ принципы военнаго искусства, и что эти походы въ теченіе еще многихъ вѣковъ будутъ служить единственнымъ образцомъ, вдохновляющимъ военныхъ людей. По его словамъ, вся суть этихъ походовъ зиждется на двухъ основахъ: на пользованіи всѣми производительными силами государства для войны и въ направленіи всѣхъ этихъ силъ на уничтоженіе непріателя въ рѣшительныхъ битвахъ. «Система Наполеона вести войну,— говоритъ нѣмецкій генераль,— тѣсно связана съ составомъ современныхъ національныхъ армій, созданныхъ французской революціей и основанныхъ на принципѣ обязательной службы для всѣхъ, а потому пока эти арміи будутъ существовать, войну нельзя вести иначе, какъ по системѣ Наполеона. Только если въ будущемъ, конечно, очень отдаленномъ, возобновится феодальный способъ вербовки арміи, явится возможность примѣненія новыхъ стратегическихъ теорій». Поэтому фонъ-деръ-Гольцъ считаетъ невозможнымъ сравнивать Наполеона съ Фридрихомъ Великимъ, такъ какъ ихъ арміи были совершенно разнаго состава, и гораздо правильнѣе провести параллель между Наполеономъ и полководцемъ, который командовалъ такой же національной арміей, какъ, напримѣръ, Мольтке, хотя между ними въ сущности мало общаго. Историческая карьера Мольтке началась уже подъ старость, а Наполеонъ дебютировалъ въ двадцать четыре года, и притомъ первый никогда не выходилъ изъ роли помощника и совѣтника, а послѣдній исполнялъ эту роль только первые два года своей военной карьеры, а потомъ быстро перешелъ на роли главнокомандующаго и неограниченнаго государя. Никогда Мольтке не могъ вполнѣ свободно развить своего военнаго таланта, а всегда ему приходилось считаться съ высшей властью Вильгельма, и потому, строго говоря, невозможно строгое сравненіе между императоромъ Наполеономъ, абсолютнымъ повелителемъ своей арміи, и начальникомъ главнаго штаба Мольтке, подчиненнымъ своему королю, который былъ дѣйствительнымъ главнокомандующимъ. Но, во всякомъ случаѣ, интересно опредѣлить, на сколько Мольтке примѣнялъ военныя теоріи Наполеона и на сколько онъ ихъ измѣнялъ. Какъ извѣстно, вся сущность Наполеоновской стратегіи заключалась въ томъ, чтобъ концентрировать свои силы и дѣйствовать массами въ рѣшительную минуту; онъ самъ говорилъ: «Мой принципъ заключается въ томъ, чтобъ двигать массы на непріателя». Эта формула означаетъ, что Наполеонъ выбиралъ опредѣленную мѣстность, на которой считалъ всего удобнѣе нанести рѣшительный ударъ непріателю, и тамъ концентрировалъ свои массы въ виду враждебной арміи, но внѣ ея огня и подъ защитой какого либо естественнаго оплота, горы или рѣки, откуда онъ уже двигалъ свои силы сомкнутыми колоннами. Напротивъ, Мольтке въ кампаніяхъ 1866 и 1870 годовъ держался другой формулы, именно: «идти отдѣльно, а соединяться для битвы», и какъ при Кениггрецѣ, такъ и при Седанѣ, онъ концентрировалъ

свои арміи не въ виду врага, а среди его, на самомъ полѣ битвы. Но съ одной стороны система Мольтке была изобрѣтена не имъ, а заимствована у Шарнгорста, а съ другой—она была только видоизмѣненіемъ, смотря по обстоятельствамъ, Наполеоновской теоріи. «Поэтому, — говоритъ фонъ-деръ-Гольцъ, — Мольтке не нарушилъ стратегическихъ принциповъ Наполеона и не замѣнилъ ихъ новыми, а лишь доказалъ, какъ можно ими пользоваться, примѣняясь къ обстоятельствамъ».

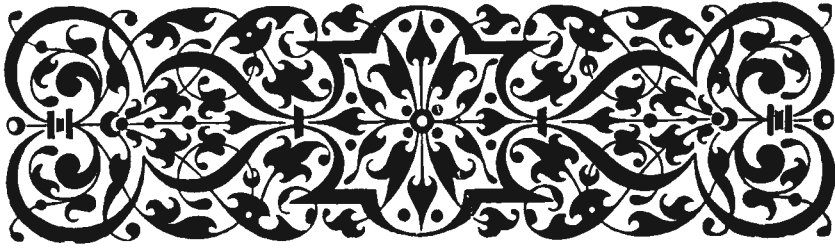
Болѣе обширный трудъ представляетъ очеркъ лорда Вольслея: «Упадокъ и паденіе Наполеона», первая часть котораго появилась въ январьской книжкѣ «Pall-Mall Magazine». Поставивъ себѣ дѣлю прослѣдить въ исторіи послѣднихъ кампаній Наполеона въ 1812, 1813, 1814 и 1815 гг. признаки ослабленія умственныхъ и физическихъ силъ великаго полководца, англійскій генераль доказываетъ, что въ эту эпоху своей жизни Наполеонъ былъ совершенно инымъ человѣкомъ, чѣмъ въ славные годы Маренго, Аустерлица, Иены и т. д. Это различіе между молодымъ, скромнымъ, сдержаннымъ республиканскимъ генераломъ, спустившимся, какъ ураганъ, съ Альповъ на Пьемонтъ и Ломбардію въ 1796 г., и преждевременно отяжелѣвшимъ, дороднымъ, истомленнымъ чрезмѣрной умственной работой, нервнымъ напряженіемъ, физической усталостью и пресыщеніемъ отъ чувственныхъ излишествъ, утопавшимъ въ восточномъ блескѣ императоромъ—было такъ велико, по словамъ лорда Вольслея, что если бы первый явился въ Ватерло, а послѣдній на берегахъ По и Минчіо, то европейская исторія приняла бы совершенно иное теченіе. Главную причину такой поразительной перемѣны въ «величайшемъ изъ великихъ людей» авторъ видитъ въ таинственномъ недугѣ, припадки котораго несомнѣнно повторялись періодически въ послѣдніе годы его удивительной карьеры. Симптомы этого недуга тщательно скрывались, и такъ различны существующія о нихъ, хотя совершенно непреложныя свидѣтельства, что до сихъ поръ нельзя вполне опредѣлить, какой это былъ недугъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что по крайней мѣрѣ въ трехъ случаяхъ, между прочимъ, во время Бородинской битвы, онъ подвергался этимъ припадкамъ. Они обыкновенно наступали послѣ періода громаднхъ умственныхъ усилій и физической усталости, а состояли въ неожиданномъ умственномъ и физическомъ изнеможеніи, имѣвшемъ летаргическій характеръ и сопровождавшемся иногда острыми страданіями. Результатомъ подобнаго припадка было исчезновеніе въ критическую минуту битвы его великой способности обнимать однимъ взглядомъ все положеніе дѣлъ и быстрымъ безошибочнымъ рѣшеніемъ вырывать побѣду у судьбы, такъ что на время онъ предоставлялъ все случаю. Такъ какъ счастье впервые отвернулось отъ «баловня побѣдъ» въ его походѣ на Россію, то лордъ Вольслей начинаетъ свой очеркъ съ этой гибельной для Франціи

войны, которая, однако, была, по его мнѣнію, задумана и подготовлена съ такимъ удивительнымъ искусствомъ, что «врядъ ли исторія можетъ представить другой подобный примѣръ». Если же она кончилась страшной катастрофой, то это случилось не благодаря однимъ климатическимъ условіямъ, какъ полагаютъ вѣкоторые иностранные историки, а главнымъ образомъ, какъ утверждаетъ авторъ, потому, что она была предпринята не съ военной цѣлью, а какъ способъ достигнуть окончательнаго успѣха въ континентальной системѣ, созданной Наполеономъ для уничтоженія Англіи, что Европу и даже Францію довело до отчаянія нестерпимое Наполеоновское иго, что французская армія состояла лишь на треть изъ французовъ, а остальная ея часть была пополнена войсками европейскихъ державъ, жаждавшихъ отомстить Наполеону за ихъ угнетеніе, что помощники Наполеона, его маршалы, желавшіе спокойно наслаждаться плодами своихъ прежнихъ подвиговъ, уже не съ такимъ пламеннымъ энтузіазмомъ и единодушіемъ исполняли его распоряженія, какъ въ бывшія времена, и что, наконецъ, онъ самъ своей нерѣшительностью, колебаніемъ и чрезмѣрной вѣрой въ свою звѣзду подрывалъ возможность полнаго осуществленія своего блестящаго плана. Въ особенности лордъ Вольслей настаиваетъ на послѣдней причинѣ неуспѣшнаго результата кампаніи 1812 г. и указываетъ, какъ на непостижимыя военныя ошибки, на промедленіе Наполеона въ Вильнѣ, Витебскѣ, Смоленскѣ и, наконецъ, въ Москвѣ; что же касается до нерѣшительнаго исхода Бородинской битвы, то онъ приписываетъ его главнымъ образомъ припадку таинственной болѣзни, случившейся въ ту критическую минуту, когда Ней, одержавъ значительный успѣхъ, нуждался только въ подкрѣпленіи, чтобы превратить вполне по-Наполеоновски задуманную битву въ одну изъ величайшихъ его побѣдъ. Ослабленіемъ умственныхъ и физическихъ силъ этого коллоса англійскій авторъ объясняетъ ту непонятную увѣренность въ заключеніи мира императоромъ Александромъ, которая удержала Наполеона такъ долго въ Москвѣ и окончательно погубила его армію, такъ какъ, совершивъ роковую ошибку, именно не оставшись зимовать въ Смоленскѣ, онъ могъ еще въ значительной степени исправить ее, быстро вернувшись туда послѣ занятія Москвы. Какъ бы то ни было, походъ въ Россію, представляющій одно изъ величайшихъ военныхъ предпріятій всѣхъ временъ, окончился самымъ жестокимъ пораженіемъ, и лордъ Вольслей заключаетъ свою блестящую статью слѣдующими общими соображеніями: «Многіе объясняютъ этотъ крупный историческій фактъ только тѣмъ, что счастье отвернулось отъ Наполеона, но, по моему мнѣнію, правильнѣе сказать, что онъ въ это время не былъ прежнимъ человѣкомъ, и что его великое дѣло уже было покончено. Онъ уничтожилъ сгнившіе остатки тѣхъ системъ, которыя были завѣщаны Европѣ средними вѣками, и хотя, достигнувъ императорскаго престола, старался

возстановить нѣкоторыя изъ нихъ, но эта искусственная поддѣлка не могла быть прочной, и наступило время, когда его деспотизмъ долженъ былъ прекратиться. Его иго слишкомъ тяготило цивилизованный мѣръ, и судьбѣ было угодно въ интересахъ человѣчества, чтобы Европа стала дышать свободнѣе.

Для пополненія историческаго матеріала, собраннаго въ отдѣльномъ Наполеоновскомъ номерѣ «*Vie Contemporaine*», помѣщены еще двѣ статьи Генри Бушо о портретахъ Наполеона и Генри Гуссэ о Наполеоновской литературѣ. Разсматривая всѣ извѣстныя изображенія какъ консула, такъ и императора, первый изъ этихъ авторовъ приходитъ къ характеристичному выводу, что, не смотря на существованіе около четырехъ тысячъ картинъ, медальоновъ, статуй, бюстовъ, барельефовъ, эскизовъ и т. д., предметомъ которыхъ служить Наполеонъ, нѣтъ ни одного вполне достовѣрнаго и безусловно похожаго его портрета. Хотя обыкновенно считаютъ, что его черты близко знакомы всѣмъ, но это касается только до общаго абриса его лица, то-есть большаго носа, тонкихъ губъ, полныхъ щекъ и свѣтлыхъ глазъ, а главное въ этомъ лицѣ: его выраженіе, ни на одномъ портретѣ не схвачено вполне вѣрно, такъ какъ ни у кого не было столь подвижнаго и быстро измѣнявшагося выраженія, какъ у Наполеона. Поэтому на всѣхъ самыхъ знаменитыхъ его портретахъ: Давида, Герена, Жиродэ, Жерара, Изабэ, Гро и т. д., а тѣмъ болѣе въ легендарныхъ его изображеніяхъ на картинахъ Шарлэ, Рафета, Мейсовье и проч. выраженіе его лица самое разнообразное и противоположное одно другому. Что касается до Наполеоновской библиографіи, то она такъ обширна и такъ быстро растетъ съ каждымъ днемъ, не смотря на ея почти столѣтнее существованіе, что невозможно подвести ей точнаго итога. Большую услугу историкамъ въ этомъ отношеніи окажетъ обширный трудъ на итальянскомъ языкѣ Альбера Ламброзо, первый выпускъ котораго вышелъ надвяхъ въ Моденѣ подъ заглавіемъ: «*Saggio di una bibliografia ragionata per servire alla storia dell'Epoca Napoleonica*». Его цѣль составленіе полнаго каталога всѣхъ книгъ, брошюръ и статей, могущихъ служить матеріаломъ для исторіи Наполеона, съ краткимъ, но основательнымъ отзывомъ о каждомъ изъ этихъ сочиненій; первый выпускъ ограничивается буквой «А», и въ немъ упомянуто о восьмистахъ шести сочиненіяхъ. Такимъ образомъ, по вѣрному замѣчанію Гуссэ, вся Наполеоновская литература будетъ состоять изъ пятнадцати тысячъ сочиненій. Конечно, эта цифра только приблизительная, и она ежедневно будетъ увеличиваться еще долгое время, хотя бы прошла теперешняя мода на Наполеона во Франціи, такъ какъ онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ историческихъ личностей, о которыхъ европейская литература никогда не договорится досыта.

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Фулье. Исторія философіи. Переводъ П. Николаева.
Москва. 1894.

ВЪ ВИДУ НЕСОМНѢННАГО возрожденія у насъ интереса къ философскимъ вопросамъ, книга г. Фулье ¹⁾ является очень кстати. Въ небольшомъ сравнительно томѣ (500 стр.) и при сравнительно небольшой платѣ (3 р.) русскій читатель имѣетъ возможность ознакомиться со всею философіею въ историческомъ ея развитіи и притомъ не только съ философскими системами, но и съ общественно-государственными ученіями которымъ авторъ отводитъ много мѣста. Слѣшимъ, однако, предупредить читателей, что всей философіи онъ въ учебникѣ г. Фулье не найдетъ. Такъ, онъ не узнаетъ, что на свѣтѣ существовали, напримѣръ, такіе философы, какъ Вольфъ, Шлейермахеръ, или представители общественно-политическихъ ученій на философской подкладкѣ, какъ Гуго Гроцій, Пуфендорфъ и другіе. Значитъ, о полнотѣ изложенія не можетъ быть и рѣчи. Съ другой стороны, не можетъ быть рѣчи и о безпристрастіи въ оцѣнкѣ разобранныхъ въ книгѣ философскихъ системъ. Авторъ задался очень симпатичнымъ методомъ, сулящимъ повидимому полное безпристрастіе. Онъ осуждаетъ тѣхъ историковъ, которые «начинаютъ съ признанія своей собственной точки зрѣнія единственно вѣрною и своей обсерваторіи истиннымъ центромъ вселенной». Онъ полагаетъ, что историку слѣдуетъ «при помощи умственного само-

¹⁾ Автора нѣсколькихъ интересныхъ философскихъ изслѣдованій («La liberté et le déterminisme», «Idée moderne du droit» и т. д.), обратившихъ на себя вниманіе и въ нашей журналистикѣ.

отверженія, составляющаго условіе безпристрастія, забыть о себѣ самомъ... и на нѣкоторое время слиться съ великими мыслителями, идеи которыхъ излагаешь. Нужно продѣлать всю ихъ работу, интересуясь ею на столько же, на сколько интересуешься своей собственной, и проникнуть въ ихъ идеи, если это возможно, еще глубже, чѣмъ проникали они сами». Нельзя не выразить полнаго сочувствія этому принципу, но дѣло въ томъ, что онъ высказывался уже очень часто и никогда никѣмъ не соблюдался, потому что отрѣшиться отъ собственной точки зрѣнія при изученіи сложныхъ отвлеченныхъ вопросовъ—задача если не невозможная, то чрезвычайно трудная. Г. Фулье далеко отъ проповѣдуемаго имъ безпристрастія, и это видно съ первыхъ же страницъ его труда. Платонъ говорилъ, что управлять міромъ должны философы; г. Фулье доказываетъ, что міромъ управляютъ идеи. Измѣните идеи, и вы все измѣните; сохраните прежнія идеи, и какія радикальныя реформы вы ни произвели бы въ обществѣ,—все возвратится въ прежнее состояніе. Съ этимъ положеніемъ г. Фулье можно согласиться, но только не въ томъ смыслѣ, какъ онъ его понимаетъ. Конечно, культурныя, социальныя, законодательныя перемѣны по времени болѣе или менѣе совпадаютъ съ перемѣнами въ области идей. Но это отнюдь еще не значитъ, что тутъ есть строгая причинная связь и притомъ такая, какую представляетъ себѣ г. Фулье. Великія историческія событія далеко не всегда обусловливаются переворотомъ въ области идей. Возьмемъ хотя бы такой крупный историческій фактъ, какъ великое переселеніе народовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какую идею вызвано оно? Конечно, тою идеею, что есть страны, гдѣ можно жить привольнѣе, лучше, или, выражаясь совершенно прозаично, сытѣе. Идея эта составляетъ неизбѣжную принадлежность всякаго живого организма, — составляетъ не столько идею, сколько потребность, и поэтому можно съ такимъ же основаніемъ утверждать, что міръ управляется не идеями, а потребностями, что потребности заставляютъ человѣка размышлять о томъ, какъ ихъ легче и полнѣе удовлетворить, и что результатомъ этой мыслительной работы являются сужденія, представленія, наконецъ, идеи и ихъ объединеніе въ формѣ философскихъ системъ. Такимъ образомъ не идеи, какъ полагаетъ г. Фулье, являются первоисточникомъ тѣхъ или другихъ историческихъ перемѣнъ, а человѣческія потребности, которыя приводятъ къ тѣмъ или другимъ крайне измѣнчивымъ и непостояннымъ идеямъ, составляющимъ предметъ философіи.

Но г. Фулье твердо вѣрить, что идея всемогуща, другими словами, онъ принадлежитъ къ числу ярыхъ метафизиковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляется не только его взглядъ на различныя философскія системы, но и мѣсто, которое онъ имъ отводитъ въ своемъ трудѣ. Опредѣливъ предметъ философіи въ смыслѣ «изученія духа, размышляющаго о своей сущности», онъ вынужденъ сознаться, что «центръ перспективы философа всегда болѣе или менѣе личный», и что «другія личности изъ другихъ личныхъ центровъ увидятъ и другія перспективы». Мало того, оказывается, что «воля, когда въ ней преобладаетъ сознаніе и любовь къ своему внутреннему идеалу, практически рѣшаетъ на свой собственный страхъ проблему о сущности бытія,—проблему, которую еще не удалось разрѣшить чистой теоріи». Значитъ, прочитавъ книгу г. Фулье, мы не получимъ отвѣта на занимающій насъ теперь такъ сильно вопросъ о томъ, въ чемъ сущность жизни и какъ намъ жить. Эту проблему «не удалось еще разрѣшить чистой теоріи», и

всякому предоставляется рѣшить ее по своему, руководствоваться «любовію къ своему внутреннему идеалу». Поэтому, тѣмъ, кто ищетъ отвѣта на вопросъ, — зачѣмъ мы живемъ и какъ намъ жить,—книга г. Фулье готовитъ горькія разочарованія. Но имъ угрожаетъ еще и другое разочарованіе. Хотя авторъ глубоко вѣритъ въ прогрессъ, и слѣдовательно можно было бы ожидать, что наиболѣе близкія намъ по времени философскія системы будутъ имъ изложены особенно тщательно, оказывается, что онъ наоборотъ льнетъ къ болѣе отдаленнымъ системамъ, — системамъ преимущественно метафизическимъ, и что современныя системы его менѣе всего интересуютъ. Позитивизму онъ еще отводитъ сравнительно довольно много мѣста. Но для матеріализма у него находится всего тринадцать строкъ,— часло, боимся фатальное, для успѣха книги въ этомъ отношеніи.

Мы, однако, нисколько не желаемъ дискредитировать значеніе труда г. Фулье. Онъ добросовѣстно изучилъ свой предметъ и мѣстами чрезвычайно удачно справляется съ трудною задачею изложить въ краткихъ словахъ сущность той или другой философской системы. Поэтому отъ души рекомендуемъ всѣмъ, интересующимся философіею и не имѣющимъ досуга самостоятельно ею заняться, приобрести книгу нашего автора. Переводъ въ общемъ весьма удовлетворителенъ. Къ сожалѣнію, только его искажаетъ нѣкоторая небрежность въ стилистикѣ. Такіе обороты, какъ «исторія фактически подтверждаетъ фактами» или «кромѣ того, вмѣсто того, чтобы полагать» или «всеобщее никогда невозможно охватить» и пр., встрѣчаются слишкомъ часто.

Р. С.

М. С. Корелинъ. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Выпускъ 1-й. Египетскіе боги, ихъ храмы и изображенія. Москва. 1894.

Недавно вышедшій въ свѣтъ первый выпускъ предпринятой профессоромъ Московскаго университета М. С. Корелинымъ серіи культурно-историческихъ очерковъ, долженствующей восполнить ощутительный пробѣлъ въ нашей историко-педагогической и популярно-исторической литературѣ, представляетъ собою краткій, но чрезвычайно содержательный очеркъ древне-египетской культуры. Такимъ образомъ, содержаніе книжки г. Корелина не исчерпывается ея заглавіемъ: первое значительно шире послѣдняго. Впрочемъ, заглавіе это вполне оправдывается тою первенствующею ролью, какую играли «боги и храмы» въ культурной жизни египтянъ, какъ и другихъ историческихъ народовъ древняго міра. Для древняго человѣка религія была тѣмъ фокусомъ, въ которомъ сходились всѣ лучи духовной жизни народа. Религія была той областью, въ которой одной человѣкъ и искалъ и находилъ удовлетвореніе, какъ своимъ умственнымъ интересамъ, такъ и эстетическимъ потребностямъ: философія и поэзія, наука и искусство, сливались въ религіи въ одинъ гармоническій синтезъ. «Молитва и религиозная пѣснь исчерпывали у нихъ (то-есть древнихъ народовъ) лирическую поэзію. Сказаніе о богахъ является древнѣйшимъ образцомъ эпоса, первымъ произведеніемъ художественной фантазіи. Миѣ то же замѣнялъ и науку. Разнообразныя явленія природы, жизнь растений и животныхъ, глубокая тайна происхожденія міра и человѣка, начала общественной жизни и культуры, словомъ все, что составляетъ предметъ человѣческой любознательности, все это объяснялось религиозными преданіями. Религіей удовлетво-

рядились и потребности въ искусствѣ: музыкой и пляской искони сопровождалось богослуженіе; храмъ былъ первой художественной постройкой; первая статуя и картина изображали божество. Наконецъ, все, на что народъ надѣялся; все, о чемъ онъ мечталъ; все, что онъ считалъ правдой и добромъ,— все это сосредоточивалъ онъ на религіи и преимущественно на ученіи о загробной жизни» (стр. 3).

Коротенькій очеркъ г. Корелина составленъ на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій въ области египтологіи, главнымъ образомъ на основаніи капитальнаго труда французскихъ египтологовъ Перро и Шипье. Изъ названнаго сочиненія, богато иллюстрированнаго, заимствованы г. Корелинымъ и рисунки для своей книжки; послѣдніе знакомятъ читателя съ наиболѣе типичными образцами египетскаго искусства въ области ваянія и зодчества. Характеристика египетскаго искусства излагается авторомъ въ тѣсной органической связи съ религіей, которой, какъ уже видно изъ заглавія, отведено центральное мѣсто въ очеркѣ г. Корелина. Характеристика религіозныхъ воззрѣній иллюстрируется удачно выбранными и сжато, но живо, изложенными эпизодами изъ египетской мифологіи.

Какъ на одно изъ важнѣйшихъ внутреннихъ достоинствъ разсматриваемаго сочиненія, слѣдуетъ указать на очень умѣлое соединеніе характеристики культурныхъ состояній съ изложеніемъ историческаго процесса какъ въ области культурной, такъ равно и политической исторіи; авторъ не раздѣляетъ этихъ отдѣльныхъ элементовъ своего предмета, но и не сливаетъ ихъ въ одну безразличную массу, а излагаетъ ихъ въ тѣсной и органической взаимной связи.

Книжка г. Корелина предназначается собственно въ качествѣ пособія для воспитанниковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній; но несомнѣнно она найдетъ читателей и за предѣлами педагогической среды. Всякій, интересующійся культурною исторіею, не-специалистъ прочтетъ съ интересомъ и пользою этотъ легко и съ знаніемъ дѣла написанный очеркъ, тѣмъ болѣе, что наша популярно-научная литература не выставила за послѣдніе годы, на сколько намъ извѣстно, ни одного оригинальнаго сочиненія, посвященнаго египетской культурѣ¹⁾, представляющей, правду сказать, совершенную *terra incognita* для массы русской образованной публики.

Не можемъ, однако, пройти молчаніемъ одинъ, правда, чисто внѣшній недостатокъ книжки г. Корелина: у нея нѣтъ ни оглавленія, ни указателя, который бы могъ до извѣстной степени замѣнить оглавленіе. То, безъ чего можетъ еще обойтись книга для чтенія, не можетъ отсутствовать въ «пособіи» безъ ущерба для его удобства, какъ справочной книги. Небольшой объемъ книжки можетъ, конечно, до извѣстной степени извинить этотъ недостатокъ, но не оправдать его.

Что до внѣшности изданія, то она вполнѣ безукоризненна, хотя это обстоятельство не можетъ, по нашему мнѣнію, служить достаточнымъ оправданіемъ сравнительно высокой цѣны книжки: 50 копеекъ за книжку въ 55 страницъ, хотя бы и иллюстрированную, едва ли можно признать умѣренной, тѣмъ болѣе, что изданіе, одобренное министерствомъ народнаго просвѣщенія, можетъ рассчитывать на широкій сбытъ. П. А.

¹⁾ Если не считать переводной книжки Масперо, вышедшей около двухъ лѣтъ тому назадъ.

А. Н. Чермный. «Черный капитанъ». Морская легенда. Спб. 1894.

Талантливо написанная подъ этимъ заглавіемъ книга заключаетъ въ себѣ цѣлую серію разсказовъ, посвященныхъ описанію моря и жизни моряковъ. Каждый разсказъ вполне самостоятеленъ и производитъ на читателя впечатлѣніе, характерное своей цѣлостностью и новизной. Не смотря на то, что авторъ черпаетъ свои темы изъ одного и того же источника— моря, онъ нигдѣ не повторяется, и разсказы его полны разнообразія и въ выборѣ сюжетовъ, и въ постановкѣ дѣйствующихъ лицъ, и въ описаніяхъ моря. Относительно выбора мѣстъ дѣйствія авторъ является космополитомъ. Онъ переноситъ читателя то въ сѣверное, то въ южное полушаріе, то на экваторъ. Одно дѣйствіе у него происходитъ у береговъ сѣверной Америки, другое въ европейскомъ внутреннемъ морѣ и т. д. Для него, какъ для моряка-писателя, открытъ весь міръ, и всѣ морскіе пути знакомы. Въ легендѣ «Черный капитанъ» онъ знакомитъ читателя съ Южнымъ океаномъ, рисуя полужантасическую, полуреальную картину доживающаго свой вѣкъ невольничьяго корабля, перевозившаго когда-то живой черной товаръ изъ Африки на американскія плантаціи. Въ этомъ разсказѣ онъ даетъ цѣлый рядъ увлекательно и талантливо написанныхъ сценъ изъ морской жизни. Мрачное настроеніе экипажа, его бунтъ, боцманъ, читающій Библию надъ трупомъ таинственнаго капитана—все это производитъ угнетающее впечатлѣніе. Дѣйствіе слѣдующаго разсказа, схваченнаго изъ быта контрабандистовъ, происходитъ въ Нью-Портѣ. Типы контрабандистовъ, подонковъ общества, собравшихся съ разныхъ концовъ свѣта, описаны удачно. Они проходятъ передъ глазами читателя, какъ живые, со всѣми своими пороками, алчностью, наглостью и безумною отвагою, необходимою при ихъ ремеслѣ. Среда, которую описываетъ г. Чермный, это—грубые морскіе волки съ изуродованными инстинктами и извращенными чувствами и мыслями. Но авторъ, благодаря свойственному его перу чувству мѣры, описывая этихъ полуживей, не только не оскорбляетъ нигдѣ чувства читателя, но даже умѣетъ примирить его, выставивъ вскользь то ту, то другую хорошую сторону этихъ загрубѣлыхъ натуръ. Въ разсказѣ «Помощь съ берега», дѣйствіе котораго происходитъ въ Сѣверной Америкѣ, у береговъ Флориды, разыгрывается довольно симпатичный романъ. Грубый, закорузлый морякъ влюбляется въ случайно встрѣченную имъ дѣвушку, совершаетъ ради этой любви цѣлый рядъ самоотверженныхъ подвиговъ, рискуя жизнью, и затѣмъ уже узнаетъ, что онъ все это дѣлалъ въ пользу другаго, болѣе счастливаго человека. При чтеніи книги г. Чермнаго видно, что онъ знакомъ съ особенностями жизни каждаго изъ описываемыхъ имъ портовъ и морей, что онъ бывалъ въ нихъ и былъ на мѣстѣ свидѣтелемъ той жизни, которой живутъ его герои. Постоянное стремленіе автора не отступать въ своихъ описаніяхъ отъ истины дѣлаетъ ихъ особенно цѣнными. Разсказы г. Чермнаго имѣютъ еще и другое достоинство: они овладѣваютъ читателемъ, уносятъ его подъ другое небо, картинно-художественно рисуютъ живые подъ другими широтами и заставляютъ невольно забывать ежедневную, будничную обстановку.

Г. Чермный описываетъ не одну только современную намъ морскую жизнь. Не менѣе талантливо рисуетъ онъ давно минувшія событія. Таковъ его разсказъ «Какъ люди тонутъ». Разсказъ этотъ—цѣлая историческая

драма, происходившая въ концѣ сѣроковыхъ годовъ на Черномъ морѣ въ Новороссійской бухтѣ. Здѣсь подъ ударами страшной боры погибла небольшая русская эскадра. Гибель этихъ судовъ производитъ на читателя потрясающее впечатлѣніе. Люди, боровшіеся съ этимъ ужаснымъ и могучимъ явленіемъ природы, умирали, какъ герои. Фабула разсказа взята изъ официальныхъ донесеній. Донесенія эти, если переложить ихъ на «береговой» языкъ, представляютъ собою страницы, каждая строка которыхъ,—выражаясь словами автора,—буквально облита кровью многихъ невѣдомыхъ и скромныхъ героевъ. Во время боры погибъ тендеръ «Струя», и вмѣстѣ съ нимъ пошли ко дну командиръ ея П. А. Леоновъ, офицеры и до пятидесяти человекъ команды. Во время шторма было около 16 градусовъ мороза. Людямъ приходилось работать подъ непрерывнымъ дождемъ ледяныхъ иглъ и при страшномъ вѣтрѣ, захватывавшемъ дыханіе; отъ мороза, вѣтра и ледяныхъ иглъ у матросовъ слѣзала кожа съ лица и рукъ. Описывая смерть, налетѣвшій на эскадру, нечеловѣческія усилія команды, работавшей на тендерѣ, геройство командира Леонова, вѣстоваго, который изъ преданности бьетъ командира по лицу, чтобы не дать ему заснуть вѣчнымъ сномъ отъ утомленія и мороза, и, наконецъ, гибель судна, г. Черный является далеко не дюжиннымъ художникомъ. Вообще этотъ разсказъ принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній автора въ историческомъ жанрѣ. Онъ всесторонне, глубоко и добросовѣстно обдуманъ. Воспроизвести картину минувшаго, прошлаго событія и при этомъ воспроизвести ее правдоподобно, пользуясь только сухими официальными данными, — задача далеко не легкая. Разсказъ этотъ можетъ съ полнымъ правомъ занять одно изъ выдающихся мѣстъ въ исторіи кораблекрушеній на русскихъ, внутреннихъ моряхъ.

А. Ч—въ.

Историческій очеркъ обложенія торговли и промысловъ въ Россіи съ приложеніемъ матеріаловъ по торговопромышленной статистикѣ. Спб. 1893.

Книга, заглавіе которой приведено выше, издана департаментомъ торговли и мануфактуръ. Предсѣдатель высочайше утвержденной комиссіи для общаго пересмотра узаконеній, относящихся къ обложенію торговли и промышленности въ Россіи, директоръ названнаго департамента В. И. Ковалевскій, поручилъ составить это изслѣдованіе управляющему Варшавскою казенною палатою г. Рудченко «съ специальною цѣлью дать возможно полный и обработанный историческій и статистическій матеріалъ для всесторонняго обсужденія вопроса въ комиссіи». Составленіе таблицъ по торговопромышленной статистикѣ произведено по особой программѣ статистическимъ отдѣленіемъ того же департамента подъ наблюденіемъ столоначальника г. Жданова.

Первый отдѣлъ книги, т. е. историческая часть, занимаетъ 423 страницы. Всѣхъ таблицъ—10; въ нихъ помѣщены свѣдѣнія: о поступленіи торговыхъ сборовъ (съ 1812 по 1891 г.), о недоимкахъ по раскладочному сбору (къ 1-му января 1891 г.), о родѣ и числѣ выданныхъ торговыхъ документовъ (съ 1865 по 1891 г.), о раскладочномъ сборѣ (1887—1891 гг.), о процентномъ сборѣ (1887—1891 гг.) и о нарушеніи торговыхъ правилъ и о жалобахъ (за 1887—1891 гг.). Приведенныя въ этихъ таблицахъ официальныя цифровыя

данныя, при скудости вообще статистическихъ матеріаловъ, касающихся торговли и промысловъ въ Россіи, въ особенности за послѣднее время, могутъ служить очень полезнымъ матеріаломъ для занимающихся специально изслѣдованіями о современномъ экономическомъ положеніи Россіи. При умѣломъ пользованіи этими таблицами изъ нихъ можно извлечь новые и очень полезные выводы.

Что же касается исторической части «Очерка», то о ней можно сказать только, что она представляетъ тщательный сводъ печатныхъ и преимущественно официальныхъ свѣдѣній по предмету обложенія торговли и промысловъ, но едва ли соответствуетъ назначенію всего изданія — «дать возможно полный и обработанный историческій и статистическій матеріалъ для всесторонняго обсужденія вопроса». Составитель историческаго отдѣла книги, г. Рудченко, говоритъ: «Вопросъ объ обложеніи торговли и промышленности на правильныхъ основаніяхъ составляетъ одну изъ самыхъ сложныхъ и трудныхъ задачъ не только финансовой практики, но и торговой политики. Отъ такого или иного разрѣшенія этого вопроса можетъ зависѣть, какъ увеличеніе или уменьшеніе дохода казны отъ промысловаго налога, такъ и самый ростъ или задержка торгово-промышленной дѣятельности. Поэтому, первымъ условіемъ удовлетворительнаго рѣшенія столь важной для государства задачи является всестороннее изученіе настоящаго вопроса въ его прошломъ и современномъ положеніи». Но для «всесторонняго изученія» недостаточно простаго подробнаго исчисленія правительственныхъ распоряженій по части обложенія налогами торговли и промысловъ, а въ этомъ именно и заключается весь историческій отдѣлъ «Очерка».

Сколько намъ извѣстно, въ архивахъ и канцеляріяхъ правительственныхъ учрежденій и министерства финансовъ, въ особенности, должны сохраняться многіе документы, въ которыхъ въ свое время были всесторонне обсуждены выгоды и невыгоды законопроектвъ по части обложенія налогами торговли и промышленности. Извлеченія изъ этихъ документовъ составили бы именно лучшую часть книги, о которой идетъ рѣчь; но почему не было признано полезнымъ напечатать эти свѣдѣнія, столь необходимыя для «всесторонняго изученія» предмета, остается неизвѣстнымъ.

Н. Ш—евъ.

Архивъ князя Воронцова. Книга тридцать девятая. Москва. 1893.

Эта книга «Архива князя Воронцова» содержитъ въ себѣ письма Левшина, Бутенева и Сабанѣева къ князю М. С. Воронцову. Письма Алексѣя Иракліевича Левшина относятся къ 1828—1846 годамъ и заключаютъ важный матеріалъ для исторіи Одессы, которую Левшинъ управлялъ съ 1831 по 1838 годъ. Въ 1838 г. произошли какія-то личныя непріятности между нимъ и М. С. Воронцовымъ, тогдашнимъ начальникомъ Новороссійскаго края; кромѣ того, онъ былъ заподозрѣнъ въ ушущеніяхъ по службѣ, такъ что принужденъ былъ выйти въ отставку. Но и послѣ этого интересъ къ Одесѣ не ослабѣлъ, и въ своихъ письмахъ Левшинъ попрежнему удѣляетъ много мѣста одесскимъ злобамъ дня. Письма Аполинарія Петровича Бутенева относятся къ 1832—1845 гг. Въ 1830 г. Бутеневъ былъ назначенъ русскимъ посланникомъ въ Константинополь и оставался въ этой должности до 1840 г., когда по болѣзни дочери принужденъ былъ взять продолжительный отпускъ.

Это пребываніе Бутенева въ Турціи ознаменовалось возстаніемъ египетскаго паши Мегметъ-Али и поддержкой султана со стороны Россіи. Флотъ и войска наши были на Босфорѣ, и Россія получила для своихъ кораблей право свободнаго прохода черезъ проливы. Въ 1842 г. Бутеневъ снова былъ отправленъ въ Константинополь съ особымъ важнымъ порученіемъ касательно сербскихъ дѣлъ, а лѣтомъ 1843 г. онъ получилъ мѣсто посланника при римскомъ и тосканскомъ дворахъ, гдѣ пробылъ до 1853 г. Уже изъ этихъ краткихъ біографическихъ свѣдѣній видно, что письма Бутенева, относящіяся къ столь важному періоду его дѣятельности, должны дать богатый матеріалъ для исторіи тогдашней дипломатіи на востокѣ. Особенно любопытны сообщаемыя Бутеневымъ свѣдѣнія о столкновеніяхъ русской и англійской политики въ Стамбулѣ и на Кавказѣ. Письма Бутенева писаны пофранцузски. Третій корреспондентъ князя Воронцова, Иванъ Васильевичъ Сабанѣевъ принадлежитъ къ числу даровитѣйшихъ русскихъ генераловъ, но обстоятельства всегда складывались для него такъ неблагопріятно, что ему не удалось обнаружить вполнѣ своего военнаго таланта. Службу онъ началъ въ 1787 г. и отличился уже во вторую турецкую войну, затѣмъ служилъ въ Польшѣ подъ начальствомъ Суворова и съ нимъ же совершалъ итальянскій походъ. Въ царствованіе Александра I Сабанѣевъ также принималъ участіе почти во всѣхъ войнахъ. Переписка его съ Воронцовымъ начинается съ 1812 г., когда Сабанѣевъ состоялъ въ арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ. За отличныя заслуги во время этой войны его назначили дежурнымъ генераломъ арміи. Но Сабанѣевъ, по природѣ болѣе склонный къ боевой жизни, страшно тяготился штабной службой и въ 1815 г. перешелъ на постъ дивизионнаго командира, а въ слѣдующемъ году былъ назначенъ командиромъ корпуса. Эту обязанность онъ исполнялъ до 1828 г., когда разстроенное здоровье заставило его ѣхать лечиться въ Дрезденъ, гдѣ онъ и скончался 27-го августа 1829 г. Переписка Сабанѣева съ Воронцовымъ, относящаяся къ 1812 — 1829 гг., даетъ много матеріаловъ для исторіи Отечественной войны и войны за освобожденіе Европы, а также заинтересуетъ и историка русской арміи, который въ письмахъ Сабанѣева за то время, когда онъ командовалъ корпусомъ, найдетъ много данныхъ о состояніи нашихъ войскъ вообще и о мѣрахъ для распространенія въ нихъ просвѣщенія въ особенности.

С. А—въ.

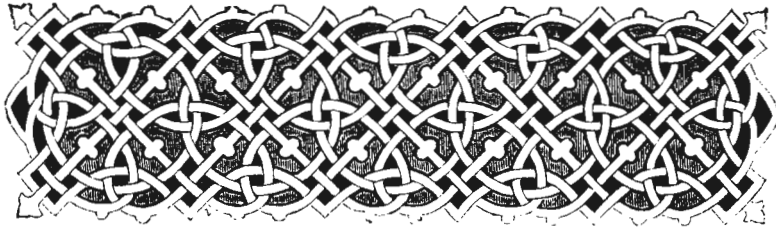
М. Дьяконовъ. Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія. Спб. 1893.

Важный вопросъ о началѣ крѣпостнаго права въ древней Руси до самаго послѣдняго времени остается вопросомъ очень спорнымъ и далеко еще не рѣшеннымъ. Часть изслѣдователей, съ проф. В. И. Сергѣевичемъ во главѣ, настаиваютъ на томъ, что прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ произошло при Федорѣ Ивановичѣ и было результатомъ правительственныхъ соображеній. Другіе же, профессора М. Ф. Владимірскій-Будановъ, И. Е. Энгельманъ и В. О. Ключевскій, поддерживаютъ теорію, высказанную еще Погодинымъ, доказывая, что до изданія Уложенія никакого общаго указа о прикрѣпленіи не существовало, и что прикрѣпленіе было результатомъ чисто экономическихъ отношеній между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ. Какъ та, такъ и другая сторона располагаетъ слишкомъ незначительнымъ коли-

чествомъ фактовъ для того, чтобы рѣшить вопросъ окончательно, чтобы убѣдить своихъ противниковъ. «При такихъ условіяхъ,—справедливо замѣчаетъ авторъ настоящаго изслѣдованія,—представляется весьма желательнымъ, чтобы всякаго рода новыя данныя, относящіяся къ разсматриваемому вопросу, пускались въ обращеніе по возможности скорѣе и въ возможно болѣе полномъ видѣ». На этомъ основаніи проф. Дьяконовъ печатаетъ нѣсколько документовъ, найденныхъ имъ въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Документы эти относятся большею частью къ XVI в. и любопытны въ томъ отношеніи, что ясно показываютъ, какъ замирало право перехода крестьянъ ранѣе 1584 г., т. е. до начала царствованія Ѳедора Ивановича. Въ предисловіи, предпосланномъ этимъ актамъ, проф. Дьяконовъ высказываетъ нѣсколько критическихъ замѣчаній на нѣкоторыя положенія проф. Сергѣевича, Ключевского и г. Милюкова: съ одними онъ соглашается и находитъ для нихъ новыя подтвержденія, относительно другихъ высказываетъ сомнѣнія. Дольше всего проф. Дьяконовъ останавливается на мало выясненномъ институтѣ старожильства и приходитъ къ тому заключенію, что крестьяне-старожильцы, на какихъ бы земляхъ они ни жили, совершенно не пользовались правомъ перехода уже во второй половинѣ XVI в. и такимъ образомъ «составили первую по времени категорію нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ». Въ заключеніе авторъ останавливается на вопросѣ о финансовыхъ правахъ землевладѣльца надъ крестьянами и связанной съ ними податной отвѣтственности помѣщиковъ за крестьянъ. Проф. Дьяконовъ устанавливаетъ фактъ этой отвѣтственности и видитъ въ ней важный юридическій элементъ въ составѣ крѣпостнаго права. При наличности этого элемента, говоритъ г. Дьяконовъ, ростъ власти помѣщиковъ надъ личностью крестьянъ не только не встрѣчалъ существенныхъ преградъ, но и имѣлъ весьма благопріятную почву. Хорошо извѣстныя изъ практики XVII вѣка проявленія помѣщичьяго произвола начинаютъ обнаруживаться уже въ послѣдней четверти XVI вѣка и даже получаютъ официальную санкцію или, по крайней мѣрѣ, безбоязненно регистрируются. Къ этому же времени относятся уже и сдѣлки на крестьянъ безъ земли. Такимъ образомъ, проф. Дьяконовъ въ настоящемъ своемъ изслѣдованіи даетъ нѣсколько новыхъ фактовъ въ пользу того мнѣнія, что крѣпостное право есть продуктъ древне-русской жизни, результатъ социальныхъ и экономическихъ условій того времени.

В. Б.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

КТО ДѢЙСТВИТЕЛЬНО открылъ Америку? Празднованіе въ прошедшемъ году четырехсотлѣтняго юбилея Колумба, повидимому, не увеличило, а только уменьшило его славу. Теперь оказывается, что въ открытіи Нового Свѣта его опередили другіе смѣлые мореплаватели. Извѣстный путешественникъ Джонъ Муррей въ обстоятельной статьѣ, помѣщенной въ «Scottish Geographical Magazine», указываетъ, что еще греки имѣли понятіе о кругломъ видѣ земли, и Аристотель увѣрялъ, что Индія находится недалеко отъ Геркулесовыхъ столбовъ, а древніе скандинавы, которые колонизировали въ IX вѣкѣ Исландію и Гренландію, положительно бывали въ Америкѣ. Такъ, около 1000 года, Лейфъ Эриксоновъ съ товарищами посѣтилъ берега Лабрадора, Ньюфаундленда и Новой Англии, въ XI вѣкѣ Торфинъ основалъ колонію въ Америкѣ, но потомъ скандинавы прекратили свои сношенія съ ней, и послѣдняя ихъ экспедиція туда была въ 1347 году. Но очень сомнительно, чтобъ Колумбъ зналъ объ этихъ подвигахъ его предшественниковъ, и потому его слава не можетъ быть омрачена ими, а гораздо опаснѣе для нея любопытныя свѣдѣнія, сообщаемыя капитаномъ англійскаго флота Гамбьеромъ въ январской книжкѣ «Fortnightly Review» объ открытіи въ 1488 году рѣки Амазонки французскимъ шкиперомъ изъ Дьена Жаномъ Кузеномъ. Если достовѣрность этого факта будетъ вполне доказана, то Колумбъ не только лишится славы открывателя Америки, но даже своего честнаго имени, такъ какъ, по словамъ Гамбьера, онъ зналъ объ открытіи Кузена и, скрывъ его, отправился самъ открывать Новый Свѣтъ четыре года послѣ того, что онъ былъ уже дѣйствительно открытъ. Судя по разсказу Гамбьера, Жанъ Кузенъ такъ отличился въ войнѣ съ англичанами въ 1487 году, что дьепскіе купцы поручили ему предпринять на особомъ кораблѣ путешествіе съ цѣлью географическихъ открытій для развитія ихъ торговли. Онъ зналъ Тосканелли, который впервые далъ Колумбу мысль о достиженіи востока

черезъ западъ, и, взявъ въ помощники испанца, Винцента Пинсона, отправился въ путь въ январѣ слѣдующаго года. Два мѣсяца онъ шелъ на западъ и, наконецъ, очутился въ устьѣ большой рѣки, величина которой ясно доказывала, что она протекаетъ не по острову, а по значительному материку. Назвавъ ее Мараньономъ, Кузень отправился въ Африку, такъ какъ его главная цѣль заключалась въ развитіи торговыхъ сношеній своего роднаго города. Но тамъ Пинсонъ поссорился съ туземцами и подвергъ большой опасности африканскую торговлю французовъ, а потому это обстоятельство совершенно отодвинуло на задній планъ открытіе Кузеномъ Новаго Свѣта и побудило Дьепъ изгнать Пинсона навсегда изъ предѣловъ Франціи. Тогда этотъ послѣдній перебрался въ Геную, а оттуда съ своими двумя братьями въ Палось, близъ котораго находилась Ла-Рабида, куда около того же времени явился Колумбъ, неожиданно отказавшійся отъ мысли ѣхать съ своимъ зятемъ во Францію. Настоятель этого монастыря, близкій пріятель братьевъ Пинсонъ, также неожиданно признаетъ практичность Колумбовскаго плана и не только пишетъ въ его пользу королевѣ, духовнымъ отцомъ которой онъ былъ въ прежнее время, но и представляетъ его Фернанду. Къ общему удивленію, королева соглашается помочь Колумбу, а онъ настаиваетъ съ большей энергіей, чѣмъ прежде, на титулѣ и деньгахъ, которыми должны наградить его за предстоявшее открытіе. Наконецъ, добившись своей цѣли, онъ отправляется въ Палось, гдѣ дѣятельно помогаютъ ему въ сборахъ всѣ три брата Пинсонъ, которые, въ томъ числѣ и дьепскій морякъ, выходятъ съ нимъ въ море. На пути, когда уже было пройдено 1.200 миль, Колумбъ собралъ совѣтъ изъ своихъ сподвижниковъ, и нѣкоторые изъ нихъ совѣтовали вернуться, но Пинсоны настаивали на томъ, чтобы идти далѣе и громко требовали, чтобы Колумбъ направилъ свои суда южнѣе. Вернувшись въ Испанію послѣ знаменитаго открытія Новаго Свѣта, одинъ изъ нихъ, именно Винцентъ, опережаетъ Колумба и прежде него является къ королевѣ. Ограбивъ Кузена и сообщивъ Колумбу всѣ свѣдѣнія объ его открытіи, Пинсонъ, по словамъ Гамбьера, старался лишить и Колумба его славы, приписывая себѣ всю честь великаго событія и утверждая, что безъ него не былъ бы открытъ Новый Свѣтъ; но тѣ же государственныя соображенія, которыя помѣшали бы признанію правъ Кузена на это великое открытіе, уничтожили планъ Пинсона. Испанія хотѣла сохранить для себя Новый Свѣтъ и потому всячески скрывала его настоящее открытіе Франціей и въ этомъ ее поддерживалъ папа, заклятый врагъ Франціи. Кузень погибъ въ какой-то морской экспедиціи, и его имя до сихъ поръ оставалось никому неизвѣстнымъ, но теперь его права на славу открывателя Америки публично заявлены капитаномъ Гамбьеромъ, который считаетъ, что защитники Колумба могутъ поддержать его пошатнувшійся ореолъ только представленіемъ ясныхъ доказательствъ того факта, что Винцентъ Пинсонъ, сопровождавшій его въ знаменитой экспедиціи, былъ не тотъ Винцентъ Пинсонъ, который четыре года передъ тѣмъ находился на суднѣ Жана Кузена, входившемъ въ устье Амазонки. По странной ироніи судьбы, въ то самое время, когда развѣнчиваютъ Колумба и доказываютъ, что даже блескъ его экспедиціи въ Новый Свѣтъ ступшевывается передъ болѣе славнымъ подвигомъ Магеллана, открыто высказывается мнѣніе, что не Новый Свѣтъ названъ по имени Америго Веспучи Америкой, а онъ получилъ прозвище Americus отъ имени одного изъ туземныхъ племенъ Новаго Свѣта, носив-

шаго названіе америковъ. Эту новую теорію проводитъ Джонъ Муррей въ указанной уже статьѣ шотландскаго географическаго журнала, и онъ подерживаетъ ее тѣми аргументами, что на старинной картѣ, которую приписываютъ Веспучи, находится страна около теперешней Никарагуа подъ именемъ Таматіке, замѣняющемъ, очевидно, Тегга-Америке; что до сихъ поръ существуетъ къ западу отъ Никарагуа горный кряжъ, называемый Сьера Америке и что, наконецъ, согласно древней священной книгѣ обитателей Перу, ихъ страна называлась Амаркой, или Америкой. На этомъ основаніи Муррей находитъ, что вполне вѣроятно предположеніе, высказанное имъ о названіи Новаго Свѣта Америкой согласно туземному термину, и что этой гипотезѣ нисколько не мѣшаетъ случайное совпаденіе, что Веспучи по имени былъ Америго, а по прозванію Americus, то-есть американскій.

— Романъ шотландскаго короля. Въ первой книжкѣ новаго французскаго журнала, выходящаго съ февраля мѣсяца въ Парижѣ, «La Revue de Paris», подъ редакціей профессора Дармстетера и критика Луи Гандеракса, напечатанъ очеркъ Ж. Жюссера на романической жизни одного изъ шотландскихъ королей Стюартовской династіи, Якова I. Его царствованіе относится къ первой половинѣ XV столѣтія, и, какъ всѣ Стюарты, онъ отличался драматической судьбой; а потому его исторія, рельефно и картинно рассказанная французскимъ авторомъ, представляетъ интересъ настоящаго романа. Сынъ и единственный наслѣдникъ стараго короля Роберта III, Яковъ въ дѣтствѣ былъ отправленъ во Францію для воспитанія, но на пути англичане, хотя и находясь въ мирѣ съ Шотландіей, взяли въ плѣнъ молодого принца и продержали его девятнадцать лѣтъ узникомъ сначала въ Лондонской башнѣ, а потомъ въ Виндзорскомъ замкѣ. Такимъ образомъ очень рано этотъ представитель Стюартовъ узналъ горе и страданія, ихъ обычный удѣлъ, а такъ какъ онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ настоящимъ Стюартомъ, то сдѣлался поэтомъ, музыкантомъ, артистомъ, искуснымъ игрокомъ въ мячъ и прекраснымъ наѣзникомъ, такъ какъ въ Виндзорѣ онъ пользовался относительной свободой движенія. Какъ подобало поэту и Стюарту, онъ рано влюбился въ прелестную молодую дѣвушку, Жанну Бофоръ, принадлежавшую къ одной изъ вѣтвей столь же несчастной королевской династіи Ланкастеровъ, и эта идеальная, платоническая любовь освѣщала его печальное существованіе лучемъ счастья, такъ какъ Жанна платила ему взаимностью. Пока такимъ образомъ онъ томился въ заточеніи и воспѣвалъ предметъ своей любви въ безконечныхъ стихахъ, его отецъ умеръ, и дядя, герцогъ Албани, захвативъ власть подъ именемъ регента, отъ времени до времени требовалъ отъ Англіи возвращенія Якова, который теперь былъ законнымъ королемъ, но это дѣлалось только для проформы. Только когда Албани внезапно умеръ, то вся Шотландія вспомнила о своемъ заточенномъ королѣ и, отказавшись повиноваться сыну регента, Мурдоку, выкупила его у Англіи за шестьдесятъ тысячъ золотыхъ. Юноша былъ свободенъ и могъ вступить на свой наслѣдственный престолъ, но онъ захотѣлъ прежде всего осуществить свои давнія мечты и обвѣнчался съ Жанной Бофоръ, которая во все время ихъ платонической любви жила въ Виндзорѣ и ежедневно гуляла по его живописному парку. Шотландія встрѣтила съ энтузіазмомъ королевскую чету и не только охотно внесла часть условленнаго выкупа, но отправила нѣсколькихъ своихъ знатнѣйшихъ сыновъ въ Англію въ качествѣ заложниковъ до уплаты остальной суммы, чего, однако, Яковъ ни-

когда не сдѣлалъ, и этимъ несчастнымъ пришлось окончить свои дни въ заточеніи. Къ общему удивленію, влюбленный поэтъ, не измѣняя своей сердечной привязанности, неожиданно превратился въ разумнаго, твердаго, энергичнаго короля. Онъ не только возстановилъ порядокъ въ терзаемомъ междоусобіями клановъ Шотландіи и сохранилъ во все свое царствование миръ съ Англіей, но впервые ввелъ въ своей странѣ, по примѣру сосѣдки, парламентъ, который собирался періодически то въ Пертѣ, то въ Стерлингѣ, то въ Эдинбургѣ. Съ помощью народныхъ представителей, Яковъ издалъ кодексъ законовъ, принялъ мѣры къ охраненію интересовъ мелкихъ землевладѣльцевъ отъ гнета крупныхъ и всячески умѣрялъ тиранію предводителей клановъ, но по несчастью онъ самъ не впасть удержалъ въ жестокомъ преслѣдованіи еретиковъ, то-есть протестантовъ, и своихъ личныхъ враговъ, въ особенности родственниковъ герцога Албани. Однако, нельзя не признать, что среди этихъ жестокостей онъ продолжалъ любить свою жену и писать стихи. При этомъ, онъ въ одномъ отношеніи не походилъ на Стюартовъ: онъ никогда не измѣнялъ Жаннѣ и велъ самую нравственную жизнь въ своей семьѣ, состоявшей изъ одного сына и шести дочерей, одна изъ которыхъ Маргарита была имъ обручена въ дѣтствѣ съ французскимъ дофиномъ, будущимъ Людовикомъ XI. Каждую свободную минуту отъ государственныхъ дѣлъ онъ посвящалъ искусствамъ и, кромѣ сочиненія стиховъ, рисовалъ хорошенькія миниатюры, имѣвшія преимущественно предметомъ узника, смотрѣвшаго изъ тюрьмы на красивую молодую дѣвушку, гулявшую среди цвѣтовъ, и талантливо игралъ на цитрѣ, флейтѣ и трубѣ. Его дворъ такъ славился во всей Европѣ, что его посѣщали знаменитыя въ то время европейскія личности, какъ, напримѣръ, Алень Шартъе, «отецъ французскаго краснорѣчія», и Сильвій Пиколомини, будущій папа Пій II. Двѣнадцать лѣтъ благополучно царствовалъ Яковъ, и его желѣзная рука низвергала съ замѣчательнымъ успѣхомъ одну преграду за другой, которыя постоянно воздвигали ему предводители клановъ, но, наконецъ, счастье отъ него отвернулось, и онъ подвергся злополучной судьбѣ Стюартовъ. Мало-по-малу стали появляться зловѣщія предзнаменованія, и невѣдомыя лица начали предсказывать, что романъ любви, начатый въ Виндзорѣ, закончится кровавымъ эпилогомъ. Самъ Яковъ, не смотря на свой веселый характеръ, былъ видимо пораженъ той смутной тревогой, которая овладѣла всей страной. Однако, первая попытка открытаго возстанія аристократовъ противъ короля не удалась, хотя сэръ Робертъ Греамъ прямо заявилъ въ лице Якову во время торжественнаго открытія парламента, что король не исполнилъ своей клятвы соблюдать законы страны, а потому онъ арестуетъ его отъ имени всей шотландской націи. На этотъ смѣлый вызовъ не откликнулись другіе члены парламента, и Яковъ, собственноручно схвативъ Греама, приказалъ его заточить въ тюрьму, откуда онъ, однако, вскорѣ бѣжалъ въ горы и прислалъ королю новый вызовъ. Онъ торжественно повторилъ свое заявленіе о низвергнутіи Якова съ престола и обѣщалъ убить его, какъ частнаго человѣка и своего злѣйшаго врага. Это было въ 1435 г., а слѣдующіе рождественскіе праздники король весело провелъ въ любимомъ имъ городѣ Пертѣ, не смотря на то, что по дорогѣ его встрѣтила невѣстная старуха и предупредила не покидать Эдинбурга, такъ какъ онъ не вернется въ него живымъ. Всѣ забыли объ этомъ пророчествѣ, когда черезъ нѣсколько недѣль именно 20-го февраля, вечеромъ, король, находясь въ основанномъ

имъ монастырѣ въ Пертѣ и спокойно играя въ шахматы рядомъ съ женой, которая читала какой-то романъ, услыхалъ стукъ въ дверь королевскихъ апартаментовъ. Оказалось, что старуха, предупреждавшая короля вернуться въ Единбургъ, незамѣтно проникла въ монастырь и требовала, чтобы ее тотчасъ допустили до Якова по очень важному дѣлу; конечно, стражи отказали въ ея просьбѣ, и она удалилась, пожимая плечами и таинственно говоря: «вы всё въ этомъ раскаетесь». Наступила ночь, и король, окончивъ свою игру, отпустилъ всѣхъ придворныхъ, а самъ остался сидѣть передъ каминомъ, разговаривая съ женою. Извнѣ царилъ безмятежная тишина. Вдругъ послышался страшный шумъ: во дворѣ монастыря засверкали зажженные факелы, и тяжелые шаги вооруженныхъ людей раздались въ корридорахъ. Очевидно, старуха была права: король былъ окруженъ измѣной, и Греамъ явился исполнить свою угрозу. Яковъ былъ не вооруженъ, и ему нечѣмъ было защищаться; одна изъ его дочерей въ отчаяніи просунула обѣ свои руки въ кольца двери, изъ которыхъ предварительно были вынуты заговорщиками засовы, и пока самъ Греамъ, напирая на дверь, ломалъ ей кости, отецъ поднялъ трапъ, устроенный въ полу, и скрылся въ подземельи. Оттуда онъ могъ бы достигнуть потаеннымъ ходомъ рва, окружавшаго монастырь, и спастись бѣгствомъ, но три дня передъ тѣмъ онъ игралъ въ мячъ въ этомъ самомъ рвѣ, гдѣ не было тогда воды, и приказалъ задѣлать отверстіе потаеннаго входа, чтобы туда не попадали мячики. Поэтому его вскорѣ нашли и не смотря на то, что онъ, отличаясь большой физической силой, убилъ ударомъ кулака двухъ своихъ враговъ, Яковъ палъ подъ мечемъ Греама. Такъ окончился романъ любви, начатый въ Виндзорѣ, но Жанна прибавила къ нему вполне достойный эпилогъ. Она не только защищала своего мужа до тѣхъ поръ, что лишилась чувствъ отъ тяжелыхъ ранъ, но, очнувшись, собрала отрядъ вѣрныхъ королю людей, преслѣдовала Греама, схватила его и предала вмѣстѣ съ другими убійцами мужа такой ужасной смерти, что даже въ тотъ звѣрскій вѣкъ ея месть найдена была слишкомъ жестокой. Замѣчательно, что въ сборникѣ стихотвореній Якова подъ заглавіемъ «Тетрадь короля», которыя были написаны за нѣсколько лѣтъ передъ его смертью, находятся слѣдующія, какъ бы пророческія, слова: «Что сказать еще объ этомъ цвѣткѣ среди женщинъ, она всѣмъ сердцемъ меня защищала, стараясь спасти отъ смерти своего избранника».

— Жена Фридриха Великаго. Густавъ Шубертъ рисуетъ въ «*Illustrierte Zeitung*» живую характеристику несчастной жены прусскаго короля Фридриха II, жизнь которой была усѣяна не цвѣтами, а жестокими терніями. Елизавета-Христина была дочь прославившагося въ войнѣ за Испанское наслѣдство герцога Брауншвейгъ-Бевернскаго, находившагося въ самой тѣсной дружбѣ съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I, который принудилъ наслѣдника своего престола, впоследствии Фридриха Великаго, жениться на ней. Только послѣ долгой душевной борьбы молодой принцъ согласился вступить въ бракъ съ предложенной ему жестокимъ отцомъ невѣстой, и онъ писалъ сестрѣ: «Меня палкой хотятъ заставить влюбиться». Король хвалилъ избранную невѣсту, говоря, что «она хорошо воспитана, скромна и богобоязненна», а по словамъ Фридриха «она была красива, ея цвѣтъ лица — лиліи и розы, ея черты нѣжны и все лицо очень красиво»; но для счастья не доставало любви, которую замѣняла горькая ненависть. «Зло за зло, — писалъ

Грумбову принужденный къ женатѣбѣ Фридрихъ,—отъ моихъ страданій и жизни можетъ избавить меня одинъ выстрѣлъ изъ пистолета, и я думаю что милосердый Богъ за это меня не осудитъ, но сжалится надо мною и за мою злосчастную жизнь дастъ мнѣ небесное блаженство». Даже матери Фридриха, королевы Софіи-Доротеи, сватавшей сына на англійской принцессѣ Амаліи, была противна навязанная ему насильно брауншвейгская невѣста. Не смотря на все это, 12-го іюня 1733 г. въ брауншвейгскомъ замкѣ Зальцдалумъ состоялась свадьба молодой четы; Елизавета-Христина, повидимому, ничего не подозрѣвала о нерасположеніи къ ней жениха и была «очень счастлива принадлежать кронпринцу». Послѣ бракосочетанія молодые поселились въ замкѣ Рейнсбергъ, гдѣ они повели тихую жизнь, исполненную художественныхъ и умственныхъ интересовъ, которая привлекла на себя вниманіе Европы. Вполнѣ признавая умственное превосходство своего мужа, Елизавета-Христина усердно училась, чтобы по возможности не отставать отъ него; она много читала и переводила французскихъ писателей; также охотно рисовала и занималась музыкой. Самъ Фридрихъ писалъ другу Зуму: «Я никогда не переживалъ такихъ счастливыхъ дней, какъ съ тѣхъ поръ, что я здѣсь»; а въ его же письмѣ къ Секендорфу находятся слѣдующія строки: «Я былъ бы негоднѣйшимъ человѣкомъ, если бы не уважалъ искренно моей жены, она очень кроткаго нрава, образована и даже слишкомъ обходительна». Во время своихъ поѣздокъ по дѣламъ службы, Фридрихъ неизмѣнно велъ оживленную переписку съ Елизаветой и тутъ рядомъ съ разказами о военныхъ подвигахъ выражалъ «увѣренія въ искренней дружбѣ», даже въ «горячей нѣжности». Очень драгоценныя свѣдѣнія о придворной жизни въ Рейнсбергѣ находятся въ письмѣ барона Бифельда къ одной пріятельницѣ отъ 30-го октября 1739 г.: «Мы видимъ наследнаго принца и его жену,—пишетъ она,—только за обѣдомъ, на играхъ, на балу, въ концертѣ или на какомъ либо праздникѣ. Принцесса высокаго роста и благородной наружности; ея шея, руки и ноги могли бы послужить образцомъ для художника. У ней очень нѣжная кожа и большіе голубые глаза, которые кротки, но полны жизни. Ея взглядъ выразителенъ. У нея открытый лобъ, красивыя брови, маленькій носъ, пріятно очерченный ротъ и очень красивый подбородокъ. Все ея лицо дышитъ пріятливостью и добротою, кажется, что всѣ граціи соединились вмѣстѣ, чтобы создать эту очаровательную принцессу. Она говоритъ мало, въ особенности за столомъ, но всѣ ея слова дышатъ умомъ и женственностью и образованностью, пріобрѣтенной отъ чтенія лучшихъ французскихъ писателей». 1740-ой годъ положилъ внезапный конецъ этой семейной жизни, въ которой видѣлись по меньшей мѣрѣ проблески счастья. Король Фридрихъ-Вильгельмъ I умеръ, и его сынъ вступилъ на престолъ. Съ этого времени наступилъ разрывъ между супругами, и до сихъ поръ историки не отыскали настоящей причины ихъ отчужденія. Была ли причиной ея бездѣтность Елизаветы, желанье короля воспользоваться своимъ восшествіемъ на престолъ, чтобы отдѣлаться отъ насильно навязанной жены, или интриги въ Вольфенбютелѣ и Берлинѣ, въ которыхъ несомнѣнно Елизавета не виновна, но разрывъ совершился, хотя Фридрихъ сохраняетъ въ отношеніи ея не одно только внѣшнее уваженіе, а исполняетъ по возможности всѣ ея желанія, заботится объ ея здоровьи и всячески поддерживаетъ ея положеніе, какъ королевы. Онъ предоставилъ ей замокъ Шенгаузенъ близъ Берлина, куда и перѣехала двадцатипяти-лѣтняя королева, сдѣлавшаяся вдовой

еще при жизни своего мужа. Тихо, терпѣливо переносила она свою печальную судьбу. Слѣдя примѣру короля, она поддерживала сношенія съ учеными, артистами и другими выдающимися лицами; иностранные послы постоянно являлись въ Шенгаузенъ и среди извѣстныхъ лицъ, посѣщавшихъ ее, тогдашнія газеты называютъ д'Аламбера и Вольтера. Когда Фридрихъ уѣзжаетъ на войну, то покинутая имъ супруга молилась за него, и онъ посылаетъ къ королевы послѣ битвы при Лейтенѣ своего лейбпажа, который въ сопровожденіи сорока восьми трубачей является сообщить о побѣдѣ, а при возвращеніи Фридриха въ Берлинъ по окончаніи силезской войны королева спѣшитъ привѣтствовать мужа. Въ замкѣ былъ сдѣланъ ему торжественный пріемъ. Свиданіе между супругами было самое сердечное, самое дружеское, но затѣмъ Фридрихъ уѣхалъ въ Потсдамъ, а Елизавета осталась въ Шенгаузенѣ. Никогда ни одного часа не провела она ни въ прекрасной резиденціи на Гавели, ни въ Сан-Суци. Много лѣтъ послѣ этого не видала королева своего мужа; во время Семилѣтней войны она должна была удалиться въ Магдебургъ, и австрійцы разграбили замокъ Шенгаузенъ, уничтоживъ многія произведенія искусства. Но была еще одна свѣтлая минута въ жизни Елизаветы, когда ея супругъ, увѣнчанный славой, возвратился съ войны 30-го мая 1763 г. «Берлинскія извѣстія» сообщаютъ: «Какъ только его величество вышли изъ кареты, то немеленно поднялись къ ея величеству королевы, гдѣ были приняты самымъ нѣжнымъ образомъ и пожелали остаться ужинать». Но затѣмъ Фридрихъ жилъ снова одинъ въ Сан-Суци; въ 1783 г. прошла «въ глубокой тишинѣ» его золотая свадьба, а черезъ два года онъ умеръ на рукахъ Елизаветы. Въ своемъ завѣщаніи онъ говоритъ: «Королевы, моей супругѣ, я завѣщаю, кромѣ доходовъ, которые она уже имѣетъ, еще десять тысячъ талеровъ въ годъ, двѣ бочки вина ежегодно, бесплатныя дрова и дичь къ ея столу; я требую отъ моего племянника (потомъ короля Фридриха-Вильгельма II) предоставить въ ея постоянное пользованіе помѣщеніе въ Берлинскомъ дворцѣ, равно обязанъ онъ оказывать то высокое уваженіе, которое подобаешь ей, какъ вдовѣ его дяди и какъ принцессѣ, никогда не уклонившейся съ пути добродѣтели». Одинадцатью годами пережила Елизавета своего мужа, посвятивъ свою остальную жизнь почти исключительно дѣламъ милосердія, на которыя она обращала половину своихъ доходовъ. По словамъ Эрмана, это не мѣшало ей заниматься въ свободное время литературой: она перевела длинный рядъ нѣмецкихъ религіозно-нравственныхъ сочиненій на французскій языкъ, и послѣ нея осталось немало нѣмецкихъ рукописей. Искусство также нашло себѣ почетное мѣсто при ея дворѣ въ Шенгаузенѣ, и королева часто видѣла у себя тѣхъ артистовъ, которые бывали въ Потсдамѣ и Берлинѣ. Король Фридрихъ-Вильгельмъ II, всегда искренно расположенный къ Елизаветѣ, часто навѣщалъ ее, хотя эти посѣщенія столько же касались королевы, сколько и хорошенькой фрейлины, Юліи Босъ, съ которою, подъ именемъ графини Ингенгеймъ, онъ вступилъ впоследствии въ третій бракъ въ Шарлотенбургѣ. Старость королевы прошла вполне спокойно, и она умерла тихо, безболѣзненно 13-го января 1797 года.

— Тайна дофина. Подъ этимъ заглавіемъ нью-іоркскій журналъ «Frank Leslie's Popular Monthly» печатаетъ въ своей февральской книжкѣ чрезвычайно курьезный рассказъ Окея Голла объ его знакомствѣ съ американскимъ пасторомъ Елеазаромъ Вильямсомъ, который, по его словамъ, былъ не кто иной, какъ Людовикъ XVII, чудомъ спасшійся изъ тюрьмы Тампля

во время террора. Какъ извѣстно, легенды о подобномъ спасеніи сына Людовика XVI и Маріи-Антуанеты давно существовали; нѣсколько таинственныхъ личностей выдавали себя за Людовика XVII, между прочимъ, баронъ Ришмонъ, Гергаво и Наундорфъ. Послѣдній изъ этихъ претендентовъ надѣлалъ всего болѣе шума, но всѣ они оказались авантюристами и только вводили въ обманъ легкомысленныхъ любителей романическихъ тайнъ. Также неудачна была попытка и барона Везена выдать себя за сына Людовика XVII, или дофина, какъ его обыкновенно называли; многіе повѣрили ему, и онъ собралъ значительную сумму денегъ, но потомъ его преслѣдовали судебнымъ порядкомъ, и, признанный лже-дофиномъ, онъ понесъ законную кару за свой обманъ. Наконецъ, въ прошедшемъ году появился правнукъ Наундорфа, величавшій себя принцемъ Бурбонскимъ, и ему удалось обойти извѣстную англичанку мистриссъ Вельдонъ, которая славится своей любовью къ процессамъ и между прочимъ выиграла знаменитый процессъ съ Гуно; она взялась за дѣло восстановления правъ юнаго претендента, но когда онъ выманилъ у нея три тысячи франковъ, обѣщая возвратить черезъ пять дней, и бѣжалъ, то она подала на него жалобу въ судъ, который до сихъ поръ не можетъ его розыскать. Съ другой стороны недавно въ Парижѣ продавалось съ аукціона сердце дофина, которое будто бы находилось во владѣніи одного стараго доктора, получившаго этотъ рѣдкій предметъ, сохранявшійся въ спиртѣ, отъ своего отца; послѣдній же, по словамъ этой легенды, ухаживалъ въ качествѣ медика за несчастнымъ юношей въ Тамплѣ, участвовалъ во вскрытіи его тѣла послѣ смерти и получилъ на память его сердце. Всѣ эти противорѣчивыя легенды одинаково ложны, по увѣренію автора статьи въ американскомъ журналѣ; однако онъ твердо убѣжденъ, что Людовикъ XVII не умеръ въ Тамплѣ 12-го іюня 1795 года, какъ удостовѣрили до сихъ поръ историки, а бѣжалъ въ Америку, гдѣ Окей Голлъ самъ его видѣлъ въ 1853 году. Почему онъ до сихъ поръ скрывалъ случайное открытіе этой исторической тайны и только теперь обнародовалъ его въ коротенькой статьѣ на столбцахъ иллюстрированнаго журнала, остается такой же тайной, какъ сама тайна дофина, но во всякомъ случаѣ его рассказъ представляетъ любопытный историческій курьезъ. По словамъ Окея Голла, онъ впервые узналъ о существованіи дофина въ Америкѣ въ 1849 году, когда находился въ Новомъ Орлеанѣ въ качествѣ студента. Въ этомъ городѣ жилъ около пятидесяти лѣтъ французъ Пьеръ Беланже, возбуждавшій немало удивленія тѣмъ фактомъ, что онъ ничѣмъ не занимался, но имѣлъ хорошія денежныя средства, а когда онъ умеръ въ означенномъ году, то оказалось, что передъ смертью онъ сдѣлалъ очень важное показаніе, имѣвшее силу свидѣтельскаго показанія на судѣ подъ присягой, заявляя, что въ концѣ прошедшаго столѣтія ему поручили увезти изъ Парижа дофина и для этого выдали значительную сумму денегъ, что онъ повезъ его сначала въ Голландію, потомъ въ Англію и наконецъ въ Америку, гдѣ отдалъ его индѣйскому племени, жившему въ пограничной съ Канадой странѣ, и что затѣмъ самъ поселился въ Новомъ Орлеанѣ. Эти свѣдѣнія дошли до молодаго американскаго студента на томъ основаніи, что онъ, изучая юридическія науки, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ корреспондентомъ одной сѣверной газеты. Спустя четыре года послѣ этого, Окей Голлъ, бывший уже адвокатомъ и газетнымъ сотрудникомъ въ Нью-Оркѣ, узналъ, что дофинъ, о которомъ говорилъ Беланже, былъ пасторъ Елеазаръ Вильямсъ, миссіонеръ среди индѣйцевъ въ Сенъ-

Рефи на канадской границѣ, который въ то время находился въ Нью-Йоркѣ. Онъ тотчасъ отправился къ нему, въ качествѣ представителя печати, и имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ, съ сущностью котораго онъ теперь и познакомилъ читателей «Frank Leslie's Popular Monthly». Что касается до наружности претендента, то онъ, по словамъ Голла, отличался дородностью, какъ Людовикъ XVI, полными, чисто австрійскими губами, какъ у Маріи-Антуанеты, большимъ, широкимъ, умнымъ лбомъ, задумчивымъ выраженіемъ лица, черными волосами съ сѣдиной, маленькими руками и ногами, очень развитыми мускулами и гордо поднятой въ верху головой. Черты его были рѣзко опредѣленныя, и въ немъ не было и слѣда выдающихся скульпъ, вѣрнаго признака американскаго туземца. На немъ былъ черныи однопортный сюртукъ пасторскаго покроя, и лицо его было чисто выбрито. Хотя съ первыхъ словъ своего разговора съ американскимъ журналистомъ онъ прямо заявилъ твердую увѣренность, основанную на безспорныхъ доказательствахъ, что онъ сынъ Людовика XVI, почтенный пасторъ, повидимому, и не думалъ о возможности возвратить себѣ родительскій престолъ. О своемъ дѣтствѣ онъ ничего не помнилъ, кромѣ того, что оно было очень несчастнымъ, а впоследствии ему говорили, что до двѣнадцати лѣтъ онъ не обнаруживалъ никакихъ воспоминаній. Первый фактъ, который возставалъ въ его памяти, заключался въ томъ, что онъ какъ-то попалъ въ озеро Георга, и оттуда его вытащили съ сильной головной болью индѣйскіе мальчишки. Потомъ онъ узналъ, что былъ сыномъ индѣйской четы, которая считала его полуидіотомъ. Его отецъ былъ правнукомъ пуританскаго пастора Джона Вильямса, который былъ взятъ въ плѣнъ индѣйцами въ началѣ XVII столѣтія и уведенъ въ окрестности Монреала; его дочь вышла замужъ за англійскаго доктора той же фамиліи, а внучъ женился на индіанкѣ изъ племени Ирокезовъ. У Елеазара было десять братьевъ и сестеръ, которые все отличались индѣйскими чертами, тогда какъ онъ всехъ удивлялъ своимъ европейскимъ видомъ. Родители никогда не объясняли этого страннаго различія, а когда послали его въ школу въ Массачузетъ, то лишь сказали, что дѣлаютъ это по желанію своихъ тамошнихъ родственниковъ. Даже впоследствии, пока они жили, онъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о своемъ настоящемъ происхожденіи, но полагалъ, что то лице, которое передало его этимъ псевдо-родителямъ, снабдало ихъ деньгами, на которые они отправили его въ школу, и нѣсколькими предметами, которые иначе не могли попасть къ нимъ, именно монетами и медалями съ изображеніемъ Бурбоновъ, а также широкой лентой съ розеткой, на которой изображенъ крестъ. Въ этой лентѣ черезъ плечо изображенъ пасторъ Елеазаръ Вильямсъ на дагеротипномъ портретѣ, который снятъ съ него старѣйшимъ фотографомъ Соединенныхъ Штатовъ Бради и копія котораго приложена къ статьѣ Голла. Успѣшно окончивъ свое образованіе и сдѣлавшись пасторомъ епископальной церкви, Вильямсъ отправился въ качествѣ миссіонера къ своимъ индѣйцамъ и спокойно жилъ въ Гринъ-Бей, гдѣ женился на племянницѣ Наполеонскаго маршала Журдана. Только на пятьдесятъ первомъ году жизни онъ впервые узналъ о своемъ таинственномъ происхожденіи и то самымъ страннымъ образомъ. Въ 1841 году, принцъ Жуанвильскій посѣтилъ Соединенные Штаты, гдѣ его отецъ, тогдашній французскій король Луи-Филиппъ, жилъ нѣсколько лѣтъ изгнанникомъ. Выйдя на берегъ въ Нью-Йоркѣ, онъ прямо отправился на озера Гуронъ и Верхнее,

мѣсто дѣятельности миссіонера Вильямса, и сталъ тамъ разузнавать, гдѣ живетъ этотъ пасторъ, а случайно встрѣтившись съ нимъ на пароходѣ, онъ пригласилъ его обѣдать за своимъ столомъ; достигнувъ вмѣстѣ Гринъ-Бея, принцъ просилъ своего новаго знакомаго остановиться у него въ отелѣ, но тотъ отказался потому, что постоянно жилъ въ этомъ городѣ у своего тестя. На другой день Вильямсъ сдѣлалъ визитъ принцу, и между ними произошелъ знаменательный разговоръ, въ продолженіе котораго сынъ Луи-Филиппа прямо объявилъ ему, что онъ французскій дофинъ, имѣющій законное право послѣ смерти его отца, Людовика XVI, быть французскимъ королемъ подъ именемъ Людовика XVII. Открывъ ему такимъ образомъ тайну его жизни, онъ предложилъ Вильяму подписать заранѣе приготовленный на пергаментѣ актъ отреченія отъ его правъ на престолъ въ пользу Луи-Филиппа и обѣщаль за это щедро вознаградить его. Скромный пасторъ былъ такъ изумленъ словами принца, что едва не упалъ въ обморокъ, но рѣшительно отказался отъ заключенія предложенной сдѣлки. Хотя впоследствии принцъ Жуанвильскій, признавая тотъ фактъ, что онъ отыскивалъ Вильямса и имѣлъ съ нимъ разговоръ, отрицалъ сообщеніе ему о таинственномъ его происхожденіи и предложеніе письменно отказать отъ своихъ правъ, Голль объясняетъ это отрицаніе страхомъ принца сдѣлать смѣшнымъ во Франціи своего отца, требующаго отъ законнаго претендента на престолъ отказа въ свою пользу, и удостовѣряетъ, что Вильямсъ былъ неспособенъ разыгрывать роль барона Мюнгаузена. Послѣ этого свиданія съ принцемъ Жуанвильскимъ, скромный американскій пасторъ продолжалъ свою миссіонерскую дѣятельность, никогда не заявлялъ о своихъ королевскихъ правахъ, въ чемъ рѣзко отличался отъ другихъ претендентовъ на титулъ французскаго дофина, и наконецъ спокойно умеръ, твердо увѣренный, что онъ Людовикъ XVII, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень благодарный судьбѣ, что она, лишивъ его престола, дала возможность принести хоть малую пользу индѣйцамъ миссіонерскими трудами. Сообщивъ извѣстные ему факты о пасторѣ Вильямсѣ, американскій журналистъ переходитъ къ доказательствамъ, говорящимъ въ пользу его королевскаго происхожденія. Прежде всего онъ указываетъ на то обстоятельство, что самая смерть Людовика XVII не составляетъ безспорнаго историческаго факта, и многіе писатели сомнѣваются въ ней. Дѣйствительно существуетъ нѣсколько аргументовъ въ пользу предположенія, что роялисты помогли десятилѣтнему дофину бѣжать изъ тюрьмы, а республиканскія власти чтобъ не обнаружить столь компрометирующаго ихъ обстоятельства, замѣнили бѣжавшаго дофина другимъ мальчикомъ, который и дѣйствительно умеръ. Передъ самой смертью дофина въ Тамплѣ неожиданно умеръ докторъ, пользовавшій годами всю Бурбонскую семью, и есть свѣдѣнія, что онъ погибъ отъ отравы; въ то же самое время были перемѣнены сторожа, смотрѣвшіе за дофиномъ, а комиссаромъ при немъ тогда былъ, безспорно, тотъ самый Беланже, который впоследствии, умирая въ Новомъ Орлеанѣ, сознался, что онъ спасъ дофина изъ ваточенія. Объ исчезновеніи этого Беланже изъ Парижа послѣ смерти дофина также не можетъ быть сомнѣнія. Наконецъ въ медицинскомъ актѣ, удостовѣряющемъ этотъ историческій фактъ, не сказано, что вскрытый докторами трупъ былъ дѣйствительно при жизни Людовикъ XVII, а въ немъ только говорится, что «для вскрытія докторамъ былъ представленъ трупъ мальчика лѣтъ десяти, который, по словамъ комиссаровъ, былъ сыномъ покойнаго Луи-Капета». Кромѣ этого, въ архивѣ Парижской поли-

ція находится офіціальный циркуляръ, разосланный по всей Франціи въ то самое время, когда умеръ дофинъ, и въ которомъ предписывалось задерживать на французской границѣ десятилѣтняго мальчика, путешествующаго съ своимъ опекуномъ. Если къ этому прибавить, что въ 1818 году французскій посланникъ въ Соединенныхъ Штатахъ Жене открыто говорилъ въ Нью-Йоркѣ въ домѣ доктора Госака при многихъ свидѣтеляхъ: «господа, дофинъ не умеръ, а перевезенъ въ Америку», то будутъ исчерпаны всѣ косвенныя доказательства, на основаніи которыхъ Голль считаетъ возможнымъ, въ качествѣ опытнаго адвоката, практиковавшаго сорокъ лѣтъ въ уголовныхъ и гражданскихъ судахъ, признать, что всѣ улики говорятъ въ пользу двухъ фактовъ: во-первыхъ, что Людовикъ XVII не умеръ въ Тамплѣ и, во-вторыхъ, что онъ подъ именемъ пастора Елеазара Вильямса жилъ потомъ около пятидесяти лѣтъ въ Америкѣ.

— Криспи дома. Незвѣстный авторъ, скрывшій свое имя подъ псевдонимомъ «Дипломатъ», помѣстилъ въ «Revue Illustrée» рельефный портретъ итальянскаго перваго министра Франческо Криспи, обращающаго теперь на себя всеобщее вниманіе, благодаря его попыткамъ создать диктатуру въ Италіи, освобожденію которой онъ когда-то энергично содѣйствовалъ. Этотъ бывший республиканецъ, заговорщикъ и политическій изгнанникъ сохранилъ, не смотря на свои 74 года, весь пылъ своей южной сицилійской натуры. Подобно Гладстону, онъ вполнѣ обладаетъ всѣми физическими и умственными способностями, хотя припадки подагры и каменной болѣзни нѣсколько сдерживаютъ его чисто молодые порывы. Не смотря на его года и отвѣтственное политическое положеніе, въ его манерахъ проглядываетъ старый карбонарій. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ неустанный труженикъ и очень образованный человекъ; онъ прекрасно говоритъ пофранцузски и поанглийски, кромѣ того, считается основательнымъ классикомъ. Какъ ораторъ, онъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Италіи, но, разыгрывая роль трибуна, онъ болѣе сокрушаетъ своихъ враговъ пламенными нападками, чѣмъ логически опровергаетъ ихъ аргументы. Его частная жизнь очень проста: вставъ, лѣтомъ и зимой, въ 6 часовъ утра, онъ, какъ это ни странно въ такомъ политическомъ дѣятелѣ, занимается два часа своимъ туалетомъ, придавая себѣ самый изысканный видъ, а въ восемь часовъ принимается съ помощію своихъ секретарей, за работу которой онъ не прерываетъ даже во время утренняго завтрака, когда обыкновенно читаетъ письма. Потомъ онъ снова работаетъ и принимаетъ многочисленныхъ посѣтителей до самаго обѣда, передъ которымъ, однако, совершаетъ прогулку въ экипажѣ. За обѣдомъ слѣдуетъ бесѣда съ семьей и друзьями, а въ десять часовъ онъ удаляется въ свой кабинетъ и работаетъ до часа или двухъ. Его политическая жизнь всѣмъ извѣстна и драматическая исторія маленькаго сицилійскаго адвоката, составившаго заговоры противъ неаполитанскаго короля, потомъ изгнанника изъ отечества, почти не имѣвшаго куска хлѣба, и, наконецъ, послѣ сорокалѣтней борьбы, могущественнаго министра, составляетъ одну изъ видныхъ страницъ въ лѣтописяхъ современной Италіи. Что касается до его частной жизни, то заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что онъ всегда пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ и былъ женатъ три раза. Въ первый разъ онъ женился, еще будучи студентомъ, на Розивѣ Скиаре, дочери его квартирной хозяйки, но этотъ бракъ продолжался недолго, и молодая

женщина умерла черезъ два года. Криспи хотѣлъ немедленно жениться на ея сестрѣ, но та предпочла пойти въ монастырь. Въ 1853 г., послѣ неудачнаго возстанія въ Ломбардіи, онъ былъ посаженъ въ тюрьму и тамъ познакомился съ юной прачкой, стиравшей бѣлье на узниковъ. Ее звали Розаліей Монмасонъ, и молодые люди влюбились другъ въ друга. По выходѣ изъ тюрьмы, Криспи долженъ былъ отправиться въ изгнаніе, но прежде этого онъ тайно обвинчался съ Розаліей, при чемъ ихъ брачная церемонія совершилась чрезвычайно оригинально. Какой-то іезуитскій патеръ явился къ нимъ на квартиру, положилъ на полъ подушку съ кровати, поставилъ на нее на колѣни жениха и невесту, произнесъ установленныя молитвы и объявилъ бракъ совершившимся. Розалія сопровождала своего мужа во всѣхъ его странствованіяхъ по Европѣ и дѣлила съ нимъ всѣ трудности, всѣ лишенія его тогдашней жизни, а когда онъ принялъ участіе въ знаменитой экспедиціи Гарибальди въ Сициліи, то она сопровождала его на поляхъ битвы. Но когда онъ, наконецъ, поборолъ всѣ преграды и достигъ власти, то бывшая прачка стала безумно мотать деньги на туалеты и прочія прихоти. Она завела безконечное число собакъ, кошекъ, бѣлыхъ мышей, птицъ и т. д., такъ что однажды, вернувшись изъ парламента, Криспи нашелъ въ гостиной семь новыхъ шелковыхъ платьевъ, на каждомъ изъ которыхъ лежало по собакѣ, или по кошкѣ. Кромѣ того, она стала ревновать его, какъ тигрица, розыгрывала ежедневно самыя раздрающія сцены и вообще превратила его семейную жизнь въ адъ. Выйдя изъ терпѣнія, Криспи развелся съ нею, или, попросту, бросилъ ее, назначивъ ей приличную пенсію, благодаря которой она съ тѣхъ поръ живетъ въ Римѣ тихо и скромно. Онъ же вскорѣ забылъ о ней и въ третій разъ женился на дочери богатаго сицилійца, Линѣ Барбагальо, отъ которой онъ имѣетъ одну дочь. Враги его подняли большой шумъ изъ-за этого брака и обвиняли его въ двоеженствѣ, но произведенное судебною властью слѣдствіе обнаружило, что его второй бракъ не имѣлъ силы ни въ религіозномъ, ни въ гражданскомъ отношеніяхъ, а потому его третья жена признана вполне законной, и теперь ея салонъ одинъ изъ самыхъ великосвѣтскихъ центровъ Рима.

— Трехсотлѣтній юбилей Палестрины. Джіованни Пьерлуиджи, котораго обыкновенно называютъ Палестриной, по имени его родины, живописнаго городка, лежащаго въ четырехъ часахъ отъ Рима, былъ названъ современниками «княземъ музыки», и это лестное названіе сохранилось за нимъ и въ отдаленномъ потомствѣ, которое 2-го февраля праздновало его трехсотлѣтній юбилей. Онъ былъ величайшимъ итальянскимъ церковнымъ композиторомъ и реформаторомъ церковной музыки, которой онъ придалъ художественную красоту. Съ чуткостью истиннаго артиста онъ сумѣлъ примѣнить звуки къ служенію религіи, вызывая ими глубокія ощущенія въ сердцѣ человѣка, и, понимая духовныя потребности народа, черпалъ изъ вѣчно свѣжаго, никогда неизсякающаго источника народныхъ пѣсенъ, матеріаль для ихъ удовлетворенія, а потому доселѣ въ католической и даже протестантской церковной музыкѣ царить его, такъ называемый, Палестриновскій стиль. Онъ родился въ 1514 году; по словамъ автора статьи по случаю его юбилея въ «*Illustrierte Zeitung*», его родители, по видимому, были простые поселяне. Прекрасный голосъ и музыкальный талантъ мальчика уже съ раннихъ поръ обратили на себя вниманіе любя-

телей, которые и позаботились объ его музыкальномъ образованіи. Досто-
вѣрно извѣстно, что въ началѣ сороковыхъ годовъ XVI столѣтія онъ жилъ
въ Римѣ и былъ ученикомъ тогда знаменитаго музыканта Клода Гудимеля,
а потомъ занималъ мѣсто органиста и капельмейстера въ соборѣ своего
родного города, гдѣ онъ оставался до 1551 года, когда принялъ приглашеніе
быть регентомъ въ соборѣ Св. Петра въ Римѣ; въ томъ же году онъ былъ
назначенъ и капельмейстеромъ ватиканской капеллы. Въ 1554 г. Палестрина
издалъ свое первое произведеніе, собраніе мессъ, написанныхъ на четыре
голоса и посвященныхъ папѣ Юлію III, который поставилъ его во главѣ
коллегіи пѣвчихъ папской капеллы. Годъ спустя онъ издалъ свои «Мад-
ригалы», коротенькія стихотворенія свѣтскаго содержанія, переложенныя
на музыку въ болѣе или менѣе удачной обработкѣ на четыре голоса. Папа
Павель IV испугался того, что Палестрина не принадлежалъ къ духовному
званію и притомъ еще былъ женоатъ; а потому ему пришлось разстаться
съ своимъ мѣстомъ и очутиться въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Однако
каноники церкви св. Іоанна въ Латеранѣ взяли его капельмейстеромъ въ
свою церковь, и онъ занималъ эту должность до 1561 г. Втеченіе этого вре-
мени онъ издалъ, кромѣ другихъ сочиненій, свои знаменитыя «Impropria».
Въ страстную пятницу 1560 года, они были исполнены въ первый разъ и
произвели такое глубокое впечатлѣніе, что папа потребовалъ копію ихъ для
папской капеллы. До сихъ поръ Палестрина строго придерживался старыхъ
образцовъ, но тутъ онъ впервые вступилъ на новую для него реформатор-
скую роль, которая привела его къ коренному преобразованію итальянской
церковной музыки. Въ 1561 г. Палестрина получилъ мѣсто въ церкви Санта
Марія Маджіоре и возможность развернуть свой творческій талантъ. Его
реформаторская дѣятельность не могла не обратитъ на себя вниманія Триент-
скаго собора, который призналъ его за композитора, какъ нельзя болѣе
способнаго счастливо разрѣшить вопросъ: полезны, или вредны въ религіоз-
номъ отношеніи многоголосные напѣвы. По порученію собора, Палестрина
написалъ три мессы, и третья изъ нихъ, названная впоследствии «мессою папы
Маркелла», рѣшила дѣло. Всѣ три были исполнены во дворцѣ кардинала
Вителлоно, вызвали чрезвычайное одобреніе и обезпечили многоголоснымъ
напѣвамъ окончательное мѣсто въ католической церкви. Благодарный
Пій IV слѣлалъ Палестрину папскимъ композиторомъ, а затѣмъ капель-
мейстеромъ собора св. Петра. Палестрина принималъ существенное уча-
стіе въ реформѣ хорового пѣнія, получивъ отъ папы Григорія XVI по-
рученіе возстановить грегорианское хоровое пѣніе во всей его чистотѣ.
Драгоценнымъ даромъ искусству «князя музыки» представляется его перело-
женіе «Пѣсни пѣсней Саломона», появившееся въ 1584 г., которымъ онъ
сумѣлъ придать своеобразную восточную прелесть, изящество гармоніи.
Изъ его дальнѣйшихъ работъ упомянемъ еще слѣдующія: месса на пять
голосовъ, написанная къ правленію вступленія на папскій престолъ
Сикста V; месса на шесть голосовъ; ветхозавѣтный «Плачь» пророка Іере-
мій; «Гимнъ» четырехголоснаго напѣва; чувный «Stabat Mater» для двухъ
хоровъ и четыре тома церковныхъ напѣвовъ на каждый день года. Пале-
стрина оставался неутомимо дѣятельнымъ до самой своей смерти, послѣдо-
вавшей 2-го февраля 1594 года. Хотя онъ провелъ всю свою жизнь въ бѣд-
ственномъ положеніи, такъ какъ восемь папъ, царствованіе которыхъ онъ

прославилъ своей артистической дѣятельностью, очень скудно вознаграждали его, но тѣло его было торжественно погребено въ соборѣ св. Петра; плита на его могилѣ гласитъ потомству, что здѣсь покоится «князь музыки». Изъ многочисленныхъ произведеній Палестрины только часть была напечатана при его жизни. Но въ оставшихся послѣ него бумагахъ и въ церковныхъ архивахъ Рима находится еще и теперь много произведеній этого плодовитаго артиста. Полное изданіе его произведеній, состоящее изъ 32 фоліантовъ, началось въ Лейпцигѣ съ 1862 года и только окончено въ прошедшемъ году, а дополнительный томъ, заключающій въ себѣ драгоцѣнные матеріалы для его біографіи, оглавленіе и библиографическія указанія, будетъ изданъ на дняхъ по случаю его трехсотлѣтняго юбилея.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Нѣмецкій изслѣдователь русско-германскихъ отношеній. — Русскія народныя суевѣрія съ геллертерской точки зрѣнія. — Французскій авантюристъ XVIII вѣка въ русской службѣ. — Второй томъ мемуаровъ канцлера Паскье. — Воспоминанія генерала Теста. — Жизнь эскимосовъ, описанная норвежскимъ путешественникомъ.

ИМЦЫ не меньше французовъ и англичанъ изучаютъ всѣ стороны общественной и литературной жизни Россіи. Фридрихъ Дукмейеръ издалъ въ Берлинѣ брошюру, претендующую на изслѣдованіе вопросовъ, относящихся къ области практической философіи, но, конечно, не дающую никакого пракческаго рѣшенія. Авторъ пишетъ много стиховъ, драмъ и статей о современныхъ вопросахъ. Одна изъ его трагедій «Императоръ рабочихъ» (Петръ I) произвела впечатлѣніе (мы говорили о ней въ прошломъ году). Его «Разказы и очерки изъ русской жизни» выдержали два изданія. Брошюра его «Толстой—пророкъ или пугало?» (Tolstoi Prophet oder Pörsanz) также имѣла успѣхъ. Лучшая изъ его публицистскихъ брошюръ, вышедшая седьмымъ изданіемъ, направлена противъ евреевъ и въ защиту антисемитизма (Критика чистаго и пракческаго неразумія во всеобщемъ ожидленіи). Все это даетъ Дукмейеру право на вниманіе русской публики, хотя новая брошюра его «Къ свободѣ изъ Германіи и Россіи» (Zur Freiheit aus Deutschland und Russland) далеко не удовлетворяетъ читателей. Это — достаточно растянутое и туманное разсужденіе о свойствахъ свободы и необходимости одинаковаго пониманія ихъ въ Россіи и Германіи. Новаго въ выводахъ автора нѣтъ ничего. Брошюра начинается самою избитою мыслью: «свободы человѣкъ достигаетъ воздержаніемъ отъ всего дурнаго и подавленіемъ его въ себѣ и вокругъ себя такъ, чтобы для дѣятельности добраго были выровнены и открыты всѣ дороги». Но въ томъ-то и дѣло, что понятія объ этихъ доро-

гахъ ко всему доброму у людей совершенно различны, и тутъ преобладаютъ интересы отдѣльныхъ лицъ и сословій. Какъ рьяный антесемитъ, развитіе дурныхъ началъ въ чловѣкѣ авторъ приписываетъ усилившемуся вліянію жидовства. Потомъ авторъ сыплетъ благочестивыми фразами, чересчуръ много толкуеть о божественномъ, разбираетъ мысль графа Толстого: «чѣмъ больше чловѣкъ даетъ другому и чѣмъ меньше отъ него требуетъ, тѣмъ лучше все дѣлается; чѣмъ меньше даетъ и чѣмъ больше требуетъ, тѣмъ поступаетъ хуже». Самымъ вреднымъ явленіемъ нашего вѣка, страстно стремящагося къ наслажденіямъ, онъ считаетъ алкоголизмъ и «варварски вредный обычай куренія табаку»; но сознается, что пьянство гораздо больше развито въ Германіи, чѣмъ въ Россіи. Еще Лютеръ говорилъ, что у каждой страны есть свой чортъ, и у нѣмцевъ — чортъ пьянства. И еще раньше Лютера Тацитъ выставлялъ въ примѣръ цивилизованнымъ римлянамъ пьяныхъ германскихъ варваровъ. Нѣмецкое пиво у русскихъ замѣняется чаемъ (хорошо, если бы это было такъ!). Русскіе удивляются, что въ Германіи женщины и дѣти заходятъ въ трактиры, чтобы выпить кружку пива; въ Россіи это не принято и считается неприличнымъ. Сравнивая общественное положеніе двухъ имперій, авторъ не становится на сторону своего отечества и говоритъ своимъ братьямъ много горькихъ истинъ. Особенно неприязненно относится онъ къ балтійскимъ нѣмцамъ, играющимъ незавидную роль въ Россіи и очень жалкую въ Германіи. Говоритъ онъ и о литературѣ, о Гоголѣ, Катковѣ, даже о газетномъ публицистѣ Евгеніѣ Львовѣ, о студентахъ, о Петербургѣ, который предпочитаетъ Берлину, о нѣмецкомъ театрѣ въ нашей столицѣ и его режиссерѣ Бокѣ, но какое все это имѣетъ отношеніе къ предмету его брошюры и зачѣмъ повторяетъ онъ это своимъ соотечественникамъ? Оказывается, что все это онъ уже говорилъ въ петербургской газетѣ еще въ 1890 году. Для чего же понадобилось возобновить всю эту канитель съ цитатами изъ Свифта, Дюринга, Брандеса и анекдотами изъ Бургардта о томъ, какъ въ Сиенѣ, въ эпоху возрожденія, какой-то синьоръ освободилъ свой родной городъ отъ чужеземцевъ, и признательные сограждане, не зная, какъ отблагодарить освободителя за такое геройство, задумали убить его, для того, чтобы потомъ, возведя въ святые, сдѣлать патрономъ ихъ родины и молиться ему. Въ эпоху вырожденія, а не возрожденія никто не согласится прибѣгнуть къ такому средству, даже изъ жельнія сдѣлаться святымъ.

— И спеціальныя нѣмецкія журналы не оставляютъ Россію своимъ вниманіемъ. «Нѣмецкое обозрѣніе географіи и статистики» печатаетъ обширную статью «О русскихъ народныхъ суевѣріяхъ» (Ueber russischen Volksaberglauben), присланную изъ Москвы Карломъ Граве. Какъ аккуратный нѣмецъ, авторъ начинаетъ съ объясненія, что слово суевѣріе значитъ—ложная вѣра. Такимъ образомъ, религія древнихъ была суевѣріемъ, хотя и они называли этимъ именемъ новое ученіе. Чловѣку свойственно стремиться разгадать тайну міросозданія и своего собственнаго существованія. Китайскій мудрецъ говоритъ: если я не знаю того, что дѣлается за стѣною моего дома, какъ могу я знать, что творится въ безграничномъ мірѣ? Валленштейнъ у Шиллера высказываетъ мысль, что духъ нашъ создаетъ и наше тѣло. Гете называетъ суевѣрія поэзію жизни, но не всѣ суевѣрія поэтичны. Если одни изъ нихъ, какъ пѣвчія птички, напоминаютъ своею мелодіей младенчество чловѣческаго разума, другія пугаютъ насъ, какъ крикъ совы.

Можно быть очень умнымъ человѣкомъ и въ то же время суевѣрнымъ. Капцовъ, знаменитый юристъ XVII вѣка, 53 раза прочелъ всю библію и сжегъ въ Саксоніи до двухъ тысячъ вѣдьмъ. Ньютонъ открылъ законы тяготѣнія и написалъ такіе комментаріи на пророка Даниила, которые признаны невозможными. Еще въ прошломъ году въ Казанской губерніи крестьяне сожгли одну вѣдму, а въ Вологодской деревнѣ крещеные зыряне убили колдуна. Русскія суевѣрія простого народа авторъ дѣлитъ на четыре вида: предсказанія будущаго по явленіямъ природы; суевѣрныя примѣты для предотвращенія могущихъ постигнуть бѣдствій; всякаго рода заговоры и религиозныя суевѣрія. Еще въ 1284 году духовенство запрещало всякія колдовства и пророчества. А какая же деревенская мать и въ наше время сомнѣвается въ томъ, что ея ребенка можно сглазить? Попробуйте увѣрить итальянца въ нелѣпости *mal'occhio*—дурного глаза. А вѣра въ сны развита повсемѣстно. Русскій предразсудокъ запрещаетъ въ день смерти Іоанна Крестителя употреблять что либо круглое—яблоко, картофель. Чѣмъ непонятнѣе причина, тѣмъ она таинственнѣе. Зѣвая, крестьянинъ креститъ ротъ, чтобы черезъ него злой духъ не вошелъ въ душу. Сомнѣваемся, чтобы обычай при смерти хозяина истреблять всѣхъ его домашнихъ животныхъ, особенно пчелъ, былъ повсемѣстенъ, хотя авторъ приводитъ послѣдній случай изъ 1874 года. Также сомнительно запрещеніе купаться втеченіе двухъ недѣль отъ 20-го іюля по 8-е августа, потому что Богъ позволяетъ въ это время освѣжиться въ водѣ чертямъ, которые жарятся въ аду цѣлый годъ. По этому случаю авторъ приводитъ и пословицу: «каждый чортъ знаетъ свое болото», а забываетъ другую, въ которой гораздо больше практическаго смысла: «было бы болото—черти найдутся». О домовыхъ и лѣшихъ передаются общезвѣстныя легенды. Суевѣрныя примѣты, относящіяся къ домашнимъ животнымъ, подробно разработаны авторомъ.

— *Magazin für Litteratur* помѣстилъ статью «О славянскомъ возрожденіи» (*Die slavische Renaissance*). Этимъ именемъ авторъ предлагаетъ замѣнить превратно толкуемое выраженіе — панславизмъ. Авторъ статьи говоритъ, что основателемъ литературнаго панславизма былъ чешскій поэтъ Іванъ Колларъ, столѣтнюю годовщину рожденія котораго славянскій міръ праздновалъ въ прошломъ году. Изъ любви къ дочери нѣмецкаго пастора онъ написалъ поэму, воспѣвавшую славянское единеніе и славянскую любовь, и хотя красота дѣвушекъ польскихъ, сербскихъ, словацкихъ, русскихъ, чешскихъ описана имъ въ очень пламенныхъ стихахъ, патристическія строфы его не менѣе пламенны. Но онъ сознается и въ недостаткахъ, свойственныхъ славянскимъ племенамъ, когда говоритъ: «есть у насъ и золото и серебро и прилежныя руки и веселыя пѣсни, нѣтъ только согласія и просвѣщенія». И горько сокрушается онъ, что его «всеславянское царство» существуетъ только въ мірѣ фантазіи. Колларъ не былъ врагомъ нѣмцевъ, но онъ не могъ позабыть, что вся исторія Чехіи заключается въ борьбѣ западныхъ славянъ, стремившихся отъ Балтійскаго моря къ Адриатическому и вездѣ принужденныхъ уступать германскимъ племенамъ и подчиняться имъ. Но Колларъ былъ не только поэтъ, но публицистъ: въ 1837 году онъ издалъ брошюру о взаимномъ вліяніи славянскихъ племенъ и нарѣцій. Но и тутъ преобладаетъ панславизмъ литературный, а политическій, какъ неизбѣжный исходъ изъ него, выведенъ по мнѣнію нѣмцевъ уже русскими писателями. Колларъ утверждаетъ, что черезъ столѣтіе славянскій языкъ

будеть господствовать не только на Эльбѣ, но и на Сѣвѣ. Въ своей брошюрѣ онъ говоритъ о неминувомъ соединеніи въ будущемъ славянскихъ племенъ, хотя и сознается, что, «исполины въ мірѣ, они все еще карлики въ искусствѣ и литературѣ». Но у славянъ должны быть одинъ языкъ и одна литература. Панславизмъ, по словамъ автора, не долженъ быть пугаломъ нашего времени, но развитіе его несомнѣнно угрожаетъ германству. Оно, впрочемъ, можетъ не опасаться этого движенія, вслѣдствіе раздѣленія интересовъ славянскихъ племенъ. Въ то время, когда русскіе требуютъ, чтобы «славянскіе ручьи слились въ русскомъ морѣ», чехи, никогда не составлявшіе сильной націи, стремятся къ преобладанію во имя своихъ гуситскихъ идеаловъ, а поляки заявляютъ о своемъ главенствѣ въ славянскомъ мірѣ, во имя древнѣйшей цивилизаціи и непрѣнно подъ знаменемъ католицизма. Какое же тутъ единеніе? Но все-таки панславизмъ составляетъ силу и опасность, которыми нельзя пренебречь. Онъ представляетъ характерное явленіе пробужденія національныхъ идей къ новой жизни, хотя почти всякій писатель понимаетъ его по-своему. Въ данномъ ученіи смѣшиваютъ даже такія равнородныя понятія, какъ мессіанизмъ Мицкевича, радикализмъ Герцена, руссофильство Погодина, поклоненіе византійско-азиатскому деспотизму и безграмотному народничеству, нѣмецкофобію и гніеніе Запада. Нѣтъ, далеко еще время, когда изъ Москвы протянутся мосты на Варшаву, Бѣлградъ и Прагу.

— Какой-то маркизъ Арагонъ, испанскаго происхожденія, издалъ біографію своего предка, французскаго авантюриста, бывшаго въ русской службѣ и носившаго титулъ нѣмецкаго принца Нассау-Зигена (Le prince Charles de Nassau-Siegen). Принцъ этотъ родился въ Пикардіи; его мать и бабушка были француженки; отецъ, нѣмецкій владѣтель крошечнаго княжества, усыновилъ вслѣдствіи своего побочнаго сына. Нассау-Зигенъ, считая себя всю жизнь французскимъ подданнымъ, служилъ подъ иностранными знаменами съ разрѣшенія королей. Начальъ онъ карьеру кругосвѣтнымъ плаваніемъ въ эскадрѣ Бугенвиля; въ Африкѣ рѣшился основать французское королевство въ Дагомеѣ, о которой почти не имѣли тогда понятія, и собирался провозгласить себя королемъ. Но принужденный отказать отъ цивилизаціи чернокожихъ, задумалъ отнять у англичанъ островъ Джерсей и Гибралтаръ и если не успѣлъ въ этомъ, то по недостатку средствъ, а не храбрости. Потомъ, онъ женился на польской княгинѣ, и это дало ему поводъ вмѣшаться въ дѣла Польши. Онъ принялъ сторону Станислава Понятовскаго противъ Барскихъ конфедератовъ, и это сдѣлало его извѣстнымъ Екатеринѣ II. Но онъ вступилъ въ службу Карла III, испанскаго короля, сдѣлавшаго его начальникомъ валлонской гвардіи. Командованіе войскомъ, не участвовавшимъ въ сраженіяхъ, скоро ему надоѣло, и онъ отправился въ Вѣну, гдѣ провелъ два года, ходатайствуя у Іосифа II о рѣшеніи какого-то денежнаго процесса, длившагося чуть не съ рожденія принца. Авантюристъ, котораго Арагонъ называетъ «паладиномъ XVIII вѣка», не меньше славы любилъ деньги, дававшія ему возможность жить роскошно и весело. Изъ Австріи онъ перебирается въ Польшу, присутствуетъ на сѣмьѣ въ Подоліи и, наконецъ, является въ Россію, гдѣ прежде всего старается войти въ милость Потемкина. Это ему удается и, въ своей корреспонденціи 1784—1789 года, онъ больше всего говоритъ о Россіи, хотя и не съ такимъ увлеченіемъ, какъ принцъ де-Линъ и Сегюръ.

Но онъ сопутствовалъ Екатеринѣ въ ея поѣздкѣ въ Крымъ и описываетъ ее, то-есть не поѣздку, а императрицу, довольно развязно, восхищается красотою Тавриды, нравами донскихъ казаковъ, правдниками, даваемыми въ честь Иосифа II. Потемкинъ обѣщалъ дать полкъ Нассау-Зигену во время войны съ Турціей, и принцъ составилъ планъ союза Франціи, Россіи, Австріи и Италіи для изгнанія изъ Европы турокъ, которыхъ поддерживали Англія, Швеція и Пруссія. Въ 1788 году, онъ получилъ начальство надъ гребнымъ флотомъ, въ устьяхъ Днѣстра, съ цѣлью отнять у турокъ Очаковъ. Авантюристъ въ четырехъ сраженіяхъ разбилъ кауданъ-пашу и пишетъ своей женѣ: «я доволенъ, совершивъ въ своей жизни великій подвигъ; я достигъ, чего желалъ; имя мое перейдетъ въ потомство». Но онъ недоволенъ всѣми, кто его окружаетъ: своимъ помощникомъ корсаромъ Поль-Джонсомъ и болѣе всего самимъ Потемкинымъ «самымъ невоинственнымъ челоѣкомъ на свѣтѣ и еще имѣющимъ претензію не слушать ничьихъ совѣтовъ». Онъ тянулъ такъ долго осаду Очакова, что Нассау не дождался конца ея и былъ посланъ въ Версаль и Мадридъ для дипломатическихъ переговоровъ. Вернувшись въ Россію, онъ былъ слѣланъ вице-адмираломъ, получилъ орденъ Георгія, шпагу, осыпанную брилліантами, и 5.000 душъ въ Бѣлорусіи. Въ то же время онъ былъ посланъ въ Балтійское море противъ шведовъ и въ августѣ 1789 года одержалъ побѣду надъ морскими силами Густава III. Сегюръ пишетъ, что императрица обнимала и превозносила его за эту побѣду. Но это была послѣдняя побѣда въ его жизни. Вскорѣ затѣмъ онъ потерпѣлъ поражение подъ Выборгомъ и долженъ былъ оставить Россію. Послѣдніе годы своей жизни онъ провель, интригуя всюду въ пользу Бурбоновъ; интриганомъ онъ былъ и всегда, въ особеннocy въ Россіи, и по его проискамъ адмиралъ Крузе потерялъ командованіе въ балтійской эскадрѣ. Но авторъ біографіи авантюриста и въ послѣднихъ подвигахъ его видитъ необыкновенное геройство и называетъ его искуснымъ политикомъ, тогда какъ въ дѣйствительности Нассау-Зигенъ отличался только храбростію и необдуманностію и принадлежалъ къ числу весьма заурядныхъ и мало развитыхъ личностей, если и поступавшихъ безъ страха, то никакъ уже не безъ упрека. Герцогъ Левистъ говоритъ, что его манеры были грубы, фізіономія неинтеллигентная, разговоръ тривіальный. Арагонъ говоритъ, что онъ умеръ 60-ти лѣтъ въ Тиннѣ, въ Украйнѣ. Ларуссъ отмѣчаетъ годъ смерти—1805, въ Парижѣ.

— Вышелъ второй томъ мемуаровъ канцлера Паскье, выходящихъ подъ названіемъ «Исторія моего времени» (*Histoire de mon temps*). Мы говорили въ прошломъ году о первомъ томѣ этихъ любопытныхъ записокъ, оканчивавшемся 1813 годомъ. Во второмъ томѣ на 460-ти страницахъ разсказаны событія трехъ лѣтъ: 1813, 1814 и 1815 года, тогда какъ въ первомъ томѣ описаны 20 лѣтъ. Это зависитъ отъ важности событій, въ которыхъ Паскье принималъ участіе. Онъ говоритъ прямо, что еще при началѣ войны съ Россією близкія къ Наполеону лица сомнѣвались въ успѣхѣ кампаніи. Распространили, конечно, преднамѣренно слухъ, что въ русской арміи нѣтъ казаковъ, но Лафайетъ опровергалъ это успокоительное извѣстіе и утверждалъ, что они нанесутъ большой вредъ французскимъ войскамъ. То же подтверждалъ Бараге д'Илье. Савари считалъ положеніе дѣлъ опаснымъ, министръ Декре объявлялъ, что Наполеона ждетъ погубель, министръ финансовъ — что въ случаѣ пораженія, въ казнѣ нѣтъ источниковъ покрыть

военные расходы. Бюлетень о сраженіи подъ Москвою поразилъ всю Францію: подъ громкими, надутыми фразами о побѣдѣ всякій прочелъ, что она не была рѣшительной и стояла слишкомъ большихъ жертвъ. Паскье описываетъ подробно заговоръ Мале, посадившаго министра и префекта полиціи въ тюрьму и учредившаго, съ помощью солдатъ-якобинцевъ, временное правительство изъ роялистовъ. Наполеонъ могъ видѣть изъ этого заговора, какъ непрочно его власть и династія, но для укрѣпленія ихъ придумалъ только учрежденіе въ Парижѣ жандармскаго корпуса. Самъ Паскье называетъ походъ въ Россію «сумасшедшимъ», но находитъ всетаки, что Наполеонъ былъ необыкновенно великъ, особенно во время отступленія и на берегахъ Березины. Въ чемъ же тутъ величіе? По словамъ автора, Наполеона погубили совѣты Маре и Бертье, но развѣ онъ слушался чьихъ либо совѣтовъ? Въ кампанію 1813 года онъ побѣждаетъ противниковъ, но не разбиваетъ ихъ; Бернадотъ измѣняетъ ему; съ измѣной Мюрата онъ теряетъ Италію; король баварскій, которому онъ далъ корону и огромныя земли, пытается преградить разбитой арміи обратный путь къ Рейну. Это болѣе всего выводитъ изъ себя Наполеона, и въ государственномъ совѣтѣ онъ повторяетъ нѣсколько разъ: «Мюнхенъ надо сжечь! Я сожгу Мюнхенъ». Но Франція устала ежегодно выставлять ему миліонъ солдатъ, и развязка приближается. Въ декабрѣ этого года въ Парижѣ уже раздаются крики: «Долой тирана!». Въ тюльерійскомъ саду, во время проѣзда императора, раздался голосъ: «Неужели никто не избавитъ насъ отъ этого злодѣя?». Арестованнымъ оказался герцогъ Бассомпьеръ. Годъ назадъ его бы разстрѣляли, какъ Мале, теперь его только выслали въ Туръ. Въ то время, когда сенатъ расточалъ императору унизительную лесть, законодательный корпусъ вспомнилъ, первый разъ послѣ двѣнадцати лѣтъ, что и у народа есть свои права, которыя слѣдуетъ, наконецъ, принять во вниманіе. Въ этомъ смыслѣ законодатели рѣшили обнародовать свое постановленіе въ печати. Собраніе было закрыто. Наполеонъ отправился въ армію защищать границы Франціи, въ которыя вступали войска коалиціи. Паскье говоритъ, что для своего достоинства императоръ не долженъ былъ соглашаться на уменьшеніе этихъ границъ, а самъ же, отправляясь въ Бонди къ Александру I съ парижскимъ муниципальнымъ совѣтомъ, сознается, что «реставрація Бурбоновъ была бы самою желательною развязкою. Ея желаетъ также русскій царь и отъ него одного зависятъ возвращеніе на тронъ этой династіи». Въ то время, когда солдаты шли ночью по лѣсу Фонтенебло на защиту Парижа, маршалы, къ которымъ былъ посланъ Монтессею, передѣтый казакомъ, съ кнутомъ въ рукахъ, уговариваютъ ихъ оставить Наполеона и принудить его къ отреченію. Александръ привялъ маршаловъ вмѣстѣ съ членами временнаго правленія въ ту же ночь, и «этотъ монархъ, явившійся съ границъ Азіи, уничтожилъ нѣсколькими словами династію великаго полководца и плоды великой революціи». Сѣдой полковникъ, сопровождавшій Паскье въ Бонди, сказалъ ему: «Парижъ сдался непріятелю, и это единственный результатъ двадцати лѣтъ сраженій, побѣдъ и бѣдствій». Да и чего же было ожидать отъ маршаловъ, когда всѣ близкія къ Наполеону лица оказались не лучше ихъ. Отправясь въ армію, онъ назначилъ своего брата, Иосифа, наместникомъ имперіи, и этотъ бездарный хвастуень, прогнанный испанцами съ трона и съ полуострова, поставленный для охраненія Маріи-Луизы и ея сына, началъ съ того, что сталъ преслѣдовать ее

изъявленіями своей нѣжной страсти. Дѣло дошло до того, что Наполеонъ изъ арміи писалъ къ Савари, прося охранить его честь. Оставилъ онъ на свободѣ и Талейрана, исключивъ его только изъ совѣта регентства, но осыпавъ его, передъ отъѣздомъ, площадвою бранью въ присутствіи министровъ. И этотъ предатель тотчасъ же началъ составлять заговоръ противъ своего монарха и убѣдилъ Марію-Луизу уѣхать съ сыномъ изъ Парижа. А Іосифъ, сообщая объ этомъ добрымъ гражданамъ, утѣшалъ ихъ тѣмъ, что ни за что не покинетъ ихъ, и на другой же день бѣжалъ самымъ постыднымъ образомъ. Паскъе также перешелъ на сторону Бурбоновъ, но, увѣдомляя объ этомъ Наполеона, не подписалъ адреса, оскорбительнаго для императора, и о заговорахъ противъ него сообщалъ Маре. А въ то же время Фонтанъ, представившій императору отъ имени сената самое унизительное, вѣрно-подданическое заявленіе, въ прокламаціи къ арміи, появившейся черезъ два мѣсяца, убѣждалъ французскихъ героевъ оставить Наполеона, который «даже и не французъ». Александръ замѣтилъ, что армія на сторонѣ Наполеона, и необходимо, чтобы хоть часть ея приняла сторону Бурбоновъ. Тогда обратились къ маршалу Мармону, и онъ согласился принять на себя постыдную роль. Паскъе извиняетъ его тѣмъ, что онъ при этой измѣнѣ не думалъ о своихъ собственныхъ выгодахъ. Маршалы явились въ Фонтенебло и потребовали, чтобы императоръ отрекся отъ престола. На этомъ останавливается второй томъ мемуаровъ, полныхъ интересныхъ подробностей и анекдотовъ. Людовикъ XVIII далъ Паскъе вѣдомство путей сообщенія вмѣсто префектуры полиціи.

— Вышли также, относящіеся къ этой эпохѣ, и мемуары генерала Теста (*Mémoires inédits du général baron Teste*). Тестъ родился въ 1778 г. и умеръ 87-ми лѣтъ, стало быть, записки его являются черезъ тридцать лѣтъ послѣ его смерти; это слишкомъ долгій срокъ для подобныхъ воспоминаній. Подробности, которыми только и интересны мемуары, въ такое продолжительное время могли устарѣть и быть переданы другими. Онъ началъ свое военное поприще въ Испаніи, сражался потомъ въ Швейцаріи и Италіи. Онъ рассказываетъ, между прочимъ, о странномъ обычаѣ, существовавшемъ во французской арміи (объ немъ говоритъ и Марбо въ своихъ мемуарахъ). Въ Туринѣ изъ одной бригады назначены были на островъ Санъ Доминго нѣсколько ротъ. Солдаты не хотѣли отправляться изъ Европы и взбунтовались, ихъ усмирили: человекъ 20 приговорили къ заключенію въ кандалы, а двоихъ къ разстрѣлянью — холостыми зарядами. Преступниковъ привели на мѣсто казни, надѣли на нихъ мѣшки изъ грубаго полотна и, наученные сержантомъ, они повалились на землю, когда раздался залпъ отряда. Братя милосердія понесли ихъ хоронить, но по дорогѣ они освободились изъ мѣшковъ и бѣжали. Одинъ изъ несшихъ гробъ такъ перепугался, что захворалъ и вскорѣ умеръ. Этотъ странный обрядъ существовалъ и въ нѣмецкой арміи, и Блюхеръ приказалъ однажды разстрѣлять такимъ же образомъ польскаго ксендза, но тотъ не предуведомленный о развязкѣ свалился въ могилу, вырытую на мѣстѣ казни, и едва не умеръ отъ этого. Тестъ сражался потомъ въ Рагузѣ и Тироли. Въ 1811 году Наполеонъ назначилъ его губернаторомъ Кюстрина, чтобы удерживать попытки возстанія въ Германіи. Въ русскомъ походѣ Тестъ участвовалъ съ дивизіей Компана въ войскахъ Даву и Дессе, старавшихся не допустить соединеніе армій Барклая-де-Толли и Багратіона. Жеромъ, не успѣвшій въ этомъ, обидѣлся,

что его отдали подъ начальство маршала, бросилъ армію и уѣхалъ въ свое Вестфальское королевство. Но Даву и Мюрать продолжали ссориться между собою также, какъ и другіе маршалы. При Бородинѣ у Теста раздробило руку, и онъ былъ назначенъ губернаторомъ Вязьмы. Уже въ ноябрѣ армія представляла сбродъ оборванныхъ и изнуренныхъ бѣглецовъ. При отступленіи Тестъ счастливо переправился черезъ Березину, но въ Вильнѣ отморозилъ себѣ руки. Въ 1813 году онъ былъ дивизионнымъ генераломъ и губернаторомъ Магдебурга. Онъ дрался при Дрезденѣ. При капитуляціи этого города, Тестъ былъ отведенъ въ плѣнъ въ крѣпость Іегеръ, гдѣ провелъ семь мѣсяцевъ. Во время реставраціи, перемѣнивъ трехцвѣтную кокарду на бѣлую, онъ былъ сдѣланъ командиромъ войскъ въ департаментѣ Па-де-Кале и получилъ орденъ св. Людовика. Не смотря на это, онъ опять вступилъ въ армію Наполеона, когда тотъ вернулся съ Эльбы, но не принималъ участія въ сраженіи при Ватерлоо, такъ какъ его дивизія принадлежала къ корпусу Груши, опоздавшему на поле битвы. Въ дальнѣйшей карьерѣ его не было ничего замѣчательнаго. Умеръ онъ командиромъ дивизіи, въ Руанѣ, въ 1862 году, доживъ и до второй имперіи.

— Докторъ Нансенъ, отправившійся открывать путь на сѣверный полюсъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ отважныхъ путешественниковъ, которые обяваны самимъ себѣ своею европейскою извѣстностью. Онъ три раза ѣздилъ изслѣдовать южную Гренландію и написалъ объ ней два огромныхъ тома, которые, хотя и не заключаютъ въ себѣ особенно важныхъ открытій, но по научнымъ даннымъ не уступаютъ изслѣдованіямъ его скандинавскихъ соотечественниковъ: Норденскиольда, Іенсена, Берхгрена, Пири. Передъ отъѣздомъ въ полярную экспедицію онъ издалъ, кромѣ того, «Жизнь эскимосовъ», явившуюся теперь въ англійскомъ переводѣ (Eskimo life). Въмѣстѣ съ туземцами Гренландіи Нансенъ описываетъ и достаточно цивилизованныхъ датскихъ переселенцевъ въ колоніи Годтгабъ и въ другихъ мѣстностяхъ страны, подъ 73° сѣв. широты. По мнѣнію автора, эскимосы явились въ Гренландію изъ залива Мельвила черезъ проливъ Смита въ XIV столѣтіи. Но еще гораздо раньше значительныя колоніи ихъ основались въ южной и западной частяхъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Торгильсонъ. Ихъ звалъ и Эрикъ-рыжій. Въ Юліаненгаабѣ найдены обломки ихъ лодокъ (каяковъ) и надписи, вырѣзанныя на камнѣ. Ринкъ, Данегеръ и другіе норвежскіе писатели говорятъ, что эскимосы пришли черезъ Беринговъ проливъ съ Аляски, хотя и сибирскіе эскимосы принадлежатъ также къ эмигрантамъ. Это доказывается тѣмъ, что ни одно изъ сѣверо-американскихъ племенъ, кромѣ эскимосовъ, не употребляетъ собакъ для ѣзды и перевозки тяжестей. Населеніе датской Гренландіи простирается до 10.516 человекъ, изъ нихъ европейцевъ—309. И число ихъ постоянно увеличивается, тогда какъ эскимосы, напротивъ, вымираютъ отъ пьянства. Но не смотря на всѣ изысканія Нансена, онъ не доказалъ сѣвернаго происхожденія эскимосовъ изъ арктической Америки. Онъ основывается только на найденныхъ въ Гренландіи обломкахъ каяковъ, но слово это не американскаго, а азіатскаго происхожденія. На Босфорѣ до сихъ поръ плаваютъ каяки или каяки, очевидно, родственные эскимоскимъ каякамъ. Это коренной тюркскій терминъ, извѣстный и на Байкалѣ задолго до переселенія племени сельджуковъ на юго западъ и якутовъ къ Сѣверному океану по Ленѣ. Въ Хивѣ и Чагатаѣ каякомъ называется корабль; на языкѣ якутовъ каякъ — боть съ килемъ.

Эскимосы могли перенять это слово у якутовъ вмѣстѣ съ устройствомъ каюковъ и переправиться въ нихъ черезъ Беринговъ проливъ въ Гренландію. Нѣсколько другихъ словъ эскимоскаго языка, относящихся къ домашней жизни, доказываютъ сходство его съ сѣверными нарѣчіями. Эскимоское «сабби», кузнецъ, сродни финскому «сеппа», то же созвучіе слышно въ монгольскомъ и самоѣдскомъ языкахъ. Финскія и лапландскія слова нерѣдко встрѣчаются у эскимосовъ. Впрочемъ, обьевропеившіеся дикари такъ передѣлываютъ на свой ладъ выраженія другихъ языковъ, что не всегда можно догадаться объ ихъ происхожденіи. Такъ водку они называютъ «са-напсемсенъ», явно заимствованное отъ шнапса, но Нансенъ неправильно переводитъ его словомъ brandeviin: въ брандвейнѣ (англійское brandy) заключается, всетаки, понятіе о коньякѣ, тогда какъ на сѣверѣ спиртъ курятъ изъ ржи или картофеля. Къ книгѣ Нансена приложены рисунки гренландскихъ пейзажей, довольно грубые, но оригинальные.

СМѢСЬ.

ДОМИКЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО въ Саардамѣ. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» описывается теперешнее состояніе домика Петра Великаго въ Саардамѣ: доѣхавъ до гостинницы имени царя Петра, вы сворачиваете въ сторону по узкому переулку, до крутого деревяннаго мостика; перейдя его совсѣмъ уже узкою тропинкой, видишь мѣсто, гдѣ стоитъ хижина великаго преобразователя Россіи. Среди садика высится домикъ, прикрывающій хижину отъ непогоды и разрушенія. Изъ домика выходитъ сторожъ и объясняетъ, что хижину можно осматривать, что территорія, на которой стоишь, русская, подаренная Россіи Голландіей, и что все это находится подъ присмотромъ русскаго консула. На мягкомъ ложѣ изъ мелкихъ камней покоится хижина. Старыя доски, сѣрыя и безцвѣтныя отъ времени, изъ которыхъ она построена, нуждаются въ защитѣ отъ непогоды. Все вообще покрывилось на бокъ, но, быть можетъ, постройка прежде стояла на отлогомъ мѣстѣ. Теперь хижина стоитъ на берегу какой-то небольшой канавки, а не на берегу рѣчки Заанъ; такъ, вѣроятно, и прежде было. Хижина, уцѣлѣвшая до сихъ поръ, представляетъ только часть всей хижины и именно ту, гдѣ жилъ Петръ, нанимавшій эту часть у ея хозяина. Внутренность состоитъ изъ двухъ комнатокъ. Всѣ стѣны испещрены именами, писанными и вырѣзанными. Теперь это запрещено дѣлать, и посѣтителю расписываются въ большой книгѣ.

Въ ней очень мало русскихъ именъ. Все больше иностранцы. На стѣнахъ нѣсколько портретовъ Петра I, столъ, стулъ, служившіе ему, представляютъ всю мебель. Въ стѣнѣ углубленіе, въ которомъ виднѣется деревянное ложе; сторожика увѣряетъ, что это постель, но ложе необыкновенно коротко, что мало гармонируетъ съ громаднымъ ростомъ Петра. Надъ большимъ камнемъ мраморная доска съ надписью:

Petro Magno
Alexander.

Доска относится къ посѣщенію государя Александра I, въ 1814 году. Также есть доска съ надписью о посѣщеніи хижины цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ въ 1839 году.

Шведская могила въ Полтавѣ. По распоряженію синода, приступлено къ работамъ по сооруженію памятника на полѣ Полтавской битвы, на такъ называемой шведской могилѣ. На вершинѣ могилы, имѣющей видъ высокаго холма, насыпаннаго, по преданію, воинами, участвовавшими въ сраженіи, будетъ воздвигнутъ крестъ изъ свѣтло-сѣраго сердобольскаго гранита, на пьедесталѣ краснаго гранита. Высота креста десять аршинъ, двѣнадцать вершковъ. На пьедесталѣ, у подножія креста, будутъ сдѣланы рельефными буквами слѣдующія надписи: на лицевой сторонѣ: «Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога слова 1709, іюня 27-го дня»; ниже этого: «А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россія». На правой сторонѣ: «Погребены: бригадиръ Феленгеймъ, полковники: Нечаевъ и Ловъ, подполковникъ Козловъ, майоры: Кропотовъ, Ерестъ и Гельтъ, оберъ-офицеровъ сорокъ пять, капраловъ и рядовыхъ тысяча двѣсти девяносто три, всего 1.345 человекъ». На лѣвой сторонѣ: «Сооруженъ въ 1894 году, при державѣ благочестивѣйшаго государя императора Александра III, распоряженіемъ святѣйшаго правительствующаго синода, при святительствѣ преосвященнаго Илларіона, епископа полтавскаго и переяславскаго, иждивеніемъ тайнаго совѣтника Іосифа Степановича Судіенко, оставившаго денежный капиталъ на увѣковѣченіе великаго событія спасительной Полтавской побѣды». Первые три надписи воспроизводятся съ прежняго памятника, а послѣдняя дѣлается вновь. Къ памятнику ведетъ широкая (высотой 8¹/₂ аршинъ) лѣстница въ два марша, соединяющихся на высотѣ трехъ аршинъ въ одинъ. Вокругъ холма, на цоколѣ изъ краснаго гранита, будутъ поставлены двадцать три изъ такого же матеріала тумбы, соединенныя одна съ другою цѣпями. Работы производятся въ Петербургѣ, и, по окончаніи ихъ, памятникъ въ разобранномъ видѣ будетъ отправленъ до Николаева водою и далѣе до мѣста назначенія по желѣзной дорогѣ и гужомъ. Установку памятника предполагается закончить ко дню годовщины Полтавской побѣды. Одновременно съ началомъ работъ по сооруженію памятника, приступлено къ перестройкѣ находящейся на полѣ Полтавской битвы небольшой церкви во имя св. Сампсонія Страннопріимца, память котораго празднуется 27-го іюня; церковь будетъ значительно расширена пристройкой со всѣхъ сторонъ.

Волинское церковно-археологическое древлехранилище. Въ маѣ 1893 г., по инициативѣ архіепископа Модеста, открыто въ городѣ Житомирѣ церковно-археологическое древлехранилище, поставившее своей задачей собраніе и сохраненіе многочисленныхъ памятниковъ старины, развѣянныхъ по монастырямъ, церквамъ и въ другихъ мѣстахъ Волинской губерніи. Въ настоящее время, какъ видно изъ вышедшаго надняхъ «Краткаго описанія предметовъ древности», пожертвованныхъ въ древлехранилище по іюль 1893 г., составленнаго О. А. Фотинскимъ, новооткрытый музей собралъ не мало очень важныхъ историческихъ матеріаловъ. Такъ, сюда поступили остатки архива бывшаго Жидичинскаго монастыря, извѣстнаго уже въ XIII вѣкѣ, нѣсколько сборниковъ поученій, сборники, заключающіе въ себѣ интересные матеріалы для исторіи уни, базилианскаго ордена, для исторіи просвѣщенія. Кромѣ того, сюда поступило не мало предметовъ, интересныхъ въ археологическомъ отношеніи, напримѣръ, Энкалпіонъ XIII—XIV вѣковъ, пожертвованный барономъ И. М. де-Шодуаромъ, старо-печатныя книги и т. д. Преосвященный Модестъ предполагаетъ устроить при этомъ музеѣ и бібліотеку, въ которую хочетъ собрать, по возможности, все относящееся къ Волинской старинѣ. Нельзя не пожелать успѣха этому начинанію. Было бы очень хорошо, если бы эта мысль нашла себѣ поддержку, если бы авторы книгъ и статей, относящихся къ Волинской старинѣ, выразили свое сочувствіе присылкой своихъ трудовъ, и этимъ облегчили трудъ собиранія.

Общество любителей древней письменности. Въ послѣднемъ засѣданіи профессоръ А. И. Кирпичниковъ сдѣлалъ сообщеніе объ одной, переводной съ польскаго, рукописи изъ своего собранія подъ заглавіемъ: «Сужденіе проклятаго демона противъ человѣка», любопытной по своей діалогической формѣ и по апокрифамъ. Секретарь общества прочелъ свой рефератъ о словѣ въ великую субботу, принадлежащемъ св. Кириллу Туровскому (XII вѣка). Докладчикъ, выяснивъ вопросъ о борьбѣ двухъ партій—греческой и русской, стремившихся провести свои вліянія на Руси, и о мѣстѣ, которое занялъ въ этой борьбѣ туровскій святитель, какъ сторонникъ греческаго вліянія, предложилъ общую характеристику его личности и сочиненій въ связи съ другими литературными направленіями того времени и затѣмъ перешелъ собственно къ его слову въ великую субботу, которое оказывается лишь переработкою уже извѣстнаго его слова въ ведѣлю мироносиць. Референтъ полагаетъ, что издаваемое слово, какъ по своему заглавію, такъ и по характеру обработки принадлежитъ самому Кириллу Туровскому. Возражалъ проф. В. А. Яковлевъ, по мнѣнію котораго, это слово, можетъ быть, переделано изъ слова Кирилла писцами или тѣмъ редакторомъ, который трудился надъ составленіемъ извѣстнаго сборника подъ заглавіемъ «Златоустъ»; проф. Кирпичниковъ замѣтилъ, что въ византійской проповѣднической литературѣ V вѣка существовало не два, какъ полагалъ докладчикъ, а три теченія, что на ряду со строго-консервативнымъ толкованіемъ священнаго писанія и затѣмъ апокрифическою его окраскою существовало также направленіе, такъ сказать, образное, характеризующееся діалогизмомъ въ изложеніи ветхо и ново-завѣтныхъ событій и имѣющее своимъ представителемъ патр. Прокла. Далѣе г. Кирпичниковъ сдѣлалъ предложеніе, не найдетъ ли общество, а равно и другія ученныя учрежденія, возможность издать собранныя греческимъ ученымъ Сакелліономъ рукописныя матеріалы, не вошедшія въ его печатное изданіе. Наконецъ, секретарь общества, доложивъ собранію о ходѣ изданій трудовъ общества, остановился на предметахъ, которыми пополнилась бібліотека общества. По части рукописей приобрѣтены: два Торжественника XV и XVI вѣковъ, слова Григорія Богослова въ истолкованіи Никиты Ираклійскаго и получены въ даръ: Житіе Дмитрія царевича (отъ гр. С. Д. Шереметева) и Евангеліе-апракосъ XVI вѣка (отъ А. А. Мартынова); изъ печатныхъ книги общество получило отъ Н. П. Лихачева изслѣдованіе его «О развршителныхъ грамотахъ восточныхъ патріарховъ», о которомъ сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія секретарь общества, и отъ предсѣдателя роскошное изданіе общества древнихъ французскихъ текстовъ *Les plus anciens monuments de la langue française* (IX, X siècle), изд. Гастона Пари.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ сдѣлалъ общую характеристику ученой дѣятельности покойнаго почетнаго члена общества Я. К. Грота и указалъ, что Гротъ въ продолженіе всей своей долготѣвней жизни нисколько не измѣнилъ своимъ взглядамъ на науку, что онъ одинаково любилъ ее и въ молодости и въ преклонной старости. Н. П. Барсуковъ прочелъ сообщеніе, составленное В. В. Майковымъ, о рукописномъ сборникѣ актовъ XV—XVII вѣковъ, переписанныхъ въ началѣ XVIII вѣка и относящихся до земельныхъ владѣній Троицко-Сергіевой лавры на Бѣжецкомъ верку. Изъ доклада выяснилось, что въ числѣ актовъ есть судное дѣло XVI вѣка, въ которомъ имѣются почти всѣ виды тогдашнихъ судебныхъ доказательствъ: признаніе, нарушеніе правъ, свидѣтельскія показанія и ордаліи—испытаніе желѣзомъ и водой, присяга и судебныя поединки. Сборникъ этотъ, полученный въ даръ отъ діакона Исаакіевскаго собора А. А. Троицкаго, Н. П. Барсуковъ, въ свою очередь, принесъ въ даръ обществу. Далѣе секретарь общества сообщилъ о новомъ раскольничьемъ памятникѣ, новѣсти 1692 года о развитіи и ростѣ безпоповщинской секты «новоженцевъ», и указалъ на

значение этого важнаго трактата. Анонимный авторъ его, ученикъ старца Досиея, былъ самъ раскольникъ, но не признавалъ ученія ни объ огненной, ни о водной смерти; въ простомъ и живомъ разсказѣ онъ излагаетъ событія 80-хъ годовъ XVII столѣтія, въ которыхъ онъ самъ былъ очевидцемъ и такъ или иначе принималъ участіе. Весьма много новыхъ и любопытныхъ данныхъ сообщаетъ этотъ памятникъ для исторіи указанной ереси и, по словамъ докладчика, заслуживаетъ изданія. Затѣмъ секретарь общества прочелъ о новомъ судномъ дѣлѣ XVI вѣка, въ которомъ являются: допросы свидѣтелей, ссылка на документы и пр. Наконецъ, секретарь доложилъ собранію о приношеніи въ даръ обществу И. О. Горбуновымъ нѣсколькихъ любопытныхъ свитковъ XVII вѣка, а В. К. Шлиппе—библиотеки покойнаго екатеринославскаго еп. Амвросія, въ количествѣ около 200 книгъ, между которыми много важныхъ греческихъ богослужебныхъ книгъ. Профессоръ И. Н. Ждановъ сдѣлалъ сообщеніе о двухъ византійскихъ повѣстяхъ въ старорусской обработкѣ, именно «о Василіѣ, извозчикѣ московскомъ, и о цареградскомъ царѣ Михаилѣ», сказаніе о которомъ слилось съ повѣстью о вавилонскомъ царѣ Валтасарѣ. Обѣ повѣсти, по мнѣнію докладчика, составлены на русской почвѣ около XVI вѣка, на основаніи переводовъ нѣкоторыхъ византійскихъ хроникъ (Манассія и др.) и въ основѣ своей содержатъ разсказы о царяхъ Михаилѣ III и Василіи Македонянинѣ, именно о волотомъ деревѣ съ птицами, о волшебномъ зеркалѣ, въ которомъ можно видѣть, что дѣлается въ другихъ странахъ, о пьянствѣ Михаила, объ укрощеніи коня и объ убіеніи Михаила. Докладъ вызвалъ замѣчанія со стороны Т. И. Филиппова и проф. В. Гр. Васильевскаго. Секретарь общества сдѣлалъ сообщеніе о неивѣстныхъ доселѣ стихотвореніяхъ А. Т. Болотова; томъ его «сельскихъ пѣсенъ» содержитъ 38 стихотвореній, посвященныхъ главнымъ образомъ лирическому описанію красотъ природы, и только немногія изъ нихъ затрогиваютъ современную общественную жизнь, именно «Чувствованія рожденнаго въ дворянствѣ» и «Ода наукѣ натурологіи», въ которой превосходно описанъ бытъ дворянства конца XVIII вѣка, Н. П. Лихачевъ сдѣлалъ небольшой докладъ о древнѣйшихъ грамотахъ на кормленіе. Наконецъ, секретарь общества доложилъ собранію о принесеніи въ даръ обществу Н. Н. Селифонтовымъ двухъ рукописей: «Житія Петра Великаго» (соч. Катифора) и «Учительнаго Евангелія Транквилиота», а А. А. Мартыновымъ «рукописи Родословія 1746 года», съ Адама до имп. Елисаветы Петровны, и глинянаго кувшина, найденнаго во время раскопокъ въ Москвѣ на Воздвиженкѣ; сообщено также о выходѣ въ свѣтъ двухъ памятниковъ древней письменности—житія св. Евдокима Праведнаго и Слова св. Кирилла Туровскаго въ великую субботу, описанія рукописей общества (ч. II), а также «Путешествія» О. Смита въ Россію въ 1605 году, изданнаго предсѣдателемъ и принесеннаго въ количествѣ 100 экземпляровъ въ даръ обществу.

22-го января редакція журнала «Дѣтское Чтеніе» отпраздновала двадцатипятилѣтній юбилей этого изданія. Немногіе органы печати могутъ у насъ похвастаться такимъ долголѣтіемъ, особенно если журналъ сумѣлъ сохранить отъ начала до конца тотъ свѣтлый колоритъ и задушевную теплоту, какими отличается «Дѣтское Чтеніе». Съ словомъ нужно обращаться осторожно, таково было мнѣніе автора «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ», и особенной осторожности требуетъ это слово, обращенное къ дѣтямъ. «Дѣти вѣрятъ въ то, что читаютъ; вымышленныя лица—для нихъ живыя лица; они сами живутъ съ ними, радуются и плачутъ съ ними»,—говоритъ въ одной изъ своихъ педагогическихъ статей г. Засодимскій. Таковой же взглядъ на дѣло высказали и первые организаторы названнаго дѣтскаго журнала. Гг. А. Н. Острогорскій, В. П. Острогорскій и В. А. Висковатовъ, приглашенные издателями Дурышкинымъ и Яковлевымъ въ качествѣ основныхъ силъ изданія, отнеслись къ возложенной на нихъ задачѣ съ полнымъ созна-

ніемъ важности предпріятія. Прототипомъ журнала для нихъ послужило «Дѣтское чтеніе для сердца и разума» извѣстнаго поборника просвѣщенія прошлаго столѣтія Николая Ивановича Новикова. Задавшись цѣлью давать малолѣтнимъ читателямъ «полезное и купно пріятное упражненіе», Новиковъ старался при помощи популярныхъ статей по исторіи и естествознанію проводить въ сознаніе читателей цѣльное и определенное міросозерцаніе, согрѣтое гуманностью, любовью къ ближнему и всему человѣчеству. Программа великаго педагога легла краеугольнымъ камнемъ и въ программу «Дѣтскаго Чтенія» 1869 г. Весь тонъ журнала, вся окраска его были созданы первыми его двумя редакторами — А. Н. Острогорскимъ и В. П. Острогорскимъ. Они были не только руководителями изданія, но и главными поставщиками печатнаго матеріала. Такъ въ 1869 г. изъ 24 беллетристическихъ произведеній перу В. П. Острогорскаго принадлежитъ десять. Мало-по-малу удалось привлечь къ сотрудничеству и другихъ извѣстныхъ литераторовъ: Плещеева, Григоровича, Вейнберга, Левитова, Буренина, Засодимскаго, Цебрикову, Терпигорева, Лейкина и многихъ другихъ. Кромѣ того, они старались привлечь начинающихъ писателей и создать новую армію работниковъ на поприщѣ дѣтской литературы. Такъ г-жа Мунтъ-Валуева и г. Кругловъ начали свою литературную дѣятельность подъ ихъ воздѣйствіемъ. Нельзя не отмѣтить, однако, что въ 15-ти-лѣтній періодъ редактированія журнала братьями Острогорскими замѣчается два періода въ его жизни. Въ первый періодъ, при редакторствѣ А. Н., отдѣлъ изящной словесности, какъ бы отходитъ на второй планъ, уступая первое мѣсто отдѣлу научныхъ свѣдѣній и положительныхъ знаній. Это объясняется спеціальностью перваго редактора, какъ естествовика и реалиста. За 1876 г., наприимѣръ, въ журналѣ напечатано всего 30 маленькихъ беллетристическихъ произведеній, остальные же статьи популярно-научнаго характера. Вступивъ въ 1877 г. въ управленіе журналомъ, В. П. Острогорскій, знатокъ и любитель словесности, выдвинулъ на первый планъ задачу не столько развитія «разума», сколько «сердца». Передъ маленькой публикой развернулась идеальная сторона человѣческой жизни въ художественныхъ образахъ и картинахъ. Беллетристическій отдѣлъ расширяется, обнимаетъ собою уже 53 статьи въ то время, какъ научный понижается до 40 статей. В. П. даетъ извлеченія изъ старыхъ родныхъ писателей, компилируетъ и переводитъ лучшихъ иностранныхъ: Шекспира, Корнеля, Гартъ, Диккенса, Ауэрбаха и др.; и поэзія находитъ себѣ при немъ радушный привѣтъ и пристанище. Въ 1881 г. скончалась другъ и помощница Острогорскаго, А. Н. Ермолинская, въ этомъ же году и новый издатель В. П. Бородинъ лишился своей супруги. Эти обстоятельства отразились на журналѣ, и онъ сталъ чахнуть. Въ 1884 г. В. Острогорскій сложилъ съ себя званіе редактора, и Бородинъ остался въ одиночествѣ. Оставшись безъ опытнаго редактора, безъ средствъ къ веденію дѣла, Бородинъ, однако, не палъ духомъ и съ громадной затратой духовныхъ силъ продолжалъ бороться съ невзгодами жизни. При немъ журналъ получаетъ преимущественно публицистическій характеръ. Въ ново-заведенномъ отдѣлѣ «По блѣу свѣту» онъ знакомилъ своихъ маленькихъ читателей съ выдающимися событиями современности, преимущественно изъ отечественной жизни. Проработавъ безуспѣшно два года и оставшись безъ всякихъ средствъ къ существованію, онъ передалъ журналъ С. Яздовскому, который пригласилъ редакторомъ извѣстнаго педагога Д. Д. Семенова. Новый издатель и редакторъ не жалѣли средствъ къ поднятію журнала и привлекли къ участію въ немъ многихъ извѣстныхъ литераторовъ и художниковъ. Основанный первыми редакторами «Педагогическій Листокъ» при журналѣ, какъ образовательное руководство для родителей маленькой публики, былъ ими упраздненъ и вмѣсто него бесплатно прилагались преміи въ видѣ роскошно изданныхъ книгъ популярно-научнаго содержанія, на-

примѣръ, «Египетъ» О. Семеновой и «Въ странѣ контрастовъ» г-жи Шелгуновой. Послѣ Д. Семенова принялъ «Дѣтское Чтеніе» подѣ свою редакцію П. Преображенскій, при которомъ оно лѣтомъ (1891 г.) было приобрѣтено Я. Борисовымъ. Вскорѣ г. Преображенскаго смѣнилъ, редактирующій и нынѣ журналъ, П. В. Голяновскій. Новой редакціи, при усилившихся издательскихъ средствахъ, удалось значительно выдвинуть какъ самый журналъ «Дѣтское Чтеніе», такъ и приложеніе къ нему «Педагогическій Листокъ», который ими возстановленъ. Въ изданіи работаютъ выдающіяся литературныя силы: гг. Маминъ-Сибирякъ, Котъ Мурлыка, Баранцевичъ, Засодимскій, Острогорскіе и многіе другіе. Довѣріе къ нему публики растетъ, и маленькая аудиторія все расширяется и оживляется. Подобно В. П. Острогорскому, и новый редакторъ значительно выдвигаетъ беллетристическій отдѣлъ, дѣлая журналъ пріятнымъ и полезнымъ чтеніемъ для сердца и разума. Юбилейный январскій номеръ составленъ превосходно и полно захватывающаго для дѣтей интереса. «Чухломка» Кота Мурлыки, «Прини» В. Острогорскаго и «Аленушкины сказки» Мамина прочтутся не только маленькой, но и взрослой публикой, съ большимъ удовольствіемъ.

Слѣды почитанія змѣй въ Бѣлоруссіи. Почти всѣмъ народамъ, населяющимъ земной шаръ, свойственно видѣть въ змѣѣ не обыкновенное животное пресмыкающееся, а нѣчто особенное, почему у нѣкоторыхъ народовъ и существуетъ культъ змѣй. Замѣчательно, что слѣды культа змѣй встрѣчаются въ Бѣлоруссіи. Не смотря на то, что бѣлоруссъ, какъ и великороссъ, вѣритъ въ то, что убившему змѣю прощается Богомъ сорокъ грѣховъ, въ Бѣлоруссіи сохранились повѣрья и сказанія о змѣяхъ—совершенно противоположнаго характера. Въ началѣ осени, по повѣрью бѣлоруссовъ, змѣи «у вырой идуць», то есть, вырываютъ себѣ норы и засыпаютъ въ нихъ до весны. «У вырой» змѣи идутъ не отдѣльно одна отъ другой, а всѣ вмѣстѣ; предводительствуетъ ими во время этого похода ихъ царь, у котораго на головѣ находится золотая корона. Если такую процессію увидитъ человѣкъ, то онъ долженъ разостлать, предъ змѣинымъ царемъ чистый бѣлый платокъ; царь змѣй, въ благодарность за такое почтительное отношеніе къ своей особѣ, обыкновенно оставляетъ на платкѣ свою золотую корону. Человѣкъ, получившій корону змѣинаго царя, становится всевѣдущимъ. Въ приведенномъ повѣрьи есть черта, довольно ясно намекающая на существованіе въ Бѣлоруссіи, въ давно прошедшія времена, культа змѣй. Замѣчательно, что, по повѣрью бѣлоруссовъ, змѣи вовсе не представляются существами злыми, способными принести вредъ человѣку, и если змѣя жалитъ человѣка, то это явленіе не нормальное. Бѣлоруссъ вѣритъ, что змѣя, укусившая человѣка, въ «вырой» не принимается и, лишившись своего жала, обрекается на смерть зимою. По другому бѣлорусскому повѣрью, змѣя можетъ обогатить человѣка, дающаго ей пищу. Для этого стоитъ только найти «сносокъ», то-есть, яйцо, которое сносить пѣтухъ разъ въ семь лѣтъ. Доставъ это фантастическое яйцо, человѣкъ долженъ носить его въ пахѣ, подъ рукою, въ продолженіе шести мѣсяцевъ, по истеченіи которыхъ изъ яйца вылупится змѣенышъ. Этотъ-то змѣенышъ, обратившись въ змѣю, въ благодарности за пріютъ и пищу, станетъ носить человѣку все, чего только послѣдній ни пожелаетъ. Такимъ образомъ, и въ этомъ бѣлорусскомъ повѣрьи змѣи представляются существами необыкновенными, одаренными сверхъестественной силой. Все это заставляеть думать, что въ Бѣлоруссіи нѣкогда существовалъ культъ змѣй, хотя и не получившій полного развитія. Нашъ сказочный «Змѣй-Горынычъ» также указываетъ отчасти на культъ змѣй у великоруссовъ.

Еще одно сазаніе о Ермакѣ. Ермакъ Тимофеевичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ любимыхъ народомъ историческихъ личностей, которыхъ память народная любитъ рисовать, какъ замѣчательныхъ героевъ въ историческихъ пѣсняхъ (въ лѣтописяхъ, былинахъ, легендахъ, сказаніяхъ). Въ былинномъ

эпосъ покоритель Сибири выставляется постоянно въ симпатичномъ видѣ—защитника Руси отъ ненавистныхъ ей татаръ; по одному варианту, овъ богатырски отражаетъ нападеніе татарскаго царя Калина на Кіевъ, по другому—на Куликовомъ полѣ убиваетъ страшилище-бабищу Мамайшну. Въ одной изъ сибирскихъ газетъ приведено еще одно сказаніе, записанное со словъ крестьянина с. Ужура, Енисейской губерніи. Сказаніе любопытно въ томъ отношеніи, что въ немъ Ермакъ является не только въ роли борца съ татарами, но и съ турками. «Жилъ-былъ Ермакъ-богатырь. Баловаль онъ по Дунаю-рѣкѣ, воевалъ татаръ да турокъ. Собралось турокъ до нѣсть конца и напали-налетѣли на Ермака. Три дня бился-рубился Ермакъ, обесилѣлъ отъ алчбы и жажды! Полонили его турки, умчали къ себѣ, посадили въ темницу желѣзную и повѣсили замокъ ровно въ три пуда, а окошечко оставили въ мѣдный гривенникъ. И горюетъ Ермакъ, убивается. Турки злые надъ нимъ издѣваются. «Ужъ тебѣ ли съ султаномъ воевать?». — «Хорошо вамъ, басурманы, смѣяться: теперь и бабы могутъ со мной разговаривать, а попробуйте поговорить со мною въ чистомъ полѣ». Подѣзжаетъ разъ какъ-то къ темницѣ султанъ и велитъ показать себѣ Ермака. Упалъ въ ноги султану Ермакъ. «За что ты сидишь, Ермакъ, кто посадилъ тебя?». — «Ваше султанское величество, не вели казнить, вели слово молвить. Везъ я тебѣ богатый гостинецъ: золота, серебра; напали твои слуги, ограбили; розыщи мои гостинцы, возьми себѣ, а меня отпусти на святую Русь». Отпустилъ его султанъ и сказалъ: «Ступай, да въ моей землѣ не балуй». Пошелъ Ермакъ на Русь, взял себѣ въ товарищи Мамай-безбожнаго. Пошли они въ Казань, а оттуда въ Тобольскъ, забрали и Чудь—и потонулъ Ермакъ въ рѣкѣ Тоболѣ, въ своей 12-ти-пудовой бронѣ, а Мамай съ оглоблей прошелъ до Иркутскаго».

† Въ январѣ, въ Салоникахъ, главномъ городѣ Македоніи, русскій генеральный консулъ Иванъ Степановичъ Ястребовъ, извѣстный не только въ дипломатическомъ, но и въ ученномъ мѣрѣ своими изслѣдованіями по славянской этнографіи. Онъ родился въ 1839 г., получилъ высшее образованіе въ Казанской духовной академіи и въ отдѣленіи восточныхъ языковъ при азиатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Съ 1866 г. и до дня кончины онъ почти безвыѣздно прослужилъ на Балканскомъ полуостровѣ въ званіяхъ: студента миссіи, драгомана, вице-консула, консула и, наконецъ, генеральнаго консула въ Салоникахъ. Онъ на практикѣ изучилъ бытъ и нравы разныхъ народностей Македоніи и Албаніи. Плодомъ этого изученія была книга о языкѣ и обычаяхъ македонскихъ сербовъ, имѣвшая два изданія и пролившая яркій свѣтъ на этнографію Македоніи. Ястребова нерѣдко обвиняли (особенно болгары и ихъ друзья) въ сербофильствѣ. Онъ дѣйствительно любилъ и цѣнилъ сербскій народъ, но въ своемъ сочиненіи говорилъ вполне безпристрастно, ничего не выдумывая и не прибавляя. Помимо прекраснаго знанія греческаго и турецкаго языковъ, онъ былъ глубокимъ знатокомъ сербскаго, на которомъ говорилъ, какъ природный сербъ. Австрійская печать очень не любила его, какъ истиннаго русскаго человѣка, который притомъ въ совершенствѣ былъ знакомъ съ австрійскими интригами и всячески мѣшалъ имъ. Ястребовъ отлично зналъ Турцію и былъ крайне полезенъ своею дѣятельностью, какъ нашему посольству въ Константинополь, такъ и министерству иностранныхъ дѣлъ. Кончина этого умнаго и даровитаго дипломата составляетъ невознаградимую потерю для нашего дипломатическаго вѣдомства и для русской науки. Послѣ него осталось много богатыхъ матеріаловъ по описанію Албаніи и по разнымъ вопросамъ славянской этнографіи.

† Въ Пермской губерніи видный общественный дѣятель Дмитрій Дмитриевичъ Смышляевъ. Онъ былъ первымъ предсѣдателемъ губернской земской управы и исполнялъ эту должность въ теченіе трехъ трехлѣтій. Ему при-

надлежитъ организація всего хозяйства губернскаго земства, особенно плодотворный починъ въ реорганизаціи больницы, въ направленіи продовольственной дѣятельности, въ созданіи страхового дѣла, статистическихъ изслѣдованій края и земскаго литературнаго органа («Сборникъ Пермскаго земства»). Имъ составленъ проектъ учительской семинаріи сельскохозяйственнаго типа. Въ качествѣ уполномоченнаго Палестинскаго общества, онъ упрочилъ для русскихъ паломниковъ тѣ же права, какими пользовались католики и лютеране. Ему обязано своимъ устройствомъ русское подворье въ Іерусалимѣ. Въ 1887 г. его портретъ былъ повѣшенъ въ приемной русскаго подворья въ Іерусалимѣ. Патріархъ причислилъ его къ ордену Гроба Господня. Литературныя занятія были не чужды покойному. Онъ написалъ рядъ статей, касающихся исторіи или текущихъ вопросовъ Пермскаго края, перевелъ «Еврейскія древности» Мунка, съ 1882 г. по 1885 г. редактировалъ «Пермскія Губернскія Вѣдомости», собралъ матеріалы для изученія Пермской губерніи, издалъ два тома «Пермскаго Сборника» и съ 1890 г. былъ секретаремъ губернскаго статистическаго комитета. Имъ пожертвована мѣстной гимназіи богатая коллекція книгъ. Какъ человекъ, онъ отличался замѣчательной энергіей и готовностью личные интересы принести въ жертву общественнымъ. Умеръ онъ 65 лѣтъ.

† Въ Москвѣ, Петръ Павловичъ Мельгуновъ, извѣстный своими научными трудами по исторіи и естествовѣдѣнію. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, съ золотою медалью за сочиненіе «Критическая исторія православія у западныхъ славянъ», онъ посвятилъ свои силы педагогической дѣятельности и съ 1868 г. преподавалъ въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ исторію и географію. Свои досуги П. П. отдавалъ изученію природы. Такъ, онъ основательно изучилъ флору Задонскаго, Елецкаго и Липецкаго уѣздовъ и составилъ богатѣйшій гербарій въ 8 томахъ. Зоологія также интересовала его. Онъ послѣдовательно занимался орнитологіей (собралъ значительную коллекцію птицъ), энтомологіей (составилъ подробный списокъ жуковъ-дровосѣчковъ) и геологіей. Послѣднее время П. П. председательствовалъ въ особой комисіи по изслѣдованію фауны Московской губерніи. Подъ его руководствомъ составлены цѣнныя коллекціи. Общество любителей естествознанія присудило покойному за его обстоятельное сочиненіе о московской фаунѣ золотую медаль. Умеръ онъ отъ водянки, 46 лѣтъ.

† Отъ крупознаго воспаленія легкихъ знатокъ морскаго дѣла, секретарь петербургскаго общества для содѣйствія русскому торговому мореходству, Александръ Осиповичъ Пиленко, на 56 году. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ дѣятелей, которые общественные интересы всегда и во всемъ предпочитали своимъ личнымъ и, ради общественной пользы, работали безъ устали, не щадя ни силъ, ни здоровья. Уроженецъ Нюландской губерніи, питомецъ морскаго кадетскаго корпуса и морскою академіи, онъ съ 1876 г. преподавалъ въ Морскомъ училищѣ астрономію, навигацію и ариметику. Выйдя въ 1887 г. въ отставку съ чиномъ капитана 1-го ранга, А. О. посвятилъ свою дѣятельность журнальной и общественной работѣ. Его перу принадлежатъ много капитальныхъ статей по морскому дѣлу, напечатанныхъ въ «Морскомъ Сборникѣ», «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ» и «Правительственномъ Вѣстникѣ». Онъ былъ однимъ изъ учредителей перваго общества пароходства по Днѣпру. Когда Бродскіе и Марголины основали второе общество пароходства и разными путями вынудили первое общество подчиниться второму, Пиленко выступилъ горячимъ защитникомъ русскихъ интересовъ и вооружился противъ захвата евреями Днѣпра. Онъ предполагалъ сдѣлать обстоятельный докладъ по этому вопросу въ послѣднемъ засѣданіи общества, но смерть унесла въ раннюю могилу честнаго, полезнаго труженика.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

О посѣщеніи Кіево-Софійскаго собора герцогомъ Монпансье въ 1883 г. и его пожертвованіи собору.

Въ январьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» сего 1894 года, въ статьѣ г. Тимирязева «Французская королева Анна Ярославна», между прочимъ, сказано слѣдующее: «Знатный иностранецъ (герцогъ Монпансье, сынъ послѣдняго французскаго короля Луи-Филиппа, родственникъ испанскаго короля), не понимавшій ни слова порусски, благоговѣнно слушалъ панихиду предъ древней византійской гробницей (великаго князя Ярослава, котораго дочь Анна была женою французскаго короля Генриха I) и, по окончаніи панихиды, преклонилъ колѣна предъ могилою, сдѣлавъ распоряженіе, чтобы тутъ вѣчно теплилась неугасимая лампада». Имѣвъ честь сопровождать герцога Монпансье въ Софійскомъ соборѣ, долгомъ считаю сообщить, что никакой панихиды у гроба великаго князя Ярослава не было отслужено въ присутствіи герцога Монпансье. Онъ вошелъ въ главный алтарь при концѣ литургіи и, благоговѣнно преклонивъ колѣна, ожидалъ ея окончанія, и только тогда приступилъ къ обзорѣннѣю запрестольной мозаической стѣны; также благоговѣнно преклонилъ онъ съ тихой молитвой колѣно и въ сѣверномъ придѣлѣ, у гробницы великаго князя Ярослава, сказавъ: «это мои предки». При выходѣ изъ собора, состоявшій при его высочествѣ, графъ Левашевъ, сказалъ мнѣ: «герцогъ желалъ бы прислать что нибудь на память собору». Я отвѣчалъ: «Желательно имѣть лампаду къ гробницѣ его предка великаго князя Ярослава, напрестольный крестъ или чашу-потиръ». Но никакого дара не получено потомъ въ соборѣ отъ герцога Монпансье. Герцогу сопутствовала большая свита изъ испанскихъ грандовъ.

Каѳедральный протоіерей П. Лебединцевъ.

II.

Къ біографіи артиста Саріоти.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ», въ февральской книжкѣ сего года (стр. 369) А. А. Нильскій въ своихъ воспоминаніяхъ объ артистѣ Саріоти, между прочимъ, говоритъ:

«По происхожденію Михаилъ Ивановичъ былъ русскій. Выросъ круглой сиротой. Настоящая фамилія его была Сироткинъ. При дебютахъ своихъ на итальянской сценѣ въ Миланѣ, онъ выбралъ звучный псевдонимъ Саріоти, подъ которымъ подвизался и на русскихъ сценахъ».

Саріоти, дѣйствительно, былъ русскій и родился въ Петербургѣ; онъ былъ незаконнымъ сыномъ чиновника военнаго министерства Свѣчина и дѣвочки польки Б.... Тотчасъ по рожденіи, съ именемъ Михаила, младенецъ былъ переданъ на воспитаніе къ беднѣтнмъ супругамъ Ивану Созоновичу и Агаѣѣ Ѳедоровнѣ Саріоти. (Саріоти служилъ тогда въ провіантскомъ департаментѣ

военнаго министерства). По достиженіи отрочества, у него обнаружился недурный голосъ, и потому онъ былъ отданъ пѣвцу русской оперы Гумбину, при посредствѣ котораго одна великосвѣтская барыня приняла юношу подъ свое покровительство, отвезла его въ Италію и дала ему средства окончить свое музыкальное образованіе. Благодарный своимъ первымъ воспитателямъ, супругамъ Саріоти, онъ принялъ ихъ фамилію своимъ псевдонимомъ, называлъ ихъ матерью и отцомъ и имя послѣдняго усвоилъ себѣ отчествомъ: Ивановичъ. Фамилію онъ носилъ своего отца Свѣчина, а не Сироткина, какъ пишетъ г. Нильскій, и подъ этою фамиліею онъ повѣнчался на дочери дѣйствительнаго статскаго совѣтника Миллера (служившаго въ одномъ изъ министерствъ, кажется, архивариусомъ), Евгениѣ Ѳедоровнѣ. Не сойдясь характерами, молодые послѣ совмѣстнаго сожителства, продолжавшагося не болѣе года, разошлись. Михаилъ Ивановичъ не любилъ, когда кто либо, даже изъ близкихъ къ нему, напоминалъ ему объ его бракѣ.

В. А. Васильевъ.

III.

Могила актера П. М. Садовскаго.

(По поводу замѣтки о ней г. Романова).

Замѣтка г. С. Романова «Могила П. М. Садовскаго», помѣщенная въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (февраль) и написанная по поводу моей статьи «Возобновленіе и охраненіе забытыхъ могилъ» («Историческій Вѣстникъ», 1893, декабрь), побуждаетъ меня сдѣлать къ ней нѣкоторыя поправки и дополненія.

Прежде всего замѣчу, что отдѣльнаго «Общества охраненія могилъ сценическихъ дѣятелей» не существуетъ, какъ говоритъ г. Романовъ, а могилы нѣкоторыхъ изъ знаменитыхъ артистовъ возобновило и охраняетъ на свои средства «Общество для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ». На основаніи этого, я въ своей статьѣ и указывалъ, что заботу о могилахъ выдающихся людей должны взять на себя, по примѣру названнаго Общества, тѣ учрежденія и общества, которыя принимаютъ подъ свое покровительство тѣхъ живыхъ дѣятелей, къ профессіи которыхъ принадлежали и умершіе замѣчательные люди, а также и общества, занимающіяся разработкой разныхъ вопросовъ этихъ профессій. Такое положеніе дѣла значительно бы уменьшило количество «забытыхъ могилъ» и могло бы продолжаться до тѣхъ поръ, пока не возникнетъ, дѣйствительно, общество охраненія историческихъ могилъ.

Что касается могилы знаменитаго актера Прова Михайловича Садовскаго, то сообщеніе о ней г. Романова вполне справедливо. Могила, дѣйствительно, трудно отыскать, такъ какъ хотя она и отмѣчена чугуныи крестомъ, но надписи на крестѣ нѣтъ буквально никакой. Въ московской печати давно уже указывалось на отсутствіе заботы о могилѣ Садовскаго. Такъ, въ газетѣ «Театръ и Жизнь», 1889 г., № 242, въ статьѣ «Московский Некрополь» читаемъ: «Надъ его (Садовскаго) могилой на небольшой глыбѣ

камня утверждёнъ чугунный облинявшій крестъ съ Распятіемъ. Надписи на крестѣ нѣтъ. Особенной заботливости въ охраненіи ея незамѣтно». Въ «Московск. Вѣдом.», 1892 г., № 257, въ статьѣ, посвященной памяти Садовскаго, по случаю 20-ти-лѣтія со дня его кончины, находимъ слѣдующее мѣсто, касающееся состоянія могилы этого актера: «Говорить объ общественномъ равнодушіи, когда въ этомъ можно упрекнуть людей, близкихъ покойнымъ дѣятелямъ, значитъ говорить пустыя фразы. Мы были сегодня на могилѣ Садовскаго. Чугунный крестъ, безъ всякой надписи, накренился уже немного въ бокъ, а около могилы полное запустѣніе: крапива, бурьянъ, разный мусоръ и т. д.,—грустная картина «забытой могилы». И это теперь, когда имя Садовскаго не исчезло еще съ современныхъ афишъ Малаго театра; что же будетъ послѣ?.. Надо замѣтить, что Садовскій оставилъ хорошее состояніе».

Для поясненія послѣднихъ строкъ необходимо сказать, что на сценѣ Московскаго Малаго театра до сихъ поръ въ числѣ первыхъ персонажей труппы подвизаются единственный сынъ и невѣстка покойнаго П. М. Садовскаго.

Въ той же газетѣ, 1893 г., № 235, въ статьѣ «Могила актера П. М. Садовскаго» снова описывается небрежное отношеніе къ этой могилѣ, которая «имѣетъ теперь еще болѣе заброшенный видъ». «Чугунный крестъ вмѣстѣ съ пьедесталомъ значительно покривился и принялъ грязноватый цвѣтъ. На могилѣ и кругомъ обильно растутъ крапива, бурьянъ и другая сорная трава. Много валяется и разнаго посторонняго мусора. Рѣшетка, окружающая могилу, покосилась и проржавѣла. Слѣдовъ какой бы то ни было заботливости о могилѣ, въ родѣ цвѣтовъ или усыпаннаго песку, нѣтъ и въ поминѣ».

Такимъ образомъ, о печальномъ видѣ могилы П. М. Садовскаго начинаютъ составляться повемногу цѣлая литература, но могила продолжаетъ оставаться въ томъ же положеніи и, не поддерживаемая охраненіемъ, приходитъ, конечно, въ болѣшій и болѣшій упадокъ. Въ послѣдней изъ цитированныхъ мною замѣтокъ высказывается та мысль, что Общество для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ взяло бы, вѣроятно, и эту могилу подъ свое покровительство, но считаетъ, можетъ быть, себя не въ правѣ сдѣлать это, такъ какъ у покойнаго актера имѣются близкіе родственники. Этимъ, мнѣ кажется, возбуждается общій вопросъ, можетъ ли быть могила замѣчательнаго дѣятеля охраняема по общественному почину и на общественныя средства, если родственники такого дѣятеля, находящіеся еще въ живыхъ, не принимаютъ никакихъ мѣръ къ приведенію такой могилы въ благообразный видъ? Принимая въ соображеніе то обстоятельство, что въ подобныхъ случаяхъ забытая могила можетъ превратиться и въ «затерянную», рѣшеніе выше поставленнаго вопроса должно быть положительное.

А. Ярцевъ.

ему такой мирной, такой прекрасной, а теперь всюду ему колола глаза ожесточенная борьба. Быть можетъ, впервые онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ основнымъ закономъ жизни, по которому сильный давить слабого, и въ эту минуту лично объявшаго его страха онъ также, быть можетъ, впервые узналъ, что природа отличается спокойной жестокостью.

Теперь болѣе спокойныя мысли возникли въ его головѣ. Онъ могъ избѣгнуть рекрутчины, хотя она имѣла какое-то таинственное пристрастіе къ самымъ сильнымъ и здоровымъ людямъ. Богъ могъ оказать ему милосердіе и оставить его дома. Онъ вспоминалъ цѣлый рядъ сосѣдей, между прочимъ, Мишеля Гральона, которые часто бросали жребій, и всегда счастье имъ улыбалось. А для того, чтобъ сочувствовать горю другихъ, подобно учителю Арфолю, онъ былъ слишкомъ молодъ, слишкомъ привыкъ къ свободѣ и слишкомъ чувствовалъ себя счастливымъ въ послѣднее время. Онъ даже не думалъ о томъ, что освобожденіе его отъ рекрутчины означало бы роковую судьбу другаго; только страданія могутъ научить человѣка сочувствовать чужому горю, а онъ еще не зналъ, что такое страданіе.

День тягостно длился для Роана. Раньше вечера онъ не могъ узнать своей судьбы, и ему приходилось ждать, только ждать. Онъ привыкъ проводить цѣлые дни безъ пищи и питья, а потому теперь не чувствовалъ ни голода, ни жажды. Онъ только жадно устремлялъ глаза на берегъ, гдѣ громадный Друидскій камень, возвышаясь надъ всей окрестностью, таинственно предостерегалъ его отъ возвращенія домой.

Часы шли за часами, и солнце начало опускаться на западъ, освѣщая своими заходящими лучами Кромлэ и виднѣвшееся на горѣ каменное распятіе.

Неожиданно Роанъ вздрогнулъ и сталъ прислушиваться. Черезъ минуту онъ вскочилъ и сталъ пристально смотрѣть на горы, окружавшія Кромлэ. Онъ былъ одинъ на морѣ, и нигдѣ не было видно другой лодки. Повидимому, всѣ жители покинули селеніе, и въ немъ царилъ мертвая тишина. Но вдали слышались еще слабые, но ясные звуки музыки и человѣческихъ голосовъ. Очевидно, народъ возвращался домой. Все было кончено, и судьба Роана рѣшена.

Дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ лихорадочно прислушивался къ этимъ звукамъ, которые становились все слышнѣе и слышнѣе, такъ что онъ уже могъ признать рѣзкія ноты волынки и пѣніе національнаго гимна.

Онъ слушалъ и ждалъ, ждалъ и слушалъ, пока наконецъ увидалъ толпу на вершинѣ горы: впереди шли рекрута, обезумѣвшіе отъ винныхъ паровъ, а за ними слѣдовали мужчины и женщины старики и молодежь, оглашая воздухъ криками, смѣхомъ, пѣніемъ. Передъ церковью всѣ остановились, и маленькій патеръ, выйдя

къ нимъ, благословляя ихъ. Роанъ все это видѣлъ совершенно ясно. Затѣмъ толпа стала бѣгомъ спускаться съ горы.

Первой мыслью юноши было пристать къ берегу. Но хотя цѣлый день онъ пламенно желалъ узнать о своей судьбѣ и о томъ номерѣ, который выпалъ на его долю, если кто нибудь бросалъ за него жребій, теперь ему было страшно услышать свой приговоръ. Чѣмъ болѣе приближалась толпа, и чѣмъ громче слышались ея крики, тѣмъ сильнѣе сжималось его сердце. И вмѣсто того, чтобъ направиться къ берегу, онъ повернулъ лодку и пошелъ снова въ открытое море.

Уже совершенно наступила ночь, и въ домахъ Кромлэ засвѣтились огни, когда Роанъ Гвенфернъ присталъ въ своей лодкѣ къ берегу близъ уединеннаго дома его матери. Тутъ все было тихо, хотя въ селеніи стояли шумъ и гамъ.

Юноша вытащилъ лодку на берегъ и медленными шагами пошелъ къ дому. Но не сдѣлалъ онъ и нѣсколькихъ шаговъ, какъ услышалъ многочисленные голоса и увидѣлъ передъ дверью своего дома значительную толпу. Съ минуту онъ колебался, но потомъ, призвавъ на помощь все свое мужество, онъ пошелъ впередъ.

Черезъ минуту онъ очутился среди толпы, которая, узнавъ его при свѣтѣ, падавшемъ изъ открытой двери, подняла радостный крикъ.

— Вотъ онъ, наконецъ!—произнесъ голосъ Мишеля Гральона.

— Да здравствуетъ императоръ!—воскликнулъ громовымъ голосомъ Гильдъ Дерваль:—да здравствуетъ первый номеръ.

XIV.

Король рекрутовъ.

При крикахъ толпы и звукахъ волынки, Роанъ вошелъ въ хижину матери. Она была полна мужчинами и женщинами, среди которыхъ виднѣлся старый капралъ, стоявшій спиною къ огню и громко о чемъ-то говорившій. На скамейкѣ сидѣла мать Роана, покрывъ лице передникомъ, и молча рыдала; ее окружало нѣсколько сосѣдокъ, старавшихся утѣшить бѣдную женщину.

Сцена эта была ясна безъ всякаго комментарія, и Роанъ Гвенфернъ понималъ, что судьба высказалась противъ него. Блѣдный, какъ смерть, онъ подошелъ къ матери. Узнавъ по крикамъ толпы о его приходѣ, она сорвала съ лица передникъ и, простирая къ нему руки, воскликнула:

— Роанъ! Роанъ!

— Что случилось?—спросилъ юноша, не смотря на свою мать, а обращаясь къ многочисленнымъ посѣтителемъ ихъ скромнаго жилища:—зачѣмъ вы всѣ здѣсь?

Многіе голоса хотѣли отвѣчать, но всѣ говорили заразъ, и ничего нельзя было разобрать.

— Молчать,—произнесъ капраль, сердито насупялая брови:—выслушай меня, Роанъ, я скажу тебѣ, что случилось. Эти проклятыя женщины напрасно голосять, я не принесъ тебѣ печальной вѣсти, напротивъ, жребій достался тебѣ, и ты долженъ служить императору. Вотъ и все.

— Нѣтъ, нѣтъ,—застонала мать Роана:—онъ не можетъ идти въ солдаты. Я умру отъ горя

— Пустяки,—отвѣчалъ капраль:—ты останешься въ живыхъ, и вскорѣ твой сынъ вернется къ тебѣ покрытый славой. А ты, молодецъ, конечно, поступишь въ гренадеры; императоръ любитъ рослыхъ солдатъ. Дай руку твоему двоюродному брату Гильду, онъ также попалъ въ рекруты.

Гильдъ протянулъ руку, но онъ былъ совершенно пьянъ и едва держался на ногахъ.

— Это правда?—спросилъ Роанъ, не обращая вниманія на протянутую руку и дико озираясь по сторонамъ:—отвѣчай мнѣ ктонибудь трезвый.

Капраль бросилъ на него гнѣвный взглядъ, а Янъ Гаронъ подошелъ къ Роану и положилъ ему руку на плечо. Они были старые друзья и товарищи.

— Это правда, — сказалъ онъ тихо:—Господь оказался милосерднымъ ко мнѣ и къ моей матери, но тебѣ выпалъ жребій.

Мать Роана снова громко зарыдала, и сосѣдки начали ей вторить изъ сочувствія. Пораженный роковой вѣстью, Роанъ стоялъ неподвижно и не могъ произнести ни слова. Нѣсколько человѣкъ окружили его, одни выражая сочувствіе, а другіе грубо смѣясь.

— Пошли прочь,—воскликнулъ наконецъ Роанъ, гнѣвно махая руками:—это ложь. Вы издѣваетесь надо мной. Жребій не могъ мнѣ выпасть. Я тамъ не былъ.

— Полно, полно, — произнесъ капраль, также изрядно выпившій:—такими штуками не проведешь императора. Стыдно скрываться въ минуту исполненія своего долга. Но по счастью для тебя твой дядя былъ тамъ и прилично объяснилъ твое отсутствіе. Все обошлось хорошо. Да здравствуетъ императоръ!

— Такова уже воля Божья, — произнесла одна изъ женщинъ, окружавшихъ бѣдную рыдающую мать.

— Вы бросали жребій за меня? — воскликнулъ Роанъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Я хотѣлъ это сдѣлать, такъ какъ ты не явился,—отвѣчалъ дядя Евенъ,—но Марселла просила уступить ей эту честь, говоря, что ты поручилъ ей вынуть билетъ изъ ящика, если ты не придешь. Благодаря ей тебѣ достался номеръ первый. Ты король рекрутовъ Кромлэ.

— Роанъ Гвенфернъ, номеръ первый!— воскликнулъ Гильдъ, подражая голосу сержанта, и общій смѣхъ встрѣтилъ эту шутку.

Рекрута были почти всѣ пьяны и стали громко теперь звать Роана въ кабачекъ, но искренняго энтузіазма не было замѣтно, и вся эта веселость была, очевидно, напускная.

Неожиданно въ дверяхъ хижины показалось нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ. Во главѣ ихъ была Марселла, блѣдная отъ волненія и съ красными пятнами на щекахъ. Увидавъ Роана, она остановилась и бросила на него вопросительный взглядъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ, что Марселла вынула для него роковой номеръ, юноша стоялъ молча, какъ бы во снѣ. Теперь же онъ взглянулъ на нее и быстро отвернулся.

Тяжелая борьба произошла въ сердцѣ молодой дѣвушки, послѣ того какъ она бросила жребій за любимаго человѣка. Въ первую минуту ею овладѣлъ инстинктивный страхъ, но потомъ подъ вліяніемъ своей любви къ императору и энтузіазма къ дядѣ она рѣшилась геройски сыграть свою роль. Видя, что другіе рекрута не отчаивались, она не ожидала встрѣтить и въ Роанѣ большаго сопротивленія, тѣмъ болѣе, что всѣ молодые люди въ Кромлэ ненавидѣли рекрутчину, но, когда выпадалъ имъ жребій, весело шли въ солдаты.

— Посмотри, Роанъ,— сказала она,— я принесла тебѣ розетку.

Подобныя трехцвѣтныя розетки украшали каждаго изъ рекрутовъ, и молодая дѣвушка подошла къ любимому человѣку съ розеткой въ рукахъ при громкихъ крикахъ толпы.

— Прочь! Не трогай меня!— воскликнулъ Роанъ, махая руками.

— Слышите, что онъ говоритъ,— саркастически произнесъ Мишель Гральонъ.

— Мальчишка рехнулся!— промолвилъ капраль.

— Роанъ,— воскликнула Марселла, испуганная страннымъ выраженіемъ его лица:— я вынула билетъ за тебя и хотя я вовсе не желала, чтобъ ты попалъ въ солдаты, но Богу угодно, чтобъ ты служилъ доброму императору съ Гильдомъ и другими товарищами. Ты, конечно, за это не сердись на меня. Ты самъ говорилъ, что я могу вынуть билетъ за тебя, я это и сдѣлала. Ты король рекрутовъ и позволь мнѣ пришить тебѣ эту розетку.

Она вытащила изъ кармана своего передника иголку съ ниткой и сдѣлала шагъ впередъ. Онъ продолжалъ стоять молча, неподвижно, опустивъ глаза въ землю. Въ одну минуту умѣлая молодая дѣвушка пришила розетку къ его курткѣ.

Толпа привѣтствовала ее криками, а капраль кивнулъ головой, какъ бы говоря: «вотъ это хорошо».

— А теперь идемъ въ кабачекъ и выпьемъ за его здоровье.

Всѣ бросились къ дверямъ, но неожиданно раздался голосъ Роана, который какъ бы очнулся отъ сна:

— Стойте! Вы всё рехнулись и меня свели съ ума. Что вы болтаете объ императорѣ и рекрутчинѣ? Я ничего не понимаю. Вы говорите, что жребій упалъ на меня, и что я долженъ или убивать другихъ, или самъ быть убитымъ. Я никогда не пойду въ солдаты, къ чорту вашего Бонапарта и его армію! Я знать ихъ не хочу.

И, сорвавъ съ груди розетку, онъ бросилъ ее въ огонь. Смутный ропотъ пробѣжалъ въ толпѣ, а его мать схватила за руку юношу, внѣ себя отъ страха, и стала еще громче всхлипывать.

— Тише, мама,—продолжалъ онъ и, обратясь къ капралу, воскликнулъ:—вашъ Бонапартъ можетъ меня убить, но не заставитъ меня убивать другихъ. Клянусь Богомъ, что онъ не имѣетъ права требовать, чтобъ всё сражались за него. Еслибъ всё французы имѣли храбрость говорить, какъ я, то у него не было бы арміи, и онъ пересталъ бы водить на закланіе свои невинныя жертвы. Ступайте къ нему и помогайте ему въ его кровавомъ дѣлѣ, но я останусь дома.

— Роанъ, ради Бога молчи,—воскликнула Марселла со слезами на глазахъ:—ты говоришь глупости.

Онъ не взглянулъ на нее и ничего не отвѣчалъ.

— Мой двоюродный братецъ просто трусъ,—произнесъ Гильдъ Дерваль съ грубымъ смѣхомъ.

Роанъ хотѣлъ броситься на него, но сдержалъ себя и только презрительно взглянулъ на колоссальнаго молодца.

— Слушай,—произнесъ старый солдатъ внѣ себя отъ гнѣва:—Гильдъ правъ, и Роанъ Гвенфернъ трусъ; мало того, онъ шуанъ, измѣнникъ и богохульникъ. Тетка Гвенфернъ, твой сынъ проклятая собака. Онъ произноситъ хулу противъ императора, и я удивляюсь, что онъ еще живъ.

Дѣло принимало опасный оборотъ; Роанъ бросалъ вызывающіе взгляды на дядю и всѣхъ присутствовавшихъ.

— Евень, — промолвила сквозь слезы старуха: — грѣшно такъ говорить о моемъ сынѣ.

— Слушай,— продолжалъ капралъ, — будемъ человѣколюбивы, ребята. Быть можетъ, этотъ мальчишка боленъ, или его сглазили, а завтра онъ придетъ съ повинной головой и будетъ просить, чтобъ его приняли въ число защитниковъ родины. Въ противномъ случаѣ мы придемъ за нимъ и въ крайности затравимъ его, какъ бѣшеную собаку. Но такъ или иначе онъ поступитъ на службу императора. Если же мы насильно сдадимъ его въ солдаты, то пусть первая пуля, которую онъ услышитъ, убьетъ проклятаго труса.

Роанъ все молчалъ, но на его лицѣ играла странная улыбка. Слова теперь были бесполезны, такъ какъ наступила минута дѣйствовать.

— Вы не справедливы къ нему, дядя Евенъ,— сказала Марселла, прерывая наступившее молчаніе и становясь между ними обоими.—Роанъ не сознаетъ, что говорить въ нервномъ раздраженіи. Но онъ не трусь и храбрѣ всѣхъ присутствующихъ.

Въ толпѣ послышался ропотъ.

— Мелчи, Марселла!—воскликнулъ капралъ.

— Я не буду молчать,— продолжала молодая дѣвушка:— я во всемъ виновна и я принесла ему несчастье. Прости меня, Роанъ. Я молила Бога, чтобъ онъ отвратилъ отъ тебя эту судьбу, но ему не угодно было услышать мою молитву. Дѣлать нечего, покорись волѣ Божіей, и онъ милосердно сохранитъ тебя во время войны.

Юноша печально взглянулъ на молодую дѣвушку, и при видѣ слезъ, выступившихъ на ея глазахъ, онъ вздрогнулъ. Сердце его болѣзненно сжалось, и, взявъ ея руку, онъ поцѣловалъ ее при всѣхъ.

— Жаль, что такая красавица оказываетъ предпочтеніе трусу,— воскликнулъ Мишель Гральонъ:— тогда какъ...

Но онъ не могъ окончить своей фразы, потому что Роанъ ударилъ его съ такой силой, что онъ грохнулся на полъ. Марселла въ страхѣ отскочила, а Роанъ направился къ дверямъ, расталкивая толпу.

— Схватите его! Держите его! Убейте его!— послышалось въ толпѣ.

— Арестуйте его!—воскликнулъ капралъ.

Но Роанъ отбрасывалъ своихъ противниковъ то въ одну, то другую сторону и продолжалъ подвигаться къ двери. Тамъ на него накинудись Гильдъ и Хоэль; на минуту юноша колебался, помня, что они братья Марселлы, но потомъ онъ подставилъ ногу Гильду, который упалъ, и легко расправился съ полупьянымъ Хоэлемъ. Когда же оба его противника лежали на полу, то онъ обернулся, бросилъ поспѣшный взглядъ на Марселлу и вышелъ изъ хижины.

XV.

У патера.

Поздно въ эту ночь патерь Роланъ сидѣлъ въ своей комнатѣ передъ огнемъ, горѣвшимъ въ каминѣ. Его жилище было очень скромное, украшенное деревяннымъ столомъ, нѣсколькими соломенными стульями, кроватью съ темными занавѣсками, грубыми изображеніями святыхъ въ рамкахъ и распятіемъ изъ чернаго дерева. Онъ читалъ, но не священную книгу, а напротивъ очень смѣлый протестъ противъ злоупотребленій въ католической церкви въ дореволюціонныя времена.

Неожиданно послышался стукъ въ наружную дверь, и черезъ минуту служанка ввела въ комнату молодого человѣка, въ которомъ патерь узналъ Роана Гвенферна.

Оставшись на единѣ съ патеромъ, Роанъ блѣдный, какъ смерть, сказалъ твердымъ, но почтительнымъ тономъ:

— Я пришелъ къ вамъ, отецъ Роланъ, съ просьбой о помощи.

Патерь взглянулъ на него съ удивленіемъ, но, указавъ на стулъ, проговорилъ:

— Садитесь.

— Мнѣ выпалъ жребій идти въ солдаты,—продолжалъ Роанъ, качая головой и не двигаясь съ мѣста:— я не вынималъ билета изъ ящика и, быть можетъ, имѣлъ бы право протестовать, но это все равно. Съ самого начала я былъ увѣренъ, что не избѣгну рекрутчины. Власти выбираютъ сильныхъ молодцевъ, а я силенъ. Но, отецъ Роланъ, я рѣшился ни за что не идти на войну. Я трезво обдумалъ эту рѣшимость и скорѣе умру, чѣмъ измѣню ей. Вы смотрите на меня съ странной улыбкой, словно не понимаете, что я говорю. Дѣло въ томъ, что я не хочу быть солдатомъ и не буду. Это также вѣрно, какъ то, что каждому человѣку предстоить умереть.

Патерь Роланъ часто разговаривалъ съ рекрутами и ихъ родственниками, которые приходили къ нему за совѣтомъ, но онъ никогда не слышалъ подобныхъ рѣчей. Всегда жертвы рекрутчины плакали, убивались и уходили со слезами на глазахъ, но съ покорностью въ сердцѣ. Напротивъ этотъ юноша не плакалъ, а говорилъ въ сильно возбужденномъ состояніи, рѣзко, почти нахально. Онъ стоялъ, гордо поднявъ голову, и пристально смотрѣлъ на слушателя алтаря.

— Вамъ выпалъ жребій, и какъ мнѣ ни жаль васъ, но вы должны идти въ солдаты,—отвѣчалъ патерь, пожимая плечами.

— Не смотря на то, что я единственный сынъ вдовы.

— Теперь это ничего не значить. На этотъ разъ берутъ даже хромыхъ и калѣкъ. Императору нужны солдаты и, какъ это ни тяжело, всѣ должны жертвовать собой.

— Хорошо, отецъ Роланъ,—сказалъ юноша послѣ минутнаго молчанія и дико смотря на патера:— вы слышали о моей рѣшимости не идти въ солдаты. Наполеонъ не хочетъ оставить меня дома, а сосѣди не желаютъ мнѣ помочь. Я пришелъ къ вамъ за помощью.

— Ко мнѣ?

— Да, къ вамъ. Вы святой человѣкъ. Вы представитель Бога на землѣ. Я обращаюсь къ вашему Богу и чрезъ васъ говорю Ему, что желаю исполнять заповѣдь Божію и не убивать людей, а потому я не пойду въ солдаты. Христосъ умеръ на крестѣ, не поднимая руки противъ своихъ враговъ. Я пришелъ къ вамъ и жду,

что по вашей молитвѣ Господь окажетъ мнѣ свою милосердную помощь.

Эти слова были произнесены вызывающимъ тономъ, и голосъ юноши звучалъ твердо, рѣшительно. Патеръ Роланъ былъ поставленъ втупикъ. Онъ самъ не долюбливалъ Наполеона, но подобныя рѣчи въ такихъ обстоятельствахъ были не мыслимы, и онъ отвѣчалъ добродушно, но строго:

— Сынъ мой, молить о помощи Бога можно только на колѣняхъ, а не съ гордыней въ сердцѣ. Только смиренную, покорную мольбу можетъ услышать Господь.

— Я слыхалъ это не разъ,— сказалъ прежнимъ тономъ юноша:— и я часто молился на колѣняхъ, но сегодня я не могу преклонить ихъ. Вы добрый человѣкъ, отецъ Роланъ, и сочувствуете бѣднымъ, скажите мнѣ, справедливо ли, чтобъ опустошали землю, чтобъ, погубивъ пятьсотъ тысячъ человѣкъ, теперь требовали новыхъ четырехста тысячъ жертвъ. Если всѣ люди братья, то развѣ хорошо братьямъ убивать другъ друга. Развѣ Всеправедный и Всемилосердый Господь можетъ допускать братоубійство?

— Не богохульствуйте, — воскликнулъ патеръ, вставая, и прибавилъ торжественнымъ тономъ: — вы не понимаете того, о чемъ говорите. Война была всегда, и о ней говорится въ Священномъ Писаніи. Люди всегда ссорятся между собой, и то же дѣлаютъ націи. Если вы, ударивъ человѣка, который подниметь на васъ руку, будете вполне правы, то почему націямъ не поступать также?

— А Христось сказалъ: «если ударятъ тебя по одной щекѣ, то подставь другую».

Патеръ закашлялъ и смутился.

— Нельзя слѣдовать буквѣ Священнаго Писанія, а надо руководствоваться его духомъ,— сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія: — мы съ вами вдвоемъ, и я вамъ откровенно скажу, что я не люблю Наполеона; онъ грубо обошелся съ папой, и онъ не государь по Божьей милости; но онъ царствуетъ, и мы должны ему повиноваться. Припомните другой текстъ: «отдавайте кесарю кесарю, а Божіе Богу». Это значитъ, что наша душа принадлежитъ Богу, а брвенное тѣло... гм... кесарю, а въ настоящемъ случаѣ Наполеону.

Роанъ ничего не отвѣчалъ и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Помолимся,—сказалъ патеръ, желая окончательно успокоить разстроеннаго юношу.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Роанъ: — я не могу сегодня молиться, не сердитесь на меня. Вы только что сказали, что душа моя принадлежитъ Богу, а тѣло кесарю, но я послѣдняго не признаю. Я люблю жизнь, люблю свою физическую силу, люблю мать и ту женщину,

которой отдалъ свое сердце. Я люблю миръ и всѣхъ людей. Вы называете мое тѣло браннымъ, но оно мнѣ дорого, и я знаю, что другимъ ихъ тѣла также дороги, а потому я поклялся никого не убивать по чьему бы то ни было приказанію. Прощайте.

Но добрый патеръ не могъ видѣть какихъ бы то ни было страданій и потому поспѣшно воскликнулъ:

— Нѣтъ, останьтесь. Я постараюсь оказать вамъ помощь.

— Вы не можете, — отвѣчалъ юноша и вышелъ изъ комнаты.

Патеръ опустился на стулъ и отеръ платкомъ себѣ лобъ, на которомъ выступили крупныя капли пота.

Въ то самое время, какъ Роанъ бесѣдовалъ съ служителемъ алтаря, Марселла молилась Богу въ своей скромной, маленькой комнатѣ.

Она была одна, такъ какъ ея мать еще оставалась внизу, гдѣ вся семья громко обсуждала поступокъ Роана. Конечно, никто не вѣрилъ, чтобъ онъ сталъ серьезно сопротивляться властямъ, такъ какъ дезертировъ безмилосердно преслѣдовали, но, всетаки, въ глазахъ капрала и его Макаевеэвъ онъ былъ трусомъ и заслуживалъ самага строгаго осужденія.

Стоя на колѣняхъ передъ образомъ Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и портретомъ Наполеона, Марселла горячо молилась, говоря:

— Благослови мою любовь къ Роану, Пресвятая Дѣва, сохрани его въ страшной войнѣ и внуши ему, чтобъ онъ простилъ меня за вынутые жребья. О, Милосердый Боже, помилуй добраго императора, за котораго мой бѣдный Роанъ и мой братъ Гильдъ будутъ сражаться; даруй ему побѣду надъ врагами и возврати его невредимымъ также, какъ ихъ. Аминь.

Она встала и подошла къ окну, луна ярко освѣщала море и улицы селенія, только дома бросали передъ собой темныя тѣни.

Прямо противъ окна стоялъ какой-то человѣкъ, въ которомъ Марселла тотчасъ узнала Роана. Она отворила окно и, высунувшись, шепотомъ произнесла:

— Роанъ! Роанъ!

Прежде онъ всегда откликался на ея зовъ, но на этотъ разъ онъ даже не взглянулъ на окно и медленно удалился.

XVI.

Благословеніе добраго человѣка.

Спустя недѣлю послѣ бросанья жеребья рекрутами въ Сень-Гурло, происходила на зеленой полянѣ, въ двадцати миляхъ отъ этого города, странная сцена. Подъ свѣтлыми лучами полуденнаго

солнца сидѣлъ на травѣ пожилой человѣкъ съ книгой въ рукахъ и громко читалъ яснымъ, внятнымъ голосомъ. Его окружало восемь человѣческихъ фигуръ, которыя почти всѣ внимательно слушали чтеніе.

Чтець былъ учитель Арфоль, а слушатели его ученики. Старшій изъ нихъ былъ добродушный, но тупой на взглядъ, поселанинъ лѣтъ двадцати пяти, въ широкой поярковой шляпѣ и поношенной старомодной одеждѣ, состоявшей изъ черной куртки, черныхъ шараваръ и черныхъ штиблетъ; онъ сидѣлъ съ широко открытыми глазами и ртомъ, рельефно олицетворяя тупость и любопытство. Рядомъ съ нимъ находился восемнадцатилѣтній юноша съ коротко обстриженной головой, очевидно, также сельскій работникъ, или сынъ фермера. Кромѣ того, тутъ были двѣ толстыя четырнадцатилѣтнія дѣвушки въ пестрыхъ юбкахъ, бѣлыхъ чепцахъ и деревянныхъ башмакахъ, а также два невзрачные невысокаго роста юноши. Наконецъ, за плечомъ учителя стояли маленькій мальчикъ и маленькая дѣвочка лѣтъ шести; это были удивительно комичныя фигурки: мальчикъ былъ, подобно взрослому поселанину, весь въ черномъ и въ шляпѣ съ широкими полями, а на дѣвочкѣ были черные чулки, деревянные башмаки, черная юбка, черный корсажъ и громадный бѣлый чепецъ, концы котораго падали на ея талью. Они оба казались серьезными стариками: дѣвочка сложила руки на груди, а мальчикъ засунулъ свои пальцы за шаравары.

Эта оригинальная группа помѣщалась на вересковой полянѣ, пересѣкаемой мѣстами зелеными пастбищами и тянущейся вдоль гранитныхъ утесовъ къ морю. Вдали виднѣлись разбросанныя маленькія фермы, а съ того холма, на которомъ сидѣлъ учитель Арфоль, открывался обширный видъ на берегъ и блестящее подъ лучами солнца море.

— Ну, теперь почитай ты, Катель,—сказалъ Арфоль, прекращая чтеніе и обращаясь къ маленькой дѣвочкѣ.

Она нагнулась надъ самой книгой, которая была Новымъ Завѣтомъ въ французскомъ переводѣ, и прочла двѣ строчки, путая французскія слова съ бретонскими. Учитель потрепалъ ее по головѣ, и она покраснѣла отъ удовольствія. Затѣмъ очередь была мальчика, но онъ выказалъ гораздо менѣе способности къ грамотѣ, а хуже всѣхъ оказался взрослый поселанинъ, который рѣшительно не могъ произносить правильно даже односложныхъ словъ. Однако онъ обнаруживалъ самое ревностное желаніе научиться читать и добродушно улыбался, когда маленькая дѣвочка громко смѣялась надъ его ошибками.

Покончивъ съ урокомъ, учитель снова началъ читать, быстро переводя прочтенныя фразы съ французскаго языка на мелодичное бретонское нарѣчіе. Дѣти слушали съ большимъ вниманіемъ; оче-

видно, для нихъ священное Писаніе имѣло только сказочный интересъ, но неожиданно учитель остановился и сказалъ:

— Помолимся.

Всѣ опустили на колѣни отъ взрослога поселянина до маленькой дѣвочки, которая стала набожно перебирать деревянные четки, висѣвшія у нея на шеѣ.

— Помилуй, Господи, — началъ учитель: — и просвѣти этихъ маленькихъ дѣтей; да познаютъ они Тебя и да сохранять въ своемъ сердцѣ Твою правду. Научи ихъ Твоей великой заповѣди любви и мира, укрѣпи ихъ и наставь, такъ чтобъ они признавали лишь Твою святую волю, а не поклонялись злымъ людямъ. Аминь.

Дѣти набожно крестились, слушая импровизованную молитву учителя, и когда онъ кончилъ, то весело окружили его.

— Сегодня довольно, — сказалъ онъ, положивъ руку на голову маленькой дѣвочки: — а завтра приходите сюда же и въ то же время.

— Учитель, — воскликнула Катель: — мама очень сердится, что ты не остановился у нея. Она приготовила тебѣ пару кожаныхъ башмаковъ.

— Скажи твоей матери, что я приду сегодня ночевать къ ней, — отвѣчалъ Арфоль съ улыбкой.

— Это не хорошо, — воскликнула одна изъ старшихъ дѣвочекъ: — вы общали тетѣ Ноллѣ остаться у насъ.

— Ну, мы увидимъ, — произнесъ учитель, кивая головой: — однако вамъ пора домой. Прощайте, Пепьень. Не унывайте, вы скоро научитесь читать.

Эти слова были обращены къ взрослому поселянину, и онъ рассыпался въ благодарности, приглашая учителя на ферму своего брата, у котораго онъ былъ работникомъ.

Черезъ минуту вся школа разсѣялась, и Арфоль задумчиво слѣдилъ за исчезающими въ пространствѣ фигурами своихъ учениковъ.

Подобные ему, странствующіе учителя наводняли Бретань въ дореволюціонныя времена; они ходили изъ селенія въ селеніе, съ фермы на ферму и учили дѣтей молитвамъ на латинскомъ языкѣ и катехизису. Большею частью это были люди, не попавшіе по различнымъ причинамъ въ число служителей алтаря. Ихъ жизнь была тяжелая, а пища самая грубая, вообще ихъ ремесло походило на нищенство. Они преподавали вездѣ, во всякое время и при всякихъ условіяхъ: иногда въ полѣ, иногда на скотномъ дворѣ, иногда и въ домахъ, но чаще на открытомъ воздухѣ. Имъ платили очень мало, по шести су въ мѣсяцъ съ каждой семьи; кромѣ того, они получали въ подарокъ хлѣбъ, свинину, медъ, полотно. Вездѣ они находили пріютъ на ночь и вообще пользовались уваженіемъ невѣжественнаго народа, въ глазахъ котораго они имѣли нѣкотораго рода святость, потому что когда-то подготавливались къ духов-

ному званію. Такимъ образомъ они странствовали съ мѣста на мѣсто, пока старость и болѣзнь не прекращали ихъ скитаній; большинство изъ нихъ кончали свою жизнь нищими, прося Христа ради кусокъ хлѣба. Во время революціи эти странствующие учителя совершенно исчезли, но въ послѣдніе годы имперіи, когда Наполеонъ стремился возстановить религію и церковь, то нѣкоторые изъ нихъ стали снова появляться въ мѣстностяхъ своей прежней дѣятельности.

Хотя въ эпоху революціи учителю Арфолю не могло быть тридцати лѣтъ, но никто не помнилъ его въ Бретани ранѣе начала нынѣшняго столѣтія. Онъ впервые появился въ прибрежныхъ селеніяхъ серіознымъ, пожилымъ человѣкомъ съ отпечаткомъ страшнаго горя на лицѣ, а въ виду его многихъ странныхъ выраженій нѣкоторые поселяне сомнѣвались въ его здоровомъ умѣ. Никто не зналъ, учился ли онъ юношей въ какой нибудь семинаріи, и даже никому не было извѣстно, былъ ли онъ бретонецъ по происхожденію. О немъ только рассказывали, что онъ жилъ во время террора въ одномъ изъ большихъ городовъ и видѣлъ тамъ такіе ужасы, что его волосы преждевременно посѣдѣли. Какъ бы то ни было народъ его любилъ. Сердечная доброта при какихъ бы то ни было убѣжденіяхъ обезоруживаетъ всякое враждебное отношеніе; при томъ же учитель Арфоль никогда не мозолилъ глазъ своими мнѣніями. Поэтому его встрѣчали радушно во всѣхъ селеніяхъ и на всѣхъ фермахъ, а когда онъ не находилъ себѣ убѣжища и пищи, то проводилъ ночь на открытомъ воздухѣ и питался чернымъ хлѣбомъ, кусокъ котораго всегда находился въ его котомкѣ. Его жизнь была тяжелая, но она соответствовала его желаніямъ.

Когда исчезъ изъ вида послѣдній ученикъ, Арфоль устремилъ глаза на море. Онъ сѣялъ семена просвѣщенія и былъ счастливъ. Спустя нѣсколько минутъ, онъ всталъ и, заложивъ руки за спину, пошелъ тихими шагами по зеленой полянѣ. Его испитое, утомленное лицо сіяло внутреннимъ свѣтомъ.

Неожиданно онъ услышалъ за спиной шаги, и чья-то рука опустилась на его плечо. Онъ обернулся, и передъ нимъ стоялъ, точно возставшій изъ нѣдръ земли, Роанъ Гвенфернъ.

Съ перваго взгляда Арфоль не узналъ своего прежняго ученика: такъ онъ измѣнился. Волоса его торчали въ беспорядкѣ, глаза были налиты кровью, щеки впалыя, блѣдныя, лице не выбрито. Недолго человѣку превратиться въ звѣря, когда его немилосердно травятъ, и уже вся фигура Роана обнаруживала слѣды такой травли. Онъ, казалось, вышелъ изъ могилы: одежда его была разорвана и покрыта грязью, ноги были босыя, а руки обнажены до локтей. Но не смотря на эту печальную вѣшность, онъ, всетаки, оставался прежнимъ красавцемъ: голова его все еще напоминала льва, волосы также золотисто блестяли, глаза также гордо сверкали.

— Роанъ!—воскликнулъ Арфоль, не вѣря своимъ глазамъ.

— Да это я,—отвѣчалъ юноша, съ искусственнымъ смѣхомъ:— я спрятался за сосѣднимъ друидскимъ камнемъ и выжидалъ, пока вы кончите свой урокъ. Право, мнѣ казалось, что я никогда не выйду изъ этой живой могилы.

Онъ снова засмѣялся и сталъ дико озираться по сторонамъ.

— Роанъ, — спросилъ учитель, нѣжно положивъ ему руку на плечо и тревожно смотря на него:—что случилось?

Юноша заскрежеталъ зубами и тихо отвѣчалъ:

— То, чего я опасался.

— Что?

— Я попалъ въ рекруты. Десять дней тому назадъ бросали жребій, а потомъ происходило медицинское освидѣтельство. Старый Пиприакъ съ цѣлымъ отрядомъ солдатъ приходилъ ко мнѣ на прошлой недѣлѣ, но по несчастью меня не было дома, и я не могъ ихъ угостить.

Онъ снова дико засмѣялся. Теперь все было ясно для учителя, и онъ сказалъ съ глубокимъ сожалѣніемъ:

— Бѣдный Роанъ. Я это время молился за тебя, но все тщетно. Тебя поразила роковая судьба, и ты возсталъ противъ нея. Боже мой, какъ это ужасно.

Роанъ отвернулся, чтобъ скрыть слезы, отуманившія его глаза. Нѣжныя слова учителя подѣйствовали на него съ чарующей силой.

— Я зналъ, что это будетъ,—произнесъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, взявъ за обѣ руки добраго человѣка:— и оно случилось, хотя я самъ не бросалъ жребія, а его бросили за меня. Когда мнѣ объ этомъ объявили, то я сказалъ, что не пойду въ солдаты и не исполню приказанія Наполеона. Кто-то донесъ, что я сопротивляюсь властямъ, и мнѣ прислали повѣстку о немедленной явкѣ въ Траонили. Я не пошелъ туда. Меня снова вызвали, и я снова остался дома. Тогда явились за мной и хотѣли меня арестовать. Я бѣжалъ изъ дома, и меня преслѣдовали, какъ дикаго звѣря, но я только смѣялся надъ ними, зная тысячу разъ лучше ихъ всѣ тропинки. Все таки, я пришелъ въ отчаяніе и рѣшилъ посоветоваться съ тобой. Двѣ ночи я ходилъ по твоимъ слѣдамъ и всюду спрашивалъ о тебѣ. Вчера меня едва не поймали въ сосѣднемъ селеніи, и одинъ солдатъ захватилъ меня такъ крѣпко, что я только вырвался, оставивъ ему рукавъ и деревянные башмаки. Дѣло было очень жаркое, учитель Арфоль. Такъ травятъ волковъ въ Бернардскомъ лѣсу.

Роанъ говорилъ очень быстро, какъ бы боясь, чтобъ его не перебилъ учитель, который все болѣе и болѣе блѣднѣлъ.

— Сегодня ночью, — продолжалъ онъ, — я узналъ, что вы въ Траонили, и прослѣдилъ за вами досюда, а здѣсь я терпѣливо ждалъ, пока вы остались одни.

Равнина была пустынна, и они оба шли шагъ за шагомъ по направлеңію къ морю, которое сверкало вдали подъ солнечными лучами.

— Скажи же, что мнѣ дѣлать,—произнесъ Роанъ, неожиданно останавливаясь.

— Это ужасно,—отвѣчалъ учитель, какъ бы очнувшись отъ тяжелой думы:—я не могу тебѣ дать совѣта, потому что я не вижу для тебя никакой надежды.

— Никакой надежды?

— Да, тебѣ остается подчиниться судьбѣ и просить прощенія у властей. Теперь солдаты нужны, и тебя охотно простятъ, но если ты этого не сдѣлаешь и тебя впослѣдствіи поймають, то тебѣ не избѣжать смерти.

— Я это знаю,—отвѣчалъ Роанъ, презрительно махнувъ рукой,—но въ крайнемъ случаѣ я могу умереть раньше и не дать имъ въ руки живымъ. А вы серьезно совѣтуете мнѣ отдаться въ руки властей?

— Я не вижу другаго исхода.

— Вы хотите, чтобъ я сдѣлался солдатомъ?

— Не я хочу, а судьба, и Богъ тебя проститъ за это, такъ какъ ты пойдешь въ солдаты помимо своей воли. Одинъ въ полѣ не воинъ. Къ тому же даже на войнѣ ты можешь служить Богу и не отнимать жизни у Его созданій.

— И больше вы мнѣ ничего не скажете?—спросилъ Роанъ, опустивъ глаза на землю.

— Ничего.

— А развѣ я не могу бѣжать изъ Франціи и скрыться въ какой нибудь чужой странѣ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ учитель, качая головой:—если ты пойдешь въ одну сторону, то передъ тобой будетъ Ваннъ, съ другой стороны находится Нантъ, а съ третьей—Брестъ, и между этими тремя городами расположено множество селеній. На всѣхъ перекресткахъ, во всѣхъ кабакахъ, зорко слѣдятъ за дезертирами.

— А если бы я отправился въ Марлэ и сѣлъ тамъ на корабль?

— Это невозможно. Страна отъ Кромлэ досюда самая пустынная во всей Бретани, а тебя и тутъ преслѣдовали. Дорога же въ Марлэ многолюдная, и на ней тебя непременно поймають.

Слова учителя нимало не удивили Роана, который уже обдумалъ свое положеніе со всѣхъ сторонъ и зналъ, что ему не было исхода.

— Вы совѣтуете мнѣ идти въ солдаты,—сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія,—но я пришелъ къ вамъ не за такимъ совѣтомъ. Вы принимаете меня за ребенка, за существо слабое, нерѣшительное. Вы ошибаетесь, я человекъ, а когда человекъ далъ клятву передъ Богомъ, то онъ долженъ исполнить ее, или умереть.

Вы помните ту ночь, когда я спрашивалъ у васъ, правъ ли человѣкъ, который откажется идти въ солдаты?

Учитель утвердительно кивнулъ головой и съ глубокимъ чувствомъ взглянулъ на стоявшаго передъ нимъ юношу. Онъ давалъ ему совѣтъ, какъ обыкновенному молодому человѣку, а въ глазахъ его свѣтился огонь, ясно доказывавшій, что онъ былъ рѣдкимъ существомъ, благородно возстававшимъ противъ жестокой безчеловѣчности людей.

— А если вы помните,—продолжалъ Роанъ:—то вы не можете совѣтовать мнѣ отдаться въ руки властей. Я рѣшился никогда не быть солдатомъ и не убивать другихъ, хотя бы меня за это убили самого. Теперь пришло время осуществить эту рѣшимость. Вы говорите, что для меня нѣтъ надежды, но вы забываете одно—я могу умереть.

Онъ теперь говорилъ не вызывающимъ тономъ, а тихо, твердо. Въ его голосѣ слышалась непреложная воля, и учитель Арфоль долженъ былъ признать въ своемъ сердцѣ, что посѣянные имъ сѣмена принесли плодъ. Въ настоящую минуту ученикъ служилъ примѣромъ для учителя и училъ его свято сохранять данную клятву.

Слезы выступили на глазахъ добраго человѣка, и Роанъ, увидавъ ихъ, задрожалъ всѣмъ тѣломъ, хотя его глаза были совершенно сухи. Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ они шли молча и когда достигли края отвѣсныхъ утесовъ, у подножья которыхъ шумѣло море, Роанъ сѣлъ на выдающійся камень и устремилъ свои взоры въ голубую даль.

— Ночью будетъ буря, — промолвилъ онъ наконецъ спокойно, словно разговаривая съ товарищемъ-рыбакомъ: — вонъ на юго-западѣ поднимаются зловѣщія тучи.

Учитель Арфоль ничего не отвѣчалъ, и Роанъ послѣ продолжительнаго молчанія снова произнесъ:

— Вы на меня не сердитесь?

— Я сержусь на себя,—произнесъ учитель, положивъ руку на плечо юноши и нѣжно смотря на него:—я сержусь на свою слабость, на то, что я, зная о совершающемся нечестіи, не въ силахъ противостоять ему. Я заслужилъ твоего упрека, сынъ мой. Я не правъ, а ты правъ. Не слѣдуетъ поддерживать зло, даже чтобъ спасти свою жизнь. Проклять тотъ, кто убиваетъ своего ближняго. Я плачу за тебя, дитя мое, но въ глубинѣ своего сердца я говорю: да благословитъ его Господь. Онъ правъ, онъ истинно благородный, мужественный человѣкъ, и еслибъ я былъ его отцемъ, то гордился бы такимъ сыномъ.

Роанъ быстро вскочилъ и, простирая руки къ учителю, воскликнулъ:

— Вы мой отецъ и, наконецъ, вы произнесли слова, услышать которыя жаждала моя душа; я за этимъ и пришелъ къ вамъ.

Лице его сіяло, и еслибъ онъ былъ поэтомъ, или музыкантомъ, то это сіяніе было бы признано доказательствомъ генія.

— Всѣ противъ меня,—продолжалъ онъ:—даже та, которую я люблю больше всего на свѣтѣ. Только моя мать и вы стоите за меня. Всякій добрый отецъ пожелалъ бы скорѣе смерти своего сына, чѣмъ его безчестья, а вы мой добрый отецъ, и пойти въ солдаты для меня безчестье. Ваши слова сдѣлали меня сильнымъ и счастливымъ. Благословите меня, и я спокойно уйду.

— Не проси моего благословія, Роанъ, — отвѣчалъ учитель вздрогнувъ:—я не достоинъ благословлять другихъ. Ты самъ призналъ бы это, еслибъ ты зналъ все.

Роанъ тихо опустился на колѣни и, смотря прямо въ лицо учителю, промолвилъ:

— Благослови меня, отецъ. Ты единственный добрый человѣкъ, котораго я знаю, и говорятъ, что ты нѣкогда былъ патеромъ. Твои слова, твоя любовь сдѣлали меня тѣмъ, чѣмъ я теперь, а твое благословіе придастъ мнѣ новыя силы для борьбы. Ты сказалъ, что я правъ, и, что Богъ меня помилуетъ. Благослови меня и предоставь Господу мою дальнѣйшую судьбу.

Учитель Арфоль поднялъ глаза къ небу и набожно благословилъ колѣнопреклоненнаго юношу.

XVII.

Въ бурную ночь.

Привычные глаза Роана Гвенферна его не обманули. Къ концу дня разразилась буря.

Разставшись съ учителемъ Арфолемъ, который отправился на сосѣднія фермы, Роанъ пошелъ вдоль края утесовъ. Путь его шелъ чрезъ верескъ, который мѣстами достигалъ человѣческаго роста, а кое-гдѣ онъ долженъ былъ ползти начетверенькахъ, чтобъ найти слѣды тропинки. Чѣмъ дальше онъ шелъ, тѣмъ пустыннѣе становилась мѣстность. До самаго полуострова Крестнаго Мыса онъ не встрѣтилъ ни одного человѣческаго существа.

Теперь выраженіе лица молодого человѣка было довольно спокойное. Онъ уже не походилъ на затравленнаго звѣря, и вся его фигура дышала печальнымъ, но твердымъ самообладаніемъ; видя у своихъ ногъ морскія волны, надъ головой кружившіяся въ воздухѣ стаи чаекъ, а вокругъ себя козъ, тихо, безбоязненно дававшихъ ему дорогу, онъ чувствовалъ, что находился наединѣ съ природой, которую всегда любилъ, но которая ему казалась дороже, чѣмъ когда либо, съ тѣхъ поръ, какъ онъ одинъ вступилъ въ борьбу со всѣмъ свѣтомъ.

Онъ возсталъ противъ того роковаго призрака, за которымъ безмолвно слѣдовалъ весь міръ. вмѣсто того, чтобъ сдѣлаться рабомъ и по приказанію убивать своихъ ближнихъ, онъ могъ свободно жить и двигаться, какъ ему было угодно, а въ крайности умереть по своей доброй волѣ. Ни одна морская птица, ни одинъ тюлень не были свободнѣе его. Его сердце билось въ унисонъ съ пульсомъ земли.

Вода на безпредѣльномъ пространствѣ весело сверкала и наполняла воздухъ своимъ мелодичнымъ плескомъ; свѣжій воздухъ окружалъ его, и онъ со счастьемъ упивался имъ, чувствуя, что его силы быстро умножаются. Сознаніе, что онъ человѣкъ, одушевляло его, и онъ считалъ блаженствомъ, что природа принимала его въ свои объятія наравнѣ со всѣми своими созданіями, которыя возстаютъ противъ жестокости людей. Прежде онъ былъ слабъ и ощущалъ страхъ, но теперь, получивъ благословеніе добраго человѣка, онъ вернулся къ природѣ счастливый, могучій своей рѣшимостью.

Хоть временно, но онъ былъ счастливъ, потому что преслѣдованія возбуждаютъ въ человѣческомъ сердцѣ невѣдомыя силы, мужество и самодовѣріе. Роанъ всегда считалъ себя выше окружающихъ его сосѣдей, такъ какъ при всѣхъ его хорошихъ качествахъ онъ отличался сильнымъ самолюбіемъ. Онъ не былъ обыкновеннымъ человѣкомъ и не чувствовалъ себя безмолвнымъ рабомъ плуга, или меча. Теперь, когда онъ возсталъ противъ всѣхъ, его самолюбіе достигло болѣзненно-страстнаго развитія. Съ какой-то радостью онъ измѣрялъ громадную силу своихъ враговъ и самодовольно признавалъ, что идетъ одинъ на борьбу съ ними.

Занятый подобными мыслями и чувствами, Роанъ шелъ миль за милей въ полномъ забвеніи о разлукѣ съ матерью и Марселлой; но когда день сталъ склоняться къ вечеру, небо заволокло тучами и пошелъ унылый дождь, то онъ снова сталъ сознавать свое одиночество.

Онъ теперь находился почти на крайней оконечности полуострова Крестоваго Мыса. Вокругъ него было сплошное безлюдье и запустѣніе. Дождь все усиливался. Громадные морскіе валы разбивались объ утесы съ оглушительнымъ трескомъ.

Роанъ сѣлъ на выдающійся камень и вынулъ изъ-за пазухи кусокъ чернаго хлѣба, а за недостаткомъ воды поставилъ ладонь подъ дождь и напился его каплями. Все это для него не было новостью. Сотни разъ онъ такъ утолялъ свой голодъ и жажду для удовольствія, а теперь впервые дѣлалъ это по необходимости. Однако никогда одиночество не казалось ему столь желаннымъ, какъ теперь.

Сидя одинъ на скалѣ, вдали отъ людей, онъ составилъ свой планъ дѣйствія, и когда онъ поднялся съ мѣста, то этотъ планъ былъ уже совершенно готовъ во всѣхъ мелочахъ. Онъ направилъ свои шаги на востокъ къ своему родному селенію.

Съ наступленіемъ ночи буря разыгралась; вѣтеръ дико завывалъ, а дождь хлесталъ въ глаза бѣдному юношѣ, и онъ повременамъ прятался за высокіе камни, возвышавшіеся тамъ и сямъ на пустынной равнинѣ, а потомъ снова продолжалъ свой путь среди разсвирѣпѣвшихъ стихій. Небо и море словно соединились въ роковой бурѣ, и горе было путнику, котораго она застала на берегу. Но Роанъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ, всю окрестную страну и, не смотря на окружавшій его мракъ, инстинктивно находилъ дорогу и быстро бѣжалъ противъ вѣтра и дождя, весь мокрый, босой, съ обнаженной головой и въ лохмотьяхъ вмѣсто одежды.

Неожиданно онъ остановился; на самомъ краю моря блеснулъ красноватый огонь и освѣтилъ всю мѣстность. Въ первую минуту суевѣрный страхъ овладѣлъ имъ, и онъ попятился. Свѣтъ дрожалъ словно на маякѣ.

Черезъ минуту Роанъ ясно различилъ громадный огонь, разведенный на скалѣ, и поспѣшилъ къ нему, а на близкомъ отъ него разстояніи онъ опустился на землю и продолжалъ двигаться ползкомъ, такъ какъ вокругъ огня виднѣлось около дюжины человѣческихъ фигуръ. Снова имъ овладѣлъ страхъ, но уже не суевѣрный и, приблизившись къ огню, онъ сталъ изъ-за находившагося тутъ большого камня разглядывать представившуюся ему странную сцену.

На самомъ краю скалы стояла высокая желѣзная клѣтка, привязанная веревками къ камнямъ; въ ней ярко горѣли полѣнья и валежникъ. Вокругъ прыгали, стояли и сидѣли восемь мужчинъ и три женщины.

— Пенрокцамъ сегодня не везеть,—произнесъ одинъ голосъ:—слишкомъ темно, чтобъ видѣть съ моря нашъ огонь.

— На все воля св. Лока,—отвѣчала старуха, грѣвшая у огня свои костлявыя руки:—если онъ захочетъ, то пошлетъ намъ удачу.

Роанъ вадрогнулъ. Онъ теперь зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Это были рыбаки изъ селенья Пенрокъ, которые, не смотря на всю строгость закона, существовали грабежомъ; они привлекали ложнымъ маячнымъ свѣтомъ корабли на подводные камни и во мракѣ грабили несчастныхъ жертвъ кораблекрушенія. Они ставили себя подъ защиту св. Лока, который, согласно народной легендѣ, подвергалъ гибели суда нечестивыхъ язычниковъ въ выше вѣка христіанства.

Нѣсколько минутъ Роанъ колебался, какъ ему поступить. Съ одной стороны онъ ненавидѣлъ этихъ злодѣевъ, а съ другой онъ самъ находился бы въ большой опасности, еслибъ они его увидали. Наконецъ онъ рѣшилъ сыграть роль призрака и разогнать презрѣнныхъ кораблекрушителей.

— Св. Локъ, св. Локъ, пошли намъ корабликъ!—начала причитывать на распѣвъ старуха.

— Не кричи такъ громко,—воскликнулъ одинъ изъ мужчинъ:—ты воскресишь мертвыхъ. Лучше выпей.

И онъ протянулъ ей бутылку, но не успѣла она прильнуть губами къ горлышку, какъ въ воздухѣ раздался дикій, пронзительный крикъ. Всѣ мужчины и женщины замерли.

— Смотрите,—произнесъ старый рыбакъ, указывая на возвышавшійся неподалеку высокій друидскій камень:—это чортъ! это чортъ!

Дѣйствительно на камнѣ виднѣлась какая-то громадная чудовищная фигура, махавшая руками и оглашавшая воздухъ не чловѣческимъ крикомъ.

— Это св. Локъ! Это чортъ!—завопили уstraшенные карабле-крушители, исчезая въ окружающемъ мракѣ.

Черезъ минуту всѣ разбѣжались, и Роанъ съ дикимъ смѣхомъ слѣзъ съ камня, на который онъ взобрался съ опасностью жизни, такъ какъ вѣтеръ могъ его сдуть въ морскую пучину. Онъ теперь бросился на желѣзную клѣтку, отвязалъ ее и, напягая всѣ свои силы, столкнулъ въ море. На одно мгновеніе разъяренныя волны ярко освѣтились, а потомъ снова воцарился мракъ.

Ослѣпленный огнемъ, Роанъ теперь ничего не видѣлъ въ темнотѣ и, закрывъ глаза, бросился на землю. Черезъ нѣсколько минутъ онъ всталъ; снова его взглядъ, привыкшій къ темнотѣ, сталъ различать окружающіе предметы, и онъ продолжалъ свой путь.

XVIII.

Молитва двухъ женщинъ.

За бросаньемъ жеребьевъ слѣдовало медицинское освидѣтельство рекрутовъ, и судьба ихъ была рѣшена.

Докторскій осмотръ далъ блестящій результатъ относительно Гильда Дерваля, и онъ, постоянно пьяный, велъ себя теперь съ военнымъ азартомъ стараго ветерана. Судьба уважила его желаніе, и Хоель также оказался рекрутомъ. Онъ вынулъ двадцать седьмой номеръ, но двое изъ рекрутовъ были признаны неспособными къ военной службѣ, и онъ замѣнилъ втораго изъ нихъ. Капралъ былъ внѣ себя отъ восторга, близнецы обнаруживали напускной энтузіазмъ, а ихъ мать плакала въ отчаяніи; черезъ нѣсколько дней они должны были уже отправиться на службу.

Между тѣмъ по всей окрестной странѣ производились энергичные поиски исчезнувшаго Роана Гвенферна. Этимъ дѣломъ занимались жандармы изъ Сень-Гурло, подъ начальствомъ стараго сержанта Жака Пиприака, и имъ помогали, на сколько могли, сами рекрута. Но всѣ ихъ усилія были тщетны, и Роана никакъ не могли отыскать.

— Чортъ возьми, — воскликнулъ Пиприакъ, обращаясь къ его матери послѣ четвертаго, или пятаго обыска ея хижины:—ты его спрятала. Подай его намъ.

И жандармы начали снова пронзать штыками матрасы и разламывать шкапы и комоды, въ которыхъ не могла скрыться и собака.

— О сержантъ Пиприакъ! — говорила, всхлипывая, вдова Гвенфернъ: — я никогда не думала, что вы будете такъ жестоки къ сыну моего бѣднаго мужа.

Старый сержантъ былъ большимъ другомъ отца Роана и, крутя свои усы, онъ добродушно произнесъ:

— Глупая женщина, ты должна быть рада, что я веду это дѣло, а не другой. Укажи мнѣ, гдѣ скрывается твой глупый сыниска, и я клянусь тебѣ всѣми святыми, что его простятъ, и что онъ сдѣлается храбрымъ солдатомъ императора.

— Я уже вамъ не разъ говорила, что его здѣсь нѣтъ, — отвѣчала несчастная мать, пока жандармы заглядывали въ котель и въ самыя невозможныя мѣста, надѣясь розыскать дезертира:—я не знаю, гдѣ онъ. Можетъ быть, онъ нашелъ корабль и отправился въ Англiю.

— Это сдѣлать не легко, — отвѣчалъ сержантъ:—и къ тому же какъ онъ ни глупъ, но добровольно не отдастся въ руки лютыхъ звѣрей англичанъ. Нѣтъ, онъ здѣсь. Я это чую, какъ собака зайца. Чортъ возьми! Горько подумать, что сынъ моего друга — трусь.

— Онъ не трусь, — сказала вдова, и на ея блѣдныхъ щекахъ появился румянецъ.

— Такъ зачѣмъ онъ не хочетъ воевать? Зачѣмъ онъ убѣжалъ и скрывается?

— Мой Роанъ не трусь, — повторила его мать, — но онъ не хочетъ быть солдатомъ.

— Я бы ему задалъ за это встрепку еслибъ онъ былъ здѣсь, — воскликнулъ съ негодованiемъ старый солдатъ:—ему слѣдовало бы взять примѣръ съ своего дяди и двоюродныхъ братьевъ. Вотъ такъ люди! Ну, ребята, маршъ! — прибавилъ онъ, обращаясь къ жандармамъ:—птица улетѣла отсюда.

Въ дверяхъ онъ остановился и крикнулъ:

— Прощай, тетка, но помни, что мы еще придемъ. Мы исполняемъ приказанiе императора, а не свой капризь. Послушайся моего совѣта и уговори Роана явиться на службу; черезъ нѣсколько дней будетъ уже поздно. Ну, маршъ!

Жандармы удалились, и вдова осталась одна въ своемъ одинокомъ жилищѣ. Она присѣла къ огню и погрузилась въ тяжелую думу. Это была женщина большого роста, съ блѣднымъ, испытанымъ лицомъ и сѣдыми волосами. Сводная сестра Маргариты Моръ, вышедшей замужъ за брата капрала Дерваля, она вела тихую, уединенную жизнь.

ненную жизнь и рѣдко видалась съ сестрой и ея семействомъ. Всѣ считали ее меланхоличнымъ, необщительнымъ созданиемъ, а въ сущности она была всецѣло поглощена любовью къ своему единственному сыну.

Говоря сержанту, что она не знаетъ, гдѣ Роанъ, вдова Гвенфернъ сказала правду. Она не видала его уже нѣсколько дней и надѣялась, что онъ нашелъ себѣ безопасное убѣжище гдѣ нибудь далеко, такъ какъ ей не было извѣстно, что вся окрестная страна полна западнями для дезертировъ, и что было очень трудно избѣгнуть преслѣдованія. Съ самаго начала она сожалѣла, что Роанъ возсталъ противъ властей. Всѣ считали его трусомъ, даже ближайшіе родственники громко высказывались противъ него, и ежедневно до нея доходили самые роковые слухи. Никто не вѣрилъ, что ея сынъ могъ долго скрываться, и всѣмъ было извѣстно, что когда его поймають, то немедленно разстрѣляютъ, какъ собаку. По ея мнѣнію, было бы гораздо лучше, еслибъ онъ сразу покорился судьбѣ, возложивъ надежду на Бога. Многіе уходили въ солдаты и возвращались домой; примѣромъ тому былъ дядя Евенъ.

Думая обо всемъ этомъ, бѣдная женщина грустно сидѣла у огня и прислушивалась къ завыванію вѣтра, къ стуку дождя. Подлѣ нея лежала коза Янедикъ, любимица ея сына и теперь одна раздѣлявшая одиночество вдовы.

Комната, въ которой происходила эта печальная сцена, была маленькая, съ грубымъ, деревяннымъ столомъ и такими же стульями. Полъ былъ земляной, а вмѣсто потолка торчали почернѣвшія балки. На стѣнахъ висѣли сѣти, крюкъ птицелова и т. д.; надъ очагомъ красовалась литографія, изображавшая моряковъ, спасавшихся на плоту отъ кораблекрушенія, и шедшаго на ихъ встрѣчу обнаженнаго младенца съ вѣнчикомъ на головѣ.

День былъ холодный, и море печально стонало, какъ всегда бываетъ передъ бурей.

Неожиданно Янедикъ поднялась на ноги и наострила уши. По своему удивительному чутью она годилась въ сторожевыя собаки, и ей мѣшало исполнять эти обязанности только то обстоятельство, что она не умѣла лаять.

И теперь она была права; кто-то подходилъ къ дому, и черезъ минуту послышался скрипъ двери.

Сначала вдова не обратила на это вниманія, такъ какъ сосѣди часто посѣщали ее, но когда Янедикъ снова опустилась на полъ съ довольнымъ видомъ, точно пришелъ кто нибудь свой, она обернулась и увидѣла вошедшую въ комнату Марселлу, которая сняла мокрый отъ дождя черный плащъ.

Со времени памятнаго дня бросанія жеребьевъ мать Роана не видала своей племянницы, и теперь она поблѣднѣла, сердце ея сжалось, и она молча обратила глаза на огонь.

— Это я, тетя Лоиза,—сказала молодая дѣвушка нѣжно.

Вдова ничего не отвѣчала, она была очень сердита на всю семью Дерваль, а въ особенности на Марселлу, которая вынула роковой для Роана жребій.

— Я не могла выносить мысли, что ты, тетя, всегда одна дома,—продолжала она:—и хотя противъ желанія дяди, я, всетаки, пришла къ тебѣ. Ужасно видѣть весь свѣтъ противъ своего сына.

— А еще ужаснѣе,—промолвила вдова, не смотря на свою племянницу:—когда тебя всего болѣе ненавидятъ близкіе родственники. Проклять тотъ день, когда моя сестра Маргарита вышла замужъ за Дерваля; всѣ вы въ вашей семьѣ одинаковы, но хуже всѣхъ Евенъ. Когда нибудь ты выйдешь замужъ и тогда, понявъ мои теперешнія страданія, пожалѣешь меня.

— Вы не справедливы ко мнѣ, тетя Лоиза,—сказала Марселла, садясь рядомъ со вдовой, которую отъ этого замѣтно покоробило:—я и теперь сожалью васъ, Богъ видитъ, какъ я васъ сожалью. Дядя Евенъ также сожальетъ васъ, и онъ такъ недоволенъ, такъ печаленъ, что почти ничего не ѣсть. Вашъ домъ не мрачнѣе нашего; братья уходятъ въ солдаты, и мама плачетъ съ утра до ночи.

Обѣ женщины, одна старая, сѣдая, а другая молодая, хорошенькая, сидѣли рядомъ на скамейкѣ, но не смотрѣли другъ на друга, а устремляли свои взгляды на огонь. Янедикъ помѣстилась передъ ними и положила свою морду на колѣни Марселлы.

— Зачѣмъ ты пришла сюда?—спросила вдова послѣ продолжительнаго молчанія.

— А вы не можете догадаться, тетя Лоиза? Я пришла, чтобъ узнать о Роанѣ, находится ли онъ попрежнему въ безопасномъ убѣжищѣ.

— Да, онъ находится въ полной безопасности,—отвѣчала старуха съ саркастическимъ смѣхомъ:—передайте это тѣмъ, которые васъ прислали. Я понимаю, зачѣмъ вы пришли, Марселла Дерваль. Вы хотите узнать отъ меня, гдѣ скрывается мой мальчикъ, и выдать его врагамъ. Но вы слишкомъ глупы, чтобъ разыграть роль предателя, а Господь васъ, всетаки, накажетъ за это низко дѣло.

— Не говорите такъ со мной, ради самого Бога, — произнесла тихо Марселла, схвативъ за обѣ руки старуху.

Что-то въ ея голосѣ поразило вдову, и она быстро обернулась. Глаза молодой дѣвушки были полны слезъ.

— Марселла, что это значитъ? Зачѣмъ ты плачешь?—спросила старуха, смотря на нее съ удивленіемъ, такъ какъ ея племянница не отличалась плаксивостью.

— Ничего, — сказала Марселла, вставая: — вы думаете, что у меня нѣтъ сердца, и вы мнѣ не довѣряете. Поэтому я лучше уйду

чтобъ васъ болѣе не сердить. Но еслибъ вы знали, еслибъ вы только знали...

Она направилась къ двери, но старуха схватила ее за руку.

— Говори, Марселла,—промолвила она.

— Роанъ вамъ ничего не сказалъ, тетя Лоиза,—отвѣчала молодая дѣвушка, смотря ей прямо въ глаза:—впрочемъ, я взяла съ него слово, что онъ будетъ молчать.

— Я ничего не понимаю, — произнесла вдова, но въ сущности она уже все поняла по необыкновенному блеску глазъ Марселлы.

— Я люблю Роана, и онъ просилъ моей руки. Поэтому я не могу слышать, чтобъ вы такъ жестоко отзывались обо мнѣ.

Эти слова не очень удивили вдову, которая уже давно кое-что подозрѣвала, но они показались ей очень странными при такихъ обстоятельствахъ. Она пристально посмотрѣла на Марселлу, которая то краснѣла, то блѣднѣла. Наконецъ она сказала болѣе мягкимъ тономъ, чѣмъ прежде:

— Садись, Марселла, но если ты его любишь, то какъ же ты принесла ему несчастье?

— Я сама этого не понимаю,—воскликнула молодая дѣвушка:—я такъ молилась, чтобъ ему попался хорошій номеръ. А вынула я жребій по его же просьбѣ. Онъ не явился, и дядя Евенъ объяснилъ его неявку болѣзнию, чтобъ власти не разсердились на него. И теперь еще, тетя Лоиза, можно все устроить. Дядя Евенъ пользуется большимъ вліяніемъ, и Роана простили бы, еслибъ онъ только явился. Хоель и Гильдъ оба идутъ въ солдаты, и онъ былъ бы не одинъ, а мы съ вами, тетя Лоиза, молились бы о немъ день и ночь. Ахъ, еслибъ онъ только образумился!

Обѣ женщины теперь держали другъ друга за руки и тихо плакали.

— Это невозможно,—промолвила вдова сквозь слезы.

— Еслибъ я только могла его видѣть, — воскликнула Марселла:—я уговорила бы его, хотя онъ очень упрямъ. Боже мой, какъ тяжело слышать отовсюду, что нашъ Роанъ трусъ.

— Онъ нисколько не трусъ, Марселла.

— Я знаю, что онъ храбрѣе всѣхъ храбрецовъ, но онъ теперь такъ странно ведетъ себя. Когда императоръ требуетъ его на службу, онъ скрывается. Что я могу отвѣтить всѣмъ, которые обвиняютъ его въ трусости?!

— Онъ такой самовольный, а учитель Арфоль набилъ его голову странными мыслями.

— Да, да, во всемъ виноватъ учитель Арфоль. Онъ нечестивый человѣкъ, онъ врагъ императору и Богу.

Мало-по-малу сердце вдовы совершенно растаяло относительно Марселлы, и онѣ обѣ долго разговаривали, вѣжно осуждая Роана

за его безумное ослушаніе императору и несчастное пристрастьѣ къ сумасшедшему учителю.

— Ты добрая дѣвушка, — сказала наконецъ старуха, глядя ее по рукѣ: — и я не желала бы дочери лучше тебя. Ты не виновата, что Роанъ прежде объяснился съ тобой, чѣмъ сказалъ мнѣ о своихъ намѣреніяхъ, но мужчины часто дѣлаютъ глупости ради молодыхъ дѣвушекъ, а Роанъ не умнѣе другихъ. Бѣдный мальчикъ! Помоги ему, Господь!

И она снова горько зарыдала, а Марселла стала тихо, нѣжно ее утѣшать. Черезъ нѣсколько минутъ онѣ обѣ опустились на колѣни, и ихъ сердца соединились въ пламенной молитвѣ къ Богу о томъ, чтобъ Онъ образумилъ любимаго ими человѣка, побудилъ его исполнить свой долгъ и возвратилъ бы его послѣ войны здоровымъ, невредимымъ.

XIX.

На берегу.

Выйдя изъ хижины вдовы, Марселла отерла свои заплаканные глаза и быстрыми шагами направилась къ селенію. Дождь и вѣтеръ не стихали, а море волновалось, какъ передъ бурей. Рыбаки втащили свои лодки на безопасныя мѣста и унесли сѣти въ свои жилища; лишь нѣсколько коренастыхъ стариковъ въ синихъ фуфайкахъ и въ ночныхъ колпакахъ, сидя передъ своими домами, курили трубки и подозрительно посматривали на море.

Вмѣсто того, чтобъ повернуть въ главную улицу, Марселла пошла въ такъ называемое нижнее селеніе, гдѣ жили самые бѣдные рыбаки, которые довольствовались вмѣсто хижинъ шалашами, состоявшими изъ перевернутыхъ дномъ къверху лодокъ съ желѣзными трубами для дыма. Среди этихъ болѣе чѣмъ скромныхъ жилищъ возвышался одинъ небольшой каменный домикъ, съ новой соломенной крышей; въ дверяхъ его сидѣла на старинномъ креслѣ молодая дѣвушка и сучила шерсть, напѣвая въ полголоса бретонскія пѣсни.

— Здравствуй, Женевьева, — сказала Марселла, подходя къ ней и привѣтливо улыбаясь: — какъ здоровье тетки Горонъ?

— Здравствуй, Марселла, — отвѣчала молодая дѣвушка: — мама помолодѣла на десять лѣтъ; она поетъ съ утра до ночи и все молится за императора, который не взялъ ея сына.

Блѣдныя щеки Женевьевы покрылись легкимъ румянцемъ и, смотря на нее въ эту минуту, каждый юноша въ Кромлэ сказалъ бы съ еще большимъ азартомъ, чѣмъ когда либо: «Вотъ съ такой дѣвушкой я проплясалъ бы съ удовольствіемъ всю ночь». Она была родомъ изъ Бреста и двухъ лѣтъ потеряла своихъ родителей, а

тетка Горонъ, ихъ дальняя родственница, взяла ребенка на свое попеченіе и привезла его изъ Бреста, гдѣ она хлопотала о пенсіи, оставшейся послѣ мужа, Жака Горона, который служилъ матросомъ и умеръ въ больницѣ. Съ тѣхъ поръ добрая женщина воспитывала ребенка, какъ дочь, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Яномъ.

— Что новаго?—спросила Женевьева.

— Ничего, тетя Лоиза не знаетъ, гдѣ онъ. Онъ не приходилъ домой уже нѣсколько ночей, и она очень беспокоится.

— Это очень странно.

— Онъ просто сошелъ съ ума съ отчаянія; я иногда боюсь, не бросился ли онъ въ море. Ахъ! еслибъ я могла только его увидать и поговорить съ нимъ.

Ни одна изъ молодыхъ дѣвушекъ не упоминала имени Роана, но онѣ понимали другъ друга, такъ какъ между ними не было никакихъ тайнъ.

— Гильдъ уходитъ въ солдаты?—спросила Женевьева.

— Да и Хоель.

— Но у твоей матери остаются Алень и Яникъ, уже не говоря о тебѣ и дядѣ Евенѣ. Страшно только старухѣ остаться одной безъ всякой поддержки, и еслибъ императоръ взялъ Яна, то мама умерла бы съ горя.

— Но тетя Лоиза желала бы, чтобъ онъ явился и пошелъ на военную службу.

— Это дѣло другое. Къ тому же она женщина мужественная, а вотъ еслибъ онъ былъ мой сынъ, и мнѣ пришлось бы отдать его въ солдаты, то я просто сошла бы съ ума.

— А еслибъ у меня былъ сынъ и оказался бы трусомъ, то я перестала бы его любить. Подумай только, что случилось бы съ добрымъ императоромъ, еслибъ всѣ его дѣти, для которыхъ онъ сдѣлалъ столько, отказались всѣ отъ военной службы? Его убили бы, а Франція погибла бы. Еслибъ Роанъ былъ въ своемъ умѣ, то, конечно, не скрывался бы.

— А, можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ труситъ,—замѣтила со вздохомъ Женевьева:—тутъ нѣтъ ничего удивительнаго.

— Еслибъ я только думала, что онъ трусъ, то я его возненавидѣла бы и умерла бы отъ стыда, — воскликнула Марселла, заскрежетавъ зубами:—человѣкъ, не имѣющій храбрости, то же, что рыба, которая обращается въ бѣгство при малѣйшемъ плескѣ воды. Нѣтъ, онъ храбрѣе всѣхъ. Знаешь, что я думаю? Не сглазилъ ли его учитель Арфоль?

— Но учитель Арфоль добрый человѣкъ,—замѣтила Женевьева.

— Я не раздѣляю этого мнѣнія; онъ когда-то былъ патеромъ, а теперь ни одинъ служитель алтаря не хочетъ его знать, кромѣ отца Ролана, который другъ со всѣми. Мнѣ серьезно говорили въ

Сень-Гурло, что у него дурной глазъ. Онъ также лечитъ какими-то чарами людей и скотину. А это чистое колдовство.

— Я не вѣрю этому, — сказала, крестясь, Женевьева: — и ты не говори мамѣ ни слова противъ учителя Арфоля. Онъ когда-то оказалъ ей большую услугу, и она считаетъ его святымъ.

Марселла вспыхнула и хотѣла продолжать свои нападки на учителя, но въ эту минуту подошелъ къ нимъ Янъ Горонъ.

— Здравствуй, Янъ, — сказала Марселла.

— Я принесъ новость, — отвѣчалъ онъ тихимъ голосомъ и озираясь по сторонамъ: — онъ недалеко отсюда.

Марселла едва не вскрикнула, но Янъ взявъ ее за руку и поспѣшно сказалъ:

— Тихе, пойдемъ въ хижину.

Когда они всѣ трое очутились передъ огнемъ, у котораго грѣлась старуха Горонъ, Янъ продолжалъ:

— Роана видѣли вчера въ Плуболѣ и его едва не схватили. Онъ нанесъ сильные удары жандармамъ, и это еще болѣе испортило его дѣло.

— Боже мой, онъ погибъ, — воскликнула Марселла, ломая себѣ руки, — онъ совсѣмъ рехнулся.

— А вы видѣли объявленія? — спросилъ Горонъ: — они наклеены въ разныхъ мѣстахъ, даже на вашемъ домѣ. Въ нихъ запрещается давать приютъ и пищу дезертирамъ подъ угрозой смертной казни и въ нихъ говорится, что всякій рекрутъ, не явившійся на службу, будетъ разстрѣлянъ, какъ собака. Бѣдный Роанъ, теперь все кончено для него, и ему не окажутъ милости.

Горонъ былъ очень разстроенъ, такъ какъ онъ былъ единственный человѣкъ, съ которымъ Роанъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. По своему характеру и благородству онъ имѣлъ много общаго съ Роаномъ и, кромѣ того, онъ любилъ Женевьеву, а влюбленные всегда сочувствуютъ другъ другу.

Услыхавъ о выставленныхъ объявленіяхъ насчетъ дезертировъ, Марселла задрожала всѣмъ тѣломъ. А Янъ еще скрылъ отъ нея, что самъ капраль Дерваль при жандармѣ Пиприакѣ и своихъ племянникахъ собственноручно наклеилъ одно изъ этихъ объявленій на своемъ домѣ.

Марселла не была трусливаго десятка, и въ ея жилахъ текла воинственная кровь. Но теперь въ глазахъ ея помутилось, и она едва стояла на ногахъ. Всѣ ея надежды на счастье были разбиты, и на глазахъ ея показались слезы.

— Полно, Марселла, — сказала шепотомъ Женевьева: — не горюй, можетъ быть, еще все поправится.

Молодая дѣвушка ничего не отвѣчала, а блѣдное лице ея выражало мрачное отчаяніе.

— Можетъ быть, его и простятъ даже теперь,—произнесъ Янъ:— только бы онъ явился. Вѣдь императоръ нуждается въ солдатахъ.

Марселла молча поцѣловала Женевьеву на обѣ щеки и протянула руку Яну.

— Мнѣ пора идти,—сказала она спокойно:—мама будетъ удивляться, куда я пропала.

Она вышла изъ хижины и поспѣшно отправилась домой черезъ селеніе. Она двигалась машинально, словно во снѣ, а въ душѣ ея происходила буря страшнѣе той, которая подготавливалась на буйвавшемъ вдали морѣ.

XX.

Купель Крови Господней.

Спустя нѣсколько дней послѣ медицинскаго осмотра рекрутовъ, пришелъ приказъ о выступленіи ихъ въ походъ. Имъ предстояло отправиться черезъ Траонили въ Нантъ, а оттуда прямо на Рейнъ.

Опытъ прошедшаго года не образумилъ Наполеона, и онъ возобновили на еще большей ногѣ, чѣмъ прежде, свою борьбу съ судьбой. Потеря пяти сотъ тысячъ людей съ ихъ оружіемъ, амуницией и обозомъ не возбудила въ немъ ни малѣйшаго разочарованія, и ему стоило только махнуть рукой, чтобъ явились новые легіоны. Между тѣмъ, Пруссія и Россія заключили между собой союзъ, и вся Германія возстала. 16-го марта Пруссія объявила войну, и вся германская молодежь спѣшила вступить въ армію, во главѣ которой находился Блюхеръ, ученикъ Фридриха Великаго. Точно этого было мало, и Швеція присоединилась къ лигѣ противъ Наполеона. Французы уже очистили Берлинъ и ретировались на Эльбу.

Какъ бы то ни было, въ Кромлѣ пришло извѣстіе о выступленіи рекрутовъ въ походъ, и въ домѣ Дервала происходила большая суета. Наконецъ, наступилъ канунъ рокового дня. Въ жилищѣ стараго капрала собралось много народа. Тутъ были: сержантъ Пиприакъ, Мишель Гральонъ и нѣсколько другихъ товарищей близнецовъ. Старуха укладывала вещи своихъ сыновей и горько плакала, а Марселла тщетно старалась ее успокоить. Такія сцены происходили въ этотъ вечеръ во многихъ хижинахъ Кромлѣ.

Близнецы сидѣли, мрачно насупивъ брови; на сердцѣ у нихъ было тяжело теперь, когда наступило время идти въ походъ; даже дядя Евень былъ не въ духѣ, потому что онъ зналъ всю подноготную войны и любилъ племянниковъ.

— Вы должны помнить, ребята, — сказалъ онъ, покуривая трубку, — что вы уже солдаты и знаете съ дѣтства всѣ военные

пріемы. Поэтому вамъ не будетъ тяжело, васъ сразу полюбятъ начальники. Еще не забывайте моего совѣта не работать штыкомъ противъ кавалеріи прямо въ упоръ; ударъ со стороны гораздо дѣйствительнѣе.

— Но вѣдь пруссаки и русскіе также знаютъ, какъ владѣть штыкомъ,—замѣтилъ мрачно Гильдъ.

— Впрочемъ, нечего васъ учить, — продолжалъ старый капралъ: — вы сами до всего дойдете подъ первымъ огнемъ. По счастью вамъ не придется долго ждать этого, такъ какъ вы прямо идете на Рейнъ.

— Жаль, что я не иду съ вами,—сказалъ Аленъ съ печальнымъ вздохомъ:—мнѣ всегда не везетъ.

— Полно, полно,—воскликнулъ Хоель:—ты былъ блѣденъ, какъ смерть, вынимая жребій, и былъ готовъ отрѣзать свою правую руку, только чтобъ не попасть въ рекрута.

— Я не зналъ тогда, что вы оба пойдете.

— Не бойся, и твой чередъ придетъ,—сказалъ дядя Евенъ:—и твой также, Яникъ. А вамъ, ребята, я дамъ еще совѣтъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ двумъ старшимъ племянникамъ:—расположите съ самаго начала въ свою пользу вашего капрала и угощайте его виномъ, когда можете, а, напротивъ, не бросайте пустому денегъ на угощенье товарищей.

— Хорошо,—отвѣчалъ Гильдъ, поднимая стаканъ съ виномъ:—за здоровье нашего капрала, кто бы онъ ни былъ.

— Я самъ выбралъ для васъ башмаки,—снова произнесъ старый солдатъ:—каждый получить по двѣ пары, но не новые, а мягкіе и самой лучшей кожи. Я не разъ видалъ, какъ рекрута хромали, благодаря новой обуви. Вотъ еще надо вамъ сказать, что необходимо покрѣпче притягивать ранцы, а то они ужасно бьютъ по спинѣ.

Дядя Евенъ говорилъ очень тихо, и у него на душѣ было невесело. Вся компанія была не въ ударѣ, а младшіе Дервали смотрѣли на близнецовъ, какъ на агнцевъ, которыхъ вели на закланіе. Только Мишель Гральонъ громко смѣялся, трепалъ рекрутовъ по плечу и чокался съ ними. Но вино не веселило ихъ. Они знали, что наверху мать плачетъ, а Марселла горюетъ, и ясно видѣли, что не только дядя Евенъ, но и сержантъ Пипріакъ сожалѣли о нихъ. Они на другой день должны были выступить на путь славы, но они съ бѣльшимъ удовольствіемъ остались бы дома.

Поздно вечеромъ, когда еще въ кухнѣ продолжалась попойка, Марселла тихо вышла изъ дома. Ночь была темная, и дождь шелъ, но съ небольшими перерывами. Молодая дѣвушка почти бѣгомъ направилась къ церкви, а миновавъ ее, повернула на уединенную тропинку среди вересковой поляны, усыпанной большими камнями.

На разстояніи полуторы мили отъ Кромлэ она остановилась передъ колоссальнымъ гранитнымъ распятіемъ, частью заросшимъ высокой травой, и передъ которымъ съ одной стороны былъ небольшой бассейнъ съ дождевой водой, которая отъ окружавшаго ее краснаго гранита имѣла цвѣтъ какъ бы крови. Этотъ уединенный пустынный бассейнъ былъ извѣстенъ во всей окрестности подъ названіемъ «Купели Крови Господней» и считался священнымъ въ глазахъ поселянъ. Они придавали его водѣ болѣе святости, чѣмъ святой водѣ въ церкви, такъ какъ она ниспадала съ самаго неба. Эта вода имѣла, по общему убѣжденію, чудотворную силу исцѣлять болѣзни и сохранять отъ опасности, даже смерти всякаго, который носилъ на себѣ какой нибудь предметъ, опущенный въ купель, но непременно въ тайнѣ отъ всѣхъ.

Вставъ на колѣни, Марселла вынула изъ кармана двѣ мѣдныя медали съ портретомъ императора и надписью «Аустерлицъ», давнишній подарокъ дяди, произнесла молитву и опустила ихъ въ воду; черезъ минуту она ихъ вынула и набожно спрятала за пазуху.

Все это она сдѣлала въ большомъ волненіи и, перекрестившись, быстро пошла домой.

Но не успѣла она сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ услышала за собой чьи-то шаги. Она обернулась, но въ темнотѣ не могла ничего разобрать. Она перекрестилась и побѣжала. Шаги снова раздались за ней. Она замерла на мѣстѣ. Въ эту минуту луна показалась изъ-за тучъ, и она ясно увидѣла, что какая-то фигура, земная или неземная, преслѣдовала ее.

Менѣе мужественная дѣвушка, чѣмъ Марселла, упала бы въ обморокъ, да и вообще врядъ ли кто нибудь изъ женщинъ Кромлэ рѣшилась бы въ такое глухое, ночное время отправиться къ «Купели Крови Господней». Но она, не смотря на весь свой испугъ, не потеряла головы и только побѣжала еще скорѣе.

Однако шаги слышались все громче и громче за ея спиной; наконецъ, къ нимъ присоединилось и тяжелое дыханіе уставшаго человѣка.

Марселла остановилась и рѣшила встрѣтить лицомъ къ лицу своего невѣдомаго преслѣдователя. Передъ ней стоялъ человѣкъ, блѣдный, какъ призракъ, и прежде, чѣмъ она различила черты его лица, онъ тихо произнесъ ея имя:

— Марселла!

Она тотчасъ узнала по голосу любимаго человѣка, но хотя давно желала этой встрѣчи и даже молила о ней Бога, теперь она отскочила отъ него и не произнесла ни слова. Снова вышла изъ-за тучъ луна и ярко освѣтила странную фигуру Роана. Голова его была обнажена, волосы торчали во всѣ стороны, ноги были босыя, голосъ звучалъ какъ-то дико.

— Марселла! Вы меня не узнали? Это я. Не бойтесь.

— Я теперь не боюсь,—отвѣчала молодая дѣвушка, приходя въ себя,—но вы меня испугали: я думала, что меня преслѣдуетъ призракъ.

— Я былъ тутъ по близости и видѣлъ, какъ вы подошли къ «Купели Крови Господней».

— Вы меня видѣли,—отвѣчала Марселла,—значить, вы нарушили чары.

— Нисколько,—произнесъ Роанъ холодно:—я не зналъ, зачѣмъ вы приходили сюда, и не видалъ, когда вы стояли на колѣняхъ. Но ночь холодная, и вы вся дрожите, идите скорѣе домой.

Онъ говорилъ съ ней какъ будто съ чужой, и голосъ его звучалъ рѣзко, равнодушно. Она промолвила такимъ же тономъ:

— Хоель и Гильдъ отправляются завтра на войну, и вотъ для чего я приходила сюда. Но дома вѣрно удивляются моему долговому отсутствію.

Она сдѣлала шагъ, чтобъ идти далѣе, и онъ не двинулся съ мѣста. Она снова остановилась и посмотрѣла на него.

— Странно, что вы здѣсь; я думала, что вы далеко. Васъ вездѣ ищутъ.

— Я знаю.

— За вашимъ домомъ и за нашимъ зорко слѣдятъ днемъ и ночью. Жандармы съ Пиприакомъ во главѣ присланы въ селеніе изъ Сень-Гурло. На всѣхъ домахъ выставлены объявленія и за вашу поимку назначена награда.

— Я все это знаю.

Онъ продолжалъ сохранять ледяную холодность и смотрѣлъ на нее, точно она была не живое существо, а могила его погибшей любви. Марселла не могла болѣе этого переносить и, сбросивъ съ себя маску равнодушія, кинулась ему на шею.

— Роанъ, Роанъ, зачѣмъ ты такъ говоришь со мною? У меня сердце истерзано. Всѣ противъ тебя.

— А ты?—спросилъ Роанъ, не выпуская ея изъ своихъ рукъ и впервые переходя отъ холоднаго «вы» на жгучее «ты».

— Я!—воскликнула Марселла:—я всегда была на твоей сторонѣ, мой Роанъ. Всѣ говорятъ, что ты трусь, а я утверждаю, что они лгутъ. Всѣ сердиты на меня за то, что я тебя защищаю. Поцѣлуй меня, Роанъ, зачѣмъ ты не хочешь меня поцѣловать?—прибавила она и, прикоснувшись къ его холоднымъ губамъ, продолжала:—я всегда знала, что ты подъ конецъ образумишься. Еще не поздно, пойдемъ со мной. Дядя Евенъ будетъ ходатайствовать за тебя, тебя простятъ, ты завтра выступишь въ походъ вмѣстѣ съ братьями, и все кончится благополучно, слава Богу.

Она смотрѣла на него съ полной увѣренностью въ чарующую силу любви и снова прильнула къ нему своими алыми страстными губами. Ея объятія, ея поцѣлуи жгли его.

— Марселла, Марселла!...—воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ.

— Что Роанъ?

— Развѣ ты меня не понимаешь? Я вернулся не для того, чтобы отдать себя въ руки властей. Этого никогда не будетъ.

— Такъ зачѣмъ же вы вернулись въ Кромлэ?—произнесла Марселла, быстро отскочивъ отъ него.

— Чтобъ видѣть тебя, чтобъ поговорить съ тобой въ послѣдній разъ.

Марселла громко зарыдала и, схвативъ его за обѣ руки, промолвила:

— Пойдемъ со мною! Сдѣлай это ради твоей Марселлы! Не убивай меня, я не могу слышать, когда тебя называютъ трусомъ. Да и пожалѣй себя. Ты не можешь избѣгнуть въ концѣ концовъ самой ужасной судьбы; тебя затравятъ до смерти. Роанъ, мой Роанъ, пойдемъ со мной, и все кончится хорошо.

— Ты хочешь, чтобъ я пошелъ на войну?

— Да, такъ чтожъ? Ты вернешься, какъ дядя Евенъ, и всѣ будутъ прославлять твою храбрость.

— А ты?

— Я буду твоей женой, мой Роанъ, клянусь, что я буду вѣчно тебя любить.

— А если меня убьютъ?

— Тогда я буду любить тебя еще болѣе, никогда не сниму траура по тебѣ и ни за кого не выйду замужъ. Ты умрешь славной смертью на службѣ императора; я буду гордиться тобою, и мы будемъ счастливы на небѣ, когда тамъ соединимся.

Въ ея голосѣ, въ ея словахъ, въ ея поцѣлуяхъ слышалась такая неудержимая страсть, что обыкновенный человѣкъ не устоялъ бы; но Роанъ оставался твердымъ, непоколебимымъ, хотя сердце его лихорадочно стучало, а въ глазахъ его потемнѣло.

— Марселла, это невозможно, я не могу быть солдатомъ.

— Роанъ, Роанъ!

Онъ схватился рукой за сердце, задрожалъ всѣмъ тѣломъ и машинально упалъ на колѣни.

— Я не могу, я не могу!—повторилъ онъ:—я далъ клятву. Прощай.

Она пристально взглянула на него, какъ бы желая прочесть его сокровенныя помышленія. Страшная мысль блеснула въ ея головѣ.

— Роанъ, скажи, ради Бога, встань и скажи, — произнесла она:—неужели всѣ правы, и ты боишься идти въ солдаты?

— Да,—произнесъ онъ, вставая и дико смотря на нее.

— Ты боишься? Значить ты...

— Это правда,—произнесъ онъ съ странной улыбкой:—я не хочу служить Наполеону, я не хочу идти на войну, потому что... ну, потому что я боюсь...

Онъ не объяснилъ, въ чемъ именно заключался овладѣвшій имъ страхъ, и если бы онъ это сдѣлалъ, то она не поняла бы его.

— Знай разъ навсегда,—продолжалъ онъ,—что я не могу быть солдатомъ: это противно моей натурѣ. Можетъ быть, я дѣйствительно трусь. Еслибъ у меня хватило храбрости исполнить твое желаніе, то, конечно, я сдѣлалъ бы это изъ любви къ тебѣ. Ну, прощай. Тебѣ холодно, иди домой.

Сердце ея было окончательно разбито; она любила труса, а въ тѣхъ странахъ, гдѣ физическая храбрость цѣнится выше всего, трусь—то же, что—прокаженный въ древнія времена. Она не сердилась, не упрекала, а горько зарыдала. Если бы она была умнѣе, то догадалась бы, что человѣкъ, называющій себя низкими эпитетами, можетъ быть самымъ безукоризненнымъ героемъ, но она не отличалась большимъ умомъ, а его собственныя слова, подтверждавшія обвиненіе, взведенное на него всѣми родственниками, ставили ее въ безвыходное положеніе.

Почти безсознательно она стала удаляться, но медленными шагами.

— Марселла, ты даже не хочешь протянуть мнѣ руки и проститься со мной!—воскликнулъ Роанъ.

Она остановилась, но не произнесла ни слова.

Онъ схватилъ ее за руку и нѣжно поцѣловалъ на обѣ щеки.

— Прощай, Марселла, — промолвилъ онъ: — ты меня не понимаешь, и я не виню тебя въ этомъ. Но, быть можетъ, Господу будетъ угодно сохранить меня въ живыхъ, и ты современемъ перемѣнишь свое мнѣніе обо мнѣ, но если судьба отвернется отъ меня, то не проклинай твоего Роана. Прощай, прощай!

И, отвернувшись, онъ зарыдалъ.

— Тебя поймаютъ!—воскликнула съ отчаяньемъ Марселла, схвативъ его за плечо:—тебя убьютъ, и это будетъ еще хуже. Куда ты пойдешь? Гдѣ ты скроешься?

— Господь укажетъ мнѣ убѣжище, и я увѣренъ, что меня не найдутъ. Прощай и не забывай меня.

На этотъ разъ онъ дѣйствительно удалился и исчезъ въ темнотѣ.

Спустя часъ послѣ этой странной встрѣчи, Марселла уже была дома и попрежнему утѣшала бѣдную мать. Былъ уже первый часъ ночи, и близнецы спали, такъ какъ имъ приходилось встать на зарѣ. Капраль сидѣлъ у огня и безмолвно курилъ. Онъ не хотѣлъ въ эту ночь ложиться, чтобы во время разбудить рекрутовъ и проводить ихъ до границы селенія.

Между тѣмъ Роанъ Гвенфернъ ходилъ безъ устали среди окружающаго его мрака, словно какой нибудь призракъ. Страшная борьба происходила въ немъ между любовью и сознаніемъ долга. Онъ еще чувствовалъ на своихъ губахъ поцѣлуй Марселлы и

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1894 Г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 6-й.

- Андерсенъ.** Собраніе сочиненій въ 4-хъ томахъ. Переводъ съ датскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Т. I, вып. II. Цѣна по подпискѣ 6 р., съ перес. 8 р.
- „**Артистъ**“, журналъ изящныхъ искусствъ и литературы. № 33. М. 1894 г. Ц. 2 р.
- Ауэрбахъ, Б.** (Моя библиотека, №№ 78 и 79). Шварцвальдскіе деревенскіе рассказы. Т. II. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Барацъ, В. Г.** Берегите глаза новорожденных! Наставленіе родителямъ, какъ предупреждать и умалять опасность гнойнаго воспаленія глазъ у младенцевъ. К. 1894 г. Ц. 15 к.
- Беллинъ, Э. Ф.,** д-ръ. Экспертиза по дѣлу о насильственной смерти Александра Адассонъ въ психіатрич. отд. харьк. губернскаго земск. больницы. Харьковъ. 1894 г. Ц. 50 к.
- Березинъ, Н. И.** Географическія имена, объясненіе ихъ въ связи съ исторіей открытій. Пособіе для учителей географіи. Вып. I. Австралія, Африка, Америка, Азія. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- „**Библиографъ**“. Журналъ историко-литер. и библиографич. 1893 г. Вып. 4—5. К. 1. Лѣтопись литературы и книговѣдѣнія. Ц. 50 к. К. 2. Лѣтопись книгопечатанія. Ц. 25 к.
- Bobristcheff Pouschkine, M.** Cours théorique et pratique de langue française à l'usage de la jeunesse. Сиб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Богдановъ, С. М.** Иллюстрированный сельско-хозяйственный словарь. Энциклопедія сельскаго хозяйства. Вып. XI. Кіевъ. 1893 г. Ц. 85 к.
- Вадинъ, В.** Стихотворенія. 1891—1893 г. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вахтинъ, В. В.** Объяснительный морской словарь. Вып. 4-й. 2-е изд. 1893 г. Ц. 75 к.
- Вейнеръ, А. П.** Консулы въ христіанскихъ государствахъ Европы и Сѣв.-Америк. Соед. Штатахъ. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- фонъ-Винклеръ, П.,** Оружіе. Руководство къ исторіи, описанію и изображенію ручнаго оружія съ древнѣйшихъ временъ до начала XIX вѣка. Съ 422 рис. въ текстѣ. Спб. 1894 г. Ц. 4 р. 50 к.
- Гартигъ, Р.** Болѣзни деревьевъ. Москва. 1894 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Гейнце, Н. Э.** Тайна высокаго дома. Романъ изъ сибирской жизни. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Гильтри, Н.,** проф. Бернскаго универс. Счастье. Популярныя очерки по нравственной философіи. Переводъ съ 4-го нѣмецк. изд. А. Острогорскаго. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Горбуновъ-Посадовъ, И.** Ясная звѣздочка. Вторая книга для чтенія. М. 1894 г. Ц. 40 к.
- Гофманъ, Э. Т. В.** Рассказы. Т. I. (Моя библ., №№ 81 и 82). Спб. 1893 г. Ц. 40 к.
- Григоровичъ, Д.** Рыбаки. Романъ изъ простонароднаго быта. Изд. 9-е. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Гурьевъ, А. Н.** О привиллегіяхъ на изобрѣтенія. Къ реформѣ законодательства. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Дмитровскій, И. В.** Библиографическій указатель къ «Журналу Коннозаводства»

- за 1842—1891 гг. Отдѣлы второй и третій. Сиб. 1893 г. Ц. 3 р.
- Дронинъ, Н. Коля.** Комедія въ 2-хъ д. Сиб. 1893 г. Ц. 80 к.
- Дучинскій, Левъ.** Тяговая шкура. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Ташкентъ. 1893 г. Ц. 70 к.
- Жизнь замѣчательныхъ людей.** (Биографическая бібліотека Павленкова). А. С. Даргомыжскій.—Ф. Лессельсъ. Ц. каждой книжки 25 к.
- Жирновъ, Ив.** Спасибо отцу. Разсказъ. Съ 6-ю рисунк. въ текстѣ. М. 1894 г. Ц. 25 к.
- Законы о векселяхъ и упрощенный порядокъ судопроизводства.** М. 1894 г. Ц. 30 к.
- Замѣтки о современной литературѣ (1856—1862 гг. «Современникъ».)** Изданіе М. Н. Чернышевскаго. Сиб 1894 г. Ц. 2 р.
- Зауэръ, И. Ф.** Сборникъ тарифныхъ постановленій разстояній, принимаемыхъ для расчета провозныхъ платъ по перевозкамъ грузовъ въ поездахъ малой скорости, въ прямомъ сообщ. русск. жел. дорогъ. Сиб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Захарынь, Г. А., проф.** Клиническія лекціи и труды факультетской терапевтической клиники Имп. Моск. ун-в. Выпускъ 3-й. Изд. второе. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Землинскій, В.** Критическіе разборы романа «Отцы и дѣти» И. С. Тургенева. М. 1894 г. Ц. 35 к.
- Критическіе разборы романа «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевскаго. М. 1894 г. Ц. 50 к.
- „Земледѣліе“ . Периодическое изданіе географическаго отдѣленія Имп. Общ. люб. естеств. антроп. и этногр. Кн. 1-я. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Земледѣліе. I.** Почва, ея происхожденіе и свойства. Различные виды почвъ. М. 1894 г. Ц. 15 к.
- Золотаревъ, П. П.** Флора теплицъ, оранжерей, садовъ и огородовъ. Иллюстрированный указатель растений, введенныхъ въ садоводство, съ описаніемъ ихъ признаковъ и культуры. М. 1894 г. Ц. 5 р.
- Иллюстрированный спутникъ въ Іеръ.** Лучшая климатическая станція южной Франціи. Составилъ Ю. В. В. Сиб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Кайгородовъ, Дм.** Второй стѣнной календарь петербургской весны. Сиб. 1894 г. Ц. 20 к.
- Карманные шахматы и шашки.** Ц. 75 к. въ футлярѣ.
- Карманный военный календарь на 1894 г.** Ц. 1 р. 25 к.
- Нитаевъ, Н.** Извлеченіе золота плав-
- стымъ калиемъ въ южной Африкѣ. Сиб. 1894 г. Ц. 3 р.
- Клембовскій, В. Н.** Партизанскія дѣйствія. Сиб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Коменскій, Янъ Амосъ.** Избранныя педагогическія сочиненія. Ч. II. Медкія сочиненія, примыкающія къ Великой Дидактикѣ. Перев. съ нѣмецк. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кондратьевъ, А. И., д-ръ.** Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ. Составлено по порученію главнаго начальника военно-учебныхъ завед. для военныхъ училищъ и кадетскихъ корпусовъ. Сиб. 1894 г. Ц. 60 к., въ переплетѣ 80 к.
- Коршъ, Е. В., и Могиленскій, Е. А.** Рѣшенія гражд. кассац. деп. Правит. Сената по желѣзнодорожнымъ дѣламъ за 1867—1893 гг. Харьковъ. 1894 г. Ц. 2 р.
- Крыжановская, В. И. (Рочестеръ).** Симвъ побѣды! Романъ. Сиб. 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кудашевъ, В. А., князь.** О сбереженіи почвенной влаги, при обработкѣ оземныхъ полей. Докладъ Полтавскому Сельско-Хоз. Об-ву. Изд. 3-е, съ вспр. и дополн. Импер. Моск. Общ. сельскаго хоз., удостоенъ большою серебряною медалю. М. 1894 г. Ц. 80 к.
- Кунинскій, С. К., адъюнктъ Инст. Инж. П.** Сообщ. Основанія графическихъ способовъ расчета мостовъ простыхъ системъ. Съ 11-ю лист. чертеж. и одн. литтажа. въ текстѣ. Сиб. 1893 г. Ц. 1 р. 70 к.
- Ланге, Н. Н.** Психологическія изслѣдованія. Законъ перцепціи, теорія волевого вниманія. Одесса. 1893 г. Ц. 2 р.
- Лимбергъ, А., д-ръ.** Уходъ за зубами и лечение ихъ. Необходимыя свѣдѣнія для страдающихъ зубами, особенно для родителей. Съ 7-ю рис. въ текстѣ. Сиб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Литература земельного кредита.** Библиографическій указатель сочиненій, отдѣльно изданныхъ, и статей, помѣщенныхъ въ поврем. изд. Вып. III. Сиб. 1893 г. Ц. 50 к.
- Лоти, Пьеръ.** Матросъ. Романъ. М. 1894 г.
- Льдовъ, Н. Н.** Саранча. Романъ. Сиб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края.** Т. II. Сказки, анекдоты, легенды, преданія, воспоминанія, пословицы, загадки и проч. Сиб. 1893 г. Ц. 3 р.
- Матеріалы къ познанію фауны и флоры Россійской Имперіи.** Отдѣлъ ботаническій. Вып. II. М. 1893 г. Ц. 3 р.
- Между прочимъ.** Сборникъ разсказовъ разныхъ авторовъ. М. 1894 г. Ц. 80 к.

- Морлей, Джонъ.** Воспитательное значеніе литературы. М. 1894 г. Ц. 10 к.
- Мухинъ, Н. И.,** приватъ-доцентъ. Токсическій спастическій параличъ. Харьковъ. 1894 г. Ц. 2 р.
- Мѣщанинъ во дворянствѣ.** Комедія въ пяти актахъ. Мольера. Перев. В. С. Лихачева (Дешевая Библ. А. С. Суворина, № 247). Ц. 15 к.
- Навроцкій (Н. А. Вроцкій).** Волны жизни. Очерки и рассказы. Сиб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Наше зрѣніе.** Физиологія, гигиена и болѣзни зрѣнія, съ указаніемъ доступныхъ способовъ леченія и средствъ къ возможно долговому сохраненію его. Переводъ съ фр. д-ра И. Е. Зеймеръ. М. 1894 г. Ц. 80 к.
- Невядомскій, Р.,** инж. Расчетъ земляныхъ работъ на косягорахъ. Варшава. 1894 г. Ц. 60 к.
- Нордау, Мансъ.** Вырожденіе. Перев. съ нѣм. В. Генкена. Съ предисл. В. Авсъенко. К. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Объясненіе показателя колебанія температуры и осадковъ въ С.-Петербургѣ.** Сиб. 1894 г. Ц. 80 к.
- Окольскій, А. Фома** Карлейль и англійское общество въ XIX столѣтіи. Варшава. 1893 г. Ц. 1 р.
- Остертагъ, Р.,** профес. Руководство по мясовѣдѣнію. Перев. съ нѣм. Сиб. 1894 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.
- Палибинъ, М. Н.** Систематическій и алфавитный указатели къ своду законовъ Россійской имперіи (со включен. издан. 1893 г.). Сиб. 1894 г. Ц. 60 к.
- Памяти Григорія Андреевича** Ляшина. Біографическій очеркъ. Самара. 1893 г. Ц. 1 р.
- Планъ С.-Петербурга,** составленный по новѣйшимъ официальнымъ источникамъ. Ц. 1 р. Натянутый на полотно, лакированный, съ палками (величина плана 16×18 вершк.). Ц. 2 р.
- Поваренное руководство.** Роспись объѣдовъ на 7 дней. Приложение: Итальянская кухня. Вып. XXII и XXIII. Москва. 1893 г. Ц., кажд. вып. 10 к.
- Покотиловъ, Д.** Исторія восточныхъ монголовъ въ періодъ династіи Минъ. 1368—1634 г. (по китайскимъ источникамъ). Сиб. 1893 г. Ц. 3 р.
- Положеніе о государственномъ квартирномъ налогѣ,** Высочайше утвержденное 14-го мая 1894 г. Сиб. 1893 г. Ц. 50 к.
- Прель, К.** Кресть надъ глетчеромъ. Романъ, переводъ съ франц. Двѣ части. Сиб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Рейбмайръ, А.,** д-ръ. Техника массажа и врачебная гимнастика. Съ 235 рис. въ текстѣ. М. 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Робида, А.** Двадцатое столѣтіе. Электрическая жизнь. Съ рисунками. Сиб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Рубанинъ, Н. А.** Испытаніе доктора Исаака. Старинная быль. Съ 4 рис. въ текстѣ. М. 1894 г. Ц. 25 к.
- Салтыновъ, М. Е. (Н. Щедринъ).** Смерть Пазухина. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Сиб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общ. т. 83, 87, 88 и 89.** Ц. кажд. т. 3 р.
- Свѣчинъ, Ф. А.** Исповѣдь бывшей душевно-больной. Тула. 1893 г. Ц. 50 к.
- Семеновичъ, Ив.** Огрывки изъ греческихъ писателей для письменнаго и устнаго перевода въ V, VI, VII и VIII классахъ гимназій. М. 1894 г. Ц. 1 р. 25 коп.
- Семиколотовъ, Гавр.,** инженеръ. Этюды по геометріи Лобачевского. Теорема Шварца въ геометріи Лобачевского. Ливава. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Сергѣевичъ, А.** Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. Сиб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Сердце человѣческое.** Рассказы. Сиб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Слезкинскій, А.** Бунтъ военныхъ поселенъ въ холеру 1831 г. (По неизданнымъ конфирмаціямъ). Новгородъ. 1894 года. Ц. 1 р.
- Сибирскій дорожникъ.** Изд. 5-е. Томскъ. 1894 г. Ц. 10 к.
- Смирновъ, А. И.,** профес. Эстетика, какъ наука о прекрасномъ въ природѣ и искусствѣ. Казань. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Снегиревъ, В.,** профес. Психологія. Систематическій курсъ чтеній по психологіи. Одобрена уч. комитетомъ при Св. Синодѣ и уч. комит. мин. нар. пр. для фундаментальн. библ. средн. учебн. завед. Х. 1893 г. Ц. 4 р. 50 к.
- Соколовскій, П. Е.** Договоръ товарищества по земскому гражданскому праву. Кіевъ. 1893 г. Ц. 2 р.
- Соловьевъ, Всев.** Злые вихри. Романъ. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сонгинъ, О. О.,** инж.-техн. Сталь, какъ матеріалъ для строительнаго дѣла и машино-строенія. Опытъ систематическаго руководства для пользования сталью. Въ 3 част. Сиб. 1894 г. Ц. 3 р.
- Спасовичъ, В. Д.** Сочиненія. Томы V и VI Сиб. 1894 г. Ц. каждого т. 2 р.
- Станюковичъ, К.** Безшабашный. (Изъ современныхъ нравовъ). М. 1894 года. Ц. 20 к.
- Startchevsky, A.** Guide de conversation franco-russe (Pour servir d'interprète dans les relations des Français avec les Russes). Сиб. 1894 г. Ц. 60 к.

Статистическій сборникъ свѣдѣній по земельному кредиту въ Россіи. Т. III, вып. 1-й. Спб. 1893 г. Ц. 3 р.

Субботинъ, А. П. Поѣздка по кустарнымъ районамъ и кустарныя артели. Спб. 1893 г. Ц. 75 к.

Теодоръ, М.-мъ. Курсъ парижской кройки. Ч. II. Кройка и шитье дамскаго верхняго платья. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Терешневичъ, А. Дядя чернышъ. Рассказъ для дѣтей. М. 1891 г. Ц. 60 к.

Труды географическаго отдѣленія. Вып. I. А. Н. Красновъ. Травяныя степи сѣвернаго полушарія. М. 1894 г. Ц. 2 р.

Тутковскій, П. Юго-западный край. Популярныя естественно-историческія и географическія очерки. Выпускъ 1-й, съ 4 рис. въ текстѣ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

Уваровъ, А. А., гр. Ворсянка или Кардовникъ. Съ тремя рисунками. Спб. 1894 г. Ц. 15 к.

Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи, со включ. рѣшеній гражд. кассац. деп. Прав. Сен. Изд. 4-е, дополн. ко 2-му и 3-му изд. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.

Фрумъ. Указатель путешествій по Россіи. Февраль-мартъ-апрѣль 1894 г. Ц. 60 к.

Фулье, Альфонсъ. Исторія философіи. Переводъ П. Николаева. М. 1894 г. Ц. 3 рубля.

Халютинъ, С. Л. Иоганъ Себастьянъ Бахъ и его значеніе въ музыкѣ. Минскъ, 1894 года. Ц. 40 к.

Харьковскій календарь на 1894 г. Годъ XXII. Въ двухъ книгахъ. Съ прилож. плана гор. Харькова. Ц. за обѣ книги 1 р. 80 к.

Цируль, К., и Касаткинъ, Н. Систематическое руководство по ручному труду.

Начальныя работы изъ дерева. Съ чертежами, рисунками и объяснит. текстомъ. Второе поребот. и дополн. изд. Спб. 1894 г. Ц. 3 р.

Цируль, В. Ю. Ручной трудъ въ общеобразовательной школѣ. Педагогическое значеніе и польза ручного труда, его исторія, современное развитіе и состояніе, практическая постановка литературы. Въ книгѣ 4 портрета и 19 табл. и чертежей. Спб. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Четыре времени года. Весна, лѣто, осень, зима. Сборникъ рассказовъ и стихотвореній. Съ рисунками съ акварелей В. В. Лебедева. М. 1894 г. Ц. 1 р.

* Шахматы № 2. Журналъ, посвященный шахматной игрѣ, выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Вышли №№ 1, 2, 3. Ц. кажд. № 30 к.

Шекспиръ. Шейлокъ (Венеціанскій купецъ). Драма въ 5 дѣйств. К. 1894 г. Ц. 25 к.

Щеголовъ, В. Н. Женщина-телеграфистъ въ Россіи и за границею. Спб. 1894 г. Ц. 60 к.

Щербатовъ, князь. Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность. Томъ IV. Съ двумя картами и гербомъ 1831 года. Спб. 1894 г. Ц. 5 р.

Эльбсъ, К., проф. Аккумуляторы. Общедоступное описаніе ихъ дѣйствія, работоспособности и уходъ за ними. Перев. съ нѣмецк. Съ 4 рисунк. въ текстѣ. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Юргенсъ, Т., профес. медицины въ Тюбингенѣ. Руководство частной патологій и терапіи съ обращеніемъ особеннаго вниманія на лѣченіе для учащихся и врачей. Перев. со 2-го изд. Половина вторая. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

*) Изданія А. С. Суворина.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергѣя Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разсѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЗРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

